This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

P Slav 176.25

Harvard College Library

FROM THE BEQUEST OF

MRS. ANNE E. P. SEVER,

OF BOSTON,

WIDOW OF COL. JAMES WARREN SEVER,

(Class of 1817),

26 Mar.—26 Apr. 1901.

ВѢСТНИКЪ

ЕВРОПЫ

ТРИДЦАТЬ-ШЕСТОЙ ГОДЪ. — ТОМЪ II.

ГОДЪ LXV. — ТОМЪ CCCLXXXII. — 1/14 МАРТА 1901.

ВѢСТНИКЪ
ЕВРОПЫ

ЖУРНАЛЪ

ИСТОРІИ – ПОЛИТИКИ – ЛИТЕРАТУРЫ

ДВѢСТИ-ВОСЬМОЙ ТОМЪ

ТРИДЦАТЬ-ШЕСТОЙ ГОДЪ

ТОМЪ II

РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ“: ГАЛЕРНАЯ, 20.

Главная Контора журнала: Васильевскій Островъ, 5-я линія, № 28.

Экспедиція журнала: Вас. Остр., Академич. переулокъ, № 7.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ

1901

P Slav 176.25

942.49/3

~~Slav 30.2~~

Severfund

3020

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ

ЖУРНАЛЪ

ИСТОРІИ-ПОЛИТИКИ

ЛИТЕРАТУРЫ.

ТРИДЦАТЬ-ШЕСТОЙ ГОДЪ.—КНИГА 3-я.

МАРТЪ, 1901.

ПЕТЕРБУРГЪ.

ИСТОРІЯ, БІОГРАФІЯ, МЕМУАРЫ, ПЕРЕПИСКА, ПУТЕШЕСТВІЯ, ПОЛИТИКА, ФИЛОСОФІЯ, ЛИТЕРАТУРА, ИСКУССТВО.

КНИГА 3-я. — МАРТЪ, 1901.

Стр.

I.—ДВА МѢСЯЦА ОСАДЫ ВЪ ПЕКИНѢ. — Дневникъ: 18 мая—31 іюля ст. ст. 1900 г., съ приложеніемъ „Доклада члена коллегіи иностранныхъ дѣлъ Юань-чана объ уничтоженіи мятежныхъ ихэтуаньцевъ".—Окончаніе.—**П. С. Попова** 5

II.—ЕЩЕ О СТАРОСТИ.—Стих. **А. М. Жемчужникова**. 68

III.—БОРЬБА ЗА ЕДИНСТВО ВѢРЫ, въ IV-мъ вѣкѣ.—Церковь и государство въ борьбѣ съ ересью.—**В. И. Герье** 39

IV.—ТРИ ДОРОГИ.—Романъ.—XXXII-XXXIX.—**Н. П. Вагнера**. 75

V.—ТРИ НѢМЕЦКІЯ СТИХОТВОРЕНІЯ ПРЕШЕРНА.—I. Возлюбленная и я.—II. Въ обществѣ.—III. Играла ты.—Перев. **Ѳ. В. Корша** 125

VI.—ПОЭЗІЯ ВЛ. С. СОЛОВЬЕВА.—**С. М. Лукьянова**. 128

VII.—ИЗЪ СОВРЕМЕННЫХЪ ИТАЛЬЯНСКИХЪ ПОЭТОВЪ. — I. Джозуэ Кардуччи.—Перев. **П. О. Морозова** 162

VIII.—ХАРАКТЕРИСТИКА ОБЩЕСТВЕННЫХЪ ДВИЖЕНІЙ ВЪ ЕВРОПѢ XIX-го ВѢКА.—VII-XVI.—Окончаніе.—**Евг. Тарле** 167

IX.—НА ЛАЗУРНОМЪ ЛЕМАНѢ.—Разсказъ.—**Н. Сѣверова** 199

X.—КРУЖОКЪ „КРУГЛОЙ БАШНИ". — 1877-1878 гг. — XII-XV.—Изъ воспоминаній **В. Д. Хрущовой** 249

XI.—СТИХОТВОРЕНІЕ.—По полямъ, лугамъ туманъ стелется.—**В. П. Маркова**. 283

XII.—НОВЫЕ СРУБЫ.—La charpente, par J. Rosny. — Романъ изъ современныхъ нравовъ.—Книга вторая: VIII-IX; книга третья: I-VI.—Окончаніе.—Перев. **О. М.** 285

XIII.—ХРОНИКА.—Ликвидація промышленнаго оживленія. „Россія въ концѣ XIX-го вѣка".—**Вл. Бирюковича**. 320

XIV.—ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.—Покушеніе на жизнь министра народнаго просвѣщенія.—Правительственное сообщеніе о мѣстностяхъ, пострадавшихъ отъ неурожая.—Гласность уголовнаго процесса по проекту новаго устава уголовнаго судопроизводства.—Огражденіе общественнаго порядка и достоинства государственной власти, какъ мотивы къ закрытію дверей засѣданія.—Дискреціонная власть высшей судебной администраціи.—Оглашеніе процессовъ въ печати.—Ограниченія устности процесса. — Разныя мнѣнія о земскихъ начальникахъ 350

XV.—ПО ПОВОДУ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ОТЧЕТНОСТИ.—Замѣтка.—**Л. Буха** . 370

XVI.—ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.—Дипломатія и казни въ Пекинѣ. — Вопросъ объ ассоціаціяхъ во Франціи и парламентскія пренія о законопроектѣ Вальдека-Руссо.—Французскій клерикализмъ и демократія.—Смерть Милана и сербскія дѣла 378

XVII.—ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.—Болгарія и болгары, Н. Овсянаго.—Боснія и Герцеговина, Ал. Харузина. — **А. П.** — Историческія монографіи, т. II, В. Бильбасова.—**Т.**—Сочиненія имп. Екатерины II, на основаніи подлинныхъ рукописей и съ объяснительными примѣчаніями академика А. Н. Пыпина, тт. I-IV.—**Д.**—Новыя книги и брошюры. 394

XVIII.—НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.—I. Le pays natal, par H. Bordeaux.—II. „Ellen von der Wieden", v. G. Reuter. — III. La culture des idées, par R. de Gourmont.—**З. В.** 412

XIX.—ИЗЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ХРОНИКИ. — Сороковая годовщина освобожденія крестьянъ.—Наиболѣе яркіе признаки крестьянской обособленности.—Агрономическій съѣздъ въ Москвѣ. — „Банкротство либерализма". — Извѣтъ въ печати на печать.—Вѣсти изъ мѣстностей, пострадавшихъ отъ неурожая.—В. А. Манассеинъ †. 430

XX.—ИЗВѢЩЕНІЯ.—О пожертвованіяхъ на памятникъ поэту И. С. Никитину . . 444

XXI.—БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ.—Полное собраніе сочиненій А. Н. Майкова, въ 4-хъ томахъ.—Жизнь и труды М. П. Погодина, т. 15-й, Н. Барсукова. — Трудовая помощь въ губ. казан., вятской и симбир., въ 1899 г., отчетъ уполномоченнаго. — С. Булгаковъ, Капитализмъ и земледѣліе. Т. I-II. Спб., 1900. Ц. 5 р. — Сочиненія Кальдерона. Переводъ съ испанскаго К. Д. Бальмонта. Вып. I. Чистилище св. Патрика. М. 900. Ц. 90 к.

XXII.—ОБЪЯВЛЕНІЯ.—I-IV; I-VIII стр.

Подписка на годъ, полугодіе и первую четверть 1901 года.

(См. условія подписки на послѣдней страницѣ обертки.)

ДВА МѢСЯЦА
ОСАДЫ ВЪ ПЕКИНѢ

Дневникъ: 18 мая—31 іюля ст. ст. 1900 г.

Окончаніе *).

2-го іюля.—Изъ цзунъ-ли-я-мыня получено было сообщеніе, въ которомъ иностраннымъ представителямъ, въ видахъ удобства защиты ихъ, предлагается переселиться въ зданіе министерства иностранныхъ дѣлъ, въ ожиданіи дальнѣйшихъ мѣръ къ отправленію иностранцевъ въ Тяньцзинь. Отвѣчено, что посланники чувствуютъ себя въ стѣнахъ посольствъ настолько же въ безопасности, какъ и въ зданіи министерства.

4-го іюля.—Китайцы прекратили стрѣльбу, вѣроятно благодаря вліянію партіи благоразумныхъ, взявшей верхъ, вслѣдствіе, быть можетъ, дошедшихъ слуховъ о взятіи союзниками Тяньцзиня. Насталъ періодъ недѣльнаго затишья, въ теченіе котораго усталые и измученные ночными и денными неусыпными караулами наши храбрые защитники успѣли отдохнуть и собраться съ силами для продолженія неравной борьбы. Отдохнули также и всѣ осажденные, измученные постоянными тревогами и нападеніями [illegible]ъ враговъ.

[illegible]ойманъ одинъ ихэтуанецъ. Пять солдатъ изъ осаждавшаго насъ [illegible] Жунъ-лу добровольно заявились въ германское посольство [illegible]зали, что они имѣютъ кое-что сообщить отъ своего началь-

---

*) См. выше: февр., 517 стр.

ства. На допросѣ, произведенномъ имъ въ англійскомъ посольствѣ, куда они были доставлены съ завязанными глазами, они заявили, что главнокомандующій Жунъ-лу желаетъ прекращенія стрѣльбы и возстановленія мирныхъ отношеній. Пользуясь этимъ, посланники написали Жунъ-лу письмо, въ которомъ объяснили, что ничѣмъ неоправдываемыя, ничѣмъ невызванныя и противныя международному праву нападенія на иностранныя посольства и другія учрежденія были начаты китайцами, что иностранцы стрѣляютъ и возводятъ баррикады исключительно въ видахъ самозащиты, конечно не имѣютъ ничего противъ прекращенія непріязненныхъ дѣйствій и находятъ, что удаленіе китайскихъ солдатъ и ихэтуаньцевъ изъ окрестностей посольствъ и другихъ иностранныхъ учрежденій было бы лучшею для этого мѣрою. При этомъ выражено было желаніе о присылкѣ разумнаго гражданскаго чиновника съ извѣстнымъ положеніемъ для объясненій. Стрѣльба прекращена.

5-го іюля.—Сегодня возвратился изъ Тяньцзиня китаецъ, посланный туда 17-го іюня японскимъ посланникомъ, и сообщилъ слѣдующее. Онъ вышелъ чрезъ восточныя ворота Ци-хуа, направился на Тунъ-чжоу, а оттуда на лодкѣ въ Тяньцзинь, куда прибылъ 22-го іюня, но не могъ войти въ городъ, такъ какъ онъ былъ окруженъ китайскими войсками. Онъ обошелъ кругомъ городскихъ воротъ и напалъ на китайскій отрядъ подъ командою генерала Чжана, расположенный на С. отъ желѣзно-дорожной станціи и бомбардирующій японскій отрядъ, который занималъ позицію на югъ отъ станціи. 26-го іюня генералъ Чжанъ былъ разбитъ, и посланному удалось пробраться чрезъ японскія линіи и передать японскому консулу письмо его посланника. Во время пребыванія въ Тяньцзинѣ ему удалось собрать слѣдующія свѣдѣнія: генералъ Нэ былъ убитъ, тяньцзинскіе и окрестные миссіонеры всѣ отправились домой и Дагускіе форты безъ затрудненій были взяты иностранными войсками 4-го іюня. 1-го іюля союзныя войска, послѣ двухдневной аттаки, овладѣли Тяньцзинемъ. 2-го іюля онъ вышелъ изъ Тяньцзиня въ сопровожденіи японскаго конвоя до второго моста. При этомъ онъ прибавляетъ, что до его прибытія въ Тяньцзинь здѣсь не имѣли никакихъ извѣстій изъ Пекина послѣ 20-хъ чиселъ мая. Изъ отвѣта, принесеннаго этимъ гонцомъ японскому посланнику, мы съ радостью узнали, что смѣшанный отрядъ изъ 24.000 японцевъ, 4.000 русскихъ, 2.000 англичанъ, 1.500 американцевъ, 1.500 французовъ и 300 нѣмцевъ около 7—8 іюля выступилъ на выручку пекинцевъ.

Въ этотъ же день секретарь цзунъ-ли-я-мыня прибылъ въ

англійское посольство и былъ принятъ всѣми иностранными представителями у воротъ посольства на баррикадѣ. Разговоръ касался снабженія осажденныхъ льдомъ, яйцами, фруктами и овощами, а также пересылки телеграммъ иностранными представителями своимъ правительствамъ. Съ своей стороны секретарь выразилъ сожалѣніе своего правительства по поводу дѣйствій ихэтуаньцевъ, которые одни вызвали затрудненія между Китаемъ и иностранными державами. Что за безстыдная и наглая ложь!

6-го іюля.—Хотя перемиріе продолжается, но министры въ весьма вѣжливыхъ выраженіяхъ отказались переслать въ Петербургъ телеграмму нашего посланника, подъ предлогомъ разгара военныхъ дѣйствій въ Тяньцзинѣ. Нашему посланнику, а равно и другимъ, въ странахъ которыхъ есть китайскіе представители, цзунъ-ли-я-мынемъ прислано сообщеніе, при которомъ препровождена копія телеграфнаго посланія богдохана Его Величеству; въ немъ, во имя традиціонной двухсотлѣтней дружбы, онъ проситъ содѣйствія Государя къ разрѣшенію настоящихъ затрудненій. Въ тотъ же день получено письмо князя Цина, адресованное англійскому посланнику, въ которомъ онъ, выражая опасеніе, что правительству трудно будетъ справиться съ ихэтуаньцами, угрожающими во что бы то ни стало сжечь всѣ посольства и будто бы ожидающими значительныхъ подкрѣпленій отъ своихъ собратьевъ изъ Маньчжуріи и Сань-си, совѣтуетъ посланникамъ и всѣмъ другимъ иностранцамъ, подъ надежною охраною китайскихъ отрядовъ Сунъ-цина и Сунъ-Ванъ-линя удалиться на время въ Тяньцзинь и заявляетъ, что правительство слагаетъ съ себя отвѣтственность за могущія произойти несчастія. Затаенная мысль этого предложенія вполнѣ очевидна. Послѣ взятія союзными войсками Дагускихъ укрѣпленій и Тяньцзиня и погрома главныхъ китайскихъ силъ, путь къ Пекину сдѣлался совершенно открытымъ; а такъ какъ главнымъ поводомъ движенія союзниковъ на Пекинъ является спасеніе посланниковъ и другихъ иностранцевъ, осажденныхъ китайскими войсками и ихэтуаньцами, то съ удаленіемъ иностранцевъ изъ Пекина въ Тяньцзинь и движеніе союзниковъ на Пекинъ теряетъ свой смыслъ и дѣлается совершенно излишнимъ.

7-го іюля.—Миръ продолжается. Китайцы начинаютъ ухаживать за посланниками. Имъ прислано изъ Цзунъ-ли-я-мыня отъ имени богдоханши 2 воза арбузовъ и возъ тыквъ, огурцовъ и бадиджановъ, стоимость которыхъ, по моему мнѣнію, должна быть потомъ вычтена изъ суммы вознагражденія за убытки.

На предложеніе князя Цина о выѣздѣ въ Тяньцзинь сэръ

Клодъ отъ имени дипломатическаго корпуса отвѣчалъ, что пребываніе посланниковъ въ Пекинѣ облегчитъ улаженіе дѣлъ къ общему удовольствію, тогда какъ съ выѣздомъ ихъ дружественныя отношенія должны будутъ прерваться и для возстановленія ихъ потребуется не мало времени. Что же касается охраны, то это какъ въ Пекинѣ, такъ и въ пути—одно и то же. Какимъ же образомъ китайское правительство въ состояніи охранять насъ въ пути, а не можетъ защищать въ столицѣ? Ясное дѣло, что все зависитъ отъ желанія.

8-го іюля.—Въ пекинской правительственной газетѣ, которую намъ опять удалось заполучить, за послѣдніе 20 дней помѣщено нѣсколько указовъ, касающихся современныхъ событій. Такъ, въ нумерѣ ея отъ 5-го іюля помѣщенъ указъ о взятіи союзными войсками Дагускихъ укрѣпленій, въ которомъ говорится, что, „несмотря на взятіе этихъ фортовъ, китайское правительство, не желая легкомысленно порвать сношенія съ иностранными державами, неоднократно издавало указы объ охранѣ посольствъ и теперь вмѣняетъ въ обязанность высшимъ и низшимъ провинціальнымъ властямъ, на основаніи договоровъ, оказывать защиту и покровительство всѣмъ безъ исключенія иностранцамъ, живущимъ въ Китаѣ". Вмѣстѣ съ этимъ въ указѣ выражается изумленіе по поводу убіенія у воротъ Юнъ-динъ японскаго чиновника и глубокое сожалѣніе по случаю убійства германскаго посланника предписывается принять всѣ мѣры къ отысканію и наказанію злодѣевъ и представить общій докладъ касательно иностранцевъ, погибшихъ во время смутъ, и пострадавшаго имущества.

Указъ этотъ показываетъ, что взятіе союзниками Дагускихъ укрѣпленій и Тяньцзиня подѣйствовало удручающимъ и въ то же время отрезвляющимъ образомъ на китайское правительство, которое, несмотря на свое крайнее ослѣпленіе, уразумѣло наконецъ, что полчища ихэтуаньцевъ, предводимыя княземъ Чжуаномъ, вице-канцлеромъ Ганъ и генераломъ Инъ-нянемъ и Ланьгуномъ, братомъ Дуань-вана, открыто поставленными имъ во главѣ ихъ, даже въ соединеніи съ правительственными войсками, не въ состояніи спасти его отъ грозной опасности.

Отдѣльными указами, помѣщенными въ той же газетѣ, предписывается образовать бюро шпіоновъ и, въ виду перерыва телеграфа, возстановить прежнюю курьерскую службу, а также возвѣщается о назначеніи Ли-Хунъ-чжана чжилійскимъ генералъ-губернаторомъ и о смерти генерала Нэ, павшаго въ сраженіи подъ Тяньцзинемъ. Въ ней также помѣщенъ подробный докладъ

чжилійскаго генералъ-губернатора Юй-лу о сраженіи въ Сису (недалеко отъ Тяньцзиня) и взятіи, 28-го іюня, арсеналовъ союзными войсками.

Сегодня главный инспекторъ таможенъ сэръ Робертъ Гартъ получилъ изъ цзунъ-ли-я-мыня два письма, изъ коихъ одно съ выраженіемъ удовольствія, что онъ живъ и здоровъ, и изумленія, что домъ и имущество его сожжены!

9-го іюля.—Министры прислали сэру Клоду письмо съ увѣдомленіемъ, что они послали-было ледъ для посланниковъ, но ихэтуаньцы его не пропустили! Трудно повѣрить, чтобы это писали люди государственные.

11-го іюля.—Аттака и стрѣльба въ часъ ночи, продолжавшаяся всего минутъ пять.

Командиръ японскаго дессанта, полковникъ Шиба, передаетъ, что сегодня на японскую баррикаду заявился дунъ-фу-сянскій солдатъ и сообщилъ, что 4-го іюля иностранный отрядъ, будто бы, занялъ Янъ-цунь, торговое мѣстечко въ 30-ти верстахъ отъ Тяньцзиня по дорогѣ въ Пекинъ; 6-го, за Янъ-цунемъ было сраженіе, въ которомъ китайцы были разбиты; что иностранный отрядъ, будто бы, находился въ 40 ли (20 верстъ) на С. отъ Янъ-цуня въ то время, когда 150 раненыхъ дунъ-фу-сянцевъ были отправлены въ Пекинъ.

Изъ того же источника сообщаютъ, что у Хэ-си-у, на полпути отъ Пекина, было большое сраженіе, и китайцы были отброшены. Надобно замѣтить, что за каждое извѣстіе полковникъ Шиба платилъ дунъ-фу-сянцу, кажется, 10 долларовъ; вслѣдствіе этого нѣкоторые полагаютъ, что ловкій солдатъ самъ фабрикуетъ извѣстія съ цѣлью полученія награды. Какъ бы тамъ ни было, но эти извѣстія имѣютъ свою хорошую сторону, поддерживая бодрость духа въ осажденныхъ, въ чемъ они, послѣ мѣсячной осады, очень нуждаются. Ночью удалось отправить курьера въ Тяньцзинь за 200 долларовъ.

12-го іюля.—Изъ цзунъ-ли-я-мыня получено три письма, изъ коихъ въ двухъ посланникамъ предлагаютъ телеграфировать au clair своимъ правительствамъ, что ихъ семейства находятся въ полномъ здравіи и благополучіи, а въ третьемъ снова просятъ о временномъ удаленіи изъ Пекина въ Тяньцзинь, положительно ручаясь за вполнѣ благополучное доставленіе туда водою чрезъ Тунъ-чжоу и просятъ заблаговременно извѣстить министровъ для того, чтобы озаботиться приготовленіемъ необходимаго количества лодокъ и продовольствія; при этомъ они находятъ, что переговоры лучше вести въ Тяньцзинѣ, что охрана посланниковъ и

другихъ иностранцевъ въ Пекинѣ труднѣе благодаря своей продолжительности, чѣмъ охрана въ теченіе трехъ дней, потребныхъ для прибытія въ Тяньцзинь. Спорадическая стрѣльба продолжается ночью.

13-го іюля.—Дунъ-фу-сянецъ, уже извѣстный намъ, сообщилъ полковнику Шиба, что 11-го іюля, въ 10 ч. утра, китайскія войска, подъ командой генерала Чжана, были аттакованы иностранными войсками въ 30 ли на Ю. отъ Хэ-си-у и отброшены къ этому селенію; что 12-го іюля они снова были аттакованы союзными войсками уже въ Хэ-си-у и съ большимъ урономъ отброшены за 10 ли на С. отъ этого мѣстечка.

14-го іюля.—Отдѣльная стрѣльба китайцевъ продолжалась всю ночь. Но эти непріязненныя дѣйствія съ одной стороны нисколько не мѣшали проявленію вѣжливой заботливости—съ другой. Цзунъ-ли-я-мынь, опять-таки отъ имени богдоханши, прислалъ посланникамъ 4 воза арбузовъ, 4 воза тыквъ, бадиджановъ и огурцовъ, 24 куска льду и около 40 пудовъ муки. Лишенные во все время осады всякой зелени, столь необходимой въ Китаѣ въ лѣтніе жары, мы съ удовольствіемъ и безъ боязни приняли эти дары данайцевъ. Получено письмо князя Цина и его товарищей съ милымъ предложеніемъ—въ виду тѣсноты помѣщенія въ посольствахъ, жаркаго времени и возстановленія спокойствія въ столицѣ (!?), выпустить изъ нихъ китайцевъ-христіанъ, которыхъ еще не мало находится въ нихъ, съ тѣмъ, чтобы они спокойно обратились къ своимъ мирнымъ занятіямъ. Хорошее предложеніе лицамъ, лишеннымъ крова, быть можетъ, кровныхъ родныхъ и всего! Это письмо, кажется, не было даже удостоено отвѣта.

15-го іюля.—Отдѣльная и значительная стрѣльба китайцевъ продолжается. Въ теченіе почти полуторамѣсячной осады нѣкоторые изъ нашихъ враговъ достигли въ стрѣльбѣ замѣчательной степени искусства и поразительной мѣткости. Такъ, я самъ былъ свидѣтелемъ, какъ одинъ субъектъ въ глубокую, хотя и лунную ночь, девять разъ кряду угодилъ въ одно и то же мѣсто одного дерева, стоявшаго предъ верандой нашей квартиры.

Не особенно утѣшительныя вѣсти получены изъ Тяньцзиня съ курьеромъ-мальчикомъ 14 лѣтъ, возвратившимся оттуда сегодня въ 4 часа утра. Онъ принесъ письмо англійскаго консула въ Тяньцзинѣ, г. Карлса, отъ 9-го іюля, служащее отвѣтомъ на письмо его посланника отъ 4-го іюля, слѣдующаго содержанія: „24.000 войска высадилось, 19.000 здѣсь. Генералъ Газли ожидается завтра. Русскій отрядъ—въ Бэй-цанѣ [1]). Много войска въ

[1]) Сильно укрѣпленный лагерь китайцевъ верстахъ въ 10 отъ Тяньцзиня.

пути, если только у васъ хватитъ продовольствія". Письмо это крайне изумило всѣхъ насъ своею неопредѣленностью и, вмѣсто надежды и утѣшенія, повергло въ уныніе. Для насъ жизненно важно было знать, хотя приблизительно, когда союзный отрядъ выступаетъ въ Пекинъ—выручать насъ. Много горькихъ упрековъ и насмѣшекъ было отпущено по адресу бѣднаго Карлса, человѣка, въ сущности, весьма неглупаго и опытнаго. Непосредственнымъ результатомъ его письма было приведеніе въ точную извѣстность всѣхъ нашихъ продовольственныхъ запасовъ и уменьшеніе раціоновъ конины и рису на половину. Особенно это было тяжело для нашихъ защитниковъ-матросовъ, несшихъ адскую службу и вынужденныхъ довольствоваться нѣсколько болѣе, чѣмъ полуфунтомъ конины въ день. А дѣлать было нечего. При неизвѣстности времени прибытія союзныхъ войскъ, мы никоимъ образомъ не могли выдавать продовольствіе полностью, котораго тогда едва-ли бы хватило на двѣ недѣли.

Опять письмо князя Цина и его товарищей, въ которомъ эти сановники продолжаютъ рекомендовать иностранцамъ временное удаленіе въ Тяньцзинь, мотивируя это тѣмъ, что скученная жизнь въ стѣнахъ посольствъ въ знойное время можетъ вызвать хандру и уныніе! Для переѣзда до Тунъ-чжоу будутъ приготовлены носилки и телѣжки, а изъ Тунъ-чжоу—лодки съ необходимымъ количествомъ припасовъ. Конвой будетъ состоять изъ войскъ Сунъцина и Вань-Сунъ-линя. Какая заботливость даже о душевномъ нашемъ состояніи! Письмо это, какъ и слѣдовало ожидать, было оставлено безъ отвѣта. Бѣдный Бэй-танъ (католическій соборъ), говорятъ, подвергается аттакѣ со стороны Ли Бинъ-хэна [1]), который прилагаетъ всѣ усилія къ уничтоженію его и славныхъ защитниковъ его.

16-го іюля.—Китаецъ, посланный японцами въ Ма-тоу (40 верстъ отъ Пекина), сообщаетъ, что иностранныя войска трехъ національностей—въ Ань-пинѣ; у китайцевъ недостатокъ въ аммуниціи; лодки съ казеннымъ рисомъ, идущія съ юга,—въ рукахъ иностранной арміи. Солдатъ изъ конвоя Дунъ-фу-сяна сообщаетъ, что иностранныя войска двинулись-было изъ Ань-пина на Ма-тоу—что вовсе недалеко отъ Пекина,—но снова были отброшены китайцами къ Ань-пину. Рабочій китаецъ, посланный кѣмъ-то въ Чанъ-пинъ-чжоу, сообщилъ невѣроятную новость, что, будто

[1]) Одинъ изъ главныхъ виновниковъ настоящаго движенія, бывшій шань-дунскимъ губернаторомъ во время убійства двухъ нѣмецкихъ миссіонеровъ, повлекшаго за собою захватъ Цзяо-чжоу, крайній ретроградъ и заядлый ненавистникъ иностранцевъ.

бы, русская колонна движется чрезъ Монголію къ Калгану, о чемъ онъ, будто бы, слышалъ отъ китайцевъ, бѣжавшихъ изъ Калгана въ виду слуховъ о приближеніи русскаго отряда. А другой рабочій китаецъ, доставившій пекинскую газету, разсказываетъ, что дня два—три тому назадъ Янъ-цунь совершенно уничтоженъ иностранными войсками, которыя неукоснительно двигаются впередъ, что императрица желаетъ, чтобы Дунъ-фу-синъ и Жунъ-лу съ своими войсками проводили ее въ Си-ань-фу, древнюю столицу Китая, но они противятся этому и рекомендуютъ, чтобы Ли-Бинъ-хэнъ помогъ имъ сокрушить насъ.

17-го іюля.—Сегодня г. Гартъ получилъ отъ китайскихъ министровъ письмо, въ которомъ они, сообщая ему, что иностранныя правительства, не имѣя извѣстій отъ своихъ представителей и опасаясь за ихъ судьбу, прибѣгаютъ къ угрозамъ по отношенію къ китайскимъ представителямъ, просятъ его написать au claiг телеграмму о томъ, что иностранцы всѣ живы и здоровы, которую они и помѣстятъ въ газетахъ для общаго успокоенія. На это сэръ Робертъ предполагаетъ отвѣтить, что еслибы онъ написалъ au claiг всю правду о неслыханномъ и ужасномъ положеніи иностранцевъ въ Пекинѣ, то ему никто бы не повѣрилъ, и совѣтовать имъ, въ видахъ облегченія выхода изъ того невозможнаго положенія, въ которое они себя поставили, поторопиться разрѣшеніемъ посланникамъ сноситься съ своими правительствами шифрованными телеграммами.

Передаютъ, что, въ виду скораго приближенія иностранныхъ войскъ, всѣ пекинскія ворота, за исключеніемъ однихъ на западъ и однихъ на востокъ, приготовлены къ закрытію—камни и мѣшки съ землею навалены возлѣ нихъ. Говорятъ также, что аттака на католическій соборъ Бэй-танъ отбита съ громаднымъ урономъ для ихэтуаньцевъ.

Въ теченіе ночи китайцы построили баррикаду на сѣверномъ мосту, доминирующую надъ мостомъ на Посольской улицѣ и дѣлающую проходъ чрезъ нее крайне опаснымъ; мало того, сообщеніе изъ главныхъ воротъ англійскаго посольства съ японцами и французами чрезъ каналъ сдѣлалось невозможнымъ, и пришлось сообщаться чрезъ туннель.

18-го іюля.—Получено письмо отъ князя Цина и другихъ сановниковъ, въ которомъ сообщается, что иностранные представители напрасно безпокоятся за судьбу обращенныхъ христіанъ, въ случаѣ выпуска ихъ изъ стѣнъ посольства, такъ какъ былъ бы изданъ указъ, въ силу котораго правительство оказывало бы имъ покровительство и защиту наравнѣ съ своими под-

данными язычниками. Что же касается жалобы на возведеніе на сѣверномъ мосту баррикады, то это сдѣлано для удобства и безопасности проѣзда, а стрѣльба была начата не китайцами, а иностранцами; что это—взаимное недоразумѣніе, которое не поведетъ къ дальнѣйшимъ аттакамъ.

По поводу аттаки, произведенной на католическій соборъ Ли-Бинъ-хэномъ, на что было обращено вниманіе князя, отъ него также было получено письмо съ слѣдующимъ объясненіемъ: „Бэйтанское дѣло обязано своимъ происхожденіемъ тому, что обращенные христіане выходили по всѣмъ направленіямъ для грабежа съѣстныхъ припасовъ; нѣкоторые изъ нихъ, вооруженные ружьями, будучи останавливаемы, стрѣляли изъ нихъ. Это вызвало гнѣвъ и негодованіе среди народа, который, соединившись съ нхэтуаньцами, производилъ на соборъ постоянныя аттаки. Въ настоящее время изданъ указъ касательно того, что если обращенные не будутъ выходить на грабежи, то они, какъ дѣти одного и того же отечества, будутъ пользоваться покровительствомъ, и аттаки на нихъ будутъ прекращены. Что же касается защиты иностранцевъ на пути въ Тяньцзинь, то это дѣло вовсе не легкое, и только послѣ многихъ хлопотъ и когда найдено было возможнымъ дать гарантію противъ несчастія, предложеніе объ этомъ было изложено письменно. Мы не рѣшились бы умышленно обманывать васъ. Мы просили бы васъ (сэра Клода) и другихъ иностранныхъ представителей не безпокоиться слишкомъ и принять рѣшеніе относительно временнаго удаленія изъ Пекина“.

Распространившійся наканунѣ слухъ о предполагаемой ночной аттакѣ на иностранцевъ 10.000 дунъ-фу-сянцевъ съ 8 орудіями, къ нашему счастію, не оправдался. Была только обычная стрѣльба, къ которой мы давно уже привыкли.

19-го іюля.—Полковникомъ Шиба получено изъ Тяньцзиня письмо слѣдующаго содержанія: „Письмо ваше отъ 9-го іюля получено. Отправленіе союзныхъ войскъ изъ Тяньцзиня замедлено затрудненіями по организаціи транспорта; но они выступятъ дня чрезъ 2—3. Напишу снова, какъ только время прибытія въ Пекинъ будетъ опредѣлено“. Корреспондентъ газеты „Times“, d-r Morrison, получилъ съ тѣмъ же посыльнымъ письмо, по содержанію почти тождественное съ вышеприведеннымъ. Кажется, намъ не долго еще придется страдать и спасеніе наше не далеко. Блеснулъ лучъ свѣтлой надежды, и мы всѣ снова ожили, несмотря на то, что самые здоровые и неутомимые между нами въ послѣднее время стали смотрѣть усталыми и разбитыми тѣлесно и душевно.

Сегодня же получена, хотя и искалѣченная, но тѣмъ не менѣе подлинная телеграмма изъ Лондона. День ея отправленія не помѣченъ, но, по всѣмъ вѣроятіямъ, она была послана между 8—11 іюля. Она ссылается на письмо японскаго посланника, барона Ниси, и на телеграмму американскаго посланника Конджера; изъ чего можно заключить, что истинное положеніе здѣшнихъ дѣлъ извѣстно всему міру. Телеграмма также сообщаетъ, что китайскія войска, послѣ кровопролитнаго сраженія въ Тяньцзинѣ, обращены въ бѣгство, что дѣлаются поспѣшныя приготовленія къ нашему освобожденію; далѣе въ ней ставится вопросъ: „охраняетъ ли насъ китайское правительство и снабжаетъ ли съѣстными припасами?“ Охраняетъ ли и снабжаетъ ли? Развѣ не позоръ для всѣхъ цивилизованныхъ націй, когда ставится такой вопросъ? Вѣдь такой вопросъ обозначаетъ, что представители всѣхъ націй въ Пекинѣ лишены возможности сами снабжать себя и что, слѣдовательно, они—плѣнники? Казалось бы, что самыя энергичныя и дѣйствительныя мѣры должны бы быть тотчасъ же приняты къ освобожденію ихъ, вмѣсто безплоднаго оплакиванія ихъ горькой участи. Впрочемъ, чего же другого можно было ожидать отъ большей части современныхъ правительствъ, вся политика которыхъ основана на погонѣ за долларомъ и на полномъ презрѣніи ко всѣмъ высокимъ, человѣческимъ принципамъ, долженствующимъ составлять основу бытія, какъ частныхъ лицъ, такъ и государствъ во взаимныхъ ихъ сношеніяхъ между собою. Будь побольше справедливости и гуманности въ отношеніяхъ гордыхъ своею цивилизаціей западныхъ народовъ къ многомилліонному народу дальняго востока, мы никогда не были бы актерами въ той ужасной драмѣ, которую намъ по неволѣ приходится разыгрывать. Что посѣешь, то и пожнешь.

20-го іюля.—М-съ Laury получено письмо отъ мужа изъ Тяньцзиня, отъ 17-го іюля, которое было сообщено ею въ извлеченіи для всеобщаго свѣдѣнія. Сущность его заключалась въ слѣдующемъ: „Посыльный прибылъ изъ Пекина въ предъидущую пятницу. 9-й и 14-й полки Соединенныхъ-Штатовъ уже въ Тяньцзинѣ, 6-й кавалерійскій полкъ—въ Дагу. Нѣсколько полковъ уже вышло въ Пекинъ. 17-го ч. до полудня было сраженіе у Бэйцана. Сегодня получено извѣстіе, что ихэтуаньцы избили христіанъ въ Шань-хай-гуанѣ и другихъ мѣстахъ. Между русскими и китайскими войсками было сраженіе въ Цзинь-чжоу. Тяньцзинь полонъ иностранныхъ войскъ, которыя все время продолжаютъ прибывать. Желѣзная дорога открыта до Танъ-гу. Бэй-

дай-хэ, лѣтняя и, въ послѣднее время, модная резиденція иностранцевъ, уничтожена ихэтуаньцами. Американскій консулъ въ Тяньцзинѣ сообщаетъ своему посланнику, что иностранный поселокъ въ Тяньцзинѣ подвергся тридцатидневному бомбардированію и девятидневной осадѣ. Союзныя войска выступаютъ къ вамъ, вѣроятно, завтра".—Американскому посланнику, кромѣ того, полковникъ 41-го пѣхотнаго полка сообщаетъ, что десятитысячный отрядъ готовъ къ выступленію въ Пекинъ.

Сегодня, положительно, день утѣшительныхъ извѣстій. Изъ другого источника изъ Тяньцзиня сообщаютъ, что иностранный сетлементъ былъ освобожденъ 15-го іюля, Сеймуръ—11-го, восточный арсеналъ взятъ 13-го, западный—27-го, а Тяньцзинь взятъ 1-го іюля. „Выступаемъ двумя колоннами въ 10.000 чел. Англичане, американцы и японцы выступятъ чрезъ нѣсколько дней въ числѣ 40.000. Первая колонна будетъ отвлекать отъ васъ непріятеля. Будетъ 8 полковъ американской пѣхоты, 3 кавалеріи и 2 баттареи. Непріятель сильно окопался въ 17 миляхъ на С. отъ Тяньцзиня и въ двухъ пунктахъ далѣе".

Обнародованъ печальный указъ безъ числа, по предположенію отъ 15—16-го іюля, слѣдующаго содержанія: „Противъ товарища министра чиновъ, Сюй-Цзинъ-чэна, и члена жертвеннаго приказа, Юань-чана, состоявшихъ членами министерства иностр. дѣлъ, неоднократно поступали обвинительные доклады, что они пользуются плохою репутаціей, въ иностранной политикѣ руководятся личными интересами, при аудіенціяхъ безъ стѣсненія дѣлаютъ взбалмошныя представленія, зловредными словами смущаютъ правительство и даже стараются посѣять въ немъ сѣмена раздора. Таковыя преступленія составляютъ великое непочтеніе, и мы на страхъ другимъ повелѣваемъ предать ихъ смертной казни. Быть по сему". Такъ трагически окончилъ свою карьеру симпатичный Сюй, бывшій долгое время китайскимъ посланникомъ въ Петербургѣ и предсѣдателемъ восточной китайской желѣзной дороги. Юань-чанъ былъ около 13 лѣтъ секретаремъ иностранной коллегіи, затѣмъ окружнымъ инспекторомъ, управляющимъ финансовою и гражданскою частями въ одной изъ провинцій и, наконецъ, членомъ иностранной коллегіи; это извѣстный археологъ, въ особенности хорошо знакомый съ исторіею и древностями застѣннаго Китая. Оба эти сановника погибли за то, что, на совѣщаніи чиновъ имперіи, подъ личнымъ предсѣдательствомъ богдоханши и богдохана, открыто назвали нападеніе и бомбардированіе иностранныхъ посольствъ актомъ

безумія, гибельнымъ для династіи и Китая, и требовали немедленнаго прекращенія его.

Сэръ Робертъ Гартъ получилъ изъ Тяньцзиня письмо отъ 15-го іюля, слѣдующаго содержанія: „Письмо ваше отъ 8-го протелеграфировано домой. Мужайтесь! Помощь скоро придетъ. Войска непрерывно прибываютъ. Непріятель—въ Бэй-цанѣ. Японцы и русскіе наступаютъ на него. По Янъ-цзю-цзяну—волненіе. Генералъ-губернаторы стараются о поддержаніи порядка. Ли-Хунъ-чжанъ—въ Шанхаѣ. Маньчжурія—въ возстаніи. У русскихъ тамъ полны руки дѣла. Нючжуанъ много пострадалъ. Германія и Америка высылаютъ, каждая, по 15.000 чел. Италія—5.000".—Вотъ вамъ и дешевое, безкровное пріобрѣтеніе Маньчжуріи, о которомъ такъ мечтали и говорили вслухъ многіе. Только тѣ пріобрѣтенія дешевы и прочны, которыя основаны на уваженіи къ праву и справедливости.

Получено письмо князя Цина и его товарищей, въ которомъ онъ извѣщаетъ, что, по вопросу о временномъ удаленіи посольствъ и иностранцевъ послѣдовалъ указъ, которымъ канцлеру Жуну поручено избрать способныхъ гражданскихъ и военныхъ чиновъ съ отрядами для охраны. „Канцлеръ Жунъ, на котораго возложено это важное порученіе, осмѣлился безпрекословно принять его только послѣ продолжительнаго и всесторонняго обсужденія всѣхъ подробностей его и установленія зрѣлаго плана. Поэтому мы считаемъ долгомъ просить иностранныхъ представителей быть совершенно спокойными относительно безопасности въ пути и продолжаемъ надѣяться, что вы поторопитесь сообщить намъ о днѣ вашего отъѣзда для того, чтобы мы имѣли возможность устроить все.

„Что же касается ночной бомбардировки, то это опять-таки—взаимное недоразумѣніе; но хорошо, что каждая сторона осталась въ своихъ позиціяхъ. Эта стрѣльба—тоже, что вечерній бой барабана и утренній звонъ колокола,—явленія обычныя, не заслуживающія серьезнаго вниманія".

Въ этотъ же день отъ князя было получено письмо сэромъ Клодомъ съ препровожденіемъ ему шифрованной телеграммы маркиза Солсбери и присовокупленіемъ, что всѣ посланники могутъ посылать чрезъ посредство цзунъ-ли-я-мыня мирныя телеграммы своимъ правительствамъ. Какъ видно, совѣтъ, данный китайскимъ министрамъ сэромъ Робертомъ Гартомъ, отрезвилъ ихъ и произвелъ желаемое дѣйствіе.

22-го іюля.—Помѣщаемъ подлинный указъ касательно временнаго удаленія посольствъ въ Тяньцзинь. „Вслѣдствіе безпо-

радковъ, произведенныхъ въ окрестностяхъ столицы язычниками и обращенными, между Китаемъ и иностранными государствами вспыхнула война. Несмотря на это, мы считаемъ нашимъ долгомъ охранять иностранныхъ представителей въ Пекинѣ. Князья и сановники иностранной коллегіи неоднократно письменно освѣдомлялись объ ихъ здоровьѣ. Въ то же время, въ виду сильнаго броженія умовъ въ столицѣ, они вступили въ переговоры съ иностранными представителями касательно благополучнаго препровожденія ихъ подъ военною охраною въ Тяньцзинь, съ цѣлью избавить ихъ отъ страха и тревоги. Въ этихъ видахъ мы поручили канцлеру Жуну избрать способныхъ военныхъ и гражданскихъ лицъ высокаго ранга, которыя бы съ надежными войсками сопровождали ихъ до Тяньцзиня. Еслибы въ пути встрѣтились злоумышленники, имѣющіе въ виду наживу, то таковые должны быть казнены. Да не будетъ допущено ни малѣйшей оплошности. Еслибы, до оставленія столицы, посланники пожелали отправить своимъ правительствамъ телеграммы, то коллегіей иностранныхъ дѣлъ должны быть приняты мѣры къ передачѣ ихъ въ томъ случаѣ, если онѣ будутъ написаны au clair. Быть по сему".

Наканунѣ полученія нами подлиннаго вышеприведеннаго указа, министры, жалуясь на неполученіе отъ посланниковъ отвѣта о временномъ удаленіи ихъ изъ Пекина, заявляютъ въ письмѣ, что ими неоднократно были получаемы отъ своихъ представителей за границей телеграммы о томъ, что министры иностранныхъ дѣлъ всѣхъ государствъ настаиваютъ на скорѣйшемъ сопровожденіи ихъ представителей изъ Пекина въ Тяньцзинь. А такъ какъ теперь всѣ посольства уже пользуются правомъ телеграфныхъ сношеній съ своими правительствами, то коллегія иностранныхъ дѣлъ считаетъ долгомъ просить представителей, чтобы они, обмѣнявшись взглядами съ своими правительствами, назначили срокъ выѣзда и увѣдомили бы ихъ о томъ, чтобы поторопиться съ необходимыми приготовленіями къ пути.

23-го іюля.—За исключеніемъ нѣсколькихъ незначительныхъ телеграммъ, полученныхъ нѣкоторыми посланниками чрезъ цзунъ-ли-я-мынь, и извѣщенія о трагической кончинѣ итальянскаго короля Гумберта, никакихъ существенныхъ новостей не было.

Около двухъ часовъ ночи китайцами была открыта съ сѣвера, изъ хань-линя (академіи наукъ), и съ запада, съ Монгольской площади, весьма сильная пальба, продолжавшаяся около часа. Похороненъ матросъ Иванъ Арбатскій, убитый наканунѣ при постройкѣ банковской баррикады. Миръ праху твоему, нашъ доблестный защитникъ!

Посланъ отвѣтъ на письмо коллегіи иностранныхъ дѣлъ, въ которомъ деканъ дипломатическаго корпуса отъ лица своихъ коллегъ просто заявляетъ, что для выѣзда посланниковъ имъ необходимо получить инструкціи отъ своихъ правительствъ, за которыми они и обращаются къ нимъ по телеграфу.

24-го іюля.—Ночь спокойная. Получено письмо князя и другихъ по поводу оживленной пальбы въ прошлую ночь. Вчера вечеромъ, говоритъ князь, именно въ то время, когда идутъ переговоры о временномъ удаленіи посланниковъ изъ Пекина въ Тяньцзинь подъ надежною охраною, иностранными солдатами произведено было сильное нападеніе на китайскій постъ, сопровождавшееся страшнымъ крикомъ и ужасною пальбою, раскаты которой положительно походили на настоящее сраженіе, а не на обыкновенную, случайную пальбу. Что наши войска отвѣчали имъ—это разумѣется само собою. Но еслибы, подъ вліяніемъ взаимнаго озлобленія, произошла схватка, то это несомнѣнно повело бы къ большому несчастью. Извѣстіе объ этомъ совершенно изумило насъ, такъ что мы, теряясь въ догадкахъ объ истинныхъ причинахъ этого столкновенія, считаемъ долгомъ настоящимъ письмомъ освѣдомиться объ этомъ.

25-го іюля.—Погода прекрасная, но, къ сожалѣнію, намъ, невольнымъ плѣнникамъ, можно пользоваться ею только въ стѣнахъ посольствъ, да и то съ осторожностью.

Англійскимъ посланникомъ получено изъ цзунъ-ли-я-мыня извѣстіе о смерти герцога Эдинбургскаго, съ выраженіемъ соболѣзнованія отъ лица китайскаго правительства, а около полуночи съ сѣвера и запада китайцами была открыта усиленная пальба, продолжавшаяся, впрочемъ, не особенно долго. Потрудитесь совмѣстить эти два факта!

Былъ аукціонъ разнаго имущества, найденнаго въ домѣ одного богатаго китайца. Этотъ домъ былъ занятъ дня три тому назадъ, въ качествѣ, будто бы, важнаго стратегическаго пункта. Этого мнѣнія, кажется, держались только одни англичане. Не будучи стратегомъ, я не могу судить объ этомъ, но знаю только то, что занятіе это вызвало съ китайскихъ постовъ, расположенныхъ вблизи посольствъ англійскаго и русскаго, стрѣльбу, хотя и рѣдкую, но продолжавшуюся нѣсколько дней, да кромѣ того создало для нашихъ волонтеровъ одинъ лишній постъ.

28-го іюля.—Посланецъ, отправленный г. Тіюксбери на встрѣчу союзнымъ войскамъ, возвратился сегодня съ письмами отъ японскаго и англійскаго генераловъ. Онъ разсказалъ, что 25 числа онъ встрѣтилъ лодки, нагруженныя раненными китай-

цами, разбитыми близь Сянъ-хэ. Въ среду послѣ полудня онъ прослѣдовалъ съ центральнымъ отрядомъ въ Чуань-чанъ, въ 9-ти верстахъ на югъ отъ Хэ-си-у; въ четвергъ поутру выступилъ съ этимъ отрядомъ, который надѣется прибыть въ Хэ-си-у послѣ полудня. Оставивъ отрядъ, онъ возвратился въ Пекинъ по западной дорогѣ. Авангардъ, по мнѣнію посыльнаго, находится въ настоящее время въ Хэ-си-у. Посыльный сообщилъ, что при отрядѣ мало китайской прислуги, но много вьючныхъ животныхъ, которыхъ ведутъ японцы. Русскихъ видѣлъ мало, но видѣлъ нѣсколько сотъ сипаевъ. Китайцы оказываютъ мало сопротивленія.

Слѣдующее письмо получено было полковникомъ Шиба отъ генерала Фукушима: „Лагерь въ Чанъ-цзянѣ, въ одной верстѣ на С. отъ Южнаго Цай-цуня. 26-го іюля 1900 г.—Японскія и американскія войска разбили непріятеля 21 ч. близь Бэй-цана и заняли Янъ-цунь 6-го, а утромъ того же дня союзныя войска, состоящія изъ англичанъ, американцевъ и русскихъ, вышли изъ Янъ-цуня и, когда подвигались на С., мною получено было ваше письмо въ деревнѣ Южный Цай-цунь. Очень пріятно было узнать изъ него, что иностранная община въ Пекинѣ геройски держится. Вѣрьте мнѣ, что горячее и единодушное желаніе генералъ-лейтенанта и всѣхъ насъ—прибыть въ Пекинъ какъ можно поскорѣе и освободить васъ отъ опаснаго положенія. Если не встрѣтится какое-либо непредвидѣнное обстоятельство, то союзныя войска будутъ въ Хэ-си-у 9-го, въ Матоу 10-го, Чжанъ-цзя-вани 11-го, Тунъ-чжоу 12-го и вѣроятно 13-го или 14-го августа по н. с. въ Пекинѣ“.

Отъ генерала Гезли получена была изъ Цей-цуня отъ 8-го августа слѣдующая коротенькая записка: „Сильная союзная армія движется, дважды разбила непріятеля. Мужайтесь“.

Только тотъ, кому пришлось вынести двухмѣсячную осаду со всѣми ея ужасами, и притомъ при нашихъ невѣроятныхъ условіяхъ, можетъ понять всю полноту благодарности Богу и радости, охватившей всѣхъ, что близокъ конецъ страданіямъ и часъ избавленія недалекъ.

29-го іюля.—Съ каждымъ днемъ рѣдѣютъ ряды нашихъ защитниковъ. Сегодня не вражеская пуля, а убійственная дизентерія уложила въ преждевременную могилу русскаго матроса.

30-го іюля.—Въ полночь китайцы открыли сильную пальбу по англійской, французской и нѣмецкой миссіямъ. Въ французской убитъ одинъ матросъ и раненъ австріецъ; въ нѣмецкой также раненъ одинъ солдатъ.

Относительно открытія рынка для закупки продовольствія,

о чемъ сэръ Клодъ писалъ въ коллегію иностранныхъ дѣлъ, ему отвѣчали, что продавщики боятся отправляться въ посольства, изъ опасенія подвергнуться выстрѣламъ иностранныхъ солдатъ, и предложили отправлять ежедневно въ 9 ч. утра чиновника въ англійское посольство, для принятія и исполненія продовольственныхъ заказовъ иностранцевъ.

Послѣ обѣдни опустили въ безвременную могилу нашего матроса, умершаго отъ дизентеріи, при пѣніи нашего любительскаго хора, которому, къ сожалѣнію, въ теченіе осады не разъ приходилось исполнять эту печальную обязанность.

Китайцы продолжаютъ усердно стрѣлять по русскому и англійскому посольствамъ, несмотря на то, что, испуганный вѣроятно приближеніемъ союзныхъ войскъ, которыя,—по разсказу пришедшаго въ французское посольство китайскаго кули, разбили китайцевъ между Чжанъ-цзя-вань и Тунъ-чжоу,—цзунъ-ли-я-мынь, письмомъ на имя англійскаго посланника, просилъ о немедленномъ назначеніи часа для переговоровъ о прекращеніи войны. „Въ письмѣ вашего превосходительства, отъ 7-го іюля,—говоритъ цзунъ-ли-я-мынь,—между прочимъ, было объяснено, что присутствіе иностранныхъ представителей въ столицѣ облегчитъ улаженіе всѣхъ дѣлъ къ общему удовольствію, тогда какъ, съ выѣздомъ ихъ въ Тяньцзинь, дружественныя отношенія порвутся совершенно, и возстановленіе мира потребуетъ неизвѣстно сколько времени. Заявленіе это показываетъ, что ваше превосходительство, при соображеніи общаго положенія дѣлъ, не забываете и старой дружбы. Такъ какъ всѣ иностранные представители находятся еще въ столицѣ, то мы (князь и сановники) рѣшили, согласно мысли вашего прежняго письма, посѣтить васъ и другихъ представителей сегодня, для переговоровъ о предварительномъ пріостановленіи военныхъ дѣйствій, и просимъ назначить часъ".

Чуютъ правду, чуютъ приближеніе бѣды неминуемой, чуютъ, что близокъ часъ возмездія за пролитую кровь, сожженные и поруганные храмы и посольства, что дни ихъ, покрытой сѣдою древностью и вѣковою пылью, столицы сочтены,—оттого такъ заметались и заторопились.

Ожесточенная стрѣльба, начавшаяся съ четырехъ часовъ пополудни, продолжалась всю ночь. Въ 9 часовъ шальная пуля сразила французскаго офицера Labrousse, стоявшаго у дверей своей комнаты. Отъ шума и грохота пуль и снарядовъ не было возможности сомкнуть глаза.

31-го іюля.—Китайцы продолжаютъ пальбу не только изъ

ружей, но и изъ орудій, несмотря на то, что въ 11 часовъ члены иностранной коллегіи должны прибыть въ англійское посольство для мирныхъ переговоровъ съ посланниками. Визитъ этотъ, однако, не состоялся. Члены этого почтеннаго учрежденія написали, что важныя дѣла не дозволяютъ имъ посѣтить посланниковъ, и въ томъ же письмѣ имѣютъ дерзость и нахальство—жаловаться на то, что иностранные солдаты открыли вчера сильный огонь, убили одного ротнаго командира (по увѣренію сэра Роберта Гарта, самого командира отряда, генерала Чжанъцзюня) и ранили 26 нижнихъ чиновъ; называть эти дѣйствія недружелюбными и—просить, чтобы наши командиры удерживали солдатъ отъ стрѣльбы! Какъ будто вся гнусная, не имѣющая прецедентовъ въ исторіи, осада иностранныхъ представителей и другихъ иностранцевъ, съ ихъ женами и дѣтьми, не является актомъ проявленія высшей враждебности и разнузданной дикости! Вѣроятно, истинною причиною отказа министровъ отъ визита, предложеннаго ими же самими, послужила боязнь подвергнуться казни за неисполненіе порученія, обреченнаго на неудачу.

Китаецъ-католикъ, которому удалось проникнуть за непріятельскія баррикады въ восточную часть маньчжурскаго города, между прочимъ, передавалъ слѣдующій характерный разсказъ о разговорѣ, происходившемъ, будто бы, между представителемъ мирной политики, хотя и не выдающимся человѣкомъ, президентомъ иностранной коллегіи, княземъ Циномъ, и отцомъ наслѣдника престола, главою ихэтуаньцевъ, княземъ Дуанемъ, послѣ всѣхъ пораженій, понесенныхъ китайцами. „Цинъ:—Ну, князь, какъ видишь, наша маньчжурская династія наканунѣ неизбѣжной гибели. Гдѣ же твои 8.000.000 небеснаго воинства, обѣщаннаго тебѣ ихэтуаньцами? Пусть идутъ и спасаютъ династію.—Князь Дуань поникъ головой и ничего не отвѣчалъ".

Ужасная ночь! Въ виду приближенія союзной арміи, осаждающія англійское посольство китайскія войска, вѣроятно, рѣшились сдѣлать послѣднюю попытку покончить съ иностранцами. Семь разъ въ теченіе ночи они открывали съ своихъ баррикадъ адскую пальбу по посольству, причемъ орудіе, поставленное на юго-восточномъ углу желтаго императорскаго города, вторило имъ. Это былъ безпрерывный хаосъ ружейныхъ звуковъ, сливавшихся съ отраженными раскатами ихъ въ ночной тиши. Съ нашей стороны работало орудіе Норденфильда и пулеметъ Максима. Китайцы подступали къ оградѣ настолько близко, что, говорятъ, можно было слышать, какъ командиръ понукалъ ихъ идти въ аттаку, но никто изъ его подчиненныхъ, къ нашему

благополучію, не выразилъ охоты къ такому проявленію патріотическаго мужества. Дѣло окончилось, въ общемъ, благополучно. Жаль только, что былъ серьезно раненъ въ руку, съ изломомъ кисти, бравый американскій канониръ, по нераспорядительности англійскаго начальства оставленный у стараго интернаціональнаго орудія безъ всякаго прикрытія. Въ эту же ночь у японцевъ раненъ докторъ, а у нѣмцевъ убитъ одинъ рядовой. Осада несчастнаго Бэй-тана, съ горстью его храбрыхъ защитниковъ, въ эту ночь тоже была возобновлена неизвѣстно въ какой уже разъ. У насъ умеръ отъ дизентеріи еще одинъ матросикъ.

Глубокою радостью и благодарностью Всеблагому Промыслу исполнились сердца осажденныхъ страдальцевъ при первыхъ звукахъ канонады приблизившейся къ Пекину союзной арміи, услышанныхъ ровно въ два часа ночи... Спасены!

Скажемъ нѣсколько словъ, въ заключеніе нашего дневника, о религіозно-политическомъ обществѣ „И-хэ-туань“ (т.-е. патріотическое общество), или „И-хэ-цюань“ (т.-е. кулакъ долга и согласія) и о причинахъ его настоящаго движенія, а также и о томъ, какимъ образомъ могли бы быть улажены послѣдствія этого движенія.

Виновники неслыханныхъ жестокостей и звѣрствъ, иниціаторы наглаго нарушенія неприкосновенности иностранныхъ посольствъ, вмѣстѣ съ правительственными войсками въ теченіе двухъ мѣсяцевъ державшіе ихъ въ осадномъ положеніи подъ постояннымъ огнемъ и повергшіе свою родину въ пучину неисчислимыхъ бѣдствій, ихэтуаньцы не въ первый разъ являются на страницахъ китайской исторіи.

Такъ, въ указѣ, изданномъ въ правленіе императора Цзяцина, въ 1808 году, въ числѣ другихъ политическихъ тайныхъ обществъ, подвергавшихся строгому преслѣдованію законовъ, встрѣчается и Ихэцюань. Чтобы обрисовать отношеніе тогдашняго правительства къ этому обществу, мы позволимъ себѣ сдѣлать извлеченіе изъ помянутаго указа, даннаго на имя государственнаго совѣта. „Прокуроръ Чжоу Тинъ-сэнь представилъ намъ докладъ, въ которомъ онъ проситъ подвергать строгому наказанію скопища негодяевъ. По словамъ его, въ послѣднее время въ провинціи Цзянъ-нань, въ областяхъ ея Инъ-чжоу, Бо-чжоу и Снеи-чжоу, въ провинціи Хэ-нань, въ области Гуй-дэ, и въ провинціи Шань-дунъ (откуда началось нынѣшнее движеніе ихэцюаньцевъ) въ областяхъ ея, Цао-чжоу, И-чжоу и Янь-

чжоу, появилась масса бездѣльниковъ, которые, вооружившись мечами и собравъ массы народа, образовали общества Шунь-дао (счастливаго ножа), Ху-вэй-бянь (плети изъ тигроваго хвоста), И-хэ-цюань и Па-гуа (восемь діаграммъ) и бродятъ по селамъ и деревнямъ, угнетая мирныхъ жителей. Для спокойствія населенія, подобныхъ негодяевъ, конечно, слѣдуетъ подвергать самому строгому наказанію; нельзя давать разростаться этой болячкѣ и оставлять зло".

Въ докладѣ чжилійскаго генералъ-губернатора Наяньчэна, которому поручено было произвести строжайшее дознаніе о разныхъ политическихъ сектантахъ того времени, въ томъ числѣ и объ ихэтуаньцахъ, мы встрѣчаемъ о нихъ много интересныхъ подробностей, а равнымъ образомъ и то, съ какою неумолимою строгостью относилось тогдашнее правительство къ этимъ вреднымъ сектантамъ, которыхъ нынѣшнее правительство называетъ патріотами и людьми мужественными. Вотъ этотъ интересный документъ:

„Мною полученъ былъ указъ вашего величества слѣдующаго содержанія: Ванъ-бинъ-хэнъ иначе называется Ванъ-цэинъ-цзэнъ; его родъ, разсѣянно проживавшій въ Луань-чжоу и Лулунѣ, занимался распространеніемъ махаяническаго толка Цинъ-ча и собиралъ деньги. Изъ Чжилійской провинціи онъ отправился съ тою же цѣлью въ Ху-бэйскую и Цзянъ-наньскую и чрезъ третьи руки преподалъ ученіе мятежнику Фанъ Жунъ-шэну, явившемуся дѣйствительнымъ главою возстанія и нынѣ уже пойманному и казненному въ Ху-бэйѣ. Изъ доклада Наяньчэна мы усматриваемъ, что весь родъ изъ фамиліи Ванъ въ Ши-фо-коу давно уже занимается распространеніемъ зловредной ереси, охватившей нѣсколько провинцій, и нынѣ многократно попадался въ этомъ. Въ виду сего мы повелѣваемъ Наяньчэну принять строгія мѣры къ поимкѣ всего этого рода и главныхъ проповѣдниковъ ереси казнить, а остальныхъ отправить въ ссылку, а всѣ еретическія книги ихъ отобрать и препроводить намъ. Необходимо вырвать эту ересь съ корнемъ безъ малѣйшаго послабленія. Быть по сему".—„Вѣрноподанному вашего величества въ бытность его въ Баодинъ-фу пришлось рѣшать чрезвычайно много дѣлъ, касающихся превратныхъ ученій; благодаря этому, я нѣсколько ознакомился съ зловредными толками, распространяемыми въ Чжилійской провинціи и, во исполненіе указа вашего величества, осмѣливаюсь изложить то, что мнѣ извѣстно по этому предмету". Перечисляя разныя зловредныя ученія, существовавшія въ Шань-дунской провинціи во времена Цянь-луна, докладчикъ,

между прочимъ, упоминаетъ и толкъ И-хэ (долга и гармоніи), составлявшій отрасль ученія Па-гуа (восемь діаграммъ), послѣдователи котораго называли себя учениками нѣкоего Хао, казненнаго въ 1771 году. Только строгій и неусыпный надзоръ ближайшей мѣстной власти за лицами, уже замѣченными въ проповѣдываніи зловредныхъ ученій, и за семействами, принимавшими ихъ, можетъ, по мнѣнію докладчика, содѣйствовать полному ихъ искорененію. При дальнѣйшемъ перечисленіи дѣлъ, касающихся зловредныхъ ученій, имъ разысканныхъ и рѣшенныхъ, Наяньчэнъ, между прочимъ, указываетъ на дѣло нѣкоего Гэ-ли-э изъ уѣзда Гу-чэнъ, распространявшаго ихэцюанизмъ (т.-е. кулакъ долга и согласія), именно ту самую секту, которая, въ безумномъ, фанатическомъ ослѣпленіи, подогрѣтомъ насиліями иностранцевъ, рѣшилась истребить ихъ всѣхъ. Въ то время главари этого толка были преданы мучительной казни—изрѣзанію въ куски. Въ другихъ уѣздахъ Чжилійской провинціи Наяньчэномъ также были открыты послѣдователи ихэтуанизма.

Такимъ образомъ, изъ вышеприведенныхъ двухъ документовъ оказывается, что ихэтуанизмъ, или ихэцюанизмъ, былъ распространенъ въ нѣсколькихъ провинціяхъ Китая не только въ началѣ XIX-го столѣтія, но и въ концѣ XVIII-го, и былъ строго преслѣдуемъ правительствомъ, какъ ученіе зловредное.

Ихэтуанизмъ составляетъ отрасль древнѣйшей политической секты Бай-лянь-цзяо (секты бѣлаго лотуса). Сущность этого ученія заключается въ изученіи искусства фехтованія кулакомъ и палкою, благодаря чему, будто бы, духъ вселяется въ человѣка, который тогда объясняетъ ученіе и преподаетъ искусство владѣть кулакомъ. Послѣдователи этого ученія утверждаютъ, что посредствомъ заклинаній они дѣлаются неуязвимыми. Въ іерархическомъ отношеніи у нихъ есть названія первоучителя, старшаго и младшаго учителя.

Несмотря на крайне суровыя мѣры, послѣдователи ихэтуанизма не были истреблены совершенно, а только присмирѣли и терпѣливо выжидали случая, чтобы снова приняться за свою зловредную и разрушительную работу.

Вражда между китайцами-язычниками и китайцами-христіанами, порожденная не всегда законными дѣйствіями послѣднихъ и ихъ духовныхъ руководителей по отношенію къ первымъ,—что особенно замѣчалось со времени тяньцзиньскихъ трактатовъ 1858 г., предоставившихъ широкія права христіанской пропагандѣ,—а съ другой стороны насильственная политика цивилизованныхъ иностранцевъ по отношенію къ Китаю, силою и угрозами вы-

рывавшая у него всевозможныя исключительныя права и привилегіи и завершившаяся открытыми территоріальными захватами, породили въ правящихъ и ученыхъ кругахъ Китая чувство негодованія и злобы противъ просвѣтителей и послужили благопріятною почвою для ихэтуаньскаго движенія. Всѣ условія сложились въ его пользу. Въ лицѣ губернаторовъ въ провинціи Шань-дунъ, Ли-Бинъ-хэна и затѣмъ Юй-сяна, ихэтуаньское движеніе, начавшееся въ этой провинціи, нашло не только попустителей, но открытыхъ покровителей своей дьявольской работы, а голодный людъ пораженныхъ неурожаемъ сѣверныхъ провинцій, мѣстные негодяи, въ которыхъ никогда нѣтъ недостатка въ Китаѣ, и, наконецъ, масса распущенныхъ, по недостатку у казны средствъ, солдатъ и милиціонеровъ,—въ надеждѣ на добычу, явились какъ нельзя болѣе подходящимъ матеріаломъ для пополненія рядовъ ихэтуаньцевъ, къ которымъ болѣе мирное мѣстное населеніе присоединялось уже изъ боязни за свою жизнь и имущество, или же по чувству личной мести.

А что у Китая, говоря откровенно, не было никакихъ основаній дружелюбно относиться къ иностранцамъ—для этого достаточно безпристрастно заглянуть въ исторію ихъ сношеній съ ними за послѣднія шестьдесятъ лѣтъ. Къ стыду цивилизованныхъ народовъ Запада мы должны сознаться, что не видимъ тутъ ничего другого, кромѣ безконечнаго ряда насилій и эксплуатаціи, никогда не прилагавшихся въ такой мѣрѣ ни къ какой изъ странъ міра, за исключеніемъ развѣ одной Индіи. Пальма первенства на поприщѣ насилія и эксплуатаціи, какъ вездѣ и всегда, такъ и здѣсь, въ Китаѣ, принадлежала владычицѣ морей. Война изъ-за опіума, уничтоженія торговли которымъ, какъ предметомъ, подрывавшимъ умственныя и физическія силы китайцевъ и разорявшимъ ихъ семейное благосостояніе, такъ горячо добивался императоръ Дао-гуанъ, окончилась нанкинскимъ договоромъ 1843 года, по которому Англія пріобрѣла Гонгконгъ, давно желанное складочное мѣсто для своихъ товаровъ и военный портъ, и въ то же время удержала за собою возможность, несмотря на протесты у себя дома, отравлять Китай по прежнему.

Установлены были торговые тарифы съ основною нормою обложенія 5% со стоимости. Позволимъ себѣ спросить: гдѣ и въ какомъ государствѣ существуютъ такіе неимовѣрно-низкіе тарифы? Какое изъ государствъ не имѣетъ абсолютнаго права устанавливать тарифы по своему усмотрѣнію? Всѣ, за исключеніемъ Китая,—потому что свобода въ установленіи тарифовъ составляетъ одну изъ прерогативъ самостоятельности государства. А Китаю

несмотря на его ходатайства и мольбы, отказываютъ даже въ правѣ пересмотра тарифовъ.

А миссіонеры, которые, распространяя ученіе Христово, въ то же время не пренебрегали, пользуясь престижемъ своихъ странъ, производить давленіе на мѣстную администрацію, въ смыслѣ поддержки не всегда законныхъ и справедливыхъ требованій своихъ прозелитовъ, или же мірскихъ выгодъ своихъ общинъ, иногда съ явнымъ нарушеніемъ правъ язычниковъ?

А постепенное отнятіе у Китая всѣхъ его вассальныхъ владѣній, которыя, хотя бы номинально, въ теченіе вѣковъ видѣли въ немъ своего сюзерена?

А съ какимъ презрѣніемъ стали относиться къ Китаю иностранцы, послѣ пораженія, нанесеннаго ему Японіей, это трудно себѣ вообразить. Каждое требованіе ихъ, безъ отношенія къ тому, насколько оно справедливо и совмѣстно съ интересами и желаніемъ Китая, скрѣпя сердце, исполнялось имъ.

А ничѣмъ не оправдываемые, кромѣ „я хочу“ или „мнѣ необходимо“, захваты владѣній собственнаго Китая, открытые занятіемъ Цзяо-чжоу нѣмцами?

А всевозможныя концессіи на разныя промышленныя предпріятія въ Китаѣ, изъ коихъ едва-ли многія были актомъ свободной воли китайскаго правительства?

А ограниченіе державныхъ правъ Китая въ распоряженіи тою или другою частью своей территоріи?

Все это я говорю не потому, что желаю защищать Китай, въ столицѣ котораго я со всею семьею испыталъ всѣ ужасы двухмѣсячной осады, что я окитаился, а съ единственною цѣлью показать, что Китай имѣетъ достаточно основаній не любить иностранцевъ, и что все вышеизложенное послужило поводомъ къ тѣмъ прискорбнымъ и небывалымъ въ исторіи событіямъ, свидѣтелями и невольными участниками которыхъ были мы сами.

Какъ бы то ни было, но теперь предъ иностранными правительствами стоитъ вопросъ о возстановленіи ихъ отношеній къ Китаю, нарушенныхъ дикимъ движеніемъ ихэтуаньцевъ и безумными дѣйствіями самого китайскаго правительства, вызвавшими движеніе союзныхъ войскъ, погромъ и занятіе ими Тяньцзиня и Пекина и, въ частности, занятіе русскими Маньчжуріи и бѣгство двора въ Си-ань-фу. Задача, конечно, не изъ легкихъ, особенно еслибы въ разрѣшеніи ея вздумали прибѣгнуть къ тѣмъ мѣрамъ, о которыхъ съ такимъ легкимъ сердцемъ стали говорить со времени японо-китайской войны: это — раздѣленіе Китая. Къ счастью, по иниціативѣ нашего миролюбиваго пра-

вительства, этотъ способъ рѣшенія настоящихъ затрудненій, кажется, оставленъ всѣми державами.

Рѣшеніе настоящей великой задачи сводится къ слѣдующимъ тремъ основнымъ положеніямъ: 1) наказанію главныхъ виновниковъ настоящихъ смутъ; 2) удовлетворенію за всѣ причиненные убытки, и 3) изысканію мѣръ къ предупрежденію повторенія такихъ смутъ. Крайняя мѣра наказанія, т.-е. смертная казнь, должна быть примѣнена по отношенію: къ князю Чжуану, какъ къ признанному правительствомъ главному начальнику ихэтуаньцевъ; Инъ-няню, какъ его помощнику; генералу Дунъ-фу-сяну, бывшему душою анти-иностраннаго движенія, войска котораго вмѣстѣ съ ихэтуаньцами громили иностранныя посольства въ теченіе двухъ мѣсяцевъ; Юй-сяню, губернатору Сань-си, который былъ иниціаторомъ, покровителемъ и поощрителемъ ихэтуаньскаго движенія въ Шань-дунѣ и опозорилъ человѣческое имя массовымъ, звѣрскимъ истребленіемъ миссіонеровъ и христіанъ съ дѣтьми и женами въ Сань-си, и заядлому ихэтуаньцу и ненавистнику иностранцевъ, министру Чжао-Шу-цэо. Та же участь должна бы постигнуть и князя Дуаня, бывшаго душою всего движенія и диктаторомъ, предъ необузданнымъ самовластіемъ котораго смолкали голоса благоразумныхъ совѣтниковъ правительства, или же, какъ Сюй-Цзинъ-чэнъ, бывшій посланникъ въ Петербургѣ, Юань-чанъ, членъ иностранной коллегіи, министры Сюй-Юнъ-и и Ли-шань и членъ иностранной коллегіи Лянь-юань, поплатились жизнью за свою дерзость. Но полагаютъ, и не безъ основанія, что казнь его, какъ отца вновь избраннаго наслѣдника престола, сопряжена съ большими затрудненіями. Почтительность къ родителямъ, составляющая главную основу въ государственномъ управленіи Китая, обязываетъ сына къ мести за смерть отца. Спрашивается, съ какими чувствами сынъ князя Дуаня, по вступленіи на престолъ, будетъ относиться къ иностраннымъ державамъ, какъ виновникамъ смерти отца? Съ другой стороны, устраненіе наслѣдника, при отсутствіи другого лица, удовлетворяющаго требованіямъ китайскихъ узаконеній о престолонаслѣдіи, можетъ повести къ неожиданнымъ внутреннимъ осложненіямъ, которыя едва-ли въ настоящее время для кого-либо желательны. Притомъ, позволительно сомнѣваться, чтобы кто-либо изъ китайскихъ грандовъ взялся за такую деликатную миссію. По нашему мнѣнію, онъ могъ бы быть приговоренъ къ смертной казни, но съ замѣною ея, въ виду исключительнаго положенія его, пожизненною ссылкою въ самыя отдаленныя мѣста южнаго Китая.

Китай обязанъ возмѣстить всѣ убытки, какъ государственные, такъ и частные, непосредственно причиненные иностраннымъ государствамъ и ихъ подданнымъ погромомъ ихэтуаньцевъ, и вызванные имъ военные расходы.

Въ виду крайняго истощенія государственной казны Китая и ограниченности его доходнаго бюджета, едва-ли достигающаго до 100.000.000 ланъ, уплата убытковъ и расходовъ могла бы быть произведена посредствомъ займовъ у каждаго изъ заинтересованныхъ иностранныхъ правительствъ на сумму, соотвѣтствующую его частнымъ и государственнымъ убыткамъ и военнымъ расходамъ. Гарантіей этихъ убытковъ должны служить соляной акцизъ и ликинный сборъ, строго урегулированный или же замѣненный увеличеніемъ тарифныхъ пошлинъ на соотвѣтствующую сумму. Увеличеніе тарифовъ по иностранной торговлѣ даже вдвое при условіи уничтоженія ликина,—чего такъ безуспѣшно, въ теченіе послѣднихъ лѣтъ, добивается Китай,—было бы только дѣломъ справедливости и, при баснословно низкихъ ставкахъ его въ настоящее время, не бывъ обременительнымъ для иностранной торговли, въ то же время дало бы Китаю опредѣленный доходъ болѣе, чѣмъ въ 20.000.000 ланъ, который могъ бы служить точною гарантіей проектируемыхъ займовъ. При этомъ Китаю должна быть возвращена свобода измѣненія тарифа чрезъ извѣстный опредѣленный срокъ.

Возмѣщеніе всѣхъ убытковъ, понесенныхъ христіанскими общинами и туземными христіанами, гдѣ это возможно, особенно въ деревняхъ, могло бы быть возложено на ближайшія ихэтуаньскія селенія, являясь для нихъ дѣйствительною мѣрою наказанія, за учиненныя ими безобразія и жестокости. Само собою разумѣется, что христіанскіе храмы въ городахъ, со всѣми связанными съ ними учрежденіями, должны быть возстановлены за счетъ правительства.

Оккупаціонный международный отрядъ—въ размѣрѣ не менѣе 6.000 для Пекина и 4.000 для Тяньцзиня—долженъ оставаться въ нихъ до полнаго возстановленія спокойствія въ краѣ, который былъ объятъ мятежемъ; при этомъ изъ того и другого отряда должна быть выдѣлена сила, достаточная для прикрытія желѣзнодорожнаго сообщенія между Пекиномъ и Тяньцзинемъ, которая въ то же время будетъ служить связью между двумя отрядами.

Устройство въ Пекинѣ отдѣльныхъ концессій съ иностранными охранами и предоставленіемъ въ ихъ полное распоряженіе однѣхъ городскихъ воротъ.

Срытіе Дагуских укрѣпленій и запрещеніе возводить укрѣпленія и укрѣпленные лагери между Дагу и Пекиномъ.

Ограниченіе вооруженныхъ силъ Китая контингентомъ, потребнымъ для поддержанія внутренняго порядка въ странѣ.

Возвращеніе союзниками всѣхъ занятыхъ ими мѣстъ, при чемъ, однако, въ виду особыхъ географическихъ условій на русско-маньчжурской границѣ, правый берегъ Амура, во избѣжаніе новыхъ нарушеній нашей границы, на протяженіи 50-ти или 25-ти верстъ въ глубь страны долженъ быть объявленъ нейтральнымъ, съ исключеніемъ плаванія по Амуру китайскихъ судовъ безъ особаго разрѣшенія Россіи.

Ограниченіе дѣятельности миссіонеровъ чисто духовною сферою, съ положительнымъ запрещеніемъ вмѣшиваться во взаимныя отношенія по разнымъ мірскимъ дѣламъ своихъ духовныхъ чадъ съ язычниками.

Подтвержденіе всѣхъ концессій и привилегій, законно утвержденныхъ китайскимъ правительствомъ за иностранными обществами и иностранцами.

Въ частности по отношенію къ Россіи требуется:

1) Изгнаніе всѣхъ зейскихъ маньчжуръ и китайцевъ, обитающихъ, въ силу ангуньскаго договора 1857 г., на лѣвомъ, нашемъ берегу Амура.

2) Открытіе Сунгари и ея притоковъ для плаванія и торговли русскихъ судовъ, съ правомъ имѣть угольно-дровяные и товарные склады въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ это будетъ признано нами необходимымъ, со взиманіемъ пошлинъ по тарифу.

3) Дозволеніе русскимъ караванамъ слѣдовать изъ Калгана западнымъ путемъ чрезъ Улясутай на Енисей.

Въ заключеніе я позволю себѣ сказать, что лучшею гарантіею противъ повторенія прискорбныхъ событій нынѣшняго года будетъ внесеніе иностранцами въ свои отношенія къ Китаю побольше справедливости и поменьше давленія и насилія.

П. Поповъ.

Пекинъ.
2 ноября 1900 г.

Post-scriptum. — „М. Г. — Прошу присоединить къ моему „Дневнику“ небольшую замѣтку о злосчастномъ министрѣ „Цзунъ-ли-я-мыня“, Юань-чанѣ, моемъ хорошемъ знакомомъ, съ приложеніемъ его знаменитаго доклада. Примите“ и пр. Пекинъ, 11 ноября 1900 г.

15-го іюля сего 1900 года подъ сѣкирою палача сложилъ свою голову одинъ изъ здравомыслящихъ людей и истинныхъ патріотовъ Китая, членъ иностранной коллегіи и жертвеннаго приказа, Юань-чанъ. Уроженецъ тун-лускаго уѣзда Чжэ-цзянской провинціи, Юань-чанъ доводился роднымъ правнукомъ Юань-цзы-цайю (1716—1797), пріобрѣтшему репутацію одного изъ извѣстныхъ поэтовъ настоящей династіи, и самъ считался недюжиннымъ поэтомъ и ученымъ, особенно въ области китайской археологіи. Получивъ въ 1876 г. на состязательныхъ испытаніяхъ высшую ученую степень магистра, онъ чрезъ нѣсколько лѣтъ занялъ должность секретаря иностранной коллегіи, которую занималъ болѣе десяти лѣтъ, успѣвъ за этотъ періодъ времени ознакомиться съ характеромъ политики иностранныхъ державъ въ Китаѣ и затѣмъ, какъ выдающійся изъ секретарей, получилъ должность таможеннаго даотая, или окружного инспектора, въ одномъ изъ портовъ, открытыхъ для иностранной торговли. Чрезъ нѣсколько лѣтъ Юань-чанъ получилъ должность провинціальнаго судьи, затѣмъ управляющаго гражданскою и финансовою частями сначала въ Нанкинѣ, а потомъ въ столичной провинціи, откуда былъ вызванъ въ Пекинъ, и, какъ человѣкъ хорошо знакомый съ иностранною политикою, снова вступилъ въ коллегію иностранныхъ дѣлъ, но уже въ качествѣ не секретаря, а члена этого многочленнаго учрежденія. Само собою разумѣется, какъ младшій изъ членовъ, онъ не могъ занять въ немъ выдающагося положенія, особенно при совѣщаніяхъ съ иностранными представителями, во время которыхъ онъ зачастую сидѣлъ съ закрытыми глазами и потому извѣстенъ былъ подъ именемъ „спящаго министра“, но въ средѣ своихъ коллегъ онъ былъ однимъ изъ дѣятельныхъ членовъ, какъ человѣкъ, болѣе другихъ знакомый съ иностранными дѣлами, которыя, послѣ японо-китайской войны, съ каждымъ днемъ становились болѣе и болѣе трудными, въ виду постоянно возвростающихъ безцеремонныхъ притязаній, назойливыхъ требованій и открытыхъ насилій иностранныхъ державъ. Какъ всякій китайскій патріотъ, каковымъ Юань-чанъ и былъ въ душѣ, онъ, подобно имъ, ненавидѣлъ иностранцевъ и, вспоминая тѣ времена, когда гордый Китай относился съ презрительнымъ высокомѣріемъ къ порядкамъ тѣхъ иностранцевъ, потомки которыхъ теперь такъ унижаютъ его, онъ, конечно, не менѣе другихъ горѣлъ желаніемъ освободиться отъ нихъ. Но, какъ человѣкъ умный, онъ понималъ, что одряхлѣвшему, пропитанному духомъ поголовнаго взяточничества, съ совершенно опустѣвшею казною, безъ правильно организованной арміи и усвое-

ній западныхъ реальныхъ знаній, Китаю нельзя и думать о томъ, чтобы однимъ ударомъ избавиться отъ ненавистнаго ига иностранцевъ, а тѣмъ болѣе при содѣйствіи такой подозрительной тайной секты, какъ „И-хэ-туань“, съ прежнею исторіей которой онъ былъ хорошо знакомъ. Вполнѣ сознавая, что безумное, поголовное истребленіе иностранцевъ приведетъ Китай къ окончательной погибели, онъ съ патріотическимъ мужествомъ возсталъ противъ этого безумнаго плана и его главныхъ двигателей, отъявленныхъ невѣждъ временщиковъ, подстрекавшихъ и толкавшихъ вдовствующую императрицу на этотъ опасный путь, и написалъ свой знаменитый докладъ, который, въ соединеніи съ его личными заявленіями императрицѣ о всемъ безуміи и неминуемой грозной опасности для Китая нападенія на иностранныя посольства и истребленія иностранцевъ, послужилъ для ослѣпленнаго князя Дуаня и его клевретовъ мотивомъ къ обвиненію докладчика въ государственной измѣнѣ и къ вынужденію указа о его немедленной казни. Докладъ этотъ, какъ безспорный актъ государственной мудрости и здраваго патріотизма, мы представляемъ ниже, въ переводѣ, вниманію читателей и выражаемъ надежду, что иностранные представители въ своихъ переговорахъ съ Китаемъ сочтутъ долгомъ требовать отъ китайскаго правительства возстановленія въ глазахъ народа добраго имени злополучнаго Юань-чана.

Докладъ члена коллегіи иностранныхъ дѣлъ, Юань-чана, объ уничтоженіи мятежныхъ ихэтуаньцевъ.

„Съ 30—31 мая начались волненія ихэтуаньцевъ. Въ столицѣ князья и сановники ежедневно призываются на аудіенціи. Ихъ величества удручены заботами о династіи и государствѣ, предаваясь глубокимъ думамъ о наилучшихъ мѣрахъ къ спасенію ихъ и совѣтуясь съ чинами имперіи. Мы глубоко виноваты и чувствуемъ стыдъ и негодованіе, потому что не могли прежде другихъ отвратить напасть и тѣмъ облегчить заботы и труды государя-отца.

„Обращаясь къ указу 1808 года, находимъ, что въ Шаньдунской и Хэ-наньской провинціяхъ появились мятежники, основали секту Па-гуа и И-хэ-цюань, которыя въ дѣйствительности были не что иное, какъ выродки секты бѣлаго-ненюфара. Поэтому былъ изданъ строгій указъ о тайной поимкѣ и наказаніи адептовъ ихъ. Въ прошломъ году у-цяоскимъ уѣзднымъ начальникомъ, Лао-най-сюанемъ, была опубликована весьма подробная

записка по этому предмету. Въ апрѣлѣ настоящаго года шань-дунскій губернаторъ Юань-ши-кай, въ отвѣтномъ докладѣ на высочайшій указъ, заявилъ, что образованіе изъ ихэтуаньцевъ войска ни подъ какимъ видомъ дѣло немыслимое. Такое заявленіе его въ высшей степени справедливо и разумно. Затѣмъ, бывшій шань-дунскій губернаторъ Юй-сянь, въ рѣшеніи дѣла о мятежникахъ пинъ-юаньскаго уѣзда, заявилъ, что глава ихэтуаньцевъ, Чжу-хунь-дэнъ, самъ называлъ себя потомкомъ Минской династіи, нелѣпыми толками смущалъ народъ, который повсюду откликался на его призывъ. Къ счастью, онъ былъ пойманъ и казненъ. Фактъ этотъ служитъ яснымъ доказательствомъ того, что ихэтуаньцы не обладаютъ чарами, которыя могли бы дѣлать ихъ неуязвимыми. Въ прошломъ году я разспрашивалъ генерала Чэнъ-вэнь-бина, который разсказалъ мнѣ слѣдующій фактъ: „Въ 1895 году, когда я стоялъ съ моимъ отрядомъ въ окрестностяхъ столицы, здѣсь встрѣтилось мнѣ 40—50 шань-дунскихъ ихэтуаньцевъ, изъявившихъ охоту поступить въ ряды моего отряда; я подвергъ ихъ искусство испытанію посредствомъ ружья и меча, и тотчасъ же показалась кровь, и испытуемые оказались убитыми". Такимъ образомъ, не подлежитъ никакому сомнѣнію, что эти чары ихъ совершенно не заслуживаютъ довѣрія. Между тѣмъ главарь ихъ привлекъ массу приверженцевъ и давно питаетъ мятежные замыслы, безумно называя себя потомкомъ Миновъ, мутитъ народъ. Это является новымъ несомнѣннымъ доказательствомъ того, что ихэтуанизмъ—зловредная секта, и послѣдователи ея—мятежники. Когда, 3-го декабря прошлаго года, я имѣлъ счастье представляться вашимъ величествамъ, тогда, по поводу безпорядковъ, производимыхъ ихэтуаньцами подъ предлогомъ вражды къ христіанамъ, я лично докладывалъ вамъ, что это—зловредная секта, начинающая мятежъ, и что къ подавленію ея заблаговремено должны быть приняты мѣры. Вслѣдъ за этимъ шань-дунскій губернаторъ Юань-ши-кай приложилъ дѣйствительныя старанія къ прекращенію вредной дѣятельности этой секты, истребивъ болѣе десяти шаекъ, и Шань-дунъ успокоился. Вначалѣ ученый классъ, увлекшись ошибочною вѣрою, порицалъ шань-дунскаго губернатора, говоря, что онъ не долженъ былъ прибѣгать къ крутымъ мѣрамъ. Говорившіе такъ, дѣйствительно, были неучи и невѣжды, принимавшіе превратное ученіе за истинное; но въ послѣднее время и они соглашаются, что губернаторъ поступилъ правильно. Зимою прошлаго года я, вслѣдствіе статьи Лао-най-сюаня, предложилъ членамъ иностранной коллегіи представить докладъ, испрашивая въ немъ высочайшаго повелѣнія шань-дунскому губернатору объ

уничтоженіи мятежниковъ, но, въ виду того, что принятыя губернаторомъ мѣры уже оказали свое дѣйствіе, докладъ этотъ не былъ представленъ.

„Но, сверхъ чаянія, только-что Шань-дунская провинція успокоилась, какъ ихэтуаньцы проникли въ Чжилійскую провинцію. Генералъ-губернаторъ безучастно смотрѣлъ и медлилъ; взлелѣялъ язву, причинилъ зло допущеніемъ распространенія ихэтуанизма. Что на первыхъ порахъ онъ плохо вникъ въ дѣло,— это его вина, отъ которой ему трудно отказаться. Когда же въ уѣздѣ Лай-шуй ихэтуаньцами былъ убитъ командиръ китайскаго отряда, генералъ-губернаторъ увидѣлъ, что эти сектанты, прикрываясь враждою къ христіанскимъ прозелитамъ, ясно показали себя своею мятежнической дѣятельностью,—и тогда только представилъ по телеграфу докладъ, съ просьбою приступить къ истребленію мятежниковъ. Но мнѣнія центральнаго правительства и провинціальныхъ властей разошлись. Явились медленность и нерѣшительность. Ихэтуаньцы не только овладѣли И-чжоу, но мятежъ распространился на Юнъ-цинъ и Ба-Чжоу. Безнаказанность за убійство офицера въ Лай-шуй еще болѣе придала храбрости мятежникамъ, которые, вслѣдъ за этимъ, сожгли и разрушили бао-динъ-фускую и тянь-цзинь-пекинскую желѣзныя дороги и желѣзнодорожный телеграфъ отъ Пекина до Тяньцзиня и далѣе—до Калгана. Всѣ эти сооруженія были произведены на казенныя средства и на суммы, заимствованныя у иностранцевъ. И это имущество, стоившее нѣсколько милліоновъ, въ одинъ день было предано огню и разрушенію. Это заслуживаетъ глубокаго сожалѣнія. Затѣмъ, въ нѣсколькихъ сотняхъ мѣстъ сожжены христіанскіе храмы и избиты христіане. Удовлетвореніе за все это также обойдется не мало. Положимъ, что между христіанами и язычниками существуетъ вражда, обратившаяся въ ненависть; но мѣстныя власти, воспринявъ государственные законы, конечно, имѣютъ средства къ безпристрастному рѣшенію тяжебныхъ дѣлъ; имъ стоитъ только руководствоваться правотою или кривдою самаго дѣла, не различая язычниковъ и христіанъ, и ни подъ какимъ видомъ не допускать негодяевъ до самосуда. Между тѣмъ, мы видимъ, что съ 30 и 31 мая эти негодяи осмѣлились тайно проникнуть въ столицу, разбойничать въ ней, жечь и разрушать христіанскіе храмы, осаждать посольства, повсюду предаваться всякимъ неистовствамъ, поджигать и убивать и приводить въ трепетъ дворецъ. Положительно, это—преступленіе великое и зло крайнее, которыя никоимъ образомъ не могутъ быть прощены. 3 іюня за Цянь-мыньскими воротами, въ тор-

говомъ городѣ, они предали огню болѣе тысячи домовъ; всѣ собранныя тамъ сокровища были сожжены и разграблены до-чиста; жители переселились въ другія мѣста; купцы закрыли лавки и совершенно прекратили торговлю; всѣ переводы и выдачи также сдѣлались невозможными; Пекинъ принялъ видъ крайняго застоя. Давъ мятежникамъ волю безчинствовать, жечь, убивать и неистово кричать, мы дѣйствительно служимъ посмѣшищемъ и позоромъ для сосѣднихъ державъ. Всѣ иностранные представители, въ виду враждебнаго настроенія мятежниковъ къ христіанамъ, опасаясь сдѣлаться жертвами ихъ злодѣйства, вынуждены сами охранять себя. Въ настоящее время у нихъ всего только четыреста слишкомъ человѣкъ, которые охраняютъ ихъ жизнь. Это—дѣйствительная правда. 30-го числа, когда членъ государственнаго совѣта, вмѣстѣ съ другими сановниками, отъ лица императрицы освѣдомлялся о здоровьѣ иностранныхъ представителей и ихъ женъ, то они, бывъ глубоко тронуты вниманіемъ вашего величества, заявили, что они вызываютъ войска для охраны посольствъ и защиты жизни и никоимъ образомъ не будутъ мѣшаться во внутреннія дѣла китайскаго правительства, и что, по усмиреніи мятежниковъ и возстановленіи спокойствія, они немедленно будутъ выведены. Они въ этомъ клялись, и заявленія ихъ положительно неложны.

„Для насъ въ настоящее время единственнымъ средствомъ является прежде всего очищеніе внутренняго города отъ мятежниковъ, съ цѣлью умиротворить населеніе и успокоить иностранцевъ, чѣмъ только и можно удержать вновь вызванныя ими войска. Ясное дѣло, что только при непремѣнномъ условіи истребленія мятежниковъ самимъ Китаемъ можно избавиться отъ содѣйствія иностранныхъ войскъ въ подавленіи мятежа.

„По моему скромному мнѣнію, въ военномъ дѣлѣ самое опасное, это—многоначаліе. Въ случаѣ разногласія во мнѣніяхъ, при отсутствіи единовластія, является взаимное безучастіе, а отсюда и упущеніе случая. Въ настоящее время были изданы строгіе указы, предписывающіе жандармеріи, среднему отряду У-вэй, совмѣстно съ гвардейскими (?) войсками, принимать строгія мѣры къ поимкѣ главарей и немедленному разсѣянію ставшихъ въ ряды мятежниковъ по принужденію, а также разрушить всѣ алтари [1]), устроенные ими въ маньчжурскомъ и китайскомъ городѣ. Несмотря на это, войска бездѣйствовали, а мятежники продолжали

[1]) На алтарѣ у ихэтуаньцевъ ставилась дощечка съ надписью: „Хунъ-цзюнь-лаоцзу“, то-есть: творецъ, небо,—предъ которой возжигались свѣчи съ колѣнопреклоненіемъ.

безобразничать по прежнему. Составленныя, по высочайшему повелѣнію, жандармеріею, столичнымъ областнымъ управленіемъ и городскою полиціей правила положительно остались мертвою буквою, и никто и никогда не заботился объ ихъ исполненіи. Причиною этого—отсутствіе единовластія. Чѣмъ долѣе скопища ихэтуаньцевъ останутся, тѣмъ болѣе они будутъ посѣвать смуты, и дѣло окончится громаднымъ переворотомъ. Припадая, умоляю ваше величество воспылать гнѣвомъ и благоговѣйно приступить къ небесной карѣ ихъ для того, чтобы доставить спокойствіе вашимъ царственнымъ предкамъ и тишину миріадамъ вашихъ подданныхъ. Возложите спеціально на канцлера Жунъ-лу дѣло истребленія и умиротворенія мятежниковъ, съ предоставленіемъ ему полной свободы дѣйствія. Пусть онъ сначала очиститъ внутренній (маньчжурскій) городъ, немедленно издавъ, по высочайшему повелѣнію, во всеобщее свѣдѣніе слѣдующее объявленіе: „Всякаго мятежника, съ красною повязкою на головѣ и подпоясаннаго краснымъ кушакомъ, вооруженнаго саблею и совершающаго поджогъ или убійство, дозволяется безнаказанно убивать“. Вмѣстѣ съ этимъ, пусть будетъ вывѣшено росписаніе съ обѣщаніемъ щедрыхъ наградъ, а именно: за поимку и доставленіе главы мятежниковъ, называемаго „почтеннымъ основателемъ ученія“ или „великимъ наставникомъ-братцемъ“, выдается въ награду 20.000 ланъ съ немедленнымъ повышеніемъ въ чинахъ не по градаціи; за взятіе въ плѣнъ и отрубленіе головы старшинѣ круга—500 ланъ, а за остальныхъ мятежниковъ за каждую голову—по 100 ланъ, съ заявленіемъ о своемъ имени въ ожиданіи высочайшей награды. Канцлеръ Жунъ-лу, какъ важный государственный сановникъ, долженъ служить сдерживающимъ началомъ, а не обременять себя мелкими вопросами, для которыхъ въ помощь ему должны быть назначены дѣльные люди. Такими помощниками, по моему скромному мнѣнію, могли бы быть секретарь у-вэйскаго отряда, даотай Пань-Цзэнъ-сянъ, извѣстный своею смѣтливостью, оберъ-секретарь сената Гуй-чунь [1]), человѣкъ преданный, мужественный, разумный и рѣшительный, прокуроръ Хуанъ Гуй-цзюнь, извѣстный своею честностью и пониманіемъ дѣла, и столичный областной начальникъ Чэнь-Куй-лунъ, человѣкъ усердный къ службѣ. Затѣмъ изъ у-вэйскаго средняго отряда слѣдуетъ выбрать дѣльныхъ офицеровъ и лучшихъ солдатъ, съ раздѣленіемъ на нѣсколько командъ; если ко-

[1]) Членъ иностранной коллегіи, получившій-было назначеніе на постъ посланника въ Петербургѣ, говорятъ, симпатизировавшій ихэтуаньцамъ.

мандиры будутъ дѣльные люди, то 300 человѣкъ вполнѣ будетъ достаточно для каждой команды. Послѣ этого испросить указъ о закрытіи на время трехъ южныхъ воротъ, строго преслѣдовать бродячій людъ, дозволяя выходить изъ города, но не входить въ него, и тогда приняться повсюду за розыскъ мятежниковъ, вмѣнивъ въ обязанность совершенно очистить отъ нихъ всѣ заброшенныя капища и кумирни. Приказать жандармскому управленію и министерству уголовныхъ дѣлъ командировать способныхъ чиновниковъ, размѣстить ихъ по разнымъ судебнымъ участкамъ съ тѣмъ, чтобы они, по произведеніи краткаго допроса пойманнымъ мятежникамъ, входили съ докладомъ къ главнокомандующему о преданіи ихъ немедленно смертной казни на мѣстѣ; остальныхъ разсѣять, выгнать изъ Пекина и препроводить на родину. Намъ могутъ сказать, что этихъ мятежниковъ много, и нельзя ихъ истребить. Но эти господа не знаютъ, что только главари мятежниковъ начинаютъ смуты, а остальные — большею частью невѣжественные деревенскіе мужики, между которыми есть юноши и взрослые. Другіе могутъ намъ сказать, что ихэтуаньцы обладаютъ волшебною силою. На это мы позволимъ себѣ замѣтить, что предводитель „желтыхъ колпаковъ", Чжанъцзіо [1]) и другой мятежникъ конца Юаньской династіи (половины XIV в.), Пань-гуань. оба обладали волшебнымъ искусствомъ, но, въ концѣ концовъ, все-таки были взяты въ плѣнъ и казнены. Всѣ эти негодяи днемъ скрываются, а ночью дѣйствуютъ, увѣряя, что они призываютъ духовъ; все это ограничивается кабалистикою, заклинаніями, спиритизмомъ, употребленіемъ злыхъ духовъ въ качествѣ служебныхъ силъ и т. п. темными искусствами. Стоитъ только этимъ людямъ встрѣтиться съ предметами, соединяющими въ себѣ свѣтъ и звукъ, какъ высшее проявленіе свѣтовой энергіи, — напримѣръ, съ ружьями и пушками, — какъ они немедленно убиваютъ ихъ. Если эти мятежники обладаютъ искусствомъ уклоняться отъ ружей и пушекъ, то какимъ образомъ 30 и 31 мая, при многократныхъ нападеніяхъ ихъ на иностранныя посольства, каждый залпъ иностранныхъ солдатъ клалъ ихъ на мѣстѣ по нѣскольку человѣкъ? Вчера въ переулкѣ Шуай-фу они уложили болѣе 40 ихэтуаньцевъ и до основанія разрушили ихъ алтарь. Въ числѣ многомилліоннаго столичнаго населенія, облагодѣтельствованнаго вашими щедротами, въ сущности нѣтъ ни одного бунтовщика; такими являются только нѣсколько главныхъ коно-

[1]) Мятежникъ конца Ханьской династіи, чарами, наговорами и шарлатанствомъ привлекшій къ себѣ массу народа, поднявшій въ 184 году знамя возстанія, овладѣвшій сѣвернымъ Китаемъ и, въ концѣ концовъ, казненный.

водовъ ихэтуаньцевъ. Коль скоро они будутъ пойманы и казнены, людскія сердца содрогнутся предъ закономъ, мятежники падутъ духомъ и народные умы сами собою совершенно успокоятся. Въ истребленіи и разсѣяніи мятежниковъ также должна принять участіе вся городская полиція, обученная милиція и пожарныя команды.

„Съ очищеніемъ отъ мятежниковъ внутренняго маньчжурскаго города, иностранныя посольства, по милости вашихъ величествъ, бывъ защищены, будутъ глубоко признательны за возвращеніе имъ жизни, и прибытіе новыхъ иностранныхъ отрядовъ, конечно, можетъ быть задержано. Даже, еслибы они прибыли, ихъ можно будетъ удалить, заявивъ, что, съ очищеніемъ города отъ мятежниковъ, въ защитѣ ими иностранныхъ посольствъ нѣтъ надобности.

„Однимъ словомъ, согласно Чжоу'скому обряднику [1]), для умиротворенія государства, объятаго мятежемъ, слѣдуетъ употреблять суровыя наказанія (казни).

„Колебаніе въ этомъ случаѣ невозможно. Если же мы будемъ медлить истребленіемъ ихъ, то и тѣ изъ нихъ, которые смирились, выйдутъ изъ повиновенія; въ то же время и всѣ иностранныя державы, подъ вліяніемъ глубокаго негодованія, поднимутся для отмщенія. Это поведетъ къ неисчислимымъ бѣдствіямъ. Вмѣсто того, чтобы чужеземнымъ войскамъ мѣшаться въ истребленіе мятежниковъ,—непремѣннымъ послѣдствіемъ чего будетъ столкновеніе иностранныхъ войскъ съ мятежными кулачниками, столица обагрится кровью, безчисленное множество мирныхъ гражданъ будетъ погублено и все придетъ въ состояніе непоправимаго разложенія,—не лучше ли намъ самимъ заняться истребленіемъ ихъ? Это можно поставить иностранцамъ на видъ, чтобы лишить ихъ повода къ разговорамъ, и тѣмъ спасти общій интересъ. Династія останется спокойною и народъ будетъ весьма счастливъ.

„Канцлеръ Жунъ-ду—человѣкъ, преданный интересамъ государства. Если онъ будетъ назначенъ спеціальнымъ указомъ, то, при сосредоточеніи обязанностей въ одномъ лицѣ, успѣхъ будетъ скорый. Что же касается международныхъ затрудненій, то и они, сообразно съ обстоятельствами, могутъ быть разрѣшены должнымъ образомъ".

---

[1]) Составленъ Чжоу-гуномъ, дядею и регентомъ китайскаго князя Чэнъ-вана, въ XII ст. до Р. Хр.

ЕЩЕ О СТАРОСТИ

Какъ часто жизнь любовно манитъ
И шепчетъ мнѣ:—ты мой пока;
И юной ласкою туманитъ
Пытливый разумъ старика!

О, какъ я суетно и праздно
Влачу сочтенные мнѣ дни,
Среди манящаго соблазна
И стерегущей западни!

Межъ тѣмъ ужъ то едваль не чудо,
Когда путь жизни позади,
Что сердце ветхое покуда
Еще работаетъ въ груди.

Приди же, время покаянья;
Приди, досугъ для долгихъ думъ;
И не мѣшай, житейскій шумъ,
Мнѣ погружаться въ созерцанья!

Алексѣй Жемчужниковъ.

10 февраля 1901 г.

БОРЬБА

ЗА

ЕДИНСТВО ВѢРЫ

ВЪ IV-МЪ ВѢКѢ.

ЦЕРКОВЬ И ГОСУДАРСТВО ВЪ БОРЬБѢ СЪ ЕРЕСЬЮ *).

I.

Личныя усилія Августина въ борьбѣ за единство вѣры составляютъ ея идеальный моментъ; мотивъ этихъ усилій былъ идеальный—глубокая вѣра, и идеальны были средства, къ которымъ прибѣгалъ Августинъ въ этой борьбѣ. Но уже при изображеніи этихъ личныхъ усилій намъ пришлось указывать на средства совершенно иного рода, примѣнявшіяся современнымъ Августину римскимъ государствомъ для той же цѣли.

Въ римскомъ государствѣ искони существовали самыя тѣсныя отношенія между религіей и политикой. Недаромъ древнѣйшая римская надпись, недавно открытая на римскомъ форумѣ и вызвавшая столько различныхъ толкованій, является свидѣтельствомъ такихъ отношеній. Въ ней упоминается о царѣ, а ея содержаніе касается жертвоприношенія или жреческаго закона. На самомъ дѣлѣ древніе цари Рима были и верховными жрецами. Когда царская власть была замѣнена консульской, римляне

*) См. выше: февр., стр. 537.

сохранили должность „царя-жертвователя“ для боговъ; это было до извѣстной степени первое раздѣленіе духовной и свѣтской власти, но съ подчиненіемъ первой—второй. Съ возвышеніемъ плебеевъ, патриціанская должность „царя-жертвователя“ стала терять свое значеніе, и главенство духовное перешло къ общесословной должности „верховнаго понтифекса“. При основаніи имперіи, ея учредитель, Августъ, позаботился о томъ, чтобы принять на себя званіе верховнаго понтифекса, т.-е. снова слить въ одномъ лицѣ высшую государственную и духовную власть въ Римѣ.

Традиція римской языческой имперіи перешла къ христіанскимъ императорамъ. Но, конечно, положеніе ихъ въ религіозныхъ вопросахъ было иное, чѣмъ при язычествѣ. На ряду съ имперіей стала церковь, получившая въ IV-мъ вѣкѣ свою вселенскую организацію, и съ тѣхъ поръ судьба всѣхъ религіозныхъ вопросовъ, возникавшихъ среди христіанъ, разрѣшалась подъ двойнымъ вліяніемъ церкви и государства.

Такъ было и съ донатизмомъ. Мы видѣли, что воздѣйствіе на него со стороны императорской власти началось съ самаго его возникновенія. Со стороны же церковной власти это воздѣйствіе было очень слабое. Объясняется это тѣмъ, что вниманіе вселенской церкви было отвлечено гораздо болѣе важнымъ и тревожнымъ вопросомъ—аріанствомъ. Кромѣ того, донатизмъ долгое время не былъ ересью, а только мѣстной схизмой, мало извѣстной на востокѣ. Мѣстная же, африканская церковь, пришедшая въ разстройство отъ донатизма, была слишкомъ слаба, чтобы вести систематическую борьбу со своимъ соперникомъ. Но въ послѣдніе годы IV-го вѣка это положеніе дѣла измѣнилось,—въ значительной степени подъ вліяніемъ Августина: въ борьбу съ донатистами вступаетъ новая сила—церковные соборы африканской провинціи.

Въ 391 году карѳагенскій православный престолъ занялъ архіепископъ Аврелій, съумѣвшій пріобрѣсти уваженіе и авторитетъ во всѣхъ африканскихъ провинціяхъ. Онъ поднялъ духъ африканскаго духовенства и, чтобы объединить его въ борьбѣ съ ересью и повести его по пути реформъ, созвалъ его въ 393 году на областной соборъ въ Гиппонѣ. По просьбѣ епископовъ, бывшій тогда пресвитеромъ Августинъ произнесъ на соборѣ свое поученіе о „вѣрѣ и символѣ“. Гиппонскій соборъ установилъ цѣлый рядъ каноновъ, касавшихся управленія церковью, обрядовъ и въ особенности жизни духовенства. Важнѣйшимъ изъ нихъ было постановленіе созывать ежегодно соборъ изъ пред-

ставителей отъ каждой провинціи—одной триполитанской провинціи было предоставлено право, ради бѣдности епископовъ, присылать лишь одного.

Съ тѣхъ поръ почти ежегодно сталъ собираться въ Африкѣ соборъ, большею частью въ самомъ Карѳагенѣ; уже на соборѣ 397 года мы встрѣчаемъ въ числѣ подписавшихъ протоколъ епископовъ и Августина, усилія котораго, направленныя къ объединенію церкви, нашли себѣ теперь болѣе широкое примѣненіе. Одной изъ наиболѣе цѣлесообразныхъ въ этомъ отношеніи мѣръ, обсуждавшейся на соборѣ 397 года и принятой въ 401 году, вѣроятно, подъ вліяніемъ Августина, было постановленіе по вопросу, сохранять ли за духовными лицами изъ донатистовъ, въ случаѣ ихъ возсоединенія съ церковью, ихъ прежній санъ. При многочисленности и вліяніи донатистскаго духовенства, лишеніе ихъ епископовъ и священниковъ сана при возсоединеніи, должно было служить весьма существеннымъ препятствіемъ къ умиротворенію христіанской Африки. А между тѣмъ, еще незадолго передъ этимъ, на капуанскомъ соборѣ въ Италіи было постановлено принимать еретиковъ духовнаго званія лишь въ качествѣ мірянъ. Однако, прежняя традиція была въ этомъ отношеніи снисходительнѣе къ донатистамъ. Въ началѣ схизмы, когда весь споръ сводился лишь къ тому, признавать ли самого Маіорина и посвященныхъ имъ лицъ правильно поставленными, даже римскій епископъ Мельхіадъ признавалъ возможнымъ сохранять за донатистскими епископами ихъ санъ православной церкви. Къ тому же во время Августина со стороны православныхъ въ Африкѣ ощущался большой недостатокъ въ духовныхъ лицахъ—даже въ діаконахъ, хотя бы и безграмотныхъ,—и архіепископъ Аврелій бывалъ часто въ большомъ затрудненіи, когда изъ провинцій къ нему обращались съ просьбой прислать священника. Въ виду этого карѳагенскій соборъ отправилъ посольства въ Римъ и Миланъ, чтобы получить согласіе тамошнихъ епископовъ на льготы, которыя имѣлось въ виду предоставить донатистскимъ епископамъ и священникамъ въ тѣхъ случаяхъ, когда они возсоединялись со всей своей общиной, или если они не производили вторичнаго крещенія.

Облегчивъ такимъ образомъ донатистамъ возвращеніе въ церковь, соборъ 401 года постановилъ обратиться посредствомъ депутацій ко всѣмъ донатистскимъ общинамъ, епископамъ, и доказать имъ на основаніи оффиціальныхъ документовъ, что ихъ расколъ не имѣлъ болѣе серьезнаго основанія, чѣмъ отдѣленіе отъ нихъ максиміанистовъ, ими за это такъ сильно осуждаемыхъ;

и второе, что если они, „ради мира“, считаютъ возможнымъ принимать въ свою среду максиміанистовъ, „не оскверняя этимъ себя“,—то они не имѣютъ основанія укорять вселенскую церковь за то, что она терпѣла въ своей средѣ людей, хотя и обвиненныхъ, но не уличенныхъ въ предательствѣ. За этимъ обращеніемъ, въ которомъ слышится уже знакомая намъ аргументація Августина, послѣдовала болѣе рѣшительная мѣра на соборѣ 403 года, гдѣ было единогласно постановлено, чтобы каждый изъ каѳолическихъ епископовъ устроилъ въ своей епархіи собесѣдованіе съ донатистами при содѣйствіи муниципальныхъ или государственныхъ властей, къ которымъ съ этой цѣлью соборъ и обратился съ просьбой о посредничествѣ между православными и донатистами. Эта организація повсемѣстныхъ оффиціальныхъ собесѣдованій была осуществленіемъ завѣтнаго желанія Августина, пламенно вѣровавшаго въ могучую силу слова и истины. Но такой разсчетъ и на этотъ разъ оказался ошибочнымъ уже потому, что планъ такихъ повсемѣстныхъ собесѣдованій не могъ встрѣтить сочувствія со стороны донатистовъ. Не говоря о томъ, что въ ихъ средѣ было мало образованныхъ и ученыхъ людей, и что посредничество властей внушало имъ подозрѣніе,—самый ихъ расколъ обусловливался извѣстнымъ провинціальнымъ и національнымъ *сепаратизмомъ*, который не поддавался богословскимъ доводамъ. При такомъ настроеніи задуманная соборомъ мѣра не могла привести къ желанной цѣли. Хотя текстъ обращенія былъ составленъ въ примирительномъ тонѣ,—къ донатистамъ были, между прочимъ, примѣнены слова пророка: *„вы наши братья“*,—отвѣтъ донатистовъ былъ очень рѣзокъ. Ихъ глава, карѳагенскій епископъ Приміанъ, въ оффиціальномъ сообщеніи властямъ заявилъ, что „сыновьямъ мучениковъ не приличествуетъ собираться вмѣстѣ съ исчадіемъ предателей“, и разослалъ окружное посланіе къ другимъ епископамъ, воспрещавшее имъ вступать въ переговоры съ ихъ каѳолическими товарищами. Мы не имѣемъ свѣдѣній о томъ, какой оборотъ приняло дѣло въ цѣлой Африкѣ, но то, что̀ дошло до насъ изъ мѣстъ ближайшихъ къ Августину, даетъ поводъ думать, что попытка собора не привела ни къ чему. Когда самъ Августинъ обратился съ упомянутымъ предложеніемъ къ своему собрату въ Гиппонѣ, Прокулеянъ отвѣтилъ, что донатисты имѣютъ намѣреніе созвать свой соборъ и тамъ обсудить, какой дать отвѣтъ. Соборъ состоялся и постановилъ — не давать никакого отвѣта. Послѣ вторичнаго обращенія Августина, Прокулеянъ, однако, сообщилъ ему о рѣшеніи донатистовъ. Но

гораздо хуже дѣло обошлось въ сосѣдней Каламѣ, каѳолическимъ епископомъ которой былъ Поссидій, ученикъ и впослѣдствіи біографъ Августина. На приглашеніе Поссидія извѣстный уже намъ епископъ Криспинъ отвѣтилъ сначала, какъ и Прокулеянъ, что ожидаетъ рѣшенія донатистскаго собора, а затѣмъ ссылкой на ветхозавѣтный текстъ: „Оставьте меня, безбожники", и т. д. Когда же послѣ этого Поссидій отправился въ сосѣднее мѣстечко, донатисты, подъ предводительствомъ пресвитера Криспина, устроили ему засаду. Предупрежденный объ этомъ, Поссидій свернулъ съ дороги и нашелъ убѣжище въ одномъ крестьянскомъ дворѣ. Но Криспинъ настигъ его здѣсь, и бывшая съ нимъ толпа окружила домъ, бросала камни и пыталась его поджечь. Три раза мѣстнымъ крестьянамъ удавалось затушить огонь, но, наконецъ, нападавшіе ворвались во дворъ—причемъ Криспинъ самъ выломалъ двери—перебили скотину, находившуюся внизу, проникли въ верхнее жилье, выбросили оттуда епископа и стали его бить, пока Криспинъ, наконецъ, самъ не остановилъ ихъ.

По жалобѣ потерпѣвшихъ, городскія власти обратились къ епископу Каламы, Криспину, съ требованіемъ наказать виновнаго, такъ какъ пресвитеръ былъ подсуденъ лишь суду епископа. Но Криспинъ съ глумленіемъ отвергъ требованіе. Тогда городской попечитель обратился къ властямъ съ жалобой на самого епископа Криспина, который и былъ приговоренъ къ уплатѣ пени въ 10 ф. золота, на основаніи закона Ѳеодосія I. Криспинъ подалъ на это намѣстнику Нумидіи протестъ, основанный на томъ, что законъ Ѳеодосія направленъ противъ еретиковъ, а не противъ донатистовъ. Такимъ образомъ процессъ перешелъ снова на церковную почву. Свѣтская власть признала себя некомпетентной установить, примѣнимо ли къ Криспину наименованіе еретика, и обязанность доказать это была возложена на истца, Поссидія. Августину по этому случаю удалось трижды устроить собесѣдованіе между обоими епископами, на которомъ Криспинъ былъ обличенъ въ ереси. Въ силу этого на него была возложена пеня, но, по ходатайству Поссидія, не взыскана. Криспинъ, однако, не успокоился на этомъ. Для него было важно принципіальное рѣшеніе вопроса, примѣнимъ ли къ донатистамъ законъ о еретикахъ, и съ этой цѣлью онъ апеллировалъ къ императорскому двору. Рѣшеніе высшей инстанціи было неблагопріятно для него. Пеня была возложена не только на него, но и на городского судью и на все судебное присутствіе,—однако, по ходатайству епископовъ, и въ особенности Августина, была сложена. Упрямое и, нужно прибавить, оскорбительное противодѣйствіе дона-

тистовъ всякому полюбовному обсужденію спорныхъ вопросовъ, имѣло для нихъ роковыя послѣдствія, побудивъ слѣдующій карѳагенскій соборъ измѣнить свой образъ дѣйствія. До сихъ поръ каѳолическая церковь въ Африкѣ въ своихъ сношеніяхъ съ донатистами не сходила съ церковной почвы. Если соборъ 403 года и обратился за содѣйствіемъ къ властямъ, то при этомъ имѣлось въ виду лишь посредничество ихъ и содѣйствіе въ переговорахъ съ донатистами. На соборъ же 404 года многіе епископы прибыли раздраженные и озлобленные противъ донатистовъ; на успѣхъ мирныхъ переговоровъ, очевидно, уже нельзя было разсчитывать; оставалось лишь одно—*принужденіе* съ помощью свѣтской власти. Наступила знаменательная минута для африканскаго духовенства. Благодаря присутствовавшему на соборѣ Августину, она освѣщена яркимъ свѣтомъ исторіи. На соборѣ проявились два мнѣнія: епископы пожилые, принимая въ соображеніе, что многіе города, гдѣ господствуетъ истинная вѣра, были обращены въ нее указами прежнихъ императоровъ,—всѣмъ еще было памятно, какъ быстро Ѳеодосій I превратилъ аріанскій Константинополь въ православный,—совѣтовали и въ этомъ случаѣ обратиться къ сыновьямъ и преемникамъ этого императора съ просьбой запретить донатизмъ. Противъ этого высказалась другая часть епископовъ, во главѣ которой стоялъ Августинъ. Онъ былъ того мнѣнія, „что никого не слѣдуетъ принуждать къ единенію съ Христомъ: словомъ надо дѣйствовать, преніями—склонять, вразумленіемъ—побѣждать, чтобы явные еретики не стали притворными православными“. Въ виду этого онъ настаивалъ на другомъ. Онъ заявлялъ, что хотя ярость донатистовъ повсюду свирѣпствуетъ,—не слѣдуетъ просить императора, чтобы онъ „приказалъ не быть ереси“, наложивъ кару на тѣхъ, кто захотѣлъ бы въ ней пребывать, но издалъ бы законъ для огражденія тѣхъ, кто сталъ бы проповѣдовать каѳолическую истину. Для такого огражденія Августинъ считалъ достаточнымъ непосредственное примѣненіе къ донатистамъ закона Ѳеодосія противъ *еретиковъ*, каравшаго всякаго ихъ епископа и пресвитера, гдѣ бы онъ ни находился, пеней въ 10 ф. золота,—однако, съ тѣмъ ограниченіемъ, чтобы этотъ законъ распространялся лишь на тѣхъ, въ приходѣ или епархіи которыхъ церковь подверглась бы какимъ-либо насиліямъ со стороны донатистскаго духовенства, циркумцелліоновъ или населенія; но и этой пенѣ епископы и прочіе клирики должны были подвергаться властями лишь въ случаѣ непосредственнаго заявленія объ этомъ со стороны потерпѣвшихъ каѳоликовъ. Августинъ полагалъ, что

устрашенные такою отвѣтственностью вожди донатистовъ не допустятъ насилій, и тогда будетъ возможна свободная проповѣдь истины, такъ чтобы никто не былъ къ ней принуждаемъ, а всякій могъ бы послѣдовать за ней по своей волѣ и безъ страха. Мнѣніе Августина взяло верхъ, и соборъ отправилъ къ императору Гонорію депутацію изъ двухъ епископовъ съ соотвѣтствующимъ ходатайствомъ. Эта точка зрѣнія на роль церкви и государства въ борьбѣ съ ересью, усвоенная соборомъ подъ вліяніемъ Августина, представляетъ знаменательный моментъ въ исторіи принужденія въ дѣлахъ вѣры. Въ лицѣ карѳагенскаго собора церковь требовала отъ государства лишь огражденія свободной проповѣди посредствомъ карательныхъ законовъ за насиліе,—силою своей проповѣди церковь бралась покорить ересь.

Но событія пошли быстрѣе, чѣмъ ожидали члены собора. Прежде чѣмъ ихъ послы, заѣзжавшіе въ Римъ, прибыли въ Равенну, при императорскомъ дворѣ были приняты мѣры, опередившія ходатайство епископовъ. Случилось это отъ того, что ко двору стали поступать съ разныхъ сторонъ жалобы на насилія донатистовъ. Въ Тубурзикубурѣ, напр., каѳолическій епископъ сталъ искать судебнымъ порядкомъ какой-то подгородный участокъ, захваченный у церкви донатистами. Въ то время, какъ стряпчіе обѣихъ сторонъ ожидали разслѣдованія дѣла проконсуломъ, вооруженная толпа донатистовъ напала въ городѣ на епископа, который едва ушелъ отъ нея. Это нападеніе такъ встревожило отца епископа, стараго пресвитера, что онъ, нѣсколько дней спустя, отдалъ Богу душу. Еще болѣе возмутило всѣхъ дѣло Максиміана, каѳолическаго епископа въ городѣ Багаи, этой твердынѣ донатизма. И этотъ епископъ искалъ судебнымъ порядкомъ церковь въ одномъ помѣстьѣ, которую донатисты „когда-то незаконно себѣ присвоили“, и выигралъ дѣло. Когда онъ воспользовался своимъ правомъ, озлобленные донатисты напали на него въ этой самой церкви; Максиміанъ искалъ убѣжища подъ алтаремъ, но донатисты разбили надъ нимъ алтарь и стали бить епископа обломками камня, палками и чѣмъ попало; ему нанесли рану кинжаломъ, и онъ сталъ истекать кровью, когда его повлекли по землѣ вонъ изъ церкви, причемъ приставшая къ ранѣ земля остановила кровь. Донатисты оставили замертво Максиміана, но когда кучка каѳоликовъ приблизилась съ псалмопѣніемъ къ тѣлу, чтобы его поднять, донатисты, которыхъ было очень много, отбили его. Они втащили Максиміана на какую-то башню и ночью, считая его мертвымъ, сбросили оттуда на навозную кучу. Проходившій мимо и случайно остановившійся у башни житель

увидалъ тѣло и подозвалъ свою жену, ожидавшую его поодаль съ фонаремъ. Они узнали епископа и понесли его домой, чтобы привести его къ жизни, если возможно, или передать его тѣло каѳоликамъ. Внимательный уходъ спасъ Максиміана, но вѣсть о его насильственной смерти долетѣла за море; а когда онъ самъ явился туда живой, то видъ его многочисленныхъ ранъ убѣждалъ всякаго, что молва о его убіеніи не была пустою выдумкой. Страстный разсказъ Августина объ участіи багайскаго епископа, дошедшій до насъ въ двухъ видахъ, возсоздаетъ предъ нами въ реалистической окраскѣ религіозную борьбу въ римской Африкѣ. Мы видимъ, что каѳолики и тамъ, гдѣ они составляли незначительное меньшинство, какъ въ Багаи, старались съ помощью судебныхъ властей возвратить себѣ церкви и церковныя имущества, принадлежавшія отпавшимъ донатистамъ. Послѣдніе же, не признавая себя схизматиками, считали себя, конечно, въ правѣ владѣть выстроенными ими, или ихъ предками, церквами и видѣли во всякомъ отчужденіи у нихъ святыни невыносимое насиліе, доводившее этихъ сыновъ Африки до изступленія и изувѣрства. А такія выходки еще болѣе усиливали со стороны императорскаго правительства желаніе установить единство вѣры. Политическія обстоятельства, въ особенности могущество Гильдона, долго мѣшали римскому правительству прибѣгнуть къ крутымъ мѣрамъ. Наконецъ, *рубцы* епископа багайскаго, по выраженію Августина, побудили совѣтниковъ императора Гонорія разрубить мечомъ завязавшійся въ африканской церкви узелъ.

II.

Къ сожалѣнію, мы не можемъ теперь прослѣдить шагъ за шагомъ законодательную дѣятельность римскаго правительства, направленную противъ донатистовъ. Текстъ законовъ, присланныхъ въ Африку, по словамъ Августина, по поводу багайскаго дѣла, намъ неизвѣстенъ, но въ теодозіанскомъ кодексѣ сохранилось нѣсколько законоположеній, относящихся къ донатистамъ и помѣченныхъ 12-мъ февраля 405 года. Въ виду замѣчанія Августина, что упоминаемые имъ законы были изданы до прибытія ко двору Гонорія депутаціи отъ карѳагенскаго собора,—а этотъ соборъ происходилъ уже въ іюнѣ 404 года,—трудно допустить, чтобы февральскіе законы были тождественны съ законами, о которыхъ идетъ рѣчь у Августина. Но какъ бы то ни

было, несомнѣнно, что съ 404—5 года правительство Гонорія вступило на путь непосредственнаго преслѣдованія донатистовъ.

Помѣченныя 12-мъ февраля 405 г. законоположенія противъ донатистовъ, попавшія въ теодозіанскій кодексъ, находятся тамъ въ двухъ разныхъ мѣстахъ и подъ разными титулами. Они составляютъ 4-й параграфъ VI отдѣла XVI книги, озаглавленнаго: „О воспрещеніи повторять св. крещеніе". Если законъ Ѳеодосія Великаго противъ „еретиковъ", къ которымъ, по рескрипту Аркадія и Гонорія, стали впослѣдствіи причислять и донатистовъ, ограничивался наложеніемъ денежной пени въ 10 ф. золота на тѣхъ, кто посвящалъ въ ереси клериковъ, или принималъ посвященіе, то законъ 405 г. прямо начинался съ зловѣщихъ словъ: „Силою этого указа мы намѣрены истребить противниковъ каѳолической вѣры, и потому соизволили новымъ спеціальнымъ закономъ пресѣчь эту секту, которая, чтобы не называться ересью, предпочла названіе схизмы". Предпославъ затѣмъ общее разсужденіе о вредѣ снисходительности, смущающей легковѣрные умы надеждой на безнаказанность, законодатель постановляетъ, чтобы всякій, кто уличенъ въ совершеніи вторичнаго крещенія, былъ привлеченъ къ суду и наказанъ лишеніемъ всего состоянія, дабы испытать нищету; за сыновьями, впрочемъ, сохранялось право ходатайствовать о предоставленіи имъ отцовскаго имущества, если они отрекались отъ отцовскаго нечестія. Далѣе установлялось, чтобы дома и имѣнія, въ которыхъ совершалось такое „святотатство", отбирались въ казну—если владѣльцы присутствовали или давали согласіе на совершеніе обряда; въ противномъ случаѣ подвергались карѣ ихъ арендаторы или управляющіе. Для того, чтобы святотатство не оставалось скрытымъ, разрѣшалось рабамъ, подвергнутымъ перекрещенію, возвратиться къ каѳолической церкви и подъ ея покровительствомъ получить свободу. Всѣ участники въ сектѣ лишались права дѣлать завѣщанія или получать что-либо по завѣщанію. А въ послѣдней статьѣ законъ грозилъ тяжелой денежной пеней, въ 20 ф. золота, всѣмъ правителямъ провинціи, городскимъ попечителямъ и присутственнымъ мѣстамъ, еслибы они оказались виновными въ какомъ-либо попустительствѣ или мирволеніи сектантамъ.

Другой одновременный указъ противъ донатистовъ помѣщенъ въ теодозіанскомъ кодексѣ подъ рубрикой: „О еретикахъ". Онъ гласитъ, какъ погребальный кликъ торжествующаго побѣдителя надъ ниспростертой жертвой. „Да не дерзнетъ никто вспоминать о манихеяхъ и донатистахъ, которые въ особенности, какъ мы узнали, не перестаютъ буйствовать. Да будетъ единая каѳоличе-

ская церковь, единое спасеніе. Если же кто дерзнетъ принять участіе въ запрещенныхъ и беззаконныхъ ересяхъ, то пусть погибнетъ въ сѣтяхъ безчисленныхъ прежнихъ узаконеній, а также недавно изданнаго нашею кротостью закона; если же гдѣ-либо соберется мятежная толпа, то она немедленно должна подлежать строжайшимъ мѣрамъ взысканія".

Какъ видно уже изъ этихъ отрывочныхъ законоположеній, *сѣть* государственныхъ преслѣдованій была на самомъ дѣлѣ затянута надъ донатистами. Имущественное разореніе, изгнаніе, доносы рабовъ, не только грозили за всякій актъ прозелитизма, но лишеніе самыхъ необходимыхъ гражданскихъ правъ стало удѣломъ даже тѣхъ изъ сектантовъ, которые мирно держались вѣры и обрядовъ отцовъ. А такъ какъ строжайшія мѣры взысканія грозили всѣмъ правительственнымъ лицамъ и учрежденіямъ за все, что̀ можно было назвать мирволеніемъ еретикамъ, и всякое сборище людей, собравшихся для молитвы, можно было признать „мятежной толпой", то февральскіе законы Гонорія лишали донатистовъ и отечества, и имущества, и вѣры.

Такія суровыя мѣры были приняты не даромъ: многіе донатисты, особенно въ городахъ, подались подъ угрозой государственнаго меча, тѣмъ болѣе, что различіе между донатистами и каѳоликами было основано не столько на догматѣ, сколько на іерархической традиціи. Августинъ слѣдующимъ образомъ изображаетъ дѣйствіе изданныхъ противъ донатистовъ, въ 405 г., законовъ.

Въ православіе, по словамъ Августина, перешли прежде всего тѣ, которые искали случая для этого, но боялись ярости безумцевъ, или совѣстились оскорбить переходомъ свою родню. Безъ всякаго затрудненія присоединилось къ каѳолической церкви и много такихъ, которые держались ереси лишь по привычкѣ, унаслѣдованной отъ родителей, но никогда не думали и не доискивались, изъ-за чего собственно возникла эта ересь; теперь они обратили на это вниманіе и убѣдились, что въ ней нѣтъ ничего, что̀ оправдывало бы переносимыя изъ-за нея страданія. Житейскія тревоги научили истинѣ тѣхъ, кого безопасность дѣлала невнимательными къ ней. Наконецъ, примѣру и совѣту указанныхъ лицъ послѣдовали многіе сами по себѣ, менѣе способные понять различіе между заблужденіемъ донатистовъ и каѳолической истиной. Такимъ образомъ, когда истинная мать радостно приняла въ свое лоно безконечныя вереницы народа, въ ереси осталась лишь толпа упрямыхъ, съ достойной жалости злобой коснѣвшихъ въ своей заразѣ. Но даже изъ нихъ большинство

притворно присоединилось, а меньшинство успѣло скрыться, благодаря своей малочисленности. Впрочемъ и тѣ, которые притворялись православными, по большей части постепенно исправились подъ вліяніемъ привычки и слыша проповѣдь истины.

Что на самомъ дѣлѣ, подъ вліяніемъ закона 405 года, происходили массовыя обращенія донатистовъ, можно заключить изъ одного постановленія карѳагенскаго собора 407 года. Въ прежнее время обращенные донатисты причислялись къ епархіи того епископа, который ихъ возсоединилъ: соборъ же 407 года предписалъ, чтобы приходы, возсоединившіеся съ церковью со времени закона о *единствѣ* вѣры, поступали подъ власть епископа той епархіи, въ предѣлахъ которой они находятся. Это позволяетъ думать, что обращенія совершались массами, и прежняя *ярмія* за прозелитизмъ оказывалась потому ненужной, и церковь не признавала нужнымъ, какъ прежде ради донатистовъ, нарушать стройность епархіальнаго распредѣленія приходовъ. Изъ постановленій собора 407 года видно также, что послѣ 405 года донатисты иногда переходили въ православіе вмѣстѣ со своими епископами; ибо соборъ предоставлялъ возсоединившимся право сохранить своего епископа съ тѣмъ, чтобы по смерти его, если бы они не пожелали имѣть особаго епископа, примкнули къ какой-либо изъ каѳолическихъ епархій.

И тѣмъ не менѣе, вышеприведенныя слова Августина о вліяніи закона 405 года представляютъ собою нѣкоторый анахронизмъ и извѣстное риторическое преувеличеніе. Мы находимъ эти слова въ трактатѣ Августина объ *исправленіи* донатистовъ, который былъ написанъ много позднѣе—въ 417 году и послѣ великаго *собесѣдованія* на соборѣ 412 г., побудившаго многихъ донатистовъ отказаться отъ ереси. Озираясь назадъ на торжество каѳоличества, Августинъ склоненъ приписывать уже закону 405 года то, что было результатомъ цѣлаго ряда другихъ мѣропріятій.

Но помимо этой оговорки нужно сдѣлать еще другую, болѣе важную. Торжество каѳоличества не было ни такъ быстро, ни такъ полно, какъ можно думать по приведеннымъ выше словамъ Августина. Онъ самъ признается, что въ „въ иныхъ мѣстностяхъ пришлось дольше трудиться“,. а именно тамъ, гдѣ господствовала толпа болѣе упорная и буйная, съ которой не могло справиться меньшинство, расположенное къ единенію; или тамъ, гдѣ толпа, находясь въ зависимости отъ властныхъ людей, повиновалась имъ въ дурномъ. „Есть мѣстности, — продолжаетъ Августинъ,—гдѣ и нынѣ еще (417 г.) приходится нести много тру-

довъ и гдѣ въ этой работѣ православные, въ особенности епископы и пресвитеры, потерпѣли много ужаснаго и тяжелаго: бывали случаи, что имъ глаза вырывали; одному епископу отсѣкли руку и языкъ; нѣкоторые были лишены жизни. Не стану говорить о жестокихъ побояхъ, о грабежахъ домовъ, ночныхъ нападеніяхъ и поджогахъ не только частныхъ домовъ, но и церквей, причемъ въ огонь кидали—и священныя книги".

Какъ изъ этого видно, законъ 405 года далеко еще не достигъ своей цѣли—полнаго искорененія донатизма,—настолько не достигъ, что, шесть лѣтъ спустя, число донатистскихъ епископовъ, какъ мы увидимъ, доходило еще до трехъ сотъ. Объясняется это отчасти тѣмъ, что какъ и прежніе суровые законы языческихъ императоровъ противъ христіанъ, а потомъ христіанскихъ императоровъ противъ язычниковъ, такъ и законъ противъ донатистовъ не вездѣ и не одинаково приводился въ исполненіе. По-видимому, онъ сначала былъ примѣненъ лишь къ столицѣ Африки—Карѳагену—и къ его области—первоначальной римско-африканской *провинціи*, гдѣ римское вліяніе и православіе имѣли перевѣсъ; къ Нумидіи же, гдѣ преобладали донатисты,—не былъ примѣненъ. Это можно заключить изъ слѣдующихъ фактовъ. Собравшійся 23-го августа 405 года *десятый* карѳагенскій соборъ постановилъ благодарить особой депутаціей императора за лишеніе донатистовъ гражданскихъ правъ и—въ виду того, что унія установлена въ одномъ лишь Карѳагенѣ—ходатайствовать о циркулярномъ приглашеніи властей, чтобы онѣ позаботились провести законъ и въ другихъ „провинціяхъ и городахъ". Затѣмъ у насъ есть письмо Августина къ Цециліану, правителю Нумидіи, относящееся, вѣроятно, къ 405 году, въ которомъ онъ его проситъ примѣнить законъ къ Гиппонѣ: „Насколько мы радуемся тому, съ какимъ замѣчательнымъ успѣхомъ ты содѣйствовалъ каѳолическому единенію по другимъ областямъ Африки, настолько мы огорчаемся тѣмъ, что округъ Гиппоны и сосѣднія ему пограничныя съ Нумидіей части еще не удостоились поддержки со стороны твоего губернаторскаго предписанія".

Упорство донатистовъ, кромѣ того, объясняется тѣмъ, что многіе изъ нихъ надѣялись на возвращеніе болѣе благопріятныхъ для нихъ временъ. Дѣйствительно, религіозная политика римскихъ императоровъ отмѣчена нерѣдкими колебаніями; такъ, когда въ началѣ 399 года африканскіе генералы Гауденцій и Іовій разрушили въ городѣ Карѳагенѣ языческіе храмы, императорскій рескриптъ изъ Падуи, отъ 20-го августа того же года, воспретилъ разрушеніе храмовъ, въ которыхъ не совершалось идоло-

служенія. Подобнымъ образомъ и донатисты, приписывавшіе направленные противъ нихъ законы вліянію могущественнаго Стилихона, при извѣстіи о его насильственной смерти сочли эти законы отмѣненными, и правительству Гонорія пришлось, особымъ рескриптомъ въ 408 году, объявить, что всѣ изданные имъ противъ еретиковъ и язычниковъ законы сохраняютъ полную силу, и что карѣ законовъ подвергнутся какъ тѣ, которые открыто признаютъ себя донатистами, такъ и тѣ, которые будутъ избѣгать общенія съ каѳоликами, послѣ того какъ притворились христіанами.

Какъ бы то ни было, указъ объ уніи не только не объединилъ африканскихъ христіанъ, но вызвалъ со стороны преслѣдуемыхъ донатистовъ новый взрывъ фанатизма и дикой расправы. Писанные въ это время посланія и трактаты Августина переполнены указаніями на это. Въ особенности жалуется онъ на неистовства, которымъ подвергались каѳолическіе священники; можно думать, что это были бывшіе донатистскіе пресвитеры, перешедшіе въ церковь и этимъ вызвавшіе месть своихъ прежнихъ единовѣрцевъ. Въ трактатѣ противъ Кресконія онъ разсказываетъ, что донатистскіе клерики и циркумцелліоны, вооружившись всевозможными страшными орудіями, повсюду бродятъ и, нарушая не только церковный, но даже гражданскій миръ и покой, по ночамъ врываются въ дома каѳолическихъ священниковъ, опустошая до тла ихъ жилища, самихъ же священниковъ увлекаютъ съ собой, а потомъ бросаютъ мертвыми, избивъ палками и порѣзавъ желѣзомъ. Мало того, они, по словамъ Августина, „новымъ и неслыханнымъ способомъ преступленія“ обливали глаза своихъ жертвъ смѣсью извести съ уксусомъ, не довольствуясь немедленнымъ ослѣпленіемъ ихъ и желая продлить ихъ мученія. Прежде,—прибавляетъ Августинъ,—они употребляли въ дѣло только известь, но когда узнали, что ихъ жертвы скоро поправлялись, стали прибавлять къ извести уксусъ. На это варварское обращеніе жалуются и „гиппонскіе клерики“ въ посланіи, обращенномъ къ донатистскому епископу Януарію, который въ то время по старшинству былъ примасомъ Нумидіи. Посланіе написано, безъ сомнѣнія, самимъ Августиномъ; оно относится къ 406 году; приводимое нами изъ него мѣсто особенно интересно, потому что ярко освѣщаетъ положеніе дѣла въ Нумидіи послѣ изданія указа объ уніи. Указавши на вышеупомянутыя звѣрства, Августинъ ставитъ Януарію на видъ, сколько изъ донатистовъ, вѣрнѣе сказать—всѣ, жалуясь на преслѣдованія, безопасно сидятъ въ собственныхъ и чужихъ имѣ-

ніяхъ подъ самымъ гнетомъ этихъ якобы страшныхъ императорскихъ законовъ, „тогда какъ мы отъ вашихъ людей терпимъ такое неслыханное зло“. „Вы говорите, что терпите преслѣдованія, а насъ ваши вооруженныя шайки избиваютъ дубинами и мечами; вы говорите, что терпите преслѣдованія, а сами опустошаете и разрушаете наши дома; вы говорите, что терпите преслѣдованія, а ваши — известью и уксусомъ вытравляютъ нашимъ глаза. Притомъ еще, если кто-либо изъ вашихъ добровольно наноситъ себѣ смерть, вы хотите, чтобы она послужила вамъ къ славѣ и къ вящшей злобѣ противъ насъ. Ибо то, что ваши намъ причиняютъ, вы себѣ не ставите въ вину, а то, что сами себѣ причиняете, взваливаете на насъ. Жизнь ведутъ ваши какъ разбойники, умираютъ какъ циркумцелліоны и почитаются какъ мученики; впрочемъ, никогда не было слышно, чтобы разбойники—тѣхъ, кого ограбили—еще и ослѣпляли. Убитыхъ вы выжили со свѣта, живыхъ лишаете свѣта“ [1]). Но донатисты не только дозволяли себѣ „неслыханныя звѣрства“: несмотря на указъ объ уніи, они продолжали насильно перекрещивать православныхъ, какъ будто и не бывало спеціальнаго противъ этого закона. Мы узнаемъ это изъ письма Августина къ пресвитеру Викторину, которое издатели Патрологіи относятъ къ 409 году, въ виду того, что тамъ идетъ рѣчь о небываломъ еще опустошеніи варварами *испанскихъ провинцій*, что не могло быть ранѣе 409 года, когда въ Испанію вторглись вандалы, будущіе покорители Африки. Отвѣчая Викторину, искавшему у него утѣшенія по случаю бѣдствій, причиняемыхъ варварами, Августинъ жалуется, что весь міръ удрученъ этими бѣдствіями, и нѣтъ почти ни одного мѣста на земномъ кругѣ, гдѣ бы подобное не совершалось и не оплакивалось. Упомянувъ объ Испаніи, Италіи, Галліи и даже Египтѣ, Августинъ заявляетъ, что Гиппонская область, хотя варвары въ нее и не проникали, подвергается отъ донатистовъ такимъ насиліямъ, что даже дѣянія варваровъ, можетъ быть, не столь жестоки. Жалуясь на истязаніе и ослѣпленіе каѳолическихъ священниковъ, Августинъ описываетъ, какъ донатисты грабятъ и поджигаютъ дома ихъ, зерновые припасы разсыпаютъ, жидкіе разливаютъ и, стращая этими неистовствами, побуждаютъ многихъ перекрещиваться. „Еще третьяго дня,—пишетъ онъ,—я получилъ извѣстіе, что посредствомъ такихъ угрозъ въ одномъ мѣстѣ было перекрещено 48 душъ“.

---

[1]) Ep. № 86, n. 8. Occisos auferunt luci, vivis auferum lucem. Характерная, встрѣчающаяся у Августина даже въ самыхъ патетическихъ мѣстахъ, игра словами.

III.

При такихъ условіяхъ не удивительно, что донатизмъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ упорно держался цѣлые годы. Мы узнаемъ изъ одного оффиціальнаго памятника — изъ отвѣта каѳолическихъ епископовъ на окружное посланіе епископовъ донатистскихъ,—что еще въ 411 году большая часть Нумидіи придерживалась донатизма. Августинъ, авторъ этого „отвѣта", защищаетъ своихъ противъ обвиненія донатистовъ, будто православные съ завѣдомой ложью уменьшаютъ число своихъ противниковъ. „Если, — возражаетъ Августинъ, — наши и говорили о малочисленности еретиковъ, то это могло быть сказано съ полной истиной о тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ число нашихъ епископовъ, клериковъ и мірянъ значительно больше вашихъ, какъ особенно въ проконсульской провинціи, хотя, за исключеніемъ консулярной Нумидіи, мы, вѣроятно, и въ остальныхъ африканскихъ провинціяхъ преобладаемъ численностью; во всякомъ случаѣ, по сравненію съ другими народами, на которые распространяется каѳолическое общеніе, мы въ правѣ сказать, что вашихъ очень мало".

Какъ изъ этого видно, польза отъ закона объ *уніи* была весьма относительна, и Августину пришлось и послѣ него нести на себѣ не мало трудовъ въ дальнѣйшей борьбѣ съ донатистами.

Объ этихъ трудахъ свидѣтельствуютъ, напр., два письма Августина къ донатистскому епископу Гиппоны, Макробію, интересныя и по бытовымъ подробностямъ, въ нихъ заключающимся. Мы видимъ изъ нихъ, между прочимъ, что еще въ 409 году, къ которому, вѣроятно, относятся эти письма, строгій законъ 405 г. противъ перекрещенія еще не примѣнялся въ Нумидіи. Поводомъ къ письмамъ послужило то, что субдіаконъ Рустиціанъ, за безнравственное поведеніе отъ церкви своимъ пресвитеромъ отлученный, и кромѣ того надѣлавшій много долговъ, не нашелъ лучшаго средства, чтобы избавиться и отъ церковной кары, и отъ кредиторовъ, какъ перейти къ донатистамъ и при помощи „второго крещенія пріобрѣсти ихъ любовь, какъ безгрѣшный праведникъ". Узнавъ, что Макробій собирается окрестить его, Августинъ поспѣшилъ написать епископу: „Не дѣлай этого, прошу тебя, братъ; ради тебя самого молю тебя; во всякомъ случаѣ же прошу, внемли тому, что я говорю". Напомнивъ о непослѣдовательности донатистовъ, не подвергавшихъ максиміанистовъ второму крещенію, Августинъ спрашиваетъ, почему же

они вторично крестятъ христіанъ каѳолическихъ? „Разрѣши мнѣ этотъ вопросъ, и тогда ты можешь окрестить меня самого; если же не въ состояніи разрѣшить, то пожалѣй чужую душу, пожалѣй свою“.

Макробій сначала не хотѣлъ даже выслушать вѣстника, принесшаго письмо Августина, но затѣмъ отвѣтилъ, что не „можетъ не принимать въ свою церковь тѣхъ, кто къ нему приходитъ, и дать имъ вѣру, которой они просятъ“ На вопросъ же, почему Приміанъ принялъ максиміанистовъ безъ вторичнаго крещенія — отвѣтилъ, что, „будучи недавно посвященъ въ епископы, не можетъ быть судьею своего отца (т.-е Приміана, донатистскаго архіепископа Карѳагена, его рукоположившаго) и хочетъ оставаться при томъ, что̀ получилъ отъ предковъ“.

Августинъ, въ своемъ второмъ пространномъ письмѣ, отнесся съ видимымъ уваженіемъ къ молодому „собрату“. Онъ похвалилъ его, между прочимъ, за поступокъ, характерно освѣщающій нравы и составъ партіи донатистовъ. Когда Макробій вступалъ на каѳедру, вожди циркумцелліоновъ сопровождали его своими шайками и примѣшивали къ церковнымъ пѣснопѣніямъ свой обычный кликъ: „Богу слава!“, служившій имъ боевымъ знакомъ при всѣхъ ихъ насиліяхъ. На слѣдующій день Макробій, болѣе раздраженный, чѣмъ обрадованный ихъ привѣтствіями, выразилъ имъ чрезъ пунійскаго толмача „честное и благородное негодованіе“; они же, ужаленные его укоромъ, съ яростью тутъ же оставили собраніе; „но вы, однако,—саркастически прибавляетъ Августинъ,—не смыли соленой водой съ пола церкви слѣдовъ ихъ ногъ, быстро несущихъ ихъ къ пролитію крови, какъ вы считали это нужнымъ сдѣлать послѣ нашихъ клериковъ“.

Это вскользь брошенное замѣчаніе указываетъ, какъ трудно было провести возсоединеніе донатистовъ, въ виду глубоко укоренившагося въ ихъ невѣжественныхъ массахъ предубѣжденія, что всякое соприкосновеніе съ „нечистыми“ ихъ оскверняетъ. Напомнимъ по этому поводу разсказъ Оптата, что донатисты, уничтожая алтари и разбивая священные сосуды православныхъ, мыли одежды, которыхъ прикасались послѣдніе, и во многихъ мѣстахъ омывали стѣны и брызгали соленой водой полъ послѣ нихъ. Приведенныя выше оправданія Макробія Августинъ разбиваетъ съ своей обычной силой аргументаціи. „Ты говоришь, что не можешь быть судьей твоего отца; но вѣдь я приглашаю тебя вспоминать не о томъ, что̀ Приміанъ дѣлалъ дурного, а слѣдовать тому, что̀ онъ сдѣлалъ хорошо, когда принялъ максиміанистовъ, не нарушая таинства крещенія. Ты говоришь, что

хочешь оставаться при томъ, что̀ получилъ отъ предковъ: но если такъ, то не лучше ли тебѣ оставаться во вселенской церкви?"

Въ особенности налегаетъ Августинъ въ этомъ посланіи на утвержденіе донатистовъ, что они не желаютъ нарушать слово Писанія—„не дѣлайся участникомъ въ чужихъ грѣхахъ" (I Тим. V, 22), и, между прочимъ, приводитъ противъ нихъ авторитетъ карѳагенскаго епископа Кипріана, на котораго любили ссылаться донатисты въ вопросѣ о вторичномъ крещеніи еретиковъ. Кипріанъ, оплакивая многочисленныя отпаденія отъ христіанства во время тогдашняго гоненія церкви и приписывая это бѣдствіе дурнымъ нравамъ христіанъ, обвинялъ ихъ, что они по жадности, вмѣсто оказанія помощи голодающимъ братьямъ, накопляли деньги, обманомъ присвоивали себѣ земли, повышали ростовщическій процентъ. „Однако,—пишетъ Августинъ,—ни эта жадность, ни награбленныя ими имущества, ни ростовщичество этихъ людей не осквернялиКипріана, и онъ не пожелалъ отдѣлиться отъ нихъ плотью, а предпочелъ отличаться отъ нихъ несходствомъ образа жизни". При этомъ Августинъ приводитъ изъ письма Кипріана къ пресвитеру Максиму слова, изъ которыхъ вытекаетъ „ясно и открыто его мнѣніе, что ни въ какомъ случаѣ не слѣдуетъ нарушать единства церкви изъ-за сообщества съ дурными". Этому принципу Августинъ противополагаетъ образъ дѣйствія донатистовъ и въ патетическомъ обращеніи къ нимъ изображаетъ послѣдствія этого: „Вы избѣгаете единства, а купленные кровью единаго Агнца народы воспламеняются враждебными чувствами другъ противъ друга, и паства распадается. Вы избѣгаете единенія, и мужъ говоритъ женѣ: „держись церковнаго единства со мной, такъ какъ я твой мужъ", а она ему отвѣчаетъ: „умру въ вѣрѣ отца моего". Вы избѣгаете единства, а родственники, граждане, друзья, кунаки и всѣ связанные между собою какою-либо людской связью христіане на общихъ пиршествахъ, при заключеніи браковъ, при куплѣ и продажѣ, при договорахъ и обязательствахъ, во взаимныхъ привѣтствіяхъ и бесѣдахъ, во всѣхъ своихъ дѣлахъ и оборотахъ соблюдаютъ полное согласіе; при алтарѣ же Господнемъ—враждуютъ. Вы избѣгаете единства для того, чтобы всякій, кто не пожелаетъ жить по закону у насъ, находилъ убѣжище у васъ, и вы бы имѣли кого перекрещивать. Вы избѣгаете единства для того, чтобы мы прибѣгали—не скажу, противъ васъ, а противъ нечестивыхъ поступковъ вашихъ людей—къ государственнымъ законамъ, а циркумцелліоны вооружились противъ самыхъ этихъ

законовъ, пренебрегая ими съ тѣмъ же безуміемъ, съ какимъ они ихъ на васъ вызвали. Вы избѣгаете единства, чтобы сельчане рѣзко возставали противъ своихъ помѣщиковъ,—а бѣглые рабы, вопреки слову апостола, не только уходили отъ господъ, но и грозили имъ,—не только грозили, но и грабили ихъ съ насиліемъ, подъ предводительствомъ и руководствомъ вашихъ святыхъ „борцовъ“ и исповѣдниковъ, которые къ „славѣ Господа“ умножаютъ честь вашу, „къ славѣ Господа“ и проливаютъ кровь“.

Переписка съ Макаріемъ объясняетъ намъ, чѣмъ держался донатизмъ въ низшихъ слояхъ африканскаго населенія; подъ его вліяніемъ образовалось въ Нумидіи нѣчто въ родѣ итальянской *камморры*, которая держала въ страхѣ *господъ* и у которой находили убѣжище и помощь угнетенные рабы и колоны, а также и люди, имѣвшіе въ виду освободиться отъ своихъ долговъ или желавшіе поживиться чужимъ добромъ. Эта переписка указываетъ намъ и на то, какую сильную роль игралъ въ расколѣ расовый и культурный элементъ. Донатистскій епископъ могъ поучать свою буйную паству лишь съ помощью *пунійскаго* толмача и, принадлежа самъ къ латинской, *образованной* части населенія, не одобрялъ шумныхъ демонстрацій своей „арміи спасенія“. Мы далѣе видимъ, что положеніе дѣла, созданное въ Африкѣ расколомъ, вполнѣ оправдывало то, что каѳолическіе епископы, по выраженію Августина, искали противъ еретиковъ покровительства государственныхъ законовъ.

Но Августинъ и въ этомъ случаѣ оставался человѣкомъ вѣры и идеи: онъ вѣрилъ въ торжество божественной истины, побѣдоносной въ силу собственной правды; если онъ и прибѣгалъ къ вмѣшательству свѣтской власти, то для того, чтобы заставить противниковъ истины *выслушать* ее; ему казалось, что упрямство донатистовъ обусловливается лишь тѣмъ, что они не знаютъ истины, затыкаютъ себѣ уши, не желая прислушаться къ ней; онъ напрасно взывалъ къ ихъ вождямъ, приглашая ихъ на публичное состязаніе; чувствуя свою силу и правду, онъ по прежнему былъ убѣжденъ, что на такомъ состязаніи истина не преминетъ обнаружиться и покорить себѣ сердца. Но послѣ всѣхъ тщетныхъ попытокъ привлечь донатистовъ къ собесѣдованію, оставалось лишь одно: просить государственную власть силою закона устроить такое публичное и окончательное состязаніе между борцами за церковь и за расколъ.

Обстоятельства стали благопріятны для осуществленія такого плана. Въ 408 году—въ первый разъ послѣ взятія Рима гал-

лами, снова подступилъ къ его стѣнамъ варварскій воевода и осадилъ его: это былъ Аларихъ, король вестготовъ—ровно 800 лѣтъ послѣ Бренна. Гонорій заперся въ Равеннѣ, а Аларихъ провозгласилъ на его мѣсто Аттала, чтобы имѣть возможность чрезъ него легально ограбить и высосать Римъ. Это была критическая минута для западной римской имперіи.

Готы были аріане; доведенные преслѣдованіемъ до отчаянія, донатисты легко могли соединиться съ ними противъ общаго врага, и имперія могла бы лишиться своей житницы—Африки. Еще въ IV вѣкѣ аріане заводили сношенія съ донатистами. Подъ давленіемъ этихъ обстоятельствъ, Гонорій отмѣнилъ всѣ законы, изданные противъ донатистовъ, и предоставилъ имъ свободу исповѣданія. Императоръ потомъ оффиціально оправдывался тѣмъ, что этотъ законъ у него выманили хитростью, а нѣсколько времени спустя утверждалъ, что издалъ его изъ милосердія, въ надеждѣ образумить донатистовъ. Поэтому упомянутый законъ не былъ принятъ въ сводъ законовъ Ѳеодосія, и мы не знаемъ его точной даты. Во всякомъ случаѣ законъ продержался недолго: 11-го іюля 410 года, встревоженные каѳолическіе епископы, собравшись въ Карѳагенѣ, отправили по этому поводу къ Гонорію четырехъ епископовъ, между которыми былъ и Поссидій, ученикъ Августина, и уже 23-го августа Гонорій издалъ на имя главнокомандующаго Африки, Геракліана, эдиктъ, которымъ не только возстановлялъ во всей силѣ всѣ прежніе законы противъ еретиковъ, но и грозилъ донатистамъ „проскрипціей и кровью“ за сходбища на богослуженіе.

Депутація достигла еще другого результата: въ странномъ контрастѣ съ назначеніемъ смертной казни за ересь находится порученіе, данное императоромъ, 11 октября 410 года, трибуну и нотарію Марцеллину созвать съѣздъ епископовъ обѣихъ „церквей“ въ Карѳагенѣ, устроить между ними совѣщаніе для того, чтобы несомнѣнная истина опровергла суевѣріе, а затѣмъ, по выслушаніи обѣихъ сторонъ, постановить оффиціальный приговоръ. Въ случаѣ же уклоненія донатистскихъ епископовъ отъ съѣзда, предписывалось сдѣлать имъ троекратный вызовъ, съ предостереженіемъ, что, по прошествіи узаконеннаго срока, паства ихъ должна будетъ признать своихъ отсутствующихъ учителей побѣжденными и, „возрадовавшись своему пораженію“, передаться вмѣстѣ съ своими церквами побѣдителямъ, подчиняясь не императорскимъ указамъ, а внушеніямъ истиннаго каѳолическаго закона. Какъ проконсулу карѳагенской Африки, такъ и викарію остальныхъ областей было предписано оказывать Марцеллину

всевозможное содѣйствіе. Такъ состоялся карѳагенскій съѣздъ 411 года, одно изъ самыхъ оригинальныхъ и заслуживающихъ изученія явленій исторіи, котораго мы, однако, здѣсь коснемся лишь по отношенію къ дѣятельности Августина. Это не простой съѣздъ богослововъ двухъ различныхъ доктринъ или исповѣданій, желающихъ взаимно другъ друга убѣдить или опровергнуть. Но это и не богословскій турниръ, устроенный правительствомъ для того, чтобы рѣшить, на чью сторону ему склониться. Это—какое-то странное сочетаніе вольнаго религіознаго собесѣдованія и принудительной государственной мѣры. Августинъ желалъ собесѣдованія, чтобъ имѣть возможность документально доказать донатистамъ, которые не хотѣли его слушать, что они не имѣли основанія отдѣлиться отъ церкви, а теперь не имѣютъ права оставаться въ расколѣ послѣ того, какъ приняли въ свою среду—и притомъ безъ вторичнаго крещенія—своихъ собственныхъ отщепенцевъ. Онъ, какъ идеалистъ, былъ убѣжденъ, что истинѣ, подобно солнцу, достаточно показаться, чтобы ее всѣ узрѣли. Государство же, согласившись на это совѣщаніе, видѣло въ немъ политическое средство и устроило его какъ западню. Оно уже въ созывной грамотѣ заявило, что призываетъ донатистскихъ ученыхъ для того, чтобъ они были побѣждены на диспутѣ, и что въ случаѣ ихъ отсутствія оно признаетъ ихъ побѣжденными и принудитъ ихъ паству поступиться своими церквами. Оно при этомъ назначило судьею императорскаго сановника, который долженъ былъ рѣшить, кто остался побѣдителемъ на диспутѣ—учители истинной вѣры или лжеучители. И самая личность судьи не оставляла сомнѣнія относительно исхода диспута и съѣзда. Это былъ человѣкъ, по выраженію Августина, „искренняго благочестія“, тотъ самый, кому онъ посвятилъ свой великій трудъ „О царствѣ Божіемъ“. При такомъ положеніи дѣла намъ объясняется образъ дѣйствія донатистовъ, хотя помимо этого въ ихъ поведеніи есть странности, весьма характерныя для этой партіи.

На основаніи императорскаго указа Марцеллинъ издалъ эдиктъ о съѣздѣ за четыре мѣсяца до его начала, которое назначилъ на 1-е іюля 411 года. Чтобы склонить къ пріѣзду донатистскихъ епископовъ и устранить ихъ опасенія, онъ объявилъ, что тѣмъ, которые изъявятъ свое согласіе на пріѣздъ, будутъ возвращены ихъ церкви и владѣнія, которыя могли быть у нихъ захвачены каѳоликами на основаніи прежнихъ указовъ, что они не потерпятъ никакой обиды на пути въ Карѳагенъ и что имъ будетъ предоставлено свободное возвращеніе независимо

отъ того, будетъ ли вынесенъ приговоръ въ пользу донатистовъ или въ пользу каѳоликовъ. Это послѣднее выраженіе могло внушить донатистамъ надежду, что побѣда можетъ быть признана и за ними. Еще бо́льшую гарантію могли усмотрѣть донатисты въ предложеніи Марцеллина избрать, если они ему не довѣряютъ, кромѣ него, другого судью своего толка, высшаго или равнаго съ нимъ по сану. Изъ этого эдикта мы вмѣстѣ съ тѣмъ узнаемъ, что донатисты незадолго передъ тѣмъ сами ходатайствовали у императора о назначеніи такого съѣзда.

IV.

Къ назначенному времени—около Троицына дня—африканскіе епископы съѣхались въ Карѳагенѣ: каѳолическихъ прибыло 286; число донатистскихъ было, какъ мы увидимъ, немногимъ меньше, что̀ не можетъ не поразить въ виду суровости изданныхъ противъ нихъ законовъ. Чтобы произвести впечатлѣніе и опровергнуть „ложь“ противниковъ, будто ихъ послѣ гоненій осталось мало, донатисты совершили свой въѣздъ въ Карѳагенъ одновременно и съ большою торжественностью. Въ числѣ проповѣдей Августина есть одна, очевидно, сказанная въ это время въ Карѳагенѣ. Проповѣдникъ обращается въ ней къ паствѣ съ увѣщаніемъ оказывать гостепріимство, ибо „слуги Господа грядутъ“. Проповѣдь посвящена восхваленію мира. Августинъ говоритъ, что хвалить миръ труднѣе, чѣмъ имѣть его; ибо чтобы хвалить миръ, намъ нужны силы, мы ищемъ подъема чувства, мы обдумываемъ слова; а чтобы имѣть миръ, достаточно его желать, и мы получаемъ его безъ напряженія. Кто истинно любитъ миръ, тотъ любитъ даже враговъ мира, „ибо если ты любишь свѣтъ, ты не негодуешь на слѣпыхъ, но сердечно о нихъ сожалѣешь“.

Эта проповѣдь была лучшимъ подготовленіемъ къ великому дѣлу, ради котораго собралось до 600 епископовъ, и лучшимъ для нихъ предостереженіемъ. Но изъ слышавшихъ эту проповѣдь не всѣ ею прониклись. Трибунъ Марцеллинъ былъ достоинъ возложеннаго на него порученія. Онъ чрезвычайно предусмотрительно обставилъ дѣло религіозной конференціи и велъ себя, какъ предсѣдатель, съ большимъ тактомъ, сдержанностью и скромностью. Мѣстомъ для конференціи были избраны просторныя, свѣтлыя термы Гаргилія въ центрѣ города. Чтобы устранить суматоху, шумъ и перерывы, неизбѣжные въ собраніи 500 слишкомъ *африканскихъ* епископовъ, обѣимъ сторонамъ было пред-

ложено избрать по семи представителей, которые должны были вести самыя собесѣдованія; въ помощь имъ могли быть избраны еще семь епископовъ съ правомъ говорить въ совѣщаніи лишь въ томъ случаѣ, когда къ нимъ обращались; наконецъ, еще четыре епископа съ каждой стороны должны были наблюдать за стенографами и за правильностью составленія протоколовъ, которые имѣлось въ виду обнародовать во всей провинціи.

Донатисты немедленно запротестовали противъ этого распоряженія Марцеллина: они требовали участія въ совѣщаніи всѣхъ епископовъ—и, вѣроятно, изъ опасенія гоненій протестовали также противъ того, чтобы въ протоколахъ рѣчь каждаго была удостовѣрена его подписью. Они, однако, избрали семь депутатовъ съ полномочіемъ „защищать ихъ противъ предателей и преслѣдователей ихъ". Въ этомъ числѣ четыре лица извѣстны намъ изъ переписки Августина: это епископы провинціальныхъ столицъ—Приміанъ изъ Карѳагена, Петиліанъ изъ Цирты, Эмеритъ изъ Цезаріи въ Мавританіи и Гауденцій изъ Тамугады, твердыни донатизма. Съ своей стороны каѳолическіе епископы изъявили Марцеллину свое согласіе съ его распоряженіями и свою готовность сложить свое званіе, если окажется, что истинная церковь—у донатистовъ. На случай же присоединенія послѣднихъ къ нимъ, они предлагали—тамъ, гдѣ окажутся вслѣдствіе этого два епископа въ одномъ городѣ,—чередоваться имъ въ исправленіи должности, или каждому имѣть свою особую церковь до смерти другого, или же обоимъ сложить свой санъ. Узнавъ, что донатисты хотятъ присутствовать на собесѣдованіи въ полномъ составѣ, каѳолическіе епископы, въ другомъ заявленіи Марцеллину, выразили свое сожалѣніе по этому поводу, заподозривая донатистовъ въ желаніи затормазить совѣщаніе; если же, сознавая свое заблужденіе, донатисты пожелали всѣ присутствовать для того, чтобы скорѣе покончить старую распрю, они ничего противъ этого не имѣютъ. Своими представителями каѳолики избрали семь епископовъ, въ числѣ которыхъ, кромѣ Аврелія и Августина, были и близкіе Августину ученики его, Алипій и Поссидій. Собраніе уполномочило ихъ защищать церковь противъ заблужденія тѣхъ, кто ошибочно мнитъ, что по винѣ Цециліана церковь погибла или перешла къ донатистамъ. Полномочіе, вмѣстѣ съ тѣмъ, заключало въ себѣ, въ видѣ инструкціи депутатамъ, изложеніе свойствъ церкви и другихъ спорныхъ пунктовъ. Марцеллинъ, 7-го іюня, торжественно открылъ совѣщаніе въ сопровожденіи всѣхъ оффиціальныхъ лицъ и сановниковъ провинціальнаго управленія. На его предложеніе донати-

стамъ избрать товарища предсѣдателя, послѣдніе отказались устами Петиліана—на томъ основаніи, что имъ не было предоставлено избрать *перваго* предсѣдателя. Затѣмъ было приступлено къ чтенію императорскаго указа и другихъ документовъ относившихся къ совѣщанію, что̀ подало поводъ Эмериту жаловаться на прочтеніе акта полномочія каѳолическихъ епископовъ, которымъ предрѣшался вопросъ, кто правъ. Болѣе странна другая придирка донатистовъ: они заявили, что четырехмѣсячный срокъ, указанный въ эдиктѣ Марцеллина, истекъ 19-го мая, и что потому завѣщаніе незаконно; что они, съ своей стороны, прибыли къ сроку, противники же ихъ опоздали и потому должны быть осуждены, какъ неявившіеся. Этотъ протестъ вызвалъ со стороны предсѣдателя справедливое замѣчаніе, что такое заявленіе о срокѣ скорѣе было бы умѣстно на судѣ, чѣмъ въ устахъ епископа,—на что̀ Петиліанъ отвѣтилъ насмѣшливымъ укоромъ Марцеллину.

Но страсти особенно разыгрались, когда дѣло дошло до прочтенія подписей подъ каѳолическимъ полномочіемъ. Донатисты потребовали именной провѣрки ихъ въ присутствіи самихъ епископовъ. Это вызвало большія пререканія. При имени, напр., Фортуната и Цирты, Петиліанъ, донатистскій епископъ Цирты, заявилъ, что это „разоритель церкви въ моемъ городѣ, какъ я могу доказать документально“; на это Фортунатъ возразилъ, что въ Циртѣ всѣ алтари разорены еретиками. Еще болѣе страстей возбудила провѣрка 279 донатистскихъ подписей; особенно удивила подпись донатистскаго епископа Феликса изъ Рима, какъ не имѣвшаго отношенія къ африканскимъ епископамъ. Но всего болѣе замѣшательства вызвала подпись одного умершаго на пути епископа, по имени Quodvultdeus (Какъ хочетъ Богъ). Каѳолическіе епископы заподозрили подлинность его подписи. Петиліанъ объяснилъ, что онъ подписался больной и умеръ на *возвратномъ* пути изъ Карѳагена. Предсѣдатель спросилъ, могутъ ли донатисты клятвенно подтвердить, что этотъ епископъ *былъ* въ Карѳагенѣ. Всѣ молчали; наконецъ, Эмеритъ сказалъ: „Можетъ быть, за него подписалъ и кто-либо другой“. Провѣрка подписей, въ сущности, не имѣла значенія, такъ какъ исходъ собесѣдованія зависѣлъ не отъ количества прибывшихъ епископовъ. Но вопросъ этотъ потому возбуждалъ такія страсти, что давалъ возможность не только обвинить донатистовъ въ подставныхъ подписяхъ, но и въ томъ, что они обманомъ преувеличивали число своихъ епископовъ. На этомъ вопросѣ подъ конецъ и сосредоточились пренія. Со стороны каѳолической было заявлено, что кромѣ 286 епи-

скоповъ, прибывшихъ въ Карѳагенъ, 120 остались дома по болѣзни или по другимъ причинамъ, а 60 каѳедръ—незанятыхъ. Услышавъ это, донатисты объявили, что съ ихъ стороны гораздо больше 120 епископовъ не прибыло въ Карѳагенъ, и у нихъ также много незанятыхъ каѳедръ. На это имъ возразили, что въ ихъ заявленіи Марцеллину было сказано, что они всѣ пріѣхали, даже дряхлые старики; не пріѣхали только тѣ, которыхъ задержала болѣзнь. Такимъ образомъ, въ первый же день, еще не коснувшись сущности дѣла, обѣ стороны раздражали другъ друга взаимными подозрѣніями и обвиненіями. Хотя каѳолическіе члены собранія вообще были спокойнѣе и сдержаннѣе, но и съ ихъ стороны часто выдавался горячій и неосмотрительный ученикъ Августина, Алипій, тѣмъ, что безъ нужды задѣвалъ донатистовъ. Второе засѣданіе было назначено черезъ день, на 3-е іюня, чтобы дать секретарямъ время составить и переписать протоколы. И это засѣданіе началось съ эпизода, послужившаго весьма дурнымъ предзнаменованіемъ. Донатисты снова отказались *сѣсть* и сослались при этомъ на слова Писанія (Пс. 25, 4): „Я не сидѣлъ въ сонмѣ нечестивыхъ“. Тогда и всѣ каѳолическіе члены собранія встали съ занятыхъ ими мѣстъ, и предсѣдатель также приказалъ вынести свое сѣдалище, сказавъ, что онъ считаетъ для себя неприличнымъ и несовмѣстнымъ съ уваженіемъ къ столькимъ духовнымъ лицамъ сидѣть, когда они стоятъ. Все засѣданіе снова было поглощено спорами изъ-за формальностей. Марцеллинъ спросилъ донатистовъ, согласны ли они, сообразно съ его эдиктомъ, удостовѣрять подписью свои рѣчи. Они сказали, что могутъ отвѣтить на это лишь послѣ того, какъ имъ дадутъ копію съ протоколовъ; стенографическихъ знаковъ они не знаютъ, и имъ необходимо внимательно самимъ прочесть протоколъ, прежде чѣмъ о немъ судить. Въ положеніи донатистовъ такая предосторожность была понятна; но ихъ противники усмотрѣли въ этомъ желаніе оттянуть дѣло, и напомнили имъ, что на первомъ засѣданіи было рѣшено приступить на второй день къ преніямъ. Начались пререканія. Петиліанъ, между прочимъ, требовалъ занесенія въ протоколъ, что, вопреки обѣщанію Марцеллина, имъ еще не возвращены ихъ церкви; а когда предсѣдатель, тѣмъ не менѣе, приказалъ приступить къ совѣщаніямъ,—воскликнулъ: „Такъ вотъ какъ насъ обманули!“ Это было облачко, которое несло въ себѣ африканскій ураганъ; но Августинъ, молчавшій въ продолженіе всего перваго засѣданія, сдержалъ его примирительнымъ замѣчаніемъ. Въ заключеніе, собраніе, освѣдомившись, сколько времени нужно секретарямъ для

исполненія ихъ работъ, рѣшило отложить совѣщаніе до 8-го іюня, съ условіемъ, чтобы начисто переписанныя копіи протокола были выданы обѣимъ сторонамъ не позднѣе 7 часовъ утра 7-го числа. Въ дѣйствительности, уже наканунѣ, въ 3 часа дня, копіи протоколовъ были представлены, и такимъ образомъ 8-го своевременно состоялось третье и главное засѣданіе.

Оно началось съ прочтенія удостовѣреній обѣихъ сторонъ, что имъ во-время были вручены протоколы, при чемъ донатисты не преминули задѣть своихъ противниковъ, назвавъ ихъ въ самомъ удостовѣреніи предателями и „гонителями“. По исполненіи этой формальности, предсѣдатель предложилъ перейти къ сущности дѣла; но въ чемъ оно заключалось и какой слѣдовало поэтому дать ходъ преніямъ, въ этомъ стороны расходились, и это обстоятельство вызвало чрезвычайно продолжительныя и постоянно прерывавшіяся членами съѣзда предварительныя пренія. Обѣ стороны занимали выжидательное положеніе. Августинъ выразилъ свое удовольствіе по поводу того, что, наконецъ, будетъ приступлено къ разсмотрѣнію укоровъ, дѣлаемыхъ церкви. Съ своей стороны донатистъ Адеодатъ предложилъ каѳоликамъ начать пренія. Когда предсѣдатель съ нимъ согласился, Фортунатъ заявилъ: „Донатисты упрекаютъ насъ въ двухъ преступленіяхъ—въ предательствѣ и гоненіи ихъ за вѣру; въ сущности же вопросъ въ томъ, гдѣ истинная церковь? Пусть донатисты заявятъ, какимъ способомъ они хотятъ разсматривать этотъ вопросъ?“

У донатистовъ отвѣтъ былъ готовъ: они приготовили особую записку, доказывавшую, что они представляютъ собою истинную церковь; эта записка служила опроверженіемъ записки, переданной Марцеллину каѳолическими епископами, и Августинъ дѣлаетъ весьма правдоподобное предположеніе, что именно желаніе выиграть время для составленія этой записки побудило донатистскихъ епископовъ на второмъ засѣданіи дѣлать затрудненія относительно подписанія протоколовъ. Но они не желали пока предъявлять своей записки: не даромъ ихъ вождемъ былъ бывшій адвокатъ, искусившійся во всѣхъ тонкостяхъ римской судебной практики. Въ виду того, что собесѣдованію была придана обстановка судебнаго состязанія подъ предсѣдательствомъ судьи, который долженъ былъ постановить приговоръ, донатисты захотѣли вести дѣло „судебнымъ порядкомъ“, и, согласно съ этимъ, Эмеритъ съ ихъ стороны заявилъ, что прежде всего нужно установить личность истца: кто выступаетъ съ обвиненіемъ? кто вызвалъ съѣздъ? кто обратился къ императору, отправилъ посоль-

ство, подалъ прошеніе, добился указа, потребовалъ судебнаго приговора?—Напрасно съ каѳолической стороны признавали все это несущественнымъ; напрасно Марцеллинъ настаивалъ на томъ, что ходъ дѣла опредѣленъ императорскимъ эдиктомъ и, приказавъ его прочесть, заявилъ, что въ силу указа требуется выяснить причину раскола и установить, на чьей сторонѣ вѣра и правда, и на чьей—суевѣріе. Донатисты продолжали съ необыкновеннымъ упорствомъ настаивать на установленіи личности истца, и когда Марцеллинъ, какъ юристъ, счелъ нужнымъ на это согласиться, чтобы не подать повода къ упреку въ правонарушеніи, донатисты потребовали прочтенія на судѣ полномочій, данныхъ соборомъ 410 г. епископамъ, отправленнымъ къ императору для исходатайствованія съѣзда. Почему это было нужно донатистамъ? Конечно, не ради оттяжки и не для того, чтобы помѣшать обсужденію сущности дѣла, какъ ихъ упрекали противники и какъ увѣряетъ Августинъ. Этому противорѣчитъ приготовленная донатистами записка въ ихъ защиту, касающаяся сущности вопроса. Настаивая на процессуальныхъ формальностяхъ, они, вѣроятно, желали обезпечить себѣ гарантію, возможность апеллировать къ императору и требовать отмѣны неблагопріятнаго имъ рѣшенія на процессуальныхъ основаніяхъ. Затѣмъ, установивъ, что истцомъ и обвинителемъ являются ихъ противники, донатисты желали возложить на нихъ onus probandi, т.-е. обязанность доказать правдивость и добросовѣстность обвиненія. Это видно изъ неоднократныхъ заявленій Августина на совѣщаніи: „Мы явились сюда, чтобы отвергнуть взводимыя противъ насъ обвиненія“, или: „Мы не обвиняемъ, а хотимъ только оправдать себя отъ обвиненій“. Чтобы опровергнуть это, донатисты и настаивали на прочтеніи актовъ собора 410 г. Они желали, какъ видно изъ отдѣльныхъ, вырвавшихся у ихъ ораторовъ заявленій, документально доказать, что каѳолическіе епископы давно вели козни противъ нихъ, что они, какъ выразился Петиліанъ, ввели въ обманъ императора, или, по словамъ Адеодата, что Августинъ оказался лжецомъ. Такимъ образомъ пренія очень затянулись, а дѣло не двигалось съ мѣста. Несмотря, однако, на этотъ формальный характеръ препирательствъ, въ продолженіе ихъ случайно затрогивались весьма существенные и интересные вопросы. Такъ, по вопросу, поставленному Фортунатомъ, гдѣ истинная церковь, Августинъ заявилъ: „Та, которая всѣмъ вѣдома и построена на горѣ, къ которой грядутъ всѣ народы“. Петиліанъ же поспѣшилъ сообщить, что истинная каѳолическая церковь—у донатистовъ, церковь, подвергающаяся

гоненію, но не сама преслѣдующая. Въ другой разъ Августинъ заявилъ, что „африканскіе каѳолики состоятъ въ общеніи съ христіанствомъ всей земли и потому обладаютъ церковью, о которой говорится въ Св. Писаніи"; на это Гауденцій возразилъ, что наименованіе *каѳолической* есть достояніе церкви донатистовъ; ибо оно основано не на количествѣ епископовъ, а на совершенствѣ и чистотѣ таинствъ; Эмеритъ же сказалъ: „Намъ нѣтъ дѣла до чужихъ,—рѣчь идетъ объ одной Африкѣ".

Другой эпизодъ этихъ предварительныхъ преній касался лично Августина. Тактика донатистовъ очевидно состояла въ томъ, чтобы бросить тѣнь на церковь, ихъ преслѣдовавшую, и лучше всего этого можно было достигнуть, заподозривъ нравственную состоятельность ея главнаго подвижника. Съ этою цѣлью Петиліанъ неожиданно обратился къ Августину съ вопросомъ: „Кто тебя посвятилъ въ епископы?" Онъ, конечно, имѣлъ въ виду старыя сплетни объ Августинѣ, побудившія тогдашняго примаса Нумидіи, епископа Мепалія, сначала воспротивиться рукоположенію Августина. Петиліанъ, какъ мы видѣли, уже разъ воспользовался этимъ орудіемъ противъ Августина, и не могъ не знать опроверженія, представленнаго послѣднимъ. Своимъ вопросомъ предъ лицомъ съѣзда онъ поставилъ его въ затруднительное положеніе и принудилъ въ свое оправданіе разсказать все дѣло. Донатисты, конечно, этому оправданію не вѣрили, и намѣреніе ясно сквозило въ словахъ Эмерита, которыми закончился этотъ эпизодъ: „Грѣхами священниковъ уничтожается чистота церкви". Это основное положеніе донатисты очевидно надѣялись обосновать осужденіемъ Августина. Наконецъ, приступили прямо къ сущности дѣла: донатисты предъявили свою записку, составленную ими во время перерыва засѣданія въ опроверженіе каѳолической записки. Донатистскій документъ былъ мастерски составленъ по своей содержательности и сдержанности. Донатисты прежде всего возражали противъ положенія своихъ противниковъ, что церковь, согласно пророчествамъ, будетъ до конца вѣка заключать въ себѣ смѣшеніе праведныхъ и нечестивыхъ. Въ подтвержденіе своего мнѣнія они привели сначала рядъ текстовъ изъ Священнаго Писанія, ссылались на примѣръ Моисея, отдѣлившаго идолопоклонниковъ, и Павла, исключавшаго недостойныхъ изъ христіанской общины, и, наконецъ, стали отвергать примѣнимость въ данномъ случаѣ нѣкоторыхъ доказательствъ, приводимыхъ противниками,—напр., притчи о сѣятелѣ,—причемъ они отождествляли *поле* въ притчѣ не съ церковью, а съ міромъ. Второе утвержденіе своихъ противниковъ, что святость церкви

не нарушается общеніемъ съ явно нечестивыми, донатисты старались опровергнуть рядомъ указаній на то, какъ ветхозавѣтные пророки избѣгали общенія съ идолопоклонниками. Съ другой стороны они старались ослабить доказательства, приведенныя ихъ противниками — заявленіемъ, что во время Ветхаго завѣта допускалось *неоднократное* очищеніе отъ грѣховъ и что нечестіе Іуды Искаріота было невѣдомо его товарищамъ; когда же оно обнаружилось, онъ былъ устраненъ изъ общины.

Во второй части записки донатисты переходятъ въ наступленіе, обвиняя своихъ противниковъ, что они въ теченіе цѣлаго вѣка добивались у царей міра сего, вопреки заповѣди Божіей, права принуждать угрозами и изгнаніемъ къ вступленію въ церковь. Возраженіе, что они такъ же поступали съ максиміанистами, донатисты отвергали, находя, что совсѣмъ не одно и то же—желать добровольнаго возвращенія утраченнаго и присоединенія „собратьевъ въ несчастьѣ“, или же явнымъ насиліемъ подвергать христіанскій народъ всѣмъ ужасамъ преслѣдованія. Перечисливъ своихъ гонителей, Урзація, Макарія и др. экзекуторовъ уніи, составители записки въ сжатыхъ и сильныхъ выраженіяхъ изображаютъ картину преслѣдованій, которымъ подвергались ихъ единовѣрцы. Если принять во вниманіе моментъ представленія записки уполномоченному римскаго императора, наканунѣ грознаго приговора, который легко было предвидѣть, нельзя не почтить мужества вождей донатистовъ, непоколебимо и бодро шедшихъ на встрѣчу своей участи подобно бойцамъ, привѣтствовавшимъ цезаря кликомъ: Morituri te salutant.

Дальнѣйшій ходъ совѣщанія достаточно намѣтить въ общихъ чертахъ. Оно могло слѣдовать двоякому пути, какъ указалъ Петиліанъ въ вопросѣ, съ которымъ онъ обратился къ каѳолическимъ епископамъ: хотятъ ли они повести дѣло на основаніи божественныхъ свидѣтельствъ или оффиціальныхъ протоколовъ, на что Августинъ отвѣтилъ, что если донатисты не будутъ настаивать на укорѣ въ *предательствѣ*, тогда можно будетъ не прибѣгать къ архивамъ, а ограничиться разрѣшеніемъ—при помощи Св. Писанія — вопроса, гдѣ истинная церковь. Но въ дѣлѣ донатизма вопросъ о выдачѣ язычникамъ священныхъ книгъ игралъ слишкомъ большую роль, чтобы его можно было обойти на совѣщаніи. На самомъ дѣлѣ сначала разсматривался вопросъ о церкви, т.-е., главнымъ образомъ, Августинъ разбиралъ и опровергалъ взгляды, высказанные въ запискѣ донатистовъ, потомъ началось чтеніе оффиціальныхъ документовъ по исторіи донатизма, для обличенія донатистовъ въ расколѣ. Первой части мы не ста-

немъ касаться, такъ какъ взглядъ Августина намъ уже извѣстенъ; прочтенные же на совѣщаніи документы составляютъ исторію возникновенія донатизма, выше вкратцѣ изложенную Въ обоихъ спорахъ донатисты не только имѣли дѣло съ богатыремъ слова и знанія, но занимали и положеніе трудно защитимое,—въ особенности, когда дѣло дошло до историческихъ фактовъ. Но въ этихъ безплодныхъ для донатистовъ преніяхъ наступилъ великій моментъ, когда они заявили государственному сановнику, что онъ не судья въ ихъ дѣлѣ, что одинъ Христосъ имъ судья, и когда они стали укорять своихъ противниковъ въ томъ, что они призвали ихъ на человѣческій судъ. Но этотъ свѣтлый лучъ померкъ безслѣдно для донатистовъ, когда имъ напомнили, что они первые обратились съ жалобой къ императору Константину, что они преслѣдовали максиміанистовъ съ помощью проконсуловъ и что они сами просили императора о назначеніи совѣщанія. А вскорѣ послѣ того они своей опрометчивостью поставили себя даже въ комическое положеніе. Желая доказать виновность Цециліана, они сослались на то, что самъ Константинъ призналъ ее, и въ подтвержденіе просили прочесть соотвѣтствующее мѣсто изъ составленной Оптатомъ исторіи донатистской схизмы, гдѣ было сказано, что Константинъ задержалъ Цециліана въ Брикссенѣ; но такъ какъ въ этихъ словахъ не заключалось никакого осужденія Цециліана, то Марцеллинъ приказалъ секретарю читать дальше, и тамъ было сказано, что Цециліанъ былъ признанъ невиннымъ во всѣхъ взведенныхъ на него обвиненіяхъ; хохотъ противниковъ сдѣлалъ посрамленіе еще болѣе чувствительнымъ для донатистовъ; желая поправиться, они въ своемъ смущеніи сдѣлали другую оплошность, запротестовавъ, что они не требовали прочтенія этого мѣста.

Когда, по признанію обѣихъ сторонъ, пренія были исчерпаны, Марцеллинъ пригласилъ ихъ удалиться на время составленія имъ приговора, который затѣмъ былъ прочтенъ публично. Приговоръ начинается съ сожалѣнія, что нѣтъ повода къ ликованію, которое бываетъ при обращеніи къ истинѣ застарѣлаго суевѣрія; ибо чѣмъ болѣе болѣзнь укоренилась, тѣмъ радостнѣе неожиданное исцѣленіе, и выздоровленіе въ такомъ случаѣ возбуждаетъ больше восторга, чѣмъ ничѣмъ ненарушенное здоровье. Но въ виду того, что безумцы — по упорству или, что еще хуже, по безсовѣстности—отказываются идти по указанному имъ пути спасенія, приходится выразить и исполнить волю закона для того, чтобы лечить болѣе суровыми средствами тѣхъ, кого не исцѣлили менѣе горькія лекарства. Прочитавши это нравоученіе, предста-

витель государственной власти, принимая на себя роль богослова, восклицаетъ: „Для кого не очевидно на основаніи прочтенныхъ на судѣ документовъ и свидѣтельствъ Св. Писанія, что никто не можетъ считаться виновнымъ за чужой грѣхъ и что миръ вселенской церкви не долженъ быть нарушаемъ изъза Цециліана, который ни въ чемъ дурномъ не обличенъ! Если эта очевидная истина не въ состояніи излечить застарѣлую болѣзнь, то приходится выдавить „гной изъ заразной раны“. На этомъ основаніи приговоръ Марцеллина вмѣняетъ въ обязанность всѣмъ помѣщикамъ и общиннымъ властямъ—препятствовать сходкамъ донатистовъ и немедленно *всѣ* церкви предоставить каѳоликамъ. Всѣмъ же донатистамъ, которые послѣ этого запрета останутся вѣрными расколу, объявлялось, что они не избѣгнутъ установленной императорскимъ закономъ кары. Присутствовавшимъ на съѣздѣ донатистскимъ епископамъ разрѣшалось свободно возвратиться домой съ тѣмъ, чтобы тамъ подчиниться закону; тѣ же изъ нихъ, въ владѣніяхъ которыхъ водятся циркумцелліоны, были предупреждены, что если они не „подавятъ нахальства“ послѣднихъ, ихъ владѣнія будутъ немедленно отобраны въ казну —„ибо какъ каѳолическому закону, такъ и общественному покою потребно, чтобы это изувѣрство было уничтожено“.

Таковъ былъ результатъ карѳагенскаго съѣзда. Это была двойная побѣда Августина и каѳолическихъ епископовъ надъ противниками. Донатисты проиграли процессъ передъ государственною властью, и проиграли его въ то же время передъ христіанскимъ міромъ. Такъ какъ судья былъ назначенъ императоромъ, то его приговоръ отнималъ у нихъ теперь всякую надежду на снисхожденіе со стороны правительства. Донатисты, правда, еще не сдавались. Какъ формалисты, они еще цѣплялись за формы римской юрисдикціи. Не даромъ они во время съѣзда постоянно къ ней прибѣгали и, подписываясь подъ протоколомъ сказанныхъ ими рѣчей, всегда дѣлали оговорку, что сохраняютъ за собою право апеллировать. Послѣ суда они этимъ воспользовались и дѣйствительно подали апелляцію на имя императора. Они были правы, — религіозному совѣщанію былъ придавъ характеръ судебнаго процесса, а въ такомъ случаѣ почему же не апеллировать отъ чиновниковъ къ императору? — Поводы къ апелляціи, ими выставленные, были формальнаго свойства, какіе, по всему вѣроятію, употреблялись въ тогдашнемъ судопроизводствѣ: „приговоръ былъ объявленъ уже ночью; до объявленія приговора ихъ не выпускали, а держали подъ арестомъ“, и т. п.

V.

Донатисты, конечно, ничего не добились. Императоръ отвергъ ихъ апелляцію и уже въ январѣ 412 года издалъ новый законъ, который долженъ былъ ихъ сокрушить подъ тяжестью фискальныхъ взысканій. Никто не былъ отъ нихъ изъятъ: и богатые, и бѣдные, всѣ должны были поплатиться состояніемъ за свои религіозныя убѣжденія. Люди высшаго чина (illustres—свѣтлѣйшіе) — должны были заплатить 30 ф. золота въ казну; слѣдующаго чина (spectabiles)—40; сенаторскаго званія—30; сіятельные (clarissimi)—20; члены жреческой коллегіи (sacerdotales [1])—30; почетные граждане (principales)—20; городскіе гласные—10; купцы —5; мѣщане (plebeii)—5; сельчане (circumcelliones) 10 $ серебра.

Жены подвергались этой пенѣ отдѣльно отъ мужей. Тѣ, которыхъ не могла исправить такая пеня, должны были лишиться всего имущества. Рабы и колоны подлежали исправленію посредствомъ розогъ, а клерики—изгнанію съ почвы той Африки, которую они опозорили своею ересью,

Но не прошло двухъ лѣтъ, какъ появился новый законъ о пеняхъ за ересь. Взиманіе тяжелыхъ пеней, указанныхъ въ предшествовавшемъ законѣ, вѣроятно оказалось затруднительнымъ; теперь пени были понижены, но должны были производиться систематически до полнаго разоренія. Донатисты были лишены права дѣлать завѣщанія и совершать какіе-либо договоры. Мѣста, гдѣ они собирались, подлежали конфискаціи, а духовенство ихъ, епископы, пресвитеры и пр.—изгнанію на острова. Не довѣряя самимъ представителямъ власти, императоръ грозитъ лицамъ въ высшихъ чинахъ — проконсула, викарія и главнокомандующаго—за принадлежность къ донатизму пенею въ 200 $ серебра, и такая пеня должна была взыскиваться за каждое проявленіе ереси—до пяти разъ, послѣ чего объ этомъ должно было быть доложено императору, для наложенія тяжкаго имущественнаго наказанія. Сенаторы подлежали пенѣ въ 100 $ серебра, сацердоталы — той же пенѣ, старшины курсаловъ — пенѣ въ 50 $,

[1]) Это было наиболѣе почетное званіе, котораго можно было достигнуть службой *по выборамъ* въ провинціи. На ежегодномъ провинціальномъ съѣздѣ (земскомъ собраніи) избиралось на годъ лицо, завѣдывавшее культомъ императора и потомъ сохранявшее полученное званіе въ видѣ титула. Въ эпоху Августина это званіе утратило всякое отношеніе къ языческимъ культамъ, но продолжало существовать, какъ почетный титулъ.

остальные декуріоны — въ 10 $. Арендаторы императорскихъ имѣній должны были уплатить двойную аренду; за частныхъ арендаторовъ отвѣчали ихъ помѣщики. Чиновники уплачивали 30 $ серебра до пяти разъ, а затѣмъ подлежали тѣлесному наказанію и изгнанію. Рабамъ и колонамъ грозило суровое тѣлесное наказаніе, а послѣ этого—потеря третьей части имущества.

Трудно теперь сказать, что было болѣе сильнымъ ударомъ для донатистовъ—этотъ ли поборъ со стороны враждебнаго къ нимъ государства, или моральное впечатлѣніе, которое произвело въ Африкѣ торжество ихъ противниковъ на карѳагенскомъ съѣздѣ. Чтобы усилить это впечатлѣніе, каѳолическіе епископы обнародовали протоколы съѣзда и каждогодно читали ихъ съ амвона во время великаго поста. Еще семь лѣтъ спустя, Августинъ приглашалъ къ этому епископа Цезареи. Въ виду обширности протоколовъ, Марцеллинъ разрѣшилъ составить изъ нихъ извлеченіе; но такъ какъ это извлеченіе оказалось, по краткости, неудобопонятнымъ, Августинъ самъ составилъ краткій разсказъ о съѣздѣ, въ которомъ сжатость изложенія лишь усиливаетъ направленное противъ донатистовъ обличеніе.

Донатисты боролись противъ невыгоднаго для нихъ оборота, которое приняло ихъ дѣло на карѳагенскомъ съѣздѣ тѣмъ же способомъ, какъ и въ апелляціи къ императору: они стали распространять слухъ, что императорскій судья, Марцеллинъ, былъ подкупленъ. Тогда Августинъ выступилъ съ новымъ обличеніемъ образа дѣйствія донатистскихъ вождей. Оно заключается въ „посланіи къ народу донатистской секты“, разосланномъ отъ имени собравшихся на съѣздѣ каѳолическихъ епископовъ Нумидіи. Изобличивъ тактику донатистскихъ епископовъ въ Карѳагенѣ, Августинъ ярко освѣщаетъ уступки, которыя они были принуждены сдѣлать: „Признались они, что ничего ровно не имѣютъ сказать противъ каѳолической церкви, простирающейся по всему земному кругу: а такъ какъ съ этой церковью мы находимся въ общеніи, они же нѣтъ, то это признаніе ихъ является съ Божьей помощью очевиднѣйшей нашей побѣдой“.—„А кто отдѣлится отъ этой каѳолической церкви, какъ бы похвальна ни была его жизнь, не будетъ *жить*, но подвергнется гнѣву Господню за то именно преступленіе, что онъ отдѣлился отъ Христова единства. Тому же, кто въ этой церкви будетъ хорошо жить, не послужатъ въ укоръ чужіе грѣхи“.—Въ признаніи этой истины самими донатистами Августинъ видитъ новую надъ ними побѣду. Они были принуждены сдѣлать эту уступку, когда ихъ упрекнули на соборѣ въ томъ, что они приняли въ свою среду максиміанистовъ,

несмотря на прежнее осужденіе ихъ. Смутившись и забывъ то, на чемъ они прежде сами настаивали, донатисты тогда заявили, „что не можетъ служить въ укоръ дѣлу—дѣло, или лицу—лицо“ (nec causa causae, nec persona personae praejudicat). Но въ силу такого признанія становилось несостоятельнымъ все обвиненіе противъ африканской церкви и исчезалъ поводъ къ схизмѣ. Въ чемъ бы ни заключалась неправда Цециліана, она не могла, какъ объяснялъ Августинъ, послужить къ осужденію не только заморской церкви, противъ которой донатисты ничего не имѣли, но и африканской, находившейся въ общеніи съ нею. Пораженіе донатистовъ Августинъ, наконецъ, усматривалъ въ томъ, что они признали, даже хвастались тѣмъ, что ихъ предшественники выступили обвинителями Цециліана предъ императоромъ, — а затѣмъ были принуждены подтвердить, что онъ былъ оправданъ двумя соборами и самимъ императоромъ. Упомянувъ затѣмъ о неудачныхъ ссылкахъ донатистовъ на историка Оптата и на документы въ дѣлѣ епископа Феликса, рукоположившаго Цециліана,—ссылкахъ, которыя обратились противъ нихъ самихъ,—Августинъ восклицаетъ: „Такъ пусть же они вамъ не говорятъ, что мы подкупили судью! Ибо что же другое говорятъ люди, потерявшіе судебный искъ? Но если мы и дали что-нибудь судьѣ,—иронически продолжаетъ Августинъ,—за то, чтобы онъ вынесъ благопріятный для насъ приговоръ, то подумайте, сколько же мы заплатили имъ самимъ за то, что они не только много говорили, но и приводили свидѣтельства въ нашу пользу?“

„Для чего, однако,—заключаетъ Августинъ, — еще больше распространяться? Если хотите намъ вѣрить, то повѣрьте, и станемъ тогда жить въ единствѣ, которое предписываетъ и любитъ Господь. Если же не хотите намъ вѣрить, прочитайте протоколы или велите ихъ вамъ прочесть, и сами посудите, правда ли то, что мы вамъ пишемъ. Если же вы и этого не хотите дѣлать, а желаете слѣдовать заблужденію партіи Доната, обличенному очевиднѣйшей нашей правдой, мы будемъ неповинны въ карѣ вашей, когда потомъ наступитъ, но слишкомъ поздно, ваше раскаяніе!“

Когда Августинъ составлялъ это посланіе, онъ могъ съ глубокимъ душевнымъ удовлетвореніемъ сознавать, что давно лелѣянная имъ мечта осуществилась. Съ самаго начала онъ искалъ случаевъ собесѣдованія съ отдѣльными донатистскими епископами, чтобы побѣдить ихъ краснорѣчіемъ своего внутренняго убѣжденія. Убѣдившись въ тщетности этихъ единичныхъ усилій, онъ сталъ носиться съ планомъ оффиціальнаго соборнаго собесѣдованія, съ

участіемъ всѣхъ африканскихъ епископовъ, для торжественнаго всенароднаго установленія правды и всеобщаго объединенія. Карѳагенскій соборъ превзошелъ всѣ его надежды; *всѣ* почти епископы донатистовъ были въ сборѣ, и они были побѣждены, уличены въ заблужденіи предъ лицомъ *всей* Африки, можно сказать—всего міра. Ихъ дѣло было проиграно, и теперь сила уже не въ нихъ: пусть они упрямятся; Августинъ обращается къ *народу* съ обличеніемъ ихъ, въ надеждѣ пошатнуть авторитетъ вождей, такъ долго державшихъ его въ заблужденіи.

Насколько эта духовная побѣда, одержанная Августиномъ на карѳагенскомъ соборѣ, содѣйствовала достиженію его цѣли, мы судить не можемъ; но вслѣдъ за соборомъ вступилась въ дѣло государственная власть и началось усиленное взаимодѣйствіе церкви и государства, іереевъ и экзекуторовъ единства для обращенія донатистовъ.

Памятникомъ этого взаимодѣйствія служитъ постановленіе карѳагенскаго собора 418 года: однимъ изъ нихъ вмѣнялось въ *обязанность* каждому епископу присоединять находившіяся въ его епархіи донатистскія общины; при неисполненіи же епископомъ этой обязанности, сосѣдніе епископы должны были ему напомнить о ней; и если онъ въ теченіе шести мѣсяцевъ не исполнялъ ея, то донатистскія общины должны были быть причислены къ епархіи того, кто обратитъ ихъ,—если только епископскимъ судомъ не будетъ удостовѣрено, что обращеніе было невозможно вслѣдствіе упрямства донатистовъ.

Но какимъ способомъ совершались такія обращенія, объ этомъ даетъ понятіе 6-я статья соборнаго постановленія, предписывающая епископамъ *прервать* сношенія съ тѣми изъ товарищей, которые, получивъ *напоминаніе*, въ теченіе шести мѣсяцевъ не исполнятъ своей обязанности; при этомъ, однако, устанавливается исключеніе для того епископа, который могъ доказать, что онъ „не находилъ поддержки со стороны императорскаго экзекутора“. Многозначительныя слова, указывающія, какую дѣятельную роль во всѣхъ этихъ обращеніяхъ играли органы императорской власти! На другую, не менѣе печальную сторону этого казеннаго прозелитизма указываетъ слѣдующая статья, грозящая отставленіемъ отъ должности епископу, который заявитъ, что всѣ донатисты его епархіи уже обращены, и будетъ уличенъ въ неправдѣ.

По этимъ статьямъ можно судить о положеніи донатистовъ. Но какъ ни велико было число обращавшихся или *подвергавшихся* обращенію, все-таки часть донатистовъ оставалась не-

преклонною, какъ среди епископата, такъ и среди сельскаго населенія.

Что вызвало эту статью?—Указываетъ ли она на то, что въ числѣ африканскихъ епископовъ были люди равнодушные къ дѣлу обращенія, или люди кроткіе, не желавшіе прибѣгать въ этомъ дѣлѣ къ императорскимъ экзекуторамъ? или наоборотъ, уже въ V-мъ вѣкѣ религіозныя преслѣдованія со стороны государства порождали, какъ во время *драгонадъ* Людовика XIV-го,—людей, угождавшихъ власти и обманывавшихъ ее донесеніями, что все благополучно въ ихъ округѣ?

Какъ бы то ни было, африканскіе епископы могли ликовать. Союзъ церкви съ государствомъ принесъ свои плоды; недаромъ они поручили проконсулу дѣло апостола: донатизмъ былъ сокрушенъ и единство вѣры оффиціально установлено.

Но это лишь такъ казалось. Торжество церкви и государства не искоренило ереси и только ослабило римское вліяніе въ Африкѣ. Многіе донатисты прониклись еще бо́льшей враждой къ церкви; другіе притворно къ ней присоединились, и когда, лѣтъ десять спустя, вандалы вторглись въ Африку, религіозный раздоръ въ тамошнемъ населеніи облегчилъ имъ побѣду. Освободившись отъ Рима, донатисты ожили; они пережили вандальское владычество, пережили и византійское завоеваніе, и еще въ концѣ VI-го вѣка папа Григорій Великій озабоченно писалъ: „До нашего свѣдѣнія дошло, что ересь донатистовъ, по грѣхамъ нашимъ, ежедневно распространяется, и очень многіе, послѣ каѳолическаго крещенія, вновь перекрещиваются донатистами“. Эти слова были написаны незадолго до арабскаго нашествія, которое на самомъ дѣлѣ положило конецъ борьбѣ между донатистами и каѳоликами, поглотивъ и тѣхъ и другихъ въ волнахъ нахлынувшаго ислама. Въ Африкѣ не осталось и слѣдовъ христіанства; но безмолвная пустыня сохранила до нашихъ дней слѣды кровавой распри между африканскими христіанами, сдѣлавшей ихъ жертвой общаго врага. На развалинахъ близъ Тимгада одинокій путникъ можетъ и теперь прочесть боевой кликъ донатистовъ: „Deo laudes!“, на который каѳолики отвѣчали враждебнымъ кликомъ: „Deo gratias!“—и тогда среди мирной природы и картины разоренной и угасшей культуры предъ его воображеніемъ возстаетъ старая распря, въ которой братья по Христу и по происхожденію истребляли другъ друга Христовымъ именемъ.

Однако, союзъ церкви съ государствомъ и организованное ими преслѣдованіе донатистовъ имѣли не только указанныя выше

политическія послѣдствія: вмѣшательство римскаго государства въ церковные вопросы и принципъ принужденія для установленія единства вѣры имѣли послѣдствія, отразившіяся далеко за предѣлами Африки и пережившія римскую имперію; они произвели переворотъ въ душѣ Августина и чрезъ этого великаго учителя среднихъ вѣковъ оставили имъ завѣтъ, что принципъ единства вѣры долженъ стоять выше завѣщанной Христомъ любви къ ближнему.

В. Герьѳ.

ТРИ ДОРОГИ

РОМАНЪ.

XXXII *).

Губернаторша пріѣхала съ дочерью. Обѣ были въ траурѣ. Всѣ вышли въ переднюю, встрѣчать ихъ.

— Какую добрую вѣсть вы привезли мнѣ?—спросила Ольга Андреевна, здороваясь съ нею.

Губернаторша отрицательно покачала головой.

— Rien! absolument rien!—И она, отвѣтивъ на поклонъ Толкунова и поцѣловавъ Любу, вошла вмѣстѣ съ Ольгой Андреевной въ залу и начала разсказывать, что нашли въ глубокомъ оврагѣ, въ Епанчинскомъ лѣсу, притонъ разбойниковъ.—Mais rien de plus. On suppose qu'ils ont reculé dans les forêts de пермская губернія.

Ольга Андреевна спросила ее, что она желаетъ: сѣсть сейчасъ за столъ или переодѣться,—и губернаторша тотчасъ же и какъ-то торопливо отвѣтила:—Переодѣться.—Ольга Андреевна и Люба повели ее и дочку во внутреннія комнаты.

Въ это время на дворъ влетѣла тройка, запряженная въ легкій тарантасикъ, въ которомъ сидѣлъ исправникъ; а въ задней половинѣ дома шла необычная суета. Три лакея, Антонъ, Семенъ и Силантій, переодѣлись въ парадныя ливреи. Извѣстіе о пріѣздѣ губернаторши изъ передней и дѣвичьей распространилось по всей усадьбѣ. Вездѣ подтягивались и прихорашивались; даже садовники надѣвали новые, чистые фартуки; а въ больницѣ перемѣняли чистое бѣлье и наливали въ графины свѣжую воду.

---

*) См. выше: февр., 651 стр.

Толкуновъ-отецъ съ тяжелымъ вздохомъ посматривалъ на часы.

— Хоть бы закусить дали чего-нибудь!—сказалъ онъ шопотомъ.—Это нынѣче мода пошла: обѣдъ безъ закуски... Вовсе не по-русски... Хоть бы рюмку водки и редиску дали...

И въ это самое время, какъ будто угадавъ его желаніе, Осипъ внесъ большой подносъ съ закуской и подошелъ съ нимъ къ Элизару Петровичу.

— Вѣдь вотъ!.. Вѣдь вотъ!..—говорилъ онъ шопотомъ: — догадались же!.. О, русскій человѣкъ!.. Всегда въ затылкѣ чешетъ.

И онъ, взявъ въ руки кувшинъ съ amande amère и посмотрѣвъ на раззолоченный ярлыкъ кувшина, налилъ большую рюмку.

— А ты что же? Приложись!..

Толкуновъ-сынъ покачалъ головой и принялся задумчиво ходить по залѣ. А Элизаръ Петровичъ, торопливо хватая куски, какъ бы изъ боязни, что ему помѣшаютъ, поѣдалъ и свѣжую икру, и астраханскій балыкъ, и маринованныхъ миногъ, и какіе-то особенные пикули и анчоусы.

Въ это время, въ корридорѣ послышались голоса, и въ залу вошли Ольга Андреевна, губернаторша, ея дочка и Люба. Осипъ подалъ имъ закуску, но всѣ отказались, отправились прямо въ столовую и усѣлись за столъ. Большая миска съ зелеными щами стояла уже передъ Ольгой Андреевной. Съ правой руки она посадила губернаторшу, съ лѣвой—ея дочку. Подлѣ губернаторши помѣстился Элизаръ Петровичъ, а подлѣ губернаторской дочки сѣла Люба и ея женихъ. За столомъ стояло теперь трое лакеевъ въ парадныхъ ливреяхъ и два казачка. Обѣдъ изъ простого, семейнаго превратился въ парадный.

Въ половинѣ обѣда—опять раздался звонъ колокольчика, и новая тройка влетѣла во дворъ. Въ легонькомъ тарантасѣ пріѣхалъ Гарбузовъ.

Онъ бойко вошелъ въ переднюю, очевидно воодушевленный тѣми новостями, которыя онъ привезъ, но услыхавъ, что здѣсь губернаторша, весь съёжился, робко вошелъ въ залу и началъ медленно и неслышно ходить въ ней, осторожно переступая и оглядываясь по сторонамъ, какъ звѣрь, чующій опасность. Услыхавъ приглашеніе, Гарбузовъ началъ пятиться задомъ къ передней.

— C'est un des nos voisins, — объяснила тихо Ольга Андреевна губернаторшѣ.

Казачокъ доложилъ объ его пріѣздѣ, и Ольга Андреевна велѣла пригласить его въ столовую.

— Скажи, что я послѣ... послѣ,—зашепталъ онъ,—ужотко...

Вишь... какой я!—и онъ указалъ на свой густо запыленный костюмъ.

— Онъ ни за что не войдетъ сюда, — проговорила Ольга Андреевна и поднялась съ мѣста, но Толкуновъ-сынъ предупредилъ ее. Онъ вскочилъ и быстро ушелъ въ залу, взялъ Гарбузова подъ руку и, какъ тотъ ни упирался, ни отговаривался, втащилъ его въ столовую, гдѣ Гарбузовъ, стоя на мѣстѣ, началъ всѣмъ низко раскланиваться.

— Вы обѣдали, Евграфъ Никитичъ? — спрашивала Ольга Андреевна.—Садитесь... Поставь стулъ и подать горячее!—приказала она лакею.

— Я уже... закусилъ... Очень доволенъ... Очень благодаренъ... Не извольте безпокоиться-съ...

— Садитесь, пожалуйста... Садитесь! — упрашивала Ольга Андреевна.—Разскажите намъ скорѣй, что вы узнали?..

Люба вся горѣла нетерпѣніемъ. Она быстро вскочила со стула и, схвативъ Гарбузова за руку, усадила его.

— Да разсказывайте же скорѣе,—сказала она: — Скорѣе... Что Вѣра?.. Вы слышали что-нибудь?..

Гарбузовъ покачалъ головой и, помахавъ рукою, вытянулъ указательный палецъ.

— Ничего-съ не слыхалъ... Ничего-съ!..

— Что же это была за женщина... эта разрѣзанная надвое?—допрашивала Люба.

— Эта женщина... ее Быковъ разрѣзалъ на-двое и повѣсилъ на двухъ деревахъ... Одну половину налѣво, а другую направо.

— Ахъ, какой ужасъ! — вскричала губернаторша, всплеснувъ руками и слегка поблѣднѣвъ.

Подъ впечатлѣніемъ этой картины, она даже на нѣсколько минутъ потеряла тотъ губернаторскій тонъ, который постоянно сквозилъ въ ея разговорѣ, даже потеряла привычку выражаться по-французски.

— Да кто же была эта женщина?—вскричала Люба.

— Это полицейская тайна-съ,—проговорилъ шопотомъ Гарбузовъ и подмигнулъ лѣвымъ глазомъ.—У меня тамъ, знаете-ли, становой старый знакомый,—Ѳедоръ Михайловичъ Перепеченко, если изволите знать: такъ онъ просилъ меня никому ничего не открывать, такъ какъ слѣдствіе только-что началось.

— Ну... мнѣ-то вы можете это открыть,—вмѣшалась губернаторша: къ ней опять вернулся ея губернаторскій тонъ.—Моему мужу уже навѣрно донесли теперь, кто была эта женщина...

— Да вы видѣли этотъ трупъ?—вскричала Люба.

— Какъ же-съ! Какъ же! При мнѣ и вскрывали... Избёнка, знаете ли, крохотная... Духота... Вонь... а мухъ-то, Господи!..

— Чей же это трупъ?—настойчиво допрашивала Люба.

— Этотъ-съ...—И онъ замялся.

— Господи!.. Да говорите же скорѣе!

— Это-съ... нельзя-съ... Это-съ я... вотъ ея превосходительству... Или вотъ, если позволите, вашему жениху... Или Элизару Петровичу-съ... А барышнямъ... это нельзя говорить-съ... Не хорошо-съ.

— Да вы мнѣ скажите: этотъ трупъ былъ Вѣры, или нѣтъ?—вскричала Люба, и слезы выступили у нея на глазахъ. Она готова была разрыдаться...

Евграфъ Никитичъ поднялся со стула и махнулъ рукой.

— Нѣ-ѣтъ-съ!—проговорилъ онъ протяжно.—Какъ же это могла быть Вѣра Александровна, когда это тѣло—здоровой, высокой женщины съ русыми волосами...

Всѣ слушавшіе какъ-то невольно съ облегченіемъ вздохнули. На всѣхъ дѣйствовала заразительно страстная нотка Любы. Всѣмъ, какъ паника, сообщился ея страхъ, хотя всѣ были увѣрены что убитая женщина не была Вѣра.

Евграфъ Никитичъ, выведя публику изъ смущенія, весьма этому обрадовался и принялся разсказывать все, что слышалъ на мѣстѣ о шайкѣ Быкова,—причемъ не забывалъ держать въ секретѣ полицейскую тайну. Онъ подтвердилъ также, что разсказывалъ губернаторшѣ, т.-е., что нашли въ Епанчинскомъ оврагѣ притонъ шайки.

— Чуточку только не удалось захватить ихъ всѣхъ,—продолжалъ онъ. — И мѣсто было теплое, нагрѣтое, даже трубку нашли Быкова. Мнѣ Ѳедоръ Михайловичъ показывалъ,—такая небольшая трубка, простая деревянная, какъ у нашихъ мужичковъ обыкновенно бываетъ...

— А почему же узнали, что эта трубка была Быкова?—спросилъ Элизаръ Петровичъ.

— А приборъ былъ на ней серебряный, чисто серебряный, 84-й пробы.

— Да вы видѣли эту трубку?..

— Какъ же!.. Видѣлъ-съ... Такая простая трубка... мужицкая... по-малороссійски, носогрѣлка...

Губернаторша начала разсказывать объ итальянскихъ и въ особенности римскихъ разбойникахъ...

— Еслибы этотъ синьоръ Быковъ былъ человѣкъ со смы-

слюмъ, то онъ могъ бы отлично воспользоваться своимъ положеніемъ. И самъ бы нажилъ состояніе, и товарищамъ составилъ бы капиталы... Назначилъ бы выкупъ... А теперь онъ только бѣгаетъ съ мѣста на мѣсто.

„И вѣроятно таскаетъ съ собой вашу племянницу“,—хотѣла она прибавить, но удержалась.

— Я, мнѣ кажется, ничего бы не пожалѣла, чтобы только выкупить ее,—сказала серьезно Ольга Андреевна.

— И я бы тоже,—прибавила Люба.

— Vous prétendez, votre excellence, — сказалъ Толкуновъ-отецъ, обращаясь къ губернаторшѣ, — des choses incomparables; развѣ можно сравнивать итальянскаго разбойника съ нашимъ вахлакомъ закамскимъ!.. Вѣдь это что?.. Медвѣдь лѣсной, косолапый. Вѣдь ему только жрать, пить, бить и рубить... Вотъ какъ эту несчастную женщину—разрѣзалъ на-двое и убѣжалъ.

— C'est vraiment il y a quelque chose de grossier, de brut dans le sang de nous-mêmes... Lisez notre histoire: quelles brutalités atroces... Par exemple, ce Jean le Грозный... Quelle horreur! C'était un brigand sur le trône, — промолвила губернаторша.

Послѣ обѣда она тотчасъ же уѣхала. Ей предстояло переплыть Каму, и она ни за что не рѣшалась ночью остаться въ Закамьѣ, „dans cet horrible pays!“—говорила она. Лошади для нея были заготовлены въ Караваевѣ и въ Лебядкѣ.

Вмѣстѣ съ ней уѣхалъ и Толкуновъ-отецъ. Онъ непремѣнно хотѣлъ проводить ее до границы своихъ владѣній. То же самое сдѣлалъ и Гарбузовъ. Драевскія опять остались въ своей семьѣ, и послѣ шумнаго эпизода тоска еще сильнѣе дала себя знать...

Прошло два дня такой щемящей тоски. Ольга Андреевна снова отправилась одна въ караушку Епанчинскаго лѣса, уговоривъ Любу не провожать ее и остаться съ женихомъ. Она поѣхала въ небольшомъ шарабанѣ и взяла съ собой опять только двухъ дѣвушекъ, Соню и Машу.

Люба, въ пеньюарѣ, закутанная большимъ шерстянымъ платкомъ, сонная и заплаканная, вышла проводить ее.

— Мама!—говорила она:—да ты скажи мнѣ, подумай, зачѣмъ ты ѣдешь?

— Не знаю, дорогая моя; такъ Богу угодно. — И она поцѣловала и перекрестила ее.

Дѣйствительно, она не могла найти достаточной причины своей поѣздки. Ее просто тянуло ѣхать.

Пріѣхавъ на мѣсто, она разспросила лѣсного сторожа, тата-

рина Абдула, знаетъ ли онъ, гдѣ нашли притонъ Быковской шайки?—и послѣ утвердительнаго отвѣта взяла Абдула съ собой и отправилась съ двумя дѣвушками.

Они шли долго; татаринъ разсказывалъ, какъ въ его избѣ „тамаша былъ".

Прошли цѣлыхъ полтора часа, прежде чѣмъ они пришли къ тропинкѣ, по сторонамъ которой были двѣ высокихъ ели,—тѣ ели, на которыхъ висѣлъ трупъ разрѣзанной женщины. Около деревьевъ земля была залита почернѣвшей кровью и вся трава кругомъ примята. Татаринъ все разсказывалъ, не обращая вниманія на то, какое сильное впечатлѣніе производитъ его разсказъ на присутствующихъ.

Далѣе пошелъ легкій наклонъ, ведшій къ оврагу, гдѣ былъ притонъ разбойниковъ. Татаринъ повелъ спутниковъ по этому наклону. Ольга Андреевна, съ сильно возбужденными нервами, шла, оглядываясь по сторонамъ и тщетно стараясь найти внутри себя то невозмутимое спокойствіе, которое даетъ молитва. Она чувствовала, какъ дрожитъ ея сердце, и въ этомъ дрожаніи какъ-то странно складывались страхъ земной и привязанность къ ея любимой Вѣрѣ. Вдругъ что-то бѣлое мелькнуло въ сторонѣ, въ кустахъ. Она тотчасъ же инстинктивно повернула въ эту сторону. Бѣлое оказалось лоскутомъ отъ платья Вѣры, и этотъ лоскутъ висѣлъ на сучкѣ, очевидно оторванный въ то время, когда Вѣра бѣжала стремглавъ, не помня себя...

Всѣ остановились. Маша начала ахать и креститься. Соня заплакала. Ольга Андреевна поцѣловала лоскутокъ и спрятала его въ карманъ.

— Вишь, барышня какъ бижалъ,—сказалъ задумчиво татаринъ,—инда хорошъ одежъ порвалъ.

Чѣмъ ближе подходили къ оврагу, тѣмъ сильнѣе охватывала всѣхъ внутренняя дрожь. Даже татаринъ ступалъ осторожно и косился по сторонамъ. Лѣсъ и кусты здѣсь становились чаще, деревья выше, гуще ложилась тѣнь и слышнѣе былъ шумъ вершинъ, качаемыхъ вѣтромъ. Порой всѣ вдругъ останавливались, къ чему-то прислушивались и снова, еще тише и осторожнѣе спускались съ наклона, какъ будто боясь спугнуть какую-нибудь осторожную птицу или чуткаго звѣря.

Пришли, наконецъ, къ краю оврага. Надо было спускаться. Татаринъ пошелъ впередъ и твердилъ:

— Ни бось, ни бось, барыня, за меня держись—ни падешь...

Соня и Маша взяли подъ руки Ольгу Андреевну и, споты-

кая, вели ее вслѣдъ за татариномъ, который раздвигалъ каждый кустъ и прокладывалъ путь.

Спустились на дно, заросшее высокими листьями чернаго папоротника. Пришли къ мѣсту, гдѣ было логовище разбойниковъ. Трава здѣсь была сильно примята. Очевидно, всю ее тщательно обыскивали: въ нѣсколькихъ мѣстахъ были вырыты маленькія ямки—пробовали почву. Вдругъ Соня вскрикнула, нагнулась и подняла что-то.

— Барышнина шпилька! — вскричала она, поднимаясь съ колѣнъ, и какъ будто обрадовалась этой находкѣ.

Дѣйствительно, это была шпилька Вѣры. Въ этомъ нельзя было сомнѣваться,—это была одна изъ тѣхъ шпилекъ, особенныхъ, длинныхъ, которыя Ольга Андреевна, черезъ своихъ знакомыхъ, нарочно выписала изъ Карлсбада для густыхъ волосъ Вѣры.

Шпильку Ольга Андреевна также спрятала въ свой маленькій карманный портфельчикъ.

„Вѣрно, выронила, голубушка моя родная“,—подумала Ольга Андреевна, и слезы навернулись у нея на глазахъ.

— Вѣдь вотъ!..—сказала Маша:—чай, здѣсь все обшарили, даже землю изрыли, а шпильку не нашли...

Соня начала также всматриваться и обшаривать всю траву и кусты, а за ней и всѣ другіе начали нагибаться и вглядываться во всѣ мелочи. Но ничего больше не нашли.

Только черезъ полчаса, когда пошли назадъ, то, къ крайнему изумленію всѣхъ, нашли шнурокъ отъ ботинки Вѣры, который висѣлъ на одномъ изъ кустиковъ. Нашла его Маша—и подняли споръ, принадлежитъ ли этотъ шнурокъ Вѣрѣ, или нѣтъ?.. И всѣ дивились, какъ и почему онъ могъ попасть на кустикъ.

Вернулись въ караушку поздно, усталые и проголодавшіеся.

Маша и Соня тотчасъ же спросили себѣ крынку молока. Гулхара дала имъ краюху чернаго хлѣба да большую чашку простокваши. Ольга Андреевна ни до чего не дотронулась. Она была въ томъ возбужденномъ состояніи, когда человѣкъ забываетъ о себѣ.

Черезъ часъ, вся компанія, молча, отправилась въ обратный путь. Ольга Андреевна постоянно ощупывала въ своемъ карманѣ лоскутокъ отъ платья Вѣры. Это была реликвія, которую она хотѣла привезти Любѣ. И вмѣстѣ съ тѣмъ думала: слѣдуетъ или не слѣдуетъ ей разсказать о найденной шпилькѣ и шнурочкѣ?..

„А шнурочекъ... Онъ, вѣрно, оторвался, когда уже несли ее —мертвую. Но гдѣ же они зарыли ее... злодѣи?.. Или бросили, не зарывая, какъ собаку“...—И она не чувствовала, какъ изъ глазъ ея медленно катились крупныя слезы, а сердце обдавалъ холодъ.

Лѣсныя находки произвели на Любу такое сильное впечатлѣніе, какого Ольга Андреевна никакъ не ожидала. Она буквально похолодѣла, поблѣднѣла и разразилась истерическимъ плачемъ. Она цѣловала лоскутокъ отъ платья Вѣры, рыдала и хохотала.

Толкунову, Ольгѣ Андреевнѣ и всѣмъ едва удалось, съ помощью валеріаны, aqua laurocerasi и воды, успокоить ее и уложить въ постель. Толкуновъ сѣлъ подлѣ нея и она держала его руку. Въ другой рукѣ она держала лоскутокъ, найденный въ лѣсу, и, несмотря на всѣ уговоры и упрашиванія Толкунова, не хотѣла разстаться съ этими воспоминаніями объ ея дорогой Вѣрѣ.

Когда она успокоилась и задремала, то всѣ на цыпочкахъ вышли изъ ея комнаты. Она во снѣ еще держала руку Толкунова, наконецъ ея рука ослабѣла, и Толкуновъ тихонько высвободилъ свою руку и осторожно вышелъ изъ комнаты. Въ коридорѣ онъ встрѣтилъ Ольгу Андреевну.

— Скажите, пожалуйста, — обратился онъ къ ней,—что съ ней сдѣлалось?.. Вѣдь она никогда не была такою нервною?..

— Ахъ, Владиміръ Элизаровичъ!.. Вѣдь, все-таки, сестра... Онѣ росли вмѣстѣ, все было общее, и вдругъ такая ужасная потеря!.

Но Толкуновъ все-таки не понималъ. Онъ не могъ понять, почему въ присутствіи его Люба не можетъ сосредоточить свое чувство привязанности на немъ исключительно, и ревновалъ. И поводъ къ этому ревнивому чувству исчезъ не скоро.

Съ этого самаго вечера Люба какъ будто измѣнилась. Она сдѣлалась разсѣянна, задумчива, часто не отвѣчала на вопросы Толкунова или отвѣчала невпопадъ.

— Ладя, моя милая, дорогая!—допрашивалъ ее Толкуновъ: —что съ тобой?

Она обхватывала его руками и крѣпко прижималась къ нему.

— Ты для меня все, все... — шептала она:—Но это... невольно... вѣдь она была мнѣ и другомъ, и гувернанткой, моимъ руководителемъ. Я надоѣдала ей часто моими вопросами, и она, добрая, никогда не сердилась на меня. Съ тѣхъ поръ, какъ она пропала, я чувствую какую-то пустоту въ сердцѣ. Тамъ стоишь ты, мой милый, желанный, а рядомъ съ тобой никого нѣтъ.

И она заплакала. А Толкуновъ, боясь, чтобы она не разрыдалась и опять не впала въ истерику, утѣшалъ и успокоивалъ ее.

Такъ шли дни за днями. Напрасно и Ольга Андреевна, и Толкуновъ старались всѣми силами развлечь ее, разсѣять.

— Люба!—говорилъ онъ:—милая моя, когда же будетъ наша свадьба? Ты совсѣмъ забыла о ней и обо мнѣ также.

— Милый, дорогой мой! Погоди... Я живу каждый день въ страхѣ и ожиданьѣ. Ты самъ видишь, что меня пугаетъ каждый стукъ, каждый шорохъ. Мнѣ все кажется, что вотъ, вотъ, принесли вѣсть, что Вѣра убита.

И она, вздрогнувъ, крѣпко прижалась къ Толкунову и заплакала.

И дѣйствительно, ее пугалъ каждый неожиданный стукъ и каждый шорохъ. При каждомъ стукѣ она постоянно вздрагивала.

— Люба милая! Вѣдь думая объ одномъ и томъ же, можно сойти съ ума... Надо развлечься или... примириться...

Люба немного успокоилась и начала говорить сквозь слезы.

— Водя милый!.. Вѣдь я сама не знала, что я такъ сильно люблю ее. Когда мы были вмѣстѣ, то я не замѣчала ея, я привыкла видѣть ее постоянно... И теперь... вдругъ... я одна...

— Назначь же скорѣе день свадьбы, — прошепталъ онъ, обнявъ ее,—и ты не будешь одна. Мы всегда будемъ вмѣстѣ...

Она отстранилась отъ него.

— Нѣтъ, нѣтъ, дорогой мой, родной!.. Ради Бога... дай мнѣ успокоиться! До тѣхъ поръ я не буду покойна, я не буду счастлива даже съ тобой. Сегодня, завтра, мы навѣрно получимъ какую-нибудь вѣсть,—а теперь мнѣ тяжела всякая мысль, которая отрываетъ меня отъ моей бѣдной, несчастной Вѣры...

Толкуновъ выпустилъ ее изъ своихъ объятій. Ему казалось нелѣпой, уродливой эта любовь. Тонкій ядъ ревности волновалъ его. Подумавъ немного, онъ рѣшился ждать.

„Пройдутъ два, три дня,—думалъ онъ,—и это должно же кончиться. Это не можетъ продолжаться... И что же это за малодушіе съ моей стороны! Другіе ждутъ по цѣлымъ годамъ, а я не могу подождать нѣсколько дней. Глупо! Вѣдь очень можетъ быть, что если теперь она не примирится съ своимъ положеніемъ, то потомъ снова можетъ явиться къ ней это чувство привязанности къ Вѣрѣ,—и тогда будетъ трудно помочь.

И онъ твердо рѣшился ждать и даже не думать о свадьбѣ.

XXXIII.

Черезъ два-три дня, очень рано утромъ, часу въ третьемъ или въ четвертомъ, на дворъ усадьбы Драевскихъ въѣхала небольшая телѣга, покрытая рогожей. День былъ пасмурный; мелкій дождь, почти не переставая, шелъ уже три дня сряду.

Телѣга подъѣхала къ кухнѣ. Мужикъ, сидѣвшій на облучкѣ, слѣзъ съ него и, осторожно приподнявъ рогожу, заговорилъ тихо:

— Барышня, а барышня? Вставай—пріѣхали!..

Но барышня не отзывалась. Онъ поправилъ большую мѣховую шапку, въ родѣ малахая, и тяжело, неуклюже передвигая ноги, облѣпленныя грязью, направился въ кухню.

Онъ пробылъ тамъ довольно долго. Вышла, наконецъ, какая-то пожилая женщина, въ родѣ стряпухи; выскочилъ повареновъ...

Оба они потолковали съ пріѣхавшимъ мужиченкомъ. Откуда и какъ онъ привезъ барышню?

— Я-те баю, изъ Коврякина... Знашь Коврякино?

— Это подлѣ Лебязьева?

— Како Лебязьево!.. Это въ той сторонѣ, а это—въ энтой.

— Что же, она наняла тебя, что-ль?

Мужикъ ничего не отвѣтилъ и спросилъ:

— Господа-то, чай, спятъ еще?

Женщина всматривалась въ лицо спящей.

— Какъ будто похудѣла, — проговорила она задумчиво. — Чай, надо пойти будить тамъ.

— Я сейчасъ сбѣгаю!—вызвался поваренокъ, и бѣгомъ отправился будить „тамъ".

Онъ разбудилъ Антона. Этотъ быстро вскочилъ съ коника и, шатаясь, зашепталъ:

— Что̀ тако? что̀ тако? Батюшки-свѣты! — И онъ началъ быстро креститься, приговаривая:—Пресвятая Богородица, Пресвятая Богородица, помилуй насъ!

Прошло еще нѣсколько минутъ, пока поваренокъ втолковалъ ему, что привезли барышню, Вѣру Александровну.

Антонъ пріотворилъ двери въ дѣвичью и босой ногой толкнулъ маленькую дѣвчонку, Катьку, которая спала на полу, у двери.

— Разбуди! Слышь... разбуди! Барышню привезли.

Маша и Соня услыхали этотъ тревожный шопотъ и быстро вскочили. Маша тотчасъ же надѣла на себя платье и босая бросилась на верхъ; но Соня предупредила ее. Она была въ платьѣ и побѣжала впереди.

И не успѣли онѣ подняться до пол-лѣстницы, какъ дверь изъ комнаты Любы отворилась, и на порогѣ показалась Люба. Она также спала, не снимая своего пеньюара и обутая.

— Что?.. Гдѣ?.. — вскричала она и въ ту же минуту инстинктивно бросилась внизъ.

Въ это время Катька, уже натянувшая платье, успѣла выбѣжать на дворъ и, вернувшись, передала бѣжавшимъ, что барышню привезли въ кухню.

И Люба, въ сопровожденіи Маши и Сони, каждую минуту готовая потерять сознаніе, бѣжала къ кухнѣ.

Въ это время Вѣру уже разбудили. Она приподнялась и сидѣла въ телѣгѣ, держа обѣими руками голову.

Люба бросилась къ ней и, рыдая, обняла ее. Вѣра слегка отстранила ее.

— Постой!—сказала она:—больно!

— Гдѣ? гдѣ? родная!..

Но Вѣра ничего не отвѣтила, а Люба въ первый разъ всмотрѣлась въ нее. Да, полно, Вѣра ли это?—промелькнуло въ ея головѣ.

Дѣйствительно, трудно было узнать Вѣру въ этой исхудалой, загорѣлой крестьянской дѣвушкѣ, одѣтой въ посконный, полинялый сарафанъ, обутой въ грязныя лапти и прикрытой изорваннымъ грошовымъ клѣтчатымъ платочкомъ.

— Сойди съ телѣги, родная моя! — сказала Люба, тщетно силясь снять ее. Но тутъ же всѣ стоявшіе и окружавшіе телѣгу бросились и сняли ее съ телѣги.

А она дико закричала:

— Не тронь! не тронь!.. Не смѣй!..

Ее поставили на землю—и отступили.

— Вѣра, Вѣра, неужели ты меня не узнала? Вѣдь я—твоя Люба...

Вѣра опять схватилась обѣими руками за голову и проговорила:

— Постой! Это такъ трудно, тяжело!

Люба тихонько обняла ее и повела къ крыльцу.

А суматоха быстро распространилась по всему дому и всей усадьбѣ, и всѣ собрались около телѣги, привезшей барышню, бѣжали со всѣхъ сторонъ.

Съ крыльца сходила Ольга Андреевна; ее поддерживали Ѳедоровна и Аграфена Семеновна. Акулина Степановна шла сзади, но съ крыльца она спустилась быстро и почти подбѣжала къ

Вѣрѣ и подхватила ее подъ-руку,—но Вѣра отмахнулась отъ нея, и такъ она осталась съ раскрытымъ ртомъ.

— Господи!—прошептала она.—Что съ ней?—Слезы текли по ея щекамъ.

Передъ самымъ крыльцомъ встрѣтила Вѣру Ольга Андреевна, и съ страстнымъ чувствомъ бросилась обнимать ее.

Но она и Ольгу Андреевну также отстранила съ тѣми же словами:

— Постой, постой. Мнѣ тяжело... больно...

— Гдѣ больно? Родная моя, скажи мнѣ, гдѣ больно?..

Вѣра показала на голову, на грудь, застонала и потянулась впередъ на крыльцо. Всѣ бросились помогать ей всходить по ступенямъ и почти внесли ее на рукахъ.

Изъ передней она потянулась въ залу, затѣмъ въ гостиную и на балконъ. Множество рукъ бросилось открывать балконныя двери и вывели ее на террасу. Кто-то поставилъ ей легкое, плетеное кресло. Она опустилась на него, опять взялась обѣими руками за голову и оперлась локтями въ колѣни. Всѣ стояли около нея молча. Многіе плакали.

— Вѣруша моя, родная!—нагнулась къ ней Ольга Андреевна.—Ты не узнаешь меня?.. Нѣтъ?

Вѣра рѣзко отняла руку отъ головы, посмотрѣла на нее дикими, мутными глазами и тихо, какъ-то машинально, повторила:

— Нѣтъ!.. Больно!

Ольга Андреевна быстро повернулась и вошла въ комнаты.

— Доктора! Надо скорѣе доктора позвать! — проговорила она и пошла быстро къ себѣ на верхъ.

Домашнимъ докторомъ у Драевскихъ былъ Семенъ Ѳедоровичъ Шабашкинъ—старичокъ, уже сѣдой и чрезвычайно добродушный. Онъ лечилъ по старымъ книгамъ, проповѣдывалъ какую-то теорію „измѣнчивыхъ кразъ“ и бывалъ у Драевскихъ разъ въ два и въ три мѣсяца. Онъ жилъ въ маленькомъ городкѣ, въ Спасскѣ, въ сорока верстахъ отъ Вознесенскаго. Ольга Андреевна написала записку и за нимъ тотчасъ же послала толковаго человѣка, съ наказомъ скакать во всю прыть, и если найдетъ дома, то тотчасъ же привезти его.

„Онъ вѣрно дома, — подумала Ольга Андреевна. — Теперь еще такъ рано“.

У Семена Ѳедоровича были свои лошади и маленькій крѣпкій тарантасикъ, въ которомъ онъ разъѣзжалъ по окрестнымъ деревнямъ и селамъ. Около Спасска было его небольшое имѣньице.

Онъ выслужилъ уже пенсію въ качествѣ главнаго доктора приказа общественнаго призрѣнія и теперь жилъ съ семьей на покоѣ—довольный и своей судьбой, и своими паціентами, которые всѣ любили его.

— Это добрѣющая душа,—говорили они.

И около его порога, почти каждое утро, можно было видѣть его паціентовъ, изъ которыхъ нѣкоторые приходили за тридцать и даже семьдесятъ верстъ.

Семенъ Ѳедорычъ лечилъ охотнѣе своихъ деревенскихъ паціентовъ гомеопатіей.

— Для нихъ и для насъ это способнѣе-съ — говорилъ онъ своимъ тонкимъ теноромъ. — Натура крестьянская—простая-съ натура, неиспорченная-съ. На нее и малѣйшая доза какой-нибудь ипекакуаны будетъ дѣйствовать, и измѣнитъ кразу-съ, а въ этомъ-то вся и есть суть.

Впрочемъ, онъ не отвергалъ помощь и аллопатіи, и въ больницѣ приказа постоянно лечилъ аллопатическими средствами.

— Это вѣдь средства геройскія-съ!—говорилъ онъ:—а мы —не герои-съ.—И въ этихъ случаяхъ онъ всегда прибѣгалъ къ гомеопатическимъ дозамъ и пропорціямъ. Если нужно было больному поставить піявки, то онъ сначала очень храбро обращался къ фельдшеру и говорилъ:

— Поставьте ему-съ сотню піявокъ... Или, лучше, семьдесятъпять. Сотни-съ много.

Но, пройдя двѣ палаты, онъ снова обращался къ своему распоряженію, и уменьшалъ число піявокъ до пятидесяти, до тридцати и наконецъ даже до пятнадцати...

— Ему-съ и отъ пятнадцати будетъ легче-съ, — говорилъ онъ.—Сейчасъ краза измѣнится-съ. А пятнадцать піявокъ—у-у! сколько крови высосутъ!.. Нѣтъ-съ, поставьте только десять, и больше не надо. Не слѣдуетъ...

Посланный нашелъ Семена Ѳедоровича дома, и тотъ, несмотря на ранній часъ, тотчасъ же поднялся съ постели, велѣлъ живо заложить тройку бойкихъ лошадокъ-вятокъ и покатилъ. Черезъ два съ половиной часа, онъ уже подъѣзжалъ къ крыльцу Драевскихъ.

Его тотчасъ же повели на балконъ, гдѣ Вѣра сидѣла все въ томъ же положеніи.

Нѣсколько разъ Ольга Андреевна и Люба добивались отъ нея отвѣта, но всѣ ихъ старанія были безплодны. Вѣра отмахивалась, мычала или говорила:—Постой!.. Погоди!..

Семенъ Ѳедорычъ подступилъ къ ней осторожно, заложивъ

руки за спину и глядя исподлобья. Онъ нѣсколько мгновеній стоялъ и смотрѣлъ на нее внимательно, даже ротъ его былъ раскрытъ.

Ему уже успѣли разсказать въ краткихъ словахъ, перебивая другъ друга, обо всемъ, что случилось и что узнали отъ мужичка, привезшаго Вѣру.

Впрочемъ, узнали отъ него весьма немного. Узнали, что Вѣра сама пришла къ нимъ въ деревню. Но это показаніе онъ вскорѣ измѣнилъ, и началъ говорить, что ему приказано было отвезти. Но кѣмъ приказано,—этого никто не могъ отъ него добиться. Онъ то прикидывался ничего непонимающимъ и незнающимъ, то сплеталъ какую-то фантастическую, вовсе неправдоподобную сказку о томъ, что становой привезъ Вѣру и велѣлъ ему всенепремѣнно тотчасъ же отвезти ее въ Вознесенское, въ усадьбу. Но тутъ же утверждалъ, что Вѣра пришла сама, а становой тутъ не при чемъ, и что ему не велѣно сказывать... Однимъ словомъ, путался и сбивался, и плелъ, что ему попадало на языкъ, но о шайкѣ Быкова не заикнулся ни однимъ словомъ, какъ его ни направляли на этотъ пунктъ.

— Запретили ему говорить. Напужали, — поясняла Акулина Степановна.

Семенъ Ѳедоровичъ потихоньку, крадучись, все ближе и ближе подходилъ къ Вѣрѣ, и махалъ и шикалъ на всѣхъ, кто ему сообщалъ что-нибудь сзади. Подойдя почти вплоть, онъ нагнулся и тихонько спросилъ шопотомъ:

— Головка, барышня, болитъ?

Вѣра тотчасъ же обернулась къ нему и показала пальцемъ одно мѣсто надъ лѣвой бровью.

— Да-съ, сударыня, точно-съ, болитъ... Стрѣляетъ-съ?—проговорилъ онъ нѣсколько громче:—или ломитъ?.. ноетъ?..

Вѣра опять приняла прежнюю позу и замолкла.

— Это съ самаго утра, какъ ее привезли,—шептала Ольга Андреевна,—съ третьяго часу... и вотъ до сихъ поръ сидитъ въ такой позѣ и ни съ мѣста, и все молчитъ, все молчитъ...

Семенъ Ѳедорычъ началъ ерошить свои сѣдые, довольно коротко остриженные волосы и слегка засучилъ рукава. Потомъ принялся ходить взадъ и впередъ по террасѣ, никого не слушая и ни на кого не обращая вниманія. Затѣмъ вдругъ рѣзко обернулся къ Ольгѣ Андреевнѣ и тихо сказалъ:

— Это бываетъ-съ... Отъ сильнаго потрясенія-съ. Кразы мѣняются-съ, и это отражается, на мозговомъ чувствилищѣ и про-

изводитъ афазіюдъ — потерю рѣчи... Но не будетъ ли это дѣло мозговой опухоли? Нарыва-съ? Вотъ вопросъ-съ...

— Мама,—сказала Люба ей на ухо.—Надо бы еще кого-нибудь пригласить. Что этотъ Водя не ѣдетъ?.. Несносный!

Она послала къ нему записку, почти тотчасъ же какъ привезли Вѣру.

Между тѣмъ Семенъ Ѳедорычъ продолжалъ говорить какъ бы самъ съ собой.

— Конечно, необходимо отвлеченіе-съ и въ возможно скоромъ времени, чтобы предупредить-съ. — И обратившись къ Ольгѣ Андреевнѣ,—сказалъ громко: — Необходимо кровопусканье-съ... Піявочекъ-съ... штукъ пятьдесятъ или тридцать... Впрочемъ, барышня молодая... Ей достаточно будетъ штукъ двадцать... даже десять довольно... слишкомъ довольно, чтобы измѣнить кразу-съ... А внутрь я пропишу очистительное и успокоительное... Конечно, надо бы язычокъ посмотрѣть-съ... Да что-же дѣлать-съ? — И онъ развелъ руками.

Но поставить піявки не удалось. Несмотря на всѣ упрашиванья и Любы, и Ольги Андреевны, и всѣхъ, Вѣра отмахивалась руками и говорила:

— Послѣ, потомъ!..

Ольга Андреевна уговаривала ее взойти на верхъ и лечь на ея кровать, но и на это отвѣта не получили. Думали, наконецъ, унести ее въ креслѣ — но она подняла такой неистовый крикъ и плачъ, что всѣ невольно отступили. Она постоянно кричала:

— Не тронь! не тронь! не смѣй!..

— Что же дѣлать?—говорилъ Семенъ Ѳедорычъ.—Надо выжидать-съ! Съ такими больными необходимо-съ терпѣнье... Глубокое терпѣнье. Насильно-съ если, то все можно испортить...

Ольга Андреевна ушла къ себѣ на верхъ и цѣлый часъ молилась и плакала.

Въ это время, изумленный и перепуганный, прискакалъ Толкуновъ. Люба написала къ нему отчаянную записку. Она вышла къ нему на встрѣчу и, идя вмѣстѣ съ нимъ, быстро передавала ему о случившемся.

Былъ уже седьмой часъ утра. Всѣ ходили съ возбужденными, натянутыми нервами отъ ранняго вставанія и этого переполоха.

Толкуновъ подошелъ къ Вѣрѣ и сказалъ громко, протянувъ ей руку:—Здравствуйте, Вѣра Александровна!

Но она ничего не отвѣтила. А онъ, тщетно подождавъ отвѣта, отвернулся и сказалъ громкимъ шопотомъ:

— Тутъ дѣлать нечего. Надо сейчасъ же ѣхать къ Немировскому.

XXXIV.

Немировскій былъ молодой, богатый закамскій помѣщикъ и докторъ. Его спеціальность была нервныя и душевныя болѣзни, но онъ не отказывался лечить и другія болѣзни.

Жилъ онъ анахоретомъ и затворникомъ—ни у кого не бывалъ, и къ нему никто не ѣздилъ. Но слава его, какъ искуснаго и знающаго доктора, какими-то невѣдомыми путями была распространена по всему Закамью.

Кончивъ курсъ въ московскомъ университетѣ, онъ отправился за границу, гдѣ провелъ два года, изучая курсы медицины и хирургіи въ различныхъ университетахъ. Былъ въ Парижѣ у Нелатона, въ Лондонѣ у Карпентера, въ Вѣнѣ у Гризингера. Возвратясь домой, въ свое закамское имѣніе Немировку, онъ устроилъ въ немъ небольшую больницу на десять кроватей и принималъ въ нее только тѣхъ душевно-больныхъ, которыхъ болѣзнь была для него интересна. Современемъ, онъ надѣялся своими наблюденіями достичь серьезныхъ результатовъ.

Толкуновъ сказалъ, что Немировскій, если его пригласить запиской, то вѣроятно не поѣдетъ,—и что надо отправиться къ нему и уговорить пріѣхать.

— Я сейчасъ же, — прибавилъ онъ, — съ удовольствіемъ съѣзжу, только дайте лошадей и толковаго провожатаго.

Тотчасъ же заложили тройку въ шарабанъ, а кучеръ Силантій заявилъ, что онъ отлично знаетъ дорогу въ Лакушино, а отъ Лакушина до Немировки—„рукой подать... и пяти верстъ не будетъ“.

Шарабанъ подкатилъ къ крыльцу. Люба крѣпко поцѣловала и перекрестила Толкунова, и онъ поскакалъ.

Добрались благополучно до Лакушина, — разспросили, какъ ѣхать, и черезъ полчаса Силантій указалъ на большое село съ богатой каменной церковью и большимъ господскимъ домомъ.

— Вотъ!—сказалъ онъ.—Это Немировка.

Толкуновъ жадно всматривался въ этотъ домъ, окруженный густымъ липовымъ садомъ, и разсказы, давно забытые, мало-помалу воскресали въ его памяти,—разсказы, слышанные Богъ знаетъ отъ кого и неизвѣстно, насколько справедливые.

Говорили, что Вадимъ Вадимовичъ Немировскій былъ усыновленъ Вадимомъ Васильевымъ и былъ сынъ его и цыганки

Марьи Аркадьевны. Разсказывали много о его дѣтствѣ очень страннаго, что, будто бы, съ пяти до десяти лѣтъ онъ взросъ одиноко въ лѣсу, лѣснымъ дикаремъ; что мать его почти ненавидѣла, а отецъ относился какъ-то странно къ нему и къ матери, которую онъ любилъ до безумія, но мучилъ ревностью и, наконецъ, будто бы, убилъ ее. Но это убійство было скрыто, такъ что никто не зналъ, гдѣ покоится ея прахъ.

Толкуновъ ни разу въ жизни не видалъ Немировскаго. По разсказамъ онъ воображалъ встрѣтить въ Немировскомъ что-то необыкновенное и оригинальное. Онъ даже не былъ увѣренъ, что Немировскій приметъ его и исполнитъ его просьбу. Но желаніе помочь Вѣрѣ было такъ сильно, и случай ея болѣзни былъ такъ страненъ и необыкновененъ, что онъ почти не сомнѣвался въ успѣхѣ своей поѣздки. При томъ и положеніе Драевскихъ въ округѣ должно было импонировать, да наконецъ собственное его положеніе, какъ человѣка образованнаго, жившаго за границей, сына бывшаго предводителя, непремѣнно должны повліять на успѣхъ.

Съ этой мыслью онъ въѣхалъ на широкій дворъ Немировской усадьбы. Тарантасъ подкатилъ къ подъѣзду съ большими дверями и къ большому двуэтажному каменному дому, очень странной архитектуры. Въ главномъ корпусѣ этого дома было два этажа, но сбоку были деревянныя пристройки, направо въ одинъ этажъ, а налѣво,—въ четыре. Пристройки, очевидно, заброшенныя, нежилыя, съ заколоченными ставнями. Но всего поразительнѣе было то, что въ самомъ домѣ окна были несимметричныя. Подлѣ двухъ большихъ оконъ было маленькое окно, подлѣ—опять большое венеціанское окно. Самый подъѣздъ былъ не на серединѣ, а въ сторонѣ отъ него и подлѣ маленькихъ оконъ, съ чугунными вычурными перилами.

При видѣ этого страннаго фасада Толкуновъ вспомнилъ разсказы объ отцѣ Немировскаго. По этимъ разсказамъ, отецъ его былъ въ неполномъ умѣ и любилъ, какъ выражались, „строиться“; и дѣйствительно, на дворѣ было много какихъ-то построекъ, не менѣе странныхъ, чѣмъ и самый домъ.

Никто не встрѣтилъ пріѣхавшихъ. Выскочила только изъ конуры какая-то дряхлая собака и принялась лаять глухимъ, дряблымъ, надорваннымъ лаемъ, какъ будто исполняя оффиціальную обязанность.

Толкуновъ, потягиваясь, вышелъ изъ тарантаса и направился къ большимъ дверямъ подъѣзда. Онъ съ усиліемъ отворилъ ихъ и вошелъ въ большую переднюю, почти темную, въ которой не

было ни души. Въ углу были навалены обломки какихъ-то машинъ, вѣроятно сельскохозяйственныхъ. Въ переднюю выходило нѣсколько дверей. Толкуновъ вошелъ въ одну изъ нихъ и очутился въ большой залѣ, въ которой было венеціанское окно. За этой залой виднѣлись еще и еще комнаты, въ которыхъ кто-то возился.

Толкуновъ кашлянулъ и громко спросилъ:

— Кто здѣсь есть?

На этотъ окликъ изъ заднихъ комнатъ вышелъ человѣкъ въ фартукѣ, съ сѣдыми, коротко остриженными усами и сѣдой, косматой головой.

— Вамъ кого?—спросилъ онъ Толкунова.

— Г-нъ Немировскій дома?

— А вамъ зачѣмъ?

— Я спрашиваю: дома г-нъ Немировскій? — повторилъ настойчиво Толкуновъ.

— Дома. Да имъ неколи.—И человѣкъ, продолжая вытирать стекло отъ лампы, круто повернулся и опять ушелъ въ заднія комнаты.

Толкуновъ покраснѣлъ. Его помѣщичья натура возмутилась. Онъ быстро вошелъ въ заднія комнаты и увидалъ того же человѣка и съ тѣмъ же стекломъ.

— Доложи г. Немировскому,—сказалъ онъ внушительно, что помѣщикъ Толкуновъ желаетъ ихъ видѣть и имѣетъ до нихъ крайнюю необходимость, и вотъ передай ему мою карточку.

И онъ вынулъ изъ портфеля визитную карточку и протянулъ ее человѣку.

— А вы положите ее на оконце... У меня руки-то грязны,— сказалъ человѣкъ съ самымъ флегматическимъ спокойствіемъ.

— Да мнѣ скорѣе надо видѣть его! — вскричалъ Толкуновъ.—Тамъ больная не ждетъ...

Человѣкъ уставился на него съ недоумѣніемъ, высоко поднявъ свои густыя сѣдыя брови и раскрывъ ротъ.

— Да вѣдь они теперь въ больницѣ.

— Кто въ больницѣ?

— Да они—Вадимъ Вадимычъ...

— Такъ ты снеси ему карточку, Вадиму Вадимычу, — и скажи, что мнѣ очень нужно ихъ видѣть...

Человѣкъ, еще постоявъ нѣсколько мгновеній въ недоумѣніи, принялся кричать:

— Митька!.. а, Митька!..

Но никто не откликался на этотъ зовъ.

— Да ты укажи мнѣ только, какъ пройти въ больницу. Я самъ пройду.

Человѣкъ опять уставился на него въ изумленіи.

— Вѣдь они, чай, забранятся... Скажутъ: непорядокъ... „Я тебя, скажутъ, сколько разъ училъ, чтобы, когда я въ больницѣ, ты никого бы ко мнѣ не впускалъ“...

— Да ты покажи мнѣ только, гдѣ больница... Я самъ пойду.

Человѣкъ совсѣмъ растерялся. Онъ заметался, бросилъ тряпку или полотенце, которымъ вытиралъ стекло, поставилъ бережно его на подоконникъ—и, подойдя къ Толкунову, наклонился къ нему и проговорилъ почти шопотомъ:

— Батюшка ты мой! Какъ же я-те укажу дорогу, когда они строго-на-строго приказали: „И дороги никому не указывай“!?

Толкуновъ понялъ, что всѣ пути и доступы отрѣзаны. Онъ повернулся и быстро пошелъ вонъ. Опять съ трудомъ растворилъ онъ тяжелыя подъѣздныя двери, и опять собака выскочила изъ конуры и залаяла тѣмъ же дряблымъ лаемъ.

Шарабанъ по прежнему стоялъ у подъѣзда.

— Чортъ ихъ знаетъ!..—сказалъ Толкуновъ, обращаясь къ Силантію.—Не доберешься толку... Не знаешь—гдѣ у нихъ больница? На селѣ или здѣсь, въ усадьбѣ?

— Должно быть, на селѣ,—сказалъ Силантій,—а можетъ быть, и здѣсь, въ усадьбѣ.

Толкуновъ обогнулъ домъ; за нимъ было много разныхъ построекъ, одноэтажныхъ и двухэтажныхъ, большею частью нежилыхъ, которыя стояли, покачнувшись, съ заколоченными ставнями, очевидно, заброшенныя.

Какая-то баба попалась ему на встрѣчу. Онъ обратился къ ней съ вопросомъ:

— Гдѣ больница?

— Кака больница?

— Больница здѣшней усадьбы, господская больница — лечебница.

— А-а!.. Не знаю я, батюшка... не знаю... Я вѣдь не здѣшня. Я—калиновска...— и баба отправилась дальше.

Но Толкуновъ остановилъ ее.

— Да ты зачѣмъ же сюда приходила?

— А я—къ дохтору, касатикъ милый, къ дохтору... У меня, вотъ третій годъ, стрѣлъ въ кость вошелъ... Какъ къ вёдру—такъ ничего, а въ непогодь...

— Да гдѣ же докторъ?

— А онъ тамъ... тамотка...—И баба махнула рукой назадъ.

— Да гдѣ же—тамъ?..

— А тамъ, тамотка изба есть... Така просторна изба... Тамъ и дохтуръ сидитъ... Онъ мнѣ и лекарство далъ... Вотъ погляди, касатикъ...

Но „касатикъ" быстро зашагалъ въ указанномъ направленіи.

Зайдя за всѣ постройки, онъ увидалъ новую, дѣйствительно просторную избу, которая и была больница, съ мелкими переплетами у оконъ. Всѣ окна были отворены настежъ. Онъ взошелъ на небольшое крылечко и отворилъ половинку двустворчатой двери. Его обдало какимъ-то лекарственнымъ запахомъ. Комнатка была занята большимъ шкафомъ съ стеклянными дверцами, сквозь которыя можно было видѣть банки и разныя лечебныя принадлежности. Кромѣ шкафа, въ комнатѣ было нѣсколько стульевъ, простыхъ, деревянныхъ, некрашенныхъ.

Почти тотчасъ же въ комнату вошелъ какой-то молодой парень въ сѣромъ казакинѣ.

— Вадима Вадимыча я могу видѣть? — обратился къ нему Толкуновъ.

— А, право, не знаю...— отвѣтилъ сѣрый казакинъ. — Они теперь на той половинѣ заняты.

Но эти слова были прерваны какими-то дикими, неистовыми криками, на которые Толкуновъ обернулся.

— Вы подождите здѣсь,—сказалъ казакинъ.—Они, можетъ быть, скоро выйдутъ...

— Мнѣ необходимо видѣть его какъ можно скорѣе,—сказалъ Толкуновъ.

Сѣрый казакинъ ничего не отвѣтилъ. Онъ повернулся и ушелъ.

Крики опять раздались и какой-то смѣшанный говоръ голосовъ. Толкуновъ сталъ ждать.

„Онъ долженъ здѣсь пройти... и я его дождусь",—думалъ онъ и сѣлъ на стулъ.

И дѣйствительно, не прошло и получаса, какъ въ ближней комнатѣ, гдѣ были кровати и расхаживали больные, раздались голоса, и Толкуновъ увидѣлъ опять сѣрый казакинъ и вмѣстѣ съ нимъ другой казакинъ—черный. Они оба шли по сторонамъ человѣка довольно высокаго роста, немного сутуловатаго, съ лицомъ, которое сразу поразило Толкунова необыкновенными особенностями.

Необыкновеннѣе всего были глаза, довольно большіе, чер-

ные, живые, блестящіе и вмѣстѣ съ тѣмъ задумчивые. Взглядъ ихъ, быстрый и твердый, какъ будто пронизывалъ человѣка насквозь. При этихъ глазахъ—густые, слегка курчавые, черные волосы, которые падали на большой лобъ. Во всемъ лицѣ и даже въ цвѣтѣ его чувствовался южный, цыганскій типъ. Правильныя черты лица съ довольно длиннымъ, прямымъ носомъ и при этомъ большіе усы и маленькія баки.

При взглядѣ на него, Толкунову живо припомнились разсказы о цыганскомъ происхожденіи Немировскаго. Даже мужички, его паціенты, звали его чаще „цыганомъ“ или просто—Вадимъ Вадимычемъ, чѣмъ по фамиліи, хотя за его имѣніемъ оставалось неизмѣннымъ названіе „Немировки“.

Толкуновъ слегка поклонился ему, отрекомендовался и сказалъ, что онъ пріѣхалъ съ крайней и убѣдительнѣйшей просьбой. Немировскій молчалъ и смотрѣлъ на него пристально.

— У генеральши Драевской, которой имя вы, вѣроятно, слышали, — разсказывалъ Толкуновъ, — есть племянница, Вѣра Александровна, и эта барышня имѣла несчастіе встрѣтиться,—разумѣется, случайно,—и попасть въ руки шайки Быкова.

— Я это слышалъ,—сказалъ Немировскій, продолжая смотрѣть на Толкунова своимъ строгимъ, немигающимъ взглядомъ.

— Сегодня она вернулась... Неизвѣстно—сама или ее привезли—только въ крайне плачевномъ состояніи... Она никого не узнаетъ, молчитъ, сидитъ все время неподвижно и жалуется на боль въ головѣ... Будьте столь любезны, взгляните на нее... Мы боимся, что она помѣшалась... Такое потрясенье... Вы понимаете?..

— Можетъ быть, — сказалъ Немировскій — неторопливо и какъ бы отчеканивая каждое слово. — Можетъ быть, это и помѣшательство... Но, во всякомъ случаѣ, не острая форма, а можетъ быть припадокъ истеріи, смѣшанной съ какимъ-нибудь...— Онъ не вдругъ закончилъ фразу, а какъ-то оттянулъ послѣднее слово и сказалъ его, продолжая пристально смотрѣть на Толкунова, почти шопотомъ:—съ какимъ-нибудь осложненіемъ. Во всякомъ случаѣ,— продолжалъ Немировскій, — я могу быть свободнымъ только черезъ два часа, не ранѣе, какъ черезъ два часа, и тогда тотчасъ же отправлюсь къ вашей больной,—и онъ посмотрѣлъ на свои карманные часы и при этомъ взглянулъ на висѣвшіе на стѣнѣ часы съ большимъ и сложнымъ маятникомъ, который качался безъ всякаго шума.

— Такъ я подожду васъ?—сказалъ Толкуновъ.

— Зачѣмъ же вы будете ожидать?.. Дорога въ имѣнье Дра-

евскихъ всѣмъ хорошо извѣстна, и ѣзды туда не болѣе трехъ часовъ.

— Да, — подтвердилъ Толкуновъ, — скорой ѣзды не болѣе трехъ часовъ.

Немировскій на это ничего не сказалъ; не подавая Толкунову руки, онъ слегка поклонился ему и, рѣзко повернувшись, опять удалился въ сопровожденіи своихъ двухъ адъютантовъ-помощниковъ, сѣраго и чернаго, во внутреннія комнаты.

„Вишь ты, какой баринъ!..—подумалъ Толкуновъ, озадаченный этимъ сухимъ и церемонно-оффиціальнымъ пріемомъ.—Точно какая-нибудь высокопоставленная особа!“

И, подъ впечатлѣніемъ этого холоднаго пріема, онъ быстро дошелъ до своего шарабана, толкнулъ заснувшаго Силантія и сказалъ ему ѣхать скорѣе. Ему все казалось, что съ Вѣрой, а можетъ быть и съ его Ладей случилось что-нибудь неладное.

Но непріятнаго ничего не случилось. Точно такъ же неподвижно сидѣла Вѣра, опустивъ голову на руки, и точно такъ же неподвижно сидѣли вокругъ нея, на балконѣ, всѣ прежнія лица, исключая Семена Ѳедоровича, который не рискнулъ поставить піявки и уѣхалъ, обѣщавъ заѣхать вечеромъ.

— Тогда-съ это лучше опредѣлится-съ...— сказалъ онъ. — Надо-съ... съ этимъ быть осмотрительнымъ-съ... Можно напортить-съ... съ поспѣшностью... да-съ...

Люба была въ страшномъ волненіи, дрожала, плакала и бранила этого гордаго доктора-цыгана.

— Еслибъ онъ зналъ, противный, какъ мама и я любимъ Вѣруньку, онъ бы навѣрное поторопился, бросилъ бы все и прискакалъ.

Толкуновъ, насколько могъ, утѣшалъ ее.

Время тянулось утомительно долго. Толкуновъ почти каждую минуту посматривалъ на часы. Подали завтракъ, но никто къ нему не притронулся. Только Толкуновъ съѣлъ кусокъ ростбифа.

Чѣмъ ближе стрѣлка подвигалась къ пяти часамъ, тѣмъ томительнѣе казалось ожиданіе.

Подали уже и обѣдъ. Осипъ нѣсколько разъ приходилъ докладывать, что горячее на столѣ, но къ этому горячему никто не стремился, тѣмъ болѣе, что Вѣра въ это время начала сильно метаться и постоянно хваталась за голову. Ея стоны дѣйствовали раздражительно на всѣхъ и въ особенности на Толкунова. Наконецъ, онъ не выдержалъ и съ нервнымъ раздраженіемъ сказалъ:

— Ее необходимо уложить въ постель... Иначе Немиров-

скому невозможно будетъ ее осмотрѣть...—и вмѣстѣ съ этими словами онъ съ рѣшительнымъ видомъ быстро подошелъ къ ней и взялъ ее на руки.

Но при этомъ она съ невѣроятной силой вырвалась отъ него, оттолкнула его, грохнулась на полъ и начала неистово, истерически хохотать и кататься по полу...

— Господи!.. Зачѣмъ вы это? — проговорила Ольга Андреевна, всплеснувъ руками.

— Да она, матушки мои, порченая!—вскричала Ѳедоровна, всплеснувъ руками.

— Испортили, испортили и есть голубушку мою!.. — заговорила со слезами Акулина Степановна.

Въ это время, съ необыкновеннымъ шумомъ и звономъ бубенчиковъ, влетѣлъ на дворъ тарантасъ, запряженный четверкой вороныхъ въ мылѣ, и изъ него вышелъ Немировскій въ сопровожденіи сѣраго казакина.

XXXV.

Немировскій, по указанію Осипа, двинулся изъ залы въ гостиную и оттуда на балконъ, гдѣ Вѣра каталась въ припадкѣ истерики.

Быстро, рѣшительно раздвинувъ стоявшихъ вокругъ нея, онъ уставился на нее и громко закричалъ:

— Что вы дѣлаете?!. Остановитесь!.. Хохотать барышнѣ стыдно... Не смѣйте хохотать!.. Я вамъ не позволяю!..

И онъ сдвинулъ свои густыя брови и прямо устремилъ взглядъ своихъ сильно блестящихъ черныхъ глазъ въ ея глаза.

Вѣра вдругъ затихла, перестала хохотать, приподнялась и медленно сѣла на полъ.

— Встаньте и сядьте на стулъ... Вамъ будетъ такъ удобнѣе,—сказалъ онъ повелительно и, взявъ ее за руку, помогъ ей встать и сѣсть на кресло.

Затѣмъ протянулъ руку назадъ, какъ бы ища стула, и нѣсколько рукъ тотчасъ же поспѣшно поставили ему стулъ. Онъ придвинулъ его напротивъ кресла и сѣлъ.

— Теперь скажите мнѣ, гдѣ у васъ болитъ?

Вѣра тотчасъ же приложила палецъ къ головѣ, надъ лѣвою бровью, и, опустивъ глаза, начала тихо всхлипывать.

— Не смѣть!.. Не смѣть!..—закричалъ онъ снова.—Не смѣть плакать! Болитъ голова?.. Тутъ?..

И онъ приложилъ свой палецъ къ тому мѣсту, гдѣ она показывала.

Вѣра, видимо избѣгая его взгляда, обращала свои умоляющіе глаза ко всѣмъ окружавшимъ ее, и слезы катились изъ ея глазъ.

Эта странная сцена произвела тяжелое впечатлѣніе на всѣхъ присутствующихъ.

Толкуновъ нѣсколько разъ хотѣлъ вмѣшаться и остановить грубыя приказанія Немировскаго, и не могъ этого сдѣлать; онъ держалъ въ своихъ рукахъ Любу, прижимавшуюся къ нему, дрожавшую какъ листъ и готовую каждую минуту упасть въ обморокъ. Ольга Андреевна молча молилась. Акулина Степановна читала: „Да воскреснетъ Богъ", и ждала, когда этотъ страшный колдунъ-цыганъ выгонитъ бѣса изъ ея милой барышни-Вѣруши.

— Теперь,—сказалъ Немировскій тѣмъ же повелительнымъ и не допускавшимъ возраженій голосомъ, — пойдемте въ вашу комнату. Вы мнѣ покажете, гдѣ ваша комната.—И онъ взялъ ее подъ-руку, поднялъ съ кресла и повелъ. Она что-то бормотала, но покорно шла съ нимъ и вела его въ корридоръ, на антресоли, постоянно зажимая лѣвой рукой лѣвую бровь и всю лѣвую половину головы.

Всѣ присутствовавшіе, съ Ольгой Андреевной, тихо пошли за ними, но на лѣстницѣ столпились, и Немировскій, быстро обернувшись, махнулъ на нихъ рукой. Всѣ остановились, и только одна Ольга Андреевна пошла за Немировскимъ и Вѣрой.

Они вошли въ ея комнату, и Немировскій затворилъ двери. Вѣра, не оглядываясь, подошла къ ея кровати.

— Ложитесь! — сказалъ повелительно Немировскій, держа ее за руки и указывая на постель.

Вѣра заколебалась; она начала качаться и стонать; но Немировскій опять строгимъ, громкимъ голосомъ остановилъ ее и добился того, что она, вся дрожа, улеглась въ постель.

— Теперь,—сказалъ онъ,—вы уснете... А я...

И онъ протянулъ руку назадъ. Ольга Андреевна подала ему стулъ.

— Я посижу здѣсь... подлѣ васъ...—И онъ сѣлъ подлѣ ея кровати, и протянулъ къ ней руку.

— Дайте мнѣ вашу руку,—сказалъ онъ,—мнѣ надо посмотрѣть вашъ пульсъ.

Она нѣсколько колебалась, но протянула ему дрожащую руку, и онъ слегка взялъ ее и сосчиталъ пульсъ, смотря на часы.

— Хорошо... Теперь я осмотрю ваши глаза.

Онъ нагнулся къ ней, и она испуганно протянула къ нему руки и заговорила:

— Нѣтъ! нѣтъ!.. Не троньте!..

— Смирно!—прикрикнулъ онъ. — Я хочу осмотрѣть только ваши глаза.

Дрожь ея была до того сильна, что у нея стучали зубы, какъ въ лихорадкѣ; но она послушно положила руки на одѣяло.

Онъ отвернулъ ей нижнія вѣки, одну за другой, и сказалъ:

— Хорошо... Теперь я хочу, чтобъ вы заснули...—И онъ, сидя подлѣ кровати и скрестивъ руки на груди, уставилъ прямо на ея лицо свои блестящіе, немигающіе глаза.

Она старалась не смотрѣть на нихъ, отворачиваясь, вся дрожала, легкія судороги пробѣгали по всему ея тѣлу. Она силилась всѣми силами противиться, что-то шептала, поднимала руки, то одну, то другую, но онъ продолжалъ сидѣть неподвижно и неподвижно-упорно смотрѣлъ на нее. Наконецъ, движенія ея стали медленнѣе, слабѣе... Еще какія-то робкія, судорожныя подергиванья глазъ, вѣкъ, движенія губъ, бровей... И, наконецъ, полная, совершенная неподвижность,—она закрыла глаза и заснула.

Немировскій сидѣлъ еще минутъ пять и молча смотрѣлъ на нее. Потомъ всталъ, потеръ свой лобъ и тихо, безъ шума подошелъ къ Ольгѣ Андреевнѣ, которая все время стояла подлѣ неподвижно и молча молилась.

— Скажите, — сказалъ онъ твердымъ шопотомъ: — какъ у нея были выдѣленія?..

Ольга Андреевна не вдругъ поняла, о чемъ онъ ее спрашивалъ, и когда онъ объяснилъ ей, тогда она отвѣтила ему.

— Я долженъ васъ предупредить,—сказалъ онъ все тѣмъ же твердымъ шопотомъ, — что ея положеніе крайне опасно... Не безнадежно... нѣтъ... но весьма опасно.

Въ это время Вѣра пошевелилась. Она приложила руку къ лѣвой половинѣ головы и застонала. Немировскій быстро подошелъ къ кровати и уставился на нее. Ольга Андреевна машинально подошла къ нему.

— Вы видите? — зашепталъ онъ, наклоняясь къ ея уху.— Вотъ здѣсь, въ лѣвой половинѣ головы, скопляется что-то опасное. Надо это по возможности быстрѣе удалить, пресѣчь и отвлечь...

— Это же говорилъ и Семенъ Ѳедоровичъ...

— Кто такой Семенъ Ѳедоровичъ?—быстро спросилъ Немировскій.

— А нашъ домашній врачъ. Онъ обѣщался заѣхать ужо вечеромъ.

— А-а! Хорошо... Но теперь мы не будемъ ждать его... Медлить опасно... Надо сейчасъ же устранить такъ или иначе. Мушка есть у васъ?

— Есть... Семенъ Ѳедоровичъ хотѣлъ ей піявки поставить.

— Піявки нельзя, — возразилъ Немировскій. — Она сильно малокровна. А теперь надо торопиться... Горчишники вы сдѣлаете?.. Надо два горчишника—въ ладонь—на обѣ лопатки, — и онъ хлопнулъ себя по плечамъ.—А на затылокъ мушку... тоже въ ладонь. Я нахожу необходимымъ провести ночь здѣсь у васъ, подлѣ больной... Я надѣюсь управлять ея нервами и не пропустить того момента, за которымъ должно наступить опасное и, можетъ быть, безнадежное положеніе.

Послѣднія слова онъ произнесъ тихимъ шопотомъ, совершенно наклоняясь къ ея уху.

— У меня дома теперь нѣтъ опасныхъ, скоротечныхъ больныхъ, — продолжалъ онъ. — А вы поспѣшите... Время терять опасно. Здѣсь каждая минута дорога.

И Ольга Андреевна быстро повернулась, чтобы идти. Но онъ остановилъ ее.

— Пришлите ко мнѣ сюда моего человѣка — фельдшера. Его зовутъ Игнатіемъ. Скажите, чтобы онъ принесъ сюда аптеку...

Вѣсть, что Немировскій ночуетъ въ домѣ Драевскихъ, быстро распространилась. Ему отвели комнату, невдалекѣ отъ комнаты Вѣры—на антресоляхъ.

Лошадей изъ тарантаса Немировскаго уже отпрягли, и кучеръ медленно водилъ ихъ по широкому двору, а самый тарантасъ укатили въ сарай.

Горчишники приготовили, мушку принесли, и Немировскій самъ, вмѣстѣ съ Ольгой Андреевной, поставилъ ихъ на указанныя мѣста. Возни съ этимъ было довольно, но онъ снова прибѣгнулъ къ своему методу и грознымъ голосомъ отдавалъ приказанія, которыя Вѣра исполняла безпрекословно. Она повиновалась теперь легче его велѣніямъ. Кончивъ всю эту операцію, онъ вынулъ большой батистовый платокъ и отеръ имъ сильный потъ, выступившій на его лбу.

— Утомились? — тихо, съ соболѣзнованіемъ, спросила его Ольга Андреевна.

— Да.. Сильное напряженіе нервовъ утомляетъ,—а значе съ этими истеричными больными нельзя поступать... Если твоя нерв-

ная сила побѣдитъ ихъ нервную силу—тогда только и можно съ ними сладить... Очень ужъ они упрямы и капризны...

И онъ отошелъ къ столу и началъ натирать ртутную мазь на тряпку, которую ему подали. Затѣмъ онъ приложилъ эту тряпку ко лбу Вѣры и очень ловко завязалъ ее вокругъ головы платкомъ, затѣмъ спросилъ рубленаго льду и, наложивъ его на большой кусокъ какой-то непромокаемой клеенки, положилъ его на голову Вѣры.

Всѣ эти операціи опять потребовали, съ его стороны, напряженій „нервной силы“—и опять пришлось ему кричать и затѣмъ прибѣгать къ помощи своего платка. Усыпивъ снова Вѣру и окончивъ всѣ эти операціи, онъ спросилъ губку и, намочивъ ее эѳиромъ, подалъ Ольгѣ Андреевнѣ.

— Это,—сказалъ онъ,—давайте ей по временамъ нюхать, если она проснется и будетъ безпокоиться, а мнѣ необходимо умыться,—сказалъ онъ, засучивая рукава.

— Сюда пожалуйте!—сказала она, отворивъ двери. Но за дверями стояла цѣлая толпа, и впереди нея—Толкуновъ съ Любой и Акулиной Степановной, а въ корридорѣ столпились всѣ дѣвушки.

— Нѣтъ, ужъ вы, пожалуйста, разойдитесь и удалитесь!—сказалъ Немировскій строгимъ голосомъ. — Больной необходимъ полный покой, абсолютный покой...

— А мнѣ можно остаться?—спросила Люба.—Мы вмѣстѣ съ ней спали... Вонъ тамъ и кровать моя стоитъ!..

— Теперь останется съ ней ваша матушка,—сказалъ онъ внушительно, — а на ночь, если желаете, можете остаться... Только предупреждаю васъ, что я буду входить къ вамъ довольно часто, если это понадобится...

— Господинъ докторъ,—сказала Ольга Андреевна,—да вы, можетъ быть, еще не кушали?.. Не прикажете ли? Мы сами еще не обѣдали.

— Сейчасъ, только дайте мнѣ прежде руки умыть...

— Вотъ, пожалуйте сюда!—и она торопливо пошла по корридору, туда, гдѣ стояли дѣвушки.

— Подите всѣ внизъ! — сказала она.—Вамъ вѣдь сказано.

И онѣ всѣ скрылись.

Проводивъ Немировскаго въ его комнату, въ которой уже дожидался его Константинъ съ рукомойникомъ и чистымъ полотенцемъ, она ушла къ себѣ.

За обѣдомъ Ольга Андреевна просидѣла не долго. Она только разлила супъ и ушла на верхъ, къ Вѣрѣ, оставивъ за столомъ Любу и Толкунова хозяйничать. Немировскій, очевидно,

нисколько не стѣснялся ихъ присутствіемъ и не церемонился. Онъ съѣлъ полную тарелку супу и спросилъ еще тарелку. Онъ ѣлъ торопливо, какъ бы отправляя какую-то непріятную обязанность. Послѣ супа былъ поданъ тотчасъ же большой кусокъ ростбифа, въ серебряной лаханкѣ, который былъ за завтракомъ. Онъ съѣлъ два куска, съ такой же поспѣшностью, какъ и супъ, и затѣмъ, выпивъ стаканъ воды съ виномъ, быстро всталъ, и сказавъ, что онъ сытъ и что ему нужно спѣшить къ больной, повернулся и ушелъ на верхъ. Толкуновъ только-что собирался разспросить его о томъ странномъ тонѣ, съ которымъ онъ обращался съ Вѣрой...

— Какой медвѣдь!..—сказала шопотомъ Люба.

— Не медвѣдь, а владѣтельный принцъ... важный и могущественный король отъ медицины.

Въ это время пріѣхалъ Семенъ Ѳедоровичъ.

Ему тотчасъ же сообщили о всѣхъ распоряженіяхъ Немировскаго.

Онъ все одобрилъ и только пришелъ въ изумленіе отъ той суровости, съ которою онъ обращается съ Вѣрой.

— Это не хорошо-съ!.. Это не слѣдуетъ-съ!..—сказалъ онъ.—Какъ можно!.. Этакъ можно испугать-съ и довести до сумасшествія-съ!.. Нѣтъ-съ!.. Это не хорошо!

Когда же привели его на верхъ въ комнату Вѣры, то Немировскій быстро всталъ, взялъ его за руку и повелъ въ свою комнату, проговоривъ:

— Пойдемте ко мнѣ, коллега,—здѣсь разсуждать намъ будетъ неудобно.

Приведя въ отведенную ему комнату и усадивъ на стулъ, онъ быстро и докторально началъ излагать ему признаки и положеніе больной.

— Сознаніе,—говорилъ онъ,—очевидно, подавлено. Память совершенно угнетена и все подчинено какому-то созрѣвающему болѣзненному процессу...

— Такъ... Такъ-съ,—поддакнулъ Семенъ Ѳедоровичъ.—Совершенно вѣрно-съ.

— Позвольте, — остановилъ его Немировскій, все еще не выпуская его руки изъ своей, и какъ бы боясь, чтобы онъ не убѣжалъ. — Общая сфера нервической дѣятельности также подавлена... Она не узнаетъ родныхъ, не узнаетъ домашнихъ, однимъ словомъ, для ея памяти и сознанія—прошедшаго не существуетъ и все поглощено одной идеей, однимъ болѣзненнымъ представленіемъ и процессомъ.

— Совершенно вѣрно-съ... — опять перебилъ его Семенъ Ѳедоровичъ и, выдернувъ свою руку изъ его руки, началъ ерошить свои волосы,—тѣмъ болѣе, что обычныя кразы-съ...

— Позвольте!..—опять остановилъ его строго Немировскій, и, крѣпко ухвативъ его за лацканы его лѣтняго сѣраго сюртука, началъ говорить какимъ-то раздраженнымъ и какъ бы угрожающимъ, громкимъ голосомъ:—На этой общей картинѣ рисуется,— и онъ выпустилъ лацканъ его сюртука, и началъ излагать, загибая пальцы: —потеря аппетита—разъ; неправильность женскихъ отправленій—два; возбужденное и энергическое, активное дѣйствіе мышечной системы — три; разстройство пищеварительныхъ путей—четыре; истерія—пять. Очевидно, все это—слѣдствія какой-то неизвѣстной намъ причины, но которая сильно повліяла на всю нервную систему и извратила,—понимаете,—извратила всю психическую дѣятельность...

Онъ остановился на нѣсколько мгновеній и провелъ рукой по лбу.

— Теперь, — сказалъ онъ спокойнѣе,—очевидно, что намъ необходимо отвлечь...

Но тутъ Семенъ Ѳедоровичъ всталъ со стула.

— Непремѣнно-съ!.. Непремѣнно-съ!..—закричалъ онъ своимъ тоненькимъ голоскомъ, точно обрадовавшись.—Сильное, героическое кровопусканіе-съ. Я предложилъ бы пятьдесятъ или сорокъ піявокъ...

Немировскій опять схватилъ его за руку и усадилъ.

— На кровопусканіе нѣтъ показаній,—сказалъ онъ строго и внушительно. — Во-первыхъ, она малокровна... Во-вторыхъ, истерія, — и онъ не договорилъ, и сдѣлалъ жестъ рукою, какъ будто показывая, что тутъ и толковать нечего.—Я,—продолжалъ онъ тѣмъ же наставительнымъ тономъ,—поставилъ ей горчишники на лопатки и мушку на затылокъ, а на лобъ, противъ пораженнаго мѣста—unguentum mercuriale; наконецъ, на голову—положилъ компрессъ изъ рубленнаго льду, и это все, что мы можемъ сдѣлать при наличныхъ обстоятельствахъ, въ данную минуту,—понимаете?—И онъ быстро всталъ со стула и, посмотрѣвъ на часы, прибавилъ: — Ну, мнѣ пора къ больной... Прощайте, коллега, прощайте!—и онъ схватилъ обѣими руками его правую руку и сжалъ такъ больно, что Семенъ Ѳедоровичъ чуть не закричалъ.

Оставшись одинъ, онъ медленно, въ раздумьѣ, закрывъ ротъ рукой, сошелъ внизъ, вошелъ въ залу и тамъ долго ходилъ

взадъ и впередъ, ероша свои волосы, разводя руками и что-то бормоча непонятное.

Ольга Андреевна сошла къ нему сверху.

— Ну, что, Семенъ Ѳедоровичъ?—спросила она.—Какъ вы рѣшили?..

— Ума, сударыня,—палата-съ, ученость необыкновенная-съ. Поразительная-съ!.. Да-съ!.. Какъ онъ это ловко все обрисовалъ-съ!

И онъ махнулъ рукой и снова началъ бѣгать по залѣ.

— Къ какому же заключенію вы пришли?—снова спросила его Ольга Андреевна.

— Ни къ какому, сударыня, ни къ какому-съ, ваше превосходительство... Извращена психическая дѣтельность... Изволите понимать?.. Извращена... А потому-съ на лопатки горчишникъ-съ—разъ,—и онъ загнулъ палецъ,—на затылокъ мушку-съ—два,—и онъ загнулъ другой,—на голову рубленный ледъ—три-съ, а на лобъ — unguentum mercuriale. И затѣмъ: „прощайте, коллега“!.. Прощайте-съ!..

И Семенъ Ѳедоровичъ началъ кланяться и отступать къ дверямъ передней.

— Куда же вы, Семенъ Ѳедоровичъ?.. — удивилась Ольга Андреевна.

— Нѣтъ-съ, сударыня, ваше превосходительство!.. Намъ здѣсь нечего дѣлать-съ!.. Нечего-съ!.. Позвольте удалиться-съ!.. Ума палата-съ... Учености-съ!.. — Послѣднее слово онъ произнесъ уже въ передней.

— Да куда же вы, Семенъ Ѳедоровичъ?.. Господи!..

Но Семенъ Ѳедоровичъ, весь красный, уже надѣлъ калоши. Казачокъ, стоявшій подлѣ коника, бойко подалъ ему пальто. И онъ, какъ-то бокомъ, поклонившись, выбѣжалъ вонъ.

— Что за чудакъ!..—удивилась Ольга Андреевна.

Въ это время къ ней подошли Толкуновъ и Люба.

— Тамъ,—сказали они тихо,—подлѣ нея Немировскій,—она мечется, а онъ почти постоянно даетъ ей нюхать эѳиръ.

— Что съ нимъ сдѣлалось?.. — удивленно спросила Ольга Андреевна.—Онъ какъ будто обидѣлся?.. И не простившись, убѣжалъ!..—И она разсказала всю сцену.

— Мама!—перебила ее Люба. — Не дурно ли это?.. Онъ даетъ ей такъ много нюхать эѳира... Вѣдь эѳиръ, говорятъ, очень вреденъ...

Ольга Андреевна, ничего не отвѣтивъ, молча отправилась на верхъ. И Толкуновъ съ Любой, такъ же молча, пошли за ней.

Они хотѣли войти въ комнату Вѣры, но комната оказалась запертой изнутри.

Они торкнулись и остановились въ недоумѣніи, смотря другъ на друга.

Люба вдругъ вздрогнула и прижалась къ Толкунову.

— Мнѣ кажется... онъ ее уморитъ...—прошептала она.

— Ну вотъ... Глупости!.. Развѣ онъ не знаетъ, что̀ дѣлаетъ?..

И они всѣ трое стояли у двери, боясь торкнуться вторично, стояли пять, десять минутъ. Люба хватала Толкунова за руки, и онъ чувствовалъ, какъ сильно похолодѣли ея руки.

— Перестань...—говорилъ онъ.—Будемъ благоразумны, Ладя! Не волнуйся...

Но она, закрывъ глаза и положивъ на грудь къ нему голову, продолжала волноваться, вся вздрагивая.

Время тянулось невыносимо.

Толкуновъ думалъ: „Вотъ, еслибы медицина была болѣе развита, то все бы это сейчасъ же было опредѣлено и устранено“.

И притомъ этотъ докторъ-цыганъ-мужикъ раздражалъ его и внушалъ ему мало довѣрія.

XXXVI.

Черезъ полчаса Немировскій отворилъ двери и сказалъ строгимъ шопотомъ:

— Я прошу васъ теперь не шумѣть. Она заснула. Вы можете войти,—сказалъ онъ, обращаясь къ Ольгѣ Андреевнѣ.—А васъ я попрошу подождать,—сказалъ онъ Любѣ. — Теперь все идетъ хорошо, но опасность еще не миновала... Если такъ же пройдетъ еще часъ или два, то, надѣюсь, наступитъ реакція...

И онъ прошелъ въ отведенную ему комнату.

— Мама!—сказала Люба.—Мы постоимъ тутъ у двери, мы не будемъ входить...

Но Толкуновъ сказалъ:—Зачѣмъ же стоять?—и принесъ стулъ, на который они оба усѣлись передъ дверью комнаты Вѣры.

Черезъ полчаса снова пришелъ Немировскій, осмотрѣлъ больную и, не говоря ни съ кѣмъ, снова ушелъ къ себѣ.

Вѣра продолжала спать и слегка вздрагивала во снѣ. Лицо ея разгорѣлось. Дыханіе было неровно. Спала ли она подъ вліяніемъ наркоза или внушенія—этого не могъ бы рѣшить самъ Немировскій, такъ какъ въ тѣ времена никто ничего не зналъ о внушеніи и даже не подозрѣвалъ о его существованіи.

Ольга Андреевна сидѣла у ея постели и обмахивала мухъ или подносила къ ея лицу губку, напитанную эѳиромъ.

Опять пришелъ Немировскій, пощупалъ пульсъ. Долго и пристально смотрѣлъ на больную, приложилъ руку къ ея головѣ и сказалъ шопотомъ:

— Реакція началась: руки влажны. Опасное напряженіе миновало. Теперь необходимо будетъ узнать, что̀ сталось съ ея психикой?..

И онъ повернулся и снова ушелъ къ себѣ. Тамъ онъ сѣлъ подлѣ ломбернаго, развернутаго стола, на которомъ горѣла масляная лампа, съ особенной свѣтильней. Эту лампу онъ привезъ съ собой изъ Немировки.

На столѣ валялось нѣсколько нумеровъ медицинскихъ журналовъ: „Medicinisches Centralblatt“, „Zeitschrift für practische Medicin“, „Gazette des Hôpitaux“, „Journal für Psychiatrie“. Ихъ тоже привезъ онъ съ собою, точно такъ же, какъ и большой coupe feuilles—разрѣзалку для книгъ. Ножъ былъ заложенъ между листами какой-то толстой, также медицинской книги. Подойдя къ столу, онъ сѣлъ въ большое, покойное кресло, которое ему нарочно поставили, по его требованію, и, развернувъ книгу, погрузился въ ея чтеніе. Прошло болѣе часа.

Въ дверь тихо постучали, и онъ сказалъ: „Войдите“...

Вошелъ Толкуновъ, и Немировскій вопросительно уставился на него.

— Меня послала къ вамъ Ольга Андреевна,—сказалъ онъ.— Если наша больная запроситъ пить, то что̀ ей давать?.. Теперь она постоянно облизываетъ губы. Очевидно, у нея онѣ сохнутъ и жаръ внутри.

— Хорошо! Черезъ десять или пятнадцать минутъ я приду,— сказалъ Немировскій, развалясь на креслѣ и смотря на Толкунова своимъ упорнымъ взглядомъ.

— А пока приготовьте ей какое-нибудь кисленькое питье, съ лимономъ или брусникой...

— Я еще желалъ бы, если вы позволите, — сказалъ Толкуновъ, —предложить вамъ нѣсколько вопросовъ, относительно нашей больной...

— Предложите. Только сперва распорядитесь относительно питья.

— Да, я сейчасъ приду,—сказалъ Толкуновъ и быстро пошелъ, думая: „Экой неотесанный мужикъ!.. Приказываетъ точно крѣпостнымъ своимъ!“

Распорядившись, онъ снова пришелъ и, взявъ легкій стулъ, пододвинулъ его къ креслу Немировскаго и небрежно усѣлся.

— Видите ли,—началъ Толкуновъ,—я совершенный профанъ въ медицинѣ, и мнѣ кажется страннымъ, что доктора, несмотря на ихъ старанія, до сихъ поръ не могутъ найти средствъ распознать, опредѣлить болѣзнь и найти способы къ ея излеченію...

— Да. Не могутъ!—отвѣтилъ рѣзко Немировскій:—и тутъ нѣтъ ничего страннаго: медицина есть искусство, основанное на знаніи. Эти знанія пріобрѣтаются долгимъ опытомъ, и мы тутъ ничего не можемъ ни измѣнить, ни передѣлать...

— Скажите, отчего же существуетъ и аллопатія, и гомеопатія, и гидропатія?..

— Если человѣчество просуществуетъ еще нѣсколько вѣковъ или тысячелѣтій,—отвѣчалъ докторально Немировскій,—то найдется еще больше этихъ: „патій"; дойдетъ дѣло и до невропатіи.— И онъ затѣмъ рѣзко спросилъ Толкунова:—А вы почему же принимаете такое участіе въ семействѣ Драевскихъ?..

— Я женихъ Любовь Петровны, дочери m-me Драевской,— сказалъ Толкуновъ съ достоинствомъ.

— А-а... Вы женитесь?.. Да... Да... Я теперь вспоминаю. Я слышалъ объ этомъ.

— Чему же вы удивляетесь?—спросилъ Толкуновъ, и краска выступила на его щекахъ.

— Да тому, что вы хотите совершить глупость...

Толкуновъ рѣзко вскочилъ со стула.

— Какъ вы смѣете говорить мнѣ такія дерзости!..

— Не горячитесь и выслушайте меня хладнокровно...

И онъ, взявъ лѣвой рукой правую руку Толкунова, такъ ее стиснулъ какъ бы желѣзными тисками и вмѣстѣ съ тѣмъ потянулъ его внизъ съ такой силой, что онъ невольно снова опустился или, правильнѣе, упалъ на стулъ.

„Ого!—подумалъ Толкуновъ:—да это дѣйствительно медвѣдь, —цыганскій медвѣдь".

И онъ посмотрѣлъ на него прямо своими засверкавшими глазами. Но эти глаза тотчасъ же опустились подъ взглядомъ глазъ Немировскаго, которые блестѣли нестерпимо. Точно внутри ихъ были какіе-то огоньки или электрическія искры.

— Вы не сердитесь на меня,—сказалъ тихо Немировскій.— Я грубъ и говорю вещи прямо въ глаза. Я не скрываю истины... Меня зовутъ чудакомъ, оригиналомъ, бирюкомъ, медвѣдемъ. Но я думаю: долгъ каждаго честнаго человѣка—не скрывать истины

и говорить правду прямо въ глаза. Люди этого еще не понимаютъ, но тѣмъ хуже для нихъ. Я вовсе не желалъ и не желаю ни говорить, ни даже думать что-либо дурное о вашей невѣстѣ, да и ни о комъ въ мірѣ. Я только считаю за святое правило предупреждать каждаго, кто дѣлаетъ дурно, и тѣмъ самымъ вредитъ себѣ или людямъ, или одновременно и себѣ, и людямъ. Я знаю, что мои слова васъ не остановятъ, но я считаю своимъ священнымъ долгомъ предупредить васъ и каждаго отъ поступковъ, которые мнѣ кажутся неблагоразумными...

И быстро сказавъ это, онъ остановился и пристально посмотрѣлъ на Толкунова.

— Что же?—спросилъ Толкуновъ, такъ же прямо смотря на него своими свѣтло-голубыми глазами, въ которыхъ еще не улеглось волненіе.—Продолжайте, я васъ слушаю.

— Я сейчасъ думалъ... — сказалъ Немировскій.—Сейчасъ мнѣ пришло въ голову, что, высказывая вамъ мой взглядъ, я, можетъ быть, самъ дѣлаю глупость... Въ теперешнемъ вашемъ положеніи и настроеніи вы не откажетесь, не можете отказаться отъ женитьбы. Во-первыхъ, вы находитесь именно въ той порѣ, въ тѣхъ лѣтахъ... вамъ вѣдь около тридцати? Не такъ ли?—и, не дожидаясь отвѣта, онъ продолжалъ:—Въ эти годы всякаго человѣка тянетъ всей силой его физики къ семейной жизни или женитьбѣ. Во-вторыхъ, ваша невѣста, навѣрно, представляется вамъ въ видѣ розоваго бутона или ангела...

Толкуновъ рѣзко, съ раздраженіемъ схватилъ его руку.

— Оставьте, пожалуйста, мою невѣсту въ покоѣ!—сказалъ онъ.—Я не позволю никому касаться ни до ея особы, ни до ея имени.

— Ну, вотъ видите ли,—сказалъ хладнокровно Немировскій.—Вы сами подтверждаете правду моихъ словъ... Слѣдовательно, я самъ дѣлаю глупость, предупреждая васъ о тяжелыхъ или непріятныхъ послѣдствіяхъ вашей женитьбы. Мои слова будутъ гласомъ вопіющаго въ пустынѣ, но я все-таки обязанъ предупредить васъ, во имя человѣчности и правды.

Толкуновъ пожалъ плечами и сказалъ полунасмѣшливо:

— Предупреждайте!

„Это просто какой-то чудакъ!“—подумалъ онъ. И тутъ же какъ молнія у него мелькнула мысль:—„Какъ бы онъ не уморилъ нашей Вѣры“!..

— Въ вашей женитьбѣ,—продолжалъ Немировскій спокойнымъ голосомъ и тономъ,—вы подчиняетесь вашему чувству, а между тѣмъ это чувство вообще есть первый врагъ человѣче-

ства, которое до сихъ поръ не понимаетъ одного,—что у него есть умъ, и что функціи этого ума далеко выше, цѣлесообразнѣе и необходимѣе для жизни, чѣмъ функціи его чувствъ. Чувства—это просто средства для нашего отношенія къ міру, а обсуждаетъ, анализируетъ и направляетъ эти средства нашъ умъ. Это—путь, къ которому приводитъ насъ разсудокъ. Это—путь нашего ума. Слѣдовательно, человѣкъ, подчиняющійся голосу своихъ чувствъ и призывамъ сердца, тѣмъ самымъ удаляется отъ указаній своего разсудка и дѣлаетъ глупость... Въ этомъ смыслѣ я давеча сказалъ вамъ, что удивляюсь глупости, которую вы хотите сдѣлать... А теперь...—и онъ рѣзко поднялся со стула.—Пойдемте къ нашей больной.—И онъ взглянулъ на часы:—Пятнадцать минутъ уже прошло.—И онъ быстро пошелъ вонъ.

— Послушайте,—сказалъ Толкуновъ, идя вслѣдъ за нимъ.—Меня поражаетъ оригинальность вашего взгляда („это просто маніакъ"!—подумалъ онъ).—И вы мнѣ позволите еще разъ поговорить съ вами о томъ?

— Поговорить не отказываюсь—выяснить, что̀ вамъ неясно, но лучше прежде подумайте о томъ сами...

Послѣднія слова онъ произнесъ тихо, такъ какъ они уже были у дверей комнаты Вѣры, и осторожно отворивъ эти двери онъ вошелъ. Толкуновъ остался за дверью.

Вѣра спала, но спала безпокойно. Она почти постоянно перекладывала руки, тяжело дышала и облизывала губы. Ольга Андреевна стояла у ея постели.

Немировскій взялъ руку больной, чтобы пощупать пульсъ, и сталъ пристально смотрѣть на ея лицо. Подъ этимъ взглядомъ выраженіе его какъ будто измѣнялось. Въ немъ исчезало выраженіе страданія и являлось спокойствіе. Она перестала облизывать губы и начала дышать ровнѣе и покойнѣе.

Немировскій тихо сказалъ, какъ бы самому себѣ:—Реакція продолжается. Наступаетъ моментъ пота.—Потомъ онъ обратился къ Ольгѣ Андреевнѣ.

— Я попрошу васъ,—сказалъ онъ,—на минуту выйти со мной въ корридоръ.—И они вышли и встрѣтили стоявшихъ за дверью Любу и Толкунова.

— Все идетъ хорошо, правильно,—сказалъ онъ, обращаясь къ Ольгѣ Андреевнѣ,—но я долженъ васъ предупредить, что, быть можетъ, скоро наступитъ весьма опасный моментъ, въ который никто, кромѣ меня, не долженъ при ней находиться. Никто, кто бы могъ напомнить чѣмъ-нибудь ей прошлое и возмутить ея спокойное состояніе. И это будетъ продолжаться, можетъ

быть, цѣлую ночь... Можетъ быть, даже завтра цѣлый день и, можетъ быть, больше дня. Во все это время она не должна видѣть никого изъ близкихъ ей людей. Иначе сильная радость можетъ произвести такое же, можетъ быть, еще болѣе вредное, дѣйствіе, чѣмъ сильный испугъ. Только при этомъ условіи можно сохранить ей разсудокъ... Поняли вы меня или нѣтъ?

— Какъ же?—спросила Люба:—вѣдь ужъ вы позволили мнѣ ночевать въ ея комнатѣ? Вѣдь это также и моя комната...

— Да,—сказалъ онъ въ раздумьѣ.—Мнѣ казалось, что процессъ, который назрѣвалъ гдѣ-то въ ея мозгу, продолжится долго... цѣлую ночь... Но теперь онъ повидимому кончился, кризисъ совершился. И я долженъ теперь беречь ея разсудокъ. Поняли вы меня?.. Если поняли, то я попрошу всѣхъ васъ болѣе не входить въ эту комнату и вообще наблюдать полную тишину.—И слегка поклонившись, онъ рѣзко отступилъ въ комнату Вѣры и затворилъ за собой дверь.

— Какъ же?..—изумилась Люба:—тамъ моя постель и мои платья... и... все...

— Ну, если нельзя иначе... то какъ же?—возразила Ольга Андреевна:—à la guerre comme à la guerre. Будь благоразумна. Платья найдутся у Даши, можешь надѣть завтра любое или остаться въ этомъ... Не бѣда...

— Мама... Я надѣну сѣрое, съ прошивками... Бѣдная моя Вѣруша!..

— Мнѣ кажется,—сказалъ тихо Толкуновъ,—что онъ самъ немного помѣшанъ. Потому и лечитъ какъ-то особенно... Своимъ собственнымъ методомъ и своими пріемами. Къ чему вся эта комедія? Вѣдь если давеча Вѣра провела его на антресоли, въ свою комнату, то, значитъ, она сознавала, что̀ дѣлала... Сознаетъ и теперь, что она у насъ... Зачѣмъ же онъ будетъ ее обманывать?.. Глупо!

— Вѣдь онъ это дѣлаетъ, Владиміръ Элизарычъ, изъ какихъ-нибудь своихъ научныхъ соображеній,—сказала тихо Ольга Андреевна.—Можетъ быть, тогда нельзя было ей напомнить прошлое... Все у нея внутри... въ головѣ было... какъ бы сказать—заложено или задавлено... А теперь ея сознаніе прояснилось, и она можетъ живѣе чувствовать свою жизнь и всѣ ея случаи и привязанности... Вы слышали, что тутъ нуженъ моментъ... Вѣроятно, моментъ проясненія... Я такъ понимаю.

Но Толкуновъ этому объясненію не вѣрилъ и не признавалъ его. Въ его сознаніи вставала та безобразная теорія, которую открылъ ему Немировскій.

„Что же есть въ ней справедливаго?—думалъ онъ.—Почему же разсудокъ... одинъ только разсудокъ можетъ существовать... а чувства не значатъ ничего?.. Нѣтъ... Онъ маніакъ, и это его idée fixe, не больше".

Люба потянула его за руку къ стулу, на которомъ они прежде сидѣли, и опустилась на него, приглашая и его сѣсть опять рядомъ. Нервная усталость и раннее вставанье давали ей себя знать. Но онъ сказалъ ей шопотомъ:

— Погоди, я принесу еще стулъ для maman.—И онъ на цыпочкахъ быстро пошелъ къ нѣсколькимъ стоявшимъ вдоль стѣны стульямъ. Но Ольга Андреевна отказалась сѣсть и пошла опять въ свою спальню. Ея сердце постоянно тянуло ее къ молитвѣ.

Люба прислонилась къ Толкунову, крѣпко обняла его и положила голову къ нему на плечо. Не прошло и двухъ минутъ, какъ она задремала. Онъ обнялъ ее за талію и поддерживалъ ее.

Въ головѣ его, въ какомъ-то смутномъ туманѣ, проходили всѣ происшествія этого дня. И прежде всего вспомнилась поѣздка въ Немировку. Мѣрное качанье шарабана, дорога въ лѣсу, безконечно длинная... все ельникъ... ельникъ... И онъ началъ засыпать... Но тотчасъ же проснулся и испуганно, крѣпче обхватилъ талію Любы.

— Ладя!—тихо позвалъ онъ.—Ладя!—Она въ испугѣ проснулась и спросила:

— Что случилось?

— Ничего... Пойди спать. Тебѣ здѣсь неловко, на стулѣ... Ты устала сегодня... Измучилась...—И онъ поднялъ ее со стула.

Опираясь на его руку, она покорно дошла до лѣстницы, но тутъ вдругъ остановилась и сказала ему.

— Водя, милый... Ты не уѣзжай! Слышишь?.. Ты ночуй у насъ... Я сейчасъ скажу, чтобы тебѣ послали въ папиной спальнѣ.

— Хорошо,—согласился Толкуновъ и отнялъ свою руку.

Люба начала спускаться, и онъ хотѣлъ уже слѣдовать за ней. Но его остановила Ольга Андреевна, вышедшая въ это время изъ спальни.

— Владиміръ Элизарычъ! — позвала она его шопотомъ. И подойдя къ нему, она наклонилась къ его уху и прошептала по-французски:

— Хорошо ли, что мы его оставили одного съ Вѣрой? Хоть онъ и докторъ... Но все-таки... Чтобы не было огласки... Il y aura des commerages. Vous savez ces gens. И гдѣ же онъ тамъ ляжетъ? Развѣ на Любиной постели?

Въ сердцѣ Толкунова быстро поднялось враждебное чувство

и недовѣріе къ Немировскому, но онъ поборолъ это чувство и сказалъ съ отвращеніемъ, пожимая плечами:

— Развѣ это возможно?.. Съ его стороны!.. И кто же осмѣлится клеветать на него и Вѣру?.. Это немыслимо.

XXXVII.

Въ третьемъ часу утра, когда уже сильный разсвѣтъ свѣтилъ въ окна, Ольга Андреевна, шатаясь, отошла отъ двери Вѣриной комнаты и, еще разъ помолившись, прилегла, зѣвнула и тотчасъ же крѣпко заснула.

Былъ уже седьмой часъ утра. Люба уже встала и сидѣла подлѣ двери Вѣриной комнаты. Вскорѣ вслѣдъ за ней пришелъ и Толкуновъ. Они тихо, молча поцѣловались, и Люба, наклонясь къ его уху, чуть слышно прошептала:

— Хорошо спалъ?..

И только-что Толкуновъ хотѣлъ отвѣтить, какъ щелкнулъ замокъ въ Вѣриной комнатѣ, и на порогѣ ея, остановившись въ дверяхъ, показался Немировскій. Люба и Толкуновъ поднялись со стульевъ.

Онъ похудѣлъ и пожелтѣлъ. Глаза его были красны и все лицо выражало сильную усталость. Онъ притворилъ за собой дверь, подошелъ къ Толкунову и, взявъ его за руку, молча отвелъ въ сторону.

— Скажите мнѣ, — спросилъ онъ:—къ кому больная была ближе: къ m-me Драевской или къ сестрѣ, вашей невѣстѣ?

— Къ сестрѣ ближе...

— Тогда мы съ нея и начнемъ...

И, подойдя къ Любѣ, онъ взялъ ее за руку и, наклонясь надъ ея ухомъ, сказалъ:

— Я введу васъ къ ней, но прошу васъ быть крайне осторожной и сдерживать ваши чувства, а главное, не напоминать ничѣмъ о томъ, что съ ней случилось. Вы поняли меня?

Люба кивнула головой. Затѣмъ онъ отворилъ дверь.

Вѣра сидѣла на постели. Съ головы ея былъ снятъ компрессъ и повязка. Волосы ея были сильно растрепаны и свѣшивались черными прядями, которыя рѣзко выдѣляли необыкновенную блѣдность и худобу ея лица. Какіе-то зеленоватые тона лежали на немъ. Она была почти неузнаваема.

— Вотъ!—сказалъ Немировскій.—Я привожу къ вамъ вашу сестру.—И онъ подвелъ Любу къ Вѣрѣ.

— Вѣра!—сказала Люба дрогнувшимъ голосомъ.—Здравствуй!

— Здравствуй!—проговорила Вѣра слабымъ голосомъ, какъ-то машинально, точно повторяя то, что̀ сказала Люба, которая вся потянулась къ ней. Но Немировскій удержалъ ее за руку.

— Вѣра!.. Милая!..—вскричала Люба, и Вѣра вздрогнула, но въ то же мгновеніе Немировскій отдернулъ Любу и сильнымъ движеніемъ быстро вывелъ ее изъ комнаты и захлопнулъ дверь.

Люба упала прямо въ объятія Толкунова, который ждалъ ее за дверью, и разрыдалась.

— Люба,—говорилъ ей Толкуновъ,—Ладя... О чемъ ты плачешь? Что̀ случилось?..

— Она!.. Она... такая жалкая... Онъ мнѣ не далъ даже обнять ее.

— Такъ вѣдь онъ же сказалъ тебѣ, чтобы ты сдерживала свои чувства...

— Онъ меня просто отдернулъ и вытолкнулъ.

Толкуновъ вспыхнулъ и, быстро отстранивъ Любу, бросился въ комнату Вѣры. Немировскій обернулся къ нему, но въ то же время Вѣра увидала Толкунова, узнала его и какъ-то странно обрадовалась ему.

— Здравствуйте, Владиміръ Элизарычъ!—сказала она слабымъ, разбитымъ голосомъ, протягивая къ нему руку. — Мнѣ теперь лучше...

Толкуновъ подошелъ къ ней и пожалъ протянутую ему ея сухую и горячую руку.

Въ это время Немировскій, наклонясь къ нему, тихо сказалъ ему:

— Теперь можно пригласить m-me Драевскую. Больная достаточно успокоилась, а ваша невѣста, — прибавилъ онъ еще тише,—чуть не испортила всего дѣла. Уже у нея,—быстро указалъ онъ на Вѣру,—начали подергиваться угловыя мышцы.

Толкуновъ пристально посмотрѣлъ на него, и его волненіе совершенно успокоилось.

„Что же?—подумалъ онъ.—Можетъ быть, онъ правъ? И дѣйствительно Люба могла взволновать ее“.

Онъ вышелъ въ корридоръ, обнялъ Любу и вмѣстѣ съ ней быстро пошелъ къ Ольгѣ Андреевнѣ, на дорогѣ передавая ей о своемъ свиданіи съ Вѣрой.

Ольга Андреевна была уже на порогѣ ея комнаты и глазами спрашивала: что̀ случилось?

Толкуновъ поздоровался съ ней и передалъ ей слова Неми-

ровскаго и пассажъ съ Любой, и всѣ трое торопливо, но безъ шума, пошли къ комнатѣ Вѣры.

Ольга Андреевна осторожно отворила дверь и вошла въ эту комнату.

Вѣра по прежнему сидѣла на постели и тихо качалась. Немировскій сидѣлъ у ея кровати и держалъ ее за лѣвую руку, какъ бы щупая пульсъ.

— Здравствуй, моя Вѣруша, — сказала Ольга Андреевна, и въ ея голосѣ задрожала сердечная нотка. — Какъ ты себя чувствуешь? Теперь хорошо. А?

И она тихо поцѣловала и перекрестила ее.

И вслѣдъ затѣмъ, обернувшись къ Немировскому, указала ему на платье Вѣры. Но онъ махнулъ рукой, какъ будто говоря: это ничего.

— Не послать ли горничную?—спросила она Немировскаго. —Умыться и переодѣться ей?

Она подчеркнула слово „переодѣться".

Онъ сказалъ:—Да, пришлите.

И Ольга Андреевна вышла и тутъ же съ удивленіемъ сообщила Толкунову и Любѣ, что ей странно, какъ онъ, т.-е. Немировскій, хочетъ скрыть отъ Вѣры, что съ ней было, и оставляетъ ее въ томъ же платьѣ, т.-е. въ сарафанѣ, который сейчасъ же можетъ напомнить ей все прошлое, и она послала Любу, чтобы та сейчасъ же прислала Дашу съ платьемъ—переодѣть Вѣру.

Люба быстро побѣжала, а Толкуновъ сказалъ:

— Мнѣ ужасно не нравится, что онъ мудритъ надъ ней. Пожалуй, въ концѣ концовъ, онъ сведетъ ее съ ума.

Но въ это время дверь комнаты Вѣры отворилась. Немировскій вышелъ къ нимъ.

— Скажите, пожалуйста, горничной, — обратился онъ къ Ольгѣ Андреевнѣ,—чтобы она ничего не говорила съ больной, буквально ничего, какъ нѣмая. Вы поняли меня?

Ольга Андреевна молча кивнула головой.

Затѣмъ онъ взялъ, безъ церемоніи, Толкунова подъ-руку и, сказавъ ему: —Мнѣ необходимо поговорить съ вами, — повелъ его въ свою комнату.

— Я долженъ сейчасъ уѣхать, — говорилъ онъ на ходу.— У меня ждутъ мои больные. Я оставляю вашу больную въ положеніи еще вполнѣ неопредѣленномъ, при которомъ необходима крайняя осторожность.—И они вошли въ его комнату. Онъ тотчасъ же принялся собирать свои вещи и книги и укладывать

ихъ въ небольшой саквояжъ, и въ то же время продолжалъ говорить Толкунову.

— Я до сихъ поръ,—говорилъ онъ,—сдерживалъ приступы начинавшагося сумасшествія вліяніемъ моей нервной силы, и думаю, что эти приступы теперь значительно ослабѣли. Но необходима крайняя осторожность, чтобы они опять не вошли въ прежнюю силу. Я прошу васъ сдѣлать слѣдующее. Во-первыхъ, никого, буквально никого, не впускать къ ней, кромѣ m-me Драевской и сестры. Я боюсь въ особенности за послѣднюю... Внушите ей, если можете, что всякое ея страстное, истерическое движеніе вызоветъ тотчасъ же и то же самое въ мозгу больной, а вмѣстѣ съ тѣмъ усилитъ неправильность мозговыхъ функцій. Вы понимаете меня?—И онъ, не дожидаясь отвѣта, снова толково повторилъ сказанное. При чемъ Толкуновъ утвердительно кивалъ головой, давая знать, что онъ все отлично понялъ, и при этомъ подумалъ:

„Онъ, должно быть, возясь съ его сумасшедшими, самъ сдѣлался безтолковымъ и подозрѣваетъ другихъ въ безтолковости".

Сложивъ свои вещи, Немировскій простился и уѣхалъ, сказавъ, что онъ будетъ завтра около семи часовъ вечера.

— Ранѣе я не могу,—сказалъ онъ и уѣхалъ.

Послѣ его отъѣзда все какъ будто оживилось. Суровый и строгій контроль былъ снятъ, и всѣ, даже Толкуновъ почувствовали себя свободными.

— Пойми меня, дорогая моя, — говорилъ онъ Любѣ,—что всякое твое страстное, истерическое движеніе произведетъ и въ ней то же самое. Понимаешь?..

— Такъ мнѣ нельзя при ней ни плакать, ни смѣяться?—спросила Люба.

— Удержись, если можешь.

— Постараюсь,—и тутъ же прибавила: — пойдемъ теперь къ ней... я попробую.

— Ты пойди, а я подожду. Тамъ теперь Ольга Андреевна и Даша. Мнѣ будетъ неловко войти,—я, можетъ быть, помѣшаю.

Она быстро двинулась къ дверямъ. Но Толкуновъ остановилъ ее за руку и проговорилъ:

— Дорогая моя Ладя, помни, что я тебѣ сказалъ—будь благоразумна...

Она кивнула головой и исчезла за дверью.

Люба застала Ольгу Андреевну и Дашу передъ постелью Вѣры. Онѣ уговаривали ее перемѣнить бѣлье. Но она упорно отказывалась и говорила:—Постой, погоди!..

— Мама!—сказала Люба:—да ты оставь ее теперь.

— Какъ же можно оставить: вся рубашка ужасно грязная. Платье мы перемѣнили, а рубашку,—и она на ухо Любѣ сказала по-французски что-то, дѣйствительно, ужасное.

Въ это время Вѣра обернулась къ Любѣ и, показывая руками на шею, около затылка завязанную платкомъ, сказала:

— Люба, посмотри... Онъ мнѣ тутъ что-то простригъ ножницами... и потомъ завязалъ, но мнѣ было небольно.

— Это, вѣрно, онъ простригъ тебѣ мушки. Пузыри отъ мушекъ.

И она спокойно обхватила ее рукой, а другой начала снимать рубашку, какъ съ маленькаго ребенка. Вѣра не сопротивлялась.

Чистую рубашку надѣли.

„Ее бы теперь надо въ ванну или въ баню", — подумала Ольга Андреевна, и при этомъ вспомнила, что ванна у нихъ была давно, еще послѣ смерти Петра Онисимыча, заброшена, и комната, въ которой она стояла, была на замкѣ. Въ домѣ всѣ предпочитали баню—ваннѣ, и баня была липовая, большая, устроенная съ полнымъ комфортомъ.

Когда на Вѣру надѣли пеньюаръ и она должна была встать съ постели, то она пошатнулась и опять сѣла на кровать. Ольга Андреевна уговорила ее снова лечь. Она послушалась, покорно улеглась и начала дрожать. Ее закутали одѣяломъ, накрыли салопомъ, и почти тотчасъ же она заснула.

XXXVIII.

Всѣ въ домѣ затихли, присмирѣли. Всѣ ходили на цыпочкахъ и говорили шопотомъ. Шикали другъ на друга и шушукались.

Ольга Андреевна и Люба поочередно дежурили у постели больной.

Толкуновъ нашелъ какую-то книгу въ библіотекѣ и занялся ею.

Время тихо тянулось. Всѣмъ было не по себѣ. Всѣмъ сообщалось отъ Акулины Степановны безпокойное настроеніе духа. Всѣ дѣвушки говорили, что бѣдная барышня теперь порченая. Что разбойники наслали на нее какое ни на есть „слово" и, должно быть, очень крѣпкое слово, отъ котораго самъ цыганскій докторъ не могъ ее разрѣшить.

— Еслибы онъ разрѣшилъ ее, голубушку, то она сейчасъ бы встрепенулась, какъ рыбка,—говорила Ѳедоровна.

— Нельзя же вдругъ, матушка,—просвѣщала Аполлинарія Кузьминишна.—Скоро-то ничего не дѣлается...

— Матушки мои,—говорила Акулина Степановна:—коли бы она была незаговорена, развѣ оттолкнула бы она меня... Подите-ка,—прямо въ грудь такъ-таки и отмахнула!..

И всѣ сообщали другъ другу, что теперь барышню переодѣли и что барышня обовшивѣла.

— Въ баньку бы ее теперь... То-то бы было славно!

Приближался часъ завтрака. Больная продолжала спать. Ольга Андреевна начала безпокоиться.

— Хорошо ли, что она такъ долго спитъ? — спрашивала она Любу. —Вѣдь она вчера ничего не ѣла, и сегодня тоже. Исхудала вся, голубушка...

— Мама,—сказала Люба:—я ее разбужу. Она съѣстъ чего-нибудь, и пускай опять уснетъ.

Но разбудить ее оказалось не такъ легко, какъ это представлялось Любѣ.

Она наклонилась надъ ней и тихо начала шептать:—Вѣруша! Вѣра!—Она повторяла ея имя громче и громче. Вѣра не шевелилась. Она начала цѣловать ее. Послѣ каждаго поцѣлуя, она смотрѣла пристально на ея лицо. Ни одна черта его не двигалась.

— Люба! ты можешь испугать ее,—сказала Ольга Андреевна. —Видишь, какъ она покойно и крѣпко спитъ! Оставимъ ее,—пусть спитъ.

И онѣ посадили няню подлѣ спящей больной, а сами пошли завтракать.

Но и послѣ завтрака Вѣра продолжала спать такъ же крѣпко. Всѣ, по очереди, подходили и смотрѣли на нее и слушали—Толкуновъ, и Ѳедоровна, и Аграфена Семеновна, всѣ дивились этому невиданному сну, качали головой и расходились.

— Можетъ быть, онъ далъ ей что-нибудь снотворное, какихъ-нибудь сонныхъ капель,—догадывалась Аграфена Семеновна.

Накрыли на столъ къ обѣду. Опять всѣ собрались вокругъ постели больной. Поговорили, пошептались, покачали головами и разошлись.

Послѣ обѣда, Люба сказала, смотря на нее:

— Нѣтъ, мама, ее надо непремѣнно разбудить. Она можетъ такъ и умереть, не проснувшись.

И она тихонько обняла ее и приподняла.

Больная, не открывая глазъ, забормотала:

— Постой, погоди!.. потомъ... послѣ...

Люба выпустила ее изъ рукъ. Она упала на подушки и уже снова спала такъ же крѣпко и такъ же тихо и покойно.

Этотъ странный, продолжительный сонъ началъ всѣхъ безпокоить. Всѣ мучились ожиданіемъ.

— Хотя бы онъ, т.-е. Немировскій, скорѣе пріѣхалъ!—говорила Ольга Андреевна.

Но какъ нарочно онъ не ѣхалъ.

Прошло уже семь часовъ. Стрѣлка уже доходила до половины восьмого. И только въ это время издали заслышались его громкіе ширкунцы и колокольчики, и такъ же, какъ вчера, на четверкѣ вороныхъ, онъ подскакалъ къ крыльцу.

Всѣ вздохнули свободнѣе и оживились.

Ольга Андреевна приказала, чтобы былъ горячій обѣдъ.

„Онъ, вѣрно, не обѣдалъ“,—подумала она.

— Ну, что же? Какъ наша больная?—входя въ переднюю, спросилъ Немировскій у Ольги Андреевны и Толкунова съ Любой, которые всѣ вышли къ нему на встрѣчу.

— Она спитъ,—сказала Ольга Андреевна:—все спитъ. Хорошо ли это, Вадимъ Вадимычъ?

— А вотъ мы сейчасъ посмотримъ,—и, отряхая пыль, онъ быстро, рѣшительно направился въ корридоръ, на антресоли. Всѣ двинулись за нимъ.

У затворенной двери Вѣриной комнаты онъ обернулся ко всѣмъ и молча остановилъ ихъ, обративъ къ нимъ ладонь лѣвой руки, тогда какъ правой отворилъ дверь и на цыпочкахъ вошелъ.

Вѣра сидѣла на постели. Она съ радостью протянула къ нему руки и улыбнулась.

Ольга Андреевна прошептала: „Слава тебѣ, Господи...“—и перекрестилась.

— Ну, какъ же наши дѣла?—спросилъ Немировскій, придвигая къ постели стулъ, и, слегка пожавъ руку Вѣры, началъ щупать ея пульсъ.

— Мнѣ хорошо,—тихо прошептала Вѣра.

— Ну, и отлично. Надо постараться, чтобы было еще лучше. Вамъ теперь необходимо больше силъ. Вы вѣдь, вѣрно, мало ѣли въ эти дни и притомъ какую-нибудь дрянь... Что вы ѣли вчера или третьяго дня?

Вѣра сильно нахмурилась и задумалась, приложивъ руку къ лѣвой сторонѣ головы; все лицо ея приняло страдальческое выраженіе.

— Ну, и не нужно!.. Не вспоминайте!—заговорилъ торо-

ливо Немировскій; онъ отнялъ ея руку отъ головы и обернулся, какъ бы желая кому-нибудь высказать, что въ ней происходило, и снова продолжалъ:—Мы теперь будемъ ѣсть что-нибудь питательное... Бифштексъ?.. Любите вы бифштексъ?.. А?..

— Люблю...—тихо, какъ-то машинально, проговорила Вѣра и потупилась.

— А языкъ вашъ вы мнѣ покажите!.. Я хочу видѣть вашъ языкъ...

Вѣра молчала и хмурилась.

— Вы слышите,—заговорилъ Немировскій громкимъ, повелительнымъ голосомъ.—Мнѣ нужно видѣть вашъ языкъ.—И онъ неподвижно уставилъ на нее свои сверкающіе глаза.

Вѣра тихо открыла ротъ и высунула дрожавшій языкъ. Руки ея также дрожали.

— Больше!—сказалъ сердито Немировскій.—Еще больше!..—Вѣра быстро высунула почти весь языкъ и тотчасъ же спрятала его и начала плакать и всхлипывать.

— Не смѣть!.. Не смѣть!..— сердито закричалъ Немировскій.—Барышнѣ стыдно плакать... Смотрите весело, пріятно... Прямо на меня... Прямо...

И Вѣра сдѣлала улыбающуюся физіономію и обратила на него глаза, тогда какъ изъ этихъ глазъ катились крупныя слезы.

— Вотъ такъ... Теперь вамъ лучше?..

Вѣра кивнула головой и чуть слышно прошептала:—Лучше.

— Ну, да... Мы будемъ поправляться... Будемъ больше ѣсть, гулять.

И, обратясь къ Ольгѣ Андреевнѣ, онъ тихо сказалъ:

— Теперь у нея растительныя отправленія почти въ полномъ порядкѣ. Не надо только вызывать осложненій. — И онъ быстро всталъ и, выйдя въ корридоръ, куда за нимъ вышли всѣ, сказалъ, понизивъ голосъ, обращаясь къ Ольгѣ Андреевнѣ:

— Я теперь почти увѣренъ, что мозговыя отправленія возстановятся и опасности нѣтъ почти никакой... Но я все-таки считаю необходимымъ провести и эту ночь подлѣ больной...

— Ахъ, сдѣлайте милость, Вадимъ Вадимычъ!.. Мы будемъ очень рады, тѣмъ болѣе...

Немировскій рѣзко и довольно грубо перебилъ ее:

— Будете ли вы рады, или нѣтъ — для меня это безразлично... Я долженъ сдѣлать свое дѣло до конца...

„Этакій принципіалистъ противный!“—подумалъ Толкуновъ.

А Немировскій рѣзко пошелъ впередъ по корридору и, обернувшись къ Ольгѣ Андреевнѣ, сказалъ:

— Эти истеричныя удивительно хорошо слышатъ, и теперь я увѣренъ, что она слышитъ весь нашъ разговоръ... Я еще не увѣренъ, остался ли у нея такой мозговой процессъ, который можетъ угрожать умопомѣшательствомъ, или остались только истерическіе припадки... Вы понимаете?..

Ольга Андреевна кивнула головой, и Немировскій прямо отворилъ дверь въ ту комнату, которая была отведена ему вчера.

Въ этой комнатѣ уже сидѣлъ Игнатій и разложилъ на столѣ привезенные, какъ и вчера, книги и журналы. Въ углу стоялъ Константинъ подлѣ умывальника, съ чистымъ полотенцемъ на плечѣ.

Немировскій вошелъ въ комнату и притворилъ за собой дверь передъ самымъ носомъ Ольги Андреевны.

— Ужасно грубый джентльменъ!—сказалъ раздраженно Толкуновъ.—Воспитанъ, вѣроятно, въ лѣсу, въ медвѣжьей академіи, у Михайлы Иваныча Топтыгина.

Люба слегка засмѣялась. И потомъ, вдругъ сдѣлавъ серьезную физіономію, спросила:

— А гдѣ же я буду спать?.. Что же онъ, и сегодня не позволитъ спать въ моей комнатѣ?.. Какой несносный!..

Но Немировскій позволилъ ей спать подлѣ Вѣры, и она была очень рада. Онъ сказалъ:

— Я даже нарочно теперь положилъ бы васъ въ ея комнату, такъ какъ для меня очень важно окончательно убѣдиться, что въ ея головѣ не осталось никакихъ поводовъ къ умопомѣшательству. Я только предваряю васъ, что, можетъ быть, нѣсколько разъ ночью я войду въ вашу комнату, а потому потрудитесь оставить дверь отпертою или отворить ее тотчасъ же, какъ я только постучу въ нее.

Люба готова была согласиться на всѣ условія, только бы ей позволили спать подлѣ Вѣры.

Толкуновъ, въ десять часовъ вечера, тихо постучалъ въ дверь Немировскаго. Отвѣта не было. Онъ постучалъ громче, рѣшительнѣе.

— Войдите!..—сказалъ громко Немировскій.—Кто тамъ?..

Толкуновъ вошелъ, притворилъ за собой дверь и сказалъ:

— Я не помѣшаю вамъ теперь, если попрошу васъ разъяснить мнѣ то, что вы мнѣ вскользь высказали вчера.

Немировскій нахмурился, какъ бы припоминая, что такое онъ сказалъ вчера. Толкуновъ поспѣшилъ прибавить:

— Вы высказали мнѣ предостереженіе относительно моей женитьбы. Позвольте васъ спросить...—и въ голосѣ его послы-

шалось раздраженіе: — это вы высказали относительно только моей женитьбы или принципіально?

Послѣднее слово онъ подчеркнулъ и высказалъ его съ худо скрытымъ, насмѣшливымъ ехидствомъ.

— Ни относительно вашей женитьбы, ни принципіально,— сказалъ ровнымъ тономъ Немировскій и положилъ на столъ толстую книгу, которую онъ держалъ въ рукахъ. — Высказанное мною не принципъ, а только способъ разумнаго дѣйствія.

— Такъ вы отвергаете вообще женитьбу и предпочитаете, вѣроятно, такъ сказать... свободный союзъ?—И онъ слегка подчеркнулъ послѣднее слово.

— Женитьбу,—сказалъ Немировскій,—я считаю глупостью, а свободный союзъ—свинствомъ.

— Какъ!— вскричалъ Толкуновъ, съ изумленіемъ посмотрѣвъ на него:—это удивительно оригинально! Вы позволите мнѣ сѣсть?.. —И онъ, взявъ легкій плетеный стулъ и поставивъ его напротивъ Немировскаго, сѣлъ.

— Все оригинально, что̀ люди слышатъ впервые, и къ чему они не привыкли...

— Но къ этому, я полагаю, и привыкнуть нельзя... Что̀ же?.. Вы весь свѣтъ осуждаете на безбрачіе?

— Я не могу осуждать его и не желаю... Я только предупреждаю, гдѣ могу, и эти предупрежденія считаю моей прямой обязанностью.

— Да какъ же?—вскричалъ Толкуновъ и пожалъ плечами.— Вы—докторъ-физіологъ,—и онъ понизилъ голосъ, какъ бы опасаясь, что его можетъ услышать Люба. — Вѣдь вы знаете, что бракъ есть одна изъ самыхъ могущественныхъ потребностей организма, потребностей природы?..

— А у насъ есть умъ и сила воли на то, чтобы бороться съ этой могущественной потребностью природы,—и онъ подчеркнулъ послѣднія слова такъ, что Толкунову послышалась въ нихъ насмѣшка.

Толкуновъ слегка покраснѣлъ и опять пожалъ плечами.

— Я рѣшительно удивляюсь,—сказалъ онъ,—такому взгляду.

— Удивляйтесь, сколько хотите... Я не могу вамъ запретить удивляться.

„А ты съ удовольствіемъ запретилъ бы!“ — подумалъ Толкуновъ.

— Но только подумайте: сколько бы человѣчество выиграло, еслибы такой взглядъ сдѣлался господствующимъ,—еслибы большинство рѣшилось на безбрачіе.

— Что же это было бы? — вскричалъ Толкуновъ. — Аскетизмъ?.. Всемірный монастырь?..

— Да. Для избранныхъ... Но я не проповѣдую поголовнаго воздержанія... Человѣкъ вѣчно останется скотомъ...

„Ого!..—подумалъ Толкуновъ.—Какія крѣпкія выраженія!“...

— Но меньшинство будетъ жить по-человѣчески... Муравьи и пчелы давно пришли къ такой жизни. У нихъ для половыхъ продуктовъ и для размноженія отведена небольшая часть, меньшинство общества... У пчелъ и термитовъ еще меньше... Тамъ—единая общественная самка, и этотъ распложающій организмъ доведенъ до совершенства. Человѣкъ могъ бы поучаться этому. Всѣ древніе римляне и греки говорили: „поучись у пчелъ“. Но этой именно стороны дѣла, самой коренной и необходимой, они и не замѣтили... Точно также и современное человѣчество доказываетъ свою глупость и односторонность... Оно живетъ не какъ живутъ разумные термиты, пчелы, даже муравьи... А живетъ, всецѣло отдаваясь своимъ половымъ инстинктамъ и разнузданнымъ животнымъ потребностямъ... Узды у него нѣтъ... да и будетъ ли когда-нибудь?..

XXXIX.

Въ это время тихо, робко постучали въ дверь.

— Войдите!—сказалъ громко и повелительно Немировскій.

Дверь тихо отворилась и вошла Люба.

— Извините,—сказала она, обращаясь къ Немировскому.—Вѣра желаетъ видѣть васъ, и мама прислала меня просить васъ къ ней.

— Скажите, что я сейчасъ приду,—и онъ кивнулъ головой.

Люба бросила конфузливый взглядъ на Толкунова, попятилась и вышла.

„Не можетъ даже и полчаса пробыть безъ жениха,—подумалъ Немировскій о Любѣ. — Даже сюда втерлась, ко мнѣ въ комнату“.

И онъ обратился къ Толкунову и хотѣлъ продолжать начатый разговоръ, но Толкуновъ остановилъ его вопросомъ.

— Скажите, пожалуйста...—началъ онъ,—если только вопросъ мой не будетъ нескроменъ...—Толкуновъ пріостановился и посмотрѣлъ на него, выжидая отвѣта, но, не дождавшись его, продолжалъ:—Мнѣ было бы интересно знать, почему вы такъ грубо обращаетесь съ вашими больными,—напримѣръ, съ Вѣрой Александровной?..

„Ты со всѣми грубъ,—подумалъ онъ,—но обращеніе съ ней превосходитъ всякое неприличіе".

— Съ ними обращаются еще грубѣе... съ такими истеричными больными. И иначе нельзя обращаться съ ними...—сказалъ Немировскій.—Въ госпиталѣ у Гризингера ихъ просто бьютъ.

— Неужели!—вскричалъ Толкуновъ и слегка покраснѣлъ отъ негодованія.

— Да. Иначе вы съ ними ничего не подѣлаете. Ихъ нервы и вся психика настроена на минорный и капризный тонъ. Если вы будете обращаться съ ними по-человѣчески, то они тотчасъ же начнутъ играть на своихъ капризахъ, начнется плачъ и смѣхъ—и все вліяніе врача будетъ безсильно... Вотъ и теперь, я увѣренъ, что ей пришелъ какой-нибудь капризъ,—и она послала сестру звать меня къ себѣ... И ей кажется, что если я мгновенно не явлюсь передъ ней, какъ листъ передъ травой, то съ ней сдѣлается что-то ужасное и весь міръ провалится...

Въ это время снова постучались въ дверь, но крѣпче и рѣшительнѣе, чѣмъ въ первый разъ, и, не дожидаясь отвѣта, дверь отворилась, и вошла Ольга Андреевна.

— Извините...—сказала она.—Но она убѣдительно проситъ васъ придти сейчасъ же. У нея что-то дѣлается въ горлѣ... И она страшно безпокоится.

— Вотъ видите!—сказалъ Немировскій, обращаясь къ Толкунову.—Скажите ей,—обернулся онъ къ Ольгѣ Андреевнѣ,—что я сейчасъ приду... Если же она не успокоится, то передайте ей, что я сейчасъ же уѣду и брошу ее...

Ольга Андреевна пошла къ дверямъ и въ самыхъ дверяхъ нерѣшительно обернулась.

— Она такъ раздражена... Очевидно, это мучаетъ ее.

Немировскій быстро поднялся съ кресла и сказалъ рѣшительно:

— Такъ вы передайте такъ же съ раздраженіемъ, что̀ я вамъ говорю, и скажите, что я сейчасъ же исполню мою угрозу.

И онъ повернулся къ столу и началъ поспѣшно укладывать въ сакъ газеты и журналы.

Ольга Андреевна быстро отвернулась отъ него и пошла вонъ.

„C'est un enragé... qui s'élance à chaque passant",—подумала она.

А Немировскій снова сѣлъ, отбросивъ сакъ, и проговорилъ Толкунову совершенно спокойно:

— Съ этими истеричными должно быть крайне строгимъ... Они подчиняютъ своему вліянію всѣхъ окружающихъ, заражаютъ

ихъ своими капризами, своей возбужденностью и раздражительностью. Мнѣ кажется, что это—крайнее состояніе, до котораго могутъ дойти возбужденные нервы, если ихъ не сдерживать своей волей и разсудкомъ... И еслибы мы не обуздывали этой воли нашихъ страстей и похотей,— привычка вездѣ предъявитъ свои права неуклонно и повелительно.

Въ это время снова постучались торопливо въ дверь, и Люба проговорила дрожащимъ и плаксивымъ голосомъ:

— Водя... Съ ней дѣлается дурно... Она жалуется на жестокія спазмы.

Немировскій быстро поднялся съ кресла.

— Ну, вотъ видите!..— сказалъ онъ, и въ его голосѣ послышалось торжество его доктрины.—Пойдемте!..

И онъ быстро двинулся и пошелъ въ комнату Вѣры. Толкуновъ пошелъ за нимъ; встрѣтивъ за дверью Любу,—обнялъ ее и пошелъ съ ней вмѣстѣ. А она быстрымъ шопотомъ передавала ему, что случилось что-то ужасное.

Вѣра сидѣла на постели, плакала и стонала и постоянно качалась, хватаясь за горло.

— Вотъ! вотъ! — заговорила она хриплымъ, сдавленнымъ шопотомъ, когда Немировскій вошелъ.—Душитъ! Душитъ какой-то комъ!..—и она всхлипывала и металась.

— Никакого кома нѣтъ!—закричалъ на нее Немировскій и взялъ ее за руку.— Вы должны успокоиться сейчасъ же и заснуть... Слышите!.. Я желаю, чтобы вы успокоились... Гдѣ, какой у васъ комъ?—Никакого кома нѣтъ.

И онъ слегка потиралъ руками ея горло, а ея физіономія при этомъ становилась спокойною, на ея красивыхъ, алыхъ губахъ показалась улыбка.

— Ложитесь!..—сказалъ повелительно Немировскій.

И она покорно опустила голову на подушки и легла, смотря какимъ-то дѣтскимъ, умоляющимъ взглядомъ на Немировскаго.

Онъ сѣлъ на стулъ, подлѣ ея изголовья, и положилъ свою крѣпкую, смуглую руку, обросшую волосами, на постель, а она взяла ее въ свои руки и, какъ шаловливый ребенокъ, смотрѣла на него покорно.

— Ну, спите же, спите!.. Теперь уже поздно.—И она закрыла глаза и вся затихла.

А Немировскій, не отнимая отъ нея руки, продолжалъ смотрѣть на нее упорно своими блестящими, немигающими глазами.

Н. П. Вагнеръ.

ТРИ НѢМЕЦКІЯ СТИХОТВОРЕНІЯ ПРЕШИРНА [1])

I.

Возлюбленная и—я.

Если буду гдѣ я названъ между нѣмцевъ, какъ поэтъ,
И услышишь ты отъ франта: „Вы знакомы съ нимъ иль нѣтъ?“ —
Отвѣчай открыто, гордо, правду вслухъ ему рубя,
Что поэтомъ и героемъ сталъ я только чрезъ тебя.

И скажи ему,—лишь могъ бы дивный онъ понять разсказъ,—
Какъ любовь со дня созданья по вселенной разлилась,
Какъ она къ дѣламъ великимъ возжигаетъ всѣ сердца
И въ вѣкахъ грядущихъ сѣетъ жатву счастья безъ конца!

А меня какъ только спросятъ, кто любви моей предметъ,—
Объявлю я безъ запинки этимъ карликамъ въ отвѣтъ:
—Дама грёзъ моихъ—свобода! Что жъ потупили вы взоръ?
Или вы смотрѣть на солнце не умѣете въ упоръ?

[1]) Францъ Преширнъ, или, по другому выговору, Прешернъ (France Prešéren)—лучшій славянскій поэтъ (1800—1849), юбилей котораго праздновался 3 декабря (20 ноября) прошлаго года. Эти три стихотворенія найдены извѣстнымъ градецкимъ профессоромъ Григоріемъ Крекомъ въ перепискѣ молодого галицкаго поляка Эмилія Корытка (Korytko), сосланнаго въ 1837 г. въ Любляну и умершаго тамъ въ 1839 г. Проф. Крекъ обнародовалъ ихъ въ декабрьской книгѣ научно-литературнаго журнала „Люблянскій Колоколъ“ (Ljubljanski Zvon), вышедшей въ видѣ „Прешернова альбома“ (Prešernov album), стр. 748 и 749. Прешернъ владѣлъ нѣмецкимъ языкомъ въ совершенствѣ, но употреблялъ его въ поэзіи лишь тогда, когда имѣлъ въ виду нѣмецкихъ читателей.

Дама грёзъ моихъ—свобода! весь со всѣмъ своимъ я—твой!
Пусть закидана ты грязью: кровью грязь моею смой!
Дама грёзъ моихъ—свобода! если пасть я осужденъ,
Мнѣ глаза закрой и въ гробѣ услаждай мечтами сонъ!

1834.

II.

Въ обществѣ.

Когда я въ пестромъ былъ кругу
Средь шутокъ и веселья,
Мнѣ жарко дѣлалось въ мозгу
И въ сердцѣ, какъ съ похмелья.

И долго грезилъ я въ тиши
О подвигахъ прекрасныхъ,
О мощи доблестной души,
О пѣсняхъ сладкогласныхъ,

О мужѣ томъ, кто за своихъ
Кончины не трепещетъ,
О яркомъ солнцѣ дѣлъ благихъ,
Что вѣчнымъ свѣтомъ блещетъ.

И человѣка идеалъ
Предсталъ мнѣ вдругъ такъ ясно...
Сосѣда руку я поймалъ
И несъ на сердце страстно.

Какъ онъ взглянулъ и крикнулъ какъ:
„Съ ума вы не сошли ли?!“
Да и на что мнѣ былъ бѣднякъ?
Зачѣмъ я рылся въ гнили?

1834.

III.

Играла ты, и струнъ все слышится мнѣ пѣнье:
Ихъ звуки, что̀ лились, какъ мощная волна,
Осѣвъ на днѣ души, въ ней цѣлы всѣ сполна
И безпристрастное внушаютъ удивленье.

Порхали пальчики, какъ вѣтра дуновенье,
Цвѣты лобзаніемъ будящаго отъ сна.
Играла ты—и вновь цвѣла въ сердцахъ весна,
Всѣмъ нашимъ горестямъ даруя исцѣленье.

Царила мощью ты игры и красоты:
Такъ дивно ты дары свои соединяла,
Что—кто былъ глухъ къ игрѣ, красой того плѣняла.

Небеснымъ существомъ казалася мнѣ ты
И предо мной стоишь понынѣ, какъ живая;
Постигъ я пѣнье сферъ, игрѣ твоей внимая.

Перев. Ѳ. Коршъ.

ПОЭЗІЯ
ВЛ. С. СОЛОВЬЕВА

Поэтическая дѣятельность Вл. С. Соловьева, и при жизни, и по смерти его, оцѣнивалась чрезвычайно различно. Одни полагали и полагаютъ, что поэтическое дарованіе Вл. С. Соловьева было очень умѣренное; что писалъ онъ стихи между дѣломъ; что къ своему поэтическому призванію онъ относился слегка; что сборникъ стихотвореній, оставленный имъ въ наслѣдство русскому обществу, есть маловажный и случайный придатокъ къ его истинно-цѣнному философскому наслѣдію. Другіе полагали и полагаютъ, что поэтическое дарованіе Вл. С. Соловьева было выходящее изъ ряду вонъ; что писалъ онъ стихи по нѣкоторой серьезной внутренней потребности; что служеніе поэта ставилъ онъ въ общемъ даже чрезмѣрно высоко; что небольшая серія опубликованныхъ имъ поэтическихъ произведеній есть необходимая часть его жизненнаго подвига. Забывая о томъ, что поэтическое творчество проявляется не въ одномъ только стихосложеніи, представители отрицательнаго направленія легко упускали изъ виду, что у Вл. С. Соловьева найдется немало доказательствъ поэтической правоспособности и въ его прозаическихъ сочиненіяхъ философскаго и богословскаго характера. Столь же неосновательно забывая о томъ, что Вл. С. Соловьевъ былъ, дѣйствительно, очень крупной философской силой,—представители положительнаго направленія готовы были утверждать, что Вл. С. Соловьевъ и въ своихъ философскихъ построеніяхъ не шелъ дальше поэтическихъ грёзъ, замѣнившихъ для него строго-послѣдовательное разсудочное изученіе. Оказывается, однимъ

словомъ, что для однихъ Вл. С. Соловьевъ вовсе не былъ поэтомъ, а для другихъ онъ только и былъ поэтомъ.

Это поразительное разномысліе, наличности котораго никто, конечно, отрицать не будетъ, заслуживаетъ само по себѣ величайшаго вниманія. Неужели, въ самомъ дѣлѣ, нельзя разобраться въ такомъ, казалось бы, простомъ вопросѣ: поэтъ или не-поэтъ извѣстный литературный дѣятель, сошедшій въ могилу хотя и преждевременно, но все-же послѣ двадцатипятилѣтнихъ трудовъ въ области слова?

Мы знаемъ, что въ наше время скороспѣлыхъ критическихъ сужденій и раздробленныхъ литературныхъ интересовъ многимъ покажется совершенно излишнимъ задумываться надъ причинами указываемаго нами разномыслія. Скажутъ: о чемъ же тутъ разсуждать? Очевидно, виноватъ во всемъ самъ мнимый или дѣйствительный поэтъ, которому чего-то не хватало, чтобы всѣхъ согласить и объединить. Плоха та поэзія, наличность которой нужно доказывать,—сомнительна и та поэзія, которая отождествляется съ философіей. И произнеся подобный приговоръ, скорый и немилостивый, многіе успокоятся въ сознаніи своей непреложной правоты.

Позволяемъ себѣ, однако думать, что далеко не всѣ такимъ приговоромъ удовлетворятся. Слишкомъ онъ узокъ и односторонненъ, слишкомъ звучитъ въ немъ откровенное желаніе поскорѣе сбыть дѣло съ рукъ, какъ очередную канцелярскую бумагу, которую нужно поскорѣе „очистить“. Но какъ бы мы ни расходились во взглядахъ на значеніе всего того, что было совершено покойнымъ, всѣ, однако, согласны въ одномъ: безспорно, это былъ человѣкъ чрезвычайно талантливый, отмѣченный высокими духовными дарованіями.

Вдумываясь въ причины коренного разногласія въ сужденіяхъ о поэтическомъ творчествѣ Вл. С. Соловьева, мы приходимъ къ тому заключенію, что все дѣло—въ неправильно выбранной точкѣ зрѣнія. Большинство судей, какъ отрицательнаго, такъ и положительнаго направленія, смотритъ на Вл. С. Соловьева съ той узкой точки зрѣнія, которая требуетъ, чтобы ученый былъ только ученымъ, философъ только философомъ, богословъ только богословомъ, художникъ только художникомъ,—и которая совершенно пренебрегаетъ цѣльной человѣческой личностью. Едва-ли стоитъ много распространяться о томъ, что такая узкая точка зрѣнія, не безъ причины упрочившаяся, имѣетъ за себя весьма многое; достаточно припомнить хотя бы то, что говорится обыкновенно о людяхъ, склонныхъ къ смѣшенію

„ремеслъ“, и чуть ли не каждый изъ насъ устыдится самомалѣйшаго сомнѣнія въ правомѣрности этой точки зрѣнія. А между тѣмъ приходится сознаться, что заурядное и на этотъ разъ насъ обманываетъ: то, что̀ представляется намъ привычнымъ, какъ бы единственно правильнымъ и возможнымъ, есть, въ сущности, полная противоположность тому, чего домогается нашъ духъ, къ чему стремится историческое человѣчество, въ чемъ полагается идеалъ будущаго. И нужно, думается намъ, неустанно повторять, что отрывочность явленій міра и жизни,—на что̀ всѣ такъ жалуются,—поддерживается именно тѣмъ, что въ ущербъ глубокому внутреннему единству нашего духа ученый есть только ученый, философъ только философъ, богословъ только богословъ, художникъ только художникъ. Конечно, высказываясь въ этомъ смыслѣ, мы должны предостерегать и себя, и другихъ, отъ ложныхъ выводовъ изъ этого безспорно вѣрнаго положенія. Было бы очень прискорбно, еслибы, напр., положеніе это уполномочило какого-нибудь ученаго, пользующагося при своей научной работѣ научнымъ типомъ познанія, примѣнить къ занимающему его дѣлу типъ познанія философскій, или религіозный, или художественный. Требуется не смѣшеніе типовъ познанія, а наоборотъ, строгое различеніе ихъ. Но не менѣе прискорбно было бы и то, еслибы изъ-за этого различенія мы отказались отъ цѣлостнаго единства нашей духовной природы, и ради плодовъ, доставляемыхъ однимъ типомъ познанія, пожертвовали плодами, доставляемыми другими типами. Требуется не разъединеніе плодовъ познанія, а всяческое сочетаніе ихъ.

Узкая, заурядная точка зрѣнія оказывается такимъ образомъ далеко не истинной точкой зрѣнія. Въ отношеніи мелкой, будничной дѣйствительности, недостаточность этой точки зрѣнія еще можетъ быть оспариваема; но стоитъ примѣнить ее къ факту или лицу крупному, и мы сразу же убѣждаемся, что тутъ что-то не совсѣмъ такъ.

Не то же ли самое постигаетъ эту точку зрѣнія и тогда, когда ее примѣняютъ къ Вл. С. Соловьеву какъ поэту? Представители отрицательнаго направленія, очевидно, не прочь признать въ Вл. С. Соловьевѣ значительное явленіе русской философской мысли; иные изъ нихъ склонны выдвигать на первое мѣсто его богословскіе труды, его публицистическія разсужденія и т. д. На-ряду съ этими проявленіями его духовной жизни, сравнительно небольшой сборникъ его стихотворныхъ пьесъ представляется имъ мелочью, которую можно спокойно оставить въ сторонѣ. Сверхъ того, многія изъ этихъ пьесъ запечатлѣны

какимъ-то мистическимъ и символическимъ характеромъ; большинство ихъ вращается, повидимому, въ сферѣ личнаго чувства; звуковъ музы мести и печали, столь доступныхъ обездоленному большинству, въ нихъ почти вовсе не слышно. Значительный философъ и незначительный поэтъ—„das ist der langen Rede kurzer Sinn!“ Представители положительнаго направленія берутъ дѣло съ обратной стороны. Тяготѣя нѣсколько одностороннимъ образомъ къ міру искусства, къ царству поэзіи, они жадно подхватываютъ въ дѣятельности Вл. С. Соловьева поэтическіе элементы ея, и такъ какъ широкая струя поэзіи, исходившая отъ всей его личности, не могла быть не замѣчена ими, то понятно, что неоднократно названный сборникъ стихотвореній дѣлался ихъ настольною книгою, заслоняя собою все прочее въ дѣятельности излюбленнаго автора. Разбираться въ его философскихъ, богословскихъ и ученыхъ трудахъ—задача нелегкая; такъ-называемые свѣдущіе люди не разъ жаловались даже въ печати, что Вл. С. Соловьевъ пишетъ прозой неудобопонятной; что онъ нерѣдко мѣнялъ свои воззрѣнія; что онъ не далъ ничего цѣльнаго и законченнаго. Положимъ, и въ стихотвореніяхъ его найдется немало загадочнаго и таинственнаго; впрочемъ, въ поэзіи съ этими явленіями примиряются безъ особаго затрудненія. Въ результатѣ:—значительный поэтъ и незначительный философъ.

Мы беремъ на себя смѣлость утверждать, что Вл. С. Соловьевъ, будучи очень значительнымъ философомъ, былъ и поэтомъ значительнымъ. Можно сказать даже больше: чѣмъ выше оцѣнивается значительность Вл. С. Соловьева какъ философа, тѣмъ выше должна оцѣниваться его значительность и какъ поэта. А чтобы выразить здѣсь же всю нашу мысль, прибавимъ, что мы признаемъ Вл. С. Соловьева не менѣе значительнымъ богословомъ и ученымъ. Чрезвычайная и исключительная сила этой неотразимо—для всѣхъ почти—привлекательной личности и состояла, по нашему мнѣнію, именно въ томъ, что въ немъ счастливѣйшимъ образомъ сотрудничали всѣ четыре типа познанія, и такимъ же счастливѣйшимъ образомъ сочетались плоды всѣхъ этихъ познаній. Именно въ этомъ могучемъ синтезѣ, не усматриваемомъ тѣми, кто упорно держится упомянутой выше узкой точки зрѣнія, и кроется все обаяніе Вл. С. Соловьева, все его, такъ сказать, провиденціальное, прообразовательное значеніе.

Какимъ именно образомъ происходитъ въ душѣ человѣка это объединеніе различныхъ типовъ познанія, и какимъ именно образомъ сочетаются въ ней въ стройную систему цѣльнаго знанія плоды этихъ разнородныхъ познаній,—мы не знаемъ. Это—одна

изъ величайшихъ загадокъ нашей духовной организаціи, почти недоступная разслѣдованію. Здѣсь коренится, во всякомъ случаѣ, наше дѣйствительное право именоваться личностями, право, ставящее человѣка такъ неизмѣримо высоко надъ всей прочей живой природой. Здѣсь же подлинное основаніе и нѣкоторое оправданіе мистики, отъ которой человѣчество никогда не могло освободиться полностью.

Поэтическая значительность Вл. С. Соловьева обусловливается такимъ образомъ тѣмъ, что въ его душѣ голосъ искусства говорилъ такъ, какъ онъ долженъ говорить въ душѣ цѣльной. Вопросъ о количественныхъ размѣрахъ его поэтической производительности отступаетъ при этомъ на задній планъ. Важно не то, много или мало поэтическихъ произведеній написалъ Вл. С. Соловьевъ; важно то, что вообще онъ не былъ только поэтомъ; что въ его поэтической дѣятельности мы чуемъ присутствіе и философа, и богослова, и ученаго. Онъ не уходилъ въ искусство отъ философіи, религіи и науки, но точно также онъ и не заставлялъ искусство служить чуждымъ ему цѣлямъ. Его поэзія не есть поэзія, отрѣшенная отъ всего, что не есть искусство,—но вмѣстѣ съ тѣмъ его поэзія не есть поэзія философствующая, религіозная, учительная. Сохраняя самостоятельность художественнаго типа познанія, свидѣтельствуя о несліянности этого типа съ другими типами познанія, Вл. С. Соловьевъ показываетъ намъ, однакоже, что художественный типъ познанія и можетъ, и долженъ быть нераздѣльнымъ съ другими типами. Мы часто не отдаемъ себѣ отчета въ безмѣрной важности для насъ этой несліянности и нераздѣльности, а упомянутая выше заурядная точка зрѣнія требуетъ даже какъ бы одной несліянности и забываетъ о нераздѣльности. Но извѣчная природа нашего духа сильнѣе нашего ограниченнаго временнаго благоразумія, и мы невольно тянемся къ тѣмъ, кто всей своей жизнью удостовѣряетъ насъ въ наличности не одной только несліянности, но и нераздѣльности. Не удивительно поэтому, что нашлись люди, готовые истолковывать цѣльность Вл. С. Соловьева въ томъ смыслѣ, что онъ былъ только философъ, или только поэтъ.

Итакъ, мы въ правѣ сказать какъ представителямъ отрицательнаго направленія, такъ и представителямъ положительнаго направленія, что въ оцѣнкѣ поэтическаго творчества Вл. С. Соловьева они уклоняются отъ истины приблизительно въ равной мѣрѣ. Грѣшатъ они въ разныя стороны, но источникъ ошибки—сходный: Вл. С. Соловьевъ не былъ ни только философомъ, ни

только поэтомъ. Цѣнность его поэтическаго наслѣдства опредѣляется не тѣмъ, чѣмъ онъ былъ какъ поэтъ, отрѣшенный отъ философа, богослова и ученаго, а тѣмъ, чѣмъ онъ былъ какъ цѣльная человѣческая личность, давшая возможно широкое развитіе всѣмъ наличнымъ типамъ познанія и въ частности открывшая необходимый просторъ и художественному типу познанія.

Выяснивъ, до нѣкоторой степени, свой общій взглядъ на поэтическую дѣятельность Вл. С. Соловьева, мы постараемся теперь отмѣтить нѣсколько частныхъ особенностей его поэтическаго творчества, оправдывающихъ этотъ общій взглядъ.

Укажемъ прежде всего на то, что поэзія Вл. С. Соловьева, несмотря на относительно небольшое число его стихотворныхъ произведеній, есть поэзія весьма богатая темами и многосторонняя. Вл. С. Соловьевъ отозвался въ этихъ стихотвореніяхъ и на общіе вопросы искусства, философіи, религіи и науки, и на общіе вопросы жизни—какъ народной, общественной, такъ и личной; наряду съ пѣснями о природѣ, мы находимъ у него любовную лирику, со всей сложной гаммой соотвѣтствующихъ чувствъ; въ перемежку съ пьесами, имѣющими автобіографическій интересъ, идутъ пьесы, въ которыхъ личный элементъ какъ бы совершенно отсутствуетъ. Богатство и разнообразіе темъ свидѣтельствуютъ, конечно, о томъ, что занятія поэзіей были для Вл. С. Соловьева не столько отдыхомъ отъ другихъ его занятій, сколько прямымъ и невольнымъ продолженіемъ ихъ. Въ немъ шла большая и сложная внутренняя работа,—и въ соотвѣтствіи съ этой работой оказывается и его поэтическое творчество, запечатлѣнное тѣмъ же общимъ духомъ. Мы не хотимъ этимъ сказать, чтобы онъ принадлежалъ къ числу тѣхъ людей, которые, какъ будто, всѣмъ интересуются, но на самомъ дѣлѣ заняты одной только заботой, какъ бы наполнить свою внутреннюю пустопорожность. Онъ зналъ, безъ сомнѣнія, то „единое на потребу“, то единое „интересное“, ради чего стоитъ жить. Но онъ зналъ также, что этого „единаго“ нужно искать во всемъ и на всѣхъ путяхъ познанія. И онъ безъ колебанія отдавался поэтическому вдохновенію, способному открыть ему доступъ туда, куда не могли ввести его ни наука, ни философія, ни религія, по самымъ различнымъ поводамъ. Содержательность поэзіи Вл. С. Соловьева представляется намъ поэтому очень высокой, несмотря, повторяемъ, на то, что общее число написанныхъ имъ стихотвореній невелико. Его цѣльной, богато одаренной душѣ, пользовавшейся несліянно и

нераздѣльно всѣми наличными типами познанія, открывалось „единое на потребу“ полнѣе и лучше, чѣмъ очень и очень многимъ,—и въ своемъ поэтическомъ творчествѣ, сторонившемся отъ всего, что было чуждо этому „единому на потребу“, онъ умѣлъ находить многое въ немногомъ. Поэтическаго празднословія, игры въ стихосложеніе и риѳмоплётства у Вл. С. Соловьева вовсе нѣтъ, если имѣть въ виду пьесы, признанныя имъ достойными опубликованія, а также и то, что облеченное имъ въ форму стиха жило не только собственною жизнью искусства, но и отраженною жизнью другихъ типовъ познанія. Читая и перечитывая его стихотворенія, мы невольно пріобщаемся къ этому многозначительному жизненному процессу и выносимъ изъ этого чтенія то общее убѣжденіе, что передъ нами нѣчто многообразное, оригинальное и сильное, нашедшее достойное себя поэтическое выраженіе.

Бросается, далѣе, въ глаза, что всѣ стихотворенія Вл. С. Соловьева, хотя писаны они на протяженіи цѣлой четверти вѣка, —проникнуты глубокимъ внутреннимъ сродствомъ, глубокимъ внутреннимъ единствомъ. Распредѣливъ всѣ пьесы на нѣсколько логически обособленныхъ группъ и подвергнувъ затѣмъ подробному разбору каждую группу въ отдѣльности, мы находимъ полное согласіе не только въ предѣлахъ каждой группы, но и въ совокупности всѣхъ группъ. Это обстоятельство прямо-таки поражаетъ, если принять во вниманіе, какой сложной, повидимому, путь духовнаго развитія прошелъ нашъ поэтъ. Для насъ лично загадка объясняется, однакоже, просто. Вл. С. Соловьевъ, какъ натура цѣльная, былъ натурой искренней, а потому и въ поэзіи онъ оставался вѣренъ самому себѣ. Будучи же натурой цѣльной въ истинномъ смыслѣ этого слова, онъ и путь своего развитія проходилъ, оставаясь цѣльнымъ, какъ бы порой ни казалось, что онъ впадаетъ въ противорѣчіе съ самимъ собою. То, что представляется на первый взглядъ противорѣчіемъ, есть на самомъ дѣлѣ не противорѣчіе, стоящее особнякомъ и самодовлѣющее, а лишь одинъ изъ моментовъ развитія, который не долженъ разсматриваться внѣ связи съ предыдущимъ и послѣдующимъ. Въ теченіе всей своей жизни Вл. С. Соловьевъ шелъ по одному опредѣленному пути, все впередъ и впередъ, но при этомъ онъ, конечно, неизбѣжно и неоднократно продѣлывалъ то, что продѣлываетъ каждый, кто развиваетъ свое идейное содержаніе: тезисъ смѣнялся антитезисомъ, чтобы затѣмъ завершиться синтезомъ, который впослѣдствіи становился новымъ тезисомъ, и т. д. Но эта смѣна не нарушала единства плана, не нарушала, главнымъ образомъ, потому, что развивалась единая цѣльная личность, а не та или

другая сторона ея. Вникая въ судьбу тѣхъ, кто по тѣмъ или другимъ причинамъ не становился сразу на истинный, достойный цѣльнаго человѣка путь, мы встрѣчаемся постоянно съ однимъ и тѣмъ же явленіемъ: развивая тотъ или другой типъ познанія по преимуществу, или даже исключительно, человѣкъ съ роковою необходимостью впадаетъ въ односторонность и во внутреннее противорѣчіе съ самимъ собою; подавленное или отстраненное начинаетъ смутно или отчетливо заявлять о своихъ правахъ, ибо права эти, въ сущности, никакими силами не могутъ быть упразднены окончательно, и душа наполняется смутой; происходятъ внутренніе переломы и надрывы, иногда столь мучительные и тяжелые по послѣдствіямъ. Въ результатѣ—передъ нами какъ бы не одна личность, а нѣсколько, притомъ борющихся между собою и преисполненныхъ жажды взаимнаго истребленія. Сдѣланное сегодня оказывается совершенно отличнымъ отъ того, что̀ было сдѣлано вчера, и отъ того, что̀ будетъ сдѣлано завтра; сегодняшнее *я* отрицаетъ *я* вчерашнее и не поручится за *я* завтрашнее. Нельзя, конечно, отрицать глубокой поучительности подобныхъ кризисовъ, но считать ихъ неизбѣжными и, во что̀ бы то ни стало, желательными—также нельзя. Какъ бы то ни было, подобными кризисами дѣятельность Вл. С. Соловьева не тормазилась и не омрачалась, и на его поэзіи, являющейся вѣрнымъ отраженіемъ исторіи его души, лежитъ печать самаго безспорнаго единства, соотвѣтствующаго основной цѣльности его духовной личности.

Есть еще общій признакъ, характеризующій поэтическое творчество Вл. С. Соловьева, это—его, такъ сказать, благообразное, примиренное настроеніе. Муза его не вопитъ, не рветъ на себѣ волосъ, не корчится въ судорогахъ гнѣва и ненависти, не теряетъ мѣры ни въ радости, ни въ горести. Такой характеръ поэтическаго вдохновенія Вл. С. Соловьева заслуживаетъ тѣмъ бо̀льшаго вниманія, что по своему темпераменту покойный вовсе не былъ олицетвореннымъ прекраснодушіемъ, легко мирящимся со всѣми и всѣмъ. Наоборотъ, это была натура страстная, увлекающаяся, не боящаяся бурь, способная на смѣлыя и рискованныя дѣла; притомъ, въ душѣ Вл. С. Соловьева былъ порядочный запасъ искрящагося остроумія, которое поощряетъ на разнаго рода крайности. И несмотря на все это, поэзія Вл. С. Соловьева тиха—въ лучшемъ и благороднѣйшемъ смыслѣ слова. Тишина ея производитъ необыкновенно благостное, чарующее и умиро-

творяющее впечатлѣніе на читателя, который, дѣйствительно, овладѣваетъ имъ. Можетъ быть, мы и не поддавались бы этому впечатлѣнію такъ охотно, еслибы мы не чуяли за этой тишиной глубокихъ внутреннихъ горѣній и кипѣній. Безспорно, тишина, льющаяся въ нашу душу изъ поэзіи Вл. С. Соловьева, есть тишина одолѣвшей себя силы, а не тишина безсилія; въ ней чувствуется затаенная страстность, какая-то сдержанная, но напряженная мощь, которая вотъ-вотъ разрядится. Только больные и разслабленные, изувѣченные въ конецъ жизнью, только вялые флегматики, принесшіе съ собою въ жизнь постыдное равнодушіе къ добру и злу, могутъ наслаждаться тишиной безсилія, которая никому, никогда и ни на что не нужна; другое дѣло — тишина одолѣвшей себя силы, вводящая въ мѣру даже безмѣрное: подъ сѣнью этой тишины можно не только отдыхать, но и жить, и даже не только можно, но и должно. И если спросить себя, откуда же взялась эта тишина въ поэзіи Вл. С. Соловьева, то опять-таки приходится указать прежде всего на цѣльность его духа въ разъясненномъ выше смыслѣ слова. Повседневное наблюденіе учитъ, что душевное равновѣсіе, при значительности душевнаго содержанія, достигается не столько черезъ обогащеніе познаніями того или другого типа, взятыми въ отдѣльности, сколько черезъ гармоническое сочетаніе всего того, что творится нашимъ духомъ на всѣхъ путяхъ, ведущихъ къ цѣльной истинѣ. Конечно, тутъ возможны самые разнообразные оттѣнки и переходы, которые разбирать подробно нѣтъ надобности. Нѣтъ нужды также прибавлять, что именно въ художественной дѣятельности, порождаемой любовью и влекущей къ любви, особенно важное значеніе принадлежитъ гармоническому объединенію различныхъ типовъ познанія. Но если даже мы и будемъ колебаться при томъ или другомъ рѣшеніи относящихся сюда теоретическихъ вопросовъ въ ихъ общей формѣ,—все-же въ данномъ частномъ случаѣ сущность дѣла именно такова, какъ указано выше. Вчитываясь въ стихотворенія Вл. С. Соловьева, проникаешься очень быстро увѣренностью, что его муза, исполненная тишины одолѣвшей себя силы, и не можетъ быть другою, такъ какъ въ душѣ поэта живетъ не только основательное научное знаніе, но и разумно оправдываемая философская надежда, и живая, сердечная религіозная вѣра, и цѣломудренная, истинно-художественная любовь къ прекрасному. И каковы бы ни были темныя природныя влеченія у нашего поэта, они должны были озариться свѣтомъ этихъ четырехъ свѣточей, горѣвшихъ въ душѣ его безъ помѣхи другъ другу, безъ копоти и чада.

Называя поэзію Вл. С. Соловьева богатой и многосторонней по темамъ, внутренно-объединенной, исполненной тишины одолѣвшей себя силы, и поставляя эти признаки въ связь съ общими свойствами душевнаго склада нашего поэта, мы остаемся въ предѣлахъ формальной характеристики, не имѣющей исчерпывающаго значенія. Необходимо представить характеристику самаго существа этой поэзіи, насколько это выполнимо въ краткомъ очеркѣ, не задающемся спеціальными цѣлями.

Но что значитъ представить существенную характеристику извѣстнаго поэтическаго содержанія, да еще въ общемъ видѣ? Вряд-ли кто-нибудь потребуетъ отъ насъ при этомъ обстоятельнаго обзора содержанія всѣхъ пьесъ, съ указаніемъ частныхъ поэтическихъ идей и образовъ, съ оцѣнкой наиболѣе удачныхъ стиховъ и выраженій. Не отказываясь отъ намѣренія скрасить этотъ очеркъ нѣкоторыми цитатами и разсчитывая снабдить эти цитаты кое-какими объяснительными примѣчаніями, мы полагаемъ, что предварительно необходимо выяснить, какой общій смыслъ выносится изъ ближайшаго ознакомленія съ содержаніемъ всего сборника, къ чему сводится это содержаніе въ своихъ основныхъ идеяхъ и образахъ.

По существу содержанія, поэзія Вл. С. Соловьева есть поэзія красоты, облекающей все живое, истинно-сущее, всеединое. Такого содержанія у другихъ поэтовъ мы не находимъ, и въ этомъ — своеобразный, индивидуальный смыслъ поэзіи Вл. С. Соловьева. Какъ бы ни были сходны отдѣльныя темы его стихотвореній съ темами, разработанными другими поэтами, какъ бы ни сходился онъ съ ними въ употребленіи нѣкоторыхъ образовъ и выраженій, —содержаніе его поэзіи безспорно оригинальное, собственное, а не заимствованное. И всякому, кто хотя нѣсколько потрудился надъ усвоеніемъ поэтическаго содержанія Вл. С. Соловьева, какъ цѣльной личности, покажутся, безъ сомнѣнія, произвольными и неудачными попытки сближать Вл. С. Соловьева то съ Тютчевымъ, то съ гр. А. Толстымъ, то съ Фетомъ,—сближать почти до полнаго отождествленія. Происхожденіе этихъ попытокъ мы можемъ объяснить себѣ, лишь сдѣлавъ два предположенія: одни, утвердившись во взглядѣ на Вл. С. Соловьева, какъ на поэта весьма незначительнаго, при значительности философской, ищутъ, чѣмъ бы подпереть философа со стороны собственно поэтической; другіе же, исходя изъ противоположнаго взгляда на Вл. С. Соловьева, какъ на поэта чрезвычайно значительнаго при незначительности философской, ищутъ, откуда бы позаимствовать для поэта философское содержаніе; а такъ какъ поименованные

выше поэты давно упрочили за собою славу поэтовъ философствующихъ, то и сближеніе готово. Конечно, было бы ошибочно отрицать всякое поэтическое родство между Вл. С. Соловьевымъ и упомянутой тріадой, но вѣдь отъ родства до отношеній ученичества и подражательности еще очень далеко. Отвергая сближеніе Вл. С. Соловьева съ Тютчевымъ, гр. А. Толстымъ и Фетомъ,—сближеніе, доходящее до почти полнаго отождествленія,—мы отвергаемъ не родство, а идейное подчиненіе, отвергаемъ ту неосновательную догадку, будто бы Вл. С. Соловьевъ свѣтилъ въ области поэзіи заимствованнымъ и отраженнымъ свѣтомъ, а не свѣтился самъ собою. Особенно много странныхъ толковъ вызывали отношенія Вл. С. Соловьева къ Фету, мнѣніями и сужденіями котораго въ области лирической поэзіи онъ, дѣйствительно, очень дорожилъ. Не желая вторгаться въ біографическія подробности, мы считаемъ себя, однакоже, въ правѣ напомнить, что эти отношенія не должны быть оцѣниваемы одностороннимъ образомъ. Есть достаточные поводы утверждать, что не мало обязанъ былъ, въ свою очередь, и Фетъ—Вл. С. Соловьеву. Какъ бы, впрочемъ, то ни было, Вл. С. Соловьевъ вкладывалъ въ свою поэзію свою душу, а не чужую, и поэзія его, по своему основному содержанію, никогда не была поэзіей перепѣвовъ.

Идея живого, истинно-сущаго, всеединаго, господствующая идея Вл. С. Соловьева, обосновывается съ помощью различныхъ типовъ познанія, и уже по одному этому достойна всяческаго вниманія. Въ нашу задачу не входитъ, конечно, воспроизведеніе хотя бы вкратцѣ всего того, что составляетъ содержаніе этой идеи и что служитъ къ обоснованію ея. Считаемъ полезнымъ указать мимоходомъ лишь на то, что идея живого, истинно-сущаго, всеединаго не можетъ быть даже приблизительно усвоена тѣмъ, кто отказывается отъ художественнаго типа познанія, кто остается совершенно чуждымъ внутренно міру искусства, у кого нѣтъ влеченія обнять художественною любовью научную истину, философскую надежду и религіозную вѣру. Идея всеединства можетъ быть выработана путемъ научнаго изысканія; идея истинно-сущаго можетъ быть плодомъ философскаго созерцанія; идея живого, истинно-сущаго, можетъ быть порождена религіознымъ самоуглубленіемъ въ запросы нашего духа; но идея живого, истинно-сущаго, всеединаго, какъ одно цѣлое, является передъ нашимъ сознаніемъ въ полной силѣ лишь тогда, когда научное изысканіе, философское созерцаніе и религіозное самоуглубленіе сочетаются съ художественнымъ постиженіемъ. Оказывается такимъ образомъ, что господствующая идея Вл. С. Соловьева уже сама по себѣ

свидѣтельствуетъ о томъ особомъ его душевномъ складѣ, на который мы ссылались раньше; приходится вмѣстѣ съ тѣмъ признать, что не только въ силу общаго богатства дарованій, открывавшаго Вл. С. Соловьеву доступъ въ царство поэзіи, но и въ силу основного характера его міросозерцанія, требовавшаго пользованія даромъ художественнаго постиженія, заговорила муза нашего поэта. А это вѣдь, въ свою очередь, и значитъ, что поэтическая дѣятельность Вл. С. Соловьева была, дѣйствительно, не случайной забавой, а дѣломъ важнымъ и нужнымъ,—важнымъ и нужнымъ прежде всего для самого поэта.

Эстетическія воззрѣнія Вл. С. Соловьева могутъ быть легко выражены въ немногихъ словахъ, принадлежащихъ по бо́льшей части ему же.

„Истина, — говоритъ онъ въ „Критикѣ отвлеченныхъ началъ", — не только вѣчно *есть* въ Богѣ, но и *становится* въ человѣкѣ, а это предполагаетъ, что въ послѣднемъ она еще не есть, предполагаетъ въ немъ двойственность между истиною (всеединствомъ), какъ идеаломъ, и неистиною (отсутствіемъ всеединства), какъ фактомъ или наличною дѣйствительностью,—предполагаетъ, что эта наша дѣйствительность не соотвѣтствуетъ правдѣ Божіей. Соотвѣтствіе между ними, еще не существующее, только устанавливается въ процессѣ міровой жизни, поскольку истина становится въ дѣйствительности". И „если въ нравственной области (для воли) всеединство есть абсолютное благо, если въ области познавательной (для ума) оно есть абсолютная истина, то *осуществленіе всеединства во внѣшней дѣйствительности, его реализація или воплощеніе въ области чувствуемаго матеріальнаго бытія, есть абсолютная красота*" *). А „такъ какъ *эта реализація всеединства* *) еще не дана въ нашей дѣйствительности, въ мірѣ человѣческомъ и природномъ, а только совершается здѣсь, и притомъ совершается посредствомъ насъ самихъ, то она *является задачею для человѣчества, и исполненіе ея есть искусство*" *)—великое и таинственное искусство, вводящее все существующее въ форму красоты.

Такимъ образомъ, задача искусства оказывается чрезвычайно высокой и сложной — она сводится къ опознанію извѣстныхъ формъ реализаціи и къ самой реализаціи нѣкотораго опредѣленнаго порядка личной, общественной, народной, міровой жизни—порядка всеединства, какъ безусловно желательнаго, всячески достолюбезнаго. Разные виды искусства осуществляютъ эту за-

*) Нашъ курсивъ.

дачу различными свойственными имъ способами, но одинъ видъ искусства властвуетъ надъ всѣми, а именно искусство слова, однимъ изъ частныхъ обнаруженій котораго и является поэтическое творчество.

Идеальный образъ поэта, вполнѣ обнявшаго смыслъ своего призванія, есть образъ *пророка*, получившій такое яркое выраженіе у богоизбраннаго народа. „Жрецы,—замѣчаетъ Вл. С. Соловьевъ въ „Исторіи и будущности теократіи", — приносятъ жертвы и читаютъ тору; цари воюютъ и судятъ—для чего? Для жизни народа, т.-е. для того, чтобы люди могли съ внутреннимъ спокойствіемъ и внѣшнею безопасностью ѣсть, пить и, произведя потомство, умереть. Но въ такомъ случаѣ цѣль есть не жизнь, а смерть, т.-е. отрицаніе всякой цѣли. Избѣжать этого заключенія можно только вѣрою и упованіемъ грядущаго царства живого Бога. Объ этомъ царствѣ народъ узнаетъ и пріуготовляется къ нему не жрецами и царями, а пророками. Только зиждители будущаго даютъ смыслъ и значеніе хранителямъ настоящаго"... Безусловно желательный порядокъ міровой жизни, призываемый пророками и опредѣляющій отношенія всѣхъ существъ какъ свободную теократію, и есть грядущее царство Божіе. И „несмотря на первобытныя формы, въ которыхъ мы находимъ иногда пророческое служеніе въ Ветхомъ Завѣтѣ, существенный смыслъ этого служенія всегда остается внѣ сомнѣнія. Свободныя орудія Духа Божія, непосредственные выразители высшей воли, пророки всегда являются для Израиля носителями его будущаго богочеловѣческаго союза"... составляющаго совершенную цѣль теократической исторіи. „Тогда какъ жреческая власть представляетъ собою sacrum, *отдѣленное* отъ profanum, божественное и духовное въ его *противоположности* съ мірскимъ, земнымъ; тогда какъ въ царской власти освящается лишь активный правящій элементъ человѣческаго общества,—въ лицѣ пророковъ *все* это общество, *весь міръ* внутренно и свободно соединяется съ Божествомъ. Пророки суть по преимуществу носители богочеловѣческаго сознанія и представители того глубочайшаго нравственнаго соединенія *всего* человѣка, ради котораго существуютъ и священство, и царство". И не удивительно послѣ этого, если „всѣ народы имѣли и имѣютъ своихъ пророковъ, т.-е. людей, особымъ, непосредственнымъ духовно-физическимъ способомъ соединенныхъ со своими богами". Къ числу людей этого, если такъ можно выразиться, пророческаго типа принадлежатъ и всѣ истинные поэты, независимо отъ размѣровъ ихъ дарованій и въ особенности независимо отъ размѣровъ ихъ дѣятельности.

„Поэзія,—по разъясненіямъ Вл. С. Соловьева въ его очеркѣ: „Значеніе поэзіи въ стихотвореніяхъ Пушкина“,—можетъ и должна служить дѣлу истины и добра на землѣ,—но только *по-своему*, только своею *красотою* и ничѣмъ другимъ. Красота уже сама по себѣ находится въ должномъ соотношеніи съ истиной и добромъ, какъ ихъ ощутительное проявленіе“... „Ни въ чемъ, кромѣ красоты, *настоящая* поэзія не нуждается: въ красотѣ—ея смыслъ и ея польза“... „Настоящая чистая поэзія требуетъ отъ своего жреца лишь неограниченной воспріимчивости душевнаго чувства, чутко послушнаго высшему вдохновенію“. Проникая изощреннымъ вниманіемъ въ жизнь природы высшей и низшей, созерцая и слыша все, что совершается, отъ прямого полета ангеловъ до извилистаго хода гадовъ, отъ круговращенія небесъ до прозябанія растенія, поэтъ-пророкъ не превращается, однакоже, весь безъ остатка въ зрѣлище и слухъ: „вѣдь это было бы *умаленіе*, а не возвышеніе человѣка“, да и „геній поэзіи не терпитъ односторонности“... „Кто прозрѣлъ, чтобы видѣть красоту міроздания, тотъ тѣмъ мучительнѣе ощущаетъ безобразіе человѣческой дѣйствительности. Онъ будетъ бороться съ нею. Его дѣйствіе и оружіе—слово правды. Онъ—не служитель внѣшняго порядка, хотя и не врагъ ему; онъ вполнѣ признаётъ его пользу, но самъ не хочетъ и не можетъ быть орудіемъ этой пользы: ни метлы, ни меча“!..

Выяснять генезисъ основной идеи Вл. С. Соловьева и соотношеніе ея съ его эстетическими воззрѣніями мы здѣсь не будемъ, такъ какъ для этого потребовалось бы слишкомъ много мѣста. Обратимъ вниманіе лишь на то, что основныхъ идей въ распоряженіи человѣчества вообще не много, а потому и не удивительно, если права на основныя идеи оспариваются другъ у друга многими. Такъ какъ, однакоже, вопросы о такъ называемомъ „пріоритетѣ“, признаваемые мелочными даже въ научной области, врядъ-ли представляютъ какой-нибудь существенный интересъ въ той области, которой мы теперь касаемся, то мы можемъ спокойно подождать результатовъ историческаго изслѣдованія и въ отношеніи Вл. С. Соловьева. Пока достаточно подчеркнуть его очевидную близость къ Платону, изученію твореній котораго онъ не безъ причины посвящалъ послѣдніе годы своей жизни, а также—черезъ Платона—и къ неоплатонизму. Не можемъ не выразить здѣсь же кстати искреннѣйшаго пожеланія, чтобы спеціалистами-философами былъ начертанъ, наконецъ, общій планъ духовнаго развитія Вл. С. Соловьева, представляющій такъ много поучительнаго. Мы убѣждены, что при такомъ

полномъ возсозданіи духовнаго образа Вл. С. Соловьева отпадутъ многіе упреки, дѣлаемые ему въ настоящее время въ виду его якобы противорѣчій самому себѣ.

Поэтъ, дѣлающій доступною намъ поэзію красоты, облекающей сущее всеединое, въ силу особаго пророческаго дара, который ставитъ его какъ бы въ непосредственную близость къ божественному, вынуждается самымъ существомъ дѣла къ облеченію своего поэтическаго содержанія въ символы, запечатлѣнные мистическимъ характеромъ. Какого бы предмета, лица́ или событія ни коснулся такой поэтъ своимъ вдохновеніемъ, онъ неизбѣжно проникаетъ въ то, что̀ скрывается за его объектомъ; а то, что̀ скрывается за объектомъ, открывается нашему сознанію лишь прообразовательно, какъ нѣкоторый знакъ или символъ; съ другой стороны, самое открытіе это совершается при наличности особаго душевнаго настроенія, рѣзко отличнаго отъ того настроенія, которымъ характеризуется заурядная разсудочная работа, и представляющагося намъ поэтому какъ нѣчто таинственное, мистическое. Отсюда объясняется обиліе символовъ въ поэзіи Вл. С. Соловьева и ея, очевидно, мистическій духъ.

Отмѣчая эту особенность поэтическаго содержанія у Вл. С. Соловьева, мы считаемъ не лишнимъ оговориться, что его символику и мистику нѣтъ ни малѣйшаго основанія отождествлять съ символикой и мистикой, выдаваемыми за dernier cri поэзіи современныхъ „декадентовъ“. Вл. С. Соловьевъ, какъ извѣстно, отмахивался обѣими руками отъ своего зачисленія въ лагерь декадентовъ, и, конечно, по причинамъ вполнѣ уважительнымъ. Вникая въ общій смыслъ декадентства, легко усмотрѣть, что это есть одна изъ формъ религіозно-мистическаго настроенія современной намъ эпохи, ищущей единой души для матеріально-объединяющагося человѣчества. Типическая, идейная основа декадентства — идеалъ сверхчеловѣка, утверждаемый внѣ историческихъ связей съ прошлымъ, безъ всякаго божества. Сообразно съ этимъ, названная форма заслуживаетъ, по праву, названія какой-то сверхчеловѣческой. Другая форма религіозно-мистическаго настроенія современной намъ эпохи, удерживающая изъ всего прошлаго почти одного человѣка — Христа, риторически обожествляемаго нашимъ умомъ и нашей волей, есть форма человѣкобожеская. Форму эту можно было бы также назвать формой новохристіанской. Ни къ тому, ни къ другому теченію Вл. С. Соловьевъ не питалъ никакихъ симпатій, и нужно вовсе

не понимать ни общаго смысла его дѣятельности, ни общаго смысла сверхчеловѣчества и человѣкобожія, чтобы колебаться въ оцѣнкѣ тѣхъ чувствъ, которыя вызывались въ Вл. С. Соловьевѣ представителями этихъ теченій. Есть въ современной намъ эпохѣ и третья форма религіозно-мистическаго настроенія, которая полагаетъ въ основу всего идеалъ богочеловѣческій, идеалъ Богочеловѣка—Христа. Форму эту нельзя назвать иначе, какъ богочеловѣческой или собственно христіанской. Именно къ этому теченію принадлежитъ и Вл. С. Соловьевъ всѣмъ существомъ своимъ и всей своей поэзіей. Будучи христіанскимъ ученымъ, христіанскимъ философомъ и христіанскимъ богословомъ, онъ и поэтомъ былъ христіанскимъ. Символика и мистика, находимыя нами у декадентовъ и новохристіанъ, рѣзко отличаются отъ символики и мистики христіанскихъ. У декадентовъ и новохристіанъ символика и мистика обусловливаются, съ одной стороны, невыясненностью, произвольностью и риторичностью идеала, признаваемаго, однакоже, доступнымъ собственно-человѣческому опредѣленію, а съ другой—явственнымъ и незаконнымъ преобладаніемъ эмоціональной сферы надъ сферой интеллектуальной; у христіанъ же символика и мистика оказываются тѣсно связанными съ высотой положительнаго религіознаго идеала, отчасти даже богооткровеннаго, сообразно съ чѣмъ еще древніе отцы церкви учили не любомудрствовать о нѣкоторыхъ сторонахъ этого идеала паче мѣры и уяснять себѣ его съ помощью аналогій. Конечно, все сказанное выше относится лишь къ серьезнымъ представителямъ сверхчеловѣческой, человѣкобожеской и богочеловѣческой формъ современной религіозной мистики. О карикатурахъ, которыми въ особенности изобилуетъ сверхчеловѣческая или декадентская форма, распространяться нѣтъ надобности, ибо о зачисленіи Вл. С. Соловьева въ лагерь какихъ бы то ни было карикатуристовъ и рѣчи быть не можетъ.

Символическій и мистическій характеръ поэзіи Вл. С. Соловьева вынуждаетъ насъ сдѣлать здѣсь же еще два дополнительныя разъясненія.

Весьма нерѣдко смѣшиваютъ символическій характеръ поэзіи съ ея аллегоричностью, которая, въ свою очередь, часто оказывается холодной, надуманной, вычурной. Ничего подобнаго въ стихотвореніяхъ Вл. С. Соловьева мы не находимъ. Даже въ наиболѣе символическихъ пьесахъ его сборника чувствуется живое, искреннее и въ то же время простое поэтическое вдохновеніе; образы же, которыми онъ пользуется для выраженія своихъ мыслей, отличаются естественностью, жизненной непринужден-

ностью, глубокой внутренней правдивостью. Понятно поэтому, что образы эти должны быть признаны цѣнными и независимо отъ ихъ символическаго и мистическаго значенія. Мы бы сравнили ихъ съ изящными хрустальными лампадами, привлекающими къ себѣ вниманіе знатока совершенствомъ своей внѣшней формы даже тогда, когда свѣтильники, заключенные въ этихъ лампадахъ, не зажжены, и когда прекрасный рисунокъ, сокрытый въ стѣнкахъ хрусталя, не выступаетъ передъ наблюдателемъ. Читая стихотворенія Вл. С. Соловьева, мы наслаждаемся прежде всего тѣмъ, что̀ дается въ нихъ прямымъ смысломъ воспроизводимыхъ поэтомъ образовъ; если же намъ удается проникнуть дальше, и передъ нашимъ умственнымъ взоромъ загорается символическій свѣтильникъ, заключенный въ этихъ „звонкихъ кристаллахъ", наслажденіе наше усугубляется, дѣлается болѣе полнымъ и напряженнымъ, безъ всякаго ущерба для его цѣльности и гармоничности.

Второе дополнительное разъясненіе касается мистическаго характера поэзіи Вл. С. Соловьева. Сущность мистики можетъ быть опредѣляема очень различно. Для насъ пока достаточно того намека на сущность мистики, который мы находимъ въ стихотвореніяхъ самого Вл. С. Соловьева. Мистика—это тайная пророческая грёза, заглядывающая въ глубины мірозданія и нашей собственной души, — грёза не безцѣльная, не произвольная, а направленная дѣйствующимъ въ насъ и черезъ насъ божественнымъ началомъ къ обрѣтенію вѣчной истины. Мистика, совершенно неумѣстная въ наукѣ и допустимая въ философіи, болѣе умѣстна въ искусствѣ и почти неизбѣжна въ религіи. Съ этой точки зрѣнія мистическое расположеніе нашего духа составляетъ одну изъ характерныхъ особенностей художественнаго и религіознаго типовъ познанія. Врядъ-ли найдется хотя бы одинъ богословъ, не причастный въ той или другой мѣрѣ мистикѣ, и это одинаково справедливо какъ въ отношеніи далекаго прошлаго, такъ и въ отношеніи ближайшаго настоящаго. Почти то же самое, хотя и въ меньшей мѣрѣ, можно сказать и относительно искусства. Слѣдуетъ думать, что и впредь религіозное и художественное творчество человѣка не будетъ обходиться безъ мистики, и что о полномъ устраненіи мистики, оказавшемся не подъ силу даже отцу позитивизма, О. Конту, будутъ лишь тщетно мечтать тѣ, кому, въ сущности, нѣтъ дѣла ни до мистики, ни до цѣльной, живой, не искалѣченной человѣческой личности. Отрицательное отношеніе къ мистикѣ, принимающее въ нѣкоторыя историческія эпохи такія рѣзкія очертанія, вполнѣ законно,

когда мистика порождаетъ произвольный и безумный мистицизмъ и зловредный обскурантизмъ, и когда мистики въ теоріи оказываются на практикѣ негодными людьми, прикрывающими мистицизмомъ самыя гнусныя поползновенія противообщественнаго свойства. Отсюда, однако, еще не слѣдуетъ, чтобы мистика была сама по себѣ гнусностью или безуміемъ. Исторія сохранила намъ имена великихъ христіанскихъ мистиковъ, которые, безъ сомнѣнія, заслуживаютъ бо̀льшаго почитанія, чѣмъ ихъ новѣйшіе салонные критики, наивно воображающіе, что доступная имъ истина есть вся доступная вселенскому человѣчеству истина.

Поэзія красоты, облекающей сущее всеединое, можетъ говорить съ нами символическимъ и мистическимъ языкомъ о весьма многомъ. Чтобы точнѣе опредѣлить содержаніе поэзіи Вл. С. Соловьева, необходимо, очевидно, выдѣлить изъ этого весьма многаго то, что̀ всего болѣе привлекало къ себѣ музу Вл. С. Соловьева. Сдѣлать это не трудно, такъ какъ въ этомъ отношеніи стихотворенія Вл. С. Соловьева не возбуждаютъ никакихъ сомнѣній. Природа, жизнь, любовь—вотъ что̀ вдохновляетъ нашего поэта по преимуществу, вотъ что̀ облекается имъ въ нетлѣнную ризу искусства всего чаще и всего настойчивѣе. Стихотвореній на такъ-называемыя гражданскія и политическія темы у Вл. С. Соловьева сравнительно мало, да и тѣ немногія пьесы, которыя касаются этихъ темъ, имѣютъ свой центръ тяжести не въ политикѣ. Никто не отрицалъ у Вл. С. Соловьева яркаго публицистическаго таланта, никто не сомнѣвался также въ его интересѣ къ вопросамъ общественной и политической жизни. Извѣстны, далѣе, нѣкоторыя полу-шуточныя его пьесы съ отголосками на явленія общественно-политическаго порядка, разбросанныя по частнымъ альбомамъ. Тѣмъ не менѣе, фактъ на-лицо: политическихъ стихотвореній въ сборникѣ, редактированномъ самимъ авторомъ за нѣсколько мѣсяцевъ до смерти, очень мало, и по этой части Вл. С. Соловьевъ замѣтно уступаетъ, напр., А. С. Хомякову. Какъ кажется, причинъ тому двѣ: во-первыхъ, общія условія нашей печати, не особенно благопріятныя свободному проявленію общественно-политической мысли, а во-вторыхъ, нѣкоторое внутреннее нерасположеніе самого автора, личнаго лирика по преимуществу, къ роли поэтическаго трибуна. Какъ ни восторгались иные читатели публицистическими произведеніями Вл. С. Соловьева, все-таки, намъ думается, для него самого публицистика была скорѣе средствомъ провести въ общее обраще-

ніе извѣстныя богословско-философскія идеи, чѣмъ самостоятельной цѣлью. Прибавимъ къ этому и еще одну догадку: на нашъ взглядъ, сочувственное отношеніе къ публицистической дѣятельности Вл. С. Соловьева основывалось нерѣдко на недоразумѣніи, на умышленномъ или неумышленномъ пренебреженіи къ подлинной основѣ его воззрѣній при согласіи съ его конечными выводами. Казалось, иные какъ бы вовсе не замѣчаютъ того, что Вл. С. Соловьевъ, относясь къ запросамъ общественно-политической жизни, въ концѣ-концовъ точно такъ же, какъ они, стоитъ, въ сущности, на совершенно другой почвѣ. И страннымъ образомъ этотъ неожиданный, на первый взглядъ, результатъ не смущалъ никого и даже радовалъ. Нужно ли прибавлять, однакоже, что радоваться здѣсь нечему, и что слѣдовало бы прежде всего провѣрить прочность своихъ собственныхъ основныхъ положеній, а затѣмъ прослѣдить повнимательнѣе и всю цѣпь своихъ умозаключеній. Весьма правдоподобно, что при такой переоцѣнкѣ своихъ взглядовъ многіе поняли бы, насколько они заблуждались, полагая, что можно соглашаться съ выводами Вл. С. Соловьева, отвергая его основанія, или подставляя вмѣсто этихъ основаній другія исходныя положенія.

Весьма своеобразно содержаніе любовной лирики Вл. С. Соловьева. Какъ и у многихъ другихъ поэтовъ, мы находимъ у него различеніе любви земной и любви небесной, но различеніе это не превращается въ противопоставленіе. Любовь земная есть отраженіе любви небесной, которою и опредѣляется достоинство нашей обычной земной любви. Земная любовь, воспѣваемая Вл. С. Соловьевымъ, даетъ не только радости и муки, но и обязываетъ въ высочайшей степени: она предполагаетъ отвѣтъ передъ Богомъ любви, въ которомъ обитаетъ вся полнота любви небесной. Нѣтъ нужды прибавлять, что этотъ Богъ любви не есть амуръ фривольныхъ французскихъ поэтовъ псевдо-классическаго періода и ихъ новѣйшихъ подражателей, не есть простая стихотворная аллегорія. Поэтъ всѣмъ содержаніемъ своей любовной лирики даетъ понять намъ, что этотъ Богъ любви есть подлинный Богъ, и передъ такимъ Богомъ отвѣтъ не можетъ состоять въ легкомысленной похвальбѣ, что за данное мнѣ счастье я воздалъ счастьемъ; нужно еще взвѣсить, какое счастье согласился я принять, какимъ счастьемъ съумѣлъ я расплатиться. Еще яснѣе выражается высокій взглядъ Вл. С. Соловьева на любовь въ стихотвореніяхъ, посвященныхъ любви небесной, или, какъ ее еще на-

зываютъ, любви мистической. Умопостигаемая любовь есть, конечно, прежде всего и больше всего любовь безусловно любящая, т.-е., извѣчно самоутверждающаяся и утверждающая свое другое, и въ этомъ утвержденіи своего другого проявляющая свою подлинную сущность. Но умопостигаемая любовь должна быть любовью не только сама по себѣ, но и любовью по истинѣ, по надеждѣ и по вѣрѣ. Другими словами, умопостигаемая любовь есть любовь истинная, надѣющаяся и вѣрующая,—истинная въ смыслѣ безусловнаго совпаденія съ своимъ объектомъ, который есть вѣчная красота, надѣющаяся въ смыслѣ безусловнаго достиженія своей основной цѣли, которая состоитъ въ облеченіи въ формы прекраснаго—всего сущаго, и вѣрующая въ смыслѣ безусловнаго опознанія въ формахъ истинно-прекраснаго того живого содержанія, которое есть добро. Умопостигаемая любовь тѣмъ и живетъ вѣчно, что вѣчно отдаетъ себя, вѣчно облекаетъ собою истинно-сущее, вѣчно вмѣщаетъ въ себѣ всю полноту Божества, которое и не мыслится нами внѣ любви. Сѣмена умопостигаемой любви, проникающія въ нашу душу и выращиваемыя нами въ ней при содѣйствіи художественнаго типа познанія, являются и въ нашемъ человѣческомъ мірѣ со всѣми своими типическими признаками, хотя бы и ограниченными въ своемъ внѣшнемъ обнаруженіи тѣмъ принципомъ индивидуаціи, которому подчинено все феноменальное бытіе. Это значитъ, что и наша человѣческая, земная любовь неизбѣжно стремится быть не только любовью любящей, но и любовью истинной, надѣющейся и вѣрующей. Идеалъ, безъ сомнѣнія, не достигается, но онъ постоянно предносится передъ нашими умственными очами, и наша человѣческая, земная любовь оказывается тѣмъ болѣе достойной именоваться любовью, чѣмъ ближе удается намъ стать въ нашемъ любовномъ чувствѣ къ этому идеалу. Любовь, находимая нами въ нашихъ человѣческихъ отношеніяхъ, обращена тоже на свое другое, на свой объектъ, на свое конкретное прекрасное. Но это еще не все. Реальная человѣческая любовь не только любитъ, но и знаетъ, что этотъ именно объектъ любимъ ею,—но и надѣется, что этотъ любимый ею объектъ осуществляетъ въ себѣ идею прекраснаго,—но и вѣритъ, что этотъ любимый ею объектъ, осуществляющій въ себѣ идею прекраснаго, не пустъ, а исполненъ добра, добръ по своему содержанію. Вотъ почему мы и считаемъ только ту любовь настоящей любовью, которая способна ставить на первомъ мѣстѣ интересы любимаго существа, которая нисколько не колеблется въ своемъ выборѣ и беззавѣтно отдается этому другому существу, которая

безъ малѣйшаго сомнѣнія признаетъ это другое существо за существо, превосходящее такъ или иначе другія существа по своей способности нравиться, по своей влекущей насъ красотѣ, и которая неуклонно утверждаетъ глубокую правду связующаго любящія сердца чувства, исключающую всякую возможность измѣнъ и обмана. Съ этой точки зрѣнія наша земная любовь является, дѣйствительно, отблескомъ любви небесной, дѣломъ святымъ и пріобщающимъ насъ вѣчности.

Въ связи со всѣмъ только-что сказаннымъ находится и то откровеніе вѣчной женственности, которому удѣляется въ поэзіи Вл. С. Соловьева такъ много вниманія. Въ этомъ откровеніи различаются два главные момента: неполное и неисчерпывающее откровеніе, данное въ истинно-прекрасномъ женскомъ тѣлѣ, въ Афродитѣ,—и полное и исчерпывающее откровеніе, данное въ истинно-прекрасной женской душѣ, въ той, кого гностики называли „Дѣвой Радужныхъ Воротъ", а мы именуемъ Присно-дѣвой. Первая сила женской красоты не исключается второй силой, но она какъ бы подчиняется ей; красота не извнѣ только одѣваетъ женскую природу, но и насквозь пронизываетъ ее. И если первую силу могутъ легко одолѣть темныя природныя стихіи, то ко второй онѣ и приступу не имѣютъ. Тѣлесная красота способна укротить дикую злобу страстныхъ влеченій, окончательно же покоряется эта злоба лишь красотой душевной, совмѣщающей въ себѣ все, чѣмъ красна Афродита мірская, но еще и преизбыточествующей чистотой, силой и полнотой жизни.

Недостатокъ мѣста не позволяетъ намъ вдаваться въ дальнѣйшія подробности, характеризующія поэзію Вл. С. Соловьева со стороны ея содержанія, а потому и приходится удовольствоваться настоящимъ краткимъ очеркомъ. Считаемъ, однакоже, необходимымъ представить въ заключеніе нѣсколько образчиковъ его стихотвореній въ связи съ нѣкоторыми объяснительными примѣчаніями. Мы надѣемся, такимъ образомъ, показать, что перечисленныя нами существенныя особенности поэзіи Вл. С. Соловьева составляютъ, дѣйствительно, типическую ея принадлежность. Остановимся всего только на шести-семи стихотвореніяхъ, выбранныхъ не безъ труда, такъ какъ оставляемый въ сторонѣ матеріалъ во многихъ отношеніяхъ ничуть не менѣе привлекателенъ.

Прежде всего напомнимъ пьесу, признаваемую не безъ основанія за поэтическую характеристику самого поэта:

Въ туманѣ утреннемъ невѣрными шагами
Я шелъ къ таинственнымъ и чуднымъ берегамъ.
Боролася заря съ послѣдними звѣздами,
Еще летали сны,—и, схваченная снами,
Душа молилася невѣдомымъ богамъ.

Въ холодный бѣлый день дорогой одинокой,
Какъ прежде, я иду въ невѣдомой странѣ.
Разсѣялся туманъ, и ясно видитъ око,
Какъ труденъ горный путь, и какъ еще далеко,
Далеко все, что грезилося мнѣ.

И до полуночи неробкими шагами
Все буду я идти къ желаннымъ берегамъ,
Туда, гдѣ на горѣ, подъ новыми звѣздами,
Весь пламенѣющій побѣдными огнями
Меня дождется мой завѣтный храмъ.

Свой путь начинаетъ поэтъ въ утреннемъ туманѣ, невѣрными шагами; послѣднія звѣзды наивной юности еще не потухли, сны еще летаютъ кругомъ, но таинственные и чудные берега мерещатся и въ туманѣ, а душа, схваченная снами, уже молится богамъ, хотя и невѣдомымъ. И вотъ наступаетъ пора зрѣлости—холодный бѣлый день, когда все, повидимому, такъ ясно и когда такъ легко примиряются многіе изъ насъ, при всей внѣшней суетливости и озабоченности, съ „хладнымъ сномъ“ душевнымъ; но поэтъ неустанно продолжаетъ свой путь въ невѣдомой странѣ, онъ, по-прежнему, идетъ своей одинокой дорогой и уже не упоминаетъ о невѣрныхъ шагахъ. Онъ убѣждается, что путь горный—тяжелый, и что все, что ему грезилось—далеко, далеко! Но это его не смущаетъ: нетлѣнная мечта живетъ въ его душѣ, и показанія тѣлесныхъ очей не устрашаютъ ее. Близится, однакоже, вечеръ—надвигается понемногу старость съ ея немощами, болѣзнями и разочарованіями. Казалось бы, довольно странствовать въ невѣдомой странѣ, можно и покинуть одинокую дорогу. Но такъ ли это? Вѣдь передъ поэтомъ теперь уже не одни только таинственные и чудные берега, передъ нимъ не одинъ только возносящій его кверху горный путь, передъ нимъ не одна только пустая возвышенность—онъ видитъ своими просвѣтленными очами, хотя его и окружаетъ вечерній сумракъ, цѣлый завѣтный храмъ на горѣ, весь пламенѣющій побѣдными огнями, а надъ этимъ храмомъ сіяютъ новыя звѣзды, съ избыткомъ замѣняющія ему тѣ звѣзды, при робкомъ мерцаніи которыхъ начиналъ онъ свой путь. Очевидно, поэтъ нашъ, истинный поэтъ, не остановится и теперь, послѣ долгаго, утомительнаго пути, и уже навѣрное будетъ идти не невѣрными шагами, какъ было вначалѣ, а ша-

гами смѣлыми, неробкими. Но, можетъ быть, онъ все-таки испугается полунощнаго мрака; можетъ быть, онъ все-таки свернетъ съ дороги; можетъ быть, и самый храмъ-то ему только чудится въ полусонномъ бреду, да и боги—все еще невѣдомые боги. Съ увѣренностью можно сказать, что все это—напрасныя и ошибочныя предположенія. Въ словахъ поэта звучитъ твердое убѣжденіе въ томъ, что это именно его завѣтный храмъ, и что храмъ этотъ дождется его. И мы знаемъ, что и въ самомъ дѣлѣ Вл. С. Соловьевъ шелъ до самаго конца все въ гору и гору, все по одному и тому же пути, и, опознавши близость храма, не испугался надвинувшагося на него могильнаго мрака, а тихо и просто исповѣдалъ то, что онъ возлюбилъ отъ дней своей ранней юности, исповѣдалъ то, чему онъ оставался вѣренъ всю свою жизнь безъ ханжества и лицемѣрія.

Отмѣтимъ, далѣе, глубокое по мысли и необыкновенно искреннее по чувству стихотвореніе подъ заглавіемъ: „Имману-Эль“:

Во тьму вѣковъ та ночь ужъ отступила,
Когда, уставъ отъ злобы и тревогъ,
Земля въ объятьяхъ неба опочила,
И въ тишинѣ родился Съ-нами-Богъ.

И многое ужъ невозможно нынѣ:
Цари на небо больше не глядятъ,
И пастыри не слушаютъ въ пустынѣ,
Какъ ангелы про Бога говорятъ.

Но вѣчное, что въ эту ночь открылось,
Не сокрушимо временемъ оно,
И Слово вновь въ душѣ твоей родилось,
Рожденное подъ яслями давно.

Да! Съ нами Богъ,—не тамъ, въ шатрѣ лазурномъ,
Не за предѣлами безчисленныхъ міровъ,
Не въ зломъ огнѣ и не въ дыханьѣ бурномъ,
И не въ уснувшей памяти вѣковъ.

Онъ *здѣсь*, *теперь*,—средь суеты случайной,
Въ потокѣ мутномъ жизненныхъ тревогъ,
Владѣешь ты всерадостною тайной:
Безсильно зло; мы вѣчны; съ нами Богъ!

Основной мотивъ этой пьесы ясенъ до очевидности. Предвѣчное Слово, рожденное подъ яслями въ ту великую ночь, когда земля опочила въ объятьяхъ неба, утомленная вѣками злобы и тревогъ, рождается здѣсь и теперь, ежемгновенно въ нашей душѣ, среди случайной суеты, среди житейскихъ волненій, побѣждая вѣковѣчное зло. Богъ съ нами, а не за предѣлами без-

численныхъ міровъ, и эта вѣчная истина несокрушима временемъ, хотя бы многое, возможное нѣкогда, стало нынѣ невозможнымъ. А если Богъ съ нами, то зло безсильно, и мы вѣчны, и никакіе кумиры, въ родѣ кумира Небукаднецарова, о которомъ говорится въ другомъ стихотвореніи автора, намъ не страшны. Пусть погасъ ветхозавѣтный злой огонь, пусть стихло ветхозавѣтное бурное дыханіе, пусть божественная сила не проявляется передъ нами такъ, какъ она проявилась въ отвѣтъ на зовъ того, кто не снесъ безумства и позора Небукаднецарова, мы все-таки опознаемъ присутствіе божественнаго начала въ своей собственной душѣ, и это опознаніе ничуть не менѣе сильно и рѣшительно, чѣмъ въ тѣ дни, когда былъ воздвигнутъ кумиръ на равнинѣ Дурской. И если нѣкогда истинное религіозное сознаніе не было и не могло быть подавлено цѣликомъ всей матеріальной мощью земли, сосредоточенной въ лицѣ Небукаднецара, то теперь оно и подавно не можетъ быть затемнено въ насъ до полнаго угашенія, несмотря на всѣ усилія мутнаго потока жизненныхъ тревогъ, терзающихъ насъ изо дня въ день, ибо мы подлинно владѣемъ всерадостною тайной: „безсильно зло; мы вѣчны; съ нами Богъ!“

Изъ числа пьесъ, выражающихъ отношеніе поэта къ жизни вообще, наиболѣе яркимъ представляется намъ небольшое стихотвореніе подъ заглавіемъ: „Въ Альпахъ“. Вл. С. Соловьевъ неоднократно признавалъ въ частныхъ бесѣдахъ эту пьесу за одну изъ самыхъ удачныхъ, прибавляя, что пьесу эту очень одобрялъ и покойный Фетъ. Вотъ это стихотвореніе:

Мыслей безъ рѣчи и чувствъ безъ названія
Радостно-мощный прибой...
Зыбкую насыпь надеждъ и желанія
Смыло волной голубой.

Синія горы кругомъ надвигаются,
Синее море вдали.
Крылья души надъ землей поднимаются,
Но не покинутъ земли.

Въ берегъ надежды и въ берегъ желанія
Плещетъ жемчужной волной
Мыслей безъ рѣчи и чувствъ безъ названія
Радостно-мощный прибой.

Во многихъ стихотвореніяхъ Вл. С. Соловьева жизнь называется злою; указывается также и на то, что созвучіе вселенной создано изъ смѣха звонкаго и изъ глухихъ рыданій. Но вмѣстѣ съ тѣмъ утверждается и примиренное отношеніе къ

жизни. И дѣйствительно, какъ бы мы ни относились къ отрицательнымъ сторонамъ жизни, было бы несправедливостью и даже клеветой отрицать наличность сторонъ положительныхъ. Вѣдь самая вѣра въ лучшее будущее, самый смѣхъ звонкій и свободный принадлежатъ все той же жизни. Но этого мало. Въ жизни есть нѣкоторая сокровенная основа, исполненная радости и свѣта, несмотря ни на что. Не всегда мы можемъ разобраться въ этой основѣ; чаще мы принимаемъ свидѣтельства о ней какъ неожиданное откровеніе, не поддающееся раціональному объясненію. Эта ирраціональная основа жизни составляетъ такую же безспорную принадлежность ея, какъ и всѣ наши раціоналистическія надстройки. Однимъ изъ свидѣтельствъ объ этой положительной основѣ является и только-что приведенное стихотвореніе. Кто никогда не испытывалъ этого радостно-мощнаго прибоя „мыслей безъ рѣчи и чувствъ безъ названія“, тотъ, конечно, не пойметъ поэта. Но врядъ-ли найдется такой несчастливецъ, и врядъ-ли, еслибы онъ даже и нашелся на словахъ, повѣрили бы мы его безусловному отрицанію. Самъ Вл. С. Соловьевъ заявляетъ въ одномъ изъ своихъ стихотвореній, что онъ не зналъ дней сіяющихъ и ясныхъ. Можетъ быть, тутъ и нѣтъ преувеличенія, случайно сорвавшейся съ языка фразы. Какъ бы то ни было, тотъ же Вл. С. Соловьевъ удостовѣряетъ теперь, съ искренностью, не возбуждающей никакихъ сомнѣній, что и у него бывали мгновенія высокаго жизнерадостнаго настроенія. Пусть его душу волновали при этомъ „мысли безъ рѣчи и чувства безъ названія“; пусть крылья души только поднимали его надъ землею, но не давали ему возможности покинуть ее; важно одно: есть какая-то могучая и властная сила жизни, овладѣвающая нашей душой безъ участія нашего сознанія, сила благостная и свѣтоносная, возносящая насъ надъ тѣмъ, что въ окружающей насъ дѣйствительности больно иль смѣшно. Поэтъ заявляетъ, что лучшее, пребывающее, по его же выраженію, въ туманѣ, не всегда остается въ туманѣ: оно врывается иногда въ нашу душу какъ бы насильственно, и мы осязаемъ это лучшее сейчасъ, сію минуту, мы какъ бы насквозь озаряемся имъ. Не бѣда, если радостно-мощный прибой мыслей безъ рѣчи и чувствъ безъ названія смываетъ голубой волной зыбкую насыпь надеждъ и желанія, всѣ наши раціоналистическія надстройки, не выдерживающія его напора. На то это и насыпь, ошибочно принятая нами за подлинные берега, таинственные и чудные. Поднявшись на крыльяхъ поэтическаго созерцанія выше, мы открываемъ настоящій берегъ надежды и настоящій берегъ желанія. И тотъ

же радостно-мощный прибой плещетъ теперь уже жемчужной волною въ эти берега,—не простой голубой, а еще болѣе прекрасной и драгоцѣнной, — плещетъ, не смывая и не разрушая этихъ твердынь.

О пьесахъ любовнаго цикла наиболѣе полное представленіе даетъ стихотвореніе, начинающееся словами: „Не по волѣ судьбы, не по мысли людей"... Годъ написанія этого стихотворенія не обозначенъ, но мы, конечно, не ошибемся, если примемъ, что основной смыслъ пьесы былъ близокъ Вл. С. Соловьеву всегда:

Не по волѣ судьбы, не по мысли людей,
Не по мысли твоей я тебя полюбилъ,
И любовію вѣщей моей
Отъ невидимой злобы, отъ тайныхъ сѣтей
Я тебя ограждалъ, я тебя оградилъ.

Пусть сбираются тучи кругомъ,
Вѣетъ бурей зловѣщей и слышится громъ,
Не страшися! Любви моей щитъ
Не падетъ передъ темной судьбой.
Межъ небесной грозой и тобой
Онъ, какъ встарь, неподвижно стоитъ.

А когда предъ тобою и мной
Смерть погаситъ всѣ свѣточи жизни земной,
Пламень вѣчной души, какъ съ Востока звѣзда,
Приведетъ насъ туда, гдѣ немеркнущій свѣтъ,
И предъ Богомъ ты будешь тогда,
Передъ Богомъ любви—мой отвѣтъ.

Стихотвореніе это, принадлежащее также къ числу лучшихъ произведеній нашего поэта, обрисовываетъ любовь какъ такое душевное состояніе, которое возникаетъ не по разсудочнымъ основаніямъ и не по слѣпому, случайному стеченію обстоятельствъ, а въ силу какого-то болѣе глубокаго, божественнаго или мистическаго изволенія. Въ такомъ взглядѣ на любовь нѣтъ еще ничего особеннаго, и съ этой стороны разсматриваемая пьеса можетъ служить къ характеристикѣ не одного только Вл. С. Соловьева. Но затѣмъ мы находимъ такія черты, которыя должны быть признаны болѣе индивидуальными и своеобразными. Бросается, во-первыхъ, въ глаза, что, по мысли нашего поэта, любовь является не простымъ актомъ чувства—это есть актъ чувства, осложненный дѣйствіемъ разумной воли, которое направляется не только къ самоутвержденію того, кто любитъ, но и главнымъ образомъ къ утвержденію того, кого любятъ. Съ неменьшею отчетливостью выражена, во-вторыхъ, и та мысль, что

любовь не оканчивается съ наступленіемъ смерти. По природѣ своей любовь предполагается не тождественной съ земнымъ пыломъ человѣческой страсти, угасающимъ вмѣстѣ съ прекращеніемъ земной жизни, а иногда и гораздо раньше; пламя любви есть пламя вѣчной души, которое и приводитъ туда, гдѣ немеркнущій свѣтъ, тотъ свѣтъ, который не зависитъ отъ воли людей и превыше самой судьбы. Очень оригинальна и—мы бы прибавили—очень плодотворна, въ-третьихъ, та мысль, которою заключается вся пьеса: обращаясь къ любимому существу, поэтъ заявляетъ, что по ту сторону гроба оно, это любимое существо, будетъ его отвѣтомъ передъ Богомъ, и именно передъ великимъ Богомъ любви. Очевидно, по Вл. С. Соловьеву, необходима нѣкоторая особая душевная забота о любимомъ существѣ, за которое нѣкогда придется дать отвѣтъ передъ Богомъ любви, которое само будетъ этимъ отвѣтомъ. Радости и муки любви должны быть достойными Бога любви, а это, конечно, труднѣе, чѣмъ срывать цвѣты удовольствія. Любовь должна возвышать и очищать, а не принижать и грязнить. Многимъ ли суждено дать въ этомъ смыслѣ отвѣтъ непостыдный,—трудно сказать...

Въ группѣ такъ называемыхъ политическихъ стихотвореній Вл. С. Соловьева наиболѣе значительнымъ представляется стихотвореніе: „Ex Oriente lux“. Вотъ эта пьеса, бывшая предметомъ многихъ горячихъ толковъ и обсужденій:

„Съ Востока свѣтъ, съ Востока сила!“
И, къ вседержительству готовъ,
Ирана царь подъ Ѳермопилы
Нагналъ стада своихъ рабовъ.

Но не напрасно Прометея
Небесный даръ Элладѣ данъ:
Толпы рабовъ бѣгутъ, блѣднѣя,
Предъ горстью доблестныхъ гражданъ.

И кто-жъ до Инда и до Ганга
Стезею славною прошелъ?
То македонская фаланга,
То Рима царственный орелъ.

И силой разума и права—
Всечеловѣческихъ началъ—
Воздвигласъ Запада держава,
И міру Римъ единство далъ.

Чего жъ еще недоставало?
Зачѣмъ весь міръ опять въ крови?
— Душа вселенной тосковала
О духѣ вѣры и любви!

И слово вѣщее не ложно,
И свѣтъ съ Востока засіялъ,
И то, что́ было невозможно,
Онъ возвѣстилъ и обѣщалъ.

И, разливаяся широко,
Исполненъ знаменій и силъ,
Тотъ свѣтъ, исшедшій отъ Востока,
Съ Востокомъ Западъ примирилъ.

О, Русь! въ предвидѣньѣ высокомъ
Ты мыслью гордой занята;
Какимъ же хочешь быть Востокомъ:
Востокомъ Кесаря иль Христа?

Въ старомъ и уже взвѣшенномъ судьбою спорѣ Востока съ Западомъ,—спорѣ, который уже закончился идеально и непремѣнно долженъ закончиться реально примиреніемъ, т.-е. нѣкоторымъ синтезомъ восточныхъ и западныхъ началъ,—восточники, называемые у насъ въ извѣстной своей разновидности славянофилами, и западники,—всѣ они приглашаются отдать себѣ ясный отчетъ въ томъ, что́ же именно дорого имъ въ восточныхъ и западныхъ стихіяхъ. Обращаясь ближайшимъ образомъ къ восточникамъ, поэтъ открываетъ свое стихотвореніе положеніемъ: „Съ Востока свѣтъ, съ Востока силы!“—и охотно соглашается въ дальнѣйшемъ съ тѣмъ, что это вѣщее слово не ложно. Исторія свидѣтельствуетъ, въ самомъ дѣлѣ, что на Востокѣ слагались наиболѣе громоздкіе человѣческіе агломераты, что здѣсь накоплялись величайшія человѣческія массы; но та же исторія учитъ, что эти груды живого матеріала, не проникнутыя въ достаточной степени силой разума и права, не проникнутыя въ соотвѣтствующей мѣрѣ собственно-человѣческими или всечеловѣческими началами, легко подпадали игу духовнаго и матеріальнаго рабства. Восточные народы состояли какъ бы не изъ гражданъ, а изъ рабовъ,—это были не союзы разумныхъ существъ, подчиненныхъ разумному правовому порядку, а толпы или даже стада людей, недоступныхъ пониманію человѣческаго единства, недоступныхъ пониманію высокаго гражданскаго идеала. Направляясь болѣе или менѣе широкими и слѣпыми потоками на Западъ, матеріальныя по преимуществу силы Востока разбивались о преграды, созданныя Прометеевымъ духомъ Эллады. Тотъ же духъ, воплощенный въ гражданскихъ доблестяхъ Греціи и Рима, побѣждалъ толпы и стада восточныхъ

рабовъ и въ ихъ собственныхъ предѣлахъ, несмотря на то, что на своей родной почвѣ защищаться и отстаивать себя легче, чѣмъ въ условіяхъ чуждыхъ. Итакъ, силы идутъ съ Востока, но, во-первыхъ, это силы, не просвѣтленныя всечеловѣческими началами разума и права, а во-вторыхъ, это силы, осужденныя на пораженіе при столкновеніи съ Западомъ. Еслибы въ распоряженіи Востока ничего другого не было, кромѣ этихъ силъ, онъ оказался бы неизбѣжно подавленнымъ и поглощеннымъ Западомъ, и ни о какомъ примиреніи не могло бы быть и рѣчи. Преклоняясь передъ силами Востока, восточники должны поэтому помнить, что они преклоняются, въ сущности, передъ безсиліемъ. Но вѣдь съ Востока идутъ не только силы,—съ Востока идетъ и свѣтъ. Спрашивается: какой же это свѣтъ? не угашается ли и этотъ свѣтъ при встрѣчѣ Востока съ Западомъ, точно такъ же, какъ силы Востока превращаются въ безсилье при столкновеніи съ тѣмъ же Западомъ? Вопросъ очень важный и существенный, ибо небесный даръ Прометея не напрасно данъ Элладѣ, и немалая идея положена въ основаніе того единства, которое Римъ оказался способнымъ дать міру. Казалось бы, все есть: имѣется гражданская доблесть, имѣется сила разума и права, имѣется политическое единство, основанное на всечеловѣческихъ началахъ. А между тѣмъ — „весь міръ опять въ крови“, опять страстныя исканія, опять сознаніе неудовлетворенности. „Чего-жъ еще недоставало?“ Поэтъ утверждаетъ, — и врядъ-ли сами историки будутъ оспаривать его въ этомъ случаѣ,—поэтъ утверждаетъ, что „душа вселенной тосковала о духѣ вѣры и любви“. Замѣтимъ, кстати, что рѣчь идетъ не объ отдѣльныхъ людяхъ, не о разрозненныхъ человѣческихъ душахъ, а именно о душѣ вселенной, о томъ собирательномъ цѣломъ, которое, очевидно, имѣлъ поэтъ въ виду и тогда, когда въ пьесѣ: „Ночь на Рождество“, говорилъ о „незримой глубинѣ сознанья мірового“. И вотъ свѣтъ засіялъ съ Востока,' тотъ свѣтъ, котораго никакая тьма обнять не можетъ, и которому не страшна встрѣча съ Западомъ, какъ бы Западъ, прошедшій славною стезею до Инда и до Ганга, ни превозносился передъ Востокомъ. Свѣтъ, возсіявшій съ Востока, былъ свѣтъ истинный; таковымъ онъ пребудетъ до скончанія вѣка, таковымъ онъ есть и въ наши дни. То, что было невозможно, возвѣщено и обѣщано этимъ свѣтомъ, какъ возможное и подлежащее осуществленію. Синтезъ восточныхъ и западныхъ стихій былъ, конечно, невозможенъ, пока Востокъ выставлялъ, съ своей стороны, лишь необозримыя толпы или стада рабовъ, а Западъ приносилъ лишь всечеловѣческія начала, способныя дать формальное единство, но

не способныя, безъ духа истинной вѣры и истинной любви, создать новыхъ людей, сыновъ божіихъ, въ своемъ родствѣ съ Небеснымъ Отцомъ почерпающихъ силы для прекращенія кровопролитной братоубійственной борьбы. Синтезъ сталъ возможнымъ, и въ историческомъ процессѣ онъ осуществляется все полнѣе и полнѣе съ того дня, или, вѣрнѣе сказать, съ той ночи, когда „земля въ объятьяхъ неба опочила“, и „когда въ тишинѣ родился Съ-нами-Богъ“. Тогда-то и загорѣлся тотъ восточный Свѣтъ, который разлился затѣмъ такъ широко по лицу земли, исполненный знаменій и силъ. Внутренно, или идеально, Востокъ и Западъ примирились въ духѣ вѣры и любви въ ту же великую ночь, хотя бы внѣшнимъ образомъ вражда ихъ и продолжалась въ новыхъ формахъ еще въ теченіе вѣковъ. Не подлежитъ, конечно, сомнѣнію, что эти новыя формы въ общемъ благообразнѣе старыхъ; не подлежитъ сомнѣнію и то, что въ человѣчествѣ все яснѣе и яснѣе звучитъ голосъ просвѣтленной христіанствомъ совѣсти, требующей любви не только къ ближнему, но и ко врагу. Но исторія, совершающаяся въ условіяхъ времени и пространства, не можетъ обойти эти условія, и то, что въ умопостигаемый области пребываетъ какъ неизмѣнное данное, въ историческомъ процессѣ развивается какъ постепенно совершающееся и захватывающее все новыя и новыя области. Наступило время и для Россіи, занятой гордою мыслью о своемъ международномъ, міровомъ призваніи, опредѣлить свое отношеніе къ наполняющему и опредѣляющему всю исторію культурнаго человѣчества столкновенію восточныхъ и западныхъ стихій. И поэтъ нашъ спрашиваетъ свою Русь, естественно тяготѣющую къ Востоку, а въ лицѣ восточниковъ и прямо-таки прилѣпляющуюся къ нему: какимъ же Востокомъ хочешь ты быть—Востокомъ Ксеркса или Христа? Другими словами:—хочешь ли ты быть тѣмъ Востокомъ, который силенъ лишь мнимой матеріальной силой, и который неизбѣжно побѣждается Западомъ на почвѣ всечеловѣческихъ началъ, причемъ ни Востокъ, ни Западъ не получаютъ полнаго удовлетворенія и душа вселенной осуждается на прежнюю тоску, а человѣчество на кровопролитную борьбу,—или же ты хочешь быть тѣмъ Востокомъ, который проявилъ свою дѣйствительную идеальную силу, и который духомъ вѣры и любви, получившимъ свое окончательное выраженіе въ откровеніи богочеловѣчества, упраздняетъ всякое враждебное раздѣленіе, причемъ Востокъ и Западъ получаютъ полное удовлетвореніе и душа вселенной озаряется свѣтомъ божественной радости, человѣчество же призывается къ жизни во имя началъ богочеловѣческихъ, а не только во имя

началъ природныхъ и всечеловѣческихъ? Нужно ли подсказывать, какого отвѣта жаждетъ нашъ поэтъ отъ Россіи, и нужно ли, послѣ всего сказаннаго, настаивать еще разъ на томъ, что Вл. С. Соловьевъ преслѣдовалъ и въ публицистикѣ свои особыя цѣли?..

Образцомъ мистическихъ стихотвореній Вл. С. Соловьева можетъ служить пьеса: „Колдунъ-камень", написанная въ сентябрѣ 1894 г. Къ этому стихотворенію относятся, повидимому, слова предисловія о „понятливости" критики—оффиціальной и неоффиціальной. „Одно изъ моихъ стихотвореній,—говоритъ Вл. С. Соловьевъ,—обращенное къ живому и притомъ несомнѣнно благонамѣренному лицу, надѣлало хлопотъ изданію, гдѣ появилось, такъ какъ это дѣйствительное и отъ всякой политики весьма далекое лицо было принято оффиціальнымъ критикомъ за иносказательный образъ политической эволюціи":

Эти мшистыя громады
Сердце тянутъ какъ магнитъ.
Что отъ смертнаго вамъ надо,
Что за тайна здѣсь лежитъ?

Молвитъ древнее сказанье,
Что сѣдые колдуны
Правымъ рокомъ въ наказанье
За ужасныя дѣянья
Въ камни тѣ превращены.

Спятъ въ нѣмомъ оцѣпенѣньи,
Лишь одинъ, однажды въ вѣкъ,
Въ свой чередъ изъ усыпленья
Встанетъ камень-человѣкъ.

Борода торчитъ сѣдая,
Какъ у волка взоръ горитъ,
И, дыханье забирая,
Грудь могучая дрожитъ.

Заклинанье раздается,
Мгла кругомъ потрясена,
И со стономъ въ берегъ бьется
Моря финскаго волна.

Воетъ буря, гулъ и грохотъ,
Море встало, какъ стѣна,
И далече слышенъ хохотъ
И проклятья колдуна.

Сила адскаго дыханья
Всю пучину подняла,
Гибнуть грѣшныя созданья,
Гибнутъ грѣшныя дѣла.

И свершивъ предназначенье,
Вѣщій камень снова спитъ,
Но надъ нимъ — залогъ прощенья —
Тихо звѣздочка горитъ.

Эти мшистыя громады
Сердце тянутъ, какъ магнитъ.
Что отъ смертнаго вамъ надо,
Что за тайна здѣсь лежитъ?

Самъ авторъ заявляетъ намъ, что въ колдунахъ-камняхъ сокрыта нѣкоторая тайна, притягивающая сердце смертнаго, какъ магнитъ. Что же это за тайна?

Въ образахъ, рисуемыхъ поэтомъ, бросаются въ глаза двѣ подробности: сѣдые колдуны прошлаго, ознаменовавшіе свое земное поприще ужасными дѣяніями и затѣмъ окаменѣвшіе, возвращаются затѣмъ въ жизни въ нѣкоторой опредѣленной послѣдовательности; введенные снова въ круговоротъ событій, эти злые колдуны поднимаютъ грозную бурю, дико хохочутъ, шлютъ проклятія, но вмѣстѣ съ тѣмъ они осуществляютъ и положительную задачу—отъ силы ихъ адскаго дыханія „гибнутъ грѣшныя созданья, гибнутъ грѣшныя дѣла“. Смѣлые и оригинальные образы, затаенный смыслъ которыхъ разгадать, кажется, не трудно. Очевидно, зло прошлаго не умираетъ безслѣдно; оно возстаетъ въ настоящемъ, но лишь для того, чтобы послужить—волей-неволей—добру черезъ уничтоженіе накопившагося зла. Происходитъ все это въ извѣстной хронологической послѣдовательности, отвѣчающей плану историческаго процесса. Нужно ли прибѣгать слишкомъ долго конкретные историческіе факты для иллюстраціи этихъ положеній? Не приходятъ ли намъ безъ всякаго усилія на память бурные политическіе и соціальные перевороты съ ихъ дикимъ хохотомъ, высмѣивающимъ „все святое“, съ ихъ необузданными проклятіями, обращенными сплошь и рядомъ къ неповиннымъ наслѣдникамъ прошлаго? И не оказывалось ли, въ концѣ-концовъ, что въ этихъ переворотахъ дѣйствовали, въ сущности, не столько силы свѣтлаго будущаго, сколько силы темнаго прошлаго, мстящаго за общественно-политическую неправду, за всѣ грѣхи прошлаго? Когда же буря затихала, обновленная жизнь убѣждалась, что гроза не была лишена и положительнаго смысла: сгибли грѣшныя созданья, погибли грѣш-

ныя дѣла, осужденъ грѣхъ и расчищена почва для новаго посѣва.

Было бы, безъ сомнѣнія, ошибочно разсматривать „Колдунъ-камень“ какъ своего рода поэтическую реабилитацію революціонныхъ движеній. Не сталъ бы, конечно, авторъ посвящать свою пьесу „живому и притомъ несомнѣнно благонамѣренному лицу“, еслибы ему, по какой-либо неудобо-допустимой фантазіи, пришло въ голову воспѣвать и восхвалять тотъ видъ политической „эволюціи“, который носитъ названіе „революціи“. Очевидно, дѣло шло не о восхваленіи революцій. Задача пьесы далека отъ политическихъ треволненій, какъ таковыхъ, и, намъ кажется, авторъ совершенно искренно говоритъ о тайнѣ, сокрытой древнимъ сказаньемъ въ мшистыхъ громадахъ. Въ самомъ дѣлѣ, развѣ ужъ такъ просто это своеобразное служеніе зла прошлаго добру будущаго? При поверхностномъ отношеніи къ прошлому, можно, пожалуй, смотрѣть на исторію какъ на безконечную смѣну случайностей, какъ на своего рода „дурную безконечность“, но вѣдь эта точка зрѣнія отброшена даже тѣми, кто начинаетъ исторію со вчерашняго дня. Есть смыслъ въ исторіи человѣчества и народовъ, какъ есть смыслъ и въ жизни отдѣльнаго лица. Смыслъ исторіи можетъ быть обсуждаемъ и оцѣниваемъ съ различныхъ точекъ зрѣнія; къ числу правомѣрныхъ точекъ зрѣнія принадлежитъ, безъ сомнѣнія, и точка зрѣнія этическая. Эту именно точку зрѣнія и имѣетъ въ виду нашъ поэтъ, говорящій о гибели грѣшныхъ созданій, грѣшныхъ дѣлъ. И вотъ оказывается, что нарушеніе и оскорбленіе нравственнаго закона въ прошломъ, оставшіяся въ свое время непобѣжденными, а только окаменѣвшія въ непригодныхъ для жизни формахъ, отомщаются злыми силами прошлаго въ настоящемъ, ради вящшаго торжества силъ добрыхъ въ будущемъ. Получается, такимъ образомъ, этическая связь между прошлымъ и настоящимъ, обращающая на служеніе добру самое зло. Во имя чего же происходитъ все это такъ, а не иначе? Внѣшняя теорія прогресса врядъ-ли тутъ можетъ пригодиться, ибо теорія эта требуетъ улучшенія, а не возмездія. Не правильнѣе ли сослаться здѣсь на тотъ божественный огонь, который, по выраженію поэта, горитъ вездѣ подъ личиной вещества безстрастной, которымъ очищается и самое зло? Не умѣстнѣе ли припомнить здѣсь и о таинственномъ родствѣ двухъ сестеръ—Обиды и Кары, о которомъ говоритъ поэтъ въ своемъ превосходномъ стихотвореніи: „Двѣ сестры“? Пусть это—мистика, но вѣдь слово это не могло пугать такую личность, какою былъ Вл. С. Соловьевъ.

Приведенныхъ стихотвореній, намъ кажется, совершенно достаточно для того, чтобы въ связи съ представленной раньше общей характеристикой уяснить себѣ смыслъ поэтическаго творчества Вл. С. Соловьева. Не можемъ, однако, преодолѣть желанія проститься съ памятью о Вл. С. Соловьевѣ его же словами, а потому и приведемъ еще одно стихотвореніе, написанное имъ за годъ до смерти.

Призрачность феноменальнаго бытія открывается не только нашей логической мысли, но и чувству. Бываютъ въ жизни каждаго такія мгновенія, когда основныя формы индивидуаціи — время и пространство—оказываются какъ бы устраненными. Это особенно легко и возможно для поэта, способнаго, по выраженію Вл. С. Соловьева, перелетать на крыльяхъ лебединыхъ двойную грань пространства и вѣковъ. Вотъ одно изъ необыкновенно трогательныхъ и изящныхъ откровеній нашего поэта. Онъ „у себя“, и вотъ что̀ поетъ его муза:

Дождались меня бѣлыя ночи
Надъ просторомъ густыхъ острововъ..
Снова смотрятъ знакомыя очи,
И мелькаетъ былое безъ словъ.

Въ царство времени все я не вѣрю,
Силу сердца еще берегу,
Роковую не скрою потерю,
Но сказать: „навсегда“—не могу.

При мерцаніи долгомъ заката,
Предъ минутной дремотою дня,—
Что погибъ его свѣтъ безъ возврата,—
Въ эту ночь не увѣришь меня...

Чрезвычайно счастливые образы, внушенные поэту картиной бѣлой петербургской ночи, которая есть какъ бы отрицаніе ночи, не нуждаются въ пространныхъ комментаріяхъ... Щемитъ сердце при мысли, что впредь уже не дождутся эти бѣлыя ночи нашего милаго и дорогого пѣвца; не будемъ и мы скрывать роковую потерю. Но вѣдь не даромъ же онъ не вѣрилъ въ царство времени; не даромъ отказывался онъ признать постигшую его роковую потерю—потерей навсегда. И насъ никто не увѣритъ, что его свѣтъ для насъ погибъ безъ возврата...

С. Лукьяновъ.

ИЗЪ
СОВРЕМЕННЫХЪ ИТАЛЬЯНСКИХЪ ПОЭТОВЪ

I.—ДЖОЗУЭ КАРДУЧЧИ.

(„Rime Nuove".)

I.

Къ моему портрету.

Таковъ я былъ, когда прямой дорогой
Въ дни юности стремился къ солнцу я,
Какъ объ утесъ дѣйствительности строгой
Волною шумной билась пѣснь моя.

Теперь—затихло все. Покрыты мглою
Раздольныя, цвѣтущія поля,
Въ глухую ночь одѣлася земля,
Надежды лучъ погасъ передо мною...

О, гордыя увядшія мечтанья
О торжествѣ Италіи моей,
О возрожденьѣ славы и искусства!

О васъ храню одно воспоминанье—
Увы!—давно минувшихъ свѣтлыхъ дней,
И горькія волнуютъ душу чувства...

II.

Солнце и любовь.

Тучи вдаль уходятъ цѣпью черной,
Ярко блещетъ небо голубое,
И побѣдно солнце золотое
Льетъ на землю свѣтъ свой чудотворный.

Съ крикомъ птицы рѣютъ надъ полями,
Громкій звонъ колоколовъ несется,—
Пѣсня небу въ небѣ раздается,—
Храмъ сіяетъ яркими огнями...

И мое стремится сердце къ свѣту,—
Разгоняетъ сумрачныя тучи
Лучъ любви, проникшій въ душу мнѣ;

Вновь покорный милому завѣту,
Весь я полонъ жизнію кипучей,
Вся душа—привѣтный гимнъ веснѣ.

III.

Зимняя тоска.

Скажи мнѣ: развѣ солнце
Здѣсь ярко не сіяло,
Цвѣтами не блистала
Душистая весна?

Скажи мнѣ: развѣ счастья
Здѣсь юность не встрѣчала,
Восторговъ не знавала
Любви святого сна?

—Да, это все бывало
Въ тѣ дни, когда звучала
Божественная пѣсня
Гомера-старика;

Но солнце закатилось,—
И счастье омрачилось,
И въ сердцѣ воцарилась
Гнетущая тоска...

IV.

Школьныя воспоминанія.

Въ іюнѣ было то,—въ прекрасный день;
Кругомъ цвѣла природа, и любовью
Дышала обновленная земля;
Широкимъ огненнымъ потокомъ солнце
Побѣдно разливалось надъ полями;
Его съ улыбкой море отражало...
Но было мнѣ не до улыбокъ: патеръ
Намъ объяснялъ латинскія спряженья,
И все его лицо дышало скукой...
Изъ-за окна, межъ тѣмъ, глядѣла въ школу
Насмѣшливо молоденькая вишня,
И ягоды пурпуровыя, зрѣя,
Шептали сказки вѣтеркамъ...
И вдругъ
Я позабылъ учителя, спряженья,
Рядами ползавшія по страницамъ
Учебника,—что муравьи по стѣнкѣ:
Мои глаза и мысли обратились
Туда, въ окно, къ высокимъ небесамъ,
Горамъ и берегу морскому. Птицы
Порхали, громко пѣсни распѣвая,
И словно важную вели бесѣду
Почтенныя деревья съ мелкимъ лѣсомъ,
И съ роемъ пчелъ кусты шептались тихо,
О ласкахъ мотыльковъ цвѣты мечтали,
И въ каждой травкѣ, въ каждомъ лепесткѣ
Сквозило жадное стремленье къ жизни,
И каждое мгновеніе дышало
Живою жизнью. Сумрачныя горы,
Веселые холмы, за ними—нивы
И виноградники, и даже чаща
Терновникомъ заросшаго болота,—

Все это словно ожило подъ блескомъ
Чарующаго солнца, наслаждаясь
Весной и юностью...
И вдругъ,—не знаю,
Какъ, почему, изъ этой яркой жизни
Во мнѣ родилась мысль о мрачной смерти
И о ничтожествѣ, и я увидѣлъ
Себя нѣмымъ, холоднымъ, неподвижно
Лежащимъ въ страшной глубинѣ земли.
А надо мной безпечно щебетали
Веселенькія птички,—слышалъ я
Шумъ листьевъ, рокотаніе ручья,
И все живое жизнью наслаждалось
Въ потокѣ яркихъ солнечныхъ лучей...
Тогда-то вдругъ я понялъ силу смерти
И содрогнулся въ ужасѣ...
И вотъ,
Теперь нерѣдко снова предо мною
Встаетъ давно забытое видѣнье
И ужасомъ мнѣ сердце леденитъ...

V.

На Monte Mario.

Торжественно и тихо на вершинѣ
Стоятъ сторожевые кипарисы;
Внизу, среди полей, безшумно льется
Тибръ величавый.

Затихъ, красуясь въ царственномъ покоѣ,
Великій Римъ,—и какъ гигантскій пастырь
Надъ городомъ соборъ Петра свой мощный
Куполъ подъемлетъ.

Налейте, други, на вершинѣ свѣтлой
Мнѣ въ чашу сокъ златого винограда!
Ликуйте, дѣвы, жизнью услаждаясь:
Завтра—могила!

Не рви, о, милая, зеленыхъ листьевъ
Ростущаго въ священной рощѣ лавра:
Въ блестящихъ черныхъ локонахъ та зелень
Скоро поблекнетъ.

Да будетъ спутникомъ веселой пѣсни
Заздравный кубокъ, и душистой розы
Прекрасный цвѣтъ пусть нѣжно, увядая,
Льетъ ароматы.

Умремъ мы завтра,—какъ вчера скончались
Тѣ, кого мы такъ пламенно любили,
Изъ памяти, изъ сердца легкой тѣнью
Быстро умчимся.

Да, мы умремъ,—а радостное солнце
По прежнему засвѣтитъ надъ землею,
И искрами божественнаго свѣта
Жизнь озарится.

И новая любовь заблещетъ въ жизни,
И новая борьба пробудитъ силы,
И новымъ божествамъ въ привѣтъ польются
Новые гимны.

О, нерожденные, кому свѣтильникъ
Достанется, изъ нашихъ рукъ упавшій!
Придетъ и вамъ пора,—и вы пойдете
Слѣдомъ за нами.

Прощай, земля, источникъ краткой жизни
Души моей минутной! Совершая
Свой вѣчный путь, еще ты много узришь
Славы и скорби,

Пока, скрываясь въ экваторіальныхъ
Поляхъ, въ погонѣ за тепломъ бѣгущимъ,
Послѣдніе, несчастные обломки
Рода людского,

Средь горъ пустынныхъ и лѣсовъ безлистныхъ
Встрѣчая ледяную смерть, поднимутъ
Въ послѣдній разъ тускнѣющія очи
Къ вѣчному солнцу...

Перев. П. О. Морозовъ.

ХАРАКТЕРИСТИКА
ОБЩЕСТВЕННЫХЪ ДВИЖЕНІЙ
ВЪ ЕВРОПѢ XIX-ГО ВѢКА.

Окончаніе.

VII *).

Въ Австріи революція проявилась въ самомъ рѣзкомъ, устрашающемъ видѣ. Колебался тронъ Габсбурговъ и въ Вѣнѣ, и въ Венгріи, и въ славянскихъ земляхъ, и въ Италіи. Національныя революціи поддерживали другъ друга, обезсиливали и приводили въ отчаяніе своего врага; вѣнская революція ярче и нагляднѣе торжествовала надъ правительствомъ, чѣмъ въ какомъ бы то ни было другомъ германскомъ государствѣ. Но послѣ быстро одержанной побѣды союзники увидѣли вполнѣ явственно, что дальше имъ идти не по дорогѣ. Итальянцы были разбиты Радецкимъ уже черезъ четыре мѣсяца послѣ мартовской революціи; свою роль они сыграли,—войска правительства были отвлечены въ Ломбардію надолго и не могли быть пущены въ дѣло у себя дома,—тѣмъ не менѣе, уже съ іюля 1848 года, итальянскую революцію пришлось снять со счетовъ.

22 іюня открылись засѣданія учредительнаго собранія, но сразу же обнаружилась въ его средѣ самая непримиримая вражда между нѣмцами и славянами; вражда, дошедшая вскорѣ до того, что славянская партія сейма объявила себя противъ венгерской

*) См. выше: февраль, 702 стр.

революціи и противъ какихъ бы то ни было новыхъ потрясеній правительственной власти. Нѣмецкіе демократы увидѣли, что венгерцы—ихъ единственные союзники, и рѣшились ихъ поддерживать. Вплоть до сентября (1848 г.) не распадался „союзъ буржуазіи и рабочихъ“ въ столицѣ государства, но въ сентябрѣ вспыхнули рабочія волненія уже чисто-экономическаго характера. Дѣло шло о пониженіи платы на предпринятыхъ городскимъ управленіемъ работахъ. Волненія послѣ ряда стычекъ и убійствъ были усмирены, но самый фактъ ихъ возникновенія произвелъ пугающее впечатлѣніе на буржуазію, если не по глубинѣ, то по характеру весьма походившее на ту тревогу, которая охватила имущіе классы во Франціи послѣ усмиренія іюньскаго бунта. Впрочемъ, здѣсь опять-таки національная революція въ Венгріи осложнила, такъ сказать, естественное теченіе дѣлъ. Черезъ нѣсколько дней послѣ сентябрьскаго волненія рабочихъ, правительство распорядилось послать войска на усмиреніе венгерцевъ. Вѣнская буржуазія, видя противъ себя правительство и славянъ, а за себя—только Венгрію, рѣшила, что позволить добивать свою союзницу—значитъ остаться вполнѣ беззащитной. Смятеніе было такъ велико, на карту ставилось такъ много, что буржуазія снова рѣзко поднялась противъ правительства.

Извѣстны событія 6-го октября 1848 года, и то, что̀ за ними послѣдовало: министръ Латуръ, отдавшій приказаніе войскамъ двинуться въ Венгрію, былъ убитъ; императоръ бѣжалъ изъ города, національная гвардія (т.-е. средняя и мелкая буржуазія) и рабочіе—овладѣли столицей. Замѣчательно, что побѣдители опомнились сейчасъ же, какъ только изъ Вѣны исчезло правительство и они остались лицомъ къ лицу: сеймъ обратился съ растерянным и робкимъ предложеніемъ къ только-что обиженному императору „помирить“ его со столицею. Но теперь правительству незачѣмъ было мириться. Черезъ двадцать четыре дня, т.-е. 30-го октября, Вѣна попала въ руки Виндишгреца. Вотъ тутъ-то мы и видимъ совершенно наглядно, насколько общественный инстинктъ не ошибался, когда настроеніе оппозиціи въ Вѣнѣ повышалось въ сороковыхъ годахъ по мѣрѣ того, какъ росли національныя броженія на окраинахъ; правительство, только-что побѣдившее, и не думало сразу возстановить прежніе порядки,—напротивъ того, оно не прерывало занятій сейма, выработывавшаго конституцію, и хотя не согласилось утвердить эту конституцію, но дало взамѣнъ нея свою—4-го марта 1849 года. Конституція эта просуществовала (больше на бумагѣ) не долго, но дѣло было сдѣлано: можно было со

свободными руками приступить къ подавленію разгоравшейся все болѣе и болѣе революціи въ Венгріи. Однако, венгерское возстаніе торжествовало надъ императорскими войсками. 21-го мая 1849 года императоръ Николай I встрѣтился въ Варшавѣ съ Францемъ-Іосифомъ и обѣщалъ ему поддержку въ дѣлѣ усмиренія Венгріи. Черезъ двѣнадцать недѣль послѣ этого свиданія, Венгрія была раздавлена русскими войсками. Тогда австрійская революція уже была сломлена окончательно: національныя возстанія, сдѣлавшія ее особенно сильной въ началѣ, привели въ конечномъ счетѣ къ тому, что и обратное движеніе пріобрѣло здѣсь самый суровый характеръ. Гораздо проще шли событія въ Пруссіи.

VIII.

Часовъ въ двѣнадцать дня 18-го марта 1848 года необузданная масса людей толкалась и шумѣла около королевскаго дворца въ Берлинѣ. Волненія, начавшіяся почти сейчасъ же вслѣдъ за извѣстіемъ о низверженіи Луи-Филиппа, уже привели къ установленію свободы печати и къ тому, что король далъ обѣщаніе созвать въ самомъ близкомъ будущемъ ландтагъ. Эти королевскіе „патенты“ сильно обрадовали одинъ элементъ броженія, буржуазію, но рабочіе не хотѣли успокоиться. Вдругъ на ступенькахъ предъ дворцомъ появился Савиньи, знаменитый адептъ исторической школы въ наукѣ права, исправлявшій тогда обязанности министра юстиціи. Онъ обратился къ тѣмъ, кто стоялъ ближе, со словами: „Король вѣдь уступилъ вамъ больше, чѣмъ вы просили!“ — „Старикъ,—возразилъ ему кто-то,—этого ты не понимаешь,—ничего еще не уступили (Alter, das verstehst du nicht, — man hat nichts bewilligt)“. Весь вопросъ заключался вотъ въ чемъ: крайняя лѣвая броженія—требовала, чтобы король велѣлъ войскамъ выйти изъ города, полагая, что войска являются постоянной угрозой для дѣла инсургентовъ, а буржуазія, только-что достигшая побѣды, считала это для себя совершенно лишнимъ. Коротенькій діалогъ Савиньи и его оппонента необыкновенно характеренъ, какъ иллюстрація того недоумѣнія, съ которымъ союзники начали относиться другъ къ другу; обстоятельствамъ угодно было, чтобы это недоумѣніе въ самомъ скоромъ времени превратилось въ другое, гораздо болѣе опредѣленное чувство. Черезъ какихъ-нибудь два часа послѣ разговора Савиньи съ неизвѣстнымъ, на толпу, собравшуюся у дворца,

было произведено нападеніе: начался двѣнадцатичасовой бой между народомъ и войсками, который продолжался всю ночь съ 18-го на 19-ое марта и окончился пораженіемъ королевской арміи. Цѣль была достигнута; войскамъ былъ отданъ приказъ покинуть городъ. Все это происходило 18-го и 19-го марта, а черезъ шесть дней, 24-го марта, имѣли мѣсто похороны солдатъ, павшихъ въ борьбѣ, и берлинское гражданство устроило колоссальную сочувственную демонстрацію по этому поводу. Съ той самой минуты, какъ войска ушли, буржуазія не переставала просить, чтобы ихъ снова ввели въ городъ. Здѣсь отношенія между двумя элементами революціи выразились необыкновенно наглядно, именно вслѣдствіе удивительной быстроты въ смѣнѣ настроеній. Можно смѣло сказать, что дѣло правительства было выиграно какъ разъ съ того момента, какъ оно пошло на всѣ уступки инсургентамъ.

Послѣ іюньскаго возстанія въ Парижѣ и октябрьскаго взятія Вѣны Виндишгрецомъ,—въ Пруссіи (да и въ другихъ германскихъ государствахъ) все было кончено: замирающее движеніе теплилось только едва-едва въ франкфуртскомъ парламентѣ. Этотъ парламентъ представляетъ собою любопытнѣйшее явленіе соціальной психологіи. Сидѣли въ немъ почти исключительно представители интеллектуальнаго міра. Не было собранія во всемірной исторіи, которое могло бы похвалиться такимъ обиліемъ въ своей средѣ первоклассныхъ ученыхъ, людей, составившихъ эпоху въ исторіи науки. Строгая дисциплина мысли мѣшала имъ подчиняться смѣнѣ вѣяній минуты,—поэтому они горячо отстаивали тѣ идеалы, отъ которыхъ уже успѣлъ отречься ихъ классъ; привычка и вкусъ къ отвлеченному мышленію заставляли ихъ съ особенною ревностью держаться тѣхъ построеній, которыя являлись мечтою во всю первую половину вѣка: единая Германія, возстановленное царство Фридриха Барбароссы, древне-германскія народныя сходки, старая „вольная“ рѣчь—все это не было для Гримма, для Дальмана, для Миттермайера пустыми звуками, вывѣтрившейся басней. Чисто идеалистическія тенденціи, которыя оторвались отъ рѣзко измѣнившейся уже классовой точки зрѣнія, забрались въ франкфуртскій парламентъ и царили тамъ. Этому обстоятельству соотвѣтствовало и внѣшнее положеніе парламента. Что это было за учрежденіе? Никто не могъ бы дать на такой вопросъ опредѣленнаго отвѣта. Обязательны ли будутъ его рѣшенія, зачѣмъ онъ засѣдаетъ, постояннымъ ли онъ будетъ или временнымъ, гдѣ его средства, гдѣ его армія, гдѣ его чиновники—все это были вопросы, на которые никто не могъ отвѣтить вполнѣ

категорически. Это учрежденіе явилось какимъ-то овеществленіемъ идеализма, котораго такъ много было въ берлинской оппозиціи первой половины вѣка. Конечно, ничѣмъ работы франкфуртскаго парламента не кончились и не могли кончиться: не имѣя ни откуда никакой поддержки, онъ исчезъ безслѣдно. Упомянутая только-что общая черта германскихъ событій послѣ мартовскихъ дней и состоитъ въ томъ, что когда уже политическія мечтанія стали дѣломъ погибшимъ и невозможнымъ матеріально,—духъ ихъ еще жилъ нѣкоторое время подъ сводами церкви св. Павла, гдѣ собирался франкфуртскій парламентъ, такъ что слабая тѣнь, видимость броженія, еще была на лицо и мало прикосновенныхъ къ дѣлу лицъ сбивала съ толку. Какими-то „лишними людьми“, но лишними людьми, оптимистичными до конца,—до самаго того дня 18-го іюня 1849 года, когда, желая войти въ залу засѣданій, они наткнулись на солдатскіе штыки,—остались эти франкфуртскіе депутаты.

Самое яркое впечатлѣніе, которымъ кончился революціонный періодъ, заключалось въ русскомъ вмѣшательствѣ въ европейскія дѣла. На время даже всѣ другія поучительныя событія внутренней жизни отошли на задній планъ. На Россію въ западной Европѣ отъ самыхъ наполеоновскихъ войнъ смотрѣли какъ на первоклассную политическую силу; но все-же то, что случилось, ставило многихъ въ тупикъ. Чтобы Ридигеръ и Паскевичъ могли въ шестьдесятъ дней блестяще покончить съ однимъ изъ сильнѣйшихъ оплотовъ броженія, съ большимъ національнымъ тѣломъ, въ которомъ абсолютно отсутствовали всякія междуклассовыя осложненія,—этого не ожидалъ, прежде всего, самъ австрійскій дворъ, для котораго усмиреніе совершалось. Съ перепуга начали представлять себѣ уже въ недалекомъ будущемъ военную прогулку русскихъ войскъ по всей Европѣ вплоть до Парижа; предсказаніе Наполеона: „L'Europe sera cosaque“ цитировалось въ прессѣ самаго разнообразнаго направленія. Побѣжденныхъ всего болѣе угнеталъ происшедшій воочію фактъ мобилизаціи главныхъ силъ, охраняющихъ общественный порядокъ; побѣдители удостовѣрились, что слова ободренія и поддержки, тридцать лѣтъ доносившіяся къ нимъ съ востока, не были только словами. Но и побѣжденные, и побѣдители смотрѣли на Россію какъ на ultima ratio, которая призвана въ конечномъ счетѣ разрѣшить ихъ споръ. Ясно выступило основное различіе между революціей и охранительнымъ движеніемъ; „революція“ только называла себя международной, на самомъ же дѣлѣ была просто общей, повсемѣстной, а это далеко не одно и то же; охранительное движеніе,

напротивъ того, обнаружило свой интернаціональный характеръ самымъ неопровержимымъ образомъ. Круговая порука въ европейской революціи 1848 года была исключительно моральнаго свойства; круговая же порука обратнаго движенія оказывалась и моральной, и матеріальной. Путались всякіе разсчеты, умолкали самые упрямые голоса, когда въ распрю вмѣшивалась совершенно посторонняя громадная сила, ничѣмъ изъ европейскихъ отношеній не связанная, свободная отъ мало-мальски значительныхъ интересовъ или опасеній, преслѣдующая, въ сущности, безкорыстно одну цѣль. Мы погрѣшили бы противъ систематичности изложенія, еслибы не привели здѣсь содержанія одного страннаго „человѣческаго документа", который представляетъ, по нашему мнѣнію, слишкомъ своеобразный интересъ и, несмотря на это, никогда не цитируется. Когда переворотъ 2-го декабря, отмѣна австрійской конституціи, полное пораженіе всего движенія на европейскомъ континентѣ, тусклый и печальный конецъ чартизма,—когда все это уже стало фактомъ,—французскій радикалъ, докторъ Кердеруа, написалъ письмо, которое приводится въ „Горныхъ вершинахъ". Кердеруа проклинаетъ Европу, считаетъ ее сгнившею и полагаетъ, что она не можетъ далѣе идти по пути прогресса,—и прямо заявляетъ, что ждетъ всего отъ русской силы. „Дѣло грядущей цивилизаціи—уничтожить настоящую, несовершенную. Но это благое дѣло неспособна сдѣлать демократія,—у нея нѣтъ силъ; оно можетъ быть совершено только русской арміей. Европейское человѣчество запуталось въ гордіевомъ узлѣ; разсѣчь его, казнить старый Западъ за его грѣхи, можетъ только русская армія" (l'armée monarchique russe). Чтобы его корреспондентъ хорошо понялъ письмо, Кердеруа подчеркиваетъ и оттѣняетъ, что онъ не отъ мечтаній о славянскомъ возрожденіи и пр. ждетъ спасенія, а только и исключительно отъ Россіи и притомъ Россіи настоящаго времени. „Подавляющая, величавая сила колоссальной страны" приводитъ его въ мрачный восторгъ. „Раньше, чѣмъ славянская демократія найдетъ свой пароль и переведетъ (на человѣческій языкъ) туманный секретъ своихъ чаяній, Россія покоритъ Европу. Участь цивилизованныхъ націй—въ ея рукѣ... Развѣ вселенная не дрожитъ уже теперь, потому только, что она немного возвысила голосъ? Я признаюсь вамъ,—эта сила такъ меня поражаетъ, что я не могу понять, зачѣмъ ищутъ еще какую-то другую".

Времена мѣнялись; матеріальное и идейное состояніе Европы измѣнилось также почти до неузнаваемости, но для тѣхъ, кто желаетъ выяснить себѣ генезисъ и упроченіе призрака „der

russischen Gefahr", долженъ обратиться къ эпохѣ венгерской кампаніи, общаго крушенія дѣятелей и мыслей 1848 года, ко времени начала 50-хъ годовъ, къ письму доктора Кердеруа. Нужно оцѣнить всю напряженность чувства людей, изголодавшихся и истосковавшихся по матеріальной силѣ, чтобы понять, до какихъ галлюцинацій оно можетъ довести; нужно вспомнить, что въ 1848 и 1849 годахъ всѣ слои и разновидности европейскихъ партій, отъ абсолютистовъ до соціалистовъ, по очереди были побѣждены, чтобы уяснить себѣ впечатлѣніе, произведенное единственнымъ „вѣчнымъ побѣдителемъ", внезапно и властно вмѣшавшимся въ европейскія дѣла. Тогда не покажутся загадочными явленіями ни письмо Кердеруа, ни тотъ фактъ, что никакія крымскія кампаніи не уничтожили разъ произведенныхъ оторопи и смущенія.

IX.

Среди мыслей, разбросанныхъ тамъ и сямъ въ твореніяхъ Тацита, есть такія, которыя напрашиваются на память при анализѣ историческихъ явленій, отдѣленныхъ отъ древняго Рима тысячами верстъ и тысячами лѣтъ. Тацитъ говоритъ объ угнетеніи духа посторонней силой, о томъ, что эта посторонняя сила, если даже и захочетъ впослѣдствіи, все-же съ трудомъ будетъ въ состояніи поправить свое собственное дѣло, вдохнуть въ умы прежнюю бодрость и свѣжесть. Мы были бы глубоко несправедливы, еслибы приписали реакцію 50-хъ годовъ какой бы то ни было посторонней силѣ,—напримѣръ, исключительно вліянію правительствъ; мы не имѣемъ права сказать даже, что эта реакція исходила отъ правительства и тѣхъ классовъ, которые смотрѣли на власти какъ на свою защиту и опору: всѣ такія поясненія,—весьма часто, впрочемъ, дѣлаемыя,—изготовляются по шаблонному рецепту, который отъ частаго употребленія ничуть не выигрываетъ въ правильности. На правительства сваливаются, въ такихъ случаяхъ, грѣхи, въ которыхъ они не повинны. Угнетеніе умовъ, о которомъ говоритъ Тацитъ, въ пятидесятыхъ годахъ было всеобщимъ, но обусловливалось оно въ громадной степени причинами внутренними, болѣе сильными, глубокими и мучительными, чѣмъ какія бы то ни было сторонніе воздѣйствія. Потому-то и возстановленіе прежней „бодрости" должно было оказаться для ряда поколѣній второй половины XIX-го вѣка дѣломъ не только труднымъ, но еще потруднѣе, чѣмъ оно было для императоровъ Нервы и Траяна, смѣнившихъ „угнета-

теля“ Домиціана. Настроеніе тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ уже *никогда* больше не возвращалось; оно погибло въ общемъ крушеніи 1848 и 1849 годовъ, и хотя съ тѣхъ поръ предпринимались попытки его реставрировать, но такъ какъ мечи были завѣдомо картонные, то и прежнія слова являлись завѣдомо бутафорскими принадлежностями. Было одно частичное и мгновенное исключеніе — парижское возстаніе 1871 года, но и оно, какъ увидимъ, сыграло роль исключенія, подтверждающаго правило. Революціонизмъ палъ по той причинѣ, что уже не было мѣста какимъ бы то ни было надеждамъ на близкій переворотъ: возсоединеніе буржуазіи и правительства, при прямомъ и вполнѣ понятномъ сочувствіи крестьянства имущимъ классамъ, ставило рабочихъ въ совершенно одинокое положеніе. Какъ настроеніе, революціонизмъ палъ сразу и, въ этомъ смыслѣ, 50-ые, 60-ые, 70-ые, 80-ые и 90-ые годы не представляютъ особенно характерныхъ отличій другъ отъ друга. Что же касается до революціонизма теоретическаго, вѣрнѣе, революціонизма литературныхъ работъ и митинговъ, журнальныхъ статей и предсѣдательскихъ резолюцій и формулировокъ, то онъ еще нѣкоторое время существовалъ и держался, вмѣстѣ съ революціоннымъ фразерствомъ, становившимся, впрочемъ, съ году на годъ все болѣе и болѣе прѣснымъ и безвкуснымъ.

Мы только-что сказали, что особенно характерныхъ отличій между пятидесятыми и шестидесятыми годами въ названномъ отношеніи нѣтъ; все-же, нѣкоторыя мелкія, второстепенныя отличія имѣются. Есть такія историческія работы, которыя, живописуя 50-е годы въ Европѣ, какъ эпоху мрачной реакціи, рѣзко отдѣляютъ ихъ отъ 60-хъ годовъ, времени пробужденія. Все это не оправдывается внутреннимъ смысломъ историческихъ явленій этихъ лѣтъ. Дѣло въ томъ, что въ концѣ 50-хъ и началѣ 60-хъ гг. произошло освобожденіе и объединеніе Италіи, т.-е. осуществился одинъ изъ идеаловъ, выдвинутыхъ еще до революціи 1848 года. Тишина въ это время во всей Европѣ царила мертвая. Немудрено, что единственное сильное народное движеніе возбудило живѣйшее участіе и интересъ къ себѣ. Въ итальянскомъ національномъ движеніи сохранился полный союзъ между всѣми классами; не угасла (и блестяще оправдалась) надежда на побѣду. Участники 1848 года пережили, слѣдя за итальянскими событіями, свою „вторую молодость“; дѣйствительно, въ 60-хъ и 70-хъ годахъ удались всѣ національныя стремленія къ объединенію, не удавшіяся въ 1848 году, но ни самостоятельность Венгріи, ни созданіе единой Германіи не были такъ демократичны и по-

нулярны, какъ объединеніе Италіи. Здѣсь наиболѣе ярко бросалась въ глаза та черта, которая была на-лицо и въ Венгріи, и въ Германіи, но въ Венгріи затемнялась вліяніемъ дипломатіи и другими побочными фактами, въ дѣлѣ же объединенія Германіи ступевывалась предъ громомъ внѣшнихъ побѣдъ.

Мы снова напоминаемъ основную мысль предлагаемаго этюда. Бурный характеръ какого бы то ни было движенія середины вѣка зависѣлъ отъ увѣренности въ силѣ даннаго движенія. Увѣренность эта имѣла, казалось, основаніе вплоть до того момента, пока противъ существующаго строя стояли вмѣстѣ оба оппозиціонныхъ слоя, т.-е. буржуазія и рабочіе; она теряла основаніе и уничтожалась съ того момента, какъ союзъ буржуазіи и рабочихъ распадался. Крушеніе всѣхъ политико-соціальныхъ революцій 1848 года зависѣло отъ того, что буржуазія не только покинула свое прежнее оппозиціонное положеніе, но и уполномочила своей поддержкой правительственную власть употребить всю силу противъ бывшихъ своихъ союзниковъ. Крушеніе это для лицъ, оставшихся революціонерами, было, поэтому, не только матеріальнымъ, но и *моральнымъ*. Отъ этого моральнаго крушенія спаслись только тѣ движенія, въ которыхъ *не порывался* союзъ между буржуазіей и остальными классами; къ такимъ движеніямъ, погибшимъ въ 1848—49 гг., *не по внутреннимъ, а по внѣшнимъ* причинамъ, относятся національныя возстанія въ Венгріи и Италіи (германское объединительное движеніе временно замерло, потому что здѣсь оно было переплетено съ явленіями политико-соціальнаго характера). Временно парализованныя національныя движенія, отнюдь не потерпѣвшія *моральнаго* банкротства, должны были, при болѣе благопріятныхъ обстоятельствахъ, снова оживиться, такъ какъ ихъ внутренняя сила, заключавшаяся въ союзѣ всѣхъ общественныхъ слоевъ, не погасла. Вотъ этотъ-то старый „духъ 1848 года“, прежде всего напоминавшій о себѣ въ Италіи, уже потому взволновалъ многихъ, что здѣсь однимъ изъ главныхъ дѣйствующихъ лицъ являлся предводитель демократическаго воинства, притомъ предводитель сильный и счастливый, т.-е. обладавшій двумя признаками, весьма рѣдкими для „революціонера“ и въ 1848 году, и позже. Гарибальди явился олицетвореніемъ удавшагося движенія; потому-то и чествовали его съ такимъ жаромъ самыя разнообразныя группы, отъ бланкистовъ до парламентаріевъ, отъ націоналистовъ до обломковъ исчезнувшаго чартизма. Но, ожививши нѣсколько наиболѣе близкихъ къ энтузіазму эпигоновъ 1848 года, итальянское движеніе ничуть не

расшевелило и не могло расшевелить *соціально-политическихъ тенденцій въ массахъ*. Какъ сейчасъ увидимъ, шестидесятые годы, „годы Лассаля и интернаціональнаго общества", въ самыхъ важныхъ пунктахъ неизмѣримо больше походятъ на предшествующее имъ десятилѣтіе, чѣмъ на 1848-й годъ.

X.

Быть можетъ, ничто не характеризуетъ такъ продолжавшагося полнаго упадка революціоннаго настроенія въ 60-хъ годахъ, какъ именно то обстоятельство, что Лассаль не былъ революціонеромъ. Трудно себѣ представить болѣе бурный темпераментъ, чѣмъ у этого человѣка: вѣдь значитъ же что-нибудь, что въ 1848 году онъ съ головою окунулся въ движеніе, что, когда не было общественной бури, онъ создавалъ бури въ своей частной жизни, заводилъ такія житейскія битвы, въ которыхъ съ трудомъ уцѣлѣлъ; значатъ же что-нибудь, наконецъ, его слова въ „программѣ рабочихъ" о преимуществахъ рѣшительныхъ соціальныхъ переворотовъ предъ медленными реформами. Если уже имъ не овладѣлъ „алармистскій" [1]) пылъ,—должна была оказаться въ наличности немаловажная причина. Эта причина заключается въ тѣхъ анализирующихъ способностяхъ ума, которыя дала ему природа. Обратившись къ самой глубокой работѣ Лассаля, гдѣ эти способности нагляднѣе всего сказались, къ его рѣчи о сущности конституціи, мы найдемъ разгадку Лассаля-нереволюціонера, Лассаля-контрагента Бисмарка.

Сущность всякой конституціи, ея содержаніе и смыслъ, Лассаль видитъ въ реальныхъ соотношеніяхъ общественныхъ силъ, а не въ „исписанномъ листѣ бумаги". Если, предположимъ, общественныя силы измѣняются такъ, что уже существующій „исписанный листъ бумаги",—т.-е., другими словами, существующій правовой строй,—имъ не соотвѣтствуетъ, тогда этотъ листъ рвется и пишется другой. Слѣдовательно, сила создаетъ право, сила создаетъ, уничтожаетъ и мѣняетъ конституцію, и ничего съ этимъ подѣлать нельзя. Лассаль писалъ и читалъ рѣчь „о сущности конституціи" въ разгаръ конфликта между прусскимъ ландтагомъ и Бисмаркомъ. Общій выводъ, который вытекалъ изъ теоретическихъ положеній Лассаля для переживаемаго политическаго момента, заключался въ томъ, что всякія ссылки на

[1]) Его собственное выраженіе.

нарушенія Бисмаркомъ конституціи, по существу, безполезны и несостоятельны. Конституція—это сила; сила въ рукахъ Бисмарка—значитъ, онъ и конституціоненъ въ своихъ дѣйствіяхъ. На это Лассалю замѣтили, что такое ученіе безнравственно. Вотъ что онъ отвѣтилъ на упрекъ: „Это—недоразумѣніе, будто я проповѣдую теорію, что сила *должна* имѣть преимущество передъ правомъ. Въ публикѣ темныя головы (unklare Köpfe) усвоили это остроумное воззрѣніе и высказали убѣжденіе, что г. Бисмаркъ дѣйствуетъ только лишь какъ мой воспитанникъ... Хотя мнѣ и трудно тутъ воздержаться отъ улыбки, но я все-же по этому поводу сдѣлаю слѣдующее бѣглое замѣчаніе. Еслибы я создалъ міръ, то въ высокой мѣрѣ вѣроятно, что я его устроилъ бы такъ, чтобы право имѣло преимущество передъ силой, ибо это всецѣло соотвѣтствуетъ моимъ желаніямъ и моей этической точкѣ зрѣнія. Но, къ моему прискорбію, я не имѣлъ никакой возможности создать свѣтъ, и долженъ отклонить отъ себя всякую отвѣтственность за его устройство,—какъ похвалу, такъ и порицаніе. Мои брошюры имѣли цѣлью говорить не о томъ, что *должно* было быть, а о томъ, что *есть*; онѣ составляютъ не *этическій* трактатъ, а *историческое* изслѣдованіе“. На ближайшихъ страницахъ этой статьи [1]) Лассаль подтверждаетъ свою мысль о всегдашнемъ торжествѣ могущества примѣрами 1848 и 1849 годовъ, когда представительныя собранія разгонялись штыками и пр. Послѣдовательный и глубочайшій юридическій матеріализмъ проникаетъ всю правовую философію Лассаля, которая сама по себѣ есть удивительный литературный памятникъ умственной исторіи Европы послѣ перелома 1848 года.

Вся психологія Лассаля раскрывается въ приведенныхъ его воззрѣніяхъ; по основному навыку своей мысли онъ всюду искалъ не писанной, а настоящей силы, не призрака, а реальности. „Сила всегда шла впереди права, и такъ будетъ продолжаться до тѣхъ поръ, пока само право не усилится настолько, чтобы побѣдить несправедливость“.—Теперь вернемся къ тому вопросу, который разбираемъ все время: что же, усилилось ли въ 60-хъ годахъ то, что Лассаль считалъ „правомъ“, настолько, чтобы одолѣть противниковъ? Или, по крайней мѣрѣ, думалъ ли такъ Лассаль? Категорически отрицательный отвѣтъ на этотъ вопросъ не можетъ быть ничѣмъ опровергнутъ. Лассаль, какъ извѣстно, въ своемъ „открытомъ письмѣ“ рабочимъ

[1]) „Macht und Recht“. Lassale's Reden und Schriften. B. I, S. 546 ff. (Berlin 1892 г.).

делегатамъ, спрашивающимъ его мнѣнія о рабочемъ вопросѣ, ассоціаціяхъ и пр., изложилъ рядъ мыслей, послужившихъ теоретическимъ базисомъ для дальнѣйшей пропаганды. „Рабочія ассоціаціи суть то реальнѣйшее благо, котораго домогаться слѣдуетъ во что бы то ни стало; помочь въ этомъ рабочимъ своими матеріальными средствами можетъ и должно само государство". Какъ же устроить? Статистическое королевское бюро обнародовало „въ 1851 году, какъ дѣлится населеніе Пруссіи по своимъ доходамъ... $72^3/_4$% населенія получаютъ доходъ ниже 100 талеровъ въ годъ и находятся поэтому въ самомъ жалкомъ состояніи; $16^3/_4$% населенія получаютъ доходъ отъ 100 до 200 талеровъ въ годъ, т.-е. находятся въ чуть-чуть лучшемъ, но все еще жалкомъ состояніи; $7^1/_4$% получаютъ отъ 200 до 400 талеровъ, такъ что влачатъ все-таки стѣсненное существованіе; $3^1/_4$% получаютъ отъ 400 до 1.000 талеровъ, такъ что частью они живутъ стѣсненно, частью сносно, и, наконецъ, $^1/_2$% находятся на всѣхъ ступеняхъ богатства". Въ общемъ, значитъ, $96^1/_4$% живутъ въ нуждѣ. „Слѣдовательно, — восклицаетъ Лассаль, обращаясь къ своимъ читателямъ, — вамъ, нуждающимся, принадлежитъ государство... Государство — это ваша большая ассоціація, ассоціація бѣднѣйшихъ классовъ".

Эти аргументы приводили Лассаля къ пропагандѣ всеобщаго и прямого избирательнаго права, какъ лучшаго средства достигнуть намѣченной цѣли. Здѣсь мы подчеркнемъ любопытнѣйшее отличіе Лассаля отъ Луи Блана. Л. Бланъ 40-хъ годовъ точно такъ же самыя широкія упованія возлагалъ на всеобщее избирательное право, но онъ видитъ въ немъ ни болѣе, ни менѣе, какъ прямой путь къ непосредственному завоеванію правительственной власти; Лассаль же ограничивается лишь надеждой на то, что, при всеобщемъ избирательномъ правѣ, представительное учрежденіе наполнится людьми, которые „будутъ понимать ваше (рабочихъ) положеніе, будутъ преданы вашему дѣлу, будутъ стоять на вашей сторонѣ, вооруженные закаленною сталью науки, и съумѣютъ защищать ваши интересы!" Что же значатъ эти слова, эти самыя важныя слова программы? Какое другое толкованіе можно имъ дать, кромѣ того, что Лассаль не счелъ возможнымъ ожидать даже отъ своей панацеи, даже отъ избирательнаго права — такой реформы, какъ установленіе отвѣтственности министровъ не предъ королемъ, а предъ парламентомъ? Дѣйствительность показала, что Лассаль кореннымъ образомъ ошибся относительно настроенія, которое, будто бы, должно царить въ парламентѣ, избранномъ всеобщей подачей голосовъ;

но мы не будемъ уклоняться въ сторону, примемъ пока мысль агитатора во всей ея полнотѣ: огромное большинство депутатовъ будетъ, якобы, проникнуто идеей помощи бѣднымъ, т.-е. своимъ избирателямъ; почему же имъ, этому парламентскому большинству, отводится сравнительно скромное амплуа совѣтчиковъ, спорщиковъ, борцовъ научнаго оружія? Надѣяться на ассоціацію оказывалось, очевидно, менѣе утопичнымъ, чѣмъ надѣяться на уменьшеніе прерогативъ прусскаго короля; мечты о будущемъ окрылялись лишь настолько, чтобы не залетать въ область предположеній, невѣроятныхъ для современниковъ; вся пропаганда Лассаля осталась запечатлѣнною этою характерною чертою — правительственнымъ эвдемонизмомъ, т.-е. твердою тенденціей вѣрить въ благія намѣренія правительства. Тридцатые и сороковые годы видѣли союзъ буржуазіи и правительства противъ пролетаріата; начало шестидесятыхъ годовъ увидѣло мимолетный разрывъ буржуазныхъ прогрессистовъ и бисмарковскаго правительства — и столь же мимолетную попытку устроить третье, еще не бывшее сочетаніе: союзъ рабочихъ и правительства противъ буржуазіи, т.-е. такой союзъ, при которомъ рабочіе могли мечтать о широчайшихъ экономическихъ реформахъ, и должны были гораздо сдержаннѣе относиться къ планамъ реформъ политическихъ. Попытка была мимолетная; личный характеръ Лассаля и Бисмарка сдѣлалъ ее особенно интересной. Организаторъ „рабочей демократіи“ и „министръ дома Гогенцоллерновъ“ видѣлись и говорили, и хитрили другъ съ другомъ, и весьма (по обоюднымъ отзывамъ) остались другъ другомъ довольны... Значеніе Лассаля, какъ основателя самостоятельной, навсегда отдѣлившейся отъ другихъ партіи, насъ здѣсь не остановитъ: укажемъ еще, что и сѣверо-германскій рабочій союзъ былъ проникнутъ такими же воззрѣніями, какъ его основатель и глава. Это были начинающіе люди, только поднимавшіе голову; они потомъ избрали себѣ другихъ „вождей“, другіе экономическіе и политическіе лозунги,—но и потомъ въ нихъ ровно настолько же не было никакихъ „алармистскихъ“ стремленій, какъ и при Лассалѣ. Еще разъ повторяемъ, что слово „революціонный“ употребляется нами всюду и исключительно въ томъ смыслѣ, какъ оно было въ модѣ и въ ходу въ 40-хъ годахъ, въ смыслѣ желанія осуществленія насильственнымъ путемъ извѣстныхъ цѣлей. Этотъ смыслъ нѣсколько узокъ, но зато онъ вполнѣ опредѣлителенъ, что весьма важно, когда имѣешь дѣло съ модным словомъ, съ которымъ люди, разъ употребившіе его, почему-то никакъ не хотѣли разстаться и подкладывали подъ него разно-

образнѣйшія значенія, смотря по тому, какъ варіировались съ теченіемъ времени ихъ взгляды.

XI.

Въ одинъ изъ тѣхъ самыхъ лѣтнихъ дней 1862 года, когда Лассаль велъ свою пропаганду въ Германіи, все полицейское управленіе города Парижа было взволновано повелѣніемъ, полученнымъ изъ канцеляріи императора Наполеона III и по характеру своему занявшимъ совершенно исключительное мѣсто среди всевозможныхъ „входящихъ" бумагъ. Дѣло заключалось въ слѣдующемъ. Являются къ префекту полиціи Буателю двое рабочихъ—Анри Толэнъ и Фрибуръ—и просятъ выдать имъ паспорты для поѣздки въ Лондонъ, на происходившую тогда (въ 1862 г.) всемірную выставку, въ качествѣ депутатовъ отъ парижскихъ рабочихъ. „Отъ какихъ парижскихъ рабочихъ?"—поинтересовался Буатель.—„Отъ союза парижскихъ рабочихъ",—отвѣчали просители.—„Рабочіе союзы запрещены закономъ. Такія ассоціаціи не имѣютъ права существовать и выбирать делегатовъ". На всѣ дальнѣйшія просьбы префектъ давалъ рѣзкоотрицательный отвѣтъ. Тогда Толэнъ и Фрибуръ рѣшили прибѣгнуть къ единственной возможной мѣрѣ—и обратились къ самому императору. Наполеонъ III, къ удивленію лицъ, интересовавшихся дѣломъ, приказалъ префекту выдать паспорты. Опять приходятъ Толэнъ и Фрибуръ къ Буателю, уже за паспортами. „Вотъ вамъ паспорты, — сказалъ префектъ, — но замѣтьте себѣ хорошенько, что документы эти выдаются вамъ въ видѣ исключенія, что это—подарокъ его величества государя, который стоитъ выше закона. Увѣряю васъ, что еслибы это зависѣло отъ меня,—ничего подобнаго во Франціи не случилось бы". Этотъ Буатель является въ своемъ родѣ любопытнымъ психологическимъ типомъ. Если наши читатели припомнятъ такъ прекрасно и наглядно обрисованную авторомъ „Misérables" фигуру полицейскаго Жавера, то они не ошибутся, отождествивъ Буателя съ героемъ Виктора Гюго. Прямолинейный фанатикъ идеи порядка и строгой власти, тонкій ищейка, всегда безошибочно чуявшій врага на далекомъ разстояніи,—Буатель не обманулся въ своемъ инстинктѣ и на этотъ разъ. Ничего особенно „опаснаго" въ его смыслѣ изъ поѣздки двухъ делегатовъ, положимъ, не вышло. Но во всякомъ случаѣ и Наполеонъ, разрѣшая выдать паспорты, врядъ-ли предвидѣлъ „возню" и непріятности, которыя произо-

шли. Толэнъ и Фрибуръ съ жаднымъ интересомъ приглядывались и прислушивались въ Лондонѣ къ окружающему, и вернулись въ Парижъ, восхищенные „трэдъ-юніонами“. Идея легальныхъ рабочихъ союзовъ, *далекихъ отъ политической борьбы*, заботящихся только и исключительно о спеціально-экономической сторонѣ рабочаго быта, овладѣла ими всецѣло.

Весь 1863 годъ прошелъ въ дѣятельной популяризаціи въ Парижѣ трэдъ-юніоновъ; неожиданное обстоятельство помогло затѣѣ. Въ Польшѣ вспыхнуло возстаніе; Наполеону понадобилось для чисто-дипломатическихъ цѣлей и интригъ устроить рядъ демонстрацій противъ русскаго правительства, и поэтому онъ посодѣйствовалъ уже по своей иниціативѣ новой поѣздкѣ французскихъ рабочихъ въ Лондонъ, для принятія участія въ митингѣ въ пользу поляковъ. Вотъ здѣсь-то, въ эту поѣздку, и окрѣпла мысль, къ которой давно уже склонялись Толэнъ и Фрибуръ. Французскій законъ гласилъ, что нельзя на территоріи имперіи устроивать рабочіе союзы, но онъ ничего не имѣлъ противъ участія французскихъ подданныхъ въ уже существующихъ или открывающихся за границею ассоціаціяхъ. Слѣдовательно, если-бы основать въ Англіи общество рабочихъ, то всѣ французскіе рабочіе станутъ смѣло записываться въ его члены: извѣстное единеніе будетъ достигнуто. Въ Пруссіи лишь вполнѣ миролюбивое отношеніе къ правительству гарантировало жизненность и популярность новаго предпріятія. Когда Лассаль говорилъ о необходимости всеобщаго избирательнаго права, онъ, съ одной стороны, настаивалъ, что исключительно мирная агитація путемъ слова и убѣжденія должна сдѣлать эту мысль популярною и склонить правительство къ ея осуществленію; съ другой стороны, пытался путемъ „союза“ съ Бисмаркомъ получить искомое, и слухи объ этихъ сношеніяхъ и переговорахъ отнюдь не вредили дѣлу,—точно также Толэнъ, Фрибуръ и ихъ товарищи, разговаривая въ 1862, 1863 и 1864 годахъ съ старыми эмигрантами, „якобинцами“ и революціонерами 1848 года, укрывшимися въ Англіи отъ преслѣдованія, всячески старались убѣдить ихъ, что новое затѣваемое ими „интернаціональное общество“ только тогда будетъ имѣть успѣхъ во Франціи,—если не обнаружитъ никакихъ враждебныхъ чувствъ по отношенію къ императору. Эмигранты сердились, повторяли старомодныя пышныя фразы, говорили, что рабочіе „предаютъ дѣло свободы“, что ихъ вожди подкуплены Бонапартами; представители парижскихъ рабочихъ возражали, что „ихъ собратьямъ пора думать о своихъ насущныхъ интересахъ, а не о замѣнахъ королей императорами и

императоровъ королями". Договориться эти спорщики, разумѣется, не могли ни до чего. Впрочемъ, французскіе эпигоны 1848 года до такой степени не понимали измѣнившейся картины, что ни въ какомъ отношеніи не могли быть полезны иниціаторамъ „интернаціональнаго общества". Въ концѣ-концовъ обратились къ иностраннымъ знаменитостямъ эмиграціи—къ Маццини, Марксу и другимъ. Статуты новаго общества, выработанные Марксомъ, были приняты общимъ собраніемъ (1-го ноября 1864 г.) единогласно, такъ же, какъ единогласно было высказано одобреніе его вступительной рѣчи, которую онъ предпослалъ статутамъ. Но раньше, нежели мы обратимся къ этимъ работамъ, замѣтимъ слѣдующую важную черту. Толэнъ и Фрибуръ, какъ уже было замѣчено, желали основать такое общество, которое могло бы объединить французскихъ рабочихъ, и, въ виду прямого запрета со стороны законодательства, рабочія ассоціаціи во Франціи остановились на мысли устроить организацію въ Лондонѣ, съ тѣмъ, чтобы французскіе рабочіе числились ея членами. Въ уставѣ Толэна и Фрибура слово „internationale" имѣло значеніе главнымъ образомъ какъ наиболѣе осмысленная и мотивированная кличка для общества, находящагося въ Англіи и состоящаго изъ французовъ. Назвать ассоціацію французскою нельзя было по внѣшнимъ причинамъ, а изъ оставшагося выбора слово „internationale" казалось наиболѣе подходящимъ; но, конечно, и тѣни намѣренія подчеркнуть „интернаціонализмъ" у Толэна, Фрибура и ихъ товарищей не было. Теперь посмотримъ, что сдѣлалъ Марксъ. Слишкомъ отрезвленная мысль была въ 60-хъ гг. у этого человѣка, чтобы надѣяться на основаніе „боевой интернаціонали", и какъ склонны были смотрѣть на это общество весьма многіе уже послѣ разгрома парижской коммуны; настолько все-же зналъ онъ исторію, чтобы не забыть страшную рѣдкость международныхъ насильственныхъ протестовъ противъ соціальнаго уклада; не могъ онъ приравнять свое время къ эпохѣ общеевропейскихъ крестьянскихъ бунтовъ XVI вѣка или даже хотя бы къ 1848 году. Но, съ другой стороны, онъ не оставилъ въ неприкосновенности начинавшей-было слагаться трэдъюніонистской физіономіи новаго общества. Марксъ захотѣлъ, чтобы оно носило международный характеръ въ смыслѣ „классовой организаціи", которая могла бы содѣйствовать знакомству и сближенію членовъ европейскаго четвертаго сословія.

Интернаціональное общество по своимъ статутамъ было организаціей для „поднятія духовнаго уровня и самосознанія трудящихся массъ, для моральнаго единенія европейскихъ рабочихъ",

а вовсе не конспиративнымъ обществомъ (nicht konspiratorische Gesellschaft), по опредѣленію одного изъ главныхъ участниковъ [1]). Не только въ теоріи, а и на практикѣ интернаціональное общество оставалось вполнѣ мирною ассоціаціей, ставившею себѣ въ видѣ конечнаго идеала и полное преобразованіе, и вмѣстѣ съ тѣмъ никогда не прибѣгавшею къ внушенію своимъ членамъ насильственнаго образа дѣйствій противъ какого бы то ни было правительства. *Экономическая*, а не политическая борьба, *стачки*, а не революціи—вотъ что составляло содержаніе короткой жизни интернаціональнаго общества. Та густая завѣса сознательной лжи, запугиваній и самозапугиваній, которая окутала непроницаемою дымкою интернаціональ послѣ парижской коммуны, препятствовала довольно долго ознакомленію съ истиннымъ характеромъ общества. Началось оно, какъ мы видѣли, отчасти подъ императорскою эгидою, хотѣло стать французскимъ трэдъ-юніономъ, сдѣлалось центральнымъ бюро пропаганды и, быть можетъ, мирно просуществовало бы до своей естественной смерти, если-бы не одинъ характерный эпизодъ. Но раньше, чѣмъ коснемся этого эпизода, пояснимъ, что смерть интернаціонали сдѣлалась вполнѣ естественною, когда ассоціація оказалась ненужною. Вѣдь и безъ того всю „текущую политику“ интернаціональ предоставляла отдѣльнымъ уже существующимъ или же имѣющимъ зародиться мѣстнымъ партіямъ, себѣ же отводила роль, такъ сказать, представительства всего европейскаго рабочаго пролетаріата, верховное наблюденіе за „неприкосновенностью основныхъ принциповъ“. Всѣ эти функціи, по мѣрѣ того, какъ крѣпли національныя партіи, захватывались ими: интернаціональ стала излишней—и исчезла.

XII.

„Въ концѣ ноября мы получили отъ Бакунина слѣдующее письмо: „15-го октября 1861 г. Друзья, послѣ долгаго странствованія, сегодня прибылъ я въ Санъ-Франциско. Друзья, всѣмъ существомъ стремлюсь я къ вамъ, и, лишь только пріѣду, примусь за дѣло... Разрушеніе, полное разрушеніе австрійской имперіи будетъ моимъ послѣднимъ словомъ; не говорю—дѣломъ, это было бы слишкомъ честолюбиво; для служенія ему я готовъ идти въ барабанщики или даже въ прохвосты“... Вскорѣ послѣ этого сан-

[1]) „Der Hochverraths-Prozess wider Liebknecht, Bebel, Hepner“ (Berl. 1894), стр. 265

гвинического извѣстія Бакунинъ прибылъ къ своему другу. Вотъ какъ тотъ его характеризуетъ: „Онъ былъ тотъ же, онъ состарѣлся только тѣломъ, духъ его былъ молодъ и восторженъ, какъ въ Москвѣ, во время всенощныхъ споровъ съ Хомяковымъ; онъ былъ такъ же преданъ той идеѣ, такъ же способенъ увлекаться, видѣть во всемъ исполненіе своихъ желаній и идеаловъ и еще больше готовъ на всякіе опыты, на всякую жертву... Онъ тяготился долгимъ изученіемъ, взвѣшиваніемъ pro и contra, и рвался, довѣрчивый и отвлеченный, какъ прежде, къ дѣлу... Фантазіи и идеалы, съ которыми его заперли въ Кенигштейнѣ въ 1849 году, онъ сберегъ и привезъ ихъ, черезъ Японію и Калифорнію, въ 1861 году, во всей цѣлости. Даже языкъ его напоминалъ статьи „Реформы“ и „Vraie République“, рѣзкія рѣчи „de la Constituante“ и клуба Бланки. Тогдашній духъ партій, ихъ исключительность, ихъ симпатіи и антипатіи къ лицамъ, пуще всего ихъ вѣра въ близость второго пришествія революціи, все было на лицо... Европейская реакція не существовала для него, не существовали и тяжелые годы отъ 1848 до 1858; они были ему извѣстны вкратцѣ, издалека, слегка. Онъ ихъ *прочелъ*, будучи въ пустынѣ, такъ, какъ читалъ въ Кайдановѣ (учебникъ) о пуническихъ войнахъ и о паденіи римской имперіи. Какъ человѣкъ, возвратившійся послѣ мора, онъ слышалъ о тѣхъ, которые умерли, и вздохнулъ о нихъ обо всѣхъ; но онъ не сидѣлъ у изголовья умирающихъ, не надѣялся на ихъ спасеніе, не шелъ за ихъ гробомъ. Совсѣмъ напротивъ, событія 1848 года были возлѣ, близки къ сердцу... все это было для него вчера, звенѣло въ ушахъ, мелькало предъ глазами“...

Мы привели эту длинную выписку потому, что она весьма отчетлива въ своихъ краскахъ и вводитъ насъ прямо in medias res. Бакунинъ по своей психологіи былъ обломкомъ минувшей эпохи, смотрѣвшимъ на шестидесятые годы тѣмъ взглядомъ, который былъ у него только въ 48-мъ году. Этому человѣку и суждено было нарушить внутреннюю жизнь „интернаціональнаго общества“. Сначала онъ вполнѣ одобрилъ статуты и рѣчь Маркса, которые подкупили его подчеркиваніемъ конечныхъ цѣлей общества, но это продолжалось весьма недолго. Призракъ 48-го года, заблудившійся среди другого поколѣнія, онъ желалъ рѣшительно и немедленно перейти къ „дѣйствіямъ“; въ сущности, онъ представлялъ себѣ возможнымъ быть „Revolutionsmaker“, дѣлателемъ революцій, какъ графъ Варвикъ былъ „Kingsmaker“, „дѣлатель королей“. Но спеціальность героя войны алой и бѣлой розы оказалось гораздо продуктивнѣе и легче. Когда Бакунинъ совершенно

ясно увидѣлъ, что практическая политика интернаціональнаго общества расходится весьма рѣзко съ его желаніями, онъ тотчасъ же началъ работать надъ созданіемъ новой самостоятельной группы. Уже на третьемъ конгрессѣ 1868 года (въ Брюсселѣ) онъ заставилъ обратить общее вниманіе на новое теченіе въ „интернаціонали"; депутаты романскихъ странъ—особенно Испаніи и Италіи—его поддерживали. Въ томъ же году основалась бакунистская „Alliance internationale de la démocratie socialiste", которая въ своемъ манифестѣ заявляла солидарность съ интернаціональю по вопросамъ принципіальнымъ, но прибавляла нѣкоторыя требованія, касавшіяся религіи, эмансипаціи женщинъ etc. Въ качествѣ способовъ дѣйствія, „Alliance" рѣшила прибѣгать къ заговорамъ бланкистскаго типа, къ прямому содѣйствію и поддержкѣ всякому революціонному „начинанію" въ западной Европѣ. Почему-то въ особенно сильной дозѣ сыпались рѣчи и велась полемика противъ учрежденій религіознаго характера: о такой анти-клерикальной, рѣзко выраженной тенденціи и помину не было въ засѣданіяхъ интернаціонали. За отсутствіемъ другихъ объясненій, можно вспомнить о романской расѣ, преобладавшей среди членовъ новой организаціи, т.-е. о расѣ, которая въ громадномъ большинствѣ исповѣдуетъ католицизмъ и подвергается весьма вліятельнымъ клерикальнымъ воздѣйствіямъ: рѣзкіе враги всего существующаго порядка вещей, члены „Alliance" остановились и на этой сторонѣ дѣла. Вскорѣ „Alliance" стала уже вполнѣ анархистской по своимъ идеямъ, и тогда всякая связь между нею и „интернаціональю" должна была порваться. Ссоры, раздоры, сплетни, неудовольствія между Марксомъ и Бакунинымъ и ихъ приверженцами не прекращались; оба они (за вычетомъ принципіальныхъ причинъ) какъ-то слѣпо и яростно другъ друга ненавидѣли и доходили до самыхъ неожиданныхъ взаимныхъ обвиненій и навѣтовъ.

Вліяніе Маркса на интернаціональ превышало авторитетъ Бакунина, и послѣдній, вмѣстѣ со своими товарищами, былъ, наконецъ, исключенъ изъ числа членовъ международной организаціи. Это произошло, впрочемъ, уже тогда, когда интернаціональ являлась лишь трупомъ, ожидавшимъ близкихъ похоронъ. Какъ уже было сказано, всѣ ея функціи были поглощены мѣстными національными партіями; самая же регламентированная и вліятельная изъ этихъ національныхъ партій сложилась окончательно лишь послѣ двухъ событій, опредѣлившихъ, по крайней мѣрѣ, на четверть вѣка всю европейскую политику и поддер-

жавшихъ во всей силѣ то настроеніе, которое родилось послѣ 1848 года.

Франко-прусская война и паденіе парижской коммуны произошли почти одновременно и способствовали, хотя и разными путями, одинаковому конечному моральному результату.

XIII.

Одною изъ характерныхъ чертъ европейской жизни послѣ крымской кампаніи явилось усиленіе военной жизни первоклассныхъ державъ. Болѣе чѣмъ когда-либо вопросъ о наличности сильной арміи сдѣлался вопросомъ національнаго самосохраненія. Время отъ 1815 до 1848 гг. было эпохой, когда европейскихъ войнъ не происходило за такими совершенно незначительными исключеніями, какъ, напримѣръ, франко-испанское столкновеніе 1823 г. Это была пора боязни революцій и карбонаріевъ, преувеличеннаго страха предъ таинственными заговорами, пора традицій „священнаго союза", по крайней мѣрѣ, въ той ихъ части, которая касалась охраны международнаго порядка. Франція при Бурбонахъ почти отсутствовала на европейской политической сценѣ уже по тому одному, что была слишкомъ поглощена внутренней борьбой: съ 1830 года французское правительство старательнѣйшимъ образомъ избѣгало всякихъ поводовъ къ вооруженному конфликту: не было жертвы, которую задумался бы принести Луи-Филиппъ для поддержанія мира. Любопытная особенность эпохи заключается въ томъ, что и державы тогда группировались по отличительнымъ особенностямъ системы ихъ управленія: на западныя, парламентарныя, и на восточныя, абсолютистскія,—и несмотря на всѣ столкновенія между Англіей и Франціей, эта группировка довольно многозначительно подчеркивалась. Пруссія и Австрія, въ особенности первая, находились подъ могущественнымъ давленіемъ Россіи, которая собственно и могла бы одна играть вполнѣ активную роль во внѣшней политикѣ на континентѣ, но опять-таки основной мотивъ всѣхъ дѣйствій Нессельроде сводился къ борьбѣ съ тѣмъ, что тогда называлось европейской „революціонной" пропагандой. Матеріальныя выгоды, территоріальные „результаты" довольно явственно отступали при этомъ на второй планъ. Нѣмецкимъ державамъ отводилась роль буффера противъ наплыва революціонныхъ идей изъ Франціи, за что имъ гарантировались покровительство и благосклонное отношеніе, чѣмъ эти державы почти все время оставались очень довольны.

Развивавшаяся безостановочно экономическая жизнь все громче и настоятельнѣе кричала противъ всѣхъ этихъ, если умѣстно будетъ такъ выразиться, идеалистическихъ отношеній; теоретическія и моральныя построенія, національныя симпатіи и антипатіи требовали также передѣлки status quo. Промышленныя буржуазіи западной Европы, при полной, коренящейся въ самомъ существѣ дѣла, непримиримости своихъ интересовъ, нуждались въ сильной активной и самостоятельной политикѣ; національное самолюбіе прусскаго общества оскорблялось восточнымъ вмѣшательствомъ; французскій шовинизмъ негодовалъ на Луи-Филиппа за скромность и робость; и крупныя, и мелкія, и экономическія, и моральныя причины, на которыхъ некстати было бы тутъ подробно останавливаться, еще до 1848 года подкашивали положеніе, созданное дипломатіей восточныхъ державъ. 1848-ой годъ довершилъ дѣло замѣны одной международной политической системы другою; можетъ быть, эта перемѣна и оказалась единственно прочной изъ всѣхъ событій и послѣдствій 1848 года; слово *навсегда* вообще употреблять довольно рискованно, когда рѣчь идетъ объ исторіи дипломатіи, но, во всякомъ случаѣ, на очень долгое время система первой половины вѣка стушевалась и поблекла.

Это измѣненіе обусловило въ весьма сильной степени увеличеніе военнаго могущества европейскихъ державъ (конечно, понимая военное могущество здѣсь въ абсолютномъ, а не относительномъ смыслѣ слова). Международное соревнованіе выступило на первый планъ и потребовало созданія колоссальныхъ армій и постояннаго стремленія къ совершенствованію боевого оружія; европейскія правительства становились годъ отъ году абсолютно сильнѣе (относительныя ихъ средства насъ здѣсь не интересуютъ); можетъ быть, со временъ установленія въ Европѣ сословныхъ монархій не было такого быстраго увеличенія правительственной власти, какъ въ послѣднее пятидесятилѣтіе. Мы говоримъ тутъ не только о моральномъ вѣсѣ этой власти (чего мы коснулись въ предшествующихъ главахъ), но также и о приращеніи чисто физической мощи. Относительная для внѣшней политики, эта мощь была абсолютной для внутреннихъ отношеній; матеріальная консолидація правительства и во Франціи, и въ Австріи, и въ Германіи, придала особую цѣну его твердой тенденціи поддерживать общественный порядокъ, и въ этомъ-то заключается причина, почему, говоря объ эволюціи общественнаго настроенія въ Европѣ, нельзя не коснуться и милитаризма. „Какими карточными домиками разлетѣлись бы іюльскія баррикады 1830 года и мартовскія 1848 года отъ одного выстрѣла крупповской пушки!“

Однако, 1871-й годъ, срединный годъ описываемаго милитарнаго періода, былъ временемъ, когда во Франціи вдругъ восторжествовало радикальное возстаніе; это обязываетъ насъ напомнить условія его торжества.

XIV.

Франко-прусская война является въ своемъ родѣ единственною по необыкновенно быстрому уничтоженію регулярныхъ армій побѣжденной страны. 15-го іюля (н. ст.) была объявлена война, а черезъ 50 дней въ распоряженіи французскаго правительства оставалось лишь пятьдесятъ генераловъ, шесть тысячъ офицеровъ и сто-семьдесятъ-четыре тысячи солдатъ, запертыхъ въ Мецѣ. Имперія была низвержена, такъ какъ, разумѣется, въ Парижѣ оппозиція противъ бонапартизма являлась болѣе сильной, чѣмъ гдѣ бы то ни было въ другомъ мѣстѣ. Пока правительство располагало всѣми своими физическими силами, эта оппозиція не могла и думать о возстаніи, да и не только за страхъ, но и за совѣсть весьма многіе изъ лицъ, причислявшихъ себя къ оппозиціи, серьезно не желали даже чисто политической революціи. Не даромъ третью республику на первыхъ порахъ называли „республикой безъ республиканцевъ“. Негодованіе противъ того, кого считали виновникомъ седанской катастрофы, воспоминанія, выраженныя въ словахъ прокламаціи Hôtel de Ville: „республика спасла насъ отъ нашествія 1792 года“, желаніе и необходимость поскорѣе перенести на кого-нибудь другого свое довѣріе, не оправданное капитулировавшимъ императоромъ, — все это способствовало внезапному взрыву, а не удастся этотъ взрывъ *не могъ*, вслѣдствіе самаго полнаго *отсутствія сопротивленія*. Немногочисленные батальоны, остававшіеся въ Парижѣ, можетъ быть, могли бы на нѣсколько часовъ задержать торжество возставшихъ, еслибы они пытались противодѣйствовать, но они опустили свои ружья, а офицеры разошлись по домамъ: 4-го сентября совершилась единственная въ исторіи Франціи перемѣна правительства, имѣвшая революціонный видъ и не стоившая ни одному человѣку жизни. Черезъ семь недѣль капитулировалъ наконецъ и Базенъ, и для насъ обстоятельства, сопровождавшія эту капитуляцію, въ особенности любопытны. Дѣло въ томъ, что какъ только 31-го октября, утромъ, появилось въ Парижѣ извѣстіе о паденіи Меца, вспыхнуло броженіе противъ республиканскаго правительства, провозглашеннаго 4-го сентября. Грегуаръ превосходно характеризуетъ положеніе дѣлъ: „Лица, вла-

дѣвшія 4-го сентября властью, жили точно на плоту, готовомъ каждую минуту погрузиться въ воду. Они представляли собою какъ бы золотую середину, и на этомъ основаніи были приняты всѣми партіями въ минуту страшной опасности; но въ дѣйствительности они занимали совершенно изолированное положеніе. Крайнія фракціи республиканской партіи, желавшія коммуны, считали ихъ реакціонерами и боролись съ ними, какъ съ монархистами, а монархисты и католики ненавидѣли ихъ наравнѣ съ самыми злѣйшими революціонерами; если монархисты и оказывали имъ помощь, то только противъ воли, изъ страха передъ крайнею партіею. Правительство національной обороны не располагало при этомъ ни одною изъ организованныхъ силъ, находящихся обыкновенно въ распоряженіи правильно организованной власти. Оно начало свою дѣятельность съ обрывкомъ арміи... полиція отсутствовала".

Взятіе Меца пруссаками до такой степени ослабило и пошатнуло положеніе правительства въ Парижѣ, что стало возможнымъ событіе, которое по всей справедливости можетъ быть названо первымъ предзнаменованіемъ, первою зарницею коммуны: Флурансъ, Мильеръ, Феликсъ Піа, Делеклюзъ, Бланки, сопровождаемые громадной толпой, ворвались въ зданіе Думы. Они больше перепугали правительство, чѣмъ нанесли ему серьезный вредъ въ этотъ день, 31-го октября. Война вступала въ свой самый болѣзненный фазисъ; вниманіе общества было направлено только и исключительно на вѣроятныя условія будущаго мира, на новыя и новыя свѣдѣнія, приходившія изъ восточныхъ провинцій о страшныхъ опустошеніяхъ, производимыхъ пруссаками, на шансы всенароднаго ополченія. Парижъ съ недоумѣніемъ и апатіей отнесся къ происшествію 31-го октября; Франція даже не замѣтила его.

Вскорѣ подоспѣли событія, которыя на время сдѣлали невозможною какую бы то ни было сильную внутреннюю борьбу; началась осада Парижа. Послѣ прекращенія военныхъ дѣйствій и сдачи столицы, трудно было бы даже рѣшить, чей нравственный маразмъ и чье физическое изнеможеніе больше — войскъ или парижанъ. Громадное большинство парижанъ, конечно, было недовольно правительствомъ и обнаруживало наклонность обвинять именно его неумѣлость, неловкость и трусливость въ ужасныхъ пунктахъ мирнаго условія и въ бѣдствіяхъ, которыя теперь всѣ оказывались безплодными и напрасными. Но это недовольство у большинства выразилось самымъ мирнымъ способомъ: на выборахъ члены правительства были

(кромѣ Жюля Фавра, Гамбетты и Доріана) забаллотированы во всѣхъ парижскихъ округахъ; однако эти же выборы, на которыхъ прошли Делеклюзъ, Луи Бланъ, Ледрю-Ролленъ, Мильеръ, Феликсъ Піа, Малонъ, — показали, что радикальная группа въ Парижѣ сильна. Идеалы этой радикальной группы были неоднородны: одни желали установленія во Франціи федераціи отдѣльныхъ самоуправляющихся коммунъ; другіе, сверхъ того,—возможно скорѣйшаго перехода къ новому экономическому устройству общества; третьи являлись только республиканцами всѣхъ разновидностей стараго якобинскаго типа, но всѣ вмѣстѣ, во-первыхъ, не вѣрили ни одному слову Тьеровскаго правительства и считали его способнымъ, сознательно или безсознательно, бросить страну къ ногамъ которой-нибудь изъ монархическихъ реставрацій; во-вторыхъ, они являлись единственной группой, сохранившей, среди всеобщаго упадка духа и растерянности, энергію и желаніе дѣйствовать. Эти двѣ черты сходства объединили радикальную партію. Въ этотъ моментъ чисто физической слабости правительства, раздавленнаго внѣшнимъ непріятелемъ, парижскіе радикалы, на сторонѣ которыхъ находилось рабочее населеніе Парижа, и оказались въ состояніи захватить власть надъ Парижемъ. У правительства въ распоряженіи находились исключительно такъ называемые маршевые полки, т.-е. такія воинскія части, которыя были сформированы изъ нестроевыхъ солдатъ, давно вышедшихъ въ запасъ стариковъ, изъ волонтеровъ, которые часто не умѣли стрѣлять. Дисциплина среди этихъ маршевыхъ полковъ до того отсутствовала, что еще до заключенія мира они требовали громогласно прекращенія войны. Рабочіе, всецѣло повиновавшіеся радикальной группѣ, составляли наиболѣе активную часть національной гвардіи, вооруженной съ ногъ до головы и удерживавшей въ своихъ рукахъ 250 пушекъ.

Попытка правительства отнять эти пушки оказалась при описанныхъ условіяхъ совершенно неудачной. Такъ какъ пятидесятидневное владычество коммуны гораздо болѣе объяснимо, какъ случайный военный эпизодъ, чѣмъ какъ послѣдствіе дѣйствительнаго соотношенія общественныхъ силъ, то мы приведемъ изъ сочиненія военнаго историка [1]) справедливо заинтересовавшее его описаніе событія 18-го марта. Описаніе это сдѣлано Жюлемъ Кляреси и заслуживаетъ всякаго довѣрія. „Съ разсвѣтомъ 18-го марта генералъ Леконтъ, пройдя къ Монмартру со стороны Сѣвернаго кладбища, наступалъ съ войсками вдоль

[1]) См. у г. Бліоха

улицы Меркадэ, между тѣмъ какъ генералъ Потюрель шелъ путемъ бульваровъ. Обѣ колонны соединились вокругъ пушекъ (которыя нужно было отнять отъ инсургентовъ). Національные гвардейцы смутились, видя себя окруженными. Только рѣдкими выстрѣлами они обмѣнялись съ жандармами и гражданской стражей, находившимися во главѣ колонны. Національные гвардейцы, взятые въ плѣнъ, были отведены въ улицу Розьé, въ домъ, въ которомъ помѣщался комитетъ, а генералъ Лекомтъ занялся осмотромъ орудій и уничтоженіемъ загородокъ. Онъ ожидалъ лошадей для перевозки орудій, и въ этомъ ожиданіи онъ оставался вмѣстѣ со своими войсками четыре часа, въ теченіе которыхъ солдаты оставались подъ ружьемъ. Въ это время проснувшійся Монмартръ вооружался. На улицахъ били сборъ. Сбѣгались женщины и, приближаясь къ солдатамъ, ругали ихъ или увѣщевали не стрѣлять въ народъ. Это были солдаты маршевыхъ полковъ, пришедшихъ изъ провинціи, деморализованные испытаннымъ пораженіемъ, весьма склонные преклоняться предъ парижанами. Видя себя окруженнымъ толпой и чувствуя опасность своего положенія, генералъ Лекомтъ хотѣлъ-было приказать своимъ стрѣлкамъ очистить штыками дорогу сквозь толпу, обступившую его штабъ, но это оказалось невозможнымъ. Солдаты уже большею частью сложили ружья и вышли изъ повиновенія. Они допустили бунтовщиковъ схватить генерала и отвести въ домъ улицы Розьé, въ которомъ были арестованы національные гвардейцы. Послѣднихъ выпустили, а генералъ Лекомтъ, послѣ отказа его подписать приказъ объ отступленіи войскъ, былъ отведенъ и заключенъ съ нѣкоторыми изъ его офицеровъ въ Шато-Ружъ. Послѣ этого національные гвардейцы пошли по направленію къ солдатамъ колонны, часть коихъ, встрѣчаясь съ ними по дорогѣ, присоединялась къ возмутившимся... Солдаты въ безпорядкѣ разсыпались по Парижу, какъ бы послѣ пораженія".

Борьбы совершенно не было, и городъ попалъ въ руки радикальнаго „центральнаго комитета" въ этотъ день 18-го марта 1871 года столь же легко, какъ 4-го сентября 1870 года онъ попалъ въ руки лицъ, провозгласившихъ республику. Революціонные дѣятели, не взирая на довольно значительныя разногласія въ своихъ экономическихъ взглядахъ, примирились временно на политическомъ идеалѣ федераціи автономныхъ общинъ („коммунѣ"), хотя бланкисты и „якобинцы" весьма скоро повели противъ коммунальнаго правительства внутреннюю борьбу. Въ общемъ же большинство дѣятелей коммунальной эпохи ока-

зались чистыми „политиками“ той или иной разновидности радикальнаго типа, а меньшинство (весьма, впрочемъ, значительное) являлось соціалистическимъ, въ духѣ либо Луи Блана, либо „интернаціональнаго общества рабочихъ“. Вся Франція была, разумѣется, на сторонѣ версальскаго правительства въ его борьбѣ съ коммуной; очень скоро послѣ подавленія коммуны, дала себя знать во всей странѣ сильнѣйшая монархическая оппозиція, но пока провинція всецѣло поддерживала то версальское правительство, которое, по извѣстному Тьеровскому выраженію, являлось въ глазахъ своихъ друзей „борцомъ за цивилизацію“. Ненависть къ парижскому движенію быстро объединила и встряхнула и буржуазію, и крестьянъ, и даже возвращенную изъ прусскаго плѣна армію; правительство получило возможность располагать всѣми своими силами, и взятіе столицы версальцами также свелось исключительно къ тактической проблемѣ. Въ маѣ наступила расплата; правительство какъ будто мстило за свою минутную слабость: даже іюньскіе дни 1848 года не видѣли такого кровопролитія, хотя коммуна за всѣ 53 дня своего господства не произвела на умы правящихъ сферъ такого глубокаго впечатлѣнія, какъ четырехдневныя баррикады въ іюнѣ 1848 года, да и воспоминанія 1871 года оказались менѣе долговѣчными. Нельзя даже сказать, что въ исторіи паденія революціонизма гибель коммуны сыграла особенно замѣтную роль; историческій приговоръ надъ тяжбою двухъ классовъ, состоявшійся въ 1848 году, продолжалъ тяготѣть надъ ними обоими,—безпомощность и оброшенность коммуны только иллюстрировали все глубже и шире распространявшееся убѣжденіе, что время для „кассаціи“ этого приговора насильственнымъ путемъ—прошло. Но раньше, чѣмъ перейти къ заключенію нашей статьи, мы должны коснуться явленія, развившагося на европейской почвѣ уже послѣ парижской коммуны и находящагося съ нею въ нѣкоторой—не только хронологической—связи.

XV.

Анархизмъ принадлежитъ къ такимъ явленіямъ европейской жизни, которыя труднѣе всего поддаются вполнѣ точному анализу, не столько вслѣдствіе своей сложности, сколько вслѣдствіе терминологической путаницы, сопряженной съ ихъ обозначеніями. Анархическія теоріи Каспара Шмидта (Макса Штирнера), Прудона и другихъ подобныхъ имъ писателей, не стоятъ рѣшительно

ни въ какой связи съ анархистской „практикой", и однако, какъ теорія, такъ и практика обозначаются однимъ и тѣмъ же терминомъ. Прямымъ переходомъ, живымъ мосткомъ, отъ старыхъ теоретиковъ къ новѣйшему движенію явился Бакунинъ, но логичностью эта связь никогда не могла похвалиться.

Въ существѣ дѣла анархистская теорія—фантазія, желающая стать дѣйствительностью, и анархистская практика—дѣйствительность, похожая на кровавый бредъ,—не стоятъ и не могутъ стоять ни въ какой причинной зависимости. Начиная съ средневѣковыхъ „братьевъ свободнаго духа", продолжая крайними германскими сектами временъ реформаціи, и наконецъ кончая упомянутыми теоретиками XIX столѣтія, анархистскія воззрѣнія—то вплотную, то мимолетно, то маленькими искорками, то большимъ пожаромъ—не переставали появляться въ Европѣ. Весьма часто (хотя не всегда) анархистская теорія въ качествѣ непремѣннаго условія для своего осуществленія требовала и предполагала общую близость къ нравственному совершенству, безъ котораго уничтоженіе общественной власти представлялось слишкомъ рискованнымъ предпріятіемъ. Индивидуально-этическая окраска осталась присущей въ той или иной мѣрѣ всѣмъ анархистскимъ теоріямъ. Ни одно изъ этихъ ученій не могло сдѣлаться никогда популярнымъ въ XIX вѣкѣ, когда исчезла всякая тѣнь какого бы то ни было этическаго оптимизма, вѣры въ возможность быстраго искорененія анти-соціальныхъ инстинктовъ человѣческой природы. Второю причиною полнаго равнодушія народныхъ массъ къ анархистскимъ теоріямъ можно счесть ихъ радикальное противорѣчіе съ такими общественными идеалами, которыхъ осуществленіе обусловлено наличностью сильной правительственной власти, хотя бы и находящейся въ рукахъ четвертаго сословія. Одновременный успѣхъ соціализма и анархизма былъ бы логической нелѣпостью и исторической невозможностью, и тѣ враждебность и недовѣріе, которыя никогда не прекращались между представителями обоихъ теченій, довольно краснорѣчиво свидѣтельствуютъ, что внутренняя ихъ противоположность не могла ни на минуту замаскироваться.

Наступили семидесятые годы; возникла и пала коммуна; милитаризмъ все болѣе и болѣе упрочивалъ господствующій строй; колоніальная политика міровыхъ державъ въ 80-хъ и 90-хъ годахъ привела къ раздѣлу и захвату внѣ-европейскихъ земель, послужившихъ новымъ рынкомъ для сбыта произведеній промышленности и новымъ клапаномъ для выхода капиталистическихъ паровъ; обозначившаяся уже послѣ 1848 года невозможность

ждать соціальнаго кризиса становилась все болѣе и болѣе очевидной,—и какъ разъ въ это время начались анархистскія покушенія. Для будущаго изслѣдователя исторической патологіи анархистская практика представитъ неистощимый и незамѣнимый матеріалъ для выводовъ, и уже, конечно, меньше всего его займетъ связь между практикой и теоріей анархизма. Анархистская „практика" развилась какъ разъ въ тѣ годы, когда революціонизмъ окончательно исчезъ изъ настроенія рабочей партіи и еще не вполнѣ исчезъ изъ ея „оффиціальной" программы. Анархизмъ задумалъ взять на себя роль „перваго шага", „перваго толчка", и полное его фіаско въ этой роли весьма скоро выяснилось вполнѣ удовлетворительно. Анархистскія покушенія продолжались уже какъ проявленіе чисто индивидуальныхъ чувствъ, стоявшихъ въ полномъ противорѣчіи съ чувствами большинства. Весьма сложный душевный комплексъ этихъ людей совершенно не можетъ входить въ рамки научной работы; психологія лютой озлобленности и безнадежности со всѣми своими послѣдствіями могла бы стать ясной только подъ перомъ художника. Великій и мрачный геній Достоевскаго могъ бы не погнушаться такой темы, и только ему она и была бы по плечу; но такъ какъ за послѣднія десятилѣтія во всемірной литературѣ Достоевскихъ не было, а были только Зола, то въ формѣ художественнаго изображенія анархиста читающая публика получила одну смѣшную картонную фигурку Сальва (въ „Paris"), который на протяженіи многихъ печатныхъ листовъ не произноситъ ни одного слова, дико озирается и держитъ руку за пазухой, гдѣ у него помѣщена бомба.

Кончая эти бѣглыя замѣчанія, замѣтимъ, что если самое появленіе анархистской практики знаменовало собою послѣднія судорожныя усилія единичныхъ лицъ приблизить общественный кризисъ, все болѣе и болѣе исчезавшій за горизонтомъ историческаго предвидѣнія, то полная неудача этой „практики" еще разъ подчеркнула невозможность искусственнымъ путемъ воскресить застывшее настроеніе и заглохшія привычки мысли, и обнаружила всю нелѣпость и безплодность такихъ попытокъ.

XVI.

Въ началѣ настоящей работы мы имѣли случай указать на тотъ фактъ, что усиленію рѣзкости движенія въ первой половинѣ XIX столѣтія не мало способствовала предполагавшаяся не-

возможность ожидать улучшенія своей судьбы отъ правящихъ круговъ, отъ правительства и капиталистовъ. Этотъ психологическій мотивъ не слѣдуетъ упускать изъ виду, хотя нѣтъ особой нужды преувеличивать его значеніе. Во второй половинѣ кончающагося столѣтія, положеніе вещей и тутъ измѣнилось: громадное, неслыханное развитіе промышленности позволяло капиталистамъ мириться и съ укороченіемъ рабочаго дня, и съ повышеніемъ заработной платы, и съ обязательными страхованіями, а упрочившіеся новые политическіе порядки, съ участіемъ рабочихъ въ парламентахъ, давали этому толчокъ. Положеніе рабочаго класса во всѣхъ промышленныхъ странахъ улучшилось, и обнаружилась даже небывалая раньше тенденція: извѣстная часть рабочаго класса, ставя въ зависимость развитіе собственнаго благосостоянія отъ захвата государствомъ внѣшнихъ рынковъ, сблизилась съ промышленною буржуазіей какъ разъ въ области самыхъ существенныхъ вопросовъ; увлеченіе милитаризмомъ, маринизмомъ и колоніальными успѣхами несомнѣнно коснулось уже и англійскаго, и нѣмецкаго, и французскаго рабочаго. Такимъ образомъ, если рабочій классъ въ его цѣломъ пересталъ быть революціоннымъ *за страхъ*, то часть этого класса перестала быть революціоннымъ *и за страхъ, и за совѣсть*.

Констатируя этотъ фактъ, необходимо предостеречь отъ слишкомъ ужъ большого преувеличенія его значенія. Часто слышатся голоса, исходящіе иногда отъ несомнѣнно добросовѣстныхъ знатоковъ Германіи, что недавно вышедшая книга Бернштейна, окончательно хоронящая старое направленіе, и полная побѣда, одержанная этой книгою, объясняются тѣми „эксплоататорскими инстинктами“, которые живутъ въ душѣ многихъ членовъ рабочаго класса и заставляютъ его вмѣстѣ съ буржуазіей привѣтствовать отвоеваніе внѣшнихъ рынковъ у другихъ націй. Объяснять дѣло такъ—значитъ брать pars pro toto, часть причинъ вмѣсто ихъ совокупности. Книга Бернштейна, побѣдившая въ 1899 году, начавшая побѣждать въ 1897 и 1898, когда она еще появлялась статьями, ничего новаго въ кризисъ не внесла. Не съ девятидесятыхъ и не съ восьмидесятыхъ, и не съ семидесятыхъ годовъ началось то движеніе, окончательнымъ литературнымъ учетомъ котораго явилась книга Бернштейна. Вся предлагаемая нами работа стремится показать, что соціальныя причины дѣйствовали въ этомъ смыслѣ и раньше, и сильнѣе, чѣмъ чисто экономическія; исчезла брешь въ линіи правящихъ классовъ; ихъ лагерь объединился и примирился; его дисциплина возросла; его средства обороны и нападенія, и численно, и технически, усили-

лись,—и то, что̀ прежде его врагамъ казалось (и то лишь казалось) возможностью,—стало очевиднымъ донъ-кихотствомъ. На этой почвѣ ученіе о „катастрофахъ“ вывѣтрилось и потеряло жизненность; о немъ говорили, но ему не вѣрили. Изъ году въ годъ въ Сенъ-Галленѣ, въ Эрфуртѣ, въ Штутгартѣ, повторялись стереотипныя фразы, мертвыя, сѣрыя, холодныя... Настали девятидесятые годы; колонизаторскіе успѣхи, дѣйствуя въ ту же сторону, не усилили движенія особенно замѣтно, а только привнесли въ него новый характерный элементъ: „эвдемонизмъ“, тенденцію вѣрить въ добрые плоды совершающейся эволюціи. Бернштейнъ предлагалъ своей партіи „сдѣлаться и по имени“ тѣмъ, что̀ она есть уже давно на самомъ дѣлѣ, т.-е. партіей мирныхъ реформъ: эта партія дѣйствительно таковою давно уже стала.

Сознаніе, что, въ предѣлахъ историческаго предвидѣнія, нельзя толковать ни о какомъ „кризисѣ“; что начертанная, пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ, схема оказалась совершенно неоправданною; что исторія пошла по совсѣмъ другому руслу,—для многихъ явилось слишкомъ болѣзненнымъ. Ломка старыхъ вѣрованій дешево не обходится ни тѣмъ, въ душѣ которыхъ она происходитъ, ни тѣмъ, кого въ ней обвиняютъ. Ни въ чемъ неповинная, скучная, наполненная добродушными, беззубыми нѣмецкими остротами [1]), брошюра Бернштейна попала подъ такой залпъ полемическихъ выстрѣловъ, которые психологически вполнѣ понятны, но юридически несправедливы, ибо поражаютъ невиновнаго. Бернштейнъ сталъ персонификаціей совершившагося кризиса, ненавистнаго и неугоднаго многимъ „обращенія партіи“. Одновременно съ этими нападками лихорадочно выискивались такіе факты текущей дѣйствительности, которые можно было бы выставить противъ утвержденій Бернштейна. 28 іюня 1899 года, въ Бельгіи вспыхнули продолжавшіеся пять дней уличные безпорядки, приведшіе къ отставкѣ клерикальнаго министра Ванденпербоома и къ устраненію (впрочемъ, временному) клерикальнаго проекта избирательной реформы. Въ Германіи и во Франціи раздавались голоса, говорившіе, что сама жизнь опровергла „умѣренныхъ“. Разумѣется, эти голоса были неправы; разумѣется, бельгійскіе безпорядки, если даже и примѣнить къ нимъ громкое слово „революція“,—чего, въ сущности, дѣлать нѣтъ никакой надобности,—были волненіемъ стараго типа: здѣсь соединенные буржуазные политики-либералы боролись рука объ руку съ крайней лѣвой, противъ клерикализма, т.-е. противъ одной изъ силъ прежняго

[1]) „Kant gegen Cant“ etc.

порядка, сохранившей именно въ Бельгіи до сихъ поръ угрожающую позицію. И врагъ, и группировка силъ, были тутъ прежніе; оттого-то событіе и могло имѣть мѣсто. Дѣлать отсюда выводъ о возможности близкой соціальной катастрофы, хотя бы въ этой самой Бельгіи (не говоря уже о большихъ военныхъ государствахъ Европы), нѣтъ совершенно никакихъ основаній. Говорить объ этомъ серьезно можетъ или притворство, или непониманіе, или самообманъ...

Громадная, твердая правительственная власть покоящаяся на основаніяхъ и матеріальнаго, и духовнаго порядка, — таковъ несомнѣнный фактъ нынѣшней, текущей исторіи западной Европы, исторіи „en marche“; эта власть тысячью узъ связана и обусловлена процвѣтаніемъ могущественныхъ слоевъ общества и сама его обусловливаетъ; она располагаетъ невиданными и неслыханными до сихъ поръ средствами военной борьбы; наконецъ, она глубоко сознательна и опытна: исторія и для нея не прошла даромъ. Кто же стоитъ противъ нея въ боевой готовности? Никто не стоитъ — и стоять не можетъ: это было бы историческимъ „nonsens“, полною „абстрактностью поведенія“, свойственною лунатикамъ. Кадры враговъ власти порѣдѣли отчасти отъ явной безнадежности борьбы, отчасти отъ надежды на эту власть, оттого, что она сама нѣсколько измѣнилась, отчасти оттого, что она, по широко распространенному воззрѣнію, нужна, какъ игемонъ націй, въ ожесточенной борьбѣ за рынки и другія блага, т.-е. за то, что представляется нужнымъ всѣмъ, и капиталистамъ, и рабочимъ. Новыя, трудныя задачи выдвигаются предъ европейскими націями,—не идеалы, а практическія задачи, заслоняющія собою старыя ученія. Одни, видя, какъ уходятъ эти старыя тѣни, которыя такъ долго и сильно вліяли на психику цѣлаго ряда поколѣній, повторяютъ съ горечью слова Экклезіаста: „суета суетъ и все суета“; другіе хотятъ уцѣпиться за эти уходящія тѣни своими старческими руками и удержать ихъ; третьи провожаютъ ихъ равнодушно глазами и обращаются къ трудной и сложной работѣ настоящаго, которая, какъ они думаютъ, сулитъ имъ широкія перспективы матеріальнаго благополучія; четвертые, не квалифицируя кризиса, довольствуются его регистраціей. Но, при всемъ разнообразіи въ отношеніяхъ къ закончившемуся повороту общественной мысли, одно условіе обязательно для всякаго, желающаго въ немъ разобраться: это—пристальное изученіе какъ самого факта, такъ и вообще европейской исторіи. Если знаніе есть сила, то оно можетъ побѣдить и самыхъ могуще-

ственныхъ своихъ враговъ—предразсудки и предвзятыя мысли. Какое отношеніе готовитъ человѣкъ развертывающейся предъ нимъ драмѣ,—зависитъ отъ его темперамента и тысячи другихъ причинъ, но знать эту драму, стараться всесторонне ее разслѣдовать—нельзя считать излишнимъ...

Евг. Тарле.

НА ЛАЗУРНОМЪ ЛЕМАНѢ

РАЗСКАЗЪ

I.

„Montreux, 15 апрѣля 189.. г.—Милая мáма! Доѣхала я благополучно и квартиру нашла въ томъ видѣ, какъ ты договорилась,—вполнѣ омеблированною, оклеенною заново. Сундуки пришли давно. Завтра примемся съ Петровной разбирать ихъ, но установить порядокъ не съумѣемъ безъ тебя. Пріѣзжай какъ можно скорѣе. Если ты не развязалась еще съ женевской квартирой, то брось ее,—что-жъ дѣлать, когда такъ случилось! Ты гнала меня сюда ради здоровья моего,—то и подумай же о немъ: одна я совсѣмъ изною отъ скуки. Знаменитый русскій докторъ живетъ не въ Кларанѣ, какъ сказали тебѣ, а въ Вевѐ—третья станція отъ Монтрѐ, на пароходѣ или по желѣзной дорогѣ (есть и электрическая „конка“). Человѣкъ онъ хорошій, всѣхъ русскихъ больныхъ принимаетъ, но денегъ съ нихъ не беретъ,—и это также требуетъ твоего пріѣзда: пока ты не повидаешься съ нимъ и не заручишься согласіемъ, мнѣ отправиться къ нему неловко. Народъ здѣшній много обходительнѣе женевцевъ, дважды замороженныхъ—бизой и кальвинизмомъ... И биза эта несносная не извѣстна здѣсь совсѣмъ. Даже когда бушуетъ растревоженный ею Леманъ (помнишь, какъ онъ въ Женевѣ выкидывалъ барки на набережную!), воздухъ въ Монтрѐ такъ тепелъ и спокоенъ, что на берегу хоть пасьянсъ раскладывай... Странно, не правда ли? Причина въ томъ, что съ сѣверо-востока, откуда

приносится милая женевская la bise, Монтрё и вся эта часть побережья защищены Водуазскими горами, и вѣтеръ врывается начиная лишь съ Лозанны"...

Въ бѣломъ батистовомъ пеньюарѣ, сосредоточенная, съ нахмуренными бровками, Анна Николаевна Китаева—Нанси, какъ всѣ звали ее съ дѣтства,—отбросила исписанный ею этотъ листокъ и принялась за другой. Разсыпавшіяся темныя кудри ея (завитыя природой) скользили по японскому столику, обращенному въ письменный; мотыльки, набравшіеся чрезъ жалюзи балконной двери, выходившей въ виноградникъ, вились вокругъ лампочки, попадали въ чернильницу...

„Ты удивляешься, что я такъ скоро стала au courant?—продолжала Нанси.—Открою тебѣ этотъ секретъ. На пароходѣ познакомилась я съ однимъ русскимъ семействомъ, живущимъ въ горахъ, надъ Монтрё,—нѣкіими Драшусовыми. Самъ онъ—вполнѣ благополучный уѣздный предводитель, восхищающійся необыкновенными успѣхами русской промышленности и институтомъ земскихъ начальниковъ; она—что-то пышное, круглое, съ претензіей на кокетство. Оба трудноваримы... Но два мальчика ихъ, еслибы ты видѣла, просто прелесть! Былъ еще учитель, Владиміръ Ивановичъ Погожевъ,—онъ и поставилъ меня au courant необходимыхъ свѣдѣній... Хочешь, чтобы я описала его? Онъ блондинъ, красивый—то-есть, лицо у него пріятное и выразительные глаза—очень неглупый и добрый (видишь, какъ я проницательна!); притомъ, кажется, не такой самодовольный и узкій, какъ многіе теперь, и съ характеромъ (мальчики слушаются его), отчасти диковатъ... Не забудь, мамочка, захватить изъ Женевы гречневыхъ крупъ—здѣсь и не слыхали о нихъ; Петровна же безъ русской каши, ты знаешь, сейчасъ въ nostalgie ударится... Я съ нею всю дорогу была не въ ладахъ: она кутала и усаживала меня точно малютку, даже до квартиры хотѣла вести чуть не подъ-руку—чтобы я не устала... Одинъ русскій оставилъ хозяйкѣ самоваръ. Петровна наткнулась на него въ кухнѣ и вся такъ и затряслась отъ радости. Она тутъ же „наставила" его, и мы отпраздновали новоселье. Сегодня весь день она „обряжала" гостиную и твою комнату, „какъ ты любишь", а теперь спитъ"...

Послѣднее было невѣрно. Петровна—типъ патріархальной няни—сѣдая и дородная, въ темномъ ситцевомъ платьѣ со сборками у таліи, въ повязкѣ „кончиками впередъ" и въ тверскихъ поярковыхъ валенкахъ, служившихъ ей зиму и лѣто, давно уже

продвинулась неслышными шагами въ комнату и сокрушенно глядѣла на увлекшуюся писаньемъ Нанси.

— Что ты не спишь-то!—проговорила она, теряя терпѣніе.

— А, ты явилась! — задорно и не оборачиваясь, отозвалась Нанси.—А что сама не спишь?

— Я ужъ спала. Чай, полночь теперь? И нѣтуховъ-то не слыхать у нихъ, не различишь какъ ночь идетъ...

— На то часы есть, Петровнушка!

— Что толку часы-то... Ложись, завтра допишешь! При тебѣ лекаря говорили, что нельзя уставать и надо спать рано ложиться...

— Кончила, кончила, не брюзжи! — отвѣтила Нанси, вложивъ листки въ конвертъ и вставая. — На же, вотъ, на! Нарочно буду уставать!—сказала она вдругъ и принялась вальсировать по комнатѣ.

— Да что ты? что съ тобой?!—изумилась Петровна, порываясь остановить ее.

Нанси—тоненькая, стройная и изящная—продолжала мелькать въ полумракѣ комнаты, точно призракъ, потомъ такъ же неожиданно обняла Петровну и заговорила ласково:

— Ну, не брюзжи же, не мучь меня... дай, я тебя поцѣлую!..

— Вотъ еще!—съ добродушной суровостью отвѣтила Петровна и даже защитилась локтемъ.

Нанси звонко поцѣловала ее въ щеку и сказала серьезно:

— Да, да, пора спать!

II.

Небольшой красивый пароходъ „Бониваръ“ подплывалъ къ Монтрё, пѣня колесами зеркальную гладь Лемана.

День былъ прелестный. Не шевелился ни одинъ листокъ на стройныхъ пирамидальныхъ тополяхъ; окутанные зеленью, чистенькіе домики сверкали ровною, золотистою бѣлизной и казались еще чище, бѣлѣе, отражаясь въ спокойной водѣ. Савойскія Альпы на той сторонѣ млѣли подъ блѣдно-фіолетовою дымкой и выступали легкими, будто прозрачными очертаніями—„сіяли“, какъ называютъ это швейцарцы.

Передъ пристанью, въ кучкѣ туристовъ, суетился Илья Трофимовичъ Драшусовъ—человѣкъ средняго роста, съ толстымъ животомъ, съ растеряннымъ—словно хмельнымъ—взглядомъ и въ шляпѣ „колоколомъ“, придававшей ему довольно смѣшной видъ.

Онъ то цѣловалъ и крестилъ провожавшихъ его дѣтей, то ухватывалъ за пуговицу учителя Погожева и сыпалъ ему, точно изъ рога изобилія, всякія порученія.

— Наипервѣйше, Владиміръ Ивановичъ, красокъ для Настасьи Ниловны—ящикъ самыхъ лучшихъ...—торопливо заговорилъ онъ, косясь на приближавшійся къ пристани пароходъ.—Да романы, романы ей не забудьте! Ради Господа-Бога! Съ дѣтьми погуляйте... ну, мороженаго имъ въ кондитерской и прочее... Поняли? Изъ Вильнёва я съ послѣднимъ пароходомъ; rendez-vous въ кафе́ Margue... тамъ ждите меня! Теперь все предусмотрѣно! Костя! Петя!—обратился онъ къ дѣтямъ, осѣняя ихъ крестомъ въ воздухѣ.—Будьте учтивы! Adieu!

Онъ кинулся къ причалившему пароходу, но вдругъ остановился, прищелкнувъ пальцами, и крикнулъ:

— Свѣчъ, мяса! Распорядитесь, чтобы моментально отправили на Кюбли! Равно, лососины, если найдется...

Порученія посыпались снова. Взбѣжавъ на палубу уже при повторявшемся переливами горнаго эхо послѣднемъ свисткѣ, онъ продолжалъ кричать и оттуда, „предусматривая“ еще что-то, долетавшее до Погожева лишь непонятными отрывочными словами.

Пароходъ зашумѣлъ колесами, разбрасывая сверкавшіе снопы брызговъ. Погожевъ махнулъ въ послѣдній разъ шляпой и остановился задумчиво подъ тополями. Хлопоты съ красками тяготили его, такъ какъ Драшусова, занимавшаяся рисованіемъ на фарфорѣ, имѣла обыкновеніе относить постигавшія ее неудачи въ художествѣ къ свойствамъ не таланта, а красокъ; обязанность же разыскивать въ библіотекѣ романы непремѣнно любовнаго или кровопролитнаго содержанія возмущала въ концѣ учительскую совѣсть.

— Она! она!—крикнули дѣти и бросились черезъ дорогу.

Погожевъ глянулъ и поспѣшилъ за ними: на противоположной сторонѣ, по узенькому узорному троттуару, шла Нанси—въ свѣтломъ весеннемъ костюмѣ и пастушеской шляпѣ.

— Здравствуйте! — сказала она съ какимъ-то особенно милымъ дружелюбіемъ.—Я не думала, что ваши кавалеры будутъ такъ помнить обо мнѣ. Это очень любезно съ ихъ стороны! Вы, однако, часто покидаете ваши горы...

— Сегодня исключеніе...

— А я съ мѣстами знакомлюсь: была на Кларанской набережной... Какая она хорошенькая съ этими свѣженькими, молоденькими платанами,—какой очаровательный видъ на горы!

— Вамъ надо на Гліонъ подняться, если вы любите виды.

— Что это за Гліонъ? гдѣ онъ?

— Надъ самымъ Монтрё. Изъ Территé „финикюлёръ“ туда.

— Значитъ, не надо ни на скалы взбираться, ни падать въ пропасти? Это прекрасно!

— Хотите теперь, всею компаніей?—предложилъ Погожевъ.

Нанси задумалась, но дѣти, подпрыгивая отъ удовольствія, тянули ее за руки и разсказывали какіе чудные лѣса на Гліонѣ и что волковъ совсѣмъ нѣтъ.

Погожевъ забѣжалъ въ табачную лавочку и распорядился оттуда по телефону насчетъ главныхъ порученій. Затѣмъ всѣ весело двинулись къ сосѣднему живописному мѣстечку Territet.

III.

Набитый туристами, очередной вагонъ финикюлера потянулся въ высь, а Леманъ сталъ отодвигаться, развертываясь все шире и шире... Вокругъ, выростая и снова падая, мѣнялись въ причудливой неожиданности, замелькали зеленыя деревья, цвѣтистые холмы, горныя хижины, шумные, пѣнистые ручьи, цѣлыя долины—покрытыя, точно снѣжною пеленой, сплошною сверкающею бѣлизной распустившихся нарцисовъ... И чѣмъ выше, тѣмъ вольнѣе дышала грудь, полнѣе чувствовалось живительное, веселящее дѣйствіе разрѣженнаго горнаго воздуха.

Вагонъ остановился предъ террасой кафé, на которой и разсѣлась публика за стаканчиками мороженаго, прохладительныхъ напитковъ. Видъ открывался восхитительный. Весь Леманъ, ясный и спокойный, съ яркими бликами, мѣстами, и темноватыми отливами, былъ предъ глазами, сверкалъ, искрился милліонами огней; точно чайки бѣлѣлись парусныя лодки, а пароходы казались лодками и оставляли за собою нѣжныя, какъ кружево, волнистыя полоски дыму... Улицы Территé, Монтрё, ряды тополей и платановъ, сады, многоэтажные отели—все представлялось миніатюрнымъ, игрушечнымъ, сливалось въ теплую акварельную картинку. Дальше, за туманною цѣпью савойскихъ Альпъ, величественно сіялъ снѣжными пустынями Монбланъ.

Нанси, прижавшись къ спинкѣ желѣзнаго стульчика и не шевелясь, ловила восхищеннымъ взглядомъ плѣнительные, перемѣнчивые оттѣнки дали, то горѣвшей жгучими красками подъ лучами солнца, то блѣднѣвшей, мрачившейся при набѣгавшемъ облачкѣ.

— У Бодлэра,—заговорила она задумчиво и какъ бы сама съ собою,—въ одной изъ поэмокъ, есть совѣтъ *опьяняться* музыкой, нарядами, искусствомъ... И вотъ я испытываю это опьянѣніе безъ напитка...

Она стала разспрашивать о виднѣвшихся окрестностяхъ. Погожевъ указалъ ей устье Роны, сверкавшее на востокѣ узкою лучистою полосой, Ронскую долину, снѣжныя вершины Валлисскихъ горъ, утесы Мельери, Шильонскій замокъ; на западъ, на низкихъ, точно дымившихся, голубоватыхъ берегахъ Лемана, видны были Лозанна, Моржъ, Ролль.

Съ террасы компанія прошла къ сосѣднему ущелью Gorge du Chaudron, отдѣляющему Гліонъ отъ Монтрё.

Обрывистая долинка на вершинѣ одного изъ холмовъ, съ которой открывался видъ на ущелье, была полна мирнаго идилическаго покоя. Трещавшіе краснокрылые кузнечики взлетали стайками изъ-подъ ногъ, садились на платье, на руки; птички безбоязненно перепархивали съ короткимъ звонкимъ пискомъ и теребили назрѣвавшія головки травы и цвѣтовъ... Сухой, ароматный воздухъ былъ неподвиженъ, а надъ ущельемъ, по хребтамъ высокихъ лѣсистыхъ кряжей, мчался вѣтеръ, раскачивая верхушки могучихъ дубовъ.

— Какъ хорошо здѣсь!—промолвила тихо Нанси. — Такіе уголки дѣлаютъ понятной чувствительность въ „Письмахъ русскаго путешественника“...

— Смотрите: орелъ, орелъ!—крикнулъ Костя.

Изъ ущелья, откуда неслась, вмѣстѣ съ шумомъ горныхъ ручьевъ, отчаянная стрекотня сорокъ, поднимался винтомъ, распустивъ темныя крылья и едва потрогивая ими, огромный орелъ, съ чѣмъ-то безформеннымъ въ когтяхъ. Вырисовавшись на чистой синевѣ неба, онъ какъ бы повисъ на мгновенье въ воздухѣ, потомъ взмахнулъ крыльями и понесся стрѣлою въ высь.

Нанси слѣдила за нимъ пристальнымъ, вдумчивымъ взглядомъ, щурясь и сдвинувъ бровки.

— Гадкая, хищная птица,—проговорила она брезгливо,—и—эмблема великаго...

— Такъ почтили его народы, видя въ немъ благородство,—сказалъ Погожевъ.

— Не думаю... Просто потому, что сила и хищничество доблестью были... Въ нашей губерніи по деревнямъ орлами зовутъ пройдохъ-скупщиковъ...

Они присѣли на камень, выдававшійся изъ густой, высокой травы. Дѣти, прельщенныя точно ручными, едва порхавшими,

красивыми бабочками, пустились въ безплодную погоню за ними.

— Вы все еще однѣ?—обратился Погожевъ къ Нанси.

— Да. Не ѣдетъ мама.

— А вамъ не жаль было разстаться съ Женевой?

— Ахъ, что вы! Эти ходячіе покойники женевцы... съ ихъ Кальвиномъ, великимъ реформаторомъ!..

Въ темныхъ, задумчивыхъ глазахъ ея мелькнулъ огонекъ, ручка нервно сорвала и отбросила золотистую головку одуванчика...

— И вѣдь я вѣрила въ этого реформатора, благоговѣла предъ нимъ, пока долбила учебники!—воскликнула она.—Но онъ душу, душу опустошилъ!.. Я ужаснулась... поняла, какую бездну зла можетъ надѣлать самый посредственный фанатикъ, вторгаясь въ чужую совѣсть... а тѣмъ больше въ совѣсть народа...

Ея пылкость и неожиданный оборотъ разговора нѣсколько удивили Погожева, относившагося вообще равнодушно ко всякимъ религіознымъ вопросамъ, не вникавшаго въ эту сторону жизни и при знакомствѣ съ Швейцаріей. Онъ внимательно глянулъ на изящную фигурку Нанси, озаренную слабымъ отблескомъ солнца изъ-за деревьевъ, отмѣчая въ ней мысленно—нервную повышенность, модную приверженность къ религіозному... Нанси, сдерживая волненіе, проступавшее нервнымъ румянцемъ на блѣдныхъ щекахъ, продолжала высказывать мысль за мыслью, бойко очерчивая піэтистически-іезуитскіе устои кальвинизма, находя, что шагомъ въ религіозномъ развитіи можно считать протестантизмъ только въ его широкомъ, идейномъ значеніи; что Кальвинъ внесъ въ начинавшуюся реформу лишь казуистическую путаницу, сбившую съ толку народъ, склонный, какъ и вездѣ, отдавать въ такихъ случаяхъ предпочтеніе туманному и непонятному предъ яснымъ и разумнымъ... Дѣти подбѣгали къ ней, принося пучечки ландышей, нѣжныхъ синихъ колокольчиковъ. Она улыбалась въ отвѣтъ, клала цвѣты около себя на камень или перебирала ихъ машинально въ рукахъ, не переставая говорить, точно спѣша излить накопившееся въ душѣ...

— Ученіе Кальвина — тоже, что нашъ лишенный смысла расколъ!—закончила она.

— Однако, расколъ — историческій фактъ,—возразилъ Погожевъ, копнувшись въ неисчезнувшихъ еще изъ памяти академическихъ шаблонахъ.

— Да, я читала... И логически не могла установить за нимъ такого серьезнаго значенія... не нашла самой возможности связать его съ *религіей*... Употреблять старыя или новыя книги, аллилуію „сугубую“ или простую, ходить съ образами „посолонь“

или иначе — все это лишь узко-обрядные, а не религіозные вопросы... если не просто безсодержательное недоразумѣніе... С одной стороны—крутыя, не продуманныя мѣры, съ другой—ум ственная темнота массы, — вотъ его почва... Я не вникала, но мнѣ кажется, что онъ можетъ быть болѣе интересенъ какъ оп позиція гражданская...

На Погожева повѣяло чѣмъ-то свѣжимъ, не-шаблоннымъ.

— Вы изучали богословіе?—спросилъ онъ.

— Знакомилась съ вопросами вообще... Богословіе, при опре дѣленномъ культѣ, въ границы ставится, между тѣмъ какъ ре лигіозная пытливость не знаетъ ихъ... Я шла своими путями.. Ограничиться только кругомъ историческихъ доказательствъ бо жественнаго я не считала возможнымъ... Мнѣ хотѣлось убѣ диться, стать на научную почву...

Она умолкла, опустивъ голову и шевеля зонтикомъ траву Вся ея изящная фигурка трепетала подъ приливомъ волненія.

— Между тѣмъ, оказалось,—продолжала она, успокоившись —что у метафизиковъ—такихъ выдающихся, какъ Гегель, Гарт манъ,—лежитъ въ основѣ старая гипотеза Декарта о прирожден ности идеи божественнаго... даже Максъ Мюллеръ защищаетъ ее У Ренана идеализмъ осложняется еще мистицизмомъ... все в инстинкту сводится... Натурализмъ увлекъ меня... самымъ требо ваніемъ—чтобъ религіозная истина не истекала изъ довѣрія к принципамъ или доктринамъ, а достигалась бы свободными уси ліями ума... Но ознакомиться какъ должно съ этою обширно школой я не могла... При томъ, встрѣтились неясности для меня. У Огюста Конта, напримѣръ, а за нимъ у Летурно, выстав ляется обязательность періодовъ для развитія религіозной идеи— сперва фетишизмъ, потомъ политеизмъ, монотеизмъ и наконец пантеизмъ... тогда какъ евреи—древнѣйшіе выразители религіоз ной идеи—начали прямо монотеизмомъ... И я не знаю, слѣдуетъ л вообще приписывать тотъ или иной ходъ религіознаго развити именно *народу*... Выдающіяся, даже подобныя Кальвину, отдѣль ныя личности, государственный режимъ—могутъ оказывать боль шее, если не исключительное вліяніе... Народъ, насколько по нимаю я, долженъ былъ утратить религіозную самостоятельность съ той самой эпохи, когда между человѣкомъ и божествомъ явились посредники...

— Значитъ, все дальнѣйшее религіозное развитіе совершалось и совершается кѣмъ-то, внѣ народа? — замѣтилъ Погожевъ.

— Мнѣ такъ и представляется!—воскликнула, засіявъ вся,

Нанси. — Народная совѣсть стала несвободна, и потому участіе его можетъ быть лишь пассивное...

Узнавъ, что Погожевъ—филологъ, Нанси приступила къ нему съ разными спеціальными вопросами. Спустя минуту, они ходили по долинкѣ, отдаваясь горячему, совсѣмъ поглотившему ихъ разговору...

IV.

Кафé Маргё—небольшое, чистенькое и уютное, съ стеклянной террaской, убранной растеніями, и съ пышными экзотическими деревцами у входа—было какъ разъ противъ пристани.

Управившійся съ порученіями Погожевъ сидѣлъ на террaскѣ, угощая проголодавшихся дѣтей буттербродами и тщетно поджидая Драшусова. Тотъ, опоздавъ на пароходъ и на желѣзную дорогу, явился только предъ сумерками, на извозчикѣ,—сердитый, обремененный дюжиною фарфоровыхъ тарелокъ, разрисованныхъ Настасьей Ниловной и обжигавшихся на фабрикѣ въ Вильнёвѣ—торговомъ городкѣ въ верховьѣ озера, — доставить которыя на Мон-Кюбли—гору, гдѣ занимали Драшусовы шалэ,—собственно и составляло всю цѣль хлопотливой поѣздки.

Жадно опоражнивая одну за другою кружки пѣнистаго баварскаго пива, онъ принялся описывать свои злоключенія, въ которыхъ все— отъ природы, наславшей пыль и жару, до „каналіи“ извозчика, годнаго лишь „возить мертвыхъ на обѣдъ“,— возставало противъ самой мудрой предусмотрительности... Для Погожева все это было неново. Онъ уже достаточно наглядѣлся, какъ Драшусовъ, имѣвшій idée fixe всегда все „предусматривать“ и начинавшій всякія хлопоты чуть не за сутки, рвался въ запиравшуюся предъ носомъ у него желѣзнодорожную кассу, прыгалъ на снимавшійся пароходный траппъ, запрятывалъ ключи такъ предусмотрительно, что на таможняхъ приходилось взламывать сундуки... Злоключенія, тѣмъ не менѣе, пришлось выслушать. При этомъ Драшусовъ, отличавшійся особенностью — не знать, чѣмъ кончится у него начатая фраза, тянулъ еще разсказъ, вставляя поминутно привычное:—„То-есть, оно, видите ли, вотъ“...

Уже совсѣмъ стемнѣло, когда они вышли. Леманъ мерцалъ разноцвѣтными огоньками лодокъ, разбросанныхъ на немъ. Въ снѣжныхъ изломахъ Dent du Midi, на той сторонѣ, одиноко и странно рдѣлъ затерявшійся лучъ давно догорѣвшаго заката...

— Cocher!—крикнулъ Драшусовъ, приглядѣвшись къ виднѣвшейся чрезъ дорогу линіи колясокъ.

Отвѣта не послѣдовало.

— Вѣчно бѣлое вино пьютъ... канальи!.. — проворчалъ онъ и постучалъ палкой въ окно сосѣдняго кафе, откуда неслся хохотъ бесѣдовавшихъ извозчиковъ.

До шалэ было не больше часа ѣзды, въ гору. Бойко миновавъ городокъ, коляска стала медленно подниматься по извивамъ шоссе, пролегавшаго то лѣсомъ, то между купами старыхъ вишневыхъ и орѣховыхъ деревьевъ. Ночной влажный воздухъ ласкалъ успокоительно. Нагулявшіяся дѣти дремали.

— Оно, видите ли, вотъ...—заговорилъ Драшусовъ, любившій пофилософствовать въ дорогѣ,—взять эту Швейцарію самую... Габсбурги правили въ ней... и какой вышколенный народъ-то вышелъ, слѣдственно... Безъ распущенности, видите ли... Вотъ и орѣхи, и фрукты, или... какъ тамъ?.. виноградъ, положимъ... нигдѣ караула нѣтъ, а все цѣло... безъ нарушенія правъ собственности...

Погожевъ ничего не отвѣтилъ ему, занятый собственными мыслями, и только удивился про себя виртуозности вывода.

Драшусова—рыхлая, небольшого роста блондинка, съ голубыми, какъ бы навсегда остолбенѣвшими глазами подъ низенькимъ лбомъ и съ тупо-надменнымъ выраженіемъ лица — встрѣтила мужа выговоромъ за опозданіе. На пущенныя въ ходъ злоключенія она возразила запальчиво:

— Но я весь день безъ дѣтей! Вы могли прислать ихъ съ Владиміромъ Ивановичемъ!

— Оно, видите ли... извозчикъ десять франковъ стоитъ...— отвѣтилъ Драшусовъ.

— А я не стою десяти франковъ?

Она схватилась за виски, готовая, какъ водилось это, рухнуться въ припадкѣ истерики на диванъ и переполошить покоившихся уже домохозяевъ. Предотвращая бѣду, Драшусовъ поспѣшилъ развернуть тарелки и, съ необыкновеннымъ при его умственной неповоротливости искусствомъ, принялся льстить, выхваляя рисунки...

V.

Погожевъ поднялся къ себѣ въ комнату.

Въ растворенное окно вливалась душистая прохлада. Сумеречныя тучи сползли уже внизъ и окутали вершины горъ. Высоко стоявшій мѣсяцъ озарялъ цѣпь бернскихъ Альпъ, выступавшихъ вдали туманными, волнистыми возвышеніями; ближе,

чернѣла, упираясь въ небо, неприступная островерхая скала Dent de Jaman; на сосѣднемъ кряжѣ Мон-Флёри, надъ отелемъ тѣшившимъ своихъ данниковъ, взвивались золотистыя параболы ракетъ, бороздя густую синеву неба...

Погожевъ постоялъ, подумалъ и прилегъ на набитую сухими листьями деревенскую кушетку.

Сынъ мелкаго арендатора, по сосѣдству съ помѣстьемъ Драшусова, филологъ провинціальнаго университета, онъ на первыхъ же шагахъ отъ скамьи къ жизни столкнулся съ недоумѣніемъ... Съ одной стороны, при солидарности съ практическимъ родителемъ, умѣвшимъ откапывать всякіе надобные „случаи", можно было разсчитывать на протекцію сильныхъ уѣзда, на скорое, рутинное благополучіе... Съ другой — жаждалось воли, самостоятельности, дѣйствительнаго, полезнаго труда... мелькала мысль о далекой, пробуждающейся Сибири... Пока шла эта внутренняя борьба, Драшусовъ—страстный любитель „винта", „девятаго вала", кулебякъ, лососины съ майонезомъ—ощутилъ вдругъ приступы одышки, сердцебіенія, а Настасья Ниловна, исправно проводившая день на диванѣ, а ночь на пуховикахъ, уже давно —Dieu seul sait, почему—выказывала нервозность, подвергалась „вертижамъ"... Спасеніемъ являлась „за-граница". А такъ какъ дѣтямъ надобенъ былъ русскій учитель, то выборъ палъ, по сосѣдству, на Погожева. Онъ вспыхнулъ желаніемъ взглянуть на чужіе края, раздвинуть свой кругозоръ, и поспѣшилъ принять далеко не завидныя условія Драшусова.

Дѣйствительность, однако, не совсѣмъ отвѣчала этой вспышкѣ. Добравшись со всякими тревогами и приключеніями до Швейцаріи, Драшусовы провели зиму безвыѣздно въ Монтрё, а „безвыходно"—въ курзалѣ, гдѣ накинулись азартно на игру въ „лошадки"—petits chevaux... Затѣмъ, съ такимъ же азартомъ, они исполнились жаждой деревенскаго воздуха и забрались въ совершенную глушь, на Кюбли, когда не стаяли еще горные снѣга. На долю Погожева выпало неотлучное пребываніе съ дѣтьми—правда, милыми и привязавшимися къ нему, а всякія удовольствія замѣнились исполненіемъ порученій да выслушиваніемъ тупыхъ, назойливыхъ охранительскихъ тирадъ Драшусова... Среди этой властной, скучной пустоты, не замедлилъ народиться и обычный „романъ"... Онъ былъ еще въ завязкѣ. Оставаясь наединѣ съ Погожевымъ, Настасья Ниловна не сводила съ него своихъ остолбенѣвшихъ глазъ... Онъ, предчувствуя надвигавшееся, не сторонился отъ него, не дѣлалъ ему нравственной оцѣнки... Знакомство съ Нанси явилось живою, освѣжающею струйкой въ

начинавшемъ сгущаться чаду... Блѣдная, съ мягко-очерченными губками, съ кроткимъ взглядомъ большихъ темныхъ глазъ, съ непередаваемымъ отраженіемъ въ чертахъ лица каждаго движенія души,—она привлекала къ себѣ не красотою, а чѣмъ-то инымъ — женственностью, человѣчностью... Погожевъ даже не могъ бы и сказать, что̀ именно влекло его къ ней, но съ самой встрѣчи на пароходѣ мысль о Нанси была у него пріятною мыслью... Прогулка бросила новый свѣтъ на личность Нанси и сдѣлала въ Погожевѣ хотя и смутный еще для него, но уже рѣшительный переломъ...—„Славная... милая дѣвушка“... — повторялъ онъ теперь, думая о ней, развивая высказанныя ею оригинальныя мысли...

— Владиміръ Ивановичъ!—донеслось въ окно.

Онъ вскочилъ и выглянулъ: у крыльца стояла Драшусова, вся въ пышныхъ воланахъ, облитая блѣднымъ свѣтомъ мѣсяца.

— Ахъ, что̀ за ночь! — воскликнула она восторженно. — Пойдемте къ обрыву!

— Такъ поздно? — отвѣтилъ онъ, чувствуя шевельнувшееся внутри что-то нехорошее, отталкивающее.

Драшусова обидчиво повернулась, задѣвъ туго-накрахмаленнымъ подоломъ кусты глухой крапивы, и пошла отъ крыльца.

VI.

Письмо дочери обезпокоило Марью Васильевну Китаеву, страдавшую и безъ того нервами.

Доставлять безпокойство было, впрочемъ, какъ бы удѣломъ Нанси... Радовала семью она только въ дѣтствѣ — розовая, кудрявая, прелестная какъ херувимъ. Затѣмъ, съ перваго же класса гимназіи, начались безпокойства о переутомленіи, исхуданіи... Вице-губернаторъ, губернскій аристократъ, Николай Гавриловичъ Китаевъ могъ исхлопатывать всякія снисхожденія для дочери, но корень учебнаго зла оказывался въ самой Нанси... Росшая единственнымъ ребенкомъ въ семьѣ и потому рано сжившаяся съ серьезностью, одаренная природнымъ аналитическимъ умомъ, она не допускала и мысли о школьныхъ вспомогательныхъ уловкахъ, не оставалась покойною, пока не справлялась съ самою непосильною трудностью... Съ окончаніемъ курса гимназіи безпокойства только усилились. Нанси не удовлетворилась полученными знаніями и ушла вся въ „самообразованіе“, находя дѣйствительнымъ и полезнымъ лишь этотъ способъ развитія... Не-

избѣжная при служебномъ положеніи отца, хотя чисто внѣшняя религіозность, со всенощными и молебнами на дому, также оказала свое вліяніе: Нанси не ограничилась и въ этомъ обычною житейскою мѣрой, а отдалась религіи всѣмъ своимъ впечатлительнымъ существомъ, впала сперва въ мистицизмъ, потомъ въ сомнѣнія, пристрастилась къ религіозно-философскимъ исканіямъ... На родительскій совѣтъ „вѣрить, а не разсуждать“, она отвѣчала: — „Но какъ же? Вы сами окрестили меня, сдѣлали привязанною къ извѣстной религіи, и сами же не хотите, чтобъ я религію эту поняла, прочувствовала?..“

Настоятельные совѣты врачей оторвали Нанси отъ книгъ, и Марья Васильевна оживилась мечтой объ отдыхѣ за-границей. Безпокойства не замедлили, однако, народиться и тутъ... Невозможность сорить деньгами ради необходимыхъ удобствъ обязывала къ непривычной бережливости, къ войнѣ съ отельщиками, магазинщиками... Встрѣчавшіеся соотечественники исключали всякую мысль объ обществѣ, о пріятныхъ, дорогихъ на чужбинѣ, отношеніяхъ... Въ Женевѣ мелькнулъ-было радостный лучъ, но и онъ тутъ же угасъ, сдѣлавъ лишь тьму еще больше несносною... Знакомый по пансіону, богатѣйшій англичанинъ, сэръ Говеръ, торжественно испросилъ дружбу у Нанси, сталъ проводить съ нею цѣлые дни въ пансіонномъ салонѣ... Марья Васильевна вся озарилась внутренно, стала собственноручно одѣвать дочь по утрамъ и къ обѣду, стала ждать ежечасно развязки... Она получилась совсѣмъ неожиданная: оказалось, что Нанси читаетъ съ сэромъ Говеромъ Фаррара, изучаетъ какую-то англійскую школу...

Въ довершеніе несчастія, взятая, ради выгоды, по контракту меблированная квартира оказалась съ каминами, которые надо „топить порохомъ“, и наступившія, такъ-называемыя „мартовскія бизы“ уложили Нанси въ постель. Для развязки пришлось обратиться въ адвокатскую контору, а адвокаты-товарищи—оба тупые, но напыщенные и дерзкіе—накинулись на иностранку точно акулы, принялись тянуть и запутывать дѣло... Подыскавъ квартиру въ Монтрё и выпроводивъ туда дочь, Марья Васильевна рѣшила дождаться въ Женевѣ конца процесса, но извѣстіе, что поѣздка къ русскому доктору,—стоявшая на первомъ планѣ,—откладывается и что заводится знакомство съ какимъ-то „учителемъ“, явилось каплей, переполнившей чашу горечи...

Вытребовавъ деньги изъ Россіи по телеграфу, Марья Васильевна выкинула изумленнымъ сутягамъ все, съ проторями-убытками, промолвивъ: „Au chagrin de vous voir, au plaisir de

vous quitter", и, утѣшенная сорвавшеюся у нея съ языка перестановкою словъ, поспѣшила на пароходъ... Ее не радовали больше ни горы, ни лазурный, сверкающій Леманъ, ни красовавшіеся на неподвижной водѣ ручные бѣлоснѣжные лебеди, и она тогда лишь вздохнула свободно, когда пароходъ выбрался на пустынный просторъ озера.

VII.

Изъ Монтрё, захвативъ дочь, Китаева немедленно выѣхала въ Вевé, къ доктору.

Несмотря ни на близившійся уже вечерній часъ, ни на то, что докторъ и самъ находился за-границей не ради удовольствій, а для отдыха и потребностей собственнаго здоровья,— ихъ приняли.

Человѣкъ еще не старый, высокаго роста и видный изъ себя, съ крупными чертами умнаго лица, съ небольшою русою бородкой и густыми, длинными волосами, подрѣзанными какъ-то своеобразно, въ кружокъ, пожалуй даже и не рукой парикмахера, докторъ и одѣвался, и держалъ себя совсѣмъ просто. На изысканный подходъ Китаевой, что она ждетъ отъ него спасенія дочери, но, имѣя средства, не можетъ позволить себѣ отнимать драгоцѣнное время даромъ, онъ такъ же просто отвѣтилъ:

— Я не практикую здѣсь и не принимаю больныхъ. А познакомиться съ вами очень радъ и быть полезнымъ вамъ, какъ могу,—тоже. Въ Петербургѣ иное дѣло: тамъ милости просимъ въ паціентки ко мнѣ!—пошутилъ онъ и обратился къ Нанси:

— Разскажите же, что̀ такое съ вами?

За нее стала разсказывать Марья Васильевна, подчеркивая гимназію, переутомленіе, самообразованіе...

— Я всегда говорила ей, что нельзя, нельзя такъ неглижировать здоровьемъ!—воскликнула она.

— Путей-то нѣтъ торныхъ, пробивать ихъ приходится,— задумчиво произнесъ докторъ.

— А въ Женевѣ, къ тому же, простудилась она, слегла...

— Посмотримъ,—сказалъ докторъ, вставая.

Изслѣдовавъ внимательно больную, онъ упомянулъ вскользь объ утолщеніи верхушки лѣваго легкаго, проговорилъ: „опасности не вижу", но самъ, нахмуренный и серьезный, ставилъ мысленно діагнозъ: „Притупленіе перкуторнаго звука... усиленный fremitus pectoralis..."

— Прежде всего, хорошее питаніе, осторожность отъ простуды,—сказалъ онъ, какъ бы въ отвѣтъ.

Переѣздъ въ Монтрё онъ одобрилъ, а относительно совѣта не уставать замѣтилъ, что уставать, разумѣется, не слѣдуетъ даже и вполнѣ здоровому человѣку, но что чистый воздухъ и движеніе есть уже сами по себѣ прекрасное лекарство. Онъ разрѣшилъ даже всякія удовольствія, кромѣ танцевъ да позднихъ бесѣдъ, и прибавилъ:

— А пока мы креозотецъ пропишемъ.

Онъ набросалъ рецептъ и обѣщалъ навѣщать Китаевыхъ въ Монтрё, куда нерѣдко отправлялся пѣшкомъ, ради прогулки.

Очарованная прекрасною личностью доктора, Марья Васильевна вернулась домой повеселѣвшею. За чаемъ она осторожно повела разслѣдованіе объ „учителѣ“. Узнавъ, что Нанси отправлялась даже на прогулку съ Погожевымъ, она спросила:

— Ты намѣрена продолжать знакомство?

— Какъ это странно, мама: почему же не продолжать его?

Марья Васильевна не отвѣтила ничего, но внутренно насторожилась, рѣшивъ присмотрѣться, обдумать вопросъ серьезно.

VIII.

„Деревенская“ жизнь въ шалэ на Кюбли начиналась не раньше полудня, а часто и позже—смотря по тому, насколько зачитывалась ночью романами Настасья Ниловна, или подвергался приступамъ одышки Илья Трофимовичъ.

Вставъ, Драшусовъ долго молился, кладя земные поклоны; затѣмъ, въ халатѣ и туфляхъ, начиналъ бродить по комнатамъ, отдаваясь размышленію и куря папиросу за папиросой. При всякой попыткѣ заговорить съ нимъ въ это время, онъ только вскидывалъ какъ бы удивленно голову, или отвѣчалъ совсѣмъ невпопадъ. Причиною этому были „святые вѣщіе сны“—какъ называлъ онъ ихъ,—видѣвшіеся ему по ночамъ. Онъ руководился ими какъ пророческими откровеніями и не приступалъ ни къ какому дѣлу, пока сонъ не былъ обдуманъ и понятъ. При сновидѣніяхъ несложныхъ—когда, какъ добрый знакъ, являлась „благословляющая рука“, или, какъ знакъ дурной, „каркающій воронъ“—Драшусовъ разбирался въ значеніи пророчества довольно скоро. Иное дѣло, если сонъ спутывался, осложнялся, если рука и воронъ оказывались вмѣстѣ, являлись мракъ или сіяніе, царило молчаніе или „слышался гласъ“... Добравшись до

смысла пророчества, онъ шелъ одѣваться и появлялся лишь къ завтраку, за которымъ происходило, обыкновенно, всестороннее обсужденіе сна и разгадки.

Послѣ завтрака наступалъ собственно день. Драшусовъ усаживался на террассѣ курить и дышать воздухомъ, или удалялся въ кабинетъ—раздумывать надъ какою-нибудь статьей, которыми снабжалъ онъ одну петербургскую (дворянскую) газету, подписываясь: „Дипломатъ по вѣщимъ снамъ“. Такая, „подвигавшаяся“, статья находилась и теперь у него на письменномъ столѣ. Онъ возставалъ въ ней противъ земской губернской „ереси“, заключавшейся во мнѣніи, что тѣлесная расправа надъ существомъ, носящимъ образъ и подобіе божіе, есть родъ кощунства, и, не безъ спеціальнаго остроумія, развивалъ, въ противоположность ей, положеніе—что „кара—преступившему, а отъ преступившаго отъяты образъ и подобіе“... Настасья Ниловна окружалась въ залѣ ящиками красокъ, букетами цвѣтовъ-моделей, и принималась создавать на тарелкахъ горы въ видѣ фіолетовыхъ сахарныхъ головъ, муаровыя ленты вмѣсто рѣкъ... чаще же—укладывалась съ романомъ въ рукахъ, въ гамакъ, подвѣшенный между двумя тѣнистыми бѣлыми акаціями, или увлекала Погожева въ какое-нибудь мечтательное уединеніе—сидѣть на полусгнившей скамьѣ у обрыва, собирать грибы въ рощѣ, примыкавшей къ самой террасѣ шалэ.

Иногда, разнообразя эту снотворную несложность, „притаскивались“—какъ выражались о нихъ вообще—двѣ русскія старожилки Монтрё—Жюли и Катишь. Предпочитая тишь и гладь чиннаго протестантскаго городка убыточнымъ прелестямъ прочихъ курортовъ, онѣ коротали въ немъ годъ за годомъ, лечась отъ разстроенныхъ нервовъ и... средствъ. Въ одинаковыхъ, собственноручно „перетрясаемыхъ“ по модѣ платьяхъ, всегда полуголодныя отъ дешевенькаго пансіоннаго стола и съ неразлучнымъ выраженіемъ скучной тупости на неподвижныхъ лицахъ, онѣ неустанно скитались по улицамъ и променадамъ, ловили знакомыхъ и незнакомыхъ соотечественниковъ, разражались новостями, допытывались.

Появляясь на Кюбли, онѣ напояли пересудами самый воздухъ. Даже охотно вѣрившій всему Драшусовъ впадалъ въ сомнѣніе.

IX.

Однимъ утромъ, наскитавшись по горнымъ перепутаннымъ тропинкамъ, по гранитнымъ карнизамъ надъ бездонными стремнинами, Погожевъ лежалъ въ долинкѣ, окруженной отвѣсными пиками и холмами.

Онъ любилъ эту долинку—тихую, уединенную, благоухавшую неподвижнымъ ароматомъ травъ и цвѣтовъ. Проводя въ ней нерѣдко цѣлые часы, онъ смотрѣлъ, какъ пасутся по лѣсистымъ скатамъ холмовъ статныя, породистыя коровы, прислушивался къ унылымъ звукамъ ихъ колоколовъ изъ красной кованой мѣди... То тихіе и одинокіе, то сразу громко наполнявшіе воздухъ цѣлыми гармоніями тоновъ, они причудливо оживляли горную тишь, западали въ душу, будя въ ней что-то неясное, сокровенное... Порою сквозь эти звуки прорывались другіе—меланхолически-нѣжные, тонкіе, зарождавшіеся гдѣ-то въ мертвой вышинѣ, струившіеся едва уловимою мелодіей... Это по ребрамъ какой-нибудь неприступной скалы пробиралась, позванивая колокольчиками, вереница козъ.

Глубоко внизу, всегда задернутая голубоватою дымкой, видѣлась деревенька Гравьé—торговый и административный центръ Кюбли. Раскидывая свои древніе каменные домики по желтой, обнаженной подошвѣ утеса около шоссе, она щеголяла красивымъ двухъ-этажнымъ зданіемъ школы, съ квадратиками учительскихъ огородовъ предъ нимъ, имѣла длинное, съ бѣлымъ мраморнымъ крестомъ надъ фронтономъ, зданіе независимой отъ государства „свободной церкви“, общественный гранитный водоёмъ, съ высѣченными на немъ сценами изъ „крестьянской войны 1653 г.“—трудъ мѣстнаго генія; имѣла stand—рядъ мишеней для воскресныхъ упражненій въ стрѣльбѣ, магазинъ: „Au bon marché“, почтово-телеграфно-телефонную контору. Послѣдняя, впрочемъ, заключалась лишь въ вывѣскѣ, помѣщенной надъ входомъ въ зеленную лавочку разбитной, полногрудой вдовы Клеманъ, которая и несла на себѣ всѣ три отвѣтственныя обязанности, имѣя помощникомъ мальчика Жоржа—сына огородника.

Высоко поднявшееся солнце заглянуло въ долину. Серебристые отливы росы смѣнились радужными, а вокругъ заклубился тонкій розовый паръ... Погожевъ поднялся и направился по горнымъ, изученнымъ имъ спускамъ, въ Гравьé—потолковать, по обыкновенію, съ учителями въ школѣ, справиться у вдовы Клеманъ насчетъ писемъ. На шоссе встрѣтился Жоржъ.

— А я за вами,—сказалъ онъ, приподнявъ вѣжливо шляпу и держа ее надъ гладко-остриженною бѣлобрысою головой.

— По какому случаю?

— Къ телефону зовутъ васъ.

— М-г Драшусова, хотите вы сказать?

— Нѣтъ, васъ. М-me Клеманъ такъ и велѣла передать. Звали изъ Монтрё.

— Voilà!—началъ разговоръ Погожевъ.

Надъ ухомъ у него зашумѣло, затрещало; тоненькій женскій голосокъ проговорилъ невнятно какія-то слова и тутъ же смѣнился другимъ женскимъ голосомъ.

„...Китаева,—разслышалъ Погожевъ. — Буду рада видѣть. Отъ трехъ до пяти всегда дома“.

X.

Среди новѣйшихъ построекъ, выроставшихъ на взгорьѣ, противъ курзала, выдавалась красивая аристократическая „Вилла Матьё“. Китаевы занимали въ ней нижній этажъ. Квартира была прекрасная, что особенно утѣшало Марью Васильевну послѣ пережитыхъ мытарствъ. Со стороны улицы открывался видъ на Леманъ и савойскія Альпы; позади все нагорное пространство зеленѣло виноградниками; за ними была цѣпь невысокихъ Водуазскихъ горъ, виднѣлась синяя, туманная полоса далекой Юры. Нанси облюбовала себѣ комнату на этой сторонѣ. Виноградники подходили тутъ къ самой стѣнѣ; надъ окномъ и балконною дверью вились старыя, разросшіяся глицинiи съ кистями душистыхъ лиловыхъ цвѣтовъ, въ перемежку съ махровыми розами.

За обѣдней въ русской церкви, въ Вевé, Марья Васильевна столкнулась съ избраннымъ „обществомъ“ и не замедлила завести знакомства. Истомленные скукой въ однообразныхъ скитаніяхъ изъ пансіоновъ въ курзалъ и обратно, знакомцы не замедлили, въ свою очередь, оживить собой гостиную радушной компатріотки, хотя и посматривали на нее не то съ недовѣріемъ, не то съ удивленіемъ. Получилъ свое разрѣшеніе и вопросъ объ „учителѣ“: Марья Васильевна пришла къ мысли всмотрѣться въ него и поступить затѣмъ сообразно съ обстоятельствами...

Погожевъ отправился въ первое же воскресенье.

Китаева—дама прилично-полная, представительная, въ дорогомъ шолковомъ платьѣ и съ брилліантовыми браслетами на нѣж-

ныхъ рукахъ — встрѣтила его въ залѣ, выказывая изысканную любезность и умѣло подмѣчая въ то же время каждую мелочь въ манерахъ, въ наружности. Предосудительнаго, однако, не оказывалось ничего. Напротивъ: юношеское, доброе лицо гостя, съ здоровымъ загаромъ на щекахъ, съ открытымъ, спокойнымъ взглядомъ голубыхъ глазъ, невольно располагало къ нему. — „Что-жъ, пусть ходитъ...—подвела она мысленно итогъ. — Дачныя и заграничныя знакомства не обязываютъ ни къ чему“...

Въ угловой гостиной, убранной по курортному — нѣсколько пестро, бесѣдовали гости за чайнымъ столомъ. Первенствовалъ престарѣлый сановникъ, — также паціентъ доктора, собственно ради него и избравшій мѣстомъ отдохновенія демократическую Швейцарію. Фонъ составляли: совершавшая voyage de noce чета новобрачныхъ изъ купечества (она—съ высшихъ московскихъ курсовъ, а мужъ—изъ университетскихъ), пожилой господинъ въ рыжемъ парикѣ, да развязная, нарядная дама, изъ разряда одиноко-вояжирующихъ. Нанси Погожевъ даже не узналъ въ первую минуту: какъ бы блѣднѣе обыкновеннаго, безъ шляпы и съ зачесанными назадъ волосами, открывавшими высокій бѣлый лобъ, она казалась совсѣмъ иною, хотя и не къ худшему.

Китаева поспѣшила къ столу, дослушивать русскія новости. Нанси помѣстилась поодаль, указавъ Погожеву на кресло около себя, и у нихъ завязалась въ полголоса бесѣда.

— Вы продолжаете заниматься и здѣсь?—поинтересовался Погожевъ.

— Нѣтъ, я на положеніи больной,—отвѣтила, съ чуть замѣтной горькой усмѣшкой, Нанси. — Мама не позволяетъ мнѣ даже читать серьезное...

— Но потомъ вы въ университетъ въ Женевѣ поступите?

— О, нѣтъ! Мнѣ вообще не представляется ясной эта неизбѣжность высшаго образованія... Среднюю школу—съ болѣе цѣлесообразной программой, разумѣется,—даже обязанъ пройти каждый, чтобъ имѣть надобныя въ жизни свѣденія и быть развитымъ гражданиномъ... А дальнѣйшее—уже привилегированная спеціальность... исключеніе...

— Высшимъ образованіемъ, помимо спеціальности, дается также и высшее развитіе...

— О, да! Но для этого было бы достаточно общедоступности аудиторій... Потомъ, лекціи слѣдуетъ издавать, какъ книги, и въ ясномъ изложеніи... А лично для меня, напримѣръ, не видѣлось и надобности въ высшемъ образованіи...

— Почему?

— Я хотѣла открыть бѣлошвейную мастерскую: въ нашемъ городѣ нѣтъ ихъ, всякую бездѣлицу выписываютъ изъ столицъ, изъ-за границы даже... а сотни работницъ сидятъ безъ дѣла, нищенствуютъ... погибаютъ...

Разговоръ за столомъ перешелъ на религіозные вопросы. Сановникъ воскликнулъ старческимъ, дрожавшимъ баритономъ:

— Въ дѣлѣ религіи должно быть одно-съ: увѣренность въ невидимомъ, какъ бы въ видимомъ—въ желаемомъ и ожидаемомъ, какъ бы въ настоящемъ!

Нанси встрепенулась.

— Такъ учитъ катихизисъ,—сказала она, вставъ и присаживаясь поближе. — Но увѣренность эта—наивная. *Имѣть* ее произвольно, какъ, напримѣръ, мнѣніе, что душа есть непостижимый пока для насъ союзъ ума и воли, мнѣ кажется, нельзя... Она можетъ *быть* только сама по себѣ...

— Надо вѣрить... — тихо и снисходительно выговорилъ сановникъ.

— Да. Но и вѣра должна быть также наивная, какъ въ древнія эпохи... А это невозможно: культурный человѣкъ способенъ дойти до увѣренности только сознательно...

— Догматы непререкаемы...—поднялъ указательный палецъ сановникъ.

— Но вѣдь это регламентація... А надо овладѣть убѣжденіемъ, совѣстью... всею нравственною личностью человѣка, внутреннею жизнью его...

— Академическое преподаваніе богословія, мнѣ кажется, можетъ удовлетворить...—произнесъ значительно купецъ.

Нанси глянула на него, думая въ то же время безотчетно: „Какой странный носъ у него—совсѣмъ картофелина... И зачѣмъ онъ распушилъ такъ отчаянно усы—точно офицеръ пѣхотный?..“

— Вы полагаете?—сказала она.—А какъ же быть не получающимъ академическаго образованія?.. Да и самый фактъ преподаванія богословія не говоритъ ли, что, кромѣ преклоненія предъ догматами, необходима работа мысли?..

— И мыслите! — изрекъ наставительно сановникъ:—но въ кругѣ той же религіи... только религіи!

— Мышленіе непроизвольно...

— Въ религіи оно — философское, и потому сознательное, систематическое...

— Оно и ставитъ вопросы...

— А отвѣты опять-таки—въ религіи...

Блѣдныя щеки Нанси зардѣлись, глаза вспыхнули.

— Да что же такое религія?! — зазвенѣлъ ея дрогнувшій голосокъ.—Она не тотъ или иной культъ—внѣшнее проявленіе религіознаго... Она — область всего непостигнутаго высшаго... Съузить эту область, остановить стремленія человѣческаго духа—даже нельзя!.. При всякой попыткѣ къ этому получались въ результатѣ лишь тайныя секты... фанатизмъ... Сбитый съ одной дороги, человѣкъ находилъ другую, подвигался въ религіозномъ отъ примитивныхъ истукановъ—къ Зевсу Фидія, отъ обожанія животныхъ—къ почитанію силъ природы... И гдѣ выше уровень культуры, тамъ, обыкновенно, умнѣе религія...

— Какъ-съ!—точно каркнулъ озадаченный сановникъ, откинувшись на спинку дивана. — Истинная религія одна, и она—откровеніе.

Марья Васильевна вышла торопливо въ сосѣднюю комнату.

— Нанси!—раздалось оттуда.

Нанси извинилась и поспѣшила на зовъ.

Возвратилась Китаева одна. Гости, давно уже пропустившіе, за разговорами, положенный часъ, стали откланиваться хозяйкѣ.

— Не забывайте насъ,—сказала она Погожеву, протянувъ ему кончики бѣлыхъ, пухлыхъ пальцевъ, и добавила какъ бы шутливо: —Только книгъ ученыхъ не давайте Нанси!

— Ихъ не много въ Монтрё!

— Какъ я рада!

Нанси, между тѣмъ, стояла въ комнатѣ у окна и плакала.

— Что ты... что случилось?!—изумилась вошедшая Марья Васильевна.

— Зачѣмъ ты такъ... поступаешь со мною?

— Какъ? Когда?

— Ты вызвала меня, запретила говорить...

— Нанси!...

— Если ты... вѣрующая...—продолжала та, всхлипывая:—то какъ же ты можешь насиловать другихъ... давать приказъ... душѣ...

— Что за мысли у тебя? Я потому, что споръ въ гостиной...

— Нѣтъ!.. Зачѣмъ ты думаешь, что я не понимаю, не чувствую?.. Ты не искренна... ты...

Нанси не кончила и зарыдала.

— Нанси, голубушка!—кинулась къ ней Марья Васильевна.— Ну о чемъ? Дитя мое!

Но Нанси не слышала уже: вскрикнувъ истерически, она упала безъ чувствъ на руки матери.

XI.

Докторъ сдержалъ свое слово и сталъ навѣщать Китаевыхъ аккуратно—обыкновенно по вечерамъ.

Иногда, осмотрѣвъ паціентку, похваливъ или пожуривъ ее за поведеніе, онъ присаживался къ чайному столу. (Русскій чай и хорошая сигара были его слабостью). Если случалось, что приходилъ и Погожевъ,—снискивавшій замѣтно расположеніе Марьи Васильевны, приносившій и читавшій русскіе журналы,—то составлялось нѣчто въ родѣ раута. Подъ конецъ—„на закуску", какъ выражался любившій музыку докторъ,—Нанси садилась за піанино и перебирала весь свой запасъ русскихъ и иностранныхъ нотъ, вплоть до швейцарскаго „коровьяго марша"...

За чайнымъ столомъ хозяйствовала неизмѣнно Петровна, сидя неподвижно на стулѣ, слѣдя, чтобы „не перепрѣлъ" чай, не выкипѣлъ самоваръ...

Взятая въ комнаты, няньчить сына генерала Китаева, Колечку, Петровна — въ то время молодая, бездѣтная вдова—приросла къ семьѣ господъ. Когда, съ пореформенною новизной, генералъ и генеральша умерли, проживъ послѣднее изъ разстроеннаго состоянія, Петровна осталась слугой и хозяйкой при окончившемъ университетъ Колечкѣ,—какъ продолжала она звать Николая Гавриловича, пока тотъ не женился,—и стала „блюсти" его скудный заработокъ въ петербургской канцеляріи... Выняньчивъ затѣмъ единственную дочь Китаевыхъ, Анечку („бусурманскаго" имени Нанси она не признавала), Петровна привязалась къ ней всею силою своего любящаго одинокаго сердца. Беззвучно шевеля спицами надъ неразлучнымъ, нескончаемымъ чулкомъ, она стала просиживать вечера около занимавшейся питомицы-гимназистки,—всегда готовая на послугу, на игру, на сказки, даже на пѣсни (эти—въ полголоса и не подъ праздникъ); не зная грамотѣ, научилась различать ея книжки по корешкамъ, обложкамъ, чернильнымъ пятнышкамъ, усвоила значеніе словъ: „физика", „исторія", „*греческій* языкъ"... При начавшихся религіозныхъ исканіяхъ Нанси, Петровна рѣшительно стала на сторону питомицы. Заступаясь за нее предъ Китаевой (Николай Гавриловичъ въ такихъ вопросахъ былъ самъ философомъ), она говорила сурово:—„И какую вѣру можете вы отвергать въ ней? Такой святой души поискать! А что церковь, тамъ,.. образа... такъ безъ этого самъ Христосъ обходился"...

Когда доктора настояли на отъѣздѣ Нанси за границу, Пет-

ровна совсѣмъ потерялась, перестала спать ночи и, наконецъ, объявила, что безъ себя Анечку „не отпуститъ“... — „Ты съ ума сошла! Одна дорога сколько стоитъ!“ — возразила Марья Васильевна. — „Деньги у меня и свои найдутся!“ — отвѣтила Петровна, считая достаточнымъ на все-про все пять „красненькихъ“, хранившихся у ней завернутыми въ холстинѣ. Просьбы Нанси склонили мать, а встрѣча съ отельными неудобствами, неожиданная болѣзнь Нанси въ Женевѣ, доказали, что Петровна далеко не лишній въ дорогѣ человѣкъ.

Природный недюжинный умъ Петровны, не понадобившійся ни на что, давно увялъ въ бездѣйствіи и превратился какъ бы въ инстинктъ. Но и этимъ инстинктомъ она понимала и угадывала многое. Тихая, чуть примѣтная ласка свѣтилась въ ея характерно-щурившихся глазахъ, когда она останавливала ихъ на Погожевѣ и Нанси, а по плотно-сжатымъ губамъ скользила улыбка...

XII.

Ясный, сверкающій полдень горѣлъ надъ Кюбли.

Драшусовъ, видѣвшій ночью „указующій перстъ“, простертый изъ рукава рясы съ голубымъ подбоемъ, и признавшій въ этомъ пророческое предвозвѣщеніе грядущихъ успѣховъ, вышелъ къ завтраку на террасу веселый, въ черномъ сюртукѣ и при орденской бутоньеркѣ.

— Оно, видите ли, вотъ...—обратился онъ къ женѣ.—Необходимо намъ въ Аваны отправиться... компатріотамъ визитъ сдѣлать... Слѣдственно, день тамъ и проведемъ...

Компатріотами была жившая въ отелѣ „des Avants“, на сосѣдней возвышенности, совсѣмъ спутавшаяся въ геральдикѣ, дворянская семья. Отецъ, отставной гусаръ, упорно оставался баріномъ, ждалъ „возрожденія сословія“, фабрилъ усы и держалъ высоко голову; сынъ барышничалъ лошадьми, женившись на цыганкѣ отъ „Яра“ и пускаясь въ аферы на „заработанный“ ею капиталъ... Дочь была замужемъ за ростовщикомъ подъ закладныя и содержала отца; а ея сынъ—студентъ, носившій и въ горахъ форменную шинель, выказывалъ себя отчаяннымъ марксистомъ... Въ отелѣ, даже среди обычной тамъ публики „des cordonniers en vacance“, они составляли притчу во языцѣхъ. Драшусова связывали съ ними прочныя узы сосѣдства въ Россіи и... второй закладной...

Послѣ завтрака, вызванная по телефону изъ Монтрё, извоз-

чичья коляска тянулась вверхъ, имѣя подъ своимъ оригинальнымъ бѣлымъ балдахиномъ всю семью Драшусовыхъ; а внизъ—по кратчайшимъ дорожкамъ, то выбѣгавшимъ на веселыя цвѣтущія поляны, то заводившимъ въ лѣсистыя расщелины, заросшія верескомъ, съ тучами гудѣвшихъ дикихъ пчелъ надъ нимъ,—спускался Погожевъ, уже больше недѣли не имѣвшій возможности собраться къ Китаевымъ.

У виллы Матьё онъ увидѣлъ Нанси: она стояла въ садикѣ, надѣвая задумчиво, пальчикъ за пальчикомъ, перчатку; подувавшій вѣтерокъ бросалъ ей на шляпку и плечи отцвѣтавшіе лепестки розоваго каштана.

— Наконецъ!..—сказала она.—Мы думали, что вы уже въ Россіи!

— Я былъ занятъ...

— А теперь мамы дома нѣтъ: она съ утра въ Вевé къ обѣднѣ и съ визитами уѣхала.

— Развѣ праздникъ сегодня?

— Не праздникъ, но въ Вевé нѣтъ причта и служить пріѣзжаютъ изъ Женевы, когда случится... Знаете, куда я иду? На кларанское кладбище... Оно, должно быть, очень красиво, судя по прелестнымъ деревьямъ.

Они вышли на троттуаръ. Она не приглашала его съ собою, но онъ чувствовалъ ея желаніе и пошелъ рядомъ. Къ кладбищу, раскинутому надъ Кларамомъ, на самомъ гребнѣ холма, вела загородная „верхняя“ дорога. Неподвижный зной, разлитый въ мутной бѣлизнѣ воздуха, такъ и палилъ. Даже птицы притихли и попрятались въ густую, назрѣвшую листву; только цикады и кузнечики, точно спѣша насладиться выпавшимъ часомъ, заливались вокругъ, въ полусухой короткой травѣ, да гдѣ-то вдалекѣ, уныло и съ перерывами, куковала кукушка ..

У кладбища показалась изъ воротъ деревенская чета новобрачныхъ. Малорослая женщина, въ бѣломъ кисейномъ платьѣ, длинной вуали и въ цвѣтахъ, опиралась на руку рабочаго, въ черномъ сюртукѣ и бѣломъ галстухѣ. Они, видимо, только-что повѣнчались гдѣ-то по близости и зашли, по обычаю, поклонитвся праху родныхъ.

— Какъ странно!.. — промолвила, смотря имъ въ слѣдъ, Нанси.—Точно воскресшіе идутъ вновь жить...

Какая-то мысль отуманила ея подвижныя черты и не отходила долго потомъ, когда они бродили по прямымъ, красивымъ аллейкамъ кладбища, останавливаясь предъ гранитными плитами, бѣлыми мраморными крестами, стройными часовенками... Вокругъ

высились столпообразные кипарисы съ правильно поднятыми вѣтвями, нѣжныя, совсѣмъ бѣлыя, оливы; зеленѣли кусты эвкалипта, въ перемежку съ розами, куртинами рѣдкихъ цвѣтовъ. Всюду вѣяло кроткимъ, мирнымъ покоемъ... Торжественную тишину нарушалъ только доносившійся скрежетъ желѣзныхъ граблей сторожа, равнявшаго вдалекѣ гравій на дорожкахъ...

Безоблачное небо надъ Леманомъ озарилось блѣднымъ, широкимъ свѣтомъ; глухо прогрохотали отдаленные удары грома... Изъ-за савойскихъ Альпъ потянулась темная, длинная полоса тучи... Упали шумно и тяжело крупныя капли дождя... Спустя минуту, густыя, сумеречныя тѣни ложились на все; тучи сразу поднялись изъ-за хребтовъ горъ и покрыли небо... Яркой, ослѣпительной струей спустилась молнія въ потемнѣвшій Леманъ, и странно, величественно зарокотали громовые раскаты, будя горное эхо...

Разразилась одна изъ тѣхъ ужасныхъ альпійскихъ грозъ, которыя наводятъ паническій страхъ даже на животныхъ. Погожевъ и Нанси успѣли укрыться въ задней сторонѣ кладбища, подъ навѣсомъ изъ брезента, раскинутымъ надъ глыбами пилившагося тутъ мрамора. Прижавшись къ столбику, не смѣя шевельнуться, они только поглядывали другъ на друга, испытывая чисто-дѣтское, пріятное чувство уютности, прислушиваясь, какъ шумитъ по брезенту и проносится надъ ихъ головами ливень...

— Какъ прелестно!.. Какъ это прелестно! — восклицала Нанси, когда, при блескѣ молній, точно завѣсу раскрывавшихъ,— четко и какъ бы вздрагивая вырисовывались на блѣдномъ, голубоватомъ пространствѣ темныя очертанія горъ...

Гроза шла тою стороной савойскихъ Альпъ — южнымъ склономъ ихъ, и захватила Монтрё только крыломъ. Она скоро утихла. Неясно и рѣдко стали вспыхивать молніи, едва доносились медлительные раскаты грома... Сквозь сѣроватую влажную дымку прорвался солнечный лучъ...

Погожевъ вывелъ Нанси кратчайшими аллейками къ выходу. Противъ воротъ кладбища, у фонтана, журчавшаго между двумя старыми плакучими ивами, они присѣли на каменную скамью. Яркія влажныя краски лежали на всемъ; природа улыбалась, какъ дитя сквозь слезы. Улыбка эта играла въ свѣтлыхъ каплях, падавшихъ съ чистой, освѣженной листвы, сверкала на вымытой цвѣтистой травѣ, отдававшей сильнымъ, сразу поднявшимся ароматомъ, рдѣла радугой въ тучкахъ, зацѣпившихся за сосны на ребрахъ горъ и незамѣтно тянувшихся въ высь...

— Какъ прелестно! — не могла удержаться и тутъ Нанси, глянувъ весело на спутника.

Городокъ, куда спустились они, тоже улыбался — вымытый, вычищенный сверху до низу; повсюду клокотали у ногъ народившіеся шумные, пѣнистые ручьи, несшіеся стремительно въ Леманъ; улицы, садики отелей пестрѣли высыпавшими туристами...

— Но вы, все-таки, не были у насъ, и это за вами,—сказала Нанси, прощаясь съ Погожевымъ у виллы.—Только не говорите мамѣ, что мы подъ грозу попали,—прибавила она, понизивъ голосъ:—а то мнѣ достанется, да и вамъ, пожалуй...

Она скрылась въ подъѣздѣ, а Погожевъ, полный тихаго, радостнаго волненія, побрелъ медленно, самъ не зная куда...

XIII.

Прошла недѣля.

Погожевъ валялся и курилъ въ своей долинкѣ, велъ до хрипоты дебаты съ учителями въ Гравьé, но время тянулось совсѣмъ вяло, все выходило какъ-то не по прежнему, чего-то какъ будто не хватало... Въ довершеніе бѣды, настроеніе это не укрылось отъ Драшусовой, и она приняла его на свой счетъ... Горничная была сбита съ толку гофрированьемъ и глаженьемъ; по комнатамъ началъ разноситься запахъ жженыхъ волосъ, такъ что Драшусовъ воскликнулъ даже, глядя на преобразившуюся жену: — „Вѣдь въ деревнѣ мы, слѣдственно къ чему же такъ завиваться!“

Встрѣтивъ и при всемъ этомъ самую несомнѣнную холодность своего „предмета“, Драшусова потерялась. Наступила безмолвная натянутость, отъ которой Погожевъ не зналъ, какъ избавиться, куда дѣться...

Визитъ къ Китаевымъ онъ откладывалъ изъ приличія до полученія новой книжки журнала. Дождавшись ее, онъ въ тотъ же день, несмотря на спускавшіяся уже сумерки, отправился къ нимъ.

Но читать не пришлось. Всѣхъ, даже вѣчно серьезную Петровну, охватывала веселость, и все способствовало этому: только-что пришедшій докторъ остался вполнѣ доволенъ „поведеніемъ“ паціентки; теплый, тихій вечеръ былъ такъ хорошъ, что даже Марья Васильевна не боялась за дочь и раскрыла окна.

Разговоръ зашелъ о Шильонскомъ замкѣ, который Китаевы осматривали въ этотъ день утромъ. Марья Васильевна, соста-

вившая еще въ Смольномъ, по Жуковскому, цѣлый міръ самыхъ трогательныхъ представленій, восторгалась. Нанси не раздѣляла этой восторженности и сказала:

— Чего не ожидала я, такъ это мизерности великаго за́мка...

— Ты всегда съ своей критикой!—защитилась Марья Васильевна.

— Что-жъ, мама, развѣ я не права?—возразила Нанси.—Отель „Байронъ", рядомъ, совсѣмъ убиваетъ его!

— Разумѣется, не права: на него надо смотрѣть съ озера, какъ англичане дѣлаютъ...

— Ахъ, это идея!—подхватила Нанси.—Вѣдь мы, мамочка, не катались по озеру. Смотри, какой чудный вечеръ! И луна полная, во всей неприкосновенности! Поѣдемъ! Владиміръ Ивановичъ, поѣдемте!

Марья Васильевна была другихъ мыслей: прокатиться въ гондолѣ по-венеціанскому Canale Grande, послушать пѣсни гондольеровъ,—еще стоило бы; но жаться въ неудобной, узенькой лодченкѣ, портить туалетъ и имѣть предъ глазами спину неуклюжаго швейцарскаго лодочника въ полосатомъ трико decolleté et manches courtes...

— Что̀ за охота... ночью!..—отвѣтила она.

— Но какое же удовольствіе днемъ, когда сгорѣть можно!

— Если тебѣ такъ хочется, возьми Петровну съ собой, — рѣшила Марья Васильевна, подойдя предварительно къ окну и выставивъ руку, чтобы удостовѣриться, нѣтъ ли сырости въ воздухѣ.—Не далеко отъ берега, конечно, — дала она наставленіе Погожеву.

Нанси обрадовалась и принялась окутывать шалью Петровну.

Леманъ пестрѣлъ уже мерцавшими, точно звѣздочки, фонариками лодокъ, когда они вышли. Съ одной, вдалекѣ, разливался свѣтъ бенгальскаго огня, доносилось стройное, негромкое пѣнье швейцарскаго гимна...

Лодочниковъ свободныхъ не оказалось. Погожевъ, недурно владѣвшій веслами, принялся самъ за дѣло—подвелъ лодку къ берегу, усадилъ Нанси.

— Идите, Петровна! — крикнулъ онъ, придерживая лодку.

— Вотъ, невидаль какая!..—отвѣтила та равнодушно.—Вы люди молодые, покатайтесь, а я тутъ, на камушкѣ, посижу.

И она опустилась на неостывшій еще отъ дневного зноя большой камень.

Лодка отчалила, сверкая при лунѣ мокрыми веслами, роняющими свѣтлыя капли... Опрокинутыя савойскія Альпы покачива-

лись въ глубинѣ, занявъ темными гигантскими силуэтами всю половину Лемана... Неподвижная фигурка Нанси, въ шолковомъ ватерпруфѣ и мягкомъ бѣломъ беретѣ, лодка, разбѣгавшіяся струи—все стушевывалось, представлялось неяснымъ подъ трепетнымъ, невѣрнымъ свѣтомъ луны... Такимъ же неяснымъ, съ воздушными очертаніями, вырисовался вскорѣ и Шильонскій замокъ; слитыя съ темною глубиной, массивныя розоватыя стѣны, грозная башня съ узкими прорѣзами бойницъ—казались легкими, какъ бы свѣтящимися въ дрожавшемъ сумракѣ. Въ верхнихъ окнахъ мелькали огоньки.

— Тамъ живутъ?—прошептала любовавшаяся Нанси.

— Тюрьма тамъ.

— Что?—рѣзко переспросила она.

— Кантональная тюрьма.

Плечики ея дрогнули подъ ватерпруфомъ, и она примолкла.

— А такой красивый!... — разслышалъ Погожевъ, когда лодка, повернувъ обратно, скользила плавно по теченію.

Въ слитной массѣ надвигавшихся предметовъ выдѣлились стройною колоннадой прибрежные тополи. Погожевъ „затабанилъ“ весломъ, поворачивая къ берегу, но лодка, съ разбѣгу, пролетѣла дальше и врѣзалась въ крупный песокъ, немного ниже прежняго мѣста. Пришлось выйти на отмель.

— Дайте руку!—сказала Нанси, остановившись на ближайшихъ крупныхъ камняхъ и не рѣшаясь ступить дальше.

Они стали перебираться съ камня на камень. Нанси оступалась. Невидимыя, добѣгавшія верхушки волнъ шумѣли у самыхъ ея ботинокъ.

— У меня голова кружится. . — проговорила она, теряя равновѣсіе.

Онъ подхватилъ ее и поднялъ какъ перышко. Ея щека касалась его груди, закинутая на плечо рука жгла какъ огнемъ... Голова закружилась и у него, кровь прилила къ горлу, застучала въ вискахъ... Все таившееся, назрѣвавшее вырвалось наружу... Воли не было больше... Онъ наклонился, и дрожавшія губы его припали къ ея кудрямъ... Она замерла безъ движенія, только рука трепетно и сильнѣе сжала плечо...

Петровна дремала, когда подошли они.

— Поздно, чай?—сказала она, приподнимаясь грузно.

Было, дѣйствительно, поздно. Погожевъ, какъ въ туманѣ, прошелъ съ ними до садика и долго стоялъ потомъ, жадно вдыхая начинавшій свѣжѣть воздухъ...

XIV.

Солнце только-что выплывало изъ-за Валлисскихъ горъ и зажигало огнистыми полосами устье Роны, темную, туманную гладь Лемана, озаряло вершины далекихъ холмовъ.

Погожевъ, не спавшій ночь, спускался съ Кюбли къ Кларану—на набережную, гдѣ гуляла по утрамъ Нанси.

Вокругъ нарождалось и начинало дышать румяное утро, полное тонкой мглы и пурпура; стыдливо рдѣли блѣдно-розовыя тучки на горизонтѣ, выступали яснѣе темно-зеленыя горы, повитыя туманомъ, загорались мгновенно росистыя луговины... Впереди, внизу, солнце уже заткало золотистыми нитями сѣроватый туманъ, крывшій нѣжною, прозрачною дымкой холмы, деревья, купы высокихъ тополей, превращавшій все во что-то неузнаваемое, волшебное... Рѣзко и длительно звучалъ гдѣ-то альпійскій рогъ—вѣстникъ пробуждавшейся жизни...

Погожевъ не видѣлъ и не слышалъ ничего. Радость и боязнь, надежда и сомнѣніе охватывали его; сердце то ныло сладостною болью, то падало, какъ въ испугѣ...

Было совсѣмъ еще рано, когда вошелъ онъ въ Кларанъ. Тянулись на рынокъ въ Монтрё крестьянскія телѣги—длинныя и съ такими же длинными холщевыми кибитками, полныя цвѣтовъ, овощей; въ отеляхъ горничныя, въ бѣлыхъ тюлевыхъ чепчикахъ, выколачивали свѣшенные изъ оконъ коврики; дорожный сторожъ, гладко выбритый и съ сигарою въ зубахъ, поливалъ изъ насоснаго рукава улицу.

Чтобъ убить время, Погожевъ завернулъ въ кафе, набитое одинокими работниками и работницами, пившими свой утренній кофе на молокѣ, и усѣлся задумчиво за столикъ, предъ стакановъ сиропа съ водой.

На набережной, когда появился онъ тамъ, уже начиналась жизнь: расхаживали пунктуальные англичане въ бѣлыхъ фланелевыхъ костюмахъ; устраивались подъ платанами цвѣточницы; размѣщались за парапетомъ рыболовы-туристы въ затѣйливыхъ блузахъ и съ дорогими удилищами... Отъ пристани показалась изъ-за тополей Нанси... Въ радостномъ испугѣ и едва переводя духъ, Погожевъ подошелъ къ ней...

— Вы простите меня?—заговорилъ онъ.—Я былъ безумный вчера...

— А я?..—отвѣтила она, краснѣя и поднявъ на него ласковые, все сказавшіе глаза...

XV.

Встрѣчи ихъ стали такъ же неизбѣжны, какъ появленіе солнца изъ-за горъ... Они сходились рано, и разставались, какъ только начинала оживать набережная. Въ свободное для Погожева время они видѣлись за городомъ, и любимымъ мѣстомъ ихъ стала скамья подъ плакучими ивами у клараискаго кладбища. Тамъ, подъ тихое, меланхолическое журчанье фонтана, они любовались панорамою горъ, привольною ширью сверкающаго, измѣнчиваго Лемана, съ его вѣчно-новыми, неожиданными картинами,—заглядывали въ будущее, спорили, мечтали...

Ихъ счастье было такъ полно, чувства такъ гармоничны, что они не думали даже о ласкахъ, о внѣшней короткости, слитые внутренно въ каждомъ движеніи, каждомъ помыслѣ, и оставались обыкновенно на „вы“.

Порою нападала на нихъ полоса думъ, серьезности. Тогда Нанси посвящала Погожева въ „грызшіе“ ее—какъ выражалась она—религіозные вопросы, сомнѣнія, а онъ передавалъ ей „страпички“ изъ своей нерадостной жизни, ставившей на первыхъ же порахъ въ разладъ съ семьею, обрекавшей на одиночество.

— Отецъ мой, какъ вы уже знаете, не изъ большихъ господъ... мѣщанинъ простой... — заговорилъ онъ въ одну изъ такихъ бесѣдъ.—Весь внутренній укладъ его—стараніе не проронить копѣйки, не огорчить начальства, устроиться во всемъ такъ, чтобъ его хата была, что называется, съ краю... И все это на почвѣ самой показной религіозности... Мать—существо пассивное, безсильная, любящая душа, а въ дѣлѣ вѣры—младенецъ... Ну, пріучали и меня къ религіозному съ дѣтства. И я воспринималъ, со всею ребяческою отзывчивостью... до экстаза могъ доходить... Не помолиться утромъ или на ночь, не отправиться въ праздникъ къ обѣднѣ, было несчастіемъ для меня... Но эту вѣру убилъ самъ же родитель мой... Съ первымъ пониманіемъ словъ Христа сдѣлался понятнымъ мнѣ и цинизмъ, обращавшій религіозное на служеніе земной выгодѣ, мелкимъ страстямъ; сдѣлалось понятнымъ лицемѣріе—не какъ чей-то порокъ, а какъ естественная, должная основа житейскаго... И не чрезъ разумъ—онъ еще слабъ и несамостоятеленъ былъ,—а чрезъ чувства, чрезъ всю формировавшуюся, болѣзненно-нѣжную натуру прошло это сознаніе, оставивъ за собою оцѣпенѣніе, столбнякъ какой-то... Особенно памятенъ одинъ случай... Было это лѣтомъ. Отецъ выкладывалъ что-то на счетахъ, сидя предъ кон-

торкой; за открытымъ окномъ стоялъ сѣдой, исхудавшій и оборванный мужиченко... Постигнутый какимъ-то горемъ, онъ нылъ жалобно и однообразно, выпрашивая нѣсколько рублей изъ заработаннаго. Отецъ стукалъ костяшками и отвѣчалъ равнодушно: „Не порядокъ это: къ Петровкамъ платится... къ Петровкамъ, другъ любезный“...—„Да много-ль до Петровокъ-то!“—„Хоть бы часъ“...—Мужиченко задумался, потомъ взмахнулъ шапкой въ рукѣ и крикнулъ писклявымъ, надорваннымъ голосомъ:—„Умираетъ вѣдь баба-то, Иванъ Платонычъ!“—„А ты ей красный платокъ покажи, она и вскочитъ!..“—Мнѣ было жаль мужиченка и казалось, что отецъ не вникаетъ достаточно въ дѣло, занятый своими выкладками. „Папаша,—заговорилъ я, подбѣжавъ къ нему:—Іисусъ Христосъ проповѣдывалъ на горѣ: „*Просящему у тебя дай*“...—„На, вотъ, на!“—отвѣтилъ, повернувшись ко мнѣ, отецъ и щелкнулъ меня два раза въ лобъ своимъ крѣпкимъ, точно желѣзнымъ пальцемъ.—„Дуракъ! Какъ ты вѣкъ-то жить станешь!“—прибавилъ онъ съ неподдѣльнымъ сокрушеніемъ...

— Спустя сутки,—продолжалъ, помолчавъ, Погожевъ,—я метался въ нервной горячкѣ, и предо мной стояли „проклятые вопросы“:—„Почему я дуракъ за святыя, великія слова?.. Если нельзя жить вѣкъ по Евангелію, то какъ же надо жить?.. Если сокрушается отецъ, то, значитъ, ему больно, значитъ, есть другая правда, другое Евангеліе?..“—Отъ горячки я избавился скоро, но прежняя беззавѣтная вѣра, душевная благость—отлетѣли... Потомъ, ставъ ближе къ жизни, я убѣдился, что казавшійся мнѣ такимъ исключительнымъ внутренній укладъ отца—чуть не общее достояніе... что вѣра требуется лишь какъ ритуалъ, безъ связи съ дѣйствительностью... Что совѣсти не находится ни мѣста, ни простора... Все это, разумѣется, только въ предѣлахъ личнаго, важнаго лишь для меня, опыта... Но подъ его вліяніемъ религіозное, мало-по-малу, отпало отъ организма, смѣнилось безъинтересностью... индифферентизмомъ... Вотъ это и хотѣлось мнѣ высказать,—заключилъ онъ, взявъ руку Нанси,—выяснить, въ виду нашихъ отношеній... нашего будущаго...

Она вопросительно подняла на него глаза.

— Вы желаете, чтобъ я была также индифферентна?

— О, нѣтъ! Напротивъ, я боюсь, что вы, при вашихъ взглядахъ...

— Владиміръ!—не дала она договорить ему.—Почему вы, подобно мамѣ, видите во мнѣ не вѣрующую, а какъ бы... изувѣрку какую-то?..

Заключеніе было такъ неожиданно, что Погожевъ чуть не привскочилъ на скамьѣ.

— Я?.. изувѣрку?..—пролепеталъ онъ.

— Какъ же могли вы думать, что я коснусь вашей совѣсти?.. И какъ можно совмѣстить вѣру и насиліе надъ другимъ? А если такъ, то и у всякаго то же право насиловать... Кто сильнѣе, значитъ?..

Онъ молча притянулъ ея ручку къ губамъ, и робко—какъ это бывало съ нимъ всегда—покрылъ ее поцѣлуями...

Однимъ утромъ, когда Нанси собиралась на прогулку, Петровна сказала, покачавъ головой:

— Охъ, дѣвка!

Нанси глянула въ ея свѣтившіеся глазки и кинулась ей на шею.

— Ну, ну, не ластись!—отвѣтила Петровна, поглаживая въ то же время ее по волосамъ.—Смотри, кабы мать-то!..

Но Нанси не ластилась. Жившая въ какомъ-то блаженномъ угарѣ, порабощенная раскрывавшеюся великою тайной любви, она только уступала порыву—выплакать свое счастье

XVI.

Возвращаясь съ почты, изъ Гравьѐ, Погожевъ еще издалека замѣтилъ гостей на террасѣ шалэ.

Это были „притащившіяся“ Жюли и Катишь. Онѣ сидѣли съ Драшусовою за круглымъ столомъ и работали языками съ такимъ рвеніемъ, что едва успѣвали промачивать горло бѣлымъ виномъ съ бисквитами... Какъ только приблизился Погожевъ, всѣ смолкли. Онъ не обратилъ на это вниманія, не замѣтилъ даже пылавшаго, взволнованнаго лица хозяйки, и прошелъ, раскланявшись, въ свою комнату.

Гостьи ушли спустя лишь нѣсколько часовъ, а вслѣдъ за тѣмъ явившаяся горничная доложила Погожеву, что m-me гуляетъ въ рощѣ и проситъ его туда „immédiatement“.

Онъ отправился, недоумѣвая.

Драшусова, въ бѣломъ гофрированномъ капотѣ, напудренная по кольдкрему, прохаживалась невдалекѣ отъ террасы по дорожкѣ между соснами. Полуощипанный розанъ въ рукѣ подчеркивалъ первное состояніе...

— Владиміръ Ивановичъ! Вы въ опасности!—начала она таинственно и съ театральною жестикуляціей.

— Въ какой-съ?—спросилъ тотъ, озадаченный.

— Вы въ сѣтяхъ, вы будете погублены! Я знаю... изъ вѣрнѣйшаго источника...

— Не понимаю!

— Вы влюблены и васъ завлекаютъ самымъ недостойнымъ образомъ!—пояснила она, терзая розанъ.

Погожевъ вспыхнулъ.

— Я никого не просилъ заботиться о моей безопасности,—сказалъ онъ.—И не думаю, чтобы были *вѣрные* источники знать чужія, личныя дѣла...

— Вы отвергаете мою дружбу?.. дружбу женщины?!

Онъ молчалъ.

— Вы... вы жестокій человѣкъ!

Она бросила въ него остаткомъ розана и скрылась въ чащу деревьевъ. Онъ не послѣдовалъ за нею, стоя въ раздумьѣ. Бѣлый капотъ появился снова на дорожкѣ, но облекалъ уже совершенно иную даму—строгую, надутую...

— Вы сказали, что это—ваше личное дѣло, — произнесла она.—Я не согласна съ такимъ взглядомъ: вамъ довѣрены дѣти, отъ васъ требуется извѣстное поведеніе...

— Да?—чуть не разсмѣялся Погожевъ.—Но поведеніе мое, кажется, внѣ упрека...

— Вы часто отлучаетесь...

— Не въ ущербъ моимъ обязанностямъ.

Драшусова помолчала. Нѣжныя чувства брали, казалось, верхъ надъ нею, хотя глаза подъ низенькимъ лбомъ и зеленѣли чѣмъ-то недобрымъ...

— Я отъ души, отъ сердца отнеслась къ вамъ, Владиміръ Ивановичъ...— заговорила она, приблизившись и чуть не касаясь его жилета напудреннымъ носомъ.—И во мнѣ вы всегда встрѣтите друга... Вотъ рука моя...

Изліяніе прервали выбѣжавшія на террасу дѣти. Костя стучалъ въ бубенъ, а Петя выкрикивалъ: „Обѣдать! обѣдать!“...

XVII.

Погожевъ не сомнѣвался, что вѣсти о немъ доставлены пронырливыми гостьями, и сердце у него сжималось при мысли о той грязи сплетенъ и пересудовъ, въ которой можетъ очутиться

имя Нанси. На Драшусову не могъ онъ взглянуть безъ какого-то первнаго, непріятнаго содраганія. Послѣ обѣда онъ ушелъ къ себѣ и не показывался больше, угнетенный нестерпимымъ подобіемъ сплина...

Слѣдующій день былъ воскресенье. Драшусовы съ утра уѣхали въ Монтрё, гдѣ устроивался семьею компатріотовъ завтракъ въ курзалѣ. Погожевъ, разсчитывавшій отправиться къ Китаевымъ, остался съ дѣтьми плѣнникомъ на весь день.

По тропинкамъ окружныхъ горъ, куда только хваталъ глазъ, спускались принаряженные крестьяне и крестьянки; мелькали среди зелени кустовъ шляпки, зонтики, яркія платья. По сѣрымъ извивамъ шоссе, соединявшаго деревни, тянулся, съ музыкой и знаменами, пестрый, длинный кортежъ какого-то общества... Погожевъ чувствовалъ себя какъ въ тюрьмѣ. Не зная, чѣмъ развлечься, онъ сталъ строить съ дѣтьми на террасѣ карточные домики, пускать кораблики въ тазу... Но мысли не слушались и упорно бѣжали къ виллѣ Матьё...

На виллѣ, между тѣмъ, все стояло вверхъ дномъ...

Петровна, затепливъ въ кухнѣ предъ мѣднымъ складнемъ огарокъ восковой свѣчи, клала земные поклоны, поминая „царя Давида и всю кротость его“... Въ гостиной, раскраснѣвшаяся, утратившая всю свою свѣтскость, Марья Васильевна потрясала опущеннымъ кѣмъ-то въ ящикъ у двери безъимяннымъ письмомъ, грубо чернившимъ Погожева, сообщавшимъ о его „амурныхъ свиданіяхъ“ съ Нанси, и кричала:

— Ты признаешься... разумѣется! Когда открылось все... Да! Съ какою же цѣлью утаивала ты?!

— Да не утаивала же, мама... Пойми ты меня!—силилась объяснить ей вся дрожавшая Нанси. — Есть многое, въ чемъ раньше, чѣмъ говорить даже съ матерью, бываетъ надобно разобраться самой... увѣриться собственными чувствами, мыслями...

— Что же мнѣ заключать? Что думать о нравственности барышни, которая....

— Мама!— перебила ее Нанси.—Развѣ ты не знаешь, что нравственность бережется не присмотромъ въ десять глазъ, а тѣмъ, что человѣкъ имѣетъ нравственныя правила, сознаетъ ихъ... Развѣ ты можешь сказать, что у меня нѣтъ этихъ правилъ?.. Зачѣмъ ты обижаешь меня?

— Но мы осрамлены, опозорены!—воскликнула Марья Васильевна, бросивъ письмо на столъ.

— Позоръ на томъ, кто клевещетъ...

Марья Васильевна притихла и прошлась по гостиной. Она

вѣрила дочери, но мысль „упасть во мнѣніи“ даже сбороднаго курортнаго общества—приводила ее въ ужасъ.

— Во всякомъ случаѣ, это знакомство надобно прекратить!—сказала она.

— Нѣтъ, я не сдѣлаю этого...

— Нанси!

— Не сдѣлаю, мама... потому что онъ ничѣмъ не заслужилъ...

— Безцѣльныхъ, компрометтирующихъ отношеній я не могу позволить!

— Не безцѣльныхъ, мама...—Нанси подумала и закончила: —Я люблю его и хочу быть его женой...

Марья Васильевна ахнула, зажала уши и выбѣжала.

Спустя нѣсколько минутъ, она шла по набережной, натягивая торопливо перчатки, наталкиваясь на встрѣчныхъ... Приливавшая и отливавшая шумная праздничная толпа, осаждавшая всюду кафѣ, совсѣмъ затерла ее; къ пристани не видѣлось даже возможности пробраться; у станціи электрическаго трамвая оказались полчища кандидатовъ... Забывъ всякую разсчетливость, она сѣла въ первую попавшуюся коляску — парную и потому съ двойной таксой—и приказала ѣхать въ Вевé—къ доктору.

XVIII.

Докторъ, занимавшій большую, покойную квартиру въ чинномъ протестантскомъ домѣ отдаленной улицы, обѣдавшій у себя, знавшій изъ всѣхъ удовольствій только прогулки, былъ, по обыкновенію, дома.

— Что случилось?—спросилъ онъ, вглядываясь въ разстроенное лицо Китаевой.

— Докторъ,—заговорила она, почти упавъ въ кресло:—мы уѣзжаемъ изъ Монтрё... Посовѣтуйте, куда бы намъ... гдѣ полезно для Нанси?

— Есть Іеръ... Санъ-Ремо... Мало ли куда можно...—отвѣтилъ, несовсѣмъ понимая ее, докторъ.—Да въ чемъ дѣло-то? Что за причина?

— Ахъ, докторъ!—я такъ разстроена, поражена... Я буду откровенна...

И она разсказала о письмѣ, о признаніи дочери.

— Нельзя же намъ послѣ этого оставаться въ Монтрё! — воскликнула она.

— Не вижу, почему, — отвѣтилъ спокойно докторъ. — На сплетни, да еще въ русской колоніи, нечего обращать вниманія, а что до остального, то, знаете, о томъ, вкусны ли вишни, надо спрашивать у дѣтей да у воробьевъ... Въ добрый часъ! Честны́мъ пирко́мъ да за свадебку...

— Но я — мать, докторъ, — серьезно возразила Китаева. — Для Нанси это... это mésalliance... Что̀ такое Погожевъ? *Учитель*! — подчеркнула она.

Докторъ не былъ сторонникомъ такихъ взглядовъ и не имѣлъ привычки скрывать свои мнѣнія. Онъ нахмурился, покачивая положенною одна на другую ногой.

— Молодой, образованный человѣкъ — всегда хорошая партія, если нѣтъ дурного за нимъ, — заговорилъ онъ. — Да и до мыслей ли о мезальянсѣ, когда... когда...

Онъ передвинулъ предъ собою книгу на столѣ, положилъ прямѣе карандашъ. — „Когда жизнь на волоскѣ... когда только и остается, что мигъ счастья“... — мелькало у него въ головѣ.

— Когда болѣе серьезные предразсудки отжили, похоронены... — продолжалъ онъ. — Эхъ, Марья Васильевна! Жизнь, разумѣется, на то и жизнь, чтобы кипѣть, мѣняться, спѣшить къ новому... Но нашей родной дѣйствительности не мѣшало бы и позадерживаться кое-на-чемъ... Отъ недавняго былого у насъ успѣли уже отвернуться, успѣли оплевать его... Да. Но основной мотивъ этого былого легъ всюду и навсегда... И что̀ звучитъ въ этомъ мотивѣ? Трудъ, а не наслѣдство... знанія, а не титулъ... Отошла въ вѣчность и та мѣрка любви къ дѣтямъ, по которой ихъ рядили, откармливали и выводили на проторенную уже родителями дорогу... Теперь недостаточно любить ихъ, а надо еще *понимать*, изучать... Сложны, нервозны они въ нашъ вѣкъ — не прежніе безотвѣтные... Это я какъ человѣкъ говорю, и вы извините меня. А какъ докторъ, я долженъ предупредить васъ, что сильнаго потрясенія... огорченія... не вынесетъ Анна Николаевна...

— Докторъ! — подняла умоляюще руки Марья Васильевна.

— Не вынесетъ... Я не ручаюсь...

Вставшая предъ Китаевою мысль заставила ее помертвѣть.

— Вы находите... у Нанси?..

Она не рѣшилась произнести страшнаго слова и зарыдала.

— Полноте, не тревожьтесь, — сталъ успокоивать ее докторъ. — Я нахожу, что Анна Николаевна впечатлительна, нервна... что ей надо укрѣплять свои силы... При такихъ условіяхъ, вы понимаете, осложненіе возможно...

Онъ продолжалъ утѣшать ее, далъ ей понюхать спирту, сказалъ, что завтра же навѣститъ Нанси.

XIX.

Коляска, не спѣша, катилась по гладкому шоссе, отѣненному по сторонамъ еще не разросшимися кленами, рябинками. Налѣво, за квадратиками низенькихъ каменныхъ оградъ, зеленѣли по склонамъ виноградники, съ небольшими, только-что наливавшимися, бурыми и голубоватыми гроздьями; направо, у самой воды озера, высились чудныя, богатѣйшія дачи, съ садами и цвѣтниками, съ фонтанами, съ лѣпными вазами на воротныхъ столбахъ, полными цвѣтовъ. Марья Васильевна безучастно оглядывала это, всегда плѣнявшее ее оригинальное „avenue“, не прерывающееся до самаго Монтрё. Мысли ея бродили точно въ туманѣ... Давно слившіяся съ пройденною далью картинки минувшаго вставали одна за другой... Вспомнился вечеръ, когда отецъ, креатура титулованной бездарности, возвратясь изъ коммиссіи, сорвалъ съ себя злобно звѣзду и прошепталъ, скрививъ беззубый ротъ: — „Не надобны стали мы... ученыхъ подавай!.. Не безкорыстіе корчить, не къ журналамъ прислушиваться слѣдовало, а брать и брать, чтобы не съ нищенскою пенсіей оставаться теперь!..“ Вспомнились наступившіе черные дни... покровительница-баронесса, выискавшая въ женихи пустого, недалекаго владѣтеля наслѣдства... Вспомнился и юный, горячій порывъ, когда дана была воля чувствамъ, а не разсчету, избранъ былъ скромный жизненный путь, а не роскошное прозябаніе... Не подъ вліяніемъ ли оплеваннаго теперь поступила она такъ?.. Да... Но вліяніе кончилось, а для русскаго человѣка неизбѣжно, чтобы его вели подъ-уздцы... И новая сила ведетъ, направляетъ по теченію... и нѣтъ смѣлости плыть противъ... Въ глубинѣ души шевельнулся горькій вопросъ: *понимала* ли она дочь?.. И совѣсть отвѣтила, что *нѣтъ*... что любвеобильныя материнскія заботы, ласка и кара, помыслы и желанія—все стремилось не отвѣтить ея свойствамъ, а подогнать ихъ подъ свой избранный шаблонъ...—„Не скрываетъ ли докторъ?..“—встала вдругъ мысль, и сердце замерло между страхомъ и надеждой...

Мелькнули „Ѳермопилы“, какъ назвала это мѣсто Нанси во время поѣздки къ доктору,—гладкая скалистая стѣна налѣво, а направо обрывъ прямо въ Леманъ... Вотъ и Кларанъ... Коляска бойко понеслась подъ гору, кучеръ торопливо завертѣлъ

ручку тормаза... Линіи богатыхъ отелей и пансіоновъ по сторонамъ... а тамъ и Монтрё...

Уже пылалъ закатъ, крóя багрянымъ заревомъ Леманъ, и по горизонту тянулись алыя полосы облаковъ. Между ближайшихъ Водуазскихъ горъ, высоко въ долинѣ, наполняя ее всю, лежала яркая, прозрачная радуга...

XX.

Слѣдующимъ утромъ Погожевъ не встрѣтилъ Нанси на набережной. Вернувшись разстроенный на Кюбли, онъ нашелъ письмо Марьи Васильевны, приглашавшее его „пожаловать“ отъ трехъ до пяти.

Передумавъ о многомъ, страшась, въ виду словъ доктора, растревожить дочь настойчивостью, она успокоилась на мысли, что увлеченіе Нанси есть только плодъ скуки и отсутствія общества, что съ возвращеніемъ въ Россію все перемѣнится. Главное было—отдалить конечную развязку. Къ этому и приступила она, разсуждая справедливо, что „qui a temps, a vie“...

Смущенный холоднымъ тономъ приглашенія и внутренно предугадывая причину, Погожевъ вошелъ въ гостиную, не смѣя поднять глаза. Еще холоднѣе встрѣтила его Китаева, подвинувъ ежу лежавшее на преддиванномъ столикѣ письмо и сказавъ коротко: „Прочтите“.

Несмотря на старательно измѣненный почеркъ, двѣ-три буквы знакомаго характернаго начертанія, а особенно фіолетовыя чернила, употреблявшіяся въ шалэ, сразу обличили предъ нимъ авторшу письма... Пробѣжавъ его, онъ почувствовалъ, что полъ точно опускается подъ нимъ...

— Мои намѣренія были честны...— проговорилъ онъ слипавшимися губами.

— Не сомнѣваюсь!—отвѣтила Китаева, пройдясь по гостиной и остановившись на приличномъ разстояніи. — Жалѣю только, что мнѣ, матери, пришлось узнать позднѣе, чѣмъ постороннимъ...

Горло совсѣмъ перехватило у Погожева, предъ глазами забѣгали круги...

— Нанси объяснила мнѣ, что вы дали другъ другу слово...

— Да...—вымолвилъ онъ, ожидая смертнаго приговора.

— Я не буду противъ... не знаю, какъ мужъ...

Предъ Погожевымъ все точно солнцемъ озарилось.

— Марья Васильевна!—заговорилъ онъ, шагнувъ къ ней.—

Я виноватъ... я не долженъ былъ такъ, конечно... Я прошу простить меня... осчастливить...

Простымъ, хорошимъ чѣмъ-то повѣяло на Китаеву и отъ этихъ словъ, и отъ искренняго юношескаго смущенія,—сердце дрогнуло у нея. Но роли она осталась вѣрна.

— Мы не дома,—отвѣтила она,—и это не допускаетъ пока ничего... оффиціальнаго... Для другихъ мы должны остаться знакомыми, какъ были.

— Вы позволяете надѣяться?

Она протянула ему руку. Онъ прикоснулся губами къ кончикамъ пальцевъ и спросилъ:

— Я не увижу Анну Николаевну?

Китаева вышла, шурша шолковымъ платьемъ, и вернулась съ Нанси.

— Я приняла сдѣланное тебѣ Владиміромъ Ивановичемъ предложеніе,—объявила она церемонно —Свадьба, разумѣется, можетъ быть только въ Россіи...

Натянутые нервы Нанси не выдержали, и слезы градомъ посыпались у нея изъ глазъ. Плача и стараясь улыбнуться, она пожала руку Погожеву и подставила ему щечку для поцѣлуя...

XXI.

Съ горъ, окружавшихъ Кюбли, начали доноситься по утрамъ негромкіе пушечные выстрѣлы и отдаваться перекатами по холмамъ; вечерами пылали на высотахъ костры, дрожало зарево бенгальскихъ огней... Это праздновались „Promotions“ — дни школьныхъ публичныхъ экзаменовъ и роспуска учениковъ.

Деревенька Гравьѐ, въ наступившій у нея день, покрылась съ ранняго утра флагами, закипѣла весельемъ. Послѣ пальбы изъ старинной общественной пушки открылся школьный публичный актъ. Погожевъ былъ въ числѣ приглашенныхъ почетныхъ гостей и имѣлъ удовольствіе видѣть, какъ отличившійся знакомецъ его, Жоржъ, принялъ изъ рукъ предсѣдателя высшую награду, въ видѣ цѣлой кипы книгъ съ золотыми обрѣзами... Въ полдень, на тесовомъ помостѣ подъ вѣковыми дубами и орѣховыми деревьями, данъ былъ отъ общества обѣдъ школьникамъ и школьницамъ, изобиловавшій праздничною пышностью блюдъ и рѣчей ораторовъ — деревенскихъ „стариковъ“... Затѣмъ слѣдовали, по программѣ „комитета празднества“: стрѣльба изъ

арбалетовъ, гимнастическія игры, кортежъ въ національныхъ костюмахъ всѣхъ кантоновъ...

Вечеромъ деревья освѣтились бенгальскими огнями, и на помостѣ, окруженномъ гирляндою разноцвѣтныхъ фонариковъ, начались танцы. Игралъ мѣстный оркестръ любителей, состоявшій изъ флейты, гобоя да контрабаса со скрипкой,—альтъ отправлялъ воинскую повинность, а труба, имѣвшая спеціальностью перебивку тюфяковъ, находилась въ отхожемъ промыслѣ, въ горахъ... Для публики устроены были импровизированныя скамьи изъ длинныхъ тесинъ на козлахъ...

Въ самый разгаръ танцевъ, ко входной аркѣ изъ зелени и флаговъ подъѣхалъ семейный брэкъ. Изъ него вышли Китаевы съ докторомъ. Ихъ встрѣтилъ Погожевъ, а учителя-распорядители вручили имъ красивенькіе значки, дававшіе право входа.

Нанси, въ скромномъ сѣро-голубомъ платьѣ, убранномъ живыми эдельвейсами, — скупленными въ это утро у крестьянской мелюзги, спускающейся съ горъ къ пристани, сбывать туристамъ всякія рѣдкости,—и съ вѣтками горнаго рододендрона въ волосахъ, была необыкновенно миловидна; шумѣвшая же вокругъ, давно уже незнакомая веселость отзывалась совсѣмъ заразительно на ея впечатлительномъ существѣ...

— Вы позволите мнѣ?.. Только вальсъ, съ Владиміромъ Ивановичемъ...—обратилась она къ доктору.

— А если не позволю,—отвѣтилъ тотъ вопросомъ:—вы будете спокойны и довольны?

— Нѣтъ...

— Ну, вотъ, видите! Значитъ, изъ двухъ золъ надо меньшее выбирать... Идите... Только, не до упаду!

Нанси положила руку на плечо Погожеву и благоразумно сдѣлала всего два тура... Но на дорогѣ щелкнулъ предъ ней каблуками герой вечера, Жоржъ,—въ новенькой курткѣ, широкихъ отложныхъ воротничкахъ и съ огненнымъ цвѣткомъ граната въ петлицѣ...

Отказать затѣмъ почтенному предсѣдателю „комитета празднества“ (онъ же поставщикъ форелей для Монтрё) было уже совсѣмъ невозможно...

— Вотъ что значитъ попадать на покатую плоскость! — сказалъ докторъ.

Она только глянула на него изъ-за вѣера полными благодарности глазами и заняла мѣсто на гнувшейся и скрипѣвшей подъ публикою скамьѣ, сохраняя безукоризненно правило: „tenez-vous droit“...

Марью Васильевну этотъ неподдѣльный „bal champêtre“, знакомый ей раньше лишь по французскимъ романамъ, совершенно преобразилъ. Охваченная ласковымъ дыханіемъ горной ночи, окружавшею завлекательною новизной, она покинула всю свою свѣтскую манерность, принялась лорнировать прифрантившуюся деревенскую молодежь, типичныя, бородатыя фигуры старшихъ, повела оживленную „causerie“ съ прилично-словоохотливыми „кумушками“...

На утро Погожевъ объявилъ Драшусову, что съ наступившими каникулами онъ считаетъ себя свободнымъ отъ обязанностей и переѣзжаетъ въ Монтрё.

— Какимъ родомъ!—удивился тотъ.

— Такъ складываются мои обстоятельства...

Драшусовъ задумался, сцѣпивъ бороду въ кулакъ.

— А вѣдь именно къ этому, къ непріятности, сонъ былъ прошедшею ночью! — воскликнулъ онъ вдругъ. — Воронъ кружился надо мной и... можете представить... прямо на голову мнѣ!.. Вотъ и оправдывается!

Къ вечеру пророчество оправдалось еще блистательнѣе: на диванѣ въ залѣ корчилась и визжала въ жесточайшемъ приступѣ истерики Настасья Ниловна, а въ кабинетѣ Драшусовъ, вооруженный безтолковымъ словаремъ лейпцигскаго изданія, составлялъ французскія телеграммы въ Россію, хлопоча о высылкѣ денегъ, о продленіи отпуска — „въ виду неотложности быть въ Парижѣ, поручить жену попеченіямъ Шарко“...

XXII.

Погожевъ занялъ меблированную комнатку, невдалекѣ отъ виллы.

Какъ только отворялись жалюзи увитаго глициніями окна, онъ шелъ пожелать дамамъ добраго утра и напиться съ ними чаю, къ которому, высказывая внимательность и съ своей стороны, Китаева пригласила его разъ навсегда,—потомъ провожалъ Нанси до набережной. Несмотря на неоффиціальность положенія жениха, сѣть неприметныхъ сближающихъ мелочей не замедлила сплестись и поставить его въ роль какъ бы своего человѣка, подчасъ даже необходимаго. Иногда все складывалось такъ, что

приходилось проводить у Китаевыхъ весь день. Для Нанси наступалъ тогда праздникъ, и она окружала жениха тою невидимо наполняющею все нѣжною заботливостью, которая составляетъ тайну любящей женщины... Невольно трогаясь витавшимъ радостнымъ настроеніемъ, счастливою беззавѣтностью молодости, Китаева смотрѣла умиленно на дочь, переходила къ короткости съ Погожевымъ.

Въ особенно хорошую погоду устроивалась какая-нибудь partie de plaisir. Всѣ втроемъ отправлялись на ту сторону Лемана—позавтракать въ простенькомъ ресторанчикѣ живописнаго мѣстечка Буврэ, въ Вевé,—навѣстить доктора, или на одну изъ окружныхъ горъ— погулять на вершинѣ, въ вѣковѣчномъ дубовомъ лѣсу...

Къ числу посѣтителей гостиной, — гдѣ Погожевъ старался показываться по возможности рѣже, — прибавился еще одинъ: сэръ Говеръ, переселившійся изъ Женевы въ Кларанъ. Статный, корректный мужчина, всегда съ свѣже-пробритымъ подбородкомъ и самымъ экзотическимъ цвѣткомъ въ петлицѣ чернаго сюртука, онъ, съ прославленною національною неизмѣнностью, являлся теперь разъ въ недѣлю, узнать о здоровьѣ miss Anne, и давалъ знать о себѣ всегда одинаковымъ — короткимъ, рѣшительнымъ звонкомъ.

Не явившись однажды почему-то, онъ прислалъ вмѣсто себя букетъ—столь же примѣчательный, какъ и самъ сэръ... Безыскусственный, связанный просто „снопомъ“, онъ былъ удивительно прекрасенъ: помимо чудныхъ розъ, датуръ, лилій, пармскихъ фіалокъ, благоухали огромныя вѣтки многолѣтнихъ азалій, магнолій, топырились рѣдкіе кактусы съ только-что распустившимися цвѣтками...

— Это откуда?—удивился Погожевъ, заставъ Нанси разбиравшею букетъ на столѣ въ гостиной.

— Сэръ Говеръ прислалъ...

— Оно и видно: цѣлая оранжерея загублена!

— А вы... не ревнуете? — спросила, не глядя на него, Нанси.

— Разумѣется, нѣтъ.

— Отчего же?

— Оттого, что слишкомъ люблю васъ...

Она повернулась, вскинувъ въ изумленіи бровки, но подумала и сказала:

— Да, пожалуй... Кого ревнуютъ, того не уважаютъ... Но

мнѣ все-таки кажется, что ревность надо переживать въ любви, какъ корь въ дѣтствѣ...

Она приблизила нѣсколько вѣтокъ къ самому лицу, вдыхая ароматъ, и добавила:

— А къ Говеру было бы и не грѣхъ приревновать: онъ—мой женихъ...

— Женихъ?—переспросилъ Погожевъ, чувствуя, какъ невольная краска бросается ему въ лицо.

— Давнишній... женевскій еще... Но вѣдь для васъ все равно это,—вы не ревнуете...

Она умолкла и стала опускать цвѣты въ вазу съ водой.

— Нѣтъ, безъ шутокъ?

— Я не шутила...

— Зачѣмъ вы школьничаете?!..

Она помахала на него вѣткой азаліи, какъ вѣеромъ, проговорила: „прохладитесь“, и стала разсказывать:

— Да... Онъ ухаживалъ за мною въ Женевѣ, сдѣлалъ предложеніе мнѣ... продолжаетъ, кажется, надѣяться и теперь... Онъ очень богатъ и будетъ лордомъ... когда кто-то умретъ въ фамиліи у нихъ... Кромѣ того, онъ человѣкъ хорошій и... нравился мнѣ... Что же? Я тогда не знала васъ... Потомъ я не рѣшилась, отложила отвѣтъ...

— Почему... если это не будетъ нескромностью?

— Почему?.. Потому что... какъ вамъ сказать?.. Пользоваться счастьемъ, оторвавшись отъ всего родного, точно въ изгнаніи, я не могла бы... Такъ представляется мнѣ... Было и другое: я никакъ не могла подавить въ себѣ... въ душѣ инстинктивнаго мучительнаго чувства, какой-то безотчетной увѣренности, что ему, къ его іоркширскій замокъ, надобна не жена, не я, собственно, а модная теперь „русская боярыня“... какъ ваза рѣдкая, напримѣръ, или ширмы японскія.

XXIII.

Однимъ жаркимъ августовскимъ утромъ Марья Васильевна встрѣтила Погожева полуодѣтая, растерянная.

— Ахъ, какъ я ждала васъ!—воскликнула она.

— Что такое?

— Представьте: Нанси лежитъ, встать не въ силахъ... Ночью припадокъ случился съ нею, мнѣ ничего не сказали... Ради Бога, телефонируйте доктору, попросите его!

Погожевъ побѣжалъ. Въ числѣ абонентовъ не оказалось доктора, а кому телефонировать для передачи, онъ не зналъ, и ограничился посылкой телеграммы.

— Подите къ ней!—сказала Китаева, когда онъ вернулся.

Нанси, блѣднѣе бѣлой ночной кофточки, надѣтой на ней, полулежала на высоко взбитыхъ подушкахъ, покрытая теплымъ шолковымъ одѣяломъ. Въ ногахъ кровати сидѣла, въ своей неподвижной позѣ, строгая, печальная Петровна.

Погожевъ поцѣловалъ блѣдную, холодную ручку Нанси и глянулъ въ ея истомленное лицо.

— Кашель... — проговорила она слабымъ голосомъ и показала смоченный кровью платокъ.

Пріѣхавшій вскорѣ докторъ прописалъ морфій внутрь и ледъ на грудь. Особеннаго онъ не нашелъ ничего; сказалъ, что больная можетъ и встать, если почувствуетъ охоту къ этому.

Нанси встала и, спустя нѣсколько дней, ободрилась совсѣмъ, но здоровье не хотѣло вернуться къ ней. Движеніе утомляло ее, по вечерамъ безпокоили замѣтные приступы лихорадки. Выходить стала она только въ жаркіе дни и опираясь на руку Погожева; пристрастилась къ вышиванью, къ вязанію изящныхъ водуазскихъ кружевъ.

XXIV.

Повѣяло осенью... Созрѣлъ виноградъ, наступило лѣто св. Мартина и подернуло горы золотомъ и багрянцемъ... Цвѣты уже не благоухали, какъ весной, не дышали ароматомъ, а издавали запахъ—крѣпкій и ровный... Зацвѣлъ въ садахъ бѣлыми, темнокрасными, лиловыми шапками предзимній гость — златоцвѣтъ... Осмотрѣвъ однимъ вечеромъ больную, не вставшую въ этотъ день съ постели, докторъ вышелъ въ гостиную, ухватилъ шутливо Погожева за бока, помялъ ихъ и сталъ говорить:

— Здоровый, сильный вы человѣкъ, Владиміръ Ивановичъ, а допускаете, чтобы Анна Николаевна всякія твердыя вещества пережевывала, когда желудокъ не переноситъ ихъ... Упадокъ силъ замѣтилъ я... Мясной сокъ извольте готовить ей. Прессъ надо купить и, знаете...

Онъ сталъ объяснять, какъ надо готовить сокъ, сколько и когда давать больной...

Они вышли вмѣстѣ.

Прощаясь на тротуарѣ, Погожевъ собрался съ духомъ и спросилъ:

— Скажите, докторъ, она... слаба?

Докторъ только крѣпко сжалъ ему руку и пошелъ, надвинувъ шляпу на самые глаза.

Погожевъ побрелъ безсознательно по улицѣ. Поднимавшійся западный вѣтеръ гналъ по набережной опадавшіе листья тополей, и они съ страннымъ, таинственнымъ шелестомъ проносились тучами въ полумракѣ... Леманъ шумно бился о берега, вскидывая высоко надъ парапетомъ обрывки волнъ... Очутившись дома, Погожевъ долго ворочался въ постели, вперивъ въ темноту несмыкавшіеся глаза... Заснулъ онъ поздно и спалъ недолго, а пробудился—весь разбитый, съ пылавшею головой. Въ окно глядѣлъ блѣдный разсвѣтъ. Проснувшіяся мухи слабо жужжали надъ кроватью, садились на лицо, на руки, и ихъ лапки жгли точно раскаленныя...

„Неужели?“—было первою его мыслью. Дальше не находилъ онъ ни словъ, ни силъ, и только отвертывался отъ ужасной истины, страшась взглянуть ей въ глаза...

XXV.

Нанси таяла, какъ свѣчка.

Дни проводила она полулежа въ длинномъ креслѣ, у окна, на солнечной сторонѣ. Марья Васильевна, совсѣмъ убитая, осунувшаяся, только и просила Погожева:

— Не уходите, Владиміръ Ивановичъ, побудьте съ ней. Безъ васъ она совсѣмъ мѣста не находитъ, совсѣмъ падаетъ духомъ.

И онъ не отходилъ отъ нея, занималъ ее чтеніемъ, разсказами, старался быть веселымъ, шутливымъ... Часто, когда она не могла заснуть, онъ оставался сидѣть ночь у ея постели, чередуясь съ Петровной и Марьей Васильевной.

Былъ поздній вечеръ. Въ натопленныхъ комнатахъ царила томительная, скорбная тишина. Марья Васильевна, освѣживъ холодною водой распухшіе отъ слезъ глаза и принявъ, по возможности, спокойный видъ, сидѣла у кровати дочери.

— Вотъ и зима скоро,—заговорила она.—Надо будетъ въ Каннъ или Ментону ѣхать...

— Зачѣмъ, мама?—отвѣтила Нанси.—Не все ли равно?...

— Докторъ сказалъ, что къ веснѣ тебѣ лучше будетъ.

— Да?

— Вчера говорила я съ нимъ...

Взглядъ Нанси оживился. Марья Васильевна продолжала:

— А тутъ не видно, какъ и время пролетѣло... Собиралась пригласить батюшку—молебенъ отслужить, да все нынѣче да завтра... На дняхъ будетъ онъ въ Вевé, тогда попрошу...

Нанси молчала.

— Кстати бы и ты...

— Что?

— Я не хочу мѣшаться въ твои... убѣжденія, тамъ, что-ли... Но отчего долгъ христіанскій не исполнить?

— Я исполняю, мама...

— Ну... и причастись...

Брови Нанси сдвинулись. Она собралась съ силами и заговорила тихимъ, прерывистымъ голосомъ:

— Послушай, мамочка... Вѣровать, по моему, значитъ: жить и поступать такъ, какъ совѣсть велитъ... быть всегда правымъ предъ нею... И я такъ жила... поступала... Стремилась, по крайней мѣрѣ.... Поступить иначе теперь—значило бы поступить неискренно, совершить грѣхъ...

— Но подумай... права ли ты въ твоихъ взглядахъ!—серьезно и съ дрожью въ голосѣ возразила Марья Васильевна.

— Не знаю... Но кто же и въ чемъ правъ сейчасъ вотъ и навсегда?.. Путь къ истинѣ—сомнѣніе, а не слѣпая увѣренность... Съ тѣхъ поръ, какъ міръ стоитъ, на каждый вопросъ даются десятки различныхъ отвѣтовъ и въ каждый изъ нихъ находятся свои вѣрующіе... Одни жгутъ себя ради религіи... другіе считаютъ за лучшее промышлять ею... Савонарола говорилъ, что у послѣдней бабы больше вѣры, чѣмъ у любого епископа, что всѣ церковныя книги слѣдуетъ сжечь... Римъ строго запрещаетъ вѣрующему читать Евангеліе... Протестанты только въ Евангеліи черпаютъ свое ученіе... Какъ же ты хочешь, чтобы каждый разбирался, думалъ, приходилъ къ истинѣ по какой-то разъ навсегда установленной формѣ?... Надо только, чтобъ человѣкъ былъ религіозенъ честно... не ради выгодъ... обрядовъ... и искренно поступалъ...

Она слабо притянула къ губамъ руку матери и прибавила:

— Покончимъ съ этимъ вопросомъ... не будемъ возвращаться къ нему...

Прошло нѣсколько дней.

Тотъ же столикъ, на которомъ Нанси писала матери, упоминая впервые имя человѣка, теперь такъ тѣсно связаннаго съ нею судьбой, стоялъ у изголовья кровати; та же лампочка го-

рѣла на немъ, и только не мотыльки—рѣзвые первенцы благоухающей, живительной весны,—а большіе, длинноногіе комары да ночныя пушистыя бабочки—полусонные спутники непривѣтливой осени—вились въ свѣтломъ трепетномъ кругѣ подъ потолкомъ...

Нанси чувствовала себя лучше. Оживившаяся, съ разгорѣвшимися щеками, она разговаривала съ сидѣвшимъ у кровати Погожевымъ, отдаваясь самымъ радостнымъ мечтамъ—какъ вернутся они въ Россію, когда пройдетъ „эта гадкая, противная болѣзнь“... какъ увидитъ онъ ея „милаго, добраго папу“... какъ они обвѣнчаются, наймутъ квартирку, „этакую маленькую, маленькую и съ садикомъ“...

Набѣжавшая усталость заставила ее умолкнуть. Она закрыла глаза—тихо и едва примѣтно дыша.

Погожевъ всталъ осторожно.

— Владиміръ... не уходи...—проговорила она, не отрывая глазъ, и улыбнулась слабою улыбкой, стараясь показать, что не спитъ.

— Нѣтъ, нѣтъ...

И онъ снова опустился на стулъ. Она взяла его руку, сжимая тихо, и опять забылась.

— Да... не уходи...—прошептала она, долго спустя и едва шевельнувъ губами, какъ въ бреду.

Онъ уже не слышалъ: припавъ головою къ краю кровати, онъ спалъ крѣпкимъ, спокойнымъ сномъ, истомленный многими безсонными ночами.

Онъ проснулся вдругъ—точно кто толкнулъ его. Рука его по прежнему была въ рукѣ Нанси, лежавшей какъ-то странно-спокойно... Съ минуту онъ оставался безъ движенія, боясь потревожить ее... потомъ шевельнулъ своею затекшею рукой—ее держали холодные, неподвижные пальцы...

XXVI.

Жгучее солнце заливало яркими лучами вѣчно-зеленые кипарисы и эвкалиптусы на кларанскомъ кладбищѣ, сверкало золотомъ на куртинахъ вызрѣвшихъ желтыхъ иммортелей...

У входа въ увитой плющомъ покойницкой отпѣвалъ Нанси пріѣхавшій изъ Женевы причтъ. Предъ низенькою открытою дверью тѣснился кружокъ русскихъ. Въ сторонѣ равнодушно позѣвывали могильщики съ помятыми цилиндрами въ рукахъ, по-

лицейскіе въ форменныхъ сѣренькихъ тужуркахъ и съ камышевыми тростями—оружіемъ и знакомъ власти по конституціи кантона. Марью Васильевну держали подъ руки Жюли и Катишь, съ неописуемою печалью на деревянныхъ лицахъ. Рядомъ съ нею высился величественно сэръ Говеръ, съ крепомъ на рукавѣ и съ иммортелемъ въ петлицѣ. Погожевъ былъ тутъ же. Онъ стоялъ неподвижно, смотря тупо предъ собою блестѣвшими неестественно глазами. Солнце жгло ему голову и плечи, а пробѣгавшій по членамъ мертвящій холодокъ заставлялъ содрогаться... Чрезъ головы стоявшихъ, сквозь мглу кадильнаго дыма, онъ видѣлъ въ покойницкой—или воображалъ, что видитъ—блѣдное, точно восковое лицо съ кроткимъ, безмятежнымъ выраженіемъ вѣчнаго покоя... цвѣты... серебряный глазетъ гроба...—„Идѣже нѣсть болѣзни, печали, воздыханія“... — доносился сиповатый тенорокъ дьячка...

Къ кружку примкнулъ пріѣхавшій докторъ. Распоряжавшійся похоронами сановникъ, съ свѣженькою орденскою бутоньеркой въ петлицѣ чернаго сюртука, показался изъ покойницкой съ горстью зажженныхъ свѣчей, шепча божественное, и сталъ раздавать ихъ...

Мѣрно заколыхался гробъ на плечахъ носильщиковъ, сверкая въ лучахъ солнца глазетомъ и бѣлыми шолковыми розетками... Слѣдомъ за нимъ, вся въ черномъ коленкорѣ, подвигалась рыдавшая безутѣшно Петровна, голося трогательныя, странно раздававшіяся причитанія...

Гробъ опустили въ могилу... Вмѣстѣ съ другими, Погожевъ бросилъ изъ-за широкой спины священника горсть земли... Всѣ столпились, съ выраженіемъ обычнаго участія, вокругъ Китаевой.

— Вамъ надо отдохнуть, Владиміръ Ивановичъ,—сказалъ подошедшій докторъ, взявъ Погожева за руку и нащупывая пульсъ.—Поѣдемте ко мнѣ.

У выхода стоялъ сановникъ, отдавая важно и со строгостью какія-то приказанія сторожу, на которыя тотъ, „не ломая шапки“, повторялъ нетерпѣливо:—„Mais oui, monsieur... C'est entendu!“—Завидѣвъ доктора, сановникъ шагнулъ на встрѣчу ему, растягивая привѣтливо тонкія синія губы по превосходнымъ вставнымъ зубамъ, и спросилъ:

— Когда на смотръ къ вамъ прикажете?

— Къ вашимъ услугамъ всегда...

— Въ такомъ случаѣ, буду имѣть честь завтра...

Онъ пропустилъ Погожева впередъ по узенькой тропинкѣ,

спускавшейся къ шоссе, и пошелъ рядомъ съ докторомъ, семеня мало-послушными, подгибавшимися ногами въ модныхъ лакированныхъ баппмачкахъ.

— Да-съ... Вотъ и жизнь угасла—юная, въ расцвѣтѣ...— заговорилъ онъ, вздохнувъ.—Жаль... и нельзя не пожалѣть еще болѣе, что поколѣніе, долженствующее смѣнить, заступить... внушаетъ такъ мало увѣренности, надежды...

На доктора точно нашло что̀. Всегда сдержанный, уступчивый, не знавшій, что̀ такое споръ, онъ вдругъ вскипѣлъ.

— На кого же надѣяться?—повернулся онъ къ сановнику, плохо справляясь съ дрожавшими отъ внутренняго волненія губами.—На насъ съ вами, что-ли?.. Что̀ мы такое? Старьё, клячи... гасильники!.. Съ нашимъ наслѣдствомъ всякія надежды спасуютъ!..

Онъ хотѣлъ прибавить еще что-то, но приподнялъ лишь шляпу и поспѣшилъ къ ожидавшей его коляскѣ. Сановникъ тоже приподнялъ шляпу и даже махнулъ ею игриво, но мысленно протестовалъ:—„*Мы*... клячи?!... Parlez pour vous!“...

XXVII.

Спустя нѣсколько лѣтъ, прелестнымъ іюльскимъ днемъ, въ числѣ туристовъ, прибывшихъ на пароходѣ въ Монтрё, спустился съ трапа скромно-одѣтый мужчина, съ загорѣлымъ лицомъ и густою темною бородой. Не выказывая обычной туристской суетливости, не обращая вниманія на зазывы отельныхъ portiers, выѣхавшихъ съ омнибусами, онъ остановился на набережной и обвелъ медленнымъ взглядомъ городокъ...

Это былъ Погожевъ.

Рекомендованный докторомъ на мѣсто учителя въ аристократическую русскую семью, проводившую зиму въ Ниццѣ, онъ такъ и остался за границей, избравъ профессію странствующаго учителя. Первая жизненная буря его стала для него и послѣднею... Заключившійся въ себя, скромный, молчаливый, онъ какъ бы порвалъ все съ дѣйствительностью, лелѣя въ душѣ и милый образъ Нанси, и тихую, спокойную грусть о невозвратномъ... Ни шумный Парижъ, ни роскошная нѣга великосвѣтскихъ приморскихъ курортовъ, ни классическія красоты Италіи не оторвали его мыслей отъ скромнаго швейцарскаго уголка, и онъ воспользовался первою возможностью бросить взглядъ на дорогія мѣста, исполнить завѣтную мечту...

Но городокъ трудно было узнать: отъ прибрежныхъ строй-

ныхъ тополей не осталось и слѣда—на ихъ мѣстѣ тянулась широкая, убитая гравіемъ, набережная съ чугуннымъ парапетомъ... На площади, гдѣ прежде раскидывались шумные, характерные таборы торговокъ съ огромными цвѣтными зонтиками вмѣсто палатокъ, высилось вычурное желѣзное зданіе постояннаго рынка, съ фонтаномъ внутри... Дальше виднѣлась цѣлая новая улица...

Онъ прошелъ къ виллѣ Матьё: садикъ исчезъ тамъ, и самая вилла превратилась въ пансіонъ... Съ трепетнымъ сердцемъ поднялся онъ къ виноградникамъ и глянулъ на завѣтное окно: розы и глициніи увивали его, какъ прежде, но въ просвѣтѣ колыхалось сушившееся бѣлье... Мчащійся, неустанный потокъ жизни уносилъ все, стирая слѣды былого, крылъ все новизной... и только „равнодушная природа“ вокругъ продолжала „сіять“ своею „вѣчною красой“...

Радостно, какъ на старыхъ друзей, глянулъ онъ на плакучія ивы у кларанскаго кладбища, по прежнему качавшія тихо свои повисшія тонкія вѣтви надъ журчавшимъ фонтаномъ, присѣлъ на скамью, оглядывая свѣтлый лазурный Леманъ и уносясь мечтой въ свое невозвратное... На кладбищѣ онъ отыскалъ могилу, обнесенную простенькою желѣзною рѣшеткой, заросшую травой и дикими цвѣтами... Съ благоговѣніемъ остановился онъ предъ нею и незамѣтно погрузился въ то не повторяющееся тихое душевное настроеніе, которое можно понять, почувствовать, но не передать...

Н. Сѣверовъ.

КРУЖОКЪ „КРУГЛОЙ БАШНИ“

Изъ воспоминаній В. Д. Хрущовой 1877—78 гг.

XII *).

Въ половинѣ ноября Красный Крестъ открылъ новый баракъ и ко дню его освященія были разосланы пригласительные билеты всѣмъ членамъ общества. Я была въ числѣ приглашенныхъ, и въ назначенный день поѣхала на освященіе. Дорогой мой экипажъ поровнялся съ экипажемъ гр. П—ой, и мы подъѣхали и взошли съ ней вмѣстѣ. Только-что она показалась, къ ней подбѣжалъ ген. К., а черезъ нѣсколько минутъ она уже была окружена мужчинами и завязался оживленный разговоръ.

Молебенъ еще не начинался, и я прошла посмотрѣть на устройство барака. Когда я вернулась, въ первой комнатѣ собралось большое общество. Изъ моихъ сотрудницъ никого не было. Я заговорила съ одной изъ знакомыхъ, и не замѣтила, какъ ко мнѣ подошла небольшого роста молодая дама, которая— по всему было видно—не принадлежала къ собранному здѣсь провинціальному обществу и чувствовала себя немного чуждою среди него.

Это была залетная гостья, изъ того далекаго чуднаго края, „гдѣ небо блещетъ неизъяснимой синевой, гдѣ море теплою волной у ногъ Стамбула тихо плещетъ“.

— Bonjour, m-me Chr., je suis contente de vous rencontrer.

Я обернулась. Около меня стояла знакомая мнѣ изящная,

*) См. выше: февраль, стр. 618.

миловидная фигурка. Это была жена посла И., предметъ моего мечтанія.

Я искренно обрадовалась, что вижу ее.

— Est-ce que vous continuez à travailler dans les hôpitaux militaires?—спросила она.

— Mais oui,—j'y vais directement d'ici.

— Я везу вамъ бездѣлицы,—улыбаясь, оговорилась она,—разныя усердныя приношенія отъ моихъ дѣтей.

— Мы съ благодарностью принимаемъ всякое приношеніе, а такое приношеніе и тѣмъ болѣе...

Конечно, она видѣла, какъ меня обрадовало ея намѣреніе посѣтить нашъ госпиталь.

— Vous êtes entrée avec ma cousine P.,—продолжала она,—est-ce qu'elle travaille dans le même hôpital que vous?

— Pas précisement, son hôpital à elle est l'arsénal, mais elle travaille un peu partout.

— Ce qui veut dire qu'elle ne travaille bien nulle part,—разсмѣявшись, докончила она.

Я ей сказала, что гр. П—а помогаетъ намъ пожертвованіями разными вещами, какъ-то: инструментами, перевязочными матеріалами, за что мы ей очень благодарны.

— Comme elle a embelli!—продолжала И., слѣдя глазами за своей кузиной, которая, въ увлеченіи разговоромъ, махала руками и не замѣчала, что ея голосъ раздается на весь баракъ. Но она была дѣйствительно красива, въ своей рембрандтовской черной шляпѣ съ бѣлымъ перомъ, которая оттѣняла лобъ, и изъ-подъ которой такъ прямо и ясно смотрѣли смѣющіеся глаза. Отъ всей ея особы вѣяло молодостью, силою, увѣренностью.

— А вы уже получили билетики?—съ оттѣнкомъ иронія въ голосѣ спросила меня опять м-мъ И—ва.

Она говорила о билетахъ ген. К.

— Получили.

— И что же? Не правда ли, милые билетики?—Затѣмъ, переходя въ серьезный тонъ, она стала критиковать ихъ, находя, что по отношенію къ намъ эти билеты—грубая выходка, а по отношенію ко всему остальному они лишены смысла.

— Et vous savez qui en est l'auteur, ou plutôt le génie inspirateur?—она обернулась въ сторону П—й.—Toujours elle, ma chère cousine Настя.

Мнѣ тогда это показалось неправдоподобнымъ, но оно оказалось справедливо.

Начался молебенъ.

П—а, проходя мимо И—вой, поклонилась ей, пожала руку, но замѣтно избѣгала съ ней заговорить.

— Elle n'a pas la conscience nette, et je suppose qu'elle n'est pas trop contente de me voir...—она дернула слегка плечами, какъ бы выражая: тѣмъ хуже для нея.—Elle doit se douter que je sais la part, qu'elle a prise à ces fameuses cartes d'entrée.

Молебенъ кончился. Къ И—й подошли нѣкоторыя почетныя лица общества, и я въ это время пошла посмотрѣть, тутъ ли Екатерина Николаевна К—а, и сказать ей, что м-мъ И—а ѣдетъ къ намъ въ Башню. Не нашедши ея, я вернулась къ м-мъ И—й.

Мы вышли изъ барака на крыльцо. Погода была ясная; стояли теплые, солнечные осенніе дни. Намъ подали баскетъ, запряженный парой золотистыхъ пони. Горячія, сильныя лошадки, которыми она сама управляла, подхватили насъ и мигомъ взнесли на крутую гору, за которой пролегала дорога въ нашъ госпиталь. Черезъ какія-нибудь 15 минутъ мы въѣзжали во дворикъ Башни.

Я познакомила И—ву съ сестрою и съ Юл. Серг. Въ отдѣленіи Юліи Сергѣевны находилось въ это время нѣсколько плѣнныхъ больныхъ турокъ. Юлія Сергѣевна какъ-то особенно тщательно ухаживала за ними и даже рисовалась немного тѣмъ, что во всемъ уравниваетъ ихъ съ своими русскими больными. Дѣйствительно, въ то время никто изъ насъ не былъ бы способенъ такъ относиться къ туркамъ. Юлія Сергѣевна говорила, что это указываетъ въ насъ на преобладаніе животныхъ инстинктовъ и недостатокъ гуманности. Е. Л. И—ва отнеслась къ этому ухаживанію за турками несочувственно. Она видѣла въ этомъ напускное чувство, наше обычное стремленіе угодить Европѣ. А ей противно было всякое низкопоклонничество въ этомъ смыслѣ, наше постоянное самоуниженіе и подслуживаніе передъ мнѣніемъ Запада. Она только-что окончила свою дипломатическую tournée по Европѣ, о которой такъ много говорили въ то время, и было видно, что она настрадалась за достоинство родины и теперь одушевлена чувствами самыми патріотическими.

Юлія Сергѣевна, съ своей чисто западной точки зрѣнія, смотрѣла на насъ, какъ на полуварваровъ (grattez le Russe, vous verrez le Tartare), и говорила, что Европа въ правѣ будетъ сказать, что мы недалеко ушли отъ турокъ по нашей негуманности, если будемъ обращаться съ плѣнными какъ съ животными...

— Гуманность,—подхватила И—ва,—вотъ слово, за которымъ мы такъ гонимся, и по моему, извините, часто не понимаемъ его и только сами себя имъ пугаемъ.

— Если вамъ не нравится это слово, то я выражу свою мысль иначе: мы носимъ же для чего-нибудь названіе христіанъ?..

Разговоръ на эту тему могъ бы продолжаться очень долго, ибо взгляды этихъ дамъ во многомъ были противоположны. Но онѣ объ понимали, что тутъ было не время и не мѣсто продолжать такого рода разсужденія, да кромѣ того И—ву заинтересовало живое дѣло, и она перешла на реальную почву.

У нея былъ свой госпиталь въ Константинополѣ, и она дала намъ нѣсколько дѣльныхъ совѣтовъ.

Пройдя наши отдѣленія, мы направились въ отдѣленія молодыхъ К—хъ. Отъ нихъ я узнала, что мать ихъ простудилась наканунѣ на вокзалѣ, занемогла, потому и не была на освященіи барака.

Обойдя весь госпиталь, я выбрала минуту, когда мы остались наединѣ съ Е. Л. И—й и заговорила съ ней о моемъ задушевномъ проектѣ, о той большой пользѣ, которую она могла бы принести, еслибы стала во главѣ нашего кружка. Она внимательно меня выслушала, но, однако, ничего рѣшительнаго не сказала. Были какія-то соображенія, которыя пока мѣшали ей взяться за это дѣло. Но для нея не безслѣдно прошло это посѣщеніе. Она была затронута всѣмъ тѣмъ, что она видѣла. Такъ, по крайней мѣрѣ, казалось тогда мнѣ.

Черезъ нѣсколько дней я зашла узнать о здоровьѣ Екатерины Николаевны, и узнала, что она совсѣмъ слегла и что у нея опредѣлился настоящій тифъ. Старшая дочь ея на время оставила госпиталь и посвятила себя всецѣло уходу за своей больной, которая скоро впала въ безсознательное состояніе.

Съ этихъ поръ намъ стало гораздо легче дѣйствовать. Молодыя К—вы, которыя продолжали работать вмѣстѣ съ нами, стали догадываться, что правда на нашей сторонѣ, хотя долго не рѣшались въ этомъ сознаться, даже сами передъ собою. Острый характеръ разлада исчезъ, и вскорѣ насъ стало раздѣлять все менѣе и менѣе замѣтное разстояніе.

Я начала открыто дѣйствовать въ пользу избранія И—ой въ предсѣдательницы нашего кружка, хотя трудно было разсчитывать на успѣхъ. Д—ва не сочувствовала въ этомъ; она стояла за гр. П—ую, и находила, что я поступаю опрометчиво и необдуманно, что никто изъ насъ не знаетъ И—ву, не видѣлъ ея на дѣлѣ, тогда какъ въ энергіи гр. П—й никто не можетъ усомниться.

Я ей отвѣчала, что и не думаю сомнѣваться въ горячности гр. П—ой, но относительно самой себя ставлю вопросъ такъ:

если И—ва откажетъ намъ въ своемъ участіи, то я оставляю госпиталь и удалюсь.

— Вотъ какъ! я и не знала, что вы такъ страстно относитесь къ этому вопросу.

— Дѣло не въ томъ,—а я нахожу, что до тѣхъ поръ, пока мы не имѣемъ возможности предохранять своихъ больныхъ отъ холода, всѣ наши труды и хлопоты безцѣльны; да кромѣ того, я очень устала и не въ силахъ продолжать работу при существующемъ безпорядкѣ и разладѣ.

Д—ва ничего не сказала мнѣ на это, но ей не понравился мой образъ дѣйствій. Она высказала это моей сестрѣ, и прибавила, что если я такъ серьезно ставлю вопросъ, то, конечно, могу быть увѣрена, что избраніе пройдетъ.

Сестра передала мнѣ эти слова.

Въ то время мнѣ казалось, что я дѣйствую правильно и ужъ во всякомъ случаѣ открыто и прямо.

Дѣло въ томъ, что я вѣрила въ И—ву, а вѣра есть великій двигатель.

Мы стали чаще видаться съ нею и скоро стали близкими другъ для друга людьми. Она въ то время почти цѣлые дни проводила на желѣзной дорогѣ, поила, кормила людей проѣзжающихъ, пріѣзжающихъ и отъѣзжающихъ, раздавала теплое платье нуждающимся, расшевеливъ огромный, доселѣ безцѣльно разложенный по полкамъ складъ „Краснаго Креста“, который вѣдалъ главноуполномоченный Дем. кн. Санъ-Донато, строила для нихъ помѣщеніе, гдѣ бы они могли согрѣться и отдохнуть отъ многотруднаго пути (большинство ѣхало не на санитарныхъ поѣздахъ), и хлопотала о томъ, чтобы отправка людей совершалась болѣе правильно, чтобы люди, отпускаемые на родину, дѣйствительно направлялись къ мѣсту родины, а не перевозились бы взадъ и впередъ по желѣзнымъ дорогамъ обширнаго нашего отечества.

Я заговорила однажды съ молодыми К—ми объ Ек. Л—нѣ и высказала, какъ я желаю, чтобы она стала нашей сотрудницей и устроила бы въ своемъ домѣ складъ для теплой одежды, и къ ней бы тогда стекались всѣ пожертвованія.

— Какъ же это будетъ?—сказала Ольга:—тогда она будетъ въ родѣ предсѣдательницы?

— Ну, такъ что же,—отвѣчала я, очень довольная, что она выговорила наконецъ это страшное слово;—я бы предложила ей не только нѣчто въ родѣ, но настоящее предсѣдательство.

Ольга Алекс. возстала противъ этого горячо, но сколько я

ни добивалась, почему онѣ такъ этому противятся,—она ничего не хотѣла или не умѣла мнѣ сказать.

Черезъ нѣсколько дней Ек. Л. И—ва снова пріѣхала къ намъ въ Башню. Я привѣтствовала ее и на этотъ разъ прямо обратилась къ ней съ просьбою включить нашъ госпиталь, какъ бѣднѣйшій изъ военныхъ госпиталей, въ районъ своей дѣятельности, и положить въ ея домѣ основаніе складу одежды для снабженія уходящихъ на родину. (У насъ въ то время былъ уже довольно большой запасъ теплой одежды дома, который мы и рѣшились передать ей для начала).

Ек. Л—на согласилась на наше предложеніе, и мы сговорились собраться у нея 25-го ноября, т.-е. въ будущій четвергъ.

Ек. Л—на пригласила и молодыхъ К—хъ, но онѣ не могли ѣхать, потому что вечеромъ и ночью смѣняли сестру милосердія около больной матери и поочередно дежурили. А главное, онѣ могли бы занести тифъ въ домъ, гдѣ было шесть человѣкъ дѣтей.

Наканунѣ этого дня мнѣ удалось переговорить съ гр. П—ой.

— Неужели вы считаете Катю способной быть предсѣдательницей и серьезно вести дѣло?—спросила меня П—а.

— Да, считаю,—и я пояснила, почему.

Мы говорили совершенно просто и правдиво.

Я сказала ей, что иные члены желаютъ поставить ее во главѣ кружка, но что я стою за предсѣдательство И—ой, и изложила свои причины. П—а согласилась со мною и полетѣла сообщить о нашемъ соглашеніи Юліи Серг. Д—ой.

Со времени нашего разговора съ Юл. Серг., гдѣ я сказала, что выйду изъ госпиталя, если не пройдетъ избраніе И—ой, мы стали избѣгать другъ друга и почти не говорили.

25-го ноября, въ семь часовъ вечера, мы, т.-е. Д—ва, сестра, я, А. А. Ск—а и г-жа Б., собрались въ домѣ Ек. Л. И—ой. Послѣдней пріѣхала гр. П—а.

Сначала разговоръ зашелъ о всякихъ посторонникъ предметахъ. Тутъ же въ гостиной сидѣла мать Ек. Л—ны, княгиня А. М. Г.

Когда вошла П—а и обмѣнялась со всѣми обычными привѣтственными фразами, я встала и отошла съ нею въ сторону, подъ предлогомъ дѣла о сестрѣ милосердія. Гр. П—а была признана въ это время главною наблюдательницею надъ сестрами милосердія въ военныхъ госпиталяхъ. Переговоривъ о своемъ дѣлѣ, я перешла къ главному предмету, который занималъ насъ всѣхъ въ эту минуту.

— Кто же изъ насъ предложитъ Катѣ принять на себя званіе предсѣдательницы?—спросила она.

— Всего лучше, если вы это предложите,—сказала я.

— Отчего же не вы? Вы, кажется, всего болѣе этого желаете.

— Оттого-то и не мнѣ предлагать; всѣ знаютъ, что я этого желаю. А я же вамъ говорила, что нѣкоторые желали избрать васъ, поэтому...

— Понимаю, понимаю,—прервала она меня.—Вы совершенно правы...—Она вскочила съ дивана и стремительно понеслась въ тотъ конецъ комнаты, гдѣ сидѣло остальное общество.

Она остановилась передъ хозяйкой.

— Катя!—начала она, какъ и всегда, безъ всякихъ подготовленій и предисловій—attaquant le sujet d'emblée—приступая прямо къ предмету,—дамы, работающія въ Башнѣ, и я вмѣстѣ съ ними, хотимъ просить тебя принять участіе въ нашихъ трудахъ и стать во главѣ нашего кружка, какъ его предсѣдательница. Я надѣюсь, что ты ничего не имѣешь противъ этого.

Ек. Л—на встала, и лицо ея слегка зарумянилось.

— Вѣдь, мнѣ кажется, господа, вы всѣ этого единодушно желаете?—обратилась молодая П—на къ намъ.—Юлія Серг.?—вызвала она Д—ву.

— Да,—сказала Юл. Серг.,—я тоже прошу Ек. Л—ну принять на себя это званіе.

П—на пристально посмотрѣла на меня.

— И вы? (обратилась она ко мнѣ).—Понятно.—И вы? (она обратилась къ сестрѣ моей).—И вы, и вы?.. Вотъ видишь!

Никто все-таки не ожидалъ такого быстраго оборота дѣла. Но фактъ совершился: избраніе оказалось единогласнымъ.

— Я очень благодарна за довѣріе, которое мнѣ оказываютъ,—сказала И—ва, граціозно склоняя голову и немного смущенная.—Надѣюсь, что съумѣю быть полезной и оправдаю ваше довѣріе.

— Вотъ и отлично!—весело заключила П—на, ударивъ рука объ руку.—Такъ пойдемте къ столу, потолковать о дѣлахъ.

Сестра подкатила въ это время кресло для новой предсѣдательницы.

Юлія Серг. подошла ко мнѣ.

— Поздравляю васъ,—сказала она.—Я думаю, вы и сами не ожидали такого блестящаго успѣха.

Я поблагодарила ее за поздравленіе и сказала, что очень рада, что этотъ важный вопросъ прошелъ такъ рѣшительно и такъ быстро.

Мы собрались около стола, и предсѣдательница открыла первое засѣданіе.

Предсѣдательница съ большимъ тактомъ стала объяснять, что она смотритъ на себя не болѣе, какъ на ключъ къ шкатулкѣ общества, или какъ на шкафъ для склада, и то еще для будущаго склада.

На этомъ первомъ засѣданіи членскіе взносы возросли.

Такъ какъ К—вы отказывались примкнуть къ нашему кружку и считаться его членами, то онѣ и не были включены въ составъ членовъ-учредителей, но, какъ члены-работницы, онѣ имѣли право пользоваться средствами общества и пожертвованіями наравнѣ съ нами.

Вотъ въ общихъ чертахъ тѣ порядки, которые выработались въ новомъ кружкѣ.

Дѣйствительными членами, т.-е. членами, принимающими участіе въ еженедѣльныхъ собраніяхъ, могли быть только члены-работницы.

Прочіе члены, число которыхъ не было ограничено, имѣли возможность слѣдить за дѣятельностью кружка по протоколамъ и отчетамъ (такимъ постановленіемъ мы удаляли отъ нашихъ комитетскихъ собраній всякій лишній народъ, избавляли себя отъ слушанія лишнихъ преній, и наши очередныя собранія сохраняли во все время свой интимный, дѣловой характеръ).

Нѣкоторыя изъ насъ взяли на себя, кромѣ попечительства въ своемъ отдѣленіи, завѣдываніе частями хозяйства. Такъ, напр., покупку и доставку лекарствъ, вина, табаку, взяла на себя Д—ва. Завѣдываніе внутреннимъ хозяйствомъ взяла на себя сестра моя. Я взяла, нѣсколько времени спустя, доставку чаю и сахару и раздачу этихъ припасовъ по отдѣленіямъ.

Вскорѣ измѣнилась и самая система раздачи пищи: порціи перестали дѣлиться поровну, по числу отдѣленій, а стали отпускаться на каждое отдѣленіе тѣ порціи и въ томъ количествѣ, какъ того требовалъ ординаторъ. Еженедѣльныя вѣдомости служили нѣмымъ, но вѣрнымъ и отчетливымъ контролемъ...

Обязанности наши остались тѣ же: мы пріѣзжали въ госпиталь утромъ около девяти часовъ, къ появленію въ нихъ докторовъ; вмѣстѣ съ врачомъ обходили палаты, записывая его требованія и совѣты. По окончаніи визитаціи, если не было въ отдѣленіи особенно трудныхъ больныхъ, уходъ за которыми бралъ бы все время, мы либо читали своимъ больнымъ вслухъ, либо занимались ихъ корреспонденціей. (Для чтенія Ю. С. Д—ва

устроила библіотеку, сначала очень небольшую, затѣмъ возросшую до трехъ-сотъ томовъ).

Около двѣнадцати часовъ всѣ попечительницы шли либо сами, либо посылали довѣренныхъ служителей въ отдѣленіе Д—ой съ бутылками, на которыхъ былъ наклеенъ № отдѣла, и съ запиской, на которой писалось число унцій, требуемыхъ на отдѣленіе.

Затѣмъ, одновременно съ казеннымъ обѣдомъ, служителя приносили изъ нашей кухни порціи для слабыхъ больныхъ (отъ 200 до 250 и 300 порцій въ день изготовлялось на нашей кухнѣ). Порціи состояли изъ хорошаго супа, котлетъ или битковъ, молока, яицъ, молочной и смоленской каши, куринаго супа.

Около трехъ часовъ спустя, приносились фельдшерами лекарства изъ казенной аптеки и раздавались больнымъ.. Въ четыре часа мы поили людей чаемъ. Въ пять часовъ записывали и подавали требованія на слѣдующій день, обходили больныхъ въ послѣдній разъ и затѣмъ уѣзжали домой.

Такъ проходили дни, изъ дней слагались недѣли, а потомъ и цѣлые мѣсяцы, съ виду однообразные, но на самомъ дѣлѣ полные захватывающихъ разнородныхъ впечатлѣній.

Черезъ нѣсколько дней послѣ своего избранія, Ек. Л. И—ва пріѣхала къ намъ въ Башню. Я была неспокойна, ибо не знала, какъ сойдетъ это посѣщеніе. К—вы не только не примирились съ нами, но еще упорнѣе стояли на своемъ и ни за что не хотѣли признать ее предсѣдательницей. Юл. Серг. тоже невполнѣ сдалась и ставила мнѣ на видъ всякую ошибку, всякую неудачу, которыхъ невозможно было избѣжать вначалѣ.

Какъ-то на первыхъ же порахъ Юлія Серг. стала укорять меня и критиковать нѣкоторыя дѣйствія предсѣдательницы.

Я вспыхнула и отвѣтила ей, что меня всегда волнуетъ всякое пристрастіе и несправедливость; особенно въ умныхъ людяхъ я не могу допустить такого завзятаго отношенія.—Точно я не знаю, какъ вы умѣете быть снисходительны къ инымъ, а тутъ вдругъ является строгость и требовательность, отъ которыхъ дѣло только можетъ потерпѣть!

Юлія Серг. пристально взглянула на меня.

— Простите,—сказала она вдругъ мягко:—я не знала, что дѣлаю вамъ больно; вы бы меня предупредили, что вы такъ сильно любите И—ву.

Я ничего не отвѣчала; я поняла эту чуткость, которая заставила ее испугаться. Это она, можетъ быть, нечаянно коснu-

лась слишкомъ интимной струны... Я не стала ее разувѣрять, но когда мы остались съ ней вдвоемъ, я высказала ей свои взгляды и стремленія, и значеніе, которое я придаю Ек. Л. И—ой, какъ предсѣдательницѣ.

На этотъ разъ мы разошлись опять близкими другъ другу, какъ были прежде.

Когда пріѣхала предсѣдательница, враждебнымъ элементомъ оказались только К—вы. Ек. Л. знала, какъ упрямо онѣ стоятъ противъ ея избранія, и теперь, пріѣхавъ въ Башню, она прямо направилась въ ихъ отдѣленіе. Побѣда оказалась полная. Она обворожила К—хъ, и онѣ сдались, сдались ей лично, отказываясь еще называться членами „кружка". Но предсѣдательница съ большимъ тактомъ не настаивала ни на чемъ; она только говорила имъ о томъ, какими средствами располагаетъ „кружокъ", какіе у него широкіе планы, какія у нея есть надежды на увеличеніе средствъ, прибавляя при этомъ, что она смотритъ на себя какъ на слугу общества и общаго дѣла.

Прошло еще нѣсколько времени.

Порядокъ водворялся въ Башнѣ, и средства росли.

К—вы вскорѣ сами поняли, насколько ихъ положеніе ложно, сознали, насколько онѣ теряютъ, стоя въ сторонѣ отъ „кружка", и какъ неправильна ихъ оппозиція. Онѣ такъ любили свое дѣло, такъ много трудились надъ нимъ, что все до него относящееся было имъ такъ же близко, какъ и намъ. А вмѣстѣ съ тѣмъ всѣ общіе вопросы обсуждались и рѣшались помимо ихъ и онѣ поневолѣ стояли особнякомъ.

Матеріальныя средства тоже всѣ сосредоточились въ нашихъ рукахъ. Такъ какъ К—вы не признавали существованія „кружка", то онѣ со всѣми своими заявленіями и просьбами обращались лично къ Ек. Леонид. И—вой не какъ къ предсѣдательницѣ, а какъ къ своей знакомой. Предсѣдательница сообщала эти заявленія членамъ общества, и мы всѣ относились къ нимъ съ тѣмъ бо̀льшимъ вниманіемъ, что они шли отъ отсутствующихъ сотрудницъ нашихъ.

Мы сами немного гордились той поспѣшностью и уступчивостью, съ которою проводились всѣ требованія отдѣленій, не признававшихъ нашего существованія. Личныя наши отношенія оставались холодныя и далекія, въ дѣлѣ же мы оказывали имъ полное, безусловное довѣріе и уваженіе. Онѣ поняли это и цѣнили, что мы не смѣшиваемъ личныхъ отношеній съ дѣломъ.

Самое дѣло шло успѣшно; средства росли, благодаря энергіи нашей предсѣдательницы. Новая система вводила всюду строгій

порядокъ и ясность. Даже самыя отношенія наши съ молодыми К—ми не были лишены интереса и прелести.

Система ген. К. разрушалась сама собою,—не приходилось къ ней и рукъ прикладывать.

Старшая сестра, замѣнившая Ал. Петр. К—скую, послѣ отъѣзда послѣдней за Дунай, отказалась вести отчеты, стараясь сбывать на руки дамъ-покровительницъ тѣ рѣдкія пожертвованія, которыя поступали въ госпиталь, въ ея завѣдываніе. Шкафъ ея блестѣлъ пустотою, тогда какъ наши сундучки едва вмѣщали въ себѣ наши частные запасы.

Когда наступилъ день третьяго очереднаго собранія, т.-е. три недѣли послѣ основанія „кружка“, молодыя К—вы не выдержали. Предсѣдательница, съ своей стороны, какъ бы не признавая ихъ оппозиціи, посылала имъ наравнѣ съ нами приглашенія къ засѣданіямъ, и на этотъ разъ сдѣлала то же. Онѣ пріѣхали, и были встрѣчены всѣми членами съ особенной симпатіей, а предсѣдательницей—съ тою любезностью, которою она умѣла очаровать, когда того пожелала.

Чтобы показать, что мы ихъ считаемъ вполнѣ равноправными, мы тутъ же передали Ольгѣ К—ой деньги, вырученныя за концертъ и поступившія сначала къ смотрителю, а затѣмъ переданныя имъ намъ. Съ этого дня онѣ стали дѣятельными членами нашего тѣснаго кружка, и оставались такими до конца.

На этомъ третьемъ засѣданіи уполномоченною [1]) по внутреннему хозяйству госпиталя былъ представленъ первый отчетъ, въ видѣ недѣльной вѣдомости. „Вѣдомости сіи,—значится въ протоколѣ 8-го декабря,—найдены собраніемъ образцовыми“ и вызвали общее одобреніе и благодарность составительницѣ ихъ.

XIII.

Зима въ этомъ году стала ранняя и стояла суровая, не только на сѣверѣ, но и въ южной полосѣ Россіи. Больныхъ продолжали подвозить во множествѣ. На воинскихъ поѣздахъ люди сильно терпѣли отъ холода.

Въ декабрѣ мѣсяцѣ къ намъ привезли больныхъ совсѣмъ особаго рода. На видъ это были люди совсѣмъ здоровые, а вносили ихъ въ палаты на носилкахъ или на рукахъ, и если случайно

[1]) То была Е. Д. Полѣнова.

задѣвали или притрогивались къ ихъ ногамъ, то у нихъ вырывался крикъ и лицо страдальчески искажалось. Это были такъ называемые „*гангренозные*“, т.-е. люди съ отмороженными ступнями. Всѣхъ этихъ несчастныхъ, въ числѣ двадцати-пяти человѣкъ, положили въ наше отдѣленіе, и сестра моя взяла на себя уходъ за ними. Когда началась первая перевязка, послѣ дороги, то стонами и криками наполнились палаты.

Отмороженные члены поражались сухою гангреной, тѣло мертвѣло и начинало гнить. У многихъ пальцы уже совсѣмъ сгнили и отвалились; у иныхъ они висѣли, точно выжатыя тряпочки; у иныхъ—и это было самое опасное—гангрена успѣла проникнуть въ кровь. Противъ этого часто и операція была безсильна. Вслѣдствіе зараженія крови, весь человѣкъ начиналъ разлагаться...

Новопріѣзжіе были почти всѣ защитники Шипкинскихъ проходовъ и пострадали на горѣ св. Николая. Отмораживали они себѣ ноги большею частью въ то время, когда сидѣли въ „ложементахъ“. Въ ямку нападалъ снѣгъ, затѣмъ днемъ на солнцѣ таялъ; къ ночи опять замерзалъ. Сначала человѣкъ бодрился и боролся съ холодомъ—двигался, стучалъ ногами,—затѣмъ, къ концу дня, дремота начинаетъ одолѣвать его. Сидитъ онъ одинъ,—иногда сутки, иногда двое-трое сутокъ, — впечатлѣній вокругъ нѣтъ, однообразіе, а затѣмъ и усталость притупляютъ сознаніе,—ноги тяжелѣютъ, перестаютъ двигаться,—человѣкъ засыпаетъ... и замерзающая вода захватываетъ его ноги въ свои ледяныя оковы и замораживаетъ... И когда настаетъ, наконецъ, пора вылѣзть изъ ложемента, уступить это мѣсто другому, то иной—вылѣзаетъ безъ ногъ.

— Выходить изъ засадки, чтобы размяться, погрѣться, тоже не приходится,—увидятъ турки, какъ разъ подстрѣлятъ,—скольких ужъ подстрѣлили! Вотъ и сидишь себѣ, сидишь и глядишь, а ни вправо, ни влѣво не шелохнись,—замерзай, а все сиди,—околѣвай, да сиди. И смѣнялись-то мы только ночью.

Одинъ изъ нихъ разсказывалъ, что къ нему въ ложементъ пробрался какъ-то разъ матросикъ какой-то, среди бѣлаго дня, пробрался и принесъ что-то съ собою, передалъ ему порученіе, посидѣлъ съ нимъ и собрался идти дальше, къ слѣдующему ложементу.

— А я еще ему говорю: „посиди, говорю, въ сумерки и пойдешь“.—„Нѣтъ,—говоритъ,—не велѣно мнѣ запаздывать“.—Вылѣзъ и пошелъ. Только отошелъ шаговъ съ десятокъ, вижу—спотыкнулся товарищъ-то мой, да такъ ничкомъ и повалился въ

снѣгъ,—а я-то ему кричу: „вставай, молъ, скорѣе, да бѣги, а то, смотри, турка увидитъ“. А онъ лежитъ себѣ и не двигается,—я какъ посмотрю, вижу, по снѣгу-то кровь такъ и бѣжитъ ручейкомъ, отъ самой отъ головы. Положили-таки, собаки!..

Бывали еще случаи отмораживанія, когда человѣка захватывалъ пароксизмъ лихорадки, или начало горячки, врасплохъ, на холоду, гдѣ-нибудь на отдаленной позиціи, или во время караула при транспортѣ, или во время крѣпкаго сна, послѣ выпитой съ голоду и холоду водки.

Сестра моя, Полѣнова, скоро отдалась исключительно уходу за этими страдальцами. Въ томъ видѣ, въ какомъ они были привезены, они не перенесли бы операцій. Надо было прежде возстановить ихъ силы, подготовить ихъ, питая хорошей пищей, подкрѣпляя виномъ.

— А что, Елена Дмитріевна, кабы намъ ихъ всѣхъ на ноги поставить,—вѣдь хорошая была бы штука!—говорилъ докторъ-хирургъ, прохаживаясь между своими паціентами, довольный, что его снабдили, наконецъ, такой обильной практикой:—безъ васъ я пассъ,—а еслибы вы взялись за ними ходить, да ихъ подкармливать, а затѣмъ я бы сталъ ихъ оперировать,—у насъ дѣло-то было бы въ шляпѣ.

Онъ потиралъ руки, видимо съ нетерпѣніемъ ожидая той минуты, когда ему дано будетъ приложить свое искусство къ дѣлу.

Только глядя на двухъ стариковъ, тоже гангренозныхъ, докторъ сомнительно покачивалъ головою и говорилъ, что они ему „не нравятся“. У этихъ гангрена успѣла уже заразить кровь и отъ ступни поднималась все выше и выше, ноги опухали, и мѣстами на нихъ появились лиловыя пятна. Хирургъ сомнѣвался, чтобы операція могла спасти ихъ, но все-таки рѣшился употребить это единственное средство. Времени терять было нельзя,—первая операція назначена была черезъ недѣлю.

Въ это время сестра моя сосредоточила все вниманіе на этихъ двухъ больныхъ. Ихъ кормили разъ по пяти въ день и давали имъ всего, что только „душа запроситъ“. Исключая ногъ, это были пока еще здоровые люди, но въ конецъ изнуренные и принявшіе много страданій. Одинъ изъ нихъ, Петунинъ, былъ по характеру веселый человѣкъ и любилъ пошутить; только когда ужъ очень разболится нога, заноетъ сердце, разворчится старикъ, и тогда ничѣмъ ему не угодишь, ничѣмъ не потрафишь,—и то не такъ, и это не такъ, и всё не по немъ... А нельзя было не побаловать старика.—Зато, какъ только отпускала его боль, онъ и начиналъ подтрунивать и надъ собою и надъ това-

рищами,—для всякаго имѣлъ прибереженное острое слово,—доставалось и сёстрамъ.

Товарищъ его, Колычевъ, былъ смирный, молчаливый человѣкъ, не такой живой и острый, какъ его товарищъ, но зато и не такой раздражительный и неровный. Его состоянiе было менѣе опасно, но натура апатичнѣе и слабость большая. Жили эти двое товарищей какъ родные братья; они были земляки, и общая бѣда еще болѣе сроднила ихъ.

Между болѣе молодыми людьми этой партiи были тоже интересные типы.

Одинъ былъ художникъ-самоучка, проводившiй цѣлые дни въ разсматриванiи картинокъ, а затѣмъ въ срисовыванiи тѣхъ, которыя полюбились. Это былъ живой, предпрiимчивый и ловкiй малый на всѣ руки; ни минуты не оставался онъ безъ дѣла. На все отдѣленiе онъ надѣлалъ шахматныхъ досокъ, имъ самимъ разграфленныхъ, изъ пробокъ нарѣзалъ шашки. Чтобы имѣть возможность рисовать по вечерамъ, онъ смастерилъ себѣ лампу,—свертывалъ изъ ваты свѣтильню, выпрашивалъ у фельдшера масла, и, такимъ образомъ, могъ продолжать и вечеромъ свою работу. Въ той палатѣ, гдѣ онъ жилъ, было всегда весело, всегда оживленно,—онъ не только самъ умѣлъ заняться, но и товарищей развлекалъ своими выдумками и постоянно новыми затѣями. У него гангрена была легкая,—поражены были всего три пальца на лѣвой ногѣ. Онъ мало стѣснялся неудобствомъ, и передвигался быстрѣе, нежели другой на двухъ здоровыхъ ногахъ. Соскочитъ съ койки, поддерживая руками больную ногу, и затѣмъ пустится на одной ногѣ черезъ всю палату; у окна пріостановится, отдохнетъ и опять, съ размаху, скачетъ дальше, и скачетъ такъ скоро, что и бѣгомъ его не догонишь. Бывало, встрѣтишь его, возвращающагося къ себѣ, немного запыхавшись, но все такъ же быстро, и крикнешь ему: „Черняевъ, тише, упадешь!“...

Куда тутъ!—ужъ онъ доскакалъ до койки, сѣлъ на нее, приспособилъ больную ногу и опять принялся рисовать.

Какъ-то разъ случилось намъ пріѣхать вечеромъ. Въ этотъ день утромъ была сдѣлана Петунину первая операцiя; докторъ прописалъ ему успокоительныя капли и освѣжающее питье. Сестрѣ хотѣлось видѣть старика, и мы повезли лекарство сами. Ночь была морозная и лунная; мы благополучно добрались до Башни и прошли прямо въ комнату сестеръ милосердiя. Въ то время еще были наши любезныя казанскiя сестры.

Сестра нашего отдѣленiя послѣдовала за нами въ палаты.

Въ первыхъ палатахъ было тихо, многія койки пусты; лампа тускло горѣла и моргала подъ потолкомъ. Мы прошли дальше. Въ третьей палатѣ помѣщались гангренозные, кромѣ самыхъ трудныхъ. Когда мы вошли въ нее, то невольно остановились: намъ представилась слѣдующая картина: въ глубинѣ палаты вокругъ койки Черняева собралось большое общество. Кто сидѣлъ на сосѣднихъ койкахъ, кто на скамейкахъ, а кто на полу.

Самъ Черняевъ, полулежа на койкѣ, рисовалъ, наклонившись надъ столикомъ. Ближайшіе къ нему сосѣди слѣдили за успѣхомъ его рисованія. Среди этой группы раздавался громкій голосъ другого молодого солдата, внятно и медленно читавшаго сказку „О работникѣ Балдѣ“. Всѣ внимательно слушали. Группа эта была освѣщена лампочкой самодѣльной работы, прилаженной къ стѣнкѣ надъ столикомъ.

— Это у насъ тутъ каждый вечеръ такія собранія; а когда фельдшеръ масла не даетъ, такъ ужъ мы огарочки жертвуемъ,— говорила сестра милосердія.—Съ ними не соскучишься, право: этотъ Черняевъ—такой выдумщикъ! Я даже иногда и сама прихожу вечеромъ сюда и сижу съ ними. Это у меня такіе все милые больные.

Мы взяли на себя снабжать освѣщеніемъ эти художественно-литературные вечера.

Передавъ сестрѣ то, что̀ нужно было для старика Петунина и повидавъ его, мы вернулись домой.

Прошло три недѣли. Въ отдѣленіи гангренозныхъ начались операціи,— отрѣзали пальцы, вылущивали кости, отпиливали ступни. Болѣе легкія операціи дѣлались въ палатахъ, для тяжелыхъ—больныхъ выносили въ операціонную.

Сестра моя въ эти минуты не отходила отъ больныхъ. Я же оставалась въ отдѣленіи, приготовляла койку (у ногъ кровати прилаживались обручи, которые предохраняли ноги отъ всякаго прикосновенія), мягкую подушку, папиросы или табакъ, чай, что-нибудь изъ пищи.

Вотъ понесли изъ палаты одного молодого солдата. У него всѣ десять пальцевъ поражены гангреной, на одной ногѣ испорчена уже часть ступни, — операція, вѣроятно, будетъ долгая и трудная.

Прежде чѣмъ идти за своимъ больнымъ, сестра моя зашла ко мнѣ, предупредила меня, что она не скоро вернется, и поручила раздать больнымъ вино и водку и подѣлить между Петунинымъ

нинымъ и Колычевымъ картофель, который варился для нихъ отдѣльно на керосиновой кухнѣ. Это было любимое кушанье двухъ стариковъ; безъ картофеля они не хотѣли ѣсть ни супа, ни мяса.

Койки Петунина и Колычева стояли у самаго прохода, и весьма естественно, что намъ чаще случалось бывать около нихъ, нежели около тѣхъ больныхъ, которые лежали въ глубинѣ. Они же были самые трудные и требовали бо̀льшаго ухода и вниманія.

Товарищи подмѣтили слабость сестеръ къ старикамъ, и говорили, что Петунину и Колычеву сто̀итъ только пожелать, чтобы все получить. „Сестрицы все вамъ тащатъ, — вамъ хорошее житье“.

Петунинъ обидѣлся, когда услыхалъ это.

— И ничего ты, братецъ мой, не понимаешь!—сказалъ онъ молодому товарищу, который высказалъ какъ-то при немъ свое замѣчаніе.—Мы на самомъ на прешпектѣ живемъ, оттого намъ больше всего и перепадаетъ, а къ тебѣ въ проулокъ не набѣгаешься...

Когда ушла сестра моя, я пошла въ ея отдѣленіе и занялась приготовленіемъ койки, а затѣмъ раздачею вина и водки.

Петунинъ сегодня не въ духѣ.

— Что̀ ты бѣгаешь все взадъ да впередъ?—сердито говоритъ онъ мнѣ въ то время, какъ я уже не въ первый разъ прохожу мимо его койки.—У тебя, чай, картошка-то моя ужъ вся разсыпалась, одна мучка осталась. Да гдѣ же наша-то сестрица?

— Ваша сестрица ушла съ Ларіоновымъ на операцію.

— Да чтой-то ужъ очень долго,—они еще когда пошли-то. Все я боюсь, какъ ты мнѣ картошкой не угодишь. Наша-то сестрица ужъ очень мнѣ угождаетъ.

— Постараюсь; да на тебя, говорятъ, угождать-то трудно. Какъ операція кончится, твоя сестрица опять съ тобою и будетъ.

Я пошла посмотрѣть, готовъ ли картофель.

Въ эту минуту до нашего слуха долетѣлъ крикъ, дикіе вопли, отъ которыхъ дрожь пронимала.

— Несутъ, несутъ! — сказалъ служитель, стоявшій у окна, и заметался, не зная, что̀ ему дѣлать.

— Пойди, отвори настежь дверь и помоги поднять носилки по лѣстницѣ.

Я подошла къ окну. По двору подвигались медленно носилки, на которыхъ лежалъ только-что оперированный Ларіо-

новъ. Ихъ несли трое служителей, два у изголовья, одинъ у ногъ. По бокамъ шли сестры, придерживая больного, который отъ нестерпимой боли кидался изъ стороны въ сторону и рвалъ зубами все, что могъ ухватить,—одѣяло, подушку, свою рубаху. По мѣрѣ того, какъ носилки приближались, крики и стоны становились явственнѣе.

Оправивъ койку, я пошла на встрѣчу. Больного уже несли по лѣстницѣ. Вотъ носилки, высоко поднятыя на плечи служителями, показались у дверей; служителя, сбившись немного на поворотѣ, замялись въ дверяхъ и закачали неровно носилки,—крикъ усилился,—но вотъ носилки прошли въ дверь и опустились.

Въ лежащемъ человѣкѣ трудно было узнать Ларіонова—до того его лицо было искажено. Оно судорожно искривилось, мускулы дергались, нижняя челюсть подпрыгивала, а зубы то колотились другъ о друга, то вдругъ крѣпко стискивались, и лицо все стягивалось. Теперь онъ ужъ не могъ кричать, а сквозь стиснутые зубы вылъ, не переводя голоса, — и этотъ дребезжащій, дикій вой страшно дѣйствовалъ на душу.

Операція была долгая, мучительная; сестры тоже были надорваны видомъ страданій. Съ большимъ трудомъ переложили оперированнаго на койку. Вой не прекращался. Ему дали успокоивающихъ капель—едва могъ проглотить: въ горлѣ, въ груди, въ челюстяхъ стоялъ общій спазмъ, спирающій дыханіе.

Слезы катились изъ его глазъ; потъ крупными каплями выступалъ на лбу и на вискахъ.

Переждавъ нѣсколько минутъ, мы подали ему тарелку съ супомъ и курицей, и, зачерпнувъ супу на ложку, поднесли ко рту, уговаривая его проглотить теплаго супцу.

— Охъ, голубушка,—выговорилъ онъ наконецъ,—не могу! Всѣ вздохи заперло, душа не приметъ. Возьми, возьми...—и онъ отталкивалъ руку съ ложкой.—Охъ, охъ,—пожалѣйте родимые, пожалѣйте, миленькіе, измучили, истерзали!.. Охъ, о-охъ, охъ, свѣту бѣлому не радъ! Охъ, смерть моя пришла, совсѣмъ извели, измучили!.. Ужъ хоть дали-бъ помереть мнѣ прежде,—охъ, сестричка, голубушка, тяжко мнѣ...—Теперь ужъ слова сыпались и онъ не могъ остановиться.

— Знаю я, что тебѣ тяжело, — стараясь говорить громче, сказала сестра.—Тебѣ легче станетъ, если ты съѣшь что-нибудь; на, хоть курочки кусочекъ откуси!

— Мнѣ бы водочки стаканчикъ, хоть согрѣлся бы маленько, охъ, охъ!—и онъ опять принимался причитать.

Но водки ему не позволено было давать. Мы вынули изъ супу кусокъ курицы и подали ему:—На, отломи самъ; а не то, лучше, отрѣжь,—вотъ тебѣ ножикъ и вилка. Онъ согласился нарѣзать курицы, взялъ ножикъ, и своими дрожащими руками сталъ пытаться рѣзать. Усилія, которыя ему пришлось сдѣлать при этомъ, отвлекли его вниманіе отъ страданій, и онъ немного притихъ. Онъ сталъ ѣсть. Потомъ опять застоналъ и заметался, попросилъ опять водки; получивъ отказъ, попросилъ папиросочку. Слѣдуя той же системѣ, мы подали ему не готовыхъ папиросъ, а бумаги и табаку; онъ началъ ихъ крутить, и опять затихъ на время.

Такъ прошелъ часъ, въ постоянныхъ усиліяхъ занять его, отвлечь мысль отъ вынесенныхъ страшныхъ впечатлѣній операціи. Черезъ часъ докторъ позволилъ дать ему вина, послѣ чего ослабѣвшій въ конецъ человѣкъ скоро заснулъ.

За это время картофель Петуинна, дѣйствительно, до того разварился, что разсыпался и обратился въ мучку.

Но на этотъ разъ онъ принялъ это благодушно, — они всѣ были подъ впечатлѣніемъ страданій товарища.

— Видно, не мало муки принялъ,— сказалъ онъ, указывая головою на сосѣднюю палату, откуда время отъ времени долеталъ стонъ спавшаго Ларіонова; — вѣдь и намъ съ тобою, братъ, того же не миновать,—обратился онъ къ Колычеву.

Былъ еще между гангренозными одинъ очень молодой, красивый и тихій юноша; звали его Князевъ. Его тоже оперировали, вскорѣ послѣ Ларіонова. Ему пришлось отнять половину ступни на одной изъ ногъ. Операцію онъ вынесъ много лучше Ларіонова, почти не кричалъ, а въ минуты отрубленія больше жаловался на голову. Приписывали это дѣйствію хлороформа. Когда его, послѣ операціи, принесли въ палату и положили на койку, онъ былъ въ состояніи забытья и какъ будто ничего не сознавалъ.

Такъ прошелъ первый день. Докторъ говорилъ, что хлороформъ дѣйствуетъ иногда такимъ образомъ на очень нервныя натуры.

На слѣдующій день то же состояніе полубезпамятства и апатіи,—при этомъ жаръ... Сестра моя была въ страхѣ, не понимая, что съ нимъ дѣлается. Докторъ осмотрѣлъ больного, пожалъ плечами, но ничего не объяснилъ. Наконецъ, видя, въ какой тревогѣ сестра, онъ отозвалъ ее въ сторону и спросилъ:

— Вы не боитесь заразительныхъ болѣзней, напр. рожи, тифа?

— Нѣтъ, не боюсь.

— Ну, такъ я вамъ скажу, что у Князева тифъ.

Князева положили въ сосѣднюю палату, которая стояла пустая. Тамъ онъ вылежалъ шесть недѣль, и послѣ тифа совсѣмъ поправился.

Вообще, задача, которой задались вначалѣ, разрѣшалась успѣшно.

Гангренозные начинали вставать одинъ за другимъ и, при выпискѣ изъ госпиталя, выходили сами, кто съ палкой, кто на костыляхъ; у многихъ оставалось только по полуступнѣ.

Поправились также старики Петунинъ и Колычевъ. Петунину пришлось вынести четыре операціи. Когда онъ началъ поправляться, то и характеръ его измѣнился; онъ больше не ворчалъ, а сталъ такой ласковый, признательный, и уже самъ не давалъ себя баловать.

Однажды приходитъ къ намъ служитель и говоритъ, что Петунинъ зоветъ къ себѣ обѣихъ сестрицъ. Хотя ему и было гораздо лучше, но онъ еще не сходилъ съ койки.

Мы отправились.—Приходимъ.—Видимъ, Петунинъ сидитъ на койкѣ, ноги спустилъ. Около него лежитъ пара костылей. Какъ только мы появились въ дверяхъ, старикъ перекрестился три раза, сказалъ: „Господи, благослови!“—схватилъ рѣшительнымъ движеніемъ костыли, поднялся съ койки и пошелъ.

Колычевъ съ умиленіемъ и нѣкоторымъ страхомъ смотритъ на товарища.

— На первый-то разъ хотѣлъ при сестрицѣ на ноги встать, —объясняетъ онъ.

— А то какъ же!—подтверждаетъ Петунинъ.—Пойди, говорю, Осипъ, позови моихъ сестрицъ.—Онъ зналъ, что бо̀льшаго удовольствія онъ не могъ намъ доставить.

— Видишь, сестрица, пришелъ-то совсѣмъ безъ ногъ, а уйдутo на четырехъ ногахъ! — острилъ онъ, стараясь половче приладиться къ непривычнымъ еще костылямъ.

Товарищи смѣялись вокругъ.

— Что же, теперь, пожалуй, скоро и домой запросишься?— спрашивали мы.

— Нѣтъ, надо товарища дождаться. Мы ужъ съ Колычевымъ вмѣстѣ и отправимся. Вмѣстѣ померзли, вмѣстѣ по госпиталямъ валялись,—вмѣстѣ и домой побредемъ.

Вмѣстѣ мы ихъ и отправили черезъ нѣсколько недѣль, снабдивъ, чѣмъ нужно, на дорогу.

Мы имѣли обыкновеніе привозить иконы изъ Лавры для

тѣхъ, которые шли на операцію. Передъ отбытіемъ, старики попросили, чтобы мы написали имъ наши имена на задней доскѣ иконы, для памяти.

Мы исполнили ихъ желаніе.

— Ну, вотъ, теперь хорошо,—говорилъ Колычевъ, принимая обратно образокъ:—теперь ужъ буду знать, за кого мнѣ Бога молить,—и онъ твердилъ наши имена,—и дѣтей научу, чтобъ и они за васъ молились; драть ихъ буду, и ваши имена приговаривать: вотъ вамъ, молъ, сестрицы Елена и Вѣра, и вы за нихъ каждый день должны Богу по поклону класть...

Мы разсмѣялись; онъ тоже добродушно улыбался.

— Ну, братъ, Колычевъ,—это имъ наши имена не очень-то сладки покажутся. Это плохое будетъ моленіе.

— Отчего—плохое? нѣтъ, хорошее,—съ увѣренностью говорилъ онъ.

Такъ они и отправились.

До нихъ еще уѣхали художникъ и читатель. Художникъ, передъ отъѣздомъ, подарилъ каждой сестрѣ по картинкѣ своего произведенія.

Скученъ и пустъ показался намъ госпиталь, въ первое время послѣ ихъ отъѣзда, пока новые больные, новыя заботы не замѣнили прежнихъ и не поглотили всего вниманія.

Около этого же времени уѣхали и наши сестры милосердія, которыми мы такъ дорожили и съ которыми такъ хорошо сжились и работали. Это была большая потеря, которая оказалась незамѣнимой. Мы сожалѣли о нихъ, но еще не знали, что ихъ отъѣздъ оставитъ незамѣнимый пробѣлъ.

Всѣ сестры, съ которыми приходилось сталкиваться послѣ, были наемницы—и ничего больше, и часто приходилось вспоминать слова кн. К—й: „Si vous leur donnez de bons lits, elles ne feront que dormir et ne soigneront pas leurs malades“.

XIV.

Въ одно время съ гангренозными къ намъ привезли одного субъекта, на котораго мы вначалѣ не обратили должнаго вниманія. Его тоже положили въ хирургическое отдѣленіе, хотя онъ не былъ раненый. Онъ выбралъ себѣ койку въ самой глубинѣ палаты, подальше отъ прохода и отъ другихъ больныхъ,—и палату выбралъ такую, гдѣ было всего менѣе больныхъ. Устроившись на своей койкѣ, онъ уже не сходилъ съ нея,—ни

съ кѣмъ не заговаривалъ, ничего не просилъ, ни на что не жаловался.

Вначалѣ сестра моя,—слишкомъ занятая гангренозными, — не замѣтила его.—На другой день, обходя палаты, она увидала, что онъ лежитъ подъ наружнымъ оконцемъ, изъ котораго, какъ изъ всѣхъ госпитальныхъ оконъ, дуло.

Она подошла къ нему и попросила его перейти на другую койку.

— Ты тутъ можешь застудиться, а ты выбери любую койку, только подальше отъ форточки.

Но онъ не двинулся, а только пристально смотрѣлъ на нее. Когда сестра начала настаивать, онъ закачалъ головою и отказался исполнить ея требованіе.

Она стала спрашивать, что у него болитъ и не нужно ли ему чего-нибудь.

— Не нужно, ничего не нужно,—былъ отвѣтъ. Сестра отошла отъ него. Черезъ нѣсколько времени она вернулась къ нему, чтобы заставить его перейти на другую койку.

— Ты мнѣ скажи, чего тебѣ хочется,—мы сдѣлаемъ для тебя все, что можемъ,—а подъ окошкомъ тебѣ оставаться нельзя.

Это былъ еще совсѣмъ молодой человѣкъ, изъ новобранцевъ. Въ то время, какъ она говорила съ нимъ, ласково, жалѣя его, онъ вопросительно вглядывался въ нее, точно хотѣлъ ей въ душу заглянуть, и потомъ, приподнимаясь и говоря въ полголоса, чтобы никто, кромѣ нея, не могъ слышать:— Мнѣ бы въ мой уиздъ! [1]) — выговорилъ онъ протяжно, и въ его голосѣ зазвучала страсть, и большіе глаза его зажглись. — Отпустите меня въ мой уиздъ, повторилъ онъ съ мольбой...

Это была преслѣдующая его мечта. Съ этой просьбою онъ обращался ко всѣмъ, въ комъ улавливалъ, примѣчалъ искру участія. Тогда сестра моя еще не знала этого, и отнеслась къ этой просьбѣ равнодушно.— Она отвѣчала, что пока онъ не поправится, его никто не отпуститъ, что ему надо прежде вылечиться, а потомъ уже думать объ отъѣздѣ на родину.

Когда онъ выслушалъ эти слова, лицо его мгновенно потухло; выраженіе жизни и огня смѣнилось выраженіемъ тоски и томленія. Онъ отвернулся къ стѣнѣ и не сталъ болѣе говорить.— Не захотѣлъ сойти съ койки и впалъ въ то состояніе полузабытья и апатіи, въ которомъ могъ пролежать цѣлый день.

Сестра пришла за мной.

---

[1]) „Уиздъ“, вм. уѣздъ, по мѣстному произношенію.

— Ко мнѣ привезли одного больного, — сказала она,—которымъ придется исключительно заняться. Мнѣ съ моими двадцатью гангренозными рѣшительно нѣтъ времени; ты бы пришла посмотрѣть на него и взяла бы его къ себѣ. Онъ не раненый. Вотъ ужъ второй день, что онъ ничего не ѣстъ,—отъ всего отказывается.

Мы пошли. Я подошла къ койкѣ больного. Меня поразила его необыкновенная красота,—необыкновенная потому, что въ ней было что-то тонкое, нѣжное, свойственное романскимъ расамъ, а не славянской. Черты его смуглаго лица были безупречно правильны, въ выраженіи было что-то мягкое, томное, почти женственное. Особенно привлекательны, хороши были его глаза, въ которыхъ отражались всѣ оттѣнки душевныхъ ощущеній.—Comme il est beau!—сорвалось у меня.—Здравствуй!—обратилась я къ нему. —Что это ты, какое себѣ мѣсто выбралъ? Сестрица на тебя жалуется, что ты не хочешь никого слушаться, не принимаешь, лекарства,—вѣдь этакъ ты никогда не поправишься.

Грустная улыбка слабо озарила его прекрасныя, строгія черты.

— Отчего ты не ѣшь?

— Не могу я ѣсть-то ничего,—проговорилъ онъ.

— Пей хоть молоко.

— Не, не надо,—съ отвращеніемъ, махнувъ рукою, сказалъ онъ.

— Тебѣ хуже станетъ, если ты будешь себя голодомъ морить.

Онъ ничего не отвѣчалъ.

— Я его возьму къ себѣ,—сказала я.—Попроси Артемьева перевести его.

Я хотѣла идти.—Сестрица!—позвалъ онъ меня съ таинственнымъ выраженіемъ на лицѣ.—Сестрица!

Я подошла. Онъ взялъ меня за руку и пригнулъ къ себѣ.

— Мнѣ бъ въ мой уиздъ!—умоляющимъ голосомъ проговорилъ онъ. Глаза его зажглись; тонкія ноздри раздувались; грудь усиленно, порывисто дышала.

— C'est son idée fixe!—сказала мнѣ сестра моя:—il me l'avait répétée au moins une dizaine de fois, ce matin au médecin toujours avec la même angoisse. Il n'est pas dans son état normal—c'est évident.

Мы перевели его на другую койку, а на другой день докторъ перевелъ его въ мое отдѣленіе. Онъ отказывался пере-

ходить; но когда я сказала, что буду хлопотать объ его отпускѣ домой, онъ сейчасъ же согласился перейти.

Моего новаго паціента звали Ѳедоръ Герасимовъ. Я помѣстила его въ палату, гдѣ было всего трое больныхъ,—все хорошіе, смирные люди.

Когда я, передъ отъѣздомъ домой, зашла проститься съ нимъ, онъ повторилъ свою неизмѣнную просьбу: — Я тамъ скоро поправлюсь, тамъ мнѣ дышать легче, — говорилъ онъ, и взглядъ его, подернутый тоскою, ласково и заискивающе устремлялся на меня.

— Теперь нельзя тебя отправить, ты не доѣдешь; а ты дѣлай, что̀ докторъ приказываетъ, пей молока побольше; какъ тебѣ станетъ легче,—мы тебя и отпустимъ.

— Вы уже попросите, сестрица, милая...

На слѣдующій день его осматривалъ новый докторъ, нашелъ у него болѣзнь сердца, прописалъ digitalis,— велѣлъ поить молокомъ и сельтерской водою.

— Мнѣ бы въ мой уиздъ, ваше выс-благородіе!—запросилъ онъ и доктора.

— Матушка, а какъ я выздоровлю—да меня опять за Дунай отправятъ?—сообщилъ онъ мнѣ свои опасенія.—А ужъ мнѣ бы поскорѣе доѣхать до уизда!..

И съ каждымъ днемъ тоска его усиливалась. Она заѣдала его, и онъ замѣтно таялъ. Вскорѣ къ тоскѣ присоединилось и лихорадочное состояніе; къ вечеру онъ весь горѣлъ, и тоска принимала разныя формы, и доходила до бреда и галлюцинаціи. Ночи проводилъ онъ безъ сна и метался на койкѣ, не находя себѣ покоя. Днемъ онъ сидѣлъ на ней, подобравъ ноги, тихо покачиваясь изъ стороны въ сторону, и томился по цѣлымъ часамъ.

Мы привозили ему разныя вещи, которыя, по нашему разумѣнію, могли развлечь его: картинки, образа, другія бездѣлицы (онъ былъ неграмотный), подарки для его родныхъ, когда онъ пріѣдетъ домой, теплое платье на дорогу. Все, что̀ имѣло отношеніе къ его отъѣзду, радовало его и на нѣкоторое время утоляло его тоску, но не надолго; затѣмъ тоска снова овладѣвала имъ, и все становилось ему постылымъ.

Встрѣтившись съ гр. П., я попросила ее заѣхать какъ-нибудь съ своимъ докторомъ посмотрѣть моего больного и помочь добрымъ совѣтомъ.

Гр. П—а очень заинтересовалась, и на другой же день пріѣхала въ нашъ госпиталь съ докторомъ.

Послѣ внимательной оскультаціи, докторъ сказалъ мнѣ, что

не находитъ его состояніе безнадежнымъ, что у него психическое страданіе сильнѣе физическаго, но что въ настоящее время его немыслимо отпускать, что это будетъ равносильно его смерти.

Мы разговаривали съ докторомъ, отойдя въ сторону, къ окну. Въ это время гр. П—а сидѣла около Герасимова на койкѣ, разговаривая съ нимъ, но избѣгая затронуть idée fixe. Когда она перестала говорить, онъ сталъ смотрѣть на нее, ласково проводя рукою по ея плечу и рукѣ, и по выраженію, которое освѣтило его лицо, ясно было, о чемъ онъ просилъ ее.

Она стала разспрашивать его, кто у него остался дома.

— Отецъ есть, и мать, и сестра, и мнѣ дышать легче будетъ,—тутъ мнѣ тяжко; отпустите меня!—и крупныя слезы накатывались и застилали его глаза, поднятые на нее.

Гр. П—а пришла къ намъ совсѣмъ растроганная.

— Очень можетъ быть, что онъ правъ и что ему, дѣйствительно, дома будетъ легче дышать,—сказалъ докторъ.—Но его теперь двинуть немыслимо.

Больной съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдилъ за нами съ своей койки.

Гр. П—а опять пошла къ нему и обѣщала похлопотать объ его отправкѣ.

Потомъ они уѣхали.

— Что, матушка, что они говорили обо мнѣ?—съ жадностью спрашивалъ онъ меня, когда я вернулась къ нему.

Я повторила ему слова доктора—тѣ, что было можно. Онъ цѣловалъ мою руку и опять впадалъ въ тоску.

Во время сильныхъ приступовъ тоски, въ него точно вселялся злой духъ: онъ старался все дѣлать на-зло, никого не хотѣлъ слушать, отказывался принимать лекарства, такъ что иногда приходилось подолгу стоять надъ нимъ, сначала уговаривать, а затѣмъ просто выжидать, когда пройдетъ припадокъ.

Другіе его товарищи были часто возмущены, и я слышала иногда изъ сосѣдней палаты, какъ они усовѣщивали его.

— И не грѣхъ тебѣ съ матушкой-то своей такъ обходиться,—жалости-то въ тебѣ, видно, нѣтъ никакой?! Вѣдь ты у нея не одинъ,—ты бы хошь это-то подумалъ...

Тогда онъ принимался плакать отъ горя и жалости, но сладить съ собою не могъ.

Онъ быстро слабѣлъ. Одинъ день онъ былъ особенно плохъ: горѣлъ, не могъ поднять головы и тяжело, хрипло дышалъ. Мы уѣхали, какъ обыкновенно, послѣ пяти часовъ.

Въ это время ужъ не было въ госпиталѣ нашихъ казанскихъ

сестеръ; ихъ мѣсто заступили новыя, и на этихъ новыхъ мы, къ нашему горю, не могли полагаться.

Вечеромъ меня начала преслѣдовать мысль, что Герасимовъ умираетъ—и умираетъ одинъ, съ своею неотступною тоскою,—что некому облегчить его страданій и поддержать его послѣднимъ напутственнымъ словомъ.

Я пошла къ сестрѣ моей. Она была готова ѣхать со мною въ госпиталь. Было девять часовъ, когда мы сѣли въ экипажъ, заѣхали за нашими ближайшими сотрудницами К—ми и вчетверомъ отправились въ загородный госпиталь.

Ночь стояла черная. Миновавъ крѣпостныя ворота, мы поѣхали предмѣстьемъ. Фонари попадались все рѣже и рѣже; кое-гдѣ лучъ свѣта скользилъ вдоль дороги изъ освѣщеннаго окошка, но вотъ кончились фонари, кончилось и жилье... Мы свернули съ шоссе и врѣзались въ полный мракъ. Дорога вела пустырями. Мы медленно подвигались впередъ, не имѣя никакой путеводящей точки. Немудрено было сбиться съ дороги. Экипажъ попалъ въ рытвину, лошади стали. Съ трудомъ выбились мы опять на дорогу... Наконецъ, за поворотомъ, замелькали освѣщенныя окна арсенала, и неподалеку появился массивный силуэтъ нашей Башни, густой, черной массой выступая на темномъ небѣ.

Ворота бывшей тюрьмы уже были заперты. Мы назвали себя и прошли черезъ калитку во внутренній дворикъ. На дворикѣ не такъ темно,—на него падаетъ свѣтъ изъ госпитальныхъ оконъ. Какъ тѣни ходятъ по нимъ часовые и служителя. Вокругъ все тихо, мирно. Мы идемъ въ комнату сестеръ милосердія. Многія изъ нихъ уже спятъ. Онѣ нѣсколько сконфужены нашимъ неожиданнымъ появленіемъ.

— Вѣра Дмитріевна, вѣрно, къ своему Герасимову,—говоритъ старушка, новая сестра нашего отдѣленія.—Ничего,—теперь заснулъ; кажется, сталъ поспокойнѣе отъ послѣдняго лекарства.

Я пошла съ нею вмѣстѣ въ палату, гдѣ жили мои трудные. Герасимовъ спалъ, но дышалъ тяжело, и въ его груди точно перекатывалось что-то.

— Температура вечеромъ поднялась 39,5, — сказала мнѣ сестра. — Молока съ сельтерской водой долго не хотѣлъ пить, подъ конецъ съ гримасами выпилъ.

Я постояла надъ больнымъ, дала ему еще пріемъ лекарства и вернулась въ комнату сестеръ милосердія—ожидать возвращенія моихъ спутницъ, которыя отправились обходомъ по всѣмъ палатамъ. Затѣмъ мы вернулись домой.

Прошло еще нѣсколько дней. Герасимову какъ будто становилось полегче. Докторъ тоже признавалъ улучшеніе и совѣтовалъ перевести его въ бараки „Краснаго Креста“, гдѣ воздухъ много лучше, чѣмъ въ нашемъ госпиталѣ.

— А ѣхать онъ еще не скоро можетъ?—спросила я.

— Пожалуй, и ѣхать бы скоро могъ, только не одинъ,—онъ слишкомъ слабъ,—а вотъ еслибы можно было съ нимъ отправить фельдшера или служителя.

— Въ такомъ случаѣ еще лучше—выписать къ нему кого-нибудь изъ его родныхъ.—Когда я сообщила свою мысль Герасимову, онъ ухватился за нее со страстью, всею своею душою. Значитъ, его неотступной мечтѣ суждено осуществиться,—возможенъ возвратъ того счастья, къ которому онъ такъ мучительно стремится!..

Мы вмѣстѣ стали разсчитывать, что̀ это можетъ стоить, и я обѣщала въ тотъ же вечеръ написать его отцу, и на другое утро привезти прочитать ему свое письмо.

Но въ столь важномъ вопросѣ онъ недостаточно довѣрялъ даже и мнѣ. Онъ думалъ, что какія-нибудь сторонніе соображенія могутъ меня сбить и заставить написать не такъ, какъ бы написалъ онъ самъ.

Поздно вечеромъ призвалъ онъ къ себѣ писаря (тоже изъ больныхъ) и поручилъ ему написать письмо, въ которомъ бы въ точности были выражены всѣ его желанія.

Утромъ я привезла свое письмо, не подозрѣвая, что онъ написалъ другое. Онъ внимательно прослушалъ его. Когда я кончила, онъ былъ растроганъ.

— Матушка, это вы не хуже моего написали,—сказалъ онъ мнѣ ласково, и подалъ письмо, написанное ночью подъ его диктовку.

Изъ его письма я узнала, что у него осталась невѣста въ деревнѣ,—онъ слалъ ей поклонъ и просилъ ждать его.

Писарь, писавшій ему письмо, игравшій въ госпиталѣ роль человѣка цивилизованнаго, понимающаго обхожденіе и знающаго много такого, о чемъ здѣсь, въ такомъ необразованномъ обществѣ, и разговаривать нельзя,—отозвалъ меня и таинственно сообщилъ мнѣ, что у Герасимова на сердцѣ кручина,—что тутъ лекарства не въ силахъ помочь, что надо бы найти такого знающаго человѣка, а то онъ изведется совсѣмъ...

— Нѣтъ, докторъ говоритъ, что ему лучше, — перебила я его сообщенія.

Но это „лучше“ продолжалось недолго.

Вскорѣ наступило ухудшеніе. Предсѣдательница нашего кружка энергически принялась хлопотать о немъ и получила разрѣшеніе отъ военныхъ властей перевести его въ „Красный Крестъ“.

Генералъ К. самъ привезъ это разрѣшеніе. Когда генералъ подошелъ къ нему и сказалъ, что его переведутъ въ госпиталь „Краснаго Креста“, Герасимовъ, вмѣсто того, чтобы благодарить, высказалъ и ему свою задушевную мечту:—Мнѣ бы въ мой уиздъ, ваше превосходительство! — влюбленными глазами смотря на генерала и пытаясь поймать его руку, проговорилъ онъ.

Я пріѣхала за нимъ въ каретѣ, закутала его и повезла въ одинъ изъ бараковъ „Краснаго Креста“. Герасимовъ не зналъ, что я оставлю его тамъ и уѣду, и долго не хотѣлъ этому вѣрить.

Чуждо и непривѣтно показалось ему въ этомъ новомъ помѣщеніи. Лазаретъ былъ хорошъ и воздухъ въ немъ легкій, но сестра милосердія, завѣдующая этимъ отдѣленіемъ, встрѣтила насъ непривѣтливо, недовольная, что привезли труднаго больного.

— У насъ все выздоравливающіе, а тутъ ишь какого привезли,—на ладанъ дышетъ!—грубо и рѣзко говорила она фельдшеру, который, глядя на Герасимова, тоже неодобрительно качалъ головой.

Я подала имъ бумагу, гдѣ было предписаніе принять моего больного и помѣстить его въ отдѣльную комнату.

Когда они вышли, Герасимовъ сталъ просить меня взять его съ собою обратно или хоть первый день остаться съ нимъ. Но ни того, ни другого нельзя было исполнить. Я старалась успокоить его, какъ могла, и обѣщала ему завтра же заѣхать посмотрѣть, хорошо ли ему и хорошо ли съ нимъ обходятся.

Потомъ пошла переговорить съ сестрою. Послѣ прочтенія бумаги, она значительно смягчилась. Я спросила ея имя. Ее звали Кр—и.

Когда я стала прощаться съ Герасимовымъ, онъ горько плакалъ, припалъ губами къ моей рукѣ и долго не могъ оторваться. Наконецъ, мы разстались.

Вскорѣ пріѣхалъ къ нему его отецъ. Когда я въ первый разъ увидала ихъ вмѣстѣ, они оба стали умолять меня отпустить ихъ въ ихъ уѣздъ. Былъ конецъ января, стояли упорные морозы.

— Подожди немного, пусть потеплѣетъ,—говорила я.—Ужъ теперь тебѣ недолго ждать, и отецъ твой съ тобою. А ты, старикъ, не смущай сына, дай ему въ силу войти, тогда и поѣдете...

Услыхавъ это, молодой человѣкъ опять заметался, опять затосковалъ.

Но силамъ его не суждено было возстановиться. Онъ промаялся и протосковалъ до самаго марта мѣсяца.

Въ началѣ марта, съ первымъ дуновеніемъ весны, прекратилась его тоска по своему „уизду“.

XV.

Въ той палатѣ, гдѣ прежде лежалъ Герасимовъ, было еще трое трудныхъ.

Одинъ изъ нихъ, Емельяновъ, весь заплывшій водянкой, уже не могъ лежать и бо́льшую часть времени дремалъ, сидя на деревянномъ табуретѣ, склонивъ отяжелѣвшую голову на столъ или на соло́менную подушку, которая немногимъ была мягче стола.

Это былъ чисто русскій типъ; въ выраженіи его лица было что-то покорное, безотрадное; онъ, на дняхъ, причастился и теперь спокойно и терпѣливо ожидалъ конца своимъ страданіямъ. Онъ чувствовалъ, какъ онъ въ тягость другимъ (его надо было поворачивать, сажать, класть на койку), и ему какъ будто было совѣстно, что онъ до сихъ поръ еще не могъ убраться, — на этомъ жалкомъ, некрасивомъ, плоскомъ лицѣ было выраженіе виновности, отъ которой сжималось сердце.

— Вотъ все еще смерти-то на меня нѣтъ, — едва внятно своими распухшими губами извинялся онъ.

Д-ръ Г—въ занялся имъ и предписалъ энергическое леченіе. Ежедневно ванны, молоко съ коньякомъ, по шести стакановъ въ день, крымское вино, хорошее питаніе.

Черезъ семь недѣль мы отпустили человѣка здоровымъ, выхлопотавъ ему годовую побывку на родину.

Рядомъ съ Емельяновымъ лежалъ другой водяночный—латышъ Гансъ Накуръ,—совсѣмъ безгласный и безсловесный,—онъ едва понималъ по-русски, а его и совсѣмъ нельзя было понять. Онъ тоже поправился и вернулся въ армію. Латыши такъ бѣдны, что рѣдкій стремится домой. У нихъ нѣтъ той любви и того страстнаго желанія вернуться на родину,—той любви къ избѣ, землѣ, хозяйству, какъ у русскихъ солдатъ.

Подлѣ Ганса на сосѣднюю койку помѣстили вновь прибывшаго съ послѣднимъ транспортомъ молодого солдатика, до того исхудавшаго и ослабѣвшаго, что первые дни онъ лежалъ молча

и почти безъ движенія. Врачъ, занимавшійся въ это время въ моемъ отдѣленіи, человѣкъ крайне тупой и невнимательный къ больнымъ, не обратилъ на него особаго вниманія.

— Что у тебя?—спросилъ онъ вяло, какъ и все дѣлалъ, при первомъ осмотрѣ.

— Да ужъ третій мѣсяцъ внутренность вся потревожена. Всю я ее слышу. Я—направо, и она направо, я—налѣво, и она налѣво,—такъ и перекатывается,—медленно и удивленно говорилъ молодой человѣкъ доктору.

Докторъ засмѣялся.

— Вотъ какъ!—сказалъ онъ, обращаясь ко мнѣ:—какія у нихъ иногда оригинальныя выраженія!

„Dissenteria“,—написали надъ изголовьемъ больного, и докторъ прошелъ далѣе.

Опредѣленіе его, однако, оказалось невѣрнымъ. Въ первое же посѣщеніе гр. П — ой и доктора Г — ва я попросила его посмотрѣть моего юношу и опредѣлить, что у него и чѣмъ бы можно было ему помочь. Въ это время, изъ разспросовъ, я уже знала, что онъ надорвался, поднимая лафетъ, завязшій въ грязи, и съ тѣхъ поръ и сдѣлалось постоянное ослабленіе, которое въ концѣ изнурило его.

Я разговорилась съ юношей, насколько это было возможно. Онъ не былъ словоохотливъ, да къ тому же уставалъ очень скоро и запыхивался. Звали его Александръ Ситовъ, изъ новобранцевъ. Дома у него остались сироты, о которыхъ онъ очень горевалъ, сестрёнка да братъ малолѣтній.

— Чай, по міру ходятъ теперь,—сообщилъ онъ.

Когда онъ прибылъ въ госпиталь, при немъ не было ни сумки, ни узла какого; на тѣлѣ полу-истлѣвшая рубаха да шинель солдатская—вотъ что составляло его пожитки, которые отправили на сбереженіе въ цейхгаузъ.

Вскорѣ ему стало лучше. Онъ окрѣпъ и сталъ бродить по палатѣ. Съ бандажомъ ему не было больно ходить.

Онъ хотя и много молчалъ, но за всѣмъ наблюдалъ и слѣдилъ, и ему видимо любопытно было все то, что съ нимъ дѣлаютъ, и всѣ приспособленія, которыя употребляютъ для его облегченія. Я привезла ему, пока еще онъ не могъ ходить, гуттаперчевое кольцо. У него начинали дѣлаться пролежни. Онъ долго разсматривалъ, видимо дивясь хитрости человѣческой,—которой онъ самъ былъ полное отрицаніе. На другой день я подошла къ нему и узнала, что онъ опять лежитъ на тюфякѣ, безъ гуттаперчеваго кольца.

— Гдѣ твоя подушка, Ситовъ?

— Подушка,—какая подушка?

— Подушка круглая, которую тебѣ подъ бокъ подкладываютъ.

— Тако кольцо, въ которо духъ пущаютъ?

— Ну, да.

— Я его сестрѣ отдалъ (т.-е. сестрѣ милосердія); да на что оно мнѣ? Ночью-то какъ напугался я за него!

Я ничего не понимала.

— Утромъ-то проснулся,—подушки-то подъ собою и не слышу. Куда-жъ это, думаю, она дѣвалась,—кому понадобилась? И такое это меня сумлѣніе взяло: неужто, думаю, я со сна-то и не разслыхалъ, какъ ее изъ-подъ меня тащили. Сталъ я это подъ собою щупать, слышу—она тутъ. Какъ вытащилъ, смотрю, а она такая плоская стала да ровненькая, почитай что одни рубчики отъ нея и остались.

Я засмѣялась этой исторіи.

Александръ Ситовъ, думая, что я смѣюсь потому, что не вѣрю такому неестественному событію, сталъ пояснять:

— Вѣдь она духомъ держится, — сестрица вчера въ нее приказывала фершалу духъ напущать,—а какъ духъ-то выйдетъ, отъ нея ничего и не останется, только рубчики одни.

Дѣло было въ томъ, что онъ изъ любознательности вертѣлъ все кранъ, отвертѣлъ его, воздухъ и вышелъ. Онъ испугался и сбылъ ее сестрѣ.

Пріѣхала однажды гр. П—а. У меня въ это время случился очень неизящный поступокъ сестры, а такъ какъ гр. П—а завѣдывала сестрами милосердія военныхъ госпиталей, то я и обратилась къ ней за внушеніемъ. Пока разбиралось дѣло сестры, у окна палаты, чтобы больные не могли понять, Александръ добрелъ до насъ и сѣлъ на сосѣднюю койку. Когда сестра милосердія ушла, мы еще остались и говорили о дѣлахъ. Александръ всталъ, сѣлъ подлѣ насъ на окно; какъ только мы смолкли, онъ и дернулъ гр. П—у за рукавъ.

— Что тебѣ надо?—спросила она его.

— Да у меня вещи всѣ мои пропали, такъ ихъ бы разыскать, сестрица.

— Гдѣ же онѣ у тебя пропали,—здѣсь, въ госпиталѣ?

— Нѣтъ, зачѣмъ въ госпиталѣ, — не торопясь, говорилъ онъ:—на вокзалѣ пропали,—да онѣ не пропали, онѣ у товарища, хорошій такой товарищъ мнѣ попался, онъ не утаитъ,—все отдастъ,—такъ мнѣ бы товарища-то разыскать.

— Да гдѣ же онъ остался, товарищъ-то твой?

— Да на вокзалѣ,—мы какъ пріѣхали ночью, темень такая, хошь глазъ выколи,—погнали насъ это изъ вагоновъ, а у меня торбочка-то порядочная была; товарищъ и пожалѣлъ, видитъ, что я и самого себя-то едва волочу,—пожалѣлъ да и говоритъ: „ты мнѣ торбочку-то отдай, я понесу“. Я и говорю, спасибо,—да и отдалъ. Погнали насъ это изъ вокзалу, стали на коляски сажать, и меня посадили, смотрю, а товарища-то и нѣту,—другого, значитъ, около меня посадили. Въ госпиталь пріѣхали—и тутъ товарища нѣтъ,—такъ и не видалъ его съ тѣхъ поръ. Вѣрно, что либо на вокзалѣ остался, либо въ другой какой гошпиталь свезли. Такъ ужъ вы, сестрица, потрудитесь вещи-то мои поискать, онъ отдастъ—хорошій товарищъ такой,—мы дорогой-то все промежду себя дѣлили.

— Да какъ имя твоего товарища и въ какой же госпиталь его свезли?

— Зовутъ-то, вотъ имя-то его я и не спросилъ что-то: все „землякъ“ да „землякъ“.

Графиня П—а дернула плечами: она, такая быстрая и нетерпѣливая, съ усиліемъ выслушивала эту медленную, длинную рѣчь, не приведшую ни къ какому результату.

— Такъ какъ же мнѣ разыскивать-то ихъ?—съ вопросомъ обратилась она ко мнѣ.

Я въ первый разъ слышала эту исторію, и ничего не могла подсказать.

Но Александръ и тутъ зналъ совѣтъ.

— У меня вещи-то всѣ замѣчены,—на рубахѣ написи: Ситовъ, и фуфайка така хорошая,—а ужъ пуще всего мнѣ сапогъ жаль,—сапоги-то новы. А вамъ какъ вещи-то принесутъ, вы голенища отворотите, а тамъ написано: „Александръ Ситовъ“. Вы ахъ мнѣ и привезите.

П—а посмотрѣла на меня:

— Поищу, только наврядъ-ли найду.

— Онъ отдастъ, онъ не запрется, хорошій такой товарищъ попался,—все повторялъ Александръ, точно облегчалъ этимъ задачу.

Мы успокоили его и сговорились съ гр. П—ой припасти ему то, что онъ потерялъ.

Я знала, какой онъ крайне бѣдный. Но меня очень удивило, что, бывши со мной въ такой дружбѣ и короткости, ему пришла мысль обратиться съ своей нелѣпой просьбой къ гр. П—ой, которую онъ видѣлъ всего второй разъ.

— Александръ, что это тебѣ вздумалось эту сестрицу про-

сить разыскивать твои вещи,—отчего же ты мнѣ никогда не говорилъ прежде, что у тебя такая пропажа?—Мнѣ интересно было знать самый процессъ этой выдумки и выходки.

— А какъ же можно,—своимъ ровнымъ, медленнымъ говоромъ сказалъ онъ:—куда же бы это я сталъ васъ-то посылать? Вы должны около насъ находиться. А та—проѣзжая; пущай поищетъ.

Разсужденіе правильное.

— Ну, коли такъ, и дѣйствительно,—пущай поищетъ.

Какъ-то разъ пріѣзжаю я утромъ въ Башню, сестра милосердія встрѣчаетъ меня словами:

— А нашъ Ситовъ-то что вчера сдѣлалъ!

— Что такое?

— Емельянова-то мы какъ вынули изъ ваины,—такъ ему хорошо было, ужъ такъ онъ меня благодарилъ,—разсказывала словоохотливая старушка-сестрица:—вынули мы его, завернули, дала я ему молока съ коньякомъ, потомъ напоила чаемъ,—ужъ въ это время за-одно и всѣхъ мы чаемъ поимъ,—а ванну оставили въ палатѣ, служителя говорятъ: „вечеромъ вынесемъ“. Напоила я ихъ и ушла къ намъ въ комнату, сама чаю напиться. Пью себѣ чай, ни о чемъ это не думаю, такъ себѣ спокойно,—вдругъ бѣжитъ фельдшеръ: „Сестрица, сестрица, это вы позволили Ситову въ ванну сѣсть?“

— Какъ въ ванну?

— Да онъ въ ваннѣ сидитъ.

Я вскочила, бѣгу,—сидитъ и улыбается мнѣ—въ холодной-то ваннѣ, изъ которой Емельянова вынули! Я такъ и ахнула. Ну его оттуда тащить,—укрыла его, еще разъ чаемъ напоила, ужъ своего ему принесла,—и въ такомъ я это страхѣ ночь провела,—но, кажется, слава Богу, ничего. Ну, кто бы это могъ про него подумать,—такой смирный, безотвѣтный! А тутъ вдругъ вѣдь вотъ какую штуку выдумалъ!

Я пошла къ Ситову.

Онъ сидѣлъ на своей койкѣ съ тѣмъ же невозмутимымъ выраженіемъ въ лицѣ.

— Что это ты вчера надѣлалъ?—сказала я строго:—кто тебѣ позволилъ въ ванну влѣзть? Развѣ ты можешь тутъ самъ распоряжаться?

Онъ смотрѣлъ на меня удивленно.

— Зачѣмъ ты влѣзъ вчера въ ванну?

— Да я, сестрица, сначала-то хотѣлъ обмыться маленько; а потомъ, Емельянова посадили,—ужъ очень, говоритъ, хорошо,—

сидитъ и все хвалитъ, что ужъ очень хорошо. Я и думаю себѣ: давай-ка, говорю, и я влѣзу, посижу. Какъ фершалъ-то и милосердна сестра ушли, я и влѣзъ въ эту въ ванную-то.

— Очень ужъ ты неумно подумалъ! Вотъ вы какіе люди:— за вами ходишь, ходишь, бережешь, бережешь, а вы сразу готовы себя уходить. Сами себѣ враги. Я очень тобою недовольна.

Прочіе больные тоже очень не одобряли его. А онъ сидѣлъ, моргалъ глазами и слушалъ, съ сожалѣніемъ и сочувствіемъ смотря на меня.—Ишь, сколько словъ на меня тратитъ!—видимо соображалъ онъ и жалѣлъ меня.

Ему стало хуже, и много труда стоило его опять поставить на ноги.

Онъ какъ будто часто самъ не сознавалъ вполнѣ своихъ поступковъ,—его мозгъ работалъ особеннымъ, упрощеннымъ способомъ, который мѣшалъ ему обнять предметъ даже съ двухъ сторонъ. Но въ этомъ упрощенномъ, наивномъ способѣ мышленія было что-то жалкое, что̀ и привязывало къ нему. Однако, намъ удалось его возстановить. Зато и надоѣдала же я ему иногда своей воркотней. Я знала, что всякая неосторожность могла повести за собою мучительный конецъ. А онъ, бывало, слушаетъ, и ему совѣстно становится, что мнѣ приходится тратить на него такъ много словъ.

Ко времени его отъѣзда изъ госпиталя ему былъ приготовленъ полный комплектъ бѣлья и теплыхъ вещей подъ мундиръ, сапоги, теплая шапка. Когда одѣвали его, мы по нѣскольку разъ повторили, что эти вещи—его собственныя, не казенныя,— какъ будто бы онъ ихъ купилъ. Онъ понялъ, благодарилъ и былъ очень доволенъ.

Отправили его. Я его просила написать мнѣ изъ слѣдующаго госпиталя о томъ, какъ онъ будетъ поправляться, и отпустятъ ли его на родину.

— Хорошо, сестрица, хорошо, ужъ будьте спокойны, напишу. Скоро напишу. Вѣдь я маленько писать-то умѣю.

Такъ мы разстались съ нимъ.

Дѣйствительно, дней черезъ десять или около того, получаю письмо, безъ подписи, безъ имени,—но задумываться и гадать было нечего,—содержаніе говорило само за себя, выдавало автора.

„Уведомляю я васъ, вера Дмитревна, я получилъ вещы, все которые вы послали покорнешо васъ Благодарю на вашихъ подаркахъ и кланеюсъ вамъ въ ноги И молю вамъ отъ Бога добраго здравія и всякаго Благополучія изделахъ вашихъ скораго

и щесливаго Успеха и сегда я за васъ буду молитъ Бога ещо я васъ благодарю за вашо Матернино неостаніе и милосердіе. Ещо я васъ уведомляю ехали мы исКйева на хозясьственномъ поезде Сестра милосердія и дохторъ отобрали у меня шерстяную рубашку и чулки иваленые сапоги, которую вы подарили. А оне говорятъ казенные такъ я прошу васъ съ ездите на вокзалъ и спросите куды они ихъ девали будте милостивы и такъ добры есле запрутся такъ имъ худо будетъ, они присмотрителе взяли, есъ получите такъ буте добры нелзяле переслатъ какъ небутъ, буте место матери родныя и отъ пишите пожалуста што они говорятъ есле будите писатъ пишите ворелъ въ дорянско гошпиталъ".

На этотъ разъ мы послали вновь собранныя для него вещи уже не ему на руки, а на имя старшей сестры орловскаго дворянскаго госпиталя, съ просьбою передать больному Александру Ситову и съ поясненіемъ, что̀ это за человѣкъ.

Онъ отвѣчалъ благодарственнымъ письмомъ, и затѣмъ еще разъ черезъ сестру милосердія писалъ, что отправляется на родину на поправку.

* * *

По полямъ, лугамъ
Туманъ стелется,
Своимъ горемъ онъ
Съ ними дѣлится:

Его дѣло, вишь,
Плохо спорится,
Съ буйнымъ вѣтромъ онъ
Вѣчно ссорится.

Нѣтъ отъ буйнаго
Ему моченьки—
Среди бѣла дня,
Въ сумракъ ноченьки.

Лишь съ сырой земли
Онъ поднимется,
Вѣтеръ—тутъ-какъ-тутъ
И накинется.

Зашумитъ, завьетъ,
Въ драку бросится,
По твоимъ кудрямъ
Вихремъ носится.

И летятъ они
Въ разны стороны,
Какъ отъ сокола
Черны вороны.

Мчатся, маятся
Въ вòлнахъ воздуха,
Безъ пристанища
И безъ отдыха.

А поля, луга
Говорятъ въ отвѣтъ:
— Не тужи, туманъ,
Не кручинься, свѣтъ!

Ты всегда для насъ
Вѣрнымъ другомъ былъ,
Своей влагою
Освѣжалъ, поилъ.

Если хочешь ты
Насъ послушаться,—
Тебѣ нечего
Съ вѣтромъ путаться.

Поднимись съ земли,
Забирайся въ высь,
Тучей черною
Въ небесахъ пройдись;

Громомъ, молніей
Прошуми ты тамъ,
Частымъ дождикомъ
Воротися къ намъ!

Все наладится,
Только будь уменъ,—
Покажи врагу,
Что и ты силенъ...

И умолкнетъ онъ,
Успокоится,
Предъ тобой, туманъ,
Земно склонится.

Влад. Марковъ.

НОВЫЕ СРУБЫ

— La charpente, par J. Rosny. Романъ изъ современныхъ нравовъ.

Окончаніе.

VIII *).

Между тѣмъ, элегантныя пріемныя и роскошные залы m-me Библѐ наполнились гостями. Кромѣ общества, обѣдавшаго недавно въ Нанкурѣ, появились здѣсь новые представители блестящей аристократіи, полу-аристократіи, породнившейся съ банкирскими семьями, и богачей изъ крупной буржуазіи въ родѣ самихъ хозяевъ и Леберановъ. Пріѣхали потомки древнѣйшей знати во Франціи, Кальяръ-Башò и герцогъ де-Латорель, братъ графа, молодящійся и подкрашенный господинъ, много пожившій на своемъ вѣку; онъ весь былъ поглощенъ интересной бесѣдой съ финансистомъ-аристократомъ, Гарклѐ де-Савиньи, сыномъ и мужемъ женщинъ израильскаго происхожденія, раскрывавшимъ передъ нимъ легкую перспективу громаднаго богатства путемъ какой-то остроумной операціи. Его дочь, надменная Бланшъ де-Латорель, держится лишь общества де-Розбеллей, Кальяръ-Башò и другихъ представителей благороднѣйшихъ родовъ Франціи.

Рядомъ съ братомъ графъ де-Латорель поражаетъ своей тѣлесной крѣпостью, умнымъ и сосредоточеннымъ выраженіемъ лица. Нѣкогда, въ молодые годы, онъ страстно рванулся къ той настоящей жизни, которую переполняетъ борьба, движеніе и

*) См. выше: февраль, 733 стр.

трудъ. Онъ пожелалъ вкусить отъ древа знанія внѣ своего заколдованнаго круга; но онъ все-таки вернулся въ этотъ міръ послѣ продолжительной борьбы и колебаній, побѣжденный силою своего имени, богатства и привычекъ. Онъ не лишился, однакожъ, нѣкотораго свободомыслія и благородства стремленій, хотя въ общемъ его настроеніи проглядывала удрученность пойманной птицы.

Къ самому наступленію праздника общество становится еще болѣе смѣшаннымъ. Являются даже журналисты и репортеры аристократическихъ органовъ, финансисты и высшая бюрократія.

Отецъ Ларю даетъ знакъ молчанія и нѣсколькими фразами извѣщаетъ общество, что церемонія немедленно начнется. Затѣмъ онъ приглашаетъ слѣдовать за собой.

Тѣнистою аллеей, сверкающей густыми блёстками солнечныхъ просвѣтовъ, пышный кортежъ подвигается къ павильону съ громаднымъ заломъ, декорированнымъ голубымъ бархатомъ, коврами и растеніями. Роскошная эстрада утопаетъ въ цвѣтахъ, на столахъ приготовлены наградныя книги.

Эстрада и остальной залъ—два полюса различныхъ міровъ. Бѣлые ряды дѣтей и ихъ бѣдно одѣтыхъ родственниковъ смущенно разглядываютъ блестящихъ гостей на возвышеніи. Они чувствуютъ неловкость и униженіе, сравнивая вульгарность своихъ привычекъ и манеръ, одежды и рѣчи — съ гордою прелестью осанки, изяществомъ движеній и словъ, утонченною роскошью туалетовъ этихъ счастливыхъ избранниковъ. Богачи же взираютъ на нихъ съ искусно подавляемою кичливостью и презрѣніемъ—и даже съ нѣкоторымъ чувствомъ состраданія къ подобному существованію.

Библё слѣдовало бы произнести рѣчь; но такъ какъ онъ совершенно лишенъ способности говорить публично, то его замѣняетъ его помощникъ въ мэріи, Семэ.

Панегирическое восхваленіе благодѣтельнаго семейства Библё, щедро осыпающаго своими дарами опекаемыхъ дѣтей, и призывъ этихъ послѣднихъ къ умиленной пожизненной благодарности переполняетъ это витіеватое обращеніе. Какой-то бодрящей, возстановляющей попранное человѣческое достоинство, кажется въ сравненіи съ нимъ рѣчь священника, низводящая богачей на равную ступень съ бѣдными.

Отецъ Ларю, — бѣдный и скромный служитель церкви, — знаетъ силу очарованія своихъ словъ и святой пѣсни, заключающей ихъ:

Je suis chrétien—
Voilà ma gloire!

Бѣлыя дѣвочки сохранятъ навсегда воспоминаніе объ этой церемоніи, о снѣжной бѣлизнѣ ихъ платьевъ и чудномъ звукѣ словъ, уносящемъ ихъ высоко къ божественному, вѣчному и чистому, объ экстатическомъ восторгѣ, граничащемъ съ необъемлемой любовной страстью... А такъ какъ имъ не вкусить сладостныхъ волненій любви въ объятьяхъ грубыхъ мужчинъ, предназначенныхъ имъ въ мужья, то естественно, что всѣ божественныя упоенія, всѣ экстазы — онѣ перенесутъ на церковь, единственную поэзію, ласку и утѣшеніе ихъ жалкаго существованія. И лучшія ихъ слезы прольются при видѣ бѣлыхъ дѣвочекъ религіозныхъ процессій, причастія, школьныхъ наградъ — и вѣнчанія.

„Какъ превосходно постигъ роль церкви Шатобріанъ, — подумалъ про себя Дюгамель, — и какъ могущественно его истолкованіе духа христіанства въ сравненіи съ теологическимъ!..“

Послѣ раздачи наградъ и блестяще сыгранной пьесы на роялѣ, при радостно-возбужденномъ движеніи вновь усаживающихся дѣтей, — занавѣсъ взвился, и начался спектакль, къ искреннему удовольствію великосвѣтскихъ зрителей, жаждавшихъ успокоить свои нервы, нѣсколько раздраженные предшествовавшими моментами торжества.

Къ пяти часамъ все было кончено, и дѣти расположились за длинными столами на лужайкѣ, въ тѣни деревьевъ; тамъ, быть можетъ, въ первый и послѣдній разъ въ жизни, имъ разносили кушанья величественные лакеи въ бѣлыхъ перчаткахъ.

Нѣсколько поодаль блестящимъ гостямъ Библѣ былъ предложенъ изысканный лѣнчъ въ очаровательномъ уголку парка. Общество между тѣмъ распалось на отдѣльныя группы и даже пары, въ зависимости отъ побужденій флирта. Маркизъ д'Эскруа не могъ избѣжать м-мъ Дюгамель, хотя его сильно влекло къ Алисѣ, Алиса — Жюля де-Берикъ, Дюгамель — графини де-Ребель. Какая-то упоительная атмосфера распространялась отъ этого разнообразія легкихъ, пріятныхъ впечатлѣній дня, отъ красоты обнявшихся съ солнцемъ деревьевъ.

Д'Эскруа, ухаживая за м-мъ Дюгамель, нравящейся ему граціозной новизной буржуазнаго опьянѣнія большимъ свѣтомъ, слѣдитъ между тѣмъ за Алисой. Она больно затронула его самолюбіе, еще болѣе въ немъ развитое, чѣмъ чувственность. Онъ мечтаетъ о томъ, чтобы вскружить ей голову — и затѣмъ презрительно оттолкнуть ее. Но кому же не извѣстно, что подобные по-

рывы свидѣтельствуютъ о собственномъ безсиліи и бываютъ даже источникомъ самыхъ неистовыхъ и упрямыхъ страстей?.. По отношенію къ этой странной дѣвушкѣ съ ироническими губками, поклоняющейся, повидимому, лишь одному Дюгамелю, маркизъ вдругъ почувствовалъ себя скромнымъ конторщикомъ, какимъ онъ былъ въ молодости. Онъ самъ былъ пораженъ этой неожиданностью, приписывая ее, не безъ нѣкотораго основанія, несчастнымъ годамъ своей бѣдности, когда онъ принужденъ былъ унижаться.

„Я навсегда сохраню ненавистное клеймо тѣхъ дней, — думалъ онъ.—Достаточно было нѣсколькихъ доктринерскихъ споровъ, чтобы пробудить во мнѣ глупое безпокойство и показаться смѣшнымъ въ глазахъ какой-нибудь педантичной дѣвчонки или человѣка въ родѣ Дюгамеля!“

Между тѣмъ Алиса выслушивала съ угнетеннымъ видомъ жалкую болтовню де-Берика, эту путаницу фанатическаго изувѣрства, понятій и стремленій, гдѣ во имя священныхъ лозунговъ искажаются самыя примитивныя понятія нравственности и гуманизма. И этотъ затуманенный умъ, близкій къ фанатическому сумасшествію, считается совершенно нормальнымъ и даже примѣрнымъ, такъ какъ онъ строго подчиняется извѣстной общественной категоріи!

Печальное раздумье овладѣваетъ Алисой,—и, созерцая волшебныя лужайки, деревья, блистающую лазурь небесъ, она внутренно восклицаетъ:

„Неужели же эти деревья, это солнце и кружевныя травы, поющая, ликующая и вдохновенная природа — вся эта великолѣпная жизнь раскрываетъ свои чары лишь только для того, чтобы какой-то жалкій безумецъ изливалъ передо мной свои безсмысленныя и безполезныя волненія? О, еслибы я могла въ эту минуту держать въ своихъ рукахъ руку *его*, моего милаго, котораго я такъ люблю, котораго теперь уже я и могу, и должна любить... Если бы я могла вслушиваться въ его чудныя рѣчи, вмѣсто какой-то м-мъ де-Ребелль,—рѣчи, въ которыхъ жизнь переливается и блеститъ, какъ этотъ паркъ подъ солнечными лучами“...

Между тѣмъ де-Берикъ становился все нѣжнѣе и нѣжнѣе.

— О, какъ я счастливъ, м-ль, что вы принадлежите къ старинному роду чистѣйшей крови! Матушка мнѣ много разсказывала о Нормануарахъ де-Тюнъ, которыхъ она прекрасно знала. Графъ Тюнъ даже нашъ дальній родственникъ. Немножко вашей крови течетъ въ моихъ жилахъ.

Алиса сдѣлала невольное движеніе отвращенія.

— Быть можетъ, это вамъ не нравится? А между тѣмъ я не могу болѣе скрывать своихъ чувствъ. Я васъ люблю... Я уже открылся своей матери, и она мнѣ сказала: „Какъ я счастлива, Жюль, что, при твоемъ увлекающемся характерѣ, ты полюбилъ дѣвушку изъ такой благородной фамиліи"!

— Я вѣдь, бѣдна, — сказала Алиса, надѣясь на его жадность.

— Я благословляю эту бѣдность, если она составляетъ единственное препятствіе.

— Нѣтъ,—отвѣчала съ гордостью Алиса.—Я не выйду замужъ за аристократа. Я не хочу краснѣть за такого мужа, который бы кичился какими-либо преимуществами, кромѣ своихъ личныхъ достоинствъ. И никогда не приняла бы я такого предложенія, котораго необходимымъ условіемъ является такъ называемая чистота крови.

Она умышленно умолчала о своей помолвкѣ съ Бизэ.

— Итакъ, — вскричалъ де-Берикъ мелодраматическимъ тономъ,—вы хотите мезальянса?!

— Именно,—подтвердила она.

— Но, подумайте, подумайте же, Бога ради! Вы отталкиваете отъ себя счастье, честь основанія новаго рода, богатство!..

Алиса молчала.

— О, отвѣчайте!—умолялъ онъ.

— Вы этого непремѣнно хотите?

— Это приговоръ жизни или смерти!

— Такъ хорошо же. Я нахожу все это унизительнымъ: честь основанія знаменитаго рода, богатство—и все это счастье!

Пораженный и глубоко обиженный, онъ готовъ былъ разразиться какимъ-нибудь грубымъ проклятіемъ, но его удержало спокойное сіяніе прекрасныхъ глазъ, охладившее безумный порывъ.

Въ тѣни деревьевъ, перепутанныхъ тонкими лучами свѣта, какъ золотою паутиной, м-мъ де-Ребелль предается неудержимой жаждѣ признаній. Взволнованнымъ, понизившимся голосомъ, она говоритъ о перемѣнѣ, внесенной въ ея жизнь первой встрѣчей съ Дюгамелемъ, о цѣломъ мірѣ новыхъ идей, потрясающихъ ее съ неизвѣданной силой. Она превозноситъ его справедливость, святое поклоненіе истинѣ—и называетъ его волшебникомъ, обладающимъ таинственнымъ очарованіемъ пророковъ.

Онъ слушаетъ ее съ нескрываемымъ удовольствіемъ. Ему нравится ея несомнѣнная искренность и тонкость пониманія.

Несмотря на традиціонныя условія свѣтской жизни, она съумѣла сохранить самостоятельность и жизнерадостность своей натуры, любовь къ прекрасному—въ этой могилѣ искусства. Ей удалось примирить принадлежность къ своей кастѣ—съ принадлежностью къ своей эпохѣ. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ женщина, способная снова расцвѣсть и отдаться, она страстно увлеклась Дюгамелемъ. И въ этомъ настроеніи она вслушивалась въ каждое его слово, какъ египетскій іудей—въ слова пророка, вѣщавшаго объ обѣтованной землѣ.

— До нашей встрѣчи,—исповѣдывалась она,—я чувствовала себя гораздо счастливѣе и сильнѣе... Я считала себя нѣсколько оригинальнѣе (простите мою откровенность) окружающихъ меня людей, ограниченныхъ въ своихъ побужденіяхъ и мысляхъ, тогда какъ у меня бывали порывы, увлекавшіе меня выше себя самой. При этой могущественной міровой борьбѣ, которую вы раскрываете передъ моими глазами, конечно, такія настроенія кажутся лишь красивыми моментами экзальтаціи и благородной печали,—но все-таки они инстинктивно *вѣрны* въ смыслѣ музыкальнаго аккорда со всѣмъ великимъ и прекраснымъ. Но вы мнѣ повѣдали, что есть такая изощренная и возвышенная мелодія, что бѣдные *мои аккорды* могутъ звучать въ ней жалко и фальшиво. Такъ ли я васъ понимаю?

Она глядѣла на него большими, дѣтски искренними глазами, въ которыхъ пылала безсознательная любовь, губы же ея взволнованно дрожали, какъ у ребенка, готоваго разразиться слезами отъ строгихъ словъ.

Дюгамель видитъ пропасть, въ которую онъ стремится. Но онъ самъ далекъ отъ мимолетной любви безъ будущности; она же слишкомъ умна, чтобы профанировать свою страсть безъ равносильнаго отвѣтнаго чувства.

Сознавая близость этой быстротечной любви, онъ спрашиваетъ себя: не дастъ ли она ему забвенія,—не заглушитъ ли она страданій, вызванныхъ страстью къ Алисѣ? Но быстро находится отвѣтъ, что это не только невозможно, но что оно и не должно быть; что возвышенная печаль отреченія должна торжествовать надъ легкодоступными радостями... И вдругъ такъ ясно, такъ пластично онъ осязаетъ Алису въ своихъ жаркихъ объятіяхъ... его поцѣлуи касаются ея волосъ, глазъ и губъ... Онъ весь блѣднѣетъ подъ впечатлѣніемъ бурно налетѣвшей мечты, выраженіе его лица заставляетъ вздрогнуть м-мъ де-Ребелль. Она становится еще экспансивнѣе; онъ же, испуганный и взволнованный,—все сдержаннѣе.

Хоръ монахинь и дѣтей, разливающійся по широкому воздуху волною торжественнаго пѣнія,—заключаетъ праздникъ бѣдныхъ. Они удаляются. За ними слѣдуютъ менѣе почетные и менѣе значительные гости Библё, и остаются только немногіе, удостоенные приглашенія обѣдать и ночевать въ замкѣ: графиня де-Ребелль, Жюль де-Берикъ, Розбелли, Кальяръ Башò, д'Эскруа, Дюгамели, м-мъ Гюдъ и Алиса, графъ и графиня де-Латорель— и все семейство хозяевъ.

Лужайки и аллеи удерживаютъ всѣхъ въ паркѣ своей сказочной прелестью. Маленькія группы и отдѣльныя пары разсыпаются по тѣнистымъ дорогамъ и дорожкамъ, не теряя, впрочемъ, изъ виду другъ друга.

М-мъ де-Ребелль все еще не разстается съ Дюгамелемъ.

— Я всегда любила красоту, сливающуюся съ молчаніемъ,— говоритъ она, между прочимъ.—Въ такія минуты все вокругъ кажется недвижнымъ, какъ бы магически заколдованнымъ...

Она далѣе развиваетъ свою мысль съ увлеченіемъ; въ одной лишь красотѣ она видитъ конечную цѣль жизни.

— Вы такъ говорите лишь потому,—сказалъ Дюгамель,— что вы исходите изъ чисто-аристократическаго типа абстракціи. Красота не есть цѣль, но средство.

— Такъ въ чемъ же заключается цѣль?—спросила она съ нѣкоторымъ разочарованіемъ.

— Цѣль—это превосходство или, если хотите, многосложность, и красота есть не что иное, какъ лучшій путь отъ низшей сложности къ высшей. То, что мы превозносимъ въ произведеніяхъ древности — это не ихъ исчерпанное, законченное творчество, но видимый въ немъ слѣдъ перехода къ высшей творческой организаціи. Уже давно признано, что всѣ натуры, стремящіяся усилій, исключительно преданы тѣмъ путямъ прогрессивнаго движенія, которыя мы называемъ красотой...

— Такъ не естественно ли было бы слѣдовать ихъ примѣру?

— Да, естественно, но вмѣстѣ съ тѣмъ и убійственно... При этомъ терялась бы всякая новизна, источники производительнаго генія, быстроты эволюціонныхъ переходовъ, какъ при ростѣ дерева до опредѣленной только высоты.

— Такъ вы—врагъ красоты?

— Нѣтъ, напротивъ, — но я считаю необходимымъ, чтобы она не устанавливалась въ начертанныхъ границахъ и формахъ, но наоборотъ, была вѣчно подвижною, вѣчно преображающейся. Красота—это мгновеніе... Я признаю эстетику, іерархію въ ступеняхъ красоты, но не абсолютную красоту. Вы хо-

рошо это понимали, говоря о менѣе совершенныхъ формахъ гармоніи, которыя должны преображаться, чтобы быть воспринятыми новыми, болѣе совершенными ея формами.

Она сначала омрачилась, не услышавъ желаннаго отвѣта, оправдывающаго ея надежды,—его такъ легко было связать съ темою разговора. Но послѣдняя фраза Дюгамеля, ясно доказывающая, что онъ придавалъ цѣну ея словамъ, возвратила ей спокойствіе.

И, тихо разговаривая, они подвигались впередъ теперь уже въ совершенномъ уединеніи. Она не отрывала отъ него восторженнаго, влюбленнаго взгляда—и, казалось, готова была въ эту минуту отдать всю жизнь за одно роковое слово,—всю жизнь, лишь бы онъ взялъ ея руку и съ устъ бы его сорвалось порывистое признаніе...

Дюгамель, невольно растроганный прекраснымъ взглядомъ безсознательно молящихъ глазъ и дрожью устъ, горящихъ пламенной лаской,—не могъ, однакоже, забыть о разстояніи отъ этой бурно-налетѣвшей любви до своей собственной—къ Алисѣ. Эта женщина, несмотря ни на что, не измѣнитъ своимъ религіознымъ вѣрованіямъ, своему богатству, своему эгоизму. Конечно, это говоритъ въ ея пользу, что она отдалась бы съ блаженствомъ человѣку, съумѣвшему восторжествовать надъ ней умственно и возбудить ея поклоненіе. Но развѣ это можно сравнить со всестороннею любовью Алисы, исходящею изъ дивной общности ихъ духовной жизни? Пока дѣло не простирается далѣе бесѣдъ изъ сферы легкой философіи, граничащей съ дилетантизмомъ, м-мъ де-Ребелль поддается очарованію, жаждетъ утонченнаго наслажденія—въ изысканной, оригинальной любви; но пусть наступятъ болѣе серьезные моменты испытанія, когда раскрывается вся глубь человѣческаго существа,—и религія, богатство, предразсудки возьмутъ верхъ надъ всѣмъ.

IX.

Между тѣмъ продолжительная бесѣда м-мъ де-Ребелль съ Дюгамелемъ возбудила ревность Библѣ и даже д'Эскруа и Кальяръ-Башò. Графиня возбуждала въ своемъ кругу живѣйшее поклоненіе, становясь мало-по-малу и не безъ борьбы однимъ изъ тѣхъ „типовъ", которыми высшее общество такъ любитъ обзаводиться — типомъ изысканной, интеллигентной „grande dame", царицей салона, блистающей внѣшней и внутренней прелестью. Нѣкто, знающій прекрасно этотъ міръ, такъ о немъ выразился:

— Есть двѣ вещи, которыя они стерегутъ съ дикою ревностью: ихъ женщины и ихъ клубы.

Предпочтеніе, оказанное м-мъ де-Ребелль Дюгамелю, и явное увлеченіе ея этимъ „жалкимъ буржуа", показалось всему обществу въ высшей степени страннымъ и неумѣстнымъ. Жераръ Библѣ, сопровождаемый своею смѣшною женой, рѣшился прервать это интересное tête-à-tête, къ нимъ присоединился д'Эскруа съ неразлучною м-мъ Дюгамель—и вскорѣ вокругъ этой пары сгруппировалось все остальное общество, не исключая задумчивой Алисы. Между тѣмъ Дюгамель продолжалъ развивать свою мысль передъ собесѣдницей, и его голосъ, казавшійся еще болѣе звучнымъ въ тѣни налетающихъ сумерекъ, величественно раздавался вокругъ.

— Ни одно замѣчательное явленіе не исходитъ изъ дилетантизма... Это можетъ казаться жестокимъ,—и я съ грустью сгибаюсь подъ тяжестью этого неумолимаго закона, но все-таки я принужденъ ему подчиниться. Страданіе—это своего рода проблема—и какъ проблема оно безпрестанно расширяется и ростетъ... Оно преображается, но никогда не исчезаетъ... Побѣждать его—настоятельная необходимость и вмѣстѣ съ тѣмъ единственное средство нашего возвеличенія.

— Ваша теорія далеко не утѣшительна, м-сьё Дюгамель,— вмѣшался д'Эскруа нѣсколько дрожащимъ голосомъ и такимъ вызывающимъ тономъ, что всѣ насторожились въ ожиданіи интересной борьбы.

— При чемъ тутъ утѣшеніе?—спросилъ Дюгамель.—Истина будетъ всегда равносильна какъ для тѣхъ, кто передъ ней преклонится, такъ и для тѣхъ, кто ея не захочетъ постичь или признать. Тутъ прежде всего необходимо убѣдиться, что борьба со страданіемъ—непреоборимый законъ нашего совершенствованія. И я сейчасъ говорилъ м-мъ де-Ребелль, что великія души страдаютъ не только личными страданіями, но и чужими, расширяя такимъ образомъ по мѣрѣ силъ роковую задачу своего существованія.

— Такъ вы не любите смѣяться, м-сьё Дюгамель?— спросила насмѣшливо м-мъ Деларбръ.

— Я съ удовольствіемъ смѣюсь,—но, извините, я въ этомъ не вижу ничего общаго съ тѣмъ, что я только-что сказалъ.

— А между тѣмъ,—сказалъ съ оживленіемъ д'Эскруа,—вы проповѣдуете страданіе.

— Я не проповѣдую его, а только констатирую. Я даже не утверждаю, что нужно подчиняться страданію, но полагаю,

напротивъ, что необходимо побѣждать его,—и то, что̀ мы называемъ счастіемъ, и состоитъ въ такой побѣдѣ.

— Къ чему же все это, если я повторю ваши собственныя слова: „страданіе безпрестанно возростаетъ"?

— Я не могу вамъ сказать, къ чему все это, но вѣрно одно, что это не подлежитъ сомнѣнію. Каждый по-своему разрѣшаетъ этотъ вопросъ: или жить и совершенствоваться, страдая; или же мельчать и гибнуть, беззаботно пользуясь легкими наслажденіями жизни.

— Но, дражайшій м-сьё Дюгамель,— вмѣшался иронически старикъ Библё,—можете ли вы мнѣ указать кого-нибудь, кто бы только страдалъ или же только наслаждался?

— Конечно, нѣтъ,—тѣмъ не менѣе, нельзя же отрицать возможности вводить въ жизнь преимущественно извѣстную категорію радостей, какъ и устранять изъ нея извѣстную категорію страданій. Богатый эгоистъ, напримѣръ, можетъ легко избѣгнуть горестей бѣдняка, отказываясь совершенно отъ благородной печали художника и ученаго. Онъ тогда предается наслажденію, но и оно не разъ отъ него ускользаетъ, потому что кругъ его умственныхъ понятій все съуживается, однообразіе несложныхъ радостей быстро его утомляетъ—и пресыщеніе является единственнымъ слѣдствіемъ этого убожества души.

Эти слова были, конечно, слишкомъ рѣзки въ кругу подобныхъ слушателей, но ихъ явная враждебность, насмѣшливый и презрительный тонъ ихъ спора—раздражали Дюгамеля и подталкивали его къ завзятой борьбѣ. Восхищенные взгляды Алисы и м-мъ де-Ребелль взбѣсили д'Эскруа.

— Позвольте,—возразилъ онъ,—я самъ испыталъ бѣдность и прекрасно знаю, что̀ такое благосостояніе. Страданія богатыхъ нисколько не уступаютъ въ силѣ страданіямъ бѣдняковъ; они лишь только утонченнѣе и чище. Не станете же вы считать денегъ единственной причиной сравнительнаго счастія или несчастія!

Всѣ обрадовались, повидимому, побѣдному торжеству этого отвѣта, почувствовавъ себя отомщенными. Д'Эскруа съ самодовольной небрежностью поглаживалъ свои выхоленные усы. Но Дюгамель, далекій отъ всякихъ увертокъ, проникъ въ самую суть вопроса.

— То, что̀ вы называете утонченными чувствами, есть не что̀ иное, какъ чувства, отрѣшенныя отъ соціальной солидарности. Вы ставите себя выше другихъ людей, а слѣдовательно не раздѣляете съ ними—или же раздѣляете минимально—обще-

человѣческіе интересы, какъ нравственные, такъ и матеріальные; не принимаете участія въ общей борьбѣ за эти разнообразные интересы, за самое существованіе нѣкоторыхъ изъ нихъ... Вы ограничиваетесь лишь однимъ кругомъ благородно-изящныхъ мыслей и чувствъ, столь мало общимъ съ общечеловѣческимъ, какъ ваши замки и ваши личности — съ жилищами и личностями остальныхъ людей.

— О, да! вы правы! — воскликнулъ маркизъ. — Конечно, мы вкушаемъ лишь одинъ цвѣтъ возвышеннѣйшихъ чувствъ. Наши печали, отрѣшенныя отъ смѣшанныхъ чувствованій массъ — несравненно изысканнѣе и благороднѣе ихъ. Наша душа — всецѣло принадлежитъ намъ. Мы испытываемъ наши радости и наши печали въ ихъ чистой эссенціи, а не сквозь призму животныхъ заботъ рабочаго или же грубаго ученія Прюдома.

— Но если бо́льшая половина вашей души, и притомъ самая существенная, выросла все-таки изъ общихъ соціально-этическихъ основаній, о которыхъ вы такъ презрительно выражаетесь, то, значитъ, ваше отрѣшеніе отъ остальныхъ людей — есть, вмѣстѣ съ тѣмъ, и ограниченіе вашей личности, вашей интеллектуальной жизни.

Д'Эскруа все болѣе и болѣе раздражался, чувствуя, что почва подъ нимъ колеблется.

— Это ничего не доказываетъ! — защищался онъ. — То, что́ теряется въ количествѣ — выигрывается въ изощреніи.

Дюгамель, по прежнему искренній и сосредоточенный, отвѣчалъ:

— Ваше опредѣленіе можетъ относиться только къ частнымъ случаямъ. Изобиліе и изощренность духовной жизни — это только очередные ея моменты; ни то, ни другое не могли бы существовать въ отдѣльности отъ ея содержанія.

Онъ продолжалъ развивать эту тему, анализируя съ психологической тонкостью разницу въ проявленіяхъ духовной жизни обособленной человѣческой среды и остального человѣчества. Короткія, рѣзкія возраженія маркиза не сбивали его съ пути.

— Характеръ новѣйшихъ мыслей, — говорилъ онъ между прочимъ, — мыслей послѣдней эпохи, составляютъ чрезвычайное богатство ихъ оттѣнковъ, необычайная подвижность и измѣнчивость. Эти-то передовыя, новѣйшія мысли становятся недоступными при недостаточной гибкости и подвижности вѣчно прогрессирующей интеллигенціи — или же для разслабленныхъ старческихъ умовъ... И вотъ, богатые высшіе классы часто упо-

добляются въ этомъ отношеніи отжившимъ людямъ престарѣлаго возраста.

— Да,—сказалъ съ горечью маркизъ,—это вашъ общеизвѣстный пріемъ! Вы насъ всегда изображаете отжившими стариками или же блѣдными жертвами растлѣвающаго порока. Такъ укажите же мнѣ, пожалуйста, представителей этого типа здѣсь, между нами, между тѣми, которыхъ вы здѣсь видите или видѣли! Возьмите, напримѣръ, де-Розбеллей, де-Фитюдо, Кальяръ-Башо, Боржанъ де-Милльё и другихъ; не забудемъ даже о Леберанахъ,—прибавилъ онъ съ невольною улыбкой презрѣнія,—которыхъ вы называете „les grands riches", и теперь скажите сами—не коллекція ли это здоровыхъ и крѣпкихъ людей?

— Это вѣрно,—сказалъ Дюгамель,—что народъ и даже образованная буржуазія склонны матеріализировать ту слабость, которую они предугадываютъ въ аристократіи. Нелѣпо думать, что это непремѣнно должна быть слабость физическая, и даже, быть можетъ, напротивъ—подобная отсталость, инертность духовной жизни, о которой я сейчасъ говорилъ, влечетъ къ источнику первобытной животной силы, чуждой работы умственнаго напряженія и борьбы со страданіемъ.

Разговоръ на мгновеніе прервался. Нервное возбужденіе д'Эскруа возросло до послѣдней степени, между тѣмъ какъ графъ де-Латорель начиналъ страстно интересоваться споромъ.

— Если все то, что вы называете цивилизаціей и прогрессомъ,—воскликнулъ д'Эскруа послѣ нѣкотораго молчанія, презрительнѣе, чѣмъ когда-либо, — воплощается лишь въ рабочемъ, въ этомъ „народѣ", въ новѣйшемъ значеніи этого слова, обезображенномъ, грубомъ, отупѣломъ отъ тяжкаго труда, алкоголя и неразлучнаго съ нимъ порока, то такой прогрессъ не можетъ быть моимъ идеаломъ! Властительная же и самоувѣренная до наглости буржуазія кажется мнѣ несравненно гаже утонченной аристократіи Людовиковъ или же блестящаго феодальнаго рыцарства, подвижного и энергичнаго. Что же вы выиграли въ концѣ концовъ? Лишь одинъ промышленный духъ загрязняетъ общественное тѣло!

Этотъ доводъ показался всѣмъ сторонникамъ маркиза до такой степени неотразимымъ, что они сплотились вокругъ Дюгамеля, въ ожиданіи его отвѣта.

— Мнѣ было бы вполнѣ достаточно возразить вамъ,—началъ Дюгамель,—что пролетаріи среднихъ вѣковъ и древности, сервы или рабы, подчинявшіеся идеалу аристократической организаціи, были поставлены въ гораздо худшія условія, были еще

голоднѣе, еще болѣзненнѣе нашихъ рабочихъ. Но есть еще и другая сторона этого вопроса: народъ не представляетъ собою, какъ вамъ кажется, низшей касты, и онъ не такъ отупѣлъ отъ труда. Общество же не составляетъ организма, въ которомъ рабочій представлялъ бы собою руки и ноги, буржуазія же или аристократія—голову. Это безсмысленное сравненіе не выдерживаетъ критики. Такъ называемый „мозгъ“ человѣчества, ученые, политики, художники, происходятъ почти исключительно изъ буржуазіи, выросшей въ свою очередь изъ народа.

— Но вѣдь вы не можете отрицать, — вмѣшался де-Латорель,—что и аристократія воспринимаетъ свою часть интеллектуальнаго движенія?

— Да, конечно, она воспринимаетъ даже всѣ части цѣльнаго общественнаго организма до извѣстной степени, въ извѣстной мѣрѣ, насколько это ей необходимо,—подъ опредѣленнымъ разъ навсегда угломъ зрѣнія. Когда-то она и сама была живымъ организмомъ; теперь же отъ него остался лишь одинъ остовъ. Въ ней нѣтъ самостоятельной производительности, но только строго ограниченная воспріимчивость.

— Не понимаю,—воскликнулъ злорадно д'Эскруа,—какъ объясните вы совмѣстимость хотя бы ограниченной воспріимчивости со строгой замкнутостью организаціи?

— Я объясню ее съ помощью сравнительной анатоміи,—отвѣчалъ спокойно Дюгамель.

Въ сторонѣ Библѣ раздался смѣхъ. Жераръ вздернулъ плечами, Морисъ состроилъ комически-брезгливую гримасу, м-мъ Деларбръ воскликнула:

— То-есть, какъ же это? Не съ помощью ли искусства выбирать говядину въ мясной лавкѣ?.. Это—урокъ для нашихъ поваровъ, но не для насъ.

М-мъ де-Ребелль, крайне возмущенная этими словами, вспыльчиво отвѣчала:

— М-сьё Дюгамель могъ въ самомъ дѣлѣ легко смѣшать однихъ съ другими!

Эта дерзость заставила Библѣ нѣсколько опомниться и понять себя, тѣмъ болѣе, что графъ де-Латорель прибавилъ съ искреннею привѣтливостью:

— Вы меня чрезвычайно заинтересовали, м-сьё Дюгамель, и я васъ прошу продолжать.

— Съ удовольствіемъ,—отвѣчалъ Дюгамель,—тѣмъ болѣе, что я чувствую большую потребность въ собственномъ поученіи.

Этотъ намекъ неодинаково былъ принятъ всѣми, потому что не всѣ его поняли.

И онъ сталъ объяснять психо-физическія различія высшихъ и низшихъ организмовъ.

— Точно также и въ человѣческой организаціи аристократія составляетъ одну изъ древнѣйшихъ установившихся разновидностей со своими исключительными особенностями; это—законченный организмъ въ цѣломъ ряду новыхъ и новѣйшихъ организмовъ, слегка лишь соприкасающійся съ ними однимъ только внѣшнимъ образомъ.

— Не слѣдуетъ ли изъ этого неизбѣжность жизненной роли аристократіи?—сказалъ де-Латорель.

— Неизбѣжность—нѣтъ, но дѣйствительность—да. Во всякомъ случаѣ, замираніе ея съ каждымъ днемъ передъ новыми силами, въ новомъ эволюціонномъ движеніи—неоспоримо. Она—лишь памятникъ прежней живой силы.

— Однакоже, есть вещи,—возразилъ снова де-Латорель,—къ которымъ вы относитесь слишкомъ легко, слишкомъ, быть можетъ, презрительно, но которыя были, въ теченіе цѣлыхъ вѣковъ, руководящими началами человѣчества. Долгое время феодализмъ и аристократія были поставлены въ трудныя, суровыя условія. Но кто же, кромѣ нихъ, покровительствовалъ искусству и литературѣ?.. Да и кромѣ этой земной организаціи существуетъ еще высшая — дѣятельное Провидѣніе, о которомъ говоритъ Боссюэ,—есть сила самоотверженія, покорности, горячей вѣры, способная возбудить гораздо больше святого энтузіазма, чѣмъ нѣсколько научныхъ формулъ, не проникающихъ въ человѣческое сердце.

— Вы правы; но то же самое могли бы сказать жрецы, раввины и учители церкви—о простотѣ ученія Христова. Точно такъ же могъ бы сказать это и Понтій Пилатъ: любовь къ ближнему и равенство людей казались имъ всѣмъ слишкомъ холодными и простыми формулами, сравнительно съ блестящими латинскими и іудейскими—религіозными и политическими іерархіями.

— Итакъ, по вашему, все, что способно было экзальтировать человѣчество,— было лишь блестящей ложью? Стремленіе нашей души къ идеалу было лишь ея безсмысленнымъ блужданіемъ?

— Нѣтъ, я далеко не склоненъ считать все вызывающее духовную экзальтацію лишь ложью; я уважаю стремленіе нашей души къ идеалу какими бы то ни было путями; но развѣ и вы станете отъ этого худшими христіанами, что ваши предки съ

неменьшимъ рвеніемъ обожали камни и деревья, ваше же религіозное стремленіе соотвѣтствуетъ религіозному культу, воздвигнувшему жестокій, бурный и порочный Олимпъ?.. Одна существенная рознь нашихъ воззрѣній побуждаетъ къ этому спору: вы считаете міръ неподвижнымъ и законченнымъ, я же его считаю относительнымъ и подвижнымъ... Намъ дана книга еще болѣе глубокая и поучительная, чѣмъ Библія—это земная поверхность. Въ ней мы находимъ истину, гарантированную на многіе милліоны лѣтъ: возникновеніе, развитіе и совершенствованіе организмовъ. Я вѣрю въ эту истину и по аналогіи переношу ее на наши общественные организмы. Я констатирую древнія и новыя формаціи,—аристократію я причисляю къ первымъ; буржуазію—къ современнымъ; коллективизмъ, возникающій лишь на нашихъ глазахъ—къ будущимъ.

Между тѣмъ какъ онъ пояснялъ свою теорію смѣлыми положеніями и выводами, иллюстрируя ее историческими фактами,—утомленіе и скука все болѣе и болѣе овладѣвали группой людей, не привыкшихъ къ головоломнымъ спорамъ философскаго характера. Они находили, что, обладая милліонами, можно освободиться отъ подобныхъ скучныхъ загадокъ. Кромѣ д'Эскруа, Латорелля и графини де-Ребелль, возбужденныхъ споромъ, только м-мъ Делафонъ и Алиса слушали его съ интересомъ,—всѣ же другіе нетерпѣливо ждали его окончанія. Упрямое отстаиваніе своихъ мнѣній д'Эскруа и де-Латорелемъ казалось имъ крайне неумѣстнымъ и дурного тона. Но Библѣ было неловко пріостановить эту борьбу,—всѣ же другіе не рѣшались уйти первыми.

Въ связи съ однимъ изъ замѣчаній Дюгамеля о роли рабочихъ классовъ въ новѣйшемъ прогрессивномъ движеніи м-мъ де-Ребелль вставляетъ свое слово:

— Я не постигаю, какъ вы можете превозносить столько прекрасныхъ сторонъ въ рабочемъ... Въ самомъ ли дѣлѣ онъ можетъ выдержать сравненіе съ художникомъ или ученымъ, не говоря уже о богатыхъ классахъ?.. Простолюдинъ казался мнѣ всегда очень грубымъ и даже, простите за выраженіе, очень глупымъ.

— Это лишь оттого, что вы придаете значеніе только исключительнымъ, такъ называемымъ отвлеченнымъ качествамъ. Народъ на различныхъ ступеняхъ своего развитія обогащаетъ насъ экспериментальнымъ знаніемъ, непосредственнымъ и простымъ. Его массовый трудъ въ общемъ стремленіи къ знанію могущественъ не только потому, что онъ служитъ уясняющей связью съ вѣковой цѣпью животныхъ существованій и стадій человѣческаго

прогресса, но также и потому, что, воспринимая научныя теоріи образованной буржуазіи, онъ ихъ переработываетъ по-своему и вноситъ въ нихъ много самостоятельнаго и новаго.

— Все это прекрасныя слова!—воскликнулъ маркизъ, злорадно разсмѣявшись, — но вамъ, безъ сомнѣнія, было бы затруднительно пояснить ихъ примѣромъ.

Онъ надѣялся, что, подталкивая этого моралиста въ такъ называемыя „первоначальныя“ сферы по метафизической терминологіи, ему удастся смутить противника.

— Напротивъ, — отвѣчалъ Дюгамель,—я склоненъ думать, что онѣ слишкомъ хорошо иллюстрируются на каждомъ шагу. Не замѣчаете ли вы, напримѣръ, что эквилибристъ или акробатъ—это лучшіе истолкователи раціональной механики, а между тѣмъ они вѣдь необразованныя дѣти народа?

— Но въ этомъ я не вижу никакого совершенствованія, ни прогрессированія; древнимъ были извѣстны самые замысловатые фокусы...

— Совсѣмъ другого рода. Обезьяны также замѣчательные акробаты, но ловкость ихъ чисто импульсивная, мускульная, не имѣющая ничего общаго съ мыслью, соображеніемъ и обдуманнымъ искусствомъ, основаннымъ на законахъ тяжести и равновѣсія, на выработанномъ научно курсѣ гимнастики, на испытанныхъ истинахъ механики. То была первобытная, безсознательная, полу-обезьянья ловкость. Нынѣшніе эквилибристы и фокусники обладаютъ богатыми экспериментальными знаніями въ области математики, механики, физики и анатоміи—и Богъ вѣсть какихъ еще наукъ... Итакъ, между пріемами эквилибриста и научными законами существуетъ ближайшая связь,—восхожденіе отъ первыхъ къ послѣднимъ и, наоборотъ—наглядное объясненіе однихъ другими.

— Не слишкомъ ли это смѣлое истолкованіе? — спросилъ пораженный де-Латорель.

— Нисколько. Наука преподается вѣдь не только съ помощью прямого обученія. Она скользитъ по формамъ предметовъ, по видоизмѣненію рѣчи; ея сложнѣйшія теоріи становятся иногда понятными съ перваго взгляда. Представьте себѣ только—какими преимуществами одарено дитя нашего столѣтія, сравнительно съ прошедшимъ, благодаря лишь тому, что оно „видитъ“ паровыя и электрическія машины, разныя сложнѣйшія механическія сооруженія, живетъ въ условіяхъ, предусмотрѣнныхъ гигіеной, и тому подобное. Это—лучшій наглядный методъ. Сколько дифференціальныхъ и интегральныхъ соображеній управляетъ движеніями

рабочаго въ современномъ трудѣ, основанномъ на дивно разработанныхъ законахъ новѣйшей высшей науки!..

Продолжительное молчаніе сопровождаетъ эти слова. Довольные случайнымъ перерывомъ, скучающіе и даже почти страдающіе отъ непривычнаго напряженія мысли, аристократическіе слушатели удаляются съ искусственнымъ смѣхомъ, дѣланными протестами. Но графъ де-Латорель, сильно заинтересованный споромъ, отводитъ въ сторону Дюгамеля.

— Я желалъ бы извлечь изъ вашихъ словъ, м-сьё Дюгамель, истину, утѣшительную для аристократа, а именно, что въ сильномъ, здоровомъ обществѣ, должны быть твердо установлены разнообразнѣйшія организаціи, стадіи его развитія; а слѣдовательно, іерархія кастъ, почитаніе традицій—являются не безсмысленными идолами, но соотвѣтствуютъ логическимъ законамъ жизни.

— Конечно, но съ тѣмъ условіемъ, что вы придадите слову „іерархія“ его настоящее значеніе—и что не поставите аристократію во главѣ всѣхъ остальныхъ формацій. Дѣйствительное могущество теперь въ рукахъ буржуазіи, а аристократъ долженъ склониться передъ нею, равно какъ долгъ буржуа—признать надъ собою превосходство интеллигента. Почитаніе традицій, о которомъ вы упомянули, выражаетъ только соотношеніе различныхъ стадій; но это вѣдь и роковое, губительное соотношеніе: культъ традицій убиваетъ влеченіе къ новому, жажду знанія и развитія, жажду неизвѣданныхъ сокровищъ будущаго... Болѣе глубокія начала торжествуютъ надъ периферическими, но все-таки имъ не избѣгнуть ихъ нѣкотораго вліянія. Съ другой стороны, измѣненіе прочно установившихся принциповъ и понятій представляетъ сложную задачу по отношенію къ внѣшнимъ, обновляющимъ вліяніямъ, хотя и дѣлаетъ ихъ новизну болѣе живою и углубленною, обогащаетъ ихъ энергіею борьбы. Прослѣдивъ дѣйствіе этого закона въ теченіе вѣковъ, вы, безъ сомнѣнія, объясните имъ участіе сильной и дѣятельной аристократіи среднихъ и новыхъ вѣковъ въ великихъ дѣлахъ прогресса и свободы—наравнѣ съ бездѣйствіемъ и инертностью современной.

Оба собесѣдника учтиво разстались съ чувствами взаимнаго уваженія. Маркизъ удаляется тоже, но далеко не довольный собой. Онъ бормочетъ сквозь зубы далеко не рыцарски-благородную угрозу, не особенно согласную съ утонченной возвышенностью аристократическихъ чувствъ:

— Погоди же! вотъ я тебя увѣнчаю рогами!..

Чувствуя потребность успокоенія и отдыха послѣ раздражи-

тельныхъ моментовъ спора, Дюгамель направился одинъ широкою аллеей къ маленькому пруду, сверкавшему издали послѣдними мазками пурпурно-золотой зари. Онъ жадно втягивалъ разгоряченной грудью влажныя волны воздуха, носившіяся надъ водою. И мало-по-малу имъ стало овладѣвать мирное настроеніе и даже нѣкоторая растроганность при воспоминаніи объ умномъ сочувствіи и благородствѣ понятій м-мъ де-Ребелль и графа де-Латореля. Съ такими аристократами онъ могъ бы жить въ дружбѣ, въ особенности ограничиваясь бесѣдами о наукѣ и искусствѣ, объ отвлеченныхъ философскихъ вопросахъ. Мысль его, возбужденная споромъ, продолжала строить блестящія мечты о прогрессивномъ совершенствованіи человѣчества, пытливо предугадывать его грядущіе пути...

И среди этого вдохновеннаго созерцанія вдругъ передъ нимъ появилась Алиса...

Наступилъ тотъ неотразимый моментъ признанія, котораго она такъ жаждала и опасалась. Ея блѣдность, лихорадочный блескъ ея взора, прекрасный обликъ, точно всплывшій нежданно надъ мягкими волнами травъ,—это властительно-чарующее явленіе застигло его неподготовленнымъ, безоружнымъ предъ лицомъ сказочной дѣйствительности.

— Алиса! Алиса!—прошепталъ онъ.

Она же не отрывала отъ него смѣлаго взгляда въ страстномъ возбужденіи любви и ревности. Поцѣлуй д'Эскруа и м-мъ Дюгамель оправдывалъ ее вполнѣ предъ самой собою.

— Я къ вамъ пришла, я должна говорить съ вами!..—сказала она глухо.

Неудержимое движеніе помѣшало дальнѣйшимъ словамъ ея; она порывисто бросилась къ нему, и голова ея мгновенно прильнула къ его плечу. И онъ держалъ ее, наконецъ, въ объятіяхъ, дрожащую, благоухающую весной, не находя другихъ словъ, кромѣ изумленно-страстнаго восклицанія:

— Алиса! Алиса!..

— О, я васъ люблю! я васъ люблю! Я болѣе не могла заставить себя молчать!..

Его сердце безумно ликовало, чувства были въ восторженномъ смятеніи, но и въ эту минуту душа взяла верхъ надо всѣмъ. Воспоминаніе о долгой внутренней борьбѣ возвратило ему сознаніе. Онъ слегка отодвинулъ отъ себя молодую дѣвушку и, взявъ обѣ ея руки, отвелъ нѣсколько подальше, къ тѣнистой группѣ деревьевъ.

— Алиса!—тихо заговорилъ онъ,—и я васъ также люблю,

и всегда буду любить... Я не рѣшаюсь сказать, что мы никогда не будемъ принадлежать другъ другу, также какъ не могу рѣшительно отречься отъ надежды на это счастье...

Она слушала, не опуская передъ нимъ пылающихъ глазъ, дрожа всѣмъ тѣломъ, судорожно сжимая его руки. Упоительное счастье услышаннаго признанія, удовлетворяющее надолго любящую женщину, представляло ей въ эту минуту всю многотрудную борьбу, всѣ подавляющія жертвы—необычайно легкими и нестрашными. Онъ, между тѣмъ, продолжалъ, становясь постепенно сосредоточеннѣе и строже:

— Дорогая Алиса, любовь возвышенныхъ натуръ есть могущественное средство душевнаго подъема. Отдаться первому порыву, безъ борьбы, съ гнетомъ чужого горя на совѣсти, безъ убѣжденія въ слѣдованіи міровому закону совершенствованія—было бы далеко не достойно насъ. Покоримся же, дитя мое, нравственному призыву. Если нашей страсти суждено погибнуть подъ неумолимымъ давленіемъ нашихъ нравственныхъ требованій, препятствій, воздвигаемыхъ жизнью, то пусть она погибнетъ, но да не стонетъ никто отъ нанесенныхъ ею ранъ... Если же намъ суждено когда-нибудь достигнуть нашихъ завѣтныхъ желаній, то мы ихъ достигнемъ лишь на основаніи извѣстнаго нравственнаго права. Старинная исторія о рыцарѣ и его дамѣ, летѣвшихъ на встрѣчу легко-дававшемуся счастью, не выдумана и чрезвычайно правдива. Дешевая любовь приноситъ стыдъ и душевное разрушеніе...

Она выслушала съ восторженной покорностью это поученіе, но въ то же время она внутренно признала за собой способность къ такой борьбѣ и продолжительное торжество своей воли; только измѣна м-мъ Дюгамель могла побудить ее къ такому стремительному шагу...

— О, повѣрьте,—прошептала она,—что я рѣшилась на это не безъ раздумья, что я хорошо знаю, куда стремлюсь, что я много страдала и боролась и что готова на новыя страданія, на новую борьбу! Но у меня есть и другой источникъ надежды и силы, кромѣ того, на который вы мнѣ указали...

Они возвращались въ замокъ съ сердцемъ, преисполненнымъ нѣжности, съ героическою душой. На слѣдующее же утро, подъ предлогомъ неотложныхъ дѣлъ, Дюгамель уѣхалъ одинъ въ Парижъ.

КНИГА ТРЕТЬЯ.

I.

Делафонъ поселился на своей фермѣ Де-ла-Жюстисъ, съ тѣмъ, чтобы всѣ заботы о его столѣ и объ удобствахъ весьма упрощенной жизни въ теченіе какого-нибудь мѣсяца или двухъ были предоставлены его хозяину, фермеру. Конечно, тотъ очень охотно согласился, поощряемый щедрой платой.

Делафонъ избралъ этотъ скромный уголокъ съ цѣлью найти въ немъ безусловное уединеніе и тотъ крутой возвратъ къ простѣйшей жизни, сливающей человѣка съ природой, который такъ прекрасно дѣйствуетъ на неврастениковъ. Фермеръ, его жена и ихъ единственная дочь удивительно соотвѣтствовали стилю новой обстановки Делафона лѣнивымъ, сытымъ спокойствіемъ рабочихъ воловъ.

Послѣ нѣкоторой грусти при перемѣнѣ условій жизни, мучительное раздраженіе, грызущая печаль Делафона, съ вѣчнымъ лихорадочнымъ броженіемъ мыслей, съ невыносимымъ до боли разстройствомъ нервовъ,—стали мало-по-малу затихать, дѣлались однообразнѣе и проще. Горе, казалось, разбавляли—своею ширью, могучими волнами воздуха—огромныя равнины пустынныхъ деревень.

Слѣдуя совѣту Дюгамеля, онъ мало думалъ о себѣ, стараясь всѣмъ существомъ воспринимать внѣшнюю жизнь и природу. И въ то время, какъ вѣчно юное сіяніе солнца и луны, шумъ свѣжихъ травъ, весенняя краса разубранныхъ деревьевъ гласили здѣсь о вѣчномъ возрожденіи божественнаго міра,—люди какъ будто застыли въ своемъ старинномъ существованіи. Тяжелыя, закопченныя фермы изъ чернаго камня, разсѣянныя на большомъ разстояніи другъ отъ друга, напоминали эпоху ужасныхъ войнъ и преступленій, и несомнѣнно онѣ не перемѣнили своего наружнаго вида со временъ Карла VI. Делафону грезились англійскія шайки, кровавымъ ураганомъ мчащіяся по полямъ...

„Однакоже, какъ мы стали чувствительны съ тѣхъ поръ!—думалъ онъ. — Убійства, пытки казались въ то время самымъ обыкновеннымъ явленіемъ лучшему изъ людей того вѣка!“

Конечно, внѣшній міръ, комментируемый теперь Делафономъ, не могъ ограничиться одной лишь природой, — его интересовала жизнь немногихъ окружающихъ людей. Отчасти съ лечебною цѣлью, отчасти же по независимому отъ нея влеченію,

онъ сталъ за ними наблюдать и даже изучать ихъ. Онъ старался изслѣдовать причины вырожденія и алкоголизма, сильно прогрессирующихъ со второй половины столѣтія,—и многое ему разъясняли разговоры съ фермеромъ-хозяиномъ.

Однажды вечеромъ фермеръ, еще довольно молодой, здоровый и крѣпкій человѣкъ, подсѣлъ къ нему на скамейку передъ домомъ; они уже не разъ бесѣдовали о политикѣ и мѣстныхъ интересахъ. Хозяинъ слушалъ обыкновенно Делафона, сочувственно покачивая головой, но ясно было, что политическіе вопросы онъ считаетъ сущимъ пустякомъ, хотя бы въ сравненіи съ воздѣлываніемъ свеклы. На этотъ разъ онъ, однако же, вышелъ изъ обычной апатіи. Делафонъ заговорилъ о вырожденіи населенія, грозящемъ причисленіемъ Франціи къ разряду второстепенныхъ державъ.

— Это все оттого,—сказалъ фермеръ,—что Парижъ не доставляетъ болѣе дѣтей. Здѣсь же ихъ даже слишкомъ много. Надо только миновать деревню Сентъ-Аванъ, чтобы ихъ тамъ увидѣть около пятидесяти человѣкъ. Школа слишкомъ для нихъ тѣсна.

— Я не нахожу, чтобы здѣсь было особенно много дѣтей,—отвѣчалъ Делафонъ.—Можете ли вы мнѣ указать многочисленныя семейства?

— Конечно: Дуэзъ, Карели, Гавелли и такъ далѣе... Тамъ, вмѣстѣ съ отцомъ и матерью, около десяти человѣкъ. Это только въ Парижѣ умудряются избѣгать дѣтей. Я все удивляюсь—какъ это имъ удается! Можетъ быть, вы мнѣ объясните, въ чемъ дѣло, такъ какъ вы прямо оттуда?

Делафонъ уловилъ хитрый и любопытный взглядъ фермера.

— Но,—отвѣчалъ онъ,—вамъ это, навѣрно, прекрасно извѣстно.

— Боже сохрани! Почему же я это могу знать?! Быть можетъ, ихъ убиваютъ до рожденія?

— Не думаю, чтобы искусственные способы такого рода были тамъ болѣе въ ходу, чѣмъ гдѣ бы то ни было. Полагаю, что просто предпринимаются нѣкоторыя предупредительныя мѣры.

— Я слышалъ, что парижанки принимаютъ какое-то лекарство въ подобныхъ случаяхъ. Не извѣстно ли оно вамъ?

Делафонъ вздрогнулъ отъ странно-заинтересованнаго тона этого вопроса. Онъ угадалъ уловку крестьянина и спросилъ съ нѣкоторою рѣзкостью, пронизывая его глазами:

— Послушайте, скажите мнѣ откровенно, отчего вы не хотите имѣть болѣе дѣтей?

Фермеръ, нѣсколько смущенный въ первую минуту этой про-

ницательностью, быстро, однакожъ, оправился—и выраженіе какой-то странной, нѣсколько театральной гордости показалось на его лицѣ.

— О, мнѣ довольно одной Берты! Условлено, что она выйдетъ за единственнаго сына Маринѣ,—и я не нарушу даннаго обѣщанія. Они будутъ владѣльцами соединенныхъ земель Де-ла-Жюстисъ и Мулэнъ д'О. Въ этомъ вся задача.

„Какъ примирить, — думалъ про себя Делафонъ, — вѣковое инстинктивное тяготѣніе къ землѣ съ нормальнымъ приростомъ народонаселенія?"

Его догадки относительно фермера оказались совершенно основательными. Наблюдая болѣзненную полноту его жены, тупое страданіе во взглядѣ и неестественную усталость движеній—при всѣхъ благопріятныхъ условіяхъ ея жизни,—онъ быстро постигъ безпрестанное уродованіе организма, созданнаго къ обильному дѣторожденію. Въ подтвержденіе же этихъ догадокъ послѣдовала вскорѣ тяжелая болѣзнь несчастной женщины съ таинственнымъ участіемъ повивальной бабки и условное выздоровленіе—грустное торжество надъ природой. Во время этой печальной суетни всѣ избѣгали пытливаго и негодующаго взгляда Делафона; страданія же больной, не возбуждая ни въ комъ сочувствія, казались, повидимому, дѣломъ вполнѣ естественнымъ и ежедневнымъ въ этой средѣ. Наконецъ, смертельно-блѣдная, шатающаяся фермерша снова стала хлопотать по хозяйству, хватаясь поминутно за стѣнки и мебель, чтобы не упасть.

„А между тѣмъ, — разсуждалъ Делафонъ, — эти фермеры только бы выиграли отъ бо́льшаго количества здоровыхъ рабочихъ силъ, имѣя по двое-трое дѣтей. Франція преувеличиваетъ страхъ передъ прозябаніемъ пролетаріата. Другія націи не отрекаются отъ многихъ жертвъ: относительной бѣдности, упрощенной ѣды, ограниченнаго комфорта, отъ тяжкихъ столкновеній съ дѣйствительностью,—но и вмѣстѣ съ тѣмъ отъ богатства надеждъ, отъ побудительной силы иллюзій, отъ многосложныхъ интересовъ жизни. Почему бы намъ не видѣть въ этомъ косвеннаго указанія?"

Въ сравненіи съ общимъ стремленіемъ къ вырожденію, алкоголизмъ, развитой здѣсь въ широкихъ размѣрахъ, показался ему менѣе грознымъ. Мало надѣясь на результатъ какой бы то ни было проповѣди, онъ, однакоже, рѣшился испытать дѣйствіе своихъ словъ.

Они какъ бы охотно его слушали, ревностно подтверждали, что спиртъ—причина многихъ золъ,—но никто и не думалъ ограничить количество выпиваемаго абсента и кофе, обильно разбав-

ленная водкой. Въ воскресенья и понедѣльники пьяныя лица краснѣли и потѣли отъ безчисленныхъ возліяній.

Въ сосѣдней же деревнѣ, куда нарочно заглянулъ въ эти дни Делафонъ, эти попойки были странно-зловѣщи и молчаливы, принимали какую-то тупую, сосредоточенную форму. Женщины напивались тайкомъ—и почти столь же сильно. Непрерывное пьянство безъ промежутковъ, безъ полнаго отрезвленія, налагало отпечатокъ тяжелаго тупоумія и апатіи на ихъ черты, ихъ рѣчь, ихъ усыпленный мозгъ.

— Стоитъ ли имъ проповѣдывать?—спрашивалъ себя съ горечью Дюгамель.

Но Франція, собственно говоря, слабо воспринимаетъ какую бы то ни было проповѣдь. Француза гораздо болѣе гипнотизируетъ чтеніе, неожиданный оригинально-остроумный пріемъ воззванія, чѣмъ правильныя, обдуманныя проповѣди сектантскаго характера. Если въ Норвегіи подобныя заклинанія дѣйствительно искореняютъ порокъ, то это только благодаря тому, что норвежецъ охотно ихъ выслушиваетъ, оппонируетъ имъ и разсуждаетъ о нихъ. Французскіе же крестьяне соглашаются со всѣмъ, лишь бы избѣгнуть споровъ и свободно предаваться своимъ грѣхамъ. Ревностное желаніе Делафона внушить этимъ людямъ понятіе о благѣ воздержанія, о радостяхъ домашняго очага, о сбереженіяхъ, достигнутыхъ этимъ путемъ, объ избѣгнутыхъ болѣзняхъ—разбивалось въ дребезги о тупую консервативность ихъ собственныхъ установившихся понятій и привычекъ, въ сравненіи съ которыми все новое, чужое казалось имъ пустякомъ, не заслуживающимъ вниманія. И онъ погрузился въ прежнюю разочарованность по отношенію къ людямъ, сохраняя, однакожъ, нѣкоторое личное умиротвореніе. Но ужасное впечатлѣніе одного вечера глубоко потрясло его. Нѣсколько сосѣдей съ женами и дѣтьми, сопровождавшими ихъ изъ любопытства, пришли на дворъ фермы Де-ла-Жюстисъ помочь хозяину зарѣзать откормленнаго кабана. Весь этотъ сбродъ съ такою жестокостью, съ такимъ дикимъ наслажденіемъ пыталъ и терзалъ несчастное животное, забавляясь его медленными муками, что Делафонъ впалъ снова въ самый мрачный пессимизмъ.

Имъ овладѣло безграничное отвращеніе къ человѣческой душѣ, столь еще далекой отъ божественности... Въ чемъ можетъ быть ея спасеніе? Здоровая, казалось бы, нормальная жизнь, общеніе съ природой... только усиливаетъ звѣрскіе инстинкты. Болѣзненно-аскетическія натуры медленно умирающихъ людей не устремляются ли выше всѣхъ къ святому предѣлу совершенства?...

Убѣжденный въ своемъ безсиліи, онъ отстранился отъ этой мрачной среды.

„Здѣсь,—думалъ онъ,—могли бы быть полезны только грубые апостолы съ „пастью", гремящею бичующими словами, съ бурною силой несложной убѣжденности, съ толстымъ щитомъ личнаго безчувствія. Только такіе могли бы оказать нѣкоторое вліяніе. Это —самые соотвѣтствующіе „утѣшители и руководители" такого „страждущаго" человѣчества—на поляхъ битвъ, у больничной постели, передъ лицомъ порока и преступленія. Разнѣживаться же, какъ я, страдать и чувствовать не въ мѣру—это ведетъ лишь къ уподобленію жалкому отрепью, истлѣвающему отъ солнца и отъ вѣтра!.."

Съ тѣхъ поръ онъ избѣгалъ какого бы то ни было участія въ окружающей жизни, кромѣ „вдыханія" природы. Онъ старался какъ можно меньше размышлять и чувствовать. Но мало-по-малу воспоминаніе о его несчастной женѣ стало брать верхъ надъ всѣмъ остальнымъ. Съ безумною несправедливостью къ самому себѣ онъ упрекалъ себя безъ конца, онъ проклиналъ себя за то, что не смогъ ее осчастливить. И, наконецъ, онъ пришелъ къ убѣжденію, что единственнымъ средствомъ спасти эту обожаемую женщину былъ бы ея бракъ—съ другимъ!..

II.

Живя въ Парижѣ въ полномъ уединеніи, Дюгамель испытывалъ, между тѣмъ, грустныя и безпокойныя треволненія болѣе тяжелой, чѣмъ когда либо, борьбы со страстью. Онъ получилъ письма отъ супруговъ Делафонъ, — и насколько утѣшительными оказались извѣстія отъ жены, согласно его разсчету, настолько мало его обрадовалъ тонъ письма мужа.

„Если мое здоровье укрѣпляется,—писалъ Делафонъ,—если я чувствую себя не столь нервнымъ, то мой гнѣвъ противъ природы и человѣка также укрѣпляется и ростетъ сообразно возростанію физическихъ силъ"...

И онъ разсказывалъ далѣе о причинахъ рокового кризиса своего пессимизма.

Почти одновременно Дюгамель получилъ неряшливый, безграмотный конвертъ отъ какой-то несчастной женщины, умоляющей его, въ шаблонныхъ выраженіяхъ нищеты, оказать помощь ей и ея дѣтямъ. Она ссылалась на свою знакомую, облагодѣтельствованную ранѣе Дюгамелемъ и ободрившую ее къ такому

шагу. Дюгамель замѣтилъ, что письмо запоздало на двое сутокъ, благодаря страшнымъ каракулямъ адреса,—тѣмъ не менѣе, онъ рѣшилъ въ тотъ же вечеръ разыскать просительницу. Около шести часовъ онъ проходилъ пѣшкомъ по закопченнымъ улицамъ квартала, находящагося всецѣло во власти Кайльскихъ заводовъ.

Это былъ какъ бы осколокъ сѣвернаго фабричнаго города въ неизмѣримомъ Парижѣ. Блестяще-туманная красота огня и дыма —единственная его поэзія. Улицы, плѣненныя съ одной стороны пустыми, безоконными стѣнами фабричныхъ зданій, съ другой глядѣли безчисленными сверкающими окнами, то оглушая гремящими возами, то умирая мгновенно въ урочный часъ прекращенія работъ.

Рабочіе этихъ гигантскихъ заведеній живутъ ихъ могущественною жизнью и движеніемъ, какъ сильно бьющееся сердце колоссальнаго организма. Многочисленные, подвижные и дѣловитые, они прекрасно выработали стремительныя и неуклонныя формы соціальныхъ понятій. Они справедливо могутъ гордиться— столь часто выставляемою ими на видъ и столь недостижимою вообще—полною солидарностью. Это—среда, въ которой болѣе инертныя и слабыя натуры живутъ на счетъ дѣятельныхъ и сильныхъ, низшія умственно — на счетъ интеллигентныхъ и даровитыхъ. Это—общность, какъ бы удаляющая всякое несчастье лишь потому, что оно коллективно. Даже при катастрофѣ — быстро нарождается утѣшеніе отъ сознанія раздробленія удара на цѣлую массу. Вотъ почему дѣти народа обожаютъ толпу и, чувствуя опасность, устремляются на улицу.

Между высокими стѣнами, освѣщенными сверху блѣдно-мерцающими висячими фонарями, подвигается тихо усталый труженикъ, окончивъ рабочій день. Глаза его останавливаются съ безсознательною мечтательностью то на просвѣтахъ зимнихъ небесъ, то на подернутой облакомъ дыма лѣтней вечерней лазури. Какія-то смутныя надежды снисходятъ съ этого нависшаго свода, точно связаннаго съ землею жемчужно-сѣрыми волнистыми мотками дыма...

Громадныя мастерскія выдѣлки жести расположились по набережной рѣки. Тамъ неуклюжія металлическія массы поглощаются отверстой пастью горновъ; далѣе—сверкающія змѣеобразныя ленты подхватываются щипцами быстро перебѣгающихъ рабочихъ и поглощаются новой кроваво-пламенной пастью... И всюду—эти гигантскіе очаги съ темными, безумно движущимися тѣнями, съ цѣлыми гирляндами переплетающихся оголенныхъ рукъ. Красно-оранжевое пламя и темныя сатаническія тѣни, лу-

чистый, шолковый свѣтъ — и черный бархатъ мрака, точно въ подземныхъ гротахъ сказочнаго царства,—машины мертвыя и живыя... Вся эта жизнь, настолько же исполинская, насколько жалкая, строго распредѣлена и размѣрена, какъ скромное существованіе насѣкомыхъ,—муравьевъ или пчелъ—среди зеленыхъ вѣтвей.

Дюгамель подвигался все дальше и дальше, не отрывая грустныхъ глазъ отъ блѣдныхъ, исхудалыхъ дѣтей, безстрашно играющихъ среди тяжелыхъ, грохочущихъ возовъ, на усталыя фигуры стариковъ, читающихъ афиши по угламъ улицъ, на сгорбленныхъ женщинъ, кормящихъ на порогѣ грудныхъ ребятъ съ апатичной покорностью привычной нищеты. Проблески веселости и оживленія, присущіе свободѣ краткаго отдыха, Дюгамель замѣчаетъ лишь у столовъ трактировъ и винныхъ лавокъ, со взрывомъ грубаго смѣха и шутокъ, при сплевываніи направо и налѣво и страстномъ затягиваніи трубкой.

И несмотря на кажущуюся неприглядность этихъ типовъ, Дюгамель былъ восхищенъ ихъ живописностью, многообразіемъ красокъ, страстною свѣжестью отношенія къ жизни. И подъ впечатлѣніемъ удивительной новизны и индивидуальнаго богатства этихъ образовъ онъ почувствовалъ себя растерянным и ослѣпленнымъ. Они живутъ всею душой. Ихъ движенія удивительно искренни, ихъ лица ясно отражаютъ добродѣтель и порокъ. Превосходная, иногда наслѣдственная мимика поколѣній! И не только чрезмѣрный трудъ и нищета изваяли ихъ по-своему, но и многообразіе болѣзней,—оспа и ревматизмъ, алкоголь и худосочіе. Однѣ окрашиваютъ кожу; другія изрываютъ ее сѣтчатымъ узоромъ; третьи сгибаютъ и искривляютъ всю фигуру. Они спокойно этому поддаются, носятъ свои безобразныя маски и не смущаются уродствомъ исковерканнаго тѣла. И во всемъ этомъ—въ ихъ побужденіяхъ, работахъ, проступкахъ и добрыхъ дѣлахъ, веселье и горѣ, вопляхъ и смѣхѣ—всюду бьетъ мощнымъ ключомъ новый источникъ умственныхъ силъ.

Дюгамель наконецъ взобрался на шестой этажъ дома, указаннаго въ адресѣ. Его пріятно поразила чистота скромной лѣстницы. Послѣ многократныхъ напрасныхъ звонковъ онъ, было, уже намѣревался спуститься внизъ, какъ вдругъ на порогѣ двери, этажомъ ниже, онъ увидѣлъ человѣка въ рабочемъ платьѣ, съ маленькимъ ребенкомъ на рукахъ, сопровождаемаго двумя другими, постарше. Онъ поклонился и заговорилъ:

— Извините, сударь, —вы, кажется, звонили у м-мъ Жакѣ? Но ея здѣсь уже нѣтъ. Нынче пополудни ее свезли въ больницу. Моя жена взяла пока къ себѣ этихъ малышей, а теперь

отправилась къ больной, снести ей нѣкоторыя вещи. М-мъ Жакѐ предупредила насъ, что, быть можетъ, сюда зайдетъ одинъ господинъ.

— Въ какой же она больницѣ?

— Нэккера... Она была въ отчаяніи, что вы не пріѣзжаете, и если бы вы изволили подождать нѣсколько времени, пока вернется моя жена, то сдѣлали бы доброе дѣло. Я жду ее каждую минуту.

Дюгамеля пріятно поразило искреннее и умное выраженіе лица этого рабочаго, его учтивость и достоинство въ манерѣ держать себя. Онъ тотчасъ же согласился на его предложеніе. Въ чистой комнатѣ онъ увидѣлъ двоихъ другихъ дѣтей, здоровыхъ и крѣпкихъ на видъ, особенно въ сравненіи съ вышедшими ему на встрѣчу.

— Это мои,—сказалъ рабочій, указывая на цвѣтущихъ дѣтей;—эти же—м-мъ Жакѐ.

Онъ привлекъ ихъ къ себѣ съ спокойнымъ доброжелательствомъ.

— Они вѣдь тоже совсѣмъ здоровые ребятки. Ихъ отецъ былъ настоящій колоссъ. Да вотъ теперь стали они не подъ силу бѣднягѣ-матери. Сущій пустякъ возстановилъ бы ихъ крѣпость.

Дюгамель приласкалъ дѣтей. Несмотря на ихъ истощеніе, замѣчательная красота пробивалась сквозь маску, налагаемую нищетой.

У нихъ были обострившіяся головки и личики, большіе впалые глаза, типичный цвѣтъ кожи голодающихъ.

— Вы любите дѣтей, сударь, — сказалъ рабочій, сочувственно повидимому отнесшійся къ ласкамъ Дюгамеля. — Это даже очень умныя малютки, быть можетъ слишкомъ умныя для своихъ лѣтъ.

Но дѣтямъ не особенно понравилось новое знакомство. Пятилѣтній мальчикъ увлекъ трехлѣтнюю сестренку подальше отъ незнакомца.

— Алиса! пойдемъ лучше къ мамѣ!

Это имя заставило вздрогнуть Дюгамеля. Мальчикъ, между тѣмъ, заплакалъ.

— Пойдемъ же! Я хочу къ мамѣ. Зачѣмъ ее свезли въ больницу? Она вѣдь не хотѣла! Еслибы я былъ большой, я бы ее вылечилъ сразу. Она всегда лечила насъ тизаной. Отчего бы ей не дать тизаны?

Растроганный и растерянный рабочій пробормоталъ:

— Ее скоро вылечатъ, и ты ее увидишь. Мы всѣ пойдемъ къ ней: и Шарль, и Татава, и Алиса, и ты. Вотъ ты и узнаешь, что ей тамъ хорошо, что она тамъ пьетъ превосходную тизану.

У него было рѣдкое умѣнье успокоивать дѣтей. Мальчикъ ушелъ играть съ Шарлемъ и Татавой, Алиса же усѣлась на полу, уцѣпившись за платье рабочаго.

Наступило молчаніе. Рабочій вынулъ трубку и закурилъ, спросивъ при этомъ съ нѣкоторымъ смущеніемъ:

— Можетъ быть, вамъ это непріятно, сударь?

— Курите пожалуйста.

У меня привычка покурить вечеромъ и возиться съ дѣтьми. Они весь день на дворѣ, но когда я возвращаюсь—они должны быть со мной.

— И это васъ не утомляетъ?

— Напротивъ, я съ ними отдыхаю. Товарищи смѣются надо мной, но вѣдь у каждаго свой вкусъ. Мнѣ нѣтъ дѣла до того, что они предпочитаютъ кафе-концерты, и я бы туда ходилъ, еслибы это доставляло мнѣ хоть малѣйшее удовольствіе.

Въ сочувственномъ молчаніи Дюгамеля было столько выразительной симпатіи, что рабочій, очевидно по природѣ откровенный,—продолжалъ говорить:

— Не думайте, впрочемъ, сударь, что я держусь особнякомъ отъ товарищей. По ремеслу я модельщикъ-механикъ, и вообще мнѣ меньше приходится сообщаться съ товарищеской средой, чѣмъ обыкновеннымъ рабочимъ, но все-таки я имѣю понятіе обо всемъ. Изъ-за этого общенія съ ними я вѣдь тоже оставался по шести недѣль безъ работы. Я, конечно, не утверждаю, что трудъ нашъ хорошо оплачивается, напротивъ — сердце мое сжимается отъ этой нищеты множества семей. Но все-таки мнѣ кажется, что еслибы люди нѣсколько лучше взаимно понимали другъ друга и мирились съ необходимостью, то они были бы гораздо счастливѣе. Шумѣть и нападать на другихъ—мало къ чему ведетъ. Вотъ мое мнѣніе. Конечно, я ненавижу и презираю подлецовъ въ родѣ панамистовъ и всѣхъ воровъ, немилосердно грабящихъ правительство.

Дюгамель улыбнулся. Ему превосходно была извѣстна profession de foi парижскаго рабочаго.

— Не навожу ли я на васъ скуки, сударь?

— Напротивъ, я радъ поболтать до прихода вашей жены.

— Такъ я говорилъ, что я соглашаюсь съ товарищами во всемъ касающемся политики и соціальнаго вопроса. Но мнѣ кажется, что нѣкоторые шутники находятъ слишкомъ легкимъ ра-

дикальное преобразованіе общаго порядка. Я знаю, что нужно много времени, чтобы и самъ рабочій уяснилъ себѣ подобную задачу. Я принимаю участіе во всѣхъ нашихъ практическихъ дѣлахъ: вспомогательныхъ союзахъ, кассѣ, сходкахъ, комитетахъ и совѣщаніяхъ. Во всемъ же остальномъ полагаю, что какъ не спрашивали моего совѣта при созданіи міра, такъ и теперь могутъ обойтись безъ меня.

— И какъ же—вы довольны своимъ положеніемъ?

— Да, понятно, до извѣстной степени. Семья моя никогда не сидѣла безъ хлѣба. Мое ремесло хорошо оплачивается. Я получаю не менѣе десяти франковъ въ день.

— Это, дѣйствительно, прекрасный заработокъ. Такъ ваше единственное удовольствіе—дѣти?

— И увѣряю васъ, что это менѣе дорогое развлеченіе, чѣмъ ихъ кафе́ съ жонглёрами и пѣвичками. Когда я имъ высчитывалъ, что содержаніе трехъ здоровыхъ дѣтей стоитъ мнѣ только пятьдесятъ франковъ въ мѣсяцъ, они же часто тратятъ въ своихъ кафе́ по пятнадцати франковъ за вечеръ, то они не хотѣли этому вѣрить, полагая, что вся суть экономіи заключается въ томъ, чтобы не имѣть дѣтей, что дѣти разоряютъ.

Между тѣмъ, съ прохладнымъ дыханіемъ сумерекъ, голоса дѣтей становились сонѣе и тише. Младенецъ, всхлипывая по-временамъ, убаюканный отцомъ, замолкъ и началъ дремать. Сонныя головки остальныхъ ребятъ, то льнули къ колѣнямъ отца, то опускались на стулья и скамейки. Рабочій съ помощью Дюгамеля кое-какъ уложилъ всѣхъ по постелямъ.

— Пусть такъ побудутъ до прихода моей жены,—сказалъ рабочій.

Но вотъ дверь быстро открылась, и раньше, чѣмъ любопытный взглядъ Дюгамеля успѣлъ что-нибудь увидѣть, раздался нѣсколько недовольный женскій голосъ:

— Какъ у тебя до сихъ поръ темно! Я не могла сейчасъ вернуться. Пришлось долго ждать.

— Здѣсь господинъ, котораго такъ ожидала м-мъ Жаке́,—отвѣчалъ спокойно рабочій.

— Такъ тѣмъ болѣе тебѣ надо было зажечь лампу. Извините, пожалуйста, сударь. Мужчины вѣдь ничего не сдѣлаютъ какъ слѣдуетъ.

Она зажгла лампу и стала живо хлопотать около дѣтей, разсказывая въ простыхъ, энергическихъ и живописныхъ выраженіяхъ свою одиссею. Передъ глазами Дюгамеля промелькнули яркія сцены нищеты и болѣзни, больничныя пріемныя, цѣлый

рядъ типовъ—отъ госпитальнаго начальства до сторожей и сидѣлокъ. И въ то время, какъ она поила младенца молокомъ, усаживала за ужинъ троихъ остальныхъ дѣтей, отрезвившихся отъ сна съ ея приходомъ, съ губъ ея срывались то жалобы, то бурный протестъ противъ ужасовъ жизни.

— Я пришелъ слишкомъ поздно,—сказалъ Дюгамель,—но постараюсь повидать м-мъ Жакé какъ можно скорѣе. Если же вы зайдете къ ней ранѣе меня, то скажите ей непремѣнно, что какъ только она выздоровѣетъ, ей будетъ оказана всевозможная поддержка; скажите, что я обѣщаю доставить ей тогда легкое, хорошо оплачиваемое занятіе — и что она не разлучится при этомъ съ дѣтьми.

— Ахъ, сударь! Вы сдѣлаете доброе дѣло! Она, бѣдняга, такъ надѣялась на васъ, и ей такъ было тяжело тащиться въ больницу и оставлять дѣтей! И есть же люди, которые смѣютъ надѣяться на Провидѣніе и другихъ этимъ морочить! Никогда я не повѣрю, чтобы по волѣ Господа Бога и милосердаго Провидѣнія мужъ этой несчастной женщины, здоровый, хорошій красивый человѣкъ (ахъ, какъ онъ былъ красивъ!) былъ весь превращенъ этой проклятой машиной въ какой-то кровавый мармеладъ! Это исчадіе ада отрубило ему руку и растерзало грудь—да еще три дня метался онъ въ страшныхъ мукахъ! И никогда я не повѣрю, чтобъ этотъ годъ ужасной нищеты, болѣзни и разлуки съ дѣтьми дарованъ былъ несчастной м-мъ Жакé святою, милосердою Волей!

Она долго говорила въ томъ же духѣ, вплетая въ свою рѣчь всевозможные афоризмы народной мудрости.

— Мы сдѣлали для этой страдалицы все, что могли, — вставилъ свое слово ея мужъ. — Но нищеты такъ много повсюду, что она стала дѣломъ обычнымъ, и никто не нее не обращаетъ вниманія. Надо о ней повсюду вопить и кричать, а бѣдная м-мъ Жакé этого не умѣла. Она едва рѣшилась, въ послѣдней крайности, обратиться къ вамъ.

— Какъ я довольна, какъ я рада, что вы такъ добры и что вы обѣщаете заняться судьбой этой несчастной!—заключила съ искреннимъ облегченіемъ жена.

Дюгамель протянулъ руку имъ обоимъ.

— Позвольте мнѣ оставить у васъ свой адресъ. Въ случаѣ стачки или какой-нибудь другой крайности—вы всегда найдете у меня занятіе, оплачиваемое не хуже вашего. У меня—издательская контора и типографія.

— Благодарю васъ, сударь,—сказалъ, весь просіявъ, рабо-

чій.—Это дастъ мнѣ увѣренность въ будущемъ. И въ такомъ случаѣ, если моя жена согласится, мы возьмемъ къ себѣ дѣтей, въ случаѣ несчастія,—прибавилъ онъ шопотомъ.—Болѣзнь вѣдь эта, говорятъ, очень опасная...

— Конечно, возьмемъ,—сказала растроганная женщина.

— Они будутъ счастливы у васъ...—заключилъ Дюгамель, вдругъ осѣненный неожиданною мыслью.—Но надѣюсь, вы ничего не будете имѣть противъ того, чтобы я помѣстилъ ихъ у прекрасныхъ людей, совершенно бездѣтныхъ и жаждущихъ имѣть дѣтей?

— Понятно, сударь. У насъ уже есть свои.

Дюгамель удалился, восхищенный такимъ пріятнымъ вечеромъ.

III.

Делафонъ стоялъ лицомъ въ лицу со своей женой, представшей передъ нимъ во всемъ очарованіи красоты, дѣвственно-обновленной продолжительной разлукой. Съ безумнымъ обожаніемъ онъ цѣловалъ предметы, которыхъ касалась ея рука,—и это приводило ее въ радостное изумленіе. А между тѣмъ—что сталось бы съ его рѣшеніемъ, еслибы онъ далъ просторъ могущественному порыву любви? Это значило бы вернуться мало-по-малу къ прежнимъ страданіямъ. Онъ упрекалъ себя въ недостаткѣ рѣшимости написать ей обо всемъ ранѣе своего пріѣзда. Все уже издавна было обдумано съ такой томительною старательностью, и онъ даже успѣлъ себѣ представить всю дальнѣйшую жизнь—*безъ нея*,—этотъ логически-предусмотрѣнный режимъ новаго существованія. Такъ какъ природа лишала его счастія постоянной, глубокой любви, то, уступая необходимости, онъ долженъ искать забвенія въ легкихъ наслажденіяхъ перемежающихся увлеченій. Отрекшись отъ сокровища настоящей любви, онъ долженъ искать опьяняющихъ объятій молодыхъ, легкомысленныхъ красавицъ, столь же боящихся материнства, насколько его жена изнывала по немъ. Трудъ и любовь къ людямъ, конечно, должны быть главною силой въ этой борьбѣ; то же... другое... кажущееся теперь ему лишь непріятнымъ лекарствомъ—должно со временемъ преобразиться въ упоительное вино забвенія.

Его жена должна быть свободна—у нея должны быть дѣти... Спасибо за роль палача, предназначенную ему въ высокой и

благородной задачѣ человѣческой жизни! Онъ—тотъ, кто убиваетъ, кто жжетъ на медленномъ огнѣ дорогое, прекрасное созданіе, какъ грубый идолъ—брошенную ему жертву... Не по своей винѣ, конечно... но все-таки онъ долженъ страдать одинъ. Пусть вся отвѣтственность падетъ—все равно на кого или на что—лишь бы только не на него!

Омрачившійся внезапно взглядъ Делафона испугалъ его жену. Она безпокойно слѣдила за нимъ глазами, успѣвъ уже отвыкнуть отъ дикаго отчаянія ихъ прежнихъ вечеровъ; улыбаясь, лаская его милыми словами, любовнымъ блескомъ чудесныхъ глазъ, она пыталась воскресить порывистый восторгъ первыхъ минутъ встрѣчи... Но вдругъ онъ стремительно поднялся съ мѣста и проговорилъ, избѣгая ея взора:

— Я долженъ тебѣ сказать нѣчто такое, о чемъ много, безпрестанно размышлялъ въ своемъ уединеніи.

— Что же это, Пьеръ?

— Выслушай меня спокойно. Ты вѣдь, конечно, помнишь источникъ нашего постояннаго, стараго горя... эту мечту о ребенкѣ... Такъ вотъ... сегодня мы еще не говоримъ о немъ... но уже завтра заговоримъ непремѣнно.

Она опустила голову.

— Я долженъ завести объ этомъ рѣчь тотчасъ же, не откладывая ни на минуту: Жанна, у тебя должны быть дѣти!

Внезапное восклицаніе довѣрчиваго восторга... радостный взоръ, устремленный недвижно на „избавителя“, усиліе заговорить благодарными, восхищенными словами... Но, прочитавъ на лицѣ мужа что-то зловѣщее и печальное, она воздерживается и ждетъ.

— У тебя могутъ быть дѣти. Для этого необходимо только нѣкоторое усиліе воли,—надо пожертвовать одной безплодной мечтой, чтобы достичь исполненія другой.

— Но что же? Что?

— Слушай. Изъ насъ двоихъ—я несомнѣнная причина нашего несчастія... Я знаю, что ты меня любишь, но не въ этомъ дѣло. Жить, безпрестанно терзаясь—ты своимъ горемъ, я же—смотря на него,—такъ жить нельзя. Это—медленная гибель. Еще не поздно создать иную, настоящую жизнь. Ты молода, красива и богата. Не дожидайся же ужасной старости, полной сожалѣній объ исковерканномъ существованіи, затмеваемой горькою озлобленностью! Не отвѣчай мнѣ сразу, не торопись... обдумай! Я буду ждать отвѣта вдали отъ тебя. Довольно одного

слова. Умоляю тебя, Жанна, подумай о томъ ребенкѣ, котораго ты могла бы быть несравненною матерью!

Неподвижная, блѣдная, не проронивъ ни слова, она глядѣла на него расширенными глазами, подобными прекраснымъ чернымъ цвѣтамъ съ росою слезъ... И было ясно, что она не понимаетъ жертвы своего мужа—что она угадываетъ въ ней лишь оскорбленіе своей любви и своего самолюбія. Онъ почему-то хотѣлъ ее покинуть! И вотъ несправедливый упрекъ срывается съ ея губъ:

— Ты меня больше не любишь! О, Пьеръ, какъ это ужасно!

Стараясь владѣть собою, призывая на помощь всю силу воли, онъ пытался убѣдить ее, опутать цѣлой сѣтью доводовъ, многотрудно сплетенной въ Донадіё. Онъ ярко изображалъ ей непрочность и сухость любви безъ дѣтей.

— Дитя—это будущность любви, единственная и настоящая ея будущность. Все остальное—пустая, интересная игра. Это—различіе между мишурнымъ обаяніемъ театра и прекрасной дѣйствительностью. Видишь ли, Жанна, когда мужчина и женщина изливаютъ въ порывѣ страсти свою любовь въ преувеличенныхъ, иногда просто лживыхъ словахъ, въ безумныхъ жестахъ и ласкахъ,—они находятся лишь во власти дикаго и мощнаго инстинкта воспроизведенія. Все въ немъ сливается и борется: страхъ, и желаніе, и сила, и слабость, восторгъ и грусть... Это и есть настоящее вино, опьяняющее въ такія минуты. По той или по другой причинѣ, *продлить себя*—вотъ смутный или же сознательный мотивъ такихъ любовныхъ стремленій. Я же не могу продлить себя, возродиться!

— Довольно, довольно, Пьеръ! Я тебя умоляю!

Какой-то мрачный энтузіазмъ самоотверженнаго настроенія все болѣе и болѣе овладѣвалъ Делафономъ.

— А ты—можешь. Это вѣдь не убьетъ меня—и даже дастъ мнѣ нѣкоторую условную радость и успокоеніе. Любя тебя по прежнему; думая, что и ты сохранишь навсегда много любви ко мнѣ; зная, какъ близко эта взаимная любовь насъ сроднила, и что въ душѣ твоей такъ много моей души,—я могъ бы себѣ представить, что твои дѣти—вмѣстѣ съ тѣмъ отчасти и мои, что они—дѣти отъ брака нашихъ душъ!

— Пьеръ, Пьеръ! Ты меня больше не любишь! Иначе ты не могъ бы придумать ничего подобнаго! Развѣ я могла бы рѣшиться имѣть дѣтей съ кѣмъ-нибудь другимъ! Ты говоришь о моемъ горѣ... Но вѣдь это горе настолько же происходитъ

отъ того, что я не могу подарить *тебѣ* дѣтей, насколько и отъ того, что не могу имѣть ихъ для себя!

Делафонъ грустно улыбнулся.

— Ну вотъ,—ты сама признаешь, какъ это печально. Отчего же ты хочешь, чтобы я безпрестанно терзался по той же причинѣ?

Она была поражена логикой этого возраженія. Она должна была сознаться, что и сама не разъ мечтала о ребенкѣ для Пьера, хотя бы и отъ другой женщины. И вотъ она все поняла мгновенно.

— Пьеръ, скажи мнѣ только съ полною, безграничною искренностью—любишь ли ты меня?

— Къ чему этотъ вопросъ, Жанна? Вся суть—въ томъ, чтобы ты старалась отвыкнуть отъ меня, разлюбить по мѣрѣ возможности. Я же даю тебѣ обѣщаніе—жить и наполнить эту новую жизнь новыми цѣлями, задачами, впечатлѣніями; я знаю, что это тебя поддержитъ. Кромѣ того, я куда-нибудь уѣду,—напримѣръ, въ Швецію,—и пробуду тамъ столько времени, сколько окажется необходимымъ. Ты пока должна сдѣлать все возможное, чтобы постепенно забывать меня. Выѣзжай, окружай себя соотвѣтствующимъ обществомъ. Ты молода, красива и богата.

— О, какъ я страшно наказана!—вдругъ зарыдала она.—Милый, милый! я никогда не буду больше отчаяваться и грустить. Принадлежать всецѣло одному только тебѣ—будетъ теперь единственной моей мечтой. О, выслушай меня! Не имѣть ребенка только по несчастной случайности—казалось мнѣ прежде чѣмъ-то невыносимымъ! Но для тебя, моего мужа, самаго близкаго, самаго дорогого существа въ мірѣ, такая жертва кажется теперь ни по чемъ!

— Но, Жанна, это жертва чисто идеальнаго, духовнаго свойства. Природа, однакожъ, рано или поздно, восторжествуетъ; приливъ материнскаго инстинкта, періодически васъ увлекающій, возьметъ верхъ надо всѣмъ. Тебѣ все-таки не избѣжать мученія нашего искусственнаго союза и безотрадной старости.

— На все готова для тебя, мой дорогой! Ты говоришь, что я буду тосковать по дѣтямъ,—но еще бо́льшая тоска овладѣетъ мной, когда я лишусь тебя, своей поддержки, своей единственной любви! Я понимаю одно только полное счастье материнства: еслибы у насъ были *наши* дѣти,—то-есть, твои и мои. Я не могу себѣ представить любви къ ребенку другого. Я только тебя люблю—и никого не хочу, кромѣ тебя! Ты—прежде всего, потомъ уже—дѣти. Ты— мой первенецъ!..

Рыданія потрясали ее. Надо было ее утѣшить и успокоить. Нельзя было, при томъ, не согласиться съ тѣмъ, что она высказала. Она принадлежала къ тѣмъ женщинамъ, которыя чувствуютъ физическое отвращеніе ко всякому другому, кромѣ любимаго человѣка.

Но, несмотря на это, онъ сохранилъ внѣшнюю сдержанность и, скрѣпя сердце, сталъ ожидать эффекта этой сцены и медленнаго дѣйствія своихъ словъ. Онъ привыкъ думать, что самыя искреннія слова не всегда передаютъ чувства во всей ихъ полнотѣ и оттѣнкахъ.

IV.

Дюгамель только-что вернулся и сѣлъ въ своей комнатѣ у открытаго окна, выходящаго въ садъ. Онъ не зажигалъ лампы, залюбовавшись странной игрой лунныхъ лучей, разбивавшихся о вѣтви и листья деревьевъ.

Вдругъ, въ маленькой сосѣдней комнатѣ, служившей въ нѣкоторомъ родѣ складомъ для шкапчиковъ съ различными принадлежностями лѣнча и файвъ-о-клока, раздались тихіе шаги и голоса. Кто-то открылъ дверь его комнаты, смежной съ этимъ уголкомъ, и крикнулъ довольно громко:

— Онъ уже улегся въ своей спальнѣ или же его нѣтъ! Здѣсь, въ кабинетѣ, нѣтъ свѣта.

Дюгамель привсталъ-было въ своемъ темномъ углу, чтобы извѣстить о своемъ присутствіи, но дверь уже успѣла закрыться. Подходя къ этой двери, онъ услышалъ отвѣтъ своей жены:

— Очень нужно мнѣ его видѣть! Этотъ отвратительный фіакръ такъ меня раздосадовалъ!

Дюгамель остановился, пораженный злобнымъ тономъ этихъ словъ. Теща, между тѣмъ, отвѣчала:

— Мы должны трястись такимъ ужаснымъ образомъ, рискуя быть сброшенными сто разъ,—и только изъ-за того, что этому господину угодно выбрасывать по сорока тысячъ франковъ на свои капризы!

— Да еще онъ смѣетъ приставать ко мнѣ со своимъ ребенкомъ! Ужъ не стану ли я его возить въ этакомъ экипажѣ!—вскричала съ досадой дочь.

— Боже тебя сохрани, душечка, отъ этой обузы! Это вѣдь страшно истощаетъ и старитъ. На ребенка всегда будетъ время,—но это—худшее рабство и смерть красотѣ.

Дюгамель приросъ къ своему мѣсту, предугадывая, что совершается нѣчто чрезвычайно для него важное.

При звонѣ рюмокъ и тарелокъ онѣ продолжали:

— Знаешь, мама,—я, было, теперь испугалась...

— Ахъ!

— Но сейчасъ же съѣздила къ Рикуръ,—и она разсѣяла мои сомнѣнія. Ты знаешь, какъ я стала осторожна со времени того случая...

— Лучше бы думать объ этомъ заранѣе.

— Да, но вѣдь иногда ничто не помогаетъ. М-мъ Бильянъ разсказывала мнѣ обо всемъ, что она предпринимала, но все-таки ребенокъ родился. И мнѣ сначала было такъ трудно, а теперь это такъ просто.

— Да, организмъ вѣдь свыкается.

Дюгамель слушалъ; онъ самъ себѣ не могъ отдать отчета въ своихъ чувствахъ—до того они были смутны, за исключеніемъ негодованія. Конечно, и грусть, и отвращеніе, и оскорбленная гордость—волновали поочередно его грудь. Но въ концѣ этого темнаго корридора виднѣлось широко распахнувшееся окно, полное свѣта... Алиса!

Въ первую минуту имъ овладѣлъ дикій порывъ бѣшенства. Онъ, казалось, готовъ былъ задушить эту женщину, онъ бросился-было къ двери... И опять цѣлый вихрь спутанныхъ, яркихъ, волшебныхъ образовъ—точно оттолкнулъ его отъ этой двери... Вездѣ—Алиса, Алиса!... Дорога въ Шуази-ле-Роа, паркъ Библѣ... бѣлоснѣжныя плечи и черный бархатъ платья... неотъемлемое право отдать ей всю душу... она тутъ же при немъ... его жена!..

— Одна лишь минута самообладанія!

Онъ уже намѣревался вернуться на свое мѣсто и думать обо всемъ этомъ, рѣшать поспѣшно, со страстнымъ нетерпѣніемъ...

Но опять его приковываетъ къ двери голосъ м-мъ Гюдъ:

— Ты видѣла маркиза у м-мъ Деларбръ?

— Нѣтъ, но онъ завтра меня ждетъ у себя.

И при всемъ томъ она еще обманывала его!..

V.

Поборовъ себя и не проронивъ ни слова, онъ поспѣшилъ отослать свою жену и тещу въ Трувилль, чтобы свободно обдумать свое рѣшеніе и подготовить все къ новой жизни.

Около того же времени онъ получилъ извѣщеніе о смерти м-мъ Жакѣ. Онъ часто посѣщалъ эту прекрасную женщину въ больницѣ, успѣвъ ее узнать въ послѣднія недѣли ея жизни,—и письмо ея, продиктованное чуть ли не въ предсмертныя мгновенія, потрясло его до глубины души. Она еще разъ его умоляла принять подъ свое покровительство ея дѣтей.

Онъ тотчасъ же отправился повидать сиротъ. Дѣти весело играли, свыкнувшись уже со своимъ новымъ гнѣздомъ и успѣвъ привязаться къ рабочему и его женѣ. Дюгамель выбралъ нарочно часъ, когда его пріятель былъ дома. Они приняли извѣстіе съ искреннимъ огорченіемъ, но безъ малѣйшей аффектаціи.

— Итакъ, сударь, вы окончательно рѣшили взять отъ насъ дѣтей?

— Да, да.

Рабочій немного помолчалъ, выпустилъ клубъ дыма и затѣмъ сказалъ съ явнымъ колебаніемъ:

— А намъ можно будетъ ходить изрѣдка повидать ихъ?

— Вы этого желаете?

— Мы къ нимъ уже привязались. У нихъ благодарная натура, у этихъ ребятишекъ. Они намъ заплатили за наши заботы своей любовью. Они расцвѣли у насъ. Это не забывается.

— Вы правы. И еслибы я повиновался лишь побужденіямъ чувства, я обѣщалъ бы вамъ, конечно, частыя свиданія съ ними. Но поймите, что я ихъ хочу помѣстить у людей, которые непремѣнно пожелаютъ ихъ усыновить. Такъ пусть же они узнаютъ какъ можно позже, что они—сироты. Часто такія дѣти страдаютъ отъ низкихъ упрековъ, которыхъ они не могутъ постичь, потому что ихъ вины нѣтъ на самомъ дѣлѣ. Со временемъ, когда они умственно созрѣютъ, они сами будутъ виноваты, если станутъ отъ этого страдать. Но въ раннемъ дѣтствѣ такія впечатлѣнія оставляютъ глубокій слѣдъ на всю жизнь. Въ моемъ коллежѣ былъ маленькій товарищъ, незаконное дитя. Когда онъ перемѣнилъ фамилію послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ пребыванія въ школѣ, одинъ изъ мальчиковъ, очевидно, наученный злыми родственниками, посмѣялся надъ его незаконнорожденностью. И съ тѣхъ поръ онъ сталъ дичиться всѣхъ, во все пребываніе въ коллежѣ былъ мизантропомъ; недавно же, повстрѣчавшись со мной на улицѣ,—отвернулся, чтобы избѣгнуть возобновленія знакомства, несмотря на мое дружеское отношеніе къ нему.

— Я васъ отлично понимаю,—сказалъ рабочій,—у васъ прекрасное сердце и вы думаете обо всемъ.

— Итакъ,—сказалъ Дюгамель,—чтобы избѣгнуть слишкомъ

тягостной разлуки, вы будете ихъ навѣщать время отъ времени, разъ въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ—только вдвоемъ, безъ вашихъ дѣтей.

— Такъ, значитъ, наши дѣти не настолько богаты, чтобы...

— Жена!—остановилъ ее нетерпѣливо рабочій.—Пойми же, что дѣти остаются разъ навсегда товарищами, и если только допустить эти встрѣчи,—этимъ бѣдняжкамъ не избѣжать горестей, о которыхъ говорилъ м-сьё Дюгамель.

Дюгамель каждый день пріѣзжалъ за дѣтьми и водилъ ихъ гулять. Когда они къ нему привыкли, онъ ихъ совсѣмъ увезъ къ себѣ и проводилъ съ ними цѣлые дни. Это были невинныя, нѣжныя созданія съ чарующей прелестью наивныхъ понятій въ играхъ и мечтаніяхъ. Дюгамель восхищался ихъ побѣдною силой. Какъ могущественно природа вооружила ихъ слабость! Сколько граціи и свѣжести, сколько порабощающей довѣрчивости и искренности дѣлаютъ ихъ нашими властелинами! Дюгамель внесъ даже нѣкоторое увлеченіе во внѣшнія ихъ приготовленія къ будущей жизни. Не говоря уже о заботахъ объ ихъ цвѣтущемъ и здоровомъ видѣ, онъ хлопоталъ даже объ изяществѣ ихъ платьицъ, свободной и простой граціи ихъ обращенія, капризной красотѣ золотыхъ кудрей.

„Они должны сразу понравиться и побѣдить“,—думалъ онъ, заботясь о ихъ будущности.

VI.

Это былъ конецъ октября. Делафоны узнали о возвращеніи м-мъ Дюгамель и ея матери, но ихъ другъ не возобновлялъ до сихъ поръ своихъ обычныхъ вторниковъ и почему-то не появлялся къ завтракамъ на Келлерманскомъ бульварѣ. Онъ находилъ къ тому множество предлоговъ и умолялъ, чтобы они ждали его терпѣливо. Около того же времени, Бизо вернулся изъ Россіи, куда онъ ѣздилъ по дѣламъ своей компаніи. Здѣсь его ждало грустное разочарованіе. Алиса ему отказала, несмотря на всѣ его мольбы и на усилія Делафона убѣдить ее въ безразсудствѣ такого рѣшенія. Бизо удалился съ полуотчаяніемъ, свойственнымъ подобнымъ натурамъ, которое имъ не мѣшаетъ довольно скоро мириться съ необходимостью.

М-мъ Делафонъ начинала мало-по-малу предаваться прежнему настроенію, скрываясь отъ мужа, но наружность выдавала ее. Делафонъ же опять этимъ терзался, хотя его нервы до сихъ

моръ были еще сравнительно крѣпки. И жизнь потекла съ каждымъ днемъ грустнѣе, тѣмъ болѣе, что и веселость Алисы,—ихъ солнечный лучъ,—исчезла, казалось, безслѣдно.

Но вотъ они вдругъ получили короткое извѣщеніе отъ Дюгамеля, что онъ къ нимъ пріѣдетъ на слѣдующій день въ сопровожденіи племянника и племянницы. Кромѣ удовольствія повидать друга, они испытывали нѣкоторое любопытство, возбужденное такими близкими родственниками Дюгамеля, о которыхъ они раньше никогда не слыхали.

Утромъ, еще довольно рано, передъ калиткой сада остановился экипажъ, и изъ него вышелъ Дюгамель съ двумя прелестными дѣтьми—пятилѣтнимъ мальчикомъ и трехлѣтней дѣвочкой. Онъ ихъ представилъ какъ своихъ племянника и племянницу. У нихъ былъ видъ воспитанныхъ въ довольствѣ дѣтей, и они, казалось, обожали своего дядю. Однакоже это имъ не помѣшало легко поддаться ласкамъ Алисы и м-мъ Делафонъ, за которыми они вскорѣ начали бѣгать по всему дому. За столомъ ихъ посадили рядомъ съ м-мъ Делафонъ, которая всецѣло предалась заботамъ о нихъ, кормила ихъ и страстно ласкала. Делафонъ трепеталъ, видя ее такой довольной и счастливой и предугадывая горестную реакцію.

Послѣ завтрака дѣти играли въ саду, заглядывали въ будку Бокса и такъ набѣгались и навеселились, что ими вскорѣ овладѣла сонливость. М-мъ Делафонъ и Алиса увели ихъ въ спальню и уложили.

Дюгамель и Делафонъ съ прежнимъ возбужденіемъ и интересомъ, но съ болѣе свѣтлой окраской своихъ мыслей, долго бесѣдовали объ излюбленныхъ предметахъ. И въ этой отрадной для обоихъ бесѣдѣ ясно опредѣлилось, что Делафонъ гораздо болѣе теперь способенъ воспринять утѣшительное ученіе Дюгамеля и что онъ жаждетъ съ нимъ согласиться.

— Ты знаешь,—сказалъ между прочимъ Делафонъ,—какъ я желалъ бы слѣдовать твоимъ взглядамъ, какую вижу въ нихъ поддержку; но лишь только ты удаляешься съ моихъ глазъ,—какой упадокъ духа, какая томительная скука!

Онъ снова заговорилъ о своихъ одинокихъ размышленіяхъ въ Донадіё, объ угнетающей несправедливости безцѣльныхъ страданій, безъ опредѣленной надежды на торжество справедливости въ будущемъ.

— Мы еще долго будемъ во власти метафизически-миѳологическихъ понятій,—отвѣчалъ Дюгамель.—Это еще не свергну-

тое до сихъ поръ рабство. Мы просто становимся смѣшными, уповая на безусловную справедливость отдаленнаго будущаго, такъ какъ мы не можемъ знать, *какова* будетъ эта справедливость, какія о ней понятія выработаетъ будущность. Мнѣ кажется, что надежда и тогда будетъ не менѣе прекрасной, когда понятіе о безсмертномъ и совершенствующемъ началѣ, преображающемъ всѣ препятствія и страданія въ болѣе и болѣе сложныя и изощренныя формы, окончательно утвердится въ человѣческой мысли. Много ли найдется болѣе возвышенныхъ представленій, чѣмъ то, которое даетъ намъ человѣкъ,—это божественное явленіе, моментъ, резюмирующій весь міръ, все животное царство, освященное благородствомъ гуманизма? Весь вопросъ, видишь ли, въ томъ, чтобы найти новыя формы, которыя бы помогли человѣчеству постичь весь міръ, когда оно наконецъ достигнетъ всеобщаго сознанія, когда оно отыщетъ законы, благодаря которымъ живыя существа противополагаются другъ другу и уравновѣшиваются между собою въ обширномъ мірѣ.

— Быть можетъ!—сказалъ мечтательно Делафонъ.

При этихъ словахъ они вошли въ домъ. Малютки все еще спали; ихъ нѣжныя личики зарылись въ мягкія кружева воротниковъ. М-мъ Делафонъ не сводила съ нихъ глазъ, покрывая ихъ отъ времени до времени легкими, осторожными поцѣлуями. Она вскрикнула отъ испуга, увидѣвъ входившаго Дюгамеля, и все ея лицо исказилось болѣзненнымъ страданіемъ.

— Вы уже хотите ихъ увезти?!..

— М-мъ Делафонъ,—сказалъ Дюгамель,—если желаете, они останутся у васъ навсегда. У нихъ нѣтъ родителей, и вы можете ихъ усыновить.

Она упала на колѣни у кровати, на которой они спали, и въ порывѣ безграничной радости, заливаясь слезами, схватила руку Дюгамеля и покрыла ее поцѣлуями. Делафонъ и Алиса были тутъ же,—онъ, растерявшійся отъ неожиданнаго счастья, она же меланхолически улыбающаяся.

— Мнѣ еще остается, дорогіе друзья, обратиться къ вамъ съ одной просьбой,—сказалъ Дюгамель.

— Говорите же! Говори! воскликнули всѣ вмѣстѣ.

— Прошу у васъ руки Алисы... для себя.

— Алисы?!

— Да. Я убѣдился въ измѣнѣ моей жены съ маркизомъ д'Эскруа. У меня есть и другія, пожалуй болѣе важныя причины развестись съ нею.

Алиса слушала, близкая къ обмороку. Делафонъ первый пришелъ въ себя.

— Пусть Алиса рѣшаетъ,—сказалъ онъ.

— О, это ужъ давно рѣшено!—проговорила Алиса.

Дюгамель сжалъ ее крѣпко въ своихъ объятіяхъ.

О. М.

ЛИКВИДАЦІЯ
ПРОМЫШЛЕННАГО ОЖИВЛЕНІЯ

„Россія въ концѣ XIX-го вѣка".

I.

Наиболѣе характерной чертой нашей экономической политики за послѣднее время является усиленное покровительство нѣкоторымъ отраслямъ добывающей и обработывающей промышленности путемъ огражденія ихъ высокими таможенными пошлинами отъ конкурренціи иностранныхъ продуктовъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, по разнымъ поводамъ со стороны руководителей этой политики дѣлаются попытки выяснить задачи ея и періодически подводятся итоги достигнутымъ уже въ данной области результатамъ. Однимъ изъ такихъ поводовъ послужила, между прочимъ, парижская выставка, вызвавшая появленіе на свѣтъ обширнаго сборника: „Россія въ концѣ XIX вѣка", составленнаго подъ руководствомъ чиновъ финансоваго вѣдомства и изданнаго на его средства. Сборникъ этотъ посвященъ главнымъ образомъ обозрѣнію успѣховъ, достигнутыхъ покровительствуемыми отраслями промышленности. Однородный характеръ носили изданныя ранѣе тѣмъ же вѣдомствомъ изслѣдованія по случаю выставокъ, бывшихъ въ Нижнемъ-Новгородѣ и Чикаго. Надо сказать, однако, что если время для парижской выставки оказалось выбраннымъ не особенно удачно, то по отношенію къ нашему отечеству оно совпало съ нѣкоторыми весьма непріятными пертурбаціями въ ходѣ его экономической жизни. Къ числу ихъ нужно отнести неурожаи, повторившіеся, два года назадъ, въ наиболѣе хлѣбородныхъ нашихъ районахъ, и затянувшійся промышленно-биржевой кризисъ, начавшійся гораздо ранѣе переживаемыхъ

теперь политическихъ затрудненій, подъ вліяніемъ которыхъ онъ только обострился. Отсюда естественно возникаетъ вопросъ объ отсутствіи или наличности связи между этими неблагопріятными явленіями и самой экономической политикой, конечная задача которой заключается въ томъ, чтобы возможно скорѣе превратить Россію изъ страны земледѣльческой въ страну промышленную, наиболѣе дѣйствительными средствами для чего и признано усиленіе таможеннаго покровительства.

Фактъ, что выполненіе подобнаго рода программы связано съ тяжелыми матеріальными жертвами для населенія, никѣмъ, естественно, не отрицается. Проповѣдники и исполнители ея говорятъ лишь, что корень протекціонизма горекъ, а плодъ его будетъ сладокъ. „Утвержденіе,—пишетъ по этому поводу проф. Ланговой,—что русская покровительственная система ложится тяжело на все населеніе, и что русскому человѣку обходится многое дороже, чѣмъ иностранцу,—нельзя не признать въ общемъ справедливымъ"... Но, „вмѣстѣ съ тѣмъ, нельзя забывать и того, что по мѣрѣ развитія промышленности возникаетъ конкурренція между производителями, вслѣдствіе чего товары понижаются въ цѣнѣ; чѣмъ интенсивнѣе идетъ развитіе производства, тѣмъ быстрѣе дешевѣютъ и товары. Судя же по напряженному росту русской фабрично-заводской промышленности, не далеко то время, когда внутренній спросъ будетъ удовлетворенъ въ Россіи полностью мѣстными произведеніями, и когда, несомнѣнно, приносимыя въ настоящее время жертвы вознаградятся сторицею" („Общіе итоги русской промышленности", стр. 239). Такимъ образомъ, за тяжелыя жертвы *въ настоящемъ* русскому населенію обѣщаются великія блага *въ будущемъ*. Но не предпочло бы ли само населеніе синицу въ рукахъ журавлю въ небесахъ? Затѣмъ будущее будущему—рознь. Есть будущее, которое принято называть „болѣе или менѣе близкимъ", и есть будущее „болѣе или менѣе отдаленное". Въ данномъ же случаѣ рѣчь, повидимому, можетъ идти только о послѣднемъ. Вѣдь самъ г. Ланговой замѣчаетъ, что „русское правительство вступило на путь положительнаго протекціонизма и твердо держится на этомъ пути въ теченіе послѣднихъ *двадцати лѣтъ*". Въ какомъ же положеніи оказалось населеніе послѣ этого довольно продолжительнаго періода времени по отношенію къ результатамъ протекціонизма? Подтверждаетъ ли оно высказанное г. Ланговымъ утвержденіе о томъ, что „чѣмъ интенсивнѣе идетъ развитіе производства, тѣмъ быстрѣе дешевѣютъ и товары". Объ интенсивности развитія разныхъ производствъ авторъ „Итоговъ", дѣйствительно, говоритъ очень много, а вотъ о быстромъ удешевленіи товаровъ онъ почему-то умалчиваетъ—и дѣлаетъ весьма благоразумно. Дѣло въ томъ, что для большинства продуктовъ покро-

вительствуемыхъ отраслей промышленности наблюдается какъ разъ обратное явленіе въ видѣ болѣе или менѣе значительнаго повышенія на нихъ цѣнъ. Въ особенности это нужно сказать о металлахъ и разныхъ издѣліяхъ изъ нихъ, степень доступности которыхъ имѣетъ едва-ли не самое важное значеніе съ точки зрѣнія успѣшнаго развитія другихъ отраслей народнаго производства, а въ частности земледѣльческаго промысла. Такъ, Б. Ф. Брандтъ въ своемъ изслѣдованіи о вліяніи прилива къ намъ иностранныхъ капиталовъ, между прочимъ, замѣчаетъ, что „прогрессъ производства въ металлургической промышленности не сопровождается соотвѣтственнымъ удешевленіемъ цѣнъ металла". Причина же „продолжающейся у насъ до сихъ поръ дороговизны металловъ заключается, съ одной стороны, въ томъ, что цеховые расходы производства у насъ выше, чѣмъ на Западѣ, а съ другой стороны—въ томъ, что производство металловъ не покрываетъ всего существующаго на нихъ спроса, вслѣдствіе чего конкурренція почти бездѣйствуетъ" („Иностранные капиталы", Спб. 1899 г., стр. 86—87). Затѣмъ, у г. Радцига мы находимъ и точныя данныя о движеніи цѣнъ за указанный періодъ на различные металлы. Изъ нихъ оказывается, что на нижегородской ярмаркѣ литье чугунное продавалось, въ 1878 г., по 1 р. 60 коп. за пудъ, а въ 1894 г.—по 3 р. 45 коп.; цѣна на листовое желѣзо повысилась съ 3 р. 20 коп. до 4 р. 40 коп., на полосовое—съ 1 р. 75 коп. до 2 р. 35 коп., и т. д. Слѣдуетъ прибавить къ этому, что повышеніе цѣнъ у насъ на металлы наблюдалось параллельно быстрому пониженію ихъ на западноевропейскихъ рынкахъ. Цѣна стальныхъ рельсовъ, напримѣръ, къ 1897 г. въ Англіи и Бельгіи упала до 60 коп. за пудъ, у насъ же она повысилась до 1 р. 50 коп. (А. А. Радцигъ: „Желѣзодѣлательная промышленность всего свѣта". Спб., 1900 г.).

Такимъ образомъ, несомнѣнно, что за двадцать лѣтъ „твердаго" примѣненія у насъ таможенно-покровительственной политики результаты ея, съ точки зрѣнія доступности покровительствуемыхъ отраслей промышленности, выразились для населенія лишь въ очень крупныхъ переплатахъ, которыя дѣлались и продолжаютъ дѣлаться при покупкѣ ихъ. Населеніе нашего отечества все еще какъ бы продолжаетъ пребывать въ своего рода чистилищѣ, пройти черезъ которое ему необходимо, чтобы получить вознагражденіе „сторицею" за „приносимыя въ настоящее время жертвы". Но способствуетъ ли, дѣйствительно, покровительственная политика въ нынѣшнемъ ея видѣ приближенію этого блаженнаго момента?

II.

Объ огромныхъ успѣхахъ, которые дѣлаютъ покровительствуемыя отрасли промышленности, нелицепріятно свидѣтельствуетъ, повидимому, „языкъ цифръ“. Надо сказать, однако, что показаніями этого языка слѣдуетъ пользоваться съ большой осторожностью. Такъ, г. Ланговой въ своихъ „Итогахъ“, обращаясь къ языку цифръ, между прочимъ, говоритъ, что „о *количественной* сторонѣ состоянія русской промышленности можно составить себѣ представленіе на основаніи слѣдующихъ данныхъ“... Далѣе слѣдуютъ и самыя данныя, выражающія собою „*стоимость* выработанныхъ продуктовъ и издѣлій“. Изъ нихъ видно, что въ 1887 г. стоимость такихъ продуктовъ составляла 1.334 милл. р., а въ 1897 г.—2.839 милл. р. Отсюда уже г. Ланговой приходитъ къ цѣлому ряду выводовъ, касающихся какъ абсолютнаго „роста производительности“ всѣхъ отраслей промышленности, такъ и объ относительномъ ростѣ каждой изъ нихъ въ отдѣльности. Но эти выводы являются совершенно праздными занятіемъ въ виду того простого обстоятельства, что ростъ „производительности“ продуктовъ и ростъ ихъ „стоимости“—это далеко не одно и то же. Принимаемое г. Ланговымъ отождествленіе можно было бы признать правильнымъ только въ томъ случаѣ, еслибы стоимость единицы продукта за весь изслѣдуемый періодъ оставалась неизмѣнной, чего на самомъ дѣлѣ нѣтъ. Еще недавно, напримѣръ, пудъ каменнаго угля на мѣстѣ въ донецкомъ бассейнѣ стоилъ около 6 коп., а теперь его продаютъ по 12 коп. Въ результатѣ производительность копей можетъ остаться прежней, а по методу, принятому для ея исчисленія г. Ланговымъ, она удвоится. Рядомъ же съ этимъ и каменноугольный кризисъ изъ бѣдствія превратится въ чрезвычайно отрадное явленіе, свидѣтельствующее о дальнѣйшемъ колоссальномъ успѣхѣ въ развитіи нашей каменноугольной промышленности. Приблизительно въ такой же пропорціи или даже большей повысились въ послѣднее время цѣны нефти. Отсюда новое ликованіе по поводу „замѣчательной интенсивности“, съ которою совершается „ростъ русской промышленности“. Затѣмъ правительство признало необходимымъ повысить цѣны на заказываемые для казенныхъ желѣзныхъ дорогъ рельсы и на различныя принадлежности подвижного состава, что̀ является новымъ источникомъ роста производительности металлургическихъ заводовъ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ, какъ, напримѣръ, въ хлопчатобумажномъ производствѣ, стоимость произведенныхъ продуктовъ повысилась вслѣдствіе повышенія пошлинъ на сырой матеріалъ, и т. д. Въ общемъ, такимъ образомъ, въ данной области создается весьма благодарное для ста-

тистики нашихъ промышленныхъ успѣховъ взаимодѣйствіе. Усиленіе таможеннаго покровительства, вызывающее повышеніе цѣнъ на продукты покровительствуемыхъ отраслей промышленности, даетъ гг. статистикамъ поводъ кричать о небывало-быстромъ ростѣ ихъ производительности.

Точно также весьма загадочное значеніе имѣетъ и цифра въ 2.839 милл. р., якобы выражающая собою „стоимость выработанныхъ продуктовъ и издѣлій", въ 1897 г., всѣми промышленными предпріятіями. Авторъ „Итоговъ" на этотъ счетъ не даетъ никакого разъясненія, и можно подумать, что здѣсь дѣло идетъ о стоимости товаровъ, выпущенныхъ на рынокъ. Только обратившись къ первоисточнику, мы убѣждаемся, что здѣсь опять-таки кроется крупное недоразумѣніе. Приведенную цифру г. Ланговой взялъ изъ оффиціальнаго „Свода данныхъ о фабрично-заводской промышленности въ Россіи за 1897 г." („Матеріалы для торгово-промышленной статистики". Спб., 1900 г.). Между тѣмъ, въ предисловіи къ этому изданію, читатель предупреждается, что „приведенная въ сводѣ стоимость производства показана по той цѣнѣ, по которой вырабатываемыя издѣлія выпускаются съ фабрики или завода, при чемъ въ итогахъ не вычиталась стоимость вошедшихъ въ производство сырыхъ и полуобработанныхъ матеріаловъ, благодаря чему *болѣе или менѣе преувеличено экономическое значеніе*, въ особенности, тѣхъ видовъ обработывающей промышленности, которые являются послѣднимъ звеномъ въ рядѣ подготовительныхъ производствъ разныхъ иныхъ наименованій". Но приведенная поправка касается только относительнаго экономическаго значенія различныхъ отраслей промышленности, о производительности которыхъ въ дѣйствительности вовсе нельзя судить по рыночной стоимости выпускаемыхъ ими продуктовъ. Такъ, сельскохозяйственное предпріятіе, выпускающее на 1000 руб. зерна, окажется съ гораздо высшею производительностью, чѣмъ мельница, перерабатывавшая это зерно, хотя стоимость продуктовъ послѣдней будетъ выше. Правильно понимаемая производительность выражается только тою прибавочною стоимостью, которую каждая отрасль промышленности сообщаетъ перерабатываемымъ ею продуктамъ. Такимъ образомъ, для опредѣленія производительности сельскохозяйственнаго предпріятія слѣдуетъ изъ суммы, выражающей стоимость продуктовъ его производства, вычесть стоимость сѣмянъ, для мельницы—стоимость зерна и т. д. Точно также и для опредѣленія производительности всей фабрично-заводской промышленности необходимо изъ цифры въ 2.839 милл. руб. вычесть стоимость сырыхъ матеріаловъ и полуфабрикатовъ, поступившихъ для переработки. Но этого мало. Указанная цифра получилась отъ сложенія суммъ, представляющихъ собою стоимость продуктовъ, какъ

выпускаемыхъ на рынокъ, такъ и вырабатываемыхъ различными промежуточными инстанціями. Вслѣдствіе этого, стоимость нѣкоторыхъ продуктовъ входитъ въ составъ общей суммы по нѣсколько разъ. Въ хлопчатобумажной промышленности, напримѣръ, отдѣльно исчисляется стоимость вырабатываемой пряжи, затѣмъ къ ней прибавляется стоимость миткаля, сдѣланнаго изъ той же пряжи; наконецъ, миткаль превращается въ ситецъ и получается третье слагаемое, которое собственно и выражаетъ собою стоимость продуктовъ всѣхъ трехъ производящихъ инстанцій. Подобнымъ же образомъ въ желѣзодѣлательной промышленности сначала приводится стоимость чугуна, потомъ выдѣланнаго изъ него желѣза, потомъ выдѣланныхъ изъ желѣза рельсовъ, машинъ, орудій и т. д. Въ результатѣ цифра 2.839 милл. руб. не представляетъ собою ни производительности фабрично-заводской промышленности, ни даже валовой стоимости выпущенныхъ ею на рынокъ товаровъ. Это, такъ сказать, общій оборотъ нашего фабрично-заводскаго производства, въ который включена и стоимость перерабатываемыхъ сырыхъ матеріаловъ, и стоимость продуктовъ всѣхъ промежуточныхъ звеньевъ самой переработки.

Мы остановились съ нѣкоторою подробностью на анализѣ данныхъ нашей промышленной статистики въ виду того, что пріемы ея очень многихъ вводятъ въ пагубныя заблужденія относительно истиннаго экономическаго значенія, пріобрѣтеннаго для нашего отечества успѣхами фабрично-заводской промышленности. Ошибка и состоитъ въ отождествленіи общаго валового оборота нашего фабрично-заводскаго производства съ его производительностью. Нѣчто подобное тому встрѣчается даже въ докладахъ г. министра финансовъ, сопровождающихъ росписи государственныхъ доходовъ и расходовъ. Во всеподданнѣйшемъ докладѣ за 1897 годъ мы читаемъ, напримѣръ, что все „годичное производство сельскохозяйственныхъ продуктовъ въ Россіи по цѣнности *не превышаетъ полутора милліарда рублей*, тогда какъ ежегодное производство нашей горной, заводской и фабричной промышленности *превосходитъ два милліарда рублей*“. Отсюда уже дѣлается выводъ о „*соотвѣтственномъ перераспредѣленіи экономическихъ силъ страны*“, т.-е. о превращеніи Россіи изъ страны преимущественно земледѣльческой въ страну преимущественно промышленную. Затѣмъ, на защиту этого оспариваемаго положенія выступилъ редакторъ оффиціозной „Торгово-промышленной газеты“, г. Ѳедоровъ, пытавшійся доказать, что земледѣліе для современной Россіи, въ качествѣ источника дохода, отступаетъ на задній планъ, очищая мѣсто фабрично-заводской промышленности. Еслибы такой выводъ былъ похожъ на правду, то оказалось бы, что земледѣльческое населеніе, произведши на полтора милліарда продуктовъ, прокормило ими себя, а на сумму,

вырученную отъ продажи остатка, оплатило ввозъ иностранныхъ товаровъ и купило болѣе, чѣмъ на два милліарда продуктовъ нашей фабрично-заводской промышленности, такъ какъ для послѣднихъ сбытъ на внѣшніе рынки почти отсутствуетъ, а сами фабрично-заводскія рабочіе также не могутъ представить собою сколько-нибудь крупнаго рынка. Дѣйствительно, мы видимъ, что за періодъ въ десять лѣтъ (съ 1887 по 1897 г.) число ихъ возросло съ 1.318 т. человѣкъ до 2.098 тыс., т.-е. на 780 т., или въ годъ—на 78 т. Сюда входятъ при этомъ какъ женщины-работницы, такъ и дѣти-полурабочіе. Между тѣмъ ежегодный приростъ населенія нашего отечества, по вычисленію г. Покровскаго, составляетъ около 2 милл. человѣкъ („Россія въ концѣ XIX вѣка". „Населеніе", стр. 58). Такимъ образомъ, ежегодный приростъ у насъ контингента фабрично-заводскаго рабочаго не достигаетъ и 4 проц. общаго прироста населенія. Ясно, что фабрично-заводская промышленность не можетъ удовлетворить даже прироста населенія, не говоря уже объ уменьшеніи относительной численности земледѣльческаго класса и пониженіи относительнаго значенія земледѣльческаго промысла. Точно также весьма плохо оправдывается и обѣщаніе создать, путемъ развитія промышленности, для сельскохозяйственныхъ продуктовъ широкій отечественный рынокъ, при чемъ они скоро совершенно перестанутъ нуждаться въ иностранныхъ рынкахъ. Приведенныя данныя о ростѣ фабрично-заводскаго рабочаго населенія за десять лѣтъ, наглядно свидѣтельствуютъ, насколько значеніе этого рынка ничтожно. Если принять во вниманіе, что число семейныхъ рабочихъ на нашихъ фабрикахъ и заводахъ весьма ограниченно, а затѣмъ жены и дѣти очень часто также значатся въ числѣ рабочихъ, то 780 т. прибавившихся за десять лѣтъ рабочихъ въ лучшемъ случаѣ создали новый рынокъ въ 1.500 т. ѣдоковъ, для продовольствія которыхъ потребуется не болѣе 30 милл. пудовъ хлѣба. Между тѣмъ вывозится хлѣба изъ нашего отечества ежегодно около 400—500 милл. пудовъ, а увеличеніе производства его за десять лѣтъ, конечно, много превышаетъ 30 милл. пудовъ. Несомнѣнно, слѣдовательно, что развитіе разныхъ отраслей промышленности въ теченіе даннаго періода нисколько не ослабило для насъ потребности въ иностранныхъ рынкахъ для сбыта продуктовъ сельскаго хозяйства.

III.

Съ другой стороны, многіе признаки несомнѣнно указываютъ, что „успѣхи", достигнутые нашей фабрично-заводской промышленностью, являются весьма непрочными, и въ этой области началось уже попят-

ное движеніе столь же стремительное, какъ и самые успѣхи. Однимъ изъ такихъ признаковъ служитъ острый промышленно-биржевой кризисъ, безпрерывно тяготѣющій надъ нашимъ финансовымъ міромъ со второй половины 1898 года. Биржа учла этотъ кризисъ путемъ соотвѣтствующей переоцѣнки акцій различныхъ предпріятій, давшей для нихъ самые печальные результаты. Значительное большинство ихъ потеряло до 50 проц. и выше своей прежней биржевой цѣны. Это уже форменный „крахъ", нанесшій весьма чувствительный ущербъ тѣмъ изъ капиталистовъ, которые вѣрили въ прочность положенія, занятаго предпріятіями, акціи которыхъ они пріобрѣтали. Пять лѣтъ тому назадъ, отмѣчая увлеченіе мелкихъ капиталистовъ биржевой игрой, создавшейся на почвѣ быстро повышавшихся цѣнъ на акціи всевозможныхъ предпріятій, мы, между прочимъ, предсказывали, что „кончится пиръ ихъ бѣдою". Трудно было, однако, предвидѣть, что это пророчество оправдается такъ скоро. Вмѣстѣ съ тѣмъ, мы выясняли, что при помощи такихъ средствъ, какъ неумѣренное таможенное покровительство и неумѣренно щедро оплачиваемые казенные заказы, нельзя „создать прочную промышленность, которая затѣмъ станетъ на собственныя ноги. Самые заводы, выростающіе какъ грибы, имѣютъ чисто спекулятивный характеръ и устроиваются на скорую руку съ цѣлью временно воспользоваться благопріятной полосой. „Едва ли, — писали мы далѣе, — при настоящихъ условіяхъ можно серьезно говорить о борьбѣ съ охватившей значительную часть общества страстью къ биржевой игрѣ. Нельзя одной рукой доставлять матеріалъ для легкой наживы, а другой — бороться съ логическими послѣдствіями такой политики. По минованіи подобныхъ условій, биржевая игра и безъ всякихъ особыхъ мѣръ войдетъ въ свои нормальные предѣлы. Но, разумѣется, этотъ переходъ *не обойдется безъ крупнаго потрясенія и значительнаго числа искупительныхъ жертвъ*" („Вѣстн. Европы", 1895 г., ноябрь. „Биржа и публика", стр. 364—365). Теперь мы именно и имѣемъ дѣло съ такимъ „потрясеніемъ", которое явилось логической реакціей искусственно созданнаго и весьма непрочнаго биржевого оживленія.

Дѣйствительно, установить тѣсную преемственную связь между мѣрами, принимающимися у насъ въ интересахъ возможно быстраго развитія фабрично-заводской промышленности и переживаемымъ теперь промышленно-биржевымъ кризисомъ, весьма не трудно.

Надо сказать, что сами послѣдователи доктрины таможеннаго покровительства въ своихъ теоретическихъ разсужденіяхъ связываютъ практическое примѣненіе ея съ различными весьма крупными ограниченіями. Такъ, проф. Менделѣевъ, по этому поводу, между прочимъ, говоритъ, что „для даннаго государства и въ данную эпоху разум-

нѣе избирать, для покровительства охранительнаго или возбуждающаго, *лишь немногіе отдѣльные товары*". Это требованіе почтенный профессоръ основываетъ на томъ справедливомъ соображеніи, что „такъ какъ размѣръ свободныхъ капиталовъ и интеллигентныхъ силъ, способныхъ вести промышленное дѣло Россіи, въ ней не великъ, то *успѣшное веденіе многихъ и разнообразныхъ дѣлъ весьма мало вѣроятно*". Съ другой стороны, при выборѣ для покровительства „немногихъ опредѣленныхъ товаровъ", оно связано „*съ возможно наименьшимъ нарушеніемъ другихъ интересовъ жизни*". (Д. Менделѣевъ „Толковый Тарифъ". Спб., 1891 г.). Между тѣмъ, примѣняемая у насъ покровительственная политика самымъ грубымъ образомъ игнорируетъ эти элементарныя требованія. Вмѣсто „немногихъ отдѣльныхъ товаровъ", она распространена на всѣ отрасли фабрично-заводской промышленности. Затѣмъ, при установленіи размѣра покровительственныхъ пошлинъ, у насъ единственнымъ руководящимъ принципомъ какъ бы является пословица, гласящая, что „масломъ каши не испортишь". Неудивительно, что мы въ этомъ отношеніи далеко опередили хотя бы Соединенные-Штаты, экономическая политика которыхъ признается ultra-протекціонной. Такъ, пошлина на чугунъ въ Соединенныхъ-Штатахъ составляетъ 12,5 к. съ пуда, а у насъ—45 к. Такимъ образомъ, наша пошлина превышаетъ самую стоимость продукта на иностранныхъ рынкахъ. Тоже наблюдается и въ отношеніи большинства другихъ продуктовъ покровительствуемыхъ отраслей промышленности.

Затѣмъ, на-ряду съ покровительствомъ „охранительнымъ", по отношенію къ нѣкоторымъ отраслямъ фабрично-заводской промышленности широко примѣнялось съ начала 90-хъ годовъ и покровительство—по выраженію проф. Менделѣева—„возбуждающее". Удобнымъ поводомъ для этого послужило оживленіе въ области желѣзнодорожнаго строительства, причемъ цѣлыя сѣти новыхъ рельсовыхъ линій сооружались какъ за средства казны, такъ и частныхъ обществъ, которыя обязывались къ тому—въ замѣнъ отсрочки выкупа въ казну принадлежащихъ имъ предпріятій. Вмѣстѣ съ этимъ, для всѣхъ строителей вмѣнено въ обязанность пріобрѣтать подвижной составъ и рельсы исключительно на отечественныхъ заводахъ. Послѣдніе, такимъ образомъ, благодаря ограниченному ихъ числу, сдѣлались полными господами положенія. Они устанавливали цѣны по своему произволу, часто на почвѣ почти открытыхъ соглашеній, а заказчики должны были имъ подчиняться. Въ виду этого признано было полезнымъ поощрить возникновеніе металлургическихъ заводовъ, обезпечивая ихъ выгодными казенными заказами на нѣсколько лѣтъ впередъ.

Это и былъ медовый мѣсяцъ для дѣльцовъ, умѣвшихъ извлекать

выгоды изъ подобнаго рода благопріятныхъ „конъюнктуръ". Достаточно сказать, что за періодъ времени съ начала 90-хъ годовъ по 1900 годъ (сѣть нашихъ желѣзныхъ дорогъ на 27 т. верстъ) ихъ построено столько же, сколько за всѣ тридцать предшествовавшихъ лѣтъ (Всеподданнѣйшій докладъ г. министра финансовъ при росписи на 1900 г.). Оборудована же была вся эта сѣть рельсовыхъ путей при посредствѣ отечественныхъ заводовъ, не взирая на огромныя переплаты, дѣлавшіяся по сравненію съ тѣми цѣнами на разныя принадлежности оборудованія, по которымъ онѣ могли бы быть пріобрѣтены за-границей. Для сибирской дороги, напримѣръ, англійскіе заводчики брались поставлять стальные рельсы по 75 к. съ пуда, но строители предпочли заплатить отечественному предпринимателю по 2 р., съ выдачей авансомъ нѣсколькихъ милліоновъ на устройство самаго завода. Въ результатѣ металлургическіе заводы начали давать небывалые барыши; вмѣстѣ съ тѣмъ повышалась и биржевая расцѣнка ихъ акцій. Такъ, акціи брянскаго завода въ 1893 г. котировались по 130 р., а въ 1895 онѣ повысились до 550 р., чтобы къ концу 1900 г. вновь упасть до 275 р. Акціи путиловскаго завода, за тотъ же періодъ, повысились съ 75 р. до 178 р. и вновь упали до 90 р. Каковы были въ то „невозвратное время" доходы заводовъ, можно судить по имѣющимся у насъ подъ руками отчетамъ южно-русскаго-днѣпровскаго металлургическаго общества. Въ 1893—4 операціонномъ году это общество на основной капиталъ въ 5 милл. р. дало 2 милл. р. чистой прибыли, или 40 проц., а въ 1897—8 гг.—4.200 т. р., или свыше 80 проц. Рядомъ съ этимъ акціи еще только задуманныхъ, но заручившихся уже выгодными заказами предпріятій выпускались иногда съ преміей, превышающей 100 проц. на нарицательную ихъ цѣну.

Благодать, изливавшаяся столь щедрою рукою на металлургическія предпріятія, рикошетомъ отражалась самымъ выгоднымъ образомъ и на другихъ отрасляхъ промышленности, не говоря уже о коммерческихъ банкахъ, принявшихъ самое живое участіе какъ въ биржевой игрѣ на повышеніе, такъ и въ учрежденіи модныхъ предпріятій, финансированіи ихъ или „размѣщеніи" акцій. Но помимо того, путемъ желѣзнодорожнаго строительства ежегодно въ обращеніе выпускались сотни милліоновъ отчасти изъ общихъ бюджетныхъ средствъ, а отчасти добывавшихся при помощи новыхъ займовъ, которые заключаются на заграничныхъ рынкахъ за счетъ казны или желѣзнодорожныхъ обществъ. Съ другой стороны, недостатокъ въ странѣ свободныхъ капиталовъ, о которомъ говорилъ проф. Менделѣевъ, восполнился приливомъ ихъ изъ-заграницы, благо проценты за нихъ платились по истинѣ ростовщическіе. По разсчету г. Головина, приливъ къ намъ иностранныхъ капиталовъ въ періодъ съ 1895 по

1897 выразился въ цифрѣ около 200 милл. р. (К. Головинъ, „Наша финансовая политика и задачи будущаго". Спб., 1899 г.). Но разумѣется, что исчисленіе это не можетъ претендовать на какую-либо точность. Во всякомъ же случаѣ приливъ иностранныхъ капиталовъ игралъ и до сихъ поръ играетъ немаловажную роль въ томъ временномъ взаимооплодотвореніи, которое установилось между казною и фабрично-заводскою промышленностью. По отношенію къ казнѣ, благотворная сторона его заключается въ томъ, что значительная часть займовъ и иностранныхъ капиталовъ попадаетъ въ ея руки вслѣдствіе усиливающагося спроса на обложенные акцизомъ или таможенными пошлинами товары. Въ общемъ, такимъ образомъ, существующее представленіе, что нашъ государственный бюджетъ не опирается теперь на займы, не вполнѣ отвѣчаетъ дѣйствительности. Безъ займовъ на сооруженіе желѣзныхъ дорогъ и безъ прилива иностранныхъ капиталовъ, увеличивающихъ косвенными путями казенные доходы, едва ли государственный бюджетъ достигъ бы того благополучія, въ какомъ онъ находится теперь. Но этотъ результатъ, какъ мы видѣли, купленъ весьма недешевой для населенія цѣной.

IV.

На неустойчивость прибылей нашихъ промышленныхъ предпріятій много разъ указывало и само министерство финансовъ, предостерегая частныхъ капиталистовъ отъ увлеченія покупкой акцій по высокимъ цѣнамъ въ надеждѣ на дальнѣйшее ихъ повышеніе. „Что ростъ русской промышленности,—читаемъ мы въ одномъ изъ такихъ предостереженій,—и во всякомъ случаѣ многихъ отраслей, за послѣдніе годы сказывается все болѣе рельефно, это едва-ли можетъ подлежать спору. Этотъ ростъ и вполнѣ благопріятное нынѣ положеніе, въ особенности нѣкоторыхъ отраслей промышленности,—напримѣръ, въ связи съ усиленнымъ желѣзнодорожнымъ строительствомъ,—желѣзодѣлательной,—это отмѣчалось неоднократно. Но это—одна сторона дѣла". Если капиталисты, при этомъ, разсчитываютъ, что „эти предпріятія будутъ въ состояніи выдавать дивиденды въ 20, 30 и выше процентовъ, то нельзя въ этомъ не усмотрѣть нѣкотораго увлеченія". Дѣло въ томъ, что „молодая промышленность, развивающаяся подъ охраною пошлинъ, первое время вбираетъ въ свою пользу всю пошлину и, совершенствуясь, т.-е. понижая стоимость производства, вырабатываетъ все большій въ свою пользу чистый остатокъ. Въ результатѣ являются крупные барыши, которые немедленно привлекаютъ къ этому дѣлу новые капиталы, и, такимъ образомъ, создается, а затѣмъ и все усугубляется

внутренняя конкурренція. Подъ вліяніемъ послѣдней, при полномъ даже сохраненіи оберегающей рынокъ отъ иностраннаго соперничества покровительственной таможенной системы, цѣны на продуктъ постепенно понижаются и приближаются къ нормальному уровню, обезпечивающему лишь среднюю устанавливающуюся въ странѣ доходность". Для иллюстраціи, авторы предостереженія напоминаютъ про „событія 1884—1886 гг. въ нашей свеклосахарной промышленности, когда она, послѣ ряда блестящихъ лѣтъ, *стала грозить почти разореніемъ многимъ предпринимателямъ*. Съ ростомъ въ странѣ промышленности, съ увеличеніемъ собственныхъ и приливомъ иностранныхъ капиталовъ, ихъ погонею за прибыльными предпріятіями, проявленіе того же экономическаго закона неизбѣжно и во всѣхъ отрасляхъ промышленности" („Вѣстн. Фин.", 1895 г., № 5).

Въ приведенномъ оффиціальномъ сообщеніи прежде всего имѣется нѣкоторое противорѣчіе. Въ немъ, съ одной стороны, говорится, что развивающаяся внутренняя конкурренція, вмѣсто чрезмѣрно высокихъ барышей, „обезпечиваетъ лишь среднюю устанавливающуюся въ странѣ доходность", а съ другой—указывается, что подобнаго рода эволюція, испытанная ранѣе свеклосахарной промышленностью „стала грозить почти разореніемъ многимъ предпринимателямъ". Значитъ ли это, что наши предприниматели отождествляютъ „среднюю доходность" съ „почти разореніемъ", или нѣкоторымъ изъ нихъ угрожало подлинное разореніе? На самомъ дѣлѣ здѣсь было и то и другое. Дѣйствительно, мы знаемъ, что въ свеклосахарной промышленности, на-ряду съ высокодоходными предпріятіями, имѣются и такія, которыя могутъ существовать только благодаря искусственному поддержанію сахарныхъ цѣнъ на уровнѣ выше нормальнаго,—а это въ свою очередь достигается путемъ нормировки самаго выпуска на рынокъ продукта. Вотъ къ какому, весьма мало утѣшительному для потребителя, результату привелъ въ данномъ случаѣ ростъ промышленности, „развивавшейся подъ охраной пошлинъ". Когда внутренняя конкурренція создала тенденцію къ пониженію цѣнъ на продукты свеклосахарной промышленности, то оказалось, что многія предпріятія вовсе не могутъ существовать при такихъ пониженныхъ цѣнахъ. Они возстали въ разсчетѣ именно на постоянство такого повышенія, при которомъ цѣны на продукты „вбираютъ въ свою пользу всю пошлину". Поэтому, для спасенія подобныхъ „гнилыхъ предпріятій", пришлось благодѣтельную конкурренцію вновь упразднить или, по крайней мѣрѣ, значительно ограничить при помощи „нормировки".

Совершенно аналогичный фазисъ переживаютъ теперь и многія другія наши отрасли фабрично-заводской промышленности, а въ особенности металлургическая и желѣзодѣлательная. Въ послѣднихъ двухъ

случаяхъ, кромѣ пошлины, предпріятія „вбирали въ свою пользу“ и воспрещеніе желѣзнымъ дорогамъ пріобрѣтать для себя предметы оборудованія за границей, даже при условіи оплаты ихъ таможенными пошлинами. Между тѣмъ, число предпріятій постепенно возростало, вслѣдствіе чего желѣзныя дороги не могли уже обезпечивать заказами каждый изъ нихъ въ прежнемъ размѣрѣ. Съ другой стороны, казна, въ качествѣ главнаго заказчика, воспользовалась такимъ увеличеніемъ, для пониженія цѣнъ на рельсы и подвижной составъ. Отсюда и явился тотъ кризисъ, наглядным отраженіемъ котораго служитъ стремительное паденіе биржевыхъ цѣнъ на акціи предпріятій данной категоріи. При этомъ акціи очень значительнаго числа предпріятій стоятъ уже ниже ихъ нарицательной цѣны, а для другихъ въ биржевомъ биллютенѣ создана особая рубрика подъ наименованіемъ „находящихся въ ликвидаціи“. Кризисъ принялъ бы еще болѣе острыя формы, еслибы казна, внявъ воплямъ заводчиковъ, не поспѣшила опять нѣсколько повысить цѣны для своихъ заказовъ.

Такимъ образомъ, практика и на этотъ разъ показала, что результатъ, при которомъ „цѣны на продукты постепенно понижаются и *приближаются къ нормальному уровню*“, достигается, на почвѣ примѣненія покровительственной политики, вовсе не такъ просто, какъ то предполагалось. Высокія цѣны на продукты, создаваемыя чрезмѣрнымъ таможеннымъ покровительствомъ, — справедливо замѣчаетъ по этому поводу г. Радцигъ,—„вредны уже тѣмъ, что капиталисты устроиваютъ предпріятія и въ такихъ мѣстахъ, гдѣ они никогда не будутъ работать дешево“. Такъ, устроенный близъ Петербурга на озерной рудѣ (желѣзодѣлательный) заводъ прямо разсчитанъ на продажную цѣну чугуна въ 90 коп. съ пуда, а между тѣмъ на югѣ и на Уралѣ чугунъ можно работать [съ пользой по 40 коп.“. Далѣе, „вновь строящіеся въ центральныхъ губерніяхъ желѣзодѣлательные заводы прямо разсчитываютъ на продажу чугуна и желѣза по теперешнимъ цѣнамъ“ (А. А. Радцигъ. „Желѣзодѣлательная промышленность всего свѣта“. Спб., 1900 г.). Рядомъ же съ этимъ, какъ свидѣтельствуетъ г. Брандтъ, на нашихъ заводахъ чугунъ продается по 60—65 коп. пудъ „при собственной стоимости въ 45—50 коп. пудъ, что̀ даетъ барышъ въ 33 проц. на затраченный капиталъ („Иностранные капиталы“).

Въ результатѣ мы имѣемъ теперь предпріятія, для которыхъ нынѣшній уровень цѣнъ только обезпечиваетъ возможность существованія, тогда какъ другимъ онъ доставляетъ чрезмѣрные барыши. Вмѣстѣ съ тѣмъ, число предпріятій первой категоріи едва-ли не превышаетъ число второй. Это объясняется самыми условіями, которыми обставлено было ихъ возникновеніе. Когда предпріятія обѣщаютъ чрезмѣрно высокіе барыши, то всѣ торопятся „ловить моментъ“ и при

учрежденіи ихъ мало считаются съ финансовыми и естественными условіями дальнѣйшей эксплоатаціи своихъ дѣтищъ. Заводы и фабрики устроиваются гдѣ попало; точно также, гдѣ попало, берутся на это необходимыя средства. Мы видимъ, напримѣръ, что учредителями самыхъ разнородныхъ предпріятій является одна и та же группа дѣльцовъ, располагающихъ связями въ видахъ возможно болѣе широкаго использованія выгодъ „возбуждающаго покровительства". Центръ тяжести при этомъ и заключался не столько въ наилучшемъ оборудованіи предпріятія, сколько въ такихъ благопріятныхъ „конъюнктурахъ". Въ первомъ отношеніи, учредители проявляли самую великодушную щедрость, уплачивая банкамъ огромныя коммиссіонныя за размѣщеніе акцій, уступая значительную часть ихъ безмездно разнымъ нужнымъ компаньонамъ и т. д. Неудивительно, что на оборудованіе самаго предпріятія удѣлялась часто сравнительно ничтожная часть „основного" капитала, тогда какъ доходъ долженъ возмѣщать проценты на весь этотъ капиталъ.

Съ другой стороны, залогъ непрочности лежалъ и въ самыхъ способахъ такъ называемаго финансированія вновь возникающихъ предпріятій. Обыкновенно требуемыхъ капиталовъ въ наличности почти никогда не имѣлось. Добывались такія средства путемъ полученія ссудъ изъ банковъ подъ залогъ выпускаемыхъ акцій. Затѣмъ подъ учетъ векселей въ тѣхъ же банкахъ пріобрѣтались оборотныя средства. Такимъ образомъ, фактическими владѣльцами большинства предпріятій являлись въ сущности коммерческіе банки, принявшіе весьма широкое и непосредственное участіе въ учредительской дѣятельности. Но банки, въ свою очередь, располагаютъ весьма незначительными собственными капиталами, такъ что „финансированіе" производилось на счетъ вкладовъ, долгосрочное помѣщеніе которыхъ воспрещается самыми элементарными требованіями цѣлесообразной банковой политики. Практика показала, что нарушеніе ихъ не проходитъ безнаказанно. Это не то, что германскіе банки, которые, принимая широкое участіе въ учредительской дѣятельности, располагаютъ и колоссальными собственными капиталами. И вотъ, когда наступило денежное стѣсненіе, выразившееся въ отливѣ вкладовъ изъ банковъ, то послѣдніе, съ своей стороны, начали требовать отъ злополучныхъ учредителей погашенія выданныхъ имъ ссудъ. За отсутствіемъ же у учредителей средствъ для этого, акціи выбрасывались на биржу. Но такъ какъ подобный моментъ совпалъ съ пониженіемъ доходности самыхъ предпріятій, то охотниковъ пріобрѣтать акціи по существовавшимъ высокимъ цѣнамъ не находилось. Надо сказать притомъ, что покровительственная политика, усугубляемая щедрою раздачею казенныхъ заказовъ, создала весьма благопріятную почву для такъ называемаго

„грюндерства", т.-е. учрежденія предпріятій не для ихъ эксплоатаціи, а для извлеченія барышей изъ перепродажи акцій. Здѣсь нѣтъ даже надобности прибѣгать къ какимъ-либо особымъ пріемамъ для искусственнаго повышенія доходности учреждаемыхъ предпріятій. Такой результатъ достигается самымъ положеніемъ дѣла, обезпечивающимъ предпріятію очень высокій доходъ на первое время его существованія, пока внутренняя конкурренція не влечетъ за собою пониженія цѣнъ и извлекаются изрядные барыши отъ казенныхъ заказовъ. Этимъ благопріятнымъ моментомъ грюндеры стараются воспользоваться, чтобы передать акціи во вторыя руки по возможно высокимъ цѣнамъ, что очень часто и удается. Судьба такихъ акцій, какъ „золотопромышленныя", „глѣбовскія", „Фениксъ", „Сталь" и т. п., служитъ весьма поучительной иллюстраціей грюндерскихъ продѣлокъ. Но несомнѣнно, что масса акцій подобныхъ предпріятій продолжаетъ имѣться на рукахъ учредителей или въ портфеляхъ банковъ, такъ какъ биржевой крахъ наступаетъ обыкновенно неожиданно даже для самыхъ предусмотрительныхъ людей.

Наступившая ликвидація промышленнаго оживленія послужила причиной рѣзкаго пониженія и акцій большинства нашихъ коммерческихъ банковъ, извлекавшихъ ранѣе изъ этого оживленія огромные доходы. Паденіе цѣнъ на акціи разныхъ предпріятій, находившіяся и находящіяся у нихъ въ портфеляхъ, наноситъ теперь крупные убытки. То же нужно сказать и о значительной части акцій, подъ залогъ которыхъ банки выдали ссуды. Многіе банки предпочли оставить эти акціи за собою, чѣмъ выбрасывать ихъ на биржу, что во многихъ случаяхъ повлекло бы полное ихъ обезцѣненіе. То же практикуется и съ безнадежными векселями, которые переписываются. Это позволяетъ отдалить моментъ реализаціи убытковъ и постепенно выбирать для того отдѣльные благопріятные моменты.

V.

Еслибы переживаемая теперь биржей и торгово-промышленнымъ міромъ пертурбація явилась только результатомъ пониженія доходности предпріятій до „нормальнаго уровня" и соотвѣтствующей переоцѣнки акцій ихъ, то и тогда такую пертурбацію нельзя было бы признать вполнѣ безвредною. Считаемъ необходимымъ оговориться, что мы вовсе не раздѣляемъ той точки зрѣнія, въ силу которой биржевая цѣна акцій отождествляется съ какимъ-то реальнымъ богатствомъ, а потери акціонеровъ—съ потерями всего народнаго хозяйства. Стоили, напримѣръ, брянскія акціи 550 р., теперь же онѣ сто-

ать 250 р.,—слѣдовательно, говорятъ, страна потеряла на каждой акціи 300 р. и на всѣхъ 5 тыс. акціяхъ—1.500 тыс. рублей. Сосчитайте же,—предлагаютъ,—какой колоссальный капиталъ потерянъ страной вслѣдствіе общей переоцѣнки процентныхъ и дивидендныхъ бумагъ, произведенной нашей биржей въ послѣдніе два года?! Дѣйствительно, потери милліардныя. Но, чтобы показать истинное значеніе подобныхъ исчисленій, приведемъ такой примѣръ. Представьте себѣ, что какое-либо акціонерное общество извлекло свои доходы отъ грабежей на большой дорогѣ. Затѣмъ противъ грабежей приняты были мѣры, въ результатѣ чего доходность предпріятія упала, и биржевая расцѣнка его акцій рѣзко понизилась. Неужели можно сказать, что отъ прекращенія грабежей страна въ результатѣ понесла потери? Слѣдуетъ помнить, что расцѣнка акцій того или другого предпріятія выражаетъ собою его прибыльность, независимо отъ источника послѣдней. Поэтому, если производительность какого-либо завода даже увеличится, но выручка его понизится отъ пониженія цѣнъ на продукты,—то акціи его также подвергнутся на биржѣ пониженію. Между тѣмъ, съ точки зрѣнія интересовъ всего населенія, измѣнившееся положеніе предпріятія слѣдуетъ признать безусловно измѣнившимся къ лучшему.

Такимъ образомъ, дѣйствительное значеніе пониженія биржевой цѣны акцій того или другого предпріятія можетъ быть установлено только въ зависимости отъ породившихъ его причинъ. Тѣмъ не менѣе, повторяемъ, подобнаго рода биржевыя пертурбаціи представляются весьма нежелательными, въ виду крайне неблагопріятнаго вліянія ихъ на общій ходъ промышленной жизни. Естественно, что понижательное движеніе на биржѣ подрываетъ общее довѣріе капиталистовъ къ прочности предпріятій и заставляетъ ихъ устраняться отъ всякаго дѣла. Положеніе, какъ это много разъ бывало на петербургской биржѣ, принимаетъ характеръ полной паники. Капиталисты-рантьé не могутъ, конечно, входить въ оцѣнку жизнеспособности каждаго предпріятія, акціи котораго размѣщаются при посредствѣ биржи. Поэтому, какъ прежде они стремились покупать дивидендныя бумаги, руководствуясь только общей благопріятной тенденціей, установившейся на биржѣ, такъ впослѣдствіи всѣ устремились продавать ихъ. Это, конечно, значительно обостряетъ биржевой кризисъ. Но худшее-то здѣсь заключается въ томъ, что наша предпріимчивость лишилась матеріальной поддержки капиталистовъ, не являющихся предпринимателями по профессіи, а ищущими лишь выгоднаго и благонадежнаго помѣщенія для своихъ капиталовъ. Между тѣмъ, по настоящему времени широкое развитіе промышленности немыслимо безъ такой поддержки. Отсюда очевидно, что привлеченіе къ пред-

пріимчивости капиталовъ, путемъ обезпеченія за предпріятіями временныхъ высокихъ прибылей, въ концѣ-концовъ не достигаетъ цѣли и даже приводитъ къ результатамъ какъ разъ обратнымъ.

Затѣмъ, биржевой бюллетень свидѣтельствуетъ, что цѣны на продукты различныхъ отраслей промышленности далеко еще не понизились до „нормальнаго уровня", тогда какъ акціи многихъ предпріятій, послѣ кратковременнаго повышенія, упали даже ниже al pari. Другими словами, они и теперь уже работаютъ безъ прибыли, или съ прибылью низшей противъ обычной. Что же будетъ съ ними, когда цѣны на продукты дойдутъ, дѣйствительно, до нормальнаго уровня, т.-е. до предѣла, при которомъ онѣ могли бы конкуррировать съ иностранными товарами, не нуждаясь въ защитѣ таможенно-покровительственныхъ пошлинъ? Если всѣ подобныя предпріятія должны погибнуть, то спрашивается, зачѣмъ же было вызывать ихъ къ жизни, и зачѣмъ населеніе обрекалось на тяжелыя матеріальныя жертвы, съ которыми соединено примѣненіе покровительственной политики? Что касается въ частности металлургической промышленности, этого постояннаго фаворита нашей покровительственной политики, то положеніе ея ухудшилось, какъ мы говорили, уже вслѣдствіе сокращенія заказовъ со стороны желѣзныхъ дорогъ, тогда какъ къ производству другихъ издѣлій огромное большинство предпріятій оказалось въ техническомъ отношеніи совершенно неприспособленнымъ. Вотъ что по данному поводу читаемъ мы, между прочимъ, въ послѣднемъ отчетѣ правленія путиловскаго завода: „Число заводовъ увеличивается, а правительственныя смѣты сокращаются. Между тѣмъ, новые заводы приспособляются большею частью именно на тѣ издѣлія, которыя и безъ того легко могли быть исполнены на старыхъ заводахъ. Такъ, напримѣръ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, было пять паровозныхъ заводовъ, а теперь восемь, изъ которыхъ одинъ не выпустилъ еще ни одного паровоза, а уже заручился заказомъ правительства на четыре года впередъ; вагонныхъ заводовъ было восемь, а теперь вдвое болѣе; заказовъ же врядъ ли поступитъ болѣе, чѣмъ на половину полной ихъ производительности. Акціонерамъ, конечно, извѣстно, къ какимъ печальнымъ послѣдствіямъ привелъ подобный недостатокъ въ работѣ" („Бирж. Вѣд.", отъ 18 ноября 1899 г.).

Напомнимъ, что попытки форсированнаго насажденія и развитія металлургической промышленности дѣлались у насъ не разъ, и всегда онѣ терпѣли фіаско въ видѣ прекращенія существованія искусственно вызванныхъ къ жизни предпріятій. Такъ, совершенно аналогичный кризисъ эта промышленность испытывала въ началѣ 80-хъ годовъ. Довольно безпристрастную характеристику его мы находимъ въ оффиціальномъ изданіи, предпринятомъ по поводу бывшей въ Москвѣ въ

1882 г. всероссійской промышленно-художественной выставки. „Описанное нами, говорится въ этомъ изданіи, возникновеніе крупныхъ механическихъ заводовъ въ С.-Петербургѣ показываетъ, что *почти всѣ они были созданы исключительно заказами казны, и только этими заказами они поддерживаютъ свое существованіе*“... „Но,—читаемъ мы далѣе,—нѣтъ никакого сомнѣнія, что подобное, вполнѣ зависимое положеніе заводовъ является въ высшей степени ненормальнымъ, тѣмъ болѣе, что заказы казны не могутъ быть постоянны или, по крайней мѣрѣ, не могутъ быть предоставляемы ежегодно въ такомъ размѣрѣ, чтобы въ состояніи были надлежащимъ образомъ питать каждый заводъ. Результатомъ такого положенія является *дороговизна производимыхъ заводами работъ*, а иногда даже, какъ это было указано, и *совершенная несостоятельность владѣльцевъ*, доводящая ихъ до полнаго разоренія“. Однимъ словомъ, была та же картина, какую мы наблюдаемъ теперь („Историко-статистическій обзоръ промышленности Россіи“. Томъ II. Спб. 1886 г. „Состояніе машиностроительной промышленности“, стр. 27—28).

Почти черезъ двадцать лѣтъ мы вновь присутствуемъ при ликвидаціи промышленнаго оживленія, созданнаго съ немалыми жертвами для населенія. Уроки прошлаго какъ бы оказались совершенно для насъ безполезными. Между тѣмъ, въ этомъ отношеніи явилась бы весьма поучительной даже исторія отдѣльныхъ предпріятій. Такъ, въ началѣ 70-хъ годовъ, для выполненія казеннаго заказа по заготовкѣ рельсовъ въ 4 милл. пудовъ, образовалось акціонерное общество путиловскихъ заводовъ. Но когда казенные заказы истощились предпріятіе захирѣло, и акціи его упали чуть ли не до 50 р., при нарицательной цѣнѣ въ 125 р. золотомъ. Вмѣстѣ съ наступленіемъ промышленнаго оживленія, воспрянулъ и путиловскій заводъ, акціи котораго вновь повысились до 175 р., чтобы опять упасть до 90 р. Къ тому же времени относится возникновеніе завода Бенардаки въ Сормовѣ близъ Нижняго. Заводъ и вовсе прекратилъ свое существованіе. Но, съ наступленіемъ, въ началѣ 90-хъ годовъ, благопріятной „конъюнктуры“, дѣльцы вспомнили про этотъ заводъ, и на его пепелищѣ народилось акціонерное общество сормовскихъ заводовъ. Въ 1891 г., акціи его повысились до 400 р., а теперь они стоятъ около 70 р. Всѣ подобныя предпріятія несомнѣнно обречены на гибель до новаго „промышленнаго оживленія“.

VI.

Наконецъ, необходимымъ условіемъ успѣшнаго развитія фабрично-заводской промышленности является наличность возможно широкаго

рынка для сбыта ея продуктовъ. Но само собою разумѣется, что для промышленности, продукты которой даже на ближайшихъ отечественныхъ рынкахъ находятъ себѣ помѣщенія, только благодаря устраненію иностранной конкурренціи, болѣе отдаленные иностранные рынки могутъ имѣть самое ничтожное значеніе. Другими словами, здѣсь устанавливается самая тѣсная связь между развитіемъ фабрично-заводскаго производства и размѣрами спроса, который предъявляется населеніемъ страны на ея продукты. Покровительственная же политика, обрекая населеніе на тяжелыя матеріальныя жертвы, естественно ослабляетъ этотъ спросъ и можетъ, въ связи съ другими условіями, неблагопріятными для экономическаго преуспѣянія населенія, довести его до минимума, при которомъ дальнѣйшее поступательное движеніе въ развитіи различныхъ покровительствуемыхъ отраслей промышленности находитъ себѣ непреодолимую преграду. Между тѣмъ, есть полное основаніе думать, что нашъ рынокъ именно находится въ такомъ удрученномъ состояніи. Дѣйствительно, мы видимъ, что съ конца 80-хъ годовъ наша финансово-экономическая политика подвергаетъ платежныя силы населенія весьма рискованному испытанію. Въ этомъ отношеніи усиленіе покровительственной политики совпало съ повышеніемъ почти всѣхъ старыхъ налоговъ и установленіемъ цѣлаго ряда новыхъ.

Что касается въ частности покровительственной политики, то наличности тяжелыхъ жертвъ для населенія, которыя ею вызываются, никто теперь не отрицаетъ. Открывая одно изъ совѣщаній, г. министръ финансовъ по этому поводу замѣтилъ, что „покровительственная система ложится тяжестью почти на всѣ классы населенія. Русскому человѣку обходится дороже все, огражденное пошлиной. Это главный укоръ противъ протекціонизма и укоръ вполнѣ справедливый. Но именно потому и надо стремиться возможно скорѣе пройти періодъ этой школьной выучки и быстрѣе придвинуться къ цѣли“ („Торг.-Промыш. Газета“, отъ 2 марта 1899 г. Отчетъ о хлѣбномъ совѣщаніи). Въ основу такой программы положена была увѣренность, что населеніе въ состояніи будетъ благополучно перенести требуемую предварительную „школьную выучку“. Практика, однако, говоритъ обратное.

О самыхъ размѣрахъ жертвъ, на которыя обрекаетъ населеніе покровительственная политика, трудно получить даже приблизительное представленіе. Въ данномъ случаѣ весьма поучителенъ разсчетъ, сдѣланный г. Ланговымъ для хлопчато-бумажной промышленности.

„Бумажныя ткани,—говоритъ г. Ланговой,—обложены въ Россіи весьма высокими ставками. Сто килограммовъ русскаго набивного товара въ среднемъ можетъ быть оцѣнено въ 210 р., тогда какъ изъ-за границы

этотъ товаръ могъ бы быть, при безпошлинномъ ввозѣ, доставленъ по цѣнѣ, примѣрно, около 150 р. Иначе говоря, въ настоящее время потребитель русскихъ ситцевъ переплачиваетъ на сто килограммовъ товара около 60 р., а при общемъ потребленіи въ Россіи 205 тыс. тоннъ бумажныхъ тканей вся *переплата составляетъ весьма значительную сумму—около 123 милл. рублей*". Но затѣмъ г. Ланговой пытается доказать, что для русскаго населенія выгоднѣе покупать отечественные ситцы и платить за нихъ дороже. Для этого г. Ланговой вычитаетъ изъ переплатъ населенія 35 милл. р., получаемыхъ отечественными хлопководами, 123 милл. р., затрачиваемыхъ хлопчатобумажными фабриками на производство товара (заработная плата, топливо, налоги и т. д.), и 30 милл. р. таможенныхъ пошлинъ, уплачиваемыхъ въ пользу фиска при ввозѣ иностраннаго хлопка („Общіе итоги промышленности", стр. 239—240). Въ концѣ же концовъ оказывается, что, путемъ переплатъ, русское населеніе при покупкѣ хлопчатобумажныхъ тканей еще экономитъ ежегодно до 60 милл. руб. Но, чтобы принять этотъ выводъ, нужно предположить, что, за отсутствіемъ спроса на хлопокъ, отечественные хлопководы сидѣли бы сложа руки, а не обратились бы къ производству какого-либо другого товара. Точно также нужно предположить, что остались бы безъ всякаго примѣненія трудъ рабочихъ, занятыхъ теперь на хлопчатобумажныхъ фабрикахъ, потребляемое ими топливо и т. д. Такъ какъ, однако, подобныя предположенія представляютъ собою очевидную нелѣпость, то однородный характеръ носитъ и поправка, изобрѣтенная г. Ланговымъ ad majorem gloriam протекціонной системы. Въ ней справедливо только указаніе на 30 милл. р., уплачиваемыхъ въ пользу фиска.

Но, обрекая населеніе на крупныя переплаты въ качествѣ потребителя, покровительственная политика крайне неблагопріятно отражается и на техническихъ успѣхахъ тѣхъ отраслей производства, на которыя эта политика, въ силу условій сбыта ихъ продуктовъ, не можетъ быть распространена. Къ числу такихъ отраслей промышленности принадлежитъ прежде всего земледѣліе, являющееся до сихъ поръ источникомъ благосостоянія для огромнаго большинства населенія нашего отечества. „Мыслимо ли—спрашиваетъ „Импер. Вольн. Экон. Общество",—русскому земледѣльцу догнать кого бы то ни было, когда искусственная дороговизна самыхъ орудій догонки вынуждаетъ его, все еще въ печальномъ большинствѣ, пахать землю допотопной сохой, боронить суковатымъ деревомъ (смыковкой), собирать зерно руками, очищать вѣтрами, перемалывать если не въ домашней ступѣ или кадушкѣ, то на вѣтрякѣ, въ которомъ нѣтъ ни одного желѣзнаго гвоздя, и, наконецъ, даже тщательно объѣзжать шоссированную до-

рогу, по которой на некованной лошади и въ розвальняхъ безъ подрѣзовъ нельзя ему ѣхать зимою, не рискуя и собой, и лошаденкой" („Ходатайство Импер. Вольн. Экон. Общества объ измѣненіяхъ въ русскомъ таможенномъ тарифѣ". Спб., 1890 г.). Затѣмъ, высокая стоимость сооруженія желѣзныхъ дорогъ, обусловливаемая примѣненіемъ покровительственной политики, влечетъ за собою высокіе тарифы на перевозку грузовъ. Та же покровительственная политика тормазитъ развитіе судоходства, сооруженіе подъѣздныхъ путей, улучшеніе портовъ, постройку элеваторовъ и т. п. Въ результатѣ земледѣлецъ оказывается въ непріятномъ положеніи свѣчки, которую усердно жгутъ съ двухъ концовъ. Затраты его при покупкѣ продуктовъ другихъ отраслей промышленности искусственно повышаются, а выручка отъ продажи собственныхъ продуктовъ искусственно же понижается.

Не удивительно, что прежде, чѣмъ „школьная выучка" благополучно закончилась, преуспѣвающая подъ защитой покровительственной системы фабрично-заводская промышленность начала съ тревогой замѣчать исчезновеніе потребителя. Въ такомъ именно положеніи очутилась теперь наша хлопчатобумажная промышленность, которой приходится имѣть дѣло не съ казной или съ казенными желѣзными дорогами, а непосредственно съ населеніемъ. Вмѣстѣ же съ тѣмъ представители ея поняли и обоюдоострое значеніе самаго таможеннаго покровительства. Съ весьма характернымъ заявленіемъ по этому поводу выступилъ на страницахъ „Промышленнаго Міра" одинъ „видный фабрикантъ" московскаго района, рекомендуемый газетою въ качествѣ предпринимателя, давно ведущаго „дѣло устойчивое и на широкую ногу, безъ помощи кредита". По словамъ его, „представители хлопчато-бумажной промышленности, при всей ихъ суевѣрной привязанности къ китайской стѣнѣ таможенныхъ ставокъ, начинаютъ уже отрезвляться отъ опьяняющаго яда запретительнаго протекціонизма. Пошлины, на-ряду со многими другими условіями, уже обсосали обывателя такъ, что приходится вспоминать басню о курицѣ, несущей золотыя яйца. Предъ хлопчатобумажниками эта обсосанность обывателя теперь предстала во всей своей поучительной наглядности. *Были временные и весьма крупные барыши, а теперь наступили другіе годы.* Обыватель говоритъ, что ему не въ моготу стало—и что сосать изъ него уже нечего". Въ концѣ-концовъ, „видный фабрикантъ" приходитъ къ тому справедливому заключенію, что „еслибы все шло нормально, безъ форсированной игры таможенными пошлинами, то обыватель предъявлялъ бы небойкій, но устойчивый и равномѣрный спросъ на товары, а теперь онъ покупать не можетъ ничего другого, кромѣ того, что требуется безусловно необходимыми жизненными потребностями. Безъ обывательскаго же спроса любая команда интере-

сами торговли промышленности ничего подѣлать не можетъ" („Промышленный Міръ", 1900 г. № 46: „Исповѣдь наболѣвшаго сердца").

VII.

Вмѣстѣ съ тѣмъ заслуживаетъ вниманія, что для возможнаго сокращенія періода „школьной выучки" въ области насажденія фабрично-заводской промышленности у насъ почти ничего не дѣлается. Въ данномъ случаѣ все содѣйствіе ограничивается такими немудрыми мѣрами, какъ установленіе высокихъ таможенныхъ пошлинъ или раздача щедрою рукою казенныхъ заказовъ. Эта политика позволяетъ „безъ драки—попасть въ большіе забіяки" и создаетъ внѣшнюю картину проявленія чрезвычайно энергичной заботливости о нуждахъ покровительствуемыхъ отраслей промышленности, тогда какъ въ дѣйствительности цѣлая масса вопросовъ, связанныхъ съ такимъ удовлетвореніемъ такихъ нуждъ десятки лѣтъ тщетно ждетъ своего разрѣшенія.

Напомнимъ, что только въ самое послѣднее время у насъ нѣсколько подвинулось дѣло подготовки для фабрикъ и заводовъ образованныхъ техниковъ. Но та истина, что для промышленныхъ успѣховъ одинаково нужны какъ образованные техники, такъ и образованные рабочіе, до сихъ поръ нами совершенно игнорируется. Въ этомъ отношеніи поучительный примѣръ представляетъ собою Германія. Нѣкогда, по поводу ея военныхъ успѣховъ, сложилось извѣстное изреченіе о школьномъ учителѣ, побѣдившемъ при Садовой. Теперь такое изреченіе съ одинаковымъ правомъ можетъ быть примѣнено къ промышленнымъ успѣхамъ Германіи, выражающимся въ быстромъ завоеваніи ею иностранныхъ рынковъ. „Ни одно государство,—читаемъ мы въ одномъ изъ спеціальныхъ изслѣдованій, посвященныхъ этому вопросу,—чтобы не потерять своего мѣста на международномъ рынкѣ, не можетъ оставаться позади своихъ конкуррентовъ, и потому обязано силою вещей расширять свое машинное производство, годъ отъ году болѣе сложное. Между тѣмъ, работа съ механизмами *требуетъ образованнаго и развитого рабочаго*, не говоря о свѣдущемъ механикѣ, и годъ отъ году этотъ уровень требованій ростетъ вмѣстѣ съ успѣхами техники и развитіемъ самой промышленности". Въ томъ же изслѣдованіи приведено характерное мнѣніе американскаго министра народнаго просвѣщенія, Гарриса, не безъ основанія утверждающаго, что „главная причина той крайней заботливости, съ которой Англія, Франція и Германія въ настоящее время соперничаютъ въ тратахъ и хлопотахъ о расширеніи своего народнаго образованія, наиболѣе

всего заключается въ желаніи этимъ способомъ удержать за собою міровые рынки, для чего безусловно необходимо черезъ посредство школы развивать умственныя способности народа" („Экономическая оцѣнка народнаго образованія". Очерки И. И. Янжула, А. И. Чупрова и Е. Н. Янжулъ. Спб., 1896 г.).

Въ такомъ же положеніи у насъ находится пользованіе такимъ средствомъ международнаго промышленнаго соперничества, какимъ справедливо признается теперь распространеніе въ населеніи начальнаго образованія. Оказывается, что число грамотныхъ среди взрослыхъ составляетъ въ Германіи и Скандинавіи 98 проц., въ Швейцаріи—95 проц., въ Великобританіи—90 проц., въ С.-Амер. Соединенныхъ Штатахъ—92 проц. и въ *Россіи—16 проц.*! Не удивительно, что самый дешевый трудъ русскаго рабочаго является, вмѣстѣ съ тѣмъ, и самымъ дорогимъ, вслѣдствіе его малой производительности. Тамъ, гдѣ въ Великобританіи легко справляется одинъ рабочій, у насъ нужно три и болѣе. Изъ своей практики по должности фабричнаго инспектора проф. Янжулъ разсказываетъ далѣе, что „одной крупной бумагопрядильней въ московскомъ уѣздѣ завѣдывалъ долго бывшій дворникъ, другою—бывшій мелочной лавочникъ"... Наконецъ, даже „между владѣльцами фабрикъ встрѣчались прямо лица, которыя не могли подписать свое имя подъ оффиціальнымъ документомъ, и требовалась для того посторонняя помощь"... (ibid., стр. 21). Главное, однако, то, что наша экономическая политика, повторяемъ, не только не прониклась признаніемъ за распространеніемъ въ населеніи образованія фактора первѣйшей важности для успѣшнаго развитія фабрично-заводской промышленности, а скорѣе даже наоборотъ. Такъ, на увеличивающіеся расходы земства, на нужды первоначальнаго образованія, вѣдомство, ближайшимъ образомъ заинтересованное въ промышленныхъ успѣхахъ, взглянуло чуть ли не какъ на покушеніе подорвать платежную способность населенія.

Съ другой стороны, въ крайне печальномъ состояніи находится у насъ и законодательство, регулирующее различныя стороны торгово-промышленной жизни. Ей, напримѣръ, до сихъ поръ приходится имѣть дѣло съ акціонерными уставами, изданными еще въ 30-хъ годахъ. О прежней устарѣлости этого устава и необходимости радикальнаго его пересмотра періодически повторяется въ разныхъ оффиціальныхъ актахъ, тѣмъ не менѣе—„возъ стоитъ и нынѣ тамъ"... Аналогичную судьбу испытываетъ и биржевое законодательство. Затѣмъ вопросъ объ устраненіи стѣсненій при устройствѣ промышленныхъ заведеній безконечно передается изъ одной коммиссіи въ другую, но безъ всякихъ результатовъ. Поэтому, учрежденіе у насъ какого-либо акціонернаго общества или даже самаго скромнаго предпріятія обставлено безко-

нечными мытарствами и крупными накладными расходами. На почвѣ этихъ затрудненій у насъ появились даже разные псевдо-бельгійцы въ видѣ отечественныхъ предпринимателей, предпочитающихъ отправляться для утвержденія уставовъ учреждаемыхъ ими акціонерныхъ обществъ въ Брюссель. Но освобожденіе предпріимчивости отъ всѣхъ такихъ тормазовъ представляется дѣломъ нѣсколько болѣе сложнымъ, чѣмъ повышеніе до любого размѣра таможенныхъ ставокъ. Отсюда и кажущееся противорѣчіе, выражающееся въ энергичномъ „покровительствѣ“ развитію фабрично-заводской промышленности и сохраненіи въ полной неприкосновенности многочисленныхъ тормазовъ такого развитія.

Такова, въ общемъ, совокупность тѣхъ причинъ, въ результатѣ которыхъ, вмѣсто обѣщанныхъ земныхъ благъ, покровительственная система, послѣ кратковременнаго промышленнаго оживленія, повлекла за собою рѣзкую ликвидацію его въ видѣ продолжающагося до настоящаго времени промышленно-биржевого кризиса. Напрасно въ данномъ случаѣ защитники этой политики ссылаются на разныя „независящія обстоятельства“,—то на денежное стѣсненіе, то на политическія осложненія,—какъ на виновника кризиса. То и другое могло только обострить кризисъ. Вѣдь въ странахъ западной Европы, промышленность которыхъ находится въ непосредственномъ соприкосновеніи съ рынками всего міра, послѣдствія подобнаго рода неблагопріятныхъ условій должны были бы ощущаться въ еще болѣе острой формѣ,—на самомъ дѣлѣ, однако, этого не наблюдается. „Денежное стѣсненіе“ у насъ представляетъ собою скорѣе продуктъ кризиса, чѣмъ его причину. Въ основѣ такого стѣсненія и лежитъ главнымъ образомъ недовѣріе къ прочности предпріятій, искусственно созданныхъ при помощи покровительственной системы. Въ оффиціальныхъ сообщеніяхъ послѣдняго времени не разъ отмѣчалось, что кассы и нашего государственнаго банковъ, и кассы частныхъ кредитныхъ учрежденій, обладаютъ достаточною наличностью, а зато число благонадежныхъ клiентовъ ихъ въ дѣйствительности посократилось.

Вл. Бирюковичъ.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 марта 1901.

Покушеніе на жизнь министра народнаго просвѣщенія.—Правительственное сообщеніе о мѣстностяхъ, пострадавшихъ отъ неурожая. — Гласность уголовнаго процесса по проекту новаго устава уголовнаго судопроизводства.—Огражденіе общественнаго порядка и достоинства государственной власти, какъ мотивы къ закрытію дверей засѣданія.—Дискреціонная власть высшей судебной администраціи.—Оглашеніе процессовъ въ печати. — Ограниченія устности процесса. — Разныя мнѣнія о земскихъ начальникахъ.

Въ „Правительственномъ Вѣстникѣ", а вслѣдъ затѣмъ и въ другихъ газетахъ, было сообщено прискорбное извѣстіе о томъ, что въ среду, 14-го февраля, во второмъ часу дня, въ пріемной комнатѣ министра народнаго просвѣщенія, въ зданіи министерства, во время обхода тайнымъ совѣтникомъ Боголѣповымъ просителей, одинъ изъ нихъ, гомельскій мѣщанинъ Петръ Карповичъ, выстрѣломъ изъ револьвера нанесъ министру рану въ шею. Консультація врачей признала, что пораненіе тяжкое, но что есть полная надежда на благопріятный исходъ, если не наступятъ какія-либо непредвидѣнныя осложненія. Предварительное слѣдствіе по дѣлу покушенія 14-го февраля на жизнь министра народнаго просвѣщенія производится судебнымъ слѣдователемъ по важнѣйшимъ дѣламъ Кузминымъ подъ личнымъ наблюденіемъ прокурора с.-петербургской судебной палаты. Изъ имѣющихся объ обвиняемомъ въ этомъ покушеніи свѣдѣній усматривается, что онъ—бывшій студентъ естественнаго факультета московскаго университета, откуда въ 1896 г. былъ исключенъ за участіе въ студенческихъ безпорядкахъ; въ 1898 г., Карповичу разрѣшено было поступить на медицинскій факультетъ юрьевскаго университета, откуда онъ также, весною 1899 г., исключенъ за участіе въ студенческихъ безпорядкахъ. Въ минувшемъ году Карповичъ слушалъ лекціи въ берлинскомъ университетѣ. Обвиняемый Карповичъ заключенъ подъ стражу въ домъ предварительнаго заключенія.

Въ концѣ января въ „Правительственномъ Вѣстникѣ“ появилось подробное оффиціальное сообщеніе о ходѣ продовольственнаго дѣла въ тѣхъ мѣстностяхъ юго-западной Россіи (губерніи: бессарабская, херсонская, таврическая, подольская, отчасти кіевская) и Сибири (губерніи: томская и тобольская; области: акмолинская, семипалатинская и забайкальская), которыя въ 1900-мъ году пострадали отъ неурожая. Сумма, необходимая для продовольственной помощи населенію, опредѣлена въ $5^1/_2$ милліоновъ рублей. Она признается достаточной для выполненія тѣхъ „сравнительно узкихъ задачъ, которыя, по закону, являются цѣлью правительственныхъ мѣропріятій по продовольственной части“ и обнимаютъ собою „предупрежденіе развитія эпидемическихъ заболѣваній и обезпеченіе населенія запасомъ зерна для предстоящаго ярового посѣва“. Этимъ, конечно, не могутъ быть предотвращены всѣ тяжкія послѣдствія неурожая, не только косвенныя (напр. паденіе цѣнъ на рабочія руки, уменьшеніе площади крестьянскихъ арендъ), но и прямыя, т.-е. разореніе отдѣльныхъ, наиболѣе слабыхъ крестьянскихъ хозяйствъ. „Представлялось бы, поэтому, неосторожнымъ,— читаемъ мы въ сообщеніи,—отрицать цѣлесообразность привлеченія къ дѣлу продовольственной помощи частной благотворительности со стороны лицъ, способныхъ отнестись съ участіемъ къ нуждамъ пострадавшаго сельскаго населенія. Напротивъ, надо полагать, что въ случаѣ направленія такихъ частныхъ пожертвованій въ мѣстныя учрежденія общества Краснаго Креста, въ организованныя губернаторами на мѣстахъ попечительства или въ распоряженіе завѣдывающихъ продовольственнымъ дѣломъ учрежденій, пожертвованія эти будутъ столь же умѣстны, какъ и во всѣхъ другихъ случаяхъ общественной жизни, открывающихъ почву для примѣненія частной благотворительности“. Такое сочувственное отношеніе къ частной помощи, почти равносильное прямому обращенію къ ней, составляетъ безспорную заслугу министерства внутреннихъ дѣлъ — заслугу тѣмъ болѣе цѣнную, чѣмъ полнѣе знаменуемый ею разрывъ съ недавними административными традиціями. И въ 1891—92, и въ 1897—98 гг., цѣлесообразность частныхъ усилій въ борьбѣ съ послѣдствіями неурожая была признана поздно и неохотно—столь же поздно и неохотно, какъ и самый фактъ вопіющей народной нужды. Теперь министерство идетъ на встрѣчу частной иниціативѣ и не старается умалить значеніе бѣдствія... Мы, конечно, не ошибемся, если скажемъ, что сдѣланный въ сообщеніи перечень учрежденій, черезъ посредство которыхъ можетъ быть оказана частная помощь голодающимъ, не имѣетъ исчерпывающаго характера. Опытъ прежнихъ неурожайныхъ годовъ показалъ съ полною ясностью, что всего больше пользы приносятъ небольшія, свободныя организаціи, берущія на себя заботу о той или другой

группѣ деревень и привлекающія къ себѣ, иногда въ весьма крупныхъ размѣрахъ, и личныя, и матеріальныя силы. Для такихъ организацій всегда находилось мѣсто рядомъ съ отдѣленіями Краснаго Креста, съ устроенными земствомъ или администраціей попечительствами. Нужно надѣяться, что то же самое мы увидимъ и въ продолженіе нынѣшней продовольственной кампаніи.

„Завѣдывающими продовольственнымъ дѣломъ учрежденіями", о которыхъ идетъ рѣчь въ правительственномъ сообщеніи, являются въ земскихъ губерніяхъ, несмотря на „временныя" правила 12-го іюня 1900-го года, земскія управы. Веденіе продовольственнаго дѣла оставлено за ними, какъ видно изъ сообщенія, потому что оно было начато ими еще до введенія въ дѣйствіе вышеупомянутыхъ правилъ. Не слѣдуетъ ли заключить отсюда, что продовольственная часть была поставлена земствомъ ужъ не такъ дурно, какъ утверждали и утверждаютъ противники самоуправленія? Если уполномоченный очень плохъ, то его стараются устранить тѣмъ скорѣе, чѣмъ труднѣе обстоятельства, при которыхъ ему приходится дѣйствовать. При существующей у насъ административной практикѣ, ничто не мѣшало изъять продовольственное дѣло изъ рукъ земства, въ неурожайныхъ губерніяхъ, даже раньше срока, назначеннаго для осуществленія новыхъ порядковъ. Этого не было сдѣлано: наоборотъ, работа оставлена въ рукахъ земства и послѣ срока. За нею наблюдаютъ губернаторы, въ ней участвуютъ земскіе начальники—но въ такомъ наблюденіи, такомъ участіи нѣтъ ничего новаго: и то, и другое существовало и до изданія правилъ 1900-го года. Что продовольственная нужда, со всѣми ея усложненіями, меньше всего можетъ быть поставлена въ вину земству—это видно и изъ того, что въ не-земскихъ губерніяхъ, постигнутыхъ неурожаемъ, также оказываются необходимыми чрезвычайныя мѣропріятія. Если въ губерніяхъ подольской и кіевской для продовольственной помощи достаточны, покамѣстъ, мѣстныя средства, то это объясняется тѣмъ, что до сихъ поръ юго-западный край почти вовсе не страдалъ отъ неурожаевъ, такъ давно и такъ упорно преслѣдующихъ центръ, востокъ, а въ послѣдніе годы—и югъ Россіи.

Смягчить ударъ, нанесенный земству „временными" правилами 12-го іюня 1900-го года—такова, повидимому, цѣль циркуляра, съ которымъ министерство внутреннихъ дѣлъ недавно обратилось къ губернаторамъ. Новыя правила, по словамъ циркуляра, направлены въ существѣ своемъ „къ упорядоченію дѣла собиранія и храненія мѣстныхъ продовольственныхъ средствъ, принадлежащихъ сельскимъ обывателямъ, и въ виду такой своей главной цѣли возлагаютъ завѣдываніе сельскою продовольственною частью на мѣстныя крестьян-

скія учрежденія. На обязанность земскихъ учрежденій, независимо отъ участія предсѣдателей и членовъ земскихъ управъ въ составѣ губернскихъ присутствій и уѣздныхъ съѣздовъ, дѣйствующее законодательство по прежнему возлагаетъ принятіе мѣръ къ подъему и улучшенію экономическаго благосостоянія мѣстныхъ жителей и къ обезпеченію мѣстнаго народнаго продовольствія тѣми способами и средствами, которые предоставлены земству Положеніемъ 12-го іюня 1890 года. Такимъ образомъ, въ сферу компетенціи земскихъ учрежденій съ введеніемъ закона 12-го іюня 1900 г., входятъ, между прочимъ, слѣдующія касающіяся обезпеченія народнаго продовольствія обязанности: 1) организація сельско-хозяйственной статистики и въ частности такъ называемой статистики текущихъ урожаевъ, равно какъ размѣровъ посѣвной площади, потребленія и отпуска хлѣба мѣстнымъ населеніемъ; 2) изученіе причинъ періодическихъ неурожаевъ хлѣба, находящихся въ зависимости отъ почвенныхъ и климатическихъ условій и степени сельско-хозяйственной культуры; 3) организація сельско-хозяйственнаго мелкаго кредита для снабженія крестьянъ улучшеннымъ инвентаремъ—орудіями, скотомъ и сѣменами; устраненіе препятствій, къ сбыту по выгодной цѣнѣ сельскихъ произведеній и открытіе кредита подъ хлѣбъ, для удержанія крестьянъ отъ поспѣшной продажи его; 4) принятіе мѣръ къ предупрежденію бѣдствій отъ неурожая и къ облегченію перенесенія таковыхъ сельскимъ населеніемъ; сюда относятся распространеніе въ средѣ населенія сельско-хозяйственныхъ знаній и низшаго техническаго образованія; мѣры къ введенію различныхъ меліорацій, насажденію спеціальныхъ культуръ, развитію садоводства и огородничества и къ распространенію и поддержкѣ кустарныхъ и иныхъ подсобныхъ для земледѣлія промысловъ; заботы объ охраненіи полей и луговъ отъ порчи и истребленія вредными насѣкомыми и животными; мѣры къ предупрежденію падежей скота вообще и въ частности отъ безкормицы въ неурожайные годы (заготовленіе кормовыхъ средствъ, устройство общихъ кормовыхъ загоновъ и т. п.); 5) образованіе установленнымъ для земскихъ учрежденій порядкомъ и сообразно платежнымъ силамъ мѣстныхъ жителей земскихъ общесословныхъ капиталовъ для увеличенія мѣстныхъ средствъ борьбы съ послѣдствіями неурожая, учрежденіе благотворительныхъ съ тою же цѣлью попечительствъ, обществъ, столовыхъ, пріютовъ, устройство общественныхъ работъ, а также продажа населенію хлѣба по заготовительной цѣнѣ, съ организаціей для этой цѣли постоянныхъ центральныхъ хлѣбныхъ магазиновъ, и 6) исполненіе, въ годы неурожайнаго бѣдствія, разнаго рода порученій мѣстныхъ властей по участію въ продовольственной кампаніи и обсужденіе вопросовъ продовольственнаго дѣла въ той мѣрѣ,

въ какой при подобныхъ обстоятельствахъ земства будутъ призываемы высшимъ правительствомъ.

Существенное значеніе всѣхъ вышеупомянутыхъ задачъ и обязанностей земскихъ учрежденій возлагаетъ, такимъ образомъ, на эти учрежденія отвѣтственность за своевременное принятіе цѣлесообразныхъ мѣръ къ подъему экономическаго благосостоянія мѣстнаго населенія и къ предупрежденію тяжелыхъ послѣдствій неурожайныхъ бѣдствій, тѣмъ болѣе, что временныя правила 12-го іюня 1900 г. имѣютъ своею ближайшею цѣлью только удовлетвореніе самыхъ насущныхъ потребностей сельскаго населенія—предупрежденіе проявленія голода, со всѣми его ужасными послѣдствіями, путемъ выдачи въ ссуду хлѣба и обезпеченіе возможности обсѣмененія полей".

Въ этомъ существенно важномъ циркулярѣ не вполнѣ точно, какъ намъ кажется, опредѣлена самая сущность временныхъ правилъ 1900-го года. Еслибы они имѣли въ виду только „упорядоченіе дѣла собиранія и храненія мѣстныхъ продовольственныхъ средствъ",—съ ними сравнительно легко было бы примириться: не облеченное принудительною властью, земство было безсильно достигнуть пополненія хлѣбныхъ запасовъ—а между тѣмъ несло отвѣтственность за ихъ исправность. Къ сожалѣнію, временныя правила не ограничились освобожденіемъ земства отъ тяжкой и невыполнимой для него обязанности: они лишили его права установлять степень нужды населенія и распредѣлять продовольственныя ссуды. Чрезвычайно характерны, съ этой точки зрѣнія, слова циркуляра, относящія къ обязанностямъ земства обсужденіе вопросовъ продовольственнаго дѣла въ той мѣрѣ, въ какой земства будутъ призываемы къ тому высшимъ правительствомъ. Въ томъ-то и бѣда, что одна изъ самыхъ важныхъ земско-хозяйственныхъ функцій, прежде принадлежавшая земству по праву, теперь поставлена въ зависимость отъ усмотрѣнія администраціи, которая можетъ призвать, но можетъ и не призвать земство къ ея исполненію. Что касается до остальныхъ дорогъ, открытыхъ для земства, какъ напоминаетъ ему циркуляръ, въ области продовольственнаго дѣла, то для движенія впередъ по этимъ дорогамъ на каждомъ шагу нужны средства, добываніе которыхъ до крайности затруднено *фиксаціей* земскихъ смѣтъ...

Говоря, до сихъ поръ, о работахъ коммиссіи, пересматривавшей постановленія по судебной части, мы не разъ возражали противъ проектируемыхъ ею перемѣнъ; теперь намъ приходится коснуться вопроса, по которому коммиссія оказалась, наоборотъ, слишкомъ консервативной. Правда, предметомъ этого нежелательнаго, полагаемъ, консерватизма служитъ не первоначальный текстъ судебныхъ уставовъ, а одно изъ

тѣхъ прибавленій, которыя соединены съ нимъ исключительно внѣшнею связью. Мы имѣемъ въ виду *гласность* уголовнаго процесса. Признавая ее,—и совершенно справедливо,—однимъ изъ главныхъ устоевъ нормально организованнаго суда, составители судебныхъ уставовъ обставили ее лишь самыми необходимыми ограниченіями: они точно опредѣлили кругъ дѣлъ, по которымъ *могутъ* быть закрыты двери засѣданія, и уполномочили на совершеніе этого дѣйствія *только* судъ, разсматривающій дѣло. Законъ 12-го февраля 1887 года пошелъ другой дорогой, прямо противоположной: онъ не только значительно расширилъ область дѣлъ, допускающихъ негласное разбирательство, но призналъ такое разбирательство, во многихъ случаяхъ, безусловно обязательнымъ, присоединилъ къ числу причинъ, устраняющихъ гласность, обстоятельства, не зависящія отъ свойства дѣла, и предоставилъ закрытіе дверей засѣданія какъ суду, такъ и министру юстиціи. Третій отдѣлъ коммиссіи, на обязанности котораго лежалъ пересмотръ устава уголовнаго судопроизводства, намѣтилъ, въ постановленіяхъ о гласности, цѣлый рядъ перемѣнъ, смягчавшихъ, отчасти, законъ 1887 года [1]). Предположено было, во-первыхъ, вовсе исключить изъ устава перечень дѣлъ, обязательно подлежащихъ слушанію при закрытыхъ дверяхъ; онъ найденъ былъ излишнимъ потому, что всѣ упоминаемые въ немъ преступленія и проступки охватываются общимъ терминомъ дѣяній, публичное разсмотрѣніе которыхъ оскорбляло бы религіозное чувство или нарушало бы требованія нравственности. Единственною, кромѣ соображеній религіи и нравственности, причиною закрытія дверей засѣданія по распоряженію самого суда признана была, во-вторыхъ, необходимость охраненія общественнаго порядка (меньшинство, по этому вопросу, распалось на двѣ части: три члена высказались за сохраненіе закона 1887-го года, одинъ членъ—противъ закрытія дверей засѣданія въ видахъ охраненія общественнаго порядка). Министру юстиціи, въ-третьихъ, большинство членовъ отдѣла полагало предоставить право устранять гласное разбирательство въ тѣхъ лишь случаяхъ, когда этого требуютъ общіе государственные интересы или охрана достоинства государственной власти (меньшинство—пять членовъ—находило, что право закрывать двери засѣданія должно принадлежать *только* суду). Иначе взглянуло на дѣло общее собраніе коммиссіи: въ проектъ новаго устава уголовнаго судопроизводства оно внесло всѣ ограниченія гласности, созданныя закономъ 1887 года. Разногласіе между членами коммиссіи произошло лишь по двумъ вопросамъ: меньшинство (восемь членовъ, въ томъ числѣ И. П.

[1]) Взглядъ большинства третьяго отдѣла отразился въ особомъ мнѣніи Н. С. Таганцева, приложенномъ къ проекту устава уголовнаго судопроизводства.

Закревскій, А. Ф. Кони, В. К. Случевскій, В. Д. Спасовичъ, Н. С. Таганцевъ, И. Я. Фойницкій) находило, что право закрывать двери засѣданія въ видахъ огражденія достоинства государственной власти должно принадлежать только министру юстиціи и что нѣтъ надобности перечислять дѣла, обязательно подлежащія слушанію при закрытыхъ дверяхъ, такъ какъ отъ суда (и министра юстиціи) всегда зависитъ устранить гласность разбирательства, когда она можетъ оскорбить религіозное чувство или нарушить требованія нравственности. И по тому, и по другому вопросу, мы вполнѣ согласны съ меньшинствомъ—но еслибы мнѣніе его и было принято, существенной перемѣны къ лучшему отъ этого бы не произошло. На практикѣ иниціатива закрытія дверей засѣданія въ видахъ огражденія достоинства государственной власти и теперь, въ большинствѣ случаевъ, исходитъ не отъ суда, а отъ министра юстиціи; ограниченіе, въ этомъ отношеніи, власти суда едва ли сократило бы сколько-нибудь замѣтно число дѣлъ, разбираемыхъ негласно [1]). Нѣсколько больше это число уменьшилось бы, вѣроятно, отъ уничтоженія перечня дѣлъ, обязательно требующихъ разбора при закрытыхъ дверяхъ; но результаты послѣдней мѣры легко могли бы быть парализованы болѣе частымъ примѣненіемъ дискреціонной власти суда и въ особенности министра юстиціи.

Съ точки зрѣнія составителей судебныхъ уставовъ, закрытіе дверей засѣданія (при общемъ порядкѣ судопроизводства) представлялось цѣлесообразнымъ лишь тогда, когда гласный разборъ дѣла могъ бы оскорбить религіозное или нравственное чувство. Законъ 12 февраля 1887 года допустилъ, сверхъ того, устраненіе гласности въ видахъ *огражденія достоинства государственной власти, охраненія общественнаго порядка и обезпеченія правильнаго хода судебныхъ дѣйствій.*

Разбирая, въ свое время [2]), это новое правило, мы старались показать, что оно не вызывается необходимостью и не соотвѣтствуетъ духу судебныхъ уставовъ. Четырнадцатилѣтній опытъ не поколебалъ нашего убѣжденія. Нельзя опредѣлить заранѣе, угрожаетъ ли гласный разборъ дѣла общественному порядку, совмѣстимъ ли онъ съ правильнымъ ходомъ судебныхъ дѣйствій. Какъ бы ни былъ напряженъ интересъ, вызываемый даннымъ дѣломъ въ мѣстномъ обществѣ, какъ бы сильны ни были возбуждаемыя имъ страсти, разбирательство его можетъ пройти совершенно спокойно, благодаря уваженію, которымъ пользуется судъ, благодаря авторитету и достоин-

[1]) Не слѣдуетъ, притомъ, упускать изъ виду, что распространительное толкованіе постановленій о закрытіи дверей засѣданія, если оно допущено судомъ, можетъ имѣть послѣдствіемъ отмѣну рѣшенія сенатомъ и обращеніе дѣла къ новому производству—а распоряженія министра юстиціи обжалованію и отмѣнѣ не подлежатъ.

[2]) См. Внутр. Обозр. въ № 4 „Вѣстн. Европы“ за 1887 г.

ству, съ которымъ дѣйствуетъ предсѣдатель. Власть предсѣдателя, притомъ, такъ велика, что онъ всегда можетъ предупредить или остановить въ самомъ началѣ всякое отступленіе отъ порядка. Къ чему же закрывать заранѣе двери суда, въ силу одного только предположенія, что порядокъ, *можетъ быть*, будетъ нарушенъ? Какъ различить до суда опасенія основательныя отъ неосновательныхъ, мнимыхъ, порожденныхъ городскими слухами и толками? Если видѣть въ закрытіи дверей гарантію противъ такъ называемыхъ „эффектовъ", направленныхъ къ тому, чтобы потрясти или взволновать присяжныхъ (напримѣръ, противъ криковъ, воплей, истерическихъ припадковъ), то вѣдь эти эффекты, въ особенности когда они обдуманы и приготовлены заранѣе, идутъ, бо́льшею частью, отъ лицъ близкихъ къ подсудимому или потерпѣвшему—а присутствія такихъ лицъ на судѣ ни законъ 1887-го года, ни проектъ коммиссіи не устраняетъ. Цѣль „эффектовъ" заключается не въ томъ, чтобы произвести впечатлѣніе на публику, а въ томъ, чтобы подѣйствовать на судей или присяжныхъ; степень этого дѣйствія не зависитъ отъ того, открыты или закрыты двери засѣданія... Что касается до „достоинства государственной власти", то его не слѣдуетъ отождествлять ни съ достоинствомъ одного изъ представителей власти, ни съ правильностью отдѣльнаго распоряженія, сдѣланнаго отъ ея имени. Судебное разбирательство можетъ выставить въ неблагопріятномъ свѣтѣ дѣятельность того или другого должностного лица, можетъ выяснить незаконность или непрактичность той или другой оффиціальной мѣры; но отъ этого не можетъ пострадать авторитетъ власти вообще. Учрежденія и лица, облеченныя властью, не обладаютъ непогрѣшимостью. Раскрытіе ихъ неправильныхъ дѣйствій ничего не расшатываетъ и не колеблетъ; наоборотъ, оно служитъ ручательствомъ противъ повторенія и дальнѣйшаго развитія ошибокъ и злоупотребленій. Весьма часто, съ другой стороны, публичное разбирательство дѣла ведетъ къ полнѣйшей реабилитаціи учрежденія или должностного лица, къ опроверженію цѣлыхъ легендъ, сложившихся на его счетъ—легендъ, которыя, подъ покровомъ тайны, непремѣнно продолжали бы расти и распространяться. Лѣтъ тридцать тому назадъ, послѣ покражи, совершенной изъ экспедиціи заготовленія государственныхъ бумагъ, въ Петербургѣ ходила молва о крайней небрежности, господствующей, будто бы, въ экспедиціи, объ отсутствіи правильнаго надзора за рабочими. Еслибы дѣло о кражѣ слушалось при закрытыхъ дверяхъ, слухи такъ и остались бы неопровергнутыми; публичное разбирательство уничтожило ихъ всецѣло, доказавъ полную невиновность экспедиціи. Подобныхъ примѣровъ можно было бы привести немало. Чтобы окончательно убѣдиться въ томъ, что гласный разборъ судебныхъ дѣлъ не можетъ

повредить достоинству государственной власти, достаточно спросить себя, больше ли былъ ея нравственный авторитетъ до введенія судебныхъ уставовъ, когда она находилась подъ защитой канцелярской тайны?...

Еще меньше, чѣмъ увеличеніе числа поводовъ къ закрытію дверей засѣданія, согласуется съ духомъ судебныхъ уставовъ и съ нормами правильно организованнаго процесса роль, отведенная закономъ 1887-го года министру юстиціи и сохраняемая за нимъ всецѣло проектомъ коммиссіи. Какъ бы широка ни была, по отношенію къ закрытію дверей засѣданія, дискреціонная власть суда, примѣненіе ея на практикѣ бо́льшею частью сдерживается въ извѣстныхъ границахъ, благодаря преданіямъ и взглядамъ, образовавшимся въ первое время дѣйствія судебныхъ уставовъ. Находясь на мѣстѣ, судъ имѣетъ всѣ данныя для повѣрки настояній, клонящихся къ закрытію дверей засѣданія; онъ можетъ оцѣнить какъ слѣдуетъ и просьбы частныхъ лицъ, заинтересованныхъ въ негласномъ разборѣ дѣла, и заявленія учрежденій, почему-либо опасающихся гласности, и городскіе толки, предсказывающіе нарушеніе порядка на судѣ. Совершенно инымъ является положеніе представителя центральной администраціи, дѣйствующаго на основаніи сообщеній, достовѣрность которыхъ сплошь и рядомъ не поддается никакому контролю. Какъ удостовѣриться въ наличности поводовъ къ закрытію дверей засѣданія, когда нѣтъ подъ рукой даже подлиннаго производства? Какъ отличить дѣйствительную опасность отъ мнимой, когда тревожныя вѣсти идутъ издалека, а рѣшеніе должно быть принято немедленно? Проектъ коммиссіи, какъ и законъ 1887-го года, говоритъ о „свѣдѣніяхъ, дошедшихъ до министра юстиціи". Эти свѣдѣнія могутъ идти или отъ лицъ судебнаго вѣдомства, или изъ посторонннихъ источниковъ. Въ первомъ случаѣ доставленію ихъ почти всегда должно предшествовать судебное опредѣленіе о публичномъ разборѣ дѣла. Представимъ себѣ, что прокуроръ суда находитъ невозможнымъ слушать тотъ или другой процессъ при открытыхъ дверяхъ. Прежде всего, конечно, онъ сообщитъ о томъ самому суду и пойдетъ дальше только тогда, когда заключеніе его будетъ отвергнуто судомъ. Прямо обратиться къ министру онъ затруднится уже потому, что послѣдній всегда можетъ спросить, состоялось ли постановленіе суда по спорному вопросу. Обращеніе къ министру со стороны предсѣдателя суда также мыслимо не раньше, какъ по отклоненіи большинствомъ судей предположенія о закрытіи дверей засѣданія. Итакъ, до министра могутъ доходить этимъ путемъ только такіе случаи, когда необходимость устраненія гласности представляется, по меньшей мѣрѣ, сомнительною—а при сомнѣніи не должно быть мѣста для отступленія отъ общаго закона. Что касается до свѣ-

дѣній, доставляемыхъ министру инымъ путемъ, то основательность ихъ и точность не гарантированы рѣшительно ничѣмъ—а между тѣмъ именно ими вызывается, нерѣдко, закрытіе дверей засѣданія по распоряженію высшей судебной администраціи. Исторія нашей печати свидѣтельствуетъ о томъ, что мѣры строгости противъ газетъ и журналовъ сплошь и рядомъ бывали результатомъ настояній со стороны другихъ вѣдомствъ, не имѣющихъ прямого отношенія къ печатному слову.

Нѣчто подобное повторяется, вѣроятно, и въ области чрезвычайныхъ мѣръ, направленныхъ къ ограниченію судебной гласности. Конечно, въ указаніяхъ на необходимость такихъ мѣръ нѣтъ ничего обязательнаго для того, къ кому они обращены; но образъ дѣйствій, сопряженный съ рискомъ, далеко не всегда предпочитается другому, болѣе спокойному и безопасному—а рискованнымъ, въ данномъ случаѣ, представляется отклоненіе полученныхъ указаній. Достаточно самаго ничтожнаго нарушенія порядка въ публичномъ засѣданіи суда, чтобы инкриминировать власть, отказавшуюся закрыть двери засѣданія... Уменьшить намѣченныя нами неудобства могло бы перенесеніе дискреціонной власти, теперь принадлежащей министру юстиціи, на уголовный кассаціонный департаментъ Прав. Сената или общее собраніе кассаціонныхъ департаментовъ—но еще правильнѣе было бы простое возвращеніе къ порядку, созданному судебными уставами, съ предоставленіемъ *суду* (только суду) *права* закрывать двери засѣданія во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда публичность разбирательства могла бы оскорбить религіозное чувство или нарушить требованія нравственности. Мы знаемъ, что за границей (напр. во Франціи, въ Германіи) судъ можетъ закрыть двери засѣданія, если найдетъ публичный разборъ дѣла опаснымъ для общественнаго порядка; но это не убѣждаетъ насъ въ необходимости предоставленія такого права и нашему суду. Условія общественной жизни на Западѣ таковы, что нарушеніе порядка въ судѣ или около суда гораздо вѣроятнѣе, чѣмъ у насъ; гораздо больше на лицо горючихъ матеріаловъ, гораздо сильнѣе вражда между различными элементами населенія, гораздо распространеннѣе привычка къ демонстраціямъ всякаго рода. Съ другой стороны, западно-европейскіе судьи гораздо больше сознаютъ и чувствуютъ свою отвѣтственность передъ общественнымъ мнѣніемъ; рѣшиться на закрытіе дверей засѣданія, какъ на мѣру охраненія порядка, они могутъ только въ крайнемъ случаѣ, когда опасность дѣйствительно велика и болѣе чѣмъ вѣроятна. Мы едва ли ошибемся, если скажемъ, что и въ Германіи, и во Франціи, случаи устраненія гласности, мотивированнаго огражденіемъ порядка, чрезвычайно рѣдки —такъ рѣдки, что никакой роли въ общемъ ходѣ судебной дѣятельности они не играютъ. Съ другой стороны, много ли было у насъ,

въ промежутокъ времени съ 1866 по 1887 г., такихъ дѣлъ, публичный разборъ которыхъ повлекъ за собою сколько-нибудь серьёзное нарушеніе общественнаго порядка? Наши воспоминанія обнимаютъ собою всю эту эпоху—но мы напрасно старались отыскать между ними хотя бы одно, указывающее на опасность судебной гласности. Были, правда, случаи нарушенія порядка *на улицѣ*, близъ зданія суда и по поводу судебнаго процесса—но противъ *такихъ* нарушеній безсильно закрытіе дверей засѣданія. Скопленіе толпы около зданія суда возможно и тогда, когда дѣло разбирается негласно: нельзя же сохранить въ тайнѣ и самый день разбирательства... Ужъ если обращаться, по занимаемому насъ вопросу, къ примѣру западно-европейскихъ государствъ, то скорѣе всего можно было бы заимствовать изъ Германіи законъ 5-го апрѣля 1888 года, разрѣшающій суду, въ интересахъ *безопасности государства*, возлагать на всѣхъ присутствующихъ, подъ опасеніемъ уголовной кары, сохраненіе въ тайнѣ фактовъ, обнаруженныхъ на судѣ. Исключительнымъ случаямъ можетъ соотвѣтствовать и исключительная власть суда. Само собою разумѣется, однако, что при распространительномъ толкованіи опаснымъ для правосудія могло бы оказаться даже и такое правило, какое установлено въ Германіи закономъ 5-го апрѣля 1888 года.

Какъ часто, вслѣдствіе какихъ соображеній—и кѣмъ именно закрывались до сихъ поръ, въ силу закона 12-го февраля 1887-го года, двери судебныхъ засѣданій—объ этомъ у насъ, къ сожалѣнію, нѣтъ точныхъ данныхъ; отчеты министра юстиціи не оглашаются во всеобщее свѣдѣніе, а отдѣльные случаи устраненія гласности далеко не всегда отмѣчаются въ печати. Мы можемъ только остановиться на нѣсколькихъ отдѣльныхъ дѣлахъ, особенно характеристичныхъ.

Въ Вильнѣ, въ декабрѣ минувшаго года, разсматривалось при закрытыхъ дверяхъ дѣло о евреѣ, обвинявшемся въ покушеніи на убійство христіанской дѣвушки (и признанномъ виновнымъ только въ нанесеніи ей легкихъ ранъ). Весьма вѣроятно, что поводомъ къ закрытію дверей послужило въ этомъ случаѣ стремленіе „охранить общественный порядокъ“ или „обезпечить правильный ходъ судебныхъ дѣйствій“. Неужели, однако, въ такомъ городѣ, какъ Вильно, съ многочисленною полиціею, съ сильнымъ военнымъ гарнизономъ, нельзя было достигнуть той же цѣли другимъ путемъ—усиленіемъ охраны вокругъ и внутри зданія суда, допущеніемъ въ залу засѣданій не иначе какъ по билетамъ, предупрежденіемъ (со стороны предсѣдателя), что всякое выраженіе одобренія или неодобренія, всякій шумъ, всякая попытка приблизиться къ подсудимому или присяжнымъ, вступить въ сношенія съ свидѣтелями, повлечетъ за собою примѣненіе дисциплинарной власти предсѣдателя, а въ случаѣ надобности—и удаленіе публики изъ

залы засѣданій? Между тѣмъ, именно въ подобныхъ дѣлахъ гласность разбирательства представляется особенно желательной и важной. Только она можетъ разсѣять или, по меньшей мѣрѣ, ослабить одно изъ предубѣжденій, наиболѣе опасныхъ для еврейскаго населенія; только она можетъ опровергнуть повѣрье, по временамъ забываемое, по временамъ оживающее вновь и угрожающее, въ мѣстахъ еврейской осѣдлости, внутреннему спокойствію и миру.

Почти одновременно съ виленскимъ процессомъ, въ Пруссіи и Австріи разсматривались аналогичныя дѣла—и разсматривались публично, несмотря на то, что одно изъ нихъ (богемское) возбудило въ народѣ довольно сильное волненіе... Соображеніями общественнаго порядка было вызвано, безъ сомнѣнія, и закрытіе дверей засѣданія по дѣлу объ уличной смутѣ, происшедшей въ Одессѣ лѣтомъ минувшаго года. Не говоря уже о томъ, что средствами охраны Одесса обладаетъ въ такой же мѣрѣ, какъ и Вильно, трудно было ожидать, чтобы гласный разборъ дѣла о безпорядкахъ случайныхъ, лишенныхъ всякаго политическаго или соціальнаго значенія, произведенныхъ горстью ничѣмъ не выдающихся людей, могъ вызвать какое-нибудь волненіе среди слушателей—а самый способъ усмиренія не представлялъ, въ данномъ случаѣ, ничего противнаго достоинству государственной власти. Болѣе понятно съ этой послѣдней точки зрѣнія устраненіе гласности при слушаніи въ Вильнѣ, лѣтъ шесть тому назадъ, дѣла о народномъ волненіи въ мѣстечкѣ Крожахъ—дѣла, содержаніе котораго, въ главныхъ чертахъ, все-таки стало извѣстно большой публикѣ. Одно изъ двухъ, однако: или извѣстные способы усмиренія безпорядковъ считаются правильными и цѣлесообразными—и въ такомъ случаѣ нѣтъ надобности скрывать, что они были пущены въ ходъ; или они признаются нежелательными—и въ такомъ случаѣ впечатлѣніе, ими произведенное, смягчается оффиціальнымъ ихъ осужденіемъ. Ни изъ того, ни изъ другого предположенія необходимость закрытія дверей засѣданія не вытекаетъ. Мыслима, пожалуй, еще одна гипотеза: можно допустить, что поводомъ къ устраненію гласности послужилъ, въ крожскомъ дѣлѣ, не способъ усмиренія безпорядковъ, а характеръ административной мѣры, результатомъ которой они явились. Дилемма, поставленная нами выше, сохраняетъ свою силу и по отношенію къ этой гипотезѣ. Мѣра, послужившая причиной безпорядковъ, можетъ быть либо одобряема, либо не одобряема высшимъ правительствомъ. Въ первомъ случаѣ ничто не мѣшаетъ отстаиванью ея на судѣ, какъ дѣйствія нормальнаго и необходимаго; во второмъ случаѣ нѣтъ никакой солидарности между исполнителями и центральной властью. Обобщая эти соображенія, не трудно придти къ выводу, что достоинству государственной

власти гласный разборъ дѣла не можетъ повредить ни при какихъ обстоятельствахъ, ни при какихъ условіяхъ...

Бываютъ, наконецъ, и такіе случаи закрытія дверей засѣданія, которые трудно подвести подъ одну изъ категорій, предусмотрѣнныхъ закономъ. Сюда относится, напримѣръ, дѣло объ убійствѣ одного помѣщика другимъ, недавно разсмотрѣнное въ Харьковѣ. Судъ предполагалъ слушать его публично и хотѣлъ уже приступить къ раздачѣ билетовъ; но изъ Петербурга пришло распоряженіе о закрытіи дверей засѣданія. Объ отмѣнѣ распоряженія просили какъ самъ обвиняемый, такъ и отецъ убитаго, но безуспѣшно. Достоинству государственной власти гласный разборъ дѣла не могъ, въ данномъ случаѣ, угрожать уже потому, что оно имѣло совершенно частный характеръ; по той же причинѣ нельзя было ожидать и нарушенія общественнаго порядка или судебнаго благочинія. Неудобство дискреціонной власти, освобожденной даже отъ обязанности мотивировать свои распоряженія, особенно велико именно потому, что здѣсь всегда возможенъ выходъ за нормальные предѣлы. Не зная, почему принята извѣстная мѣра, нельзя судить о томъ, въ какой степени она соотвѣтствуетъ хотя бы внѣшнимъ требованіямъ закона...

Гласностью процесса обусловливается, какъ извѣстно, не только свободный доступъ постороннихъ лицъ въ залу судебныхъ засѣданій, но и возможность оглашенія и обсужденія въ печати судебнаго слѣдствія, судебныхъ преній и даже самаго рѣшенія. Такая возможность существуетъ у насъ, по закону, только по отношенію къ тому, что происходило въ *публичномъ* засѣданіи суда. Нетрудно замѣтить, однако, что не все, касающееся одного изъ видовъ гласности, примѣнимо и къ другому. Если и допустить, что публичный разборъ дѣла можетъ угрожать иногда общественному порядку, то ничего подобнаго нельзя опасаться отъ оглашенія процесса путемъ печати. На публику, присутствующую въ залѣ засѣданій, все совершающееся на судѣ дѣйствуетъ непосредственно и прямо; впечатлѣнія получаются глубокія и сильныя, быстро слѣдуютъ одно за другимъ, не даютъ времени успокоиться, обдумать видѣнное и слышанное. Отсюда возможность мгновенныхъ вспышекъ — вспышекъ негодованія или сочувствія, тѣмъ болѣе заразительныхъ, чѣмъ многочисленнѣе публика. Мы вполнѣ убѣждены, что въ огромномъ большинствѣ случаевъ такія вспышки могутъ быть прекращены властью предсѣдателя, безъ всякаго вреда для дѣла и безъ всякаго серьёзнаго нарушенія порядка; мы думаемъ, что нѣтъ надобности заранѣе закрывать, изъ страха передъ ними, двери судебнаго засѣданія—но для насъ все-таки понятенъ противоположный взглядъ, исходящій изъ стремленія къ спокойствію во что бы то ни стало. Другое дѣло—запрещеніе сообщать въ печати подроб-

ности процесса, разбиравшагося негласно въ видахъ охраненія общественнаго порядка. Стенографическій отчетъ, даже самый полный и точный, никогда не можетъ подѣйствовать на читателей съ такою силой, съ какою самый ходъ процесса дѣйствуетъ на слушателей. Не говоря уже о мощномъ вліяніи живого слова, читатели разъединены, разбросаны въ пространствѣ и во времени, тогда какъ слушатели составляютъ одну сплошную массу. Если по отношенію къ послѣднимъ необходимость особыхъ мѣръ предосторожности можетъ считаться спорной, то по отношенію къ первымъ она безусловно не существуетъ. То же самое, съ бо̀льшею еще очевидностью, слѣдуетъ сказать и о тѣхъ случаяхъ, когда двери засѣданія закрываются въ видахъ „обезпеченія правильнаго хода судебныхъ дѣйствій“: ко времени оглашенія процесса въ печати судебныя дѣйствія обыкновенно уже окончены, и помѣшать правильному ихъ ходу оно никакимъ образомъ не можетъ. Если даже первыя сообщенія въ печати появятся раньше окончанія процесса, на дальнѣйшемъ движеніи его они не отразятся уже потому, что оно по прежнему будетъ происходить при закрытыхъ дверяхъ. Мы приходимъ, такимъ образомъ, къ заключенію, что если въ новомъ уставѣ уголовнаго судопроизводства будетъ удержано закрытіе дверей засѣданія въ видахъ „охраненія общественнаго порядка“ или „обезпеченія правильнаго хода судебныхъ дѣйствій“, то необходимо дополнить его постановленіемъ, разрѣшающимъ, во всѣхъ подобныхъ случаяхъ, оглашеніе и обсужденіе въ печати всего происходившаго на судѣ. Скажемъ болѣе: различіе между *публичностью засѣданія* и *оглашеніемъ процесса* слѣдовало бы установить и для тѣхъ случаевъ, когда мотивомъ закрытія дверей служитъ „огражденіе достоинства государственной власти“. Въ самомъ дѣлѣ, легко представить себѣ такую комбинацію обстоятельствъ, при которой *до начала процесса* можно было опасаться, со стороны обвиняемыхъ или свидѣтелей, заявленій, неблагопріятныхъ для учрежденія или должностного лица, но самый ходъ процесса не оправдалъ подобныхъ опасеній: заявленія или не были сдѣланы вовсе, или блистательно и всецѣло опровергнуты. Почему же, въ такихъ случаяхъ, не признать за судомъ право постановить, что къ оглашенію процесса путемъ печати не встрѣчается никакихъ препятствій? Само собою разумѣется, что это было бы только палліативомъ, отнюдь не парализирующимъ возраженій, сдѣланныхъ нами противъ включенія „охраны достоинства государственной власти“ въ число поводовъ къ устраненію гласности; но значеніе гласности, въ нашихъ глазахъ, такъ велико, что не безполезны и палліативы, сколько-нибудь расширяющіе сферу ея дѣйствія.

Дѣйствующій законъ допускаетъ присутствіе въ залѣ засѣданій, по дѣламъ, производимымъ при закрытыхъ дверяхъ, родственниковъ

или знакомыхъ подсудимаго и потерпѣвшаго, но не болѣе какъ въ числѣ трехъ *съ каждой стороны*. Вопросъ о томъ, какъ понимать эти послѣднія слова, вызвалъ разногласіе въ средѣ коммиссіи. Два члена, опасаясь чрезмѣрнаго возростанія числа слушателей, находили, что сколько бы ни было подсудимыхъ, они всѣ, вмѣстѣ взятые, могутъ просить о допущеніи въ залу засѣданій только трехъ лицъ; въ столь же ограничительномъ смыслѣ толковалось двумя членами и право потерпѣвшихъ. Большинство коммиссіи признало, наоборотъ, что правомъ, уменьшающимъ неудобства негласнаго разбора дѣла, долженъ пользоваться *каждый* изъ подсудимыхъ и потерпѣвшихъ, сколько бы ихъ ни было, и рѣшило измѣнить, сообразно съ этимъ, редакцію закона (на практикѣ, если мы не ошибаемся, и теперь примѣняемаго въ смыслѣ благопріятномъ для гласности). Отвергнуто большинствомъ коммиссіи мнѣніе тѣхъ же двухъ членовъ и въ другой его части: они полагали сохранить право присутствія въ закрытомъ засѣданіи только за *родственниками* подсудимаго или потерпѣвшаго, а не за его *знакомыми*. И въ томъ, и въ другомъ отношеніи мы раздѣляемъ, конечно, мнѣніе большинства коммиссіи... По дѣйствующему закону, предсѣдательствующій можетъ допустить въ закрытое засѣданіе тѣхъ изъ числа очередныхъ присяжныхъ засѣдателей, которые не вошли въ составъ присутствія, а также лицъ, принадлежащихъ къ судебному вѣдомству или къ сословію присяжныхъ повѣренныхъ. Коммиссія прибавляетъ къ тремъ категоріямъ еще одну — *другихъ лицъ*, присутствіе которыхъ можетъ быть допущено предсѣдательствующимъ *по особо уважительнымъ на то причинамъ*. Это нововведеніе мы, при всемъ сочувствіи нашемъ къ расширенію гласности, не можемъ признать цѣлесообразнымъ. Мы знаемъ, что даже теперь, несмотря на отсутствіе прямого разрѣшенія закона, въ засѣданіи, происходящемъ при закрытыхъ дверяхъ, появляются иногда лица, которымъ тамъ быть, въ интересахъ безпрепятственнаго раскрытія истины, вовсе не подобаетъ; припомнимъ, напримѣръ, что года полтора тому назадъ въ закрытомъ (по распоряженію министра юстиціи) засѣданіи с.-петербургской судебной палаты, по дѣлу о сопротивленіи рабочихъ полицейской власти, находились фабричные инспектора и чиновники особыхъ порученій при градоначальникѣ (хотя въ то же время не были допущены въ залу родственники подсудимыхъ). Если законъ будетъ дополненъ неопредѣленнымъ указаніемъ на *другихъ лицъ*, съ столь же неопредѣленной ссылкой на *особо уважительныя причины*, подобные факты войдутъ въ обычай, къ явному вреду для правосудія. Мы не боялись бы расширенія, въ этомъ смыслѣ, дискреціонной власти предсѣдательствующаго, еслибы самое закрытіе дверей было опять введено въ тѣ рамки, которыя были установлены для него первоначально; но пока этого

нѣтъ, пока не предполагается отмѣнить или ограничить законъ 12-го февраля 1887-го года, до тѣхъ поръ весьма важно не вводить въ залу засѣданій, закрытую для публики, элементовъ не-судебныхъ. Единственнымъ изъятіемъ изъ этого правила, не только безвреднымъ, но и полезнымъ, было бы, по нашему мнѣнію, разрѣшеніе предсѣдательствующему допускать къ слушанію дѣлъ, производимыхъ при закрытыхъ дверяхъ, профессоровъ высшихъ учебныхъ заведеній.

Не менѣе важную роль, чѣмъ гласность, играетъ, въ дѣлахъ уголовныхъ, и устность разбирательства. Отступленія отъ этого принципа, въ видѣ, напримѣръ, прочтенія письменныхъ показаній, неизбѣжны; но составители судебныхъ уставовъ старались свести ихъ къ возможному минимуму. Въ настоящее время не допускается прочтеніе на судѣ ни показаній, данныхъ подсудимымъ при предварительномъ слѣдствіи (развѣ еслибы самъ подсудимый на то согласился), ни чьихъ бы то ни было показаній, данныхъ при дознаніи. Коммиссія, наоборотъ, разрѣшаетъ и то, и другое. „Не возбраняется"—читаемъ мы въ ст. 590 составленнаго ею проекта устава уголовнаго судопроизводства—„прочтеніе въ судебномъ засѣданіи письменныхъ показаній подсудимаго, данныхъ при производствѣ предварительнаго слѣдствія или дознанія, когда съ ними несогласны изустныя показанія его на судѣ". Въ принципѣ противъ этого возсталъ только *одинъ* членъ коммиссіи (В. Д. Спасовичъ), находя, что показанія подсудимаго, данныя при слѣдствіи или дознаніи, могутъ быть оглашаемы на судѣ лишь съ его согласія. Четыре члена коммиссіи (въ томъ числѣ А. Ф. Кони) заявили, что безъ согласія подсудимаго письменныя его показанія могутъ быть оглашаемы лишь въ томъ случаѣ, когда въ нихъ содержится признаніе вины, отвергаемое на судѣ. Н. С. Таганцевъ, и въ этомъ отношеніи оставаясь вѣрнымъ взгляду большинства третьяго отдѣла коммиссіи [1]), подалъ голосъ за прочтеніе показаній подсудимаго, данныхъ при дознаніи, лишь въ такомъ случаѣ, если слѣдствіе вовсе произведено не было.

Остановимся, прежде всего, на этомъ послѣднемъ мнѣніи. Изъ того, что оно не принято коммиссіею, слѣдуетъ заключить, что коммиссія считаетъ возможнымъ чтеніе показаній подсудимаго, данныхъ при дознаніи, не только при замѣнѣ слѣдствія дознаніемъ, но даже если за дознаніемъ послѣдовало предварительное слѣдствіе. Между тѣмъ, оба случая существенно отличны одинъ отъ другого. Дознаніе, во-первыхъ, замѣняетъ собою слѣдствіе только по дѣламъ сравнительно менѣе важ-

---

[1]) Меньшинство отдѣла высказалось, съ бо́льшею или меньшею рѣшительностью, противъ прочтенія, безъ согласія подсудимыхъ, данныхъ ими письменныхъ показаній.

нымъ: если лицо, привлеченное къ дознанію по такому дѣлу, созналось въ преступленіи (или, лучше сказать, если въ протоколѣ записано его сознаніе), оглашеніе его признанія не грозитъ ему особенно тяжкими послѣдствіями. Во-вторыхъ, когда дознаніемъ исчерпывается предварительное разслѣдованіе дѣла, то только въ немъ и можно найти матеріалъ для раскрытія противорѣчій, въ которыя впадалъ или впадаетъ подсудимый: однажды допустивъ возможность и необходимость такого раскрытія, логично, поэтому, разрѣшить чтеніе показаній, данныхъ подсудимымъ при дознаніи, замѣняющемъ собою слѣдствіе. Другое дѣло — когда послѣ дознанія было произведено предварительное слѣдствіе: въ подобныхъ случаяхъ дознаніе должно и можетъ быть игнорируемо на судѣ, за исключеніемъ развѣ тѣхъ частей его, которыя не могли быть повторены или повѣрены при предварительномъ слѣдствіи. Мнѣніе Н. С. Таганцева (или большинства третьяго отдѣла)—это, такимъ образомъ, крайняя черта, за которую не слѣдовало бы переходить даже защитникамъ прочтенія письменныхъ показаній, данныхъ подсудимымъ. Мы думаемъ, однако, что и эта черта выдвинута слишкомъ далеко. Не говоря уже о томъ, что дознаніемъ, какъ мы старались показать въ другомъ мѣстѣ [1]), *никогда* не должно быть замѣняемо предварительное слѣдствіе, не говоря о томъ, что при дознаніи подсудимый можетъ быть спрошенъ только въ качествѣ свидѣтеля, т.-е. безъ предупрежденія объ опасности, ему грозящей,—даже акты слѣдственнаго производства, насколько они содержатъ въ себѣ сознаніе подсудимаго, не должны быть, по нашему убѣжденію, обращаемы въ орудіе противъ подсудимаго. Подсудимый часто привлекается къ слѣдствію въ такую минуту, когда онъ, испуганный, взволнованный, потрясенный, не въ состояніи взвѣшивать свои слова, не въ состояніи даже привести въ порядокъ свои мысли. Показаніе, данное въ такой моментъ, можетъ весьма сильно расходиться съ дѣйствительностью. Оно можетъ быть, притомъ, неправильно понято слѣдователемъ, даже самымъ добросовѣстнымъ; подсудимому можетъ быть приписано то, чего онъ вовсе не хотѣлъ сказать. Между тѣмъ, неточность или невѣрность изложенія весьма легко можетъ не быть замѣчена подсудимымъ—или даже замѣтивъ ее, онъ можетъ не найти въ себѣ достаточно бодрости и силы воли, чтобы настоять на ея исправленіи. Справедливо ли, затѣмъ, искать въ такомъ показаніи матеріалъ для изобличенія подсудимаго? Если законъ, оставляемый неприкосновеннымъ и въ проектѣ коммиссіи, запрещаетъ принимать молчаніе подсудимаго на судѣ за признаніе имъ своей вины, т.-е. предоставляетъ ему не отвѣчать на предлагаемые ему вопросы, то послѣ-

[1]) См. Внутр. Обозрѣніе въ № 7 „Вѣстника Европы“ за 1900 г.

довательно ли восполнять образующійся такимъ образомъ пробѣлъ чтеніемъ показаній, данныхъ при обстановкѣ, не поддающейся воспроизведенію на судѣ?

Нельзя признать правильнымъ и тотъ средній путь, который указанъ въ мнѣніи четырехъ членовъ. Смыслъ его заключается въ томъ, что прочтеніе показаній подсудимаго допускается лишь при отрицаніи имъ на судѣ своей вины, признанной при дознаніи или слѣдствіи. Другими словами, нельзя читать показанія, въ которыхъ не содержится признанія, нельзя раскрывать этимъ путемъ противорѣчіе между прежними и новыми объясненіями подсудимаго, не признававшаго и не признающаго себя виновнымъ. Конечно, чѣмъ менѣе отступленій отъ принципа, тѣмъ лучше—но нельзя не замѣтить, что всего болѣе опаснымъ для правосудія прочтеніе показанія, даннаго подсудимымъ, является именно тогда, когда въ немъ содержится признаніе вины, отрицаемой на судѣ. Именно здѣсь особенно великъ рискъ ошибки, коренящейся въ усиленіи обвиненія средствомъ въ сущности негоднымъ, но имѣющимъ наружный видъ годности... Не слѣдовало бы, по нашему мнѣнію, допускать и прочтеніе свидѣтельскихъ показаній, данныхъ при дознаніи, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда свидѣтель, въ виду тяжкой болѣзни, внушавшей опасеніе за его жизнь, былъ спрошенъ подъ присягой. Играть роль на судѣ должны только тѣ письменныя показанія, правильность изложенія которыхъ не внушаетъ разумныхъ сомнѣній; а подходятъ ли подъ это условіе показанія, записанныя полиціей? Кромѣ безпристрастія, отъ лица, записывающаго показаніе, требуется еще умѣнье схватывать чужую мысль, воспроизводить чужой разсказъ съ соблюденіемъ всѣхъ его оттѣнковъ и деталей; можно ли ожидать такого умѣнья отъ околоточнаго надзирателя или урядника? Подпись свидѣтеля, даже грамотнаго, далеко не всегда удостовѣряетъ тождество сказаннаго и записаннаго. Повѣривъ показанію, данному при дознаніи, судъ повѣритъ иногда, въ сущности, не тому, что̀ сказалъ свидѣтель, а тому, что̀ написалъ отъ его имени полицейскій чиновникъ...

Никто не возбраняетъ представителямъ того или другого учрежденія писать ему панегирики, косвенно восхваляя, такимъ образомъ, и самихъ себя; но нужно быть очень наивнымъ—или очень увѣреннымъ въ наивности другихъ,—чтобы считать подобныя похвалы серьёзнымъ матеріаломъ для характеристики учрежденія. Такъ поступаютъ, однако, „Московскія Вѣдомости“ по отношенію къ „Очерку девятилѣтней дѣятельности института земскихъ начальниковъ въ тульской губерніи“, составленному непремѣннымъ членомъ мѣстнаго губернскаго присутствія и прочитанному на происходившемъ въ Тулѣ, прошлою осенью,

съѣздѣ земскихъ начальниковъ. О степени безпристрастія этого очерка можно судить, между прочимъ, по странному въ оффиціальномъ документѣ полемическому тону и рѣзкимъ выходкамъ противъ „либеральной прессы". Авторъ очерка утверждаетъ, что среди самихъ дѣятелей новаго института находились на первыхъ порахъ лица, принципіально ему не сочувствовавшія и даже державшіяся принципа: *чѣмъ хуже, тѣмъ лучше*—и московская газета спѣшитъ воспользоваться этимъ *свидѣтельствомъ*, находя его „очень цѣннымъ для характеристики нашихъ либераловъ и радикаловъ". Нетрудно замѣтить, однако, что мнимое *свидѣтельство* есть не что иное, какъ неудачная попытка „чтенія въ мысляхъ". Въ самомъ дѣлѣ, какимъ образомъ авторъ очерка могъ проникнуть въ сокровенныя думы и чувства заподозрѣнныхъ имъ лицъ? Допустимъ, что они отличались отъ большинства, иначе понимали свое призваніе, иначе относились къ своимъ обязанностямъ: слѣдуетъ ли отсюда, что они были врагами учрежденія, проникшими въ его среду съ коварною цѣлью препятствовать его успѣху? Вѣдь для того, чтобы достигнуть этой цѣли, имъ нужно было бы самимъ дѣйствовать какъ можно хуже, какъ можно больше злоупотреблять своею властью—т.-е. непоправимо компрометтировать себя именно въ глазахъ своихъ единомышленниковъ. Такое самопожертвованіе было бы, прежде всего, безпѣльно: „измѣнниковъ" было бы слишкомъ мало, и средній, господствующій типъ земскаго начальника сложился бы, во всякомъ случаѣ, совершенно независимо отъ макіавелизма ничтожнаго меньшинства. Судя по нѣкоторымъ фактамъ, обратившимъ на себя общее вниманіе въ первое время послѣ введенія въ дѣйствіе института земскихъ начальниковъ, мы склонны думать, что отщепенцы, клеймимые авторомъ очерка и реакціонною газетой, были просто непрактичные люди, льстившіе себя надеждой, что званіе земскаго начальника дастъ имъ возможность принести хоть нѣкоторую пользу народной массѣ. Нѣсколько противорѣчитъ этому предположенію только одно обстоятельство: по удостовѣренію г. непремѣннаго члена губернскаго присутствія, никто изъ земскихъ начальниковъ тульской губерніи не былъ удаленъ отъ должности въ административномъ порядкѣ—а такой участи едва-ли избѣжалъ бы мечтатель, идеализировавшій назначеніе земскаго начальника... Напрасно, съ другой стороны, авторъ панегирика восторгается тѣмъ фактомъ, что никто изъ земскихъ начальниковъ тульской губерніи не былъ преданъ уголовному суду, а дисциплинарныхъ производствъ о земскихъ начальникахъ возникло, въ теченіе девяти лѣтъ, только тридцать-пять. Чтобы судить о значеніи этого факта, нужно было бы знать самое содержаніе дисциплинарныхъ дѣлъ, окончившихся благополучно для зем-

скихъ начальниковъ. Вѣдь къ однимъ и тѣмъ же дѣйствіямъ можно относиться и снисходительно, и строго...

Что отрицательнаго взгляда на земскихъ начальниковъ держится не одна только „либеральная пресса"—это доказывается весьма рельефно рѣчью, произнесенною въ послѣднемъ областномъ собраніи дворянъ войска донского. Собранію предложено было высказаться, желательно ли введеніе въ области института земскихъ начальниковъ. Противъ введенія его говорили таганрогскій предводитель Егоровъ, бывшій атаманъ донецкаго округа Грековъ и непремѣнный членъ губернскаго присутствія Кутейниковъ. „Я нахожу"—сказалъ, между прочимъ, г. Грековъ,—„что непріязненныя столкновенія между крестьянами и помѣщиками возникаютъ вслѣдствіе той незаконности, неопредѣленности и путаницы, какія, къ сожалѣнію, царятъ въ сферѣ земельныхъ границъ тѣхъ и другихъ. Надо, однако, замѣтить, что когда мѣстныя полицейскія власти своевременно узнаютъ о спорахъ или готовящихся столкновеніяхъ между крестьянами и помѣщиками, то онѣ всегда успѣваютъ предотвратить эти столкновенія и подавить зарождающійся бунтъ крестьянъ. Это несомнѣнно свидѣтельствуетъ о томъ, что та власть, которою можетъ располагать полиція, вполнѣ достаточна. Недостаточенъ развѣ только численный составъ полиціи. Никакихъ исключительныхъ репрессивныхъ мѣропріятій не нужно намъ; не нужно и земскихъ начальниковъ. Я посѣдѣлъ и состарился на службѣ Государю Императору и Россіи—и не думаю, чтобы меня, стараго солдата, могъ кто-нибудь заподозрить въ вольнодумствѣ, но я утверждаю, что институтъ земскихъ начальниковъ оказался на практикѣ далеко не такимъ идеально-хорошимъ учрежденіемъ, какимъ рисовали его нѣкоторые; для войска донского земскіе начальники совсѣмъ нежелательны". Можно соглашаться или не соглашаться съ этимъ мнѣніемъ; но едва ли можно отрицать, что г. Грековъ—свидѣтель болѣе безпристрастный, чѣмъ г. непремѣнный членъ тульскаго губернскаго присутствія...

ПО ПОВОДУ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ОТЧЕТНОСТИ.

Замѣтка.

Изучая отчеты государственнаго контроля за послѣднія пятнадцать лѣтъ, мы не могли не замѣтить, что до 1893 года они представляютъ, во всѣхъ отношеніяхъ, образцовое счетоводство. Но въ послѣдующіе года начала замѣчаться нѣкоторая неясность въ счетахъ. Впрочемъ, въ отчетѣ государственнаго контроля за 1899 г. уже сдѣланы замѣтныя измѣненія къ лучшему.

Изъ сравненія государственныхъ отчетовъ за 1893—1898 гг. съ отчетомъ за 1899 г. видно, во-первыхъ, что, при исчисленіи свободной наличности государственнаго казначейства на 1 января 1900 г., принятъ порядокъ, существовавшій до 1893 г., строгаго отдѣленія суммъ, касающихся исполненія росписи отчетнаго года, отъ суммъ, имѣющихъ характеръ кассовыхъ оборотовъ, а именно, остатки отъ заключенныхъ смѣтъ совершенно правильно вновь отнесены къ первому отдѣлу, въ который включаются доходы и расходы смѣтнаго года, что̀ даетъ возможность правильно судить о вліяніи на размѣръ свободной наличности дѣйствительныхъ результатовъ по исполненію росписи отчетнаго года; и, во-вторыхъ, что изъ „Объяснительной Записки“ за 1899 г. исключены всѣ произвольныя, фиктивныя цифры, введенныя въ нее въ 1895 г., и искажавшія общіе выводы *о соотвѣтствіи суммъ свободной наличности съ остатками по исполненію росписей.*

На это послѣднее обстоятельство мы должны обратить особое вниманіе, въ виду его значительной важности.

Что̀ такое свободная наличность?

Во всеподданнѣйшемъ докладѣ о росписи государственныхъ доходовъ и расходовъ на 1901 г., г. министръ финансовъ счелъ необходимымъ пояснить какъ этотъ терминъ, такъ и принятый въ государственномъ счетоводствѣ Россіи способъ вывода свободной наличности. „Наличными средствами,—говоритъ онъ,—будь то средства отдѣльнаго лица, общественнаго хозяйства или государственной казны, являются суммы, состоящія въ данный моментъ на лицо въ кассахъ,—суммы, числящіяся на текущемъ счету, и безспорныя, вполнѣ обезпеченныя поступленія. Но всею совокупностью этихъ средствъ хозяйство, и частное, и общественное, и государственное, большею частью не мо-

жетъ свободно располагать, такъ какъ у каждаго изъ названныхъ хозяйствъ могутъ быть подлежащія выполненію обязательства,—напримѣръ, платежи по выдачѣ жалованья служащимъ и проч. Если срочныя обязательства и подлежащія выполненію расходы больше наличности или равны ей, то никакихъ свободныхъ суммъ данное хозяйство не имѣетъ. Если же наличность превышаетъ совокупность платежей, то излишекъ является средствами, состоящими въ свободномъ распоряженіи даннаго хозяйства. Въ примѣненіи къ государственному хозяйству Россіи, эти свободныя средства и называются свободной наличностью. *Вычисленіе съ возможной точностью размѣра свободной наличности чрезвычайно важно для правильнаго веденія каждаго хозяйства.* Произведенный непосредственно подсчетъ свободной наличности обыкновенно провѣряется по бухгалтерскимъ книгамъ слѣдующимъ способомъ: свободная наличность на предшествующій срокъ увеличивается или уменьшается присоединеніемъ къ ней, или исключеніемъ изъ нея, разности между суммою заприходованныхъ послѣ этого срока поступленій и суммою сдѣланныхъ, а также предназначенныхъ къ производству на счетъ этихъ поступленій расходовъ; увеличивается наличность, конечно, въ томъ случаѣ, если сумма поступленій выше суммы расходовъ, а уменьшается—при обратномъ между ними отношеніи. Эти именно простые и общеупотребительные пріемы примѣняются и для вывода свободной наличности государственнаго казначейства. Въ кассовыхъ отчетахъ министерства финансовъ, а равно въ отчетахъ государственнаго контроля, ежегодно исчисляются находящіяся на лицо въ кассахъ министерства финансовъ къ 1 января каждаго года суммы; къ этимъ суммамъ присоединяются денежные знаки, находящіеся въ пути, т.-е. высланные изъ однѣхъ кассъ и еще не полученные другими, а также и сравнительно незначительныя суммы, слѣдующія къ полученію по разсчетамъ съ эмеритальными и другими посторонними капиталами, въ возвратъ произведенныхъ за ихъ счетъ расходовъ. Изъ этого итога въ отчетахъ государственнаго контроля вычитаются всѣ разрѣшенные, но неиспользованные еще кредиты, т.-е. всѣ расходы, предусмотрѣнные по ранѣе утвержденнымъ смѣтамъ и росписямъ, но еще не выполненные и потому могущіе потребовать средствъ для ихъ покрытія. *Остатокъ, получаемый за отчисленіемъ изъ общей наличности той части, которая соотвѣтствуетъ суммѣ всѣхъ невыполненныхъ еще расходовъ и представляется наличностью дѣйствительно свободною, т.-е. не связанною никакими обязательствами или обѣщаніями правительства.* На-ряду съ этимъ, въ каждомъ отчетѣ государственнаго контроля дается и другой разсчетъ, въ которомъ къ выведенной ранѣе цифрѣ свободной наличности на 1 января отчетнаго года присоединяется та сумма, на кото-

рую въ общемъ итогѣ финансовыхъ оборотовъ за этотъ годъ поступленія превысили расходы, или, наоборотъ, изъ этой цифры вычитается сумма превышенія расходовъ надъ доходами. Совпаденіе результатовъ этихъ двухъ разсчетовъ служитъ доказательствомъ ихъ точности и безошибочности. Само собою разумѣется, что въ зависимости отъ того, что̀ выше въ теченіе даннаго года,—издержки или поступленія—и свободная наличность уменьшается или увеличивается".

Къ этому поясненію г. министра финансовъ слѣдуетъ прибавить, что существуетъ еще одинъ весьма важный, такъ сказать, *генеральный способъ* провѣрки правильности исчисленія суммы свободной наличности, который и принятъ государственнымъ контролемъ, какъ необходимое дополненіе къ двумъ первымъ, а именно: сравненіе исчисленной свободной наличности съ общей суммой остатковъ по исполненію росписей, накопившихся къ концу отчетнаго года.

Вообще, размѣръ свободной наличности государственнаго казначейства находится всегда въ прямой зависимости отъ движенія суммъ государственныхъ доходовъ и расходовъ, являясь результатомъ сложенія остатковъ отъ исполненія росписей за прошлые года. Конечно, въ виду кассовыхъ, а въ прежнее время и курсовыхъ оборотовъ, сумма свободной наличности не всегда вполнѣ совпадаетъ съ суммой остатковъ по исполненію росписей, но разность между ними никогда не превышала извѣстнаго, скромнаго предѣла: такъ, напр, въ 10-тилѣтіе 1886—1895 гг., maximum ея былъ 17 милл. р. (въ 1894 г.); затѣмъ, образовавшаяся между ними разница въ послѣдующіе года обыкновенно сглаживалась, т.-е. кассовые и курсовые обороты приходили, въ концѣ концовъ, въ равновѣсіе, и деньги, затраченныя на нихъ, поступали поэтому обратно въ свободную наличность. Въ названный періодъ разница между суммами свободной наличности и остатками по исполненію росписей не превышала, въ средней сложности, 7,5 милл. р. въ годъ, при чемъ въ 1890 и 1893 гг. свободная наличность была болѣе накопившихся остатковъ.

Затѣмъ, было дознано, что при составленіи отчета государственнаго контроля за 1895 г., въ „Объяснительную Записку" введена цѣлая система такихъ цифръ, благодаря которымъ дѣйствительный остатокъ отъ исполненія росписей на 1 января 1896 г. (295,6 милл. р.) подвергнулся такому комбинированному превращенію, что могъ быть показанъ въ двухъ измѣненныхъ суммахъ: въ 275,8 милл. р. и въ 250,8 милл. р.; первая изъ этихъ суммъ принята для сравненія свободной наличностя на 1 января 1896 г., а вторая положена въ основаніе исчисленія остатка по исполненія росписей, принятаго для сравненія съ свободной наличностью на 1 января 1897 года.

Фактъ введенія подобныхъ цифръ въ государственную отчет-

ность, какъ опасный инцидентъ, не могъ не тревожить вниманія компетентныхъ лицъ, и поэтому государственный контроль, когда это выяснилось, немедленно принялъ мѣры къ исправленію „Объяснительной Записки за 1899 г.“, въ смыслѣ устраненія изъ нея названныхъ цифръ. При этомъ замѣчено было другое, болѣе важное обстоятельство, находящееся въ тѣсной связи съ первымъ. Благодаря означеннымъ комбинаціямъ подобныхъ цифръ, въ „Объяснительной Запискѣ“ государственнаго контроля за 1896 г. показано, что свободная наличность превысила остатокъ по исполненію государственныхъ росписей на 7,5 милл. р. [1]), а въ „Объяснительной Запискѣ“ за 1897 годъ это превышеніе констатировано въ суммѣ 0,8 милл. р. [2]), тогда какъ въ дѣйствительности къ концу 1896 года былъ недочетъ въ свободной наличности, по сравненію съ остаткомъ по исполненію росписей около 37,3 милл. р.,—а къ концу 1897 года около 47 милл. р. Наконецъ, къ 1 января 1898 года, этотъ недочетъ окончательно выяснился въ суммѣ 44,8 милл. руб., и въ этомъ размѣрѣ остается неизмѣнно и до настоящаго времени. Тутъ, во-первыхъ, насъ занимаетъ то, что до 1895 года включительно, несмотря на постоянныя курсовыя колебанія [3]), разница между остатками по исполненію росписей съ суммой свободной наличности не превышала обыкновенно, какъ мы сказали, въ средней сложности, 7,5 милл. р., а теперь эта разница, начиная съ 1896 г., когда болѣе нѣтъ курсовыхъ колебаній, достигаетъ крупной суммы—44 милл. руб.; во-вторыхъ, намъ несовсѣмъ понятно, почему, по какимъ соображеніямъ и по какому предвидѣнію, въ „Объяснительную Записку 1895 г.“ введены такія цифры, при посредствѣ которыхъ можно было устранить оказавшійся впослѣдствіи недочетъ въ свободной наличности (44,8 милл. р.). Какъ сказано выше, дѣйствительный остатокъ по исполненію росписей на 1 января 1896 г. составлялъ 295,6 милл. руб., а въ „Объяснительной Запискѣ за 1896 г.“ онъ показанъ всего въ суммѣ 250,8 милл. р.,—на 44,8 милл. р. меньше дѣйствительнаго остатка, т.-е. въ размѣрѣ недочета.

Въ „Объяснительной Запискѣ“ къ отчету за 1899 г., при замѣнѣ подобныхъ цифръ подлинными, взятыми изъ соотвѣтствующихъ от-

[1]) „Объяснительная Зап. къ Отчету Госуд. Контр. за 1896 г.“, стр. 120.

[2]) „Объяснит. Зап. къ Отчету Госуд. Контр. за 1897“, стр. 114.

[3]) Въ 1887 г. зол. и сер. рубли принимались равными 1 р. 67 к. кред.; въ 1888 г. зол. и сер. р. = 1 р. 80 к. кред.; въ 1889 г. зол. и сер. р. = 1 р. 70 к. кред.; въ 1890 г. 1 р. зол. = 1 р. 70 к. кред. и 1 р. сер. = 1 р. 19 к. кред.; въ 1891 г. 1 р. зол. = 1 р. 60 к. кред. и 1 р. серебр. 1 р. 12 к. кред.; въ 1892 г. 1 р. зол. = 1 р. 60 к. кред. и 1 р. сер. = 1 р. 12 к. кред.; въ 1893 г. 1 р. зол. = 1 р. 70 к. кред.; въ 1894 г. 1 р. зол. = 1 р. 60 к. кред. и въ 1895 г. 1 р. зол. = 1 р. 60 к. кред. втомъ.

четовъ, недочетъ въ свободной наличности, по сравненію съ остатками по исполненію росписей, исчисленъ въ суммѣ 39.192.056 руб., при чемъ принято въ разсчетъ, что, къ началу десятилѣтія 1890—1899 гг., свободная наличность значилась въ размѣрѣ 218.559.608 р.; въ теченіе его, превышеніе доходовъ надъ расходами составило 37.359.658 р., и къ концу десятилѣтія, слѣдовательно, должно было бы находиться въ свободной наличности 255.919.266 р., а оказалось всего 216.727.212 (255.919.266—216.727.212=39.192.056 р.).

Но этотъ расчетъ не совсѣмъ вѣренъ, по слѣдующимъ соображеніямъ. Прежде всего, надо замѣтить, что свободная наличность, какъ это видно изъ „Объяснительной Записки за 1899 годъ", не всегда совпадаетъ съ суммой остатковъ по исполненію росписей, и поэтому, для сравненія свободной наличности на 1 января 1900 г. съ суммой этихъ остатковъ за десятилѣтіе 1890—1899 гг., необходимо принять въ разсчетъ не сумму свободной наличности къ началу десятилѣтія (218.559.608 р.) плюсъ накопившіеся остатки по исполненію росписей, а дѣйствительный остатокъ по исполненію росписей къ началу десятилѣтія (227.725.322 р.) плюсъ накопившіеся остатки. Затѣмъ, въ „Объяснительной Запискѣ за 1899 г.", на стр. 85, въ таблицѣ доходовъ и расходовъ за періодъ 1890—1899 гг., въ 1896 году превышеніе расхода надъ доходомъ показано въ 10.044.793 р., вмѣсто 11.881.513 р.; объясняется это тѣмъ, что въ „Отчетѣ государственнаго контроля за 1896 г." (стр. 28—30), въ доходы зачислены свободные остатки отъ заключенныхъ смѣтъ въ суммѣ 62.088.334 р., считая золотой рубль [1]) по курсу 1 р. 60 к. кред., а слѣдовало бы 60.251.614 руб., по курсу 1 руб. 50 к.; вслѣдствіе этого, превышеніе доходовъ надъ расходами въ десятилѣтіе 1890—1899 гг., показанное въ таблицѣ въ 37.359.658 руб., должно быть уменьшено (11.881.513—10.044.793) на 1.836.720 рублей, то-есть, принято въ 35.522.938 рублей. По исправленіи этихъ двухъ мѣстъ, получимъ слѣдующую сумму остатковъ по исполненію росписей на 1 января 1900 года: 227.725.322 + 35.522.938 = 263.248.260 руб.

Изъ сравненія этой суммы съ свободной наличностью на то же число оказывается недочетъ въ 46.521.046 р. (263.248.260—216.727.212); принимая же во вниманіе, что въ 1899 г. кассовые обороты уменьшили свободную наличность на 2.263.259 р., дѣйствительный недочетъ на 1 января 1900 года, подлежащій объясненію, въ независимости отъ оборотовъ отчетнаго года, составляетъ около 44 милл. р.

Недочетъ этотъ образовался въ періодъ 1896—1899 гг., и поэтому его трудно объяснить курсовыми потерями въ прежніе года.

[1]) Стараго чекана.

Въ 1896 г., какъ указано въ „Объяснительной Запискѣ", на курсахъ потеряно около 16 милл. руб.; только эта потеря и можетъ быть принята въ разсчетъ. Но, съ другой стороны, можно замѣтить, что, по кассовому своду „Отчета государственнаго контроля за 1897 годъ" (стр. 762—783), на 1 января 1898 г. показана *„сумма, находящаяся в пути"* менѣе, чѣмъ слѣдуетъ, на 12 милл. руб. [1]), и этимъ почти уравновѣшена отмѣченная курсовая потеря. А затѣмъ вопросъ о недочетѣ все-таки остается вопросомъ; детальное разъясненіе его возможно лишь путемъ сравненія цифръ отчетовъ съ документами.

Еще слѣдуетъ указать на одно недоразумѣніе, относительно опредѣленія размѣра свободной наличности на 1 января 1900 года.

До сихъ поръ, мы утверждали и весьма серьезно, основываясь на подлинномъ „Отчетѣ государственнаго контроля за 1899 г." (стр. 812—827) и на „Объяснительной Запискѣ" къ этому отчету (стр. 110—113), что на 1 января 1900 года числилось свободной наличности всего 216.727.212 руб. Вѣрность этого исчисленія вполнѣ подтверждается и сопоставленіемъ оказавшихся на это число наличныхъ средствъ государственнаго казначейства (701.000.512 р.) съ лежащими на немъ *невыполненными обязательствами* (484.273.300 р.) [2]).

Несмотря на это, въ упомянутой „Объясн. Запискѣ", на стр. 114, свободная наличность на 1-е января 1900 г. значится еще и въ другомъ размѣрѣ,—въ суммѣ 259.392.669 р.; такъ именно она показана и во всеподданнѣйшемъ докладѣ г. министра финансовъ по поводу росписи доходовъ и расходовъ на 1901 г., напечатанномъ въ „Правительственномъ Вѣстникѣ".

Какъ объяснить это разнорѣчіе въ оффиціальныхъ документахъ?

По поводу этого, въ „Объяснит. Запискѣ" говорится слѣдующее:

„При выводѣ свободной наличности на 1-е января 1900 г. (какъ то приведено на стр. 112 „Объяснит. Записки"), въ разсчетъ были приняты невыполненные къ этому сроку расходы по заключеннымъ росписямъ 1899 г. и прежнихъ лѣтъ въ суммѣ 428.991.964 р. 4 к., въ числѣ коихъ 57.665.457 р. 25 к. предназначены на платежи по государственнымъ займамъ.

„Между тѣмъ, Высочайше утвержденнымъ 18-го октября 1900 г.

---

[1]) Къ началу года находилось въ пути 69.405.384 р., а въ теченіе года отправлено въ путь 1.081.077.295 р.; итого, находилось въ пути 1.150.482.679 р.; получено изъ суммъ, находившихся въ пути, 1.117.591.188 р.; оставалось въ пути на 1 января 1898 г.—32.891.491 р. (1.150.482.679—1.117.591 188 р.). Между тѣмъ, по отчету 1897 г. сумма, находившаяся въ пути, къ 1 января 1898 г. показана въ 20.641.991 р. т.-е. менѣе на 12 милл. р., сравнительно съ дѣйствительной.—*На 12 милл. руб. уменьшена поэтому и свободная наличность.*

[2]) Стр. 111 и 112 „Объяснит. Записки за 1899 г.".

положеніемъ комитета финансовъ постановлено: 1) *начиная съ 1900 г.*, сократить дѣйствіе кредитовъ на платежи по государственнымъ займамъ съ четырехъ лѣтъ до одного года, съ тѣмъ, чтобы на ассигнованный по смѣтѣ даннаго года кредитъ относились всѣ произведенные въ томъ году на платежи по государственнымъ займамъ расходы, безъ различія сроковъ сихъ платежей, и 2) образовать особый пятнадцатимилліонный фондъ на покрытіе могущихъ возникнуть въ теченіе года, противъ ассигнованнаго кредита, перерасходовъ въ платежахъ по государственнымъ займамъ, съ тѣмъ, чтобы фондъ этотъ по мѣрѣ израсходованія пополнялся за счетъ свободной наличности государственнаго казначейства.

„По силѣ сего Высочайшаго повелѣнія, изъ числа продолженныхъ по отчету государственнаго контроля за 1899 годъ кредитовъ по государственнымъ займамъ (въ общей суммѣ 57.665.457 р. 25 к.) пятнадцать милліоновъ должны будутъ остаться въ особомъ вышеупомянутомъ фондѣ, а остальные 42.665.457 р. 25 к. подлежатъ, *по отчету за 1900 годъ*, закрытію и присоединенію къ свободнымъ рессурсамъ государственнаго казначейства.

„Если послѣднюю вышеуказанную сумму (42.665.457 р. 25 к.), какъ подлежащую *по отчету за 1900 годъ* закрытію, исключить изъ числа невыполненныхъ къ 1-му января 1900 года расходовъ государственнаго казначейства, то свободная наличность на 1-е января 1900 г. опредѣлится въ 259.392.669 р. 64 к. (216.727.212 р. 39 к.+ 42.665.457 руб. 25 к.)“.

Такимъ образомъ, оказывается, что во второй половинѣ октября 1900 г.,—замѣтимъ, въ тотъ самый моментъ, когда отчетъ государственнаго контроля за 1899 г. уже былъ отпечатанъ, но признано было необходимымъ измѣнить и перепечатать „Объяснительную Записку“ къ этому отчету, въ виду оказавшихся въ ней, такъ сказать, фиктивныхъ цифръ, о которыхъ мы говорили выше, т.-е. въ моментъ, когда обнаружился недочетъ въ свободной наличности, по сравненію ея съ накопившимися остатками по исполненію росписей, до того времени остававшійся незамѣтнымъ (44 м. р.),—въ это именно время состоялось приведенное выше постановленіе комитета финансовъ, на основаніи котораго въ свободную наличность на 1-е янв. 1900 г. зачислена часть наличности государственнаго казначейства, связанная *невыполненными расходами*, предназначенными на платежи по государственнымъ займамъ, и при томъ въ размѣрѣ (42,6 милл. р.), почти прикрывающемъ обнаруженный недочетъ въ свободной наличности (44 милл. р.).

Однако, возможно ли вообще зачисленіе въ свободную наличность суммъ, связанныхъ невыполненными расходами?

Лучшимъ отвѣтомъ на это служитъ приведенное выше заявленіе г. министра финансовъ, во всеподданнѣйшемъ докладѣ по поводу доходовъ и расходовъ на 1901 г. Тамъ прямо говорится, что *„остатокъ, полученный за отчисленіемъ изъ общей наличности той части, которая соотвѣтствуетъ суммѣ всѣхъ невыполненныхъ еще расходовъ, и представляется наличностью дѣйствительно свободною, т.-е. не связанною никакими обязательствами и обѣщаніями правительства“*.

Но если такъ,—а иначе и быть не можетъ,—то какъ же можно было зачислить въ свободную наличность суммы, предназначенныя на платежи по государственнымъ займамъ? Или это—платежи, не связанные съ обязательствами и обѣщаніями правительства?

Остается еще одинъ вопросъ. Постановленіе финансоваго комитета, Высочайше утвержденное 18-го октября 1900 г., можно ли было пріурочить къ отчетности за 1899 годъ?

Изъ текста ясно видно, что постановленіе это должно примѣняться впредь, начиная съ финансовой смѣты 1900 г.; поэтому оно никакъ и не можетъ быть распространено на смѣты истекшаго до этого срока времени, а слѣдовательно, едва ли могло быть примѣнено и къ отчету государственнаго контроля за 1899 годъ.

Такимъ образомъ, сумма свободной наличности на 1-е января 1900 года, въ размѣрѣ 259.392.669 р., можетъ представиться недостаточно правильной, и притомъ не съ одной финансовой точки зрѣнія.

Л. Бухъ.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 марта 1901.

Дипломатія и казни въ Пекинѣ.—Вопросъ объ ассоціаціяхъ во Франціи и парламентскія пренія о законопроектѣ Вальдека-Руссо.— Французскій клерикализмъ и демократія.—Смерть Милана и сербскія дѣла.

Дипломатическіе переговоры съ Китаемъ приняли въ послѣднее время крайне тяжелый характеръ. Просвѣщенныя христіанскія націи, въ лицѣ своихъ уполномоченныхъ представителей, требовали „обезглавленія" китайскихъ сановниковъ, списокъ которыхъ былъ составленъ заранѣе; дворъ богдыхана, соглашаясь въ принципѣ на лишеніе жизни указанныхъ ему лицъ, просилъ позволенія предоставить нѣкоторымъ изъ нихъ совершить самоубійство, другимъ подвергнуться удавленію вмѣсто обезглавленія, а относительно двухъ князей императорской крови—герцога Лана и отца наслѣдника престола, Туана,—довольствоваться разжалованіемъ и изгнаніемъ; что же касается Тунъ-Фу-Сяна, охраняющаго дворъ своими войсками, то, въ виду занимаемаго имъ положенія, правительство можетъ наказать его только въ будущемъ, когда представится случай отнять у него командованіе. Державы признали справедливость заявленій богдыхана о неудобствѣ или невозможности для него исполненія смертнаго приговора надъ близкими родственниками, или надъ начальникомъ войскъ, подъ охраною которыхъ дворъ находится въ настоящее время въ Си-Нганъ-Фу; но дипломатія твердо отстаивала свои требованія по отношенію къ остальнымъ „осужденнымъ", хотя и не имѣла ничего противъ замѣны обезглавленія удавленіемъ для двухъ высокопоставленныхъ мандариновъ, въ видѣ особой уступки или привилегіи, не въ примѣръ прочимъ. Чтобы добиться отъ Китая скорѣйшаго и безусловнаго подчиненія, объявленъ былъ графомъ Вальдерзе походъ внутрь страны, и начались дѣятельныя приготовленія къ новой кампаніи, о которой ничего не знали сами правительства заинтересованныхъ государствъ, кромѣ развѣ Германіи. Однако, походъ не состоялся, и дѣло обошлось безъ обширныхъ военныхъ мѣръ и экзекуцій, желательныхъ германскому главнокомандующему союзныхъ армій въ Китаѣ. Китайскій дворъ отказался отъ дальнѣйшихъ ходатайствъ и пререканій; достигнуто было окончательное соглашеніе, и серія предположенныхъ казней открылась торжественнымъ обезглавленіемъ двухъ сановниковъ въ Пекинѣ, въ присутствіи оффиціальныхъ представителей и военныхъ отрядовъ союзниковъ.

Говорить по этому поводу о наказаніи виновниковъ совершившихся злодѣяній въ Китаѣ было бы большимъ недоразумѣніемъ. Тутъ нѣтъ осужденныхъ, потому что не было никакого суда; нѣтъ наказаній, потому что не было подсудимыхъ, признанныхъ виновными; никто изъ обреченныхъ на обезглавленіе, удавленіе или самоубійство, не былъ даже выслушанъ, и всѣ они имѣли основаніе повторить передъ смертью слова, сказанныя однимъ изъ нихъ,—что они не знаютъ, за что ихъ казнятъ. Нельзя даже отрицать возможность простыхъ ошибокъ въ личности намѣченныхъ жертвъ, такъ какъ иностранные посланники въ Пекинѣ достаточно ясно обнаружили на дѣлѣ полное незнаніе того, что совершалось и подготовлялось вокругъ. Не было сдѣлано никакого разслѣдованія для провѣрки полученныхъ свѣдѣній или указаній, никакого подобія разбирательства, хотя бы поверхностнаго или строго-военнаго, безъ соблюденія обычныхъ условій и гарантій правосудія. Но и судъ надъ китайскими сановниками былъ бы въ данномъ случаѣ немыслимъ ни для иностранныхъ державъ, ни для правительства самого Китая. Преслѣдуемые мандарины дѣйствовали не самовольно, какъ преступники, а исполняли только обязательные для нихъ указы и распоряженія императрицы-регентши и ея всемогущаго совѣтника и министра, князя Туана; они были только должностными лицами, усердными вѣрноподданными и патріотами, и трудно даже представить себѣ, какъ они могли поступать иначе при оффиціальномъ господствѣ партіи „боксеровъ“ въ Пекинѣ. Судить ихъ и карать за то, что они подчинялись авторитету своего высшаго начальства, когда само это начальство, въ лицѣ князя Туана и императрицы-регентши, не привлекается къ отвѣтственности,—значитъ, уже слишкомъ рѣзко отступать отъ существующихъ во всемъ культурномъ мірѣ понятій и обычаевъ международнаго и всякаго иного права. Дипломатія задалась цѣлью нагнать страхъ на Китай, чтобы, по выраженію Вильгельма II, населеніе запомнило „на тысячу лѣтъ“, къ какимъ послѣдствіямъ приводитъ посягательство на жизнь и имущество европейцевъ; но китайцы запомнятъ и другое,—что иностранцы нарушили свои собственные, священные и общепринятые законы для нанесенія кровавой обиды Китаю [1]). Чувство страха пройдетъ, когда удалятся европейскія войска съ графомъ Вальдерзе и когда возстановится въ Пекинѣ власть богдыхана; ненависть къ Европѣ и ея мнимо-христіанской культурѣ

---

[1]) Въ этомъ отношеніи представляетъ особый интересъ „Дневникъ“ П. С. Попова, нашего генеральнаго консула въ Пекинѣ, пострадавшаго лично во время осады и тѣмъ не менѣе сохранившаго полное безпристрастіе при обсужденіи вопроса: кто былъ истиннымъ виновникомъ всего, что произошло, китайцы или западная Европа? См выше, стр. 25 и 26.

усилится въ китайскомъ народѣ, и жажда мести проявится при первомъ подходящемъ случаѣ, быть можетъ, въ болѣе страшныхъ формахъ и при болѣе благопріятныхъ для Китая условіяхъ, чѣмъ до сихъ поръ. Достиженіе такого результата въ будущемъ не входитъ, конечно, въ разсчеты великихъ державъ; но, къ несчастію, дипломатія вообще не заботится о будущемъ и въ своемъ современномъ видѣ и характерѣ едва ли способна идти дальше отдѣльныхъ и случайныхъ мѣропріятій, не связанныхъ ни съ какими общими задачами и принципами.

Во Франціи происходятъ теперь горячіе споры о предметахъ и вопросахъ, представляющихъ, повидимому, мало интереса для заграничной печати. Министерство Вальдека-Руссо приступило къ рѣшенію задачи, которая стояла на очереди во Франціи съ самаго основанія третьей республики. Изданіе закона объ ассоціаціяхъ входило въ программу почти всѣхъ республиканскихъ кабинетовъ съ 1871 года; за это время представлено было палатамъ болѣе тридцати законопроектовъ, предложеній и докладовъ, посвященныхъ вопросу о правѣ заключать и устраивать союзы для цѣлей не-промышленныхъ. Французское законодательство до сихъ поръ покровительствовало только образованію обществъ, направленныхъ къ достиженію частныхъ матеріальныхъ выгодъ; всякіе другіе союзы нуждались въ особыхъ разрѣшеніяхъ, или существовали тайно, подъ страхомъ уголовныхъ преслѣдованій и административныхъ придирокъ. Какъ это ни странно, но право ассоціаціи во Франціи регулировалось главнымъ образомъ постановленіями уголовнаго кодекса; недозволенные союзы преслѣдовались, основатели подвергались взысканіямъ и штрафу, и на практикѣ французы лишены были одной изъ существенныхъ принадлежностей общественной и политической свободы. Такъ какъ разрѣшеніе основать ассоціацію зависѣло отъ правительства, то и въ этомъ отношеніи могущество администраціи при республикѣ сохранилось въ томъ же объемѣ и съ тѣмъ же оттѣнкомъ произвольнаго усмотрѣнія, какъ при имперіи. Стѣснительные законы обходились, впрочемъ, довольно легко; вмѣсто недозволенныхъ союзовъ фигурировали отдѣльныя подставныя лица, на имя которыхъ пріобрѣтались имущества и совершались акты, относившіеся къ союзамъ. Въ разныхъ мѣстахъ Франціи и въ самомъ Парижѣ воздвигались огромныя зданія запрещенныхъ монашескихъ орденовъ, утверждались завѣщанія въ пользу іезуитскихъ учрежденій, и правительство было безсильно бороться противъ этого непрерывнаго роста и распространенія духовныхъ конгрегацій, такъ какъ оффиціально дѣйствовали за нихъ частныя полноправныя лица, которыя являлись какъ бы собственниками монастырскихъ имуществъ. Такимъ

образомъ, въ рукахъ духовныхъ ассоціацій сосредоточились обширныя земельныя владѣнія, которыя, по приблизительному разсчету, оцѣниваются теперь въ милліардъ сто милліоновъ франковъ. Іезуитскій орденъ, издавна принадлежащій къ числу безусловно запрещенныхъ во Франціи, владѣетъ тамъ недвижимымъ имуществомъ цѣнностью до 49 милліоновъ, причемъ на имя конгрегаціи записано, для взысканія налога, имущество цѣною въ сто тысячъ франковъ, а на остальную сумму значатся собственниками частныя лица, въ качествѣ „постороннихъ“ плательщиковъ податей. Община сестеръ Сенъ-Винцента де-Поля располагаетъ имѣніями и домами цѣной въ 63½ милліоновъ франковъ, и только третья доля этого имущества числится оффиціально за общиной; владѣнія другихъ духовныхъ союзовъ номинально принадлежатъ всецѣло подставнымъ лицамъ. Въ одномъ Парижѣ цѣнность имуществъ религіозныхъ общинъ и учрежденій опредѣляется въ 190½ милліоновъ франковъ и большинство учрежденій и общинъ принадлежитъ къ числу недозволенныхъ. Никакими законодательными мѣрами нельзя было помѣшать переходу имѣній и капиталовъ въ руки отдѣльныхъ лицъ, которыя уже отъ себя передавали эти имущества въ распоряженіе конгрегаціи. Вопреки запрещеніямъ и при невольномъ содѣйствіи республиканскихъ властей, развивалось и процвѣтало во Франціи монашество въ самыхъ разнообразныхъ его формахъ; обогащаясь на счетъ клерикально-консервативной части французскаго общества, преимущественно аристократіи и высшей буржуазіи, оно, естественно, служило скрытымъ оплотомъ того клерикальнаго духа, съ которымъ тщетно воевали всѣ республиканскія правительства. Хотя папская власть формально признала республику и старалась поддерживать съ ней мирныя отношенія, но чувствовался постоянный антагонизмъ между католической церковью и французской демократіей, и борьба съ клерикализмомъ составляла одну изъ руководящихъ идей республиканской партіи во Франціи съ начала семидесятыхъ годовъ. Подъ вліяніемъ этой идеи, вопросъ о правѣ ассоціаціи обсуждался преимущественно съ точки зрѣнія законнаго противодѣйствія клерикальнымъ элементамъ, связаннымъ прямо или косвенно съ существованіемъ и развитіемъ духовныхъ конгрегацій. Наиболѣе значительна роль послѣднихъ въ воспитаніи и образованіи юношества; женскія учебныя заведенія почти исключительно находятся въ завѣдываніи духовенства, и въ области школьнаго дѣла монашескіе ордена успѣшно соперничали съ оффиціальнымъ учебнымъ вѣдомствомъ. Вальдекъ-Руссо, бывшій министромъ при Гамбеттѣ, остался вѣрнымъ его лозунгу: „клерикализмъ—вотъ врагъ“ (le cléricalisme—voilà l'ennemi); онъ задумалъ осуществить завѣтный планъ передовыхъ республиканцевъ и

нанести окончательный ударъ клерикализму посредствомъ новаго закона объ ассоціаціяхъ.

Сущность законопроекта, внесеннаго министерствомъ въ палату въ концѣ истекшаго года, заключается въ слѣдующемъ. Ассоціаціей признается соглашеніе, которымъ двое или нѣсколько лицъ соединяютъ свои знанія или свою дѣятельность не для пріобрѣтенія и распредѣленія прибыли, а для какой-нибудь другой цѣли. Всякій договоръ объ ассоціаціи долженъ быть сдѣланъ публичнымъ; учредители обязаны сообщить мѣстной префектурѣ свѣдѣнія о назначеніи и предметѣ ассоціаціи и о мѣстопребываніи ея должностныхъ лицъ. Несоблюденіе этого правила можетъ служить основаніемъ къ упраздненію союза, по требованію заинтересованныхъ лицъ или администраціи. Ассоціаціи, признанныя общеполезными особымъ административнымъ декретомъ, пользуются правами юридическихъ лицъ и могутъ пріобрѣтать имущества, владѣть и распоряжаться ими, согласно своимъ уставамъ; но недвижимость можетъ принадлежать имъ только въ тѣхъ размѣрахъ, въ какихъ она необходима для осуществленія задачъ ассоціаціи. Имѣнія, доставшіяся союзу по дарственнымъ и завѣщательнымъ актамъ и не подлежащія употребленію для цѣлей ассоціаціи, продаются съ публичнаго торга, и вырученныя деньги передаются союзу по принадлежности. Дарственныя записи въ пользу ассоціаціи, подъ условіемъ оставленія имущества въ пожизненномъ пользованіи дарителя, признаются недѣйствительными. Ассоціаціи между французами и иностранцами могутъ основываться не иначе, какъ съ предварительнаго разрѣшенія государственнаго совѣта. Разрѣшеніе должно быть облечено въ форму парламентскаго закона въ двухъ случаяхъ: во-первыхъ, если мѣстопребываніе ассоціаціи находится заграницей, или если руководство ею ввѣрено иностранцамъ; во-вторыхъ, если члены ассоціаціи живутъ сообща. Ассоціаціи такого рода, образовавшіяся безъ разрѣшенія, считаются недозволенными, и участники ихъ подвергаются установленнымъ взысканіямъ. Всѣ акты на пріобрѣтеніе имуществъ, совершаемые въ пользу ассоціаціи непосредственно или черезъ подставныхъ лицъ, въ обходъ закона, объявляются ничтожными. Подставными лицами по отношенію къ ассоціаціямъ, для которыхъ требуется законодательное разрѣшеніе, признаются отдѣльные члены ихъ, къ которымъ перешли или переходятъ имущества по дареніямъ или завѣщаніямъ не отъ восходящихъ родственниковъ, а также члены или постороннія лица, состоящія номинальными собственниками владѣній, занимаемыхъ ассоціаціей; но постороннимъ лицамъ предоставляется доказывать свои самостоятельныя права на эти имущества. Тѣ изъ существующихъ ассоціацій, которыя не были разрѣшены или признаны раньше, должны въ теченіе шестимѣсячнаго

срока принять необходимыя мѣры для исполненія требованій закона. Ассоціаціи же, руководимыя изъ-за границы или иностранцами, или члены которыхъ живутъ вмѣстѣ, упраздняются, если не представятъ разрѣшенія въ указанный срокъ. Имущества и цѣнности, принадлежавшія членамъ ассоціаціи до ея учрежденія или дошедшія къ нимъ впослѣдствіи по наслѣдству, отдаются имъ обратно; имущества же, пріобрѣтенныя безмездно, могутъ быть потребованы дарителями или ихъ наслѣдниками, или правопреемниками завѣщателей въ теченіе одного года со времени публикаціи о судебномъ или добровольномъ распущеніи союза; по истеченіи этого срока, эти имущества переходятъ къ государству и назначаются въ пользу пенсіонной кассы рабочихъ.

Изъ этихъ постановленій можно видѣть, что главной заботой составителей законопроекта было не установленіе общедоступнаго права ассоціаціи, а ограниченіе и ликвидація обществъ спеціальнаго типа, характеризуемыхъ заграничнымъ мѣстопребываніемъ руководителей или совмѣстной жизнью членовъ, т.-е. не названныхъ прямо монашескихъ и духовныхъ конгрегацій, имѣющихъ свой центръ въ Римѣ. Членовъ такихъ конгрегацій насчитывается во Франціи до 200.000 человѣкъ обоего пола, тогда какъ число оффиціальныхъ духовныхъ лицъ не превышаетъ 40.000. Наиболѣе серьезною опасностью признается сосредоточеніе крупныхъ земельныхъ владѣній въ завѣдываніи ассоціацій, не имѣющихъ промышленнаго характера и потому не пускающихъ своихъ имуществъ въ оборотъ; эти владѣнія „мертвой руки“ представляются по старой памяти великимъ общественнымъ зломъ, съ которымъ необходимо бороться при помощи крутыхъ законодательныхъ мѣръ. Церковныя и монастырскія имущества дореволюціонной Франціи были въ свое время конфискованы государствомъ; и современные республиканцы съ ужасомъ видятъ, что старое, казалось бы, уже вырванное съ корнемъ зло возродилось вновь и принимаетъ все болѣе угрожающіе размѣры. Волненіе большинства французовъ по поводу этого страннаго факта вполнѣ естественно, если имѣть въ виду господствующіе принципы и традиціи 1789 года; но современныя условія существованія конгрегацій имѣютъ очень мало общаго съ обстоятельствами прошлаго вѣка и едва-ли оправдываютъ примѣненіе тѣхъ принудительныхъ пріемовъ, которые положены въ основу законопроекта. Католическая церковь не пользуется никакой политической властью во Франціи и поэтому не имѣетъ возможности расширять свои владѣнія на счетъ государства или народа путемъ злоупотребленій, практиковавшихся въ былое время; и если въ прошломъ столѣтіи можно было говорить о возвращеніи церковныхъ имуществъ государству или націи, то эта точка зрѣнія

уже совершенно непримѣнима къ пріобрѣтеніямъ новѣйшихъ духовныхъ обществъ и союзовъ. Нынѣшнія конгрегаціи пріобрѣтали и увеличивали свои владѣнія исключительно въ силу частныхъ актовъ, законность которыхъ признавалась соотвѣтственными оффиціальными учрежденіями. Государство или нація въ цѣломъ не могутъ очевидно предъявлять какія-либо притязанія на имущества, переходящія законнымъ способомъ отъ полноправныхъ частныхъ лицъ къ тѣмъ или другимъ союзамъ или учрежденіямъ; конфискація въ этихъ случаяхъ не могла бы опираться на то, что отбираемыя имущества были неправильно отняты у націи въ той или другой формѣ. Пока существуетъ право даренія или завѣщанія, до тѣхъ поръ неизбѣжны будутъ переходы имуществъ къ организаціямъ, не пользующимся симпатіями правительства, и запрещать или ограничивать эти переходы—не во власти закона. Религіозное настроеніе, побуждающее людей дѣлать пожертвованія въ пользу церкви или на религіозныя цѣли, не устраняется и не ослабляется запрещеніями, а такое настроеніе свойственно огромной массѣ французскаго общества, вопреки всѣмъ передовымъ идеямъ и стремленіямъ республиканскихъ прогрессистовъ.

Законопроектъ предлагаетъ уничтожить дарственные и завѣщательные акты, утвержденные въ свое время подлежащими судебными мѣстами; наслѣдники жертвователей призываются къ предъявленію своихъ правъ въ короткій годичный срокъ, и всѣ имущества, которыя не найдутъ своихъ владѣльцевъ, — быть можетъ, давно умершихъ, — конфискуются государствомъ. Подобное обратное примѣненіе закона явно противорѣчитъ элементарнымъ основамъ гражданскаго права и законодательства; а въ смыслѣ исключительной мѣры оно слишкомъ слабо мотивировано правительствомъ. Самое понятіе о недозволенныхъ или запрещенныхъ конгрегаціяхъ, владѣющихъ недвижимостью во Франціи, основано отчасти на игрѣ словъ и вызываетъ невольное недоумѣніе: какимъ образомъ могли эти имущества, хотя въ нѣкоторой долѣ, считаться собственностью монашескихъ орденовъ, не признаваемыхъ государствомъ? Въ дѣйствительности, имѣнія принадлежатъ отдѣльнымъ благотворительнымъ и воспитательнымъ заведеніямъ, имѣющимъ свое особое управленіе изъ лицъ, состоящихъ членами извѣстнаго ордена; жертвованія дѣлались въ пользу этихъ заведеній, законно существующихъ и дѣйствующихъ во Франціи, а не въ пользу ордена, которому они номинально подвластны. Іезуитскій орденъ самъ по себѣ ничѣмъ не владѣетъ и не можетъ владѣть во Франціи; но отъ его имени организованы въ разныхъ мѣстахъ страны различныя учрежденія, большей частью несомнѣнно общеполезныя, какъ, напр., пріюты, богадельни, больницы и т. п. Каждое изъ этихъ учрежденій имѣетъ свои особыя имущества и свой особый кругъ дѣятельности,

и соединять ихъ владѣнія въ одну общую массу, цѣнностью въ 48½ милліоновъ франковъ, нѣтъ ни малѣйшаго основанія. Быть можетъ, первымъ практическимъ результатомъ законопроекта будетъ нѣкоторое измѣненіе внѣшней организаціи этихъ разнообразныхъ учрежденій, съ расторженіемъ ихъ формальной связи съ заграничными монашескими институтами; но многочисленныя учебныя заведенія духовныхъ конгрегацій будутъ, вѣроятно, безусловно закрыты, такъ какъ именно въ области преподаванія находитъ главное примѣненіе взглядъ на клерикализмъ какъ на враждебную и опасную силу. Взамѣнъ закрытыхъ школъ придется основать другія, государственныя, и французское министерство народнаго просвѣщенія можетъ очутиться тогда передъ задачею, которую оно по существу не въ состояніи разрѣшить.

Значительная часть населенія во Франціи упорно сохраняетъ традиціонныя вѣрованія и даже суевѣрія; можно сказать, что истинная набожность, доходящая до экстаза и фанатизма, нигдѣ не имѣетъ такихъ прочныхъ корней въ народѣ, какъ въ этой странѣ безвѣрія и вольнодумства. Французскій клерикализмъ имѣетъ подъ собою твердую почву, и нельзя противодѣйствовать ему иначе какъ только духовнымъ оружіемъ, которымъ до сихъ поръ пренебрегало республиканское правительство. Народныя массы часто обнаруживаютъ недовѣріе къ духовенству, и ихъ легко запугать призракомъ старинныхъ церковныхъ притязаній и земельныхъ захватовъ; но французы въ большинствѣ остаются вѣрующими католиками и требуютъ отъ школъ, между прочимъ, и религіознаго обученія, устраненнаго изъ государственныхъ учебныхъ заведеній. Этимъ только и объясняется появленіе множества духовныхъ и монастырскихъ училищъ, обезпеченныхъ матеріальными средствами и нерѣдко получающихъ богатыя приношенія по дарственнымъ и завѣщательнымъ актамъ. Потребность въ религіозномъ преподаваніи не исчезнетъ и не ослабѣетъ отъ того, что закроются нынѣшнія духовныя и іезуитскія школы; а оставить эту потребность безъ удовлетворенія, полагаясь на одни принудительные способы воздѣйствія,—значило бы создать непримиримый внутренній разладъ между религіею и республикою во Франціи. Чтобы подорвать значеніе клерикализма, государство должно было бы измѣнить и расширить всю систему народнаго образованія, покрыть страну цѣлою сѣтью новыхъ, разумно устроенныхъ школъ, и допустить въ нихъ свободу религіознаго преподаванія, по желанію заинтересованныхъ лицъ, подъ контролемъ учебнаго начальства. Тогда самъ собою изсякъ бы источникъ тѣхъ опасностей, противъ которыхъ правительство періодически придумываетъ искусственныя законодательныя мѣры, безъ всякихъ шансовъ прочнаго успѣха. Французскіе республиканцы,

начиная съ Гамбетты, всегда нападали на симптомы и проявленія клерикальнаго духа, не затрогивая его реальной почвы и основы; они боролись съ внѣшностью, оставляя сущность въ сторонѣ, и оттого ихъ усилія оказывались неминуемо безплодными. Жюль Ферри считалъ великою побѣдою республики проведеніе закона, изгнавшаго преподаваніе религіи изъ государственныхъ школъ; представители духовенства были удалены изъ учебныхъ заведеній, получившихъ исключительно свѣтскій характеръ, и послѣдствіемъ этой побѣды было необыкновенно быстрое развитіе того зла, которое теперь волнуетъ и озабочиваетъ республиканцевъ. Странно, что никто даже не замѣчаетъ прямой логической связи между школьнымъ закономъ Жюля Ферри и позднѣйшимъ распространеніемъ духовныхъ и іезуитскихъ школъ; Вальдекъ-Руссо и его единомышленники идутъ по тому же старому пути и повторяютъ ошибки своихъ предшественниковъ: они вѣрятъ только въ силу принужденія, и результаты будутъ, конечно, прежніе,—быть можетъ, даже болѣе печальные и нежелательные для республики.

Имѣя въ виду прежде всего ограничить или уничтожить духовныя конгрегаціи, законъ опредѣляетъ ихъ такими внѣшними признаками, которые сами по себѣ кажутся вполнѣ невинными и могутъ быть отнесены съ одинаковымъ правомъ къ союзамъ вовсе не-религіознымъ или даже антирелигіознымъ. Ассоціаціи между французами, имѣющія свой центръ за границей или руководимыя иностранцами—это далеко не одни монашескіе ордена, а всякаго рода международныя общества, научныя, нравственно-политическія и соціальныя, которыхъ нѣтъ повода обставлять особыми стѣснительными условіями. Таковы, напримѣръ,—„общество мира“, совѣтъ котораго находится, если не ошибаемся, въ Женевѣ; „Институтъ международнаго права“, засѣдающій въ Гентѣ или Брюсселѣ; общества тюрьмовѣдѣнія, статистики, медицины, гигіены и т. п., устроивающія періодическіе съѣзды или конгрессы въ разныхъ городахъ Европы; „Армія спасенія“, предводители которой живутъ въ Лондонѣ; „Международное общество рабочихъ“. съ центральнымъ управленіемъ въ Англіи, и т. д. Для каждой изъ этихъ разнообразныхъ ассоціацій потребуется изданіе особаго закона, который „укажетъ условія ихъ дѣятельности“ во Франціи. Всеобщая стѣснительная регламентація установится только ради того, чтобы помѣшать образованію и росту іезуитскихъ и иныхъ духовныхъ коллегій. Не проще ли было бы открыто выдѣлить эти послѣднія и примѣнить къ нимъ спеціальныя правила, соотвѣтствующія ихъ характеру и способамъ дѣйствія? Точно такъ же совмѣстная жизнь свойственна не одному монашеству и сама по себѣ не представляетъ ничего такого, что оправдывало бы исключительную строгость законо-

дательнаго контроля. Какая-нибудь артель или группа рабочихъ не могла бы устроить общежитіе, безъ предварительнаго разсмотрѣнія и утвержденія устава общины обѣими палатами. Еслибы нашлись теперь послѣдователи Фурье и пожелали основать фаланстеру, то этотъ въ сущности невинный проектъ долженъ былъ бы раньше обсуждаться въ парламентѣ. И все это только потому, что желательно поставить предѣлъ развитію монашества во Франціи. Очевидно, законопроектъ Вальдека-Руссо своимъ общимъ опредѣленіемъ бьетъ гораздо дальше цѣли и захватываетъ несравненно больше предметовъ и вопросовъ, чѣмъ предполагалось въ дѣйствительности. Даетъ ли онъ, по крайней мѣрѣ, лучшую формулировку общаго права ассоціаціи и облегчаетъ ли пользованіе имъ для обывателей? И этого нельзя сказать.

До сихъ поръ не требовалось ни предварительной заявки, ни административнаго разрѣшенія для основанія союза, число членовъ котораго меньше двадцати; только ассоціаціи съ болѣе значительнымъ составомъ участниковъ преслѣдуются уголовнымъ кодексомъ при отсутствіи предварительнаго разрѣшенія. Законопроектъ отмѣняетъ эти постановленія, унаслѣдованныя отъ второй имперіи, и одинаково подвергаетъ контролю всѣ вообще ассоціаціи, независимо отъ числа ихъ членовъ. Тѣ союзы, которые не будутъ признаны общеполезными, могутъ владѣть имуществомъ только на правахъ общей нераздѣльной собственности, въ которой каждый участникъ имѣетъ свою долю, соотвѣтственно размѣрамъ своего вклада или цѣнности своихъ услугъ; слѣдовательно, они будутъ лишены весьма важнаго права располагать своими самостоятельными средствами и должны будутъ рѣшать имущественные вопросы не по большинству голосовъ, а единогласно, какъ это принято относительно участниковъ общаго владѣнія. Въ законопроектѣ нѣтъ никакихъ указаній или намековъ на то, чѣмъ будетъ руководствоваться администрація при надѣленіи однихъ союзовъ достоинствомъ общеполезныхъ и при отказѣ другимъ въ такомъ существенномъ титулѣ, дающемъ ассоціаціи права и преимущества юридическаго лица; сочувственное или отрицательное отношеніе къ тѣмъ или другимъ обществамъ будетъ уже всецѣло зависѣть отъ взглядовъ и симпатій смѣняющихся министровъ. Теперь во главѣ правительства стоитъ Вальдекъ-Руссо, поддерживаемый передовыми республиканцами и соціалистами; но со временемъ онъ можетъ опять уступить мѣсто Рибо или кому-либо другому изъ партіи центра, еще недавно господствовавшей въ парламентѣ подъ предводительствомъ Мелина,— и тогда политика правительства по отношенію къ ассоціаціямъ измѣнится радикально. Законъ не создаетъ, такимъ образомъ, ничего прочнаго и вводитъ элементъ перемѣнчиваго произвола въ область практическаго примѣненія регулируемаго права.

Обсужденіе закона объ ассоціаціяхъ началось въ палатѣ депутатовъ 14 (1) февраля и не окончилось еще понынѣ. Такихъ продолжительныхъ и серьёзныхъ парламентскихъ преній по возбужденному правительствомъ законодательному вопросу не происходило во Франціи со времени знаменитой школьной реформы Жюля Ферри. Первое засѣданіе посвящено было полемикѣ по поводу рѣзкой критической оцѣнки законопроекта въ посланіи папы Льва XIII, отъ 23-го декабря, къ парижскому кардиналу-архіепископу Ришару. Соціалисты и радикалы усмотрѣли въ этомъ заявленіи римскаго престола незаконную попытку иностраннаго вмѣшательства во внутреннія дѣла страны; но Вальдекъ-Руссо не согласился съ этой точкою зрѣнія и призналъ за папою право высказывать свое мнѣніе о предметѣ, прямо или косвенно касающемся церкви. Между прочимъ, папа Левъ XIII въ своемъ посланіи весьма тонко даетъ понять, что Франція можетъ лишиться своего протектората надъ католиками на востокѣ, если она будетъ преслѣдовать свои религіозныя конгрегаціи и миссіи, которыми создано и охраняется ея положеніе первой католической державы въ далекихъ краяхъ. На востокѣ французская дипломатія играетъ роль оффиціальной покровительницы и заступницы католиковъ всѣхъ національностей въ области религіозныхъ и церковныхъ интересовъ, и этотъ протекторатъ доставляетъ Франціи крупныя политическія выгоды, которыми всегда дорожили ея различные республиканскіе кабинеты; а внутри страны французское правительство ведетъ борьбу съ религіозными учрежденіями и относится къ нимъ съ нескрываемой враждою. Видя такое отношеніе къ себѣ правительства, французскія духовныя миссіи, дѣйствующія въ восточныхъ земляхъ, будутъ вынуждены отказаться отъ дальнѣйшей самоотверженной работы и уступятъ мѣсто представителямъ другихъ національностей, къ великому ущербу для французскаго имени и авторитета въ чужихъ краяхъ. Намекъ папы Льва XIII былъ понятъ многими въ смыслѣ угрозы, и ораторы крайней лѣвой краснорѣчиво разсуждали на эту тему въ палатѣ; однако, по существу указанное противорѣчіе осталось невыясненнымъ. Палата довольствовалась заявленіемъ о безспорномъ правѣ государственной власти вырабатывать и издавать законы безъ всякаго посторонняго участія, чего не отрицали и клерикальныя группы меньшинства.

Этотъ первый полемическій приступъ къ парламентскимъ преніямъ о новомъ законѣ характеризуетъ уже весь ихъ дальнѣйшій ходъ. Въ парламентѣ съ самаго начала обозначились двѣ точно разграниченныя партіи—враговъ и защитниковъ католичества или, вѣрнѣе, клерикализма. Общій вопросъ объ ассоціаціяхъ разсматривался обѣими партіями исключительно подъ угломъ зрѣнія духовныхъ конгрегацій. Клерикалы выдвинули свои лучшія силы; съ ними за-одно дѣйствуютъ

умѣренные республиканцы, приверженцы религіозной свободы и равноправности. Противъ нихъ стоитъ непримиримое и рѣшительное большинство, не допускающее никакихъ уступокъ. Многочисленныя возраженія и поправки оппозиціонныхъ ораторовъ,—иногда вполнѣ основательныя и дѣльно мотивированныя,—отвергаются простымъ указаніемъ на ихъ клерикальный источникъ. Блестящія и убѣдительныя рѣчи произносились съ обѣихъ сторонъ; докладчикъ Трульо непрерывно давалъ отпоръ противникамъ; Вальдекъ-Руссо неутомимо отстаивалъ и объяснялъ каждый параграфъ закона, причемъ обнаруживалъ качества первокласснаго практическаго юриста, находчиваго и остроумнаго адвоката. Нѣкоторые изъ этихъ ораторскихъ турнировъ обращали на себя вниманіе изяществомъ пріемовъ и искусствомъ аргументаціи; между тѣмъ пренія были вообще безплодны и отчасти безсодержательны, такъ какъ истиннымъ предметомъ ихъ былъ клерикализмъ, а не законъ объ ассоціаціяхъ. Каждая изъ обѣихъ воюющихъ партій заняла опредѣленную позицію, съ которой нельзя было ее сдвинуть никакими доводами. Проектъ подвергся измѣненіямъ, но только по формѣ, а не по содержанію; оппозиція могла вліять лишь на редакцію закона и направила свои усилія въ эту сторону, выставляя въ то же время свои контръ-проекты взамѣнъ отдѣльныхъ статей правительственнаго текста. Защитники духовныхъ конгрегацій при всемъ своемъ краснорѣчіи были безсильны уже потому, что очутились въ фальшивомъ положеніи передъ парламентомъ: ораторы правой, крайніе консерваторы и реакціонеры, монархисты и бонапартисты выступали въ неожиданной для нихъ роли приверженцевъ полной свободы ассоціацій, свободы обученія и преподаванія, тогда какъ всѣмъ хорошо извѣстны ихъ принципы и стремленія, которымъ они слѣдуютъ неуклонно при малѣйшемъ или хотя бы кратковременномъ обладаніи властью. Клерикалы въ свое время угнетали и преслѣдовали вольнодумцевъ, и должны теперь въ свою очередь терпѣть отъ противниковъ; фразы о свободѣ въ ихъ устахъ звучатъ фальшиво и вызываютъ лишь раздраженіе и насмѣшки. Французскимъ монархистамъ приходится вновь испытывать на себѣ справедливость стараго латинскаго изреченія: „подчиняйся закону, который ты самъ установилъ“ (patere legem quam ipse tulisti).

Бывшій сербскій король Миланъ Обреновичъ скончался въ Вѣнѣ 11 февраля (нов. ст.), на 47-мъ году жизни, и едва ли нашлись гдѣ нибудь люди, способные оплакивать его смерть, — за исключеніемъ конечно, родного его сына, короля Александра. Даже старые сподвижники отвернулись отъ него, когда потеряли надежду на возвратъ его

вліянія и могущества въ Сербіи. Онъ умеръ, покинутый всѣми, и похороненъ, согласно своему желанію, въ чужой землѣ, въ Хорватіи. Наслѣдникъ князя Михаила, убитаго въ 1868 году въ Топчидерскомъ паркѣ, близь Бѣлграда, Миланъ провелъ юные годы въ Парижѣ, въ возрастѣ 14-ти лѣтъ былъ провозглашенъ княземъ подъ опекою регентства, въ которомъ главную роль игралъ Ристичъ, а затѣмъ съ 1872 года сталъ управлять самостоятельно. Во время возстанія въ пограничныхъ турецкихъ земляхъ, въ 1876 году, Миланъ примкнулъ къ движенію русскихъ добровольцевъ, назначилъ генерала Черняева сербскимъ главнокомандующимъ и предоставилъ ему воевать съ Турціею; война окончилась разгромомъ при Дьюнишѣ и была остановлена лишь дипломатическимъ заступничествомъ Россіи. Послѣ русско-турецкой кампаніи 1877 — 78 годовъ вассальное сербское княжество пріобрѣло независимость отъ Порты, а въ 1882 году Миланъ принялъ титулъ короля. Съ тѣхъ поръ, возвеличенный въ своихъ собственныхъ глазахъ новымъ для него положеніемъ коронованной особы, онъ началъ ту жалкую, иногда рискованную и обоюдоострую игру въ политическія комбинаціи, которая принесла Сербіи столько непоправимыхъ бѣдствій и которая наконецъ привела его самого къ паденію. Поочередно вступая въ сдѣлку съ разными сербскими партіями и преслѣдуя неподатливыхъ дѣятелей и патріотовъ, какъ личныхъ враговъ, онъ мало-по-малу пріучилъ себя смотрѣть на государственныя дѣла страны исключительно съ точки зрѣнія своихъ частныхъ интересовъ. Пользуясь вниманіемъ вѣнскаго двора, онъ легко поддался соблазнамъ дружескихъ и равноправныхъ сношеній съ высшими оффиціальными сферами Австріи, сталъ относиться къ своему народу съ презрительнымъ высокомѣріемъ, запуталъ и разстроилъ финансы, втянулъ Сербію въ тяжелыя долговыя обязательства, искусственно создавалъ политическіе кризисы подъ видомъ борьбы съ молчаливымъ и робкимъ населеніемъ, мѣнялъ конституціи и министерства безъ видимой причины, такъ что, въ концѣ концовъ, патріархальная страна сдѣлалась ареною какихъ-то непонятныхъ опытовъ и чувствовала себя не лучше, чѣмъ во времена господства турецкихъ пашей. Въ 1885 году, когда Болгарія произвольно присоединила къ себѣ Восточную Румелію, король Миланъ счелъ нужнымъ съ своей стороны напасть на Болгарію подъ предлогомъ возстановленія политическаго равновѣсія на Балканскомъ полуостровѣ; но вмѣсто ожидаемой легкой побѣды онъ потерпѣлъ позорное пораженіе при Сливницѣ и долженъ былъ обратиться къ помощи Австро-Венгріи, чтобы избѣгнуть неизбѣжныхъ печальныхъ послѣдствій своего фантастическаго предпріятія. Послѣ цѣлаго ряда публичныхъ скандаловъ, связанныхъ съ неудачною семейною жизнью,— въ родѣ насильственнаго отобранія малолѣтняго сына отъ матери

въ Висбаденѣ при содѣйствіи германской полиціи, въ 1888 году, — Миланъ неожиданно, въ началѣ 1889 года, обнародовалъ новую либеральную конституцію и затѣмъ, къ общему удивленію, отрекся отъ престола въ пользу Александра, которому исполнилось тогда около двѣнадцати лѣтъ. Назначено было регентство, и Миланъ поселился въ Парижѣ, гдѣ былъ однимъ изъ типичныхъ „Rois en exil". Всѣмъ еще памятны приключенія его въ аристократическихъ клубахъ и игорныхъ домахъ, его постоянныя требованія крупныхъ денежныхъ суммъ отъ сербскаго правительства, его домогательства объ удаленіи королевы Наталіи изъ Бѣлграда и постыдная исторія дѣйствительнаго ея изгнанія правительствомъ сына, при помощи жандармовъ. Въ 1891 году, Миланъ, сверхъ обычной значительной пенсіи, получилъ отъ Сербіи милліонъ франковъ подъ условіемъ проживанія за границею до совершеннолѣтія короля; годъ спустя, онъ отказался за деньги отъ всѣхъ своихъ правъ, соединенныхъ съ принадлежностью къ королевской фамиліи, и даже отъ правъ сербскаго подданства. Тѣмъ не менѣе, въ 1894 году онъ внезапно возвратился въ Сербію и вступилъ во всѣ права „отца-короля"; конституція была опять отмѣнена, возстановленъ старый уставъ 1869 года, и Миланъ, назначенный впослѣдствіи главнокомандующимъ сербской арміи, вновь сдѣлался полновластнымъ правителемъ злополучной страны. Послѣднимъ актомъ его „управленія" была жестокая и коварная расправа съ лучшими дѣятелями и патріотами Сербіи, принадлежащими къ такъ называемой радикальной партіи, — подъ прикрытіемъ мнимаго заговора, выразившагося, будто бы, въ покушеніи Княжевича. Только недавняя женитьба короля Александра, состоявшаяся противъ воли Милана, избавила страну отъ дальнѣйшихъ неурядицъ и потрясеній, зависѣвшихъ всецѣло отъ личнаго характера и темперамента экс-короля.

Миланъ обладалъ энергіею и предпріимчивостью, былъ замѣчательнымъ ораторомъ, умѣлъ внушать къ себѣ довѣріе даже умныхъ людей и производилъ впечатлѣніе властнаго человѣка, не терпящаго противорѣчій; въ немъ были характерныя черты турецкаго администратора, которыя отличали также другого виднаго дѣятеля недавняго прошлаго на Балканскомъ полуостровѣ, — Стамбулова. Какой-то нравственный дефектъ дѣлалъ его „злымъ геніемъ" Сербіи, орудіемъ бѣдствій для народа, снабжавшаго его обильными и даже непомѣрными матеріальными средствами и окружавшаго его почетомъ, смѣшаннымъ съ чувствомъ страха. Почему и за что Миланъ мстилъ подвластнымъ ему сербамъ такъ настойчиво и упорно въ теченіе многихъ лѣтъ—это остается тайною его психической организаціи. Нравственная личность его весьма ярко обрисовывается въ любопытномъ посланіи его къ королевѣ Наталіи, обнаро-

дованномъ въ „Temps“, отъ 17 февраля. Въ концѣ 1892 года, подъ вліяніемъ разстройства своихъ денежныхъ дѣлъ, онъ задумалъ покончить съ собою, или по крайней мѣрѣ дѣлалъ видъ, что рѣшился на самоубійство; по этому поводу онъ обращается изъ Байонны къ своей бывшей, многократно и грубо оскорбленной супругѣ, въ Біаррицъ, съ просьбою о прощеніи и денежной помощи для уплаты его долговъ, въ размѣрѣ 345 тысячъ франковъ. Деньги эти, по его словамъ, нужны не ему лично, а только для избавленія Сербіи и ея короля отъ позора; самъ же онъ во всякомъ случаѣ черезъ нѣсколько дней „предстанетъ предъ судомъ Всевышняго“. Готовясь къ роковому шагу, онъ даетъ предсмертныя наставленія королевѣ, какъ она должна поступать для блага своего сына и какія идеи слѣдуетъ внушать ему.

„Вы будете при немъ,—пишетъ Миланъ:—давайте ему совѣты, но, ради Бога и во имя высшихъ интересовъ короля, *не довѣряйте сербамъ!* Тронъ тамъ довольно шатокъ. Выдержитъ ли онъ это послѣднее испытаніе? Пріучайте сына къ бережливости. Онъ будетъ имѣть капиталъ, застрахованный для него во время его несовершеннолѣтія; это—единственная услуга, которую я могъ оказать ему при отреченіи. Когда онъ достигнетъ совершеннолѣтія, пусть онъ не тратитъ больше, чѣмъ теперь, и пусть откладываетъ все, что можетъ. Пусть вступитъ въ бракъ съ богатой невѣстой и не ищетъ ничего другого. Ристичъ хотѣлъ бы женить его на дочери князя черногорскаго; это было бы безобразіемъ, и она слишкомъ бѣдна. Если я умру, не устроивъ своихъ дѣлъ, пусть онъ откажется отъ наслѣдства и даже отъ тѣхъ изъ оставшихся вещей, которыя имѣютъ семейное или историческое значеніе. Величайшій рычагъ въ этомъ мірѣ—богатство; я знаю, сколько я терпѣлъ, добиваясь его во все продолженіе моей жизни; пусть оно достанется ему путемъ разсчетливости и экономіи; пусть моя жизнь и мой конецъ послужатъ ему грустными уроками и удержатъ его отъ ошибокъ, которыя меня погубили... Если вы вернетесь въ Сербію, оставьте за границей все, что вамъ принадлежитъ; пусть Саша сдѣлаетъ то же самое. Въ случаѣ, если его свергнетъ революція, онъ за предѣлами страны будетъ по крайней мѣрѣ имѣть чѣмъ жить. Вы въ своей жизни были неправы въ одномъ отношеніи: вы не понимали шаткости трона и противодѣйствовали моимъ начинаніямъ и комбинаціямъ по этому предмету. Не повторяйте этой ошибки по отношенію къ вашему сыну. Впрочемъ, вы теперь научены опытомъ и знаете уже, чего можно ожидать отъ сербовъ. Въ этотъ послѣдній моментъ я заклинаю васъ не дѣлать этой ошибки“...

Интересенъ краткій и достойный отвѣтъ королевы Наталіи: „...Вы говорите, что предстанете предъ лицомъ Всевышняго. Развѣ къ Богу

возносится человѣкъ, убивающій себя?.. Правильно жить трудно,—и это единственная вещь, о которой вы не думали. Что касается неправоты, которую вы мнѣ ставите въ вину, то я горжусь ею. Короли существуютъ не для того, чтобы отворачиваться отъ своего народа и эксплуатировать его, а для того, чтобы жить, страдать и погибнуть вмѣстѣ съ нимъ. Мои страданія были весьма чувствительны, мои разочарованія—многочисленны. Но я никогда не обвиняла за нихъ Сербію, и если вы полагали, что можете, умирая, завѣщать мнѣ ваше дѣло ненависти къ родной странѣ для передачи сыну, то вы ошиблись! И какъ послѣднее пожеланіе вашему сыну, вы завѣщаете ему—продать себя богатой женщинѣ! Не поняли ли вы наконецъ, что богатство—ничто, что долгъ выше всего? Честь Саши требуетъ, чтобы вы разумно жили, а не того, чтобы вы покончили съ собою, какъ комическій актеръ. Впрочемъ, его честь будетъ зависѣть отъ него, а не отъ васъ. Между тѣмъ, Миланъ, поймите меня. Я не могу уплатить 345 тысячъ франковъ по вашимъ обязательствамъ; мое состояніе вовсе не таково, какъ вы его себѣ представляете, и въ этомъ отношеніи вы также имѣете поводъ упрекать себя. Если же вы нуждаетесь въ дружеской рукѣ, чтобы вырваться изъ пропасти, которая васъ увлекаетъ, то я протяну вамъ свою руку,—не изъ расположенія, котораго у меня больше нѣтъ къ вамъ, а по чувству долга относительно моего сына...“

Таковъ нравственный обликъ покойнаго эксъ-короля, которому волею судебъ ввѣрена была участь симпатичнаго и долготерпѣливаго сербскаго народа.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 марта 1901.

— Болгарія и болгары. Н. Овсянаго, дѣйств. члена Имп. Р. Географ. Общества. Съ картою Балканскаго полуострова. Издано при содѣйствіи Военно-Ученаго Комитета Главнаго Штаба. Спб. 1900.

— Ал. Харузинъ. Боснія-Герцеговина. Очерки оккупаціонной провинціи Австро-Венгріи. (Съ картою). Спб. 1901.

Въ нашей литературѣ,—несмотря на то, что уже прошло болѣе двадцати лѣтъ со времени великихъ историческихъ событій, совершенно измѣнившихъ, при вмѣшательствѣ Россіи, политическую жизнь балканскаго славянства,—появлялось, однако, мало трудовъ, которые разъясняли бы русскому обществу новое положеніе балканскихъ народовъ. Писано было немало, но все больше газетныхъ, изрѣдка журнальныхъ статей, и очень мало серьезныхъ, обстоятельныхъ книгъ, дающихъ свѣдѣнія не изъ вторыхъ рукъ, а по собственному самостоятельному изученію. Пріятно указать теперь двѣ такихъ книги, посвященныхъ одна—Болгаріи, другая—Босніи-Герцеговинѣ.

Авторъ первой, г. Овсяный, уже давно началъ свои изученія балканскаго славянства. Въ 1877 г., онъ издалъ книгу: „Современная Турція“ (географическій обзоръ и историко-этнографическіе очерки); въ 1898 г., „Сербія и сербы“ (въ приложеніяхъ, краткія свѣдѣнія о сербахъ въ Турціи, Австріи, Босніи и Герцеговинѣ, въ Черногоріи). Авторъ другой книги, г. Ал. Харузинъ—въ прежнихъ сочиненіяхъ своихъ этнографъ и антропологъ; его наиболѣе обширный трудъ посвященъ былъ киргизамъ букеевской орды; далѣе, онъ изучалъ крымскихъ татаръ съ точки зрѣнія антропологіи и археологіи, населеніе Эстляндской губерніи, и т. д.

Свою книгу о Болгаріи г. Овсяный открываетъ слѣдующими соображеніями: „На политыхъ русской кровью поляхъ Болгаріи выросла болгарская свобода,—по этому одному, не говоря уже о племенномъ родствѣ и единствѣ вѣроисповѣданія, судьба болгарскаго народа должна

быть въ особенности близка намъ. Темная туча налегла-было на наши отношенія въ періодъ мрачной стамбуловщины, стремившейся отклонить Болгарію отъ Россіи; но волна народнаго движенія смыла и самого Стамбулова, и его нечистое дѣло. Теперь дружескія отношенія двухъ родственныхъ народовъ возстановились. Дай Богъ, чтобы эти узы окрѣпли и уже болѣе не ослаблялись!

„Но чтобы не повторились печальныя явленія прошлаго, намъ нужно хорошо знать другъ друга и отдавать себѣ ясный отчетъ во всемъ, что происходитъ у родственныхъ намъ народовъ; уроки прошлаго не должны проходить безслѣдно".

Этимъ авторъ и объясняетъ происхожденіе своего труда. Въ первый разъ авторъ познакомился съ Болгаріей еще въ концѣ семидесятыхъ годовъ, когда, тотчасъ послѣ войны 1877—78 года, онъ служилъ въ Болгаріи въ должности перваго окружнаго начальника въ одномъ изъ южныхъ округовъ; онъ оставилъ Болгарію по окончаніи оккупаціи и въ послѣднее время снова посѣтилъ ее для собиранія свѣдѣній о странѣ и народѣ, причемъ „встрѣтилъ полное сочувствіе и содѣйствіе со стороны всѣхъ болгаръ, къ которымъ обращался"; въ особенности отъ министра-президента Иванчова, который прежде долго былъ начальникомъ статистическаго бюро. Авторъ даетъ обстоятельный, сжатый обзоръ прошлаго и, главное, современнаго состоянія Болгаріи. За краткимъ географическимъ описаніемъ страны слѣдуетъ болѣе обширный обзоръ ея исторіи; далѣе, статистика и этнографія; литература, наука и искусство; вооруженныя силы. Въ концѣ указана довольно обширная литература о Болгаріи. Въ приложеніи помѣщены географическій и статистическій очеркъ Македоніи, и тексты договоровъ Санъ-Стефанскаго и Берлинскаго.

Въ нашей литературѣ книга г. Овсянаго является первымъ цѣльнымъ, внимательно составленнымъ, руководствомъ для знакомства съ Болгаріей. Приложенная карта Балканскаго полуострова очень отчетлива; жаль, что на ней обозначены только границы Болгаріи, но не отмѣчены границы Сербіи, Черногоріи, Босніи и Герцеговины, Греціи. Въ изложеніи новѣйшихъ событій въ Болгаріи можно было бы пожелать больше подробностей, которыя объяснили бы нѣсколько опредѣленнѣе образованіе болгарскихъ партій, и между прочимъ эпизодъ правленія Стамбулова.

Не менѣе интересна другая книга. Планъ ея—иной. Г. Харузинъ далъ своему труду форму не систематическаго описанія по рубрикамъ географіи, исторіи, статистики и т. д., а форму путешествія, въ которомъ онъ самъ изучалъ страну, одну часть за другою. Но авторъ былъ путешественникомъ, хорошо приготовленнымъ; видѣнное имъ уже знакомо ему раньше; путешествіе дѣлаетъ наглядными тѣ пред-

ставленія, какія раньше составились изъ чтенія, а также обогащаетъ наблюденіями жизни, идущей въ данную минуту. Это—путешествіе, иллюстрированное историческими разсказами и наблюденіями публициста; рядъ живо написанныхъ картинъ, при которыхъ авторъ приводитъ и историческія справки, и бытовыя современныя черты, и даже антропологическія соображенія о племенномъ типѣ, и т. п.

Боснія и Герцеговина,—первыя, поднявшія возстаніе въ половинѣ семидесятыхъ годовъ,—по окончаніи русско-турецкой войны получили весьма прискорбную участь. Въ то время какъ Болгарія стала лишь номинально зависимою, въ сущности свободнымъ конституціоннымъ государствомъ, Боснію и Герцеговину берлинскій конгрессъ присудилъ къ австрійской „оккупаціи“: другими словами, Австрія, не сдѣлавъ ровно ничего для освобожденія балканскаго славянства отъ турецкаго ига, получила въ подарокъ двѣ богатыя провинціи,—потому что „оккупація“ очевидно равнялась присоединенію. Двадцать лѣтъ тому назадъ можно было предвидѣть то, что происходитъ теперь: Австрія должна была распространить австрійскую культуру, сколько возможно подавляя тѣ стороны жизни, которыя могли бы развивать національный элементъ мѣстнаго славянскаго племени, не подходящій къ планамъ австрійской политики. Въ концѣ концовъ, Боснія и Герцеговина должны были стать прямымъ завоеваніемъ, которое проложило бы путь къ завоеванію всего балканскаго славянства.

Нашъ путешественникъ не ставитъ этого цѣлаго политическаго вопроса, но онъ внимательно наблюдаетъ тотъ процессъ, который совершается въ жизни славянскаго населенія и долженъ въ результатѣ повести къ австрійскому объединенію. По внѣшности, обѣ провинціи за время оккупаціи быстро подвинулись въ культурномъ отношеніи: построены желѣзныя и шоссейныя дороги, основываются промышленныя предпріятія, строятся школы (даже прекрасная мусульманская школа для босняковъ магометанъ), церкви; съ виду страна дѣлаетъ большіе культурные успѣхи,—но рядомъ имѣются весьма ежовыя рукавицы для всякихъ проявленій стараго мѣстнаго народнаго движенія. Съ этимъ порядкомъ вещей нашъ путешественникъ встрѣчается во всѣхъ сторонахъ жизни оккупированныхъ провинцій. Приводимъ нѣсколько подробностей.

Авторъ устраняетъ отъ себя какое-либо готовое предубѣжденіе противъ оккупаціоннаго управленія. Онъ знаетъ, что оно приняло страну изъ турецкихъ рукъ въ самомъ первобытномъ состояніи; онъ знаетъ, какъ трудно было въ этихъ условіяхъ установить новыя, болѣе совершенныя формы быта,—но, говоря, напр., объ устройствѣ земельныхъ отношеній, не можетъ удержаться отъ упрека, что, потративъ много труда и мѣстныхъ средствъ на учрежденіе того, что по куль-

турному состоянію народа вовсе ему не нужно, оккупаціонное правительство „не взялось за самую существенную сторону жизни народа, преслѣдуя совершенно иныя цѣли, не стоящія ни въ какой связи съ благомъ собственно Босны-Герцеговины".

„Какъ во многомъ другомъ,—говоритъ г. Харузинъ,—такъ и въ вопросѣ о поднятіи земледѣльческой культуры страны, въ дѣятельности оккупаціоннаго правительства есть, къ сожалѣнію, много дутаго и показного. Эта фальшь стоитъ въ тѣснѣйшей и непремѣнной связи съ тѣмъ фальшивымъ положеніемъ, въ которомъ находится мѣстное правительство, вынужденное работать передъ глазами Европы, чтобы, такъ сказать, выслужить для Австро-Венгріи право на вѣчное владѣніе оккупаціонной провинціею.

„Въ дѣятельности мѣстныхъ властей надо съ похвалою указать на организованное сельскохозяйственное обученіе, которое не можетъ, рано или поздно, не принести своихъ плодовъ. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, нельзя не отмѣтить учрежденій чисто показного характера: образцовыхъ виноградниковъ, фруктовыхъ садовъ, опытныхъ станцій и т. п. Размѣръ вложенныхъ въ нихъ капиталовъ, а равно примѣненный въ этихъ учрежденіяхъ высокій культурный методъ, не достигаютъ цѣли, такъ какъ образцовыя хозяйства годны только для значительныхъ и хорошо спеціально подготовленныхъ помѣщиковъ. Означенныя учрежденія даютъ, правда, возможность экспонировать на выставкахъ прекрасные экземпляры плодовъ, въ дѣйствительности въ Боснѣ-Герцеговинѣ совсѣмъ не произрастающихъ; но результатовъ для крестьянскаго хозяйства они, конечно, никакихъ имѣть не могутъ. Впрочемъ, слѣдуетъ указать на совершенно новый, только что вводимый въ практику методъ: учрежденіе небольшихъ крестьянскихъ образцовыхъ хозяйствъ. Результаты его пока еще не могутъ быть оцѣниваемы.

„По оффиціальнымъ отчетамъ, можно отмѣтить, что правительствомъ въ отношеніи сельскаго хозяйства и вообще благосостоянія сельскаго населенія сдѣлано слѣдующее: устроены пути сообщенія, организовано ветеринарное дѣло, урегулировано пользованіе лѣсомъ, учрежденъ сельскохозяйственный фондъ для ссудъ (за 4—6%), устроены: сельскохозяйственныя (4), фруктово-винодѣльныя (3) станціи, образцовыя хозяйства (16), конюшни для улучшенія породы лошадей, скачки, открыты (кромѣ школъ) воскресные курсы. Сверхъ того, привлечены въ страну колонисты, частью изъ Германіи, частью изъ Австро-Венгріи въ количествѣ 928 семействъ и 5.267 душъ. Послѣдняя мѣра имѣетъ болѣе политическое, очевидно, чѣмъ экономическое значеніе" (стр. 217—218).

Отношенія промышленныя и экономическія вызываютъ у автора слѣдующія наблюденія:

„Едва ли такой странѣ какъ Босна-Герцеговина, при какихъ бы то ни было условіяхъ ея существованія, удалось бы устоять отъ наводненія австрійскими товарами. Въ этомъ отношеніи Босна-Герцеговина повторяетъ старую исторію о томъ, что малокультурная страна попадаетъ въ зависимость культурнаго государства. Но на обязанности мѣстнаго правительства лежитъ подготовить населеніе возможно скорѣе выдѣлить изъ своей среды людей, которые способны достойно встрѣтить торгово-промышленный натискъ и, создавая свое, стать въ борьбу съ пришлымъ элементомъ. Австро-венгерское правительство въ этомъ отношеніи поступаетъ какъ разъ наоборотъ: во вредъ интересамъ жителей оккупаціонной провинціи и на пользу имперіи.

„Поэтому жалобы мѣстнаго населенія на экономическій подрывъ представляются небезосновательными. Указывается, что Австро-Венгрія, эксплоатируя оккупаціонную провинцію какъ свою колонію, ведетъ коренное народонаселеніе къ *быстрому обнищанію*. Пріобрѣвъ Босну-Герцеговину, Австро-Венгрія нашла въ странѣ не только надежное мѣсто для сбыта своихъ товаровъ, но и для помѣщенія свободныхъ капиталовъ.

„Обогащающійся пришлый элементъ нисколько не содѣйствуетъ благосостоянію Босны-Герцеговины, а правительство, совершенно безконтрольно расходуя мѣстныя средства на оборудованіе страны на европейскій ладъ, разоряетъ народъ. Сельскій людъ, составляющій свыше 88% всего населенія, не только бѣденъ, но изъ года въ годъ все больше приближается къ *полному обнищанію*. Между тѣмъ, бюджетъ страны ежегодно возростаетъ. Значительная доля его расходуется либо на затѣи, совершенно ненужныя для страны, либо на денаціонализацію населенія и, въ частности,—*окатоличеніе православныхъ*“ (стр. 221—222).

Но присоединились къ этому и между-славянскія осложненія. Боснія издавна была раздѣлена въ религіозномъ отношеніи: въ глубокіе средніе вѣка здѣсь было православіе, богомильство и католичество. Богомильство съ теченіемъ времени вымерло; католичество усиливалось и, съ турецкимъ завоеваніемъ, высшій классъ, землевладѣльцы, желавшіе сохранить свое политическое значеніе и богатство, приняли магометанство. Положеніе христіанскихъ исповѣданій, оставшихся въ народной массѣ, было безправное; тѣмъ не менѣе, католичество, благодаря связямъ съ метрополіей и клерикальной энергіи, въ послѣднее время, еще до русско-турецкой войны, стало усиливаться,—и съ оккупаціей сюда перешло еще другое, хорватское католическое движеніе. Съ размноженіемъ и усиленіемъ католическаго клира сталъ возвышаться и его образовательный уровень.

„Главнѣйшая заслуга въ этомъ отношеніи,—говоритъ г. Хару-

зинъ,—падаетъ на епископа въ Дьяковѣ, Штросмайера (епископомъ съ 1849 г. по сіе время), устроившаго въ 1857 г. въ названномъ городѣ духовную семинарію спеціально для боснійскихъ францисканцевъ. Заслуги Штросмайера въ отношеніи католической церкви въ Боснѣ-Герцеговинѣ неисчислимы. Онъ обратилъ вниманіе на эту страну, подналъ образовательный уровень хорватовъ и ихъ національное самосознаніе и тѣмъ самымъ приготовилъ въ ихъ лицѣ сильный, убѣжденный, культурный и отчасти нафанатизированный элементъ, обрушившійся послѣ оккупаціи на Босну-Герцеговину и ведущій свою пропаганду не изъ-за отвлеченной религіозной идеи, а изъ идеи національно-хорватской. При такихъ условіяхъ римская церковь не могла не стать быстро на твердую почву. Теперь, когда эта церковь, поддерживаемая и мѣстнымъ правительствомъ, и изъ Хорватіи, Венгріи и Рима, начала грозную борьбу съ православіемъ, она является уже вполнѣ организованною и представленною цѣлою арміею лицъ духовнаго сана" (стр. 263—264).

Фактически, результатъ всего этого сказывался прямо—возрастаніемъ цифры католическаго населенія. Авторъ производитъ статистическіе разсчеты, изъ которыхъ выходитъ, что магометанское населеніе страны, медленно возростая, относительно уменьшается, а католическое, напротивъ, значительно увеличивается. „Въ частности, въ періодъ съ 1885 по 1895 годъ, католики увеличились на 25,7% или на 2,6% въ средній годъ". Авторъ не находитъ основаній думать, чтобы приростъ католическаго населенія можно было приписывать переходу въ лоно католической церкви; напротивъ, несомнѣнно, что большой приростъ католическаго населенія находится въ тѣсной зависимости отъ прихода въ Босну-Герцеговину уроженцевъ Австро-Венгріи и другихъ странъ. Въ концѣ концовъ, населеніе православное сравнительно сокращается; магометанское—также, вслѣдствіе эмиграціи магометанъ, не выносящихъ своего новаго, подчиненнаго положенія подъ христіанской властью; католическое—возростаетъ, благодаря пришлому элементу (стр. 266—270).

Судьба православнаго населенія въ церковномъ отношеніи была, напротивъ, весьма тяжелая. За время до оккупаціи, отзывы писателей о православномъ духовенствѣ—самые неблагопріятные. Даже Гильфердингъ, путешествовавшій въ Босніи въ пятидесятыхъ годахъ и исполненный славянскими сочувствіями, писалъ тогда, что православные священники и боснійскіе монахи „невѣжественны выше всякаго вѣроятія". Иначе и быть не могло,—замѣчаетъ г. Харузинъ. „Это положеніе духовенства вызывалось съ одной стороны порабощеннымъ состояніемъ сербскаго народа, которому не откуда было получать постоянную и дѣятельную поддержку, съ другой же стороны—порабо-

щеніемъ греческими епископами и зависимостью церкви отъ константинопольской патріархіи. Если православное духовенство, по выраженію Гильфердинга, „срамило свой санъ своимъ невѣжествомъ“, то отвѣтственность за это цѣликомъ падала на высшихъ его представителей греческой народности. Полная одичалость страны и общій гнетъ не позволяли думать о раціональномъ просвѣщеніи на мѣстѣ“. Еслибы босно-герцеговинская православная церковь зависѣла отъ свободнаго сербскаго патріарха, то, по мнѣнію автора, могла бы найтись возможность образованія духовенства за границей,—какъ было съ босній-скими францисканцами въ школѣ Штросмайера. Но этого не случилось, и „нельзя не удивляться,—говоритъ г. Харузинъ,—при такихъ условіяхъ, какъ много жизненныхъ силъ сохранила православная община и лучшіе представители въ духовенствѣ. Послѣдніе сознавали крайнюю необходимость въ просвѣщеніи, тяготились низкимъ умственнымъ и нравственнымъ уровнемъ своей братіи и мірянъ. Послѣ первой трети XIX вѣка стремленіе къ самообразованію и самовоспитанію становится рѣшительнымъ. Образованія ищутъ гдѣ только возможно: въ сосѣдней Сербіи, въ Россіи, въ Австро-Венгріи. Стараются самоучкою пріобрѣсти знанія“. Начинаютъ, сколько возможно, основывать школы; подкупая турецкія власти, поправляютъ разрушающіяся церкви. Но остается все-таки греческая патріархія и турецкая власть,—ни та, ни другая не желали возрожденія народа. „Тѣмъ не менѣе, православная церковь въ Боснѣ-Герцеговинѣ, начиная со второй половины XIX вѣка, рѣшительно крѣпнетъ; духъ самосознанія развивается, общій уровень населенія возростаетъ и турецкій режимъ становится невыносимымъ. Православное населеніе Герцеговины, а затѣмъ Босніи, поднимаетъ знамя возстанія и борется съ достойнымъ подражанія мужествомъ за національное освобожденіе“ (стр. 279).

Результатъ возстанія извѣстенъ. Турецкое владычество въ Болгаріи, Босніи и Герцеговинѣ было сломлено; но именно тѣ, кто показалъ тогда достойное подражанія мужество, по рѣшеніямъ дипломатіи попали изъ огня въ полымя. „Освобожденная отъ турецкаго ига“ страна оказалась въ слѣдующемъ положеніи.

„Послѣ оккупаціи страны, православное населеніе сдѣлалось юридически совершенно равноправнымъ съ остальными частями босно-герцеговинскаго народа. Помощь, опека, поддержка *извнѣ* не вызывались поэтому никакою необходимостью. Съ оккупаціею Босна-Герцеговина какъ бы вошла въ составъ Австро-Венгріи—державы, включающей въ свои предѣлы многочисленныя народности, въ томъ числѣ народность и сербскую, единокровную и единовѣрную съ православными босно-герцеговинцами. Прежняя борьба православнаго сербства противъ мусульманства утрачиваетъ всякое значеніе, всякій смыслъ.

Ни жизни, ни имуществу не грозитъ болѣе опасности; зависимость сербской церкви отъ греческаго патріарха какъ бы фиктивна. Вмѣсто прежняго случайнаго заступничества европейскихъ державъ, вмѣсто покровительства отдаленной Россіи, Австро-Венгрія беретъ все православное населеніе въ постоянную опеку, интересы православной церкви обезпечены самимъ правительствомъ. Чиновники не подкупаемы, и тѣмъ самымъ православнымъ общинамъ сохраняется значительная доля ихъ прибылей. Австро-Венгрія не имѣетъ иныхъ жизненныхъ интересовъ внѣ своей территоріи, какъ только на Балканскомъ полуостровѣ, и потому интересы его населенія тѣмъ болѣе близко лежатъ къ ея сердцу. Съ Россіею же Босна-Герцеговина имѣетъ гораздо меньше общаго и по причинѣ языка, и по причинамъ чисто территоріальнымъ. Какое отношеніе могли имѣть теперь представители иностранныхъ державъ къ мѣстному населенію?—Конечно, *никакихъ*. Сама церковная община утратила свое значеніе: ей незачѣмъ развивать свою дѣятельность, если само правительство входитъ во всѣ интересы народонаселенія. Поэтому вся организація общины подлежитъ рѣзкому измѣненію, во имя общихъ интересовъ страны. Расходы на церковь, на школу допустимы лишь въ ограниченномъ количествѣ, такъ какъ и церковь, и школа руководятся самимъ правительствомъ. Населенію открыты широко двери къ сліянію съ имперіею въ одно органическое цѣлое.

„Всѣ эти видимыя преимущества оккупаціи страны Австро-Венгріею на дѣлѣ жестоко отзываются на православномъ населеніи Босны-Герцеговины и на интересахъ православной церкви и сербской народности“ (стр. 281—282).

Вмѣсто турецкаго „ига“, грубо подкупного или разбойничьяго, наступило весьма тонкое и неуязвимое со стороны. Оккупація съ самаго начала ставила дѣло такъ, чтобы превратить страну въ австрійскую провинцію. Съ константинопольскимъ патріархомъ, оффиціальнымъ главой мѣстнаго православія, заключенъ былъ конкордатъ, по которому патріархъ, за умѣренный гонораръ, предоставилъ Австріи распоряжаться церковными дѣлами Босны-Герцеговины. Притѣсненіе православнаго населенія, составлявшаго большинство и вмѣстѣ главную помѣху для сліянія, вызываетъ, наконецъ, жалобы. „Но это,—говоритъ г. Харузинъ,—лишь усиливаетъ негласное давленіе, тайное стѣсненіе. И въ этой, такъ сказать, подпольной дѣятельности заключается главная опасность. Постройка католическихъ церквей тамъ, гдѣ живетъ исключительно православное населеніе, направленная въ пользу католиковъ аграрная политика, субсидированіе преданныхъ правительству священниковъ, изгнаніе священниковъ народныхъ, замѣщеніе должностей митрополитовъ лицами изъ имперіи, содержаніе

ихъ на счетъ казны, распространеніе католическихъ иконъ и крестовъ, а равно брошюръ противоправославнаго направленія, главнымъ же образомъ закрытіе православныхъ школъ и замѣна ихъ интерконфессіональными правительственными—все это не можетъ не оказать въ ближайшемъ будущемъ крайне пагубнаго дѣйствія".

„Весь босно-герцеговинскій вопросъ,—продолжаетъ авторъ,—сводящійся въ настоящее время на борьбу сербской и хорватской народностей, заключается въ борьбѣ православія и католичества. Силы въ этой, впрочемъ вѣковой уже, борьбѣ совершенно неравны. Неравенство заключается главнымъ образомъ въ степени просвѣщенія... Католическое населеніе Босны-Герцеговины опирается на высокообразованную, культурную и единовѣрную Австро-Венгрію и въ частности Хорватію, тогда какъ православное населеніе, предоставленное самому себѣ, не можетъ опереться даже на сосѣднюю Сербію и Черногорію, которыя, въ отношеніи религіознаго просвѣщенія и вообще народнаго образованія, стоятъ еще на низкой степени развитія" (стр. 287—288).

Книга г. Харузина принадлежитъ къ лучшему, что было у насъ писано о современной жизни славянства. Авторъ съ большою старательностью изучалъ свой предметъ, давъ живыя картины страны и населенія, и въ первый разъ обстоятельно указалъ политическое состояніе народа, который своимъ возстаніемъ семидесятыхъ годовъ снова поднялъ славянскій вопросъ. Рѣшеніе, данное берлинскимъ трактатомъ, было, однако, роковымъ для этого народа. Книга г. Харузина—какъ будто отходная. Въ теченіе „оккупаціи" уже очень далеко подвинулся процессъ, который можно было предвидѣть съ самаго начала,—процессъ подавленія мѣстной, народной, православной стихіи, и водворенія чисто австрійскаго режима. Очевидно, здѣсь сказалась историческая необходимость: мѣстная славянская сила была не въ состояніи противиться австрійскому культурному наплыву; и „славянская идея", двигавшая въ тѣ годы русскимъ обществомъ, оказалась также безсильной дать другой оборотъ судьбѣ несчастной страны. Были данныя для этого историческаго результата: но во всякомъ случаѣ печально явленіе народа, который, только-что освободившись отъ тупого турецкаго ига, не могъ воспользоваться этой свободой для установленія своей жизни и попалъ подъ враждебную ферулу. Способы австрійскаго управленія, описываемые г. Харузинымъ, не позволяютъ ожидать лучшаго въ будущемъ; притязанія хорватскія только усложняютъ трудное положеніе коренного сербскаго населенія Босніи и Герцеговины, потому что къ враждѣ католиковъ противъ православія присоединяется между-племенная вражда хорватовъ и сербовъ. Наконецъ, оккупація принесла многоразличныя улучшенія внѣшняго

быта и извѣстное просвѣщеніе,—хотя съ обѣднѣніемъ народа и иными ущербами: эта „показная“ сторона культуры производитъ, однако, свое впечатлѣніе, и Австрія разсчитываетъ на нее, чтобы современемъ съ нѣкоторымъ правомъ превратить оккупацію въ полное присоединеніе.

Къ каждой главѣ своей книги, по различнымъ предметамъ описанія страны—географіи, исторіи, археологіи, церковной жизни, статистики, школы,—г. Харузинъ прибавляетъ указаніе новѣйшей литературы, весьма обширное. Наибольшая доля этихъ книгъ и брошюръ—нѣмецкія; и хотя авторами ихъ бывали не всегда нѣмцы, но и писатели славянскіе, во всякомъ случаѣ эти книги принадлежатъ литературѣ нѣмецкой.—А. П.

— В. А. Бильбасовъ. Историческія монографіи. Томъ второй. Спб. 1901.

Изданіе „Монографій“ идетъ, какъ видимъ, быстро. Второй томъ посвященъ различнымъ вопросамъ русской исторіи, а также литературы, отъ Рюрика до 1880-хъ годовъ; онъ составился изъ старыхъ и новѣйшихъ статей г. Бильбасова. Содержаніе тома слѣдующее: „Появленіе русскихъ на исторической сценѣ“—любопытныя мысли автора объ историческомъ началѣ Руси и о единствѣ народнаго русскаго характера съ тѣхъ временъ и донынѣ; „Письмо перваго Лжедимитрія Клименту VIII“—по поводу недавняго открытія, сдѣланнаго г. Пирлингомъ; „Юрій Крижаничъ“; „Памяти Фонъ-Визина“—въ столѣтіе по его смерти, 1792—1892; „Адріанъ Грибовскій, составитель записокъ о Екатеринѣ II“; „Международныя сношенія Россіи съ Германіею“—историческія воспоминанія о дипломатическихъ отношеніяхъ съ Германіей съ XV вѣка и до новѣйшихъ временъ, по поводу „Собранія трактатовъ и конвенцій“ Ѳ. Ѳ. Мартенса; „Присоединеніе Курляндіи“; „Россія и Англія въ XVIII вѣкѣ“; „Памяти императрицы Екатерины II“—по поводу истекшаго столѣтія съ ея кончины, 1896; „Записки современниковъ о 1812 годѣ“; „Самаринъ Гагарину о Лермонтовѣ“—очень любопытный разсказъ о кн. Гагаринѣ, другѣ Самарина, Чаадаева, потомъ католикѣ и іезуитѣ; „Опека надъ произведеніями Пушкина“; „Наканунѣ Крымской войны“—изъ записокъ графа Фицтума фонъ-Экштедта; „Народная школа въ Россіи“; „Средняя школа 30 лѣтъ назадъ“; „Петербургскія письма“—1883 года, изъ „Р. Мысли“.

Таково содержаніе книги. Разнообразные интересы автора, обширная начитанность, нерѣдкая оригинальность его взглядовъ, въ вопросахъ сложныхъ внимательная критика, всегда живое изложеніе, вообще

даютъ трудамъ г. Бильбасова большое положеніе въ нашей исторической литературѣ. Собраніе „монографій“ дастъ возможность читателю пользоваться тѣми его трудами, которые разсѣяны были въ журналахъ и оттого, съ теченіемъ времени, становились все менѣе доступными и забывались; но въ этихъ прежнихъ журнальныхъ статьяхъ заключается очень много интереснаго и поучительнаго.—Т.

— Сочиненія императрицы Екатерины II на основаніи подлинныхъ рукописей и съ объяснительными примѣчаніями академика А. Н. Пыпина. Изданіе Импер. Академіи Наукъ. Томы I—IV. Драматическія сочиненія. Спб. 1901

Въ Отчетѣ Русскаго Отдѣленія Академіи Наукъ за 1899 годъ было сообщено, что г. Пыпинъ, собирая въ Государственномъ Архивѣ матеріалы для исторіи мистическаго движенія конца XVIII и начала XIX вѣка, встрѣтилъ въ Архивѣ множество автографовъ литературныхъ произведеній имп. Екатерины, и въ этомъ числѣ нѣсколько пьесъ ея, неизданныхъ и совсѣмъ неизвѣстныхъ историкамъ литературы. Въ прежнее время, лѣтъ тридцать назадъ, только Пекарскій (состоявшій на службѣ въ Госуд. Архивѣ), былъ знакомъ съ нѣкоторыми изъ этихъ рукописей и сдѣлалъ изъ нихъ небольшія извлеченія. Русское Отдѣленіе Академіи рѣшило предпринять цѣлое изданіе сочиненій имп. Екатерины, и вышедшіе теперь четыре тома представляютъ начало этого изданія.

Въ предисловіи къ I-му тому читаемъ:

„Задача настоящаго изданія — собрать, по возможности, въ полномъ составѣ сочиненія императрицы Екатерины II, до сихъ поръ далеко не вполнѣ извѣстныя, возстановить по подлиннымъ рукописямъ ихъ настоящій текстъ и такимъ образомъ опредѣлить ея литературную дѣятельность, которая до сихъ поръ представлялась не вполнѣ ясной,—и мало того, въ литературѣ высказывались даже прямыя отрицанія ея авторства. Установить точную хронологію всѣхъ работъ императрицы Екатерины довольно трудно: мы указываемъ хронологическія данныя, гдѣ онѣ отмѣчены прямо или могутъ быть опредѣляемы косвенно. Въ порядкѣ изданія мы приняли распредѣленіе ихъ по содержанію: сочиненія драматическія, статьи журнальныя, сочиненія педагогическія и т. д. Не думаемъ помѣщать здѣсь „Наказа“; это, быть можетъ, не столько литературное произведеніе, сколько правительственный актъ,—притомъ недавно онъ былъ переизданъ и ему посвящаются теперь спеціальныя изслѣдованія со стороны его состава и историческаго значенія.

„Полагая главную задачу изданія въ собраніи самаго состава со-

чиненій и опредѣленіи текста, мы устраняли историко-литературный комментарій: это—дѣло особаго изслѣдованія. Притомъ, работа еще продолжается. Но въ концѣ ея мы надѣемся собрать впечатлѣнія и выводы, которые представляются при изученіи этого необычайнаго историческаго матеріала.

„Въ Государственномъ Архивѣ сохранилась цѣлая масса литературныхъ произведеній императрицы, доселѣ совершенно неизвѣстныхъ историкамъ литературы. Вновь найденный матеріалъ заключаетъ въ черновыхъ или окончательныхъ автографахъ, во-первыхъ, нѣсколько вполнѣ законченныхъ пьесъ и не мало отрывковъ, никогда не бывшихъ въ печати; во-вторыхъ, для сочиненій напечатанныхъ — также массу автографовъ, которые доставляютъ не мало любопытныхъ варіантовъ и вообще указаній о способѣ ея работы, о роли ея секретарей, которые переписывали ея труды и частію исправляли ея орѳографію и стиль. Наконецъ, сохранилось въ автографахъ большое число разнообразныхъ ея статей и замѣтокъ, и цѣлыхъ сочиненій, историческихъ, литературныхъ и автобіографическихъ, опять неизвѣстныхъ въ печати. Важныя находки въ Государственномъ Архивѣ и другихъ, частію мало доступныхъ хранилищахъ, а также въ Московскомъ Публичномъ и Румянцовскомъ музеѣ, въ Архивѣ Кабинета Его Императорскаго Величества, въ собраніи рукописей I-го отдѣленія Библіотеки Имп. Академіи Наукъ, въ Имп. Публичной Библіотекѣ,— указывали необходимость цѣльнаго изданія литературныхъ произведеній императрицы Екатерины II, и постановленіемъ Отдѣленія русскаго языка и словесности 5 февраля 1900 г. опредѣлено было предпринять это изданіе въ ряду критическихъ изданій русскихъ писателей“.

Два первые тома заняты тѣми пьесами императрицы, которыя уже ранѣе были извѣстны въ печати, и здѣсь изданы въ сличеніи съ подлинными рукописями, дающими возможность видѣть первоначальную работу, поставить внѣ сомнѣнія самое авторство, опредѣлить своеобразный стиль и языкъ; пьесы сопровождены библіографическими примѣчаніями.

Третій томъ заключаетъ главныя находки, сдѣланныя въ Государственномъ Архивѣ—новыя, доселѣ неизвѣстныя пьесы императрицы Екатерины. Это—во-первыхъ, шесть вполнѣ, или почти вполнѣ, законченныхъ комедій:

— „Неожиданное приключенье“, въ автографѣ императрицы и въ копіи И. П. Елагина.

— „Невѣста невидимка“, въ автографѣ и копіи Елагина. Здѣсь— настоящая пьеса съ такимъ названіемъ: раньше, съ первыхъ печатныхъ изданій, названіе это придано было, неправильно, другой пьесѣ,

которая въ рукописяхъ называется „Вопроситель“ (напечатано въ I-мъ томѣ).

— „Комедія: что за штуки?“ въ автографѣ.

— „Думается такъ, а дѣлается инако“, въ автографѣ (мартъ, 1785).

— „Драновъ и сосѣди“, въ копіи.

— „Вольное переложеніе изъ Шакеспира, комедія: Расточитель“, въ двухъ автографахъ и въ копіи Храповицкаго, который упоминаетъ объ этой пьесѣ въ своемъ Дневникѣ въ концѣ 1786 года.

Далѣе, нѣсколько отрывковъ:

— „Врунъ“, въ автографѣ. Объ этой пьесѣ упоминаетъ Храповицкій въ іюлѣ 1787.

— „Разсказы. Баба бредитъ, чортъ ли ей вѣритъ“, въ автографѣ.

— „Вольное переложеніе съ аглинскаго“, въ автографѣ. Это— переложеніе изъ Шеридана, о чемъ упоминаетъ Храповицкій въ октябрѣ 1787.

— „Чуланъ. Вольное переложеніе изъ Кальдерона де ла Барка“, въ автографѣ.

Далѣе, пьеса изъ ряда „историческихъ представленій“, извѣстная досихъ поръ только изъ упоминаній Храповицкаго (въ октябрѣ 1786).

— „Игорь, историческое представленіе безъ обыкновенныхъ театральныхъ правилъ“, въ бѣловомъ и черновыхъ автографахъ и въ копіи Храповицкаго, не конченное (четыре дѣйствія).

Наконецъ, нѣсколько небольшихъ отрывковъ.

Въ IV-мъ томѣ помѣщены французскія пьесы имп. Екатерины, какъ тѣ, которыя были изданы и исполнялись въ Эрмитажномъ театрѣ, такъ и неизданныя сочиненія, имѣющія сценическую форму.

Французскія пьесы Екатерины II напечатаны были въ 1788—89 г. въ „Recueil des pièces données au Théâtre de l'Hermitage“. Изданный въ небольшомъ числѣ экземпляровъ, только для тѣснаго круга приближенныхъ, этотъ сборникъ съ самаго начала былъ великой библіографической рѣдкостью, и имена авторовъ пьесъ здѣсь не были названы; впослѣдствіи, онъ былъ повторенъ, хотя не сполна, въ парижскомъ изданіи „Théâtre de l'Hermitage“, 1799, гдѣ, въ предисловіи, были поименованы лица, участвовавшія своими пьесами въ Эрмитажномъ театрѣ. Въ „Recueil“ и въ „Théâtre de l'Hermitage“, и затѣмъ въ настоящемъ изданіи находятся слѣдующія пьесы имп. Екатерины:

— Un tiens vaut mieux que deux tu l'auras (или le Tracassier), proverbe.

— Le Flatteur et les Flattés, proverbe.

— Les Voyages de M. Bontems, proverbe.

— Il n'y a point de mal sans bien, proverbe.

— La Rage aux proverbes.

Авторство имп. Екатерины относительно этихъ пьесъ подвергалось сомнѣнію или прямо отвергалось въ особенности французскими библіографами. Но принадлежность пьесъ имп. Екатеринѣ доказывается, во-первыхъ, прямыми указаніями вѣрнаго историка, Храповицкаго, день за день описывавшаго занятія императрицы (см. послѣдніе мѣсяцы 1788-го и первые мѣсяцы 1789-го года въ его Дневникѣ), а главное—ея собственными рукописями: для всѣхъ названныхъ пьесъ сохранились автографы, бѣловые, а частію и черновые, съ помарками и исправленіями, указывающими самый ходъ работы.

Далѣе, помѣщены здѣсь: „L'amant ridicule, proverbe", о которой имп. Екатерина упоминала въ письмѣ къ Гримму, что пьеса наполовину принадлежала принцу де-Линь, наполовину ей; пьеса: „M-r Lustucru", сохранившаяся въ автографѣ, но не законченная; „Description d'une fête", празднества, даннаго имп. Екатериной въ честь принца Генриха прусскаго (1770),—пьеса сохранилась въ нѣсколькихъ рукописяхъ; о празднествѣ императрица разсказывала въ письмѣ къ Вольтеру (1770).

Наконецъ, нѣсколько отрывковъ, въ автографахъ.

Въ приложеніяхъ, помѣщено еще двѣ пьесы изъ „Recueil": „L'insouciant", гр. Д.-Мамонова, и „Gros Jean ou la Régimanie". О первой нѣсколько разъ упоминаетъ Храповицкій въ Дневникѣ: пьеса относилась къ ближайшему придворному кругу; цѣлью шутки былъ извѣстный Л. А. Нарышкинъ, и если не было здѣсь прямого участія императрицы, то ею могла быть указана тема. Вторая пьеса объяснена въ предисловіи къ парижскому изданію „Théâtre de l'Hermitage" слѣдующимъ образомъ. „Пословица подъ названіемъ „Gros-Jean", авторъ которой есть графъ Кобенцель, написана была на основаніи анекдота, который часто разсказывала императрица. Ей любопытно было видѣть одного иностранца, написавшаго довольно хорошее сочиненіе о торговлѣ, и она пригласила его пріѣхать въ Москву; онъ подумалъ, что его призвали управлять имперіей. Его самолюбіе и необдуманное хвастовство навлекли ему нѣкоторыя униженія, и австрійскій посланникъ воспользовался этимъ анекдотомъ, чтобы въ своей пословицѣ высказать, въ шутливой формѣ, нѣсколько похвалъ новымъ учрежденіямъ императрицы". Этотъ „иностранецъ" былъ очень извѣстный въ свое время писатель, Мерсье де-ла-Ривьеръ, авторъ книги „L'ordre naturel et essentiel des sociétés politiques" (1767), написанной въ смыслѣ ученія физіократовъ: говорили, что вызванный въ Москву Екатериною, которая ожидала найти у него указанія для своихъ законодательныхъ работъ, Мерсье, однако, произвелъ на нее не благопріятное впечатлѣніе. Въ письмахъ къ Вольтеру она гово-

рила, что Мерсье „считалъ русскихъ за четвероногихъ и оче
безно соглашался взять на себя трудъ поставить ихъ на задня
Вольтеръ осмѣялъ его въ извѣстной повѣсти „L'homme aux q
écus".

Далѣе, въ приложеніяхъ помѣщено нѣсколько театральны
граммъ, принадлежавшихъ очевидно Эрмитажному театру,
между прочимъ любопытны имена составителей программъ —
щева и Челищева.—Д.

Въ теченіе февраля мѣсяца были получены слѣдующія новы
и брошюры:

Абенъ, д-ръ А., и *Герцъ*, д-ръ.—Практическія занятія по химіи
п. р. В. А. Ковалевскаго. Спб. 901. Ц. 1 р. 25 к.

Алтаевъ, А.—Отъ земли. Пов. для дѣтей. „Всходы" 901. № 2.

Анненковъ, К.—Система русскаго гражданскаго права. Т. II: Пра
тельственныя. 2-е изд. пересмотр. и дополн. Спб. 901.

Аріанъ, П. Н.—Первый Женскій Календарь на 901 г. Спб. 901.

Барсуковъ, Н.—Жизнь и труды М. П. Погодина. Кн. 15-я. Спб. 901
50 коп.

Брюнетьеръ, Ф.—Европейская литература XIX вѣка. Перев. А.
ской. М. 900.

Булгаковъ, С.—Капитализмъ и земледѣліе. Томъ I. Стр. 338+IV.
Стр. 438+V. Спб. 1900. Ц. за два тома 5 р.

Бѣликовъ, протоіер. Д. Н.—Томскій расколъ. 1834—1880 г. Том
Ц. 1 р. 75 к.

Варминъ, Е., проф. унив. и директор. ботан. сада въ Копенгагенѣ.
логическая географія растеній. Перев. съ нѣм., п. р. М. Голенкина и
вольда. Съ дополн. по русской флорѣ и 100 рис. въ текстѣ. М. 901.
50 коп.

Весьегонецъ.—Основные принципы земской организаціи. Спб. 901.

Волынскій, А. Л.—Царство Карамазовыхъ. Н. С. Лѣсковъ. Замѣт
901. Ц. 2 р.

Гензель, П.—Промысловое обложеніе въ Россіи. Опытъ критичес
слѣдованія. Спб. 900. Стр. 82. Ц. 50 к.

Герасимовъ, Н. И.—Ницшеанство. М. 901. Ц. 1 р. 25 к.

Глаголинъ, Б.—Новое въ сценическомъ искусствѣ. Очеркъ. Спб. 90

Глушаковъ, М.—Очерки изъ исторіи Грузіи и присоединеніе ея
сіи. Тифл. 900. Ц. 50 к.

Горовцевъ, А.—Трудовая помощь, какъ средство призрѣнія бѣдны
901. Ц. 2 р.

Гредескулъ, Н. А.—Соціологическое изученіе правъ. Спб. 900.

Гродецкій, М. Д.—Бельгія на порогѣ XX вѣка. Житомиръ, 901.
Ц. 75 к.

Дмитріевъ, В.—О духовныхъ завѣщаніяхъ и о наслѣдованіи по
Спб. 900. Ц. 50 к.

Дрэперъ, Дж. В.—Исторія умственнаго развитія Европы. Перев. съ англ. п. р. А. Н. Пыпина. 5-е изд. Т. I и II. Спб. 901.

Дубенскій, подполк.—Книжка рядового пѣхоты. 5-е изд. Спб. 901. Ц. 35 к.

Дэль Оуенъ, Робертъ.—Спорная область между двумя мірами. Наблюденія и изысканія въ области медіумическихъ явленій. Съ рисунками. Съ англійскаго *К. Полянскій*. Изд. 2-е, дополненное. Спб. 901. Стр. 311. Ц. 1 р. 50 к.

Житковъ, инж. С. М.—Институтъ инженеровъ путей сообщенія Имп. Александра I. Историческій очеркъ. Спб. 99.

Ибсенъ, Б.—Врагъ народа (Докторъ Штокманъ). Драма въ 5 д. Съ норвеж. Н. Мировичъ. М. 901. Ц. 30 к.

Капнистъ, гр. П. И.—Сочиненія. Лирическія стихотворенія. Воспоминанія о гр. П. И. Капнистѣ. Т. I и II. Стр. 231 и 378. М. 901. Ц. 3 р.

Кутузовъ, гр. П.—Желательныя основы русско-китайскаго соглашенія. Возраженіе на мысли кн. С. Трубецкого о раздѣлѣ Китайской Имперіи. Спб. 901.

Лассаль, Ф.—Дневникъ. Съ нѣм. Спб. 901. Ц. 1 р.

Лебедевъ, Вл. П.—Тихія пѣсни 1899—1900 г. Спб. 901. Ц. 1 р.

Лесажъ.—Хромой бѣсъ. Романъ. Съ біографіей автора. (Новая библіотека Суворина). Спб. 1901. Стр. 351. Ц. 60 коп.

Ляскоронскій, В. Г.—Прошлое мѣстечка Триполья и окрестныя о немъ преданія. Кіевъ, 900.

Майковъ, А. Н.—Полное собраніе сочиненій. Изд. 7-ое, исправл. и дополн. съ 2 портр. автора. Въ четырехъ томахъ. Изд. Ф. Маркса. Спб. 901. Ц. 4 р.

Майо Смитъ, Р.—Статистика и соціологія. Съ англ. М. 901. Ц. 1 р. 25 к.

Мартинъ, Эдв.—Исторія кусочка каменнаго угля. Съ англ. Спб. 901.

Махъ, д-ръ Эрн.—Научно-популярные очерки. Вып. 1: Этюды по теоріи познанія. М. 901. Ц. 1 р. 25 к.

Миролюбовъ, И. П.—Восемь лѣтъ на Сахалинѣ. Съ 70 иллюстр. Спб. 901. Ц. 2 р.

Москаленко, С. Г.—Поддѣльная сцена въ трагедіи В. Шекспира „Гамлетъ". Изданіе редакціи журнала „Театръ и искусство". Спб. 901. Стр. 32. Ц. 30 коп.

Муравьевъ, Н.—Упрощенные пріемы для производства умственныхъ вычисленій. Секреты г. Діаманди. М. 901. Ц. 35 к.

Наживинъ, Ив.—Убогая Русь. М. 901. Ц. 1 р.

Нидермиллеръ, Ник.—Безъ воли. Др. въ 5 д. Псковъ, 900. Ц. 1 р.

Новиковъ, А.—По закону. Романъ изъ деревенской жизни. Спб. 901. Ц. 1 р.

——— Сборникъ статей. 1899—900 г. Спб. 901. Ц. 1 р.

Нѣмцова, Божена.—Бабушка. Повѣсть, съ ориг. рис. Перев. съ чешск. М. Ляпиной. Спб. 900.

Оболенскій, Л. Е.—Исторія мысли. Опытъ критической исторіи философіи. Спб. 901. Ц. 1 р. 25 к.

Охитовичъ, А. П.—Новый методъ алгебраическихъ уравненій. Въ 2-хъ ч. Ч. 1-ая. Каз. 900. Ц. 2 р. 50 к.

Пазухинъ, А. М.—Матушка Русь. Очерки и разсказы. М. 901. Ц. 75 к.

Пекарь, д-ръ Іосифъ.—Чехи—апостолы варварства. Посвящается Теодору Моммзену. Перевелъ съ разрѣшенія автора Ѳ. Л. Ярешъ. Кіевъ, 901. Стр. 24.

Петровскій, П. Н.—Стихотворенія. М. 901. Ц. 75 к.

Позняковъ, Н. И.—Мечтатель. Съ рис. В. Овсянникова Спб. 901.

Покровская, М. И., ж.-вр.—О падшихъ. Спб. 901. Ц. 40 к.

Покровскій, Н.—А. С. Пушкинъ, въ его значеніи художественномъ, историческомъ и общественномъ. М. 901. Ц. 75 к.

Полянскій, А.—Русская женщина на общественной и гражданской службѣ. М. 901. Ц. 1 р. 50 к.

Радцигъ, Ант. Ант.—Производство и потребленіе ржи на всемъ свѣтѣ. Спб. 901. Ц. 1 р.

Рибо, Т.—Творческое воображеніе. Перев. съ французскаго Е. Предтеченскаго и В. Ранцева. Спб. 901. X и 318 стр. Ц. 1 р.

Рождественскій, А. С.—Вл. С. Соловьевъ, какъ поэтъ. (Чтенія въ Обществѣ любителей русской словесности въ память А. С. Пушкина при Имп. Казанскомъ Университетѣ). Казань, 901. Стр. 20.

Рубакинъ, Н. А.—„Искорки". Очерки и наброски публициста. Спб. 901. Ц. 1 р.

Ручъ, С. Г.—Орѳографическій Словарь. Съ показаніемъ ударенія и корней словъ русскаго происхожденія. П. р. Д. Сеславина и И. Мирославова. Спб. 901. Ц. 1 р.

Сапиръ, д-ръ І. Б.—Исторія и сущность Сіонизма. Од. 901. Ц. 25 к.

Сапожниковъ, А. А.—Судьбы Китая. Спб. 901. Стр. 54. Ц. 35 к.

Станюковичъ, К. М.—Изъ жизни моряковъ. Разсказы. Спб. 901. Ц. 1 р. 50 коп.

Трачевскій, проф. Александръ.—Учебникъ древней исторіи. 3-ье изд. съ 52 рис. Спб. 901. Ц. 1 р. 50 к.

——— Учебникъ средней исторіи. 3-ье изд. Съ 111 рис. Спб. 901. Ц. 1 р. 50 коп.

——— Новая исторія. Т. І: 1500—1750 гг. Спб. 901. Ц. 3 р.

Харузинъ, Вл.—Босніи и Герцеговина. Очерки оккупаціонной провинціи Австро-Венгріи. Съ картою. Спб. 901. Ц. 2 р.

Хохолушекъ, Прокопій.—Историческіе разсказы изъ южно-славянскаго быта. Съ чешск. М. Лялина. Спб. 901.

Циглеръ, Теобальдъ. Умственныя и общественныя теченія XIX вѣка. (Съ портретами общественныхъ дѣятелей Германіи). Перев. съ нѣмецкаго Г. Генкеля. Спб. 901. Ц. 3 р. 614 стр.

Черниховъ, М., д-ръ. Вопросъ о евреѣ въ еврейскомъ вопросѣ. Второе изданіе. Одесса, 901. 32 стр.

Чеховъ, Антонъ.—Разсказы. Спб. 901. Стр. 412. Ц. 1 р. 50 к.

Шабанова, д-ръ, А. Н.—О первой помощи въ несчастныхъ случаяхъ до прибытія врача. Спб. 901. Ц. 60 к.

Шкапскій, Ор.—Амударьинскіе очерки. Ташк. 900.

Шпиръ, А.—Очерки критической философіи. Съ франц. Н. Бракеръ. М. 901. Ц. 75 к.

Янжулъ, Ив.—Вліяніе погоды на пьянство. Спб. 901.

Ѳ. В. Р.—Значеніе драмы Бургграфъ (Burggraf) для германизаціи средней Европы. Варшава, 901. 16 стр.

Baudouin de Courtenay, Janina.—Nowele. Варш. 901.

— Географическія чтенія. Европа. Съ англ. М. 901. Ц. 50 к.

— Грамотность дѣтей сельскаго населенія въ Смоленской губ. Изд. Смоленской Губ. Земской Управы. Смоленскъ, 900. Стр. 44+38+16.

— Дешевая Библіотека.—Афоризмы. Л. Вовенарта. Перев. П. Первовъ. Спб. 901. Ц. 20 к.

— Ежегодникъ Имп. театровъ. Сезонъ 1898—99 и 1899—1900 гг.

— Можно ли воевать? Съ присоединеніемъ статьи Л. Н. Толстого о приближеніи конца войны. Спб. 901. Ц. 40 к.

— Обзоръ Уфимской губ. въ сельско-хоз. отношеніи за 1899—1900 г. Вып. I. Изд. Уфим. Губ. Зем. Управы. Уфа, 1900. Стр. 289.

— Письма М. П. Погодина, С. П. Шевырева и М. А. Максимовича къ кн. П. А. Вяземскому 1825—74 гг. Изъ Остафьевскаго Архива. Изд. съ предисл. и примѣч. Н. Барсукова. Спб. 901.

— Рѣчь Вятскаго губернатора Н. М. Клингенберга при открытіи губ. земск. собранія 1896—1900 гг. Вятка, 1901. Стр. 36.

— Сборникъ свѣдѣній по Саратовской губ. за 1899 г. Вып. II. Саратовъ. 900. Стр. 176 (земское изданіе).

— Сборникъ статистическихъ свѣдѣній по Уфимской губ. Т. VII. Сводъ экономическихъ данныхъ по губерніи. Ч. III. Историко-статистическія таблицы. Составилъ П. А. Голубевъ. Изд. Уфимск. Губ. Земск. Управы. 900. Стр. 185.

— Сенатскій Архивъ VIII. Протоколы Правит. Сен. 1750, 51 и 52 гг. Спб. 97. Ц. 2 р. 50 к.

— Сочиненія императрицы Екатерины II на основаніи подлинныхъ рукописей съ объяснительными примѣчаніями академика А. Н. Пыпина. Изданіе Имп. Академіи Наукъ. Драматическія сочиненія. Т. I. Стр. XI, VII+419. Т. II. Стр. 547. Т. III. Стр. III+456. Т. IV. Стр. IV+262.

— Трудовая помощь въ губерніяхъ Казанской, Вятской и Симбирской, съ Всемилостивѣйшаго соизволенія Государыни Императрицы Александры Ѳеодоровны оказанная въ 1899 г. Попечительствомъ о домахъ трудолюбія и работныхъ домахъ. Отчетъ уполномоченнаго. Спб. 901. Ц. 2 р.

НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

I.

Henry Bordeaux. Le pays natal. Paris. 1900. Стр. 312.

Среди новѣйшихъ произведеній французской беллетристи ратилъ на себя нѣкоторое вниманіе романъ Анри Бордò: „L natal“ (На родинѣ). Авторъ его не принадлежитъ къ прославле и популярнымъ писателямъ. Художественныя достоинства рома не особенно яркія — и все-же критика и публика заинтересо скромно написаннымъ произведеніемъ. Это объясняется, во-пе искренностью, съ которой Бордò описываетъ французскую ж раскрываетъ закулисную сторону парламентскихъ нравовъ. Вт самое существенное качество романа—его идейный замыселъ, леніе привить французской интеллигенціи реальную любовь ной землѣ. До сихъ поръ во французской литературѣ, или по ней мѣрѣ въ значительной части ея, царилъ исключительно ческій патріотизмъ; онъ выливался въ трескучія фразы о Франціи, о ненависти къ ея политическимъ врагамъ. О всем можно эффектно говорить, сидя въ Парижѣ и устроивая сво ныя дѣла. Для такого рода патріотовъ Франція—отвлеченно тіе, удобный риторическій образъ; они рисуются своей любо родинѣ, маскируя этимъ самыя эгоистическія побужденія. патріотизму въ духѣ Поля Деруледа и подобныхъ ему шови цѣлая группа молодыхъ писателей противопоставляетъ болѣе кое національное чувство, связанное съ любовью къ родной съ влеченіемъ къ скромной жизни вдали отъ парижской су провинціи, въ деревнѣ, въ служеніи землѣ. Это было сове чуждо до сихъ поръ французской интеллигенціи, для которо тромъ міра былъ Парижъ. Централизація, начатая Наполеоно разилась на всей духовной жизни Франціи, и въ особенности тературѣ. Французскій романъ сталъ парижскимъ романомъ. Б и Флоберъ описывали еще провинціальную жизнь, но со в Золà, Гонкуровъ и Додэ почти всякій романъ носитъ подзагла рижскіе нравы“. Вслѣдствіе этого, фабула романовъ страдает образіемъ. За исключеніемъ произведеній наиболѣе крупныхъ ланту писателей, всякій средній французскій романъ сводится

санію все той же свѣтской среды съ ея интересами, заботами и развлеченіями, однихъ и тѣхъ же зрѣлищъ, на которыя собирается „весь Парижъ“, — а главное къ одному и тому же психологическому содержанію,—къ интригамъ замужнихъ женщинъ, мѣняющихъ своихъ возлюбленныхъ съ той же легкостью, съ какой онѣ мѣняютъ фасоны платьевъ.

Лишь въ очень недавнее время, въ теченіе нѣсколькихъ послѣднихъ лѣтъ, во французской беллетристикѣ замѣчается стремленіе противодѣйствовать всепоглощающему вліянію Парижа. Въ литературѣ началась децентрализація, попытки изученія жизни внѣ Парижа, стремленіе указать интеллигенціи новый исходъ—проповѣдь служенія землѣ. Конечно, въ этомъ сказалось вліяніе Л. Н. Толстого, благотворное уже тѣмъ, что оно обновило содержаніе романовъ; надоѣвшія, пустопорожнія адюльтерныя интриги смѣнились болѣе содержательными, идейными замыслами; на первый планъ выступили духовные интересы, вмѣсто порнографическихъ трагикомедій въ духѣ Буржѐ. Во главѣ этой группы писателей стоитъ Морисъ Барресъ. Его первые романы носили характеръ крайняго индивидуализма. Въ послѣднихъ своихъ произведеніяхъ онъ занимается изученіемъ духовной жизни современнаго поколѣнія. Въ романѣ „Безпочвенники“ онъ доказываетъ, что безсиліе молодой французской интеллигенціи—слѣдствіе ея оторванности отъ почвы, слѣдствіе пагубнаго стремленія провинціальной молодежи къ исканію счастья и успѣха въ Парижѣ. Идеи Барреса оказали большое вліяніе на цѣлый рядъ молодыхъ писателей. Въ настоящее время все чаще появляются романы, въ которыхъ интересы разныхъ отдѣльныхъ областей Франціи выдвигаются на первый планъ. Недавно, напр., талантливый романистъ, Жоржъ д'Эспарбесъ, въ романѣ „Le Roi“, далъ очеркъ историческихъ судебъ Гасконіи. Въ романѣ идетъ рѣчь о временахъ Генриха IV-го, — но цѣль автора заключается не въ возсозданіи давно минувшей исторической эпохи; онъ прежде всего хочетъ вызвать въ молодомъ поколѣніи желаніе жить среди народа, интересъ къ обособленнымъ нравамъ, къ силамъ, таящимся въ забытыхъ уголкахъ Франціи.

Романъ Анри Бордò относится къ тому же роду литературы, вызванному къ жизни Барресомъ. Бордò болѣе смѣлъ, чѣмъ Эспарбесъ. Онъ уже не считаетъ нужнымъ маскировать свои цѣли исторической фабулой. Онъ увѣренъ, что можно внушить любовь къ дѣятельности вдали отъ Парижа и парижскихъ интересовъ, не ссылаясь на поэтическія преданія разныхъ французскихъ провинцій. Его романъ изображаетъ современную дѣйствительность,—и тѣмъ яснѣе выступаетъ основная идея автора. Намѣренія его даже слишкомъ опредѣленно выражены; въ этомъ заключается художественный недо-

четъ романа, его очевидная тенденціозность. Анри Бордò доказ
что жизнь и дѣятельность „на родинѣ“ болѣе плодотворна
бо̀льшее успокоеніе душѣ, чѣмъ безпочвенность столичнаго су
ванія, основаннаго на лицемѣріи и эгоизмѣ. Въ романѣ выведе
молодыхъ человѣка. Оба они—провинціалы. Первый жилъ д
Парижѣ, а потомъ убѣждается, пріѣхавъ временно на роди
мѣсто ему именно тамъ; онъ рѣшается заняться устройствомъ
помѣстья, становится мэромъ въ селеніи, гдѣ уже отецъ и д
пріобрѣли любовь крестьянъ своей преданностью ихъ инте
Другой же, напротивъ того, совершенно равнодушенъ къ н
средѣ, въ которой выросъ; нѣсколько лѣтъ, проведенныхъ въ
въ Сорбоннѣ, поселили въ немъ честолюбивыя мечты. Вер
на родину, онъ мечтаетъ исключительно о политической
добивается избранія въ депутаты, лицемѣрно обѣщаетъ избир
защищать ихъ интересы въ парламентѣ, а затѣмъ забывает
своихъ парижскихъ политическихъ успѣховъ всѣ свои обѣща
его лицѣ Бордò даетъ яркій типъ честолюбиваго депутата,
превращаетъ служеніе отечеству въ откровенное преслѣдован
эгоистическихъ цѣлей. Напротивъ того, въ лицѣ положитель
роя романа рисуется дѣятельность, которая можетъ спасти
отъ крайностей парламентаризма. Скромное служеніе мѣстны
тересамъ Бордò ставитъ выше парламентскихъ разглагол
ній, имѣющихъ иногда некрасивую закулисную сторону.
романа основана на столкновеніи въ провинціальной средѣ
общественныхъ дѣятелей противоположнаго образа мыслей. Ч
бивый карьеристъ, подготовляющій свое избраніе въ депута
ляется представителемъ разлагающагося общественнаго строя
нувшійся на родину парижанинъ—предвозвѣстникъ общественн
новленія.

Романтическое содержаніе романа тоже находится въ
вліяніемъ этихъ двухъ противоположныхъ типовъ на окру
жизнь. Эгоистъ, занятый мыслями о своей политической
губитъ женщинъ, поддающихся обаянію его лицемѣрныхъ рѣ
становится жертвами его черствой, себялюбивой натуры. На
того, положительный герой романа, просвѣтленный любовью
нымъ мѣстамъ, способенъ дать счастье полюбившей его дѣву
его сердечной жизни много страданій, но эти страданія тольк
ствуютъ его нравственному обновленію и приводятъ, въ концѣ
къ душевной гармоніи.

Люсьенъ Аландъ пріѣзжаетъ на родину въ значительной
испорченный Парижемъ. Столичная жизнь оторвала его отъ
почвы; онъ считаетъ себя неспособнымъ жить внѣ Парижа

поѣздка въ Аннесси имѣетъ очень опредѣленную цѣль: онъ хочетъ продать отцовское помѣстье и вернуться въ Парижъ. Его управляющій сообщилъ ему о томъ, что онъ нашелъ покупателя, и у Люсьена одна только мысль—какъ можно скорѣе покончить съ продажей. Но съ первой минуты пріѣзда его охватываютъ воспоминанія дѣтства и заставляютъ его сразу поколебаться въ рѣшеніи и затѣмъ совершенно отказаться отъ него. Крестьянинъ, который везетъ его съ вокзала домой, разстроиваетъ его разсказами о его отцѣ и дѣдѣ: онъ говоритъ о томъ, съ какимъ умѣньемъ и любовью они управляли помѣстьемъ и какую хорошую память они оставили о себѣ у облагодѣтельствованнаго ими народа. Крестьянинъ жалуется Люсьену на его управляющаго, говоритъ о запустѣніи помѣстья, и высказываетъ надежду на то, что самъ Люсьенъ возьметъ теперь въ свои руки запущенныя дѣла и пойдетъ по слѣдамъ своего отца. Онъ и не подозрѣваетъ, что молодой помѣщикъ задумалъ продать родовое имѣніе. Отъ этого разговора у Люсьена остается смутное чувство, что предполагаемая имъ продажа имѣнія—дурной и безнравственный поступокъ. Чтобы избѣгнуть угрызеній совѣсти, онъ хочетъ какъ можно скорѣе покончить съ дѣломъ и вернуться въ Парижъ, куда его влекутъ привычки свободной и веселой жизни. Но съ перваго же дня въ домѣ, гдѣ онъ провелъ свое дѣтство, на него нахлынули воспоминанія; ему грустно разстаться съ привычными и милыми мѣстами. Онъ разспрашиваетъ о всѣхъ, кого онъ зналъ въ дѣтствѣ, и, между прочимъ, о своемъ сосѣдѣ, дочь котораго была его подругой дѣтства. Онъ узнаетъ, что маленькая Анни стала теперь взрослой и красивой дѣвушкой; разсказывая объ этомъ, старая экономка напоминаетъ Люсьену, что его мать всегда мечтала о томъ, что онъ женится на Анни. Нотаріусъ сообщаетъ Люсьену, что предполагаемый покупатель помѣстья именно г. Мерансъ, отецъ Анни. Покупка—уже дѣло рѣшенное. Мерансъ согласенъ на всѣ условія, и Люсьену остается только подписать купчую. Но онъ еще разъ идетъ осматривать домъ, выходитъ въ паркъ и подходитъ къ мѣсту, гдѣ подъ каменными плитами похоронены его родители. Онъ съ ужасомъ думаетъ о томъ, что нужно будетъ перенести ихъ прахъ на кладбище, или оставить могилы во владѣніе чужого человѣка. Смутное чувство раскаянія въ продажѣ, охватившее его съ момента пріѣзда, все болѣе усиливается. Когда нотаріусъ приводитъ его къ Мерансу для заключенія условія, Люсьенъ объявляетъ ему, что раздумалъ продавать имѣніе и рѣшилъ, напротивъ того, окончательно поселиться въ немъ. Мерансъ, который былъ близкимъ другомъ отца Люсьена, высказываетъ одобреніе Люсьену, и проситъ его быть добрымъ сосѣдомъ. Первый шагъ сдѣланъ. Люсьенъ рѣшился жить на родинѣ и посвятить свои силы землѣ. Войдя въ домъ Мерансовъ въ качествѣ

сосѣда и друга, Люсьенъ встрѣчается тамъ съ мѣстнымъ обществомъ и начинаетъ присматриваться къ мѣстной жизни и ея интересамъ. Ему очень нравится старшая дочь Меранса, Анни, его подруга дѣтства,—и онъ съ грустью замѣчаетъ, что она увлечена фатоватымъ говоруномъ, Жакомъ Альваромъ. Жакъ—его товарищъ по Сорбоннѣ, онъ съ нимъ „на ты"—хотя его очень отталкиваетъ циничный карьеризмъ молодого провинціала. Жакъ съ первыхъ же встрѣчъ совершенно откровенно говоритъ о себѣ и своихъ планахъ своему бывшему товарищу. Онъ добивается избранія въ депутаты, причемъ откровенно сознается, что вовсе не намѣренъ защищать въ будущемъ интересы своихъ избирателей. Ихъ голоса для него—только лѣстница, которая подниметъ его на извѣстную высоту и дастъ возможность начать политическую карьеру. Онъ говоритъ съ полнымъ презрѣніемъ о некультурныхъ провинціалахъ и въ особенности о крестьянской массѣ—и это оскорбляетъ Люсьена. Онъ вспоминаетъ о томъ, съ какой любовью и добросовѣстностью его отецъ исполнялъ депутатскія обязанности, какъ онъ любилъ и защищалъ крестьянъ. Ему больно, что онъ по своей винѣ сталъ чужимъ тамъ, гдѣ отецъ его сдѣлалъ такъ много добра; онъ чувствуетъ себя виноватымъ въ томъ, что не продолжалъ идти по пути отца и теперь остается въ тѣни, предоставляя столь недостойному во всѣхъ отношеніяхъ человѣку, какъ Жакъ Альваръ, быть представителемъ Аннесси въ парламентѣ. Занятый своей политической карьерой, Альваръ не ограничивается тѣмъ, что начинаетъ избирательную кампанію. Онъ, кромѣ того, собирается жениться на дочери Меранса, на той самой Анни, которая понравилась Люсьену съ перваго взгляда. Изъ-за нея онъ отчасти и рѣшилъ не продавать имѣнія и поселиться на родинѣ. Жакъ не любитъ Анни, но считаетъ женитьбу на дочери богатаго и вліятельнаго человѣка очень важнымъ подспорьемъ для своей будущей карьеры. Онъ знаетъ, что нравится ей, и проситъ ея руки. Отецъ дѣвушки противъ этого брака, такъ какъ онъ очень не довѣряетъ молодому и пустому честолюбцу, но, уступая желанію своей дочери, онъ даетъ свое согласіе. Люсьенъ знаетъ закулисную сторону всѣхъ дѣйствій Жака, такъ какъ долженъ, противъ своего желанія, выслушивать откровенныя признанія своего циничнаго пріятеля, но не можетъ ни въ чемъ ему противодѣйствовать. Онъ любитъ Анни, и ему очень тяжело при мысли, что она станетъ женой другого человѣка, который къ тому же составитъ ея несчастіе. Онъ знаетъ о связи Жака съ женой одного изъ мѣстныхъ жителей, страстной итальянкой, которой тоже приходится много страдать отъ эгоизма и черствости Жака. Но онъ не имѣетъ возможности раскрыть эту довѣренную ему тайну. Не можетъ онъ противодѣйствовать и политическимъ планамъ Жака. Его избираютъ только потому,

что всѣ ненавидятъ его предшественника и хотятъ во что бы то ни стало провалить его на новыхъ выборахъ. Кромѣ того, краснорѣчіе Жака нравится его некультурнымъ избирателямъ, и на всѣхъ публичныхъ собраніяхъ онъ покоряетъ сердца слушателей своими дешевыми обѣщаніями и лицемѣрно-патріотическими рѣчами. Избирательная кампанія Жака описана въ романѣ съ большимъ юморомъ и является очень рѣзкимъ обличеніемъ политическихъ нравовъ Франціи. Жакъ оказывается побѣдителемъ по всей линіи. Онъ избранъ депутатомъ, женится на Анни, очень искусно справляется въ то же время съ ревностью и отчаянными выходками безумно-любящей его итальянки. Онъ переѣзжаетъ въ Парижъ и, конечно, совершенно забываетъ о своихъ избирателяхъ, объ интересахъ своей родины, произноситъ рѣчи въ парламентѣ и мѣтитъ въ министры. Люсьенъ тѣмъ временемъ остается въ Аннесси, становится мэромъ, всецѣло поглощенъ интересами крестьянъ и процвѣтаніемъ своего помѣстья. Жизнь его омрачена только мыслью объ Анни, безпокойствомъ о ея судьбѣ. Не проходитъ года, какъ Анни возвращается къ родителямъ. Она успѣла понять натуру своего мужа, знаетъ, какую жизнь онъ ведетъ, знаетъ о его продолжающейся связи съ итальянкой. Все это пошатнуло ея и безъ того слабое здоровье; она переѣзжаетъ къ родителямъ полуживая, оставивъ мужа въ Парижѣ, въ водоворотѣ его парламентскихъ и свѣтскихъ успѣховъ. Люсьенъ очень близко сходится съ ней. Она повѣряетъ ему всѣ свои печали, и въ немъ снова разгорается любовь къ ней, но болѣе спокойная и просвѣтленная съ тѣхъ поръ, какъ онъ видитъ ее безнадежно больной. Онъ настолько поглощенъ мыслью объ Анни, что не замѣчаетъ того, что происходитъ въ душѣ младшей сестры Анни, Жанны. Жанна еще дѣвочкой полюбила Люсьена, но чувствовала, что онъ любитъ ея сестру, и потому скрывала отъ всѣхъ свои собственныя чувства. Анни первая намекаетъ Люсьену о тайнѣ своей сестры, но Люсьенъ не обращаетъ вниманія на ея слова, такъ какъ душа его поглощена заботами объ умирающей прекрасной Анни. Болѣзнь ея обостряется, отецъ вызываетъ ея мужа, но тотъ, поглощенный намѣреніемъ произнести рѣчь, которая должна опрокинуть министерство, откладываетъ на день поѣздку и пріѣзжаетъ уже къ похоронамъ своей жены. Ея смерть, конечно, ничего не мѣняетъ въ его существованіи. Онъ выказываетъ столько печали, сколько полагается въ его положеніи, но уже черезъ нѣсколько мѣсяцевъ задумывается о томъ, не жениться ли на Жаннѣ, чтобы такимъ образомъ, не упустить изъ рукъ состояніе Мерансовъ. Онъ посвящаетъ Люсьена въ свои планы—но этимъ только будитъ уснувшую энергію Люсьена. Люсьенъ объявляетъ себя противникомъ Жака, говоритъ ему, что при слѣдующихъ выборахъ выступитъ противъ него, и въ то же время

разрушаетъ и его личные планы. Онъ успѣлъ со времени
Анни привязаться къ Жаннѣ и рѣшается сказать ей объ этом
вушка сначала колеблется, помня о любви Люсьена къ ея у
сестрѣ, но затѣмъ соглашается стать его женой. Романъ заканч
картиной душевнаго успокоенія Люсьена. Передъ нимъ перспект
койной и счастливой жизни въ обществѣ любящей и любимой имъ
жизнь на родинѣ, на пользу другихъ. Его спасло возвращеніе
дину, гдѣ всѣ его душевныя и умственныя силы нашли себѣ
неніе—такъ какъ до того въ Парижѣ онъ велъ суетную, безпо
убивающую душу жизнь. Въ лицѣ Люсьена, Анри Бордо на
идеалъ обновленія Франціи служеніемъ родной землѣ. Мысл
онъ выразилъ въ романѣ съ большой искренностью и простот
отдѣльныхъ фигурахъ, въ особенности въ образѣ Анни, много
жественности, искренности и поэзіи.

II.

Gabriele Reuter. „Ellen von-der-Weiden", Roman. Стр. 283. Berlin.

Въ нѣмецкой беллетристикѣ замѣчается въ послѣдніе годы
шой наплывъ женщинъ-романистокъ. Многія изъ нихъ способс
только процвѣтанію такъ называемой литературы для семейна
нія, т.-е. заполняютъ страницы безчисленныхъ „FamilienBlätter
лонными повѣстями о благородной любви молодыхъ людей, б
частью военнаго сословія, и невинныхъ дѣвицъ изъ берлинскаго
Энда. Дѣло кончается, конечно, счастливымъ бракомъ съ благ
нія родителей. Довольно наивная нѣмецкая публика любитъ
условный, фальшивый родъ литературы, почти совершенно заб
ный въ другихъ европейскихъ странахъ, а такъ какъ для фа
ціи такого рода романовъ и повѣстей не требуется ни особаг
жественнаго таланта, ни изученія жизни людей, то писаніе „Fa
blattromane" обратилось въ Германіи въ ремесло, которымъ,
прочимъ, съ большимъ успѣхомъ занимаются женщины. Есть
писательницъ, которыя сочиняютъ повѣсти, однѣ изъ свѣтскаг
другія въ нравоучительномъ протестантскомъ духѣ; иныя при
ляются къ уровню пониманія юношества, т.-е. главнымъ об
дѣвочекъ-подростковъ, и изображаютъ торжество благонравн
домашней добродѣтели. Все это вполнѣ удовлетворяетъ вкусу
телей семейныхъ журналовъ, но стоитъ совершенно внѣ литер

Среди нѣмецкихъ женщинъ-писательницъ выдѣлились, одна

сколько романистокъ съ серьезными литературными правами. Елена Бёлау, Клара Фибигъ, рано умершая Іоанна Дэри, Эрнстъ Розмеръ (псевдонимъ) и др. проявляютъ, каждая, самобытный художественный талантъ и очень чутко отражаютъ идейныя теченія современности. Пренебрегая шаблонными романтическими интригами, онѣ придаютъ главное значеніе психологическому анализу. Главная особенность современнаго нѣмецкаго романа заключается въ томъ, что онъ сталъ болѣе обращеннымъ во внутрь и стремится понять движенія человѣческой души. Романисты описываютъ не внѣшнія событія, а внутреннюю психологію человѣка, оттѣнки его чувствъ и настроеній. Въ современномъ романѣ мало дѣйствія; поступки—достояніе болѣе уравновѣшенной эпохи. Въ періодъ романтизма, когда закономъ жизни было господство страстей, можно было проявлять силу и красоту въ борьбѣ противъ внѣшнихъ препятствій, противъ общественныхъ условій, ограничивающихъ свободу чувства. Возможны будутъ, красивые, сильные и значительные поступки въ будущемъ, когда выработаются въ сознаніи новые, твердые устои, но въ настоящее время человѣчество переживаетъ періодъ броженія, и каждый человѣкъ самъ для себя и въ себѣ ищетъ гармоніи и святыни, во имя которой ему надо жить и дѣйствовать. Нѣмецкія романистки, имена которыхъ мы перечислили, изучаютъ главнымъ образомъ женскія чувства и женскую судьбу. Онѣ указываютъ на внутренній трагизмъ въ жизни современной женщины. Ея сознанію многое открылось; она перестала быть пассивнымъ существомъ, довольствующимся внѣшними интересами общественной жизни и простымъ исполненіемъ своихъ семейныхъ обязанностей. Но она не чувствуетъ въ себѣ достаточно силы для того, чтобы измѣнить свою жизнь, и потому въ ней происходитъ тяжелая борьба между просвѣтленнымъ сознаніемъ и душевнымъ безсиліемъ. Психологія этой борьбы является содержаніемъ большинства произведеній лучшихъ нѣмецкихъ романистокъ.

Къ числу этихъ писательницъ, кромѣ названныхъ выше, принадлежитъ также и Габріэля Рейтеръ. Какъ и большинство нѣмецкихъ романистокъ, она начала писать не особенно рано,—всѣ онѣ берутся за перо уже послѣ того какъ жизненный опытъ научилъ ихъ понимать людей, ихъ дѣйствія и чувства. Габріэля Рейтеръ, родившаяся въ 1859 г., стала извѣстна въ литературѣ лишь нѣсколько лѣтъ тому назадъ. Ея большой романъ: „Aus guter Familie“, понравился критикѣ и публикѣ своей смѣлостью. Онъ написанъ, правда, слишкомъ растянуто, слишкомъ доктринально, въ немъ мало художественной непосредственности, но его сила — въ горячемъ сочувствіи автора къ изображаемымъ страданіямъ женщинъ.

Въ ея романѣ разсказана печальная судьба дѣвушки „изъ хорошаго дома". Условія воспитанія, неподготовленность къ жизненной борьбѣ и страстная натура героини дѣлаютъ ее жертвой ея инстинктовъ. Смыслъ романа—въ томъ, что та же женщина, еслибы ей довелось жить въ обезпеченной свѣтской средѣ, стала бы уважаемой всѣми дамой изъ общества, въ то время какъ матеріальная нужда, въ связи съ бурными инстинктами, толкаетъ ее на такъ называемый „скользкій путь". Габріэля Рейтеръ доказываетъ, что современная женщина вовсе не такая чистая голубица какъ это предполагаютъ: она—человѣкъ съ живой кровью, съ страстными чувствами. Въ романѣ обличается лицемѣріе общества, лишающаго женщину всякой свободы. Ей предоставляется быть буржуазной хранительницей домашняго очага. Если же, главнымъ образомъ по экономическимъ причинамъ, она не вышла замужъ, то ей предстоитъ грустная одинокая жизнь въ погонѣ за грошовымъ заработкомъ, доступнымъ женщинѣ. Есть, конечно, исключенія изъ этого правила, но героиня романа не обладаетъ никакими исключительными качествами; это—средняя дѣвушка, ничѣмъ не защищенная отъ грубыхъ ударовъ судьбы; жажда свободы и счастья превращается для нея поэтому въ источникъ безконечныхъ страданій и приводитъ ее къ паденію. Романъ написанъ чрезвычайно горячо; видно, что авторъ и хорошо понимаетъ всѣ движенія бурнаго женскаго сердца, и сочувствуетъ судьбѣ и страданіямъ женщины. Другой большой романъ Габріэли Рейтеръ: „Frau Bürgelin und ihre Söhne", повѣствуетъ о розни между отцами и дѣтьми, или вѣрнѣе между матерьми и сыновьями въ современной нѣмецкой семьѣ, гдѣ сталкиваются различныя міросозерцанія и отношенія къ жизни. Героиня романа — мать, воспитательница своихъ сыновей.

Новѣйшее произведеніе Габріэли Рейтеръ носитъ названіе: „Елена фонъ-деръ-Вейденъ" (Ellen von-der-Weiden)—по имени героини, дневникъ которой составляетъ содержаніе романа. По талантливости и страстности изложенія это несомнѣнно выдающаяся книга. Если требовать отъ романиста глубокихъ идей, обобщающаго взгляда на жизнь, объясненія загадокъ человѣческаго существованія, т.-е. всего того, что мы привыкли искать и находить въ произведеніяхъ истинно значительныхъ художниковъ, то, конечно, скромная повѣсть Габріэли Рейтеръ не удовлетворитъ этимъ требованіямъ. Замыселъ повѣсти, или, вѣрнѣе, дневника—чисто психологическій. Содержаніе сводится къ душевнымъ испытаніямъ молодой дѣвушки, которая выходитъ замужъ и въ концѣ романа становится матерью. Промежутокъ времени охваченный дневникомъ, очень непродолжительный — всего какихъ-

нибудь два, три года; но за это короткое время Елена фонъ-деръ-Вейденъ переживаетъ глубокую жизненную трагедію, которая перерождаетъ все ея существо. Въ неровныхъ, то короткихъ, то необузданно длинныхъ записяхъ дневника переданъ съ большой художественной силой трепетъ измученнаго молодого сердца въ борьбѣ съ жизнью и съ собой. Ничего изломаннаго и болѣзненнаго нѣтъ въ этой „типичной“ человѣческой душѣ, и трагизмъ ея тѣмъ неотразимѣе, что онъ вызванъ столкновеніемъ чувствъ и желаній, свойственныхъ всякой неиспорченной живой и цѣльной натурѣ. Елена жаждетъ счастья, острыхъ ощущеній; она не выноситъ соннаго будничнаго существованія, но въ то же время ищетъ гармоніи, успокоенія, хочетъ понять и осмыслить жизнь для себя, найти святыню, во имя которой можно было бы примириться со всѣми страданіями жизни. Въ самой себѣ она открываетъ непонятные ей темные инстинкты, страдаетъ въ борьбѣ съ ними, жаждетъ свободныхъ и свѣтлыхъ чувствъ, побѣждающихъ мракъ души, — и, наконецъ, находитъ въ глубинѣ своихъ страданій исходъ и примиреніе. Весь этотъ вполнѣ человѣчный трагизмъ переданъ съ удивительной искренностью. У читателя ни на минуту нѣтъ впечатлѣнія выдуманности, и весь разсказъ кажется крикомъ души. Въ характерѣ героини нѣтъ идеализаціи—она слабый человѣкъ, и при всей своей душевной и внѣшней красотѣ способна къ нравственнымъ паденіямъ — но тѣмъ не менѣе она вызываетъ живую симпатію глубиной и человѣчностью, а главное непосредственностью своихъ чувствъ.

Повѣсть Габріэли Рейтеръ имѣетъ идейную основу. Въ ней отразилась та философія, которая господствуетъ теперь въ нѣмецкой художественной литературѣ. Какъ прежде литература была проникнута пессимистическимъ, отрицательнымъ отношеніемъ къ жизни, такъ теперь, напротивъ того, началось страстное, ликующее признаніе жизни, „Lebensbejahung“—по непереводимому нѣмецкому выраженію. Жизнь признается величайшимъ благомъ, и все, что способствуетъ ощущенію этого блага, возводится въ идеалъ. Жажда счастья, стремленіе ощущать всѣми нервами таинственную радость бытія, представляется не только законнымъ требованіемъ человѣческой души, но и цѣлью существованія. Нужно познать гармонію и справедливость всего существующаго, мириться съ жизнью и любить ее,—нужна поэтому свобода чувствъ и страстей, все, что заставляетъ сильнѣе чувствовать радость бытія. Проповѣдь радости и любви къ жизни составляетъ основу всего, что создается теперь въ нѣмецкой литературѣ. Габріэль Рейтеръ глубоко прониклась этой стихійной любовью къ бытію. Ея героиня видитъ смыслъ жизни въ ощущеніи радости—

она борется противъ всего, что въ обыденной жизни притупляетъ это чувство. Сначала, среди необузданныхъ порывовъ молодого чувства, она стремится только удовлетворить этой жаждѣ остраго счастья. Потомъ, просвѣтленная болѣе сознательнымъ пониманіемъ жизни и темныхъ силъ собственной души, она проявляетъ свою стихійную любовь къ жизни инымъ образомъ,—она ищетъ гармоніи и примиренія со всѣмъ, что даетъ жизнь, даже съ ея страданіями. Это та же „Lebensbejahung“, но болѣе глубокая и сознательная.

Нѣсколько лѣтъ жизни, разсказанныхъ въ дневникѣ Елены фонъ-деръ-Вейденъ, представляютъ собой путь отъ первыхъ порывовъ инстинктивной жизнерадостности къ болѣе высокому проявленію того же чувства — къ исканію гармоніи и примиренія со всей полнотой жизни. Елена фонъ-деръ-Вейденъ—дитя природы. Она выросла въ горахъ Гарца, живетъ тамъ съ отцомъ, старымъ писателемъ, имя котораго нѣкогда гремѣло въ столицѣ, но который потомъ, изъ артистическаго каприза, уединился въ горной тишинѣ. Ему ненавистны новыя теченія въ искусствѣ и литературѣ, и онъ предпочитаетъ жить вдали отъ литературнаго міра со своей дочерью, которая преклоняется предъ умомъ своего отца. Старикъ фонъ-деръ-Вейденъ, въ молодости совершенно не цѣнившій оказываемаго ему со всѣхъ сторонъ преклоненія, на старости лѣтъ чувствуетъ все-таки потребность въ преданности и признаніи своего ума и таланта, и поддерживаетъ дружескія отношенія съ довольно ограниченной женщиной, своей сосѣдкой. Его дочь внутренно удивляется этой дружбѣ, но она не знаетъ причины ея. Старикъ фонъ-деръ-Вейденъ любитъ послѣдней страстной любовью дочь сосѣдки, молоденькую Терезу, стыдится этой слабости и тщательно скрываетъ ее отъ всѣхъ. Только сама Тереза знаетъ о чувствѣ старика, и потомъ выходитъ замужъ при первомъ случаѣ, чтобы какъ-нибудь избавиться отъ кошмара этой любви, которая грозитъ привести къ безобразію и позору. Эту тайну Тереза разсказываетъ Еленѣ уже тогда, когда сама Елена многое испытала въ жизни; она понимаетъ изъ разсказа Терезы, что та страстность и необузданность крови, которая доставила ей столько горя—наслѣдіе отъ отца. Елена вполнѣ счастлива въ отцовскомъ домѣ; она инстинктивно любитъ природу, карабкается по горамъ, поетъ и смѣется по цѣлымъ днямъ, и эта жизнь среди стихій наполняетъ ея душу. Но однажды лѣтомъ въ Гарцъ пріѣзжаетъ молодой берлинскій врачъ, Фрицъ Эрмансдорферъ. Онъ встрѣчаетъ въ горахъ странную, похожую на мальчишку дѣвушку, влюбляется въ нее, знакомится съ отцомъ и проситъ ея руки. Старикъ фонъ-деръ-Вейденъ хочетъ отказать ему, такъ какъ ненавидитъ и презираетъ столичныхъ жителей. Но его отказъ раз-

дразнилъ упрямую дѣвушку, и она заставляетъ его согласиться, въ сущности только изъ каприза, а не изъ любви къ Фрицу. Въ Берлинѣ Елена прежде всего тоскуетъ. Ей тѣсно въ душныхъ городскихъ стѣнахъ, ей скученъ аккуратный и уравновѣшенный мужъ, поглощенный своими клиническими занятіями и не понимающій ея свободолюбивой, бурной натуры. Онъ недоволенъ ея выходками и полу-дѣтскими шалостями, и старается воспитать въ ней сдержанность и то, что онъ называетъ женственностью. сдѣлать ее такой, какой должна быть жена, удовлетворяющая его вкусамъ,—т.-е. веселой, спокойной и хозяйственной. Но это ему не удается. Елена старается подчиниться его желанію, потому что все еще думаетъ, что любитъ его—но ея свободолюбивая натура не даетъ ей покоя. Она старается сначала жить общей жизнью съ мужемъ, ходитъ въ клинику, знакомится съ одной изъ паціентокъ Фрица,—но все, что она узнаетъ о болѣзняхъ и мученіяхъ, физическихъ и нравственныхъ, больныхъ женщинъ, отпугиваетъ ее. Жизнерадостная натура Елены не любитъ страданій и страдающихъ людей,—она инстинктивно тяготѣетъ только къ сильному и красивому, къ тому, что поднимаетъ радость жизни, а не притупляетъ ее. Попавъ на художественную выставку, Елена видитъ картины новаго художника Угланди, надъ которымъ критика смѣется, считая его эксцентричнымъ и манернымъ. Въ этихъ картинахъ передаются не виды природы, а только настроенія, вызываемыя природой; картины Угланди сразу чаруютъ Елену. Молодая женщина съ ея смутными, не проснувшимися влеченіями и чувствами, увидѣла въ художникѣ родственную душу. Картины Угланди радуютъ ее не какъ внѣшнее зрѣлище, а какъ глубокое, пережитое въ дѣйствительности счастье. Она ежедневно ходитъ смотрѣть картины, узнаетъ адресъ художника, приноситъ ему цвѣты и кладетъ ихъ на порогъ его комнаты. Вся ея жизнь озарена этимъ новымъ счастьемъ, и ея домашняя обстановка тѣмъ болѣе мучитъ ее. Она начинаетъ не выносить Фрица и его буржуазныхъ родственниковъ, все болѣе заглядываетъ въ свою душу, и находитъ въ ней все болѣе темныхъ точекъ. Разыгрывается эпизодъ, который внушаетъ ей презрѣніе къ себѣ самой. Одинъ изъ друзей ея мужа увлекается ею, но старается не выказать этого. Она понимаетъ своимъ женскимъ инстинктомъ, что происходитъ въ его душѣ, и хотя ничего сама къ нему не чувствуетъ, но кокетничаетъ съ нимъ, вызываетъ его на признаніе, рада его страданіямъ,—и вмѣстѣ съ тѣмъ не можетъ преодолѣть страннаго физическаго влеченія къ нему. При встрѣчѣ съ нимъ на улицѣ, она инстинктивно, но сознавая въ себѣ этотъ инстинктъ, снимаетъ перчатку съ руки, для того, чтобы, когда онъ на прощанье поцѣлуетъ

ей руку, почувствовать прикосновеніе его губъ. Онъ уѣзжае
всегда, но воспоминаніе о немъ долго мучитъ ее. Чтобы чѣмъ-
удовлетворить своей жаждѣ ощущеній, она старается забыт
водоворотѣ свѣтской жизни. Своимъ умомъ и красотой она п
каетъ всѣ симпатіи, чувствуетъ неотразимость своего обая
окружающихъ ее людей, довольна этимъ и надѣется, что
и шумъ ея новой жизни заглушатъ въ ней жажду интимнаго с
Семейная жизнь ея все болѣе разстроивается, и главное ея г
томъ, что у нея нѣтъ ребенка. Въ радостяхъ материнства о
дѣялась найти смыслъ своего существованія. Къ ней пріѣз
отецъ и ея подруга, Тереза, — домъ ея становится еще болѣе
нымъ. Но ее мучитъ безсмысленная ревность мужа, оскорбля
подозрѣнія, его непониманіе ея чистой, свободной души. Ей у
увидѣть Угланди,— но эта встрѣча мимолетна и не производ
нее большого впечатлѣнія. Она любитъ въ душѣ Угланди,
что онъ одинъ своими картинами далъ ей минуты счастья, но
чувства она не связываетъ съ человѣкомъ, котораго мимолет
дѣла въ обществѣ и затѣмъ встрѣтила на прогулкѣ, когда шл
въ грустный пасмурный день. Тогда они обмѣнялись пристал
печальнымъ взглядомъ, но безмолвно прошли мимо другъ
Угланди суждено, однако, произвести переворотъ въ ея жиз
отношенія съ Фрицемъ все болѣе обостряются, и она уѣзжа
время къ отцу, чтобы отдохнуть среди природы, которая дав
столько счастья въ юности. Туда, черезъ нѣсколько времени,
жаетъ и ея мужъ, а затѣмъ, въ виду предстоящей свадьбы Т
женихъ послѣдней и его братъ, молодой художникъ, другъ
Онъ устраиваетъ сюрпризъ своей семьѣ, а также и Еленѣ, и
зитъ съ собой Угланди. Фрицъ не доволенъ пріѣздомъ все
компаніи. Когда Елена затѣваетъ вечернюю прогулку въ лѣсъ,
запрещаетъ ей уходить изъ дома. Но въ Еленѣ просыпается
обузданная строптивость; она выскакиваетъ въ окно, бѣжитъ в
и садится плести вѣнокъ для невѣсты. Ее застигаетъ Угланди
ритъ о впечатлѣніи, которое она произвела на него на одномъ
говоритъ о любви и радости. Елену охватываетъ стихійная
счастія; она чувствуетъ, какъ давно и глубоко полюбила Угла
не въ состояніи бороться противъ этой любви. Сцена въ лѣс
сана съ захватывающимъ паѳосомъ и лиризмомъ. Вернувшись
она встрѣчаетъ мужа, который осыпаетъ ее упреками. Онъ го
ей, что съ ея стороны преступно не заботиться о своемъ здо
потому что онъ, какъ врачъ, долженъ напомнить ей, что она с
матерью. Это докторское заявленіе, слѣдующее непосредстве

сценой въ лѣсу, наполняетъ ужасомъ сердце Елены. Прежде материнство казалось ей счастьемъ — теперь оно представляется ей страшнымъ.

Конецъ романа повѣствуетъ о переворотѣ въ жизни Елены. Она съ полной правдивостью разсказываетъ мужу объ Угланди, но Фрицъ не довольствуется ея объясненіями, преслѣдуетъ ее подозрѣніями о томъ, каковы ея отношенія къ Угланди были въ прошломъ. Фрицъ увозитъ Елену съ собою въ Берлинъ, не позволяетъ ей ни съ кѣмъ видѣться тамъ, и ихъ совмѣстная жизнь становится невозможной. Фрицъ первый заговариваетъ о необходимости развода; Елена согласна, и когда всѣ формальности окончены, она уѣзжаетъ къ отцу. Угланди пріѣзжаетъ къ ней, но ихъ встрѣча—самая грустная; она понимаетъ, что онъ способенъ былъ дать ей только вспышку счастья, и что, соединившись съ нимъ, она будетъ такъ же несчастна, какъ въ бракѣ съ Фрицемъ. Они были нужны другъ другу только для того, чтобы каждый изъ нихъ могъ освободиться отъ прежнихъ жизненныхъ оковъ — Угланди отъ связи съ недостойной его женщиной, Елена—отъ Фрица. Елена разстается съ Угланди навсегда,—и въ душѣ ея наступаетъ покой. У нея родится сынъ, который сначала доставляетъ ей только горе своей болѣзненностью и печальнымъ видомъ. Но она отдается заботамъ о немъ со всей страстностью своей натуры, и первая улыбка, появившаяся на лицѣ у выздоровѣвшаго ребенка, вноситъ счастье въ ея измученную душу. Страстные порывы первой молодости умерли въ ней, но что-то новое вошло въ ея жизнь и возродило въ ней вѣру и надежду.

III.

Remy de Gourmont. La Culture des idées. Paris 1900 г. Стр. 318.

Реми де-Гурмонъ—очень разносторонній писатель. Его маленькіе разсказы („D'un pays lointain", „Histoires magiques" и т. д.), романы („Le Songe d' une femme" и др.), поэмы и пьесы для театра пользуются успѣхомъ,—не у большой публики, конечно, но, такъ сказать, у гастрономовъ литературы, въ виду особыхъ качествъ его писательской манеры. Гурмонъ—изысканный стилистъ, и все, что онъ пишетъ, изысканно и оригинально по изложенію. Образчиковъ его фантазіи, направленной всегда на исканіе утонченныхъ контрастовъ въ интеллектуальной жизни человѣка, можетъ служить одинъ изъ разсказовъ въ сборникѣ „D'un pays lointain". Герой разсказа—подвижникъ-траппистъ.

Онъ въ молодости пришелъ въ монастырь, наложилъ на себя молчанія, и въ теченіе цѣлыхъ десятковъ лѣтъ изумлялъ всю чрезвычайной суровостью и святостью своей жизни. Въ старо избрали настоятелемъ монастыря, и всѣ поклонялись безгр старцу. Передъ смертью онъ, согласно обычаю, требуетъ дух чтобы исповѣдаться передъ нимъ — это единственный случай траппистамъ разрѣшается нарушить обѣтъ молчанія. Приход ховникъ и приступаетъ къ исповѣди, заранѣе увѣренный, что кихъ грѣховъ не было въ жизни этого праведника. Умираю воритъ ему одну только фразу: „я не вѣрю въ Бога". Подви вершенный безъ мысли о спасеніи, а только во имя отрече человѣческихъ слабостей, пріобрѣтаетъ, благодаря этому посл признанію, истинный паѳосъ и силу, показывая тѣ бездны против которыя уживаются въ человѣческой душѣ.

Реми де-Гурмонъ, кромѣ того, — литературный критикъ. мика его „Livre des masques" содержатъ краткія, но ярко сдѣ характеристики всѣхъ новѣйшихъ французскихъ писателей. своемъ родѣ единственная книга, имѣющая документальное з для историковъ литературы нашихъ дней. Кромѣ того, Реми монъ — и авторъ произведеній, свидѣтельствующихъ о чрезвы эрудиціи, объ огромномъ знаніи древней классической литера средневѣковой латыни. Въ очеркѣ средневѣковой латинской п „Le latin mystique"—Реми де-Гурмонъ приводитъ множество в имъ обнародованныхъ, до него неизвѣстныхъ образчиковъ сред вой церковной латыни. Переводы старинныхъ гимновъ, изслѣ объ ихъ происхожденіи и разносторонняя обработка богатаго реснаго матеріала—составляютъ драгоцѣнный вкладъ въ исторі невѣковую.

Въ новой книгѣ Реми де-Гурмона: „La culture des idées",—с отдѣльные очерки по вопросамъ о психологіи и о различных ментахъ литературнаго творчества. Реми де-Гурмонъ, будуч первоклассным стилистомъ, придаетъ огромное значеніе сти послѣднее время во французской критикѣ стали раздаваться на то, что новѣйшіе писатели ставятъ форму изложенія выше жанія. Гурмонъ съ нѣкоторой полемической рѣзкостью объясня нападки литературнымъ безсиліемъ тѣхъ, которые нападаютъ. мнѣнію, стиль, т.-е. все, что̀ относится къ формѣ, или, вѣрнѣе, дожественности излагаемыхъ мыслей, составляетъ основу не мости литературнаго произведенія. Выборъ сюжета сравнител ловаженъ. Гурмонъ доказываетъ это классическимъ примѣромъ пира, драмы котораго, по его словамъ „только рядъ метафо

шитыхъ на канву перваго попавшагося сюжета". Творчество Шекспира сказалось только въ его образахъ и фразахъ, а такъ какъ придуманные имъ образы были новы, то эта новизна вдохнула жизнь и въ дѣйствующихъ лицъ драмы. Если „Гамлетъ", при томъ же замыслѣ, написанъ былъ бы стихомъ Христофора Марло, то получилась бы неуклюжая, темная трагедія, интересная лишь какъ намекъ и попытка создать нѣчто художественное. Вымыселъ сюжета ограниченъ условіями дѣйствительности. Реми де-Гурмонъ сводитъ всѣ мыслимыя драматическія столкновенія къ четыремъ категоріямъ: къ отношеніямъ человѣка къ самому себѣ, къ другимъ людямъ, мужчинъ къ женщинѣ или наоборотъ и наконецъ къ отношенію человѣка къ безконечному, къ Богу или природѣ. Каждое литературное произведеніе непремѣнно входитъ въ одну изъ этихъ категорій. Но это не мѣшаетъ безконечному разнообразію художественнаго творчества; даже если-бы былъ одинъ только сюжетъ, только „Дафнисъ и Хлоя", то и его хватило-бы для художниковъ всего міра, потому-что оригинальность и значеніе художественнаго творчества заключаются только въ индивидуальномъ отношеніи художника къ своему предмету. Индивидуальность же сказывается въ манерѣ писать.

Въ своей защитѣ стиля Гурмонъ заходитъ очень далеко. „Отсутствіе оригинальнаго стиля,—говоритъ онъ,—уничтожаетъ произведеніе, дѣлаетъ его незамѣтнымъ, невидимымъ. Въ сущности, есть только одинъ родъ художественнаго творчества—поэзія, и быть можетъ одинъ только способъ изложенія—стихъ, потому что и истинно прекрасная проза отличается внутренней ритмичностью, приближающей ее къ стихамъ. Бюффонъ писалъ только поэмы, также какъ Боссюэтъ, Шатобріанъ и Флоберъ. „Les Epoques de la nature" Бюффона хотя и приводятъ въ восторгъ ученыхъ философовъ, но все-таки представляютъ изъ себя прежде всего вдохновенную эпопею. Брюнетьеръ построилъ смѣлую теорію эволюціи разныхъ литературныхъ родовъ; онъ доказалъ, что проза Боссюэта перешла впослѣдствіи въ лирику Виктора Гюго. Гораздо вѣрнѣе, однако, сказать, что никакой эволюціи въ этомъ случаѣ не было, что нѣтъ различныхъ родовъ литературы, а есть только одинъ. Это къ тому же болѣе соотвѣтствуетъ новѣйшимъ изысканіямъ философіи и науки. Идея эволюціи должна уступить мѣсто теоріи, признающей постоянство и несмѣняемость въ области литературы".

Съ идеями де-Гурмона можно согласиться только въ томъ случаѣ, если придать слову „стиль" болѣе широкое значеніе, если подразумѣвать подъ нимъ не только извѣстную изысканность и совершенство въ подборѣ словъ,—а все, что составляетъ индивидуальность писателя, его отношеніе къ своему предмету, его темпераментъ, его инстинктъ

красоты, выливающійся въ словахъ. Въ сущности, Реми де-Гурмонъ только объ этомъ и говоритъ. Полемизируя съ малоизвѣстнымъ авторомъ трактата „Искусство писать, преподанное въ двадцать уроковъ", онъ доказываетъ, что никого нельзя научить писать, потому что стиль —то, что есть самаго индивидуальнаго въ писателѣ.

Изъ другихъ очерковъ въ книгѣ Реми де-Гурмона интересна обстоятельная статья „О расчлененіи идей" (De la dissociation des idèes). „Можно думать двояко,—говоритъ Реми де-Гурмонъ,—или принимать идеи и ассоціаціи идей въ томъ видѣ, въ какомъ онѣ уже существуютъ, или напротивъ того, создавать новыя ассоціаціи, или же, что случается гораздо рѣже, разрушать привычныя ассоціаціи". Онъ доказываетъ, что истинно оригинальное творчество заключается именно въ процессѣ диссоціаціи. Пользоваться такъ наз.-общими мѣстами—значитъ повторять очень близкія аналогіи. Иногда общія мѣста имѣютъ историческое происхожденіе: двѣ мысли или два образа объединяются подъ вліяніемъ событій, и это единеніе становится болѣе или менѣе прочнымъ. Европа была свидѣтельницей агоніи и смерти Византіи, и соединила эти два понятія: Византія и „декадансъ". Эта аналогія превратилась въ общее мѣсто и по ассоціаціи идей распространилась на всю римскую имперію, ставшую въ глазахъ историковъ непрерывной исторіей паденія, „декаданса". Всегда въ основѣ общаго мѣста лежитъ какая-нибудь истина, но отрицательная сторона общихъ мѣстъ заключается въ томъ, что въ повтореніи ихъ мысль не участвуетъ, и потому никакого идейнаго движенія не происходитъ. Гораздо важнѣе поэтому въ творчествѣ процессъ диссоціаціи. Психологія людей мѣняется. Ассоціаціи идей, которыя были истиной, прежде чѣмъ стать общимъ мѣстомъ,—перестаютъ, съ теченіемъ времени, выражать дѣйствительную правду и становятся уже фальшивымъ общимъ мѣстомъ. Задача оригинальнаго творчества заключается въ томъ, чтобы подорвать аналогію, уже не имѣющую значенія для ушедшей впередъ мысли. Реми де-Гурмонъ приводитъ нѣсколько примѣровъ этой разрушительной работы, совершаемой современнымъ поколѣніемъ. Онъ говоритъ, напр., о томъ, что понятіе красоты измѣнилось въ настоящее время. Прежде оно было болѣе утилитарнымъ. Красота не была чисто идейнымъ понятіемъ, а связывалась съ мыслью о плотскихъ наслажденіяхъ, и потому идеаломъ красоты была исключительно женщина. Болѣе развитое сознаніе выдѣлило изъ понятія красоты всѣ постороннія ассоціаціи и этимъ создало новое пониманіе—красоты природы, красоты чистыхъ линій. Явилась пейзажная живопись, развилось декоративное искусство и т. д. Въ области искусства работа диссоціаціи тоже сказалась самымъ плодотворнымъ образомъ, выдѣливъ

изъ задачъ художественнаго творчества посторонніе элементы нравственности, полезности и т. д. Умственную дѣятельность современнаго поколѣнія Реми де-Гурмонъ главнымъ образомъ сводитъ къ протесту противъ устарѣлыхъ идейныхъ ассоціацій.

Цѣлый рядъ другихъ очерковъ посвященъ отдѣльнымъ вопросамъ психологіи, какъ, напр., вопросу объ участіи безсознательной работы воображенія въ художественномъ творчествѣ и т. д. Въ статьѣ „Вѣчное язычество“ Реми де-Гурмонъ говоритъ о неискоренимыхъ языческихъ чертахъ, свойственныхъ культурному человѣчеству до сихъ поръ.—З. В.

ИЗЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ХРОНИКИ.

1 марта 1901.

Сороковая годовщина освобожденія крестьянъ.—Наиболѣе яркіе признаки крестьянской обособленности.—Агрономическій съѣздъ въ Москвѣ.—„Банкротство либерализма".—Извѣтъ въ печати на печать.—Вѣсти изъ мѣстностей, пострадавшихъ отъ неурожая.—В. А. Манассеинъ †.

Нѣсколько дней тому назадъ исполнилось сорокъ лѣтъ со времени величайшаго акта русской государственной жизни—со времени отмѣны крѣпостного права. Положенія 19-го февраля 1861-го года преслѣдовали двоякую цѣль: обезпечить хозяйственный бытъ крестьянъ — и вмѣстѣ съ тѣмъ сдѣлать ихъ свободными не только отъ помѣщиковъ, но и отъ административной опеки. Теперь, озираясь назадъ, приходится признать, что вполнѣ не достигнуто ни то, ни другое. Какъ непрочно матеріальное благосостояніе деревни—это раскрыли съ особенною ясностью неурожайные годы послѣдняго десятилѣтія; какъ далеко отъ благоустройства ея юридическое и экономическое положеніе—это показываетъ оффиціальная постановка на очередь пересмотра „Положеній о крестьянахъ". Когда, вслѣдъ за освобожденіемъ крестьянъ, имъ было дано сравнительно широкое самоуправленіе, когда поставленный надъ ними контроль мировыхъ посредниковъ былъ отлитъ въ формы, рѣзко отличавшіяся отъ заурядnаго бюрократическаго типа, сліяніе народной массы съ другими классами населенія казалось только вопросомъ времени. Особый крестьянскій судъ считался необходимымъ, потому что не было приведено въ извѣстность, существуетъ ли особое обычное право, и если существуетъ, то въ чемъ заключаются его нормы; въ особой крестьянской волости усматривалась гарантія въ томъ, что только-что отмѣненная помѣщичья власть не возродится ни въ видѣ вотчинной полиціи, ни въ видѣ фактическаго перевѣса сильныхъ и богатыхъ надъ бѣдными и слабыми. Учрежденіе мировыхъ судей, замѣна мировыхъ посредниковъ непремѣнными членами крестьянскихъ присутствій были дальнѣйшими шагами на томъ пути, на который вступили редакціонныя коммиссіи; и если первый изъ этихъ шаговъ былъ недостаточно рѣшителенъ, а второй—не совсѣмъ удаченъ, то отсюда вытекала только необходимость дополненій и поправокъ, но отнюдь не поворота въ другую сторону. Такъ и былъ понятъ крестьянскій вопросъ, когда онъ, послѣ долгаго застоя, былъ вновь выдвинутъ „диктатурой сердца". Одно время можно было думать, что слишкомъ рано прерванная

работа будетъ доведена до своего логическаго конца. Случилось не то: послѣ нѣкоторыхъ колебаній, выраженіемъ которыхъ остаются труды Кахановской коммиссіи, рѣшено было не только сохранить, но усилить обособленность и неполноправность крестьянъ.

Новый періодъ въ исторіи крестьянскаго дѣла, исходной точкой котораго послужило изданіе узаконеній 12-го іюля 1889-го года, продолжается до сихъ поръ, вызывая самую разнообразную оцѣнку. Выше, во „Внутреннемъ Обозрѣніи", мы говорили о восторженныхъ похвалахъ, которыми осыпаетъ земскихъ начальниковъ одной губерніи должностное лицо, облеченное по отношенію къ нимъ правомъ контроля и, слѣдовательно, несущее на себѣ долю отвѣтственности за ихъ дѣйствія. Съ этими похвалами любопытно сопоставить свидѣтельство частнаго лица, основанное на цѣломъ рядѣ фактическихъ данныхъ. Н. М. Соколовскій, статьи котораго неоднократно появлялись и въ нашемъ журналѣ [1]), принадлежитъ къ числу самыхъ зоркихъ наблюдателей деревенской жизни. Предметомъ его наблюденій служитъ мѣстность близкая и отъ Петербурга, и отъ желѣзной дороги, т.-е. поставленная въ сравнительно благопріятныя условія. Уѣздъ, въ составъ котораго она входитъ, намъ хорошо знакомъ—и мы можемъ удостовѣрить, что уровень судебно-административныхъ учрежденій въ немъ отнюдь не ниже средняго. И вотъ, однако, что̀ сообщаетъ о немъ г. Соколовскій въ статьѣ: „Деревенскія консультаціи", напечатанной въ № 1 „Русскаго Богатства". „Въ практикѣ сельской юстиціи установился особый видъ по истинѣ *упрощеннаго* правосудія. Рѣшенія отмѣчены удивительной краткостью, той краткостью, про которую говорится: тяпъ-ляпъ — и корабль. Почти никогда не дѣлается ссылокъ не только на общія начала права, но даже на дѣйствующія въ предѣлахъ имперіи узаконенія. *Внутреннее убѣжденіе*—тотъ острый мечъ, однимъ взмахомъ котораго наша сельская богиня правосудія разсѣкаетъ всѣ тонкости и усложненія правовыхъ и процессуальныхъ положеній... При торжествѣ внутренняго убѣжденія надъ бытовыми обычаями, началами права и постановленіями дѣйствующаго законодательства тѣ пріемы (напр., личный осмотръ на мѣстѣ, опросъ свѣдущихъ людей), къ которымъ прибѣгаетъ правильно функціонирующій судъ, окончательно изгнаны изъ судебной процедуры нашей захолустной юстиціи". Воспитываясь въ такой школѣ, „деревенскія массы получаютъ весьма сбивчивое понятіе о законности и, въ сурово неумолимой борьбѣ за существованіе, все болѣе и болѣе усвоиваютъ привычку руководствоваться не сознаніемъ права и долга, но своимъ тоже личнымъ вкусомъ, своимъ тоже внутреннимъ убѣжденіемъ, нѣ-

[1]) См. „Вѣстникъ Европы" 1892 г., № 1; 1893 г., № 10; 1895 г., № 8.

рѣдко, въ силу темноты и великаго невѣжества этихъ массъ, равносильнымъ съ животнымъ инстинктомъ". Не лучше обстоитъ дѣло и въ области чисто административной: это показываютъ слѣдующіе примѣры. Сельское общество, еще во время крѣпостного права, пріобрѣло, на имя помѣщика, участокъ земли и продолжало владѣть имъ безспорно и послѣ освобожденія, но безъ всякихъ документовъ. Когда въ послѣднее время, вслѣдствіе вздорожанія земли, стали учащаться земельные захваты и споры,—крестьяне задумали укрѣпить свое владѣніе. Имъ объяснили, что для этого нужно просить о признаніи за ними права собственности на основаніи давности. Нашелся и повѣренный, вполнѣ надежный, согласившійся вести это дѣло въ окружномъ судѣ, съ полученіемъ, по окончаніи дѣла, весьма умѣреннаго вознагражденія (ста рублей). Приговоръ о выдачѣ ему довѣренности былъ, однако, уничтоженъ уѣзднымъ съѣздомъ, какъ „направленный къ явному ущербу для общества" (!). На томъ же основаніи кассированъ общественный приговоръ, по которому землевладѣлецъ бралъ на себя углубить и расчистить протекающую по крестьянской землѣ рѣчку, а крестьяне предоставляли ему за то на двѣнадцать лѣтъ право сгонять по рѣчкѣ дрова во время половодья. По словамъ г. Соколовскаго, эта сдѣлка была одинаково выгодна для обѣихъ сторонъ: землевладѣлецъ получалъ болѣе дешевый способъ сбыта дровъ, а крестьянская земля должна была превратиться изъ безполезнаго или даже вреднаго болота въ хорошіе луга... Неудивительно, что при такой непрочности общественныхъ приговоровъ, при такомъ пренебреженіи къ выраженной въ нихъ сознательной и разумной волѣ крестьянъ, значеніе міра падаетъ все болѣе и болѣе, и мірскія дѣла перестаютъ быть близкими сердцу крестьянъ. „Спросишь того или другого знакомаго мужика", говоритъ г. Соколовскій, „почему его нѣтъ на сходѣ?—и только слышишь одно: что̀ по пусту болтаться, грѣхи одни". И подобные отвѣты „даются не отбившимися отъ дѣла мужичонками, но крестьянами обстоятельными, вдумчивыми, крѣпко сидящими на землѣ, именно такими крестьянами, которые своимъ участіемъ могли бы помочь міру столковаться и разобраться въ его большихъ и малыхъ дѣлахъ и дѣлишкахъ". Совершенно правъ г. Соколовскій, утверждая, что это явленіе повсемѣстное, констатированное даже оффиціально. Отмѣчая слабое посѣщеніе сельскихъ сходовъ, вятское губернское совѣщаніе (въ отвѣтахъ на вопросы, предложенные министерствомъ внутреннихъ дѣлъ) объясняетъ его слѣдующимъ отзывомъ крестьянъ: „чего на сходъ ходить, когда земскій начальникъ рѣшаетъ". Гдѣ замираетъ жизнь, тамъ грозитъ разложеніе; а что̀ значило бы разложеніе строя, обнимающаго собою огромное большинство русскаго крестьянства—это не требуетъ поясненія. На-

стало, кажется, время приведенія въ извѣстность, что̀ дали сельской жизни и что̀ отняли у нея судебно-административные порядки, созданные двѣнадцать лѣтъ тому назадъ. Мнѣнія должностныхъ лицъ и учрежденій, прямо соприкасающихся съ этими порядками, могутъ быть разсматриваемы — вмѣстѣ съ самыми рѣшеніями и распоряженіями земскихъ начальниковъ—какъ одна группа матеріаловъ, а всѣ остальные свидѣтельства и отзывы — какъ другая; чтобы взвѣсить значеніе обѣихъ группъ, необходимо всестороннее изслѣдованіе на мѣстахъ, произведенное авторитетнымъ и безпристрастнымъ судьею.

Такимъ судьею могъ бы быть ревизующій сенаторъ—или, въ виду сложности задачи и разнообразія мѣстныхъ условій, нѣсколько ревизующихъ сенаторовъ, посланныхъ одновременно въ разныя области имперіи. Со времени обновленія Россіи сенаторскія ревизіи перестали быть только тѣмъ, чѣмъ онѣ были прежде — чрезвычайнымъ средствомъ раскрытія чрезвычайныхъ злоупотребленій. Въ 1862—63 гг. ревизія сенатора А. Х. Капгера (въ губерніяхъ калужской и владимірской) имѣла въ виду ближайшее знакомство съ ходомъ крестьянской реформы и образомъ дѣйствій крестьянскихъ учрежденій; въ 1880 — 81 гг. четыре сенатора-ревизора [1]) должны были изучить, въ виду предположенныхъ преобразованій, всѣ функціи мѣстнаго управленія и самоуправленія; въ 1883 г., ревизія остзейскаго края (сенатора Н. А. Манассеина) должна была пріискать точки опоры для сближенія этого края съ коренными русскими губерніями. Конечно, въ источникахъ свѣдѣній о томъ, что̀ происходитъ „въ глубинѣ Россіи“, нѣтъ недостатка; ихъ гораздо больше теперь, чѣмъ въ до-реформенную эпоху или даже тридцать, тридцать-пять лѣтъ тому назадъ; но главная цѣль ревизій новаго типа—не собраніе фактовъ, а ихъ повѣрка и оцѣнка. Разобраться среди противоположныхъ мнѣній, установить твердые выводы, намѣтить назрѣвшія и неотложныя улучшенія можетъ—съ нѣкоторою увѣренностью, что трудъ его не пройдетъ безслѣдно,— лишь тотъ, чье высокое положеніе обезпечиваетъ за нимъ, вмѣстѣ съ независимостью, и право на довѣріе. Въ нашей служебной іерархіи эти условія соединяютъ въ себѣ, кромѣ сенаторовъ, только члены Государственнаго Совѣта.

Двумя признаками народная масса отличается особенно рѣзко отъ другихъ сословій: на нее распространяется административно-карательная власть земскаго начальника, и она подлежитъ тѣлесному наказанію по приговорамъ волостного суда. Въ первомъ отношеніи на одинъ уровень съ крестьянами поставлены мѣщане и ремесленники,

[1]) М. Е. Ковалевскій — въ губерніяхъ казанской и уфимской; С. А. Мордвиновъ—въ губерніяхъ воронежской и тамбовской; А. А. Половцовъ — въ губерніяхъ кіевской и черниговской; И. И. Шамшинъ—въ губерніяхъ саратовской и самарской.

живущіе въ сельскихъ мѣстностяхъ; вторая „привилегія“ принадлежитъ исключительно крестьянамъ. Изъ отчета о дѣятельности земскихъ начальниковъ тульской губерніи мы узнаемъ, что случаевъ примѣненія административно-карательной власти въ тульской губерніи бываетъ, среднимъ числомъ, по 2.678 въ годъ (по *сорока-семи* на каждый участокъ). Составителемъ отчета и его присяжными панегиристами эта цифра признается *умѣренною*; намъ она кажется, наоборотъ, весьма высокою, тѣмъ болѣе, что въ нѣкоторыхъ участкахъ число каръ безъ сомнѣнія гораздо выше средняго. Столь же несомнѣнно и то, что она была бы еще гораздо выше, еслибы не толкованія Сената, заключившія ее въ извѣстные предѣлы. Газетные приверженцы произвола открыто негодуютъ за это на Сенатъ; составитель отчета, связанный своимъ оффиціальнымъ положеніемъ, выражаетъ свое неудовольствіе не такъ прямо, но съ достаточной ясностью. „Административная власть земскаго начальника“—таковы подлинныя слова отчета, — „будучи обставлена формальностями, не обладаетъ тою твердостью и быстротою, которыя необходимы для поддержанія порядка въ деревнѣ, и является нерѣдко безсильною въ борьбѣ съ нѣкоторыми печальными явленіями сельской жизни“. Этотъ вырвавшійся изъ груди вздохъ краснорѣчивѣе длинныхъ разсужденій... Въ оправданіе административныхъ каръ все въ томъ же отчетѣ указывается на то, что главнымъ поводомъ къ нимъ служитъ „распитіе вина на сельскомъ сходѣ“. Безспорно, такое распитіе непохвально; но всегда ли оно представляетъ собою подходящій объектъ для строгихъ мѣропріятій? Въ этомъ позволительно усомниться, хотя бы въ виду слѣдующаго факта, сообщаемаго Н. М. Соколовскимъ: человѣкъ двадцать домохозяевъ, въ томъ числѣ сельскій староста, собрались побесѣдовать о двухъ пустовавшихъ въ ихъ обществѣ надѣлахъ и, не образуя схода и ничего не постановляя, выпили во время бесѣды четверть водки. За это они были посажены подъ арестъ, сельскій староста — на пять дней, остальные — на три. Съ г. Соколовскимъ у нихъ произошла потомъ такая бесѣда: „—За что же васъ посадили-то? —А безъ обсужденіевъ, значитъ. — Какъ это безъ обсужденіевъ? — А тоись такъ; у меня, баитъ, ни-ни; руки держи по швамъ“... Между тѣмъ, серьёзныя попытки самихъ крестьянъ уменьшить пьянство не встрѣчаютъ сочувствія и поддержки. При введеніи питейной монополіи въ деревнѣ, гдѣ никогда раньше не было кабака, нанята была изба подъ винную лавку. Общество, опасаясь соблазна для людей слабыхъ, въ особенности молодыхъ, постановило воспретить хозяину избы сдачу ея подъ винную лавку—но этотъ приговоръ былъ отмѣненъ, какъ противный закону. Не было уважено и ходатайство о закрытіи винной лавки въ селеніи, гдѣ, послѣ поголовнаго разгула,

совершено было, въ пьяномъ видѣ, убійство и покушеніе на убійство. Деревенское пьянство, по словамъ г. Соколовскаго, „измѣнило свой характеръ къ худшему: корчемство приняло громадные размѣры, пьянство вогнано въ самое сердце деревни—крестьянскую избу; то, что было достояніемъ кабацкихъ стѣнъ, сдѣлалось достояніемъ избы, отцовскіе грѣхи совершаются въ явь, передъ глазами дѣтей"...

Противъ отмѣны тѣлеснаго наказанія приводится иногда аргументъ аналогичный съ тѣмъ, которымъ, какъ мы только-что видѣли, отстаивается наложеніе административныхъ каръ: указывается на то, что тѣлесное наказаніе рѣдко назначается волостными судами и еще рѣже разрѣшается къ исполненію земскими начальниками. По отношенію къ нѣкоторымъ губерніямъ (напр. нижегородской) это фактъ безспорный; но если и допустить его всеобщность и повсемѣстность, то все-таки нельзя вывести изъ него заключенія въ пользу statu quo. Нѣтъ никакого основанія думать, что сохраняется тѣлесное наказаніе именно и только для проступковъ особенно важныхъ, для людей испорченныхъ, неисправимыхъ и нечувствительныхъ къ позору. Наоборотъ, крайне неравномѣрное распредѣленіе тѣлесныхъ наказаній между уѣздами, участками, даже волостями, прямо указываетъ на непосредственную ихъ связь съ личными взглядами суда или судей. Иными словами, при совершенно одинаковыхъ условіяхъ въ одномъ мѣстѣ тѣлесное наказаніе назначается и исполняется, въ другомъ—не назначается или, по крайней мѣрѣ не приводится въ исполненіе. Между тѣмъ, съ распространеніемъ грамотности, съ поднятіемъ среди массъ чувства собственнаго достоинства, тѣлесное наказаніе все въ бо̀льшей степени и для все бо̀льшаго числа лицъ становится карой тяжкой, несоразмѣрно, иногда невыносимо тяжкой. Предоставлять его на чье-либо усмотрѣніе—т.-е. ставить его въ зависимость отъ случая,—явная несправедливость, растущая и обостряющаяся съ каждымъ годомъ. Напрасно было бы ссылаться, въ ея оправданіе, на авторитетъ составителей Положеній 19-го февраля: едва ли кто-нибудь изъ нихъ, поставленный лицомъ къ лицу съ нынѣшними условіями, подалъ бы голосъ за то, что̀, сорокъ лѣтъ тому назадъ, могло казаться необходимымъ или неизбѣжнымъ. Какъ относится къ тѣлесному наказанію современное русское общество—объ этомъ можно судить по настойчивымъ, горячимъ ходатайствамъ большинства губернскихъ земскихъ собраній. Въ исторіи этихъ ходатайствъ, возникающихъ еще четверть вѣка тому назадъ, но особенно часто повторяющихся въ послѣднее десятилѣтіе, замѣчается одна любопытная и нелегко объяснимая черта. Сначала министерство внутреннихъ дѣлъ отклоняетъ ходатайства не столько потому, что признаетъ ихъ выходящими за предѣлы компетенціи земства, сколько по соображеніямъ, касающимся самаго ихъ

существа. „Предлагаемая земствомъ мѣра"—сказано въ отвѣтѣ министерства на ходатайство, возбужденное смоленскимъ губернскимъ земскимъ собраніемъ 1890 г.,—„*едва ли* представляется необходимою въ виду того, что узаконенія 12-го іюля 1889 г. поставили примѣненіе тѣлеснаго наказанія подъ непосредственный контроль земскихъ начальниковъ, что̀ служитъ достаточной гарантіей правильности его примѣненія въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, такъ какъ названныя должностныя лица, безъ сомнѣнія, не будутъ допускать исполненіе его надъ такими лицами, для коихъ наказаніе это, по ихъ развитію и занимаемому ими положенію, представлялось бы слишкомъ тяжелымъ". Въ этихъ словахъ доказаннымъ признавалось то, что̀ еще нужно было доказать—но въ нихъ не слышалось ни твердой увѣренности въ правотѣ защищаемаго дѣла, ни твердаго намѣренія отстранить земство отъ обсужденія поставленнаго имъ вопроса. Позже отноръ, встрѣчаемый земствомъ, становится болѣе рѣшительнымъ,—но вполнѣ и повсемѣстно установившимся отношеніе къ ходатайствамъ объ отмѣнѣ тѣлесныхъ наказаній не можетъ быть названо и до сихъ поръ. Такъ напримѣръ, въ послѣдней очередной сессіи с.-петербургскаго губернскаго земскаго собранія губернскій предводитель дворянства, какъ предсѣдатель собранія, снялъ съ очереди, своею властью, вопросъ о возобновленіи ходатайства, безпрепятственно возбужденнаго собраніемъ въ 1895 году — а въ смоленскомъ губернскомъ земскомъ собраніи аналогичный вопросъ былъ допущенъ къ обсужденію предсѣдателемъ, и ходатайство, предложенное редакціонною коммиссіею, принято единогласно и безъ преній. Само собою разумѣется, что всецѣло правъ, въ данномъ случаѣ, былъ смоленскій губернскій предводитель. Мѣстныя пользы и нужды, какъ мы уже много разъ объясняли, совпадаютъ, сплошь и рядомъ, съ пользами и нуждами общегосударственными—и это совпаденіе отнюдь не можетъ вести къ ограниченію сферы земскихъ ходатайствъ. Противоположное толкованіе, послѣдовательно проведенное, было бы равносильно уничтоженію одного изъ важнѣйшихъ правъ, принадлежащихъ земству—уничтоженію, менѣе всего желательному въ интересахъ государственной власти. Не такъ много существуетъ у насъ средствъ доводить до ея свѣдѣнія о потребностяхъ народа, чтобы можно было съ легкимъ сердцемъ закрывать главный путь, ведущій къ этой цѣли.

Какъ ненормально обособленное положеніе крестьянства—это обнаружилось еще разъ на агрономическомъ съѣздѣ, происходившемъ въ Москвѣ съ 10-го по 19-ое февраля. Лишь только возникъ вопросъ о томъ, при какихъ условіяхъ можетъ оказаться плодотворной агрономическая помощь населенію, съ разныхъ сторонъ раздались голоса въ пользу мелкой земской единицы, какъ лучшаго или даже единствен-

наго средства достигнуть всѣми желанной цѣли. „Пока крестьяне“,—воскликнулъ одинъ изъ членовъ съѣзда (кн. Д. И. Шаховской)—„не будутъ, какъ полноправные хозяева, въ союзѣ съ образованными людьми, пока они не будутъ совмѣстно обсуждать свои нужды, до тѣхъ поръ никакія наблюденія агрономовъ не могутъ принести должной пользы“. Особая коммиссія, избранная съѣздомъ, выработала слѣдующій проектъ резолюціи по вопросу о мелкой земской единицѣ: „I. Для того, чтобы земство могло вполнѣ удовлетворительно выполнить лежащія на немъ задачи въ области экономическихъ и, въ частности, сельскохозяйственныхъ нуждъ населенія, является безусловно необходимымъ образованіе новой, меньшей, чѣмъ уѣздъ, земской единицы. II. Мелкая единица эта должна обладать слѣдующими основными чертами дѣйствующихъ земскихъ учрежденій: 1) она должна носить характеръ обязательности, а не быть добровольнымъ союзомъ; 2) у нея должна быть точно опредѣленная территорія, на которую распространялось бы ея дѣйствіе; 3) она должна имѣть характеръ всесословный; 4) она должна пользоваться правомъ самообложенія; 5) подобно тому, какъ между нынѣ существующими земскими учрежденіями, губернскими и уѣздными, существуетъ нѣкоторая опредѣляемая закономъ связь, такъ должна быть установлена связь новой мелкой земской единицы съ уѣздными и губернскими земскими учрежденіями даннаго уѣзда и губерніи; 6) мелкая земская единица должна имѣть выборные исполнительные органы; 7) она не должна обладать функціями полицейскими и судебными. III. Существенно важно, чтобы вопросъ о своевременности учрежденія подобной мелкой земской единицы, а также о подробностяхъ ея организаціи, былъ переданъ на заключеніе земскихъ собраній“. Общее собраніе съѣзда огромнымъ большинствомъ голосовъ приняло этотъ проектъ, съ двумя добавленіями—относительно гласнаго веденія дѣлъ въ собраніяхъ и исключенія изъ нихъ всѣхъ лицъ, исправляющихъ судебныя и административныя должности на территоріи данной земской единицы. Нужно надѣяться, что рѣшеніе съѣзда, предсѣдателемъ котораго былъ директоръ департамента земледѣлія, Н. А. Хомяковъ (примкнувшій, повидимому, къ числу сторонниковъ мелкой земской единицы), не пройдетъ безслѣдно и что будетъ, наконецъ, осуществлена мысль, въ пользу которой уже болѣе двадцати лѣтъ громко говорятъ всѣ выдающіеся факты народной жизни.

Другой интересный вопросъ былъ возбужденъ на съѣздѣ С. Г. Бередниковымъ (предсѣдателемъ тихвинской уѣздной земской управы). Запросы сельско-хозяйственнаго и экономическаго характера,—сказалъ г. Бередниковъ,—„не могутъ быть пріурочены къ территоріи одной губерніи, к ъ единицы административной, а возникаютъ на пространствѣ нѣсколь-

кихъ губерній, однородныхъ въ сельскохозяйственномъ и экономическомъ отношеніяхъ, и приводятъ къ мысли о необходимости постоянной областной организаціи, созданной изъ выборныхъ представителей заинтересованныхъ земствъ и мѣстныхъ агрономовъ. Такая организація имѣетъ то преимущество предъ съѣздами дѣятелей по сельскому хозяйству, что является величиной постоянной; она имѣетъ возможность осуществлять мѣропріятія въ болѣе широкихъ размѣрахъ и не зависитъ отъ случайно собравшихся дѣятелей... Совокупная дѣятельность нѣсколькихъ земствъ на почвѣ сельскохозяйственныхъ и экономическихъ мѣропріятій можетъ только удешевлять ихъ осуществленіе, ставить его въ болѣе правильныя условія и облегчить задачу правительственныхъ учрежденій, разрабатывающихъ сельскохозяйственные и экономическіе вопросы". Предложеніе г. Бередникова передано для предварительной разработки въ распорядительный комитетъ съѣзда, при участіи предсѣдателей секцій. Вообще, пренія и резолюціи съѣзда представляютъ очень много интереснаго, и мы еще будемъ имѣть случай къ нимъ возвратиться. Закрывая свою сессію, съѣздъ возбудилъ ходатайство о періодическомъ его созывѣ, какъ нельзя болѣе желательномъ въ интересахъ сельско-хозяйственнаго прогресса.

Въ предисловіи къ только-что появившейся, весьма любопытной книгѣ Эмиля Фагэ: „Problèmes politiques du temps présent", авторъ, называя себя „старымъ либераломъ", констатируетъ, не безъ грусти, наступившій, въ послѣднее время, упадокъ либерализма. „Весьма возможно"—восклицаетъ онъ,—„что банкротство либерализма будетъ признано характерной чертой XIX-го вѣка и послужитъ его кличкой на страницахъ всеобщей исторіи". Интересно было бы знать, что̀ разумѣетъ здѣсь Фагэ подъ именемъ либерализма? Если рѣчь идетъ о либеральной партіи, сложившейся во время реставраціи, достигшей своего апогея при Людовикѣ-Филиппѣ и доживавшей свои послѣдніе дни при Наполеонѣ III-мъ, то Фагэ правъ въ томъ отношеніи, что эта партія дѣйствительно претерпѣла банкротство — но совершенно неправъ, усматривая въ ея крушеніи характерную черту XIX-го вѣка: этотъ вѣкъ видѣлъ много событій несравненно болѣе важныхъ и крупныхъ. Если, говоря о либерализмѣ, Фагэ имѣетъ въ виду не партію, а систему, обнимающую собою различные виды свободы, то на ея долю выпало, въ XIX вѣкѣ, скорѣе торжество, чѣмъ банкротство: чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ только вспомнить, чѣмъ была въ западной Европѣ, сто лѣтъ тому назадъ, свобода печати, свобода собраній, свобода личности, свобода религіозной мысли — и что̀ мы видимъ, во всѣхъ этихъ областяхъ, въ настоящее время. Даже

въ Англіи — единственной странѣ, гдѣ, на рубежѣ XVIII и XIX вв., можно было говорить о свободѣ, — ограниченія этого принципа чувствовались тогда гораздо сильнѣе. Безспорно, индивидуальная свобода, во всѣхъ или многихъ ея видахъ, стоитъ теперь лицомъ къ лицу съ новыми затрудненіями, которыхъ она не знала раньше; но окажутся ли они непреодолимыми или будетъ найденъ modus vivendi, обезпечивающій свободу и въ измѣненномъ общественномъ строѣ — это тайна будущаго. Необходимо, во всякомъ случаѣ, различать либерализмъ, какъ совокупность свободолюбивыхъ стремленій, отъ либерализма, какъ застывшаго ученія, совершенно напрасно присвоивающаго себѣ, и только себѣ, право называться этимъ именемъ. Упускать изъ виду это различіе, значитъ—идти на встрѣчу недоразумѣнію въ родѣ того, въ которое впалъ Фагэ. Аналогичнымъ недоразумѣніемъ вызванъ былъ, какъ намъ кажется, споръ, происходившій недавно между двумя петербургскими газетами. Въ одной изъ нихъ появилась жалоба на неблагодарность русскаго общества по отношенію къ либерализму: „очень еще намъ нужный, онъ былъ объявленъ буржуазнымъ, и ему противопоставлено народничество, никогда не имѣвшее вполнѣ ясной программы". Въ другой газетѣ, заступившейся за народничество, либерализму ставится въ вину, что его девизъ—„свобода для избранныхъ, человѣческія права для немногихъ". Девизъ партіи или партій—партій западно-европейскихъ, у насъ находившихъ только слабый, скоро отзвучавшій отголосокъ—превращенъ здѣсь въ девизъ *настроенія*, т.-е. чего-то гораздо болѣе широкаго, чѣмъ партія. Понимаемый какъ настроеніе, либерализмъ безспорно „очень еще нуженъ" Россіи—но отъ него, въ этомъ смыслѣ, и не отрекалось русское общество... Въ путаницѣ понятій, обусловливаемой неопредѣленностью словъ, нѣтъ ничего новаго; мы указывали на нее уже много лѣтъ тому назадъ [1]). „Старыя рамки"—говорили мы тогда—„оказываются недостаточными, старыя клички теряютъ свой смыслъ. Было время, когда *политика*, въ тѣсномъ значеніи слова, исчерпывала все содержаніе государственной жизни, когда экономическій строй общества былъ предоставляемъ на произволъ судьбы, а немногіе критики его безапелляціонно относимы къ числу утопистовъ. Теперь положеніе дѣлъ измѣнилось: программа партіи, группы, даже отдѣльнаго лица, претендующаго на цѣльное міросозерцаніе, должна заключать въ себѣ отвѣтъ не на одни только политическіе вопросы. Понятно, что разобраться среди такихъ программъ гораздо труднѣе, чѣмъ среди прежнихъ, сравнительно несложныхъ. Такихъ названій, которыя соотвѣтствовали бы всѣмъ новымъ оттѣнкамъ и комбинаціямъ мнѣній, еще не придумано—или, по

[1]) См. Общественную Хронику въ № 3 „Вѣстника Европы" за 1882 годъ.

крайней мѣрѣ, они еще не вошли во всеобщее употребленіе. Въ ожиданіи соглашенія по этому предмету, необходима величайшая осторожность въ употребленіи устарѣлыхъ терминовъ, необходима классификація общественныхъ группъ не по одному, случайно выхваченному признаку, а по совокупности ихъ задачъ и стремленій". Оставаясь вѣрными этому взгляду, мы думаемъ, что объявлять либерализмъ похороненнымъ не слѣдуетъ ни тѣмъ, кто оплакиваетъ его преждевременную кончину, ни тѣмъ, кто готовъ воскликнуть: „туда ему и дорога!" — не слѣдуетъ потому, что умереть можетъ только замкнутая въ себѣ доктрина, а не *стремленіе*, коренящееся въ глубинѣ человѣческой природы.

Продолжая выискивать и выслѣживать мысли, не укладывающіяся въ реакціонную программу, газеты извѣстнаго оттѣнка не отступаютъ передъ выходками, менѣе всего умѣстными именно въ печати. Именно печать, сколько-нибудь уважающая свое достоинство и свое призваніе, должна сознавать, что раны, наносимыя печатнымъ словомъ (если у насъ мыслимы такія раны), имъ же, и имъ лишь однимъ, и могутъ быть исцѣляемы; именно печати неприлично взывать къ посторонней власти и ожидать отъ нея не только мѣръ пресѣченія, но и мѣръ предупрежденія... мнимыхъ опасностей. Это элементарнѣйшее правило профессіональной чести давно забыто „Московскими Вѣдомостями". Во многихъ земскихъ губерніяхъ существуютъ періодическія изданія, основанныя губернскимъ земствомъ и редактируемыя губернскою земскою управою; назовемъ, для примѣра, губерніи новгородскую, псковскую, саратовскую, херсонскую, полтавскую. Ихъ примѣру рѣшилось послѣдовать с.-петербургское губернское земство; въ послѣдней очередной своей сессіи губернское собраніе постановило издавать—если на то будетъ получено надлежащее разрѣшеніе—„С.-Петербургскій Земскій Вѣстникъ". Въ московской газетѣ появляется по этому поводу, въ видѣ корреспонденціи „съ береговъ Невы", разговоръ двухъ пріятелей, изъ котораго мы заимствуемъ слѣдующія характерныя мѣста: „я о газетѣ, какой у насъ еще нѣтъ... Заглавію только не вѣрьте, читайте программу... Обратите вниманіе на отдѣлъ третій; тутъ именно, по нѣмецкой пословицѣ, *зарыта собака* (содержаніе третьяго отдѣла—*дѣятельность земствъ и городовъ другихъ губерній*)... Понимаете теперь—общеземскій и даже городской, такъ сказать, объединяющій органъ? Очевидно, наши передовые земцы продолжаютъ лелѣять мечту и дѣлать попытки къ объединенію дѣятельности земствъ и созданію всероссійскаго земства. Авось на этотъ разъ и подъ этимъ соусомъ выгоритъ?"... Еслибы мы имѣли дѣло съ добросовѣстнымъ противникомъ, мы изложили бы исто-

рію „С.-Петербургскаго Земскаго Вѣстника", ясно свидѣтельствующую объ отсутствіи у петербургскаго земства какихъ бы то ни было „зарытыхъ собакъ" и заднихъ мыслей; но для нашей цѣли достаточно указать на степень правдивости аргументовъ, пущенныхъ въ ходъ газетнымъ сыскомъ. Невѣрно, во-первыхъ, что такой газеты, какъ „С.-Петербургскій Земскій Вѣстникъ", у насъ нѣтъ; земскихъ періодическихъ изданій много, и отъ нихъ ничѣмъ не отличается то, которое задумано с.-петербургскимъ земствомъ. Невѣрно, во-вторыхъ, чтобы чѣмъ-то новымъ представлялся отдѣлъ, отъ котораго пришли въ ужасъ „пріятели" съ береговъ Невы; точно такой же отдѣлъ имѣется, напримѣръ, въ выходящемъ съ 1899 г. „Вѣстникѣ Новгородскаго Земства" („Хроника дѣятельности земствъ и городовъ другихъ губерній"). Съ паденіемъ этихъ двухъ устоевъ извѣта падаетъ и весь извѣтъ, и намъ нѣтъ надобности разбирать вопросъ о томъ, есть ли что-нибудь общее между основаніемъ скромной, маленькой земской газеты и—„попыткой создать всероссійское земство"...

Выше, во „Внутреннемъ Обозрѣніи", указаны мѣстности, несущія на себѣ тяжелыя послѣдствія прошлогодняго неурожая. Къ числу наиболѣе пострадавшихъ принадлежитъ балтскій уѣздъ подольской губерніи. Вотъ что̀ пишетъ, 3-го февраля, одинъ изъ священниковъ этого уѣзда: „по рѣкѣ Кодымѣ тянется рядъ поселеній, которыя на одномъ берегу принадлежатъ къ херсонской губерніи, имѣющей земскія учрежденія, а на другомъ—къ подольской, не имѣющей ихъ. Въ с. Гольмѣ и другихъ прикодымскихъ селеніяхъ херсонскаго берега многихъ голодающихъ поддержали, а можетъ быть многимъ и жизнь спасли. На херсонской сторонѣ, по почину частныхъ лицъ и комитетовъ Краснаго Креста, заведены по селамъ безплатныя столовыя для безземельныхъ и крайне бѣдныхъ людей, а землевладѣльцамъ-крестьянамъ даютъ ссуду зерномъ и деньгами. Сыпной тифъ началъ-было распространяться, но надѣются, что и эту бѣду одолѣютъ. А вотъ наши-то прикодымскіе поселяне несчастнѣе херсонцевъ: у тѣхъ и топливо почти-что даровое изъ казенныхъ лѣсныхъ дачъ, а наши бѣдные терпятъ и холодъ, и голодъ, и нѣтъ помогающаго. Я знаю въ здѣшнемъ приходѣ по крайней мѣрѣ до 15 семействъ, около 100 душъ такихъ несчастныхъ; ихъ не узнать, это однѣ тѣни, а не люди, такъ отощали, бѣдные. Сколько ни подаютъ прошеній, а по сіе время еще не истребовали имъ ихъ собственный продовольственный капиталъ, хранящійся въ кіевскомъ банкѣ. Но вышеупомянутымъ несчастнымъ едва ли что̀ достанется изъ этого капитала,—они не имѣютъ права на участіе въ немъ: это бѣдные пришлые, вдовы съ

дѣтьми, мѣстные цыгане и евреи. Я пробовалъ помѣстить нѣсколько душъ въ столовую на херсонской сторонѣ, но мнѣ тамъ отказали. Жаль смотрѣть на эти истощенныя фигуры женщинъ съ грудными дѣтьми въ холодной хатѣ, полуразобранной на топливо. Наша школа разстроилась въ этомъ году: изъ 116 мальчиковъ, бывшихъ въ ней до 22 декабря, ее посѣщаютъ теперь только 60, а изъ 60 дѣвочекъ только 30. На херсонской сторонѣ даютъ школьнымъ дѣтямъ безплатно чай, а у насъ ничего подобнаго нѣтъ. Приходится выслушивать народные упреки, что на той сторонѣ иные порядки". Ошибочно было бы думать, однако, что на „херсонской сторонѣ" все обстоитъ благополучно. Судя по письмамъ изъ ананьевскаго уѣзда, суммы, отпускаемыя на столовыя (по 4 к. на человѣка въ день, при чемъ каждый долженъ получить порцію борща и каши и 1½ ф. хлѣба), оказываются недостаточными; „приходится прибѣгать къ частной благотворительности, а она развита слабо. Нѣмцы-колонисты болѣе отзывчивы на доброе дѣло, чѣмъ многіе помѣщики-дворяне"... Не хватаетъ и столовыхъ: въ нѣкоторыхъ селеніяхъ (напр. Ясиновѣ и Гвоздовкѣ) „старики и старухи, калѣки и дѣти школьнаго возраста питались (въ половинѣ января) однимъ картофелемъ и сидѣли въ нетопленыхъ хатахъ; топлива не на что купить; все, что можно было продать, уже продано... Ужасное впечатлѣніе производятъ евреи въ с. Ясиновѣ и Любашевкѣ: они ходятъ цѣлыми толпами, худые, голодные и оборванные, и просятъ по мѣстечку помощи у своихъ же единовѣрцевъ. Здѣсь нѣтъ средствъ для помощи евреямъ, и ихъ направляютъ къ губернатору. Въ урожайные годы они занимаются мелкою торговлею; теперь, въ виду двухлѣтняго неурожая, они окончательно разорились. Если у кого даже и есть мелкая торговля, то и та въ застоѣ, такъ какъ покупателей-крестьянъ нѣтъ. Одесскій комитетъ по оказанію помощи евреямъ закрылся за отсутствіемъ средствъ". По позднѣйшимъ свѣдѣніямъ, „для евреевъ собрали въ Одессѣ 250 рублей, на которые закупается мука; она хоть немного поддержитъ несчастныхъ". Намъ указаны слѣдующія лица, къ которымъ можетъ быть направляема помощь для голодающихъ: въ балтскомъ уѣздѣ—настоятель церкви села Ясинова, отецъ Трофимъ (адресъ—гор. Балта, с. Ясиново); въ ананьевскомъ уѣздѣ—земскій начальникъ Иванъ Васильевичъ Новицкій (адресъ—станція юго-западныхъ жел. дорогъ Любашевка). Для голодающихъ въ Сибири принимаютъ пожертвованія: въ Омскѣ—омское медицинское общество, въ Томскѣ—редакція газеты „Сибирская Жизнь", въ Иркутскѣ—редакція газеты „Восточное Обозрѣніе".

Вячеславъ Авксентьевичъ Манассеинъ, скончавшійся 13-го февраля, принадлежалъ къ числу тѣхъ людей, на долю которыхъ справедливая оцѣнка выпадаетъ только послѣ смерти. Медицинскому міру хорошо были извѣстны его выдающіяся заслуги, какъ профессора и редактора лучшей медицинской газеты; среди петербургскихъ литераторовъ многіе знали самоотверженную дѣятельность В. А., какъ члена и предсѣдателя литературнаго фонда; но только у его гроба можно было убѣдиться въ томъ, какъ дорогъ онъ былъ для множества людей, испытавшихъ на себѣ его безконечную доброту, его безпредѣльную готовность облегчать чужое горе. Похороны В. А., простыя и скромныя какъ онъ самъ, производили глубокое впечатлѣніе: въ громадной толпѣ, слѣдовавшей за его тѣломъ, не было никого, кто не чувствовалъ бы глубоко всю тяжесть понесенной потери. Не было фальшивыхъ нотъ и въ отзывахъ печати, органы которой, безъ различія направленій, почтили по заслугамъ память покойнаго. А между тѣмъ у В. А. были очень опредѣленныя симпатіи и антипатіи; меньше всего ему было свойственно равнодушное отношеніе къ борьбѣ, кипѣвшей вокругъ него. Всѣ чувствовали, однако, что въ мотивахъ, заставлявшихъ В. А. становиться на ту или другую сторону, нѣтъ ничего личнаго, мелкаго, случайнаго; всѣ знали, что ему могутъ быть ненавистны только стремленія, но не люди. Это сказалось въ единодушномъ сожалѣніи, вызванномъ вѣстью о его кончинѣ. Имя В. А. Манассеина надолго останется символомъ идеальной чистоты, глубокой и безкорыстной преданности научному и общественному служенію...

ИЗВѢЩЕНІЯ

О пожертвованіяхъ на памятникъ поэту И. С. Никитину.

21-го сентября 1899 года, г. Воронежъ праздновалъ 75-ти-лѣтнюю годовщину со дня рожденія воронежскаго гражданина и поэта И. С. Никитина. Между другими способами увѣковѣченія его памяти въ послѣдующихъ поколѣніяхъ, Воронежской Городской Думой было намѣчено также сооруженіе памятника поэту въ родномъ его городѣ, гдѣ онъ провелъ всю свою жизнь.

По ходатайству Воронежской Городской Думы, Государю Императору, въ 21-й день января сего 1900 года, было благоугодно Всемилостивѣйше разрѣшить повсемѣстный по всей Имперіи сборъ пожертвованій на устройство памятника поэту И. С. Никитину въ г. Воронежѣ.

Воронежская Городская Управа, доводя объ этомъ до всеобщаго свѣдѣнія, обращается ко всѣмъ почитателямъ родной поэзіи съ просьбой препровождать свои пожертвованія для указанной цѣли въ г. Воронежъ, въ Воронежскую Городскую Управу.

ПОПРАВКА.

Въ февральской книгѣ, стр. 789, замѣчена неправильная перестановка въ одномъ изъ стиховъ, а именно,—напечатано: „посылающій дому – прости!..“ вмѣсто: „прости посылающій дому!“

Издатель и отвѣтственный редакторъ: М. Стасюлевичъ

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ.

Полное собраніе сочиненій А. Н. Майкова, исправленное и дополненное, съ двумя портретами автора. Въ четырехъ томахъ. Изданіе Ф. Маркса. Спб. 901. Ц. 4 р.

Новое изданіе сочиненій А. Н. Майкова, по счету седьмое, весьма значительно дополнено—цѣлымъ томомъ — четвертымъ; въ него вошли, какъ то видно изъ предисловія, тѣ произведенія поэта, которыя при его жизни появлялись въ журналахъ или входили въ первоначальныя изданія, или издавались особыми сборниками, но въ то же время были исключены изъ позднѣйшаго собранія сочиненій А. Н. Майкова — самимъ поэтомъ. По мнѣнію издателя, всѣ такія произведенія вновь возвращаются нынѣ, „потому что они представляютъ цѣнный матеріалъ для исторіи развитія творческой дѣятельности поэта и вмѣстѣ съ тѣмъ являются свидѣтельствомъ той строгой критической оцѣнки, съ которою покойный А. Н. Майковъ относился къ своимъ произведеніямъ“. Во всякомъ случаѣ, хорошо уже и то, что всѣ подобныя произведенія, какъ бы исключенныя самимъ поэтомъ, не смѣшаны съ другими, которыя были допущены въ собраніе его сочиненій изъ самихъ, и такимъ образомъ вкусъ его до нѣкоторой степени сохраняетъ свою силу.

Жизнь и труды М. Погодина. Николай Барсуковъ. Книга XV. Спб. 901. Ц. 2 руб. 50 к.

Неутомимый біографъ Погодина издалъ новый томъ, обнимающій собою хотя весьма небольшой, но столь же интересный періодъ времени, съ апрѣля 1856 года до половины января 1858 года — времени подготовленія къ уничтоженію крѣпостного права; уже въ это время назрѣлъ въ обществѣ сильное броженіе, приготовлявшее издалека 19-ое февраля 1861 года. Настоящій выпускъ кончается описаніемъ обѣда 17 января 1858 г., бывшаго тогда извѣстнымъ подъ именемъ „Кокоревскаго“, съ рѣчами на тему объ освобожденіи крестьянъ и съ предположеніемъ устроить такой же обѣдъ 19 февраля, въ день восшествія на престолъ имп. Александра II. Все это вызвало любопытную оффиціальную переписку, которою и заключается настоящій выпускъ.

Трудовая помощь въ губерніяхъ казанской, вятской и симбирской, съ Всемилостивѣйшаго соизволенія Государыни Императрицы Александры Ѳеодоровны, оказанная, въ 1899 г., Попечительствомъ о домахъ трудолюбія и работныхъ домахъ. Отчетъ уполномоченнаго. Спб. 901. Ц. 2 р.

Отчетъ по трудовой помощи, оказанной, въ 1899 г., въ трехъ губерніяхъ, пострадавшихъ отъ неурожая, представляетъ собою весьма любопытный и всесторонній опытъ замѣны помощи хлѣбомъ-насущнымъ—помощью трудомъ; такая помощь, помимо достиженія прямой своей цѣли, можетъ, кромѣ того, улучшить, благодаря вызваннымъ работамъ, мѣстныя условія жизни и въ будущемъ облегчить хозяйство, — таково значеніе дорожныхъ земляныхъ работъ. Но авторъ отчета пришелъ, однако, къ заключенію, что одной трудовой помощи недостаточно; необходимо одновременное, совокупное дѣйствіе всѣхъ четырехъ сторонъ: министерства внутреннихъ дѣлъ—по отпуску хлѣба; самого пострадавшаго—по организаціи трудовой помощи способнымъ къ труду; общества Краснаго Креста—для медицинской помощи, и, наконецъ, частной благотворительности, которая, конечно, должна быть всячески поощряема и вызываема, безъ всякихъ формальныхъ стѣсненій.

С. Булгаковъ. Капитализмъ и земледѣліе. Т. I-II. Стр. 338+458. Спб., 1900. Ц. 5 р.

Этотъ обширный и весьма содержательный трактатъ представляетъ—какъ говоритъ авторъ въ предисловіи—„опытъ теоріи аграрнаго развитія въ связи съ общимъ развитіемъ капиталистическаго хозяйства“. Но изъ всего содержанія книги вытекаетъ тотъ заключительный выводъ, что никакой общей „теоріи аграрнаго развитія“ нѣтъ и быть не можетъ. Существуетъ лишь „единственный, заслуживающій вниманія діагнозъ и прогнозъ относительно капиталистическаго хозяйства“, но и тотъ никуда не годится. Научныя предсказанія и обобщенія Маркса, по словамъ г. Булгакова, „принадлежатъ къ числу такихъ же осмѣянныхъ исторіей близорукостей, какими были старанія попытки заглянуть въ будущее, напр. Фурье и т. п.“... „Ошибка Маркса—заключаетъ авторъ въ концѣ книги—да послужитъ намъ предостереженіемъ... Онъ считалъ возможнымъ жёрить и предопредѣлять будущее по прошлому и настоящему, между тѣмъ какъ каждая эпоха приноситъ новые факты и новыя силы историческаго развитія... Поэтому, что касается предсказаній на будущее, то честное ignoramus мы предпочитаемъ соціальному знахарству или шарлатанству“. Въ силу принципа, что „savoir c'est prévoir“, можно сказать, что безъ возможности предсказаній нѣтъ науки и нѣтъ теоріи. Отрицательный выводъ г. Булгакова получился лишь оттого, что во всѣхъ своихъ теоретическихъ разсужденіяхъ онъ неизмѣнно исходитъ отъ Маркса и возвращается къ Марксу: усомнившись въ Марксѣ, онъ какъ будто лишился почвы и потерялъ вѣру въ научныя доктрины вообще. Независимо отъ этой основной ошибки, книга г. Булгакова, хотя и не даетъ общей „теоріи аграрнаго развитія“, представляетъ, однако, большой интересъ по богатству литературныхъ и фактическихъ данныхъ о поземельной рентѣ, объ исторіи земледѣлія въ Англіи, Германіи, Франціи, Ирландіи и Сѣверной Америкѣ.

Сочиненія Кальдерона. Переводъ съ испанскаго К. Д. Бальмонта. Вып. I. Чистилище св. Патрика. Съ приложеніемъ поясни тельныхъ статей К. Бальмонта и Лео Руана. М. 900. Стр. CXLII+150. Ц. 90 к.

Въ первомъ выпускѣ предпринятаго г. Бальмонтомъ изданія помѣщена одна изъ наиболѣе характерныхъ драмъ Кальдерона, отражающая въ себѣ всѣ типическія черты, достоинства и недостатки его творчества, — „Чистилище св. Патрика“. Въ пояснительной статьѣ Руана сообщаются историко-литературныя свѣдѣнія о легендѣ, послужившей сюжетомъ драмы, а вступительный очеркъ г. Бальмонта содержитъ въ себѣ общій обзоръ поэзіи Кальдерона, съ краткою ея оцѣнкою. Переводъ весьма удачно передаетъ приподнятый тонъ подлинника.

ОБЪЯВЛЕНІЕ О ПОДПИСКѢ
въ 1901 г.
(Тридцать-шестой годъ)

„ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ"

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ ИСТОРІИ, ПОЛИТИКИ, ЛИТЕРАТУРЫ,

выходитъ въ первыхъ числахъ каждаго мѣсяца, 12 книгъ въ годъ, отъ 28 до 30 листовъ обыкновеннаго журнальнаго формата.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА.

	На годъ:	По полугодіямъ: Январь	Іюль	По четвертямъ года: Январь	Апрѣль	Іюль	Октябрь
Безъ доставки, въ Конторѣ журнала	15 р. 50 к.	7 р. 75 к.	7 р. 75 к.	3 р. 90 к.	3 р. 90 к.	3 р. 90 к.	3 р. [illegible]
Въ Петербургѣ, съ доставкою	16 „ — „	8 „ — „	8 „ — „	4 „ — „	4 „ — „	4 „ — „	4 „ — „
Въ Москвѣ и друг. городахъ, съ перес.	17 „ — „	9 „ — „	8 „ — „	5 „ — „	4 „ — „	4 „ — „	4 „ — „
За границей, въ госуд. почтов. союза	19 „ — „	10 „ — „	9 „ — „	5 „ — „	5 „ — „	5 „ — „	4 „ — „

Отдѣльная книга журнала, съ доставкою и пересылкою — **1 р. 50 к.**

Примѣчаніе. — Вмѣсто разсрочки годовой подписки на журналъ, подписка по полугодіямъ: въ январѣ и іюлѣ, и по четвертямъ года: въ январѣ апрѣлѣ, іюлѣ и октябрѣ, принимается — **безъ повышенія годовой цѣны подписки.**

Книжные магазины, при годовой и полугодовой подпискѣ, пользуются обычною уступкою.

ПОДПИСКА

принимается на годъ, полугодіе и четверть года:

ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ:

— въ Конторѣ журнала, В. О., 5 л., 28;
— въ отдѣленіяхъ Конторы: при книжныхъ магазинахъ К. Риккера, Невск. просп., 14; А. Ф. Цинзерлинга, Невскій пр., 20.

ВЪ КІЕВѢ:

— въ книжн. магаз. Н. Я. Оглоблина, Крещатикъ, 33.

ВЪ МОСКВѢ:

— въ книжномъ магазинѣ Н. П. Карбасникова, на Моховой, и въ Конторѣ Н. Печковской, въ Петровскихъ линіяхъ.

ВЪ ОДЕССѢ:

— въ книжн. магаз. „Образованіе", Ришельевская, 12.

ВЪ ВАРШАВѢ:

— въ книжн. магаз. „С.-Петербургскій Книжн. Складъ" Н. П. Карбасникова.

Примѣчаніе. — 1) *Почтовый адресъ* долженъ заключать въ себѣ: имя, отчество, фамилію, съ точнымъ обозначеніемъ губерніи, уѣзда и мѣстожительства, и съ названіемъ ближайшаго къ нему почтоваго учрежденія, гдѣ (NB) *допускается* выдача журналовъ, если нѣтъ такого учрежденія въ самомъ мѣстожительствѣ подписчика. — 2) *Перемѣна адреса* должна быть сообщена Конторѣ журнала своевременно, съ указаніемъ прежняго адреса, при чемъ городскіе подписчики, переходя въ иногородные, доплачиваютъ 1 руб., и иногородные, переходя въ городскіе — 40 коп. — 3) *Жалобы* на неисправность доставки доставляются исключительно въ Редакцію журнала, если подписка была сдѣлана въ вышепоименованныхъ мѣстахъ и, согласно объявленію Почтоваго Департамента, *не позже* какъ по полученіи слѣдующей книги журнала. — 4) *Вѣдомости* на полученіе журнала высылаются Конторою только тѣмъ изъ иногородныхъ или иностранныхъ подписчиковъ, которые приложатъ къ подписной суммѣ 14 коп. почтовыми марками.

Издатель и отвѣтственный редакторъ **М. М. Стасюлевичъ.**

РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ": Спб., Галерная, 20.

ГЛАВНАЯ КОНТОРА ЖУРНАЛА: Вас. Остр., 5 л., 28.

ЭКСПЕДИЦІЯ ЖУРНАЛА:

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ

ЖУРНАЛЪ

ИСТОРІИ-ПОЛИТИКИ

ЛИТЕРАТУРЫ.

ТРИДЦАТЬ-ШЕСТОЙ ГОДЪ.—КНИГА 4-я.

АПРѢЛЬ, 1901.

ПЕТЕРБУРГЪ.

ИСТОРІЯ, БІОГРАФІЯ, ЖЕНЗАРЫ, ПЕРЕПИСКА, ПУТЕШЕСТВІЯ, ПОЛЕМИКА, ФИЛОСОФІЯ, ЛИТЕРАТУРА, ИСКУССТВО.

КНИГА 4-я. — АПРѢЛЬ, 1901.

I.—БОРЬБА ЗА ЕДИНСТВО ВѢРЫ въ IV-мъ вѣкѣ.—Торжество принципа ну[illegible] нужденія въ вѣрѣ.—**В. И. Герье** . . . . . .

II.—СЕМЬЯ ВАРАВИНЫХЪ.—Романъ.—I-V.—**В. Я. Свѣтлова.** . . . . . .

III.—ДРУЖБА ЖУКОВСКАГО СЪ ПЕРОВСКИМЪ.—1820-1852 гг.—**Ив. [illegible]харьина (Якунина).** . . . . . .

IV.—КРУЖОКЪ „КРУГЛОЙ БАШНИ“.—1877-78 гг.—Окончаніе.—Изъ воспоминаній **В. Д. Хрущовой** . . . . . .

V.—ТРИ ДОРОГИ.—Романъ.—Часть вторая: I-XIV.—**Н. П. Вагнера.** . . . . . .

VI.—БАЙРОНЪ ВЪ ВЕНЕЦІИ.—1806-1819.—**Алексѣя Веселовскаго** . . . . . .

VII.—ИЗЪ СОВРЕМЕННЫХЪ ИТАЛЬЯНСКИХЪ ПОЭТОВЪ.—II. Лоренцо Стеккетти.—III. Барбаро ди Санъ-Джорджіо.—IV. Марія-Алинда Боначчи-Брунамонти.—Перев. **П. О. Морозова** . . . . . .

VIII.—„СТУДЕНЧЕСКІЙ СОЮЗЪ“ въ Даніи.—**П. Ганзена** . . . . . .

IX.—ТАЙНА СМЕРТИ.—Стих. **П. С. Соловьевой.** . . . . . .

X.—РАБЫНЯ.—Романъ.—The slave, by R. Hichens.—I-VI.—**П. С.** . . . . . .

XI.—ПРОМЫШЛЕННЫЕ УСПѢХИ ГЕРМАНІИ.—I-IV.—**В. В.** . . . . . .

XII.—ВЛЕЧЕНЬЕ КЪ ВЫСОТѢ.—Стихотвореніе.—**А. М. Жемчужникова** . . .

XIII.—ХРОНИКА.—ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.—Кончина Н. П. Боголѣпова.—Правительственныя сообщенія и распоряженія.—Московскій агрономическій съѣздъ; его отношеніе къ общественной самодѣятельности, къ административной регламентаціи и къ взаимодѣйствію губернскихъ и уѣздныхъ земскихъ учрежденій.—Московскій съѣздъ дѣятелей по народному образованію и проектъ наказа училищнымъ совѣтамъ.—Общій характеръ постановленій съѣзда и возбуждаемыя ими надежды.—Возможность введенія суда присяжныхъ въ Туркестанѣ . . . . . .

XIV.—ИЗЪ ПЕНЗЕНСКОЙ ГУБЕРНІИ.—Письмо въ Редакцію.—**Кн. Дм. Друцкого-Сокольницкаго.** . . . . . .

XV.—ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.—Пререканія по поводу Китая.—Англійскія разсужденія о казняхъ и о русскомъ коварствѣ.—Дипломатическія ошибки и ихъ послѣдствія.—Манчжурскій вопросъ.—Англо-русскій споръ въ Тянь-Цзинѣ.—Несчастный случай съ имп. Вильгельмомъ II. . . . . .

XVI.—ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.—Путешествіе антіохійскаго патріарха Макарія въ Россію, въ половинѣ XVII вѣка. Перев. съ арабскаго Г. Мурноса.—**А. П.**—Чехи—апостолы варварства, д-ра І. Пекаря.—Значеніе драмы „Бургграфъ“ для германизаціи средней Европы.—Сочиненія гр. П. И. Капниста, въ двухъ томахъ.—**Т.**—Русскія народныя картинки, собралъ и описалъ Д. Ровинскій.—**А. П.**—Новыя книги и брошюры . . . . . .

XVII.—НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.—I. Poètes d'aujourd'hui, par Ad. v. Bever et P. Léautaud.—II. Nachwuchs. Roman, v. Am. Skram.—**З. В.** . . . . . .

XVIII.—ИЗЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ХРОНИКИ.—Прожектерство реакціонной печати.—Нужна ли централизація высшаго образованія?—Нужны ли мѣры противъ переполненія университетовъ, и существуетъ ли такое переполненіе?—Смѣсь правды и неправды въ „Гражданинѣ“.—Еще о московскомъ съѣздѣ дѣятелей по народному образованію.—Сложеніе предостереженій.—Значеніе провинціальной печати.—Ходатайство старообрядцевъ. . . . . .

XIX.—ИЗВѢЩЕНІЯ.—I. Отъ Общества попеченія о бѣдныхъ и больныхъ дѣтяхъ, состоящаго подъ Августѣйшимъ Покровительствомъ Ея Императорскаго Высочества Великой Княгини Елисаветы Маврикіевны.—II. О пожертвованіяхъ на памятникъ поэту И. С. Никитину. . . . . .

XX.—БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ.—Левъ Бертенсонъ, Лечебныя воды, грязи и морскія купанья въ Россіи и за-границей.—Л. Е. Оболенскій, Исторія мысли.—П. Х. Шванебахъ, Денежное преобразованіе и народное хозяйство.—Въ голодные годы, записки и статьи Л. Л. Толстого.—Стихотворенія А. М. Жемчужникова.—А. Мордтманъ, Сказочный островъ Цикангу. Съ нѣм. Э. Гранстремъ.

XXI.—ОБЪЯВЛЕНІЯ.—I-IV; I-XII стр.

Подписка на годъ, полугодіе и вторую четверть 1901 года.
(См. условія подписки на послѣдней страницѣ обертки.)

APR 25 1901

БОРЬБА

ЗА

ЕДИНСТВО ВѢРЫ

ВЪ IV-МЪ ВѢКѢ.

ТОРЖЕСТВО ПРИНЦИПА ПРИНУЖДЕНІЯ ВЪ ВѢРѢ [1]).

I.

Сокрушившіе донатизмъ—законы императора Гонорія оставили послѣ себя кровавый слѣдъ не въ одной римской Африкѣ, и на пространствѣ цѣлаго ряда вѣковъ; они были не только *проявленіемъ* принципа принужденія въ дѣлахъ вѣры, но и надолго обезпечили торжество этого принципа обращеніемъ къ нему одного изъ величайшихъ учителей церкви, авторитетомъ котораго руководились многія поколѣнія. Августинъ, какъ мы видѣли, и прежде защищалъ отъ укоровъ донатистовъ направленныя противъ нихъ кары, но онъ не одобрялъ этихъ каръ. Онъ, не обинуясь, высказывалъ, что въ глазахъ истинныхъ послѣдователей Христа гоненія за вѣру являются дѣломъ людей слабой вѣры. Е посредственное дѣйствіе законовъ Гонорія, страхъ, который о шали, побуждая многихъ донатистовъ, хотя и внѣшнимъ о ъ, присоединиться къ церкви — произвели переломъ въ д Августина. Онъ самъ чистосердечно признался въ этомъ.

[1]) Выше: мартъ, 39 стр.

„Первоначальною моей мыслью было,—пишетъ онъ,—что никого не слѣдуетъ принуждать къ общенію съ Христомъ; надо дѣйствовать словомъ, бороться доводами, побѣждать вразумленіемъ. Но эта моя теорія была опровергнута не рѣчами тѣхъ, кто ее оспаривали, а приведенными ими примѣрами. Прежде всего мнѣ указали мой родной городъ (Теластэ), который стоялъ всецѣло на сторонѣ Доната и былъ обращенъ въ каѳолическое единство страхомъ императорскихъ законовъ. Затѣмъ были приведены въ примѣръ и многіе другіе города, такъ что я долженъ былъ признать на самомъ дѣлѣ и въ этомъ случаѣ справедливость словъ Писанія: „Дай мудрому случай, и онъ станетъ мудрѣе“; ибо какъ много было такихъ, которые уже желали, я навѣрное знаю, сдѣлаться православными, убѣжденные явной истиной, но все откладывали свое обращеніе, совѣстясь оскорбить своихъ! Какъ многихъ удерживала не истина, которой вы (письмо обращено къ донатисту) никогда не обладали, но тяжелыя оковы закоренѣлой привычки! Какъ многіе считали секту Доната истинной церковью, потому что безопасность поддерживала въ нихъ неохоту и лѣнь познать каѳолическую истину! Какъ многимъ мѣшали войти въ церковь злословіе, распускавшее вздорныя сплетни о томъ, что̀ мы ставили на алтарь Господній. Какъ многіе, полагая, что безразлично, какой бы партіи ни держался христіанинъ, оставались на сторонѣ Доната, потому что принадлежали къ ней по рожденію и потому только, что никто не принуждалъ ихъ уйти оттуда и перейти къ каѳоликамъ“... „Всѣмъ этимъ людямъ страхъ передъ законами, обнародованіемъ которыхъ цари служатъ Господу въ страхѣ, оказалъ такую пользу, что одни изъ нихъ теперь говорятъ:—мы сами этого желали, но слава Богу за то, что онъ послалъ намъ поводъ поскорѣе это сдѣлать и отнялъ возможность проволочки. Другіе говорятъ: —мы уже знали, гдѣ истина, но насъ удерживала какая-то привычка; слава Богу за то, что онъ порвалъ наши цѣпи и надѣлъ на насъ оковы мира. Третьи говорятъ:—мы не знали, что это истина, и знать не хотѣли; но мы стали внимательнѣе къ познанію ея изъ опасенія подвергнуться ущербу въ земныхъ дѣлахъ безъ всякой выгоды въ благахъ вѣчныхъ; слава Богу за то, что онъ поразилъ наше небреженіе жаломъ страха, такъ что въ тревогѣ мы стали искать того, чего, живя въ безопасности, никогда знать не хотѣли. Иные говорятъ:—намъ ложные слухи мѣшали войти, и мы никогда бы не познали, что они ложны, еслибы не вошли въ церковь; и мы бы не вошли, еслибы насъ къ этому не принудили; слава Господу за то, что онъ бичомъ

изгналъ наше колебаніе и научилъ насъ на опытѣ тому, какъ много вздорнаго и пустого распространила ложная молва о его церкви; иные говорятъ:—мы думали, что все равно, какой держаться вѣры Христовой—но слава Господу за то, что онъ вывелъ насъ изъ разъединенія и показалъ, что единому Богу слѣдуетъ поклоняться въ единой вѣрѣ. Что же, неужели мнѣ, противодѣйствуя этимъ Господнимъ выгодамъ—противорѣчить и противиться товарищамъ моимъ,—восклицаетъ Августинъ,—ради того, чтобы съ вашихъ горъ и холмовъ, т.-е. съ высотъ вашей гордыни, заблудшія овцы Христовы не были собраны въ овчарни мира, „гдѣ единое стадо и единъ пастырь“? Для того ли мнѣ противорѣчить этому распоряженію, чтобы вы не утратили того, что считаете *своимъ* имуществомъ, и въ безопасности изгоняли Христа? чтобы вы сохранили возможность составлять завѣщанія по римскому праву, а въ божественномъ правѣ созданный отцами завѣтъ нарушали исполненными клеветы обвиненіями? чтобы вы сохранили свободу составлять договоры по куплѣ, продажѣ, и дерзали раздѣлять между собою то, что Христосъ купилъ, будучи самъ проданъ; чтобы дареніе каждаго изъ васъ сохранило силу, а то, что даровалъ „Господь боговъ“ сынамъ своимъ, призваннымъ съ востока солнца и съ запада, утратило силу; чтобы васъ не высылали въ изгнаніе изъ земли вашей по плоти, а вы пытались изгнать Христа изъ царства крови его, отъ моря до моря и отъ рѣки до предѣловъ земного круга (Пс. 71, 8)? Нѣтъ, пусть цари земли служатъ Христу, издавая законы въ пользу Христа“.

Нужно перенестись въ историческія условія той эпохи, чтобы отнестись справедливо къ психическому настроенію великаго учителя церкви. Познаніе единаго Бога было великимъ результатомъ, къ которому стремилась античная культура и который она получила въ христіанствѣ. Величію единаго Бога соотвѣтствовало единство богослуженія—единая церковь. Эта формула, выведенная Августиномъ, была неотразимымъ выводомъ изъ идеи единаго Божества. Съ какой силой должна была она овладѣть его пламенной душой и умомъ, склоннымъ къ всеобъемлющимъ построеніямъ! И съ какой убѣдительной реальностью представлялась эта отвлеченная идея въ началѣ V-го вѣка, когда единая церковь на самомъ дѣлѣ господствовала въ единомъ государствѣ, охватившемъ „весь кругъ земной“ отъ столбовъ Геркулеса до Евфрата, отъ равнинъ Сахары до холмовъ Шотландіи! И этому единству мѣшала, казалось, лишь кучка донатистовъ, таявшая у него на глазахъ. Какое же значеніе могло имѣть въ виду вели-

каго блага единства лишеніе этой кучки людей благодѣяній гражданскаго права—ради ихъ же вѣчнаго блага?

И Августинъ подъ этимъ впечатлѣніемъ совершилъ роковой шагъ и отрекся отъ святого христіанскаго принципа: „никого не слѣдуетъ принуждать къ единенію съ Христомъ“, имъ прежде усвоеннаго и такъ мѣтко выраженнаго. Измѣнивъ свою точку зрѣнія, Августинъ принесъ на службу новой истинѣ свою страсть, свое звучное краснорѣчіе, свою неотразимую діалектику, свое знаніе Св. Писанія и—нужно прибавить—всѣ замашки тогдашнихъ риторическихъ школъ, всѣ недостатки наивной несвѣдущей экзегетики того времени. И полились въ его посланіяхъ и трактатахъ, для оправданія насилія въ дѣлахъ вѣры, тексты и доводы, которыми по-своему стало пользоваться средневѣковое невѣжество и іерархическій фанатизмъ, забывъ о чистой душѣ того, кого они признавали своимъ руководителемъ и авторитетомъ. Не безъ колебаній, впрочемъ, совершился въ Августинѣ этотъ переломъ. Еще въ 406 г., защищая противъ Кресконія законы Гонорія и сославшись на примѣръ царя Навуходоносора, воспретившаго строгимъ закономъ оскорблять истиннаго Бога, Августинъ оговаривается и заявляетъ, что не хочетъ приводить доказательствъ въ пользу гоненія на еретиковъ изъ Ветхаго Завѣта: это было слишкомъ давно; другія были тогда времена и нравы. Онъ предпочитаетъ уличать донатистовъ собственнымъ ихъ примѣромъ: „уже послѣ того, какъ даннымъ въ свое время откровеніемъ намъ была предписана кротость, ваши епископы преслѣдовали вашихъ отщепенцевъ; мы этого вовсе не оправдываемъ, но пока это такъ и вы это защищаете, вы должны признаться, что ваши же вашихъ преслѣдовали“.

Августинъ еще на перепутьѣ: евангельскій завѣтъ еще беретъ верхъ у него надъ политическими соображеніями: онъ еще не одобрялъ религіознаго преслѣдованія, и это свое настроеніе онъ увѣковѣчилъ въ знаменательныхъ словахъ. „Никому изъ хорошихъ каѳоликовъ не нравится, если преслѣдованіе кого-либо, хотя бы и еретика—доходитъ до смертной казни. Мы даже не одобряемъ, если изъ желанія льстить и воздать зломъ за зло кому-либо причиняются притѣсненія, далекія отъ казни; еще гораздо болѣе осуждаемъ мы, если кто-либо пользуется случаемъ, чтобы присвоить себѣ чужое подъ предлогомъ установленія единства — конечно, рѣчь идетъ не о достояніи церкви, которымъ еретики не должны владѣть, а о частномъ имуществѣ ихъ... Все это хорошимъ людямъ не нравится и они противодѣйствуютъ этому и стараются ослабить это, насколько могутъ, а если не

въ силахъ, то терпятъ это—и ради мира, какъ и слѣдуетъ, примиряются съ этимъ, не признавая то похвальнымъ, а, напротивъ, предосудительнымъ, не покидая, однако, изъ-за плевелъ жатвы Христа, изъ-за нечистыхъ сосудовъ великую обитель, изъ-за негодныхъ рыбъ—сѣть Христову".

Но совершенно иное настроеніе проявляется у Августина, два года спустя, въ полемикѣ съ донатистскимъ епископомъ Винцентіемъ. Здѣсь Августинъ сходитъ съ высотъ своего религіознаго идеализма, признававшаго истинную вѣру даромъ божественной благодати, на почву чистѣйшаго утилитаризма: ересь представляется ему физической болѣзнью, которую нужно изгонять физическими насильственными средствами, а на этой матеріалистической почвѣ легко было дойти до софизма, что религіозныя гоненія и кары вытекаютъ изъ любви къ ближнему, изъ заботы о его благѣ. „Еслибы мы,—говоритъ Августинъ,—отнеслись къ прежнимъ нашимъ злымъ врагамъ, нарушавшимъ нашъ миръ и покой всевозможными насиліями и кознями, съ такимъ пренебреженіемъ и равнодушіемъ, чтобы ничего не придумывать и не допускать для ихъ устрашенія и исправленія—мы воздавали бы имъ зло за зло. Ибо, еслибы кто увидалъ врага своего въ бѣлой горячкѣ, бѣгущимъ къ пропасти, то не воздалъ ли бы онъ ему зломъ за зло, позволивъ ему бѣжать дальше и не позаботившись о томъ, чтобы его схватили и связали? А именно въ такое мгновеніе онъ бы казался врагу наиболѣе непріятнымъ и ненавистнымъ, когда на самомъ дѣлѣ былъ бы всего сострадательнѣе къ больному и всего для него полезнѣе; и, конечно, по выздоровленіи, послѣдній благодарилъ бы его тѣмъ горячѣе, чѣмъ менѣе встрѣтилъ пощады съ его стороны. О, еслибы я могъ тебѣ указать, какъ много у насъ теперь явныхъ православныхъ, даже изъ циркумцелліоновъ, проклинающихъ свою прежнюю жизнь и жалкое заблужденіе, въ силу котораго они мнили творить въ пользу церкви Божіей то, что̀ совершали по суетной опрометчивости; никто изъ нихъ не былъ бы приведенъ къ выздоровленію, еслибы они не были охвачены, какъ безумные, оковами тѣхъ законовъ, которые тебѣ не нравятся".

„Но нѣкоторымъ, скажешь ты, эти законы не оказали пользы. А развѣ слѣдуетъ пренебрегать леченіемъ потому, что зараза нѣкоторыхъ неизлечима? Ты принимаешь во вниманіе только тѣхъ, кто такъ жестокъ, что не воспринимаетъ даже этого поученія. Объ этомъ сказано въ Писаніи: „Тщетно я бичевалъ сыновъ вашихъ, поученія они не воспріяли". Думаю, конечно, что они подверглись бичеванію по любви, а не по злобѣ. Но

ты долженъ также принять во вниманіе множество тѣхъ, спасенію которыхъ мы радуемся. Еслибы ихъ только стращали, но не поучали, это было бы нечестивымъ устрашеніемъ. Съ другой стороны, еслибы ихъ только поучали, но не стращали, они, очерствѣвъ отъ старой привычки, пошли бы медленнѣе по пути спасенія. Когда же къ полезному устрашенію присоединяется спасительное ученіе, такъ что не только лучъ истины изгоняетъ мракъ заблужденія, но и сила страха срываетъ оковы дурной привычки, тогда, какъ я сказалъ, намъ приходится радоваться спасенію многихъ, славящихъ съ нами и благодарящихъ Господа, исполнившаго свое обѣщаніе, что цари земли будутъ служить Христу: „Онъ чрезъ нихъ исцѣлялъ больныхъ и давалъ здоровье недужнымъ“. Не всякій, кто щадитъ, есть другъ; не всякій, кто бьетъ—не́другъ. Лучше раны, нанесенныя другомъ, чѣмъ поцѣлуи недруга. Лучше любить съ суровостью, чѣмъ съ кротостью обманывать... И тотъ, кто связываетъ безумствующаго и пробуждаетъ летаргика, обоимъ непріятенъ, но обоихъ любитъ. Кто можетъ насъ любить больше, чѣмъ Богъ? И между тѣмъ, онъ не перестаетъ насъ не только милосердно учить, но и спасительно стращать. Ты думаешь, что никого не слѣдуетъ принуждать къ праведности, но ты читалъ, что̀ господинъ сказалъ рабамъ: „Кого ни встрѣтите, понуждайте войти“; ты читалъ, какимъ великимъ насиліемъ Христосъ понудилъ Павла познать истину.

„Развѣ Сара не наказывала упрямую рабыню, получивъ надъ нею власть? однакоже она не ненавидѣла ту, которая, благодаря ея милости, сдѣлалась матерью, а лишь спасительно укрощала ея гордыню.

„Обратись также къ временамъ Новаго Завѣта, когда кротость любви не только должна пребывать въ сердцѣ, но и объявить себя въ мірѣ, когда мечъ Петра, по приказанію Христа, былъ вложенъ въ ножны, чтобы показать, что онъ не долженъ быть изъемленъ даже ради Христа. Однакоже, мы читаемъ не только, что били іудеи Павла апостола, но что и эллины изъ-за Павла апостола били іудея Сосѳена; фактъ въ обоихъ случаяхъ совершенно тождественный,—но какое различіе между ними въ самомъ поводѣ!

„Нѣтъ примѣра, говоришь ты, въ Евангеліяхъ и апостольскихъ посланіяхъ, чтобы что-нибудь испрашивалось у царей земли въ пользу церкви и на гибель враговъ церкви! Никто не отрицаетъ, что нѣтъ такого примѣра. Но тогда еще не испол-

нилось пророчество: „Внемлите, цари; поучайтесь, судьи земли; служите Господу въ страхѣ".

Съ этой точки зрѣнія Августина не смущаетъ и возраженіе, что не всѣ цари поклоняются истинному Богу, не всѣ служатъ церкви. Онъ видитъ и въ нечестивыхъ царяхъ орудіе Провидѣнія. „Терроръ свѣтскихъ властей,—говоритъ онъ,—когда борется противъ истины, есть испытаніе, служащее къ славѣ праведныхъ, твердыхъ духомъ — и опасное искушеніе для слабыхъ; когда же этимъ страхомъ проводится истина, онъ служитъ полезнымъ увѣщаніемъ для заблуждающихся, воспріимчивыхъ къ истинѣ, для безумныхъ же это—тщетное мученіе. Если власть, покровительствуя истинѣ, кого-либо караетъ,—исправленный ею получаетъ хвалу за обрѣтенную имъ истину; если власть, враждебная истинѣ, противъ кого-либо свирѣпствуетъ изъ-за того, что онъ держится истины, онъ вѣнчается, подобно побѣдителю". Августинъ напоминаетъ донатистамъ, что они сами, вмѣстѣ съ другими христіанами, восхваляли религіозный терроръ: „кто же изъ нашихъ и кто изъ вашихъ не прославляетъ законовъ, изданныхъ императорами противъ языческихъ жертвоприношеній? а вѣдь за нихъ положена кара гораздо болѣе строгая, такъ какъ это нечестіе карается смертною казнью. При вашемъ же исправленіи имѣется болѣе въ виду убѣдить васъ отступиться отъ заблужденій, чѣмъ покарать за преступленіе".

Приведенныя мѣста заимствованы изъ „Апологіи гоненій", обращенной Августиномъ къ донатисту. Поэтому многія рѣзкости въ ней могутъ быть объяснены полемическими пріемами. Въ виду этого получаетъ особый интересъ для характеристики взглядовъ Августина на принудительныя и карательныя мѣры въ религіозныхъ вопросахъ изложеніе этихъ взглядовъ, составленное имъ для назиданія государственнаго сановника, которому было поручено приводить эти мѣры въ исполненіе. На этотъ разъ это цѣлый трактатъ „Объ исправленіи донатистовъ". Трактатъ написанъ въ видѣ посланія къ римскому трибуну, а впослѣдствіи — графу, т.-е. главнокомандующему Бонифацію, которому было суждено сыграть роковую роль въ дѣлахъ Африки и имперіи. Въ 417 году, онъ былъ преемникомъ въ должности Марцеллина, т.-е. трибуномъ. Письмо характерно уже потому, что показываетъ, какъ мало иногда римскіе государственные люди были знакомы съ религіозными представленіями тѣхъ, судьба которыхъ была въ ихъ рукахъ. Бонифацій обратился къ ученому епископу Гиппоны съ просьбой объяснить ему разницу между донатистами и аріанами, между которыми, однако, какъ извѣстно,

ничего не было общаго. Въ учтивыхъ выраженіяхъ хвалитъ Августинъ трибуна за его любознательность въ божественныхъ дѣлахъ „среди воинственныхъ заботъ“. Объяснивъ ему разницу между аріанами и донатистами, православными въ признаніи Троицы и мятежными лишь по отношенію къ единству церкви, Августинъ поясняетъ, что только изъ политическихъ соображеній иные донатисты увѣряютъ, когда готы въ силѣ, что раздѣляютъ ихъ убѣжденія. Это разъясненіе не помѣшало Бонифацію, десять лѣтъ спустя, напустить на злосчастную Африку аріанъ-вандаловъ.

Коснувшись донатистовъ, Августинъ подробно знакомитъ правителя Африки съ ихъ ученіемъ и ихъ исторіей. Главная же цѣль посланія—оправдать принудительную политику по отношенію къ нимъ и опровергнуть протестъ донатистовъ. Августину не трудно было доказать неосновательность нѣкоторыхъ изъ ихъ доводовъ. „Если мы нечестивы,—говорили донатисты,—то зачѣмъ вы ищете насъ?“—„Мы ищемъ васъ, нечестивыхъ, для того, чтобы вы не оставались нечестивыми“,—отвѣчалъ Августинъ. „Если мы, отрекаясь отъ вашего крещенія, грѣшимъ противъ Св. Духа,—говорили донатисты,—то зачѣмъ вы насъ обращаете, вѣдь этотъ грѣхъ не простится ни въ семъ вѣкѣ, ни въ будущемъ“ (Матѳ. XII, 32). Это былъ мѣткій ударъ, направленный лично противъ Августина, прямо обвинявшаго донатистовъ въ прегрѣшеніи противъ Св. Духа. Защищаясь, онъ старается выйти изъ затрудненія съ помощью вопроса: „Кто же не грѣшитъ противъ Св. Духа, будь то язычникъ или еретикъ? Неужели же, однако, никто изъ нихъ не подлежитъ освобожденію отъ своего заблужденія?“—Далѣе Августинъ объясняетъ, что подъ грѣхомъ противъ Св. Духа надо разумѣть „жестокосердіе до конца жизни“, препятствующее человѣку получить прощеніе грѣховъ въ единеніи съ тѣломъ Христа, оживотворяемомъ Св. Духомъ. За этимъ слѣдовало истолкованіе текстовъ и аргументація, разумѣніе которыхъ едва-ли было по силамъ Бонифацію. На упрекъ, что гоненіе вызвано желаніемъ завладѣть церквами и церковными имуществами донатистовъ, Августинъ отвѣчаетъ, что еслибъ это было такъ, то каѳолики, напротивъ, должны бы желать, чтобъ донатисты не обращались; жадные до чужого имущества вовсе не желаютъ имѣть совладѣльцевъ. Пусть донатисты присоединятся, и тогда они вступятъ снова во владѣніе не только того, что̀ имъ принадлежало, но и въ совладѣніе всѣмъ достояніемъ христіанскихъ церквей. Августинъ, однако, упустилъ при этомъ изъ виду, какую злобу должно было вызвать отобраніе церквей и церковныхъ

имуществъ въ сердцахъ *неприсоединившихся* и какое непреодолимое для нихъ препятствіе къ примиренію и присоединенію заключалось въ сознаніи совершеннаго надъ ними насилія и несправедливости къ нимъ при отнятіи у нихъ достоянія, накопившагося отъ пожертвованій ихъ предковъ. Изъ сферы земныхъ интересовъ вопросъ былъ поднятъ въ область принциповъ утвержденіемъ донатистовъ, что никто не можетъ подвергать другого справедливому гоненію, т.-е. что гоненіе всегда — дѣло несправедливое.

Августину было легко доказать, что претерпѣваніе гоненія не можетъ служить доказательствомъ правоты, и что недостаточно для того, чтобы быть истиннымъ христіаниномъ, не совершать гоненія, а терпѣть зло. Но не такъ легко было доказать Августину другую половину тезиса, что истинная церковь имѣетъ право совершать гоненія. Не даромъ ему пришлось прибѣгнуть къ „иносказанію“ о Сарѣ, изгонявшей надменную рабыню. На этомъ зыбкомъ основаніи аллегоріи строитъ Августинъ слѣдующее умозаключеніе: „Итакъ, бываетъ гоненіе несправедливое, когда нечестивые преслѣдуютъ церковь Христову, и гоненіе справедливое, которому церковь подвергаетъ нечестивыхъ. Она блаженна, когда терпитъ гоненіе изъ-за правды; они же негодны, терпя гоненія ради неправды. Вѣдь церковь преслѣдуетъ любя, а они— изъ злобы; она — ради исправленія, а они—ради разрушенія; церковь преслѣдуетъ, чтобъ отвлечь отъ лжи, нечестивые же— чтобы ввергнуть другихъ въ заблужденіе“.

Въ дальнѣйшихъ своихъ разсужденіяхъ, Августинъ, однако, самъ подорвалъ силу этихъ риторическихъ антитезъ—важнымъ заявленіемъ: „Конечно--(кто въ этомъ усомнится?)—лучше *вести* людей къ почитанію Бога *ученіемъ*, чѣмъ принуждать ихъ къ тому страхомъ наказанія или страданіемъ“.—„Но,—продолжаетъ онъ, —изъ того, что первое лучше, не слѣдуетъ, что нужно пренебрегать другими средствами“. Полагая, что Бонифацій, какъ міянинъ, лучше знакомъ съ свѣтской литературой, чѣмъ съ Св. Писаніемъ, Августинъ приводитъ стихъ Теренція, что лучше воспитывать дѣтей нравственными средствами, чѣмъ страхомъ, и замѣчаетъ: „это, конечно, правда; но хотя тѣ лучше, на которыхъ дѣйствуетъ любовь, а больше такихъ, которыхъ исправляетъ страхъ“,—и въ подтвержденіе этого приводитъ другой стихъ того же автора:

Tu nisi malo coactus, recte facere nescis.

Проводя ту мысль, что церковь не можетъ обойтись безъ принудительныхъ средствъ, Августинъ не разъ прибѣгаетъ къ

сравненіямъ, которыми весьма легко можно было воспользоваться въ совершенно противоположномъ направленіи. То онъ сравниваетъ донатистовъ съ мулами и лошадьми, которые кусаясь и брыкаясь, не даются людямъ, желающимъ исцѣлить ихъ раны,— то съ отбившимися отъ стада овцами, которыхъ приходится страхомъ бича угонять отъ тѣхъ, въ обладаніе которыхъ они попали; то съ людьми, не желающими выйти изъ дома, которому грозитъ обвалъ, такъ что приходится силою спасать ихъ отъ смерти.

Всѣ эти сравненія грѣшатъ тѣмъ, что основаны на смѣшеніи духовнаго съ матеріальнымъ; на этомъ основаны и другія доказательства Августина; такъ, напр., когда онъ ссылается на строгіе римскіе законы противъ прелюбодѣянія и восклицаетъ: „развѣ менѣе преступно, когда душа не соблюдаетъ вѣрность Богу, чѣмъ жена мужу?" —На этомъ скользкомъ пути Августинъ иногда не замѣчаетъ, какъ приводитъ свидѣтельство противъ себя. Такъ, напр., онъ разсказываетъ, что переходъ донатистовъ совершался свободно *до* изданія тѣхъ императорскихъ законовъ, которые вызвали озлобленіе и фанатизмъ циркумцелліоновъ; или когда онъ замѣчаетъ, что совершаемое не вслѣдствіе пренебреженія къ религіи, а лишь незнанія ея, должно быть легче наказуемо. Это вѣрное замѣчаніе не останавливаетъ на себѣ вниманія Августина, и онъ его не примѣняетъ къ донатистамъ. Онъ нигдѣ не отдаетъ себѣ отчета о психическомъ состояніи фанатической массы, которое дѣлало ее невмѣняемой. Онъ видитъ въ донатистахъ лишь враговъ церкви. И въ письмѣ къ Бонифацію мы встрѣчаемъ уже извѣстный намъ аргументъ, заключающійся въ указаніи благихъ результатовъ, къ которымъ привело принужденіе. Съ большимъ одушевленіемъ изображаетъ Августинъ радость обратившихся донатистовъ, ихъ усердіе въ посѣщеніи богослуженія и проповѣдей, ихъ сожалѣніе объ оставленныхъ ими заблужденіяхъ. Съ этой точки зрѣнія Августинъ называетъ законы Гонорія дѣломъ *великаго милосердія* къ донатистамъ и горячо привѣтствуетъ эти императорскіе законы, „оторвавшіе ихъ противъ воли отъ той секты, гдѣ они научились злу по наущенію лживыхъ демоновъ,—чтобы потомъ, привыкнувъ къ каѳолической церкви, исцѣлиться въ ней, благодаря хорошимъ наставленіямъ и нравамъ". Слегка лишь касается онъ того обстоятельства, что эти императорскіе законы не всегда имѣли такія желательныя послѣдствія,—а часто наоборотъ, разоряли и губили донатистовъ. „Конечно, — восклицалъ Августинъ,—каждый изъ насъ желалъ бы, чтобы никто изъ насъ не только не погибъ, но даже ничего не потерялъ. Но пришлось же Давиду, — хотя онъ съ

большой отеческой заботливостью приказалъ пощадить мятежнаго сына и сохранить ему жизнь — пришлось оплакать его смерть и утѣшаться мыслью, что само царство обрѣло миръ. Такъ и каѳолическая мать, отъ великаго древа которой отломился африканскій сучокъ, въ боли материнскаго сердца, причиняемой добровольной гибелью немногихъ людей, находитъ утѣшеніе въ присоединеніи къ церкви и освобожденіи отъ ереси столько народа". Въ трактатѣ, предназначенномъ для римскаго администратора и имѣвшемъ цѣлью побудить его къ вмѣшательству въ дѣла церкви, Августинъ долженъ былъ коснуться вопроса объ отношеніяхъ государства къ церкви и его права карать за религіозныя убѣжденія. Авторъ „Божескаго Цáрства" вполнѣ признаетъ принудительную власть государства въ религіозныхъ вопросахъ: онъ строитъ эту власть на религіозномъ основаніи, ссылаясь на текстъ псалма: „Итакъ, вразумитесь, цари; научитесь, судьи земли. Служите Господу со страхомъ и радуйтесь съ трепетомъ" (Пс. II, 10, II).

„Какъ же могутъ цари,—спрашиваетъ Августинъ,—служить Господу въ страхѣ иначе, какъ воспрещая и карая въ благочестивой строгости то, что̀ противорѣчитъ велѣніямъ Господа?" Августинъ самъ паходитъ нужнымъ оправдать такое толкованіе: „*Иначе*, —говоритъ онъ,—царь служитъ Господу, чѣмъ частный человѣкъ; иначе, въ виду того, что онъ не только человѣкъ, а также царь; какъ человѣкъ, онъ служитъ Господу, живя самъ благочестиво; но такъ какъ онъ въ то же время царь, то онъ служитъ тѣмъ, что облекаетъ соотвѣтствующей властью законы, предписывающіе правду и воспрещающіе неправду". Въ подтвержденіе приводятся примѣры изъ исторіи іудеевъ, а также Навуходоносоръ и Дарій. Еще болѣе сомнителенъ авторитетъ другого текста, приводимаго Августиномъ для установленія полной аналогіи между церковью и государствомъ: „Доколѣ есть время, будемъ дѣлать добро всѣмъ" (Гал. VI, 10).—„Кто можетъ,—продолжаетъ Августинъ,—пусть творитъ добро рѣчами каѳолическихъ проповѣдниковъ, пусть, кто можетъ, творитъ добро законами каѳолическихъ государей.—Пусть всѣ призываются къ спасенію — одни путемъ божественныхъ поученій, другіе—повиновеніемъ императорскимъ законамъ".

Но какъ было современнику аріанскихъ императоровъ оставить эти слова безъ оговорки—развѣ всѣ законы императоровъ, даже христіанскихъ, ведутъ къ спасенію? И Августинъ продолжаетъ: „Даже и тогда, когда императоры издаютъ дурные законы въ защиту лжи и противно правдѣ—чрезъ это удостовѣ-

ряются благовѣрующіе и вѣнчаются исповѣдники; когда же они издаютъ честные законы въ защиту истины и противъ лжи—устрашаются безумные и исправляются разумные. Итакъ, кто не захочетъ повиноваться законамъ императоровъ, изданныхъ въ противность божественной истинѣ, тотъ пріобрѣтетъ великую награду; кто же не захочетъ повиноваться законамъ императоровъ, изданнымъ въ защиту божественной истины, того ждетъ великая кара".

II.

Несомнѣнный успѣхъ законовъ Гонорія въ борьбѣ съ донатистами глубоко радовалъ Августина. Онъ не упускалъ случая привѣтствовать письмами присоединившихся къ церкви донатистовъ. Такъ, поздравляя пресвитеровъ Сатурнина и Евфрата „съ братьями", сожалѣвшихъ объ его отсутствіи, Августинъ утѣшаетъ ихъ тѣмъ, что они живутъ теперь съ нимъ въ одной и той же храминѣ; но эта храмина воздвигнута не въ какомънибудь уголкѣ земного круга, а на всемъ его протяженіи. Еще болѣе ликуетъ онъ, когда привѣтствуетъ перешедшихъ въ православіе жителей всѣхъ чиновъ города Цирты—этого оплота донатизма. Но въ то же время онъ внушаетъ имъ, что это радостное событіе совершилось не благодаря *его* заслугамъ, но по волѣ Божіей: „Если то, что въ вашемъ городѣ меня глубоко огорчало, теперь устранено, если жестокость человѣческаго сердца, сопротивлявшагося ясной и обнародованной всему міру истинѣ, смягчилась, если чувствуется сладость мира, если любовное единеніе процвѣтаетъ и просвѣтляетъ исцѣленныя очи, то все это дѣло не наше, а Божіе; и я бы не сталъ приписывать его человѣческимъ стараніямъ, даже еслибы такое множество обращеній совершилось въ вашемъ городѣ, въ моемъ присутствіи, вслѣдствіе личныхъ бесѣдъ моихъ и увѣщеваній. Это совершилъ тотъ, кто черезъ своихъ служителей выставляетъ людей внѣшними признаками явленій, сердца же человѣка самъ поучаетъ сущностью ихъ"... „Ксенократъ, какъ вы пишете, и какъ я самъ вспоминаю, своимъ разсужденіемъ о плодахъ умѣренности внезапно обратилъ къ лучшей жизни Полемона, не только вообще предававшагося пьянству, но и въ то самое время бывшаго пьянымъ. И хотя этотъ Полемонъ, какъ вы дѣльно и справедливо замѣтили, не былъ привлеченъ къ Господу, а лишь освобожденъ отъ господства надъ нимъ порока, я бы и совершившееся тогда улучшеніе приписалъ не человѣческому, а боже-

ственному воздѣйствію. Ибо самыя блага нашего тѣла, этой низменной части нашего бытія,—если только это блага,—каковы красота, сила, здоровье, исходятъ отъ самого Господа, создающаго и совершенствующаго природу (creatore et perfectore naturae); тѣмъ болѣе блага духа даровать никто кромѣ Него не можетъ". Такія свѣтлыя минуты, которыя доставляло Августину обращеніе донатистовъ, однако, нерѣдко смѣнялись у него тяжелыми заботами въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ встрѣчалъ упорное сопротивленіе. Донатизмъ обнаружилъ въ эту тяжелую для него годину гоненій замѣчательную живучесть; мы знаемъ отъ Августина, что несмотря на обращеніе всѣхъ чиновъ города Цирты, въ этомъ городѣ происходилъ соборъ донатистскихъ епископовъ, съѣхавшихся тамъ къ Петиліану въ числѣ болѣе тридцати. Этотъ соборъ далъ Августину поводъ говорить съ иронією о жалобахъ донатистовъ на то, что они тогда будто бы претерпѣвали гоненіе, какого никогда не бывало, что „у нихъ нѣтъ мѣста, куда бѣжать и гдѣ укрыться".—Однакоже, —· возражаетъ имъ на то Августинъ,—„вы и соборъ созываете, и епископовъ посвящаете". Изъ того, что Августинъ упоминаетъ объ этомъ соборѣ, мы видимъ, что донатисты еще не теряли надежды на наступленіе лучшаго времени, которое дозволитъ многимъ изъ насильно обращенныхъ вернуться къ нимъ. Чтобы облегчить имъ это, донатистскіе епископы въ Циртѣ отступили отъ своего прежняго ригоризма и постановили, что „тѣ епископы и пресвитеры, кои противъ воли присоединились къ церкви, могутъ быть прощены и сохранить свой санъ, если они не давали причастія и не говорили проповѣдей народу". Августинъ воспользовался этимъ, поставивъ донатистамъ на видъ, что этой снисходительностью они лишаютъ себя всякаго оправданія за расколъ, такъ какъ ихъ предки имѣли гораздо болѣе основанія отнестись снисходительно къ тѣмъ, которыхъ они обвиняли въ общеніи съ дѣйствительными или мнимыми „предателями" *по неволѣ*, выдававшими священныя книги подъ болѣе ужаснымъ гнетомъ языческихъ властей.

Живучесть донатизма обнаруживалась двумя различными способами,—въ дикихъ насиліяхъ со стороны фанатической толпы и въ томъ пассивномъ, готовомъ на мученичество упорствѣ, съ которымъ было еще труднѣе бороться. Насилія со стороны возбужденной толпы были неизбѣжны. Отнятіе церквей и самый переходъ донатистскаго духовенства къ каѳоликамъ доводили массу до отчаянія и изувѣрства. Отъ Августина мы знаемъ, что даже въ Карѳагенѣ толпа поджигала базилики, отнятыя у дона-

тистовъ, а въ сельскихъ округахъ духовныя лица каѳолической церкви постоянно становились жертвами неслыханной жестокости: „у нѣкоторыхъ вырваны глаза; одному епископу отсѣкли руку и языкъ; иные были убиты. Не стану перечислять жестокія убійства, грабежи домовъ, ночныя нападенія и поджоги не только частныхъ жилищъ, но даже церквей; бывали случаи, что въ пламя пожара кидали и священныя книги". Особенно огорчало Августина отчаянное сопротивленіе донатистовъ въ самыхъ окрестностяхъ Гиппоны. Такъ, весной 412 года Августинъ жалуется Марцеллину, что донатистскій епископъ Макробій, появляясь тамъ и сямъ, сопровождаемый сбродомъ обоего пола, отпираетъ донатистскія базилики, запертыя помѣщиками изъ страха передъ закономъ. Пока на мѣстѣ находился управляющій сенатора Целера, Спондей, котораго Августинъ горячо рекомендуетъ Марцеллину,—смѣлость донатистовъ еще встрѣчала преграды. Послѣ же его отъѣзда въ Карѳагенъ, Макробій отперъ базилику въ имѣніи Целера и собралъ тамъ народъ. При немъ находился и перекрещенный діаконъ Донатъ, бывшій колонъ церкви, сильно прикосновенный къ убійству. Жертвами убійства, о которомъ здѣсь упоминаетъ Августинъ, были два каѳолическихъ пресвитера въ области Гиппоны, Реститутъ и Иннокентій, которымъ передъ этимъ убійцы вырвали глаза и отрубили пальцы. Болѣе характерно, чѣмъ такія изступленныя дѣйствія толпы, которыя вездѣ бываютъ отвѣтомъ на религіозныя гоненія—пассивное сопротивленіе донатистовъ. Оно вноситъ индивидуальную черту въ исторію этой секты и заслуживаетъ вниманія потому, что дало самому Августину возможность провѣрить на людяхъ пригодность новой теоріи принужденія къ вѣрѣ.

Одной изъ жертвъ этой теоріи былъ раскольничій пресвитеръ Донатъ. Это былъ недюжинный схизматикъ. Онъ не только хорошо зналъ Священное Писаніе и умѣлъ толковать тексты въ свою пользу, но относился критически къ протоколамъ карѳагенскаго съѣзда и къ образу дѣйствія на немъ донатистскихъ вождей. Но и у этого ученаго пресвитера преобладаетъ выдающаяся черта его единовѣрцевъ — упорный фанатизмъ, просящійся на мученичество. Религіозный энтузіазмъ съ одной стороны, съ другой гоненія, воспитали этотъ фанатизмъ и довели его до маніи.

Этотъ Донатъ былъ пресвитеромъ въ одномъ помѣстьѣ въ епархіи Августина. Намъ неизвѣстно, по чьему распоряженію его схватили вмѣстѣ съ другимъ пресвитеромъ, чтобы отвести ихъ куда-то „на спасеніе",—по выраженію Августина. Товарищъ былъ спокойнѣе, но Донатъ не давался, и когда ему под-

вели мула, онъ не хотѣлъ сѣсть на него и такъ метался, что нанесъ себѣ ушибы. Ища смерти, онъ затѣмъ бросился въ колодезь, но былъ оттуда извлеченъ. Узнавъ объ этомъ, Августинъ ему пишетъ: „О, еслибы ты могъ вѣдать боль сердца моего и заботу о твоемъ спасеніи, ты, можетъ быть, сжалился бы надо мной, угождая Господу и внимая Его слову, не нашему. Ты недоволенъ, что тебя повлекли къ спасенію, хотя вы столь многихъ изъ нашихъ увлекали на гибель. Вѣдь чего же иного мы хотѣли, какъ не привлечь тебя и сохранить отъ гибели?

„По твоему мнѣнію и этого не слѣдовало дѣлать, такъ какъ ты полагаешь, что никто не долженъ быть принуждаемъ къ добру". Августинъ возражаетъ Донату указаніемъ на слова апостола Тимоѳею: „кто желаетъ епископства, тотъ *добраго* дѣла желаетъ", а между тѣмъ сколькихъ епископовъ насильно ставили на епископство, подвергая ихъ даже заключенію? „Ты говоришь,— продолжаетъ Августинъ,—что Господь далъ человѣку свободную волю, и потому не слѣдуетъ принуждать его къ добру". „Однакоже мы не должны тѣхъ, кого любимъ, безнаказанно и жестокосердно предоставлять дурной волѣ; но, если имѣемъ власть, должны препятствовать имъ дѣлать зло и принуждать ихъ къ добру". Августинъ приводитъ въ подтвержденіе этого и исторію израильтянъ, которые были разными бѣдствіями принуждаемы идти въ обѣтованную землю, и судьбу апостола Павла, и разные ветхозавѣтные тексты. „Ты накажешь его розгой и спасешь душу его отъ преисподней" (Пр. Сал., XXIII, 14), и слова Іезекіиля: „заблудшую овцу ты къ стаду не вернулъ". „Вотъ почему,—заключаетъ Августинъ,—лучше же намъ исполнять волю Божію, предписывающую намъ заставить васъ, овецъ Христовыхъ, вернуться въ его овчарню, чѣмъ потворствовать вамъ, заблудшимъ овцамъ, и дозволить вамъ погибнуть. Итакъ, не говори больше, какъ ты упорно повторяешь: „Я хочу заблуждаться, хочу погибнуть"; мы не можемъ этого допустить, насколько это въ нашей власти". Пользуясь для своей цѣли покушеніемъ Доната на самоубійство и его спасеніемъ изъ колодца, Августинъ ему доказываетъ, что если даже погибающихъ тѣлесно слѣдуетъ спасать вопреки ихъ волѣ, „то насколько же больше любящіе кого-либо должны заботиться о томъ духовномъ спасеніи, лишеніе котораго влечетъ за собою страхъ вѣчной смерти. Вѣдь отъ той смерти, которую ты самъ хотѣлъ себѣ нанести, ты умеръ бы не только временно, но погибъ бы и на вѣки вѣковъ; и даже еслибы тебя принуждали къ чему-нибудь дурному, а не къ спасенію, не къ миру церкви, къ единству Христова тѣла, къ святой нераздѣль-

ной любви, то и тогда ты не долженъ былъ бы навлекать на себя смерть". Изъ дальнѣйшаго видно, къ какому насильственному истолкованію текстовъ прибѣгали донатисты, чтобы оправдать самоубійство; они ссылались между прочимъ на слова апостола: „Если я отдамъ тѣло мое на сожженіе"... Августину было не трудно доказать нелѣпость этого толкованія, приведши конецъ стиха:—„а любви не имѣю,—нѣтъ мнѣ въ томъ никакой пользы". Донатисты ссылались на нихъ, чтобы оправдать второе крещеніе, примѣняя слово „мертвые" къ членамъ враждебной имъ церкви. Поучая Доната, Августинъ, какъ и вездѣ, обнаруживаетъ свою блестящую діалектику. Донатъ, какъ было извѣстно Августину, не одобрялъ заявленія своихъ епископовъ въ Карѳагенѣ, что одно дѣло не предрѣшаетъ другого, и человѣкъ не отвѣчаетъ за человѣка. Донатистъ отказывался отъ этого принципа, вѣроятно въ виду того сокрушительнаго для его партіи вывода, который сдѣлалъ на съѣздѣ Августинъ. Теперь Августинъ воспользовался возраженіемъ Доната, чтобы поставить его въ самую затруднительную дилемму. „Если,—говоритъ онъ ему,—ты во всемъ принимаешь утвержденія избранныхъ вами на съѣздѣ епископовъ, за исключеніемъ одного положенія, которое ты признаешь неправильнымъ, то этимъ самымъ ты доказываешь справедливость словъ, что человѣкъ за человѣка не отвѣчаетъ. Если же сонмъ всѣхъ вашихъ епископовъ не въ указъ тебѣ, Донату, пресвитеру мутугенскому, то насколько менѣе личность Цециліана, даже еслибы вы и обрѣли въ немъ что-нибудь дурное, можетъ служить укоромъ всеобщему единству Христову, которое обнимаетъ не одно помѣстье Мутугенское, а распространено по всему земному кругу".

Самое, однако, важное мѣсто изъ письма къ Донату—то, въ которомъ Августинъ воспользовался одной ссылкой Доната на Св. Писаніе, чтобы обосновать принудительную власть церкви. Донатъ приводилъ въ пользу свободы воли человѣка въ религіозныхъ вопросахъ слова Христа (Іоан. VI, 67): „Не хотите ли и вы отойти?"—обращенныя имъ къ двѣнадцати ученикамъ, послѣ того, какъ его оставили многіе изъ учениковъ. Августинъ возражаетъ, что эти слова относятся лишь къ началамъ церкви, когда еще не исполнилось пророчество: „И поклонятся Ему всѣ цари земли и всѣ народы станутъ служить Ему"... „Чѣмъ болѣе же оно исполняется, тѣмъ большею властью пользуется церковь, такъ что теперь она не только приглашаетъ къ добру, но и принуждаетъ къ нему". Августинъ старается подтвердить это притчей о хозяинѣ, приготовившемъ большое пиршество и многихъ по-

звавшемъ (Лук. XIV, 16—24). Августинъ указываетъ на то, что хозяинъ сначала сказалъ рабу: „Пойди по улицамъ и переулкамъ и приведи сюда“ — а затѣмъ уже во второй разъ: „Пойди по дорогамъ и изгородямъ и понудь войти, чтобы наполнился домъ мой“. Итакъ,—обращается Августинъ къ Донату,—еслибы вы не принимали участія въ пиршествѣ вѣчнаго спасенія и святого единства церкви, мы васъ *смиренно* искали бы по дорогамъ; но такъ какъ вы, содѣлавъ нашимъ много зла и жестокостей, полны терній и шиповъ, мы васъ находимъ какъ бы подъ изгородями и *понуждаемъ* васъ войти. Кто понуждается (compellitur), тотъ принуждается (cogitur) къ тому, чего не хочетъ. Такъ обуздай же свой неправедный и мятежный духъ, чтобы обрѣсти спасительную трапезу въ истинной церкви Христа“. Вотъ на какомъ шаткомъ основаніи построилъ великій учитель ту аргументацію, которую темные люди среднихъ вѣковъ повторяли тысячу разъ, выводя изъ нея принципъ насильственнаго обращенія, compelle intrare (принудь войти), какъ переводилъ Августинъ, согласно съ своими современниками, греческое слово, которое въ русскомъ Евангеліи передается выраженіемъ: „*убѣди* прійти“.

Другой представитель пассивнаго сопротивленія, къ которому Августину пришлось примѣнить свою теорію принужденія и свою подчасъ казуистическую діалектику для ея оправданія, былъ Эмеритъ, донатистскій епископъ мавританской Цезареи. Это тотъ самый Эмеритъ, къ которому Августинъ когда-то отнесся съ большимъ уваженіемъ, приглашая его вступить съ нимъ въ обсужденіе взаимной распри. Потомъ они встрѣтились на карѳагенскомъ съѣздѣ 412 г. Ихъ послѣдняя встрѣча исполнена трагическаго интереса. Въ концѣ 418 г. Августину пришлось по какому-то церковному дѣлу, порученному ему римскимъ папою Зосимою, отправиться съ своимъ ученикомъ, епископомъ Алипіемъ, въ Цезарею. Римское вліяніе и гнётъ новыхъ законовъ въ этомъ приморскомъ городѣ были такъ сильны, что донатистская масса въ немъ притворно присоединилась къ господствующей церкви, и Эмеритъ, оставшись безъ паствы, покинулъ городъ. Августинъ, можно сказать, въѣхалъ тріумфаторомъ въ городъ, откуда его старый антагонистъ былъ принужденъ бѣжать. Но Августинъ не удовольствовался этимъ торжествомъ; ему хотѣлось самого Эмерита привлечь къ церкви, и, узнавъ о его возвращеніи, онъ обратился къ нему съ приглашеніемъ признать себя каѳоликомъ или доказать публично свою правоту. Но Эмеритъ упорно отказывался отъ спора. Его безмолвіе представляетъ краснорѣчивый

комментарій къ примѣненію принципа vae victis въ религіозныхъ распряхъ, поддержаннаго Августиномъ. Этотъ турниръ съ однимъ борцомъ оставляетъ впечатлѣніе единственнаго пораженія, которое претерпѣлъ непобѣдимый діалектикъ Августинъ, претерпѣлъ потому, что побѣдилъ на этотъ разъ благодаря принудительной церковной политикѣ. Почему, по прибытіи Августина въ Цезарею, туда явился и Эмеритъ, — случайное ли то было свиданіе или нѣтъ, мы не знаемъ; намъ извѣстно только изъ признанія Августина, что присоединеніе донатистовъ было не искреннее. „Иные,—по его словамъ,—продолжали сомнѣваться въ каѳолической истинѣ; иные же не сомнѣвались, но въ сердцѣ сохраняли преданность Донату и лишь плотью принадлежали къ церкви, духомъ же были внѣ ея". Можетъ быть, Эмеритъ, опасаясь личнаго вліянія Августина, и возвратился въ городъ, чтобы ему противодѣйствовать и своимъ присутствіемъ укрѣпить своихъ тайныхъ и явныхъ единомышленниковъ.

Узнавъ о его пріѣздѣ, Августинъ поспѣшилъ къ нему и встрѣтился съ нимъ на улицѣ. Они привѣтствовали другъ друга, и Августинъ, находя, что неприлично оставлять епископа на улицѣ, пригласилъ Эмерита войти съ нимъ въ церковь. Тотъ согласился, и вслѣдъ за ними повалила любопытная толпа, ожидавшая обращенія Эмерита или интереснаго диспута. На настояніе Августина отречься отъ ереси Эмеритъ отвѣтилъ фразой: „Я не могу не хотѣть того, чего вы хотите, но я могу хотѣть того, чего я хочу". Онъ хотѣлъ этимъ сказать, что принужденъ отказаться отъ борьбы съ господствующей церковью, но что онъ оставляетъ за собой свободу держаться убѣжденій, согласныхъ со своею волею или совѣстью. Августинъ воспользовался чрезвычайно искусно словами донатистскаго епископа; онъ заявилъ, что они сказаны по внушенію Господа, наставляющаго сердца и управляющаго языкомъ, и, истолковавъ слова Эмерита, какъ признаніе готовности присоединиться, приглашалъ его не откладывать этого. Изъ толпы раздались отовсюду возгласы, требовавшіе отъ Эмерита немедленнаго обращенія: „здѣсь или нигдѣ". Но Эмеритъ оставался безучастенъ и непоколебимъ. Тогда Августинъ обратился къ присутствующимъ съ рѣчью, заключавшей въ себѣ цѣлую гамму ораторскихъ тоновъ, отъ нѣжныхъ и ласкающихъ до могучаго гнѣва и суровыхъ угрозъ. „Эмеритъ сказалъ,—воскликнулъ онъ,—что не можетъ не хотѣть того, чего мы хотимъ. А онъ знаетъ, чего мы хотимъ. Хотимъ мы того, чего Господь хочетъ,—а чего хочетъ Господь—всѣмъ извѣстно. Итакъ, рано или поздно, онъ долженъ будетъ захотѣть того, чего

мы хотимъ". Обратившись затѣмъ къ истолкованію второй половины заявленія Эмерита, Августинъ выводилъ изъ его словъ, что они означаютъ лишь отсрочку обращенія и просилъ присутствовавшихъ не тревожиться этимъ, а молиться, чтобы Эмеритъ поступилъ, какъ обѣщалъ. Приглашеніе присоединиться сопровождалось обѣщаніемъ сохранить за Эмеритомъ его санъ. Напомнивъ состоявшееся на карѳагенскомъ съѣздѣ заявленіе каѳолическихъ епископовъ и всѣми ими подписанное, что они готовы уступить донатистамъ свои должности, Августинъ объявилъ, что цезарейскій православный епископъ Дейтерій и теперь на это согласенъ, и заключилъ: „Пусть онъ будетъ ниже въ почести, лишь бы превосходилъ другихъ въ любви. Мы знаемъ, какъ слѣдуетъ привлекать слабыхъ, дабы совершалось единеніе". За этимъ, однако, послѣдовалъ первый укоръ, хотя еще мягкій, въ видѣ сѣтованія и увѣщанія. Какъ бы снисходя къ Эмериту, Августинъ сказалъ: „Да, ты доказалъ, что обладаешь таинствомъ, обладаешь крещеніемъ; ты доказалъ мнѣ, что обладаешь вѣрою; такъ докажи же мнѣ, что обладаешь любовью, — пріемли единство. Не говори мнѣ, что ты обладаешь любовью, но докажи это. Единый у насъ отецъ, такъ будемъ вмѣстѣ ему молиться". Но любви было уже недостаточно; Августинъ предупреждаетъ противника, что не въ ней дѣло: внѣ каѳолической церкви можно найти все, кромѣ спасенія. „Ты можешь обладать церковнымъ чиномъ; можешь обладать таинствомъ, можешь пѣть аллилуію; можешь отвѣчать „аминь"; можешь держаться Евангелія, можешь вѣровать въ Отца и Сына и Св. Духа, и проповѣдовать эту вѣру; но нигдѣ, какъ въ церкви каѳолической, не можешь обрѣсти спасенія". Извѣстно, какой выводъ дѣлала изъ этого средневѣковая церковь. Но былъ ли онъ сдѣланъ уже Августиномъ? Повидимому, католицизмъ имѣлъ право ссылаться въ этомъ случаѣ на своего первоучителя. Опровергая лишній разъ самоутѣшеніе донатистовъ, что они правы, потому что подвергаются преслѣдованію, Августинъ восклицаетъ: „Пусть укоряетъ насъ, кто хочетъ, за такое преслѣдованіе; я стою за него. Если я имѣю право преслѣдовать того, кто тайно похищаетъ добро ближняго, то не болѣе ли я правъ, преслѣдуя того, кто публично оскорбляетъ церковь Господню, говоря: „это не она; она у насъ, въ расколѣ". Мнѣ ли не преслѣдовать хулителя церкви?—Конечно, я буду его преслѣдовать, какъ членъ церкви; конечно, я буду его преслѣдовать, какъ сынъ церкви. Сама церковь говоритъ мнѣ въ псалмѣ (XVII, 38): „Буду преслѣдовать враговъ моихъ". Такое преслѣдованіе,—поясняетъ Августинъ,—не будетъ

чѣмъ-либо новымъ для Эмерита. Когда донатисты преобладали въ Константинѣ, они схватили нашего мірянина, рожденнаго отъ каѳолическихъ родителей, Петиліана; учинили надъ нимъ насиліе; искали его, когда онъ бѣжалъ; цапли его скрывшагося; привлекли испуганнаго; окрестили дрожащаго отъ страха; посвятили въ епископы противъ его воли. Вотъ какое насиліе они совершили надъ однимъ изъ нашихъ; они заполонили его, чтобы обречь на смерть; неужели же намъ не привлекать ихъ, хотя бы силой, къ спасенію?"

Это сопоставленіе Петиліана, которому навязали почетную должность, съ Эмеритомъ, лишившимся почести, церкви и паствы, можетъ показаться сарказмомъ, но на самомъ дѣлѣ это лишь риторическая антитеза, благодаря которой намъ становится яснымъ, *какъ* разумѣть грозное Августиновское „persequar": это свое *„я буду преслѣдовать"* Августинъ понималъ болѣе въ духовномъ, чѣмъ въ матеріальномъ смыслѣ; какъ пастырь церкви, а не какъ средневѣковой инквизиторъ.

Это видно изъ того, что, два дня спустя, въ главномъ соборѣ Цезареи состоялось, въ присутствіи многихъ каѳолическихъ епископовъ и большой толпы народа, новое собраніе, на которомъ опять свободно присутствовалъ и Эмеритъ. Зачѣмъ онъ счелъ нужнымъ туда явиться—трудно объяснить. Для Августина это собраніе служило средствомъ торжественно прославить побѣду каѳолической церкви надъ еретиками и унизить въ глазахъ явныхъ и тайныхъ донатистовъ Цезареи ихъ упорнаго вождя. Въ церкви были прочитаны нѣкоторые акты карѳагенскаго съѣзда, которые сопровождались объясненіями со стороны Августина. Затѣмъ, разсказавъ о своей недавней бесѣдѣ съ Эмеритомъ, Августинъ обратился къ нему со словами: „Братъ Эмеритъ, если ты побѣжденъ, то зачѣмъ ты пришелъ? Если же ты полагаешь, что не побѣжденъ, то скажи, въ чемъ ты считаешь себя побѣдителемъ? Ибо ты только въ такомъ случаѣ можешь считаться побѣжденнымъ, если ты побѣжденъ самой истиной. Если же ты думаешь, что побѣжденъ только силой, въ истинѣ же торжествуешь, то знай, что здѣсь нѣтъ никакой силы, чтобы побѣдить тебя; такъ пусть твои сограждане услышатъ, въ чемъ ты считаешь себя побѣдителемъ". На это Эмеритъ отвѣтилъ: „Протоколы показываютъ, побѣжденъ ли, и былъ ли побѣжденъ истиною или силою".—„Такъ зачѣмъ же ты пришелъ?"—спросилъ Августинъ.—„Чтобы отвѣчать на твои вопросы".—„Я спрашиваю,—сказалъ Августинъ,—почему ты пришелъ? я не сталъ бы спрашивать, еслибы ты не пришелъ". Тогда Эмеритъ обратился

къ присутствовавшему нотарію и сказалъ: „Пиши“. Затѣмъ замолчалъ. Тишина была прервана словами Августина: „Если ты замолчалъ теперь передъ истиной, то, значитъ, ты пришелъ сюда не для чего иного, какъ чтобы обмануть собравшійся народъ“. Но и на эти слова Эмеритъ промолчалъ. Такъ замолкъ въ Цезареѣ побѣжденный донатизмъ.

Но если донатисты замолкли, притворяясь каѳоликами въ портовомъ городѣ, открытомъ римскому вліянію и доступномъ римскимъ властямъ, то въ горной Нумидіи, родинѣ и твердынѣ донатизма, они оказались менѣе сговорчивыми. Тамъ, въ Тамугадѣ, епископъ Гауденцій пригрозилъ трибуну Дульциціо, которому было поручено императоромъ „завершить объединеніе“, что онъ скорѣе сожжетъ себя въ церкви со своими единомышленниками, чѣмъ присоединится. И то была не пустая, хвастливая угроза: донатисты, дѣйствительно, прибѣгали къ этому ужасному средству избавиться отъ присоединенія къ церкви и заслужить мученическій вѣнецъ. Избирая этотъ родъ мученичества, они ссылались на слова апостола: „Если я отдамъ тѣло мое на сожженіе...“ Но, конечно, не Новый Завѣтъ внушилъ имъ это отчаянное средство угодить Божеству мучительнымъ самоистребленіемъ, а древне-семитическое представленіе о пожирающемъ въ огнѣ свои жертвы Молохѣ.

Съ догораніемъ этихъ костровъ гасла и память о нихъ; у насъ нѣтъ лѣтописи мученичества донатистовъ,—но мы знаемъ отъ Августина, который не былъ склоненъ преувеличивать его, что число добровольныхъ жертвъ огня превысило нѣсколько сотъ. Желая уменьшить впечатлѣніе, которое производилъ этотъ героическій фанатизмъ, Августинъ говоритъ, что людей, погибшихъ въ огнѣ у донатистовъ, было меньше, чѣмъ число спасенныхъ городовъ въ Африкѣ. Въ данномъ случаѣ Дульцицій послалъ Гауденцію миролюбивое письмо, „кротко обходясь, какъ и слѣдовало, съ бѣшеными“ (слова Августина). Епископъ отвѣтилъ трибуну двумя письмами: одно, кратко и спѣшно написанное, было тотчасъ вручено вѣстнику трибуна; другое заключало въ себѣ пространную записку въ защиту донатистовъ. Неутомимый борецъ противъ ереси не могъ оставить эту защиту безъ отвѣта, и такъ возникли въ 420 г. „Двѣ книги Августина противъ Гауденція“.

Августинъ придерживался въ своемъ опроверженіи того же способа, къ которому прибѣгъ въ полемикѣ съ Петиліаномъ. Приводя буквально отдѣльныя мѣста изъ посланія своего противника, онъ опровергалъ ихъ одно за другимъ. Онъ считалъ

это нужнымъ въ виду придирчивости донатистовъ, утверждавшихъ, что ихъ доводы оставляются безъ возраженій, если на нихъ не отвѣчали слово за слово. Это была форма стѣснительная и неблагодарная; затѣмъ, въ полемикѣ съ донатистами, длившейся уже почти тридцать лѣтъ, Августину невозможно было избѣгать повтореній; наконецъ, ему самому уже было тогда подъ семьдесятъ лѣтъ, и, несмотря на это, письма противъ Гауденція заключаютъ въ себѣ и новые обороты мысли, и интересныя черты для характеристики Августина. Его полемическій жаръ не остылъ, его риторическій пафосъ не оскудѣлъ; фанатическое ожесточеніе противника его самого ожесточало, и методически-скучный диспутъ у него прерывается вспышками язвительнаго и обиднаго сарказма. Отвѣчая въ сотый разъ донатистамъ, примѣнявшимъ къ себѣ слова Евангелія: „блаженны изгнанные", Августинъ восклицаетъ: „Велики ваши доблести, которыми вы хвалитесь, какъ доказательствами вашей правды: отдѣленіе отъ Христа, отъ Таинствъ Христовыхъ, нарушеніе мира Христова, война противъ членовъ тѣла Христова, обвиненіе противъ невѣсты Христовой, отреченіе отъ обѣщаній Христовыхъ. Вотъ ваша правда, изъ-за которой вы отстаиваете себя съ великимъ упорствомъ противъ тѣхъ, кто васъ тѣснитъ". Искусно приводя въ связь наклонность донатистовъ къ самоубійствамъ, съ обвиненіемъ основателей этой секты въ выдачѣ священныхъ книгъ, Августинъ сокрушаетъ своихъ противниковъ словами: „Неудивительно, что они и потомковъ своихъ научили возлюбить смерть предателя. Но, избѣгая сходства съ нимъ (съ Іудой), они никогда или крайне рѣдко умерщвляютъ себя посредствомъ удавленія. Однако, все это совершенно напрасно, ибо тотъ самый побудилъ Іуду къ самоубійству, кто и стадо свиней повергъ съ крутизны въ море... и дерзновенно искушалъ самого Господа броситься съ крыши храма. Но хотя бы вы и всевозможными способами обрекали себя на добровольную смерть, вы все-таки въ самоубійствѣ подражаете, по внушенію діавола, примѣру Іуды-предателя".

Главнымъ доводомъ Гауденція противъ насильственнаго обращенія служила свобода воли, дарованная Богомъ человѣку. „Зачѣмъ меня лишаютъ того,—спрашивалъ Гауденцій,—что даровалъ мнѣ Господь? Обрати вниманіе, почтенный мужъ, какое святотатство—дерзновенно отнимать у человѣка то, что Господь ему далъ, да еще суетно хвалиться, что дѣлается въ угоду Богу. Развѣ людская затѣя защищать Бога—не великая для Него обида? Развѣ не полагаетъ тотъ, кто собирается насиліемъ защищать

Бога, что Господь не въ состояніи самъ отомстить за свою обиду?" Обходя сущность вопроса, Августинъ на это возразилъ, что изъ обманчивыхъ и пустыхъ разсужденій донатистовъ слѣдуетъ, что нужно ослабить и вовсе отпустить удила человѣческому своеволію и всѣ грѣхи оставлять безнаказанными; но неужели нужно предоставлять полный разгулъ страстямъ и преступленіямъ безъ всякаго сопротивленія со стороны законовъ? „Неужели никто не смѣетъ удерживать отъ свободы и сладости грѣха угрозами или карами? ни царь—своихъ подданныхъ, ни военачальникъ—воиновъ, ни судья—обывателя, ни господинъ—раба, ни мужъ—жену, ни отецъ—сына? Неужели слѣдуетъ все предоставить на усмотрѣніе вашей злой воли, для того, чтобы вы не утратили свободы воли? Если же вамъ совѣстно передъ людьми, то восклицайте, если дерзаете: пусть караются убійства, прелюбодѣянія, пусть караются всѣ прочія преступленія или злодѣянія страсти; одни лишь святотатства должны оставаться ненаказуемыми закономъ государства! Пусть никакая человѣческая власть не противится и не противодѣйствуетъ нашей свободной волѣ, когда мы наносимъ обиду Господу. Конечно, человѣку дана была при его сотвореніи свободная воля; но съ тѣмъ, чтобы потерпѣть кару въ случаѣ злодѣянія. Тѣ, первые люди, когда согрѣшили, были наказаны смертью; и прежде чѣмъ ихъ постигла смерть тѣлесная, они были изгнаны изъ рая. Милосердѣе съ вами поступаетъ императоръ, ради кротости христіанской, назначивъ вамъ въ наказаніе не смерть, а изгнаніе".

Оправдывая принужденіе въ дѣлахъ вѣры, Августинъ ссылается на примѣръ царя ниневійскаго, предписавшаго, по словамъ пророка Іоны, жителямъ своей столицы покаяніе. Возражая Гауденцію, который жаловался словами Писанія, что у праведныхъ отняты *труды* ихъ,—разумѣя подъ этимъ конфискацію донатистскихъ имуществъ, Августинъ спрашиваетъ: „Какіе же это ваши труды, которыми вы кичитесь? Развѣ не справедливо, чтобы ваши церкви, при переходѣ къ Христу, переходили со всѣми своими имуществами? Если, при переходѣ ихъ, вы хотите удержать за собою ихъ имущества,—вы хотите завладѣть чужимъ добромъ. Впрочемъ, относительно этихъ „трудовъ" легко рѣшить вопросъ. Вѣдь тѣ, кому они принадлежали, сами возвращаются въ лоно каѳолической церкви: такимъ образомъ мы ежедневно, по мѣрѣ того, какъ кто-либо изъ васъ къ намъ переходитъ, возвращаемъ вамъ деньги, платье, плоды, сосуды, поля, дома вашихъ, а вы когда же намъ возвратите души нашихъ?"

Какъ видно изъ этого, Августинъ слишкомъ легко отнесся

къ упреку въ захватѣ каѳоликами собственности донатистскихъ приходовъ; вѣдь это софизмъ—говорить донатистамъ: переходите же къ намъ, и тогда вы опять будете владѣть своимъ добромъ. Болѣе чувствителенъ былъ Августинъ къ другому упреку. „Вникни,—писалъ Гауденцій Дульцицію,—какъ не пристала твоему благоразумію обязанность палача", а затѣмъ, указавъ на какого-то „Габинія и товарищей, лишенныхъ угрозами, страхами и гоненіями природной свободы", Гауденцій довольно нескладно уподобилъ ихъ язычникамъ, сотворившимъ себѣ кумиръ и поклоняющимся подобію истины. Августинъ вспылилъ: „Къ безумію своему ты еще присоединяешь богохульство и дерзаешь каѳолическую церковь называть измышленіемъ человѣческимъ. Что же удивительнаго, если Габиній и другіе, какъ люди мудрые, увидѣвъ, что за устарѣлое упрямство въ укоренившейся привычкѣ имъ грозитъ лишеніе имущества и изгнаніе, поразсудили, слѣдуетъ ли претерпѣвать это изъ-за человѣческаго измышленія, сопротивляясь божественному дѣлу. То, что вы называете гоненіемъ, они признали для себя поводомъ къ исправленію. Итакъ, видишь ли, что вовсе по пустому ты сказалъ человѣку, требовавшему, по приказу благочестивѣйшаго императора, исправленія вашего, что ему не къ лицу обязанность палача, ибо что же можетъ быть болѣе къ лицу благочестивому воину, чѣмъ стать спасителемъ многихъ исправившихся". Не менѣе сурово говоритъ Августинъ о роли военной власти въ религіозныхъ вопросахъ и по поводу послѣднихъ словъ Гауденція къ Дульцицію: „прошу тебя смягчить гнѣвъ и воздержаться отъ гибели невинныхъ". „*Вы* сами жестоки къ себѣ, *вы* безчеловѣчны; *вы*, дѣлающіе съ собою то, что другіе привыкли дѣлать лишь со своими врагами. Вы виновны, и тѣмъ не менѣе, трибунъ предоставляетъ вамъ выходъ (exitum), вы же сами ищете своей гибели (exitium)". Риторическіе пріемы, образчикомъ которыхъ можетъ послужить приведенная сейчасъ игра словъ, были, конечно, плохою школой справедливости и гуманности. Характеромъ этой полемики объясняется многое въ увлеченіяхъ Августина; она устраняла охоту или возможность вникнуть въ положеніе противника, заглушала снисходительность къ его ошибкамъ, состраданіе къ его бѣдствіямъ. Съ полемической точки зрѣнія, гоненіе, на которое жалуются побѣжденные, становится *мнимымъ*; жертвами гоненія на самомъ дѣлѣ являются у Августина побѣдители: „Если,—обращается онъ къ Гауденцію,—о гоненіи можно говорить лишь тогда, когда кому-либо причиняется мученіе, то развѣ, по-твоему, мученіе души, которому мы подвергаемся, легче, чѣмъ мученіе тѣла?—Такому му-

ченію подвергался праведный Лотъ, болѣя душой отъ грѣховъ содомитовъ; такое мученіе причиняютъ донатисты каѳоликамъ своею ересью. Не признавая страданія противниковъ, риторическая полемика не признаетъ за ними и подвига. Восхваляя мучениковъ за истинную вѣру, Августинъ заявляетъ: „Если же кто изъ-за дѣла Доната лишился клочка одежды, то нельзя это считать мужествомъ. Даже смерть отъ руки каѳолика не можетъ быть сочтена донатистами за мученичество, ибо они въ этомъ случаѣ несутъ лишь кару за свои дѣянія. Вѣдь и разбойники, и другіе уголовные преступники, если подвергаются заслуженной карѣ закона, не признаются мучениками“.

Тѣмъ менѣе Августинъ склоненъ признать мученичествомъ самоубійство, къ которому прибѣгали донатисты, чтобы избѣгнуть обращенія, и которымъ стращалъ императорскаго трибуна Гауденція. Августинъ напоминаетъ ему, что донатисты и въ прежнее время добровольно предавали себя смерти въ самообольщеніи, что это мученичество,—и приводитъ слова чтимаго и донатистами карѳагенскаго епископа, св. Кипріана, противъ самосожженія. Въ особенности подробно останавливается по этому случаю Августинъ на самоубійствѣ современника Маккавеевъ, Разиса, примѣръ котораго служилъ авторитетомъ для донатистовъ. Не имѣя возможности бѣжать отъ враговъ, принуждавшихъ евреевъ къ языческимъ жертвамъ, старикъ Разисъ ударилъ себя мечомъ, но, не покончивъ съ собою этимъ способомъ, бросился съ городской стѣны; оставшись и тутъ въ живыхъ и окруженный врагами, онъ обѣими руками вырвалъ свои внутренности и разбросалъ ихъ, чтобы избавиться отъ жизни и отъ принужденія отпасть отъ вѣры отцовъ своихъ. Августинъ признаетъ, что Разисъ восхваляется Священнымъ Писаніемъ; но за что?—спрашиваетъ онъ. И любопытно, какъ онъ старается умалить значеніе приведеннаго авторитета. Разисъ восхваляется за любовь къ отечеству; но этимъ отечествомъ былъ земной Іерусалимъ, а не небесный; онъ восхваляется за свою преданность іудаизму, но по сравненію съ правдой Христовой апостолъ почитаетъ это тщетой и умѣтомъ. О Разисѣ сказано, что онъ доблестно искалъ смерти: но лучше было бы,—прибавляетъ Августинъ,—поступить смиреннѣе и тѣмъ паче разумнѣе. По этому поводу онъ указываетъ на различіе между свѣтской исторіей и священной. „Исторія языческая восхваляетъ мужественныхъ людей сего міра, а не мучениковъ Христовыхъ“. Августинъ, далѣе, указываетъ, что сами іудеи не ставятъ авторитетъ Книгъ Маккавеевъ на одинъ уровень съ авторитетомъ Закона и Пророковъ, и что

эти Книги приняты церковью, какъ полезное наставленіе при условіи разумнаго пониманія его. И Августинъ извлекаетъ изъ исторіи Разиса совершенно другой выводъ, чѣмъ донатисты, совѣтуя имъ бѣжать отъ смерти, а не умерщвлять себя. „Спросите Христа,—онъ приказываетъ вамъ бѣжать. Спросите трибуна,—онъ разрѣшаетъ вамъ бѣжать. И еслибы вы могли спросить самого Разиса, онъ вамъ отвѣтилъ бы: я не имѣлъ возможности бѣжать. Итакъ, вы не можете ссылаться ни на Христа Спасителя, ни на трибуна гонителя, ни на авторитетъ Разиса".

Августинъ былъ, конечно, совершенно правъ, совѣтуя донатистамъ руководиться авторитетомъ не Книги Маккавеевъ, а Евангеліемъ. Но эти люди не даромъ были соплеменниками тѣхъ, кто вырывалъ себѣ въ предсмертныхъ мученіяхъ внутренности, чтобы не „отпасть отъ вѣры" отцовъ своихъ. Въ своемъ посланіи Гауденцій ставитъ потрясающій вопросъ: развѣ то не гоненіе, что̀ побудило столько тысячъ неповинныхъ людей предать себя смерти? Отвѣтъ Агустина очень слабъ: онъ обходитъ самый вопросъ Гауденція и придирается къ слову: „неповинны". „Объясните,—спрашиваетъ онъ, съ своей стороны,—какъ это вы неповинны, терзая и убивая Христа? Докажите, какимъ это образомъ васъ принуждаютъ къ смерти, васъ, кому бѣгство предписано божественнымъ велѣніемъ и разрѣшено людскимъ распоряженіемъ?"

Мы не знаемъ, имѣлъ ли въ виду Гауденцій, говоря о *тысячахъ*, предавшихся самосожженію, свое время, послѣднія судороги, доведеннаго до отчаянія донатизма, или онъ разумѣлъ число погибшихъ такимъ образомъ за цѣлый вѣкъ борьбы? Во всякомъ случаѣ, самъ Августинъ подтверждаетъ ужасный фактъ самосожженія схизматиковъ, уменьшая лишь число жертвъ. Но то, что̀ онъ въ этомъ случаѣ говоритъ въ утѣшеніе или оправданіе, еще ужаснѣе, чѣмъ самый фактъ религіознаго изступленія, имъ удостовѣренный. Упоминая о томъ, какъ многіе изъ донатистовъ въ прежнія времена умерщвляли себя разными способами, Августинъ продолжаетъ: „А въ сравненіи съ ними какъ мало нынѣ себя добровольно сожигаютъ! Но если ты думаешь, что насъ должно растрогать то, что столько тысячъ погибаетъ, ты недостаточно высоко цѣнишь утѣшеніе, которое мы находимъ въ томъ, что несравненно большее число тысячъ освобождается отъ безумія донатистовъ. Ибо тѣ, которые такъ погибаютъ, даже численностью не могутъ равняться съ тѣми, кто, покинувъ имя и образъ жизни циркумцелліоновъ, трудятся надъ обработкой полей, соблюдаютъ цѣломудріе и церковное единство; еще менѣе

тѣ погибшія души идутъ въ сравненіе съ числомъ не только дѣтей обоего пола, юношей и дѣвушекъ, но даже семейныхъ людей и стариковъ, безчисленное множество которыхъ переходитъ изъ нечестиваго раскола донатистовъ въ истинный и каѳолическій міръ Христовъ".

Равнодушіе, съ которымъ Августинъ здѣсь отворачивается отъ ужаснаго зрѣлища добровольныхъ костровъ, поражаетъ насъ еще болѣе непріятно, когда къ нему примѣшивается презрительное отношеніе къ несчастнымъ жертвамъ самообольщенія, искавшимъ въ огнѣ осуществленія своихъ религіозно-нравственныхъ идеаловъ. Приведенныя сейчасъ слова находятся въ діатрибѣ, обращенной къ донатисту, который грозилъ прибѣгнуть къ этому крайнему средству спасенія. Августинъ могъ думать, что не въ интересѣ его полемики высказывать состраданіе къ подобнымъ жертвамъ; но что̀ сказать о рѣзкомъ и жестокомъ отзывѣ о самосожигателяхъ, который мы находимъ въ поученіи Августина къ трибуну Бонифацію? Вмѣсто того, чтобы предостеречь этого правителя Африки, указавъ ему, къ какимъ бѣдствіямъ приводятъ слишкомъ усердныя гоненія, Августинъ ихъ какъ бы поощряетъ, отрицая у жертвъ добровольныхъ костровъ всякое нравственное значеніе. Поблагодаривъ Бога за то, что въ гиппонской епархіи, „хотя не вездѣ церковный миръ устанавливается безъ этихъ безумныхъ самоубійствъ", Августинъ продолжалъ: „Такіе ужасные случаи бываютъ тамъ, гдѣ проживаетъ бѣшеная и негодная порода людей, привыкшая дѣлать то же самое еще въ прежнія времена". Но тутъ же онъ позволилъ себѣ неосторожное слово: „При чемъ тутъ братская любовь? Неужели ей, изъ опасенія кратковременнаго пламени, въ которомъ погибаютъ немногіе, предоставить всѣхъ вѣчному огню геенны". Не случайно вырвалась эта антитеза у африканскаго ритора. Августинъ возвращается и въ другихъ случаяхъ къ ней и, склоняя Бонифація — идиллическимъ изображеніемъ обращенныхъ — къ строгимъ мѣрамъ, говоритъ: „Еслибы ты ихъ видѣлъ, то счелъ бы слишкомъ большой жестокостью предоставить ихъ вѣчной гибели и мученію въ неугасаемомъ огнѣ, изъ страха, чтобы горсть отчаянныхъ людей, не идущая въ сравненіе съ безчисленнымъ множествомъ обращенныхъ, не предалась добровольно сожженію земнымъ огнемъ". Слова неосмотрительныя и роковыя: ими были введены въ заблужденіе не одни современники сожигавшихъ себя донатистовъ, скоро сошедшихъ со сцены исторіи, но безчисленные въ теченіе ряда вѣковъ фанатики иного рода, которые жгли

на кострахъ другихъ людей для того, или подъ предлогомъ того, чтобы ихъ спасти отъ неугасаемаго огня геенны!

III.

И однакоже, въ душѣ того, кому принадлежатъ эти слова, соединялось съ античной гуманностью христіанское милосердіе. Но эта душа была полна противорѣчій, обусловленныхъ какъ впечатлительностью и пылкостью натуры, такъ и риторическимъ воспитаніемъ. Борьба съ донатистами должна была послужить новымъ источникомъ противорѣчій. Желая покорить любовью сердца еретиковъ, Августинъ былъ вовлеченъ съ ними въ полемику, въ которой явилъ себя риторомъ, дѣйствовавшимъ на страсти и увлекавшимся страстью. Будучи противникомъ карательныхъ мѣръ, Августинъ былъ ослѣпленъ ихъ практическою пользой, и, ставъ ихъ защитникомъ, прославлялъ ихъ съ присущимъ ему риторическимъ паѳосомъ... Но въ глубинѣ его души не угасали его идеалы и его христіанскіе завѣты. Въ то самое время, когда онъ восхищался дѣйствіемъ императорскихъ законовъ противъ еретиковъ и защищалъ ихъ,—онъ оставался идеалистомъ церкви, какъ божескаго царства, не желавшимъ, чтобы земное царство, съ его обрызганными кровью руками, справляло ея дѣла; оставался апостоломъ Евангелія, чуждавшимся пролитія крови. Во всемъ этомъ можно убѣдиться по его письму къ проконсулу Донату отъ 408 г. По этому краткому письму можно познать всего Августина. „Я не хотѣлъ бы,— пишетъ онъ, скромный епископъ, но сильный своимъ авторитетомъ, первому сановнику Африки,—я не хотѣлъ бы видѣть церковь африканскую въ такомъ бѣдственномъ положеніи, чтобы она нуждалась въ помощи какой-либо земной власти". Но такъ какъ „нѣтъ власти не отъ Бога", то Августинъ находитъ „не малое утѣшеніе" въ томъ, что проконсульскою властью облеченъ такой христолюбивый человѣкъ, который можетъ и захочетъ сдержать враговъ церкви отъ ихъ преступныхъ замысловъ. „Одного только,—продолжаетъ Августинъ,—опасаемся мы отъ твоей справедливости: чтобы ты не почелъ нужнымъ карать ихъ, сообразуясь не съ кротостью христіанской, а съ гнусностью ихъ злодѣяній. Конечно, то, что и эти нечестивые и неблагодарные люди творятъ противъ христіанскаго общества, много хуже и преступнѣе, чѣмъ еслибы они это совершали въ ущербъ другимъ; но тѣмъ не менѣе, заклинаемъ тебя Іисусомъ Христомъ, ты этого не дѣлай. Ибо мы не ищемъ

мести нашимъ врагамъ на этой землѣ и страданія наши не должны вызывать въ насъ такой тревоги духа, чтобы забыть предписаніе того, за истину и имя котораго мы страдаемъ: мы любимъ нашихъ враговъ и молимся за нихъ. Поэтому мы желаемъ, чтобы страшные судьи и законы служили къ исправленію ихъ, а не къ казни; мы не желаемъ ихъ безнаказанности, но не желаемъ и казней, которыхъ они достойны. Поэтому *такъ* карай ихъ грѣхи, чтобы было кому раскаяваться въ своихъ грѣхахъ". Августинъ проситъ проконсула забыть, когда онъ станетъ разбирать хотя бы самыя нечестивыя обиды церкви, что ему дана власть казнить,—но не забывать его просьбы. „Не пренебрегай, любезнѣйшій сынъ, нашей просьбой о пощадѣ тѣхъ, за которыхъ мы молимъ Господа, чтобы онъ исправилъ ихъ". Притомъ пусть проконсулъ приметъ въ соображеніе, что церковныя дѣла вчинаются духовенствомъ; если же онъ будетъ примѣнять къ нимъ смертную казнь, то устрашитъ епископовъ и побудитъ ихъ не доводить до него никакихъ дѣлъ и предпочитать скорѣе самимъ потерпѣть смерть, чѣмъ добиваться казней чрезъ посредство властей, — а это лишь увеличитъ дерзость донатистовъ. Бо́льшую помощь онъ окажетъ епископамъ, если будетъ такъ примѣнять императорскіе законы, что не дастъ повода донатистамъ „хвастаться мученичествомъ за истину и право". Августинъ выражаетъ увѣренность, что еслибы онъ не былъ епископомъ, а Донатъ былъ почтенъ еще болѣе высокой властью, то и тогда онъ могъ бы разсчитывать на его вниманіе къ своей просьбѣ. Въ силу этого Августинъ проситъ проконсула предписать и подчиненнымъ ему судьямъ смягчить свою суровость, и заключаетъ словами: „Болѣе тяжко, чѣмъ полезно принужденіе людей вмѣсто наставленія ихъ, хотя бы это дѣлалось для избѣжанія бо́льшаго зла и достиженія великаго блага".

Но Августину пришлось еще глубже познать бѣдственныя послѣдствія императорскихъ законовъ, которые онъ привѣтствовалъ, какъ спасительное отъ ереси средство. Ему пришлось не только умѣрять усердіе исполнителей закона, напоминая имъ, что они мстятъ за обиды *церкви*, и не должны въ этомъ дѣлѣ идти дальше, чѣмъ желаетъ церковь. Законы Гонорія ухудшали зло, противъ котораго были изданы. Вызывая, мѣстами, ожесточеніе гонимыхъ, эти законы доводили ихъ до преступленій и этимъ подводили ихъ подъ дѣйствіе жестокихъ уголовныхъ законовъ. Переписка Августина бросаетъ свѣтъ на эту темную сторону императорскаго Рима. Какъ блюститель евангельскаго принципа, Августинъ протестуетъ противъ пріемовъ римскаго уголовнаго судопроизвод-

ства. Теперь онъ не только воздерживаетъ государственныхъ сановниковъ отъ перенесенія на церковныя дѣла административной точки зрѣнія, но самъ вмѣшивается во имя христіанскаго принципа въ область свѣтской юрисдикціи.

Упомянутое выше убійство донатистами двухъ каѳолическихъ пресвитеровъ не осталось безнаказаннымъ. Циркумцелліоны и донатистскіе клирики, причастные къ этому убійству, были арестованы мѣстными властями и отправлены на судъ въ Карѳагенъ. При наряженномъ Марцеллиномъ слѣдствіи, многіе изъ нихъ признались въ изувѣченіи и убійствѣ пресвитеровъ. Какое это было слѣдствіе, мы узнаемъ изъ Августина, и призракъ средневѣковыхъ застѣнковъ цѣликомъ возстаетъ предъ нами. Августинъ хвалитъ Марцеллина за „отеческую любовь", съ которой онъ велъ слѣдствіе, за то, что онъ добился признанія „однѣми розгами, не прибѣгая ни къ растяженію тѣла на станкѣ, ни къ вырыванію крючьями мяса, ни къ обжиганію его пламенемъ". Но слѣдствіе закончено,—что же далѣе? Августинъ слышалъ, что власти намѣрены примѣнить къ подсудимымъ во всей строгости законъ возмездія. И вотъ Августинъ въ своемъ письмѣ заклинаетъ трибуна „вѣрою его въ Христа и милосердіемъ самого Господа Христа, чтобъ онъ этого не дѣлалъ и сдѣлать не позволилъ". Правда, заявляетъ Августинъ, онъ могъ бы сдѣлать видъ, что ничего не знаетъ о предстоящей имъ казни: не отъ него пошло обвиненіе, а отъ тѣхъ, кто приставленъ къ охраненію порядка. „Но мы не хотимъ, чтобы мученичество слугъ Божіихъ каралось по закону *возмездія*. Не потому, чтобы мы не желали отнять у преступныхъ людей возможность совершать новыя злодѣянія; но мы желаемъ, оставивъ ихъ въ живыхъ и сохранивъ имъ цѣлость тѣла, исцѣлить ихъ карою закона отъ недуга мятежности и направить ихъ отъ злого къ какому-нибудь полезному дѣлу. Вѣдь и это называется наказаніемъ; но кто же не пойметъ, что слѣдуетъ скорѣе называть благодѣяніемъ, чѣмъ казнью — когда отнимается свобода злодѣйствовать и въ то же время предоставляется возможность цѣлебнаго раскаянія?

„Исполни же, судья христіанскій, обязанность благочестиваго отца, прояви свой гнѣвъ противъ преступленій, не забывая руководиться гуманностью; не давай воли чувству мести при преслѣдованіи злодѣяній грѣшниковъ, но постарайся уврачевать ихъ раны". Наказаніе не должно быть болѣе жестоко, чѣмъ дознаніе, т.-е. должно ограничиться розгами: „этотъ способъ наказанія примѣняется учителями въ школахъ и самими родителями, и часто даже прилагается къ дѣлу на судѣ епископовъ. Такъ

не карай же жестоко за то, чего ты такъ легко дознался. Нужнѣе дознаніе, чѣмъ наказаніе; для того именно самые гуманные люди тщательно и настоятельно дознаются скрытаго злодѣянія, чтобы узнать, кого слѣдуетъ *пощадить*. Поэтому часто бываетъ необходимо производить строгое слѣдствіе, чтобы, по открытіи преступленія, получила возможность проявить себя *кротость*. Такъ пусть же власть наказывать не ожесточитъ того, чью кротость не уничтожила необходимость разслѣдовать это дѣло; не зови палача, раскрывши преступленіе, при дознаніи котораго ты не хотѣлъ прибѣгать къ истязателю".

Въ этихъ словахъ высказался человѣкъ по природѣ мягкій и чувствительный, кромѣ того поднятый античною культурою на высоту современной гуманности. Но Августинъ былъ въ то же время правителемъ церкви: ея интересы были замѣшаны въ этомъ дѣлѣ, и вотъ онъ продолжаетъ: „Наконецъ, ты присланъ радѣть о пользѣ церкви: а то, о чемъ я прошу, полезно для церкви; а чтобы такое утвержденіе мое не казалось превышеніемъ авторитета съ моей стороны,—скажу, что это полезно для церкви въ епархіи Гиппоны. Если ты не хочешь исполнить просьбы друга, то прими совѣтъ епископа. И такъ какъ я говорю съ христіаниномъ и рѣчь идетъ о такомъ серьезномъ дѣлѣ, то не будетъ съ моей стороны надменнымъ сказать, что ты обязанъ повиноваться приказанію епископа, достопочтенный и по заслугамъ высокопоставленный господинъ и дражайшій сынъ".—„И хотя мнѣ извѣстно, что церковныя дѣла по преимуществу поручены твоему превосходительству, но такъ какъ я полагаю, что это дѣло относится къ вѣдомству свѣтлѣйшаго проконсула, то я и ему писалъ; тебя же прошу ему передать мою просьбу и, если нужно, поддержать ее; васъ обоихъ я умоляю не посѣтовать на наше заступничество и ходатайство; не умаляйте мученичества каѳолическихъ слугъ Божіихъ, которое должно служить къ духовному назиданію слабыхъ возмездіемъ врагамъ, отъ коихъ они пострадали, но, отложивъ строгость судебную, не отказывайтесь проявить и вѣру вашу, и кротость самой матери вашей, ибо вы—сыны церкви".

Упомянутый сейчасъ проконсулъ Апрингій былъ братъ Марцеллина. Тонъ письма Августина къ этому важнѣйшему въ провинціи представителю императорской власти торжественнѣе и еще внушительнѣе. „Я не сомнѣваюсь,—начинаетъ Августинъ,—что въ пользованіи властью, которую Господь далъ надъ людьми тебѣ, человѣку, ты помышляешь о божественномъ судѣ, ибо и судьи дадутъ на немъ отчетъ о своемъ судѣ". Изложивъ дѣло и напомнивъ слова апостола о властяхъ, что они отомстители

злодѣямъ и не напрасно носятъ мечъ, Августинъ продолжаетъ: „Но не одно и то же—*провинція* и церковь; управленіе провинціей должно совершаться съ устрашеніемъ; въ церковныхъ же дѣлахъ милосердіе должно служить къ прославленію кротости церкви. Еслибы я велъ рѣчь съ судьей не-христіаниномъ, я бы иначе говорилъ, но и тогда бы я не оставилъ дѣла церкви и настаивалъ бы на томъ, чтобы она не была запятнана кровью враговъ своихъ; а еслибы онъ не уступилъ мнѣ въ этомъ, я бы заподозрилъ, что онъ противится мнѣ изъ враждебнаго расположенія къ церкви". Августинъ указываетъ на то, что дѣло велось такъ тщательно, чтобъ обличить въ совершённыхъ ими ужасныхъ насиліяхъ враговъ церкви, похваляющихся тѣмъ, что они—жертвы преслѣдованія. Протоколы судебнаго дѣла будутъ публично читаемы, чтобы исцѣлять души, отравленныя ихъ кознями. „Неужели же,—спрашиваетъ Августинъ проконсула,—тебѣ угодно, чтобы намъ было страшно прослушать до конца чтеніе протокола, который будетъ содержать въ себѣ описаніе кровавой казни,—хотя мы знаемъ, что за зло не слѣдуетъ воздавать зломъ!" Августинъ заявляетъ, что еслибы не существовало никакого иного наказанія, кромѣ смертной казни, онъ предпочелъ бы совсѣмъ отпустить подсудимыхъ на свободу; но такъ какъ есть и болѣе мягкія наказанія, то почему не избрать путь болѣе благоразумнаго и мягкаго приговора, по которому предоставлено судьямъ идти даже въ такихъ дѣлахъ, которыя не касаются церкви. „Такъ страшись же вмѣстѣ съ нами суда Господа-отца и докажи кротость матери; ибо то, что ты дѣлаешь, то творитъ церковь, ради которой ты это дѣлаешь, какъ ея сынъ. Состязайся добромъ со злыми. Тѣ не пощадили увѣщевавшихъ ихъ слугъ Божіихъ; а ты пощади захваченныхъ, пощади обличенныхъ; тѣ нечестивымъ мечомъ пролили кровь христіанскую, а ты воздержи, Христа ради, отъ пролитія ихъ крови судейскій мечъ. Тѣ убійствомъ укоротили вѣкъ слугъ церкви; а ты, даруя жизнь врагамъ церкви, дай имъ время покаяться. Вотъ какимъ долженъ быть въ дѣлѣ церкви христіанскій судья, по нашей просьбѣ, согласно съ нашимъ наставленіемъ и заступничествомъ. Людямъ обычно, когда судъ поступаетъ съ ихъ осужденными противниками слишкомъ мягко, взывать отъ мягкаго приговора: мы же настолько любимъ нашихъ враговъ, что еслибы мы не разсчитывали на твое христіанское послушаніе, жаловались бы на твой строгій приговоръ". Не даромъ Августинъ упоминаетъ здѣсь объ апелляціи. Какъ мы увидимъ, онъ дѣйствительно имѣлъ въ виду прибѣгнуть къ этому средству. Въ другомъ письмѣ къ Марцеллину

онъ снова проситъ и настаиваетъ не проливать крови: „Если же,—пишетъ онъ,—проконсулъ будетъ настаивать на казни, хотя онъ христіанинъ и, сколько я могъ замѣтить, не склоненъ къ жестокостямъ,—тогда прикажите приложить къ протоколамъ письма, которыя я вамъ обоимъ писалъ. Мнѣ приходилось слышать, что во власти судьи смягчать приговоръ и наказывать слабѣе, чѣмъ гласитъ законъ. Если же онъ не согласится, несмотря на мои письма, такъ поступить, то пусть, по крайней мѣрѣ, дозволитъ оставить виновныхъ подъ стражей, и мы постараемся исходатайствовать у милосердія императоровъ [1]), чтобы мученичество слугъ Божіихъ, которое должно доставить церкви славу, не обезчестилось пролитіемъ крови враговъ".

Всякій, конечно, прочтетъ съ глубокимъ удовлетвореніемъ эти слова Августина въ заключеніе долгой повѣсти о гоненіяхъ на отступниковъ отъ церковнаго единства. Эти слова находятся въ противорѣчіи съ его собственною ролью въ этихъ гоненіяхъ и съ принципами, которые онъ отстаивалъ въ этомъ дѣлѣ. Но это противорѣчіе, важное для біографа Августина, цѣнно и для историка культуры.

Изъ предшествовавшаго очерка можно усмотрѣть, что взгляды, высказанные Августиномъ на преслѣдованіе донатистовъ, нельзя подвести подъ одну формулу или догму: въ нихъ есть колебанія, есть противорѣчія, обусловленныя иногда минутой и обстоятельствами, въ общемъ же укладывающіяся подъ понятіе эволюціи. Августинъ началъ какъ любвеобильный апостолъ, жаждущій подѣлиться съ другими тѣмъ духовнымъ благомъ, которое онъ самъ обрѣлъ. Братскою любовью онъ надѣялся покорить *сердца* раскольниковъ-донатистовъ. Затѣмъ онъ сдѣлался страстнымъ апологетомъ и безпощаднымъ полемистомъ. Въ то-же время онъ былъ и пастыремъ, и счелъ необходимымъ для защиты своей паствы принимать мѣры, которыя уже выходили изъ предѣловъ проповѣди; а наконецъ Августинъ, въ своемъ пастырскомъ безсиліи, ухватился за вооруженную желѣзомъ руку помощи, которую ему протянуло государство. Аналогія между осязательнымъ царствомъ христіанскаго императора и духовнымъ царствомъ Христа напрашивалась людямъ V вѣка. Римская имперія, по ихъ выраженію, охватила всю *ойкумену*—вселенную: за ея предѣлами оставались лишь варвары-язычники, съ которыми была

[1]) Выражая эту надежду, Августинъ имѣлъ въ виду бывшій на его памяти случай убіенія въ 397 г. язычниками близъ Тріента, чтимыхъ мучениками, Сисинія, Мартирія и Александра, и согласіе императора на ходатайство не подвергать убійцъ смертной казни.

неизбѣжна постоянная борьба; всякая побѣда надъ ними была двойнымъ благомъ: благомъ для имперіи, избавляя отъ враговъ; благомъ для побѣжденныхъ, дѣлая ихъ причастными ея благамъ. Въ церковной области также происходила постоянная борьба—притомъ двоякая: распространившаяся по всей вселенной церковь была не только окружена врагами-язычниками, но и внутренними врагами, нарушившими ея единство; а насколько ея идеалъ и ея цѣли были выше и священнѣе идеи и цѣли имперіи, настолько ея побѣда надъ врагами, включеніе ихъ въ священную ограду, казались задачей болѣе неотложной и возвышенной. Идеалистъ Августинъ въ этомъ отношеніи раздѣлялъ конкретныя мірскія представленія своего времени. Съ этой точки зрѣнія *насиліе* казалось не только дозволеннымъ, но и благодѣтельнымъ. И Августинъ вступилъ на эту точку зрѣнія; этому способствовали самый идеализмъ его, его страстное одушевленіе и безкорыстное служеніе великому идеалу того вѣка—единству вѣры и церкви,—идеалу, которымъ обусловливалось и земное спасеніе тогдашняго общества, и который былъ залогомъ дальнѣйшаго культурнаго развитія человѣчества. Увлекаясь служеніемъ этому идеалу, Августинъ забылъ, какимъ образомъ онъ сдѣлался *его* достояніемъ. *Его* душевныя раны были исцѣлены не тѣмъ способомъ, который годится для муловъ, а свободнымъ исканіемъ правды, погруженіемъ въ священныя книги и внутреннимъ просвѣтленіемъ. Великій христіанскій учитель сдѣлалъ много для торжества дорогого ему идеала, но онъ не усомнился принести ему языческую жертву по обычаю своихъ предковъ и, какъ другой его предокъ, онъ, не сознавая этого, посѣялъ сѣмя драконовъ. Правда, Августинъ разумѣлъ преимущественно насиліе духовное; физическое насиліе должно было служить лишь средствомъ воспитанія—испытаніемъ, чтобы побудить отступника отъ единства образумиться, *расположить* его къ внимательному усвоенію истины. Наконецъ, насиліе никогда не должно было вести къ лишенію жизни. Но слишкомъ усердные послѣдователи этой теоріи съумѣли обойти оговорки Августина и обратили духовника въ пособника палача, принимавшаго изъ его рукъ напутствуемую имъ на костеръ жертву.

Однако, указанное выше противорѣчіе выходитъ по своему историческому значенію изъ предѣловъ вопроса объ отношеніи къ раскольникамъ и еретикамъ, коренится глубже, чѣмъ въ личныхъ свойствахъ Августина, и не обусловливается однимъ вліяніемъ римской имперіи на людей IV-го и V-го вѣковъ. Вдохновенные пророки и поэты, скорбѣвшіе о людяхъ и мечтавшіе о спа-

сеніи и обновленіи человѣчества задолго до Августина, провидѣли великую идею о грядущемъ „Божескомъ царствѣ“. Но никто не постигалъ этой идеи съ такимъ пластическимъ творчествомъ, никто не отдавался ей съ такимъ душевнымъ пыломъ, какъ Августинъ. Благодаря ему, образъ „Божескаго царства“ засіялъ надъ міромъ, какъ новое солнце надъ мракомъ и горемъ, сопровождавшими паденіе античной культуры и разореніе имперіи.—Но что же это за царство? Духовное или свѣтское? Для кого оно назначено?—для людей въ загробной жизни или во плоти? Гдѣ его искать? Въ душѣ человѣка, или въ его учрежденіяхъ? Въ рѣшеніи этихъ вопросовъ Августиномъ заключается, главнымъ образомъ, его вліяніе въ исторіи человѣчества, и если это рѣшеніе содержитъ въ себѣ противорѣчіе, то это противорѣчіе было неизбѣжно, какъ оно неизбѣжно во всякой попыткѣ водворить идеалъ въ жизни; ибо, какъ сказалъ великій поэтъ нашего вѣка,—„das Dort ist niemals Hier“.

В. Герье.

СЕМЬЯ ВАРАВИНЫХЪ

РОМАНЪ

I.

Въ уютной, но довольно просто меблированной гостиной госпожи Варавиной сидѣлъ ея постоянный посѣтитель Зарѣцкій; былъ уже восьмой часъ на исходѣ, и горничная Даша, въ бѣломъ передникѣ и чепчикѣ, принесла на большомъ подносѣ чай и печенье, поставивъ все это на столикъ передъ гостемъ.

Тучный Зарѣцкій взялъ большую, низкую чашку, налилъ въ нее нѣсколько капель сливокъ, такъ что чай сталъ похожъ на кофе, помѣшалъ ложечкой и сказалъ, обращаясь къ хозяйкѣ дома:

— На дняхъ видѣлся съ вашимъ злымъ скорпіономъ.

Варавина встрепенулась.

— Съ Переметневымъ?—спросила она.

— Съ нимъ самымъ, съ Ѳедуломъ.

— Ахъ, вы не можете себѣ представить, какъ онъ меня безпокоитъ...

— Что такъ?

— Какъ что? Развѣ вы не знаете, Аркадій Ниловичъ, какъ мы стѣснены въ деньгахъ?

— Знаю, Ольга Яковлевна, знаю.

— Имѣніе наше заложено въ банкѣ, доходы поглощаются процентами; неурожаи или недороды чуть не каждый годъ... А когда урожай хорошъ—цѣны на хлѣбъ низки, и рабочихъ рукъ нѣтъ или чрезвычайно дороги; къ тому же готтентотскій клопъ, или долгоносикъ, или чума на рогатомъ скотѣ, или какая-нибудь

другая гадость... А нашъ „train“ жизни? Конечно, это не то, что было въ доброе старое время, но при нынѣшнемъ безденежьѣ играть въ предводителей дворянства очень дорого...

— Вы называете это игрой?

— А что же это такое? Я не знаю, для чего Петръ Александровичъ служитъ по выборамъ? Вѣдь это просто игра...

— Да для чего вообще служатъ?

— Я не знаю... Иные изъ-за содержанія, иные ради чиновъ и орденовъ, иные...

— Для дѣла, можетъ быть?

— Да, и для дѣла. Говорить о предводительскомъ содержаніи смѣшно. Еле хватаетъ на канцелярію, а въ общемъ приходится тратить неизмѣримо больше чѣмъ получать. Чиновъ и орденовъ у мужа достаточно, а дѣло...

Варавина махнула рукой.

— А дѣло?—спросилъ Зарѣцкій.

— А дѣло вѣчно тормазится всякими начальниками и инстанціями. Остается игра въ политику... Да и развѣ вы не находите, что Петръ Александровичъ старъ и боленъ? Ему очень надо бы отдохнуть. Онъ совершенно изнемогъ на этой службѣ въ теченіе двухъ трехлѣтій. Это надо предоставить молодымъ, а намъ пора на отдыхъ. Дѣти наши всѣ на ногахъ, намъ не о чемъ больше заботиться.

— Я вижу, куда дѣло клонитъ: вамъ хочется продать имѣніе—и за границу!

— Продать имѣніе? Нѣтъ... Но продать часть его—да. Вотъ тотъ лѣсокъ, о которомъ я вамъ говорила, и который смеженъ съ вами. Конечно, за границей намъ, двумъ старикамъ, жить дешевле... Отчего вы не хотите взять у насъ этотъ лѣсъ?

— Сказать?

— Конечно, скажите.

— На это есть много причинъ, но главная—денежный голодъ, какъ теперь выражаются.

— Какъ, и у васъ?..

— Да, чѣмъ же я хуже другихъ?

— Но у васъ уголь...

— А что же такое уголь? У меня уголь и даже неистощимые пласты. Такъ, по крайней мѣрѣ, говорятъ всѣ эти инженеры, которые пріѣзжали смотрѣть мое Зарѣцкое. Говорили разныя глупости: на сто лѣтъ хватитъ всю Европу отапливать—и прочее. И анализы производили, и все выходитъ прекрасно. Но у меня нѣтъ денегъ. А уголь безъ денегъ оказывается спо-

собнымъ лежать безъ движенія въ нѣдрахъ, но не двигаться... Это все равно, что человѣкъ, имѣющій брилліанты и не имѣющій денегъ для обѣда...

Варавина слушала своего гостя разсѣянно, очевидно занятая своей думой. Помолчавъ немного и какъ бы вспомнивъ свое дѣло, она вернулась къ тому, что̀ ее безпокоило.

— Такъ вотъ Переметневъ обѣщалъ на прошлой недѣлѣ зайти поговорить, да такъ и не показывался больше. Это меня безпокоитъ.

— Ѳедулъ первый „губернскій мошенникъ“, если есть такое званіе. Берегитесь его!

— Ахъ, Боже мой, неужели я не знаю этого?! Да вѣдь что̀ же дѣлать?

— Ѳедулъ говорилъ и мнѣ: „Бросьте, Аркадій Ниловичъ, возиться съ вашими анонимными бельгійцами,—пути, молъ, изъ этого не выйдетъ. Что̀ хорошаго—продавать родную землю басурманамъ? Мы сами это какъ-нибудь устроимъ“. А самъ—ни съ мѣста. Предложилъ что-то такое несуразное, что я его въ шею...

— Вы съ нимъ вообще не церемонитесь... Не хотите ли еще чаю?

— Нѣтъ, спасибо. Да что̀ же мнѣ съ нимъ церемониться?..

Онъ помолчалъ, вынулъ папиросу и, съ разрѣшенія Варавиной, закурилъ.

— Много гостей ожидаете?—спросилъ онъ.

— Нѣтъ. Все тѣ же: Марія Егоровна...

— А! наша ходячая газета...

Варавина улыбнулась и продолжала:

— Да, „губернскія вѣдомости“, какъ ее называетъ Петръ Александровичъ. Потомъ, Провъ Михайловичъ, Трифа̀новъ... можетъ быть, еще кто-нибудь.

— Думаетъ Петръ Александровичъ опять баллотироваться? Вѣдь скоро выборы.

Варавина махнула рукой.

— Думаетъ,—уныло сказала она.

— А вы не махайте ручкой, — проговорилъ Зарѣцкій.— Петръ Александровичъ—прекрасный предводитель, и разъ ему это нравится...

— Отчего вы не выставите своей кандидатуры?

Зарѣцкій чуть не поперхнулся дымомъ, откашлялся, потушилъ папиросу и сказалъ:

— Я?.. Да никогда въ жизни! Точно вы меня не знаете? Я—человѣкъ рѣзкій, неуживчивый. Я не хочу быть актеромъ.

На жизнь я смотрю какъ на комедію, иногда драму, рѣже—комедію. И я люблю быть зрителемъ, заплатить за мѣсто въ первомъ ряду и наблюдать, какъ люди ходятъ и говорятъ по суфлеру.

— А кто же суфлеръ?

— Судьба, обстоятельства жизни,—я не знаю... А что ваши дѣти?

Варавина какъ-то вся съёжилась, и на ея худенькомъ, блѣдномъ лицѣ легла тѣнь неудовольствія.

— Что дѣти!..—проговорила она.—Тебѣ что, Алексѣй?—спросила она у вошедшаго въ сюртукѣ лакея, ступавшаго мягкими, неслышными шагами по комнатѣ.

— Господинъ Переметневъ.

Варавина заволновалась, засуетилась, встала съ кресла.

— Проси, проси!

И она устремилась на встрѣчу входившему гостю.

Переметневъ, въ долгополомъ сюртукѣ, обросшій длинной, нечесанной бородой, грузно входилъ въ гостиную и быстро оглядѣлъ ее своими рысьими глазами. При видѣ Зарѣцкаго, хитрая усмѣшка скользнула по его толстымъ губамъ, и жирной рукой съ короткими пальцами онъ разгладилъ на головѣ волосы, падавшіе по сторонамъ шедшаго посреди головы пробора.

Варавина юлила.

— Здравствуйте, Тертій Ѳедулычъ, здравствуйте. Вы насъ совсѣмъ забыли... Чайку не прикажете ли?

— Здравствуйте, сударыня... Все ли въ добромъ здоровьицѣ?

— Благодарю васъ, Тертій Ѳедулычъ. Чайку...

— Благодарствую. Можно и чайку, если ваша милость будетъ,—а только меня, сударыня, зовутъ Ѳедулъ Терентьевъ, да-съ... Мое почтеніе, Аркадій Нилычъ. Все ли въ добромъ здоровьѣ?

Онъ подалъ руку Зарѣцкому, который нарочно выдержалъ паузу, изумленно поглядѣлъ на руку Ѳедула и, наконецъ, пожалъ ее.

— Ну, какое тебѣ дѣло до моего добраго здоровья? — съ усмѣшкой сказалъ онъ.

Варавина очень сконфузилась.

— Ужъ вы меня извините, уважаемый Ѳедулъ Терентьевичъ, никакъ не могу имена запоминать. Стара, что-ли, становлюсь... А впрочемъ, всегда я этимъ отличалась... Извините, ради Бога...

Она позвонила и приказала принести чай.

— Не извольте безпокоиться,—медоточивымъ голосомъ проговорилъ Переметневъ:—мы люди маленькіе и наслышаны, будто въ иныхъ заграничныхъ странахъ именъ христіанскихъ и вовсе не употребляется, а всѣхъ, будто, подъ одну гребенку называютъ: „мусьё". Самъ не бывалъ, а слыхать—слыхалъ. Обиднаго тутъ нѣту, коли, стало быть, бельгійцы такъ выражаются.

И онъ лукаво посмотрѣлъ на Зарѣцкаго.

— Туда же, остришь!—сказалъ Зарѣцкій.—А вѣдь тоже о здоровьѣ спрашиваешь, воспитаннаго человѣка изъ себя корчишь.

— Здоровье, по нынѣшней людской крѣпости, первое дѣло, Аркадій Нилычъ. Когда, стало быть, человѣкъ здоровъ—онъ и счастливъ... Покорнѣйше благодарю!—прервалъ онъ себя, взявъ стаканъ чаю, который подала ему Даша.

— Удивительный ты человѣкъ, Ѳедулъ Терентьичъ!—началъ Зарѣцкій, глядя на него:—этакій толстый и жирный, а голосъ у тебя такой елейный, точно ты не губернскій скорпіонъ, а отшельникъ изъ пустыни.

Что-то недоброе промелькнуло въ глазахъ Переметнева и тотчасъ же скрылось.

Онъ похлопалъ Зарѣцкаго по колѣну, и во всей его фигурѣ отразилось то снисходительно-презрительное отношеніе, которое онъ питалъ къ собесѣднику.

— Это, выходитъ, кривой киваетъ на слѣпого,—добродушно засмѣявшись, сказалъ онъ:—о толщинѣ не вамъ бы говорить, да не мнѣ бы слушать, Аркадій Нилычъ. А что касается голоса, такъ вѣдь онъ отъ Господа Бога. Насчетъ же скорпіона—это вы напрасно, ей Богу, напрасно.

Варавина дѣлала знаки глазами Зарѣцкому, чтобы онъ не раздражалъ некстати Переметнева, потому что онъ, очевидно, пришелъ по дѣлу. Но Зарѣцкій не обращалъ никакого вниманія на эти знаки.

— Почему же напрасно?

— Скорпіонъ — нѣчисть, звѣрь поганый, да и на землѣ нашей не водится. У меня же божье подобіе и обликъ Господомъ данный...

— Ты въ этомъ увѣренъ?

Варавина поспѣшила вступиться, чтобы прервать этотъ непріятный разговоръ.

— Терентій Ѳедулычъ, — вкрадчиво проговорила она,—я всегда рада видѣть васъ своимъ гостемъ... но если, можетъ быть, вы пришли по дѣлу къ Петру Александровичу... такъ вамъ придется подождать. У него сегодня засѣданіе...

— Дѣловъ у меня нѣту, сударыня, а пришелъ я провѣдать васъ и уважаемаго вашего супруга.

Варавина разочарованно опустила голову.

— А насчетъ лѣску,—робко промолвила она,—о которомъ мы съ вами говорили... забыли? Думали вы объ этомъ?

— Соображалъ,—нѣхотя отвѣтилъ Переметневъ,—какъ же, соображалъ.

— И... и что же?

— Ничего-съ. Дѣло, по всей видимости, неподходящее,—мягкимъ, сладкимъ голосомъ отвѣтилъ онъ.

— Почему же?!

— По разнообразнымъ, можно сказать, причинамъ, сударыня.

— По какимъ же, Тертій Ѳедулычъ?

— Ѳедулъ Терентьичъ, сударыня.

— Ахъ, извините... да... простите, Ѳедулъ Терентьичъ.

— Ничего-съ! А причина главная: не при деньгахъ-съ. Ей Богу, не при деньгахъ-съ.

Зарѣцкій фыркнулъ.

— Чему бы это? — сверкнулъ на него взоромъ Переметневъ.—Коли ежели у васъ есть,—обратился онъ къ Зарѣцкому,—купили бы. Лѣсъ-отъ къ вашему имѣнію прилегаетъ вплотную. Ежели у меня денегъ нѣтъ, вамъ это смѣшно,—стало, у васъ ихъ много... И купили бы,—право, купили бы.

— Да кто у тебя проситъ совѣты давать, переметная ты душа?..—рѣзко сказалъ ему Зарѣцкій и отвернулся спиной.

— Аркадій Нилычъ!—остановила его укоризненно Варавина.

Но Зарѣцкій вышелъ изъ себя и горячо заговорилъ:

— Да что въ самомъ дѣлѣ! Что съ нимъ носиться-то? Развѣ вы не видите, что съ нимъ каши не сваришь? „Все-ли вы въ добромъ здоровьѣ?“ Ахъ, скорпіонъ, скорпіонъ! По твоему состоянію, коли бы ты настоящій человѣкъ былъ, такъ не о здоровьѣ спрашивать, а „не надо ли, молъ, денегъ? У меня, дескать, ихъ достаточно“...

— Считали вы, что-ли?—огрызнулся, все еще не повышая голоса, Переметневъ.

— Гдѣ же!—отвѣтилъ Зарѣцкій.—Для этого нужно какіе-нибудь логариѳмы выдумать, что ли!

— А мы и безъ этой машины считаемъ, по-просту, по пальцамъ. Такъ и выходитъ, что не такъ ужъ у насъ много денегъ...

— Говори!

— Истинно-съ.

„Какое несчастье, что они встрѣтились здѣсь!“ — подумала съ досадой Варавина.—„Этотъ Аркадій Нилычъ съ своимъ злымъ языкомъ все дѣло испортитъ“.

— Скажи,—не отставалъ Зарѣцкій,—почему не покупаешь лѣсъ? „Разнообразныя причины“! Какія же? Ну, денегъ, будто бы, нѣтъ, а еще?

— А еще, — обратился Переметневъ къ Варавиной, совершенно игнорируя присутствіе Зарѣцкаго,—что лѣсокъ-то заложенъ въ банкѣ за высокую цѣну. Капиталъ внести съ процентами, да вамъ уплатить разницу,—что̀ очистится? Неподходящее дѣло! Цѣна высока. А второе—въ плохомъ содержаніи, хозяйскаго глаза не видать, и того... порубочки есть. А третье... не съ руки это намъ—далеконько. Вотъ имъ бы это куды на руку!—кивнулъ онъ головой на Зарѣцкаго.—Въ нѣдрахъ у нихъ уголь, а на поверхности, стало быть, лѣсокъ былъ бы. Два дѣла можно бы вѣ̀ршить разомъ: оно и подручно было бы. Обратились бы, сударыня, къ нимъ. Хорошій человѣкъ Аркадій Нилычъ, и всѣмъ это въ губерніи извѣстно... Попрошу еще стаканчикъ чаю, коли возможно... А только одинъ у нихъ порокъ—христіанскую родину въ бельгійскія руки норовятъ распродать.

— Ну, ужъ ты бы хоть политикой-то не занимался!..—прервалъ его Зарѣцкій.—Не твоего ума это дѣло.

— Гдѣ намъ! — согласился Переметневъ. — А только, по своему простому-то по разуму, разсуждаю: зазорно это, господа-помѣщики! Всю губернію по клочкамъ иностранцамъ распродаете! Бельгійцевъ этихъ у насъ видимо-невидимо стало! Развѣ истинно русскіе люди такъ дѣлаютъ? А еще помѣщики, „интилигенты“ называетесь... Родину распродаете.

— Ахъ ты политикъ! „Родину распродаете“!—передразнилъ его Зарѣцкій.—Такъ вы бы, толстосумы, помѣшали этому.

— Какимъ же манеромъ? Власть-то не въ нашихъ рукахъ.

— А вотъ какимъ манеромъ. Бельгіецъ, скажемъ, даетъ четыреста тысячъ, а ты возьми и дай шесть-сотъ. Вотъ ежели я не отдамъ тебѣ за шесть-сотъ, а бельгійцу отдамъ за четыреста, ну тогда и вопи! А такъ, зря только слова выпускаешь. Иностранцы даютъ четыреста, а ты—сто-восемьдесятъ! Для какого же рожна я отдамъ тебѣ, скорпіонья ты голова?

— Хотя бы изъ патріотизму... а второе—оно больше-то и не стоитъ... для насъ, тоись.

— Изъ патріотизму! Ахъ, ты... патріотъ! Знаю я твой патріотизмъ! У меня купишь за сто-восемьдесятъ, а самъ про-

дашь тѣмъ же бельгійцамъ за триста. Вотъ сто-двадцать и наживешь, палецъ о палецъ не стукнувши. Молчи ужъ! Кого морочишь-то?

— Морочить намъ некого и не для чего, потому я этими дѣлами не занимаюсь.—Еще стаканчикъ, коли не обидно...

Варавина хотѣла опять вернуться къ вопросу о лѣсѣ, но ей это не удалось, потому что въ это время въ гостиную вошли новые посѣтители, въ сопровожденіи Петра Александровича, только-что вернувшагося изъ засѣданія.

— А!—радостно вскрикнулъ онъ, увидя Зарѣцкаго и здороваясь съ нимъ. — Какъ дѣла? Отчего долго не былъ? Здравствуйте, Ѳедулъ Терентьичъ!—проговорилъ онъ, холодно протягивая ему руку.

Варавина привѣтствовала новыхъ гостей: полную даму, тяжко дышавшую отъ раздѣванія въ передней, что доставляло ей всегда много хлопотъ, потому что она страдала астмой; сухопараго чиновника въ вицъ-мундирѣ и очкахъ, съ утомленнымъ лицомъ и сѣдой головой, и полиціймейстера, одѣтаго съ иголочки и имѣвшаго привычку говорить шопотомъ, на ухо, о самыхъ обыкновенныхъ вещахъ, о которыхъ всѣ знали раньше его.

Гости сѣли, и Даша съ Алексѣемъ разносили чай и печенье.

Варавинъ, Зарѣцкій и Переметневъ остались на прежнихъ мѣстахъ и затѣяли общій разговоръ. Остальные размѣстились вокругъ большого круглаго стола, на которомъ лежали альбомы и стояла лампа.

— Что новаго, Марія Егоровна? — спросила Варавина у гостьи.

Марія Егоровна только отмахнулась руками, потому что говорить еще не могла, не успѣвъ отдышаться.

Полиціймейстеръ нагнулся къ Варавиной и, приложивъ руку къ усамъ, конфиденціальнымъ шопотомъ сообщилъ ей:

— Нашъ Иванъ Иванычъ уходитъ.

— Да, я это слышала еще мѣсяцъ тому назадъ.

— Теперь это уже окончательно—и даже черезъ двѣ недѣли уѣзжаетъ.

— А новый назначенъ?—спросила Варавина.

Полиціймейстеръ хитро улыбнулся.

— Это секретъ,—прошепталъ онъ надъ самымъ ухомъ хозяйки дома.—Говорятъ и такъ, и этакъ.

— Это вы о губернаторѣ, что-ли?—сиплымъ голосомъ спросилъ чиновникъ, поглядѣвъ на нихъ изъ-подъ очковъ.

— О немъ, Провъ Михайлычъ,—отвѣтила Варавина.

— Такъ вы меня лучше спросите... Ѳирсъ Ѳирсычъ,—онъ кивнулъ въ сторону полиціймейстера,—изъ всего дѣлаютъ тайну, даже изъ того, что̀ всѣ мальчишки на улицѣ знаютъ. А достовѣрнаго, по свойственному полиціи обыкновенію, они не знаютъ. А я—знаю.

— Ну, ужъ это вы напрасно, — заговорилъ Ѳирсъ Ѳирсовичъ.—Положимъ, вы правитель канцеляріи и въ таковомъ званіи находитесь неисчислимое количество лѣтъ, но тѣмъ не менѣе...

— Вовсе не тѣмъ не менѣе! — возразилъ Провъ Михайловичъ,—и напрасно вы корите меня „неисчислимымъ“ количествомъ лѣтъ...

— Кто?! Я васъ корю? Да Боже меня сохрани!..

— Хорошо, хорошо! Да, я давно правитель канцеляріи и собственно кто же управляетъ губерніей? Я же. Долженъ вамъ сказать, — обратился онъ къ Варавиной, поправляя очки,—что въ прежнія времена было иное, а теперь иное. Прежде начальники были старые, а я былъ молодъ; теперь я—старъ, а начальники стали молодые. Иного такого юношу пришлютъ, что диву даешься.

— Онъ вѣдь и сорокалѣтнихъ мужчинъ юношами считаетъ,—шепнулъ Ѳирсъ Ѳирсовичъ полной дамѣ, которой некогда было улыбнуться на эту шутку, потому что съ ней сдѣлался новый приступъ одышки.

— Шепчитесь, шепчитесь! — проговорилъ Провъ Михайловичъ:—а только это истинно. И смѣняютъ ихъ, доложу вамъ... больно часто. Какъ грибы выростаютъ въ лѣсу. Выростетъ и исчезнетъ, выростетъ и исчезнетъ. Обучать ихъ не успѣваешь!

— Какъ обучать?!—спросила Варавина.

— Такъ! Пріѣзжаютъ они къ намъ откуда? Изъ Петербурга. Что̀ они знаютъ о нашей провинціи? Ничего. Все по теоріямъ и по книжкамъ, да по своду законовъ. Ибо въ училищахъ тамъ и во всякихъ другихъ мѣстахъ сводъ законовъ учатъ, а жизни не учатъ. Вотъ они и знаютъ только статью двѣсти-семидесятую второго тома: молъ, они, „какъ непосредственные начальники ввѣренныхъ имъ губерній, суть первые въ оныхъ блюстители пользъ государства“... ну и прочее. А что̀ сіе значитъ въ жизни?.. Ну, такъ вотъ и работаешь, работаешь надъ новымъ, учишь его, учишь, только-что обучишь и пріучишь къ должности, оборудуешь его какъ слѣдуетъ, а его уже смѣняютъ и сажаютъ новаго. Только что себѣ, думаешь, начальника приготовилъ, анъ, глядишь,—передъ тобой другой, и начинай его обучать сызнова...

Всѣ засмѣялись, даже и та дама съ одышкой, но смѣхъ вызвалъ у нея приступъ жестокаго кашля.

— Вы о чемъ?—прервавъ разговоръ, спросилъ изъ другого угла Варавинъ.

— Вообще о начальникахъ.

— Ахъ, да! я слышалъ, что Иванъ Иванычъ уходитъ. Правда это, Провъ Михайловичъ?

— Конечно, правда. Да и какъ можетъ быть иначе? Вѣдь онъ только-что сталъ походить на настоящаго начальника — какъ же его не удалить? Много я ихъ перевидалъ на своемъ вѣку. Каждый это вначалѣ и то, и другое. И это не такъ, и иное не этакъ, и все не слава Богу у него. Все, дескать, надо передѣлать. Туды-сюды, туды-сюды! А принесу я дѣла къ докладу— онъ даже и резолюціи не умѣетъ написать: „вы, молъ, какъ полагаете, господинъ Лѣвановъ?“—Ну, натурально, научишь его: такъ, молъ, и такъ... Такъ что же вы думаете? Многіе угрожали уволить меня, да все не удосуживались. Новая-то метла не успѣвала состарѣться. Что-жъ! Опять примемся за новаго.

— А кто новый, неизвѣстно?—спросилъ Варавинъ.

— Да ужъ не Льговскій ли, Никаноръ Григорьевичъ, нашъ вице?—догадался, съ тонкой улыбкой, Ѳирсъ Ѳирсовичъ.

— Ну-у! — протянулъ Провъ Михайловичъ. — Гдѣ же это видано, чтобы изъ вице въ начальники попадали! Нѣтъ, не Льговскій.

— А кто же?—снова крикнулъ изъ своего угла Варавинъ.

— Я не знаю.

— А я знаю!—вдругъ сказала полная дама, освободившись разомъ и отъ одышки, и отъ кашля.

II.

Общее вниманіе разомъ сосредоточилось на ней. Вопросъ объ уходѣ стараго и о назначеніи новаго начальника заинтересовалъ всѣхъ. Даже Переметневъ оставилъ возгорѣвшіяся-было препирательства съ Зарѣцкимъ, и, покинувъ отдаленный уголъ гостиной, подошелъ своей тяжелой, развалистой походкой къ говорившимъ.

Варавинъ, котораго этотъ вопросъ касался очень близко, приготовился выслушать Марію Егоровну; эти „губернскія вѣдомости“ знали всегда всѣ новости раньше другихъ въ городѣ, и, къ удивленію, новости эти были, въ большинствѣ случаевъ,

достовѣрными. Вотъ почему къ Маріи Егоровнѣ часто приходили справляться о назначеніяхъ, перемѣщеніяхъ и увольненіяхъ. Если случалось, что она не знала того или другого предположенія правительства, то она, ради удовлетворенія губернскаго любопытства, посылала на свой счетъ телеграмму въ Петербургъ, въ подлежащее вѣдомство, и получала немедленно болѣе или менѣе удовлетворительный отвѣтъ. Она сохранила еще кое-какія связи съ Петербургомъ и въ каждомъ министерствѣ имѣла знакомыхъ, родственниковъ или друзей, которые давали ей свѣдѣнія по интересовавшимъ ее вопросамъ и тѣмъ поддерживали репутацію ея всезнайства.

— Что же вы знаете?—спросилъ ее Варавинъ.—Если вы дѣйствительно знаете, кто назначается, такъ скажите намъ...

— Ахъ, батюшка! Что это значитъ: „если вы дѣйствительно знаете“? Если я что знаю, то знаю дѣйствительно... У меня племянникъ въ министерствѣ, и еще недѣлю тому назадъ онъ писалъ мнѣ, что сюда прочатъ... кого бы вы думали?

Она сдѣлала продолжительную паузу и съ торжествующей улыбкой посмотрѣла прямо въ глаза Варавину.

Тотъ пожалъ плечами.

— Право, не знаю...

— Ну, а вы, Өирсъ Өирсовичъ?

— Не знаю.

Она крикнула въ уголъ гостиной Зарѣцкому, который не двинулся съ мѣста и издали наблюдалъ эту сцену:

— А вы, Аркадій Нилычъ?

— Меньше, чѣмъ кто-либо другой.

— О Провѣ Михайловичѣ я не говорю,—сказала Марія Егоровна:—самые заинтересованные люди никогда ничего не знаютъ, это ужъ самимъ Богомъ такъ установлено.

— Да я вовсе и не интересуюсь этимъ,—равнодушно сказалъ Лѣвановъ.—Не все ли мнѣ равно? Тотъ или другой, но во всякомъ случаѣ человѣкъ молодой и неопытный.

— Однако, сударыня, вы ровно товаръ продаете,—замѣтилъ Переметневъ,—и выжидаете время, чтобы его выдержать и поднять въ цѣнѣ.

Марія Егоровна засмѣялась.

— Вы правы!—сказала она.—Товаръ-то этого стоитъ. Ну, такъ и быть, слушайте: къ намъ назначается... Варавинъ.

Ее сразу не поняли. Извѣстіе было такъ неожиданно, что въ первую минуту вызвало даже разочарованіе. Ольга Яковлевна чуть замѣтно вздрогнула и умоляюще посмотрѣла на мужа. Петръ

Александровичъ отвелъ отъ нея глаза и улыбнулся, отлично сознавая всю нелѣпость извѣстія Маріи Егоровны. Переметневъ опасливо взглянулъ на Варавина и подумалъ: „Лѣсокъ-то, все-таки, пріобрѣсти надлежитъ". Зарѣцкій подошелъ къ общей группѣ.

— Какъ Варавинъ? — спросилъ Өирсъ Өирсовичъ. —Какой Варавинъ? Петръ Александровичъ?

— Не можетъ этого быть, — спокойно и съ увѣренностью проговорилъ Лѣвановъ. — Петръ Александровичъ слишкомъ для этого молодъ... то-есть, я хотѣлъ сказать, старъ.

Марія Егоровна разсердилась, видя общее недовѣріе къ своему извѣстію.

— Да кто же вамъ говоритъ о Петрѣ Александровичѣ? — раздраженно крикнула она, покрывая своимъ густымъ и низкимъ голосомъ поднявшіеся споры. — Я говорю о Сергѣѣ Петровичѣ Варавинѣ.

Это было еще необыкновеннѣе. Еслибы въ эту минуту разсѣлся потолокъ гостиной или раздвинулись стѣны комнаты, то и эти чрезвычайныя обстоятельства не произвели бы столь потрясающаго впечатлѣнія, какъ слова Маріи Егоровны.

Всѣ взоры обратились къ Петру Александровичу, ожидая отъ него подтвержденія извѣстія.

Петръ Александровичъ на этотъ разъ сильно взволновался и даже чуть-чуть поблѣднѣлъ; видъ у него былъ растерянный.

— Вы говорите о Сергѣѣ Петровичѣ? — спросилъ онъ у Маріи Егоровны.—О моемъ сынѣ?

— Ну, да.

— Можетъ ли это быть?— сказалъ онъ тихимъ голосомъ.

— Отчего же нѣтъ?

— Я думаю, онъ написалъ бы мнѣ объ этомъ... Вы говорите, что письмо получили недѣлю тому назадъ?

— Да, приблизительно.

— Но отчего же вы намъ не сообщили объ этомъ раньше?

— Ахъ, батюшка! Могла ли я предполагать, что вы этого не знаете?

— Да, правда...

Варавина сидѣла молча. Она не могла еще придти въ себя отъ изумленія. Сережа!.. Ея Сережа, котораго она еще помнила такъ недавно въ школьномъ мундирчикѣ! Блѣдный, высокій, худенькій юноша, съ черными какъ вороново крыло волосами, съ темно-карими глазами, всегда такъ строго глядѣвшими черезъ pince-nez, какъ будто этотъ молодой человѣкъ готовился распе-

кать кого-нибудь, несмотря на молодость своихъ лѣтъ! Потомъ они уѣхали въ провинцію, для приведенія въ порядокъ слегка запутанныхъ дѣлъ по дважды заложенному имѣнію, и Петръ Александровичъ, выбранный предводителемъ, увлекся новой службой, и они остались здѣсь. Сережа поѣхалъ за границу, причислился къ министерству, служилъ, получалъ командировки, но не покидалъ Петербурга. Писалъ рѣдко, посѣщалъ ихъ еще рѣже и всегда метеоромъ, имѣя вѣчно торопливый видъ и озабоченное лицо... Сережа будетъ!... Обрадовало ли ее это извѣстіе? Нѣтъ! Напротивъ, нѣчто тревожное прошло по ея душѣ.

— А сколько лѣтъ вашему сыночку? — спросилъ ее Лѣвановъ, неожиданно прервавъ ея думы, и она вздрогнула отъ этой неожиданности.

— Сережѣ? Ему тридцать-девять лѣтъ...

Лѣвановъ ухмыльнулся.

— Ну, въ такомъ случаѣ извѣстіе это вѣрно,—сказалъ онъ.— Ивану Ивановичу было сорокъ-семь. Онъ очень старъ для своей должности... Намъ скоро будутъ присылать шестнадцатилѣтнихъ, и будутъ учреждены новыя должности: гувернера и гувернантки...

„Какой злой и безтактный этотъ Лѣвановъ!“—подумала Варавина и громко сказала:

— Напрасно вы такъ говорите, Провъ Михайловичъ. Сережа очень серьезный человѣкъ.

„Всячески лѣсокъ надо купить“, — рѣшилъ про себя Переметневъ и, подойдя къ Варавину, отвелъ его въ сторону.

— Простите, ваше превосходительство,—сказалъ онъ,—всего два словечка. Супруга ваша изволили интересоваться моимъ намѣреніемъ касательно лѣсочка. Что-жъ, я купить, пожалуй, согласенъ, хотя и не при деньгахъ нонѣ. Однако, дозвольте взглянуть на планы и межевой актецъ, а также относительно банковскихъ бумагъ...

— Это не къ спѣху,—суховато отвѣтилъ Варавинъ, покидая Переметнева,—мы всегда успѣемъ поговорить...

„Фонды ихъ, стало быть, повысились; придется тыщёнку-другую накинуть“,—насмѣшливо подумалъ Переметневъ, самъ не зная, почему вдругъ у него созрѣло желаніе пріобрѣсти лѣсъ, отъ котораго онъ упорно отказывался. Но у него давно уже выработалось неизмѣнное правило: всегда пріобщать начальство и власть ищущихъ къ своимъ денежнымъ операціямъ и заинтересовывать ихъ въ своихъ предпріятіяхъ. „Такъ вѣрнѣе“,—думалось ему,—„а во всемъ прочемъ—никто какъ Богъ“.

Лѣвановъ ничего не возразилъ на слова Варавиной, только

незамѣтно пожалъ плечами. Переметневъ сталъ собираться, и поочередно прощался съ гостями и хозяевами, всѣмъ протягивая свою жирную длань съ короткими, волосатыми пальцами.

— А я знаю, о чемъ ты теперь думаешь, — сказалъ ему Зарѣцкій, смѣясь.

— О чемъ бы это?

— Не иначе какъ о томъ, чтобы купить лѣсъ... Ужъ не объ этомъ ли ты шептался съ Петромъ Александровичемъ?

— Много будете знать — скоро состарѣетесь, уважаемый Аркадій Нилычъ.

— Грубъ ты, Ѳедулъ... а впрочемъ проваливай, мнѣ-то какое дѣло!

— Истинно-съ.

Марія Егоровна начала опять тяжело дышать и не могла отвѣчать на вопросы, обращенные къ ней. Вмѣсто всякихъ отвѣтовъ, она достала изъ ридикюля достаточно смятое письмо отъ своего племянника и передала его Варавиной.

— Vois donc, en toutes lettres: Сергѣй Петровичъ Варавинъ!— сказала Ольга Яковлевна мужу, показывая письмо.

— Да, да,—бѣгло взглянувъ въ него, отвѣтилъ Петръ Александровичъ.

Ѳирсъ Ѳирсовичъ всталъ и подошелъ къ нему.

— Позвольте мнѣ, многоуважаемый предводитель,—сказалъ онъ, наклонившись къ самому уху Варавина, — принести свои поздравленія... Очень, очень пріятно... Рѣдкое удовольствіе, можно сказать, имѣть такого начальника... да! Одно могу сказать...

Но онъ ничего не могъ сказать, потому что запутался.

— Благодарю васъ,—поспѣшилъ вывести его изъ затруднительнаго положенія Варавинъ; — это очень любезно съ вашей стороны, хотя нѣсколько преждевременно. Пока вѣдь это только слухъ.

— Желаю ему полнаго осуществленія, — отвѣтилъ Ѳирсъ Ѳирсовичъ, откланиваясь.

— Куда же вы такъ скоро? — удерживалъ его Варавинъ, но полиціймейстеръ рѣшительно собрался уѣзжать.

— Ѳирсъ Трифановъ поѣхалъ оповѣстить полицію, — насмѣшливо сказалъ, по его уходѣ, Лѣвановъ. — Онъ теперь дрожитъ отъ боязни, чтобы его не предупредилъ кто-нибудь. Потомъ вѣдь ему не обобраться насмѣшекъ: опять скажутъ, что полиціймейстеръ знаетъ все позже всѣхъ.

Варавина попросила оставшихся закусить, но Марія Его-

ровна тоже собиралась домой, такъ какъ нездоровье ея не проходило, и ее вызвался проводить Лѣвановъ.

Когда они уѣхали, Варавины съ Зарѣцкимъ перешли въ столовую.

— Ну, вотъ теперь,—наливая себѣ рюмку водки, сказалъ Зарѣцкій:—позволь тебя поздравить, старый дружище! Маслова сказала! Стало быть—вѣрнѣе вѣрнаго. Поздравляю отъ души... и васъ, Ольга Яковлевна! Вашъ юноша зашагалъ быстро...

— Да правда ли это?

— Маслова сказала!..

— Сказала-то она—сказала, да и письмо я читала, но удивительно, отчего Сережа не писалъ объ этомъ?

— Ну... онъ, вообще, не баловалъ васъ письмами...

— Все-таки...

— Да, конечно! Но, можетъ быть, онъ менажировалъ вамъ сюрпризъ, или, напротивъ, это для него самого было сюрпризомъ... Но ты какъ будто не веселъ, Петръ Александровичъ?

Дѣйствительно, Варавинъ сидѣлъ хмуро за своимъ приборомъ и почти ничего не ѣлъ.

— Нѣтъ, ничего, — отвѣтилъ онъ, — такъ, я не могу еще придти въ себя отъ этого неожиданнаго сюрприза. У Лѣванова злой языкъ и странная манера смотрѣть на начальниковъ, какъ на учениковъ, которые поступаютъ къ нему въ выучку, но, долженъ сказать,—онъ отчасти правъ. Развѣ можно назначать на такія отвѣтственныя должности, требующія обширнаго служебнаго опыта и знанія людей и жизни, такую зеленую молодежь?

— Ну... что же за молодость — сорокъ лѣтъ! — возразилъ Зарѣцкій.

— А что же это—старость?

— Нѣтъ, не старость. Это—зрѣлый возрастъ. Тотъ возрастъ, когда всѣ силы—душевныя и физическія—уравновѣшиваются въ человѣкѣ, приходятъ въ норму. Это та пора жизни, когда луга еще не скошены и хлѣбъ не сложенъ въ скирды. Однимъ словомъ—лѣто въ разгарѣ. До этого возраста—весна: душа стремится въ заманчивую и туманную даль, чувства бродятъ и голова кружится отъ опьяняющаго весенняго воздуха. Человѣкъ живетъ порывами и увлеченіями. Опасное время! Послѣ этого возраста—осень. Тоскливая, слезливая осень, которая подкрадывается незамѣтно, но быстро. Волосы сѣдѣютъ, щеки блекнутъ, голосъ хрипнетъ, человѣкъ дѣлается толстъ и душа обростаетъ мхомъ жизни. Начинаются сумерки, надвигается ночь.

Нѣтъ, возрастъ Сережи—прекрасный возрастъ жизни! И ты напрасно не вѣришь въ него...

— Я вѣрю. Но люди вѣдь не всѣ одинаковы. Сережа всегда былъ суховатъ и честолюбивъ. Я не знаю, какъ онъ поведетъ себя. Здѣсь надо имѣть много такта и осторожности. Нынѣшніе молодые люди не могутъ этимъ похвастаться. И каждый изъ нихъ воображаетъ, что призванъ спасать отечество и, главнымъ образомъ, исправлять ошибки своего предшественника. Каждый начинаетъ съ ломки, а не съ созиданія... Я лично былъ очень доволенъ Иваномъ Иванычемъ. Вѣдь это тоже не старый человѣкъ, а вотъ замѣнили его за то, что, будто бы, онъ былъ слабъ и распустилъ губернію. Какое глупое слово—„распустилъ“! Я не имѣлъ съ нимъ никакихъ столкновеній. У него былъ свой идеалъ, по которому начальникъ долженъ былъ только направлять и освѣщать дѣла, такъ сказать, давать общій тонъ. Онъ никогда не входилъ въ мелочи, не совался въ чужія вѣдомства, ничего не ломалъ и не крушилъ... не выдвигался впередъ, а предоставлялъ механизму дѣлать свое дѣло; самъ же былъ невидимымъ машинистомъ и кое-гдѣ подливалъ масла, подвинчивалъ винтикъ, давалъ контръ-паръ. Но, говорятъ, машина испортилась... Боюсь, чтобы Сережа, по молодости лѣтъ, не вообразилъ, что его призвали разобрать по частямъ машину и вычистить ее.

— Скажи, пожалуйста,—прервалъ его Зарѣцкій: — ты попадаешь въ странное положеніе.

— Мнѣ осталось еще нѣсколько мѣсяцевъ до новаго трехлѣтія.

— Будешь опять баллотироваться?

Варавинъ сильно призадумался.

— Отчего нѣтъ?—наконецъ отвѣтилъ онъ.—Жена, правда, томится пребываніемъ здѣсь,—улыбнувшись, проговорилъ онъ въ сторону Ольги Яковлевны,—и ей хочется за границу. Я, по правдѣ сказать, противъ этого. Я старъ, но не настолько, чтобы мнѣ не хотѣлось работать. Я тоскую безъ работы, а предводительство мнѣ пришлось по душѣ, и я ничуть не усталъ—такъ отъ чего же мнѣ отдыхать? Кромѣ того, имѣніе наше разстроено, а чтобы жить за границей, хотя бы и скромно, нужно ликвидировать его... Это и тяжело, и невыгодно. Тѣмъ не менѣе, я уже рѣшилъ продать лѣсъ, а потомъ, можетъ быть, и все имѣнье... Но теперь я не знаю, захочетъ ли Ольга покинуть наши мѣста, разъ Сережа назначается сюда?..

Варавина ничего не отвѣтила.

Она очень скучала въ провинціи, проведя всю свою жизнь въ Петербургѣ, гдѣ воспитывались ея дѣти.

— Вы меня спрашивали сегодня о дѣтяхъ, — сказала она Зарѣцкому, вмѣстѣ съ тѣмъ какъ бы желая отвѣтить мужу на поставленный имъ вопросъ,—я вамъ ничего не успѣла сказать. Вы—нашъ старый другъ дома и знаете нашу семью. Самыя несчастныя женщины—это матери, Аркадій Ниловичъ.

— Ну...— протянулъ Варавинъ.

Но Ольга Яковлевна не дала ему кончить и съ необыкновеннымъ одушевленіемъ стала излагать свои мысли.

— Да, да, это я говорила всегда, и всегда буду говорить. Воспитываешь дѣтей, всю душу кладешь на нихъ, не спишь по ночамъ, тревожишься, терзаешься—и что же? Дѣти поставлены на ноги, и отъ нихъ нѣтъ слѣда въ жизни матери, которая остается одна. Сережа никогда почти не навѣщаетъ насъ; Митя взялъ теперь отпускъ на два мѣсяца, и вотъ уже недѣли двѣ живетъ съ нами...

— Гдѣ же онъ? — спросилъ Зарѣцкій. — Я его почти никогда не вижу.

Варавина махнула рукой.

— Ахъ, не говорите! Вы думаете, онъ пріѣхалъ, чтобы повидаться, пожить съ нами? Совсѣмъ нѣтъ. Ему нужно устроить дѣла, онъ запутался въ долгахъ. А почему? Потому что у него есть „collage“.

— Да? — заинтересовался Зарѣцкій. — Я кое-что слышалъ; вѣдь у насъ, въ провинціи, ничего нѣтъ тайнаго, что не сдѣлалось бы явнымъ.

— Мудрено не слышать, когда онъ имѣлъ безтактность привезти съ собой свою „femme collante“ сюда. Какая-то Галина. Вотъ онъ у нея и проводитъ всѣ вечера.

— Хорошенькая?—спросилъ Зарѣцкій.

— И очень, — отвѣтила Варавина. — Я ее видѣла недавно въ театрѣ. Высокая, стройная, какъ пальма. Молоденькая, лѣтъ около двадцати-трехъ, четырехъ. Свѣжій цвѣтъ лица, темныя брови, чудные глаза. Ротъ нѣсколько большой, но это ей почему-то идетъ.

— Такъ отчего онъ не женится?

— Жениться! Никогда я ему этого не позволю!—воскликнула Варавина, точно ужаленная.

— Отчего?—спросилъ, удивившись, Зарѣцкій.

— Потому что Митя самъ еще мальчишка. Теперь онъ служитъ и получаетъ достаточно, чтобы жить... и я увѣрена, что

не будь этой Галиной, у него не было бы долговъ. Зачѣмъ ему жениться? Вѣдь это же ужасно, что дѣлается! Представьте себѣ,— эта Галина замужемъ, мужъ ея служитъ въ провинціи, и у нея, какъ я слышала, есть ребенокъ. У нея, видите ли, вдругъ отыскался голосъ, и она пріѣхала въ Петербургъ учиться пѣнію, чтобы потомъ поступить на сцену. Она не задумалась бросить для этого положеніе, мужа... и, кажется, ребенка.

— Нѣтъ,—поправилъ Варавинъ,—ребенокъ съ нею.

— Какъ, здѣсь?—вскрикнула Ольга Яковлевна.

— Нѣтъ, она оставила его въ Петербургѣ, у родственницы.

— Ну, въ Петербургѣ она познакомилась и сошлась съ Митей,—продолжала Варавина.—Ужъ не знаю, какъ у нея дѣла идутъ въ консерваторіи, а только съ Митей у нея дошло до того, что онъ дѣйствительно хочетъ жениться. Онъ и пріѣхалъ просить денегъ на разводъ. Я ни за что не согласна. Это значитъ погубить его служебную карьеру, взять женщину съ ребенкомъ... для чего? Другое дѣло, еслибы онъ нашелъ хорошую партію,—я, можетъ быть, и ничего не имѣла бы противъ этого.

— Вы ему уже объявили объ этомъ?

— Нѣтъ еще...—проговорила Варавина.—Онъ прямо еще не говорилъ съ нами объ этомъ. Но Маслова, Марія Егоровна, разузнала кое-что и передала мнѣ.

— Я ничего не имѣю противъ collage'а,—сказалъ Варавинъ:—всякій молодой человѣкъ обязанъ его имѣть, но что за мѣщанская манера сейчасъ же сочетаться законнымъ бракомъ, да еще брать чужую жену съ ребенкомъ? Въ незаконной связи есть всегда нѣкоторая таинственная прелесть...

— Которой ты не испыталъ въ свое время? — улыбаясь, спросилъ Зарѣцкій.

— Ну, я! Я—человѣкъ стараго закала и въ наше время женили рано. Не надо было и обзаводиться faux menage'емъ. Но tempora mutantur...

— А что Вѣра Петровна? — чтобы перемѣнить разговоръ, спросилъ Загорѣцкій.

— Да что Вѣра!—отвѣтила ему Варавина:—дочь теперь въ имѣньѣ нашемъ, поѣхала приводить въ порядокъ домъ на лѣто. Все то же! Мечтаетъ объ аптекѣ, школѣ, околоткѣ, чтеніяхъ для народа, и тоже требуетъ на все это денегъ! Я вамъ говорю, всякая семья, выростившая дѣтей и поставившая ихъ на ноги, немедленно распадается на два враждебныхъ лагеря. Въ одномъ— впрощенныя вами дѣти, въ другомъ — родители. Дѣти всегда умнѣе родителей, родители—всегда выжившіе изъ ума люди...

— Ну, будетъ тебѣ, Оля, жаловаться! Дѣти наши не такъ ужъ плохи, грѣхъ жаловаться! — сказалъ Варавинъ. — А что у нихъ есть недостатки, такъ вѣдь у кого же ихъ нѣтъ? Вѣра увлекается народничествомъ—это ужъ не такъ плохо! Ты же настаивала дать ей высшее образованіе: должна же она его примѣнить къ чему-нибудь. Ну, а Митя на отличной служебной дорогѣ. Галина ничему помѣшать не можетъ—это неизбѣжный эпизодъ жизни. Что касается Сережи, то, видишь, какъ онъ шагнулъ! Я очень, очень радуюсь за него. Нѣтъ, Ольга, не стоитъ уѣзжать отсюда: мнѣ хочется послужить и поработать вмѣстѣ съ сыномъ. Я увѣренъ, мы съ нимъ очень сойдемся, хотя давно-давно не видались, и, можетъ быть, нѣсколько отвыкли другъ отъ друга... Ты чему улыбаешься, Аркадій Нилычъ?

— Тому, что и дальняя ель своему бору шумитъ!.. Однако, прощайте. Засидѣлся я у васъ нынче.

Зарѣцкій быстро поднялся съ мѣста, насколько позволяла ему его тучность, поблагодарилъ за ужинъ и скоро уѣхалъ.

III.

Варавина сидѣла въ будуарѣ, когда Алексѣй вошелъ съ подносомъ, на которомъ лежала телеграмма.

Ольга Яковлевна взволновалась. Нѣсколько дней тому назадъ, они на семейномъ совѣтѣ, въ которомъ участвовалъ Петръ Александровичъ съ Митей и Вѣрой, рѣшили отправить къ Сергѣю Петровичу телеграмму съ вопросомъ о его назначеніи.

Только сейчасъ была получена отвѣтная депеша.

Ольга Яковлевна распечатала и прочитала ее:

„Назначеніе состоялось недѣлю тому назадъ. Буду на мѣстѣ въ концѣ мѣсяца. Цѣлую. Сергѣй“.

— Можно войти, мама? — раздался у двери голосъ Вѣры.

— Войди, войди! Конечно, можно. Вотъ, смотри.

Варавина протянула дочери телеграмму, которую та пробѣжала довольно равнодушно глазами и молча отложила въ сторону, на низенькій столикъ.

— Что же ты скажешь, Вѣра?—спросила Варавина.

— Я? Что ты хочешь, чтобы я сказала?

— Тебя совершенно не интересуетъ назначеніе брата?

— Совершенно.

Варавина сдѣлала преувеличенно-изумленное лицо.

— То-есть?—спросила она.

— Да ничего,—просто не интересуетъ. Почему оно должно меня интересовать? Сергѣй до сихъ поръ былъ чиновникомъ, который имѣлъ дѣло съ бумагами, съ мертвыми дѣлами, съ канцелярской перепиской. Теперь онъ является къ намъ въ качествѣ администратора, вершителя дѣлъ губерніи. Для народа...

— Опять! — съ комическимъ ужасомъ всплеснула руками Варавина.

— Да, опять, и всегда, и вѣчно...

— Это какой-то „refrain“ у тебя—народъ.

— Нѣтъ, не „refrain“, мама, а самая пѣсня.

— Старая пѣсня!

— Вѣрно. Старая, какъ старъ народъ, но она будетъ вѣчно новою... Но вернемся къ Сергѣю, такъ какъ ты о немъ начала. Народу—пожалуйста, не морщись!—интересны не начальники губерній, а урожай, потомъ школы, больницы, аптеки, народныя аудиторіи, чтенія и еще многое другое. Кто надъ нимъ начальство—ему, право, безразлично. Оно было до Сергѣя,—будетъ, конечно, и послѣ него. Всѣ эти люди вовсе не за насущныя народныя нужды.

— Какое преувеличеніе!

— Нисколько!—горячо возразила Вѣра, и ея блѣдное, некрасивое лицо зарумянилось.—Когда наше земство хлопотало о введеніи всеобщаго обученія въ уѣздѣ,—что сдѣлалъ Иванъ Ивановичъ, который считался добрѣйшимъ и гуманнѣйшимъ человѣкомъ? Онъ нашелъ такое ходатайство преждевременнымъ, обременительнымъ и непосильнымъ для бюджета.

— Развѣ это было не правда?

— Можетъ быть, и правда! Что изъ этого? А кабаки не обременительны?

— Но вѣдь не земство же ихъ содержитъ?

— Нѣтъ, конечно; но они поглощаютъ всѣ народныя сбереженія. Ахъ, да что говорить! Вы живете бо̀льшую часть года въ городѣ и относитесь къ деревнѣ равнодушно. Я почти все время провожу въ ней, и лучше всякаго знаю, что̀ ей нужно. И ни въ одного изъ *нихъ* не вѣрю, потому что мало кто знаетъ народную жизнь à fond, наблюдалъ ее непосредственно. Ну, а Сергѣй—для меня совершенная terra incognita въ нѣкоторомъ родѣ сфинксъ. Такъ, кое о чемъ я догадываюсь. Сергѣй, должно быть сухарь... А можетъ быть, я и ошибаюсь. Вообще, мы, твои дѣти, какъ-то странно не знаемъ другъ друга,—точно чужіе. Однако, я шла къ тебѣ вовсе не съ тѣмъ, чтобы говорить о назначеніи брата.

— А съ чѣмъ?

— Я хотѣла узнать: есть у папы деньги въ настоящее время?

— Зачѣмъ?—спросила Варавина.

Въ это время вошелъ Дмитрій Петровичъ. Это былъ высокій и статный молодой человѣкъ, очень похожій на сестру по сложенію; и лицомъ они были схожи, только братъ былъ много красивѣе ея, потому что темно-русая бородка и усы скрашивали нижнюю часть его лица. Единственнымъ украшеніемъ Вѣры были ея крупные, выразительные глаза, съ нѣсколько жесткимъ взглядомъ, и ея стройная фигура, тонкая, прямая, но недостаточно гибкая; казалось, что именно въ такой фигурѣ долженъ былъ обитать тотъ прямолинейный, непокладистый характеръ, которымъ она обладала.

Дмитрій слышалъ, входя, послѣднія слова сестры и, на вопросъ матери, отвѣтилъ, улыбаясь:

— Держу пари, что на школу. Необходимо починить крышу, или пріобрѣсти какія-нибудь парты...

Вѣра сверкнула на него недружелюбнымъ взоромъ, оглядѣвъ его презрительно съ ногъ до головы.

— Ты бы выигралъ пари! — сказала она жестко:—да, необходимо починить полы и крышу, и кое-что пріобрѣсти. Такое пожертвованіе не Богъ-знаетъ что такое для папы.

— У него совершенно нѣтъ денегъ,—отвѣтила Варавина.— Ты отлично знаешь, Вѣра, что дѣла наши запутаны. На одни проценты...

— Ахъ,—досадливо морщась, сказала Вѣра, — все это я знаю... Я и не требую ничего особеннаго. Онъ выдаетъ мнѣ на мои расходы, и я въ правѣ распоряжаться этими деньгами какъ хочу. Я пришла просить только о томъ, чтобы онъ выдалъ мнѣ впередъ за полгода.

— Право, не знаю, поговори съ нимъ сама.

— Ты что на меня смотришь и такъ глупо ухмыляешься?— обращаясь къ брату, спросила Вѣра.

Въ ихъ отношеніяхъ чувствовалась давнишняя глухая рознь, которая всегда бываетъ тамъ, гдѣ полное отсутствіе общности вкусовъ, взглядовъ, идей.

— Глупо или нѣтъ—не знаю, — спокойно отвѣтилъ Дмитрій.—Я любуюсь тобою. Какой ты великолѣпный отжившій типъ!

— Отжившій типъ?—сморщивъ брови, спросила она.

— О, yes!—насмѣшливо отвѣтилъ Дмитрій.

— Почему же это?

— Почему—не знаю. А что ты отжившій типъ—несомнѣнно. Ты полна добродѣтелей. Ты заботишься о благѣ народа. Благомъ народа ты считаешь урожай. Ты бредишь о почвѣ, придавая этому слову какое-то былинное значеніе. Ты грезишь о власти земли и считаешь, что крестьянинъ, оторванный отъ почвы—что „листокъ, оторвавшись отъ вѣтки родимой“ и прочее. Ты—народница, въ старомъ значеніи этого слова, несмотря на твою молодость. Народъ и земля! Все это—vieux jeu!

— Ахъ, скажите! А что же такое nouveau jeu?

— Постой, дай кончить. По-твоему, Россія должна быть земледѣльческой, хуторянской, и въ этомъ—ея счастье. Почему-то всѣ добродѣтели связаны съ понятіемъ о землѣ. Ты, въ сущности, такая же крѣпостница, какъ предшествовавшее намъ поколѣніе: ты готова привязать народъ къ землѣ. По-моему, Россія должна быть промышленной, фабричной, капиталистической... Если земля не кормитъ, если все неурожай да неурожай, такъ отчего не пойти крестьянину... pardon! лучше—мужичку, какъ вы любите выражаться,—на фабрику, на заводъ?

— Это и есть nouveau jeu?

— Называй какъ хочешь... Только капиталистическій строй государства способенъ его двинуть по пути прогресса. А то все—мужички да мужички, забота о меньшемъ братѣ, мѣщанская мораль, буржуазныя добродѣтели, забота о слабосильномъ младшемъ братѣ: „другъ мой, братъ мой, несчастный, страдающій братъ“... и такъ далѣе. Съ этимъ дальше нытья не уѣдешь.

Вѣра съ нескрываемой насмѣшкой посмотрѣла на брата.

— Ты на эту тему и написалъ свой знаменитый романъ?—спросила она.

Онъ вызывающе взглянулъ на нее.

— Да, свой *знаменитый* романъ я написалъ на эту тему.

— И его, конечно, никуда не взяли.

— Не знаю. Жду отвѣта. Отъ этого зависитъ перемѣна моей карьеры...

Варавина прервала его:

— Митя,—сказала она,—правда ли, что ты рѣшилъ промѣнять службу на этотъ необезпеченный, невѣрный писательскій кусокъ хлѣба?

— Да, рѣшилъ. Я плохой чиновникъ, и служба мнѣ рѣшительно не по нутру. Если мнѣ удастся проникнуть въ литературу, я буду очень счастливъ. Да и почему я долженъ держаться службы, если окажется, что у меня есть дарованіе?

— Если окажется...—со смѣшкомъ сказала Вѣра.

— Да-съ, если окажется...—огрызнулся онъ.—Служба—рутина, банальщина и всегда будетъ такою. Положимъ, я пойду хорошо. Что же дальше? Идеалъ — пріѣхать въ какую-нибудь губернію, вотъ какъ нашъ милѣйшій Сереженька, или сдѣлаться предводителемъ, какъ папа. Ѣздить на наборъ, засѣдать въ присутствіяхъ и прочее. Слабо все это. Скучно! Говорить нужно по программѣ, и рѣчи-то все однѣ и тѣ же и чуть ли не указаны въ сводѣ законовъ. Мнѣ нужна каѳедра, съ которой я могъ бы говорить то, что думаю, высказывать свои взгляды, не справляясь съ мнѣніемъ начальника отдѣленія и съ указаніемъ свода законовъ. Однимъ словомъ, я хочу найти свое солнце, и думаю, что тотъ, кто не можетъ найти своего солнца — недостоинъ жизни. Для того жизнь—служба, забота о сельской школѣ, добродѣтельное прозябаніе, предводительство, все, что угодно, только не жизнь!

— Значитъ, и отецъ твой, и братъ не живутъ, а прозябаютъ?—спросила Варавина.

— Конечно!—твердо отвѣтилъ онъ.—Братъ... я его мало знаю, мы почти не видались въ Петербургѣ... бюрократъ, чиновникъ; отецъ—милѣйшій, но выдохшійся идеалистъ, живущій рутиною, по добрымъ старымъ традиціямъ...

— Митя!—остановила его Варавина.

— О, мама, не обижайся! Я говорю то, что думаю, и въ моихъ словахъ нѣтъ ничего обиднаго. Вы всѣ ужасно отстали отъ вѣка, сидя въ этой глухой провинціи. И потомъ, вы остыли къ жизни,—у comprіs мою сестрицу, несмотря на весь ея народническій пылъ. Васъ интересуютъ мелочи, пустяки, отдѣльныя деревья, за которыми вы не видите лѣса. Васъ интересуетъ жизнь, но не духъ жизни...

— Все это прекрасно, но ты хочешь мѣнять вѣрное, службу, на невѣрное, литературу. Неужели ты не боишься этого? А если тебѣ не повезетъ?

— Это, мама, Сцилла и Харибда. Кто боится Сциллы, тотъ попадаетъ въ Харибду.

Варавина ничего не отвѣтила, безпомощно поглядѣвъ на Вѣру; но Вѣра отвела отъ нея свой взоръ и, пренебрежительно пожавъ плечами, вышла изъ комнаты.

— Вѣра презираетъ меня за отсутствіе сермяжныхъ добродѣтелей,—сказалъ Дмитрій, улыбнувшись.

— Зачѣмъ ты дразнишь ее?—спросила Варавина.

— Ничуть! Но она мнѣ дѣйствуетъ на нервы съ ея мѣщанскими добродѣтелями. Она ужасная кислятина!

— Какъ ты сталъ выражаться! И съ какимъ презрѣніемъ ты относишься ко всѣмъ намъ! Я не узнаю тебя, Митя.

Онъ засмѣялся.

— En voilà un bien gros mot: съ презрѣніемъ! — сказалъ онъ.—Почему съ презрѣніемъ? А ты похожа на курицу, высидѣвшую утенка, котораго тянетъ отъ земли къ водѣ...

Варавина тоже улыбнулась.

— Ты читалъ телеграмму брата?—спросила она.

— Зачѣмъ? Я знаю, въ чемъ дѣло. Онъ теперь начальство: это вѣрно?

— Да.

— Ну, дай Богъ ему здоровья и генеральскій чинъ... слѣдующій, конечно. Но оставимъ Сержа и Вѣру и поговоримъ обо мнѣ, мама, если тебѣ все равно. Я давно собирался это сдѣлать.

— Поговоримъ. Папа вернется къ обѣду, и у насъ еще достаточно времени.

— Дѣло вотъ въ чемъ. Тебѣ извѣстно, что я взялъ отпускъ на два мѣсяца, чтобы пожить съ вами и покончить здѣсь нѣкоторыя дѣла, которыя удобнѣе кончить здѣсь, чѣмъ въ Петербургѣ.

— Какія дѣла?

— О, мама, прошу тебя, не притворяйся. Ты, конечно, все знаешь, потому что въ провинціи всегда все извѣстно. Прошу тебя, будемъ говорить безъ экивоковъ—et jouons cartes sur table.

— Отлично, я ничего лучшаго не желаю.

— Итакъ, тебѣ извѣстно, что я пріѣхалъ сюда не одинъ?

— А съ дамой, у которой есть ребенокъ... Извѣстно.

— У которой есть... ребенокъ, да. Женщина эта очень близка мнѣ.

— Конечно; иначе она не согласилась бы ѣхать сюда съ тобой и тѣмъ афишировать ваши отношенія. По правдѣ сказать, если ужъ ты хочешь знать мое личное мнѣніе и просишь говорить безъ экивоковъ, какъ ты выражаешься,—я не мало подивилась твоей безтактности.

— Моей безтактности? Въ чемъ она?—вспыхнулъ онъ.

— Въ томъ, что не нужно было ѣхать сюда... en famille. Къ чему это, скажи? Ты человѣкъ, хотя и молодой, но взрослый, во всякомъ случаѣ, и, конечно, самъ отвѣчаешь за свои поступки. Само собой, у каждаго молодого человѣка есть collage... Но къ чему было ѣхать къ родителямъ и везти съ собою эту madame... Галину... премилую особу, можетъ быть, но, во всякомъ случаѣ.. во всякомъ случаѣ...

— Нелегальную сожительницу.

— Именно.

— Я сейчасъ объясню, для чего. Разводъ ея съ мужемъ конченъ...

— Какъ! А намъ говорили, что ты пріѣхалъ о немъ хлопотать.

— Вамъ говорили невѣрно. Мы ждемъ только бумагъ изъ синода, онѣ должны придти на-дняхъ. Я взялъ Лидію съ собой, чтобы здѣсь жениться, и я хочу просить у отца денегъ на свадьбу и первое время, пока не устроятся мои дѣла.

Варавина отрицательно покачала головой.

— Ты выбралъ очень неудобную минуту, — сказала она:— денегъ у отца твоего нѣтъ; я уже говорила объ этомъ твоей сестрѣ.

— А Переметневъ?

— Что Переметневъ? Купитъ ли онъ лѣсъ, или нѣтъ—еще неизвѣстно. Да и если купитъ, намъ нужно вносить въ банкъ. А главное...

— Что же главное?

— То, что затѣянное дѣло совершенно не по душѣ твоему отцу.

— А тебѣ?—живо спросилъ Дмитрій.

— Столько же и мнѣ.

— А!... Но почему же?

— Митя!—сказала Варавина, взявъ его за руку.—Ты говоришь, что мы отжившіе типы, что ты далеко ушелъ отъ насъ, что мы не понимаемъ современной жизни. Все это, можетъ быть, вѣрно, и даже навѣрное такъ. Но я смотрю на это дѣло просто какъ мать. Ты молодъ, ты служишь, ты на хорошей дорогѣ. Все это ты хочешь бросить ради того, чтобы жениться на Галиной и навязать себѣ на шею чужую жену и чужого ребенка...

Дмитрій, при послѣднихъ словахъ, опустилъ голову и отвелъ свои глаза отъ взора матери.

— Ради нея ты вошелъ въ долги. Ты говоришь, что любишь ее; прекрасно, я уже сказала, что это очень естественно, но зачѣмъ же жениться непремѣнно? Ты еще много разъ будешь любить и разлюблять. Зачѣмъ же связывать себя такъ рано?

— Отецъ такъ же смотритъ на это дѣло?—спросилъ Дмитрій, не возражая матери.

— Почти...

— Странно. Онъ вѣдь человѣкъ шестидесятыхъ годовъ, когда

люди бредили идеалами, либерализмомъ, „честными взглядами“ и прочее.

— Я не знаю,—нерѣшительно сказала Варавина,—можетъ быть, въ концѣ-концовъ, онъ и согласится съ тобою. Но знаю, что я — никогда. Но ты меня удивляешь: ты смѣешься надъ идеалами, честными взглядами, добродѣтелью,—это, повидимому, въ модѣ нынче,—а самъ собираешься сдѣлать какъ разъ то, что не согласуется съ твоими взглядами.

Дмитрій смутился. Замѣчаніе матери было очень вѣрно и попало мѣтко.

— Это совсѣмъ другое дѣло,—неопредѣленно пробормоталъ онъ. — Но вотъ что, мама, — поспѣшилъ онъ прибавить, чтобы не дать разъясненій своей настойчивости:—ты меня вынуждаешь вступить въ борьбу. Какъ честный противникъ...

— Опять — честь?—улыбнулась она.—Mais vous avez changé tout cela?

— Et plus ça change, plus c'est la même chose,—засмѣялся онъ.—Правда, теперь не говорятъ „честь“,—это устарѣло. Слово: „честь“ замѣнили словомъ: „probité“ или „корректностью“, что-ли. Неприлично все время говорить о чести, взывать: „я честный человѣкъ“, „это честный поступокъ“. Корректный поступокъ—совершенно достаточно! Это не такъ торжественно...

— И обязываетъ къ меньшему?

— Пожалуй. Итакъ, какъ корректный противникъ, я заявляю тебѣ, что буду бороться всѣми средствами, а въ случаѣ надобности могу обойтись и безъ родительскаго согласія.

— Прежде говорили—благословенія.

— C'est démodé. Теперь не говорятъ этого, мама. Согласіе—чѣмъ это слово хуже? Разъ ты согласна, значитъ и благословляешь. Это слово покрываетъ собою понятіе о благословеніи; оно шире, удобнѣе и опять-таки звучитъ не такъ торжественно...

Варавина почувствовала въ глубинѣ души огорченіе, но старалась выдержать шуточный тонъ.

— Скажи,—проговорила она,—вы много еще словъ замѣнили новыми?

— Порядочно-таки.

— Можетъ быть, и для словъ „добро“ и „зло“ у васъ теперь другія слова?

— Добро и зло? — удивленно вскрикнулъ онъ въ ея же шуточномъ тонѣ.—Бѣдная мама! Этихъ понятій давно уже нѣтъ!

— Какъ нѣтъ?—искренно на этотъ разъ удивилась Варавина.—Но они всегда существовали.

— Это слова устарѣвшія и безсмысленныя.

— Даже?

— О, да. Что̀ такое добро и зло? Все въ мірѣ относительно. Вѣдь если я высокаго роста, то только относительно, и моя вышина сравнительно, напримѣръ, съ деревомъ ничего не сто̀итъ. Дикари смотрятъ на добро не такъ, какъ мы, у нихъ другія понятія: если я укралъ—это добро; если у меня украли—это зло. Только и всего. Если я не женюсь на Лидіи — это добро въ твоихъ глазахъ, но въ ея — это зло. Какіе же тутъ могутъ быть разговоры!..

Варавина задумалась надъ этими словами и съ испугомъ посмотрѣла на сына.

— Но что̀ же такое добро и зло?—тихо спросила она его.

— Добро и зло, — съ комической торжественностью отвѣтилъ онъ, — суть полюсы одной и той же истины, крайнія ея проявленія. И всѣ эти вопросы—былые призраки былыхъ очарованій, то-есть заблужденій... Но вотъ, кажется, и отецъ.

Петръ Александровичъ вошелъ въ будуаръ и поцѣловался съ женой. Сыну онъ пожалъ руку, крѣпко, по-пріятельски.

— Ну что̀, — спросилъ онъ у жены,—есть телеграмма отъ нашего молодца?

— Есть, вотъ она.

Онъ прочиталъ ее.

— Въ концѣ мѣсяца,—сказалъ онъ,—это, значитъ, очень, очень скоро. Ну, я радъ, очень радъ.

Онъ взглянулъ на сына.

— Ты навѣрно будешь у меня просить денегъ,—проговорилъ онъ, отводя отъ него глаза.

— Почему ты такъ думаешь, папа?

— У всѣхъ людей, которые собираются просить денегъ, есть что-то особенное въ глазахъ. Что-то сложное изъ скорби, надежды, мольбы и страха. Chanson sans paroles...

— Это вѣрно! — засмѣялся Дмитрій: — и меня удивляетъ такая тонкая и оригинальная наблюдательность съ твоей стороны.

— Мерси за комплиментъ. А ну-ка я посмотрю, какова твоя наблюдательность: взгляни мнѣ въ глаза.

— Вотъ.

— Что̀ видишь?

— Ты денегъ не дашь.

— Ура! Угадалъ... Но я и забылъ... Гдѣ же вы, Θирсъ Θирсовичъ?

— Иду, иду! — послышалось изъ сосѣдней комнаты.

Трифа̀новъ остановился на порогѣ, быстро подошелъ къ Варавиной, поцѣловалъ ей руку, изящно изогнувъ станъ, и конфиденціальнымъ шопотомъ спросилъ:

— Ну что̀, получили?

— Получили.

— Ѣдетъ?

— Ѣдетъ.

— Я хотѣлъ васъ попросить познакомить меня съ личностью и взглядами вашего сына,—еще тише сказалъ онъ.—А, здравствуйте, молодой человѣкъ!—обратился онъ къ Дмитрію и, подойдя къ нему, молча нагнулся къ его уху:—У меня къ вамъ дѣло—насчетъ паспорта madame Галиной. Неудобно-съ! Совсѣмъ неудобно! Необходимо прописать.

— У нея нѣтъ паспорта,—отвѣтилъ въ полголоса Дмитрій,—паспортъ ея въ бракоразводномъ дѣлѣ. Она на дняхъ ждетъ бумаги изъ синода, тогда и пропишете.

— Но какъ же до тѣхъ-то поръ?

— Ну, какъ-нибудь.

— Будетъ вамъ шептаться, пойдемте обѣдать! — сказалъ Петръ Александровичъ, и всѣ направились въ столовую.

IV.

Вокругъ города снѣгъ давно уже стаялъ и давно почернѣли поля; побѣжали ручьи и подулъ первый весенній вѣтеръ, теплыя струи котораго смѣнялись порой рѣзковатыми и холодными. Наступала весна, дружная и быстрая, похожая на путника, нѣсколько замѣшкавшагося въ дорогѣ и теперь спѣшившаго вернуться домой. Ожилъ темно-зеленый хвойный лѣсъ, а на лиственныхъ деревьяхъ завязались свѣтлыя, яркія почки. Солнце свѣтило привѣтливо, но еще не согрѣло продрогшую за зиму землю. Вечера становились коротки, наступали долгіе дни, предшествуемые продолжительными сумерками. Шелъ глухой весенній гулъ: гдѣ-то что-то трещало, капало, шумѣло, рвалось наружу; зимнія цѣпи падали, и природа, какъ узникъ, рвалась на свободу, послѣ томительно долгихъ дней заточенія.

Дмитрій Петровичъ не любилъ этого весенняго, безпокойнаго времени и предпочиталъ осень, когда ему особенно хорошо работалось. Длинные осенніе вечера, унылые и слезливые, нравились ему больше неопредѣленныхъ весеннихъ сумерекъ, въ ко-

торыхъ было что-то тревожное и которыя поднимали въ душѣ его смутныя волненія и туманныя настроенія.

Теперь въ особенности ему было не по себѣ.

Послѣдній разговоръ съ родителями ему не удался. Дмитрій Петровичъ разсчитывалъ, что это будетъ разговоръ рѣшительный, который окончательно опредѣлитъ его судьбу и судьбу близкой ему женщины. Но какъ-то ничего не вышло изъ этого. Онъ встрѣтилъ оппозицію, повидимому даже не особенно страстную, и тѣмъ не менѣе онъ сразу почувствовалъ, что ни отецъ, несмотря на его свободные взгляды, ни въ особенности мать, которую онъ считалъ по отношенію къ себѣ довольно равнодушной, не согласятся на его просьбу.

Да и самый разговоръ, къ которому онъ подготовлялся, вышелъ какимъ-то страннымъ, расплывчатымъ... Постоянно переходили на общія мѣста и никакъ не могли сосредоточиться на главномъ предметѣ. Послѣ того прошло нѣсколько дней, разговоръ не возобновлялся: то мѣшала сестра, приставшая къ отцу съ своими нуждами народными, то были гости, то сами родители были заняты сенсаціоннымъ вопросомъ о новомъ назначеніи старшаго сына. Да и весь городъ теперь взбудоражился и занимался только однимъ—сплетнями и пересудами о пріѣздѣ Сергѣя Петровича.

Дмитрій былъ отчасти даже радъ тому: по крайней мѣрѣ его и Лидію оставили въ покоѣ и какъ будто совершенно забыли о нихъ. Не то было въ первое время по пріѣздѣ въ городъ. Всѣ интересовались имъ и въ особенности Лидіей. Она не могла выйти на улицу, чтобы не возбудить всеобщаго и довольно безцеремоннаго любопытства. А когда они показывались вмѣстѣ, такъ это ужасъ что было такое! Многіе оборачивались, а дамы даже останавливались и подробно осматривали ихъ, какъ осматриваютъ въ музеяхъ восковыхъ куколъ, изображающихъ знаменитыхъ убійцъ, злодѣевъ или государственныхъ канцлеровъ.

Въ концѣ-концовъ они не только перестали показываться вмѣстѣ, но Лидія перестала совершенно выходить изъ скромной комнаты провинціальнаго отеля. Она рѣшалась покидать ее только въ крайнихъ случаяхъ, и тогда выходила поздно, въ сумерки, тщательно избѣгая главной улицы, и въ особенности дома Маріи Егоровны, которая имѣла обыкновеніе, съ наступленіемъ весенняго времени, проводить часы досуга на воздухѣ, сидя у подъѣзда на изящной чугунной скамейкѣ. Марія Егоровна уподоблялась въ это время года миѳической Тамарѣ: кто бы ни проходилъ мимо нея по тротуару—„воинъ, купецъ и пастухъ"—

она со всѣми заговаривала и влекла на свою скамейку; и тогда „странные, дикіе звуки“ сплетенъ раздавались у ея дома вплоть до наступленія вечера. Нѣсколько уже разъ престарѣлая губернская Тамара порывалась заговорить, подъ тѣмъ или инымъ благовиднымъ предлогомъ, съ проходившей мимо нея Галиной, но молодая женщина, почуявъ эти намѣренія, ускоряла шагъ и проносилась мимо какъ ураганъ.

Съ другой стороны, Дмитрій былъ недоволенъ такимъ оборотомъ дѣлъ и паденіемъ къ нему интереса. Бумаги изъ синода не приходили, но зато небольшой запасъ денегъ, съ которымъ онъ пріѣхалъ, приходилъ къ концу. Ѳирсъ Ѳирсовичъ все болѣе и болѣе насѣдалъ съ требованіемъ прописки, и шепталъ Дмитрію, что „ежели возможно было до сего времени обойтись безъ оной, благодаря междуцарствію въ городѣ, то теперь, въ ожиданіи пріѣзда новаго начальника, братца Дмитрія Петровича, это становится уже менѣе удобнымъ—и даже опаснымъ“.

Въ виду столь неудачно складывавшихся обстоятельствъ, Дмитрій рѣшилъ навѣстить Зарѣцкаго, въ его пригородномъ имѣніи, или, вѣрнѣе, дачѣ съ небольшимъ участкомъ земли, на которой Зарѣцкій всегда проживалъ весной. Зарѣцкаго онъ зналъ съ дѣтства и всегда былъ съ нимъ въ дружескихъ отношеніяхъ, а главное очень цѣнилъ его легкіе взгляды на жизнь и на ея сложные вопросы. Взгляды Зарѣцкаго отличались самостоятельностью, смѣлостью и рѣшительностью. Отчасти отъ него и Дмитрій заразился этими взглядами, которые шли въ разрѣзъ со взглядами его семьи. Къ Зарѣцкому давно уже привыкло провинціальное общество, считавшее его „enfant terrible“ и вначалѣ чуждавшееся этого философа-насмѣшника. Теперь многое простили ему, и смотрѣли на него снисходительно, полунасмѣшливо, относясь къ нему какъ къ большому младенцу или потѣшному чудаку-забавнику.

Дмитрій издали еще замѣтилъ чистенькую дачу Зарѣцкаго и его самого, сидѣвшаго на террасѣ съ газетой въ рукахъ и курившаго толстѣйшую папиросу.

— А-а!—привѣтствовалъ гостя Зарѣцкій, сходя со ступенекъ террасы и колыша свое тучное тѣло.—Здорово, другъ! Какъ это надумалъ навѣстить стараго филина? Съ ночевкой?.. Нѣтъ? Жаль! Тогда не отпускай возницу: здѣсь этого продукта ни за какія тыщи не найдешь въ ту пору, когда нужно, но зато когда не нужно—ихъ сколько угодно. Здоровъ?

— Здоровъ, Аркадій Ниловичъ, благодарю васъ.

— Веселъ?

— Ну... не особенно.

— Что такъ?

— О томъ будутъ слѣдовать пункты.

— Съ тѣмъ и пріѣхалъ?

— Почти.

— Ну, ладно... Ступай сюда, садись здѣсь; сейчасъ моя домоправительница, Домна Ѳедосѣевна, принесетъ тебѣ чаю. Вотъ папиросы, кури.

Они усѣлись на террасѣ, и старая Домна Ѳедосѣевна вскорѣ притащила, охая и кряхтя, самоваръ, который грузно поставила на столъ.

— Воздухъ-то, воздухъ какой!—наливъ чай, проговорилъ Зарѣцкій.—Точно лопнулъ парфюмерный заводъ и разлились по землѣ всѣ заготовленные духи. А впрочемъ, я не поэтъ и не знаю,—можетъ быть, мой символъ глупъ. Слыхалъ,—въ писательство пустился?

— Да.

— Скверно, братъ!

— Почему?—удивленно спросилъ Дмитрій.

— Что хорошаго! Во-первыхъ, *ихъ* развелось, что мухъ въ жаркое лѣто; во-вторыхъ, ни одному еще художнику не удавалось изобразить на полотнѣ того, что бродило въ его воображеніи, и ни одному поэту не удавалось выразить въ стихахъ то, что складывалось въ его душѣ. Поэтому я очень жалѣю писателей—они вѣчные мученики, и такъ называемое творчество—каторга. И потомъ подумай: вотъ тебѣ явился свѣжій, прелестный образъ и всталъ во всей прелести, во всей ясности въ твоемъ воображеніи. Вотъ тебѣ пришла на умъ идея, которую ты облекъ въ художественную форму. Все это прекрасно, волнуетъ душу, тѣшитъ твое артистическое чувство. Но вотъ ты садишься фиксировать то, что зародилось въ твоей душѣ. Прелесть новизны уже исчезла, ты уже пережилъ моментъ, краски поблекли, но тебѣ надо все это записать на бумагу, вновь разжигать вдохновеніе, какъ потухшій костеръ, вновь насиловать воображеніе въ направленіи тѣхъ же образовъ и идей, когда въ мозгъ наплываетъ уже опять нѣчто новое, нѣчто сильное и нѣчто яркое. Какая мучительная и скучная работа!.. Поэтому, если ужъ писать, то надо писать безъ плана, безъ выработанной программы. Мелькнуло что-то въ воображеніи,—садись, пиши, не давай кристаллизоваться и осѣдать образамъ; пусть они пріобрѣтаютъ плоть и кровь, жизнь, тутъ же, подъ перомъ, во время работы. Тогда еще не скучно. Пиши такъ, что если у тебя въ

романѣ кто-нибудь постучался въ дверь, то ты бы самъ не зналъ, кто это. Такъ я еще понимаю. А иначе—мучительно. И не вѣрь, пожалуйста, тѣмъ педантамъ, которые говорятъ, что нужно вынашивать образы и мысли, писать подробные планы, провѣрить въ подробностяхъ архитектуру романа, обдумать предварительно детали. Все вздоръ! Такъ можно и должно писать вывѣски, а не романы. Романъ долженъ быть схваченъ на лету. Это живая птица, заключенная въ клѣтку строкъ. Пусть чувствуется, какъ она бьется крыльями за этими строчками, и какъ она стремится вырваться наружу... И еще: никогда не перечитывай, не передѣлывай романовъ—еже писахъ, писахъ! Ужъ это извѣстно, что человѣкъ никогда не доволенъ дѣломъ рукъ своихъ, которое ему всегда кажется несовершеннымъ. Поэтому отъ перечитыванія и передѣлокъ проку мало. Почему предполагать, что вотъ теперь, въ этой передѣлкѣ написанное выйдетъ совершеннѣе? Можетъ быть, выйдетъ умнѣе, выдержаннѣе, но и, конечно, вымученнѣе. Вспомни картину Иванова... какая смертельная скука!

Дмитрій улыбнулся.

— Какую ересь вы проповѣдуете!—сказалъ онъ.—А завѣты Гоголя, а завѣты прошлаго?

Зарѣцкій строго посмотрѣлъ на него.

— Юноша!—сказалъ онъ.—Не увлекайся завѣтами прошлаго. Это очень опасно. Что такое эти завѣты прошлаго? Это—школа, иначе сказать, пройденный путь. Ихъ необходимо почитать, какъ связь, какъ почву, питающую корни, дающую жизненные соки. Дерево ростетъ на оплодотворенной почвѣ, но развѣ оно должно доискиваться до состава этой почвы и анализировать ея элементы? Вздоръ! Завѣты прошлаго—это глубокія залежи изъ полусгнившихъ или сгнившихъ кореньевъ и организмовъ, переродившихся въ жирный черноземъ. Однимъ словомъ—это почва. На безплодной почвѣ ничто не выростетъ, конечно. Поэтому мы обязаны уваженіемъ и почтеніемъ къ великимъ завѣтамъ прошлаго, къ тѣмъ людямъ, которые дали соки этой почвѣ, къ тѣмъ школамъ, которыя создали намъ возможность работать, но Боже сохрани подражать имъ и приглашать искусство вѣчно оглядываться назадъ, заставлять его топтаться на мѣстѣ. Тогда выйдетъ застой, болото, ржавчина. Паденія въ искусствѣ нѣтъ, какъ и застоя. Великій законъ жизни, законъ прогресса, управляетъ міромъ. То, что на обыкновенномъ языкѣ, на языкѣ профановъ, называется упадкомъ, ну... декадентствомъ, чтобы сказать новое слово, регрессомъ, что-ли, то—лишь оста-

новка, отдыхъ творческой мысли, послѣ котораго искусство быстро шагаетъ впередъ и создаетъ новую школу, новую эпоху... Надоѣлъ я тебѣ?

— О, нисколько!..

— Нѣтъ, не дѣлайся писателемъ, другъ мой! — вздохнувъ, сказалъ Зарѣцкій.

— Но почему же, почему?

— Потому что повторять то, что̀ говорилъ Гоголь, Тургеневъ и другіе—не стоитъ. Это уже сказано и сдѣлалось достояніемъ „великихъ завѣтовъ“. И сказано хорошо—лучше не скажешь...

— Но новое?..

— Сказать новое, свое—очень трудно. Не всякому это дано. А если и скажешь—не поймутъ. Общество всегда, собственно, относилось буржуазно къ искусству, даже съ затаенной враждой, какъ оно относится враждебно къ героямъ, потому что герои, артисты, художники—выше его. Призывъ къ великимъ завѣтамъ прошлаго не болѣе какъ замаскированное, а можетъ быть инстинктивное желаніе задержать ходъ искусства, какъ нежеланіе новаго, какъ чувство неудобства, испытываемаго при перемѣнѣ старой, обношенной обуви на новую. Этотъ призывъ всегда есть въ основѣ своей—пробужденіе вѣчно дремлющаго на днѣ человѣческой души консерватизма,—то-есть обоготворенія обветшавшихъ формъ и идей. Толпа всегда консервативна, художники—всегда революціонеры. И между той и ними всегда идетъ глухая борьба. Художники побѣждаютъ, это правда, но только послѣ тяжкой борьбы подчиняя себѣ толпу, которая въ дальнѣйшемъ ходѣ всегда готова возмутиться, потому что толпа демократична, а истинное искусство всегда было, есть и будетъ и должно быть аристократично, то-есть, понятно для немногихъ и дорого немногимъ... Утомилъ я тебя?

— Ничуть.

— Чему же ты ухмыляешься?

— Мнѣ пришла на умъ сестра. Еслибы она васъ слышала!

— Ну-у... Вѣра! — протянулъ Зарѣцкій. — Не обвиняй ее. По ея мнѣнію, искусство терпимо, если оно преслѣдуетъ служебныя цѣли, если оно служитъ народу... Хочешь еще чаю?.. Давай стаканъ... У нея не-артистическая натура, суховатая, какъ у Сергѣя.

— А знаете ли, вы бы могли быть отличнымъ художественнымъ критикомъ,—сказалъ Дмитрій.

— Вотъ нынѣшняя молодежь!—воскликнулъ Зарѣцкій, всплес-

нувъ руками. —Ей оказываешь гостепріимство, поишь чаемъ, а она говоритъ дерзости... Однако, отложимъ вопросы искусства въ сторону и поговоримъ о тебѣ. Другъ мой! Слышалъ я о тебѣ разныя вещи.

— Я собственно и пріѣхалъ, чтобы поговорить о „разныхъ вещахъ", какъ вы выражаетесь.

— Чудесно. Начинай же.

— Нѣтъ, ужъ скажите лучше, что̀ вы слышали.

— Да вотъ хотя бы то, что ты пріѣхалъ не одинъ.

— Ну, да... съ Лидіей Иларіоновной Галиной.

— Такъ... Лидія! Хорошенькое имя. Ну, такъ что же? Жениться хочешь?

— Именно.

— Родители, конечно, противъ?

— Именно.

Зарѣцкій развелъ руками.

— Что̀ же я, голубчикъ, могу сдѣлать? Кто она? Курсистка?

— Нѣтъ. Консерваторка.

— Ага, значитъ, жрица искусства. Слыхалъ— замужняя и разводится.

— Уже развелась. Теперь остается намъ жениться. Я говорилъ объ этомъ съ матерью и отцомъ. Оба—противъ. Не даютъ своего согласія. Положимъ, можно обойтись безъ согласія, но мнѣ не хочется ссориться. Ужъ и безъ того вся семья смотритъ на меня косо. Сестра дуется за мои насмѣшки надъ ея народничествомъ, мама̀ недовольна моими взглядами на жизнь...

— Какіе же у тебя взгляды на жизнь? — серьезно, но съ улыбкой въ глазахъ спросилъ Зарѣцкій.

— Конечно, не такіе, какъ у нихъ. Она, напримѣръ забыть не можетъ моихъ словъ, что добро и зло — крайнія выраженія одной истины. Но я же не виноватъ, что не могу мыслить по ихъ шаблону, и что не признаю добродѣтелями то, что̀ они признаютъ таковыми. А она все упрекаетъ меня за эти слова. Я какъ-то заспорилъ съ сестрой и сталъ ей доказывать, что слѣдуетъ переоцѣнить съ новой точки зрѣнія то, что̀ они признаютъ за несокрушимыя цѣнности... Ну, и вышла форменная баталія.

— Ахъ, такъ ты ницшеанецъ?—вскрикнулъ Зарѣцкій, и та же улыбка глазъ освѣтила его лицо.

— Ницшеанецъ, ницшеанецъ!—возразилъ Дмитрій.—Зачѣмъ непремѣнно этикетка?

— Потому что этикетка, какъ ты говоришь, покрываетъ содержаніе и даетъ возможность опредѣлить суть однимъ словомъ.

— Я не знаю,—назовите какъ хотите, если непремѣнно нужно названіе. Я знаю одно, что понятія наши обветшали и требуютъ обновленія. Добродѣтель—одна сторона истины, и зло имѣетъ всѣ права на вниманіе, потому что существуетъ рядомъ съ добромъ въ природѣ. И не будь этого понятія, не было бы и понятія о добрѣ.

— Ты ницшеанецъ,— повторилъ Зарѣцкій,—но недостаточно проникшійся этимъ ученіемъ. Ты сбиваешься. Лучше сказать, ты—теоретикъ. Тебя одолѣваетъ другое ученіе — христіанство со всѣми его нравственными принципами, вкорененное въ тебѣ преемственностью поколѣній. И потомъ, достаточно ли ты силенъ, чтобы выдержать марку ницшеанства? Я думаю—нѣтъ.

— Почему вы это думаете?—съ молодымъ задоромъ и обидчивостью спросилъ Дмитрій.

— Потому что ты не выдерживаешь роли.

— Какъ такъ?

— Если ты отрицательно относишься къ установленнымъ цѣнностямъ, которыя слѣдуетъ пересмотрѣть, то почему ты хочешь *жениться*? Вѣдь любовь — временное помѣшательство, а бракъ излечиваетъ это краткое помѣшательство, превращая его въ длинную глупость; такъ, по крайней мѣрѣ, говоритъ Заратустра.

Дмитрій сконфузился.

— Вы были бы правы упрекать меня въ непослѣдовательности, еслибы, дѣйствительно, я заботился о возстановленіи банальной формальности. Но, Аркадій Ниловичъ,—все больше горячась, продолжалъ онъ,—тутъ дѣло серьезнѣе...

— Да въ чемъ же серьезность? Ты любишь ее, она—тебя, вы любите другъ друга, и прекрасно! Любите. Никто не мѣшаетъ. Надоѣстъ —разойдитесь. Бракъ—устарѣвшій институтъ. Любовь должна быть свободнѣе птицы, которая все-таки связана съ землей, потому что принуждена садиться на вѣтку дерева или на скалу, чтобы отдыхать. Любовь — вѣтеръ. Она не должна быть ничѣмъ связана.

— Прекрасно...—попробовалъ выпутаться Дмитрій,—но мы живемъ не на той вершинѣ, съ которой проповѣдывалъ Заратустра... и потомъ еще... вѣдь не передѣлать же установившихся взглядовъ общества... по крайней мѣрѣ, такъ скоро.

— Я говорю, ты слабый теоретикъ. У Лидіи Иларіоновны, я слышалъ, ребенокъ?

— Да,—тихо отвѣтилъ Дмитрій.

— Ну, вотъ видишь! Женщина никогда полностью не за-

бываетъ отца своего ребенка. Это разъ. Женщина съ чужимъ ребенкомъ—тяжелое обстоятельство жизни, и какъ бы ты ни любилъ ея ребенка, она будетъ требовать все больше и больше чувствъ отъ тебя, и ей все будетъ казаться мало—это два. Нужна огромная сила, огромная нравственная сила, и большое мужество, и еще бо́льшая любовь къ женщинѣ, чтобы такой бракъ походилъ на счастье. Женщины эгоистичнѣе мужчинъ. Для нея ребенокъ — часть ея самой, и, быть можетъ, въ этомъ кроется весь секретъ ея любви къ нему, а она никогда не прощаетъ холодности или равнодушія къ себѣ со стороны любящаго человѣка.

Дмитрій поднялъ голову. Въ его глазахъ мелькнуло что-то рѣшительное. Видимо, онъ хотѣлъ говорить, но не рѣшался высказать всего Зарѣцкому.

Послѣ недолгой борьбы съ самимъ собою, онъ, однакоже, сказалъ:

— Какой я дуракъ!... Не могу же я сомнѣваться въ васъ, Аркадій Нилычъ... Я вамъ открою свою тайну.

— Тайну? Говори же, говори, другъ мой!

— Ребенокъ этотъ не чужой, а мой... Вотъ причина, почему я хочу непремѣнно жениться, почему я обязанъ жениться. Надо его усыновить, приготовить ему будущность. Я не виноватъ, что нравы нашего общества клеймятъ презрѣніемъ незаконнорожденныхъ.

— Ну, такъ бы и говорилъ! Это—дѣло другое. Женись. Я ничего не имѣю противъ этого. Я, конечно, не знаю Лидіи Иларіоновны, и не могу судить, будете ли вы счастливы. Но женись! Во всякомъ случаѣ бракъ вѣдь не есть непоправимое зло, и къ нему придуманъ отличный коррективъ—разводъ. Я даже думаю, что реверсъ для офицеровъ установленъ въ видѣ этого корректива. Никто не долженъ бы жениться безъ обезпеченія бракоразводнымъ реверсомъ... Ты не знакомъ съ о. Парамономъ?

— Нѣтъ.

— Ну, я тебя познакомлю. Великолѣпный батюшка! Не ницшеанецъ, нѣтъ! христіанинъ! И въ добавокъ—прекрасный человѣкъ! Если родители не уступятъ, а ты все-таки захочешь жениться, поѣзжай въ мою усадьбу—верстъ двадцать отсюда, ты знаешь. Тамъ есть церковь, и о. Парамонъ тебя женитъ. А денегъ не будетъ на начало новой жизни—я дамъ. А потомъ мы всѣ—въ ноги родителямъ: такъ, молъ, и такъ, простите и благословите. Ну, родителю-то ничего и не останется, какъ сказать:—благослови васъ Богъ—а я не виноватъ!

— Но будете виноваты—вы...

— Такъ что же? Одной виной больше, одной меньше—не все ли равно?

Дмитрій всталъ и обнялъ Зарѣцкаго, который сталъ тяжело дышать и отстранилъ его рукой.

— Фу, чуть не задушилъ! И что за изліянія? За что мнешь тучнаго человѣка?

— За вашу доброту и отзывчивость, — засмѣялся Дмитрій, лицо котораго радостно засвѣтилось.

— Эка сказалъ! Какая же доброта! Просто любопытство. Люблю дѣлать опыты. Мнѣ кажется, я былъ бы хорошимъ химикомъ. Взялъ два вещества, растворилъ ихъ въ банкѣ брака, и смотри-любуйся, какъ они кристаллизуются на днѣ ея. Забавно... Жизнь есть море. Я люблю иногда нырять въ глубину и вытаскивать оттуда жемчужины. Я смотрю на себя какъ на искателя жемчуга. А тутъ вдругъ выловить двѣ жемчужины и помѣстить ихъ въ одинъ обручъ, который скуетъ ихъ! Любопытно. Ну, а когда понадобится разбить обручъ, приходи опять ко мнѣ. Вмѣсто попа, дамъ тебѣ анти-попа, сирѣчь бракоразводнаго адвоката. Но въ свидѣтели не пойду, потому что я наблюдатель жизни, зритель, а не актеръ. Химикъ, но не элементъ.

— Аркадій Нилычъ! — вдругъ сказалъ Дмитрій и сконфуженно остановился.

— Что, милый?

— Можно васъ познакомить съ Лидой?—скороговоркой проговорилъ Дмитрій, тотчасъ же покраснѣвъ. —Она такъ одинока здѣсь!..

— О, конечно... Отчего же нѣтъ?—предупредительно отвѣтилъ Зарѣцкій.

V.

Единственный желѣзнодорожный вокзалъ въ городѣ, обыкновенно не очень оживленный, а въ большинствѣ случаевъ даже пустынный,—былъ переполненъ публикой.

Жандармскій штабъ-офицеръ, тутъ же около Лѣвановъ, нѣсколько видныхъ губернскихъ и земскихъ дѣятелей—всѣ они сходились на платформѣ въ группы и вели оживленныя бесѣды. И лица, и разговоры ихъ, были взволнованы ожидавшимся въ этотъ день пріѣздомъ новаго начальника. Пришло, конечно, и нѣсколько дамъ, въ томъ числѣ и Маслова, въ сопровожденіи другой дамы, Шубиной. Маслову называли въ го-

родѣ сплетницей, а иногда, по Гоголю, „просто сплетницей“, въ отличіе отъ Шубиной, которая носила прозвище „сплетницы во всѣхъ отношеніяхъ“. Разница между ними заключалась въ томъ, что сплетни Масловой не носили злостнаго характера и были результатомъ ненасытимой жажды Маріи Егоровны ко всему новому, еще неизвѣстному другимъ лицамъ; сплетни ея были политическія, административныя, губернскія. Шубина интересовалась больше частными дѣлами городскихъ жителей, мелочами ихъ повседневной жизни, интимными подробностями ихъ семейныхъ дѣлъ. Поэтому она считалась гораздо опаснѣе, и любители сплетенъ очень цѣнили ее за рѣзвость и злобу, какъ охотники цѣнятъ борзыхъ собакъ. Она играла роль городничаго интимной жизни, прославленнаго ругателя, слѣдователя по особо важнымъ дѣламъ.

Шубина оттащила Марію Егоровну въ сторону и стала ей выкладывать добытыя ею, Богъ вѣсть какими путями, свѣдѣнія о новомъ начальникѣ.

— Представьте себѣ, говорятъ, этотъ Варавинъ—человѣкъ очень нервный и очень надменный... не поздравляю съ такимъ начальникомъ. Онъ очень рѣзокъ съ подчиненными и презираетъ женщинъ...

— Но, душечка, Елена Ѳедоровна, откуда вы знаете это? Сергѣй Петровичъ никогда не бывалъ въ нашемъ городѣ, а вы никогда не бывали въ Петербургѣ.

— Такъ что же, душечка?.. Какъ это говорится?.. Отъ нитки къ иголкѣ... de fil en aiguille... Земля наполняется слухомъ.

— Не всякому слуху вѣрь. Вотъ я первая узнала о его назначеніи, но молчала, пока не получила подтвержденія отъ министерскаго племянника — у меня племянникъ въ министерствѣ служитъ. Я его для отличія называю министерскимъ племянникомъ, потому что у меня есть другой, театральный племянникъ, который служитъ при театрахъ.

— Но я не вижу нашего предводителя...

— Онъ, по всей вѣроятности, не будетъ.

— Да, онъ человѣкъ очень черствый и къ семьѣ относится индифферентно.

— Совсѣмъ не потому, а ему показалось неудобнымъ участвовать въ оффиціальной встрѣчѣ.

— Скажите! Какой педантизмъ! Впрочемъ, всѣ Варавины педанты. Это—семейное у нихъ. Вы видѣли эту... какъ ее? какъ ее? Ну, ту, съ которой имѣлъ „фронтъ“ пріѣхать въ городъ молодой Варавинъ?

Марія Егоровна улыбнулась. Ей всегда смѣшны были французскія словечки и фразы Шубиной, которая переводила ихъ такъ комично на русскій языкъ.

— Вы хотите сказать: Галину?

— Именно. Я какъ-то вышла взять воздуху и натолкнулась на нее. Какой непріятный типъ! И сколько нахальства во взорѣ!..

— Напротивъ, мнѣ говорили...

— Ахъ, душечка, вамъ говорили, а я сама видѣла. Брюнетка...

— Шатэнка, свѣтлая шатэнка,—Елена Ѳедоровна!

— Брюнетка, душечка, жгучая брюнетка!

— Шатэнка... Вы, можетъ быть, приняли кого-нибудь за нее?

— Ахъ, Боже мой! Со мной никогда такихъ ошибокъ не бываетъ. Брюнетка и потомъ женщина „труднаго возраста“... Въ сравненіи съ ней, Митя Варавинъ — юноша, хотя ему и за тридцать.

— Вы ошибаетесь... Митѣ всего двадцать-шесть, и мнѣ говорили, что Галиной около двадцати трехъ-четырехъ. Какой же это „трудный“ возрастъ, какъ вы это называете?..

Ѳирсъ Ѳирсовичъ все это время суетился и волновался больше другихъ; онъ еле удерживался, чтобы не „осадить“ двухъ пріятельницъ, занимавшихся пересудами и ставшихъ на самое видное мѣсто платформы. Полъ платформы онъ уговорилъ начальника станціи усѣять желтымъ пескомъ, хотя тотъ ему ставилъ на видъ всю безцѣльность этого украшенія, потому что въ это весеннее время не могло быть гололедицы. Онъ даже порывался украсить вокзалъ флагами, но Петръ Александровичъ, къ которому онъ съѣздилъ за совѣтомъ, отговорилъ его отъ этого, найдя, что это было бы „черезчуръ“.

Льговскій, который, за выѣздомъ Ивана Ивановича, правилъ губерніей до пріѣзда новаго начальника, выѣхалъ еще наканунѣ на границу губерніи, для встрѣчи Сергѣя Петровича, и Ѳирсъ Ѳирсовичъ ждалъ теперь его съ нетерпѣніемъ, чтобы при первой же возможности поинтервьюировать его относительно новаго начальства. Явился на вокзалъ даже Переметневъ, и Ѳирсъ Ѳирсовичъ, замѣтивъ его грузную фигуру среди присутствовавшихъ, кинулся къ нему и, неизвѣстно зачѣмъ, спросилъ:

— Ну, вы-то для чего пожаловали?

— Для ради любопытства, — отвѣтилъ Переметневъ, озадаченный вопросомъ, и тотчасъ же попятился назадъ.

Но ужасу Ѳирса Ѳирсовича не было границъ, когда взоръ

его вдругъ нечаянно остановился на Галиной, появившейся среди публики.

Галина была въ простомъ, скромномъ суконномъ платьѣ, гладко сшитомъ и обрисовывавшемъ ея стройную фигуру. Она была высокаго роста, и волосы у нея были дѣйствительно свѣтло-каштановаго цвѣта. Чудные темные глаза ея съ длинными рѣсницами, какъ у дорогой куклы, смотрѣли робко и растерянно, и лицо ея было блѣдно и взволнованно. Она и сама не знала, какъ и зачѣмъ сюда попала. Митя былъ у родителей, и ей сдѣлалось такъ скучно сидѣть въ унылой комнатѣ провинціальнаго отеля, что ее потянуло на улицу, къ людямъ, съ которыми, если она и не могла говорить, то все-таки инстинктивно жаждала хотя безмолвнаго общенія. Мужчины и женщины съ любопытствомъ оглядывали ее, и она конфузилась отъ этихъ безцеремонныхъ взглядовъ, и уже сильно раскаявалась въ томъ, что ее потянуло сюда. Она знала, что въ этотъ день пріѣзжаетъ братъ Мити, и не могла удержаться отъ любопытства, привлекшаго ее на вокзалъ. Теперь она готова была провалиться сквозь землю, но было уже поздно, и она мужественно переносила оскорбительные взоры и перешептыванія дамъ, которыя при ея приближеніи отшатывались отъ нея, какъ отъ зачумленной.

Өирсъ Өирсовичъ растерялся—неизвѣстно почему. Присутствіе Галиной показалось ему дерзостью, угрозою общественной нравственности. Онъ не зналъ, что дѣлать. Подойти къ ней и попросить удалиться? Сдѣлать видъ, что онъ ее не замѣчаетъ? Но какъ ни какъ,—можетъ быть, она будущая родственница новаго начальника, если вѣрить слухамъ о женитьбѣ на ней въ недалекомъ будущемъ молодого Варавина.

Онъ кончилъ тѣмъ, что подозвалъ двухъ городовыхъ и заставилъ ими Галину, такъ что ее не стало видно, да и она ничего не могла видѣть, кромѣ широкихъ спинъ городовыхъ.

Раздался звонокъ.

Өирсъ Өирсовичъ выпятилъ грудь, нервно сжалъ въ рукѣ бумагу, на которой былъ написанъ рапортъ о состояніи ввѣреннаго его попеченію города, и быстро, мелкимъ шагомъ отправился на конецъ платформы, умоляющимъ взглядомъ окинувъ собравшуюся публику, какъ бы еще, въ послѣдній разъ, приглашая ее вести себя сдержанно.

Онъ чуть-чуть не наткнулся на Маслову и Шубину, упорно стоявшихъ на дебаркадерѣ по пути предполагаемаго слѣдованія начальника.

— Что-жъ это такое, Господи!—въ отчаяніи шепнулъ Өирсъ

Ѳирсовичъ, но останавливаться ему было некогда, а потому онъ промчался мимо, сказавъ жандарму, встрѣчавшему поѣздъ:— Убрать отсюда этихъ дамъ!

Дамы слышали приказаніе и возмутились.

— Какой невоспитанный человѣкъ!—прошипѣла Шубина.— Этотъ Ѳирсъ потому играетъ роль начальства, что дома самъ находится подъ начальствомъ старой вѣдьмы, его жены.

Жандармъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ по направленію къ нимъ, но не посмотрѣлъ на нихъ, а скосилъ глаза на публику и, какъ бы обращаясь къ ней, проговорилъ:

— Потрудитесь очистить платформу...

Въ публикѣ засмѣялись, а дамы отступили.

Локомотивъ показался на крутомъ поворотѣ пути своими тремя огненными глазами, хотя еще было довольно свѣжо, и сумерки только-что начинали спускаться на городъ.

Раздался рѣзкій и продолжительный свистокъ. Поѣздъ съ грохотомъ медленно подходилъ къ дебаркадеру.

Первымъ вышелъ изъ вагона-салона перваго класса Льговскій, и Ѳирсъ Ѳирсовичъ первымъ бросился къ нему по ошибкѣ, но тотчасъ же замѣтилъ ошибку и направился къ выходившему уже начальнику.

И когда онъ рапортовалъ ему, сомнѣніе не покидало бѣднаго полиціймейстера,—тому ли, кому надлежитъ, рапортуетъ онъ, —до того видъ Сергѣя Петровича не соотвѣтствовалъ тому представленію, которое онъ себѣ сдѣлалъ „о внѣшности начальства вообще“ и внѣшности новаго начальника въ частности. Онъ видѣлъ фотографическія карточки Сергѣя Петровича у Варавиныхъ, но тамъ онъ былъ снятъ очень молодымъ, почти безъ растительности на лицѣ. Послѣднихъ снимковъ у нихъ не было.

Сергѣй Петровичъ былъ высокъ и худъ. Одѣтъ щеголевато, въ длинномъ пальто-сакъ и цилиндрѣ à huit reflets. На рукахъ были свѣтло-коричневыя перчатки, въ рукахъ дорогая палка съ золотой ручкой. Лицо его, обрамленное остроконечной черной бородкой и довольно большими усами, загнутыми кверху, было очень блѣдно, а глаза его изъ-за золотого pince-nez глядѣли на рапортовавшаго полиціймейстера холодно и какъ будто чуть-чуть насмѣшливо. И какая-то полу-саркастическая улыбка, даже не улыбка, а скорѣе отраженіе ея, бродила около его губъ.

Движенія Сергѣя Петровича были порывисты, рѣзки, точно капризны, какъ бываютъ у очень нервныхъ и властныхъ особъ. Очевидно, имъ владѣло нетерпѣніе кончить скорѣе эту про-

цедуру, и, не давъ договорить Ѳирсу Ѳирсовичу, онъ подалъ ему руку и отрывисто сказалъ:

— Благодарю васъ.

Затѣмъ быстрой походкой, окинувъ тѣмъ же страннымъ, точно насмѣшливымъ взглядомъ публику, прошелъ во внутреннее помѣщеніе вокзала.

Здѣсь его встрѣтили Вѣра Петровна и Дмитрій Петровичъ, которые ни за что не хотѣли выйти на дебаркадеръ—сестра изъ оппозиціи къ предержащей власти, братъ—изъ нерасположенія къ Сергѣю Петровичу.

— А! И вы здѣсь, — равнодушнымъ тономъ проговорилъ Сергѣй Петровичъ, увидя ихъ.

Они поздоровались сухо, какъ будто чужіе или только-что познакомившіеся люди, а не близкіе родные, Богъ знаетъ, сколько лѣтъ не видавшіеся. Сергѣй Петровичъ холодно поцѣловался съ сестрой, а брату пожалъ руку.

— Ты не заѣхалъ ко мнѣ проститься передъ отъѣздомъ изъ Петербурга,—сказалъ онъ.

— Да, не заѣхалъ,— отвѣтилъ Дмитрій Петровичъ; живя въ Петербургѣ, онъ не видѣлся съ братомъ цѣлыми мѣсяцами, считая, что между ними ничего не было общаго.

— Ну, а ты какъ, Вѣра?—спросилъ Сергѣй Петровичъ.— Что̀ подѣлываешь? Все по прежнему?

— Все по прежнему.

— Писали мнѣ, что все возишься съ мужиками.

— Стараюсь приносить пользу, насколько это возможно!— она пожала плечами.

— Что̀ наши? Здоровы?

— Здоровы. Они ждутъ тебя дома. Папа̀ просилъ передать, что не пріѣхалъ на вокзалъ, чтобы не помѣшать оффиціальному пріему.

Сергѣй Петровичъ усмѣхнулся.

— Я телеграфировалъ, чтобы никакого пріема не было,— сказалъ онъ.—По крайней мѣрѣ, просилъ Льговскаго дать телеграмму... Вы меня извините, мнѣ надо отпустить ихъ всѣхъ.

Онъ вышелъ за двери, и къ нему немедленно подскочилъ Ѳирсъ Ѳирсовичъ, который стоялъ съ Льговскимъ и выпытывалъ у него подробности путешествія.

Сергѣй Петровичъ, не взглянувъ на суетившагося полиціймейстера, обратился прямо къ Льговскому:

— Никаноръ Григорьевичъ, позвольте васъ поблагодарить за ва̀ши хлопоты и безпокойства... Завтра я сдѣлаю распоряженія

относительно пріема представляющихся лицъ. Человѣкъ съ моими вещами и багажемъ вѣроятно прибылъ уже третьяго дня, и у меня все готово.

— Какъ-же-съ, — подскочилъ Ѳирсъ Ѳирсовичъ, — все въ должномъ порядкѣ, и человѣкъ вашъ здѣсь.

— Благодарю васъ...

— Вы не желаете познакомиться съ пріѣхавшими на вокзалъ, Сергѣй Петровичъ? — спросилъ Льговскій. — Тутъ правитель канцеляріи, чиновники особыхъ порученій...

— Завтра они мнѣ представятся, — суховато отвѣтилъ Сергѣй Петровичъ, которому не понравилось выраженіе: „знакомиться". —Такъ, до свиданія...—онъ подалъ руку Льговскому и полиціймейстеру, и быстрой походкой, точно сорвавшись съ мѣста, скрылся въ дверяхъ.—Поѣдемте!—сказалъ онъ брату и сестрѣ.

— Какъ, ты уже все кончилъ?—спросила Вѣра.

— Что именно?

— Пріемъ чиновниковъ?

— Я съ ними не знакомился, отложилъ на завтра.

— Они могутъ обидѣться, Сергѣй, — сказала Вѣра и съ изумленіемъ взглянула на него.—Здѣсь это не принято.

— Да?—протянулъ онъ и тоже посмотрѣлъ на нее; затѣмъ, улыбнулся и прибавилъ:—Ты такъ хорошо знаешь порядки, что, мнѣ кажется, я возьму тебя въ чиновники по особымъ порученіямъ.

— Это значитъ,—вдругъ проговорилъ Дмитрій,—что не учи его и не суйся не въ свои дѣла.

Братъ покосился на него.

— Ты, повидимому, нисколько не измѣнился,—сказалъ онъ.

— Физически или морально?—насмѣшливо спросилъ Дмитрій.

— Ни такъ, ни этакъ.

Они сѣли въ экипажъ, и опять около Сергѣя Петровича появился Ѳирсъ Ѳирсовичъ.

Онъ приложилъ руку къ козырьку, помогъ ему сѣсть въ экипажъ и почтительно спросилъ:

— Никакихъ приказаній не будетъ?

— Нѣтъ, ничего. Завтра, прошу васъ, явитесь ко мнѣ, часамъ къ десяти утра, а человѣку скажите, чтобы ѣхалъ къ отцу.

— Слушаю-съ.

Лошади тронули.

Варавина очень волновалась, ожидая сына. Уже въ третій разъ она входила въ столовую и съ безпокойствомъ оглядывала

сервировку стола, бѣлоснѣжную скатерть, цвѣты въ вазахъ и всякую мелочь. Нѣсколько разъ уже она взглядывала на часы и подбѣгала къ окну при малѣйшемъ грохотѣ экипажа.

Петръ Александровичъ казался спокойнѣе и только молча и сосредоточенно курилъ папиросу за папиросой. Зарѣцкій сидѣлъ въ углу гостиной, прибывъ по такому торжественному случаю съ дачи. Онъ тоже молчалъ и барабанилъ пальцами по ручкѣ кресла. И Аркадій Ниловичъ, и Ольга Яковлевна, давно замѣтили, что Петръ Александровичъ какъ-то хмурится и безпокоится, какъ будто пріѣздъ сына былъ ему не по душѣ. Они долго уговаривали его поѣхать съ ними на вокзалъ, но онъ ни за что на это не согласился и убѣдилъ ихъ тоже не ѣхать.

— Сынъ есть, все-таки, сынъ,—неопредѣленно сказалъ онъ, —и я думаю не совсѣмъ въ порядкѣ вещей—торчать родителямъ на дебаркадерѣ среди его подчиненныхъ.

Варавина переглянулась съ Зарѣцкимъ.

В. Свѣтловъ.

ДРУЖБА
ЖУКОВСКАГО съ ПЕРОВСКИМЪ
1820—1852 гг. [1])

Идеальная, трогательная дружба существовала, въ теченіе слишкомъ тридцати лѣтъ, между поэтомъ—Василіемъ Андреевичемъ Жуковскимъ—и съ виду суровымъ, но столь же добрымъ и нѣжнымъ въ душѣ воиномъ—Василіемъ Алексѣевичемъ Перовскимъ. Много было звеньевъ, которыя могли связывать этихъ двухъ замѣчательныхъ нашихъ людей первой половины недавно минувшаго столѣтія. Главнымъ звеномъ была ихъ взаимная любовь и глубокое уваженіе другъ къ другу. Между ними было то „родство души", въ существованіи котораго сомнѣвался поэтъ Лермонтовъ. Чистая, какъ горный хрусталь, душа поэта, его нѣжное, любящее сердце, выдающійся умъ и крупный поэтическій талантъ встрѣтились съ душою столь же благородною и свѣтлою, съ сердцемъ столь же искреннимъ и любящимъ, но болѣе мужественнымъ и закаленнымъ въ житейскихъ буряхъ—и, вдобавокъ, съ умомъ столь же обширнымъ и яснымъ, къ коему присоединялся, какъ бы взамѣнъ поэтическаго таланта, весьма сильный здравый смыслъ. Затѣмъ, оба они были очень образованными людьми—и оба же были чрезвычайно близки къ семьѣ великаго князя Николая

[1]) Матеріалами для настоящей статьи, неизданными отчасти, послужили, преимущественно, письма графа В. А. Перовскаго къ В. А. Жуковскому, числомъ болѣе пятидесяти, переданныя сыномъ поэта, Павломъ Васильевичемъ, послѣ смерти отца, по его желанію, гр. А. А. Толстой, отъ которой эти матеріалы и поступили недавно ко мнѣ—при любезномъ разрѣшеніи пользоваться ими для печати.

Павловича и къ нему самому, — и впослѣдствіи, когда великій князь сталъ императоромъ, оба они были осыпаны милостями царя и на обоихъ были возлагаемы царскія порученія величайшей важности. Такъ, на Жуковскаго было возложено воспитаніе юнаго наслѣдника престола, цесаревича Александра Николаевича; на Перовскаго, ставшаго впослѣдствіи графомъ, возлагались, не разъ, чрезвычайныя военныя порученія—и, между прочимъ, онъ былъ назначенъ, въ 1839 году, главнымъ начальникомъ военной экспедиціи въ Хиву, а затѣмъ, позднѣе, въ 1851 году, оренбургскимъ и самарскимъ генералъ-губернаторомъ и командиромъ отдѣльнаго оренбургскаго корпуса, войска коего, подъ его начальствомъ, взявъ крѣпость Акъ-Мечеть, положили начало завоеванію коканскаго ханства [1]).

Было и еще нѣчто одинаковое въ судьбѣ этихъ людей: оба они были, какъ извѣстно, незаконнорожденные. Одинъ былъ сыномъ помѣщика Бунина и плѣнной турчанки, другой—побочнымъ же сыномъ графа Алексѣя Кирилловича Разумовскаго [2]). Надъ этимъ нелегальнымъ происхожденіемъ, очень мало, повидимому, безпокоившимъ этихъ умнѣйшихъ и образованнѣйшихъ людей, одинъ изъ нихъ, Перовскій, впослѣдствіи мѣтко и зло посмѣялся въ одномъ изъ писемъ къ своему другу Жуковскому, которое помѣщается ниже.

Впрочемъ, и въ этой дружбѣ, какъ и всегда, одинъ изъ нихъ отчасти главенствовалъ надъ другимъ: Жуковскому принадлежала первенствующая роль; по крайней мѣрѣ, Перовскій, будучи человѣкомъ въ высшей степени скромнымъ и застѣнчивымъ, самъ находилъ, что онъ „стоитъ ниже“ своего уже знаменитаго въ то время друга, который невольно, быть можетъ, поражалъ его своею ученостью и поэтическимъ талантомъ.

Этихъ двухъ замѣчательныхъ людей связывало между собою еще и то обстоятельство, что оба они были всѣмъ обязаны лишь самимъ себѣ. Протекціи Жуковскій не имѣлъ совсѣмъ, а

[1]) Изъ времени перваго губернаторства Перовскаго въ Оренбургѣ, въ 30-хъ годахъ, слѣдуетъ отмѣтить, между прочимъ, два интересныхъ событія: первый—это пріѣздъ въ Оренбургъ Пушкина, ради составлявшейся имъ въ то время „Исторіи Пугачевскаго бунта“, и Жуковскаго, сопровождавшаго (въ 1837 году) наслѣдника-цесаревича Александра Николаевича въ его путешествіи по Россіи. Оба—и Пушкинъ, и Жуковскій—жили, за время своего пребыванія въ Оренбургѣ, у Перовскаго, въ его квартирѣ въ караванъ-сараѣ,– въ губернаторскомъ домѣ.

[2]) Графъ А. К. Разумовскій, бывшій министромъ народнаго просвѣщенія (сынъ гетмана Кирилла Григорьевича Разумовскаго) былъ женатъ на графинѣ В. П. Шереметевой, вскорѣ послѣ брака разошелся съ женою и не имѣлъ возможности получить формальный разводъ; поэтому и не могъ усыновить Перовскаго и его братьевъ.

Перовскій хотя и имѣлъ ее [1]), но она была для него излишня: такъ велики были его личныя способности и такъ исключительны были его самые первые шаги, несчастія и отличія на государственной службѣ. Извѣстно, что, получивъ воспитаніе въ московскомъ университетѣ, онъ поступилъ въ военную службу колонновожатымъ (тогдашній генеральный штабъ) и вскорѣ же попалъ въ плѣнъ, къ французамъ. Это случилось такъ. Перовскій, оставшійся на нѣсколько часовъ, по порученію начальства, въ Москвѣ,

---

[1]) Вотъ письмо (1821 года) великаго князя Николая Павловича къ графу Алексѣю Кирилловичу Разумовскому (отцу Перовскаго). Изъ него мы узнаемъ, что Николай Павловичъ взялъ на себя трудъ напомнить отцу Перовскаго о сынѣ, о судьбѣ и благосостояніи котораго гр. Разумовскій, очевидно, не слишкомъ-то много заботился. Это письмо очень важно еще и по слѣдующимъ двумъ обстоятельствамъ: во-первыхъ, мы видимъ, какимъ близкимъ человѣкомъ къ великому князю былъ Перовскій; а во-вторыхъ, изъ этого письма можно предполагать, что Николай Павловичъ, когда писалъ его и просилъ о Перовскомъ, *не зналъ*, что онъ будетъ въ скоромъ времени императоромъ и легко сможетъ, помимо равнодушнаго отца, сдѣлать счастливымъ близкаго къ нему человѣка. Письмо это мы приводимъ съ подлинника; оно появляется въ печати впервые. Вотъ оно:

„Vous serez peut-être étonné de la demande que je fais près de vous, mais vous connaissant trop pour douter de votre générosité je ne crains pas de m'adresser à vous, pour plaider une cause qui doit vous être tout aussi chère qu'à moi. Il s'agit du bien-être de mon cher Peroffs. et de toute sa famille. Vous êtes sûrement au fait de l'amitié sincère que je lui porte, il est donc bien naturel que tout ce qui le regarde m'interesse vivement. Le savoir heureux et tranquille pour tous les siens et pour lui-même m'est un besoin véritable. Il m'est donc plus qu'affreux de savoir le contraire. Cependant je dois le craindre, Monsieur le Comte, s'il n'obtient rien de votre générosité; son bonheur et celui de sa famille entière ne dépend que de vous seul, et j'espère vous connaître assez pour être sûr que vous ne voudrez pas abandonner un être qui vous doit son existence et qui par tous les titres possibles mérite la première place dans votre coeur. Si mes prières peuvent être de quelque poids à vos yeux, permettez que je les adresse à vous pour cet objet, qui me tient trop à coeur pour vous le cacher, et faites que je n'aie jamais besoin de douter de votre bonté et de votre justice. J'ajouterai encore qu'il est impossible d'unir plus de qualités estimables à plus d'amabilité que ne possède Basile. Il m'est vraiment bien cher et je lui ai voué une amitié bien sincère, persuadé qu'elle ne peut être mieux placée. Vous voyez donc que je suis bien à excuser dans *mes prétentions* si j'avais besoin d'excuse dans tout ce que je viens de vous exposer.— Aussi je suis bien persuadé que je ne reverrai Peroffs. que bien tranquillisé sur son bonheur, etc.

„Veuillez croire, Monsieur le Comte, à ma parfaite estime et à la haute considération avec lesquelles j'ai l'honneur d'être

„Votre très-affectionné Nicolas".

Къ этому письму слѣдуетъ пояснить еще вотъ что. Великій князь написалъ и отправилъ свое письмо безъ вѣдома самого Перовскаго, который не разъ говорилъ впослѣдствіи, что еслибы зналъ, то никогда не допустилъ бы этого ходатайства за себя.

во время вступленія въ нее арміи Наполеона I, былъ измѣннически образомъ схваченъ, сочтенъ за шпіона и приговоренъ къ разстрѣлянію. Случайность спасла его отъ смерти, но не спасла все-таки отъ плѣна,—и онъ, обобранный французскими солдатами, прошелъ пѣшкомъ изъ Москвы во Францію, безъ денегъ, теплаго платья и даже безъ сапогъ, отнятыхъ конвойными. Затѣмъ, спустя почти два года, узнавъ, что союзныя арміи вступили во Францію, онъ бѣжалъ изъ Орлеана, гдѣ подъ карауломъ содержались плѣнные (русскіе, англичане и испанцы)—и добрался-таки до русскаго отряда, благодаря, главнымъ образомъ, прекрасному знанію французскаго языка.

Испытанныя Перовскимъ въ плѣну лишенія и страданія обратили на него, по возвращеніи въ Россію, особое вниманіе вел. кн. Николая Павловича, который, узнавъ его ближе, ввелъ потомъ, какъ и Жуковскаго, въ свою семью. Впослѣдствіи, однако, Перовскій, сравнительно, не сдѣлалъ такой блестящей карьеры, на которую могъ разсчитывать и которую могъ ожидать,—какую сдѣлали, напр., графы Адлерберги, Орловъ, Бенкендорфъ и даже Клейнмихель и Нессельроде: его замѣчательно прямой и нетщеславный характеръ, острый, хотя и не злой языкъ и глубокое отвращеніе отъ лжи, низкопоклонничества и лести [1]), сдѣлали то, что онъ не оставался въ Петербургѣ, вблизи двора, постоянно,—и лучшіе годы своей службы, въ царствованіе Николая Павловича, онъ провелъ на окраинахъ Россіи—въ Оренбургѣ и, частію, на Кавказѣ. Эти же его качества, столь цѣнимыя въ немъ Жуковскимъ, создавали ему массу враговъ, бросавшихъ ему, при всякомъ удобномъ случаѣ, палки въ колеса... Графы Чернышевъ и Нессельроде и даже кн. Меньшиковъ не мало вредили Перовскому на всѣхъ путяхъ его, въ особенности за время неудачнаго зимняго похода въ Хиву. Одинъ Жуковскій оставался преданъ и вѣренъ ему до конца своей жизни,—и, уже будучи почти слѣпымъ, написалъ ему, ощупью, по подкладываемой подъ руку линейкѣ, письмо изъ Бадена, полное любви и заботы о своемъ далекомъ другѣ. Письмо это было писано въ мартѣ 1851 года—и было послѣднимъ письмомъ Жуковскаго.

Лишь одинъ разъ, въ 1824 году, то-есть, за двадцать-семь лѣтъ до написанія этого письма, крѣпкую и неразрывную дружбу этихъ двухъ людей омрачила небольшая, набѣжавшая тучка... Правда, размолвка ихъ продолжалась всего нѣсколько дней—и

[1]) Въ дневникѣ великаго князя Николая Павловича, 1824 года, имѣются, напр., слѣдующія строки: ...„Сегодня я далъ В. Перовскому крестъ, а онъ, встрѣтясь, даже не поблагодарилъ меня“.

закончилась полнѣйшимъ примиреніемъ; но, тѣмъ не менѣе, она произошла,—и о ней мы разскажемъ здѣсь нѣсколько подробнѣе, такъ какъ она представляетъ нѣкоторый интересъ.

Къ этой маленькой размолвкѣ, оказывается, было примѣнимо извѣстное французское изреченіе—„cherchez la femme". Произошла она въ Аничковомъ дворцѣ. Жуковскій и Перовскій, будучи холостыми людьми, стали вздыхать по одной и той же фрейлинѣ, графинѣ Самойловой, остававшейся къ нимъ—увы!—совершенно равнодушной. Въ своей любви къ этой строгой красавицѣ Перовскій, будучи отъ природы болѣе откровеннымъ, признался впервые своему другу, Жуковскому, который поступилъ при этомъ случаѣ вполнѣ дружески и даже съ нѣкоторымъ самопожертвованіемъ: онъ не только подавилъ въ себѣ личное чувство зарождающейся любви, но еще и написалъ своему другу слѣдующее посланіе—не особенно важное, какъ увидимъ, по своимъ стихотворнымъ достоинствамъ, но дышащее любовью къ „товарищу" и искреннимъ желаніемъ ему успѣха и счастія. Вотъ это стихотвореніе:

„Товарищъ! вотъ тебѣ рука!
Ты другу во-время сознался:—
Къ любви была душа близка,
Въ ней, также, пламень загорался,
Животворитель бытія,—
И жизнь отцвѣтшая *моя*
Надеждой снова зацвѣтала:
Опять о счастьи мнѣ шептала
Мечта—знакомецъ старины!..
Дорогой странникъ утомленный,
Узрѣвъ съ холма неотдаленный
Предѣлъ родимой стороны,
Трепещетъ, сердцемъ оживаетъ—
И жаднымъ взоромъ различаетъ
За горизонтомъ отчій кровъ
И слышитъ снова шумъ дубовъ,
Тѣхъ самыхъ, что давно шумѣли
Надъ нимъ, игравшимъ въ колыбели,
Въ виду родительскихъ гробовъ;—
Онъ небо узнаётъ родное,
Подъ коимъ счастье молодое
Ему сказалося впервой
Неизъяснимымъ упованьемъ,
Прискорбно-сладкимъ ожиданьемъ,
Невыразимою тоской!..
Живымъ—утраченное мнится;
Онъ снова гость минувшихъ дней!—

И снова жизнь къ нему тѣснится
Всей милой прелестью своей...

Таковъ былъ *я* одно мгновенье!—
Прелестно-быстрое видѣнье —
Давно не посѣщавшій другъ—
Меня внезапно навѣстило,
Меня внезапно уманило
На первобытный жизни лугъ!
Любовь мелькнула предо мною...
Съ возобновленною душою
Я къ лирѣ бросился моей,—
И подъ рукой нетерпѣливой
Бывалый звукъ раздался въ ней,—
И мертвое—мнѣ стало живо,
И снова на бездушный свѣтъ
Я оглянулся, какъ поэтъ...
Но—удались, мой посѣтитель!
Не у меня тебѣ гостить—
Не мнѣ о жизни возвѣстить
Тебѣ, святой благовѣститель!..

Товарищъ! мной ты не забытъ:
Любовь друзей не раздружитъ.
Симъ несоврѣвшимъ *упованьемъ*,
Едва отвѣданнымъ душой,
Подорожу ль передъ тобой,
Сравню ль его *съ твоимъ* страданьемъ?!..
Я вижу, молодость твоя
Въ прекрасномъ цвѣтѣ умираетъ—
И страсть, убійца бытія,
Тебя безмолвно убиваетъ...
Давно веселости ужъ нѣтъ!
Гдѣ остроты пріятной живость,
Съ которой ты являлся въ свѣтъ?
Товарищъ грустный! молчаливость
Повсюду слѣдомъ за тобой:
Ты, молча, радостей дичишься—
И, къ жизни холоденъ, дружишься
Съ одной убійственной тоской,
Владѣльцемъ сердца одинокимъ...
Мой другъ! съ участіемъ глубокимъ
Я часто на лицѣ твоемъ
Ловлю души твоей движенья—
Болѣзнь любви безъ утоленья
Изображается на немъ:
Склоненность робкая *предъ ней*,
Несвязность смутная рѣчей
Въ желанномъ сердцу разговорѣ...
Перерывающійся гласъ...
Къ тому, что окружаетъ насъ

Задумчивое невниманье;
Присутствіе (ея)—очарованье
И неприсутствіе—тоска,
И трепетъ, признакъ страсти тайной,
Когда послышится случайно
Любимый гласъ издалека...
И это *все*, что̀ сердцу ясно,
А выраженью не подвластно —

Сіи примѣты знаю я!
На то мой жребій далъ мнѣ право...
Но то, въ чемъ сладость бытія,
Должно ли быть его отравой?..
Нѣтъ, милый, ободрись! *она*
Столь восхитительна не даромъ:
Души глубокой чистымъ жаромъ
Сія краса оживлена!
Сей ясный взоръ—онъ не обманчивъ:
Подъ сей веселостью живой
Задумчивое что-то скрыто;
Уныло-сладостное слито
Съ сей оживленной красотой...
Въ ней что-то искреннее дышетъ,—
И въ миломъ голосѣ ея
Довѣрчиво душа твоя
Какой-то звукъ знакомый слышитъ...
О, ввѣрься жъ, другъ, душѣ прекрасной!
Ужель природою напрасно
Ей столько милаго дано?..
Люби! любовь и жизнь—одно!
Предайся ей, забывъ сомнѣнье,
И жребій жизни соверши:
Она пойметъ твое мученье,
Она пойметъ языкъ души!..." [1])

Будучи годами старше своего „товарища" и друга и уступивъ ему дорогу, Жуковскій разсчитывалъ, вѣроятно, что Перовскій преуспѣетъ въ своемъ ухаживаньѣ—и „жребій жизни совершитъ", т.-е. женится на гордой и неприступной графинѣ Самойловой. Между тѣмъ, на дѣлѣ оказалось совсѣмъ не то: романъ Перовскаго подвигался впередъ очень медленно... Около этого времени, между друзьями и произошла, совершенно случайно, слѣдующая небольшая размолвка.

[1]) Это стихотвореніе, а равно и одно изъ писемъ покойнаго Жуковскаго, были когда-то напечатаны въ одномъ изъ московскихъ журналовъ.

Въ Аничковомъ дворцѣ, въ аппартаментахъ проживавшаго тамъ великаго князя Николая Павловича былъ домашній танцовальный вечеръ. Маленькія дѣти великаго князя, ихъ воспитательницы и нѣсколько фрейлинъ, въ числѣ коихъ была и графиня Самойлова, танцовали подъ рояль. Перовскій и Жуковскій присутствовали также на этомъ вечерѣ; Перовскій былъ особенно оживленъ, много танцовалъ — съ дѣтьми и съ графиней Самойловой—и до того увлекся въ танцахъ, что слегка „карячился", т.-е. кривлялся... Великая княгиня Александра Ѳедоровна не присутствовала на вечерѣ, такъ какъ ея не было дома. На другой день, Жуковскій явился къ ней для урока русскаго языка, которые онъ ей въ то время давалъ; а затѣмъ, на вопросъ великой княгини—какъ былъ проведенъ вечеръ наканунѣ, поэтъ разсказалъ, что всѣ очень веселились, что были танцы, въ которыхъ онъ, Жуковскій, не принималъ участія, но что Перовскій былъ особенно въ духѣ, много танцовалъ и „карячился" съ дѣтьми... Великая княгиня, еще мало въ то время знакомая съ русскимъ языкомъ, не поняла, по всей вѣроятности, этого слова какъ бы слѣдовало—и, въ разговорѣ своемъ въ тотъ же день съ Перовскимъ, сообщила ему, что ей извѣстно, какъ онъ веселился наканунѣ съ ея дѣтьми и какъ онъ „карячился"... Вотъ изъ-за этого-то слова и загорѣлся весь сыръ-боръ...

Перовскій, тотчасъ же послѣ разговора съ великой княгиней, отправился къ Жуковскому объясняться. Между ними произошелъ крупный разговоръ, въ концѣ котораго Перовскій такъ вспылилъ, что сказалъ Жуковскому:—Дуракъ!

Кроткій и любвеобильный поэтъ ограничился лишь тѣмъ, что сказалъ Перовскому:—Пошелъ вонъ!

Перовскій ушелъ. А затѣмъ... затѣмъ, начались взаимныя терзанія и мученія двухъ добрѣйшихъ и благороднѣйшихъ людей, горячо любившихъ другъ друга... На другой же день размолвки, Жуковскій не вытерпѣлъ — и написалъ своему вспыльчивому другу слѣдующее письмо, дышащее юморомъ и любовью и въ которомъ вылилась, отчасти, нѣжная и благородная душа поэта. Вотъ это письмо, гдѣ Жуковскій обращается къ другу уже *на вы*:

„Василій Алексѣевичъ!

„Думалъ ли я, что первый листъ изъ новокупленной мною бумаги у г-на Ольхина употреблю на то, чтобы своими письменными убѣжденіями стараться укротить гнѣвъ вашъ, произведенный нашими *обоюдными* грубыми непристойностями?!. Боже мой! какъ невѣрна жизнь человѣческая!—Два друга, дышавшіе,

кажется, до сихъ поръ единогласно, въ совокупности и, такъ сказать, въ единственномъ числѣ,—хотя они сами и во множественномъ,—два Пилада, два Ореста, можно сказать даже два Данона и Пидіаса—вдругъ, въ одну минуту, безъ всякаго предварительнаго приготовленія, свирѣпѣютъ: одинъ, въ какомъ-то бѣснотворномъ неистовствѣ, говоритъ другому: „Дуракъ!“—а тотъ, въ помѣшательствѣ остервенѣнія, отвѣтствуетъ: „Пошелъ вонъ!..“

„И что же? Раздраженный, негодующій другъ *идетъ вонъ*—идетъ и не возвращается!.. И за что все сіе?—за бѣсовское наваожденіе! за танцовальное искусство, въ которомъ и тотъ и другой не искусны... Господи Боже мой! Что же такое Твоя жизнь, данная намъ для блага и на то, чтобы мы, посредствомъ добродѣтели, удостоивались Твоего рая?!.. Давно говоритъ пословица: „ляжешь живой, а встанешь мертвый“!..

„Василій Алексѣевичъ! Я не для того сказалъ вамъ: „пошелъ вонъ“, чтобы и въ самомъ дѣлѣ вы пошли вонъ, а для того, чтобы вы пошли вонъ *изъ гнѣва* и возвратились бы въ милость. Вѣдь вы назвали меня „дуракомъ“... Ну, какой же я „дуракъ“?.. Развѣ не читали вы моихъ стихотвореній? *Такъ* дураки не пишутъ. Прочитайте-ко одно, которое начинается такъ: „Товарищъ, вотъ тебѣ рука!“—и увидите, что я знаю то, что говорю. А если я и сказалъ ея императорскому высочеству государынѣ великой княгинѣ о томъ, что вы карячились, танцуя съ дѣтьми, то я этимъ еще не оскорбилъ ни чести вашей, ни дружбы—и могу безъ угрызенія совѣсти повторить вышеупомянутое стихотвореніе. Его же теперь надобно повторить съ большимъ колыханіемъ сердца, ибо врагъ близко и нуженъ *союзъ*, чтобы его побѣдить.

„Василій Алексѣевичъ! „Поди вонъ“—значитъ: *поди сюда*!

Пребываю

Вашъ покорнѣйшій слуга-дуракъ

Василій Жуковскій“.

Перовскій не замедлилъ отвѣчать своему другу. Въ письмѣ его, въ началѣ писанномъ *на вы*, все еще проскальзываетъ неуспокоившееся неудовольствіе,—и только въ концѣ письма онъ переходитъ на прежнее сердечное *ты* и заключаетъ его первою строкою вышеприведеннаго стихотворенія Жуковскаго. Вотъ его письмо:

„Василій Андреевичъ!

„Когда, по вашему приглашенію, я „вышелъ вонъ“, то это потому только, что уже прежде *вышелъ изъ себя*,—и когда со-

шелъ съ „лѣственницы“, то самъ примѣтилъ, какъ я противъ васъ стою низко, но проклятое самолюбіе увѣрило меня, что если поднимусь опять къ вамъ, то унижусь...

„Впрочемъ, „дуракъ“ не значитъ, что я почитаю васъ глупымъ: мнѣ бы приличнѣе было назвать васъ *болтуномъ*, а сіи послѣдніе бываютъ и *не дураки*; такимъ-то и я васъ почитаю душевно. Мнѣ было досадно видѣть, что нельзя, просто, ни чихнуть, ни кашлянуть, чтобы вы тотчасъ же не перенесли бы то или другое къ ея высочеству; а между тѣмъ, это не принадлежитъ, по моему мнѣнію, къ урокамъ, вами преподаваемымъ.

„Поговоримъ о дѣлѣ. Что значитъ—„врагъ близко“?... Пожалуйста, напиши мнѣ поскорѣе; самому придти къ тебѣ никакъ теперь нельзя.

„Товарищъ, вотъ тебѣ рука!“

В. Перовскій“.

Въ pendant къ этому письму, Перовскій, переходя уже на шуточный тонъ, но все еще предполагая, что другъ его интересуется „извѣстною дѣвой“, отправилъ ему слѣдующее посланіе, съ препровожденіемъ *ея* перчатки и пр.

„Василій Андреевичъ!

„При семъ посылаю вамъ перчатку и уголокъ платка извѣстной вамъ дѣвы. Душевно желаю, Василій Андреевичъ, чтобы вы смотрѣли на сіи принадлежности, какъ и я на нихъ смотрѣлъ—какъ на простую тряпку и на простую лайку, и чтобы весна, а особенно горячее лѣто, нашли бы васъ совершенно прохлажденнымъ. Горе вамъ, Василій Андреевичъ, если будетъ тому противное! Въ случаѣ (чего, однако же, еще не предвижу), когда почувствуете себя довольно образумившимся, чтобы рѣшительно открыть глаза и уши и очистить голову и сердце, прошу васъ убѣдительнѣйше, Василій Андреевичъ, дайте мнѣ знать чрезъ кого-нибудь о сей счастливой перемѣнѣ, дабы мы вмѣстѣ и торжественно предали бы землѣ, водѣ, или огню, всѣ эти перчатки, платки, ленточки и фруктовыя косточки... Ахъ, Царь Небесный! что это за праздникъ будетъ!.. Повѣрьте, что минута, въ которую я увѣрюсь, что вы сдѣлались порядочнымъ человѣкомъ, будетъ пріятнѣйшею въ моей жизни! Но—*не мнѣ управлять пѣснопѣвца душой*!..

В. Перовскій“.

Изъ этого письма очевидно, что Перовскій рѣшилъ порвать

свое ухаживанье за гордой красавицей и сталъ склонять къ тому же и Жуковскаго.

На этомъ тогда и закончилась маленькая размолвка, происшедшая между близкими друзьями. Затѣмъ, дружба ихъ никогда уже и ничѣмъ не нарушалась — до самой смерти одного изъ нихъ, Жуковскаго, умершаго ранѣе (въ 1852 году). Иногда только, подозрительный по характеру Перовскій, котораго Жуковскій все-таки продолжалъ превышать своею ученостью, начиналъ упрекать своего друга за лѣность въ перепискѣ. Такъ, въ одномъ изъ своихъ писемъ, отправленномъ изъ Спа, гдѣ Перовскій лечился и гдѣ пребывала, въ это же время, и семья великаго князя Николая Павловича, онъ писалъ своему другу, оставшемуся въ Петербургѣ, слѣдующее:

...„Не стану упрекать тебя въ твоемъ молчаніи: лѣнью назвать его и мало, и нельзя, знавши, что ты писалъ великой княгинѣ уже *четыре раза*,—и не по письму, а всякій разъ по цѣлой тетради. Не хочу также входить въ сравненіе твоихъ отношеній къ ея высочеству съ моими отношеніями къ тебѣ,—не хочу изыскивать, въ правѣ ли ты, писавши такъ часто и много ей, совсѣмъ не писать мнѣ?.. Мнѣ извѣстенъ твой, весьма справедливый на счетъ ея, образъ мыслей; а потому, усматривая, какъ легко тебѣ и пріятно превозмочь лѣнь, когда дѣло идетъ о томъ, чтобы писать ея высочеству, я вижу, также, что ты не находишь никакого удовольствія писать *мнѣ*, или получать отъ меня письма,—и еще не довольный тѣмъ, что не пишешь, взялъ еще какое-то странное (a prétention) обѣщаніе съ великой княгини не показывать получаемыхъ ею отъ тебя писемъ. Изъ всего этого вотъ что̀ для меня ясно: ты чувствуешь меня слишкомъ ниже себя и не находишь достойнымъ своей дружбы, особенно въ отдаленіи. Живя въ обществѣ вмѣстѣ, ты, конечно, можешь быть со мною въ нѣкоторой связи, разговаривать, иногда смѣяться (cela ne tire pas à conséquence)... но если бы, будучи разлучены, я сказалъ, что получаю отъ тебя письма, или, даже, что получилъ хотя одно письмо отъ тебя, то въ глазахъ всякаго это было бы для меня слишкомъ лестно, а тебѣ не дало бы никакой выпуклости (relief). Однакожъ, всякая тварь имѣетъ о себѣ выгодное понятіе; а потому, еслибы великая княгиня (которую люблю не изъ подражанія тебѣ, и которая не одобритъ скромнаго твоего молчанія) не изъявила желанія, чтобы я писалъ къ тебѣ, то я рѣшился уже не брать пера въ твою пользу.

„Ахенскія воды такъ мало, пока, помогли мнѣ, что я остаюсь

еще на мѣсяцъ въ Ахенѣ—и, вѣроятно, догоню его высочество [1]) только въ Петербургѣ. Прощайте, Василій Андреевичъ".

Вслѣдъ за этимъ письмомъ, на томъ же самомъ листѣ почтовой бумаги большого формата, Перовскій изливаетъ свою скорбь на лѣность и молчаніе нѣжно любимаго имъ друга въ слѣдующей, чрезвычайно интересной „аллегоріи", которую онъ и посылаетъ Жуковскому подъ видомъ „перевода" съ китайскаго:

„Одна изъ провинцій Китайскаго Государства въ особенности извѣстна страннымъ обычаемъ родителей, которые почти всегда оставляютъ дѣтей своихъ, съ нѣкотораго возраста, совершенно на произволъ судьбы, даютъ имъ какое-либо выдуманное имя и находятъ удовольствіе въ томъ, что чрезъ нѣсколько лѣтъ сами узнать ихъ не могутъ... Въ Китаѣ общее имя симъ несчастнымъ: *Василій*. Два такихъ Василія, оставленные родными, встрѣтившись, почувствовали, по сходству участи, одинъ къ другому нѣкоторую дружбу... По крайней мѣрѣ, одинъ изъ нихъ думалъ, что дружба эта—искренняя, и долго обманывалъ себя... Но время, которое всѣмъ обманчивымъ чувствамъ возвращаетъ настоящій видъ, отдало и сей мнимой дружбѣ должную справедливость. Случилось это вотъ какъ. Оба Василія попали ко двору и были приняты въ службу одного изъ принцевъ высокой крови китайскихъ императоровъ,—и одинъ Василій, который былъ немного чернѣе и умнѣе своего товарища, воспользовался малыми сими преимуществами: ему поручили обучать молодую принцессу (которая была монгольскаго поколѣнія) китайскому языку. Нѣсколько лѣтъ исполнялъ онъ порученіе сіе, а товарищъ его, не примѣчая гордости чернаго Василія и не зная даже, чѣмъ могъ бы онъ противу него гордиться, старался поддерживать, по прежнему, старинную связь ихъ и дружбу. Но черный Василій, мало-по-малу отдаляясь отъ него, воспользовался первою разлукою, забылъ его, не писалъ ему, а писалъ только принцессѣ, увѣряя ее на китайскомъ діалектѣ въ искренней приверженности и привязанности. Принцесса, которая начинала уже говорить и понимать по-китайски и не зная, какъ зовутъ Василія чернаго по отцу, отвѣчала ему:

— „С.....с... Василій! Не вѣрю я твоимъ увѣреніямъ! Кто измѣнилъ дружбѣ, тотъ не заслуживаетъ вѣры ни въ ка-

[1]) Рѣчь идетъ о великомъ князѣ Николаѣ Павловичѣ, пріѣзжавшемъ къ своей семьѣ, находившейся за границей.

комъ другомъ чувствѣ. Товарищъ твой хотя бѣлѣе и глупѣе тебя, но добрѣе... А потому, какъ скоро воротишься ты ко двору моему, повелѣно будетъ гофъ-мужику наказать тебя воловьими жилами по голымъ пяткамъ".

„Прощай, с . . . . . с . . . Василій!"

Это и есть то самое письмо, въ которомъ остроумный Перовскій зло вышучиваетъ своего „чернаго" (т.-е. смуглаго) друга за его манкированіе въ перепискѣ, подтруниваетъ надъ своимъ и Жуковскаго нелегальнымъ рожденіемъ и родителями, оставившими ихъ „на произволъ судьбы", и говоритъ, въ то же время, объ обязанностяхъ Жуковскаго при особѣ великой княгини Александры Ѳедоровны... Письмо это, повидимому, подѣйствовало на Жуковскаго и отчасти достигло цѣли: по крайней мѣрѣ, въ имѣющихся у насъ письмахъ Перовскаго, писанныхъ какъ въ этомъ, такъ и въ слѣдующемъ году, не встрѣчаются уже горькія сѣтованія на молчаніе Жуковскаго,—хотя легкіе упреки въ этомъ смыслѣ все еще иногда проскальзываютъ въ письмахъ. Такъ, напр., въ письмѣ изъ Екатеринодара, Перовскій благодаритъ своего друга за „присланныя вѣсти" (вырѣзки изъ газетъ)—и затѣмъ пишетъ:

...„Тебя не смѣю просить писать мнѣ; а не худо бы: съ твоей стороны это была бы черта благородная, даже человѣколюбивая, а ты вѣдь къ этому способенъ. Здѣсь, сравнительно съ Петербургомъ, эти свѣдѣнія мнѣ гораздо важнѣе: тутъ узнать не отъ кого. Изъ всѣхъ даровъ Екатерины—Екатеринодаръ, конечно, самый пакостный; его описать трудно: это не городъ и не село; домовъ мало, улицъ много, но теперь по нимъ никто не ходитъ, потому что ни ходить, ни даже ѣздить нельзя — грязь лошадямъ по-брюхо. Нынѣче утромъ я на довольно росломъ конѣ, хотѣлъ-было проѣхаться, но принужденъ былъ воротиться вспять, такъ какъ конь мой погрязъ, едва только я выѣхалъ за ворота.

„Прощай, любезный Василій! напиши хоть нѣсколько словъ твоему вѣрному товарищу—В. Перовскому".

Очевидно, Перовскій находилъ неотразимую для себя потребность въ письмахъ Жуковскаго. Что отвѣчалъ на эти сѣтованія своему другу поэтъ Жуковскій и чѣмъ онъ объяснялъ и оправдывалъ свое иногда продолжительное молчаніе, мы, къ сожалѣнію, не знаемъ, такъ какъ всѣ его письма были Перовскимъ, передъ смертью, сожжены,—за исключеніемъ двухъ, помѣщаемыхъ въ настоящей статьѣ. Это сожженіе писемъ Жуковскаго и др. представляется актомъ нѣсколько поспѣшнымъ—и

произошло такъ. Пріѣхавъ въ Крымъ, въ имѣніе Алупку, поздней осенью 1857 года, тяжко больнымъ и чувствуя приближеніе смерти, Перовскій рѣшилъ сжечь *всѣ* письма, имѣвшіяся при немъ, такъ какъ, въ виду отсутствія при себѣ кого-либо изъ близкихъ лицъ и не зная навѣрное, пріѣдутъ ли они и когда (телеграфа въ Крымъ въ то время еще не было), онъ не хотѣлъ, чтобы эти письма попали въ постороннія руки. И вотъ, когда онъ уже привелъ это въ исполненіе,—къ нему въ Крымъ, за десять дней до его кончины, пріѣхали братъ графъ Б. А. Перовскій и графиня А. А. Толстая. На ихъ рукахъ онъ и скончался.

Тѣ два письма Жуковскаго, которыя приводятся въ этой статьѣ, уцѣлѣли отъ ауто-да-фе случайно—какъ хранившіяся, въ качествѣ особо важныхъ и интересныхъ писемъ, въ отдѣльномъ портфелѣ Перовскаго.

Затѣмъ, изъ одного письма Перовскаго, писаннаго къ Жуковскому изъ Италіи, эта потребность переписки признается и объясняется всего лучше самимъ же Перовскимъ. Письмо это замѣчательно еще и въ другихъ отношеніяхъ. Оно, во-первыхъ, очень характерное по стилю Перовскаго, всегда остроумному, сжатому и, въ то же время, очень сердечному и благородному; во-вторыхъ, это письмо, писанное холостымъ и блестящимъ свитскимъ офицеромъ, преподаетъ скромному Жуковскому нѣкій *кодексъ любви* вообще и отношеній къ любимой женщинѣ въ частности; а въ-третьихъ, Перовскій говоритъ въ своемъ письмѣ о великой борьбѣ грековъ за освобожденіе. Этимъ письмомъ начиналась цѣлая серія интересныхъ писемъ Перовскаго къ Жуковскому изъ Италіи, которыя, годъ спустя, Жуковскій напечаталъ, подъ заглавіемъ: „Отрывки писемъ изъ Италіи“, въ альманахѣ Дельвига на 1825 годъ „Сѣверные цвѣты“,—и напечаталъ безъ предваренія Перовскаго, желая сдѣлать ему пріятный сюрпризъ. Вотъ это письмо изъ Флоренціи отъ 15 августа 1823 года.

„Ты отгадалъ, Жуковскій, я на тебя гнѣвался и хотѣлъ было болѣе къ тебѣ не писать, но твое дружеское и лестное письмо обезоружило меня. Я согласенъ на условіе; только держи его свято: три письма моихъ за одно твое; торгъ для меня выгоденъ, и еслибы я былъ самолюбивъ, то могъ бы, пожалуй, возгордиться такою оцѣнкою моихъ писемъ, особенно когда ты требуешь ихъ „какъ любитель литературы“... Но—я самъ умѣю цѣнить свой товаръ: раздаю его безплатно и знаю, что онъ годенъ только для *немногихъ*; твои же письма для меня истинно

необходимы: во-первыхъ, потому, что въ каждомъ изъ нихъ ты пересылаешь мнѣ нѣсколько искръ чистаго огня, которымъ могу зажигать мои *фонари*; а во-вторыхъ, и потому, что—мнѣ кажется—нельзя аукать въ лѣсу, зная впередъ, что никто не откликнется... Ты на одинъ фрейлинскій взглядъ, на одну улыбку отвѣчаешь мадригаломъ, а я требую отъ тебя не отвѣтовъ (на мои письма отвѣчать нечего), а отвѣчай лишь на дружбу.

„Я молчалъ тоже и оттого, что писать было не о чемъ. Давно уже я сижу во Флоренціи, а въ ней, кромѣ картинныхъ галлерей, которыя давно описаны, нечего болѣе описывать.

„Относительно же твоего желанія узнать мои мысли на извѣстную тему, скажу слѣдующее. По-моему, послѣ несчастія быть несчастнымъ въ любви, самое ужасное, это—*казаться, безъ любви, влюбленнымъ*... И это еще, пожалуй, хуже перваго. Увѣрять женщину въ чувствѣ, котораго не чувствуешь,—грѣшно; но еще грѣшнѣе, увѣривъ ее въ этомъ, вывести затѣмъ изъ заблужденія. Ничто, кажется, не можетъ дать право нанести ей, вдругъ, ударъ—и ея любви, и самолюбію!.. Вотъ *мой кодексъ*. Человѣкъ, въ такихъ случаяхъ, долженъ быть самъ себѣ и обвинитель, и судья—и судья строгій.

„Обманъ въ любви принято свѣтскими законодателями не считать обманомъ; оставить женщину не считается у нихъ проступкомъ... А по-моему, это—истинное преступленіе и противъ чести, и противъ сердца. Я думаю, что и твое убѣжденіе будетъ, въ этомъ случаѣ, согласно съ моимъ.

„Теперь о другомъ. Греки съ турками воюютъ. „Святые союзники“ глядятъ на нихъ и говорятъ: „Намъ некстати вмѣшиваться въ чужія дѣла... Къ тому же, грекамъ стоитъ только привыкнуть,—они тогда и сами одолѣютъ турокъ“. А между тѣмъ, турки ихъ рѣжутъ и мучаютъ... Мнѣніе „святыхъ союзниковъ“ для грековъ, конечно, очень лестно; но я опасаюсь, что пока греки „привыкнутъ“—турки могутъ всѣхъ ихъ вырѣзать“...—Твой В. Перовскій“.

Наступилъ, затѣмъ, 1825-й годъ. Великій князь Николай Павловичъ сталъ императоромъ. Жуковскій сдѣлался лицомъ очень близкимъ—уже не къ великокняжескому, а къ императорскому двору; на него возложено было дѣло чрезвычайной важности—воспитаніе малолѣтняго наслѣдника престола, Александра Николаевича. Перовскій же попалъ совсѣмъ не туда, куда могъ разсчитывать попасть человѣкъ съ выдающимися, имѣвшимися

въ немъ, талантами администратора и военачальника; онъ былъ назначенъ „правителемъ канцеляріи“ морского министерства. Послуживъ на этой должности очень короткое время, Перовскій послалъ изъ Вѣны (гдѣ онъ находился въ отпуску, для свиданія съ отцомъ, гр. Разумовскимъ), на имя великаго князя Михаила Павловича, письмо, содержаніе котораго становится отчасти извѣстнымъ изъ слѣдующаго, очень характернаго письма его, отправленнаго одновременно и къ Жуковскому, стоявшему въ то время на высотѣ своего служебнаго положенія при дворѣ императора Николая:

„Жуковскій!

„Твое письмо я получилъ въ Вѣнѣ. Ты угадалъ, что буду на тебя сердиться, но угадалъ также, что и прощу тебя. Признайся, однако, что сердился я не напрасно?.. И простивши, не могу еще извинить тебя. Обо всемъ поговоримъ подробнѣе, когда увидимся; увидимся мы скоро—но надолго ли? Не знаю. Моя будущность не въ моихъ рукахъ...

„Прежде, нежели направлю свои шаги въ Петербургъ, хочу знать—на какой ногѣ придется мнѣ тамъ стоять? Когда я уѣзжалъ изъ Россіи, великій князь [1]) думалъ, что будетъ весьма трудно замѣнить меня въ должности правителя канцеляріи; я зналъ, что онъ ошибается, и что скоро перемѣнитъ мнѣніе. Поэтому, если я теперь, возвратясь, сяду на свое мѣсто, не говоря ни слова и не объяснившись, великій князь можетъ подумать, что я нахожусь на свой счетъ въ томъ заблужденіи, изъ котораго онъ уже вышелъ и въ которомъ я никогда не былъ. Итакъ, я написалъ ему; вотъ *текстъ* моего письма (которое, если хочешь, можешь видѣть у Адлерберга): я подозрѣваю, что не гожусь болѣе въ „правители канцеляріи“—и знаю навѣрное, что въ такомъ случаѣ не годенъ ни на что другое. Къ сему „тексту“ прибавилъ я нѣсколько варіацій.

„Мое настоящее расположеніе и всегдашняя наклонность влекутъ меня изъ службы; а нѣкоторыя обстоятельства и нѣкоторые люди понуждаютъ и совѣтуютъ еще въ ней остаться; но быть лишнимъ, безполезнымъ я не соглашусь: я прошусь въ отставку—и прошусь убѣдительно; откажутъ—это будетъ мнѣ лестно, но не весьма пріятно; согласятся—будетъ пріятно, но не такъ лестно. Но я предпочитаю пріятность безъ лести—лести безъ пріятности. Притомъ же, *дворъ* я никогда не считалъ для себя надежною пристанью; всегда былъ готовъ поднять якорь и рас-

[1]) Рѣчь идетъ о великомъ князѣ Михаилѣ Павловичѣ.

пустить паруса—прежде, чѣмъ морской вѣтеръ разобьетъ меня о берегъ, или же береговой выгонитъ насильно въ море...

„Два слова о тебѣ. Занятія твои меня пугаютъ: мнѣ кажется, что ты—какъ *Жуковскій*—потерянъ теперь для друзей, какъ давно уже для нихъ потерянъ, *какъ поэтъ*. Гдѣ найдешь ты время бесѣдовать съ нами?!.. Но объ этомъ переговоримъ, когда увидимся.—Прощай, до свиданья! Что бы ни было со мною, товарищъ, вотъ тебѣ рука, вотъ тебѣ двѣ; одну дай Александрѣ Андреевнѣ [1]) и будь здоровъ".

Желаніе Перовскаго исполнилось: въ должности „правителя канцеляріи" его замѣстило другое лицо,—и онъ продолжалъ жить и въ Вѣнѣ, и въ Петербургѣ; дружественныя отношенія между нимъ и Жуковскимъ оставались такъ же любовны и искренни, и все такъ же Перовскій продолжалъ иногда роптать на „гнусную лѣнь" своего друга въ перепискѣ. Для болѣе полной характеристики ихъ тогдашнихъ—въ началѣ царствованія Николая Павловича—отношеній, а также и нѣкоторыхъ событій того времени—при дворѣ и въ литературѣ—приведемъ здѣсь два письма Перовскаго *изъ Петербурга*, къ Жуковскому, находившемуся за границей. Годъ на этихъ письмахъ не выставленъ, но можно предполагать, что они писаны въ зиму съ 1826-го на 1827-й годъ.

29 ноября (1826 г.).

„Любезный Васинька!

„Я весьма обрадовался, получивъ милое письмо твое; это—уже второе съ отъѣзда твоего, и я столь часто не ожидалъ отъ тебя грамотъ, хотя и имѣю на нихъ нѣкоторое право. Но ты вѣдь баловать не любишь: теперь обѣщаешь не писать болѣе до апрѣля, а я, желая походить на тебя какъ можно ближе, произношу таковой же обѣтъ!.. Будучи совершеннымъ господиномъ своихъ занятій, все-таки неучтиво съ твоей стороны объявлять, что почти шесть мѣсяцевъ не будешь болѣе писать мнѣ. Если бы этотъ отдыхъ нуженъ былъ для твоего здоровья, или даже если бы бумага, на которой ты пишешь ко мнѣ, была нужна для какой-нибудь другой твоей нужды, я не сказалъ бы ни слова, и даже часто посылалъ бы тебѣ письма для наружнаго употребленія; но этого нѣтъ; слѣдовательно, твое заранѣе обдуманное молчаніе будетъ не что иное, какъ гнусная лѣнь.

„Я просилъ твоимъ именемъ Блудова писать тебѣ; онъ объ-

[1]) Александра Андреевна Воейкова—родная племянница Жуковскаго, которую Перовскій очень уважалъ.

щалъ „подумать“... Знаешь ли ты, что онъ, Блудовъ, сдѣланъ товарищемъ мужа Шишкова? [1]) Вообще, этотъ выборъ одобренъ гласомъ народа, который теперь въ правѣ ожидать нѣкотораго просвѣщенія. Блудовъ сказалъ Шишкову: — „*Товарищъ*! вотъ, тебѣ рука!..“ А Шишковъ отвѣчалъ Блудову: „И жизнь отцвѣтшая моя надеждой новой возгорится“...

„Говорятъ также (но это еще не вѣрно), что Дашковъ будетъ товарищемъ Ланского,—и это было бы не дурно. Вас. Павл. Барыкова родила сына... Не знаю отчего, вслѣдъ за Ланскимъ пришли мнѣ на умъ родины? Можетъ быть, оттого, что сей мужъ нѣкоторымъ образомъ похожъ на бабу.

„Зная, что для тебя письмо не въ письмо, если не говорить въ немъ о твоей квартирѣ, скажу, что я непремѣнно займусь всѣми улучшеніями, которыя внушитъ мнѣ вкусъ и дружба касательно твоего ложемента: *вы* желали—исполняю; улыбнетесь—награжденъ; трудъ бездѣлкой почитаю, когда вамъ онъ посвященъ,—Василій Андреевичъ!..

„Одно мѣсто твоего письма перенесло меня въ давно прошедшее. Ты говоришь объ остаткахъ примадонны *Сандрени*— и удивляешься, не находя въ ней ничего, что̀ бы могло плѣнять... Другъ мой! тому уже двѣнадцать лѣтъ, какъ она меня плѣняла, и не меня одного, а начиная отъ толстаго Репнина jusqu'au plus mince officier de son état major, всѣ были ею очарованы: тогда, ни голосъ ея, ни сама она не дрожала. Сними теперь съ ея костей двѣнадцать лѣтъ—и увидишь, что ей было тогда двадцать-восемь. Прощай!“

Укоры Перовскаго своему другу за намѣреніе не писать въ теченіе шести мѣсяцевъ подѣйствовали на него, и онъ отвѣчалъ ему въ скорости,—что̀ мы узнаемъ изъ слѣдующаго письма (на которомъ тоже нѣтъ года):

„Всегда любезный мнѣ, въ особенности же, всегда любимый мною Жуковскій!

„По предъидущему твоему письму, я ожидалъ отъ тебя слѣдующее письмо только въ апрѣлѣ. Вообрази же, какъ я обрадовался и еще больше удивился, получивъ еще письмо и увидавъ въ календарѣ, что у насъ только январь... Если не ошибаюсь, то, кажется, только моя неисправность послужила причиною исправнаго твоего писанья: именно, тебѣ бы хотѣлось имѣть болѣе подробностей о твоей квартирѣ, а особливо—планъ

[1]) Шишковъ состоялъ въ то время министромъ народнаго просвѣщенія.

ея... Нѣтъ, братъ, не обманешь!—пришлю, такъ перестанешь писать!.. Подожди,—но не безпокойся.

„Вяземскій прислалъ мнѣ, для отправленія къ тебѣ, цѣлый пучокъ журналовъ; я распоролъ его и вытащилъ оттуда письмо, которое, не читая, посылаю тебѣ; журналы же получишь немного погодя, чрезъ курьера.

„Въ послѣднемъ письмѣ я говорилъ тебѣ о дѣлахъ „Инвалида": ты знаешь, что на 27-ой годъ онъ оставленъ за В. [1]) на прежнемъ основаніи; теперь есть надежда, что и послѣ не совсѣмъ онъ отойдетъ отъ В.—Государь былъ столько добръ, что велѣлъ переговорить съ В. и придумать какой-либо способъ, чтобы, увеличивъ доходы инвалидовъ, не совсѣмъ лишать дохода и В.—Объ этомъ императора никто не просилъ, и это сдѣлано собственно имъ самимъ. Дай Богъ, чтобы дѣло это устроилось!

„Блудовъ est très scandalisé, что ты ему ни разу не писалъ; ему же теперь истинно нѣтъ времени и на записку: все занято его новою должностью и разными комитетами.

„На сей разъ объ Александрѣ Николаевичѣ скажу только два слова; послѣ буду писать подробнѣе: онъ продолжаетъ успѣвать во всемъ; премилый, предобрый и дающій большія надежды ребенокъ; нельзя не любить его всѣмъ сердцемъ; про тебя вспоминаетъ всегда съ тою же привязанностью. Великія княжны, также, съ каждымъ днемъ становятся прелестнѣе. Весело хвалить, когда можно хвалить безъ лести, а тутъ, къ счастію, можно распространить таковую безпристрастную хвалу и на самого императора. На его счетъ теперь одинъ голосъ: все, что̀ въ продолженіе года можно было сдѣлать безъ крутыхъ переворотовъ—сдѣлано и дѣлается: злоупотребленія выводятся и наказываются, коль скоро ихъ открываютъ,—и тѣ, коимъ должно бояться, сдѣлались уже гораздо осторожнѣе не только въ столицѣ, но и внутри государства. Надобно надѣяться, что со временемъ осторожность эта обратится въ настоящую добродѣтель; притомъ же, покуда мы наживемъ безкорыстныхъ судей и безпристрастныхъ начальниковъ, можно будетъ довольствоваться и плутами, если они, хотя отъ страха, будутъ исправно играть роль честныхъ. Всѣ дивятся неутомимой дѣятельности императора. Быть можетъ, дѣятельность эта происходитъ отъ порочнаго образованія учрежденій, но несомнѣнно, что во всемъ государ-

[1]) Тутъ рѣчь идетъ о Воейковѣ—редакторѣ „Русскаго Инвалида", часть доходовъ съ котораго рѣшено было отчислять въ инвалидный капиталъ.

ствѣ онъ болѣе всѣхъ трудится,—и этотъ примѣръ прекрасенъ, если не будетъ забытъ тѣми, кои должны ему подражать.

„Прощай, любезный Жуковскій! цѣлую тебя въ морду. 25-го января.—В. Перовскій".

Въ одномъ изъ слѣдующихъ писемъ, писанномъ 1-го января 1828 года изъ Екатеринодара, куда Перовскій былъ посланъ государемъ для разслѣдованія злоупотребленій, онъ уже оставляетъ миролюбивый тонъ относительно „пристрастныхъ начальниковъ" и „плутовъ", сильно возмущается своею честною душой и тотчасъ же спѣшитъ подѣлиться своими ощущеніями съ другомъ. Вотъ это интересное письмо:

„Января 1-го, 1828 года. Екатеринодаръ.

„Ты хочешь, чтобы я писалъ тебѣ, любезный мой Василій, но, право, не пишется—и не отъ лѣни, а отъ какого-то душевнаго engourdissement... Дѣлъ пропасть; почти каждый день сижу надъ ними часовъ до двухъ ночи; но—дѣла все мерзкія, отвратительныя: грабительства, притѣсненія бѣдныхъ, и тому подобное. Я хотѣлъ избѣжать въ жизни производства слѣдственныхъ дѣлъ—и попалъ сюда, какъ куръ во щи... Теперь у меня *четыре* дѣла, каждое листовъ по 600 и болѣе, а это только начало дѣлъ, и каждое изъ нихъ я непремѣнно долженъ прочитать отъ листа до листа, сдѣлать выписки, запросы и всякую дьявольщину, и при томъ еще читать бумаги, писанныя на малороссійскомъ діалектѣ, гдѣ, напримѣръ, Ѳома зовется Хомою, а хуторъ—футоромъ, и т. под. Скука смертельная!.. Одно только и утѣшаетъ меня, что пребываніе мое здѣсь непремѣнно должно принести пользу,—если не такую, которая бы была замѣтна въ Петербургѣ, то ужъ навѣрное чувствительную для угнетеннаго здѣшняго края. *Ты не повѣришь, до какой степени черноморскіе аристократы притѣсняли народъ*! Турецкіе паши никогда не налагали такихъ тяжестей на бѣдныхъ грековъ,—и греки, къ тому же, всегда находили себѣ защитниковъ, а черноморскій казакъ—безгласенъ: его бьютъ, сосутъ, а жаловаться запрещаютъ! Зато, въ нихъ такъ мало осталось удальства и молодечества ихъ предковъ—запорожцевъ: это настоящія мухи въ лапахъ у пауковъ... Въ любой русской губерніи, даже въ самой глухой и темной, можно все-таки найти съ кѣмъ поговорить,—если не съ мѣстнымъ уроженцемъ и обывателемъ, то съ заѣзжимъ или отставнымъ; а здѣсь—повѣришь ли?—въ цѣлой губерніи не съ кѣмъ слова вымолвить; и сущая бѣда, если набредешь на черноморскаго ученаго: точно попалъ на заднюю скамейку низшаго

класса уѣзднаго училища!.. Ни къ селу, ни къ городу, начнетъ разсказывать анекдоты про царя Македонскаго и тому подобныя новости: вретъ—и божится, и увѣряетъ, что онъ читалъ все это въ какой-то хорошей исторіи...

„Теперь здѣсь смѣняется черезъ день или грязь непролазная и непроходимая, или глубокій снѣгъ, изъ котораго на слѣдующій день опять грязь... Говорятъ, что это—la belle saison du pays!.. А весны и лѣта даже и старожилы боятся,—тогда отъ лихорадокъ нѣтъ спасенья и ничѣмъ нельзя отъ нихъ защититься и избавиться.

„Надѣюсь окончить порученіе прежде, чѣмъ получу лихорадку; а если къ тому времени не кончу, то поминай какъ звали!.. А propos de *какъ звали*: нынѣче, любезный мой Василій, твои и мои имянины... Позволь мнѣ поздравить и тебя, и себя, и пожелать тебѣ счастья болѣе, чѣмъ себѣ желаю; а я себѣ желаю его довольно, да что-то не идетъ... Все равно, авось *къ тебѣ* придетъ,—тогда половину уступишь мнѣ; разумѣется, половину не такую, какъ пріобрѣтаетъ себѣ Кавелинъ: на этакія „половины“ я не имѣю претензіи... А каковъ, въ самомъ дѣлѣ, нашъ Кавелинъ! сколько счастья вдругъ привалило: и женихъ, и генералъ,—начиная съ плечъ и нисходя до.....! Прощай! не забывай твоего—Перовскаго“.

Въ томъ же 1828 году, наступила турецкая война, на которую императоръ Николай Павловичъ отправился лично. Мы знаемъ, кто изъ приближенныхъ любимцевъ императора пожелалъ раздѣлить съ нимъ труды походной жизни—графы Адлербергъ, Бенкендорфъ, Орловъ и др.,—но преданный государю полковникъ Василій Перовскій не только провожалъ государя на войну, но даже принялъ и въ сраженіяхъ личное участіе. И среди боевыхъ трудовъ и ужасовъ войны онъ имѣлъ время писать коротенькія, летучія письма къ своему далекому другу, Жуковскому, который, тоже, не забывалъ писать и ему. Такъ, напримѣръ, изъ лагеря подъ Анапой, отъ 13-го мая 1828 года, Перовскій пишетъ:

„Между ядрами турокъ съ одной стороны и пулями черкесъ съ другой, на дождѣ, получилъ я и прочелъ письмо твое, любезный другъ Василій, о петербургскихъ новостяхъ. Что сказать тебѣ! Я могу теперь писать тебѣ лишь очень рѣдко и мало: ни день, ни ночь покою нѣтъ. *До сихъ поръ, я здоровъ.* Пиши чаще и знай, что сообщенія такъ трудны, что мое молчаніе не должно никого безпокоить. Прощай, любезный другъ! Цѣлую и обнимаю тебя.—В. Перовскій“.

Точно чувствовалъ Перовскій, отправляя это письмо, что вотъ-вотъ должно случиться съ нимъ что-нибудь недоброе: не даромъ онъ написалъ: „*до сихъ поръ*, я здоровъ“... и сообщалъ, что онъ будетъ писать „лишь очень рѣдко и мало“ и просилъ писать *ему* „чаще“... Слѣдующее за этимъ письмо Перовскій могъ написать лишь пять мѣсяцевъ спустя—8-го октября 1829 года; онъ былъ тяжко раненъ пулею въ грудь, и пулю тогдашніе полевые хирурги долго не могли вырѣзать. Вотъ письмо этого крѣпкаго и мужественнаго человѣка:

„8-го октября, 1829 г.

„Я получилъ письмо твое, милый другъ, отъ неизвѣстнаго числа и мѣсяца. Твоя радость знать меня живымъ не удивила меня; но я хочу теперь еще болѣе обрадовать тебя: я *почти здоровъ*;—спереди рана закрылась, сзади тоже *скоро закроется*; остается боль въ груди, но которая меня не мучитъ и не безпокоитъ. Вотъ, видишь, Васька, какъ я скоро оправился!.. Что-то будетъ на будущій годъ? Кажется, придется опять грудь подставлять; да пройдетъ ли опытъ по нынѣшнему?!.. Какъ досадно, что Варна взята безъ меня! Ну, что бы стоило тому же туркѣ попасть въ меня мѣсяцемъ позже!..

„Я надѣюсь скоро выѣхать отсюда—то-есть, дней черезъ десять. Въ дорогѣ останусь около двадцати дней; значитъ, въ концѣ этого мѣсяца или въ началѣ будущаго обниму тебя.

„Новостей тебѣ не пишу никакихъ; все, вѣрно, знаешь самъ, а чего не знаешь,—скажутъ пріѣзжающіе отъ насъ, съ войны.

„Пожалуйста, уйми Воейкова: онъ завелъ преглупую брань съ Булгаринымъ; я вижу это изъ „Пчелы“ и изъ „Инвалида“, и вижу, что это можетъ кончиться очень дурно для Воейкова,—то-есть, онъ легко можетъ лишиться редакціи. Булгаринъ не безъ умысла напечаталъ въ одномъ и томъ же номерѣ „Пчелы“ отвѣтъ Воейкову и панегирикъ брату Бенкендорфа... Воейковъ сто разъ обѣщалъ мнѣ не печатать въ „Инвалидѣ“ никакихъ литературныхъ браней,—у него есть на то, особый ну... къ, „Славянинъ“, и Булгаринъ подѣломъ—appuie sur ce que „l'Invalide“ est une gazette officielle, où on ne peut se permettre de mauvaises plaisanteries.

„Прощай, другъ души! обнимаю тебя.—В. Перовскій“.

Вышеприведенное письмо дорисовываетъ прекрасными штрихами личность друга Жуковскаго—его выносливую, желѣзную натуру, его преданную любовь къ своему другу, котораго онъ, человѣкъ, лежащій на одрѣ болѣзни, съ незакрывшеюся еще раною, причиненной, послѣ турецкой пули, ножомъ хирурга,

спѣшитъ увѣрить, что „почти здоровъ“... Въ то же время, этотъ тяжко раненый и изрѣзанный человѣкъ интересуется „преглупою бранью“, которую завелъ редакторъ „Инвалида“ съ недобросовѣстнымъ Булгаринымъ, опирающимся на Бенкендорфа: онъ отлично понимаетъ предательскій ударъ Булгарина, боится за Воейкова—и старается его предупредить и предостеречь... Да, Жуковскій едва ли могъ найти и выбрать себѣ лучшаго друга, чѣмъ Перовскій!

Когда одного изъ друзей, Перовскаго, постигло гяжкое горе—смерть отца, графа Алексѣя Кирилловича Разумовскаго, котораго онъ, въ глубинѣ и въ тайнѣ своей доброй и нѣжной души, сильно любилъ, несмотря на то, что не получилъ отъ этого отца ни имени, ни состоянія, то горе свое онъ тотчасъ же повѣдалъ другу, въ слѣдующемъ письмѣ:

„Почепъ. 10-го апрѣля.

„Все кончено, любезный другъ!.. Какъ ни спѣшилъ я, пріѣхалъ все-таки поздно: графъ скончался на другой день моего выѣзда изъ Петербурга. Скорая ѣзда доставила мнѣ, однакоже, послѣднее утѣшеніе—еще разъ взглянуть и проститься съ покойникомъ, для чего пришлось изъ телѣги попасть прямо въ церковь. Думаю, мнѣ не нужно описывать тебѣ мое душевное состояніе... Послѣ трехъ-лѣтней разлуки, нашелъ я отца въ гробѣ!.. Несмотря на всѣ старанія мои, я могъ лишь съ трудомъ узнать нѣкоторыя только черты обезображеннаго уже смертью лица его... Утѣшительно знать, какъ оставилъ онъ жизнь эту: кто и зналъ его, удивится твердости, христіанской покорности въ мученіяхъ и спокойствію, съ каковыми ожидалъ онъ приближенія смерти!.. Въ продолженіе десяти сутокъ, ожидалъ онъ каждую минуту послѣдняго издыханія, дѣлалъ распоряженія, самыя подробныя, молился или заставлялъ читать молитвы, во время которыхъ забывалъ, обыкновенно, свои страданія, самъ считалъ пульсъ свой и расчислялъ, сколько остается еще жить ему... Братъ [1]) не отходилъ отъ постели его съ начала болѣзни до послѣдней минуты; ему продиктовалъ онъ два завѣщанія; по

---

[1]) Рѣчь идетъ о старшемъ братѣ, Алексѣѣ, авторѣ „Монастырки“, писавшемъ подъ псевдонимомъ Погорѣльскаго. Всѣхъ Перовскихъ было четверо: такъ, кромѣ Алексѣя, былъ Левъ Перовскій, впослѣдствіи министръ внутреннихъ дѣлъ, и Василій и Борисъ, умершіе въ званіи генералъ-адъютантовъ. Всѣ братья, кромѣ Алексѣя, получили впослѣдствіи, за службу, графское достоинство (см. сочиненіе кн. А. А. Васильчикова: „Семейство Разумовскихъ“).

его напоминанію, примирился съ сыномъ [1]) и велѣлъ ему написать *статьи* для сестеръ и для него самого, для брата, сказавши: „Пиши, что хочешь, я на все согласенъ". Братъ, однако, отъ всего отказался. Сестрамъ дадутъ наслѣдники то, что приказывалъ графъ, если захотятъ, а мы довольны тѣмъ, что дано намъ прежде. Братъ завѣщаніемъ симъ сдѣланъ главнымъ исполнителемъ воли графа, и къ нему во многомъ должны будутъ относиться сами наслѣдники,—и тогда они увидятъ, какъ и для кого воспользовался онъ послѣднею довѣренностью отца. Изъ насъ же, къ счастію, не найдется ни одного, который бы въ полной мѣрѣ не былъ благодаренъ Алексѣю за его поступокъ безкорыстный.

„Въ послѣдніе три дня была при графѣ и княгиня Репнина [2]).

„Вотъ, милый другъ Василій, краткое описаніе страшныхъ минутъ, утѣшительныхъ развѣ лишь тѣмъ, что онѣ заглаживаютъ вполнѣ все, что въ жизни могло быть не совсѣмъ похвально. Никто, однако, не въ правѣ роптать на него: всѣхъ онъ вспомнилъ

„Прощай! Въ другой разъ буду писать тебѣ болѣе. Кланяйся Тургеневу (Н. И.) и не забывай вѣрнаго твоего—В. Перовскаго".

Затѣмъ, въ слѣдующемъ письмѣ къ Жуковскому, писанномъ изъ того же Почепа—имѣнія скончавшагося графа,—Перовскій говоритъ о многихъ тяжелыхъ непріятностяхъ, происшедшихъ тотчасъ же послѣ похоронъ, въ домѣ Разумовскаго: различная челядь, желая подслужиться *законнымъ* наслѣдникамъ, стала увѣрять ихъ, что братья Алексѣй и Василій Перовскіе „расхищали, предъ смертью графа, имущество его"... Идеально честная и безкорыстная душа Василія Алексѣевича Перовскаго была глубоко оскорблена и возмущена этими клеветами. Вотъ часть этого письма:

...„Непріятностямъ разнаго рода нѣтъ счету... Мы—я и братъ—сносили все терпѣливо, *ко всему* приготовившись заранѣе; но теперь задѣваютъ и оспариваютъ наше самое законное наслѣдство—*честь*. Подлые люди, не знавшіе, что имѣется за-

---

[1]) Съ графомъ Петромъ Алексѣевичемъ Разумовскимъ, который былъ *старшимъ* изъ законныхъ сыновей графа А. К.; младшій же братъ, гр. Кириллъ Алексѣевичъ, страдавшій неизлечимою душевною болѣзнью, содержался въ это время, подъ строгимъ присмотромъ, въ Спасо-Евфиміевскомъ монастырѣ.

[2]) Княгиня Варвара Алексѣевна, законная дочь графа отъ супружества съ гр. В. П. Шереметевой („Семейство Разумовскихъ", т. II). Она одна изъ всѣхъ четырехъ *законныхъ* дѣтей графа А. К. присутствовала при его смерти.

вѣщаніе покойнаго графа, думая, что оно совершено въ нашу пользу и желая прислужиться законнымъ наслѣдникамъ, подали во всѣ присутственныя мѣста „протестъ“ и, сверхъ того, массу доносовъ... Несмотря на то, что братъ, стоя на колѣняхъ у смертнаго одра графа, думалъ только объ успокоеніи умирающаго отца, примирилъ его съ законными дѣтьми, отказался, при духовникѣ и свидѣтеляхъ, отъ всѣхъ личныхъ въ завѣщаніи выгодъ,—несмотря на все это, доносы, наполненные гнуснѣйшими клеветами, возъимѣли свой ходъ и дошли до министра внутреннихъ дѣлъ. Я пишу о томъ нынѣ къ великому князю, прошу довести все до свѣдѣнія государя—и не хочу никакой другой награды за прошлую и будущую мою службу.

...„Братъ объявилъ законнымъ наслѣдникамъ, что пусть все, данное раньше, возьмутъ отъ насъ, что мы—выше разсчетовъ и интересовъ, и что онъ счастливъ тѣмъ, что графъ умеръ на рукахъ его и что въ послѣднія минуты онъ своею сыновнею любовью доказалъ, что *предъ Богомъ нѣтъ разницы между дѣтьми законными и незаконными*... Алексѣй не требуетъ другой награды, кромѣ одной—чтобы память графа не была помрачена подлыми и злыми людьми.

„Прощай, другъ мой! Будьте всѣ здоровы.—В. Перовскій“.

Вотъ въ какихъ прекрасныхъ, благородныхъ выраженіяхъ вылилась истинная сыновняя любовь и почитаніе къ памяти отца со стороны друга Жуковскаго — и какое глубокое негодованіе проявилось въ его честной и прямой душѣ, оскорбленной въ ея самыхъ чистыхъ и лучшихъ проявленіяхъ!.. Все это — и свою скорбь, и негодованіе — Перовскій спѣшитъ повѣдать, прежде всего, своему „другу души“, поэту Жуковскому, умѣвшему, несомнѣнно, вполнѣ его понять и откликнуться ему...

Къ крайнему сожалѣнію, для болѣе полной характеристики взаимныхъ отношеній этихъ двухъ замѣчательныхъ людей, недостаетъ писемъ Жуковскаго къ Перовскому, уничтоженныхъ, какъ мы упоминали выше, самимъ Перовскимъ, передъ смертью. Изъ сохранившихся же писемъ мы приведемъ здѣсь и второе письмо, написанное терявшимъ уже зрѣніе Жуковскимъ къ своему другу — по полученіи извѣстій о томъ, что Перовскій, бывшій совсѣмъ уже при смерти, выздоровѣлъ и что съ нимъ, при этомъ, произошелъ нѣкоторый душевный переворотъ, „перемѣнившій направленіе его жизни“. На этомъ письмѣ, найденномъ послѣ смерти Перовскаго въ его „особо важныхъ“ бумагахъ, сдѣлана была его рукою слѣдующая надпись: „Передать, послѣ моей смерти, графинѣ Александрѣ Андреевнѣ Толстой“, которой —

онъ зналъ—будетъ очень пріятно имѣть это письмо Жуковскаго, особымъ уваженіемъ котораго и любовью она пользовалась. О графинѣ А. А. и упоминается въ началѣ этого интереснѣйшаго письма:

„Мой милый Перовскій!

„Все, что̀ графиня Толстая разсказывала мнѣ о послѣднемъ времени твоей жизни, наполнило благоговѣніемъ мое сердце. Оказывается, нѣсколько мгновеній перемѣнили направленіе твоей жизни... Понимаю вполнѣ, *что̀ съ тобою было*,—и еслибы можно было въ подобныхъ случаяхъ завидовать, я сказалъ бы, что завидую тебѣ. Кто провелъ нѣсколько ночей, какъ ты, въ чтеніи Евангелія въ виду приступающей уже смерти, въ переборѣ всего своего прошедшаго, и кто сдружился такъ, какъ ты, въ эти минуты со смертью, тотъ получилъ самое желанное — то, чего мы никакими усиліями воли своей получить не можемъ — получилъ *опытъ сердца*. Вѣра есть не иное что̀, какъ опытъ надъ нашимъ собственнымъ сердцемъ. Съ тобою случилось то *великое*, которое дается немногимъ—и, судя по словамъ Александрины, я нахожу, что ты своимъ здравымъ умомъ выбралъ именно тотъ путь, по которому ты наилучшимъ, наиболѣе свойственнымъ тебѣ образомъ дойдешь къ той цѣли, которая такъ чудно была тебѣ указана самою смертью, бывшей въ этомъ случаѣ лишь временнымъ посланникомъ—изъяснителемъ Божіей воли. Это возвращеніе въ Оренбургъ, на прежній театръ дѣйствій [1]), съ новымъ чувствомъ, съ новымъ взглядомъ свыше на землю, съ новыми понятіями о жизни, взятыми въ изустномъ наставленіи *смерти*, это смиреніе христіанина и стремленіе исполнять волю Спасителя, тамъ, гдѣ прежде дѣйствовало одно житейское честолюбіе — лучшей дороги ты выбрать не могъ для произведенія въ дѣйствіе того, что̀ тебѣ сказали тѣ святыя ночи ожиданія смерти, въ которыя изъ своего Евангелія говорилъ тебѣ твой Спаситель.

„Ты—человѣкъ практическій; для размышленія тебѣ довольно одного Евангелія и, можетъ быть, еще немногихъ книгъ. Возьми съ собой своего Спасителя въ земную дѣятельность, посади Его съ собою на оренбургское губернаторство — пусть Онъ будетъ вездѣ и во всемъ съ тобою,—и изъ этого выйдетъ, наконецъ, миръ сердца, и въ свое время возобновятся для тебя тѣ *святыя ночи*, которыя были такъ благостно, самимъ Богомъ, тебѣ нис-

[1]) Тотчасъ же по выздоровленіи, въ томъ же 1851 году, Перовскій отправился вновь въ Оренбургъ, назначенный на постъ оренбургскаго и самарскаго генералъ-губернатора и командира оренбургскаго отдѣльнаго корпуса.

посланы, но въ которыя уже смерть тебя не обманетъ, а возьметъ на свои руки—къ утѣшенію всѣхъ, кто пойметъ подобное таинство.

„Я ѣду скоро, то-есть черезъ недѣлю, въ Россію. Пишу къ тебѣ съ закрытыми глазами, которые у меня разболѣлись. Въ отечествѣ, можетъ быть, увидимся [1]),—хотя мнѣ трудно вообразить, чтобы ты могъ оставить то мѣсто, которое теперь самъ себѣ выбралъ,—и нельзя желать, чтобы ты его оставилъ. Наша жизнь давно развела насъ. Теперь, на старости, разными путями, попали мы на одну дорогу. Заведемъ въ Россіи переписку—разъ въ мѣсяцъ, страницу или двѣ; кажется, дѣло сбыточное. Правда?—а увидишь, что не сбудется... Ну, прощай!—Жуковскій.

„P. S. Прибавлю еще нѣсколько словъ въ дополненіе къ сказанному. Ты не созданъ для созерцательной жизни, хотя все подобное весьма доступно твоему уму. Если ты, вслѣдствіе того, что̀ съ тобою произошло, захочешь *насильственно* предаться внутренней жизни, ты только *надорвешь душу*—и ничего не достигнешь. Твоя душа созрѣла на боевомъ полѣ жизни,—туда перенеси и внутреннюю ея жизнь. Какъ возвысится теперь все то, что̀ прежде дѣлалось въ смыслѣ одного только долга и что̀ *теперь* будетъ дѣлаться въ смыслѣ того же долга, но уже не сухого, земного, а превращеннаго въ жизни въ смиренную покорность Спасителю! Къ этому можно присоединить правило St.-François d'Assises: „Sentez, mais ne consentez pas“. Мало ли что̀ осаждаетъ нашу душу! мы не можемъ не чувствовать то, что̀ само собою входитъ въ наше сердце; но мы всегда можемъ съ нимъ не соглашаться. Въ такомъ случаѣ, всякое дурное чувство становится намъ чуждымъ, становится только испытаніемъ души, полезнымъ ей, какъ гимнастика тѣлу.

„Не подумай, чтобы я принималъ роль твоего наставника. Нѣтъ! а говорить о такомъ предметѣ именно *съ тобой*—будетъ мнѣ къ добру: самого себя лучше узнаешь. А знать самого себя—значитъ бить себя по щекамъ ежеминутно“.

„Баденъ. Іюль, 1851“.

Это было *послѣднее* письмо Жуковскаго къ Перовскому. Въ слѣдующемъ году, въ апрѣлѣ, онъ скончался, окруженный своими родными—по женѣ—и напутствуемый священникомъ Базаровымъ, состоявшимъ при православной церкви въ Штутгартѣ. Послѣд-

[1]) Этой надеждѣ Жуковскаго не суждено было осуществиться: въ ночь съ 12-го апрѣля на 13-е, 1852 года, онъ въ Баденѣ же и скончался.

ніе дни и часы Жуковскаго подробно описаны о. Базаровымъ въ его довольно пространномъ и интересномъ письмѣ „О кончинѣ Жуковскаго", напечатанномъ въ „Русскомъ Архивѣ".

Ко всему вышесказанному о дружбѣ этихъ двухъ замѣчательныхъ людей я нахожу не безъинтереснымъ добавить еще слѣдующее. Когда, три года тому назадъ, гр. А. А. Толстая передала мнѣ нѣсколько сотъ писемъ графа В. Перовскаго къ разнымъ лицамъ [1]), я замѣтилъ, что на большинствѣ изъ нихъ сдѣланы кѣмъ-то отмѣтки синимъ карандашомъ — и на поляхъ, и въ текстѣ—въ формѣ скобокъ, крестиковъ и вопросительныхъ знаковъ, — какъ будто бы кто-то собирался сдѣлать изъ нихъ выписки. Я обратилъ на это обстоятельство вниманіе графини А. А.— и узналъ очень любопытную вещь, а именно, что эти отмѣтки сдѣланы рукою Л. Н. Толстого, которому, по его просьбѣ, всѣ эти письма были высланы графинею же — въ 1878 году, когда Л. Н., задумавъ писать романъ „Декабристы", изучалъ „то время" и, между прочимъ, остановился на крупной фигурѣ двадцатыхъ годовъ—на В. А. Перовскомъ. Затѣмъ, въ письмахъ разныхъ лицъ, хранимыхъ графинею А. А., я встрѣтилъ и самое письмо Л. Н. Толстого, относящееся къ этому дѣлу. Я позволю себѣ привести здѣсь это въ высшей степени интереснѣйшее письмо, часть котораго мнѣ довелось уже цитировать въ „Историческомъ Вѣстникѣ", за минувшій годъ.

Вотъ это письмо Л. Н. Толстого, въ которомъ, между прочимъ, онъ говоритъ *объ обоихъ* этихъ людяхъ—Перовскомъ и Жуковскомъ вмѣстѣ:

„Ваше сомнѣніе, дорогой другъ, насчетъ моего выздоровленія было, къ сожалѣнію, слишкомъ справедливо: я продолжаю хворать и лишь недавно—дня четыре—всталъ съ постели.

„Очень-очень вамъ благодаренъ за ваше обѣщаніе дать мнѣ свѣдѣнія о Перовскомъ. Ваше обѣщаніе было бы для меня большой заманкой для петербургской поѣздки, еслибы, кромѣ этого, у меня не было сильнѣйшаго желанія побывать въ Петербургѣ; желаніе это уже дошло до maximum; теперь нуженъ толчокъ... А толчка этого нѣтъ; даже, скорѣе, случился толчокъ обратный, въ видѣ моего нездоровья... Буду ждать. Личность Перовскаго вы совершенно вѣрно опредѣляете à grands traits; — такимъ и

[1]) Почти всѣ эти письма – по крайней мѣрѣ болѣе интересныя изъ нихъ—войдутъ въ издаваемую мною, въ непродолжительномъ времени, книгу: „Графъ Перовскій—и его зимній походъ въ Хиву".

я представляю его себѣ; и такая фигура—одна, напоминающая картину; біографія его—была бы груба [1]); но съ другими, противоположными ему, тонкими, мелкой работы, нѣжными характерами, какъ, напр., Жуковскій, котораго вы, кажется, хорошо знали, а главное, съ *декабристами*, — эта крупная фигура, составляющая тѣнь (оттѣнокъ) къ Николаю Павловичу, самой крупной и à grands traits фигуры,—выражаетъ вполнѣ *то время*.

„Я теперь весь погруженъ въ чтеніе изъ времени двадцатыхъ годовъ, — и не могу вамъ выразить то наслажденіе, которое я испытываю, воображая себѣ это время. Странно и пріятно думать что то время, которое я помню — тридцатые года — уже исторія!.. Такъ и видишь, что колебаніе фигуръ на этой картинѣ прекращается—и все останавливается въ торжественномъ покоѣ истины и красоты... Я испытываю чувство повара (плохого), который пришелъ на богатый рынокъ и, оглядывая всѣ эти, къ его услугамъ предлагаемыя овощи, мяса, рыбы, мечтаетъ о томъ, какой бы онъ сдѣлалъ обѣдъ... Такъ и я мечтаю,—хотя и знаю, какъ часто приходилось прекрасно мечтать, а потомъ портить обѣды, или ничего не дѣлать... Ужъ какъ пережаришь рябчиковъ, потомъ ничѣмъ не поправишь! И готовить трудно—и страшно. А обмывать провизію, раскладывать—ужасно весело!..

„Молюсь Богу, чтобы онъ позволилъ мнѣ сдѣлать хоть приблизительно то, что я хочу. Дѣло это для меня такъ важно, что, какъ вы ни способны понимать все, вы не можете представить—до какой степени это важно: такъ важно, какъ важна для васъ ваша вѣра; и еще важнѣе,—мнѣ бы хотѣлось сказать; но важнѣе ничего не можетъ быть. И оно то самое и есть.

„Цалую руки у вашей матушки и дружески жму вашу руку.

Вашъ Л. Толстой“.

Просимые Львомъ Николаевичемъ матеріалы и „свѣдѣнія“ были ему даны, но задуманное имъ произведеніе, даже и „приблизительно“, не исполнилось: все ограничилось лишь извѣстными, очень небольшими *отрывками изъ романа* „Декабристы“. Такимъ образомъ, личность самаго близкаго къ Жуковскому друга—Перовскаго—осталась пока невыясненной.

Ив. Захарьинъ
(Якунинъ).

[1]) Надо обратить вниманіе, что Л. Н. Толстой писалъ эти строки еще *до* полученія имъ отъ графини А. А. Толстой просимыхъ „свѣдѣній“, т.-е. писемъ Перовскаго къ Жуковскому и другимъ лицамъ, по прочтеніи которыхъ едва-ли можно уже было бы найти „біографію“ Перовскаго – „грубой“.

КРУЖОКЪ „КРУГЛОЙ БАШНИ“

Изъ воспоминаній В. Д. Хрущовой 1877—78 гг.

Окончаніе.

XVI *).

Когда, среди рабочихъ часовъ, выдавалась свободная минута, мы собирались въ IV-мъ отдѣленіи, ставшемъ центромъ нашихъ интимныхъ совѣщаній и избраннымъ мѣстомъ для отдыха. Такое болѣе свободное время обыкновенно наступало между тремя-четырьмя часами.

Въ это время Д—ва пила чай, и мы съ сестрою были разъ навсегда званыя гостьи. Съ нѣкоторыхъ поръ Юлія Серг. начинала похварывать и не могла ѣздить такъ аккуратно въ далекую загородную Башню. Въ ея отсутствіе, сестра моя замѣщала ее и брала эти отдѣленія подъ свое вѣдѣніе.

Въ добавокъ у Юліи Серг., кромѣ ея занятій въ Башнѣ, было много хлопотъ по дѣламъ „Общаго Кружка“, весьма задорно и шумливо принявшагося за дѣло.

VI-е и VII-е отдѣленія уже давно стали для насъ не чужими,—и между больными, а въ особенности между служителями, у насъ были пріятели. Обладая необыкновеннымъ умѣньемъ импонировать людямъ и вести дѣло, Д—ва создала изъ нѣкоторыхъ служителей настоящихъ себѣ помощниковъ. Между прочимъ, былъ въ ея отдѣленіи молодой служитель, родомъ сибирякъ, замѣнявшій съ такимъ успѣхомъ сестру милосердія, что трудно-

*) См. выше: мартъ, 249 стр.

больныхъ всегда приходилось поручать ему, даже и тогда, когда при отдѣленіи числилась наемная сестра милосердія.

Онъ, этотъ молодой человѣкъ, тоже ходилъ за больными „по усердію". Это былъ одинъ изъ тѣхъ привлекательныхъ типовъ, въ которыхъ строгость нравственныхъ понятій идетъ рука объ руку съ мягкостью, снисходительностью, жалостью къ другимъ.

Въ его обращеніи было что-то утонченное, деликатное,—качества, которыя не всѣмъ даетъ и высшее воспитаніе,—въ немъ они были самородны,—и это благородство натуры неотразимо привлекало. Никогда ни въ чемъ не воспользовался онъ нашимъ явнымъ къ нему довѣріемъ и исключительнымъ расположеніемъ.

Никакой въ немъ не было угодливости, никакой искательности и пошлости,—всегда ровный, всегда на видъ довольный. Его пріемы съ нами были ласковы и почтительны. Бывало, усаживаетъ онъ насъ въ сани, укутываетъ, увертываетъ, въ особенности если погода дурная, и наказываетъ извозчику везти насъ осторожно.

Никогда ни о чемъ личномъ не просилъ онъ насъ, а когда что̀ получалъ, то поблагодаритъ и потупится,—точно вы его противъ шерсти задѣли. Онъ любилъ дѣло, любилъ насъ, и вещественный признакъ благодарности какъ будто дисгармонировалъ съ его внутреннимъ отношеніемъ къ намъ. Онъ молча слѣдилъ за нами, и когда, бывало, замѣтитъ, что которой-нибудь изъ насъ нездоровится, или одолѣетъ усталость, онъ подойдетъ и скажетъ: „Сестрица, тутъ для васъ койка готова,—пришли бы маленько отдохнуть".

Звали его Большаковъ.

Былъ еще и другой служитель въ этомъ отдѣленіи, котораго мы также любили и уважали за усердное отношеніе къ обязанностямъ, за милое обхожденіе съ больными и за безотвѣтную тихость и вѣжливость,— старикъ Юргановъ, тоже изъ сибиряковъ. Послѣднее время онъ лежалъ на койкѣ, у него сдѣлалось воспаленіе глазъ, и мы одно время думали, что добрый старикъ совсѣмъ ослѣпнетъ.

Съ чисто русскимъ терпѣніемъ, безропотно ожидалъ онъ рѣшенія своей участи, пока обреченный на полное бездѣлье. Онъ садился, бывало, поближе къ печкѣ, соберутся около него троечетверо товарищей, и онъ принимался имъ разсказывать. Говорилъ онъ не красно̀,—медленно и вяло, но солдаты любили слушать длинныя повѣствованія изъ былого, когда онъ былъ еще въ Сибири...

Прихожу и я разъ въ это отдѣленіе. Въ средней палатѣ, по

обычаю, собрались больные около печки, за печкой сидитъ старикъ Юргановъ и своимъ монотоннымъ голосомъ повѣствуетъ.

Я сѣла неподалеку у своего столика за списки и прислушалась.

— ...Да ужъ что-жъ,—какъ, бывало, ни повернись, что ни скажи,—ужъ знаешь, что порки не миновать. Такъ куда ни шло,—на все рѣшимости хватаетъ, на все готовъ!.. Да что-жъ, вѣдь правда, знаемъ, что хуже не будетъ, вотъ оно страху-то въ душѣ и нѣтъ никакого. Да,—вздохнувъ, продолжалъ онъ,—плохое было житье этимъ горнымъ фабричнымъ, а звались-то мы вольные рабочіе и жалованье получали,—а ужъ какая тутъ тебѣ воля,—воля,—что твоя каторга. Не приведи Богъ!..

Въ самомъ голосѣ разсказчика, въ интонаціяхъ чувствовалось спокойное, вполнѣ безпристрастное отношеніе къ разсказу. Видимо, онъ уже давно относился безъ злобы и горечи къ этому далекому прошлому.

— И соберутъ насъ этакъ ребятишекъ съ двадцать-пять изъ деревень, и везутъ артелями, сдаютъ по фатерамъ въ заводскихъ слободахъ. Конечно, не безъ добрыхъ людей Господень свѣтъ, есть и жалостливые до дѣтей. Ну, иной и призритъ къ себѣ въ домъ такого малолѣтку, кормитъ, поитъ, одежонку кой-какую справитъ, а въ концѣ мѣсяца и тащишь къ нему сорокъ копѣекъ да провеанту два пуда. Мнѣ-то самому грѣхъ жаловаться, а попалъ на добрыхъ людей; что отецъ съ матерью были до меня жалостливы. Помню, бывало, выдадутъ тебѣ провеантъ-отъ,—съ себя ростомъ мѣшокъ и потащишь, такъ едва-едва съ мѣста сдвинешь,—протащишь маленько, да и присядешь отдохнуть, а потомъ опять схватишься за мѣшокъ,—везешь-везешь,—такъ изъ силъ выбьешься прежде, чѣмъ до фатеры доставишь,—и сдашь хозяину и сорокъ копѣекъ отдашь. Оно, конечно, ужъ велики-ль деньги?—да вѣдь хозяинъ и самъ знаетъ, что больше нечего дать,—молчитъ, не гонитъ. Какъ самъ въ измалѣтствѣ горя навидался, знаетъ, каково оно,—ну, и жалѣетъ. А работали мы, что настоящіе работники, ничуть не меньше, только та разница, что порки намъ доставалось больше.

— Да за что же васъ били?—спросила я.

— За что! А за все. Проспалъ звонокъ—драть; не успѣлъ кончить дневной урокъ — драть. А вѣдь у нихъ уроки-то какіе задавались. Золото чистимъ,—прилипнетъ порошинка къ рукаву—драть; не выскоблишь чисто-начисто—драть. Одно слово, что за все порка. На все скупы,—а ужъ на порку тароваты.—Старикъ задумчиво покачалъ головою.—И не насъ однихъ, ребятишекъ,—

и рабочихъ сѣкли. За всякую провинность, не приведи Богъ, какъ сѣкли. Иного послѣ порки прямо въ снѣгъ и кладутъ,—что̀ мертваго,—да и до смерти засѣкали. Только, Боже избави, чтобы это до большого начальства да довести,—боялись,—скрывали. Много они этой поркой да работой людского вѣку заѣдали, много народу съ бѣлаго свѣту сжили. Бывало, до того ужъ не въ моготу станетъ, что и свѣту бѣлому не радъ.—Онъ остановился, вспоминая и задумчиво покачивая головой.—Много тогда въ бѣга̀ уходило. Начнутъ этакъ собираться партіями, въ глухихъ мѣстахъ, либо въ лѣсу гдѣ-нибудь,—смотришь: прошла недѣля, и не стало ихъ. А мы, ребятишки, этимъ бѣглымъ въ лѣсъ-то хлѣбъ носили. Кто въ скиты, кто въ странники, кто въ Сибирь,—такъ и разбредутся, и слѣдъ простылъ,—а пойди, разыщи,—гдѣ ихъ разыщешь? Начальство подымется, забѣгаетъ туда-сюда,—разсылаетъ въ погоню,—шумитъ: „разыскать, чтобы были пойманы!“—продолжалъ онъ, оживляясь, замѣчая пробуждающееся сочувствіе въ слушающихъ.—Конечно, не всегда и удавалось убѣжать,—бывало и то: провѣдаютъ, гдѣ такая-то партія собирается, да и накроютъ; ну, ужъ накрыли,—одно слово—каторга. Какая кому судьба. А какъ попались, такъ ужъ тутъ одна дорога: Сибирь да руднички.

Онъ опять помолчалъ.

— А часто попадались?—спросилъ кто-то.

— Нѣтъ, рѣдко,—больше успѣвали уходить. Да вѣдь то время такое было, что вѣдь и въ каторгѣ-то легче было, нежели этимъ вольнымъ фабричнымъ на заводахъ. Каторжникъ знаетъ себѣ свой урокъ; какъ кончилъ, идетъ себѣ въ казарму,—хоть ночь-то спитъ, да обутъ, одѣтъ;—а вѣдь у насъ,—ну, хошь бы этимъ мальчишкамъ какое житье: проспали первый звонокъ—двадцать-пять розогъ,—а у насъ звонили куда еще до свѣту,—извѣстно, ребенокъ—намается, намается, намучится за день-то съ этой съ работой, спитъ какъ снопъ, про все забылъ и горюшка нѣту; кажется, пушка грянь, и то бъ не услыхалъ, а тутъ звонокъ,—ну, и не услышитъ;—а проспалъ звонокъ, другой, тутъ и опомниться не дадутъ,—со сна-то да прямо порка,—да вѣдь какъ жарятъ-то!

Нѣкоторые изъ слушающихъ засмѣялись. Юргановъ оживлялся все болѣе и болѣе.

— Бывало, сидѣть-то больно, такъ зимой выбѣжишь на улицу, захва̀тишь снѣгу за штанишки да подъ себя и положишь, чтобы не прилипали. А то тѣло-то все въ струпьяхъ, штанишки при-

липнутъ, а какъ потомъ надо отдирать, такъ отъ свѣту бѣлаго готовъ отказаться,—до того больно.

Солдатики-товарищи хохотали.

— Да вѣдь что-жъ, ей-Богу,—улыбаясь своею доброю, снисходительною улыбкою, говорилъ старикъ,—вѣдь на день-то иногда раза три разложатъ да выдерутъ. Много, зато, и помирало въ то время изъ подростковъ,—многимъ они своей поркой жизнь сократили.

Онъ опять помолчалъ.

— А жилъ у насъ, неподалеку отъ нашей фабричной слободы, одинъ добрый господинъ, такъ тотъ, бывало, подъ праздникъ, соберетъ насъ, ребятишекъ, велитъ къ себѣ идти, сколько насъ ни-на-есть, и накормитъ насъ. Разставитъ, этакъ, столы на дворѣ, разсажаетъ насъ. „Пообѣдайте, молъ, дѣтки,—небось, наголодались за недѣлю-то“. Ужъ такая былъ душа человѣкъ,—великую онъ себѣ награду изготовилъ черезъ насъ на томъ свѣтѣ. А подъ праздникъ Рождества Христова, такъ тутъ, бывало,—не повѣрите, братцы мои,—созоветъ, этакъ, насъ, а ужъ у самого заранѣе заготовлены узлы, большущіе-пребольшущіе, и начнетъ онъ это, бывало, узлы развязывать, а насъ, ребятишекъ, одного за однимъ вызывать и раздаетъ одёжу всякую,—и сапоги, и куртки, и полушубки,—и идемъ, бывало, отъ него, одѣтые, обутые, согрѣтые, сами на себя не насмотримся. Да еще и обласкаетъ-то какъ! Да вѣдь что же, право,—вѣдь жалость возьметъ. Ходимъ-то почитай что совсѣмъ голые, морозы-то стоятъ какіе, а у насъ—ни кафтанишка, ни сапожонокъ; иной обмотаетъ ноги тряпкой, да такъ и бѣжитъ на фабрику. Откуда жъ было намъ брать-то? Сорокъ копѣекъ въ мѣсяцъ получали подростки, да два пуда провеянту, тутъ на все—и на фатеру, и на одёжу, и на сапоги.

— Да неужели и по сю пору горнозаводскіе рабочіе такое горе терпятъ?—спросилъ кто-то.

— Нѣтъ, теперь совсѣмъ другіе порядки пошли; теперь куда какъ лучше стало, другое житье пошло. Теперь ужъ строго наблюдать стали, чтобы не били и не сѣкли рабочихъ; теперь противъ прежняго, сказываютъ, царство небесное. Большое начальство за мелкимъ наблюдаетъ и строго взыскиваетъ, и жалобы принимаетъ,—такъ мелкое начальство и боится,—теперь и на него судъ есть. А вѣдь главное горе—отъ этого мелкаго начальства. Большое начальство не захочетъ и мараться, чтобъ руку заносить,—благородное имя свое унижать,—а мелкому все равно, оно этого не разбираетъ, кулачищъ-то своихъ не жалѣетъ.—А вотъ разскажу я вамъ, какъ это порка у насъ вывелась, съ ка-

кихъ поръ на нее запретъ положонъ. Царство небесное генералу Муравьеву, — много народу за него Бога молятъ,—черезъ него у насъ и другіе порядки начались. Онъ прослышалъ ли про наше житье, или самъ видѣлъ—ужъ сказать не могу, а только послѣ сказывали, что за насъ самого царя просилъ, поклонился царю въ ноги да и говоритъ: „Вотъ, батюшка государь, каково, молъ, житье фабричнымъ на горныхъ заводахъ, такъ ужъ не оставь ихъ своей царской милостью". А государь-то и дозволилъ ему эти новые порядки вводить, начальство перемѣнять и въ строгости содержать. Онъ тогда и поѣхалъ по горнымъ заводамъ, да такъ поѣхалъ, чтобъ никто про это впередъ не зналъ, чтобъ нигдѣ его не ожидали. Нагрянетъ, осмотрится, все разузнаетъ, а ужъ потомъ и открываетъ себя начальникамъ-то нашимъ, что, дескать, вотъ, молъ, я кто,—отъ царя посланъ за народъ заступиться, а васъ, каторжныхъ мучителей, суду предавать. А до него, года за два, пріѣзжалъ другой генералъ,—важный такой, самый главный надъ нашими заводами. Тотъ суровый, немилосердый былъ человѣкъ,—звали его Чевкинъ генералъ. Самъ горбатый, рожа злая. Пріѣхалъ онъ на ревизію. А начальство-то, чтобы подслужиться да отъ себя глаза отвести, и говоритъ ему, что, вотъ, рабочіе изъ послушанія выходятъ, что, молъ, съ ними сладу нѣтъ. А ужъ какое жъ тутъ не слушаться, какъ кромѣ розги мы отъ нихъ ничего и не видимъ,—ни слова, ни приказа, ни науки, а только розга да розга. Мы ужъ знаемъ, что намъ порки не уйти,—а все одно порка,—вотъ, велѣлъ онъ, генералъ-то этотъ самый, всѣхъ насъ, подростковъ, собрать; согнали насъ, ждемъ мы. Вышелъ. „Здорово, мальчишки!"—кричитъ. А мы ему: „Здравія желаемъ, ваше высокопревосходительство!" А смѣльчаки-то и гаркни: „Горбатый!" Начальство-то такъ и присѣло,—наше-то начальство, значитъ.

— Ахъ, вы—бѣдовые! Да какъ же вы осмѣлились?

— Да что жъ,—ужъ и страхъ-то изъ души весь выбили,—ужъ какъ ни повернись—все порка, такъ и думаемъ—все одно...

— Да за что же вы его такъ?

— А какъ же? Зачѣмъ сказалъ: „Здорово, мальчишки",—такъ намъ, ишь ты, это не по нраву пришлось.

— А чего же вы хотѣли?

— А такъ что: „Здорово, молъ, работники!"—вѣдь мы работниками считались, да и что жъ, даромъ что мальчишки, а, ей-Богу, не меньше мужиковъ работу несли, только что сѣкли-то насъ чаще,—да ему что до этого? Осерчалъ, страхъ какъ осерчалъ, даже въ лицѣ перемѣнился; кричитъ это, что „озор-

ники, видно, страху на васъ нѣтъ... Кто ихъ научилъ?“ Заметалось наше начальство, мелкое-то, забѣгало. „Просите, молъ, прощенія, ахъ вы, такіе-сякіе! да какъ вы осмѣлились, какъ вымолвили? Черезъ васъ и намъ-то не сдобровать“. Докладываютъ ему, что, молъ, очень они разобидѣлись, что вы ихъ изволили обозвать мальчишками; они у насъ считаются наравнѣ съ рабочими. „А, ну, ладно,—говоритъ,—такъ выдрать же хорошенько этихъ рабочихъ“. Да съ тѣмъ и пошелъ.

Собесѣдники Юрганова весело расхохотались. Имъ по вкусу пришлась выходка и остроуміе Чевкина.

— Ну, а ты хотѣлъ разсказать, какъ Муравьевъ-то васъ отстоялъ? Что же онъ для васъ сдѣлалъ?

— Дай Богъ царство небесное генералу Муравьеву и всему потомству его! Награди его Господь за его милость къ народу! А вотъ какъ дѣло было. Я тоже былъ подростокъ, на пятнадцатомъ году, не больше. И еще случилось-то такъ, что я ему, этому Муравьеву, чемоданчикъ его донесъ. Шелъ я это разъ въ гору,—послали меня,—вижу я, ѣдетъ передо мною въ сѣромъ пальто господинъ. И ѣдетъ-то одинъ-одинёхонекъ. Я думаю—купецъ какой ѣдетъ. Смотрю, а на дорогѣ-то лежитъ чемоданчикъ, этакъ, небольшой, ремешокъ-то порвавши, онъ съ плеча-то у него и свалился, а въ чемоданѣ-то у него двадцать-пять тысячъ было положено, да бумаги царскія. Поднялъ я этотъ чемоданчикъ, бѣгу за нимъ слѣдомъ, кричу: „Ваше благородіе, ваше благородіе, чемоданчикъ обронили!“ Онъ оглянулся, хватился за бокъ,—чемоданчика-то и нѣтъ. А я добѣжалъ, да самъ его и подаю. Поблагодарилъ, велѣлъ за собою идти. Дорогой-то со мною разговорился, все это разспрашиваетъ про наше житьё-бытьё, да про начальство, да про строгость,—а я ему безъ утайки все разсказываю, всю правду, значитъ, что плохое наше житье. И не въ догадъ мнѣ. И про порку эту, и про битьё—про все. А онъ такъ—слушаетъ, слушаетъ, да головой-то и тряхнетъ. А мнѣ ни къ чему,—ни страху у меня передъ нимъ, ни трепету. А еще того я вамъ не сказалъ, что онъ мнѣ за свой чемоданчикъ-то трехрублевую далъ,—такъ я, отъ роду тогда такихъ денегъ не видя, не бралъ-было, а онъ заставилъ: „Возьми да возьми, ты мнѣ заслужилъ“. Вотъ мы такъ и идемъ. „Я,—говоритъ,—къ вамъ на заводъ ѣду“.—„Ну, что-жъ,—говорю,—милости просимъ“.—„А гдѣ мнѣ тамъ пристать?“ Я ему своего хозяина называю. Пріѣхали мы въ слободу къ вечеру,—прямо къ хозяину онъ и присталъ. Подали мы ему поужинать. А онъ бумаги досталъ, сидитъ, читаетъ да пишетъ. Я на полати залѣзъ, и не спится

мнѣ что-то, лежу, все на него смотрю, а онъ все—то почитаетъ въ бумагѣ и опять сидитъ, пишетъ. А самъ, нѣтъ-нѣтъ, да подойдетъ къ окошечку, посмотритъ, посмотритъ, точно поджидаетъ кого. Только вдругъ это, совсѣмъ къ ночи, слышимъ, колеса гремятъ по улицѣ—ѣдетъ кто-то—и къ самымъ нашимъ воротамъ. Стучатъ:—„Гдѣ, молъ, его высокопревосходительство пристали? сказали намъ, что здѣсь". Мы переполохались. А ужъ около нашего дома экипажей это наѣхало съ цѣлыхъ полдюжины, верховыхъ, ну, одно слово, цѣлая свита. „Есть ли у васъ генералъ приставши?" спрашиваютъ. „Приставши къ намъ есть господинъ, а не знаемъ сами—кто". А тутъ онъ самъ на крыльцѣ-то ужъ и стоитъ. Они всѣ—подъ козырекъ да вытянулись: „Здравія желаемъ, ваше высокопревосходительство!"

Разсказчикъ остановился на этомъ торжественномъ эпизодѣ своего разсказа.

— Ишь ты!—вырвалось у нѣкоторыхъ слушающихъ.

— Такъ вотъ оно, братцы мои, какъ дѣло-то было. А на другой день и пошло,—заплясало наше мелкое начальство, заметалось, и такъ хочетъ ему представить, и то покрыть, въ своемъ видѣ желаетъ все показать,—да какъ не такъ! Онъ ужъ и самъ все знаетъ. Ужъ и было имъ тутъ плясу,—а только что скрыть имъ не удалось ничего,—все наружу вышло: и сѣченье, и битье, и воровство ихнее, все оказалось. Ужъ потомъ оно не знало, чѣмъ взять, стали другъ на дружку доказывать. Такъ, я вамъ скажу, чего-чего тутъ только не было!

Въ это время прервали его разсказъ.

Служителя несли кубики. Началось завариванье и разливанье чаю. Но мнѣ хотѣлось знать конецъ этого разсказа. Тутъ въявѣ можно было прослѣдить, какъ складываются легенды и какое принимаетъ участіе воображеніе русскаго человѣка при передачѣ историческихъ событій, какъ много вносится ими своего творческаго.

Когда они отпили свой чай, мы стали собираться по домамъ; я подошла къ старику Юрганову и сѣла около него, тоже съ чашкой чаю. Около меня стоялъ Большаковъ. Они были земляки съ Юргановымъ и въ одномъ отдѣленіи были служителями.

Теперь Юрганов былъ въ больничномъ халатѣ. Юл. Серг. хлопотала о его отпускѣ на родину, на поправку. Кромѣ того, что у него болѣли глаза, старикъ и вообще усталъ, усталъ такъ, что замѣтно слабѣлъ и таялъ.

— Ты, вотъ, разсказывалъ про Муравьева,—сказала я,—

а вышелъ ли какой толкъ отъ его посѣщенія? Дѣйствительно ли вамъ стало лучше, меньше васъ бить стали?

— А какъ же! Много народу онъ съ заводовъ-то вывелъ, и угнали далеко, куда—не знаемъ... А послѣ письма стали приходить, отъ выселенныхъ-то, къ роднымъ или къ сусѣдамъ, такъ въ письмахъ-то писали, что, молъ, не тужите объ насъ, намъ на новомъ мѣстѣ лучше, земля хлѣбъ родитъ, не то, что у васъ, у насъ, значитъ, и житье привольное [1])... Теперь вѣдь строго наблюдаютъ за тѣмъ, чтобы не били, не сѣкли. Большое начальство зачастое пріѣзжать стало, за мелкимъ начальствомъ присматривать и съ него взыскивать. Одного изъ начальниковъ-то нашихъ такъ упрятали, что мы и слѣду его разыскать не могли. Сколько ни разузнавали, сколько ни спрашивали,—ничего не слыхали, и духъ-то его пропалъ. Ужъ и не знаемъ, куда онъ дѣвался, куда они его упрятали. А злодѣй былъ, не тѣмъ будь помянутъ, алчный злодѣй. И съ тѣхъ поръ съ нихъ какъ руками сняли,—точно переродились они. Стали удерживаться—отъ битья по мордѣ; размахнуться-то размахнется, а ударить ужъ и не смѣетъ. Такъ, бывало, смѣшно на нихъ станетъ, руки-то ужъ больше стали за спину закладывать,—такъ за спиной ихъ и носятъ.

Недѣли черезъ двѣ вышелъ Юрганову отпускъ. Отпускали его на годъ на поправку на родину. Бѣдному старику, уроженцу тобольской губерніи, приходилось на путь около полугода. По нашему разсчету, ему пришлось бы погостить дома сутокъ троечетверо, и затѣмъ снова выходить въ путь, чтобы къ сроку быть на мѣстѣ службы. Юлія Серг. снова принялась хлопотать, и старикъ пошелъ домой, получивъ полную отставку. Благодарилъ и ее, и насъ всѣхъ, пѣшкомъ уходя въ далекое странствованіе.

29-го ноября пришло извѣстіе о сдачѣ Плевны. Отлегло отъ сердца. Перекрестились солдатики, отслужили молебенъ.

Приближались Рождественскіе праздники. Средства „кружка“ росли; за декабрьскими расходами, оставались еще деньги, и положено было часть этого остатка употребить на устройство празд-

[1]) Идея о занятіи Амура привела къ освобожденію болѣе семидесяти тысячъ человѣкъ изъ горнозаводскаго рабства, потому что, подъ предлогомъ усиленія состава забайкальскаго казачьяго войска на случай войны съ китайцами, Муравьевъ еще въ 1851 г. успѣлъ выпросить у императора Николая I-го увольненія изъ горнаго вѣдомства всѣхъ крестьянъ, приписанныхъ къ кабинетскимъ заводамъ нерчинскаго округа. Изъ этихъ людей вышли потомъ первые поселенцы амурскаго края.

ника для больныхъ, — все это, понятно, въ весьма скромныхъ размѣрахъ.

„22-го декабря, — значится въ протоколѣ, — въ очередномъ собраніи членовъ комитета обсуждались мѣры, могущія быть принятыми комитетомъ по отношенію къ госпитальнымъ больнымъ, въ виду предстоящихъ праздниковъ“, и т. д., и т. д.

Все состоялось по программѣ.

Къ одиннадцати часамъ предсѣдательница наша заѣхала за мною, и мы понеслись въ саняхъ къ загородной Башнѣ. Было отслужено шесть молебствій, послѣ которыхъ происходила раздача праздничныхъ гостинцевъ и картинъ. Затѣмъ предсѣдательница отъ себя лично одарила служителей госпиталя, по рублю на человѣка—большія деньги для людей, получающихъ по девяносту копѣекъ жалованья въ треть. Радость получившихъ, т.-е. попавшихся на глаза предсѣдательницѣ, была несказанная, но, увы, не всѣ попались на ея ясныя очи. Самые скромные и загнанные, приставленные къ чернымъ работамъ,— тѣхъ миновала щедрость предсѣдательницы. Мы старались, насколько могли, сгладить происшедшую путаницу. Но и намъ это было трудно, и мы впадали въ несправедливость, ибо тоже давали тѣмъ изъ неполучившихъ, которыхъ знали, которые были у насъ предъ глазами.

Облегчили намъ эту задачу уравненія служителя, которые сами приходили просить за обойденныхъ милостями товарищей.

Приходитъ Большаковъ и дожидаетъ, когда можно будетъ съ нами заговорить. Онъ покровительственно и одобрительно смотритъ на стоящаго нѣсколько поодаль человѣка въ кафтанѣ служителя.

— Что ты, Большаковъ?

Большаковъ переводитъ на меня свои ясные, серьезные глаза.

— Я къ вамъ, сестрица. Вотъ онъ ничего не получилъ на праздникъ.

Я посмотрѣла на того, на кого указывалъ Большаковъ. Видъ человѣка странный: онъ какъ-то весь съёжился и несмѣло блуждающимъ взглядомъ смотрѣлъ по сторонамъ; выраженіе его лица было дикое, угрюмое; глаза нетвердо, подозрительно смотрѣли на свѣтъ и на людей; его выраженіе напоминало сову, неожиданно попавшую изъ мрака и тишины на свѣтъ дневной и на говоръ людской.

— Кто это такой?—спросила я.

— Это—служитель-сортирщикъ, сестрица.

— Я его никогда не видала.

— Да его и не видать никогда,— отвѣчаетъ Большаковъ,— онъ внизу находится. Ихъ тамъ двое, вмѣстѣ живутъ. До нихъ тамъ дошло, что вы чай служителямъ раздаете, такъ онъ и пришелъ теперь къ вамъ: хочетъ просить, не будетъ ли ваша милость отсыпать имъ чайку да сахарку сколько-нибудь. Тамъ теперь такая стужа стоитъ, хуже чѣмъ на дворѣ,—такъ они тамъ назябнутся, назябнутся, и обогрѣться-то имъ нечѣмъ.

— Отчего вы не пойдете въ кухню обогрѣться?—вѣдь кухня рядомъ.

— Они прежде и ходили на кухню обое, — пояснялъ за него Большаковъ, — а теперь дверь-то заколотить велѣно, имъ надо, значитъ, кругомъ идти, черезъ дворъ. А если тамъ у нихъ какая-нибудь нечистота окажется, если, значитъ, они не досмотрѣли, такъ смотритель сейчасъ по мордѣ. Вишь, морду-то ему, намеднись, перекосилъ! (Тотъ, молча, перекривилъ лицо, чтобы подтвердить истину словъ Большакова.) Они каждую минуту должны тамъ находиться. Вѣдь иные какіе озорники, вѣдь не всякій чистоту наблюдаетъ...

Служитель впивался глазами въ Большакова во время его рѣчи, и время отъ времени съ сочувствіемъ смотрѣлъ на меня, кивая головою, въ знакъ полнаго одобренія къ словамъ Большакова. Онъ, видимо, не ожидалъ, что можно словами такъ выразить его положеніе и нужды. На него самого разсказъ Большакова производилъ сильное впечатлѣніе.

Я стала отмѣрять чай и сахаръ и дѣлить на двѣ пачки.

— Ихъ двое, ты сказалъ?—спросила я Большакова.

— Двое; да вы, сестрица, кладите вмѣстѣ всю препорцію; они тамъ совѣстно живутъ, все между собою дѣлятъ.

Я отдала совѣ его порцію, немного денегъ; Большаковъ благодарилъ за него. Большаковъ толкнулъ его въ спину и шепнулъ: „Скажи-жъ хоть спасибо“,—тотъ сталъ благодарить.

XVII.

Тифъ начиналъ усиливаться въ госпиталѣ. Заболѣла моя помощница, молоденькая дѣвушка; заболѣла одна изъ сестеръ милосердія.

Но форма болѣзни въ это первое время эпидеміи была легкая,—ни одного смертнаго случая не было.

Пока больные находились въ безсознательномъ состояніи, они

не требовали большого ухода, — соблюденія извѣстныхъ правилъ, которымъ впавшій въ состояніе апатіи и безпамятства пассивно подчинялся. Трудность наступаетъ съ той минуты, когда болѣзнь оставляетъ человѣка, возвращается и затѣмъ проявляется голодъ, ничѣмъ не утолимый голодъ, — а кормить много нельзя, — и вотъ тутъ начиналась борьба, борьба съ больнымъ и строгое наблюденіе за служителями, всегда готовыми, за лишній грошъ, снабдить больного, чѣмъ бы онъ ни пожелалъ. И не всегда ими въ этомъ руководило корыстное чувство, — они вѣрили, что такое непреодолимое желаніе больного не могло не быть ему въ пользу.

Заболѣлъ въ моемъ отдѣленіи, и заболѣлъ довольно серьезно, одинъ изъ лучшихъ палатныхъ служителей. Долго палата оставалась безъ прислуги, наконецъ назначенъ былъ новый служитель.

— Сестрица, къ намъ назначили новаго служителя въ третью палату, — пришелъ сказать фельдшеръ, съ особымъ удареніемъ на этомъ обыденномъ сообщеніи.

— Очень хорошо, — сказала я.

Тѣмъ пока и кончилось, и я забыла объ этомъ заявленіи.

Нѣсколько времени спустя, когда я проходила черезъ третью палату, меня остановилъ видъ человѣка въ служительскомъ платьѣ, сидящаго въ глубинѣ палаты, на койкѣ, и съ какимъ-то остервенѣніемъ чистящаго оловянную чашку.

Одна рука терла изо всей силы чашку въ то время, какъ другая быстро и судорожно поворачивала ее изъ стороны въ сторону. Онъ сидѣлъ, согнувшись, и, видимо, весь до самозабвенія былъ погруженъ въ свою работу.

Я остановилась и посмотрѣла на этого человѣка.

— Онъ сумасшедшій, сестрица, — конфиденціально сообщилъ мнѣ съ койки больной.

Оказалось, что этотъ человѣкъ, дѣйствительно, былъ только на-дняхъ выпущенъ изъ отдѣленія умалишенныхъ, что при военномъ госпиталѣ, и присланъ въ Башню на испытаніе. Онъ такъ былъ счастливъ, что вырвался изъ больницы, что избавился отъ общества сумасшедшихъ и всей страшной, мрачной обстановки, — что теперь напрягалъ послѣдній остатокъ всѣхъ способностей и силъ, чтобы угодить новому начальству и обезпечить за собою полученное мѣсто.

Понятно, что усердію его и ревности не было предѣловъ.

Звали его Яковъ Суродинъ.

Я стала присматриваться къ нему.

Вся фигура его—худая и согнутая. Время отъ времени его передергивало непроизвольно, помимо его воли; онъ каждый разъ быстро вскидывалъ глаза и со страхомъ озирался, — не замѣтилъ ли кто, что его встряхнуло.

Должно быть, не малое время посидѣлъ онъ въ сумасшедшемъ отдѣленіи, ибо былъ крайне изнуренъ и въ тихомъ состояніи совсѣмъ малосиленъ. Но съ возбужденіемъ росли и силы, и бывали минуты, что никто не могъ совладать съ нимъ, и онъ швырялъ вокругъ себя людей, какъ пѣшки. Черты его лица, сухого и морщинистаго, были постоянно въ движеніи, губы шевелились, и онъ шепталъ себѣ что-то, дѣлая при этомъ выразительные жесты. Голова, нѣсколько заостренная, покрыта была рѣдкимъ, щетинистымъ волосомъ, подростающимъ послѣ бритья.

Во всѣхъ его движеніяхъ и пріемахъ было что-то торопливое, стремительное и вмѣстѣ неувѣренное. Поступь—спѣшная и неровная; съ лица его не сходилъ отпечатокъ озабоченности и испуга,—постояннаго испуга, перешедшаго въ хроническое состояніе.

Какъ только прекращалась его физическая работа и онъ оставался безъ дѣла, онъ все такъ же торопливо и серьезно садился въ углу на койку; на лбу его собирались глубокія морщины, и онъ начиналъ самъ съ собою говорить, дѣлая жесты руками и передергивая мускулы своего жалкаго, измученнаго лица.

Я отправилась къ фельдшеру.

— Онъ на видъ совсѣмъ больной,—сказала я.—Какъ же онъ можетъ быть служителемъ?

— Да его больше изъ жалости сюда опредѣлили,—сказалъ фельдшеръ, видимо и самъ жалѣя бѣднаго помѣшаннаго.

Затѣмъ фельдшеръ разсказалъ, насколько самъ зналъ, его исторію.

У него въ одну ночь умерла жена и двое дѣтей,—кажется, сгорѣли или отъ холеры померли—фельдшеръ не зналъ,—но съ этихъ поръ человѣкъ потерялъ ясность сознанія, впадалъ въ бѣшенство, дрался, и его должны были отвезти въ сумасшедшее отдѣленіе военнаго госпиталя. На войнѣ онъ не былъ, но, должно быть, его больной, впечатлительный мозгъ былъ пораженъ разсказами о войнѣ, которыми наполнились палаты больницъ съ тѣхъ поръ, какъ въ нихъ стали помѣщать заболѣвшихъ на войнѣ. Его слабая, одурѣвшая голова полна была теперь представленій разныхъ ужасовъ, которые были тѣмъ ужаснѣе, что не реальными, а фантастическими образами ложились въ его и безъ того взбудораженную голову.

— Надо бы ему какихъ-нибудь капель дать, успокоительныхъ, а то, говорили, онъ ночью иногда бушуетъ: этакъ онъ у насъ больныхъ напугаетъ.

— А, мнѣ кажется, онъ такъ тихъ.

— Тихъ, сударыня, до поры, до времени. А если, напримѣръ, услыхалъ, что въ нѣсколько голосовъ заговорили,—онъ сейчасъ туда же, начинаетъ кричать, глаза нальются,—просто страсть смотрѣть.

— Посмотримъ.

Просила фельдшера ночью посмотрѣть за нимъ. Онъ обѣщалъ.

На слѣдующее утро, по отъѣздѣ доктора, мы съ фельдшеромъ рѣшили доктору пока не заявлять о немъ, чтобы его не прогнали.

Я спросила фельдшера о немъ.

— Вы бы сами къ нему подошли, сударыня, и сказали бы ему что-нибудь отъ себя, чтобы онъ себя тихо и скромно держалъ.

Я пошла за фельдшеромъ.

Вотъ онъ сидитъ на своей койкѣ и чиститъ кружки. Судорожными движеніями вертитъ онъ кружки между колѣнъ и полируетъ ихъ тряпкой. Онъ не поднимаетъ головы, только время отъ времени вскидываетъ глазами и испуганно оглядывается по сторонамъ.

— Ты нашъ новый служитель?—сказала я.

— Встань, что ты сидишь передъ сударыней! — крикнулъ на него фельдшеръ, самъ весьма недавно пріучившійся быть учтивымъ.

Тотъ поспѣшно вскочилъ, взглянулъ на меня и усиленно замигалъ глазами.

— Фельдшеръ жалуется, что ты тутъ не хорошо себя ведешь,—строгимъ тономъ сказала я.

— Никакъ нѣтъ-съ, я ничего, — выговорилъ онъ, и глаза его заморгали еще чаще, а лицо стало жалобно передергиваться.

— То-то, смотри!

Я хотѣла-было отойти, но жалость къ этому уродливому, бѣдному существу невольно поднялась въ душѣ. Я опять обернулась къ нему.

— А если ты себя будешь хорошо держать, не будешь говорить пустяковъ, будешь ночью смиренъ, я тебѣ подарю кисетикъ съ табачкомъ.

— Слушаю-съ, я отсюда никуда не пойду, буду смирно сидѣть.

Я ушла. Черезъ нѣсколько часовъ я взяла обѣщанный кисетъ и пошла въ свое отдѣленіе. Несмотря на мое увѣщаніе, онъ за это время опять начудилъ. Какъ только онъ завидѣлъ меня, онъ бросился опрометью въ свой уголъ и сѣлъ на койку.

Я позвала фельдшера. Оказалось, что онъ опять бушевалъ, схватилъ щетку и пустился въ догонку за служителемъ.

Я стала разспрашивать, что̀ его раздражило,—или онъ бросался на людей безъ всякой причины.

— Они надъ нимъ смѣются, когда онъ эту свою чепуху-то понесетъ, а онъ разозлится, да на нихъ...

— Такъ не надо, чтобы они смѣялись надъ нимъ.

— Да нѣтъ, сударыня, ужъ это не отъ того; вы лучше не велите ему къ окошку подходить.

— А что̀?

— Да онъ, какъ къ окошку подойдетъ, начнетъ прежде вглядываться, вглядываться—такъ глаза и пялитъ, руками всплеснетъ, да и начнетъ разсказывать всякую небывальщину,—а служителя-то не могутъ удержаться,—такъ и катаются со смѣху.

— Что̀ же онъ разсказываетъ?

— Да все это ему представляется, будто онъ передъ собой что-то видитъ,—на дворѣ ничего нѣтъ, а ему-то видятся тамъ цѣлые полки, будто война, будто это между собою рубятся люди, и турецкія головы валятся. Намеднись, стоитъ, это, у окна и вдругъ начинаетъ креститься,—крестъ за крестомъ, крестъ за крестомъ—и лицо у него станетъ такое, точно передъ нимъ страсть какая совершается, а на дворѣ ничего нѣтъ, какъ есть ничего, вотъ—какъ теперь. Я къ нему подошелъ, спрашиваю: „Что̀ это ты крестишься?“ А онъ, это, мнѣ грозится, чтобы я тише говорилъ, а потомъ самъ и началъ, и такъ это жалостно: „И зачѣмъ это люди столько крови льютъ? смотри-ка, смотри, такъ и рубятъ, такъ и рубятъ, а кровь-то—что̀ рѣка течетъ! И скотину-то, бѣдную, крошатъ,—хоть бы скотину-то безотвѣтную пожалѣли! И къ чему это на свѣтѣ Божьемъ такое кровопролитное все дѣлается?!“... и начнетъ, это, прибирать всякія такія жалостныя слова... а потомъ, вдругъ, распалится, разсвирѣпѣетъ: „Бѣги,—кричитъ,—бѣги, коли его собаку! бей, коли! а не то—онъ вамъ всѣмъ головы поснимаетъ!“—вѣрно, это турокъ вспомнитъ:—„бей, православные, бей!..“—да схватитъ щетку, да на служителей и бросится. Такъ мы, сударыня, ей Богу, не знаемъ, что̀ съ нимъ дѣлать.

— Надо его успокоивать, а не дразнить,—это грѣхъ—смѣяться надъ больнымъ, и т. д., и т. д.

— Да помилуйте, сударыня, когда никакихъ силъ нѣтъ удержаться,—оправдывался фельдшеръ, который, вѣроятно, самъ находился въ числѣ катающихся со смѣху,—когда онъ это начнетъ всѣ свои фигуры выстраивать, да всю это городню разсказывать, такъ просто силъ нѣтъ никакихъ отъ смѣху удержаться.

Попросивъ еще разъ фельдшера быть внимательнымъ къ больному и беречь его, и, въ видѣ поощренія, вручивъ ему нѣсколько монетокъ, я пошла къ своему новому больному, который начиналъ меня забирать за живое.

Когда я подошла къ нему, онъ всталъ и сталъ быстро крутить полотенце, которое держалъ въ рукахъ. Глаза его были мутны и то съуживались въ скважинки, то расширялись и выкатывались.

— Ты буянилъ? а?

Онъ заморгалъ и потупился.

— Ты забылъ, что я тебѣ говорила?

— Никакъ нѣтъ.

— Что ты надѣлалъ?

— Ничего я не дѣлалъ, сударыня.

— Какъ ничего?—кричалъ и пустыя слова говорилъ! Добрые люди тебя жалѣютъ, беречь хотятъ, а ты не слушаешься, да еще драться лѣзешь.

— Нѣтъ, милостивая сударыня, помилуй Богъ, драться я не стану, буду смирно сидѣть,—скороговоркой говорилъ онъ.

— Вѣдь докторъ узнаетъ, велитъ тебя назадъ въ военный госпиталь везти.

— Нѣтъ, милостивая сударыня, я не хочу въ военный госпиталь,—тамъ, у-у—страшно!

— То-то и есть. Такъ ужъ ты слушай, что тебѣ добрые люди говорятъ. Я тоже хочу, чтобы ты остался у насъ, но если ты будешь шумѣть и буянить, то насъ не послушаютъ и увезутъ тебя.

— Я буду васъ слушать, милостивая сударыня.

Я сѣла подлѣ него и долго бесѣдовала съ нимъ, пока слезы не потекли изъ его глазъ.

— Я и самъ не радъ, милосердная сестрица, — сказалъ онъ,—такъ мнѣ тяжко, такъ тяжко бываетъ..., а и самъ не знаю, что съ собою дѣлать. Кабы вы меня вылечили,—вѣкъ бы сталъ Бога молить за васъ.

Я передала ему кисетъ съ табакомъ. Онъ обрадовался подарку, какъ ребенокъ.

Другіе съ завистью смотрѣли на нарядный кисетъ. Мы сдѣлали уговоръ, что получитъ кисетъ тотъ, кто не будетъ дразнить помѣшаннаго и издѣваться надъ нимъ.

Съ этихъ поръ я видимо заинтересовала его собою. Онъ сталъ слѣдить за всѣми моими дѣйствіями, его влекло поближе узнать, что̀ я за человѣкъ. И онъ не сводилъ съ меня глазъ. Когда я уходила въ другую комнату, то черезъ нѣсколько времени изъ-за арки начинала появляться и опять прятаться эта уродливая, щетинистая голова, и за мной слѣдили эти мутные, блуждающіе глаза.

Передъ отъѣздомъ, я дала фельдшеру успокоительныхъ капель и, уже совсѣмъ собравшись уѣзжать, прошла по палатамъ. Онъ, какъ только завидѣлъ меня, выскочилъ изъ угла и устремился прямо ко мнѣ. Я остановилась.

„Это что̀ будетъ?“—подумалось мнѣ.

Подбѣжавъ совсѣмъ близко, онъ остановился.

— А что̀ прикажете мнѣ дѣлать, милостивая сударыня, если ночью мнѣ не будетъ спаться, а будетъ грезиться?—спросилъ онъ своей скороговорной рѣчью.

— Встать, выпить воды потихоньку, почистить кружки и опять лечь, а лучше всего читать молитвы.

Мы съ нимъ повторили „Отче нашъ“ и „Взбранной воеводѣ“.

Онъ былъ доволенъ и заморгалъ радостно глазами.

— А главное, поменьше говори;—какъ только тебѣ захочется говорить, ты сейчасъ и читай молитву, которую-нибудь... Это только самые пустые люди все лишнія слова говорятъ, а хорошіе люди больше молчатъ.

— Я, милостивая сударыня, хорошій человѣкъ.

— Ну, вотъ оттого я тебя и прошу не говорить никогда пустяковъ.

Мы разстались.

Слѣдующіе затѣмъ дни были довольно счастливые. Онъ казался спокойнѣе и начиналъ привыкать къ своимъ обязанностямъ. Но вотъ, въ одинъ день, пріѣзжаю я, фельдшеръ докладываетъ, что онъ опять бушевалъ, и опять сталъ заговариваться.

— Гдѣ онъ?

— Я его, сударыня, вмѣстѣ съ другими служителями за дровами послалъ. Онъ взялъ веревку для вязанки, все какъ слѣдуетъ, и пошелъ,—да и до сихъ поръ все нѣту.

Другіе служителя успѣли по два раза сходить и, возвращаясь, разсказывали, что онъ все дрова собираетъ: „Толчется изъ мѣста

въ мѣсто, и все себѣ подъ носъ бормочетъ, и на едину минуточку не умолкаетъ".

Я осталась въ палатѣ ждать его возвращенія и сѣла около одного изъ больныхъ, чтобы онъ сразу не примѣтилъ меня.

Прошло еще съ четверть часа. Наконецъ, показалась его фигура съ вязанкой дровъ за спиною; только въ вязанкѣ было всего полѣнъ восемь-десять.

Идетъ онъ задумчивый, и губы его двигаются медленно; онъ что-то причитываетъ таинственное, и на лицѣ его выраженіе восторженное и вмѣстѣ строгое, благоговѣйное.

— Что ты такъ долго дрова собиралъ? Ишь, и принесъ всего-то три полѣна,—какія это дрова?—спрашиваетъ его фельдшеръ.

— Какія дрова? Умная голова!—да вотъ эти дрова, которыя притащилъ,—замигалъ онъ глазами и задергалъ мускулами; голосъ его шелъ точно скачками.

Но онъ остановилъ фельдшера и таинственно подмигнулъ ему: „помолчи, дескать,—ты и не понимаешь, и не смекаешь, гдѣ я былъ и что видѣлъ".

Онъ осторожно, чтобы не нашумѣть, сложилъ съ плеча тѣ нѣсколько полѣшекъ, которыя онъ принесъ, устремилъ глаза въ окно и своимъ перерывчатымъ мѣрнымъ говоромъ сталъ разсказывать, что былъ онъ, видите ли вы, въ саду, въ большомъ саду, и въ этомъ саду много деревъ большихъ,—„скрозь все дерева ростутъ". А потомъ вышелъ онъ на лугъ,—„а на томъ лугу трава зеленая,—тамъ ужъ лѣто красное и такое теплое, хоть въ одной рубахѣ ходи, и цвѣтиковъ разныхъ на томъ лугу видимо-невидимо, и не сосчитать. А по зеленой муравкѣ все дѣтки погуливаютъ, и между собою играются, пѣсни поютъ райскія и хороводы водятъ". И вотъ онъ все ходилъ вокругъ и смотрѣлъ на этихъ дѣтокъ. „Смотрю и не насмотрюсь!"—съ блаженной улыбкой сказалъ онъ.

Лицо его свѣтилось радостью. Между этими дѣтьми, среди этой райской обстановки, его больному воображенію, вѣрно, привидѣлись и его погибшіе ребятишки.

Оттого такъ торжественно и сіяло это блѣдное, изстрадавшееся лицо.

Въ то время, какъ онъ разсказывалъ, около него собрался цѣлый кружокъ слушателей. Но онъ, въ увлеченіи разсказа, не видалъ ихъ.

Когда же онъ опомнился и пришелъ въ себя,—онъ задергалъ головою, заморгалъ и сталъ озираться, не понимая, зачѣмъ весь этотъ народъ стоитъ около него.

Одинъ изъ служителей засмѣялся.

Тогда онъ выпрямился и грозно посмотрѣлъ на смѣющагося.

Тотъ разсмѣялся еще больше.

Тогда сумасшедшій схватилъ полѣно и бросился на окружающихъ,—всѣ разсыпались въ разныя стороны, онъ пустился за однимъ служителемъ въ погоню.

Едва его успѣли схватить и удержать.

Я подошла къ нему и свела его на койку. Онъ, увидавъ меня, растерялся и сталъ смиренъ и покоренъ, какъ овца. Долго говорила я съ нимъ, разспрашивая его; онъ мнѣ опять повторилъ, что онъ былъ тамъ,—указывая на окно,—въ саду, и что тамъ лѣто красное... Но теперь онъ уже говорилъ съ неувѣренностью и время отъ времени вопросительно взглядывалъ на меня...

Онъ начиналъ сомнѣваться въ реальности чуднаго видѣнія, и сердце его наполнялось тоскою и скорбью...

— Помолимся-ка мы съ тобой,—сказала я.

И мы начали повторять молитвы, пока мысли его успокоились и онъ весь проникся стараніемъ запомнить тѣ новыя молитвы, которыя мы повторяли.

Послѣ этого онъ еще нѣсколько дней прослужилъ, какъ палатный служитель. Меня онъ отличалъ отъ всѣхъ и радостно подмигивалъ самъ себѣ, когда утромъ завидитъ меня въ отдѣленіи.

„Милостивая сударыня“—такъ за мной и осталось это прозвище, и къ этой своей сударынѣ онъ шелъ со всѣми своими просьбами и жалобами.

— Милостивая сударыня, а который вы мнѣ табачокъ подарили, я тотъ, Божіею милостью, весь выкурилъ, — сообщалъ онъ мнѣ.

Его мучили безсонницы. Фельдшеръ придумалъ дать ему на ночь водки, настоенной на какихъ-то усыпительныхъ травахъ, и въ эту ночь съ нимъ сдѣлался припадокъ въ родѣ бѣлой горячки.

Его увели въ отдѣльную палату и записали на скорбный листъ.

Черезъ недѣлю или дней десять, его выпустили, и онъ торопливо прибѣжалъ ко мнѣ просить, чтобы его снова опредѣлили въ мое отдѣленіе.

Я попросила объ этомъ смотрителя, и бѣдный помѣшанный опять появился въ отдѣленіи, въ своемъ рыже-зеленомъ, истертомъ кафтанѣ, и принялся рьяно тереть оловянныя кружки и чашки.

Когда онъ перечистилъ всю посуду,—улучивъ свободную минуту, онъ прибѣжалъ ко мнѣ.

Я ему стала говорить, что я увѣрена, что онъ постарается служить больнымъ усердно, не будетъ ихъ пугать и не будетъ говорить пустыхъ словъ, и бѣгать со шваброй за служителями.

Слушая, онъ то моргалъ, то широко раскрывалъ глаза, такъ что весь лобъ покрывался глубокими поперечными морщинами.

— Милостивая сударыня,—а которыя вы мнѣ велѣли молитвы читать, я ихъ всѣ перезабылъ.

Очень жаль, но дѣло поправимое; мы стали повторять молитвы.

Онъ самодовольно закивалъ головой и, лукаво улыбаясь, сталъ выдѣлывать жесты и грозить пальцемъ, точно грозился кому-то.

Въ это время въ Башнѣ опять появились турки, а мой пріятель уже успѣлъ со шваброй броситься на непокорнаго больного, дразнившаго его.

— Если ты будешь бѣгать со шваброй за больными, то мы тебя внизъ къ туркамъ отправимъ; турки тебя проучатъ.

— А я, милостивая сударыня, этихъ турокъ за ноги схвачу, да объ стѣну головою какъ звякну!

Онъ такъ понялъ свою обязанность.

— Нѣтъ, звякать ты никого не смѣешь, а долженъ будешь туркамъ служить.

— Я, милостивая сударыня, турку не люблю, — турка съ людей кожу снимаетъ, жаритъ православныхъ да ѣстъ.

Я не дала ему продолжать. Такія исторіи всегда кончались дикими выходками.

Но наши старанія успокоить его, исправить, не достигли желаемаго результата. Его нельзя было долѣе держать при больныхъ.

Его помѣстили помощникомъ пріемщика въ цейхгаузѣ при Башнѣ. Тамъ онъ пробылъ съ мѣсяцъ, тамъ мы могли еще слѣдить за нимъ. Но затѣмъ его и оттуда удалили, и я потеряла его изъ виду.

Много времени спустя, намъ пришлось еще разъ встрѣтиться.

Весною къ намъ въ Башню привезли четырехъ человѣкъ, укушенныхъ бѣшеными животными, и двоихъ, укушенныхъ взбѣсившимися, вслѣдствіе укушенія, людьми. Когда мы утромъ пріѣхали въ Башню, мы застали сестеръ милосердія въ страшномъ переполохѣ.

— Къ намъ въ Башню бѣшеныхъ привезли!—съ ужасомъ на глупыхъ лицахъ встрѣтили онѣ насъ.—Ахъ, Боже мой, страхъ какой! Мы всю ночь не спали,—все боялись, что они ворвутся

и къ намъ прибѣгутъ,—потому они и были заперты на ключъ, но, говорятъ, у этихъ больныхъ такая сила... Теперь мы просили смотрителя приставить часовыхъ...

— Да что же, они связаны?

— Нѣтъ.

— Бѣсятся они, кричатъ, корчи съ ними дѣлаются?

— Нѣтъ.

— Такъ что они?

— Ничего, только они покусаны, и сбѣсятся.

Ольга К—ва рѣшилась сейчасъ же пойти къ этимъ людямъ, и мы пошли вмѣстѣ.

Въ отдѣльной комнатѣ, за рѣшетчатыми окнами, посажены были эти вновь прибывшіе. Передъ массивными дверьми стояли часовые, скрестивъ ружья. Наши костюмы давали намъ всюду доступъ,—насъ пропустили, и мы взошли. У меня сердце застучало, когда я вошла и за мною опять затворилась тяжелая дверь,—но я не показала виду. Когда мы появились, двое изъ нихъ стояли у окна; они, взглянувъ на насъ, устремились отъ насъ прочь въ глубь палаты; другіе двое, лежавшіе на койкѣ, поднялись. Они съ удивленіемъ, почти со страхомъ посмотрѣли на насъ.

— Здравствуйте!—сказали мы.

— Здравствуйте, сестрицы!

Мы двинулись-было впередъ.

— Вы не подходите къ намъ, — сказалъ одинъ изъ больныхъ, пожилой человѣкъ съ добрымъ лицомъ, на которомъ читались страхъ и напряженность отъ ожиданія чего-то ужаснаго, чего ни отвратить, ни обойти нельзя.

У нихъ у всѣхъ на лицахъ было тоже томленіе,—томленіе передъ тѣмъ ужаснымъ, неумолимымъ, что должно совершиться, и къ чему каждая минута, каждый часъ и день ихъ жизни неизбѣжно приближаетъ ихъ...

У нихъ передъ глазами въ мукахъ и терзаніяхъ погибли шесть человѣкъ — въ мукахъ сознательныхъ, ибо въ этой болѣзни сознаніе не покидаетъ человѣка. Судороги, корчи, бѣшенство—все это уже охватитъ больного, и онъ уже физически дикій, лютый звѣрь,—а душа въ немъ все-таки человѣческая, и этою душою онъ видитъ свое паденіе, видитъ свой человѣческій образъ изуродованнымъ и обезображеннымъ, имѣетъ довольно сознанія, чтобы понять, что онъ звѣрь,—но не довольно силы, чтобы сладить съ собою... Это—мука изъ мукъ; никакая физическая пытка не сравнится съ этимъ адомъ страданій.

Они видѣли, и теперь ожидали съ часу на часъ, со дня на день, себѣ такого же конца.

— Не подходите, матушки,—вамъ, видно, не сказали.

— Чего не сказали?

— Вѣдь мы не простые больные, но покусанные, — и онъ, понизивъ голосъ, прибавилъ: — изъ насъ ужъ шестеро померло дорогой, — всѣ сбѣсились,—мы четверо доѣхали.

— Можетъ, Богъ васъ и спасетъ, — сказалъ кто-то изъ насъ.—Мы сейчасъ къ вамъ доктора приведемъ, — Богъ милостивъ, авось и поможетъ.

— Мы васъ не боимся,—вы теперь здоровы; у васъ припадковъ не было?

У нихъ еще не было никакихъ признаковъ отравы,—они только томились ожиданіемъ страшнаго конечнаго исхода.

Они осыпа́ли насъ благословеніями, когда мы пошли отъ нихъ.—Значитъ, они теперь не одни съ ихъ горькой бѣдой; есть люди, которые сжалились надъ ними и обѣщаются помочь имъ; этотъ лучъ любви и жалости, внесенный къ нимъ, освѣжилъ и утолилъ ихъ напряженную страданіями, изболѣвшую душу.

Черезъ часъ, нѣкоторые изъ насъ снова вернулись къ „бѣшенымъ“ (имя это такъ и осталось за ними) въ сопровожденіи врача С. П. К—на, человѣка, котораго качества возбуждали въ насъ высокое уваженіе.

Серьезный врачъ и человѣкъ, онъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, не былъ лишенъ мягкости, и даже какая-то нотка нѣжности звучала въ его словахъ къ больнымъ.

Онъ занялся нашими бѣшеными, не только разрѣшилъ намъ посѣщать ихъ, но даже сказалъ, что для нихъ развлеченіе и всякое ободреніе можетъ быть спасительно,—можетъ повліять на ихъ душевное настроеніе, доведенное теперь до полнаго упадка и близкое къ отчаянію.

Этихъ-то людей послѣ шести-дневнаго пребыванія въ Башнѣ перевели въ отдѣльную палату въ зимній госпиталь.

Этотъ госпиталь служилъ сборнымъ пунктомъ для уходящихъ на родину, и тамъ-то попечительство о выздоравливавшихъ воинахъ раздавало, отъ имени государыни, пособія уходившимъ на поправку или въ полную отставку.

Нашихъ бѣшеныхъ помѣстили въ отдѣльной палатѣ, находившейся при отдѣленіи сумасшедшихъ.

Я пошла туда съ сестрою, служившей при этомъ отдѣленіи. Намъ надо было идти садомъ, и скоро мы дошли до деревянной рѣшетки, отдѣляющей часть сада,—за этой заборкой гуляли

сумасшедшіе. У дверей стоялъ часовой. Желѣзная задвижка съ шумомъ отдернулась, заскрипѣла дверь на ржавыхъ петляхъ, и мы вошли въ ограду. Между гуляющими сумасшедшими я увидѣла и моего бывшаго служителя въ VIII-мъ отдѣленіи.

Онъ такъ изумился моему появленію, такъ несказанно обрадовался, что у него отъ неожиданности и радости отнялся языкъ. Всѣ мускулы его лица запрыгали, глаза заморгали, руки задергались, но выразить словами онъ ничего не могъ, и шелъ за мною, молча, выкатывая глаза и дѣлая усилія вымолвить слово, но языкъ ему не повиновался.

Я спрашивала его, не нужно ли ему чего, но, видя, что онъ не въ состояніи отвѣчать, я обратилась къ сестрѣ, меня сопровождавшей, и въ нѣсколькихъ словахъ разсказала ей его скорбную исторію.

Пока мы шли въ этомъ темномъ царствѣ, число сумасшедшихъ около насъ увеличивалось; имъ лестно было поглядѣть на необычное посѣщеніе.

Затѣмъ, служителя отослали ихъ, и мы вдвоемъ съ сестрою вошли къ заключеннымъ.

Пробывъ у нихъ съ часъ, мнѣ пришлось идти назадъ уже одной. У самаго выхода изъ палаты бѣшеныхъ я увидѣла сіяющее торжествомъ лицо Якова Суродина.

Онъ стоялъ съ какимъ-то узелкомъ, ожидая меня.

Онъ понялъ, что я пріѣхала, чтобы увезти его, торопливо собралъ свои пожитки и съ торжествомъ караулилъ меня.

— Милостивая сударыня,—заговорилъ онъ,—возьмите меня отсюдова,—я съ вами опять служить хочу!

Мое появленіе въ этомъ мѣстѣ ему представилось равнозначащимъ съ его избавленіемъ отсюда.

Но это была вещь невозможная,—докторъ заявилъ, что онъ не въ такомъ состояніи, чтобы можно было надѣяться на его выздоровленіе.

— Милостивая сударыня, явите Божескую милость, возьмите меня отсюдова, я съ вами опять служить хочу!—повторялъ онъ, идя за мною.

— Что же ты надѣлалъ, отчего тебя опять сюда привезли?

— Отчего опять привезли?—повторилъ онъ за мною.—Это они на меня такую злобу возъимѣли.

Толпа около меня сгущалась. Сумасшедшіе, видя, что я—нѣчто особенное и, должно полагать, важное, засуетились, забѣгали: кто проталкивался поближе, кто лѣзъ на рѣшотку, чтобы увидать меня; кто кричалъ мнѣ что-то черезъ головы товарищей.

Служитель пришелъ и провелъ меня до дверей.

У нихъ не было другого утѣшенія, какъ мои рѣдкія посѣщенія; не съ кѣмъ имъ было слова сказать, всѣми они забыты, даже въ садикъ просились,—имъ было запрещено. Только мои рѣдкія появленія соединяли ихъ съ Божьимъ вольнымъ міромъ и съ людьми.

— И когда же, сестрица, это кончится?—спрашиваютъ они.

Еще никто не знаетъ, чѣмъ это можетъ кончиться!

Передъ самымъ отъѣздомъ моимъ изъ Кіева, въ концѣ іюня, мнѣ пришли сказать, что докторъ выписываетъ ихъ на будущей недѣлѣ, и что я могу снаряжать ихъ въ путь. Я простилась съ ними. Это послѣднее свиданіе было такое трогательное, что и пересказать нельзя.

Въ іюнѣ нашъ госпиталь освѣтился прибытіемъ хорошихъ сестеръ милосердія, бывшихъ зимою въ жандармскихъ казармахъ и работавшихъ подъ наблюденіемъ графини П—ой.

Въ январѣ мѣсяцѣ положеніе нашего госпиталя приняло такой видъ, на который мы сами вначалѣ не смѣли разсчитывать.

Нашъ бѣднѣйшій вначалѣ „кружокъ“, которому грозили разладъ и всякое неустройство, теперь былъ признанъ самымъ могущественнымъ, образцовымъ и богатымъ. Мы строго соблюдали правило ничего не разсказывать о нашей дѣятельности и держать въ строгой интимности все, что дѣлалось въ стѣнахъ Башни. Мы гордились тою дружбой, которая теперь сплочивала насъ, членовъ-работниковъ, въ одну нравственную силу, и тѣмъ крѣпкимъ довѣріемъ, которое мы имѣли другъ къ другу.

Доѣхали, наконецъ, до насъ и плевненскіе плѣнные, выдержавшіе осаду и голодъ... Въ первый разъ видѣли мы, до какихъ крайнихъ предѣловъ можетъ дойти человѣческое истощеніе, и поражались, какъ живуче это бѣдное двуногое твореніе. Живыми людьми ихъ назвать было трудно.

Искра жизни еле тлѣлась въ нихъ. Иногда и нельзя было объяснить себѣ, почему больной, который вотъ сейчасъ еще что-то говорилъ, чего-то просилъ своими изсохшими, синими губами, легъ, покрылся одѣяломъ съ головою, и когда вы подошли узнать, чего онъ хочетъ,—уже эта блеснувшая искра жизни загасла и передъ вами онъ лежалъ бездыханный.

Умирали они отъ тифа, умирали отъ лихорадки, умирали отъ истощенія, умирали отъ того, что желудокъ не переносилъ

пищи, умирали отъ ложекъ вина, умирали по десяти, по пятнадцати человѣкъ въ день. Всякихъ болѣзней, всякой заразы привезли они въ нашъ госпиталь, — и смерть пошла гулять на просторѣ.

Тифъ, который до сихъ поръ не былъ смертельнымъ, принялъ теперь самый острый характеръ. Турки заживо разлагались. Еще живетъ, дышетъ, смотритъ своими черными глазами, а самъ уже разлагается.

Въ нихъ искра жизни тлѣла, какъ тлѣетъ огонь въ выгорѣвшей лампѣ,—свѣтильня уже не горитъ, а синій огонекъ все еще ходитъ по ней,—то вспыхнетъ, то померкнетъ, какъ бы цѣпляясь за нее. Колыхнулся воздухъ, толкнули едва замѣтно свѣтильню, и послѣдняя искра отлетѣла; такъ отлетала и жизнь изъ этихъ истощенныхъ, полуистлѣвшихъ тѣлъ.

Прежде турокъ клали въ перемежку съ нашими, но теперь имъ отвели два отдѣленія, которыя были исключительно ими наполнены. При этомъ возникъ вопросъ, обходить ли ихъ общественною помощью, или помогать имъ и предпринять что-нибудь и для нихъ.

Вопросъ этотъ былъ предложенъ на обсужденіе комитета. Онъ вызвалъ много разнорѣчивыхъ разсужденій и преній, но прошелъ въ пользу плѣнныхъ. Да и нельзя было иначе,—опасность грозила всѣмъ больнымъ и всѣмъ намъ одинаково столько же, какъ и туркамъ.

Все, что было на нихъ, — ихъ шолковыя куртки, богато шитые пояса, солдатская ихъ одежда — все было у нихъ отобрано; ихъ по-очереди сажали, одного послѣ другого, въ ванну и затѣмъ одѣвали въ бѣлье и несли на койки. Ихъ же платье сложено было въ огромную кучу въ полѣ, за Башней, и сожжено.

Никакъ не могли ихъ убѣдить отдать фески: подняли такой вопль и стонъ, что имъ ихъ оставили. Послѣднія силы употребили они, чтобы не отдать фесокъ.

Число заболѣвающихъ между русскими доходило до трехъ, четырехъ случаевъ въ день. Заболѣли первые служившіе при турецкихъ отдѣленіяхъ служителя, переводчикъ, фельдшеръ. Бывало, придутъ сказать, что служитель въ турецкомъ отдѣленіи на койку легъ. „А что?“ — „Да нехорошо“. И дѣйствительно, черезъ нѣсколько дней, заболѣвшаго несли въ часовню. Заболѣла лучшая сестра милосердія, ходившая за тифозными больными изъ русскихъ.

Въ городѣ поднялись рѣчи объ опасности быть въ этой смер-

тоносной атмосферѣ. Близкіе къ намъ люди встревожились,— насъ оставалось все меньше и меньше.

Опасность, дѣйствительно, была большая. Въ виду такихъ обстоятельствъ, было собрано экстренное засѣданіе, и на немъ постановлено принять энергическія мѣры, чтобы пріостановить, елико возможно, дальнѣйшее распространеніе эпидеміи, направить всѣ усилія и остановить повальную смертность между плѣнными. Для того, чтобы поддержать въ нихъ жизнь, рѣшились обратить на нихъ общественную помощь и давать имъ пищу, сообразную ихъ привычкамъ. Въ этомъ случаѣ предсѣдательница наша дала намъ мудрые совѣты, какъ опытный человѣкъ. Тяжело больные стали получать—въ очень маломъ количествѣ вначалѣ—рисовую кашу на молокѣ, кофе вмѣсто вина, лимонадъ; выздоравливавшіе—пилавъ на бараньемъ салѣ. Любопытно было видѣть, какъ вдругъ ожили эти несчастные полумертвые, когда въ первый разъ почуяли запахъ горячаго кофе, который принесли въ большой кострюлѣ. Все это зашевелилось на своихъ койкахъ, все потянуло носомъ ароматъ, все запросило, замолило...

Такія мѣры дали требуемые результаты.

Случаи заболѣванія между своими стали рѣже, смертность между турками пріостановилась.

Надо отдать справедливость „Общему кружку", который явился въ самый разъ къ намъ на помощь въ этой общей бѣдѣ.

Онъ занялся исключительно дезинфецированіемъ всѣхъ госпиталей, ибо всѣ были запружены несчастными плевненскими плѣнными. Въ нашей „Башнѣ" пылали по двадцати дезинфекцій въ турецкихъ отдѣленіяхъ и прыскали карболовкой, пыхтя и свистя во всѣ стороны.

Гр. Анаст. Серг. П—а носилась по палатамъ съ тяжелымъ мѣднымъ гидропультомъ черезъ плечо, и за ней,—никогда, впрочемъ, не поспѣвая,—слѣдовалъ служитель съ карболовкой. Она сама качала трубу и съ неподражаемымъ усердіемъ и добросовѣстностью поливала стѣны, полы, потолки, отчасти койки и людей, попадавшихся невзначай. Затѣмъ хватала машину, взваливала себѣ на плечо и неслась съ нею дальше.

Нашимъ, русскимъ, это показалось даже обиднымъ: „Что это, сестрица, все вы у турокъ лиминацію зажигаете?"

Черезъ нѣсколько дней, очередь дошла и до нихъ, и они радовались, какъ дѣти, на хитрыя шипѣлки.

Они скоро поняли, что это дѣлается для ихъ пользы, и очень благодарили, когда гр. П—а и другія пришли убирать шипѣлки.

— А знаешь ли, зачѣмъ мы это дѣлаемъ?—спросила Анаст. Серг. одного изъ трудныхъ.

— А вѣрно, что для спасенія души,—отвѣчалъ больной, не понявши вопроса и объясняя поводъ, который, вѣроятно, руководилъ добрыми людьми, привезшими столь диковинныя и полезныя штуки.

— Ну, ужъ и хорошія же намъ штуки сегодня показывали!—говорилъ, придя снизу, одинъ изъ моихъ больныхъ.—Сказывали, завтра къ намъ принесутъ...

Штуки, дѣйствительно, оказались хорошими: зараза пріостановила свою разрушительную работу.

Остался дифтеритъ, который сталъ ложиться на раны. Оперировать было нельзя .. Былъ одинъ гвардеецъ, нѣкто Лактіоновъ, которому предстояла трудная, серьезная операція—резекція плечевой кости. Онъ уже былъ оперированъ разъ, вскорѣ послѣ дѣла, но неудачно, и теперь ждалъ второй операціи. Къ его ранѣ прикинулась рожа, и человѣкъ отъ боли въ раздробленныхъ частяхъ часто не спалъ цѣлыя ночи и замѣтно слабѣлъ.

Съ заботами о туркахъ, о прекращеніи заразы, съ частыми заболѣваніями своихъ, я совсѣмъ потеряла изъ виду Лактіонова (онъ былъ у меня, когда у него сдѣлалась рожа), и во время работы намъ почти не приходилось видѣться съ товарищами.

Какъ-то разъ я пріѣхала въ Башню позже обыкновеннаго. Взойдя къ себѣ, я не встрѣтила моей сестры. Я прошла въ отдѣленіе Д—ой,—ея и тамъ не было. Встрѣтивъ штатную сестру, я спросила, гдѣ наши и отчего никого изъ нихъ не видать.

— Онѣ всѣ на операціи внизу, — былъ отвѣтъ: — сегодня трудная операція,—главный врачъ тамъ и еще два доктора.

— Изъ чьего отдѣленія больной?

— Изъ отдѣленія Ольги Алекс., гвардеецъ.

— Лактіоновъ,—догадалась я.

Больного снесли въ операціонную въ десять часовъ, теперь уже было около часа.

Я занялась ежедневнымъ дѣломъ,—раздачей порцій.

Въ то время, какъ я разливала вино и водку, въ отдѣленіе пришла кн. Ольга Дм. Г—а и направилась прямо на меня.

Она, приподнявъ свой передникъ, закатала его и прикрывала мантильей. На черномъ ея платьѣ были свѣжія пятна, густыя и вяжущія.

Сама она была блѣднѣе обыкновеннаго, но вполнѣ бодра.

— Вѣра Дмитріевна, ради Бога, нѣтъ ли у васъ запасного

фартучка? Мнѣ бы надо смѣнить мой,—посмотрите, на что я похожа.

Она остановилась передо мной и откинула фартукъ. По немъ, сверху до низу, шла темно-красная полоса, почти во всю ширину; рукава и платье тоже были залиты кровью.

— Господи!—въ испугѣ вскрикнула я:—что случилось?..

— Я никакъ не могла отойти, у меня обѣ руки были заняты, когда кровь хлынула,—ужасъ, на что я похожа!

— А Лактіоновъ?..

— Ничего; кажется, операція удачна; вѣдь ужъ мы тамъ болѣе двухъ часовъ. И сестра ваша тамъ.

Я сняла съ себя фартукъ и надѣла его на кн. Оленьку Г—ну.

— Онъ теперь долженъ скоро очнуться, и видъ крови можетъ испугать его.

Сами для себя онѣ не существовали.

— Я приду, — сказала я; — можетъ быть, и я могу чѣмъ-нибудь послужить вамъ.

— Да, приходите, мы всѣ очень устали. А теперь ужъ самое страшное прошло,—сказала Оленька, одобрительно кивнувъ головою, и побѣжала къ своему дѣлу.

Окончивъ раздачу, я пошла въ операціонную.

Когда я вошла, меня обдало запахомъ гноя и хлороформа,—казалось, въ этомъ воздухѣ нельзя было дышать и нѣсколькихъ минутъ. А онѣ уже находились тутъ около трехъ часовъ и дурно имъ не дѣлалось,—объ обморокахъ, истерикахъ или тому подобныхъ бабьихъ слабостяхъ—не было и помину.

Мученикъ, который лежалъ на столѣ, весь въ крови, съ растерзаннымъ тѣломъ, поглощалъ всѣ ихъ помыслы, все ихъ вниманіе.

Надо, однако, прибавить, что на нихъ лица не было,—онѣ были не только блѣдныя, но зеленыя.

Выраженіе напряженности и крѣпкаго утомленія, не столько физическаго, сколько нравственнаго, было на ихъ лицахъ; онѣ изстрадались за своего страдальца. Замѣтно было, что въ дѣло шелъ послѣдній запасъ силъ.

Но онѣ сами этого не замѣчали. Пережитыя минуты были слишкомъ серьезны.

Я приблизилась тихонько къ столу. На немъ лежалъ молодой гвардеецъ, по поясъ обнаженный. Лицо его было бѣлое, какъ полотно—ни кровинки; слегка судорожно двигались мускулы.

Вокругъ стола стояли операторъ и три сестры: Ольга А. К—а, княжна О. Г—на и сестра моя.

Ольгины тонкіе, красивые пальцы, покрытые густымъ слоемъ запекшейся крови, придерживали висящія лохмотья живого мяса и помогали доктору подбирать ихъ и прилаживать для зашивки. Операторъ соединялъ эти лохмотья и стягивалъ ниткой.

Каждый уколъ иглы заставлялъ больного вздрагивать и вскрикивать.

Наконецъ и это дѣйствіе было кончено.

— Отнимайте хлороформъ! — приказалъ операторъ, разгибаясь и откидывая голову. Со лба его по вискамъ струились капли пота. Онъ былъ измученъ. Онъ отошелъ въ сторону, чтобы вымыть руки и освѣжить голову.

— Уфъ, уфъ!—нѣсколько разъ съ разстановкой вырвалось у него.

Затѣмъ настало глубокое молчаніе. Больной долженъ былъ скоро очнуться.

Ольга К—ва не тронулась съ мѣста. Она обѣими руками поддерживала изрѣзанную руку, изъ которой только-что выпилили часть кости. Эта верхняя часть представляла видъ окровавленной выжатой тряпки,—такъ она съёжилась и такая въ ней чувствовалась безжизненность и безпомощность.

Но вотъ онъ шевельнулся, сдѣлалъ слабое усиліе передвинуться и опять застоналъ.

— Охъ, Господи, Господи!—со стономъ вырывалось у больного.

Глаза всѣхъ были устремлены на лицо больного.

Вотъ дрогнули вѣки и медленно стали приподниматься, но, отяжелѣвшія, опять закрылись. Онъ снова сдѣлалъ усиліе и открылъ глаза,—еще не живые, помутившіеся, ничего не выражающіе глаза.

Прошло еще нѣсколько секундъ. Глаза его стали поворачиваться къ свѣту; онъ сталъ осматриваться, еще не имѣя силы понять, что съ нимъ было, откуда эта боль,—и гдѣ онъ находится.

Онъ съ усиліемъ соображалъ.

— Положите ему компрессъ на голову, это его освѣжитъ, —сказалъ операторъ, слѣдившій за каждымъ его движеніемъ.

Онъ подошелъ къ столу.

— Ну что, молодецъ, долго мы тебя промучили? — спросилъ онъ.

— Не могу знать, ваше высокоблагородіе,—еще въ полуопьяненіи, отвѣчалъ больной. И повернувшись въ его сторону, онъ увидѣлъ Ольгу.

— И сестрица тутъ, — проговорилъ онъ, и помертвѣлыя черты его лица оживились.

— Тутъ много сестрицъ около тебя,—всѣ сестрицы сегодня къ тебѣ сошлись.

— Охъ, охъ, охъ!—протяжно застоналъ больной, сдѣлавши неловкое движеніе, потревожившее его искалѣченную руку.—Охъ, Господи, больно-то какъ!

— Знаю, знаю, ужъ ты мнѣ не разсказывай, а я тебѣ скажу, что теперь тебѣ все меньше и меньше будетъ больно.

— Приподняться бы мнѣ,—пріободряясь, сказалъ онъ, — да силъ-то нѣтъ.

— Приподнимите его осторожно!—сказалъ операторъ.—Сейчасъ будемъ тебѣ руку въ люльку укладывать; смотри, какая ей мягкая постель приготовлена.

На столѣ лежала большая ручная шина, уложенная толстымъ пушистымъ слоемъ ваты.

Сестры подвели ему за спину руки и тихонько стали приподнимать его. Ольга придерживала на вѣсу перепиленную руку.

Всѣ слѣдили за малѣйшимъ его движеніемъ, за каждымъ оттѣнкомъ его лица.

— А мнѣ бы покурить папиросочку, ваше высокоблагородіе, —слабо, потерявъ послѣднія силы при усиліи подняться, сказалъ онъ.

У насъ подъ руками папиросъ не было. У одного изъ служителей въ карманѣ оказалась папироска; онъ предложилъ ее больному, несмѣло, съ благоговѣніемъ

— Извольте, у меня есть одна.

Они совсѣмъ мѣняютъ свои отношенія къ тѣмъ больнымъ, которые выносятъ операціи и которыми дорожатъ сестры, обращающіяся въ полныхъ слугъ больного.

— Закури и подай ему!—сказалъ врачъ.

— Ты смотри, огнемъ-то мнѣ въ ротъ не сунь! — сказалъ больной, и свойственная ему тонкая улыбка заиграла на губахъ и освѣтила его блѣдное, какъ холстъ, лицо.

Точно солнечнымъ лучомъ освѣтилась вся палата отъ этой первой улыбки страдальца, отъ котораго въ теченіе трехъ томительныхъ часовъ только и слышали, что раздирающіе стоны и вопли. Эта улыбка такъ и отразилась на лицахъ сестеръ.

Всѣмъ стало весело, всѣ ободрились.

Изнуренное, измученное выраженіе исчезло съ лицъ.

Эта улыбка заставила забыть и утомленіе, и вынесенные мучительные труды.

Ему подали папироску; онъ потянулъ дымъ.

— Вонючая,— сказалъ онъ, отворачиваясь:—ну тебя съ ней!

Принесли другихъ. И операторъ принялся укладывать и приспосабливать руку въ шину. Опять послышались крики.

Я отправилась въ то отдѣленіе, куда должны были перенести больного, приготовить постель и все, что̀ понадобится.

Долгое время мучился онъ и послѣ; еще не разъ пришлось открывать рану и вставлять дренажъ, вынимать раздробленные остатки костей. Наконецъ кость начала наполняться, она стала ощутительна. Въ апрѣлѣ его отправили въ Петербургъ. Мы нашли его въ Петербургѣ, послѣ нашего переѣзда, въ отдѣленіи въ Алекс.-Невской лаврѣ, въ госпиталѣ, устроенномъ великой княгиней Александрой Іосифовной.

Въ отдѣленіи сестры моей былъ латышъ, больной ногами. Врачи не могли въ точности опредѣлить этой болѣзни—постепеннаго онѣмѣнія конечностей. Но съ каждой недѣлей эта постепенная парализація усиливалась, ноги окончательно отказывались служить и отнялись. Но латышъ вѣрилъ, что онъ еще можетъ поправиться, и одобрительно, любовно смотрѣлъ каждый разъ на доктора, осматривающаго и прописывающаго одну мазь за другою. Лечился онъ съ большимъ стараніемъ,—ему, видимо, такъ хотѣлось поправиться. Это былъ одинъ изъ тѣхъ скромныхъ, незамѣтныхъ больныхъ, которые ни на что не жалуются, ничего не требуютъ, да и смотря на его добродушное, полное лицо и не разгадаешь, сколько горя, какое безъисходное положеніе камнемъ давитъ ему душу.

Сестра моя уже раньше замѣтила его и говорила мнѣ, что она еще никогда не слыхала такихъ вздоховъ, такихъ глубокихъ, не въ подъемъ тяжелыхъ вздоховъ, какъ вздохи этого латыша. Такъ онъ ни на что не жалуется, и лицо у него какъ будто постоянно улыбающееся и довольное, а потомъ задумается и вздохнетъ, и такъ вздохнетъ—точно въ это время все его безъисходное горе всплываетъ и поворачивается у него на душѣ.

Она стала разспрашивать его о его обстоятельствахъ. Его добродушное широкое латышское лицо все засвѣтилось ласковой, благодарной улыбкой.

Онъ показалъ на ноги. Ему, пожалуй, долго нельзя будетъ работать, „а дома дѣтки есть, надо ихъ кормить, обдѣвать и оббувать“; и когда онъ это скажетъ—лицо его померкнетъ, станетъ озабоченно, и онъ вздохнетъ, и вотъ въ этомъ-то вздохѣ и

кроется вся его забота; это такой душевный, потрясающій вздохъ, что, кажется, не одолѣть ему своего горя, никогда не сбыть съ сердца, никогда не найти ему изъ него исхода.

Мало-по-малу онъ разсказалъ всю свою исторію. Разсказъ его простъ и крайне прозаиченъ; по его полу-латышской рѣчи трудно и поймать какую-нибудь тонкость.

Но дѣло въ томъ, что когда онъ вернется на родину, то семья его, получающая теперь хотя скудное, но все же даровое пропитаніе, съ его возвращеніемъ лишится и этого. Земли у нихъ нѣтъ,—а какой же дуракъ возьметъ его, калѣку, въ фермеры или арендаторы. Вотъ эта забота и грызетъ его. Ноги все дѣлаются безпомощнѣе и безпомощнѣе, и онъ вернется домой не какъ опора и кормитель, а какъ бремя, лишній ротъ: „работать не могу, а ѣсть хочется“,—покачивая неодобрительно головою, со вздохомъ говоритъ онъ.

Онъ все потерялъ за Дунаемъ; осталось у него только полуистлѣвшее бѣлье, которое было на немъ,—а какъ же ему вернуться домой безъ ногъ да и безъ денегъ?—не хочется. И вотъ онъ рѣшился копить и откладывать. Каждый день за копѣйку продавалъ 1/2 булки своей, иногда и всю булку, и, такимъ образомъ, уже въ госпиталѣ сколотилъ капиталецъ въ 1 р. 35 к.,—онъ уже давно по госпиталямъ валяется.

Когда пришло извѣстіе, что черезъ нѣсколько часовъ прибудутъ турки и что всѣ русскіе покинутъ Башню, то поднялась суматоха.

Къ вечеру увезли и латыша,—какъ и большинство нашихъ людей, увезли такъ быстро, такъ безпорядочно, что мы не могли дознаться, куда ихъ везутъ и увидимъ ли мы ихъ еще разъ.

Въ Башнѣ остались только такіе, которыхъ нельзя было двинуть, да тифозные.

Мнѣ былъ порученъ присмотръ надъ оставшимися нашими, а вновь прибывшіе уже были въ вѣдѣніи другого, такъ-называемаго „Общаго Кружка“, которому мы передали наши суммы на продовольствіе.

Остальныя дамы изъ попечительницъ принялись отыскивать своихъ больныхъ по разнымъ госпиталямъ кіевскимъ. „Красный Крестъ“ и тутъ не могъ оказать никакой помощи военнымъ госпиталямъ,—тяжело больные, равно какъ и выздоравливавшіе, были разложены по мѣстнымъ военнымъ госпиталямъ.

Къ вечеру этого дня наши товарищи уже успѣли напасть на слѣдъ своихъ людей, и многихъ разыскали въ новомъ ихъ помѣщеніи.

Бѣдный латышъ отыскался тоже въ одномъ изъ лазаретовъ. Ему не становилось лучше. Послѣ его признанія, сестра моя стала собирать для него, чтобы увеличить его капиталецъ. Увидавъ въ ней участіе, латышъ сталъ смотрѣть на нее какъ на ангела-хранителя.

Еще мѣсяцъ пробылъ онъ въ госпиталѣ, но лучше ему не стало. Затѣмъ его выписали и дали полную отставку.

Да и куда же онъ годился?

Между прочимъ сестра собрала ему и дѣтское платье.

— Только какъ же ты все это повезешь,—вѣдь порядочная выйдетъ торбочка.

— Повезу, сестрица,—улыбаясь, отвѣтилъ онъ, — лишь бы было что̀ везти.

XVIII.

Обращаюсь нѣсколько назадъ.

7-го февраля, утромъ, въ Башню пріѣхалъ генералъ К. и объявилъ, что, по разнымъ соображеніямъ, для простыхъ смертныхъ недоступнымъ, Башня назначается для помѣщенія турокъ, прибывающихъ сегодня ночью въ Кіевъ, и что, на основаніи такого распоряженія, всѣ больные русскіе должны быть эвакуированы въ теченіе дня.

Распоряженіе было настолько рѣшительно, что разспрашивать о чемъ бы то ни было не было времени.

Приходилось снаряжать всѣхъ больныхъ: могущихъ двигаться —отправлять въ другіе госпитали, бездвижныхъ приказано было переносить сверху въ нижнія отдѣленія.

Къ четыремъ часамъ Башня опустѣла. Изъ нея, по широкому полю, ведущему къ городу, потянулась длинная вереница колясокъ, дрожекъ, простыхъ телѣжекъ, на которыхъ сидѣли и лежали русскіе больные и раненые. За ними ѣхали ихъ пожитки, шли служителя.

Это внезапное распоряженіе, несмотря на свою рѣшительность, осталось для насъ необъяснимымъ и неразгаданнымъ. Почему отдали именно Башню, въ которой было такъ много больныхъ, и въ которой именно въ это время такъ увеличилась общественная помощь? Все это такъ и осталось „государственною“ тайною. Многіе больные погибли вслѣдствіе этой передряги и неумѣстной перевозки. Умеръ болгаринъ, перенесенный черезъ дворъ во время сильной лихорадочной испарины; умеръ Волкотрубъ, которому все грезилось въ бреду, что черти лѣзутъ изъ

печки и не даютъ ему покою; умеръ Дѣденковъ, начинавшій было оправляться отъ диссентеріи; умерли и застудились еще многіе другіе.

На другой день, 8-го февраля, узнали, что „Общій Кружокъ", подъ предсѣдательствомъ граф. Анаст. Серг. П—ой взялъ на себя заботы о плѣнныхъ туркахъ и вступаетъ въ завѣдываніе Башней. Мы всѣ собрались у предсѣдательницы и сообщили ей о разореніи нашей Башни и наплывѣ въ нее турокъ.

Изъ протокола засѣданія 8-го февраля: „Въ виду послѣдовавшаго со стороны военнаго начальства распоряженія объ удаленіи изъ Башни русскихъ раненыхъ и больныхъ воиновъ и замѣщеніи ея плѣнными больными турками, постановлено: 1) прекратить дѣятельность дамъ-попечительницъ и назначить въ распоряженіе „Общаго Кружка" 500 руб. въ мѣсяцъ для дезинфекціи Башни и улучшенія пищи турокъ, а главнымъ образомъ временно оставшихся въ Башнѣ около 100 человѣкъ трудно-больныхъ. 2) Поручить В. Д. Х—вой (какъ представительницѣ нашего „кружка") и Ел. Д. П—вой (члену нашего „кружка" и „общаго") контроль за улучшеніемъ пищи русскихъ и турокъ въ Башнѣ и вообще за исполненіемъ обязательствъ, принятыхъ на себя членами „Общаго Кружка" по отношенію къ Башнѣ. 3) Постановлено: для улучшенія продовольствія больныхъ въ лазаретѣ мѣстнаго полка (лазаретъ этотъ находился подъ личнымъ покровительстомъ княг. Кочубей), куда нынѣ переведена большая часть больныхъ Башни, выдать 100 руб. означенному лазарету, черезъ посредство О. Л. К—ой".

14-го февраля мы получили отъ нашей предсѣдательницы приглашеніе собраться у нея вечеромъ по дѣлу.

Предсѣдательница открыла засѣданіе сообщеніемъ, что она должна оставить ненадолго Кіевъ, и потому предлагаетъ „кружку":

1) Завѣдываніе Башней предоставить членамъ „Общаго Кружка" (какъ уже было постановлено) подъ наблюденіемъ В. Д. Х—ой.

2) Продолжать считать „кружокъ" существующимъ и продолжать членскіе взносы.

Затѣмъ предсѣдательница сообщила, что концертъ г-жи Лавровской, устроенный недавно при ея содѣйствіи „въ пользу больныхъ и выздоравливающихъ воиновъ", доставилъ въ ея распоряженіе 837 р. 10 к. Означенныя деньги должны были быть раздѣлены между слабосильными командами и Башней, но, имѣя въ виду, что больныхъ въ Башнѣ продовольствуетъ уже „Общій Кружокъ на предоставленныя ему Башеннымъ Кружкомъ

средства, и что больные, оставшіеся въ Башнѣ и по нѣкоторымъ другимъ госпиталямъ, нуждаются въ теплой одеждѣ и денежныхъ пособіяхъ при выпискѣ, предсѣдательница предложила собранію: не признаетъ ли оно полезнымъ назначить слѣдующую для Башни часть вырученныхъ отъ концерта денегъ на пріобрѣтеніе теплыхъ вещей для раздачи выписывающимся изъ Башни больнымъ и раздачи денежныхъ пособій въ тѣхъ размѣрахъ, какіе установлены въ слабосильныхъ командахъ, заведенныхъ графиней [1]) Е. Л. И—ой.

Предложеніе это также принято, и предсѣдательница поручила В. Д. Х — вой, на время ея отсутствія, раздавать вещи и деньги изъ склада слабосильныхъ командъ больнымъ, выписывающимся изъ Башни, а всю сумму, вырученную отъ концерта, рѣшено причислить къ средствамъ попечительства о слабосильныхъ командахъ въ Кіевѣ.

Въ концѣ февраля прошелъ слухъ, что Башня снова будетъ занята русскими больными, что на-дняхъ ее очистятъ отъ турокъ и приступятъ къ усиленной ея дезинфекціи послѣ пребыванія въ ней такихъ гостей. Слухъ этотъ скоро подтвердился оффиціальнымъ извѣстіемъ, исходившимъ отъ военныхъ властей.

Предсѣдательница наша все еще отсутствовала, и отсутствіе ея, увы, могло затянуться на неопредѣленное время.

Но время ея предсѣдательства прошло не безслѣдно: нашъ „кружокъ“, вначалѣ считавшійся бѣднѣйшимъ изъ кружковъ, которому грозилъ разладъ и всякое неустройство, — теперь былъ признанъ самымъ могущественнымъ, образцовымъ и богатымъ. Благодаря энергіи и умѣнью нашей предсѣдательницы, средства „кружка“ очень увеличились; не вдаваясь въ философскія разсужденія о равенствѣ и правахъ человѣка, помогали тамъ, гдѣ видѣли, что помощь нужна,—понятно, обезпечивая прежде своихъ больныхъ. Всѣ члены „кружка“ составляли одну плотную силу и дѣйствовали единодушно, всегда соблюдая положенное въ основу правило: ставить дѣло выше всякихъ личныхъ соображеній и внѣ личныхъ отношеній.

Встрѣчаясь съ посторонними, мы избѣгали говорить о своей дѣятельности и держали въ строгой интимности то, что происходило во время нашихъ засѣданій въ домѣ графини И—й, и тѣ крупные вопросы, которые на нихъ обсуждались и помаленьку проводились въ другія вліятельныя сферы. Такъ, послѣ долгихъ усиленныхъ попытокъ, въ нашу пользу прошелъ вопросъ

[1]) Съ декабря ея свекоръ получилъ этотъ титулъ съ нисходящимъ потомствомъ.

объ эвакуаціи людей, особенно калѣкъ, къ мѣсту ихъ родины. Безъ шуму и треску, но настойчиво и неотступно работали мы надъ „власть имѣющими“, и незамѣтно для нихъ вводилось то, что, за нѣсколько недѣль, въ интимности „кружка“ было положено провести.

Нашъ „кружокъ“ считался гордымъ, недоступнымъ. Такимъ онъ и былъ,—и мы были горды другъ другомъ и тѣми крѣпкими отношеніями, которыя соединяли насъ.

Когда мы узнали, что Башня снова будетъ занята русскими, мы обратились съ единодушной просьбой къ глубоко уважаемой и любимой всѣми княгинѣ Аннѣ Матвѣевнѣ Г—ной, прося ее принять на себя званіе временной предсѣдательницы, и этимъ самымъ соединить снова „кружокъ“ и возобновить его дѣятельность при Башнѣ, которая, на-дняхъ, имѣетъ быть замѣщена русскими больными, прибывающими изъ Санъ-Стефано.

Княгиня склонилась на единодушное желаніе членовъ „кружка“, и 2-го марта общество наше открыло свою дѣятельность подъ ея предсѣдательствомъ.

За все время пребыванія въ Башнѣ турокъ и только малой части русскихъ, „кружокъ“ нашъ поддерживалъ сношенія съ госпиталемъ чрезъ избранныхъ изъ своей среды членовъ, обязавшихся слѣдить за дѣйствіями „Общаго Кружка“ (гр. Анаст. Серг. П—ой и Комп.).

Много усилій стоило нашей предсѣдательницѣ провести дѣло о слабосильныхъ командахъ. Тамъ, гдѣ она должна была встрѣтить не только сочувствіе, но и горячую признательность,—она сталкивалась съ упрямствомъ, враждебностью и тупостью. То, что казалось вещью совсѣмъ простою, являлось труднымъ подвигомъ,—такъ тормазили ея дѣятельность на этомъ пути военныя власти.

Боролась она долго, стараясь втолковать военнымъ властямъ и доказывая на дѣлѣ, какъ существенна та помощь, которую она вноситъ, и какъ необходима такая поддержка для изнуренныхъ, измученныхъ людей, которымъ предстоитъ еще много испытаній и впереди,—но военныя власти долго не хотѣли мириться и до конца старались дѣлать видъ, что не признаютъ нашего существованія.

Въ это время, благодаря безпристрастному взгляду и горячему участію княгини Анны Матвѣевны, помощь, дѣйствительно, была направлена туда, гдѣ она была всего нужнѣе. Стали получать теплое платье и денежныя пособія не здоровяки, отправлявъ-

шіеся въ армію, а калѣки, шедшіе на родину—негодные къ службѣ и часто негодные къ работѣ.

Пріютъ для слабосильныхъ (при Михайловскомъ монастырѣ) преобразовали.

Устроена швейная мастерская; люди заняты; работаютъ почти всѣ,—шьютъ рубахи, башлыки, шаровары, неумѣлые — торбы. Все это идетъ для раздачи выбывающимъ на мѣсто родины. Да и какъ хорошо работалось при умѣлой распорядительности княгини Анны Матвѣевны!

Такъ какъ въ этой командѣ большею частью находились совсѣмъ выздоравливающіе, то отъ нечего дѣлать да отъ хорошаго житья и скуки начало появляться на сцену винцо. Теперь все это кончилось. Былъ даже случай, что одинъ изъ новичковъ и пропадалъ цѣлыя сутки.

Фельдфебель, приставленный къ Михайловскому пріюту, пришелъ съ своимъ рапортомъ и донесъ, что не все въ порядкѣ.

— Что такое?

— Изъ вновь прибывшихъ нижнихъ чиновъ одинъ загулялъ и не ночевалъ дома (слѣдуютъ имя и фамилія).

— Молодой?

— Молодой, изъ новобранцевъ. Докторъ докладывалъ вашему превосходительству, когда вы изволили у насъ быть, объ немъ,—такой бѣлокурый, съ больной грудью.

— А докторъ какъ-разъ сказалъ, что его надо беречь, что эта грудная опухоль очень опасна.

— Точно такъ-съ.

— Такъ какъ же это?

— Не могу знать.

— Нѣтъ, этого нельзя не знать; не слѣдовало его отпускать. Гдѣ же онъ теперь?

— Спитъ, что мертвый спитъ,—совсѣмъ одурѣлъ отъ вина. Сегодня его у ограды, у калитки подняли и принесли.

Теперь ѣхать не стоило; надо было переждать, пока онъ очнется.

Передъ вечеромъ пришли сказать, что онъ на ногахъ и въ полномъ сознаніи.

Я поѣхала въ Михайловскій монастырь.

На дворѣ находилось много изъ нашихъ людей. Вечеръ былъ теплый, солнечный. Главы златоверхаго монастыря такъ и горѣли, такъ и переливались блескомъ подъ косвенными лучами вечерняго солнца. Окрестные сады начинали зеленѣть; трава ужъ поднялась и совсѣмъ позеленѣла.

Бо́льшая часть слабосильныхъ воиновъ высыпали на монастырскій дворъ и ждали, пока имъ позволятъ идти на „прешпектъ“, т.-е. на улицу, гдѣ къ Пасхѣ строятъ качели.

Я велѣла привести его къ себѣ, на дворикъ, гдѣ меня окружили наши слабосильные воины.

Сконфуженный, съ потеряннымъ, виноватымъ лицомъ, появился онъ въ дверяхъ дома, потупился и остановился.

— Подойди поближе!—сказала я.

Несмѣло, не поднимая на меня глазъ, сталъ приближаться совсѣмъ еще юный, съ раздувшимся лицомъ и заплывшими отъ сна глазами, солдатикъ.

— Ну, иди жъ! Чего ноги-то волочишь?

— Небось, теперь и самъ не радъ,—говорили товарищи.

— Что́ ты сдѣлалъ? Ты знаешь ли, что за это ты можешь подъ судъ попасть? А грѣхъ-то какой, грѣхъ-то одинъ чего сто́итъ!—и т. д., и затѣмъ, въ этомъ смыслѣ, пришлось прочитать ему длинную проповѣдь и разъяснить ему его несообразный поступокъ.

Онъ очень скоро проникся истиною того, что́ слушалъ, и лицо его изъ виновнаго и испуганнаго стало совсѣмъ несчастное, въ конецъ потерянное.

Интересно было слѣдить за выраженіями, которыя смѣнялись на этомъ впечатлительномъ, добродушномъ лицѣ.

Раскаяніе, досада на себя, сознаніе своей полной несостоятельности.

Слушая, онъ покачивалъ головою, точно дѣло шло о другомъ, нелѣпый поступокъ котораго онъ не только не одобрялъ, но даже и не вполнѣ уяснялъ себѣ, что какъ-де могъ человѣкъ дойти до такого безобразія?!

— Теперь разскажи мнѣ самъ, какъ это случилось. Разскажи всю правду, ничего не утаивая,—всю истинную правду съ начала до конца. Ну?

— Ну,—повторилъ онъ, моргая и собирая мысли, такъ что на лбу отъ напряженія заложились складки,—ну, вотъ какъ это вышло...—Онъ пріостановился.

— Ужъ ты все говори, какъ на духу, все равно,—подсказывали товарищи.

— Ну?—опять сказала я.

— Ну,—повторилъ онъ,—пошли мы, это, погулять,—тутъ, вотъ, на лужокъ, гдѣ качели строятъ.—Онъ опять остановился и взглянулъ на меня.—Вотъ, погуляли мы, это, посмотрѣли на рѣчку, на этого на князя святого; я отошелъ, да и сѣлъ на травку.

— Ну, это еще ничего, а дальше?..

— Дальше... сижу я, этакъ, одинъ въ сторонкѣ, подходитъ ко мнѣ солдатикъ, незнакомый, не изъ нашихъ здѣшнихъ,—подошелъ да этакъ и подсѣлъ ко мнѣ.

— Ну, и это еще ничего.

— Подсѣлъ да и говоритъ: „Ты,—говоритъ,—за Дунаемъ былъ?“—„Былъ“, говорю. „И подъ Плевной былъ?“—„Подъ Плевной,—говорю,—не былъ“.—„Раненый ты, что-ли, али такъ просто больной?“—„Не раненый,—говорю,—и не больной, а грудь расшиблена“.—„А! вотъ что!—говоритъ.—А давно ли въ Россею вернулся?“—„Вернулся,—говорю,—второй мѣсяцъ“.

— Что же—это правда?

— А какъ же? истинная правда. На первой недѣлѣ поста мы въ Россею пріѣхали. Я не выходилъ, лежалъ, а товарищи сказывали, что въ Россею пріѣхали.

— Ну, хорошо,—дальше.

— Дальше-то онъ мнѣ и говоритъ: „Пойдемъ,—говоритъ,—со мной въ кабакъ, я тебя угощу“.—Онъ остановился и вопросительно взглянулъ на меня. Начиналось самое критическое мѣсто его разсказа.—Мы и пошли. Сталъ онъ меня угощивать: „Выпей,—говоритъ,—рюмочку“. Я выпилъ.

Онъ остановился и перевелъ духъ.

— Ну?

— „Выпей,—говоритъ,—и другую“. Я выпилъ. А потомъ онъ мнѣ и говоритъ: „Выпей-ка и третью“. Я выпилъ. Посидѣли мы, этакъ, съ нимъ,—я и пошелъ домой. Прихожу,—а нашихъ-то ужъ угнали, и монахи калитку заперли.

— Что жъ, по твоему, какъ же—всю ночь имъ сидѣть, тебя караулить, монахамъ-то, когда, молъ, изволите пожаловать? Ишь, чего захотѣлъ! Въ девять часовъ завсегда калитку замыкаютъ. На то это и монастырь,—сказалъ фельдшеръ.

Послѣ его разсказа, я взяла его въ сторону, и мы долго еще бесѣдовали и разстались пріятелями.

Впослѣдствіи онъ сталъ однимъ изъ самыхъ усердныхъ работниковъ и выбросилъ изъ головы всѣ пустыя мысли. Онъ прожилъ у насъ болѣе мѣсяца, велъ себя примѣрно и настолько поправился, что могъ вернуться прямо въ свой полкъ.

Оказалось, что докторъ ошибся, признавъ его болѣзнь смертельной. Человѣкъ поправился и вернулся къ своему полку здоровымъ.

XIX.

Въ первыхъ числахъ марта Башню очистили отъ турокъ, дезинфецировали ее и отдали снова подъ русскихъ больныхъ.

Черезъ нѣсколько дней намъ дали знать, что въ Башню направленъ и уже приближается большой транспортъ больныхъ, прибывающихъ изъ Санъ-Стефано.

Добраться до Башни съ каждымъ днемъ становилось труднѣе. Распутица въ полной порѣ. И по шоссе ѣхать плохо, а по размякшей, немощеной дорогѣ пути и совсѣмъ нѣтъ. Рытвины, зажоры, проталины на каждомъ шагу, а на широкомъ пространствѣ вокругъ разлились и стоятъ цѣлыя озера. Въ ночь вода подмерзнетъ, а днемъ, подъ солнечными лучами, опять выступаетъ отовсюду вода.

Мы поѣхали на первый разъ всѣ вмѣстѣ.

Въ это время насъ уже оставалось немного при этомъ дѣлѣ. Многія разъѣхались, иныя удалились, да и у каждой изъ насъ за это время явились новыя обязанности, новыя хлопоты. Кто завѣдывалъ городскими лазаретами, кто управлялъ отдѣльными отраслями благотворительности. Насъ поѣхало четверо.

День выдался ясный, теплый. Въ воздухѣ слышались, проносились дуновенія весны. Мѣстами показалась земля; со всѣхъ горъ и пригорковъ торопливо и шумно бѣгутъ воды, сверкая на солнцѣ. Чувствуется пробужденіе дружное, мощное, приближается сила животворная, обновляющая,—и сколько надеждъ, сколько золотыхъ мечтаній волнуютъ воображеніе!..

Мы добрались до Башни, сдѣлавъ большой объѣздъ. Наканунѣ только прибыли больные. Ихъ—около четырехсотъ. Въ Башнѣ снова суета и оживленіе. Раненыхъ нѣтъ, но много истощенныхъ и зараженныхъ. Цѣлое отдѣленіе занято подъ цинготныхъ—мѣсто скорби и плача,—у многихъ выпадаютъ зубы, гноится и крошится иногда и вся челюсть, — операціи мучительны... Съ этою болѣзнью соединено обыкновенно самое угнетенное, мрачное настроеніе духа...

Другое отдѣленіе занято тоже зараженными...

Въ конецъ истощены многіе; иные истощены до полной апатіи, до полной деморализаціи,—такимъ уже стало все—все равно.

Не имѣя возможности работать такъ, какъ мы работали прежде, мы раздѣлили между собою обязанности и порѣшили ѣздить по двѣ каждый день по очереди, чтобы наблюдать, слѣ-

дить за сестрами и заниматься только исключительно трудными больными. Теперь и потребности другія: главнымъ образомъ питаніе, насколько можно хорошее, укрѣпляющее питаніе, къ которому надо пріучать постепенно ихъ ослабѣвшіе желудки.

Надзоръ за сестрами и, увы, строгій надзоръ, въ это время тоже сталъ необходимъ. Нѣкоторыя изъ нихъ вышли изъ предѣловъ приличія и позорили свое званіе. Одна изъ нихъ пила запоемъ, нѣкто І — ская, нашедшая себѣ покровительство и опору у попечительницы; другая, возведенная въ званіе старшей сестры, проводила время съ какимъ-то офицеромъ, — однимъ словомъ, горя и позора было достаточно, и обмана, и нерадѣнія — тоже. Лучшая изъ оставшихся сестеръ лежала въ больницѣ въ тифѣ...

Въ одинъ изъ дней моего дежурства я обходила палаты. И вижу я въ отдѣленіи внутреннихъ болѣзней — лежитъ на койкѣ совсѣмъ молодой солдатъ. Широко-раскрытыми, почти дѣтскими глазами слѣдитъ онъ за всѣмъ, что происходитъ вокругъ него. По заострившимся и осунувшимся чертамъ лица, по пепельно-синеватому цвѣту кожи, по общей изможденности и худобѣ не трудно опредѣлить, какого рода болѣзнь заѣдаетъ его.

Я подошла, остановилась и стала всматриваться. Глаза его то вспыхиваютъ и нѣкоторое время блестятъ напряженно-горячечнымъ огнемъ, то вдругъ совсѣмъ меркнутъ, отъ слабости закатываются наверхъ, и изъ-подъ полуоткрытыхъ вѣкъ страшно смотрятъ одни бѣлки. Я стала разспрашивать о немъ фельдшера. Въ этомъ отдѣленіи былъ хорошій фельдшеръ. Больной этотъ былъ изъ самыхъ трудныхъ, привезенныхъ недавно; докторъ прописалъ что-то, но въ выздоровленіи его сомнѣвался.

Я подошла къ больному. Его звали: Дмитріевъ, ему былъ всего двадцать-третій годъ отъ роду. Онъ постоянно лежалъ въ одномъ положеніи, и хотя часто уставалъ, и всѣ торчащія наружу, заострившіяся кости и устали, и наболѣли, но ему не откуда было достать силъ, чтобы повернуться.

Я побыла около него, поговорила съ нимъ, стараясь пріободрить его... Онъ слушалъ внимательно и ласково смотрѣлъ на меня.

Въ его выраженіи было что-то такое милое, безпомощное, жалкое...

Я опять подошла къ фельдшеру.

— Вѣдь докторъ еще не вполнѣ отчаялся?—спросила я.— Кто знаетъ,—у насъ были такіе трудные больные... Правда, что

этотъ—диссентерикъ, но онъ такой молодой; если употребить всѣ средства... Завтра я пріѣду, чтобы застать доктора.

Докторъ и самъ былъ заинтересованъ этимъ больнымъ и желалъ сдѣлать для него, что могъ. Такъ какъ нуженъ былъ тщательный уходъ, а фельдшеръ не поспѣвалъ, то къ этому больному приставлена была еще женщина изъ госпитальныхъ сидѣлокъ.

Черезъ нѣсколько дней ему стало лучше,—понось пріостановился, явился позывъ на пищу.

— Ты еще поживешь, Дмитріевъ, Богъ не безъ милости,—бывало, скажешь ему,—докторъ доволенъ тобою,—сказалъ: „лучше Дмитріеву". Молодымъ, хорошимъ людямъ надо жить.

Его изнуренное лицо оживаетъ при этихъ словахъ и освѣщается ласковымъ, любящимъ выраженіемъ. Ему, видимо, и самому хочется пожить.

— Ужъ и не знаю, сестрица,—своимъ слабымъ голосомъ тихо говоритъ онъ, — нутро-то у меня ужъ очень ослабѣло... точно его и нѣтъ совсѣмъ...—послѣ каждой фразы онъ останавливается, чтобы перевести дыханіе и отдохнуть.—Иной разъ лежу—и самъ себя не слышу. Да и кашель замучилъ... бьетъ, бьетъ, даже всю душеньку отшибетъ... Кабы сила была, я бы хоть посидѣлъ, а то силъ-то нѣтъ, ни приподняться, ни повернуться...

— Принимаешь ли ты лекарство, какъ докторъ велѣлъ?—и вотъ онъ тебѣ тутъ прописалъ укрѣпляющее питьё.

— Онъ аккуратно принимаетъ, — отвѣчаетъ вмѣсто него фельдшеръ,—онъ такой старательный больной,—а ужъ смирный, смирный, точно его и нѣтъ совсѣмъ.

Больной одобрительно и съ удовольствіемъ выслушиваетъ слова фельдшера.

— Помирать-то еще что-то не хочется,—съ дѣтской улыбкой и съ неувѣренностью не то говоритъ, не то спрашиваетъ онъ.—Хоть бы домой добраться. Дома-то у меня мать осталась да двое сиротъ,—братъ да сестренка, оба малолѣтки. Мать-то, какъ услыхала про замиренье,—небойсь, дожидается. Ей одной-то не справиться, и куда ей,—она у насъ хворая такая... Такъ вотъ ужъ и не знаю, какъ оно...

Онъ вопросительно смотритъ на меня.

— Они тамъ-то сказывали,—послѣ молчанія снова говоритъ онъ,—что какъ только замиренье выйдетъ,—полное это замиренье, значитъ, такъ насъ будутъ домой отпущать?

— И, конечно, будутъ отпускать,—подтвердила я.

— Да только ужъ навряд ли замиренье скоро выйдетъ,—

говоритъ фельдшеръ, читающій газеты и разсуждающій о политикѣ:—англичане что-то опять подымаются. Коварный народъ,—на войну, небойсь, нейдетъ, а ехидства своего подпускаетъ!

Больной слушаетъ и тихо вздыхаетъ.

— Ничего, милый, ты этимъ не тревожься, это тебя не касается, — ты только поправься, мы тебѣ и безъ замиренья отпускъ домой выхлопочемъ.

— Да то-то ужъ не знаю... плохая чтой-то поправка-то моя.

— Богъ дастъ—встанешь, ты еще молодой человѣкъ, и силы придутъ.

И самъ ужъ вѣришь въ возможность этой поправки, и привязываешься къ малѣйшей надеждѣ, чтобы вполнѣ вѣрить, что она возможна.

Такъ прошло еще нѣсколько дней. Ему стало опять хуже,—появилось еще усложненіе въ болѣзни. Докторъ перемѣнилъ лекарство, но, казалось, не отчаявался.

— Ну что, Куперманъ,—что сказалъ докторъ сегодня?

— Сказалъ, что плохо,—тихо отвѣчаетъ фельдшеръ,—а все велѣлъ продолжать то же лекарство.

— Ну, мало ли что онъ сказалъ, доктора какъ часто ошибаются... Я приглашу доктора К. Надо все, все сдѣлать,—ахъ, Куперманъ, кабы намъ выходить его!..

Фельдшеръ пожимаетъ плечами и смотритъ на лежащаго неподалеку умирающаго молодого человѣка.

— Ужъ не знаю,—очень ужъ плохъ,—главное, изнуренъ очень. Сегодня утромъ я пришелъ, онъ спалъ, глаза-то закатились, одни бѣлки видны,—лежитъ недвижимъ,—я думалъ—онъ померъ. Подошелъ, сталъ его трогать, онъ и очнулся опять. А поправиться-то ему очень хочется,—такъ онъ старательно всѣ лекарства принимаетъ.

Больной проснулся и смотритъ теперь въ нашу сторону. Онъ понимаетъ, что разговоръ идетъ о немъ, и что въ этомъ разговорѣ онъ узналъ бы всю правду о себѣ.

— Здравствуй, Дмитріевъ, — подхожу я къ нему.—Вотъ я тебѣ подушечку привезла, помягче лежать будетъ.

Онъ ласково улыбается въ отвѣтъ.

— Докторъ говоритъ, что животу твоему лучше, а что надо теперь кашлю помочь. Завтра я привезу тебѣ питьецо, которое кашель облегчитъ.

— Ну и спасибо, сестрица; а теперь-то у насъ побудете?..

— Побуду,—посижу возлѣ тебя, компрессъ смѣню, натру тебя,—хочешь?

— А какъ же не хотѣть, хочу.... вы меньше за кости задѣваете...

Когда я стала уѣзжать и прощаться съ нимъ, онъ слабымъ, едва внятнымъ голосомъ сказалъ:

— Завтра-то ужъ я буду васъ ожидать!

Я уѣхала.

„Буду ожидать"! Да и что же у него есть теперь, что у него осталось отъ всей жизни, кромѣ этого ожиданія? Лежитъ недвижный и безпомощный, время отъ времени забываясь тяжелымъ сномъ, сквозь который ему мерещатся всѣ ужасы, всѣ страсти, которыя онъ видѣлъ, — и еще больше ноютъ всѣ наболѣвшія мѣста.

Усталъ онъ, въ конецъ усталъ, — „даже ужъ и дыхать-то трудно",—жалуется онъ.

Вокругъ него все чужіе,—каждый занятъ собою, своей болью, своей нуждою. Онъ знаетъ, что вокругъ него стоитъ смрадъ, и что всѣмъ онъ въ тягость.

Ночью кашель принимается его бить, и будитъ сосѣдей. Который и смолчитъ, а который и ропщетъ, что спать не даетъ... Имъ и жалко его, а со сна все-же и досадно... и они устали, и они тоже надорваны и измучены. Имъ нуженъ отдыхъ и забвеніе,—а тутъ будитъ этотъ раздирающій душу кашель со стономъ.

— Вотъ мы ропщемъ на него,—говорилъ мнѣ его сосѣдъ,—что кашлемъ спать намъ не даетъ,—а какъ вздумаешь—ему-то самому каково!..

Да и нельзя о немъ не вздумать.

— Ужъ до того добьетъ кашель,—говоритъ онъ своимъ тихимъ, ласковымъ голосомъ, — что ни одного мѣстечка цѣленькаго не оставитъ...—А когда уймется кашель и онъ, весь разбитый, старается отдохнуть и забыться,—ему начинаетъ представляться его деревня, домъ, сосѣди, мать,—точно онъ опять видитъ ее и слышитъ, какъ она воетъ и надрывается, когда его сдавали въ солдаты, сажали на телѣжку и повезли въ городъ. Какъ они тамъ справляются безъ работника,—пожалуй и землю отдать придется... И кажется ему, что еслибы его теперь, сейчасъ же отпустили домой, онъ бы успѣлъ еще добраться до дому и тамъ скорѣе бы поправился... А если ужъ такая ему судьба, то померъ бы хоть дома,—и похоронили бы его какъ слѣдуетъ, на своемъ погостѣ, и помянули бы... Здѣсь онъ для всѣхъ чужой, и лежитъ такой беззащитный, убогій...

— Охъ, Господи! Господи!—вырывается тихій стонъ изъ его груди...

И страшно,ему, страшно и смутно на душѣ,—страшно отъ приближающейся смерти, страшно отъ полнаго одиночества среди тишины и темноты ночной.. Такое нашло на него смущеніе. И отчего это все съ нимъ приключилося?.. Еще году не прошло съ тѣхъ поръ, какъ жизнь его измѣнилась, съ тѣхъ поръ, какъ его забрали и увезли,—а кажется, ужъ сколько времени прошло съ того дня... Среди этихъ безотрадныхъ, холодныхъ думъ, онъ вспоминаетъ о сестрицѣ, объ ея обѣщаніи помочь ему, хлопотать объ его отправкѣ домой, и это единственный свѣтлый лучъ, который озаряетъ, проникаетъ въ его душу. Онъ чувствуетъ, что только имъ, этимъ „сестрицамъ“, онъ близкій человѣкъ, душа живая, и ждетъ не дождется, когда эта сестрица придетъ къ нему... А ночь еще стоитъ черная на дворѣ, лампа подъ потолкомъ давно потухла... а сонъ все его не беретъ... Кости ноютъ, вздохи занимаютъ... И только онъ закроетъ глаза, ему лѣзутъ всякія страсти въ голову,—и представляется ему сраженіе,—вся сумятица, вся дикость, весь ужасъ битвы,—и слышатся вокругъ вопли и стоны... Онъ просыпается, старается опомниться...

Подъ утро дремота одолѣваетъ его, и онъ опять забывается. И вотъ онъ видитъ въ полумракѣ, будто что-то входитъ въ палату и медленно подходитъ все ближе и ближе,—вотъ подошло и наклонилося... Кровь стынетъ въ его жилахъ; онъ чувствуетъ, какъ леденѣетъ его тѣло, въ глазахъ совсѣмъ помутилось... Это „она“,—„она“ пришла за нимъ...

Онъ силится приподняться; худыми, омертвѣлыми пальцами онъ хватается за одѣяло; онъ напрягаетъ мысль, чтобы вспомнить молитву, и что-то лепечутъ его посинѣвшія губы. Но вотъ „она“ отшатнулась отъ него и прикоснулась къ его ногамъ...

Онъ потерялъ сознаніе...

Долго ли, коротко ли онъ такъ лежалъ,—никто сказать не можетъ, ни онъ самъ. Когда онъ очнулся и понялъ, что онъ еще живъ, онъ трижды перекрестился и открылъ глаза... Свѣтъ брезжитъ сквозь окно, вокругъ сосѣди спятъ, все тихо и служителей еще не слыхать... онъ одинъ не спитъ. Теперь ужъ ему нечего спать, теперь ужъ недолго ждать... пока „она“ ноги отняла,—онъ чувствуетъ на нихъ ея холодное, мертвящее прикосновеніе,—а теперь придетъ за душою его... „Господи, помилуй! Господи, помилуй!“—мысленно твердитъ онъ. И онъ старается больше ни о чемъ не думать, ничего не вспоминать, и къ чему теперь: знаетъ, что все кончено...

Утромъ, когда я пріѣхала, то нашла его въ сильномъ возбужденіи; онъ весь горѣлъ, глаза блестѣли и съ безпокойствомъ

и страхомъ озирались вокругъ; однѣ ноги были ледяныя и посинѣли; онъ едва внятно, отяжелѣвшимъ языкомъ пытался разсказать мнѣ, что было съ нимъ ночью, что ночью смерть приходила къ нему...

Его натерли горячимъ спиртомъ, обложили грѣлками, растирали ноги. Докторъ далъ успокоительныхъ, утоляющихъ капель... Ему стало полегче. День прошелъ; я сидѣла около него, и нѣсколько разъ мнѣ казалось, что пришли послѣднія минуты, что искра жизни угасаетъ... но онъ сдѣлаетъ усиліе, очнется, откроетъ глаза, поворачиваетъ ихъ въ мою сторону и останавливаетъ ихъ на мнѣ... И этотъ взглядъ, ласковый, просящій взглядъ умирающаго долго нельзя будетъ забыть, точно онъ глубоко, глубоко заложилъ его вамъ въ душу...

На слѣдующій день, взойдя въ палату, гдѣ онъ лежалъ, я нашла мѣсто его пустымъ; койка его была вынесена.

— Гдѣ Дмитріевъ?—порывисто и необдуманно спросила я фельдшера.

— Кончился сегодня въ ночь,—я безъ васъ не велѣлъ его уносить въ часовню,—онъ тутъ стоитъ на лѣстницѣ...—Говоря это, фельдшеръ избѣгалъ смотрѣть на меня, и ему было жалко, и онъ привязался къ этому „старательному больному“.

А весна все болѣе и болѣе входила въ свои права,—въ воздухѣ раздавались весеннія птичьи пѣсни и возгласы, земля зеленѣла, и вокругъ разливались струи новой, молодой жизни..

XX.

Въ началѣ мая нашихъ больныхъ перевели въ лагерь—позади Башни, внѣ фортификацій, въ открытое поле. Палатки продувались насквозь чистымъ, душистымъ воздухомъ, солнце пригрѣвало; больные стали быстро оправляться, несмотря на многія неудобства лагерной жизни и на холодъ, наступившій вскорѣ послѣ перехода людей въ лагерь. Эпидемическія болѣзни совершенно прекратились.

Мнѣ рѣдко приходилось бывать въ лагерѣ, такъ какъ на мнѣ одной въ то время лежала обязанность и отвѣтственность раздачи пособій изъ денегъ, присылаемыхъ государыней на слабосильныхъ воиновъ. Однажды утромъ за мной заѣхала одна изъ моихъ сотрудницъ, кн. Ольга Д. Г — на, и просила ѣхать съ нею въ лагерь, а оттуда проѣхать въ бараки слабосильной команды, — центръ моей дѣятельности. Утро было нежаркое, свѣжій вѣтеръ продувалъ, солнце грѣло, все вокругъ распуска-

лось и зацвѣтало, и я рада была случаю выѣхать за городъ. Мы поѣхали. Въ Башнѣ мы должны были найти мою сестру и Ольгу К—ву. Однако, ихъ не оказалось въ Башнѣ и мы направились черезъ редуты и земляныя фортификаціи въ лагерь,—приказавъ экипажу ѣхать окружной дорогой. Эти фортификаціи давно уже не имѣютъ никакого стратегическаго значенія и потеряли свой угрожающій видъ. Пушекъ нѣтъ, часовыхъ тоже нигдѣ не встрѣчаешь; по нимъ въ разныхъ направленіяхъ протоптаны тропинки, и по праздничнымъ днямъ гуляютъ печерскіе пригородные жители. На этотъ разъ, такъ какъ мы шли цѣлымъ лабиринтомъ насыпей, мы взяли съ собою провожатаго изъ госпитальныхъ служителей.

Когда мы поднялись на валъ, передъ нами раскинулся широкій видъ: на первомъ планѣ, среди зеленаго поля, пестрѣлъ лагерь съ своими бѣлыми палатками и мелкими деревянными строеніями; за лагеремъ—луга, а вдали—синій Днѣпръ, разливая свои обильныя воды на множество рукавовъ. По ту сторону Днѣпра широко раскинулось заднѣпровье и темные лѣса—до самаго горизонта.

Чуднымъ раздольемъ пахну́ло на насъ, когда мы взошли на высоту; вольный вѣтеръ приносилъ отовсюду запахи зацвѣтающихъ травъ и молодой, пахучей листвы...

Мы снова должны были спуститься внизъ, пройти между двумя насыпями, обогнуть длинный выступъ, пройти сквозь земляныя ворота. Выйдя изъ воротъ, мы очутились передъ послѣднимъ валомъ, за которымъ начинался лагерь.

— Вотъ они!—сказали мы, увидавъ нашихъ.

На самомъ хребтѣ вала, обернувшись къ намъ спиною, сидѣли знакомыя намъ фигуры сестры моей и Ольги К—ой. Онѣ рисовали. Около нихъ, подобравши подъ себя ноги, въ офицерскомъ халатѣ, съ феской на головѣ, сидѣлъ... мы не совсѣмъ вѣрили своимъ глазамъ... турокъ,—да, настоящій турокъ,—феска выдавала его. Онъ сидѣлъ подлѣ нихъ и держалъ зонтикъ, защищая ихъ и ихъ альбомы отъ полуденнаго солнца.

— Voyez un peu ce Turc! — съ невольнымъ испугомъ сказала я моей спутницѣ.

Мы пріостановились.

— Oui, c'est un Turc,—подтвердила О. Г—а.

Рисующія и ихъ собесѣдникъ, услыхавъ наши голоса, обернулись въ нашу сторону.

— Montez donc!—закричала сверху Ольга К—а: — est-ce que notre compagnon vous fait peur?

— Mais c'est un Turc!

— Тюркъ, тюркъ! — заговорила вдругъ фигура, сидящая подлѣ нихъ, передразнивая мой голосъ:—не тюркъ—арабъ.

Мы взбѣжали на верхъ.

Арабъ не двигался. Онъ былъ проникнутъ своей обязанностью и внимательно слѣдилъ за падающею отъ зонтика тѣнью.

— C'est un capitaine de l'armée turque, un très galant homme, civilisé à sa manière et susceptible des moindres attentions,—объясняла О. К—а. — Tendez lui la main. — Ихъ, видимо, забавляло это оригинальное сообщество.—Il comprend le russe et le parle,—donc, faites attention.

Мы помѣстились около нихъ. Онѣ рисовали общій видъ лагеря и широкую равнину за нимъ, окаймленную вдали вѣковыми лѣсами Китаевской пустыни. Налѣво отъ насъ, на крутыхъ берегахъ Днѣпра, возвышалась стройная лаврская колокольня и блестѣли, играя на солнцѣ, многочисленныя златоверхія маковки церквей монастырскихъ.

Мы находились на разстояніи шаговъ двухсотъ отъ лагеря. Можно было различать лица людей, и мы обмѣнивались поклонами съ знакомыми.

Вскорѣ завязался разговоръ. Мы замѣтили арабу, что это очень любезно съ его стороны такъ защищать сестеръ отъ солнца,—что весеннее солнце очень опасно.

Онъ понялъ это въ томъ смыслѣ, что это опасно для цвѣта лица.

— Изъ бѣлыхъ будутъ черныя, — и онъ указалъ на себя: какъ онъ—смуглыя.—И руки черныя,—сказалъ онъ.

Мы отвѣчали, что это не большая бѣда, но что голова можетъ очень заболѣть, а что руки—ничего.

— Ничего?!—повторилъ онъ и удивленно кивнулъ головою: —да,—онъ понялъ,—и правда, когда мужъ любитъ бѣленькія,—полюбитъ и черненькія,—и онъ улыбнулся своей яркой улыбкой, освѣтившей все лицо.

— Да онѣ не замужемъ, капитанъ.

— А!—барышни?—съ удивленіемъ сказалъ онъ и указалъ на кольца на пальцахъ Ольги.

Мы ему объяснили, что барышни носятъ кольца, а что послѣ замужества надѣваютъ простое золотое кольцо.

Я показала ему.

Ему этотъ обычай не нравился.

Онъ находилъ, что мужъ долженъ дарить женѣ кольца съ камнями, самыми блестящими, самыми дорогими,—„много дорогихъ камней и ожерелій, и колецъ долженъ мужъ дать женѣ,—тогда жена мужа любитъ“,—прибавилъ онъ.

Мы стали его разспрашивать о его семьѣ. Онъ былъ женатъ и описывалъ свою жену съ любовью, но какъ вещь, — красивую, дорогую вещь,—украшеніе его дома.

— Одна у васъ жена?

— Одна и всегда одна, и прежде, и послѣ, и другой не будетъ. Двѣ, три—не хорошо: говорятъ, говорятъ, бранятъ, кричатъ,—война дома; бѣдный мужъ миру не имѣетъ, а дома миръ надо,—покой—хорошо.

Затѣмъ онъ сталъ разсказывать своей цвѣтистой, отрывочной, но выразительной рѣчью о тѣхъ сокровищахъ и драгоцѣнностяхъ, которыя имѣетъ его жена, о тѣхъ богатыхъ одеждахъ и украшеніяхъ, въ которыя она одѣвается. Чѣмъ-то сказочнымъ вѣяло отъ этого разсказа.

Мы спросили, общій ли это обычай у арабовъ имѣть одну жену, или онъ лично дошелъ до такого сознанія?

Онъ увѣрялъ, что—общій, что это у турокъ только гаремы и жизнь противная.

— А турокъ—не арабъ,—и онъ значительно закачалъ головою, желая дать понять, что разстояніе между турками и арабами огромное. — Арабъ—не турокъ (т.-е. много превосходнѣе). Арабы турки не любятъ,—турки прежде враги. Арабы подкарауливаютъ турку въ ночное время на одинокихъ дорогахъ, въ дикихъ мѣстахъ. Арабъ сидитъ (т.-е. въ засадѣ). Турка идетъ въ Мекку—арабъ ружье,—пафъ!—турка упалъ.

Глаза капитана заискрились. Ясно было, что и онъ когда-то съ упоеніемъ занимался такой охотой.

Мы его спросили, отчего же онъ попалъ на турецкую службу и воевалъ противъ насъ. Онъ отвѣчалъ,—но или мы не поняли хорошенько, или онъ не хотѣлъ выяснить тѣхъ побужденій, которыя заставили его стать въ ряды турецкихъ войскъ.

Онъ тоже радовался, что миръ насталъ. Теперь онъ живетъ надеждою, и спитъ и видитъ, что его скоро отпустятъ домой, на далекую родину. Его взглядъ устремился вдаль.

Томленіе, и тоска, и страстный порывъ выразились въ его глубокихъ глазахъ.

— А вамъ не хорошо здѣсь?—спросила Ольга:—холодно, сыро въ лагерѣ?

— Нѣтъ, мнѣ хорошо,—смотри, какъ хорошо!—онъ указалъ на халатъ, на теплые чулки на ногахъ, показалъ на свою палатку въ лагерѣ и хвалилъ все.

— Такъ что вамъ здѣсь больше нравится, чѣмъ въ госпиталѣ,—больше нравится?

— Да, больше нравится,—и онъ утвердительно кивалъ головой,—а ревматизмъ мой меньше нравится,—вотъ что.

Добротою и человѣчными отношеніями русскихъ къ военноплѣннымъ онъ искренно восхищался и съ восточнымъ паѳосомъ выражалъ свои чувства.

— Русскій хорошъ, — добрый человѣкъ, дома добрый, и тамъ,—онъ указалъ вдаль, — на войнѣ добрый, и когда война, кровь, дерутся, убиваютъ,—онъ представилъ рукою рукопашный бой,—когда человѣкъ рѣжетъ человѣка, то русскій—звѣрь, турокъ—звѣрь, арабъ—звѣрь...— и онъ съ выраженіемъ презрѣнія и жалости дернулъ плечами, т.-е.—что же дѣлать?—это общечеловѣческая черта.

Онъ помолчалъ.

— Русскій всегда хорошій и человѣкъ добрый, а пьянъ русскій—собака! — вдругъ сказалъ онъ.

Мы обидѣлись.

— Нѣтъ, капитанъ, русскій никогда не бываетъ собакой,— сказали мы.

— Не бываетъ,—онъ съ этимъ соглашался,—и не бываетъ,— съ удареніемъ повторилъ онъ (т.-е. никогда не бываетъ), — а пьянъ русскій—собака.—Онъ скрестилъ руки на груди и почтительно склонилъ голову, выражая этимъ жестомъ, что онъ радъ былъ бы отказаться отъ своихъ словъ, но, по совѣсти, не можетъ. Затѣмъ онъ замахалъ рукою, что, молъ, непріятнаго разговора этого продолжать не будетъ, молчать будетъ, приложивъ палецъ къ губамъ,—но не думать такъ не можетъ...

Мы стали подниматься, чтобы идти въ лагерь. Нашъ экипажъ, обогнувъ по большой дорогѣ фортификаціи, ожидалъ насъ за лагеремъ.

Мы еще должны были съѣздить въ саперный лагерь, гдѣ помѣщалась слабосильная команда.

— Мы желаемъ вамъ поскорѣе вернуться домой,—сказали мы ему на прощанье.

— А! домой! — воскликнулъ онъ, и лицо его засвѣтилось жизнью, и взглядъ унесся съ неудержимою силою къ далекому горизонту.

Онъ благодарилъ насъ и звалъ опять рисовать, выражая, что онъ и впередъ—нашъ вѣрный слуга.

Мы уѣхали. Больше намъ не случилось видѣть его... Многія изъ насъ въ это время и сами начинали помышлять о скорѣйшемъ возвращеніи домой—на родину, на отдыхъ и поправку...

ТРИ ДОРОГИ

РОМАНЪ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ *).

I.

Закамскій богатый помѣщикъ, отецъ доктора Немировскаго, провелъ свою молодость такъ же безпутно, какъ проводили въ его время многіе закамскіе и всякіе иные помѣщики.

Причины тому отчасти лежали въ средѣ, въ воздухѣ необозримыхъ луговъ и степей, которыми такъ богата наша родная земля, — въ длинномъ ряду поколѣній, его предковъ, которые жили опять такъ же, какъ и ихъ собственные предки.

Въ то далекое отъ насъ время, каждый помѣщикъ былъ связанъ двойной веревкой и тройнымъ узломъ. Онъ былъ связанъ крѣпостнымъ правомъ—и не понималъ этого. Онъ былъ связанъ всякими регламентаціями, которыя давали широкій просторъ силѣ капитала, всякому личному произволу и всякимъ безобразіямъ.

Широкіе, „безшабашные“, кутежи, которые по наслѣдству достались обществу отъ стародавнихъ временъ матушки Екатерины Великой, перешли въ мелкія попойки и безобразія. Въ наше время, эти попойки и безобразія спустились еще ниже. Онѣ вошли въ среду мелкаго и средняго купечества, и жили и живутъ постоянно въ нашемъ крестьянствѣ.

Въ характерѣ Вадима Васильевича Немировскаго было много безпокойнаго, дѣятельнаго элемента, но приложенія для этой

---

*) См. выше: мартъ, стр. 75 и слѣд.

дѣятельности не было никакого. Здоровая, крѣпкая натура, сухощавая, мускулистая, жилистая, была какъ бы въ безустанномъ напряженіи. Въ его воображеніи постоянно возникали разные планы построекъ—одна чудовищнѣе и фантастичнѣе другой. До тѣхъ поръ, пока этотъ планъ существовалъ въ его головѣ и не осуществился на дѣлѣ, до тѣхъ поръ онъ мучился и волновался. Разбивка земли подъ постройку вносила нѣкоторое улучшеніе въ его угнетенное представленіе, а пилка и рубка бревенъ, стукъ топоровъ выводили окончательно его изъ тяжелаго состоянія.

Онъ съ наслажденіемъ готовъ былъ слушать этотъ стукъ и всю эту музыку построекъ по цѣлымъ часамъ и днямъ. Ему нравился смолистый запахъ дерева, ѣдкій запахъ шипящей негашеной извести, освѣжающій запахъ стружекъ и ихъ наваленные вороха, щепки и обрубки дерева, разбросанные по всему пространству постройки.

Это была его стихія.

Когда постройка оканчивалась, когда задуманное зданіе возводилось и было готово къ окончательной отдѣлкѣ, тогда на него нападалъ припадокъ разочарованія. Въ планѣ и фасадѣ это зданіе представлялось ему совершенно иначе. Комнаты оказывались черезчуръ низкими или, напротивъ, безобразно высокими, ихъ размѣръ былъ очень малъ или нецѣлесообразно великъ. Словомъ, мечта Вадима Васильевича не осуществлялась, и онъ опять хандрилъ, бросался безъ толку и причины на своихъ дворовыхъ и мужиковъ, безъ вины поролъ ихъ жестоко, отдавалъ въ солдаты, ссылалъ въ Сибирь, пока новая фантастическая мечта не снимала съ него это желчное разстройство. И онъ принимался за новую постройку.

Къ дому, оставленному ему его дѣдами, онъ пристраивалъ новые флигеля, или возводилъ большое зданіе для пріѣзжихъ гостей, которые очень рѣдко, впрочемъ, къ нему наѣзжали, боясь его желчныхъ выходокъ и раздражительнаго характера. Старый скотный дворъ былъ сломанъ и на мѣсто его возведена фантастическая постройка, въ которой для рогатаго скота было гораздо меньше удобствъ, чѣмъ въ старомъ зданіи. За скотнымъ дворомъ слѣдовала постройка прачешной, въ которой Вадимъ Васильевичъ хотѣлъ устроить помѣщенія для прачекъ, но помѣщенія оказались маленькими и холодными, а портомойня—громадной, и ее нельзя было натопить никакими дровами; зато всѣ помѣщенія для прачекъ напоминали маленькіе кіоски или маточныя пчелиныя ячейки.

Такія же неудачи и разочарованія постигли и другія по-

стройки: образцовую сыроварню, столярную, общественный складъ для мочалъ и зерносушильню.

Но, кромѣ этихъ, такъ сказать, хозяйственныхъ или экономическихъ построекъ, какъ называлъ ихъ Вадимъ Васильевичъ, имъ возводились въ саду и на дворѣ отдѣльные павильоны въ китайскомъ, англійскомъ, индійскомъ или арабскомъ вкусѣ. Эти павильоны были просто прихоть вкуса и пристрастія къ постройкамъ. Ихъ было настроено до пятнадцати или двадцати штукъ...

Садъ въ Немировкѣ былъ большой. Онъ занималъ около полуверсты, но и въ немъ выразился какой-то прихотливый и извращенный вкусъ владѣльца. Въ особенности около дома были насажены кусты и деревья, подстриженные кубами, конусами, вазами, шарами или пирамидами. Даже одно дерево было въ видѣ человѣческой фигуры.

Когда Вадиму Васильевичу пошелъ сороковой годъ, онъ въ первый разъ въ жизни отправился въ Москву и оттуда въ Нижній, на ярмарку.

На ярмаркѣ его плѣнила цыганка Маша, и съ этихъ поръ жизнь его сдѣлалась совсѣмъ извращенною.

Цыганка была, дѣйствительно, красавица. Статная, высокая, съ властнымъ взглядомъ. Вадимъ Васильевичъ увезъ ее насильно и уговорилъ обвѣнчаться съ нимъ. Но никакими средствами, ласками и подкупами онъ не могъ купить сердца красавицы. Она постоянно была холодна къ нему, и въ этомъ заключалось все несчастіе его жизни.

Хотя она, Маша, и была продана Вадиму Васильевичу таборомъ, но ея согласія на житье съ нимъ онъ не получилъ. Онъ думалъ вѣнцомъ привлечь ее къ себѣ; думалъ, что жертва его приличіями и понятіями дворянской среды тронетъ ее. Но вѣнчанье для дикой дѣвушки не имѣло никакого значенія, и она осталась для мужа такою же послѣ вѣнца, какой была и до вѣнца.

Вадимъ Васильевичъ рвалъ и металъ, сознавая свое безсиліе, сознавая, что ничто и никто не можетъ въ холодномъ свободномъ сердцѣ цыганки возбудить влеченье къ нему...

Къ этому мученью привязывалась еще ревность и усиливала его. Въ таборѣ остался молодой цыганъ, къ которому Маша была неравнодушна и который любилъ ее. Это обстоятельство усиливало цѣну Маши въ глазахъ табора, и онъ взялъ за нее съ Немировскаго пять тысячъ ассигнаціями. Для этой операціи Вадимъ Васильевичъ долженъ былъ заложить одно изъ своихъ имѣній въ симбирской губерніи.

Все это было дѣло грубаго и безчеловѣчнаго насилія, но этого не понималъ, не могъ понять Вадимъ Васильевичъ. Погибшая любовь Маши еще болѣе разъединяла ее съ нимъ и расхолаживала ихъ отношенія.

На второмъ году ея замужества, она забеременѣла, и Вадимъ Васильевичъ удвоилъ свои ухаживанія за нею. Онъ мечталъ, что любовь матери отразится и на ея любви къ нему, ея мужу. Родился сынъ Вадимъ, и чуть ли не съ первыхъ дней Маша возненавидѣла его. Ее раздражали муки и боли, которыя она перенесла изъ-за этого ребенка; раздражало его красное хмурое личико съ большими черными глазами. Оно напоминало ей ея любовь, ея далекаго красавца Петра.

„Такіе же большіе черные глаза“, — думала она. Но эти глаза были не его, Петра, а этого противнаго Вадима.

Она не хотѣла ни кормить, ни ласкать, ни даже смотрѣть на этого сына. Онъ былъ ей противенъ, ненавистенъ, и дѣтскій крикъ и плачъ его раздражалъ всѣ ея нервы.

Вадимъ Васильевичъ выбралъ ему здоровую бабу въ кормилицы, но эта баба была деревянный истуканъ, въ которомъ не вызывало никакихъ рефлексовъ никакое раздраженіе. Она ѣла, спала и двигалась совершенно автоматически.

Ребенокъ подросъ, и кормилицу смѣнила нянька, вялая, убогая старушка, тоже деревенская баба, не чувствовавшая никакой привязанности къ ребенку...

„Ровно чертенокъ!.. Прости, Господи!— думала она: — цыганское отродье“...

И мальчикъ росъ одинокій и отъ всѣхъ отчужденный, проводя почти всѣ дни на полу, въ кухнѣ, куда уносила его нянька.

Тамъ онъ игралъ съ лохматой кухонной собачонкой „Лакашкой“, дѣлился съ ней кусками, которые бросалъ ему поваръ. Тамъ онъ получалъ отъ всей дворни пинки и затрещины, и для всѣхъ онъ былъ „цыганскимъ отродьемъ“.

Однимъ словомъ, онъ воспитывался какъ дитя природы, какъ воспитываются наши крестьянскія дѣти.

У Вадима Васильевича былъ довольно большой домъ въ губернскомъ городѣ, и нерѣдко, въ особенности осенью и зимою, онъ пріѣзжалъ въ этотъ домъ; иногда онъ бралъ съ собой и жену; но она мѣшала, была пятномъ на его веселомъ настроеніи, и онъ охотно оставлялъ ее въ деревнѣ и проводилъ по нѣскольку дней, играя въ карты, пьянствуя съ пріятелями, а жена его во все это время жила одна-одинёшенька въ деревнѣ.

Жутко ей было въ большомъ пустомъ домѣ, въ зимнія долгія

ночи, когда вѣтеръ поднималъ метель въ полѣ и рвалъ и металъ, гремя ставнями. Никого въ цѣломъ домѣ не было у нея, съ кѣмъ бы она могла отвести душу, тѣмъ болѣе, что она плохо говорила по-русски.

Тоска и озлобленіе нападали на нее. Всѣ боялись или сторонились отъ нея. Она бродила одна въ глухую ночь по большимъ комнатамъ, пугая прислугу, которая давно уже дала ей кличку: „проклятая душа“.

Такъ проходили дни за днями. Прислуга давно уже убѣдилась, что съ барыней можно дѣлать, что̀ хочешь. Да и за барыню она не считала ее. Для нея она была чѣмъ-то низшимъ, презрѣннымъ, поганымъ, отъ чего нужно было чураться и открещиваться. Однимъ словомъ, она была „цыганка“.

Вадимъ Васильевичъ всегда привозилъ ей изъ города подарокъ. Она какъ будто оживала при его пріѣздѣ, но время проходило, проходили годы, и она становилась угрюмѣе, молчаливѣе. Порой на нее находили припадки угрюмаго бѣшенства.

Стали замѣчать, что такіе припадка усиливались отъ присутствія ея сына, маленькаго Вадима, или Димки, какъ звала его прислуга. Ему шелъ тогда уже шестой годъ.

Обыкновенно онъ убѣгалъ въ лѣсъ, который начинался почти вплоть за домомъ,—убѣгалъ иногда въ сопровожденіи Лакашки, но чаще совершенно одинъ, проводилъ въ немъ цѣлые дни и возвращался поздно вечеромъ.

Одинъ разъ пришелъ вечеръ, наступила ночь—Димка не вернулся. Нянька, приставленная за нимъ, немного поволновалась, но вскорѣ успокоилась и заснула.

Какъ разъ случилось, что на слѣдующій день возвратился изъ города Вадимъ Васильевичъ, и ему доложили со страхомъ и трепетомъ, что Вадимка пропалъ. Первымъ дѣломъ Вадимъ Васильевичъ счелъ отодрать няньку,—и ее жестоко высѣкли. Затѣмъ выслалъ всю свою охоту, всѣхъ псарей и псовъ искать мальчика по лѣсу. Его нашли за пять верстъ, въ ямѣ, гдѣ онъ спрятался отъ погони.

Мальчика тоже жестоко высѣкли, и Вадимъ Васильевичъ въ первый разъ въ жизни, забывая о нервныхъ припадкахъ его жены, грубо напалъ на нее съ руганью и укорами, что она не хочетъ присмотрѣть за своимъ сыномъ. Маша ничего не отвѣтила. Она только сильно поблѣднѣла и сидѣла молча.

„Точно истуканъ безчувственный!“—подумалъ Вадимъ Васильевичъ.

Вечеромъ она исчезла, и въ ту же ночь сгорѣли скирды съ

хлѣбомъ Вадима Васильевича. Отчего сгорѣли—осталось неизвѣстнымъ.

Послѣ исчезновенія Маши, Вадимъ Васильевичъ запилъ мертвую чашу. Онъ протрезвился, но не надолго. Онъ бродилъ, вездѣ искалъ себѣ мѣста, ѣздилъ даже по чужимъ краямъ—и нигдѣ не находилъ покоя...

Послѣдніе дни онъ провелъ въ своемъ углу и скончался скоропостижно, отъ удара, не успѣвъ сдѣлать никакихъ распоряженій. Сынъ его наслѣдовалъ все имѣніе его.

II.

Дѣтство и юность Вадима Немировскаго прошли въ лѣсу, такъ что онъ вполнѣ оправдывалъ мнѣніе Толкунова: онъ былъ воспитанъ въ „медвѣжьей академіи".

Сама природа указывала ему этотъ путь лѣсного дикаря, и эта природа была для него истинною матерью. Въ лѣсу прошло его дѣтство и его молодость. Опекуномъ надъ нимъ былъ назначенъ родной дядя его, по отцу: Семенъ Петровичъ Сабельскій. Человѣкъ одинокій, нелюдимый чудакъ, прямой и честный, онъ вовсе не заботился о мальчикѣ и предоставлялъ его воспитаніе самой природѣ. Но мальчикъ самъ, собственными силами дошелъ до необходимости общенія съ людьми. Семенъ Петровичъ выписалъ изъ К. и поручилъ Диму, за хорошее вознагражденіе, бывшему студенту семинаріи, а затѣмъ студенту университета, Кронидy Иванычу Медіоланскому. Студентъ съ первыхъ шаговъ сталъ въ пріятельскія отношенія съ мальчикомъ и вскорѣ сдѣлался для него необходимымъ.

Натура у Кронида Петровича была богатырская. Громадиаго роста, силачъ, атлетъ, онъ почти безъ усилія переносилъ громадныя тяжести, ударомъ кулака сбивалъ съ ногъ годоваго бычка, вдавливалъ пальцами въ доску однотесный гвоздь.

Вадимъ невольно поддавался и какъ бы заражался этой необыкновенной силой и энергіей. По цѣлымъ днямъ они ходили въ лѣсу; отыскивали норы лисицъ и барсуковъ, жили чисто растительной жизнью. Кронидъ, какъ его звала прислуга, ни на минуту не выпускалъ мальчика съ глазъ. Онъ перетаскивалъ его, какъ перышко, черезъ ручьи и болота, или вытаскивалъ его изъ топкаго болота, какъ котенка схвативъ за воротникъ парусинной куртки.

Все живое, пестрое, все, что бѣгало, скакало или летало,

все занимало, притягивало вниманіе мальчика, и все долженъ былъ называть ему Кронидъ, обо всемъ разсказывать подробно.

Когда мальчику минуло десять лѣтъ, онъ уже довольно бѣгло читалъ и читать выучился легко, почти самоучкой, потому что на первыхъ же порахъ сильно и страстно заинтересовался самымъ процессомъ чтенія.

Кронидъ приготовилъ его во второй классъ гимназіи, и Вадимъ долженъ былъ разстаться съ своимъ роднымъ лѣсомъ. Его отвезли въ губернскій городъ. Въ городѣ или, правильнѣе говоря, въ гимназіи ему все показалось дикимъ и чуждымъ.

Три дня онъ пробылъ въ гимназіи, на четвертый—сбѣжалъ. Отъ Немировки до города было болѣе ста верстъ. Онъ прошелъ ихъ въ недѣлю. Питался чернымъ хлѣбомъ, который купилъ въ городѣ, ягодами, которыя собиралъ по дорогѣ. Страшно отощалъ, но все-таки на восьмой день онъ подходилъ къ Немировкѣ. Вся прислуга выбѣжала смотрѣть на него, и всѣ дивились, какъ могъ десятилѣтній мальчикъ пройти пѣшкомъ болѣе ста верстъ.

На тринадцатомъ году онъ снова поступилъ въ гимназію. Кронидъ толковалъ ему, почему онъ долженъ былъ поступить и пройти весь гимназическій курсъ; но Вадимъ плохо понималъ его толкованія; его особенно интересовало одно: почему и отчего такъ устроенъ свѣтъ. Почему каждый стремится взлѣзть какъ можно выше всѣхъ другихъ, нахапать много денегъ и жить нахапаннымъ.

Почему учителя гимназіи учатъ его и греческому, и латинскому языкамъ?

— Да на что мнѣ эти языки? Что я съ ними буду дѣлать?— допрашивалъ онъ Кронида.

— Да ты еще молодъ... еще не понимаешь того дѣйствія, которое производятъ латинскія и въ особенности греческія формы... Поживешь, поростешь и поймешь.

Это былъ единственный пунктъ несогласія во взглядахъ ученика и учителя. Всякій разговоръ объ этомъ крайне спорномъ вопросѣ доходилъ чуть не до ссоры, такъ что Кронидъ рѣзко обрывалъ его соблазнительнымъ предложеніемъ:

— А пойдемъ въ лѣсъ.

И тотчасъ же все раздраженіе смолкало, являлось другое, мирное настроеніе. Забирались разные подходящіе инструменты, забирались коробки для насѣкомыхъ, сачки и ружья. Предметъ спора какъ-то уплывалъ вдаль и скрывался...

— Экой воздухъ здѣсь!..—восхищался Вадимъ, жадно вды-

хая смолистый, озонированный воздухъ.—Смотрите, какой тамъ паръ или туманъ!

— Это надъ болотомъ,—пояснялъ Кронидъ.

— А слушайте, слушайте! — говорилъ Вадимъ.—Слышите? Это синегрудка.

И они подкрадывались къ дереву. Вадимъ нацѣливался, стрѣлялъ и, подбѣжавъ къ убитой птичкѣ, клалъ ее въ ягдташъ, полюбовавшись еще разъ яркимъ синимъ пятномъ на ея горлѣ.

Но любимымъ ихъ мѣстомъ была лѣсная глушь. Тамъ, гдѣ столѣтнія пихты и ели стояли, какъ сѣдые великаны, тамъ, гдѣ смолистый воздухъ разливалъ вокругъ сильно пахучіе ароматы, тамъ была тишь, тамъ было какое-то угрюмое, сонное, заколдованное царство. И вдругъ, среди этой невозмутимой тишины, раздавался рѣзкій и трескучій, задирающій крикъ дятла...

Одинъ разъ, между стволами такихъ елей, тихо вырисовалась массивная фигура сохатаго. Вадимъ въ первый разъ увидалъ эту безобразную фигуру чудовища съ большой головой и громадными рогами. Осторожно, прислушиваясь ко всякому звуку и чутко обнюхивая почти каждое дерево, сохатый подходилъ къ нимъ; онъ обгладывалъ кору съ молодыхъ осинъ или общипывалъ съ вѣтвей старыхъ елей длинныя, висячія, сѣрозеленыя космы бородатаго ягеля.

Вадимъ тихо схватилъ ружье и прицѣлился.

— Не пробуй!—остановилъ его шопотомъ Кронидъ.—Его и пулей не вдругъ уложишь.

Но Вадимъ все-таки выстрѣлилъ. И тотчасъ же вслѣдъ за выстрѣломъ звѣрь отскочилъ въ сторону и мгновенно исчезъ изъ глазъ Вадима и Кронида. Только шумъ и трескъ проводили его быстрый, но тяжелый бѣгъ.

Вадиму долго послѣ этого мерещилась темно-бурая, почти черная, точно бархатная спина лося и его большіе, лапчатые или лопатообразные рога.

Въ другой разъ они натолкнулись на логово косули. Когда они были въ двадцати шагахъ отъ этого логова, то въ виду ихъ поднялась маленькая дикая козочка и кинулась въ сторону, но Вадимъ мгновенно вскинулъ свое ружье и пустилъ выстрѣлъ въ догонку. Косуля упала на одно колѣно и жалобно застонала. Кронидъ и Вадимъ со всѣхъ ногъ бросились къ ней. Она силилась приподняться, встать на ноги и не могла. Она снова упала и быстро двигала ногами, какъ будто хотѣла убѣжать. Вадимъ вынулъ изъ кармана складной ножикъ.

Кронидъ остановилъ его.

— Что ты хочешь дѣлать?—вскричалъ онъ.

— Прирѣзать ее.

— И тебѣ не жаль ее?.. Посмотри, какъ она, бѣдная, смотритъ на насъ... Какіе у нея добрые глаза... Смотри, смотри, она плачетъ... Право же, плачетъ.

— Снявши голову, по волосамъ не плачутъ,—сказалъ Вадимъ и, размахнувшись, всадилъ ножъ въ горло косулѣ и перерѣзалъ глубоко это горло.

— Какой вы... безжалостный!—сказалъ Кронидъ.

И эта безжалостность постоянно смущала и отталкивала отъ Вадима его ментора.

Онъ думалъ, что въ такіе юные годы сердце мальчика должно было быть такъ же сострадательно и сентиментально, какъ сердце юной дѣвушки.

Онъ не принималъ въ разсчетъ того, что Вадимъ выросъ одинокимъ, безъ участія матери и вообще женщины. Онъ не зналъ ласки, онъ не зналъ и состраданія. Но менторъ не подумалъ объ этомъ.

„Безсердечный мальчикъ“,—рѣшалъ Кронидъ, и удивлялся умственнымъ или, вѣрнѣе говоря, познавательнымъ способностямъ этого безсердечнаго мальчика.

Въ гимназіи Вадимъ учился какъ-то порывами, и въ минуты этихъ порывовъ схватывалъ многое.

Кронидъ слѣдилъ за его уроками первые два, три года; затѣмъ ему отказали, и юноша былъ предоставленъ собственнымъ силамъ.

Въ тѣ годы, когда складывается міросозерцаніе въ головѣ юноши, Вадимъ отдавался безъ думы внѣшней жизни природы. Онъ свыкся, сжился съ ней и началъ подражать ея пріемамъ; а въ этихъ пріемахъ, на первый взглядъ, стояло безсердечіе. Всякій звѣрь и всякая птица жили, т.-е. пили, ѣли и дрались другъ съ другомъ изъ-за каждаго куска. Ученія Дарвина въ тѣ годы еще не существовало,—а то Вадимъ, навѣрное, былъ бы убѣжденнымъ и горячимъ дарвинистомъ, поклонникомъ этого ученія.

Съ этими взглядами Вадимъ кончилъ гимназію и вступилъ въ число студентовъ университета.

Онъ сдѣлался медикомъ. Медики тогда очень многіе предметы слушали вмѣстѣ съ натуралистами. Первые курсы были общими, а когда наступило раздѣленіе, Вадимъ, не колеблясь нимало, сдѣлался студентомъ-медикомъ.

Медицинскій факультетъ въ то время находился въ весьма

плачевномъ состояніи. Бо́льшая часть профессоровъ были старики, нѣкоторые совершенно дряхлые. Физіологія, напримѣръ, читалась высокимъ, аистообразнымъ нѣмцемъ, который вѣрилъ въ животный магнетизмъ и проводилъ его какъ основу въ своемъ курсѣ. Профессоръ общей терапіи, тоже высокій и дряхлый старикъ, училъ по старымъ тетрадкамъ Рокитанскаго.

Вадимъ Немировскій прослушалъ полный курсъ и кончилъ докторомъ, но своими знаніями онъ не былъ удовлетворенъ. Онъ отправился въ Москву и поступилъ вольнослушателемъ опять на медицинскій факультетъ. Вскорѣ онъ убѣдился, что и здѣсь знанія не хватало. Ни Иноземцевъ, ни Оверъ не могли удовлетворить его. Всѣ ихъ знанія сводились къ раздраженію брюшного нерва и къ леченію молокомъ.

Онъ отправился за границу. Пробылъ въ Вѣнѣ и въ Парижѣ нѣсколько лѣтъ, и наконецъ, вернувшись въ Немировку, устроилъ здѣсь у себя въ деревнѣ маленькую психіатрическую больницу.

III.

Въ Вознесенскомъ онъ не бывалъ до тѣхъ самыхъ поръ, какъ Вѣра совершенно оправилась и встала съ постели, но Люба и Ольга Андреевна продолжали ухаживать за ней, какъ за больной.

— Вѣрунька! милая моя!—допрашивала ее Люба:—отчего ты ходишь такая невеселая, скучная, угрюмая?.. Забудь прошлое. Будь такая же ясная, бодрая, какой ты была до болѣзни. Вѣдь мы всѣ такъ же любимъ тебя, какъ и прежде. Отчего же ты такая скучная, скажи мнѣ?

И она ласкалась къ ней, цѣловала ее.

— Ахъ, Люба!.. Почему же я знаю... почему человѣку бываетъ скучно или весело? Вѣдь это невольно.

И по цѣлымъ днямъ она ходила по комнатамъ, къ чему-то прислушиваясь, заглядывала въ окна,—какъ будто кого-то ждала.

— Вѣра, милая моя! Что́ съ тобой?—разспрашивала ее Ольга Андреевна.

— Ничего, maman!.. Все прошло... и мы опять вмѣстѣ.

— Это правда? у тебя нѣтъ никакого горя? Ты ничего не скрываешь отъ меня?

— Что́ же я буду скрывать отъ тебя?

И Ольга Андреевна грустно цѣловала ее, крестила и отходила отъ нея.

„Почему же, — думала она, — она сидитъ все на одномъ

мѣстѣ? Сегодня, какъ встала, усѣлась тамъ въ уголъ, подлѣ печки, и не пошелохнулась. Книгу отложила въ сторону и сидитъ, какъ приговоренная. Господи! Милосердый! что̀ съ ней?.. Неужели не прошло все это, что̀ грозило ей тогда?"

Но прошло довóльно много времени прежде, чѣмъ разрѣшился этотъ вопросъ. Теперь же сама Вѣра не могла еще отвѣтить на него вполнѣ ясно для самой себя.

А между тѣмъ назначенный для свадьбы день приближался.

За три дня до свадьбы, Толкуновъ совсѣмъ переѣхалъ къ Драевскимъ, поселился и устроился въ одной изъ комнатъ на антресоляхъ, въ той самой, въ которой помѣщался тогда Немировскій.

— Мнѣ здѣсь будетъ очень удобно,—говорилъ онъ.—Здѣсь будетъ моя спальня, а рядомъ—мой кабинетъ и уборная...

И онъ перевезъ въ это новое помѣщеніе всѣ свои книги и вещи...

За недѣлю до свадьбы, Ольга Андреевна и Люба отправились въ городъ. Необходимо было многое закупить къ свадьбѣ.

Свадебные билеты были разосланы за двѣ или за три недѣли.

Эта свадьба была событіемъ для всего уѣзда; хотя кругъ знакомства Драевскихъ сильно сократился въ послѣднее время, но все-таки набралось людей довольно,—и всѣмъ были посланы пригласительные билеты.

Передъ свадьбой, за нѣсколько дней, у Ольги Андреевны было слѣдующее совѣщаніе съ Толкуновымъ.

— Какъ же,—спрашивала она,—пріѣдутъ тѣ званые, у кого нѣтъ своихъ лошадей?

— Не бойтесь, maman,—они непремѣнно пріѣдутъ такъ или иначе.

Было приглашено много молодежи, военныхъ и студентовъ. И всѣ они помѣстились въ этомъ домѣ-дворцѣ.

Послали пригласительные билеты Немировскому и Ченстоховскому.

Наконецъ, насталъ этотъ давно ожидаемый день. Всѣ были полны суеты и хлопотъ,—одна только Ольга Андреевна была покойна, какъ всегда. Ее не занимала внѣшняя сторона свадьбы. Она вся ушла въ свой внутренній духовный міръ и въ немъ пребывала невозмутимо. Такъ или иначе совершится эта внѣшняя обрядная сторона—ей было все равно. Только бы она совершилась на благо ея дорогой Любы. Она говорила ей и уговаривала сдѣлать свадьбу въ городѣ, говорила, что это не видано и не слыхано, чтобы свадьба игралась, устраивалась въ деревнѣ.

Но Люба такъ упрашивала, уговаривала ее, что она поддалась ея сильному желанію.

— Какъ же,—удивлялась Ольга Андреевна,—вѣдь это нельзя. Что скажутъ всѣ... весь городъ... Скажутъ, что у Драевскихъ недостало денегъ сыграть приличную свадьбу, какъ слѣдуетъ, по-дворянски, и они принялись оригинальничать, играть секретную свадьбу въ тихомолку... Нехорошо!..

— Мама,—возражала Люба,—да какое же дѣло до нашей свадьбы всѣмъ? Вѣдь это наша свадьба... Ну, мы и устраиваемъ ее такъ, какъ намъ удобнѣе...

— Ахъ, Люба!.. Мы жили до сихъ поръ между людьми, ничѣмъ не отличались ни отъ ихъ обычаевъ, ни привычекъ, и вдругъ... Вѣдь теперь всѣ ждутъ настоящей, дворянской свадьбы... а тутъ вдругъ мы сдѣлаемъ такой скандалъ... Нѣтъ, пусть память покойника Петра Онисимовича останется невозмущенной... Я ужъ положила на твою свадьбу десять тысячъ, и пусть эти деньги пойдутъ всѣ на эту свадьбу.

И она взглянула на Вѣру, которая сидѣла въ углу, около печки, и не вмѣшивалась въ сужденія, если не обращались прямо и лично къ ней.

Послѣ удара, который она перенесла, благодаря собственнымъ силамъ и благодаря помощи, во-время поданной Немировскимъ, у нея остались слѣды болѣзни въ видѣ легкихъ обмороковъ и головокруженій. Вотъ одна изъ причинъ, почему свадьбу играли въ деревнѣ. Немировскій сказалъ, что поѣздка въ городъ послѣ долгой, мирной жизни въ деревнѣ, можетъ дурно повліять на нервы Вѣры.

Въ это время вошелъ Ипполитъ и доложилъ о пріѣздѣ Гарбузова... Евграфъ Никитичъ былъ вызванъ, чтобы помочь въ свадебныхъ хлопотахъ. Несмотря на его мѣшкообразную, угловатую фигуру, онъ былъ очень подвиженъ, расторопенъ и на своей тройкѣ леталъ и перепархивалъ то въ городъ, то въ деревню.

И на этотъ разъ онъ влетѣлъ сіяющій и торжествующій.

— Все устроилъ, ваше превосходительство! — сказалъ онъ, входя съ комическою торжественностью и приложивъ руку подъ козырекъ.—Не одинъ, а два оркестра прибудутъ сего числа. Одинъ, военный, пріѣдетъ сегодня же вечеромъ, а другой... другой,—и онъ подмигнулъ съ торжественной улыбочкой,—другой посылаетъ вашему превосходительству Никандръ Александровичъ.

— Да что вы!..—вскричала Люба.

— Для васъ,—сказалъ Гарбузовъ,—такъ и сказалъ: „для Любовь Петровны, для такой милой барышни ничего не пожалѣю,

завтра же пошлю"... Они ужъ должны быть на пути... Я обогналъ ихъ недалеко около Кадышева.

Для объясненія удивленія Любы необходимо сказать, что Никандръ Александровичъ Загорный былъ въ холодныхъ отношеніяхъ съ Драевскими, и его любезность въ этомъ случаѣ была полной неожиданностью.

— Ну, теперь мы съ музыкой, съ музыкой!—радовалась Люба.—Вѣра! Вѣрушка, хандра противная!.. Да порадуйся ты хоть чуточку!

Въ это время на дворѣ раздалась громкая фанфаронада.

— Вотъ-съ! — вскричалъ Гарбузовъ: — получите... Даютъ знать, что пріѣхали.

И отъ этого взрыва веселости все какъ будто засіяло и приподнялось. Одна только Вѣра сидѣла, по прежнему угрюмая и молчаливая...

— Вѣра, Вѣрунька, противная!..—бросилась Люба и начала обнимать и тормошить Вѣру.—Слышишь... Слышишь!..

— Ахъ, Люба!..—сказала Ольга Андреевна.—Ты все еще совершенный ребенокъ... Тебѣ нужны игрушки, а не свадьба.

IV.

Торжественный день, наконецъ, наступилъ. Всѣ проснулись рано. Многіе изъ гостей и прислуги поднялись вмѣстѣ съ восходомъ солнца.

Вмѣстѣ съ восходомъ поднялась и Люба. Она долго ворочалась и затѣмъ соскочила съ постели, надѣла туфли, подбѣжала къ окну и распахнула его. Утренній свѣжій воздухъ охватилъ ее. Птицы пѣли и чирикали въ кустахъ. Что-то торжественное, тихое и радостное, казалось ей, лежало надъ всѣмъ большимъ садомъ. Со двора чуть слышно доносилась возня пріѣзжихъ лошадей и прислуги, говора и гомона. Деревья и кусты не шевельнулись. День обѣщалъ быть яснымъ, тихимъ и жаркимъ.

„Сегодня онъ будетъ мой,—подумала Люба,—будетъ на вѣкъ, на всю жизнь... и эта жизнь будетъ такая же тихая и мирная, какъ это утро"...

Пѣніе птицъ становилось громче и громче. Оно разливалось по всему саду.

И въ это самое время она вдругъ вспомнила, что она отворила окно, и Вѣра можетъ простудиться. Она быстро захлопнула его и обернулась на Вѣру, но Вѣра уже сидѣла на постели.

— Милая моя! Я тебя разбудила?—вскричала Люба.—Спи! Еще рано...

— Я давно не сплю,—призналась Вѣра.

Люба подошла къ ней... и ей вдругъ стало удивительно жаль эту милую, дорогую Вѣру, съ которой она должна была разстаться. Слезы полились изъ ея глазъ.

— Вѣра, милая!.. Я гадкая эгоистка! Я оставлю тебя одну!— и она принялась цѣловать ее жарко и страстно.

— Постой, Люба!.. Какъ одну? зачѣмъ одну?

— Завтра ты проснешься одна... Меня ужъ не будетъ,— и она припала къ ея груди и зарыдала...

— Люба, перестань... Это—ребячество; говорятъ, не хорошо плакать въ день свадьбы. Всю жизнь будешь плакать...

— И ты вѣришь?.. Вѣдь это предразсудокъ...

Дверь тихо скрипнула и отворилась. Вошла Ольга Андреевна.

— А?.. Вы уже проснулись!—удивилась она.

— Мама,—обратилась къ ней Люба съ вопросомъ:—Слышишь, Вѣра говоритъ, что плакать мнѣ сегодня—нельзя... что я буду плакать во всю мою жизнь... Развѣ это правда?.. Вѣдь это—предразсудокъ?..

— Мама!.. Она всю ночь не спала,—сказала Люба, бросаясь цѣловать Ольгу Андреевну.

— Не всю ночь, а съ двухъ часовъ утра,—пояснила Вѣра.

Ольга Андреевна подошла къ ней,—поцѣловала и приложила руку къ ея головѣ.

— Голова ничего,—сказала она.—Это можетъ быть отъ жары... Сегодня чуть не тридцать градусовъ въ тѣни... Вѣроятно, гроза будетъ... Парить въ воздухѣ.

И дѣйствительно, на горизонтѣ начали образовываться грозовыя облака,—и вскорѣ нѣсколько сильныхъ ударовъ разразились надъ Вознесенскимъ.

Пошелъ дождь—частый и сильный, проливной дождь.

Толкуновъ тоже проснулся рано. Волненіе и ожиданіе перемѣны жизни—этотъ рѣшительный шагъ впереди—заставляли сердце его биться неровнымъ боемъ. Но одна мысль, что свадьба почему бы то ни было можетъ разстроиться, одна эта мысль приводила его въ ужасъ.

Онъ недолго занимался своимъ туалетомъ, и къ десяти часамъ вошелъ совершенно одѣтый. Недоставало только бѣлаго жилета и фрака, чтобы отправиться хоть сейчасъ подъ вѣнецъ.

Онъ сошелъ внизъ и разгуливалъ, скучая, по залѣ.

На верхъ, въ комнаты барышенъ, его не пускали.

Ольга Андреевна вчера еще объявила ему, что онъ не долженъ видѣть невѣсты до вѣнца. Напрасно онъ спорилъ и доказывалъ, что это пустой, даже безчеловѣчный обычай. Ольга Андреевна доказывала ему, что, вступая въ бракъ, какъ въ святое таинство христіанской церкви, онъ долженъ понимать его глубокій смыслъ и приготовиться къ нему, какъ къ таинству.

— Самъ Христосъ,—говорила она,—освятилъ это таинство, посѣтивъ бракъ въ Канѣ Галилейской.

Толкуновъ умолкъ...

Былъ уже первый часъ. Комната барышенъ переполнилась гостьями. Всѣ гостьи являлись уже въ тѣхъ костюмахъ, въ которыхъ онѣ должны были сопровождать невѣсту въ церковь...

Пріѣхала губернаторша съ дочкой. Все въ домѣ какъ бы всполохнулось, забѣгало при ея пріѣздѣ.

— А я ужъ къ вамъ на ночлегъ,—заявила она при входѣ. —Рады, не рады, а принимайте... Ночью я ни за что не поѣду по этимъ разбойничьимъ мѣстамъ... А къ вечеру, можетъ быть, пріѣдетъ мужъ, но только на одинъ часъ, не болѣе... Больше нельзя...

— Мы очень будемъ рады и благодарны,—говорила Ольга Андреевна, и проводила губернаторшу въ спальню Петра Онисимыча.—Здѣсь, я думаю, вамъ будетъ удобно,—сказала она.— Мы только поставимъ кушетку или кровать для вашей дочери, Надежды Семеновны. Что вы хотите,—обратилась она къ дочкѣ:— кушетку или кровать?—у насъ и то, и другое найдется...

Надежда Семеновна выбрала кушетку, въ разсчетѣ, что съ кушеткой менѣе возни, чѣмъ съ кроватью.

Къ полудню весь домъ-дворецъ гудѣлъ, какъ рой пчелъ, а гости все наѣзжали и наѣзжали.

Пріѣхали старые старики, давно уже заживо похоронившіе себя въ своихъ прадѣдовскихъ усадьбахъ; даже дряхлый князь Серапіонъ Давидычъ пріѣхалъ изъ своей лѣсной усадьбы. Пріѣхалъ князь Шиповаловъ и княжна Марья Трофимовна Грузинская. И много-много наѣхало молодыхъ и старыхъ гостей... Пріѣхалъ богатый помѣщикъ Николай Иванычъ Бухтеревъ, у котораго было до десяти тысячъ душъ. Пріѣхалъ вѣчный женихъ, Дмитрій Степанычъ Дѣвочкинъ, давно уже облысѣвшій, носившій парикъ, вѣчно вылощенный, набѣленный и нарумяненный...

V.

Всѣ барышни собрались въ комнату Вѣры и Любы.

Въ комнатѣ было душно, несмотря на отворенныя настежь окна. Всѣ старались быть веселыми и увлечь Любу; но она сидѣла скучная, поминутно порываясь заплакать. Ее страшила перемѣна жизни. Хотя, при воспоминаніи о женихѣ, прежнее свѣтлое чувство вспыхивало въ сердцѣ, не не надолго.

— Да что же это?—говорила Вѣра.—Ну, ободрись!.. Ну, возьми себя въ руки... Ну, выпей воды!

Ей давали валеріановыхъ, лавровишневыхъ и гофманскихъ капель, сѣрный эѳиръ,—но ничто не помогало.

— Elle est tout-à-fait hystérique,—говорила губернаторша.

— Вѣдь это невольно дѣлается...—признавалась Люба.—Я хочу быть веселой... и не могу...

Она смотрѣла заплаканными глазами на Ольгу Андреевну, и слезы, какъ бы сами собой, крупныя слезы, катились изъ ея глазъ.

— Savez-vous?— сказала губернаторша въ полголоса.—Мнѣ кажется, что ей можно позволить видѣться... Вѣдь они росли вмѣстѣ, каждый день видѣли другъ друга, не разлучались... Привыкли... Какъ же вы хотите... Вѣдь это ужъ вторая натура.

Въ это время Люба начала рыдать, сперва тихо, затѣмъ сильнѣе и сильнѣе, и, наконецъ, захохотала съ громкимъ, пронзительнымъ крикомъ...

Всѣ перепуганно засуетились, забѣгали... Вдругъ дверь отворилась,—торопливо вошелъ Толкуновъ. Люба моментально перестала плакать и протянула къ нему руки.

— Водя!..—проговорила она сквозь слезы.—Водя, милый, дорогой... Мнѣ показалось, что мы разстались навѣки, что я никогда, никогда больше не увижу тебя!..

— Успокойся, моя дорогая! Какъ это можно потакать воображенію и представлять себѣ, чего нѣтъ и не будетъ! Мы никогда, никогда не разстанемся... Ты точно маленькій ребенокъ...— И онъ страстно цѣловалъ ея руки.

Ольга Андреевна наклонилась къ нему и тихо прошептала:

— Владиміръ Элизарычъ, до вѣнца нельзя цѣловаться.,.

— Я знаю,—будьте покойны, я знаю...

Онъ хотѣлъ встать, но Люба изъ всѣхъ силъ ухватилась за него.

— Я здѣсь буду. Я не уйду!..

Люба опустила голову на спинку кресла и закрыла глаза. Рука ея все такъ же держала крѣпко и сжимала руку жениха. Но онъ чувствовалъ, какъ эта рука слабѣла и, наконецъ, высвободила его руку. Онъ посмотрѣлъ въ лицо Любы. Она спала тихо и покойно, — какъ ребенокъ, послѣ слезъ и глубокаго волненія, и слегка вздрагивала во снѣ.

„Она уснетъ, такъ ей лучше будетъ“,—подумалъ Толкуновъ и осторожно поднялся съ кресла, приложилъ палецъ къ губамъ и, подойдя къ Ольгѣ Андреевнѣ, сказалъ шопотомъ:

— Мы всѣ уйдемъ отсюда... пусть она выспится.

Губернаторша первая повернулась къ дверямъ и, взявъ за руку свою дочь, пошла вонъ изъ комнаты. За ней потянулись на-цыпочкахъ, осторожно, оглядываясь по сторонамъ, всѣ присутствовавшіе. Съ Любой осталась одна Вѣра. Она сѣла тихонько подлѣ спящей и стала наблюдать за ея сномъ.

Она спала покойно около часа, затѣмъ начала безпокойно вертѣться, бормотать неразборчивыя слова. Наконецъ, съ крикомъ: „Постой! погоди!“—вскочила съ кресла и зарыдала.

— Люба, Люба... Я здѣсь... Что съ тобой?.. Опомнись!

Но Люба рыдала истерически и повторяла только одно слово:

— Я видѣла, видѣла...

— Кого ты видѣла? Что видѣла?..

Но Люба по прежнему рыдала и не могла отвѣчать на ея вопросы.

Дверь отворилась, и опять вошла Ольга Андреевна. За ней осторожно, какъ бы крадучись, вошелъ Толкуновъ.

— Милая моя,—сказалъ онъ, бросаясь къ ней,—къ чему опять эти слезы?

Но она, ничего не отвѣчая, встала съ кресла, взяла за руку Толкунова и подвела къ маленькому диванчику.

— Садись здѣсь,—сказала она сквозь слезы,—садись...

И она сѣла подлѣ него, но еще долго не могла успокоиться... Она жаловалась на холодъ.

— Я видѣла сонъ,—начала она тихо, пересиливая волненіе.—Я видѣла его такъ живо, какъ вижу тебя... Я видѣла бѣлаго голубка.... Такого хорошенькаго, милаго... что я просто не могла на него налюбоваться... Гдѣ я это видѣла—я не знаю... Я, какъ будто, была на воздухѣ... И вдругъ явилась какая-то страшная, костлявая, высокая-высокая старуха... схватила этого голубка... и... и...

И она снова горько зарыдала.

— Милая... успокойся, — говорилъ Толкуновъ, — вѣдь это было во снѣ...

— Нѣтъ,—говорила Люба сквозь слезы,—я видѣла нашего сына... Эта высокая, безобразная старуха схватила его своими костлявыми руками... Такъ страшно взглянула на меня... и унесла его... Я хочу закричать и не могу... А ты, будто бы, смотришь снизу... и зовешь меня... А потомъ я видѣла... волны, волны... ты, будто, хочешь переплыть ихъ и не можешь... Волны, волны... бѣгутъ, бѣгутъ все выше, выше и заливаютъ тебя...

Но дольше она не могла говорить и опять разрыдалась истерически, припавъ къ плечу Толкунова.

Въ этотъ разъ пароксизмъ плача продолжался дольше... Комната снова наполнилась гостями. Всѣ говорили: „Какой странный сонъ! Какой необыкновенный сонъ! И въ день свадьбы"... И всѣ дивились и вѣрили, что это сонъ пророческій. Толкуновъ, конечно, не вѣрилъ никакимъ снамъ... Онъ говорилъ, что все это одно воображеніе, разстроенные нервы, и больше ничего...

VI.

Послѣ этого тяжелаго сна Люба успокоилась—успокоилась вдругъ, сразу. Точно какой-то благодѣтельный вѣтеръ крыломъ спахнулъ съ ея души всю грусть и страхъ и предчувствіе небывалыхъ бѣдъ—она стала покойна, какъ и прежде. Ея лицо сдѣлалось только серьезно и выраженіе его стало удивительно схожимъ съ тѣмъ выраженіемъ, какое постоянно поражало у Ольги Андреевны.

Между тѣмъ, шумъ, возня и говоръ снова начались въ залѣ и во всѣхъ комнатахъ большого дома. Нетерпѣливое ожиданіе томило всѣхъ гостей, ожиданіе радостнаго торжества.

Наконецъ, Любу одѣли. Сколько было при этомъ суетни и хлопотъ! Каждая барышня старалась приколоть хоть одну ленточку. Началась уборка головы, для которой былъ нарочно заранѣе выписанъ парикмахеръ изъ города. Надѣли вѣнокъ, традиціонный вѣнокъ изъ fleurs d'oranges, который вообще мало подходитъ подъ то, что̀ желаютъ выразить имъ.

Когда вывели Любу въ залу и подвели ее къ столу, на которомъ стояли образа и хлѣбъ, она, дрожа, начала тихо креститься. Лицо ея было покойно, и только крупныя слезы сами собой катились изъ ея глазъ.

Элизаръ Владимірычъ и Ольга Андреевна стояли рядомъ съ образами въ рукахъ.

Люба поклонилась въ землю, затѣмъ поднялась и крѣпко обняла Ольгу Андреевну. Точно облако снова налетѣло и вдругъ накрыло ея голову...

Толкуновъ давно уже былъ въ церкви. Давно уже Полистовскій, въ качествѣ шафера, пріѣхалъ изъ церкви и извѣстилъ невѣсту, что женихъ ждетъ ее.

Подали карету, хотя до церкви не было и сотни шаговъ. Усадили невѣсту; съ ней рядомъ сѣла губернаторша, въ качествѣ посаженой матери. Она сама напросилась на эту честь, говоря: — „Благословить такую невѣсту—половину грѣховъ съ плечъ. Все равно, что благословить ангельчика на вѣчную жизнь".

Къ восьми часамъ Любу обвѣнчали.

Когда священникъ поздравлялъ молодыхъ,—она ничего не видала и не слыхала. Когда же онъ сказалъ имъ: „Поцѣлуйтесь!" и она увидѣла напротивъ себя Водю, то она съ такой стремительностью бросилась къ нему и горячо обняла его, нисколько не заботясь о своемъ подвѣнечномъ платьѣ и головномъ уборѣ; губернаторша же сказала:—Quelle verve!!..

Вся дорога до дому была полна крестьянъ, изъ ближнихъ и дальнихъ селеній. Всѣ, услыхавъ о невиданной деревенской свадьбѣ, спѣшили посмотрѣть молодыхъ.

Какъ только молодые вступили въ домъ—музыка тотчасъ же грянула торжественный ритурнель, и громко выпалила пушка—единственная пушка, которая была оставлена еще Петромъ Онисимовичемъ на одномъ изъ холмовъ въ саду.

Молодые прошли въ гостиную. Тамъ былъ разостланъ большой персидскій коверъ, и Ольга Андреевна вмѣстѣ съ Элизаромъ Петровичемъ торжественно благословили ихъ.

Всѣ были необыкновенно радостно и торжественно настроены. Всѣмъ было легко и весело. Всѣ наперерывъ протискивались къ молодымъ, чтобы поздравить ихъ. Пробки хлопали, и шампанское лилось во всѣхъ углахъ залы.

Полистовскій, въ качествѣ шафера, распоряжался музыкой; балъ начался традиціоннымъ польскимъ. За польскимъ тотчасъ же начался вальсъ. Оркестръ заигралъ одинъ изъ тѣхъ веселыхъ, оживляющихъ, кружащихъ вальсовъ, которыми была полна бальная музыка Штрауса, и пары завертѣлись, замелькали въ бѣшеномъ круженіи...

За вальсомъ слѣдовали кадрили, польки—polka tremblante и полька-мазурка.

Балъ шелъ на всѣхъ парахъ...

Только Любѣ и Толкунову казалось, что балъ тянется безконечно долго и музыка гремитъ и льется безъ конца.

Оркестръ игралъ модную, мѣстную мазурку, называвшуюся „Козликомъ“ и написанную однимъ изъ мѣстныхъ композиторовъ на мотивъ всѣмъ извѣстный. Разумѣется, мотивъ былъ взятъ только какъ тема. И эта тема зажигала невольнымъ весельемъ всѣ возбужденныя сердца. Каждый какъ будто слышалъ въ ушахъ и въ сердцѣ этотъ простой и радостный, веселый призывъ, и каждый невольно подпѣвалъ:

Жилъ былъ у бабушки
Сѣренькій козликъ...
Фить такъ! вотъ какъ!
Сѣренькій козликъ...

Пара за парой... Одна волна за другой выступали подъ этотъ мотивъ, и всѣмъ было легко и весело. А на дворѣ, на лужайкѣ, шелъ свой балъ. Тамъ дѣвушки танцовали съ садовниками, на площадкѣ передъ окнами столовой, при яркомъ свѣтѣ горящихъ смоляныхъ бочекъ.

Балъ закончился фейерверкомъ, который былъ сожженъ за прудомъ, на небольшомъ холмѣ.

Весь садъ и всѣ окрестности представляли яркую движущуюся живую картину.

Повсюду горѣла иллюминація, на которую истратили болѣе двухъ тысячъ. Бенгальскіе огни освѣщали въ разныхъ мѣстахъ садъ, и прудъ, и всю окрестность...

VII.

Пиръ кончился. Музыка замолкла. Вознесенское опустѣло.

Утро было сѣрое, туманное.

Тихо летали галки и вороны. Тихо погасали и дымились костры и смоляныя бочки. Гости, пріѣхавшіе изъ города, мало-по-малу разъѣзжались. Сѣдой туманъ окутывалъ все, и въ этомъ туманѣ перекликались пѣтухи и громко кудахтали куры. Туманъ началъ осѣдать, но день былъ пасмурный, непогодный, сѣренькій. Мелкій дождь шелъ почти безъ перерыва.

Вѣра вышла на верхній балконъ, на который вела широкая дверь. Такой же балконъ былъ на другой половинѣ дома въ спальнѣ молодыхъ.

Былъ уже десятый часъ утра. Но весь домъ еще спалъ.

Сырая погода охватила Вѣру. Она оперлась на перила балкона и безучастно смотрѣла вдаль...

Вотъ уже скоро почти двѣ недѣли, съ самаго окончанія ея болѣзни, она не можетъ сладить съ собой, съ своимъ сердцемъ, съ своими нервами. Ей чего-то недостаетъ, она чего-то ждетъ, что̀ должно совершиться непремѣнно. Она не только чувствуетъ свое одиночество въ жизни, но она какъ будто живетъ одна въ цѣломъ мірѣ.

„Кто, — думалось ей, — распоряжается такъ самовластно, безконтрольно нашими чувствами, нашими симпатіями и антипатіями?..“

Ей нравился тихій шумъ дождя... Онъ такъ гармонировалъ со всей окружающей обстановкой!

Во все время ея болѣзни она какъ-то отдалилась отъ всѣхъ окружающихъ ее лицъ. Ей стала какъ-то чужда и Ольга Андреевна, и Люба, и всѣ, всѣ, съ кѣмъ давно сжилась, свыклась ея душа и сердце.

Теперь, послѣ свадьбы Любы, она почувствовала сильнѣе свое одиночество. „Жизнь, это—туманъ,—думала она,—туманъ и дымъ. Онъ волнуется, обѣщаетъ многое, желанное. Въ немъ какъ будто что-то есть неразгаданное, влекущее, а въ сущности—ничего нѣтъ“...

Для нея нѣтъ радости, нѣтъ счастья... Ея жизнь такъ же потухнетъ, какъ эти дымные костры, исчезнетъ, какъ этотъ туманъ. Ея сердце тоскливо билось... Она, впрочемъ, знала, куда ее тянуло, но ей страшно было выговорить это имя...

Толкуновъ и Люба въ послѣднее время очень часто говорили и осуждали ея доктора. Но для нея этотъ докторъ былъ идеаломъ, къ которому стремилась вся душа ея. Она мысленно поклонялась ему и боялась его. Когда она вспоминала о немъ, то каждый разъ, неизмѣнно, какъ будто что-то толкало ее въ грудь, и ея сердце наполнялось любовью и ужасомъ.

И это странное чувство поднималось и разросталось съ каждымъ днемъ. Оно росло, прибывало. Она чувствовала его силу—силу страшную, всепоглощающую, стремительную и неодолимую.

— Вѣрочка моя!—говорила Ольга Андреевна.—У тебя ничего не болитъ? Что̀ ты ходишь такая хмурая, молчаливая?.. Хочешь съѣздить въ городъ?..

Ольга Андреевна не догадывалась, что̀ было причиной такой хандры, отчужденія отъ всего...

Какъ у всѣхъ женщинъ въ подобныхъ случаяхъ, у Вѣры явились на помощь мечты, и этими мечтами она теперь существовала. Въ нихъ была ея жизнь и отрада. Она воображала, что она можетъ поступить въ больницу къ Немировскому въ качествѣ помощницы. И такъ отрадно, обольстительно было это чувство!

И она посѣщала больницу, больницу, въ которую прежде не любила ходить, а теперь въ ней она проводила цѣлые дни и даже ночи. Она воображала, что работаетъ вмѣстѣ съ нимъ, подъ его надзоромъ и руководствомъ. Но силы воображенія доставало не надолго. Она сознавала, что у нея недостаетъ знанія, не хватаетъ опытности, и воображеніе отказывается помогать ей. Наконецъ, она чувствовала, что это не то, что ей чего-то недостаетъ другого,—желаннаго, къ чему стремилось ея сердце.

Она работала въ больницѣ безъ устали, но стоило ей хотя на одно мгновеніе очнуться, вернуться къ дѣйствительности, и угаръ мечты мгновенно исчезалъ.

И на нее нападала тоска—taedium vitae.

— Вѣра, дорогая моя!.. Что съ тобою?—допытывалась у нея Ольга Андреевна.

— Ничего, тетя... Такъ. Голова болитъ...

— Хочешь, я пошлю за Семеномъ Ѳедоровичемъ, или къ Немировскому съѣздитъ Водя?—она такъ звала Толкунова.

При упоминаніи о Немировскомъ, кровь быстро прилила въ голову Вѣрѣ, и она сильно покраснѣла.

— Нѣтъ, нѣтъ!—торопливо заговорила она:—къ чему это? Я не больна; это остались слѣды прошлаго. Я прогуляюсь, и все пройдетъ.

— Пройдись по саду. Силы вернутся. Хочешь, пойдемъ, посмотримъ новые сорта цвѣтовъ; мы выписали сѣмена изъ Риги. Только надѣнь что-нибудь теплое, бурнусъ...

Вѣра накинула теплую шаль, и онѣ отправились.

Въ оранжереѣ Ольга Андреевна остановилась передъ цвѣтами, выведенными изъ присланныхъ сѣмянъ.

Она молча стояла и любовалась на нихъ. Вѣра тоже какъ будто молча любовалась ими, но мысли ея были далеко.

Ольга Андреевна взглянула на нее, и увидѣла, что она смотритъ въ окно оранжереи, туда, на дорогу, которая уходила въ даль.

— Вѣра! Да ты не слушаешь, что я говорю. Гдѣ ты витаешь? Признайся мнѣ, милая, дорогая моя, о чемъ ты думаешь,—и мнѣ да и тебѣ легче будетъ.

— Ни о чемъ, тетя... Право, ни о чемъ... Мнѣ кажется, что я теперь вообще ни о чемъ не думаю. Я только чувствую.

— Что же ты чувствуешь?

Вѣра не вдругъ отвѣтила; посмотрѣла кругомъ и сказала грустно:

— Пустоту... Мнѣ кажется, что кругомъ ничего, ничего нѣтъ... А тамъ есть...

— Гдѣ тамъ?

Она задумалась.

— Я не знаю — гдѣ?.. Тамъ гдѣ-то... Не такъ далеко, а есть...

— Богъ съ тобою, моя родная!.. Ты бы попробовала развлечься чѣмъ-нибудь...

— Я пробовала,—прошептала она.

— Вѣрочка моя милая!—заговорила Ольга Андреевна, обнимая ее:—когда я была молода, на меня, въ дѣвушкахъ, находило то, что я называла „скучная полоса“. Мнѣ также не хотѣлось ничего ни дѣлать, ни читать. Книга вываливалась изъ рукъ. Кругомъ была пустота страшная, скучная, нелюдимая... И знаешь ли что?.. Я начинала молиться Богу, усердно, до самозабвенія. И это чувство проходило. Мнѣ казалось, что это чувство, эта неодолимая тоска—отъ дьявола. Онъ—противникъ всего жизнерадостнаго, и онъ посылаетъ на насъ, какъ туманъ или дымъ, такіе слои, полосы. Это—искушеніе...

— Да, я молилась не разъ,—прервала ее Вѣра.

— А ты помолись съ усердіемъ, помолись такъ, чтобы ты почувствовала, что молитва твоя дошла до Бога, чтобы она растопила ледъ твоего сердца и привела тебя къ Всесильному и Милосердому...

„Какъ же мнѣ еще молиться?! — подумала Вѣра. — Я не могу вызвать въ сердцѣ то чувство, которое внутри меня не существуетъ“.

— Вѣра, милая, дорогая моя! такъ нельзя жить.

— Видите—я живу,—тихо проговорила Вѣра.

— Нѣтъ, это не жизнь. Это—прозябаніе. Такъ живутъ всѣ травы, цвѣты, а не человѣкъ; онъ долженъ постоянно обращать всѣ свои мысли, чувства къ Богу.

„Это легко сказать, но трудно сдѣлать“, — подумала Вѣра и замолкла, и затѣмъ продолжала жить такъ же однообразно, скучно, какъ бы въ полуснѣ.

VIII.

Акулина Степановна и почти вся дѣвичья постоянно приставали къ Вѣрѣ съ разспросами и догадками. Тогда она стала запираться въ своей комнатѣ, по цѣлымъ днямъ лежала у себя на постели и только думала:—„Вотъ, вотъ, сейчасъ стукнетъ, и *онъ* войдетъ въ дверь".

Она вспоминала его симпатичный голосъ, его руку, которая такъ нѣжно и, вмѣстѣ съ тѣмъ, сильно брала ея руку. И дрожь, какъ отъ электрической искры, пробѣгала по ея рукѣ.

— Это, барыня,—говорила Акулина Степановна,—навѣрно, какъ ни на есть, а ее заговорили разбойники... Они положили зарокъ на нее, и вотъ она, голубушка, бьется какъ рыбка объ ледъ, и не можетъ распутать силковъ. Больно ужъ крѣпко, видно, заговорили ее.

Вѣра начала просыпаться по ночамъ и ходить по комнатамъ.

Ольга Андреевна упросила ее позволить нянѣ Акулинѣ Степановнѣ сидѣть около ея постели.

Сперва она не соглашалась на это. Но затѣмъ, обдумавъ, послушалась уговоровъ и Акулины Степановны, и Ольги Андреевны, и Любы, и Толкунова.

Съ каждымъ днемъ Вѣра худѣла все болѣе и болѣе. Она таяла примѣтно для глазъ, таяла какъ свѣча.

Наконецъ, съ ней начали дѣлаться какіе-то тяжелые припадки. Она во снѣ начала выходить въ садъ или уходить въ лѣсъ.

Толкуновъ, Люба и Ольга Андреевна, посовѣтовавшись, рѣшили обратиться къ Немировскому. Но какъ же обратиться?

— Поди-ка къ нему въ берлогу,—сказалъ Толкуновъ,—къ этому цыганскому медвѣдю. Лучше я просто напишу ему и приглашу къ намъ.

— Ахъ, Владиміръ Элизарычъ! Вѣдь письмо можетъ пропасть. Вы знаете, какъ неаккуратны наши почты! И потомъ, куда же вы пошлете: черезъ Спасскъ, или черезъ Лаишевъ? или черезъ Чистополь?

Думали, думали, разбирали, судили-рядили, и наконецъ рѣшили, что неудобно, просто невозможно, посылать ни черезъ Спасскъ ни черезъ Лаишевъ, ни черезъ Чистополь, что письмо не дойдетъ и пропадетъ.

— Такъ я самъ съѣзжу, — великодушно предложилъ Толкуновъ.

— Поѣзжайте съ Богомъ!—сказала Ольга Андреевна.—Это всего лучше.

И на другой же день онъ отправился. Погода была отвратительная, какія бываютъ только въ нашей сѣверо-восточной полосѣ. Шелъ и дождь, и снѣгъ, а вѣтеръ крутилъ и вертѣлъ, какъ настоящій циклонъ. Вся дорога была избита. Яма на ямѣ. Привелось ѣхать почти шагомъ. Но Толкуновъ погонялъ Силантія, боясь не застать дома Немировскаго, если пріѣдетъ позже пяти часовъ.

Къ счастью, онъ пріѣхалъ ранѣе и принужденъ былъ прождать почти столько же, какъ въ прошлый разъ. Тотъ же старый слуга, Спиридонъ, встрѣтилъ его. Такъ же отказался проводить его и такъ же привелось ему, самому Толкунову, пройти въ больницу, благо дорога была знакома и путь открытъ.

Онъ засталъ Немировскаго въ больницѣ.

Докторъ вышелъ къ нему, такъ же, какъ и въ прошлый разъ въ сопровожденіи двухъ казакиновъ, сѣраго и чернаго.

— Я пріѣхалъ къ вамъ,—сказалъ Толкуновъ,—по поводу нашей больной.

Немировскій нахмурилъ брови.

— Что такое?—спросилъ онъ крайне недружелюбно.—Опять какой-нибудь истерическій припадокъ. Для этого вы могли обратиться къ любому медику; а мнѣ далеко, да и некогда.

— Не припадокъ,—сказалъ Толкуновъ,—а цѣлый рядъ припадковъ. Больная не спитъ по ночамъ. Бредъ на яву. Аппетитъ совсѣмъ пропалъ. Ничего не ѣстъ, не пьетъ...

— Я не отказываюсь помочь ей,—перебилъ его Немировскій,—но вѣдь мнѣ необходимо хоть взглянуть на нее; а для этого у меня нѣтъ времени. У меня теперь на рукахъ очень интересный субъектъ, разумѣется, въ медицинскомъ отношеніи. И я его не могу оставить ни на одну минуту. Привезите ее ко мнѣ. Я посмотрю. Она вѣдь еще въ такомъ положеніи, что можетъ выѣзжать. Привезите.

Онъ посмотрѣлъ на часы и задумался, какъ бы соображая что-то.

— Да, привезите завтра, въ двѣнадцать часовъ, аккуратно. Слышите: въ двѣнадцать часовъ аккуратно!

И онъ рѣзко отвернулся и ушелъ во внутреннія комнаты.

„Не измѣнился нисколько,—подумалъ Толкуновъ.—Такой же цыганскій медвѣдь“.

И онъ отправился обратно.

На другой день встали рано, выкатили спокойный дормёзъ, въ которомъ усѣлись Ольга Андреевна, Вѣра и Толкуновъ.

Вѣра всю дорогу старалась быть покойной и сдерживала свое волненіе, насколько могла.

Толкуновъ довелъ дамъ до госпиталя и сказалъ вышедшему къ нимъ на встрѣчу сѣрому казакину, чтобы онъ доложилъ Вадиму Вадимычу объ ихъ пріѣздѣ. Казакинъ осмотрѣлъ ихъ съ головы до ногъ.

— Вы какъ же это пріѣхали?—спросилъ сурово казакинъ:—по распоряженію Вадима Вадимыча, что-ли?

— Да, по его „распоряженію“,—подтвердилъ Толкуновъ и, слегка улыбнулся, подчеркнувъ слово: „по распоряженію“.

Казакинъ постоялъ еще немного; затѣмъ медленно повернулся и ушелъ во внутреннія комнаты.

Прошло двадцать минутъ, и часы медленно пробили двѣнадцать; почти въ ту же минуту вошелъ Немировскій.

Только-что онъ показался, какъ Вѣра, слегка, радостно вскрикнула, быстро подошла къ нему и протянула руку.

— Ну, здравствуйте, здравствуйте!—и онъ взялъ ее за протянутую къ нему руку.

— Ну, какъ же вы ведете себя? Хандрите?.. Это нехорошо. Барышнямъ не надо хандрить, лѣниться. Надо дѣло дѣлать. Каждый долженъ работать, трудиться, а не жить праздно.

Немировскій какъ-то странно затѣмъ повелъ головой и сказалъ, обращаясь къ Ольгѣ Андреевнѣ:

— Я не нахожу въ ней ничего болѣзненнаго. Это просто разстройство нервовъ, которое можетъ вылечить всякій врачъ.— И онъ слегка поклонился ей и, не взглянувъ на Вѣру и на Толкунова, рѣзко повернулся къ двери и вышелъ.

Ольга Андреевна, Вѣра и Толкуновъ, ошеломленные этой новой выходкой, постояли съ полминуты, посмотрѣли другъ на друга и вышли изъ комнаты.

— Владиміръ Элизарычъ,—сказала Ольга Андреевна: — не обидѣлся ли онъ, что мы не дали ему ничего за визитъ? Хотя за первые визиты мы, кажется, щедро заплатили ему,—за три визита пятьсотъ рублей?..

— Я не думаю,—сказалъ Толкуновъ,—чтобы онъ искалъ денегъ. А впрочемъ, я пошлю ему.

Въ это время въ комнату, въ которой стояли Толкуновъ и Ольга Андреевна, вошелъ сѣрый казакинъ, и Толкуновъ прямо обратился къ нему.

— Послушайте, любезнѣйшій,—сказалъ онъ,—будьте столь

добры и передайте эти деньги Вадиму Вадимовичу. Мы забыли передать ихъ. И онъ подалъ деньги, положенныя въ конвертикъ.

Сѣрый казакинъ какъ-то странно съёжился и, отступивъ шага на два, сказалъ:

— Не могу-съ! Никакъ не могу-съ!.. У насъ это строго запрещено; никакихъ денегъ отъ больныхъ нельзя принимать... Строжайше запрещено. Мы получаемъ жалованья тридцать-пять рублей въ мѣсяцъ и должны служить за эти деньги и больше ничего не брать. Извините, никакъ не могу-съ.

И поклонившись, казакинъ ушелъ въ заднія комнаты.

IX.

На обратномъ пути Вѣру волновали все тѣ же неосуществившіяся мечты и надежды.

Въ своихъ мечтахъ и надеждахъ она твердо остановилась на одномъ проектѣ, и теперь ее занимала всецѣло мысль, какъ привести его въ исполненіе. Въ мечтахъ легко устранять всякое препятствіе, и ко всему, самому невозможному, можно всегда подойти окольными тропинками.

„Я напишу къ нему“,—подумала Вѣра наконецъ.

По пріѣздѣ, она тотчасъ же и принялась за перо и набросала начерно слѣдующее:

„М. Г. Вадимъ Вадимовичъ!

„Я обращаюсь къ вамъ съ убѣдительнѣйшей просьбой помочь мнѣ въ моемъ намѣреніи устроить жизнь такимъ образомъ, чтобы я могла быть довольна жизнью. Теперь мнѣ нечего дѣлать, и я страдаю... Я чувствую, что живу праздно и никому не приношу пользы,—а между тѣмъ на меня работаютъ. Для меня трудится много людей, для одной моей жизни. Помогите мнѣ ради всего святого! Вы помогли мнѣ въ моей болѣзни. Помогите и теперь въ моей серьезной психической болѣзни, отъ которой я медленно умираю.

„Я думала, что я могла бы замѣнить въ вашей больницѣ одного изъ вашихъ помощниковъ—только дайте мнѣ возможность пріобрѣсть необходимыя знанія.

„По моему, приносить пользу страдающему человѣку, это—высшее наслажденіе въ жизни. Дайте мнѣ эти знанія... Я умоляю васъ. Эта мысль,—т.-е., что вы дадите мнѣ то, о чемъ я прошу васъ, поглощаетъ всѣ мысли и мечты мои...

„Сжальтесь надо мной! Я, мнѣ кажется, не живу,—я прозябаю... Каждый день для меня—мученье, каторга... Я долго убѣждала себя, что все это—мои пустыя мечты и фантазіи... Но, Вадимъ Вадимовичъ, я человѣкъ. Я жить хочу. Дайте мнѣ эту жизнь! Я умоляю васъ.—Вѣра Драевская".

Три раза она передѣлывала и выправляла редакцію письма. Наконецъ, осталась ею вполнѣ довольна и переписала письмо въ трехъ экземплярахъ. Одинъ она послала черезъ Лаишевъ, другой—черезъ Спасскъ и третій—черезъ Чистополь.

Въ первый разъ послѣ долгой, напряженной жизни, она, отправивъ эти письма, вздохнула свободнѣе.

Безнадежность ея исчезла. Она теперь ждала. Она надѣялась.

„Не можетъ быть, чтобы онъ не отвѣтилъ", — думала она.

И она ждала.

Тайну этихъ писемъ она ввѣрила одной только Любѣ и просила ее, чтобы она никому, никому не выдавала ее.

— Онъ не отвѣтитъ,—предполагала Люба.

— Онъ долженъ отвѣтить,—возразила Вѣра. Вѣдь она писала и переписывала эти письма своими слезами. Неужели же онъ не человѣкъ, а каменная скала, глыба?

И онѣ обѣ ждали каждый день, чуть не каждый часъ.

У Любы не было тайнъ отъ Толкунова. Она ввѣрила ему тайну посланныхъ писемъ,—разумѣется, подъ строжайшимъ секретомъ.

Каждый четвергъ аккуратно привозили письма и журналы съ почты, и каждую почту и Люба, и Вѣра, встрѣчали съ лихорадочнымъ нетерпѣніемъ.

Но желанныхъ и ожидаемыхъ отвѣтовъ не привозили.

Вѣра высчитала самый кратчайшій срокъ, когда можно получить отвѣтъ, но этотъ срокъ давно уже прошелъ, а отвѣта все не было; прошелъ сентябрь и даже часть октября, а отвѣта все не было.

У Любы, между тѣмъ, явилось недомоганіе, какая-то malaise.

Толкуновъ догадался о причинѣ этой malaise—и обрадовался. Люба сбросила несносный корсетъ, и носила только блузы. Тотчасъ же выписали изъ города акушерку, толстую Софью Яковлевну Гуляльскую, извѣстную не только по эту, но и по ту сторону Камы. Она пріѣхала и сказала, что надо ожидать не ранѣе, какъ къ ноябрю мѣсяцу.

Люба теперь подверглась тщательному и зоркому надзору не только Ольги Андреевны, но и всѣхъ домашнихъ, начиная съ

Акулины Степановны и кончая маленькой Стешей, подросткомъ тринадцати лѣтъ.

Толкуновъ какъ будто удесятерилъ свой надзоръ и уходъ за Любой. Она стала ему теперь вдвойнѣ дорога, какъ его любимый другъ и какъ мать будущей семьи.

— Слушай, Водя,—говорила Люба:—если у насъ будетъ дѣвочка, дочь, то я отдаю ее тебѣ. Если же у насъ будетъ мальчикъ, то этотъ мальчикъ будетъ мой... Слышишь,—непремѣнно мой!

— А помнишь, ты говорила, что у насъ не должно быть ничего ни моего, ни твоего, а все общее, т.-е. наше?

— Ну, нѣтъ... Это касается всего неодушевленнаго, а мой сынъ, ты понимаешь, мой сынъ,—и она указала на себя,—онъ долженъ принадлежать матери, т.-е. мнѣ... Я его вскормлю, взрощу и воспитаю...

Чѣмъ ближе и ближе подходилъ срокъ, назначенный Софьей Яковлевной, тѣмъ безпокойнѣе и капризнѣе становилась Люба.

— Люба, милая!—уговаривалъ ее Толкуновъ:—неужели у тебя нѣтъ ни крошечки—ни терпѣнія, ни благоразумія?.. Ты сдѣлалась ужасно требовательна.

— Ты потерпи...—прерывала его Люба со слезами.—Я посмотрѣла бы, какъ бы ты вытерпѣлъ такое состояніе... Въ это время, мнѣ кажется, я никого не люблю... ни тебя, ни Бога, ни маму. Никого... никого.

Между тѣмъ зима наступала. Листья на деревьяхъ почти всѣ уже облетѣли. Холодный вѣтеръ дулъ по цѣлымъ днямъ и ночамъ. Все живое разлетѣлось и попряталось или умерло.

Любѣ сдѣлалось лучше; она успокоилась, и всѣмъ сдѣлалось какъ-то покойнѣе.

— Оно, барыня, всегда такъ бываетъ,—говорила Акулина Степановна Ольгѣ Андреевнѣ:—коли въ первую половину тяжело бываетъ, то во вторую—не въ примѣръ легче...

X.

Наконецъ, выпалъ первый снѣгъ, чистый, веселый, радостный. На дворѣ стихло и проглянуло солнце. Все такъ весело заблестѣло. Милліоны разноцвѣтныхъ, радужныхъ искорокъ, звѣздочекъ зазвѣздились и заиграли по всѣмъ полямъ, кустикамъ и деревьямъ.

Послышался гдѣ-то вдали отчаянный звонъ колокольчиковъ,—

ближе, ближе... Крики и разудалыя пѣсни—и на дворъ влетѣли, съ громомъ, звономъ и бряцаньемъ, двѣ лихія тройки, запряженныя въ длинныя дроги или тарантасы.

На дрогахъ сидѣлъ Полистовскій, Захватьевъ, Егорка и еще трое охотниковъ, милыхъ людей — закамскихъ помѣщиковъ-сосѣдей...

За тарантасами бѣжали цѣлыя своры породистыхъ собакъ и просто дворняжекъ или „кабыздоховъ", какъ называлъ ихъ Полистовскій.

Все это было, какъ говорится, „на второмъ взводѣ", и пьяно, и весело.

— Я сейчасъ, сейчасъ,—говорилъ Полистовскій, когда тарантасы остановились передъ крыльцомъ, и онъ, шатаясь, пошелъ въ комнаты, а изъ внутреннихъ комнатъ выходили торопливо на встрѣчу имъ Толкуновъ и Ольга Андреевна.

— Здравствуйте! Какъ поживаете? Съ масляницей!—говорилъ Полистовскій.

И онъ подошелъ, немного покачиваясь, къ Ольгѣ Андреевнѣ и поцѣловалъ ея руку, а Ольга Андреевна наклонилась, чтобы поцѣловать его въ щеку, но сильный винный запахъ оттолкнулъ ее.

— А мы того... За Володей Толкуновымъ... встрѣчать зимній сезонъ... охотиться... Мы за тобой, братъ... Ѣдемъ!

— Шшш!—зашикалъ Толкуновъ:—у меня жена больна...

— А что же съ ней!..

— Такъ, женская болѣзнь, недомоганье.

— А мы, братъ, за тобой... Ѣдемъ!.. Прокатимся, погода отличная. Угонъ превосходный. Такую облаву учинимъ, что чорту будетъ жарко...

— Да я тебѣ говорю, что у меня жена больна.

— Да и ты захвораешь, коли не провѣтришься... Погода первый сортъ... Смотри... Посмотри... Выйди только: такъ тебя освѣжитъ, что ты точно воскреснешь...

— Погоди,—сказалъ Толкуновъ.—Я сейчасъ.

— Пойдешь у жены спроситься? А если не пуститъ?

Толкуновъ не слыхалъ его словъ. Онъ поспѣшно взбѣжалъ на лѣстницу, къ Любѣ.

— Послушай, дорогая моя... Они пріѣхали и зовутъ меня съ собой. Я поѣду, если ты не будешь скучать безъ меня.

— Зачѣмъ же скучать безъ тебя,—и я поѣду съ тобой.

— Нѣтъ, нѣтъ! Какъ это можно! Тогда я останусь.

— Нѣтъ, поѣзжай!.. Я лучше останусь.

Но Толкуновъ уже разслышалъ, что въ голосѣ ея звучали слезы.

— Послушайте, — вмѣшалась Ольга Андреевна: — вы поѣзжайте... а мы втроемъ, съ ней (и она указала на Любу) и съ Вѣрой, поѣдемъ вслѣдъ за вами. Вѣдь мы вамъ не будемъ мѣшать. Можетъ быть, дорога-то послужитъ ей къ лучшему.

И радость опять засвѣтилась въ глазахъ Любы. Она быстро нагнулась и поцѣловала Толкунова, а онъ быстро обнялъ ее и затѣмъ сбѣжалъ съ лѣстницы и сказалъ Полистовскому:

— Погоди! Сейчасъ мы ѣдемъ!—и тотчасъ же, не слушая, что говорилъ ему Полистовскій, распорядился заложить тройку старыхъ, смирныхъ лошадей въ маленькую повозочку и опытнаго степеннаго кучера Сергѣя посадить на козлы.

Люба тотчасъ же вскочила съ постели и прежде всего бросилась къ Вѣрѣ. Но комната Вѣры была заперта.

— Вѣра! Вставай!.. Ѣдемъ на охоту... Отвори дверь...

— Нѣтъ... я не поѣду. Не мѣшай мнѣ!

И она опять затворила и заперла дверь.

Черезъ часъ всѣ вышли на крыльцо.

— Куда же мы сперва поѣдемъ? — недоумѣвалъ одинъ изъ охотниковъ.

— Коли жизнь не дорога, то къ чорту на рога! — отвѣтилъ Полистовскій; Егорка укоризненно покачалъ головой.

XI.

Рѣшили большинствомъ голосовъ ѣхать въ Осиновку, а оттуда въ Дубнякъ. Это былъ небольшой свѣтлый лѣсокъ молодыхъ березъ, осины и дубковъ. Онъ тянулся версты на четыре или на пять. Туда необходимо было ѣхать, потому что тамъ, въ деревнѣ Суходольной, были съ вечера заказаны загонщики, и съ этой деревни должны были начаться загоны.

Черезъ полчаса подъѣхали къ деревнѣ. Еще издали на дорогѣ виднѣлась большая толпа крестьянъ, которые громко разговаривали. Это и были загонщики.

Дроги въѣхали въ самую толпу. Загонщики торопливо разступались.

— Здорово, ребята!—закричалъ весело Полистовскій.

— Здравствуйте, Дмитрій Степановичъ! — отвѣтили ребята. Нѣкоторые сняли шапки.

— Ну, забирай сначала Гороховый клинъ!—закричалъ Полистовскій, спрыгивая съ дрогъ, и немного пошатнулся.

— Извѣстно, надо сперва въ Гороховый клинъ... Онъ какъ есть первый... Его не минешь... Обойти нельзя... Невозможно,—говорили загонщики.

Послѣ долгихъ споровъ и пререканій — рѣшили гнать на „встрѣчь“—и всѣ загонщики разошлись занимать мѣста; а охотники пошли въ сосѣднюю большую избу, къ первому загонщику, Никитѣ Пургаеву. Его изба стояла съ краю, и вся компанія ввалилась въ избу.

Толкуновъ побѣжалъ къ Любѣ. Ихъ повозочка стояла немного поодаль.

— Ну, что?—спросилъ онъ.—Какъ вы обрѣтаетесь?

— Ахъ, какъ весело!..—воскликнула Люба.

— Ну!—сказалъ Толкуновъ:—охота скоро начнется. Вотъ идутъ распорядители загонщиковъ, — и онъ указалъ на двухъ мужиковъ, которые тихо приближались, о чемъ-то говоря и размахивая отчаянно руками.—Сейчасъ начнется, прощай...

— Господи!—сказала Ольга Андреевна.—Какая суматоха! И изъ-за чего?—изъ-за того, чтобы убить какого-нибудь несчастнаго зайца.

Толкуновъ всегда относилъ эту охоту къ категоріи истребленія вредныхъ животныхъ. „Зайцы,—говорилъ онъ,—вредятъ лѣсамъ, обгладываютъ кору съ деревьевъ, они лишніе, вредные члены въ земледѣльческой цивилизованной жизни“...

— Ты куда же это исчезалъ?—строго допросилъ его запле-тающимся языкомъ Полистовскій.—Съ бабьёмъ валандаешься...

— А вы не задерживайте... Не задерживайте, господа, охоту!—кричалъ пронзительно Захватьевъ, сильно выпивши.—Идемте зайцевъ бить... Идемте!..

И всѣ безпорядочной толпой отправились занимать мѣста.

— Ка-акъ!—удивился Захватьевъ.—Это безъ жеребьевъ?..

— Ну, безъ жеребьевъ или съ жеребьями,—развѣ не все равно?—проворчалъ кто-то.

Но для Захватьева это было не все равно. Онъ привезъ съ собой новенькіе нумера на мѣдныхъ жетончикахъ, и всю дорогу мечталъ, какой эффектъ произведетъ появленіе этого нововведенія, котораго онъ былъ великимъ изобрѣтателемъ.

Толкуновъ стоялъ около прямой, почти высокой осины.

Вдали, въ ближайшихъ колкахъ, зазвучали голоса загонщиковъ,—и прямо передъ Толкуновымъ выскочилъ на опушку лѣса

большой матерой русакъ. Его сѣровато-пестрая шкурка рѣзко выдѣлялась на снѣжныхъ полянахъ между деревьями.

Русакъ выскочилъ, повелъ ушами и присѣлъ прямо противъ Толкунова.

Толкуновъ быстро вскинулъ ружье, нацѣлилъ, и громкій выстрѣлъ огласилъ поле и кусты. Вслѣдъ за нимъ раздались и направо и налѣво отдаленные выстрѣлы.

Толкуновъ быстро зарядилъ ружье.

„Выскочитъ ли еще другой или нѣтъ?“ И только успѣлъ подумать, какъ другой небольшой зайчикъ заскакалъ прямо на него... Онъ приложился, хлопнулъ и положилъ его.

„Вотъ такъ счастливое мѣсто!“—подумалъ онъ—и снова зарядилъ ружье. Справа, слѣва также раздавались выстрѣлы.

Ближе и ближе слышались голоса и крики загонщиковъ; наконецъ они слились въ сплошной, голосистый крикъ.

И вдругъ заяцъ, совсѣмъ бѣлый, торопливо выскочилъ и принялся скакать нѣсколько наискось отъ Толкунова. Тотъ приложился прямо въ бокъ и положилъ его. Заяцъ перевернулся и упалъ.

Загонъ уже кончался; вдали между кустовъ стали показываться красныя лица загонщиковъ.

Толкуновъ прямо отправился къ застрѣленному зайцу и протянулъ уже руку, какъ вдругъ въ то же время изъ-за кустовъ вышелъ Захватьевъ и, подойдя къ зайцу, также протянулъ руку.

— Позвольте-съ,—сказалъ Толкуновъ,—это моя добыча...

Захватьевъ тотчасъ же обидѣлся и покраснѣлъ.

— Какъ ваша? ничуть не ваша, я его убилъ.

— Я стоялъ тутъ,—сказалъ Толкуновъ, и онъ указалъ на мѣсто, гдѣ онъ стоялъ.

Въ то время, когда они стояли на одномъ мѣстѣ и препирались, къ нимъ подошли другіе охотники.

— Ну, господа,—закричалъ кто-то,—время не терять, жребіи разбирать... Vite, vite, vite!

XII.

— Вамъ досталось между Кочежковымъ и Захватьевымъ,—говорили Толкунову.

„Опять между Захватьевымъ!“—подумалъ онъ.

Ему пришлось стоять подлѣ засохшаго большого куста орѣшника, который совершенно закрывалъ отъ него Захватьева.

„Я не буду смотрѣть туда и, главное, не буду спорить. Онъ ли, я ли убью зайца, все равно... Пускай все себѣ беретъ... Вѣдь это чистое мальчишество—спорить изъ-за зайца!

Впереди, подъ горкой, въ нѣсколькихъ шагахъ поднималась стѣна изъ кустовъ вяза и орѣшины. Захватьевъ стоялъ гдѣ-то внизу, такъ что Толкунову было не видно, гдѣ именно онъ стоитъ.

Загонщики гдѣ-то вдали закричали.

Гонъ подходилъ ближе и ближе. Уже слышались отдѣльные голоса. Вдругъ вблизи Толкунова, надъ его ушами, что-то сильно зашумѣло и захлопало. Въ то же мгновенье у него мелькнула мысль: „Это—глухари!“

И вслѣдъ затѣмъ тотчасъ же онъ вскинулъ ружье, опустилъ дуло его по направленію, гдѣ низко надъ землей съ страшной силой летѣли два тетерева, и спустилъ курокъ.

Выстрѣлъ раздался какъ-то глухо, и въ то же время что-то закопошилось, завозилось въ травѣ, впереди того мѣста, на которомъ стоялъ Толкуновъ. Онъ раздвинулъ, отстранилъ сухой кустъ, который мѣшалъ ему видѣть, что было внизу.

На косогорѣ лежалъ и барахтался Захватьевъ.

Не помня себя, Толкуновъ кинулся къ нему и спросилъ его чуть слышно:—Захватьевъ, что съ тобой?

Но онъ и такъ понималъ, хотя и смутно, что съ нимъ.

Почти весь зарядъ долженъ былъ ударить Захватьеву въ високъ. Лицо его было все облито кровью.

Толкуновъ бросилъ свое ружье на землю и, нагнувшись къ раненому, поднялъ его.

Руки его дрожали и тряслись. Онъ тихо опустилъ раненаго опять на землю и самъ опустился подлѣ него.

— Захватьевъ,—проговорилъ онъ тихо.—Вставай... это ничего. Задѣлъ тебя немножко.

И онъ дикими глазами оглянулся кругомъ Но кругомъ никого не было.

Угонъ шелъ къ концу. Отрывочные выстрѣлы раздавались то тамъ, то здѣсь, вдали.

— Господи! Господи!—прошепталъ надорваннымъ голосомъ Толкуновъ.—Что же это такое? Вѣдь я убилъ его!

Въ это время на опушкѣ, въ кустахъ, показался Егорка. Толкуновъ закричалъ ему и отчаянно замахалъ руками.

Егорка подбѣжалъ, всплеснулъ руками и проговорилъ:

— Ахъ, грѣхъ какой!.. Кто это застрѣлилъ его? Эй, братцы!—закричалъ онъ изо всѣхъ силъ и снова повторилъ свой крикъ.

Полистовскій первый услыхалъ его призывъ и пошелъ бы-

стрыми шагами на зовъ. Угаръ опьяненія его теперь прошелъ. Онъ былъ бодръ и свѣжъ.

Вслѣдъ за Полистовскимъ подошли и другіе.

Толкуновъ стоялъ какъ потерянный, блѣдный, губы его дрожали. Онъ не могъ отвести глазъ отъ раненаго имъ и въ то же время замѣтилъ, что манишка сбилась на его груди и одинъ грязный кончикъ ея торчалъ изъ-за галстуха.

Подошли еще люди; подошли загонщики.

— Эй, братцы,—сказалъ кто-то,—несемъ его въ избу... Надо, чай, лекаря...

И нѣсколько мужиковъ подняли тщедушное тѣло Захватьева и понесли...

Вся охота пришла къ этому мѣсту. Лица у всѣхъ были испуганныя и ошеломленныя.

Всѣ шли тяжело ступая и переваливаясь.

— Николи еще... Николи этакой бѣды не случалось!—бормоталъ сѣдой старикъ-загонщикъ, угрюмо шагая за толпой.

— Здѣсь я... здѣсь!—закричалъ свѣжій, молодой голосъ.—Раздайтесь, братцы!

— А-а! это докторъ Сѣмянскій, Петръ Иванычъ...—и всѣ разступились и увѣренно, съ надеждой смотрѣли на молодого человѣка въ докторской фуражкѣ съ кокардой.

Захватьева внесли въ избу и положили на столъ.

— Эхъ! Не надобно на столъ-то класть!—ворчалъ сѣдой загонщикъ.—Примѣта есть нехороша...

— А вы отойдите, отойдите отъ окна, свѣтъ заступили!—закричалъ на нихъ докторъ. И всѣ начали понемногу отступать, жаться другъ къ другу.

— Воды!—скомандовалъ докторъ.—Давайте воды! Скорѣй!—Онъ говорилъ и вмѣстѣ съ тѣмъ осматривалъ рану.

Принесли воды. Онъ обмылъ рану... Прошло около двадцати минутъ.

Захватьевъ пошевелился, краска разлилась по ея лицу; онъ открылъ глаза и быстро сѣлъ на столъ.

Кто-то ахнулъ въ толпѣ. Кто-то вздохнулъ.

Въ толпѣ, обступившей столъ, началось быстрое движеніе и говоръ.

Всѣ разступились и оживились.

— Ну, что, докторъ?—спросилъ Толкуновъ, который стоялъ все время какъ приговоренный къ смерти. Сердце его усиленно билось.

— Вынесите его на дворъ!—вскричалъ сердито докторъ.— Осмотрѣть не дадутъ!

Тотчасъ же нѣсколько человѣкъ приступило и протянуло руки къ Захватьеву, хватая его за полы пиджака. Но онъ самъ спустился со стола.

— Обморокъ съ нимъ былъ. Дѣло понятное!—кто-то проговорилъ въ толпѣ.

И множество рукъ подхватило его и повело вонъ изъ избы на чистый воздухъ, весь пронизанный веселыми солнечными лучами.

Выйдя на воздухъ и взглянувъ на небо, Захватьевъ перекрестился большимъ крестомъ.

XIII.

Толкуновъ вздохнулъ свободно и тоже внутренно перекрестился.

Теперь только онъ вспомнилъ о Любѣ, и чуть не бѣгомъ побѣжалъ къ тому мѣсту, гдѣ онъ оставилъ ее.

„Но что это?"—подумалъ онъ испуганно, или это ему кажется?.. Голосъ Любы и стоны, стоны, захватывающіе душу. И онъ бросился стремглавъ къ повозкѣ. Люба, дѣйствительно, стонала и билась на рукахъ у Ольги Андреевны.

— Водя! Водя!.. Я умираю!—прокричала она, увидѣвъ Толкунова.

— Зачѣмъ умирать, Господь милостивъ,—проговорила Ольга Андреевна и сказала, обратившись къ Толкунову:—Cela commence déjà.

У Толкунова еще сердце не успокоилось отъ исторіи съ Захватьевымъ, какъ кровь снова бросилась ему въ голову. Онъ, ничего не отвѣчая ни Любѣ, ни Ольгѣ Андреевнѣ, порывисто подвинулъ сидѣвшаго кучера, самъ сѣлъ подлѣ него, взялъ изъ его рукъ вожжи и быстро, круто повернулъ повозку.

Тройка, застоявшаяся на одномъ мѣстѣ, подхватила и понеслась.

Менѣе чѣмъ черезъ полчаса они на всемъ скаку прискакали на дворъ усадьбы и подкатили къ крыльцу.

Люба лежала въ обморокѣ. Ее внесли въ домъ. Со всѣхъ сторонъ и изъ всѣхъ дверей выглянули и выбѣжали домашніе.

Толкуновъ внесъ Любу на рукахъ на лѣстницу.

Въ его комнатѣ на порогѣ стояла Софья Яковлевна, во всемъ величіи ея колоссальной фигуры.

Она быстро подхватила на руки Любу, отступила съ ней въ комнату и, захлопнувъ за собой двери, заперла ихъ на замокъ.

— Пустите же меня!—вскричалъ Толкуновъ.

Но изъ-за двери раздался голосъ гигантской акушерки.

— Нельзя-съ! нельзя-съ, милостивый государь! Невозможно!

Толкуновъ отшатнулся, и въ это самое время сзади его въ корридорчикѣ раздались легкіе, торопливые шаги Ольги Андреевны.

— Maman!—съ отчаяніемъ вскричалъ онъ.—Меня не пускаютъ!

Но Ольга Андреевна ничего не отвѣтила ему, и торопливо прошла въ свою комнату.

Толкуновъ слѣдомъ шелъ за ней, твердо разсчитывая, что онъ войдетъ въ другую дверь черезъ спальню Ольги Андреевны. Но только-что онъ увидалъ эту дверь, какъ она тотчасъ же захлопнулась передъ его носомъ и ключъ со звономъ щелкнулъ въ замкѣ.

Толкуновъ бросился въ эту дверь, надѣясь на свою силу, но крѣпкая старинная дверь не подалась. Онъ нѣсколько секундъ барабанилъ въ эту дверь, но тщетно, затѣмъ опомнился и пришелъ къ себѣ.

Но у себя, въ его рабочей комнатѣ, ему не сидѣлось; онъ прошелъ въ залу, куда тихо, неслышно вошла и Ольга Андреевна.

Онъ въ испугѣ вскочилъ.

— Что? Что случилось?

— Ничего!..—сказала Ольга Андреевна.—Все идетъ правильно.

— Что же вы пришли?

— Люба меня прислала. „Поди, говоритъ, мама, посиди съ нимъ. Ему, должно быть, тревожно на душѣ“.

— Я опять пойду туда, мнѣ не терпится,—сказала Ольга Андреевна.

— Идите, идите, родная... Господь милостивъ... Все, можетъ быть, обойдется благополучно.

И онъ тоже всталъ и пошелъ вслѣдъ за ней. Они вмѣстѣ, ровной, неторопливой походкой, взошли на лѣстницу. Толкуновъ повернулъ въ свой кабинетъ, въ большую комнату, съ венеціанскимъ окномъ. Тамъ стояло его рабочее кресло и подлѣ него—небольшое, уютное кресло его Любы.

Усталость и сильное волненіе не давали ему покоя. Какой-то шумъ или стукъ со стороны спальни опять отвлекъ его вниманіе.

Онъ вздрогнулъ и подошелъ къ дверямъ спальни. Но дверь была по прежнему заперта. Онъ долго стоялъ съ замираніемъ

сердца и прислушивался. Но звукъ не повторялся и была полная, мертвая тишина.

Онъ отошелъ отъ двери и медленно, нерѣшительно прислушиваясь, опять ушелъ въ свой кабинетъ.

Сумерки уже давно спустились. Маятникъ однообразно отбивалъ въ корридорѣ на большихъ часахъ, стоявшихъ въ видѣ колонны, въ углу, и эти часы играли какой-то торжественный мотивъ каждый часъ.

Толкуновъ прошелъ опять къ себѣ и бросился въ кресло.

„Господи!—подумалъ онъ.—Какое мученье ждать и надѣяться, висѣть между небомъ и землею, точно тебя жарятъ и жгутъ на медленномъ огнѣ".

Онъ загасилъ лампу и свѣчи, думая заснуть.

XIV.

Прошелъ часъ, прошло два. Онъ не зналъ, сколько прошло времени. Ожиданіе постоянное, безпокойное измучило его. Но онъ утѣшалъ себя мыслью, что его мученье ничтожно передъ тѣмъ, которое теперь переноситъ она, его Люба.

Въ окнахъ какъ будто начинало свѣтать, но это, вѣроятно, думалъ онъ,—обманъ глазъ.

Ни шороха, ни звука, полная тишина. И вдругъ среди этой тишины раздался громкій дѣтскій крикъ.

Толкуновъ, не помня себя, бросился къ спальнѣ.

Изнутри послышался голосъ акушерки.

— Сейчасъ, папаша!.. сейчасъ мы приберемся.

Онъ хотѣлъ что-то сказать и не могъ.

Долгое ожиданіе и всѣ тревоги сегодняшняго утра выразились, наконецъ, сильнымъ нервнымъ припадкомъ, и онъ зарыдалъ, зарыдалъ спазматически, прислонясь къ холодной стѣнѣ.

А въ спальнѣ слышались смѣшанные, безпорядочные голоса. и всѣ ихъ покрывалъ голосистый, твердый голосъ новорожденнаго.

Наконецъ двери отворились, и онъ стремглавъ бросился туда. Но передъ дверью стояла акушерка въ кожаномъ фартукѣ и съ засученными по локоть рукавами.

Толкуновъ отстранилъ ее и прямо бросился къ Любѣ.

Въ первое мгновеніе онъ не узналъ ее.

Что-то лежало на ея постели, но это что-то имѣло такое

измученное, блѣдное, искаженное лицо, что у него сердце сжалось, и слезы сами собой полились изъ его глазъ.

Наконецъ онъ успокоился.

— А вотъ-съ, папаша! Вы взгляните на насъ. Вотъ-съ, мы какой молодецъ!—проговорила акушерка, держа ребенка обѣими руками подъ грудку.

Онъ теперь замолкъ, и Толкуновъ могъ разсмотрѣть его.

„Какой онъ уморительный! Точно маленькій раченокъ",—подумалъ онъ.

А маленькій раченокъ, завернутый въ пеленку, таращилъ на него свои сине-сѣрые стеклянные глаза и старался всѣми силами упрятать въ ротъ свою крохотную ручёнку.

„Боже мой!—подумалъ Толкуновъ,—какимъ безобразнымъ и безпомощнымъ является человѣкъ на свѣтъ божій!"

— Водя!—тихо позвала Люба, и онъ подошелъ къ ней.—Ты сядь тутъ подлѣ меня, и мнѣ будетъ хорошо, покойно.

И онъ придвинулъ кресло и сѣлъ подлѣ нея... Она взяла его руку и смотрѣла на него красными отъ слезъ и ярко блестящими глазами. Она взяла эту руку и положила ее къ себѣ на грудь.

— Водя!—прошептала она, такъ тихо, что онъ долженъ былъ нагнуться, чтобы разслушать:—А у насъ сынъ...

— У насъ сынъ,—повторилъ Толкуновъ и нѣжно, тихо поцѣловалъ ея руку.

Прошелъ часъ или два послѣ суматохи; все притихло, успокоилось и уснуло.

Вдругъ гдѣ-то вдали въ корридорѣ раздалась бѣготня, отрывистый громкій шопотъ, споръ и тихіе, подавленные крики.

Ольга Андреевна встрепенулась; она уже задремала, сидя въ большомъ креслѣ.

— Что у васъ такое, что за бѣготня и суматоха?

— Барышни нѣтъ!—проговорила на ходу юркая Даша и пробѣжала мимо.

— Какъ нѣтъ?

— Такъ, нѣтъ ихъ въ комнатѣ.

И только теперь вспомнила Ольга Андреевна, что въ этотъ день Вѣра не выходила изъ комнаты. Теперь только ей показалось удивительно страннымъ, что Вѣра не приняла участія въ ихъ сперва скорбной, а затѣмъ радостной суматохѣ.

Теперь всѣ собрались около дверей ея комнаты. Дѣйствительно, изъ-подъ этой двери несся такой холодъ, какъ на дворѣ,

и всѣ принялись стучать въ дверь и будить Вѣру. Но всѣ старанія были напрасны. Вѣра не откликалась.

— Надо сломать двери,—проговорила внушительно Акулина Степановна и перекрестилась.

Спросили Ольгу Андреевну, и она сама осмотрѣла двери и приказала открыть ихъ. Долго искали ключей, чтобы отпереть. Позвали Степана и Андрея, и они высадили дверь.

Окно было отворено, а комната пуста.

Набросились на дѣвушку, которая убирала постоянно комнату Вѣры.

— Я къ нимъ стучалась,—оправдывалась Даша,—а онѣ говорятъ: „послѣ приди, не мѣшай спать". Я уже и не осмѣливалась ихъ безпокоить.

— Не осмѣливалась!—передразнила Аграфена Степановна.—Ты должна была тотчасъ жѐ барынѣ доложить.

Должно замѣтить, что эта комната была не та, въ которой Вѣра жила прежде, до замужества Любы. Это была небольшая комната, окно которой, единственное окно, выходило въ садъ, въ глухой уголъ, заросшій малинникомъ, уже одичавшимъ и сильно разросшимся. Этотъ уголъ прилегалъ одной стороной къ Ахтаю, а другой—къ большой рощѣ.

— Барыня! Смотрите-ка! Чудо какое!—вскричала Даша и указала на ручку окна, къ которой была привязана простыня, а къ ней еще простыня и еще простыня.

— Вотъ, матушка моя, теперь и я догадалась,—проговорила Ѳедосья кастеляпша:—догадалась, милая, зачѣмъ она приказала мнѣ дать ей чистую простыню, а черной такъ мы и не нашли,—искали, искали и не нашли.

И всѣ заглядывали за окно. Къ ручкѣ его были привязаны три простыни. Конецъ нижней простыни постоянно относило вѣтромъ въ сторону, и онъ полоскался, какъ длинный флагъ.

Всѣ столпились у окна и думали, куда же Вѣра могла уйти.

Въ послѣдніе дни, когда все было занято болѣзненнымъ состояніемъ Любы и никто не обращалъ никакого вниманія на Вѣру, она постоянно бродила по всѣмъ комнатамъ, какъ будто искала кого-то, какъ будто не находила себѣ мѣста.

Послѣдній ея визитъ въ Немировку, казалось бы, долженъ былъ отнять у нея всякую надежду на исполненіе ея мечтательнаго плана; а между тѣмъ, случилось совершенно наоборотъ.

Натура Вѣры принадлежала къ тѣмъ упрямымъ, стойкимъ натурамъ, для которыхъ препятствія составляютъ какъ бы масло, подливаемое въ огонь. Если въ ея мечтахъ исчезала всякая воз-

можность сломить препятствія дѣйствительныя, то она начинала сочинять и придумывать препятствія невозможныя. Притомъ, всѣ мечты принадлежатъ къ области фантастическаго, а въ этой области всѣ перегородки и препятствія ломаются, какъ тростинки отъ легкаго дуновенія вѣтра.

И теперь она мечтала, что Немировскій не можетъ и не долженъ ее оттолкнуть, что онъ тронется ее мольбою и согласится помочь ей. Но въ чемъ и какъ—она этого не обсуждала.

По временамъ, въ какомъ-то смутномъ туманѣ, она сознавала, что все это—изобрѣтеніе ея фантазіи, и ничего въ дѣйствительности нѣтъ, но эти минуты просвѣтленія находили на нее рѣже и рѣже и наконецъ совсѣмъ оставили ее. Она пришла къ тому убѣжденію, что ей невозможно не бѣжать... туда, куда влекла ее привычная, любимая ея мечта, куда притягивало ее измученное, больное сердце.

И она занялась приготовленіемъ къ побѣгу. Прежде всего, она выбрала комнату, удаленную отъ всѣхъ другихъ. Затѣмъ она начала обдумывать костюмъ свой, и пришла къ заключенію, что ей необходимо купить или достать полушубокъ, простой, крестьянскій полушубокъ.

— Мама,—обратилась она къ Ольгѣ Андреевнѣ,—мнѣ необходимъ полушубокъ для утреннихъ прогулокъ.

Ольга Андреевна, разумѣется, удивилась.

— Вѣдь у тебя есть соболья шубка,—сказала она.—Зачѣмъ же тебѣ еще полушубокъ?

— Шубка для гостей и выѣздовъ, а мнѣ нуженъ простой рабочій полушубокъ.

— Что это за странная фантазія приходитъ тебѣ въ голову?—сказала Ольга Андреевна, но все-таки позвала Финогена, котораго спеціальность была зимнее одѣяніе на всю дворню, и Финогенъ смастерилъ ей хорошенькую новенькую дубленку.

— Фу! какъ она пахнетъ!—сказала Вѣра съ отвращеніемъ, но все-таки велѣла повѣсить дубленку къ себѣ въ комнату.

„Она не понадобится раньше мѣсяца“,—думала она. И ей смутно представлялось, что она убѣжитъ въ то самое время, когда настанетъ время Любѣ родить.

И она давно приставала къ акушеркѣ, чтобы та точно, непремѣнно точно опредѣлила день.

— Матушки мои! Да кто же это можетъ сдѣлать?—всплеснула руками акушерка.—Позовите хоть лейбъ-акушера, и тотъ этого не сможетъ сдѣлать. Мѣсяцъ еще мы можемъ опредѣлить

и то приблизительно, а день...—И она махнула рукой и усмѣхнулась.

Когда Любу привезли съ охоты, Вѣра пыталась проникнуть въ спальню ея, но безуспѣшно.

Тогда Вѣра начала собираться.

Она надѣла приготовленный костюмъ и ждала, когда раздастся первый крикъ ребенка, чтобы исчезнуть.

Было раннее утро. Синева дня только-что разлилась на востокѣ. Вѣра вышла на дорогу съ длинной палкой, какую обыкновенно носятъ богомолки-странницы, идущія къ святымъ мѣстамъ.

Н. П. Вагнеръ.

БАЙРОНЪ ВЪ ВЕНЕЦІИ

1816—1819.

Послѣ перелома, пережитаго Байрономъ въ Швейцаріи [1]), внезапно начинается веселье его венеціанскаго житья, и можетъ почудиться (въ особенности если принять на вѣру небылицы и преувеличенія разныхъ біографовъ, „очевидцевъ“ и т. п.), не было ли тутъ „искушенія“, столь обычнаго въ легендахъ. Развеселая, гулящая—съ горя по утраченной свободѣ—Венеція, точно обольстительная вакханка, преградила путь спускавшемуся съ горъ задумчивому страннику, приманила его, зачаровала, закружила, и задержала въ своихъ сѣтяхъ до той поры, пока не очнулся онъ и съ брезгливымъ негодованіемъ не вырвался на волю, проклиная чаровницу. Такъ Венера укрывала въ сладостномъ плѣну рыцаря-поэта Тангейзера.

Но зачѣмъ искать искушеній и навожденій!.. Преждевременно было торжествовать побѣду надъ прошлымъ. Въ *послѣдній* разъ вырвались неулегшіяся еще, не покорившіяся разсудку и волѣ страсти; это было (по выраженію самого поэта) „прощаніе съ молодостью“, судорожное, напоминавшее своей лихорадочностью самые острые пароксизмы застарѣлаго его недуга, нервной жажды наслажденій, какъ средства заглушить тоску. Послѣ разлуки съ Шелли, тоска вернулась; одиночество было полное; недавно пережитое снова надвинулось и томило,—а кругомъ бойко неслась жизнь, безпечальная, полная соблазновъ... Строже су-

[1]) См. въ 1900 г. статьи того же автора: „Изъ жизни Байрона“, мартъ; „Байронъ въ Лондонѣ“, май; „Байронъ въ Швейцаріи“, ноябрь.

роваго моралиста самъ поэтъ осудилъ впослѣдствіи растрату своихъ силъ и увлеченій, заклеймилъ среду, которая пыталась втянуть его въ свой низменный душевный складъ и полную распущенность. Его отзывы о Венеціи сначала полны симпатіи и художественныхъ восторговъ; подъ-конецъ онъ даетъ ей презрительное прозвище „приморскаго Содома“ (Sea-Sodom), которое онъ со временемъ вложилъ въ уста и Марино Фальеро, выдѣляетъ изъ своего осужденія лишь внѣшность чуднаго города, „столь же великолѣпнаго, какъ его исторія“, и признается въ своемъ *отвращеніи* къ венеціанцамъ, чье нравственное паденіе онъ „никогда не представлялъ себѣ дошедшимъ до крайней степени, пока они сами не дали ему въ этомъ урокъ“ (Letters, IV, 325).

Какъ ни суровъ приговоръ, какъ ни подтверждаютъ его преданные Байрону свидѣтели его венеціанскаго житья, Шелли, Гобгоузъ, Томасъ Муръ,—было бы большою несправедливостью считать этотъ періодъ въ жизни поэта (съ краткими отлучками его изъ Венеціи занявшій цѣлыхъ три года, съ ноября 1816 по декабрь 1819 года) сплошнымъ регрессомъ, тяжкой ошибкой, вредной и для творчества поэта, и для его общественно-политическаго призванія. Въ наиболѣе критическія минуты, когда стороннему свидѣтелю бросались въ глаза лишь карнавальное веселье или похожденія въ боккачіевскомъ вкусѣ,—не прерывалось развитіе идей, замысловъ, задачъ, которымъ посвящены были его лучшія силы. *Никогда* не измѣнялъ онъ имъ,—но работа художника, мыслителя, наблюдателя жизни человѣчества, была незамѣтна для непосвященнаго взора. Такъ Лермонтовъ среди разгара ухарской жизни въ кавалерійской школѣ, когда всѣ мысли его, казалось, направлены были лишь къ пирамъ и донъ-жановскимъ приключеніямъ, берёгъ святыню своихъ думъ и вдохновеній, и въ ночной тиши то же перо, которое набрасывало скоромные стишки „Уланши“, вносило въ завѣтную тетрадь импровизаціи „Демона“ или полные искренняго лиризма дифирамбы любимой дѣвушкѣ.

Три года, проведенные Байрономъ въ Венеціи и ославленные сплетнею, какъ пора широкаго разлива его безнравственности и цинизма, погубившаго его дарованіе,—связаны съ появленіемъ такихъ произведеній, какъ новая редакція третьяго акта „Манфреда“, четвертая пѣснь „Чайльдъ-Гарольда“, „Жалоба Тасса“, „Беппо“, „Мазепа“, наконецъ первыя главы „Донъ-Жуана“. Не очевидно ли, что при всѣхъ своихъ тѣневыхъ сторонахъ жизнь въ „приморскомъ Содомѣ“ была для Байрона зна-

чительнымъ шагомъ впередъ въ развитіи его художественныхъ силъ. Когда связи съ Венеціей порвались навсегда, онъ одновременно повелъ широкую дѣятельность писателя и опасную работу пропагандиста-заговорщика, освободителя Италіи. Правда, въ эту пору его согрѣла любовь,—*послѣдняя* его любовь. Но вѣдь и она зародилась въ Венеціи...

Таково истинное значеніе „вѣнеціанскаго періода"; но чтобы подтвердить и обосновать это значеніе, нужно постоянно имѣть въ виду оба теченія, не избѣгая ихъ противорѣчій. Изученіе хроническихъ контрастовъ, среди которыхъ вьется извилистая линія духовнаго и художественнаго роста,—одна изъ любопытнѣйшихъ задачъ біографіи поэта.

Когда пришелецъ,—кто бы онъ ни былъ, мечтатель или искушенный житейскою прозой труженикъ,—впервые видитъ Венецію, онъ не можетъ не испытать впечатлѣнія фантастическаго сна на яву, олицетворенной мечты, оживленной сказки,—до того она не похожа ни на что имъ видѣнное. Потомъ можетъ настать раздумье: меланхолія былого величія, увяданія, подернетъ флеромъ волшебныя краски, въ глаза бросятся бѣдность, отсталость, безнадежность,—но равнодушіе и холодность первыхъ минутъ просто немыслимы.—Такъ это было искони. Какъ же сильно долженъ былъ подѣйствовать чудный городъ на того, кто (по собственному его признанію) съ раннихъ лѣтъ любилъ переноситься въ мечтахъ на востокъ и въ Венецію, словно въ обѣтованныя страны красоты и счастья! Байронъ провелъ нѣсколько дней въ постоянномъ возбужденіи. Его плѣняло все: величавая старина, живописная оригинальность жизни среди воды, жгучая красота венеціанскаго типа, пѣсни гондольеровъ, тихіе каналы, зеркало лагунъ, дворцы, дремлющіе храмы съ великими памятниками искусства, веселый гулъ толпы на площади св. Марка, лабиринтъ картинныхъ закоулковъ, висячихъ мостовъ, площадокъ, колоннадъ, бесѣдокъ, увитыхъ цвѣтами, безчисленныхъ и заманчивыхъ неожиданностей, которыя открываются вдругъ при любомъ поворотѣ гондолы и манятъ къ себѣ таинственностью, безпечностью и нѣгой. Прежде всего, онъ идетъ во дворецъ дожей, и смѣна впечатлѣній великолѣпія и царственной гордости старинныхъ владыкъ республики трагическими отголосками тайнаго суда, доноса, пытокъ, казней, видъ тюремъ подъ свинцовой крышей, „Моста Вздоховъ", впервые ставятъ его лицомъ къ лицу съ тѣмъ міромъ могущества, преступности и самоуправства, попиравшаго народную свободу, который онъ со временемъ изобразилъ въ двухъ трагедіяхъ. Зародышъ одной изъ нихъ уже обо-

значился въ эту минуту. Въ письмахъ къ Дж. Мэррею (Letters, IV, 58 и 92) Байронъ говоритъ, что сильнѣе всего на него подѣйствовалъ видъ чернаго покрывала, окутывавшаго портретъ дожа Марино Фальеро, того возвышенія, на которомъ онъ былъ коронованъ, а впослѣдствіи обезглавленъ [1]), и мрачно прозвучавшій разсказъ чичероне о томъ, какъ престарѣлый „Фальеро, движимый ревностью, составилъ заговоръ противъ того государства, въ которомъ былъ верховнымъ главою". Три мѣсяца спустя (25-го авг. 1817), Байронъ уже заявляетъ, что рѣшилъ написать трагедію на этотъ необыкновенно драматическій сюжетъ" [2]).

Но свѣтлыя картины и бытовыя сцены скоро смягчили тяжелое впечатлѣніе прошлаго. Байрону хотѣлось увидать прежде всего Ріальто; туда влекли его,—говоритъ онъ,—воспоминанія о Шекспирѣ и его „Венеціанскомъ купцѣ". Шейлокъ наравнѣ съ Отелло, наконецъ съ Пьеромъ, героемъ забытой теперь, но горячо написанной трагедіи XVII-го вѣка: „Venice preservent, or a plot discovered", Отвэя [3]), поддерживалъ въ немъ желаніе увидать во что бы то ни стало Венецію. Среди множества лавчонокъ, облѣпившихъ смѣло переброшенную черезъ Canal Grande арку моста, въ сутолокѣ бойкой торговли, шума, смѣха и жужжанія толпы, безостановочно, точно по лѣстницѣ Іакова, сновавшей вверхъ и внизъ по мосту, онъ очутился въ томъ водоворотѣ, который вскорѣ втянулъ его въ себя и закружилъ чуть не до самозабвенія.

Поселился онъ сразу въ центрѣ этого водоворота, вблизи отъ площади св. Марка, съ другой стороны—въ нѣсколькихъ шагахъ отъ театра „Fenice", на Фрецціеріи, одной изъ типичнѣйшихъ венеціанскихъ улицъ или узкихъ корридоровъ, гдѣ дома глядятъ другъ другу въ окна, оставляя сверху едва замѣтную голубую полоску неба, гдѣ звонко раздаются голоса и жизнь вырывается изъ потемокъ на улицу, гдѣ можно было бы стосковаться о просторѣ, еслибъ не перерѣзалъ ее какой-то каналъ и вѣчно шмыгающія во всѣ стороны гондолы не уносили чело-

[1]) Въ настоящее время нѣтъ болѣе портрета Фальеро на стѣнахъ Sala del Maggior Consiglio; вмѣсто него, на черномъ фонѣ, виднѣется надпись: „Hic est locus Marini Falethri decapitati pro criminibus".

[2]) Анализъ трагедіи и обзоръ источниковъ ея сдѣланъ въ книгѣ Franz Krause, „Byron's Marino Faliero". Ein Beitrag zur vergleichende Litteraturgeschichte", Breslau, 1897.

[3]) Полная непріязненныхъ народной свободѣ выходокъ и косвенныхъ намековъ на англійскій либерализмъ, пьеса эта, мѣстами, напр. въ сценахъ любви, полна поэтическихъ красотъ. Запятнавшій себя подслуживаніемъ послѣднимъ Стюартамъ, даровитый Отвэй погибъ въ крайней бѣдности (1685).

вѣка вдаль. Домъ, который Байронъ выбралъ себѣ для житья, принадлежалъ суконщику Segati, и внизу помѣщалась его лавка. Не трудно отгадать, почему выборъ палъ именно на этотъ невзрачный домъ,—у „Венеціанскаго купца“ (какъ сразу прозвалъ его Байронъ) была красавица-жена съ „большими, чудными глазами антилопы“; стоило ей остановить на форестьерѣ ихъ взглядъ, пламенный и манящій, и онъ предпочелъ ея заурядный домикъ всѣмъ палаццо, красивымъ, опустѣвшимъ и дешевымъ. Черезъ нѣсколько дней онъ уже пишетъ друзьямъ, что влюбился и счастливъ съ своею Маріанной; „вѣдь въ его положеніи броситься въ каналъ или очертя голову влюбиться—лучшее, или, можетъ быть, худшее, что онъ могъ бы сдѣлать“. Переписка долго наполняется описаніями красоты Маріанны, ея тяжелыхъ черныхъ косъ, *восточной* прелести глазъ, глубокихъ и страстныхъ, классическаго профиля, смуглаго цвѣта лица, крошечнаго ротика. Послѣ увлеченій ранней юности, онъ никогда не вдавался въ такой лиризмъ описаній женской красоты. Очевидно, онъ совсѣмъ захваченъ; „я не въ силахъ передать впечатлѣнія, которое производятъ на меня ея глаза“,—прерываетъ онъ однажды потокъ восторговъ.

Сближеніе пошло необыкновенно быстро: „Венеціанскій купецъ“ былъ старъ, вѣчно занятъ дѣлами и все уходилъ въ лавку; Маріаннѣ было всего 22 года и она скучала; говорили потомъ, будто она утѣшалась, какъ всѣ женщины ея круга, съ тою легкостью нравовъ, которою славилась Венеція, но Байрона она увѣрила, что полюбила впервые. По-своему она къ нему привязалась, хотя никогда не забывала матеріальной стороны дѣла, и вмѣстѣ съ тѣмъ гордилась тѣмъ, что ея другъ—знатный и богатый иностранецъ. Въ свѣтлые промежутки она весело щебетала,—и „въ ея устахъ наивность венеціанскаго діалекта пріобрѣтала необыкновенную прелесть“,—или пѣла народныя пѣсни и свои импровизаціи. Въ другіе же періоды она была безумно ревнива и мучила Байрона ужасными сценами. Однажды,—разсказываетъ онъ,—вечеромъ, во время ея отсутствія, къ поэту постучалась жена ея брата, искавшая защиты отъ постылаго мужа; едва они успѣли разговориться, какъ ворвалась Маріанна, осыпала соперницу побоями, завладѣла ея косами, насилу была отвлечена отъ нея, упала въ обморокъ и, во время стараній привести ее въ чувство, застигнута врасплохъ мужемъ, которому кое-какъ объяснили ея присутствіе у Байрона, что не помѣшало ему наконецъ догадаться, какъ далеко зашла связь его жены.

Но проходило облако, и снова Маріанна веселилась, и пѣла, и любила.

Байронъ не могъ не чувствовать всего различія ихъ натуръ. Маріанна Сегати была неразвита и первобытна, хотя не безъ здраваго смысла, остроумныхъ выходокъ, смѣлыхъ намѣреній. Когда онъ, нѣсколько мѣсяцевъ спустя, собрался на время въ Римъ, она объявила, что ни за что не разлучится и уѣдетъ съ нимъ. Въ эту минуту она была цѣлой головой выше большинства венеціанокъ, легко мѣнявшихъ обожателей, и готова была изломать свою жизнь. Но раздумье овладѣло Байрономъ, и онъ съ трудомъ убѣдилъ ее остаться, напоминая, что у нея есть ребенокъ. Зато онъ сильно тосковалъ въ Римѣ („I am wretched at being away from Marianna", IV, 19) и все рвался назадъ.

Таковъ былъ первый актъ его венеціанской „Комедіи любви", съ инцидентами во вкусѣ „Декамерона", но съ несомнѣнными проблесками истиннаго чувства съ обѣихъ сторонъ. Связь съ Маріанной была посвященіемъ его въ культъ безпечнаго наслажденія, которому все отдавалось вокругъ. И началась она при завлекательной обстановкѣ: черезъ нѣсколько дней послѣ пріѣзда Байрона, насталъ карнавалъ, — а въ тѣ годы это было чуть не важнѣйшее дѣло въ быту Венеціи. По словамъ Байрона, въ теченіе шести недѣль царило постоянное веселье; каждый день — маскарады, катанья, опера, иллюминація, балы, ridotti, шумъ и пѣніе на улицахъ, площадяхъ и каналахъ, и такъ до глубокой ночи. Какъ легко было завязывать нѣжныя знакомства, вести интригу, сколько похожденій скрывалось подъ покровомъ маски и домино! Съ увлеченіемъ, которое часто казалось болѣзненнымъ, Байронъ бросился въ самую пучину, ничѣмъ не пренебрегая, желая все испытать, — пока не настало пресыщеніе и переутомленіе. Впечатлѣнія перваго карнавала, пережитаго имъ на итальянской почвѣ, со всѣмъ estro настоящаго туземца, долго не изгладились; они образовали со временемъ безподобно реальный бытовой фонъ „Беппо"; обрисовать его такъ ярко могъ лишь очевидецъ и участникъ. Но карнавалъ вызывалъ на поверхность жизни то, что̀ служило ея двигательной силой и покрывало ее сплошною сѣтью свободныхъ отношеній и комбинацій, не только терпимыхъ, но почти узаконенныхъ, какъ прадѣдовскій обычай. „Съ начала XVII-го вѣка,—говоритъ историкъ общественнаго и частнаго быта Венеціи [1]),—когда мода потре-

[1]) P. G. Molmenti. „Storia di Venezia nella vita privata dalle origini alla caduta della republica". Torino, 1885, 380—81.

бовала, чтобы семейныя привязанности не проявлялись на глазахъ у людей, придуманы были cavalieri serventi, существованіе которыхъ признавалось даже брачными контрактами. Это нововведеніе, сначала невинное, естественно должно было извратиться, и позже появились *чичисбеи*, опиравшіеся въ своихъ интригахъ на гондольеровъ и камеристокъ. Они сопровождали даму всюду, въ театръ, концертъ, въ церковь, на балы, входили въ домашнія дѣла своей подруги, которая показалась бы смѣшною, еслибы выѣзжала съ своимъ мужемъ". Житье втроемъ было дѣломъ обыкновеннымъ; смѣна поклонниковъ превратилась въ правильный любовный круговоротъ. Положеніе Байрона въ домѣ Сегати входило въ норму „чичисбеата"; хотя и мысли о томъ не было у искренно увлекшагося поэта, все-же онъ вскорѣ увидалъ себя однимъ изъ воиновъ большой арміи легализированныхъ „друзей дома". Наблюдая съ изумленіемъ этотъ порядокъ вещей, всѣми признаваемый нравственнымъ и приличнымъ, онъ именно въ Венеціи долженъ былъ начать тотъ сатирическій пересмотръ разногласій во взглядахъ человѣчества на нравственность, который сталъ основой его „Донъ-Жуана".

„Вступая въ этотъ городъ, чувствуешь словно дыханье сладострастія (un air de volupté), опасное для нравовъ", говорилъ о Венеціи XVIII-го вѣка заѣзжій путешественникъ-моралистъ, выдавшій себя потомъ печатно (подражая манерѣ Монтескьё въ „Персидскихъ Письмахъ") за китайскаго шпіона, посланнаго въ Европу пекинскимъ дворомъ для изученія ея современнаго положенія [1]). По свидѣтельству историковъ быта и показанію Байрона, которому подтверждали это старожилы, уровень нравовъ со времени паденія республики не улучшился, и къ свободѣ брачныхъ нравовъ присоединилась и общая распущенность, поддержанная притокомъ гуляющихъ и продажныхъ женщинъ. Прежде хоть сенатъ и дожи, наконецъ демократическая партія, пытались остановить развращеніе и по-своему готовы были примѣнить къ населенію республики хоть нѣкоторыя изъ требуемыхъ просвѣтительнымъ вѣкомъ мѣръ и реформъ для поднятія экономическаго благосостоянія и просвѣщенія массы [2]), которое отразилось бы и на уровнѣ нравственности,—австрійскія же власти, чуждыя народу, были безсильны и неумѣлы, тогда какъ обездо-

[1]) „L'espion chinois, ou l'envoyé secret de la cour de Pékin pour examiner l'état présent de l'Europe". Cologne, 1769, второй томъ, письмо 74.

[2]) Интересные матеріалы для изученія просвѣтительныхъ идей и новыхъ экономическихъ теорій въ ихъ борьбѣ со старымъ венеціанскимъ аристократизмомъ собраны въ книгѣ Макс. Ковалевскаго: „Происхожденіе совр. демократіи", томъ 4.

ленная во всемъ толпа какъ будто видѣла въ свободѣ любви и веселья, въ безграничной маскарадной вольности послѣдній остатокъ прежней свободной жизни. Когда Байронъ совсѣмъ порвалъ съ Венеціей, онъ въ письмахъ часто набрасывалъ отталкивающія характеристики общества, которое не знаетъ ни чести, ни дружбы, ни вѣрности, въ которомъ нѣтъ семьи, нѣтъ привязанности,—онъ долженъ былъ личнымъ опытомъ придти къ такому приговору.

Но могъ ли, несмотря на изобиліе всякихъ утѣхъ и развлеченій, авторъ „Гарольда“ и „Шильонскаго узника“, поэтъ политическій и обличитель повсемѣстнаго торжества реакціи, не видѣть бѣдственнаго положенія великаго и несчастнаго народа, изъ рядовъ котораго венеціанцы явились передъ глазами поэта первымъ печальнымъ примѣромъ паденія и неволи Италіи? Могъ ли онъ, за шумомъ карнавала и игривостью любовныхъ нравовъ, не отгадать страданій народа въ его цѣломъ, лишеннаго самыхъ элементарныхъ условій разумнаго существованія, и не понять, что Италія, по восторженному выраженію Шелли, „рай для изгнанниковъ“ [1]), и въ то же время страна мертвыхъ? Въ перепискѣ встрѣчаются отзывы о ломбардо-венеціанскомъ режимѣ австрійцевъ, какъ о самомъ отсталомъ и нетерпимомъ, о мѣстной печати, онѣмѣвшей, безсильной и жалкой,—но вопросъ еще не ставится рѣзко, и тотъ, кто, бывало, возбуждалъ испанцевъ и грековъ свергнуть чужеземное иго, добыть свободу,—какъ будто медлитъ высказаться. Тѣмъ временемъ уже скоплялись въ различныхъ частяхъ Италіи силы для организаціи освободительнаго движенія. Лишь за нѣсколько мѣсяцевъ передъ появленіемъ Байрона, послѣ опасной агитаціи на глазахъ австрійцевъ, и потомъ въ Швейцаріи, гдѣ онъ держалъ въ рукахъ всѣ нити, эмигрировалъ въ Англію Уго Фосколо. Въ сосѣднемъ Миланѣ редакціонный кружокъ газеты „Il Conciliatore“, съ Сильвіо Пеллико во главѣ, сдѣлался очагомъ оппозиціи австрійцамъ. Эти первые провозвѣстники возрожденія Италіи выказали вскорѣ (говоря словами Мицкевича о соотечественникахъ Пушкина) удивительный „героизмъ неволи“. Вскорѣ послѣ окончательнаго отъѣзда Байрона изъ Венеціи, туда привезли арестованнаго Пеллико, заточили его сначала въ знаменитыхъ „Piombi“, потомъ на островѣ Мурано, чтобы, въ заключеніе, схоронить его на долгіе годы, вмѣстѣ съ другими мучениками, въ казематахъ Шпильберга [2]).

[1]) „Thou Paradise of exiles, Italy!“ „Julian and Maddalo“, стихъ 57.

[2]) Стендаль обратился къ Байрону съ письмомъ, полнымъ сожалѣнія о несчастномъ Пеллико, и ожидалъ заступничества за него со стороны англійскаго поэта. Raffaello Barbiera, „Figure e figurine del secolo che muore“. Milano, 1899, 37—8.

Но у Байрона сначала было слишкомъ мало соприкосновенія даже съ дѣятелями итальянской литературы. Въ Миланѣ онъ встрѣтилъ даровитаго, но безпринципнаго ренегата Монти, и вскорѣ брезгливо отвернулся, хотя и отъ него выслушалъ что-то въ родѣ совѣта вступиться за итальянское дѣло: „только посторонній, не-итальянецъ, въ особенности представитель свободной Англіи можетъ высказаться сполна по этому вопросу передъ Европой", говорилъ Монти [1]). Въ Венеціи онъ познакомился съ другою прежнею знаменитостью, Ипполитомъ Пиндемонте, но авторъ патріотическихъ одъ и глубоко прочувствованныхъ элегій былъ уже старъ и склонялся къ піэтизму. Съ писателями иного типа судьба пока не сводила Байрона. Политическая же агитація была исключительно тайною; проникнуть въ нее непосвященному было невозможно. Если Байронъ почему-либо предполагалъ ея существованіе, быть можетъ, даже въ близкихъ къ нему слояхъ, — ему пришлось лишь подъ конецъ своего венеціанскаго житья дождаться того, что рука любимой женщины ввела его въ подземелье итальянской народной политики, и жизнь его озарилась энтузіазмомъ къ общему благу.

Страстность, съ которою Байронъ бросился и въ объятія Маріанны, и въ волны карнавала (послѣднюю его ночь, 18-го февраля, онъ напролетъ провелъ въ маскарадѣ „Фениче"), говорила о желаніи забыться, заглушить то, что̀ его мучило. Тотъ, кто одинъ только съумѣлъ бы ободрить и вдохновить его, Шелли, былъ далеко и явился въ Венецію лишь въ 1818 году. Старое горе постоянно напоминало о себѣ. То придетъ изъ Англіи вѣсть о томъ, будто лэди Байронъ уѣзжаетъ за-границу и беретъ съ собой Аду,—и это притязаніе располагать ея судьбой, игнорируя волю отца, возмущаетъ его; то его извѣстятъ, что Ада принята подъ опеку Chancery Court (въ сущности, это было лучшее, что̀ могли сдѣлать),—и онъ протестуетъ противъ самовластія жены, противъ вмѣшательства опеки, обращается съ гнѣвными письмами къ своему адвокату, *даже къ женѣ* (два неизвѣстныхъ до сихъ поръ письма напечатаны теперь по сохранившимся черновымъ наброскамъ [2]),—не для того, чтобы искать примиренія, а чтобы высказать нѣсколько горькихъ истинъ. По его словамъ, онъ, несмотря ни на что̀, допускалъ возможность сближенія, теперь же всѣ иллюзіи исчезли; рядъ рѣзкихъ ея поступковъ показалъ ему, что ей недоступна гуманность. Но торжествовать

[1]) Онъ называлъ Англію „единственнымъ трибуналомъ, передъ которымъ Европа можетъ предъявлять свои жалобы" (Broughton „Italy", 1859, 40).

[2]) Letters, 1900, IV, 66 и 268.

она не будетъ; никогда не испытаетъ она болѣе ни счастія, ни спокойствія; „Время и Немезида отмстятъ ей“... „Никто не бываетъ, даже невольно, виновникомъ ужаснаго несчастія, не поплатившись за то,—говоритъ онъ;—я немало платилъ уже за свою долю; отплата продолжается,—но и ваша очередь настанетъ“... Когда же, годъ спустя, получена была вѣсть о томъ, что одинъ изъ главныхъ возбудителей ихъ семейнаго раздора, шестидесятилѣтній сэръ Самуэль Ромилли, отъ горя о смерти своей жены перерѣзалъ себѣ горло, и судъ призналъ престарѣлаго самоубійцу умалишеннымъ, Байронъ снова написалъ женѣ, предаваясь мрачной радости при видѣ мщенія судьбы за него...

Тяжелы были также вѣсти объ общемъ положеніи Англіи, о быстрыхъ успѣхахъ, сдѣланныхъ въ ней реакціею за время отсутствія Байрона, о травлѣ свободныхъ идей такимъ маніакомъ консерватизма, какъ Кэстльри, приведшей, наконецъ, къ стѣсненію политическихъ вольностей и пріостановкѣ, въ 1817 г., „Habeas Corpus“. Хотя въ тѣ минуты, когда особенно мучительно оживали недавнія оскорбленія, у Байрона вырывались теперь заявленія, что, „*кромѣ ада*, онъ не желалъ бы ничего общаго съ англичанами“ („I know no other situation except Hell which I should feel inclined to participate with them“, Letters, IV, 125) и т. п., негодованію его не было предѣловъ. Въ рядахъ оппозиціи дѣйствовали близкіе ему люди, Гобгоузъ, Ли-Гонтъ [1]), или внушавшіе уваженіе энергіею своего демократизма вожди, въ родѣ Коббетта; безмолвіе, на которое осуждалась страна, гнетъ на печать и право митинговъ, отмѣна личной безопасности, сливались въ безотрадную картину безвыходнаго застоя.

Говорить о личныхъ и общихъ заботахъ и горестяхъ, дѣлиться мыслями было не съ кѣмъ. Въ образованномъ венеціанскомъ обществѣ у Байрона было два, три дома, гдѣ онъ охотно показывался, когда изъ мѣщанскихъ низинъ снова хотѣлось ему подняться въ тѣ слои, которые еще выказывали нѣкоторый интересъ къ литературѣ, искусству, тонкому общежитію. Это были салонъ графини Альбриции и модная гостиная графини Бенцони; вторая слишкомъ походила, благодаря изысканнымъ вкусамъ ея хозяйки, на парижскіе философски-острословные салоны XVIII-го вѣка, и лишь въ первомъ его жалѣли, ему сочувствовали. Одинъ изъ лучшихъ и подробнѣйшихъ литературныхъ портретовъ Бай-

[1]) Шелли сдѣлалъ также цѣнный вкладъ въ литературу политическихъ памфлетовъ своимъ „Proposal for putting reform to the Vote through out the Kingdom“, а позже—воззваніемъ къ народу: „Address to the people“.

рона принадлежитъ умной и наблюдательной contessa Albrizzi и включенъ ею въ дополненное изданіе ея „Ritratti“ [1]), интересной коллекціи характеристикъ замѣчательныхъ людей, съ которыми ей приходилось встрѣчаться [2]),—но и она не могла вполнѣ понять и раздѣлить его запросовъ, сомнѣній и надеждъ. Большой наивностью проникнута, напримѣръ, та часть его характеристики, гдѣ авторъ сожалѣетъ о томъ, что „манія такъ называемыхъ либеральныхъ убѣжденій ни въ чьемъ умѣ не пустила такихъ глубокихъ корней, какъ въ немъ“, и удивляется тому, что „онъ, будучи лордомъ и пэромъ свободнѣйшей изъ всѣхъ странъ, Англіи, называлъ себя рабомъ“ (essendo Lord e Pari della liberissima Inghilterra, riputavasi schiavo).

Одиночество, гложущая рефлексія и недовольство собой скрывались подъ маской веселости и любовнаго задора, особенно въ первые мѣсяцы, и лира его была беззвучна (tuneless). Чтобъ заглушить безпокойство, онъ предавался, по старой привычкѣ, усиленнымъ физическимъ упражненіямъ, особенно плаванію, кидался, иногда въ одеждѣ, въ волны канала или лагуны, вызывая изумленіе небывалымъ искусствомъ (однажды ночью онъ плылъ по каналу, дѣйствуя одною лишь рукой, а въ другой — держа факелъ, чтобъ обезопасить себя отъ внезапнаго появленія изъ-за угла гондолъ). Онъ старался сжиться съ толпой, замѣшаться въ нее, блуждалъ по городу, особенно въ поздніе вечерніе часы. Случалась ли гдѣ-нибудь бѣда, онъ спѣшилъ на помощь, и мы, конечно, не знаемъ всѣхъ примѣровъ его непоказного, братскаго участія (въ воспоминаніяхъ одного изъ участниковъ его греческой экспедиціи, маркиза де-Сальво [3]), встрѣчается, напр., разсказъ о томъ, какъ Байронъ въ Венеціи появился разъ на пожарѣ, сгубившемъ все имущество бѣднаго типографщика, увидалъ, что тушеніе невозможно, велѣлъ передать

[1]) „Ritratti scritti da Isabella Teotochi Albrizzi“. Pisa, 1826.

[2]) Съ детальностью живописца она описала его наружность,— небесно-голубые глаза, каштановыя кудри, мраморную бѣлизну шеи, которая всегда была открыта, недовольность лица, то „спокойнаго, какъ весеннее утро“, то пламеннаго и бурнаго,— отмѣтила, какъ тяготился онъ своею ролью театральнаго героя, возбуждающаго всеобщее вниманіе,—запомнила его литературные пріемы,—напр., привычку передъ созданіемъ произведенія посѣтить мѣста, которыя въ немъ изображаются, и „вдохновиться самымъ ихъ воздухомъ“,—съ сочувствіемъ указала на то, что упоминанія его о женѣ были всегда полны уваженія,—заподозрила недостаточность полученнаго имъ нравственнаго воспитанія, сказывавшуюся въ склонности признавать только одну свою волю,—привела рядъ типичныхъ анекдотовъ изъ повседневной его жизни, и т. д.

[3]) „Lord Byron en Italie et en Grèce“, par le marquis de Salvo. Londres — Paris, 1825, p. 78.

бѣдняку просьбу зайти къ нему, далъ ему записку къ банкиру,— и погорѣлецъ съ восторгомъ получилъ 360 дукатовъ). То бродилъ онъ по храмамъ и дворцамъ, полнымъ художественныхъ произведеній; красоты венеціанской школы раскрывались передъ нимъ; посѣщеніе такого богатаго частнаго музея, какъ palazzo Manfrini, было и для него событіемъ; три портрета, кисти Джорджьоне, и портретъ Аріоста, работы Тиціана, вызвали восхищенный отзывъ въ письмахъ и нѣсколько прекрасныхъ стиховъ въ „Беппо"; онъ любовался и одушевленными мраморами Кановы,—но искусство никогда (даже впослѣдствіи, когда галереи и музеи центральной Италіи довершили его художественное образованіе) не имѣло властнаго, рѣшающаго вліянія на душу Байрона [1]), и онъ признавалъ себя невѣждой въ вопросахъ его (оттого такъ блѣдны его попытки эстетическихъ оцѣнокъ итальянскаго художества въ 4-й главѣ „Чайльдъ-Гарольда"). Но ни атлетическій спортъ, ни кочеваніе среди народа, ни созерцаніе старыхъ мастеровъ не давали ему такого душевнаго отдохновенія, такой опоры, какъ испытанная его цѣлительница, природа,—на этотъ разъ море.

Его дальніе, нѣжные горизонты манили къ себѣ; высшимъ удовольствіемъ были поѣздки, незамѣтно приводившія изъ лагуны въ морской просторъ, или высадки на узкую и длинную косу Lido, тогда почти безлюдную и омываемую съ противоположнаго края волнами открытаго моря. Тамъ часто бродилъ онъ одиноко цѣлыми часами. Со временемъ (послѣ возвращенія изъ Рима) онъ помѣстилъ у коменданта сторожевого форта своихъ верховыхъ лошадей, ежедневно переправлялся на Лидо, отдавался наслажденію продолжительной ѣзды верхомъ по острову, до крайняго его пункта Malamocco, обвѣянный морскимъ воздухомъ, и въ эти минуты (по свидѣтельству частаго участника въ этихъ поѣздкахъ, англійскаго консула Гоппнера, съ которымъ онъ сблизился въ началѣ 1818 г.) бывалъ необыкновенно возбужденъ умственно, строилъ планы новыхъ произведеній, декла-

[1]) Всего рѣзче высказался онъ по этому вопросу въ письмѣ отъ 14-го апрѣля 1817: искусство „ненавистно ему, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда оно напоминаетъ нѣчто видѣнное имъ или такое, что онъ можетъ когда-либо увидать"; оттого ему противны лики святыхъ и неземные сюжеты церковной живописи; рубенсовская анатомія и „дьявольская игра красокъ" вызывали въ немъ отвращеніе; въ Испаніи на него мало дѣйствовали Мурильо и Веласкецъ. „Изъ всѣхъ художествъ это—самое вычурное и неестественное. Я никогда не видалъ картины или статуи, которая приблизилась бы хоть на милю къ моимъ представленіямъ и ожиданіямъ,—но я видѣлъ много горъ, морей, рѣкъ, мѣстностей, двухъ или трехъ женщинъ, которыя настолько же превышали ихъ", и т. д.

мировалъ свои стихи, то вдавался въ меланхолическія размышленія, то поражалъ неожиданной веселостью. Но въ первые мѣсяцы по пріѣздѣ въ Венецію у него не было спутниковъ на Лидо; одиноко бродилъ онъ по гребню косы или у края волнъ, какъ, бывало, въ Швейцаріи, по берегамъ Лемана или по альпійскимъ тропамъ, любовался закатомъ солнца, погружавшагося въ морскую гладь, мечталъ,—и представлялось ему, что нигдѣ въ мірѣ не хотѣлось бы ему лечь въ землю, кромѣ этого благословеннаго уголка (Гоппнеръ указывалъ [1]), въ своихъ воспоминаніяхъ, написанныхъ для Т. Мура, даже мѣсто, около второго форта, у подножія большого пограничнаго камня, которое поэтъ выбралъ для своей могилы).

Поѣздки по лагунѣ и посѣщенія Лидо привели Байрона на островъ св. Лазаря. Однимъ изъ поразительныхъ контрастовъ стало больше въ его сложной душевной жизни.

Далеко выдвинулся впередъ, къ морю, словно сторожевой постъ Венеціи, крохотный островокъ San-Lazzaro; на самомъ краю горизонта бѣлѣетъ кучка его зданій, съ темной каймою деревьевъ, надъ которыми высится остріе колокольни,—съ начала XVIII-го вѣка монастырская община армянъ-мхитаристовъ, колонія иноковъ и въ то же время очагъ культуры; тихій пріютъ, куда не доходятъ ни шумъ, ни соблазны Венеціи; не аскетическая усыпальница, а центръ образовательной и національно-политической пропаганды, въ которомъ вся братія, до скромнаго служки или ученика-семинариста, два вѣка подъ рядъ трудится надъ просвѣщеніемъ далекихъ своихъ соплеменниковъ въ Турціи, пишетъ, печатаетъ, готовится къ учительству и проповѣди. Подъ сводами ли длинной крытой галлереи, манящей въ свою прохладу,—въ тѣни ли монастырскаго сада, увѣнчаннаго исполинской старинной магноліею,—или на обрѣзѣ берега, у самыхъ волнъ, подъ оливковыми деревьями, откуда открывается панорама лагуны, острововъ и Венеціи, — на человѣка нисходятъ здѣсь миръ и затишье, созерцаніе и думы. Возлѣ него, безъ шуму, идетъ немолчная работа, въ библіотекѣ, по кельямъ или въ наборной палатѣ, но и сознаніе ея близости не въ силахъ нарушить блаженнаго замиранія всѣхъ тревогъ и волненій, и ровнаго душевнаго отдыха.

Байронъ испыталъ это, изъ любопытства заглянувъ (еще въ декабрѣ 1816 г.) въ экзотическій армянскій уголокъ и до того увлекшись, что провелъ на островѣ весь день, и только насту-

[1]) Th. Moore, „Life of Byron", 373.

пившая темнота заставила его подумать о возвращеніи. Его пригласили вернуться,—и онъ не только вернулся, но въ теченіе цѣлой зимы почти регулярно проводилъ полдня на San-Lazzaro. „Бывало, — говоритъ гр. Альбрицци, — онъ выходилъ раннимъ утромъ изъ дому, чтобы отправиться на армянскій островокъ, побесѣдовать съ учеными и гостепріимными монахами и изучать труднѣйшій ихъ языкъ, а вечеромъ, возвратившись въ своей черной гондолѣ, онъ, всего часа на два, заглядывалъ куда-нибудь въ свѣтъ". Скоро сдѣлался онъ любимцемъ всей братіи, плѣненной его ласковымъ, дружескимъ тономъ. Въ началѣ семидесятыхъ годовъ одинъ англійскій изслѣдователь, собирая матеріалы для армянскаго эпизода въ біографіи поэта, еще засталъ ослѣпшаго отъ старости монаха изъ тѣхъ временъ. Едва его спросили, помнитъ ли онъ Байрона, старикъ просіялъ: „Bironi!— воскликнулъ онъ,—о, говорите со мной о Bironi!" На вопросъ,— былъ ли онъ красивъ, монахъ отвѣтилъ восторженно: „Онъ былъ необыкновенно красивъ, *точно святой*, только въ лицѣ желтый, ужасно желтый". Затѣмъ онъ подалъ посѣтителю сбереженный имъ ножикъ, которымъ Байронъ рѣзалъ, бывало, яблоки и притомъ, будто бы, однажды сказалъ: „Вотъ я рѣжу теперь яблоко, но такъ я хотѣлъ бы рѣзать головы туркамъ"... [1])

Среди братіи у него нашелся особый любимецъ, сближеніе съ которымъ превратилось въ дружбу, полную со стороны Байрона глубокаго уваженія. Это былъ одинъ изъ старшихъ монаховъ, хранитель библіотеки; поэтъ обозначаетъ его именемъ отца Паскаля „Aucher", очевидно, затрудняясь транскрипціею армянскихъ звуковъ; современные намъ армяне называютъ его Авгерьяномъ. Ни къ кому, кажется, такъ не подходило лестное прозвище „dotti e ospitali monaci", которое дала мхитаристамъ гр. Альбрицци. Много помогло сближенію то обстоятельство, что передъ тѣмъ Авгерьянъ провелъ въ Англіи два года. Тѣмъ легче могъ онъ посвятить поэта въ положеніе армянъ въ Турціи, познакомить съ исторіею народа, съ попытками возродить его литературу и воздѣлать языкъ. Отсюда былъ только шагъ до предложенія изучить этотъ языкъ, и Байронъ съ рвеніемъ принялся за дѣло. Разумѣется, въ перепискѣ, часто говорящей о его лингвистическихъ упражненіяхъ, онъ не разъ старался окружить ихъ остроумными шутками и приписать себѣ иные мотивы; то онъ увѣряетъ, что для выхода изъ тяжелаго душевнаго состоянія искалъ непреодолимо труднаго дѣла, которое отвлекло бы мысли въ дру-

[1]) G. E. Mackay. „Lord Byron at the armenian convent". Venice, 1876, p. 77.

гую сторону, то придаетъ своей работѣ значеніе спорта, помогающаго убить время,—то шутливо жалѣетъ о томъ, что не довелъ до конца изученіе двухъ важныхъ и трудныхъ языковъ, арабскаго и армянскаго, потому что каждый разъ, влюбившись въ какую-нибудь пустую женщину (some absurd womankind), прерывалъ свои занятія,—и это, несмотря на увѣренія отца Паскаля, что земного рая слѣдуетъ искать въ Арменіи. „Я же искалъ его—Богъ знаетъ гдѣ,—замѣчаетъ Байронъ.—Нашелъ ли его?.. Что-жъ! Иногда находилъ,—на одно мгновенье, минуты на двѣ“...

Занятія, однако, шли гораздо успѣшнѣе, чѣмъ можно предполагать. Подъ умѣлымъ руководствомъ Байронъ дѣлалъ быстрые успѣхи; въ январѣ—февралѣ 1817 г. онъ уже перевелъ посланіе коринѳянъ къ апостолу Павлу [1]), побудилъ Авгерьяна къ составленію англійской грамматики для армянъ и армянской—для англичанъ, энергически помогалъ ему, хлопоталъ у Мэррея объ изданіи первой, на печатаніе второй затратилъ 1000 франковъ и написалъ предисловіе, любопытное во многихъ отношеніяхъ, но не увидѣвшее свѣта и найденное впослѣдствіи въ байроновскихъ бумагахъ. Въ немъ онъ съ сочувствіемъ и благодарностью вспомнилъ о томъ, *чѣмъ* была для него въ трудную минуту тихая обитель, способная предубѣжденному мірянину показать на дѣлѣ, что „есть нѣчто иное и лучшее—даже въ земной жизни“; своихъ друзей онъ назвалъ „священствомъ благороднаго и порабощеннаго народа“, высоко оцѣнилъ древнюю исторію Арменіи и нѣсколько разъ сурово отозвался о гнетѣ Персіи и Турціи, приравнявшемъ судьбу армянъ къ участи евреевъ и грековъ. Протестъ противъ этого гнета смутилъ Паскаля и братію своею рѣзкостью, и они затруднились помѣстить предисловіе [2]), къ великой досадѣ Байрона, который, говорятъ, воскликнулъ: „Вы боитесь строгаго отзыва о вашихъ притѣснителяхъ? О, лукавые рабы, вы заслуживаете крутыхъ повелителей; вы недостойны великаго народа, отъ котораго произошли“. Въ связи съ прежними протестами Байрона противъ турецкаго владычества, это предисловіе за нѣсколько лѣтъ до „греческой экспедиціи“ предвѣщаетъ активное вмѣшательство Байрона въ освобожденіе турецкихъ рабовъ.

---

[1]) Упражненія Байрона въ армянскомъ языкѣ и переводы стихотвореній съ армянскаго на англійскій языкъ изданы были на островѣ св. Лазаря въ 1876 г. (L. Byron's armenians exercises and poetry, consisting of english translations by him from armen. literat.).

[2]) Оно напечатано въ приложеніи къ IV тому байроновской переписки.

Книги, грамматическая ученость, борьба съ труднымъ языкомъ, не поглощали, однако, всего времени Байрона на островѣ. Въ монастырскомъ саду или подъ любимыми поэтомъ деревьями надъ моремъ (они такъ и слывутъ теперь „оливами лорда Байрона“) онъ также проводилъ долгіе часы, то съ своимъ другомъ, то одинъ, съ своими думами и художественными замыслами. Авгерьянъ, который, конечно, могъ слышать это отъ самого Байрона, утверждалъ впослѣдствіи [1]), что здѣсь былъ, наприм., задуманъ въ новой редакціи третій актъ „Манфреда“,—и мы врядъ ли ошибемся, если припишемъ болѣе сочувственное отношеніе автора къ характеру аббата мягкимъ впечатлѣніямъ личности о. Паскаля. Близость вольнодумца, „демоническаго“ поэта, съ уравновѣшеннымъ, полнымъ участія и терпимости инокомъ,—близость, ради которой Байронъ не поступился ни однимъ изъ завѣтныхъ убѣжденій,—одна изъ тѣхъ особенностей его натуры, которыя идутъ въ разрѣзъ съ господствующимъ односторонним ея пониманіемъ [2]).

Но въ данную минуту силы ея были все-таки надломлены; постоянные переходы отъ веселости къ грусти, отъ страстнаго оживленія къ философской сосредоточенности, уже указываютъ на лихорадочность, болѣзненную тревогу. Въ 1817 г., предвѣстія недуга перешли въ болѣзнь съ сильнымъ жаромъ, безсонницей или тяжкими сновидѣніями. Въ Венеціи открылась эпидемія. Медицина была варварская; условія жизни въ узкой улицѣ, надъ гнилымъ каналомъ, способны были только поддерживать и развивать заразу; перемѣна воздуха явилась необходимой. Едва почувствовавъ возвратъ силъ, онъ рѣшилъ поѣхать въ Римъ.

Путешествіе, богатое поэтическими результатами, окончательно ввело его въ жизнь, природу, исторію, искусство Италіи, его второго отечества. До того, кромѣ бѣглыхъ впечатлѣній Милана, Вероны или Виченцы, онъ зналъ только обособленный міръ Венеціи. Теперь онъ проникаетъ въ сердце Италіи,—онъ во Флоренціи, въ Римѣ; онъ проходитъ по слѣдамъ античной цивилизаціи, его окружаютъ памятники „Возрожденія“. Послѣ приглядѣвшихся уже тоновъ Венеціи, послѣ безнадежной ея отсталости въ культурѣ, его не могла не поразить широта всемірно-исторической рамы, въ которой выступали великія созданія мысли и

[1]) Онъ говорилъ это автору статьи „The armenians in Venice“, въ „Bentley's Miscellany“, 1839, т. V.

[2]) Объ армянскомъ эпизодѣ біографіи Байрона ср. также „Литературные Очерки“ Юрія Веселовскаго, 1900, ст. „Байронъ на о. св. Лазаря“.

творчества. Это—новый вкладъ въ его развитіе, новая глава въ его нравственномъ воспитаніи.

Онъ былъ мало подготовленъ къ тому, что̀ его ожидало; обиліе впечатлѣній кружило голову. Съ цѣлымъ отдѣломъ ихъ онъ такъ и не смогъ справиться,—обзоръ галлерей и музеевъ вызывалъ отдѣльныя минуты невольныхъ и безотчетныхъ увлеченій, вѣжливое одобреніе или даже равнодушіе при видѣ художественныхъ сокровищъ. Оттого онъ былъ въ состояніи посвятить Флоренціи одинъ день, бѣгло осмотрѣть двѣ галлереи, капеллу Медичи, церковь Santa Croce; онъ испыталъ „опьянѣніе красоты“, и вмѣстѣ съ тѣмъ видѣнное сливалось, очевидно, въ хаосъ, изъ котораго выдѣлялось въ памяти семь, восемь портретовъ и статуй, перечисляемыхъ въ письмахъ безъ особой оцѣнки, а впослѣдствіи, въ „Гарольдѣ“, заднимъ числомъ разсудочно описанныхъ и превознесенныхъ. Но если онъ былъ лишенъ цѣлаго ряда наслажденій, его очаровали другія стороны итальянскаго міра, и прежде всего его природа.

Встрѣтившись въ Римѣ снова съ своимъ вѣрнымъ Гобгоузомъ, онъ вмѣстѣ съ нимъ часто странствовалъ по окрестностямъ; въ короткое время они верхомъ объѣздили ихъ всѣ, побывали въ Альбано, на озерѣ Неми, въ альбанскихъ горахъ, въ Тиволи, Фраскати, Аригіи, дважды были въ Терни, любуясь бѣшенымъ, „ужасающе красивымъ водопадомъ, который оставилъ за собой всѣ видѣнные прежде“. Какъ нѣкогда Грецію, Римъ возбуждалъ фантазію Байрона нѣмою рѣчью своего прошлаго, своими памятниками, развалинами; на форумѣ, въ Колизеѣ, всюду вставали призраки, всюду оживала далекая старина Гракховъ, Юлія Цезаря, Нерона, Суллы, чудились звуки рѣчей съ трибуны, плескъ толпы въ амфитеатрѣ, бой гладіаторовъ, блескъ тріумфальнаго шествія, — величіе и паденіе, героизмъ друзей народа и безумный произволъ деспотовъ, потомъ разгромъ Рима варварами, водоворотъ народовъ, властителей, религій, языковъ, сумерки папскаго средневѣковья, внѣшнее изящество и духовное убожество позднихъ вѣковъ, вся исторія Вѣчнаго Города, этой „Ніобеи народовъ“ (Niobe of nations), съ раннихъ лѣтъ чтимаго поэтомъ всею душой (the city of my soul) и, наконецъ, представшаго передъ нимъ.

Могущественное вліяніе римской исторіи встрѣтилось съ сильнымъ впечатлѣніемъ живой литературной лѣтописи Италіи, во время пути раскрывавшейся передъ Байрономъ. Аркà близъ Падуи напомнила о Петраркѣ, Феррара—о Тассѣ; во Флоренціи ожили воспоминанія о Боккаччьо, Аріостѣ, Альфьери; великіе поэты,

вскорѣ придавшіе творчеству Байрона новое направленіе, подѣйствовали уже въ эту пору легендами о нихъ, живымъ отпечаткомъ ихъ личности и дѣятельности. Наконецъ, изученіе Италіи въ ея современной подчиненности и раздробленности укрѣпило въ Байронѣ стремленія, которыя возбуждало уже въ Венеціи зрѣлище австрійскаго господства. „О, родина моя, я вижу стѣны, и арки, и колонны, и башни, уцѣлѣвшія отъ предковъ нашихъ,— но *славы* твоей не вижу болѣе!“—такъ говорилъ, годъ спустя (1818), съ глубокой скорбью, въ одѣ „Къ Италіи“, Леопарди [1]). „О, еслибъ ты была не такъ прекрасна, зато болѣе могуча!“— восклицалъ еще въ XVII вѣкѣ, въ своемъ сонетѣ, Винченціо да-Филикайя, предтеча поэтовъ-проповѣдниковъ политическаго возрожденія Италіи [2]). Не вѣдая о самомъ существованіи Леопарди, но уже успѣвшій познакомиться съ сонетомъ его предшественника, Байронъ на опытѣ пришелъ къ одному съ ними выводу и въ „Чайльдъ-Гарольдѣ“ ввелъ въ свои размышленія прекрасный переводъ двухъ строфъ стараго поэта (пѣснь IV, строфы 42—43).

Впечатлѣній было много, но старая привычка, испытанная и въ восточномъ путешествіи, и въ Швейцаріи, вести дневникъ въ видѣ стихотворныхъ набросковъ или прозаическаго конспекта будущихъ строфъ, не проявлялась болѣе. Даже вернувшись въ Венецію, Байронъ отвѣчалъ Мэррею, не допускавшему мысли, чтобы путешествіе не вызвало вдохновенія, увѣреніемъ, что не только не написалъ, но и не задумалъ ни одной строки изъ продолженія поэмы, и даже не знаетъ, будетъ ли когда-нибудь ее продолжать. Единственными осязательными результатами были пока окончаніе въ Римѣ третьяго акта „Манфреда“ (въ особенности изображеніе Колизея при лунѣ) и большое стихотвореніе „Жалобы Тасса“, написанное въ началѣ поѣздки, вслѣдъ за посѣщеніемъ Феррары, и уже изъ Флоренціи отправленное въ Англію. Видъ мрачной и сырой келіи въ госпиталѣ св. Анны, гдѣ провелъ въ заточеніи, какъ опасный безумецъ, слишкомъ семь лѣтъ пѣвецъ „Освобожденнаго Іерусалима“, поразилъ Байрона такъ же сильно, какъ видъ подземелья въ Шильонѣ и память о страданіяхъ Бонивара. Онъ вполнѣ вѣрилъ преданію, отрицавшему душевное разстройство Тасса и видѣвшему въ его насильственномъ задержаніи среди умалишенныхъ и маніаковъ жестокую и деспотическую

[1]) „O, patria mia, vedo le mura e gli archi, e le colonni e i simulacri e l'erme torri degli avi nostri, ma la gloria non vedo“.

[2]) „Vincenzio da Filicaja. Poesie toscane“, изд. сына поэта, Firenze, 1707: сонетъ „All' Italia“.

расправу герцога надъ дерзкимъ плебеемъ [1]), и на этомъ построилъ свое стихотвореніе. Оно также, какъ „Шильонскій узникъ", получило форму монолога, но сходится съ поэмой лишь по общему мотиву неволи и жалобы, и развиваетъ этотъ мотивъ самостоятельно, переноситъ читателя въ потрясенное душевное состояніе оклеветаннаго и измученнаго великаго человѣка и въ какомъ-нибудь десяткѣ строфъ даетъ полную жизни характеристику Тасса. Его заперли вмѣстѣ съ сумасшедшими, оглашающими воздухъ дикими воплями и безумнымъ смѣхомъ, но съ нимъ—его мечты, воспоминанія, замыселъ его завѣтной поэмы; его поднимаетъ надъ жалкой долей сознаніе своей поэтической силы, а любовь къ Леонорѣ д'Эсте, главное его преступленіе, любовь нераздѣленная, опозоренная, горитъ въ его сердцѣ. Но мысли и чувства, торжествующія надъ ужасами заключенія, уступаютъ мѣсто болѣзненной тревогѣ, причиненной потрясеніемъ; она овладѣваетъ имъ, мучитъ видѣніями и страхами; свѣтованія и жалобы затемняютъ полное достоинства и благородства проявленіе великой личности. Монологъ написанъ тепло и искренно, безъ пережитыхъ, байроническихъ деталей; извѣстнымъ образомъ задуманный, характеръ Тасса переданъ во всѣхъ его душевныхъ движеніяхъ; наряду съ Бониваромъ ему принадлежитъ не послѣднее мѣсто въ ряду характеристикъ, когда-либо предпринятыхъ поэтомъ.

Но „Lament of Tasso" былъ поэтическимъ прологомъ къ путешествію. Послѣ Рима, Кампаньи, горъ, естественно ждешь чего-нибудь въ родѣ „Римскихъ элегій", но ожиданія напрасны. Творческія возбужденія пришли позже, въ Венеціи. Къ концу римскаго житья въ усиленной степени проявилась обычная грусть, поднялось раздумье; къ нимъ присоединилась словно тоска по родинѣ; Байрону такъ страстно захотѣлось снова увидать Маріанну, что онъ ускорилъ отъѣздъ, не захотѣлъ останавливаться во Флоренціи и побудилъ Маріанну выѣхать къ нему на встрѣчу... До чего сильна была въ немъ потребность привязанности, ласки, видно изъ того волненія, съ которымъ онъ встрѣтилъ, полученное имъ въ Римѣ извѣстіе о рожденіи Аллегры. „Въ виду безконечной семейной войны и отчужденія отъ меня Ады, хорошо имѣть существо, на которомъ можно сосредоточить свои на-

[1]) Изученіе болѣзни Тасса съ точки зрѣнія психіатріи сдѣлано A. Corradi, „Le infermità di Torquato Tasso", Memorie dell' Istituto Lombardo, 1880. Это одинъ изъ цѣнныхъ вкладовъ въ разростающуюся въ Италіи литературу „психо-антропологическихъ" изслѣдованій о писателяхъ (книги Патриди о Леопарди) 1896, Антонини и Коньетти объ Альфьери, 1898.

дежды", писалъ онъ сестрѣ; „необходимо, чтобы мнѣ было кого любить на старости лѣтъ,—и, быть можетъ, судьба сдѣлаетъ эту крошку великимъ, даже единственнымъ моимъ утѣшеніемъ" (Letters, IV, 123—4). Онъ сначала не могъ рѣшить вопроса, гдѣ помѣстить свою дочку, и кончилъ тѣмъ, что взялъ ее къ себѣ въ Венецію, баловалъ, возилъ съ собой и радовался этому лучу свѣта.

Идеализація Маріанны была вызвана тою же потребностью,—но она слишкомъ приподняла заурядную, совсѣмъ земную ея натуру; ореолъ долженъ былъ потускнѣть при первомъ неосторожномъ шагѣ, поступкѣ, словѣ, которые раскрыли бы ея подлинную личность... Въ виду наступившаго лѣта, Байронъ отыскалъ себѣ на Брентѣ виллу „La Miga", въ нѣсколькихъ миляхъ отъ Венеціи, былъ счастливъ видѣть около себя Маріанну, и, освѣженный путешествіемъ, въ красивомъ затишьѣ, окаймленномъ дальними горами, надъ темноголубыми водами Бренты, вдохновительницы многихъ поэтовъ [1]), онъ горячо принялся за „Гарольда". По письмамъ можно прослѣдить ходъ работы. 26 іюня написано всего 30 строфъ, 9 іюля ихъ уже 56, черезъ 6 дней—92, 20 іюля—153; наконецъ, 29 іюля готова была вся четвертая пѣснь, разросшаяся до небывалой въ прежнихъ частяхъ поэмы цифры *ста восьмидесяти шести* строфъ.

Въ обширномъ предисловіи, въ видѣ сердечнаго, дружескаго письма къ Гобгоузу, которому посвящена глава, иногда въ самомъ текстѣ, наконецъ въ заключительномъ прощаніи съ героемъ и съ читателями, Байронъ говоритъ объ „окончаніи" поэмы. *Моя задача выполнена,* моя пѣснь замолкла; сюжетъ мой замеръ въ отзвукѣ эхо",—говоритъ поэтъ.—Но какая же именно задача, почему разсказъ долженъ прерваться, почему сцена близъ озера Нэми — *послѣдняя*, въ которой выступитъ Пилигримъ, — совершенно непонятно. Отъ прежняго *сюжета* почти не оставалось и слѣда въ третьей пѣснѣ, теперь же поэтъ окончательно порываетъ съ нимъ въ предисловіи. „Мнѣ стало тягостно,—говоритъ онъ,—постоянно выдерживать пограничную линію между паломникомъ и авторомъ,—линію, которой никто не хотѣлъ видѣть,—совсѣмъ такъ, какъ это было съ китайцемъ въ „Гражданинѣ вселенной" Гольдсмита, котораго никто не принималъ за ки-

[1]) Подъ вліяніемъ Байрона она и для Пушкина являлась въ романтическомъ освѣщеніи, способномъ возбуждать вдохновеніе: „Адріатическія волны! О, Брента! нѣтъ, увижу васъ, и, вдохновенья снова полный, услышу вашъ волшебный гласъ! Онъ святъ для внуковъ Аполлона; *по гордой лирѣ Альбіона онъ мнѣ знакомъ, онъ мнѣ родной*" и т. д. „Евгеній Онѣгинъ", гл. I.

тайца; „старанія выдерживать это различіе и досада при видѣ неудачи такъ ослабили усилія моего вымысла, что я пришелъ къ мысли покинуть эту фикцію, и такъ и поступилъ". Стало быть, Гарольда болѣе нѣтъ, и его мѣсто занялъ странникъ-поэтъ, котораго все, что онъ видѣлъ и пережилъ, побуждаетъ къ описаніямъ или размышленіямъ, признаніямъ, отголоскамъ прошлаго. Если такъ, почему же отказывается онъ отъ привычной исповѣди передъ читателемъ, отъ своей бесѣды съ нимъ, то задушевной, то шутливой, то возмущенной и сатирической?.. На это есть печальный отвѣтъ въ 185-й строфѣ: „я теперь уже не тотъ, что прежде, и образы лишь неясно носятся передо мной; тотъ огонь, который, бывало, охватывалъ весь духъ мой, колеблется, гаснетъ, мерцаетъ". Поэту кажется, что онъ въ послѣдній разъ отдается грустному удовольствію обзора своей жизни, признанія въ дѣлахъ, помышленіяхъ, разочарованіяхъ, — и, небрежно прерывая нить разсказа или рядъ путевыхъ картинъ, онъ завладѣваетъ поэмой, вторгается въ нее съ своей трепещущей, нервной личностью, и изливаетъ раздумье, раздраженіе или скорбь въ лирическихъ монологахъ, равныхъ по силѣ лучшему, что когда-либо онъ написалъ.

Но онъ не могъ не сознавать, что они могли быть написаны и внѣ кадра описательной поэмы, — между тѣмъ наслѣдіе стараго сюжета—*Паломничества*—и только-что оконченное путешествіе обязывали къ извѣстному обиходу путевыхъ описаній. Такъ явилась вторая основная часть содержанія. Въ предисловіи высказано, напр., желаніе изобразить Италію въ современномъ состояніи ея литературы и нравовъ; хотѣлось также обрисовать видѣнныя красивыя мѣста. Впрочемъ, они гораздо болѣе плѣняли, ласкали взоръ, чѣмъ поднимали духъ своею мощью, какъ альпійскіе великаны, и Байронъ не разъ, при видѣ мягкихъ контуровъ итальянскихъ холмовъ, даже Апеннинъ, вспоминалъ о другомъ, суровомъ и величественномъ горномъ краѣ... Приходилось, стало быть, прибѣгать къ непривычнымъ тонамъ въ живописи природы,—при видѣ достопамятностей наполнять свой разсказъ именами, событіями, образами. Прежде,—и не такъ давно,—это сложное содержаніе давалось ему легко; теперь, послѣ страницъ потрясающаго лиризма, передъ читателемъ открывалась словно портретная галлерея историческихъ дѣятелей или движущаяся панорама, сопровождаемая восторженной риторикой...

Въ изобиліи описательныхъ деталей, въ стараніи не пропустить ничего примѣчательнаго, сильно повиненъ Гобгоузъ съ своими искренними, но на этотъ разъ неудачными совѣтами. „Когда онъ

пріѣхалъ изъ Рима въ Венецію, онъ нашелъ новую главу „Гарольда“ почти оконченною,—но, просмотрѣвъ ее, увидалъ, что въ ней недостаетъ описанія многихъ выдающихся природныхъ красотъ и историческихъ моментовъ и личностей“ [1]). Онъ предоставилъ Байрону въ распоряженіе свою начитанность, провелъ даже нѣсколько мѣсяцевъ въ библіотекѣ дожей, чтобъ извлечь матеріалы для пространныхъ примѣчаній и поясненій къ поэмѣ, которыя и издалъ потомъ отдѣльной книгой [2]). Онъ побудилъ Байрона расширить поэму, составилъ списокъ незатронутыхъ еще предметовъ,—подвергая художественное произведеніе опасности превратиться въ этихъ мѣстахъ изъ свободно задуманнаго разсказа... въ „поэтическаго Бэдекера“, какъ непочтительно выразился въ наше время одинъ изъ усердныхъ комментаторовъ, вовсе не думавшій выступать зоиломъ.

Слѣды пристроекъ къ поэмѣ, вызванныхъ разсудочными соображеніями, слишкомъ замѣтны; переложенныя въ стихи, любительскія экскурсіи въ классическую древность или въ исторію искусства, всѣ эти перечни личностей, мѣстностей и памятниковъ,—Корнелія, мать Гракховъ, Цецилія Метелла, легендарная римлянка, кормившая грудью своего отца-узника, даже Цезарь и Помпей, художественныя красоты Венеры Медицейской, Аполлона Бельведерскаго, Лаокооновой группы, достопамятности Тразимена или Клитумна—введены, по требованію навязанной программы или въ силу несвойственнаго прежде поэту стремленія къ полнотѣ описанія страны (ни онъ, ни читатели не искали, напр., въ третьей главѣ „Гарольда“ полнаго инвентаря Швейцаріи!). Личныхъ впечатлѣній, при краткости поѣздки, было для этого недостаточно; пришлось прибѣгать къ книжнымъ источникамъ, и не только къ библіотечнымъ справкамъ Гобгоуза, но даже къ общедоступнымъ пособіямъ. Послѣ сличеній, сдѣланныхъ сначала Дарместетеромъ, затѣмъ Кѣльбингомъ [3]), не подлежитъ сомнѣнію, что такимъ руководствомъ были для него когда-то очень цѣнившіяся „Письма объ Италіи“ Дюпати [4]), вышедшія еще въ концѣ XVIII-го вѣка и впослѣдствіи много разъ переизданныя. Красивые по формѣ, обнаруживающіе и по мысли незаурядное развитіе, эскизы стариннаго энтузіаста Италіи превращались въ

[1]) „Italy, remarks made in several visits from the year 1816 to 1854“, by Lord Broughton (Гобгоузъ). Lond., 1859, IV.

[2]) „Historical illustrations of the fourth Canto of Childe Harold“. London, 1818.

[3]) „Byron und Dupaty's Lettres sur l'Italie, Englische Studien“, XVII, I, 1892, стр. 448—459.

[4]) Dupaty, „Lettres sur l'Italie“, Paris, 1788.

байроновскіе стихи; Дюпати помогъ ему вторгнуться въ область искусства, воспѣть Лаокоона, Аполлона, описать Пантеонъ, далъ нѣсколько красокъ для изображенія грота Эгеріи. И какъ блѣдны, холодны, хотя благозвучны, эти строфы въ сравненіи съ тѣми, которыя свободно созданы фантазіею и выразили душевное настроеніе поэта,—съ яркою картиной Венеціи, открывающей собой главу, со сценой въ Колизеѣ! За внезапно пронесшееся передъ странникомъ видѣніе умирающаго гладіатора, таинственно связанное, какъ символъ, съ собственной судьбою поэта, можно отдать десятки условныхъ и банально красивыхъ описаній.

Но поэтическая географія или географическая поэзія и археологія, къ счастью, не занимали главнаго мѣста въ заключительной главѣ „Гарольда“; она подчинена высшимъ требованіямъ. Невольно является предположеніе, что отдѣльные моменты странствія—только рядъ поводовъ для лирическихъ импровизацій, имѣющихъ высокое автобіографическое значеніе и связанныхъ по ассоціаціи идей съ впечатлѣніями паломника. Какъ будто ему казалось, что его исповѣдь, полная то гнѣва, то грусти, прозвучитъ слишкомъ рѣзко, слишкомъ субъективно, если не перевить ее эпизодами путешествія или экскурсіями въ исторію и художество. Сведенная къ этой важнѣйшей сущности, послѣдняя глава „Чайльдъ-Гарольда“ должна занять мѣсто въ числѣ лучшихъ созданій Байрона, справедливо гордившагося ею.

Рѣдко давалъ онъ заглянуть такъ глубоко въ его больную душу. Автобіографическія строфы написаны человѣкомъ разбитымъ, усталымъ, меланхолически подводящимъ итоги. Впечатлѣнія вѣковой старины и разрушеннаго величія усиленно наводили его на это тяжелое занятіе. „Среди руинъ проходитъ онъ, самъ—живая руина“ (a ruin amidst ruins). Съ горечью оглядывается онъ на жизнь, и міровая грусть охватываетъ его; не только личное его существованіе, но и судьба человѣчества кажется ему ничтожествомъ и ложью. Все отравлено; зло, страданія, смерть, неволя потоками низвергаются на насъ; призракъ любви обманчивъ; ея кумиры неизбѣжно рушатся; не сочувствіе и искренняя привязанность рѣшаютъ сближеніе людей,—случайность, злорадное божество, разбиваетъ однимъ прикосновеніемъ жезла своего наши надежды, превращаетъ ихъ въ прахъ,—и всѣ мы, проходя потомъ, попираемъ его [1]).

Но какая участь ждетъ самого поэта? Вѣроятно, послѣ одного

[1]) Мысль, еще мрачнѣе высказанная у персидскаго поэта Омаръ-Хайяма: „раньше тебя и меня было множество сумерекъ, много солнечныхъ восходовъ; будь же остороженъ, попирая эту пыль,—быть можетъ, это былъ зрачокъ молодой красавицы“.

изъ посѣщеній Лидо, когда онъ мысленно выбиралъ себѣ на немъ могилу, написаны тѣ строфы (9—10), въ которыхъ онъ предвидитъ свою смерть на чужбинѣ, словно пророчески предсказываетъ, что въ усыпальницѣ великихъ людей Англіи, въ „уголкѣ поэтовъ“ Вестминстерскаго аббатства, не дадутъ ему пріюта, и ему чудится надъ памятникомъ своимъ повтореніе извѣстной надписи: „въ Спартѣ были люди гораздо достойнѣе его“. Но не титаническимъ протестомъ отвѣчаетъ онъ на приговоръ людской; онъ никогда не искалъ симпатій и не нуждался въ нихъ; „терніи, которыя онъ пожиналъ, были съ того дерева, которое онъ самъ же насадилъ; они терзаютъ его, изъ ранъ сочится кровь, но вѣдь долженъ же онъ былъ знать, какіе плоды дастъ со временемъ подобное сѣмя!“ Самообладаніе, однако, измѣняетъ ему, и къ концу главы, очевидно снова захваченный аффектомъ, онъ съ необыкновенной силой взываетъ къ Времени и Немезидѣ, требуя отмщенія его врагамъ и клеветникамъ. Быть можетъ, оно наступитъ лишь въ далекомъ будущемъ, когда истлѣютъ кости несчастнаго, — но его грозный стихъ и тогда обрушитъ на людскую несправедливость тяжесть его проклятія, — и проклятіемъ этимъ будетъ—Прощеніе (that curse shall be Forgiveness). Нѣсколько стиховъ, слѣдующихъ за этимъ неожиданнымъ оборотомъ,—стиховъ, звучащихъ жалобой, обращенной къ матери-землѣ, написаны съ такою страстностью горечи и отчаянія, которая не можетъ не найти отзвука въ сколько-нибудь чуткихъ и еще не закоснѣвшихъ людяхъ.

И, какъ бывало прежде, сквозь печаль снова прорывается энергія. Подобно Горацію и Пушкину, Байрона утѣшаетъ мысль, что „онъ жилъ не даромъ“, что „весь онъ не умретъ“. „Во мнѣ есть что-то,—говоритъ онъ,—способное преодолѣть гоненія и время, и жить, когда меня уже не станетъ, нѣчто неземное, негаданное моими врагами; отзвукъ умолкнувшей лиры смягчитъ людей и разбудитъ въ окаменѣвшихъ сердцахъ позднее раскаяніе любви“. Онъ считалъ непреходящею, безсмертною въ его поэзіи, очевидно, не столько художественную ея сторону, сколько мысль, проповѣдь свободы и гуманности; именно здѣсь находится уже оцѣненный выше знаменательный стихъ, который назвалъ независимость мысли нашимъ послѣднимъ, единственнымъ оплотомъ. И несмотря на господствующій во всей пѣснѣ тонъ міровой и личной скорби, поэтъ проявилъ эту независимость въ строфахъ, въ которыхъ мы снова узнаемъ свободолюбиваго пѣвца. Онъ еще рѣзче громитъ всеобщій реакціонный заговоръ, противъ народныхъ вольностей, обличаетъ деспотовъ и „разбойниковъ“,

поработившихъ Италію, протестуетъ (во вступленіи) противъ новыхъ посягательствъ англійскаго консерватизма на неприкосновенность конституціи (пріостановку акта „Habeas corpus“). Пессимизмъ внушилъ ему, правда, безотрадную мысль о вѣчномъ круговоротѣ исторіи, приводящемъ отъ свободы къ славѣ, отъ нея къ богатству, порокамъ, нравственному паденію, наконецъ къ одичанію, варварству, тиранніи и новому добыванію воли,—но, несмотря ни на что, онъ хочетъ остаться навсегда не только приверженцемъ, но и провозвѣстникомъ свободы. Непрерывность работы мысли, окрѣпшей въ швейцарскомъ одиночествѣ и въ общеніи съ Шелли, съ особенною силой проявляется именно въ подобныхъ мѣстахъ поэмы.

Смѣна наполеоновскаго гнета давленіемъ его побѣдителей вызываетъ у Байрона негодующее восклицаніе: „Неужели тираны могутъ быть свергнуты только тиранами, и у свободы нѣтъ болѣе такихъ витязей, какіе нашлись въ Америкѣ, когда она, подобно Палладѣ, воспрянула во всеоружіи и непобѣдимости,—неужели въ нѣдрахъ любви не бывать больше такому посѣву,—неужели въ Европѣ не найдется нигдѣ подобной страны!“ [1]) Но вѣра въ конечное торжество справедливости, — которая и въ прежніе годы брала у Байрона верхъ надъ пессимизмомъ [2]),— внушаетъ ему въ горячо написанной 98-ой строфѣ видѣніе свободы, чье знамя, надорванное, но все еще развѣвающееся, несется съ бурной силой *противъ вѣтра*,—чей трубный звукъ, даже на время замирая, возбуждаетъ волненіе и тревогу; настанутъ лучшіе дни, живительная весна... Эти искреннія, полныя возбуждающей силы слова находили отголосокъ всюду, гдѣ въ то глухое время поднимались освободительныя попытки. Когда черезъ два года вспыхнула испанская революція, и Шелли привѣтствовалъ ее двумя одами [3]), онъ надъ „Одой къ свободѣ“ поставилъ эпиграфомъ байроновскіе стихи:

---

[1]) Въ новомъ, пятомъ томѣ писемъ, среди „Отрывочныхъ мыслей“ встрѣчается слѣдующая замѣтка: „Человѣчеству ничего не осталось кромѣ республики, и я думаю, что для этого есть шансы. Объ Америки (сѣверная и южная) уже имѣютъ республику, Испанія и Португалія близки къ ней; всѣ жаждутъ ея. О, Вашингтонъ!“ (стр. 462). Это написано было въ 1821 году...

[2]) Donner, „L. Byron's Weltanschauung“, стр. 56, вѣрно замѣтилъ, что „въ основѣ байроновскаго „Weltschmerz“а лежитъ нѣчто опредѣленное, положительное, стремленіе къ намѣченной цѣли“.

[3]) Первая озаглавлена: „An Ode, written, October 1819, before the spaniards recovered their liberty“, вторая – „Ode to liberty“. Poetical works of P. B. Shelley, ed. by Buxton Forman, 1900, III, 287 и 295.

Yet, Freedom! yet thy banner, torn, but flying,
Streams like the thunder-storm *against* the wind.

Когда съ вершины горы въ Альбано передъ Байрономъ разостлалась вдали голубая кайма Средиземнаго моря, онъ едва могъ сдержать свое волненіе. Вспомнилась ему молодость, первое плаваніе по этому морю куда-то въ заманчивую даль Востока, полное грёзъ, очарованій, увлеченій; мысль понеслась еще дальше, вглубь дѣтства; ожили счастливые дни, проведенные ребенкомъ на волнахъ океана; царственный просторъ стихіи, съ раннихъ лѣтъ дорогой ему и снова раскрывшейся передъ нимъ, успокоилъ удрученную мысль, указавъ на природу, столько разъ врачевавшую его скорби. Этою незабвенною сценой внезапно обрывается нить странствій пилигрима. Если имъ суждено прерваться, всего лучше было кончить этимъ аккордомъ. Нѣсколько прекрасныхъ (сильно поразившихъ впослѣдствіи Пушкина [1])) строфъ въ честь океана,—и Байронъ прощается съ призракомъ своего героя, разстается съ читателемъ, говоритъ послѣднее *прости* произведенію, которое столько лѣтъ было неразлучно съ поэтомъ.

Онъ разставался не только съ нимъ, но со всѣмъ направленіемъ и складомъ своего художественнаго вкуса, съ испытанными поэтическими пріемами, съ типомъ страдающаго героя, съ пафосомъ его разлада, его сѣтованій, привязанностей, проклятій. Въ стихотворныхъ импровизаціяхъ Байрона и позже мелькаетъ порою силуетъ разбитаго жизнью страдальца; въ „Каинѣ“ и трагедіяхъ послышатся иногда какъ будто отголоски его рѣчей, а разработка драматическихъ коллизій потребуетъ мрачныхъ красокъ, сильныхъ душевныхъ движеній, психологіи страстей,—но господствующей чертой байроновскаго творчества становится отнынѣ—*смѣхъ*. Въ богато одаренной натурѣ открылся родникъ новыхъ или едва намѣченныхъ прежде дарованій, сложная личность подверглась новому превращенію.

Не странно ли, что и въ наше время, въ обиходномъ представленіи о байронизмѣ, отрицаніе, разочарованность, болѣзненная таинственность, „демоническое“ начало, міровая скорбь исключительно являются сущностью поэзіи и міросозерцанія Байрона, — что большинство какъ будто не хочетъ признать или умышленно забываетъ, что авторъ „Гарольда“, „Манфреда“, восточныхъ поэмъ—въ то же время одинъ изъ величайшихъ сатирическихъ поэтовъ, одаренный и остроумiемъ шутливо-безпечнаго

[1]) Отголосокъ ихъ встрѣчается, напр., въ „Подражаніи Байрону“ („волнуйся подо мной, угрюмый океанъ“—„roll on, thou deep and dark blue ocean, roll!“).

разсказа, и безпощадною строгостью судьи общечеловѣческихъ пороковъ и соціально-политическихъ неустройствъ! Неужели и теперь еще дѣйствуютъ ханжескія обличенія безнравственности, которыя нѣкогда встрѣчали „Беппо“, „Видѣніе суда“, главу за главой „Донъ-Жуана“,—или снова на дѣлѣ оправдывается гоголевское наблюденіе надъ нашимъ вѣчнымъ пристрастіемъ къ героическому и равнодушіе къ силѣ комизма, смѣха?

Въ послѣдней пѣсни „Гарольда“ Байронъ какъ-то сравнилъ человѣка съ маятникомъ, вѣчно колеблемымъ между слезами и смѣхомъ. Съ неменьшей правдой онъ могъ бы сослаться на одинаковость источника смѣха и печали, когда-то, въ одномъ изъ наиболѣе искреннихъ его признаній, указанную Гоголемъ. Самъ поэтъ объяснялъ друзьямъ свой переходъ въ область комизма соображеніями, въ которыхъ было гораздо больше практическаго литературнаго чутья, чѣмъ эстетической глубины. Сбираясь въ той или другой формѣ воспользоваться своимъ знаніемъ Италіи, для изображенія быта и нравовъ, онъ обѣщалъ сдѣлать это въ „веселомъ, шутливомъ тонѣ, чтобъ опровергнуть тѣхъ, кто обвиняетъ его въ однообразіи и манерности“ (Letters, IV, 218). Онъ просилъ Мура разъяснить, при случаѣ, Джеффри, по поводу статьи о „Манфредѣ“, что „авторъ никогда не былъ (да и теперь имъ не сдѣлался) мизантропически, мрачно настроеннымъ джентльменомъ, за котораго принимаетъ его критикъ, что онъ въ дѣйствительности юмористъ, очень общительный съ близкими ему людьми, и такой болтливый и смѣшливый, что не отстанетъ и отъ самыхъ бойкихъ соперниковъ“ (тамъ же, 73—74). Одинъ изъ участниковъ въ греческой экспедиціи, Миллингенъ [1]), очень мѣтко, и совсѣмъ въ духѣ байроновской самооцѣнки, говоритъ, что „самое вѣрное отраженіе,—какъ въ зеркалѣ,—тона байроновскаго разговора и духа, оживлявшаго его бесѣду, даетъ „Донъ-Жуанъ“. Съ другой стороны, послѣ разрыва съ Байрономъ, Ли Гонтъ утверждалъ [2]), что поэтъ покинулъ пафосъ для юмора только потому, что убѣдился въ невозможности поддерживать свою славу прежними средствами романтическихъ преувеличеній и фантастики, на которыя проходила мода,—извѣтъ, несостоятельность котораго доказывается только-что пережитымъ громаднымъ успѣхомъ именно „романтическаго“ эпилога къ „Ч.-Гарольду“.

Не желаніе перемѣнить только струны на лирѣ и не новый стратегическій манёвръ для добыванія славы руководили Байро-

[1]) Millingen, „Memoirs of the affairs of Greece“, 1830, p. 116.

[2]) Leigh Hunt, „Recollections“. London, 1828, p. 79.

номъ,—сама жизнь выдвинула въ его натурѣ ту сторону, которая и раньше мелькала въ его произведеніяхъ, внезапно освѣщая ихъ юморомъ или сатирою, теперь же сдѣлалась преобладающею. Въ немъ изумленный читатель открывалъ теперь неистощимую веселость, располагавшую цѣлымъ богатствомъ остроумныхъ выходокъ, колкихъ политическихъ и общественныхъ намековъ, ѣдкаго или забавнаго стиха, завлекательно интереснаго, часто пикантнаго разсказа, комическихъ силуэтовъ и характеристикъ. Только веселость эта была все-же печальная, на основѣ вѣчной неудовлетворенности, тоски и протеста. Наши позднѣйшія наблюденія и выводы въ этомъ духѣ подтверждаются цѣннымъ свидѣтельствомъ такого близкаго *свидѣтеля* жизни поэта, какъ *его жена*, записаннымъ *имъ самимъ* въ появившихся въ настоящее время сполна „Отрывочныхъ мысляхъ“ его [1]): „Я помню,—говоритъ Байронъ,—какъ, проведя въ обществѣ цѣлый часъ въ необычайной, искренней, можно даже сказать блестящей веселости, я сказалъ женѣ:—„Меня называютъ меланхоликомъ, даже злоупотребляютъ этимъ названіемъ,—ты видишь сама, Bell, какъ часто это оказывается несправедливымъ“. — „Нѣтъ, Байронъ,—отвѣчала она,—это не такъ; въ глубинѣ сердца ты—печальнѣйшій изъ людей, даже въ тѣ минуты, когда кажешься самымъ веселымъ“...

Недолго продержалось у Байрона то благодушное настроеніе, въ которомъ, вернувшись изъ Рима, онъ поселился въ „La Mira“, уединенно, съ любимой женщиной, ища забыться въ чемъ-то похожемъ на счастье. Явились сначала подозрѣнія, потомъ увѣренность въ томъ, что Маріанна не стоитъ его любви. Послѣ неожиданнаго открытія, что она торгуетъ его подарками и перепродала ювелиру купленную у него же для нея парюру, онъ сталъ отдаляться отъ Маріанны; пелена спала съ глазъ, иронія замѣнила увлеченіе. Связь еще не была порвана, когда на пути Байрона явилось новое женское лицо,—именно, на пути, потому что онъ увидалъ его во время поѣздокъ по окрестностямъ своей виллы. Лѣтомъ 1817 г., земледѣльческое населеніе вокругъ Венеціи очень страдало отъ неурожая, и Байронъ (какъ мы случайно узнаемъ изъ одного только письма) помогалъ голодавшимъ. Однажды, вмѣстѣ съ Гобгоузомъ, онъ ѣхалъ верхомъ вдоль Бренты; имъ попалась группа этихъ несчастныхъ; они, заговоривъ съ ними объ ихъ нуждѣ, оказали имъ помощь. Двѣ стоявшія въ сто-

[1]) Letters, V, 1091, pp. 403—468; такъ называемыя „Detached thoughts“ извѣстны были до сихъ поръ лишь отрывочно; теперь сполна воспроизведена рукопись, сохранившаяся у внука поэта.

ронѣ молодыя и очень красивыя женщины сами завели вдругъ разговоръ съ иностранцами, выражая удивленіе, почему они даже не подумали спросить, не нуждаются ли также и онѣ. На оправданіе Байрона, что нужды не видно по ихъ наряду, и на нѣсколько двусмысленный его намекъ, что съ такою наружностью погибнуть нельзя, онѣ отвѣчали: „Загляните туда, гдѣ мы живемъ, и вы увидите самую страшную бѣдность". Съ посѣщенія этого началось знакомство Байрона съ Маргаритой Коньи, поразившей его съ перваго взгляда своей внѣшностью.

Нѣсколько времени спустя, они сблизились. Маргарита храбро выдержала открытый натискъ соперницы, столкнувшись съ нею однажды лицомъ къ лицу,—и началось царство „Форнарины" (ея мужъ былъ хлѣбникомъ), какъ назвалъ Маргариту Байронъ, перенеся на нее извѣстное прозвище подруги Рафаэля.

Слишкомъ много чести было въ этомъ прославленномъ псевдонимѣ для той, къ кому послѣ вдохновительницы великаго художника, послѣ первообраза его мадоннъ, перешелъ онъ по прихоти Байрона. Черноокая, стройная венеціанка еще болѣе, чѣмъ Маріанна, была первобытна, невѣжественна, безграмотна, съ бѣшенымъ и ревнивымъ характеромъ. Со временемъ самъ Байронъ назвалъ ее (въ письмѣ къ Мэррею) „красивымъ, но совершенно неприрученнымъ *животнымъ*". Поддавшись минутному капризу, онъ сошелся съ Форнариной въ такую пору, когда, послѣ сильныхъ впечатлѣній путешествія и той грусти, которую оно оставило послѣ себя, его болѣзненно поразило разочарованіе въ Маріаннѣ. Онъ искалъ разсѣянія, самозабвенія, уже не идеализировалъ, а просто отдавался возбужденію чувственности. Съ Маргаритой ему сначала было весело, смѣшно; словно самъ того не замѣчая, онъ возвратился къ карнавальной веселости первыхъ мѣсяцевъ, пріучилъ себя заглушать тоску и раздумье безпечнымъ развлеченіемъ, и по наклонной плоскости сталъ въ этомъ отношеніи опускаться все ниже. За Форнариной показались другія женскія лица, нити неожиданно завязывавшихся интригъ перепутывались и скрещивались. Зимою, когда онъ переѣхалъ въ Венецію и занялъ цѣлый палаццо (одинъ изъ трехъ, принадлежавшихъ когда-то знаменитой семьѣ Мочениго) на Canal Grande, невдалекѣ отъ прежняго его жилья, и, стало быть, располагалъ одинъ большимъ домомъ въ три яруса,—этотъ палаццо наполнился оживленіемъ и запестрѣлъ всевозможными лицами. Тутъ появлялась Маргарита съ своими присными, запросто располагались гондольеры, народные пѣвцы, подплывали закутанныя, чуть не замаскированныя женщины. Джэфрсону,—несмотря на

то, что онъ задался цѣлью показать „настоящаго Байрона",—привидѣлся даже цѣлый гаремъ, будто бы заведенный поэтомъ въ старомъ дворцѣ Мочениго [1]). Все-же мы знаемъ, что Шелли, появившійся передъ Байрономъ, въ августѣ 1818 г., въ Венеціи, пришелъ въ ужасъ отъ того общества, въ которомъ онъ нашелъ своего друга...

О любви къ Маргаритѣ не могло быть и рѣчи. Форнарина потѣшала Байрона своими эксцентричностями,—то благочестіемъ, которое охватывало ее при звукѣ благовѣста въ объятіяхъ ея друга, то гордостью, съ которой она отстаивала свою личность, напр., противъ притязаній какой-то знатной соперницы („пускай она — *дама*, зато я — *венеціанка*!"—съ комической важностью восклицала она), то безконечнымъ невѣдѣніемъ всего, что дѣлается на свѣтѣ, то заботой о Байронѣ, выражавшейся часто въ грубѣйшей формѣ (измучившись однажды безпокойствомъ во время его долгаго отсутствія на Лидо въ бурную погоду, она встрѣтила его на ступеняхъ пристани, подъ дождемъ, плачущая, съ мокрыми, распущенными волосами, гнѣвнымъ крикомъ: „Ah! *can' della Madonna*, хе esto il tempo per andar' al' Lido!"). Но затѣмъ стали обнаруживаться выходки настоящей психопатки, и Байронъ снова переносилъ сцены, достойныя Каролины Ламъ или Джэнъ Клермонтъ. Маргарита внезапно ушла отъ мужа совсѣмъ къ Байрону, противъ его воли; появленіе супруга и рядъ непріятныхъ сценъ—были результатомъ. Попытки такого бѣгства возобновлялись; наконецъ, пересиливъ оппозицію Байрона, она водворилась у него въ качествѣ домоправительницы; по его словамъ, какая-то непреодолимая, безвольная лѣнь, овладѣвшая имъ, допустила это вторженіе,—пока не собралъ онъ остатки энергіи и не потребовалъ ея удаленія. Послѣ этого не было предѣловъ ея раздраженію; она грозила „ножевой расправой", и дѣйствительно ворвалась однажды съ ножемъ; ее обезоружили, хотѣли посадить въ гондолу, но она бросилась въ каналъ, и ее съ трудомъ привели въ чувство.

Случайные намеки Байрона заставляютъ предполагать другія приключенія, скрывавшіяся въ тѣни этого главнаго. Къ концу печальной потѣхи промелькнуло даже что-то похожее на искреннюю привязанность; онъ проговорился о ней всего въ одномъ письмѣ, которое освѣтило одинъ изъ любопытнѣйшихъ и въ то же время совсѣмъ неизвѣстныхъ эпизодовъ его жизни. *Она*—

---

[1]) Jeaffreson, „The real lord Byron", 1883, II, глава VII, надписанная: „Byron's depravation".

дочь мѣстнаго nobile; *ей* всего 18 лѣтъ; ни объ одной изъ своихъ венеціанскихъ героинь Байронъ не отзывается такъ, какъ о ней, говоря, что *Анджьолина*—„дорогой его другъ“ (a very dear friend of mine). Объ ихъ свиданіяхъ узнали въ ея семьѣ; къ Байрону явились съ увѣщаніями священникъ и полицейскій коммиссаръ; дѣвушку заперли. Но едва обстоятельства измѣнились къ лучшему и присмотръ ослабѣлъ, прежнее возобновилось. Анджьолина увлеклась настолько, что мечтала соединиться съ нимъ навсегда и побуждала его къ разводу съ женой. Мало того,—когда на вопросъ ея, неужели онъ не можетъ избавиться отъ жены, онъ сказалъ: „бо́льшаго избавленія, чѣмъ теперь, нельзя достигнуть,—не хотите же вы, чтобъ я ее отравилъ?“—дѣвушка *не отвѣчала*, и „въ этомъ молчаніи краснорѣчивѣе, чѣмъ въ тысячѣ словъ, сказалась расовая черта, страстность южной натуры“...

Быть можетъ, этому эпизоду, только-что начинающему выступать изъ своей таинственности, слѣдуетъ приписать поворотъ, происшедшій въ настроеніи Байрона еще до его встрѣчи съ Терезой Гвиччіоли. Несмотря на обиліе развлеченій, нравственная неудовлетворенность его все возростала, меланхолія глубже въѣдалась, нервы были измучены, по временамъ голова словно нѣмѣла, чудныя кудри стали сѣдѣть,—а Байрону было всего тридцать лѣтъ... И вдругъ послышался удивительный „байроническій“ смѣхъ.

„Беппо“—первый его опытъ.

Привыкнувъ къ его русскому оттиску, „Нулину“, полному блестящей causerie и шаловливаго юмора, мы обыкновенно склонны видѣть въ байроновской шуточной поэмѣ только первообразъ безподобной игривости, изумившей когда-то чиннаго нашего читателя въ личныхъ отступленіяхъ „Евгенія Онѣгина“, въ „Графѣ Нулинѣ“, въ „Домикѣ въ Коломнѣ“. Но, посылая „Беппо“ своему издателю, Байронъ писалъ, что „поэма полна политики и рѣзкости“, и что ее придется издать отдѣльно безъ имени автора. Въ то же время мы, однако, узнаемъ, что въ основу положенъ „венеціанскій анекдотъ, который очень позабавилъ поэта“, и что, взявъ себѣ за образецъ остроумную пародію на легенды о королѣ Артурѣ, выпущенную незадолго передъ тѣмъ, подъ псевдонимомъ мистера Роберта Whistlecraft'a, однимъ изъ второстепенныхъ поэтовъ, Джономъ Гукгэмомъ Фриромъ [1]), онъ быстро на-

[1]) Бывшій дипломатъ, свѣтскій остроумный стихотворецъ, пародировавшій также „Пѣснь о Роландѣ“, прекрасно переладавшій Аристофана.

бросалъ 84 строфы своей шутки. Если прибавить къ этимъ даннымъ вліяніе итальянскаго комическаго стихотворства (отъ Боярдо и Пульчи до „Говорящихъ животныхъ“ Касти), которое Байронъ въ это время изучалъ и къ которому пристрастился [1]), — обозначатся элементы, изъ которыхъ должна была сложиться новая отрасль байроновской поэзіи,—комизмъ интриги, положеній, характеровъ и серьезный соціально-политическій и нравственный фонъ сатиры. Трудно рѣшить, которому изъ нихъ въ „Беппо“ принадлежитъ первенство. Какая игра красокъ въ картинѣ Венеціи,—сначала въ ея повседневной живописности, съ ея каналами, лагуной, Ріальто, роями тиціановскихъ красавицъ,—потомъ въ пестрой суматохѣ карнавала! Когда изъ этой рамки выдвигаются три единственныхъ дѣйствующихъ лица разсказа, жена, другъ дома и внезапно объявившійся въ маскарадѣ подъ одеждой турка, пропавшій безъ вѣсти мужъ, сколько боккачіевской бойкости въ развитіи комическаго положенія и въ благополучной, всѣхъ примиряющей развязкѣ, сколько соли въ нравоописательномъ этюдѣ съ натуры и въ забавно-серьезныхъ разсужденіяхъ о великомъ институтѣ „чичисбеевъ“, или cavalieri serventi. Характеры Лауры, ея „вице-мужа“ графа, меломана, „отмѣнно изящнаго кавалера, казавшагося героемъ своему камердинеру, типическаго вздыхателя доброй старой школы“, и плута Беппо, — несмотря на скромные размѣры характеристики, обусловленные миніатюрностью всей рамки, стоятъ передъ читателемъ, какъ живые. Но, шаловливо прерывая то-и-дѣло свой разсказъ, словно поддразнивая читателя, авторъ отклоняется отъ сюжета, иногда настолько, что нить его можетъ порваться и интересъ ослабѣть, — до того блещутъ остроуміемъ и злостью эти a parte. Чего въ нихъ только нѣтъ! Едва показались, напр., Лаура съ графомъ и, подъ предлогомъ восхваленія чичисбеевъ поэтъ вдался въ изъявленія своей привязанности ко всему въ Италіи, къ климату, нравамъ, женщинамъ, онъ вдругъ вспоминаетъ, что ему необходимо поставить внѣ сомнѣнія и свой англійскій патріотизмъ, заявить о преданности всему родному,— и въ нѣсколькихъ десяткахъ стиховъ уже обрисовано жалкое положеніе, до котораго довели Англію торіи. „О, Англія,—восклицаетъ поэтъ, — при всѣхъ твоихъ недостаткахъ я все еще люблю тебя; я люблю правительство (но такое, что совсѣмъ не управляетъ), цѣню свободу печати и пасквилей, уважаю Habeas

[1]) Еще въ Брюсселѣ, получивъ въ даръ отъ маіора Гордона переводъ „Animali parlanti“ Касти, В. Стюарта Роза, Байронъ пришелъ въ восторгъ и „чуть не выучилъ стихи наизустъ“.

corpus (въ тѣ годы, когда у насъ его не отнимаютъ), люблю нашу постоянную армію, нашихъ распущенныхъ моряковъ; толки о реформахъ, налогъ въ пользу бѣдныхъ, люблю и мои долги,— и долги англійской націи; храни, Боже, регента, церковь и короля! Вѣдь я дѣйствительно все и всѣхъ люблю!" Появленіе Беппо, вернувшагося изъ Турціи, да и одѣтаго туркомъ, ведетъ за собой картинку турецкаго быта съ его многоженствомъ, гаремами, праздностью, безграмотствомъ, — тотчасъ вспыхиваетъ сатира: „Вѣдь счастливы эти люди, не вѣдая азбуки, стало быть, и критики, и стихотворства, не терзая музъ, не наводняя журналовъ, не собираясь въ эстетическихъ гостиныхъ, чтобъ оттуда управлять вкусомъ". Сатирическая выходка, сразу перемѣстившая разсказъ въ англійскую литературную среду, кончается раздѣломъ писательскихъ силъ: одесную поставлены Роджерсъ, Вальтеръ-Скоттъ, Муръ и прочая „избранная братія" (all the better brothers), ошуйю—въ особенности сыны alma mater, нетерпимые, самодовольные, педанты, „мнимые остроумцы, поддѣльные джентльмены" (острота подлинника непереводима, — „the would be wits and can't be gentlemen") [1]). Иногда достаточно совсѣмъ случайнаго повода, — напр., упоминанія о судьбѣ, фортунѣ,—и поэтъ уже весело шутитъ надъ капризной богиней, управляющей людской удачей, вспоминаетъ, до чего немилостива была она къ нему до настоящей минуты, надѣется, что она захочетъ, наконецъ, свести счеты, возстановитъ равновѣсіе...

Пусть Байронъ, какъ обыкновенно думаютъ, не вполнѣ сознавалъ, какая неподражаемая бездѣлка вышла изъ-подъ его пера, и энтузіазму англійскихъ читателей пришлось объяснить ему это, — все же несомнѣнно, что первый опытъ на новомъ пути внушилъ ему смѣлость идти дальше. Черезъ нѣсколько дней послѣ отсылки своей стихотворной шалости, онъ, словно мимоходомъ, сообщаетъ уже Мэррею, что вскорѣ, можетъ быть, пришлетъ ему еще одну вещицу „въ стилѣ Беппо". Въ такомъ непритязательномъ тонѣ возвѣщено было зарожденіе величайшаго изъ байроновскихъ произведеній, „Донъ-Жуана". Нужны ли еще доказательства непрерывности творческаго развитія Байрона, ни въ чемъ не пострадавшей отъ склада его жизни?

Но и въ ней становилось все свѣтлѣе. Какъ первая ласточка, вѣстница весны, явилась Аллегра въ сопровожденіи няни-

[1]) Однимъ изъ нихъ выпущена была анонимно брошюра въ отвѣтъ Байрону: „A poetical epistle from Alma Mater to Lord Byron occasioned by some lines in Beppo". Cambridge, 1818.

швейцарки, и наполнила домъ своимъ щебетаньемъ и смѣхомъ; чуткая не по лѣтамъ, полная наивной граціи и ласки, блиставшая красотою голубыхъ глазъ, которые Шелли, вскорѣ ея большой другъ, оставившій прелестный дѣтскій портретъ ея въ поэмѣ „Юліанъ и Маддало“, называлъ „отраженіями итальянскаго неба“, она плѣняла всѣхъ; Байронъ съ удивленіемъ находилъ въ Аллегрѣ сходство—съ своей женой, искалъ чертъ, которыя напомнили бы ему Аду, и презабавно заявлялъ, что ея „чертовски бойкій умъ безспорно считаетъ отцовскимъ даромъ“ (she has a devil of a spirit—but that is Papa's). Потомъ пріѣхалъ Монкъ Льюисъ, за два года передъ тѣмъ посредникъ Байрона въ изученіи гётевскаго „Фауста“, явились Томасъ Муръ и Шелли; потомъ Байронъ устроилъ для Шелли съ семьей уютное дачное житье на виллѣ, которую сначала нанялъ у Гоппнера для себя. Вблизи поселились дорогіе ему люди. Шелли, его добрый геній, былъ снова съ нимъ [1]).

Письма Шелли изъ Венеціи и автобіографическая поэма „Julian and Maddalo“ останутся навсегда цѣннымъ показаніемъ тонко наблюдательнаго очевидца о жизни и настроеніи Байрона на рубежѣ венеціанскаго искуса и полнаго возрожденія. Шелли явился сначала одинъ, въ качествѣ парламентера отъ Claire, молившей отпустить къ ней дочь на продолжительное время,—говоря точнѣе, онъ не сказалъ другу, что молодая дама инкогнито приплыла съ нимъ въ гондолѣ изъ Падуи и скрывается въ гостинницѣ. Мягкому вліянію Шелли удалось склонить Байрона на уступку, и когда Мэри Шелли прибыла изъ Лукки и они поселились всѣ на виллѣ, туда на время явилась и Аллегра. И въ первый день свиданія съ Байрономъ, и въ частые пріѣзды (иногда съ женой) въ Венецію изъ виллы „I Cappuccini“, у Эвганейскихъ горъ [2]) (въ Эсте, невдалекѣ отъ Арквà, могилы Петрарки), Шелли велъ продолжительные и задушевные разговоры съ другомъ, напомнившіе ихъ бесѣды въ Швейцаріи. Въ первый же день Байронъ увлекъ его съ собою на Лидо; тамъ уже стояли осѣдланныя лошади,—и вдали отъ людей, на волѣ изъѣздивъ изъ конца въ конецъ весь островъ, онъ изливалъ свою исповѣдь, говорилъ о разочарованіяхъ, объ „оскорблен-

[1]) Къ этому времени улучшилось и матеріальное положеніе Байрона, благодаря состоявшейся, наконецъ, продажѣ Ньюстэда.

[2]) Тамъ Шелли написалъ „Lines written among the Euganean Hills“, полныя поэтическихъ описаній мѣстности и философскихъ думъ, съ глубоко симпатичнымъ отзывомъ, между прочимъ, о Байронѣ. Poetical Works of Shelley, ed. by H. Buxton Forman, 1892, II, 284.

ныхъ чувствахъ", переходилъ къ литературнымъ планамъ, произносилъ свои стихи, тепло и дружески отнесся къ судьбѣ Шелли, столь же гонимаго общественными предразсудками. Въ другой разъ они совершили вмѣстѣ поѣздку по лагунѣ, съ такимъ драматизмомъ описанную Шелли въ выше названной поэмѣ, и высадились на сосѣднемъ съ San Lazzaro, тоже крайнемъ островѣ венеціанскаго архипелага, гдѣ въ ту пору былъ пріютъ умалишенныхъ. Виною была настойчивая мысль самого Байрона, мысль гамлетовская,—нѣтъ, еще безотраднѣе размышленій Гамлета на кладбищѣ: легче съ черепомъ Іорика въ рукахъ предаваться думамъ о бренности и ничтожествѣ людской доли, чѣмъ очутиться среди дикаго скопища заживо умершихъ страдальцевъ, измученныхъ обычнымъ въ то время жестокимъ обращеніемъ своихъ стражей и врачей, умѣвшихъ только обуздывать, смирять,—и среди криковъ, хохота, безсвязныхъ рѣчей, давать волю своей глубокой *міровой* скорби [1])... Признанія и жалобы одного изъ заточенныхъ, погубленнаго вѣроломствомъ любимой женщины, ставшаго маніакомъ, вѣчно терзаемаго своимъ несчастьемъ, и участливо выслушиваемаго обоими друзьями, дали имъ поводъ къ долгимъ размышленіямъ, въ которыхъ выразились—весь пессимизмъ одного и несокрушимая ничѣмъ вѣра въ торжество добра—его спутника.

Учащая пріѣды въ Венецію, Шелли могъ ближе присмотрѣться къ странному образу жизни, который у себя дома могъ вести человѣкъ геніальный, способный на глубокія думы и поразительные замыслы [2]). И въ лицо ему, и заочно въ письмахъ, говоря о немъ, онъ порицалъ его,—и въ то же время признавался, что считаетъ его великимъ поэтомъ, —„вѣдь одно уже обращеніе его „Къ океану" это доказываетъ"... Съ тревогой смотрѣлъ онъ на будущее; „у Байрона вы можете легко подмѣтить много добрыхъ влеченій,—говорилъ онъ,—но они недолго держатся послѣ вашего ухода. Нѣтъ, я увѣренъ, и для его добра я искренно желаю, чтобъ настоящій складъ его жизни былъ

---

[1]) Попытка сравнить вообще Байрона съ Гамлетомъ,—довольно неудачная,—сдѣлана W. Sichel, „The two Byrons", Fortnightly Review, 1898, VII; авторъ видитъ сходство въ склонности къ одиночеству, въ измѣнчивости настроенія, доходящей до безумія, въ великодушіи и чувствительности, въ ненависти ко всякому притворству и т. д.

[2]) Относительно этого образа жизни есть также любопытныя показанія сына привычнаго байроновскаго адвоката Гансона, который пріѣзжалъ въ Венецію по дѣлу о продажѣ Ньюстэда. Редакторъ послѣдняго изданія сочиненій Байрона приводитъ ихъ прямо по рукописи.

какъ можно скорѣе прерванъ какимъ-нибудь потрясающимъ событіемъ".

И вдругъ этотъ, казалось, близкій къ гибели человѣкъ изумилъ его небывалымъ подъемомъ поэзіи. „Я повидался съ лордомъ Байрономъ,—писалъ Шелли, 8 октября 1819 г., Пикоку,—и почти не узналъ его; онъ превратился въ оживленнѣйшаго и счастливѣйшаго человѣка. Онъ прочелъ мнѣ первую пѣснь своего „Донъ-Жуана", вещь во вкусѣ „Беппо", но безконечно лучше" [1]).

Въ этомъ сочувственномъ отзывѣ нѣтъ еще ни слова о широкомъ замыслѣ новой поэмы, который со временемъ нашелъ горячаго цѣнителя именно въ Шелли. Очевидно, въ ту пору Байронъ даже его не посвятилъ въ свою тайну. Когда двѣ первыя пѣсни появились въ печати, вся критика, — и сочувствовавшее автору меньшинство, и единодушная въ своемъ осужденіи господствовавшая партія,—разсматривала вступленіе въ поэму лишь по существу и отмѣчала въ немъ рядъ соблазнительныхъ картинъ съ демонически-пряной приправой небывалаго остроумія. Приступая къ работѣ, съ которою потомъ онъ не разставался до самой смерти, Байронъ, быть можетъ, не установилъ детальнаго плана (когда друзья стали осуждать фривольность его пріемовъ, онъ могъ шутя угрожать тѣмъ, что въ наказаніе имъ напишетъ „Донъ-Жуана" въ *пятидесяти* пѣсняхъ),—но связующая мысль была твердо поставлена, подчиняя себѣ всѣ отдѣльныя ея примѣненія въ поэмѣ, какъ бы разнородны они ни были. Уже выборъ эпиграфа характеристиченъ. Онъ взятъ изъ шекспировской „Двѣнадцатой ночи" [2]); сэръ Тоби бросаетъ въ лицо притворщику Мальволіо восклицаніе: „Неужели ты думаешь, что оттого, что ты добродѣтеленъ, на свѣтѣ не должно уже быть ни пироговъ, ни элю?" И клоунъ поддакиваетъ ему: „Клянусь святою Анной, все пряное и впредь будетъ щекотать намъ нёбо". Наперекоръ всеобщему лицемѣрію и чопорности, Байронъ провозглашаетъ законность изображенія *всѣхъ* сторонъ жизни, законность свободнаго смѣха, веселости и юмора, срывающихъ со всего личину, терпимость къ мірскому, земному элементу въ поэзіи, необходимость житейской правды въ ней. Примѣненное въ слѣдующей затѣмъ первой пѣсни къ непринужденной картинкѣ изъ закулисныхъ *испанскихъ* нравовъ, основное положеніе это могло показаться лишь оправданіемъ крайней поэтической „вольности",

[1]) Dowden, P. B. Shelley, II, 234—235.

[2]) Актъ II, явленіе 3.

которую захотѣлъ себѣ присвоить поэтъ. Только со временемъ, когда передъ читателемъ стало развертываться сложное *общечеловѣческое* содержаніе поэмы, охватившее десятки всевозможныхъ, и двусмысленныхъ, и патетическихъ, и плѣнительно-нѣжныхъ, и грозно-обличительныхъ эпизодовъ, взятыхъ изъ жизни самыхъ разнообразныхъ народовъ, греческаго, турецкаго, русскаго, англійскаго, мысль Байрона обнаружилась во всей ея глубинѣ.

Настойчивыя и по истинѣ неистощимыя обвиненія Байрона въ безнравственности личной его жизни и литературной дѣятельности (новѣйшая клевета принадлежала поэту - лавреату Соути [1]), который распространялъ сплетню о развратной жизни Байрона и Шелли въ Женевѣ съ двумя сестрами; подъ стать ей пущена была англичанами изъ Венеціи нелѣпая басня о связи Шелли и съ Мэри Годвинъ, и съ Claire...), привели поэта къ желанію не только раскрыть, сколько добродѣтельнаго лицемѣрія выказываютъ его судьи, но, подобно великому вопросу: „что̀ есть истина“, поставить другой вопросъ: что̀ такое „нравственность“, *что* понимаютъ подъ нею люди, зовущіе отступника къ ея трибуналу, есть ли незыблемый, для всѣхъ обязательный ея кодексъ, или ея законы и обычаи мѣняются сообразно расѣ, климату, темпераменту, культурѣ, религіи. Личный опытъ, долгія странствія, чтенія показали ему много разнородныхъ варіацій на тему о „нравственномъ“; турецкій міръ съ его многоженствомъ, освященная обычаемъ въ Венеціи жизнь втроемъ, свѣжее тогда преданіе о петербургскомъ фаворитизмѣ екатерининскихъ временъ, считавшемся вполнѣ нормальнымъ, близкое знакомство съ тѣмъ, что̀ въ англійской жизни скрывалось подъ маской добродѣтели и чопорности, давали цѣнные матеріалы для отвѣта на поставленный имъ вопросъ. Но если первая пѣснь могла возбудить предположеніе, что онъ возьметъ на себя только пересмотръ укоренившихся взглядовъ на отношенія между полами, на любовь и чувственность, онъ вскорѣ расширилъ кругозоръ, и въ міровой обзоръ вошли тогда трагическія картины сраженій и осады, приводящія къ рѣзкому протесту противъ войны вообще, узаконенной все тѣмъ же кодек-

[1]) Соути въ ненависти къ Байрону доходилъ до фанатизма. Когда появилась, послѣ смерти поэта, книга Медвина, коснувшагося его интригъ и нападокъ, Соути сдѣлалъ печатное категорическое заявленіе, что „обличалъ Байрона за то, что онъ наложилъ позорное клеймо на англійскую литературу, что онъ совершилъ тяжкое преступленіе противъ общества, выпустивъ произведеніе, въ которомъ насмѣшки смѣшаны съ ужасами, грязь съ безбожіемъ, развратъ съ вольномысліемъ“, и т. д.

сомъ нравственности, вошла политическая и соціальная сатира. Одного сопоставленія начала поэмы, которое разыгрывается въ спальнѣ севильской красотки, съ ея концомъ, который предполагалось вставить въ тревожную пору французской революціи и развязать узелъ сюжета смертью Жуана ради народнаго, хотя и чужого ему блага, уже достаточно, чтобы показать, какое широкое развитіе суждено было зародышу поэмы, казалось, предназначенной, по примѣру „Беппо“, воздѣлывать „невинный юморъ“.

Если въ „Донъ-Жуанѣ“ Байронъ сбирался подвести итоги испытаннаго и видѣннаго, то, конечно, очень любопытно отмѣтить, что къ тому же времени относится и внезапное рѣшеніе собрать воспоминанія и оставить послѣ себя правдивый разсказъ о своей опороченной и оклеветанной жизни. Такъ возникли знаменитые байроновскіе „Мемуары“, раздѣляющіе съ мемуарами Гейне одинаковую участь посмертнаго уничтоженія [1]) и таинственной привлекательности. Сначала Байронъ допускалъ мысль объ ихъ напечатаніи и въ этомъ смыслѣ писалъ Мэррею 10-го іюля 1818 г. Черезъ недѣлю у него было готово 6—7 листовъ; 26 августа они уже занимаютъ 44 листа большого формата; всего предполагалось листовъ семьдесятъ. Во время писанія, однако, поднялись сомнѣнія въ умѣстности ихъ обнародованія; у Байрона явилась даже мысль передать предварительно мемуары черезъ третьи руки для просмотра женѣ, какъ одному изъ главныхъ дѣйствующихъ лицъ, имѣющему право знать, что о немъ пишутъ,—и въ числѣ важнѣйшихъ новинокъ только-что вышедшаго V тома переписки поэта находятся два письма его къ женѣ по этому поводу [2]). Но не только подъ вліяніемъ непріязненнаго отношенія лэди Байронъ къ его замыслу, а также по многимъ другимъ соображеніямъ взяла верхъ мысль, что *пока* печатать мемуары невозможно. Правда, по словамъ самого автора, это—не Признанія (Confessions), а только Memoranda; о любовныхъ увлеченіяхъ, напр., говорится очень немного, за то *разсказана подробно вся исторія брака и его послѣдствій;* несмотря на желаніе выдержать безпристрастіе и

[1]) Единственная уцѣлѣвшая часть гейневскихъ мемуаровъ касается дѣтства и отрочества поэта.

[2]) Letters, V, 1901; лэди Байронъ отклонила предложеніе, не изъ-за своихъ интересовъ, а ради „Ады“; несмотря на то, что лично она уже много пострадала отъ несправедливости, послѣдствія очень бы ее опечалили. Байрона непріятно поразилъ этотъ тонъ, и онъ въ рѣзкихъ выраженіяхъ, приводя даже два стиха изъ дантова „Ада“, возлагаетъ вину на „гордую жену“.

спокойствіе, въ разсказъ ворвались злость, сатира и смѣхъ; въ немъ отразилась цѣлая полоса англійской общественной жизни [1]). Послѣ колебаній Байронъ воспользовался пріѣздомъ въ Венецію Томаса Мура, для того чтобы передать ему рукопись мемуаровъ, предоставивъ ему право располагать ею, послѣ смерти поэта, по своему усмотрѣнію. Собраніе нѣсколькихъ довѣренныхъ лицъ, созванное для этой цѣли, рѣшило рукопись уничтожить [2])...

Но вернемся къ „Донъ-Жуану".

Надписанное надъ поэмой имя легендарнаго испанскаго героя и испанская же обстановка первой пѣсни показались современникамъ поэта признакомъ его желанія самостоятельно разработать старое преданіе, перенеся его въ XVIII-е столѣтіе, быть можетъ, устранивъ все сверхъестественное, ради бо̀льшей реальности, но оставаясь въ традиціонныхъ рамкахъ типа. Ожиданія не оправдались; съ каждою новою пѣснью легенда и поэма расходились все дальше, и не только въ частностяхъ сюжета, постоянной смѣнѣ обстановки и т. д., но именно въ пониманіи и освѣщеніи главнаго дѣйствующаго лица. „Мнѣ нуженъ герой!" — съ комическимъ отчаяніемъ восклицаетъ авторъ въ первой же строкѣ и шутя прибавляетъ: „не правда ли, это необычные поиски, именно въ наше время, когда герои расплодились во множествѣ!" Длинный списокъ ихъ, приводимый вслѣдъ затѣмъ, не удовлетворяетъ его; хотя на-ряду съ мишурными и пошлыми знаменитостями въ немъ есть нѣсколько замѣчательныхъ именъ, но „ихъ не приспособишь къ риѳмамъ". Приходится взять стариннаго героя, того Жуана, „котораго всѣ помнятъ въ пантомимѣ, гдѣ чортъ обыкновенно уноситъ его куда-то, прежде чѣмъ наступилъ для того срокъ"... Ни слова ни о родоначальницѣ всѣхъ драмъ на тему жуановской легенды, пьесѣ Тирсо де-Молина [3]), ни о комедіи Мольера, ни объ оперѣ Моцарта съ художественнымъ либретто Да-Понте. Вспомянутъ только наказан-

[1]) Letters, IV, 368.

[2]) Муръ давалъ до этого рѣшенія мемуары разнымъ лицамъ для просмотра, и тѣ сдѣлали себѣ выписки. Джонъ Россель говорилъ потомъ, что въ нихъ было нѣсколько „неделикатныхъ частностей (indelicate passages), были интересныя описанія первыхъ житейскихъ впечатлѣній", была исторія брака,—въ общемъ же они не оправдали ожиданій. Leslie Stephen, біографія Байрона въ „Diction. of national biography", 1886, 155. Роджерсъ не одобрялъ уничтоженія мемуаровъ; опасныхъ мѣстъ было 3—4 страницы.

[3]) Изслѣдованіе Артура Фаринелли, „Don Giovanni, note critiche". Giornale storico d. letterat. Italiana, 1896, I, подвергло сомнѣнію и авторство Тирсо, и историческій прототипъ „Донъ-Жуана".

ный вертопрахъ народныхъ пьесъ, кукольныхъ или мимическихъ, которыя съ давнихъ поръ всюду (въ томъ числѣ и въ Англіи) [1]) расплодились, каррикатурно разработывая для своей публики романтическій сюжетъ. Солидарность съ народнымъ юморомъ сразу выдаетъ своеобразныя намѣренія автора. Въ очеркѣ дѣтства, семьи, воспитанія героя, перваго его дебюта въ „страсти нѣжной", выполненномъ съ удивительнымъ остроуміемъ и задоромъ, декорумъ, требовавшійся преданіемъ, уже отсутствуетъ. „Донъ-Жуанъ" Мольера, Моцарта, неотразимый, вѣрящій въ себя завоеватель, своею удалью, обольстительностью, презрѣніемъ къ общественнымъ стѣсненіямъ и предразсудкамъ, часто импонирующій свидѣтелямъ его побѣдоноснаго шествія, при всѣхъ порокахъ и распущенности могъ казаться положительнымъ героемъ. Есть ли хоть одна черта изъ *этого* пониманія его характера въ байроновскомъ „Донъ-Жуанѣ", начинающемъ свои похожденія интригой съ доньей Юліей, которая прячетъ его, при появленіи мужа, подъ грудой одѣяла, потомъ — нѣжномъ другѣ Гаидэ, потомъ, въ одеждѣ одалиски, обитателѣ гарема, русскомъ офицерѣ, екатерининскомъ придворномъ и т. д.? Какъ въ позднѣйшемъ, *петербургскомъ* демонѣ Лермонтова,—демонѣ „Сказки для дѣтей", спустившемся съ заоблачныхъ высотъ въ бытовую прозу Невскаго или Морской, едва сохранились очертанія таинственнаго его прототипа, такъ (и притомъ въ гораздо бо́льшей степени) поблекли въ байроновскомъ Жуанѣ черты его родоначальника. Психическое ихъ сродство, конечно, несомнѣнно; оно—въ томъ сильно развитомъ и вѣчно неудовлетворенномъ инстинктѣ любви, стремленіи къ обладанію и наслажденію, которое въ наше время обозначали спеціальнымъ именемъ „донъ-жуанизма" [1]) и изучали въ ученыхъ трактатахъ съ біологической точки зрѣнія [2]). Выбравъ своимъ героемъ не мольеровскаго „grand épouseur du genre humain", какъ называетъ своего господина Сганарель, не завоевателя, чувствующаго въ себѣ „отвагу Александра Македонскаго" и „сердце, способное любить всѣхъ женщинъ міра",—а „жреца любви", такъ сказать, на вторыя роли, Байронъ тѣмъ легче могъ сдѣлать его своимъ спутникомъ въ заду-

[1]) Исторія англійскаго театра не занялась изданіемъ подобныхъ пьесъ. Энгель, „Don-Juan Sage auf der Bühne".

[1]) Armand Hayem. „Le Don-juanisme". Paris, 1886.

[1]) „Die Don-Juan Sage im Lichte biologischer Forschung", v. Dr. A. Rauber, Prof. der Anatomie in Jurief (Dorpat). Leipz. 1899. О раннемъ періодѣ этой общечеловѣческой легенды ср. мою статью „Легенда о Донъ-Жуанѣ", въ „Этюдахъ и характеристикахъ".

манномъ странствіи по свѣту съ цѣлями общественной сатиры. Донъ-Жуанъ, блестящій гидальго, обязывалъ бы къ тріумфальному шествію; Жуанъ увлекающійся, легкомысленный, юмористъ и вѣтренникъ, но не глупый, наблюдательный, не только могъ, но долженъ былъ попадать изъ одного рискованнаго, двусмысленнаго или потѣшнаго положенія въ другое. Сколько простора для изображенія жизни, какъ она есть!

Но въ самомъ же началѣ поэмы какая неожиданная непослѣдовательность въ изображеніи героя, какое поэтическое отклоненіе отъ натурализма первой пѣсни!.. Морское путешествіе, придуманное матерью Жуана для охлажденія его сердечнаго пыла, приводитъ поэта къ превосходнымъ картинамъ бури, борьбы съ стихіей, кораблекрушенія [1],—и этотъ мракъ и ужасъ вдругъ смѣняются нѣжной идилліей любви Жуана, выброшеннаго волнами на пустынный островъ пирата, и Гаидэ. Точно свѣтлый оазисъ среди пошлости всевозможныхъ альковныхъ и гаремныхъ приключеній, собранныхъ въ поэмѣ, красуется въ ней свободная отъ всякой сентиментальности повѣсть искренней, наивной любви дѣвушки, выросшей на волѣ, въ природѣ, безконечно далеко отъ лжи и притворства свѣта, и внушающей сластолюбцу Жуану—единственный разъ въ его жизни—такое же искреннее чувство. Ихъ счастье, согрѣтое южнымъ солнцемъ, въ тиши и нѣгѣ невѣдомаго никому блаженнаго уголка—поэтическая мечта, поразительная по свѣжести красокъ. Она свободно зародилась въ фантазіи Байрона. Хотя бы даже онъ зналъ о сходномъ эпизодѣ Жуана съ рыбачкой Тизбой, — тоже послѣ кораблекрушенія,—въ пьесѣ Тирсо де-Молина (чего доказать нельзя), этотъ эпизодъ показалъ бы ему только новый примѣръ вѣроломства Донъ-Жуана, который насмѣялся надъ крестьянкой такъ же, какъ бросалъ знатныхъ поклонницъ. Въ байроновской идилліи только грубая рука пирата, внезапно вернувшагося, въ состояніи разорвать счастье любящихся... Пусть въ судьбѣ Жуана встрѣча съ Гаидэ и привязанность его къ ней кажутся непослѣдовательностью, прихотью художника, въ его поэзіи весь этотъ эпизодъ, и въ особенности образъ Гаидэ [2]—одна изъ выдающихся красотъ.

[1]) Въ описаніи его находятъ сходство съ разсказомъ о гибели корабля „Юноны“ (Narrative of the shipwreck Juno in the year 1795), прочитаннымъ Байрономъ еще въ дѣтствѣ и поразившимъ его.

[2]) Очень рано стали дѣлаться попытки иллюстрировать богатый женскій персоналъ байроновской поэзіи. Въ лучшей изъ нихъ, „Finden's Byron beauties or the principal female characters“ etc., 1835, наиболѣе удачны Гаидэ, Дуду, Гюльбейазъ и лэди Пинчбекъ.

Когда по изданной теперь сполна перепискѣ Байрона съ друзьями и съ Мэрреемъ, завязавшейся усиленно вслѣдъ за присылкою имъ двухъ первыхъ пѣсенъ, слѣдишь за предостереженіями, даже протестами ихъ, и видишь, какъ они (даже радикалъ Гобгоузъ) чуть не готовы вторить массовымъ осужденіямъ „безнравственности“, удивляешься, какъ эпизодъ на островѣ пирата (правда, еще не докончennый, но уже достаточно опредѣлившійся) своими мягкими тонами и нѣжными красками не примирилъ строгихъ судей съ началомъ поэмы. Все вниманіе ихъ сосредоточилось на непринужденныхъ сценахъ первой главы, подозрительность открыла (и не безъ основанія) въ характеристикѣ семьи Жуана сходство съ нѣкоторыми изъ условій, окружавшихъ самого поэта въ юности и во время брачной жизни; боязнь новыхъ скандальныхъ столкновеній овладѣла ими, и что-то въ родѣ военнаго совѣта, созваннаго Мэрреемъ, старалось отговорить Байрона отъ печатанія поэмы. Но съ удивительной выдержкой, въ полномъ сознаніи своей правоты, онъ въ рядѣ писемъ краснорѣчиво и горячо отстаивалъ свободу писателя, стоялъ за просторъ юмора, заявлялъ, что пойдетъ отнынѣ съ глубокимъ убѣжденіемъ по слѣдамъ великихъ сатириковъ, напоминалъ, что если осудить „Донъ-Жуана“, то слѣдуетъ предать проклятію Аріоста, Пульчи, Свифта [1]), Рабле, Вольтера. Онъ рѣшилъ, во что бы то ни стало, напечатать свое опасное произведеніе,—только анонимно, даже безъ издательской фирмы, только съ указаніемъ типографіи. Но мыслимо ли было сохранить анонимность! Кто бы не узналъ Байрона по его стиху и любимымъ пріемамъ! *Такъ* писать могъ одинъ только онъ... Что же было бы, еслибъ (какъ того настойчиво желалъ сначала Байронъ, принужденный потомъ уступить) первой пѣсни было предпослано дышащее презрѣніемъ посвященіе стражу нравственности—и въ то же время клеветнику и ренегату—Соути! [2])

Скоро послышался изъ Англіи хоръ осужденій, проклятій и негодованія, который ему предрекали, но онъ мужественно встрѣтилъ отпоръ, ни въ чемъ не уступилъ, апеллируя къ суду потомства и къ безпристрастному мнѣнію остальной читающей и мыслящей Европы, и, годъ за годомъ увеличивая поэму новыми

---

[1]) Свифта Байронъ считалъ почти недосягаемымъ образцомъ сатиры; когда по поводу „Беппо“ друзья дѣлали лестныя для него сравненія, онъ отклонялъ ихъ съ искреннею скромностью ученика.

[2]) Когда Соути только-что выступалъ въ качествѣ присяжнаго обличителя Байрона, поэтъ съ грустной иронією, показывавшей знаніе людей, замѣтилъ: „Почему нападаетъ онъ на меня? Вѣдь я не дѣлалъ ему добра!“...

пѣснями, писалъ ихъ подъ выстрѣлами близорукой и чопорной критики и общественной нетерпимости. Однимъ изъ важнѣйшихъ признаковъ счастливо пережитаго венеціанскаго искуса, конечно, слѣдуетъ признать проявленіе съ первыхъ же строфъ великой поэмы окрѣпшаго въ немъ художественнаго самосознанія, независимости и энергіи. До чего фантазія его въ ту пору снова стала воспріимчивою и чуткою, показало одновременное съ началомъ „Донъ-Жуана“ созданіе, совершенно въ другомъ родѣ, съ сюжетомъ на половину историческимъ, произведенія, полнаго патетическихъ моментовъ и роскошныхъ описаній дикой природы. Стоило Байрону встрѣтить въ вольтеровской „Исторіи Карла XII“ разсказъ о томъ, какъ Мазепа въ молодости подвергся жестокой мести польскаго вельможи, заставшаго свою молодую жену съ нимъ на свиданіи, былъ, обнаженный, привязанъ въ бѣшеному степному коню, пущенному на волю, и спасенъ этимъ конемъ, принесшимъ его на себѣ, послѣ нѣсколькихъ дней безумной скачки, въ родную Украйну,—и у него явился замыселъ Мазепы. Распространенное мнѣніе, будто эта поэма относится къ болѣе позднему времени сближенія поэта съ Гвиччіоли [1]), причемъ въ сюжетѣ видятъ отношеніе къ дѣйствительности,—польскій палатинъ—старикъ Гвиччіоли, жена его — Тереза,—опровергается письмомъ поэта, говорящаго, еще въ сентябрѣ 1818 г., о необходимости окончить и перебѣлить „Мазепу“. Другое, бѣглое упоминаніе Вольтера о привалѣ шведскаго короля, во время бѣгства изъ Полтавы, въ лѣсу, гдѣ, утомленный и мучимый ранами, онъ заснулъ, подвергаясь опасности взятія въ плѣнъ, пригодилось для вступленія и обстановки, и на этой соединенной основѣ возникла цѣлая сцена: ночь, костеръ, скудная шведская свита, взволнованный и тщетно ищущій отдыха король, возлѣ него старикъ Мазепа, котораго Карлъ побуждаетъ занять его какимъ-нибудь разсказомъ,—хоть о томъ необычайномъ происшествіи, которое съ нимъ, говорятъ, случилось въ молодости. Тутъ начинается столь любимый Байрономъ разсказъ-монологъ, но какой яркій, драматическій! Передъ старымъ гетманомъ проносится молодость его при блестящемъ дворѣ въ Варшавѣ, оживаютъ черты любимой женщины, вспоминаются счастливыя минуты свиданій, потомъ внезапный ударъ судьбы, свирѣпая расправа,—и страшные дни, пережитые на обезумѣвшемъ отъ воли животномъ въ глуши невѣдомыхъ краевъ. Темные лѣса,

[1]) Этого мнѣнія держится и авторъ новѣйшей монографіи о „Мазепѣ“: Lord Byrons „Mazeppa“, eine Studie von Dr. D. Engländer. Berlin, 1897.

безграничный просторъ степей, шумные потоки, чьи волны перерѣзываетъ вплавь бѣшеный конь, миражи, лунный свѣтъ и тѣни, жуткое одиночество, неизбѣжность смерти, гнѣвъ, стыдъ, муки голода, отчаяніе,—все пригрезилось поэту и воплотилось въ рядѣ картинъ, выдерживающихъ читателя въ возростающемъ возбужденіи до трагической минуты, когда обезсиленное животное издыхаетъ, надъ нимъ уже вьются хищныя птицы, привязанный къ трупу Мазепа замираетъ въ оцѣпенѣломъ снѣ—и пробуждается въ казацкой хатѣ... Послѣднія строки поэмы снова возвращаютъ насъ къ обстановкѣ начала; впечатлѣніе страстно веденнаго разсказа искусно смѣняется прозаическимъ эффектомъ, — король давно заснулъ подъ звуки гетманской рѣчи. Мелодраматичнѣе былъ бы другой пріемъ, которымъ въ прежніе годы завершилъ бы поэму Байронъ, опустивъ занавѣсъ при замершихъ отъ волненія группахъ слушателей Мазепы.

Точно оживленная притокомъ новыхъ силъ, возрождалась и поэтическая дѣятельность, и жизненная энергія Байрона. Въ это именно время онъ встрѣтилъ Терезу Гвиччіоли, — и, какъ она потомъ вспоминала, эта встрѣча имѣла величайшія послѣдствія для нихъ обоихъ.

Лучшій портретъ Терезы, принадлежащій кисти извѣстнаго въ свое время художника-любителя графа д'Орсэ, изображаетъ очень юное, хрупкое существо съ тонкимъ профилемъ, нѣжнымъ взглядомъ голубыхъ глазъ, римскимъ узломъ волосъ, перевитыхъ бархаткой, и волнистыми локонами, спущенными спереди на широко открытую красивую шею; во всей позѣ и нарядѣ есть что-то дѣвически граціозное и наивное. Въ такомъ видѣ предстала она передъ Байрономъ въ гостиной графини Бенцони, въ апрѣлѣ 1819 г., послѣ колебаній (даже отказа отъ знакомства), сначала выказанныхъ обѣими сторонами. Но когда она увидала его вблизи,—писала она впослѣдствіи Муру [1]), „его благородная и необыкновенно красивая внѣшность, звукъ его голоса, его манеры, тысяча очарованій, съ нимъ связанныхъ, дѣлали его до такой степени непохожимъ ни на кого изъ видѣнныхъ ею дотолѣ людей, ставили его выше всѣхъ, что она не могла не вынести глубочайшаго впечатлѣнія". Она только вступала въ жизнь, но ранняя юность ея (ей шелъ всего семнадцатый годъ) была незадолго передъ тѣмъ уже прикована къ искушенному житейскимъ опытомъ богачу, гордецу и дѣльцу, шестидесятилѣтнему графу Гвиччіоли, вступившему въ третій бракъ, какъ въ выгод-

[1]) „Life of L. Byron", 393.

ную и пріятную сдѣлку, и не оставившему по себѣ ни одного сочувственнаго воспоминанія. Трудно понять, какъ могъ состояться этотъ бракъ, какъ оба лица, отъ которыхъ зависѣла судьба дѣвушки, отецъ ея, графъ Гамба, и братъ Пьетро, люди недюжинные, уже тогда, быть можетъ, принимавшіе участіе въ тайной политической агитаціи, въ которую ввели вскорѣ Байрона, послѣ встрѣчи ея съ нимъ такъ горячо принявшіе участіе въ ея судьбѣ, старясь разобщить съ постылымъ мужемъ, могли дать согласіе на бракъ.

Байронъ былъ ея первою любовью, и она искренно привязалась къ нему. Люди, встрѣчавшіеся съ нею послѣ смерти поэта, свидѣтели ея долгой жизни (она умерла лишь въ 1873 г.), посѣтители парижскаго салона „маркизы де-Буасси", жены одной изъ креатуръ Наполеона III (увѣряютъ, будто мужъ, знакомя съ нею, прибавлялъ иногда: „ma femme, ancienne maitresse de lord Byron"), наконецъ читатели ея книги о Байронѣ [1]), слабой компиляціи личныхъ воспоминаній и книжныхъ выдержекъ, кѣмъ-то неудачно проредактированной,—относились къ ней несочувственно и готовы были подвергать сомнѣнію ея привязанность къ поэту; анализируя его *позднѣйшее* настроеніе, заключали почти то же и о его чувствѣ. Но лиризмъ первыхъ впечатлѣній, даже первыхъ лѣтъ, съ обѣихъ сторонъ, нельзя подвергать сомнѣнію, а показанія такихъ неподкупныхъ свидѣтелей, какъ Шелли, или тонко наблюдательныхъ свѣтскихъ знакомыхъ поэта даже изъ болѣе поздней поры, какъ лэди Блессингтонъ [2]), рисуютъ Терезу, какъ человѣка, съ ея мягкимъ вліяніемъ на Байрона, чуть не посланницей судьбы.

Съ ея появленіемъ, все остальное, всѣ венеціанскія связи, шалости, излишества, померкло, словно никогда не существовало; отнынѣ до его смерти царство Терезы нераздѣльно; чувственно возбужденнаго Байрона больше нѣтъ. Поэзія его звучитъ гимномъ любви; „Донъ-Жуанъ" обогатился новыми пѣснями, гдѣ съ возростающею нѣжностью досказана идиллія Гаидэ. Байронъ не можетъ болѣе жить вдали отъ Терезы. Она уѣзжаетъ съ мужемъ въ Равенну, — онъ слѣдуетъ за ними; итальянское письмо, которое онъ оставилъ ей однажды, не дождавшись ея, полно искрен-

[1]) „Lord Byron jugé par les témoins de sa vie". Paris, 1868; въ слѣдующемъ году появился англійскій переводъ подъ болѣе точнымъ заглавіемъ: „My recollections of L. Byron and those of eye-witnesses of his life". Lond., Bentley.

[2]) Новѣйшее изданіе ея „Journal of the conversations of L. Byron with the countess of Blessington". Lond., 1893. Въ литературѣ нѣмецкихъ диссертацій есть книга Blümel'я объ этомъ дневникѣ, какъ біографическомъ матеріалѣ.

няго чувства. Интриги мужа, замѣтившаго это чувство и повѣдшаго двойную игру, то ставя препятствія, то дѣлаясь снисходительнымъ, за то добиваясь консульскаго мѣста или большого займа у Байрона, отравили, однако, безмятежное сначала счастье. Байронъ испыталъ невиданную имъ еще тревогу; необычайные планы проносятся въ его головѣ; они будутъ добиваться развода,—если же потерпятъ неудачу, онъ все броситъ въ Европѣ, и съ Аллегрой выселится въ Америку, начнетъ новую жизнь простого смертнаго, затеряется въ толпѣ; чувствовать же, что Тереза такъ близко отъ него и не можетъ ему принадлежать, выше его силъ. Лиризмъ любви смѣнился на время глубокою меланхоліею. Необыкновенно потрясенный въ первое же посѣщеніе гробницы Данта въ Равеннѣ, онъ приходилъ часто думать и мечтать около нея, и однажды былъ найденъ тамъ Терезой въ полномъ самозабвеніи. По дорогѣ, въ Болоньѣ, на кладбищѣ въ Чертозѣ его до слезъ трогаютъ надгробныя надписи, въ которыхъ простые люди, погребенные тутъ, просятъ себѣ—„мира, вѣчнаго успокоенія“ (Martini Luigi *implora pace*; Lucrezia Piccini *implora eterna quiete*), и его захватываетъ мысль о смерти, онъ видитъ свою могилу на Лидо и желалъ бы, чтобы тревоженная его жизнь закончилась этою трогательно простою мольбою успокоенія на вѣки.

Во время вторичнаго пріѣзда въ Болонью, вмѣстѣ съ супругами Гвиччіоли, Байронъ рѣшился-было ускорить развязку; пользуясь отлучкой стараго графа, Тереза уѣхала съ своимъ другомъ въ Венецію и поселилась у него въ „La Mira“. Но, нѣсколько времени спустя, появился мужъ, сначала съ угрозами и требованіями, и насильно вернулъ жену въ Равенну; но отъ горя она такъ опасно занемогла тамъ, что не только отецъ, но и мужъ умоляли теперь Байрона пріѣхать и успокоить ее. Его права косвенно признавались, разводъ и свобода становились возможными, жить вдали отъ Терезы было уже безполезно,—и Байронъ выселился окончательно изъ Венеціи.

Со временемъ, оглядываясь на годы, проведенные въ ея стѣнахъ, онъ склоненъ былъ къ суровымъ приговорамъ; ему какъ будто казалось, что добромъ онъ не можетъ ихъ помянуть. Стороннему наблюдателю, и притомъ на историческомъ отдаленіи отъ той поры, виднѣе та масса „добра“, которая выдѣляется изъ непригляднаго подчасъ хода жизни, полнаго ошибокъ, болѣзней воли, гнетущей тоски и опьяняющихъ наслажденій. Первое же стихотвореніе, написанное Байрономъ въ Равеннѣ подъ сильнымъ внушеніемъ Терезы,—„Пророчество Данта“,—показало всю мѣру

поэтическаго и гражданственнаго роста, совершившагося за время его венеціанскаго плѣненія. Въ новый, послѣдній періодъ своей жизни онъ вступалъ и какъ авторъ „Донъ-Жуана“, и какъ политически созрѣвшій дѣятель, болѣе чѣмъ когда-либо чуткій къ нуждамъ страдающаго человѣчества, какъ „англійскій Мирабо“ (мѣткій эпитетъ, приложенный къ Байрону Лесли Стифеномъ въ его новѣйшемъ трудѣ [1]). Страданія Венеціи были для него поучительнымъ образцомъ бѣдствій всей страны, которой отнынѣ онъ посвятилъ свои силы; въ концѣ мужественной „Оды къ Венеціи“, появившейся вмѣстѣ съ „Мазепой“, онъ, указывая на опытъ павшаго великаго города, заявилъ, что „лучше не щадя лить свою кровь, чѣмъ дать ей вяло переливаться въ венахъ, что лучше быть съ погибающими спартанцами при Ѳермопилахъ, чѣмъ гнить въ своемъ болотѣ“. Шелли былъ все-таки правъ, когда въ внезапномъ приливѣ лиризма—въ своихъ „Lines written among the Euganean hills“—вспомнивъ, чѣмъ были берега Скамандра для Гомера, Эвонъ для Шекспира, Воклюзъ для Петрарки, онъ воздалъ честь Венеціи за гостепріимство, оказанное его другу-изгнаннику, предчувствуя, что ея имя навсегда будетъ неразлучно съ тѣмъ „могучимъ духомъ, способнымъ прозрѣвать неземное“,—которому нѣкогда она дала у себя пріютъ. .

Алексѣй Весѣловскій.

[1]) Leslie Stephen. „The english utilitarians“. 1900, II, 365.

ИЗЪ
СОВРЕМЕННЫХЪ ИТАЛЬЯНСКИХЪ ПОЭТОВЪ

II.—ЛОРЕНЦО СТЕККЕТТИ [1]).

„Postuma".

1.

Пѣсни мои бѣдныя, вѣтромъ разнесенныя,
Память отлетѣвшихъ юношескихъ лѣтъ,
Пѣсни, гнѣвомъ, радостью, жалостью внушенныя,—
Что-то съ вами станется, какъ умретъ поэтъ?

Прочь, бѣгите прочь отъ свѣта развращеннаго,
Отъ людей напыщенныхъ, лживыхъ и пустыхъ;
Глубоко въ душѣ моей отъ непосвященнаго
Прячу я сокровища тайныхъ думъ своихъ.

Но когда вы встрѣтите дорогую, милую,
Ту, кого любилъ я всею сердца силою,—
Ей, которой вѣдомы всѣ мои стремленія,
Горести, тревоги, радости, волненія,—
Ей вы перескажете сны мои влюбленные,
Пѣсни мои бѣдныя, вѣтромъ разнесенныя...

---

[1]) См. выше: мартъ, 162 стр.

2.

Осень унылую грустно встрѣчая,
Ты на кладбище приди, дорогая:
Много цвѣтовъ на могилѣ моей
Для золотистой головки твоей.

Ты ихъ сорви: они сердцемъ взлелѣяны,
Выросли сами, никѣмъ не посѣяны;
То—непропѣтыя пѣсни мои,
Въ сердцѣ замолкшіе звуки любви...

3.

Въ вечернемъ сумракѣ повѣяло прохладой,
Полей распаханныхъ пронесся ароматъ,
И мы взошли на холмъ, и были намъ отрадой
Напѣвы звонкіе немолкнущихъ цикадъ.

Блеснула звѣздочка на темномъ небѣ ночи,
Съ безмолвною мольбой ты взоръ къ ней подняла,
И понялъ я любовь, твои увидѣвъ очи,—
Я понялъ то, чего сказать ты не могла...

4.

Застольная пѣсня.

Пѣсни ночныя далёко несутся,
Пышныя розы въ кудряхъ моихъ вьются,
Громко звенитъ мой голосъ:—Скорѣй
Кубокъ налейте полнѣй!

Жить я хотѣлъ для любви лишь одной,
Жертвовалъ ей,—о, безумецъ!—душой,
Ночи не спалъ отъ страстныхъ желаній,
Слезъ, воздыханій...

Глупо! Тотъ женщины сердцемъ владѣетъ,
Кто покорить ее лестью умѣетъ;
Хитростью дерзкой любовь побѣждаетъ,
Ложью плѣняетъ.

Вѣру, надежду я схоронилъ,
Самъ ихъ оплакалъ, въ гробъ уложилъ;
Мертвыхъ не надо тревожить...—Скорѣй,
Кубокъ налейте полнѣй!

III.—БАРБАРО ДИ САНЪ-ДЖОРДЖІО.

„Fiori d'Autunno".

1.

Къ Данте.

Ты оживилъ меня могучимъ словомъ,
Ты пролилъ утѣшенье въ душу мнѣ;
Ты, какъ орелъ, въ величіи суровомъ
Паришь въ недостижимой вышинѣ.

И вотъ,—тебя потомки отрицаютъ,
Признавъ Золà высокимъ образцомъ;
Поэзіи они не постигаютъ,
Склоняясь въ прахъ предъ пошлости пѣвцомъ...

Готовъ я былъ погибнуть въ бурѣ свѣта;
Меня ты спасъ,—для юнаго поэта
Свѣтилъ ты путеводною звѣздой;

О, пусть всегда отъ пагубныхъ сомнѣній,
Отъ пошлости житейскихъ треволненій
Хранитъ меня безсмертный образъ твой!

2.

Современная поэзія.

Въ вѣнкѣ изъ звѣздъ, въ благоуханьѣ бѣломъ,
Какъ юность, какъ прелестная любовь,
Она стремилась къ небу взоромъ смѣлымъ,
Святымъ огнемъ намъ зажигая кровь.

Ея напѣвы слухъ намъ чаровали,
Нашъ духъ къ любви божественной влекли
И въ вѣчномъ гимнѣ Данта утѣшали
Людей за скорбь минутную земли.

Теперь, увлекшись модою бульварной,
Вся въ завиткахъ подъ шляпкою вульгарной,
Она земному предалась душой;

Что было прежде—и что стало нынѣ!
Когда-то я считалъ ее богиней,
Теперь—продажной только красотой...

IV.—МАРІЯ-АЛИНДА БОНАЧЧИ-БРУНАМОНТИ.

„Flora".

Новая весна.

Къ моему окошку легкою стопою
Подошла и тихо молвила весна:
„Прихожу къ тебѣ я съ утренней зарею,
Я полна желаній, мною жизнь красна!

„Выходи скорѣе на просторъ, на волю!
Что теряешь время средь тоскливыхъ книгъ?
Ждутъ тебя цвѣты лазоревые въ полѣ,
Съ ласковымъ зефиромъ шепчется тростникъ...

„Тамъ, въ лѣсу, подъ мохомъ и въ травѣ зеленой,
Дремлютъ пѣсни чудныя, полныя любви:
Разбуди скорѣе ихъ напѣвъ влюбленный,
А не то—споютъ ихъ раньше соловьи!"

Перев. П. О. Морозовъ.

„СТУДЕНЧЕСКІЙ СОЮЗЪ“

ВЪ

ВЪ ДАНІИ

Рѣдкій пріѣзжій, осматривающій Копенгагенъ, не обратитъ вниманія на расположенное въ центрѣ старой части города, недалеко отъ Новой Королевской площади, красивое двухъ-этажное зданіе, принадлежащее „Обществу датскихъ студентовъ“. До 1882 г., оно собирало подъ свою гостепріимную кровлю не только всѣхъ датскихъ студентовъ, но и пріѣзжающихъ время отъ времени, шведскихъ и норвежскихъ ихъ собратьевъ.

Въ 1882 г., въ „Обществѣ“ произошелъ расколъ, и выдѣлившіеся изъ „Общества“ студенты образовали особый „Студенческій Союзъ“. Въ первыя двѣнадцать лѣтъ существованія, „Союзу“ приходилось довольствоваться весьма скромнымъ помѣщеніемъ; зато нынѣшнее его помѣщеніе не оставляетъ желать ничего лучшаго. Находится оно въ такъ-называемомъ Бульварномъ кварталѣ, между университетомъ и политехникумомъ, по близости большихъ студенческихъ общежитій. Любимымъ аппартаментомъ студентовъ въ помѣщенія „Союза“ является читальня съ богатой библіотекой. Въ этой читальнѣ каждый студентъ, изъ какой бы датской провинціи ни былъ родомъ, ежедневно можетъ найти родную газету, да и для студентовъ норвежцевъ и шведовъ также имѣется здѣсь большой выборъ газетъ ихъ родины.

Зимою, по субботамъ, въ „Союзѣ“ бываютъ общія собранія, на которыхъ читаются лекціи или доклады на общеинтересныя темы,

вызывающія затѣмъ оживленный обмѣнъ мнѣній между присутствующими; исполняются артистами музыкальные и вокальные нумера, или читаются художественныя произведенія. Эти „субботники“ развились изъ прежнихъ студенческихъ „вечеринокъ“, которыя заканчивались попойками, такъ-называемымъ „Punschesold“. Теперь картина представляется иная. Послѣ лекціи, доклада или художественно прочитаннаго авторомъ, артистомъ или любителемъ, литературнаго произведенія, члены „Союза“ съ гостями занимаютъ мѣста за столиками,—кто требуетъ себѣ чего-нибудь, кто нѣтъ,—пьютъ и ѣдятъ вообще мало, а больше говорятъ и слушаютъ. Говорятъ на тему только-что выслушанной лекціи, доклада или литературно-художественнаго произведенія. То одинъ, то другой встаетъ и проситъ слова. Оратора внимательно выслушиваютъ, иногда соглашаются съ нимъ и выражаютъ одобреніе высказаннымъ имъ мнѣніямъ, иногда у него находятся страстные оппоненты. Общая бесѣда все болѣе и болѣе оживляется.

Придерживаясь принципа самой широкой свободы мнѣнія, „Союзъ“ охотно предоставляетъ каѳедру докладчика или лектора лицамъ самыхъ разнообразныхъ взглядовъ и направленій, даже и непопулярныхъ въ наиболѣе передовыхъ и просвѣщенныхъ кружкахъ „Общества“, къ которымъ принадлежитъ большинство членовъ „Союза“. Вначалѣ люди консервативнаго лагеря относились къ „Союзу“ очень враждебно и отклоняли всякія приглашенія выступать докладчиками на собраніяхъ „Союза“, но съ годами положеніе вещей измѣнилось, и теперь въ „Союзѣ“ выступаютъ иногда со своимъ словомъ и сторонники „укрѣпленія столицы“ (либеральная партія противъ этого), и члены „внутренней миссіи“, и приверженцы католицизма и т. п. И каждый докладъ находитъ въ „Союзѣ“ самыхъ внимательныхъ слушателей, которые затѣмъ обмѣниваются взглядами и мнѣніями съ самимъ докладчикомъ и между собою.

Наиболѣе же часто, разумѣется, читаются въ „Союзѣ“ доклады и лекціи передовыми и просвѣщенными сторонниками идей, объединяющихъ членовъ „Союза“. Такъ, напримѣръ, выступаютъ докладчиками такія лица, какъ Бьёрнстьерне-Бьёрнсонъ, извѣстный датскій философъ, профессоръ Гёфдингъ, братья Брандесъ и другіе.

Лишь нѣсколько разъ въ году серьезныя „бесѣды“ общихъ собраній смѣняются беззаботнымъ весельемъ: хоровымъ пѣніемъ, веселыми застольными рѣчами и танцами. Такъ бываетъ въ день основанія „Союза“, 2-го мая, въ дни веселыхъ загородныхъ экскурсій, студенческихъ праздниковъ и т. п. Тогда молодежь веселится во

всю, отдыхая отъ серьезнаго умственнаго труда, веселится тѣмъ искреннѣе и беззаботнѣе, что подобное веселое времяпрепровожденіе является въ „Союзѣ“ исключеніемъ, а не правиломъ.

Насколько разнообразной является программа докладовъ и бесѣдъ въ „Союзѣ“, настолько же разнообразнымъ бываетъ и контингентъ слушателей и бесѣдующихъ. Членами „Союза“ состоятъ студенты *обоего пола*, и каждому члену предоставляется право вводить на субботнія бесѣды и на всѣ праздники по нѣсколько гостей. Члены являются со своими близкими, родными, друзьями и знакомыми, учащаяся молодежь смѣшивается съ людьми среднихъ лѣтъ и пожилыми, различныхъ классовъ и профессій, и это, конечно, ведетъ къ еще бо́льшему оживленію во время обмѣна мнѣній, нежели еслибы въ нихъ участвовали люди одного поколѣнія и одного дѣла.

Отдѣляясь въ 1882 г. отъ „Общества студентовъ“ небольшой кружокъ членовъ, образовавшихъ „Союзъ“, руководился желаніемъ уйти отъ безплодныхъ раздоровъ и найти наилучшее приложеніе своимъ силамъ. Послѣднее же было указано студентамъ сознаніемъ, что получаемое ими за счетъ платежныхъ силъ народа образованіе обязываетъ ихъ и *„воздать этому народу по мѣрѣ силъ и возможности“*.

И вотъ, юный „Союзъ студентовъ“ горячо сталъ работать на пользу народа, и результатами его трудовъ явились слѣдующія въ высшей степени симпатичныя и полезныя предпріятія:

1) „Вечерніе классы для простого народа“ (основаны въ 1882 г.).

2) „Изданіе общеполезныхъ книгъ для народа и составленіе статей для провинціальной прессы“ (1884 г.).

3) „Юридическая помощь неимущимъ“ (1885 г.).

4) „Свободный театръ“ (1891 г.).

5) „Руководство при посѣщеніи музеевъ“ (1892 г.).

Разнообразная и полезная дѣятельность „Союза“ не замедлила найти самый горячій откликъ въ народѣ, и чувства признательности послѣдняго къ студентамъ нерѣдко проявляются самымъ трогательнымъ образомъ.

Іоганнъ Оттосенъ, авторъ книги, изъ которой мы почерпнули эти свѣдѣнія, говоритъ по поводу дѣятельности „Союза“ слѣдующее:

„Я глубоко убѣжденъ, что этотъ духъ, которымъ былъ до сихъ поръ проникнутъ „Союзъ“ и вся его дѣятельность, будетъ и впредь воодушевлять прибывающія молодыя силы и побуждать ихъ браться за такія задачи, рѣшеніе которыхъ вполнѣ имъ по

силамъ и полезно для развитія и совершенствованія этихъ силъ. Разнообразная и плодотворная дѣятельность „Союза“ внѣ своихъ стѣнъ подкрѣпила въ его членахъ сознаніе обязательности выполненія своего долга передъ обществомъ и народомъ и утвердила ихъ въ томъ убѣжденіи, что они такимъ путемъ оказываютъ немаловажное содѣйствіе къ развитію и укрѣпленію того уваженія къ умственному труду, той жаждѣ знанія и образованія, которыя уже такъ распространены въ датскомъ простомъ народѣ и особенно среди рабочихъ классовъ въ Копенгагенѣ“...

I.

Устройство вечернихъ классовъ для простого народа явилось однимъ изъ первыхъ шаговъ „Союза“ на поприщѣ полезной общественной дѣятельности. Уже спустя полгода по основаніи самаго „Союза“, члены его открыли 69 классовъ или курсовъ, изъ которыхъ на восьми читались лекціи по исторіи, гигіенѣ и обществовѣдѣнію. На эти курсы записалось 1.468 человѣкъ.

Рабочіе союзы съ восторгомъ приняли предложеніе „Союза студентовъ“, и разосланные по заводамъ, фабрикамъ и мастерскимъ листы для занесенія въ нихъ фамилій желающихъ посѣщать классы были черезъ двѣ недѣли возвращены „Союзу“ до того заполненными, что учредители классовъ невольно стали сомнѣваться въ возможности удовлетворить такой, превышавшій всякія ожиданія, спросъ на знаніе.

Въ первую зиму классы были открыты лишь для мужчинъ, но съ слѣдующей осени стали принимать и женщинъ. Обученіе, однако, велось отдѣльно для каждаго пола; только лекціи слушались мужчинами и женщинами вмѣстѣ.

Въ первое время много хлопотъ доставило разыскиваніе помѣщеній для классовъ. Учредители обратились-было въ городскую училищную коммиссію съ просьбой о разрѣшеніи имъ пользоваться помѣщеніями городскихъ школъ, но просьба эта была отклонена. Зато директоры частныхъ учебныхъ заведеній охотно предоставили свои помѣщенія въ распоряженіе учредителей вечернихъ классовъ. Черезъ годъ, въ коммиссію городскихъ школъ былъ внесенъ членами городского магистрата запросъ о причинѣ отказа коммиссіи содѣйствовать со своей стороны столь симпатичному и полезному дѣлу. Результатомъ запроса и явилась отмѣна прежняго постановленія коммиссіи, такъ что съ

1884 года для вечернихъ классовъ уже пользуются помѣщеніями городскихъ школъ.

Само собою разумѣется, что всѣ добровольцы-преподаватели вечернихъ классовъ несутъ свой трудъ безвозмездно. Недостатка въ желающихъ жертвовать своимъ временемъ и силами никогда не встрѣчается. Каждый годъ въ концѣ сентября распорядители дѣла вызываютъ желающихъ быть руководителями занятій въ вечернихъ классахъ, и предложеніе всегда съ избыткомъ покрываетъ спросъ. Такое безкорыстное отношеніе къ дѣлу лучше всего и ручается за ревностное его выполненіе, обезпечивающее, въ свою очередь, добрыя отношенія между учащимися и учащими.

До извѣстной степени вечерніе классы для простого народа могутъ показаться аналогичными съ высшими народными школами [1]), но между ними существуетъ и весьма значительное различіе. Высшія народныя школы на цѣлые полгода отрываютъ желающихъ пройти ихъ курсъ отъ обычныхъ занятій и трудовъ; вечерніе же классы берутъ у жаждущихъ пополнить пробѣлы своего образованія лишь часы досуга, по окончаніи трудового дня. Самая программа высшихъ народныхъ школъ и результаты, достигаемые ими, шире и выше, такъ какъ учащіеся посвящаютъ прохожденію курса все свое время и всѣ силы, тогда какъ посѣтители вечернихъ классовъ несутъ туда, послѣ трудового дня, лишь остатки своихъ умственныхъ и физическихъ силъ. Понятно, что они могутъ являться въ классы и утомленными, и вялыми, и сонными, и понятно также, что такимъ трудовымъ людямъ легко отстать отъ курса. Въ теченіе полугодового курса всегда и замѣчается порядочная убыль участниковъ.

Главными причинами этой убыли, кромѣ общихъ условій трудовой жизни рабочихъ, въ которой нерѣдки и періоды усиленной, переутомляющей дѣятельности, и періоды полной безработицы, одинаково мало благопріятные для ученія, являются: перемѣна рабочихъ часовъ, перемѣна мѣста жительства или работы, болѣзнь и, наконецъ, довольно фантастическія представленія рабочаго люда о продолжительности срока, нужнаго для усвоенія того или другого знанія. Видя медленность своихъ успѣховъ, многіе разочаровываются, впадаютъ въ сомнѣніе относительно возможности вообще достичь желаемыхъ результатовъ, и бросаютъ занятія. Нѣкоторые же отказываются отъ посѣщенія

[1]) Подробности о нихъ см. въ моей книгѣ: „Общественная самопомощь въ Даніи, Норвегіи и Швеціи".

классовъ потому, что пропустили, по независящимъ отъ нихъ обстоятельствамъ (или по своей волѣ), нѣсколько уроковъ и стѣсняются обнаружить свою отсталость отъ курса.

Не можетъ между учащими въ вечернихъ классахъ и учащимися установиться и такого общенія, какъ въ высшей народной школѣ, гдѣ учащіе и учащіеся цѣлый день вмѣстѣ. Но, разумѣется, это не исключаетъ возможности существованія самыхъ хорошихъ сердечныхъ отношеній между ними и взаимнаго пониманія, что̀ и составляетъ одну изъ наиболѣе привлекательныхъ сторонъ дѣла. Вечерніе классы, устроенные студентами, не мало содѣйствовали сближенію между интеллигенціей и простымъ народомъ и, какъ уже упомянуто въ вышеприведенной выдержкѣ изъ отзыва Оттосена, развитію въ послѣднемъ уваженія къ просвѣщенію и его представителямъ.

Есть и еще одно существенное различіе между высшими народными школами и вечерними классами для рабочихъ. Первыя обязаны своимъ возникновеніемъ восторженной проповѣди Грунтвига, и руководители ихъ краеугольнымъ камнемъ своей дѣятельности сдѣлали „живое слово“, а ближайшею задачею—развитіе въ учащихся болѣе широкаго кругозора; руководители же вечернихъ классовъ для простого народа съ самаго начала намѣтили себѣ болѣе скромную, практическую задачу—сообщить учащимся нѣкоторый запасъ наиболѣе необходимыхъ для нихъ знаній, недостатокъ которыхъ особенно чувствителенъ въ ихъ быту. Поэтому-то собственно „лекціи“ никогда не играли особенно важной роли въ практикѣ; все сводилось главнымъ образомъ къ чисто школьному преподаванію, причемъ на первомъ планѣ стояли такіе предметы, какъ чистописаніе, ариѳметика, орѳографія, нѣмецкій и англійскій языкъ. Особенно охотно посѣщаются классы англійскаго языка; желающихъ изучать его, въ первую же зиму, нашлось 304 ч., которыхъ и раздѣлили на 17 группъ.

Кромѣ подобныхъ общихъ предметовъ, преподаются и спеціальные, если набирается достаточное количество желающихъ имъ учиться. Такъ, однажды, 35 мастеровыхъ подали заявленіе о желаніи пройти курсъ по металлургіи; въ другой разъ такое же число маляровъ—курсъ по химіи красокъ; еще однажды записалось полсотни собиравшихся эмигрировать въ Южную-Америку мужчинъ и женщинъ на курсъ португальскаго языка; артель же землекоповъ пожелала ознакомиться со способомъ измѣренія земляныхъ участковъ, съ цѣлью контролировать получаемую заработную плату. Вообще, записывающіеся на курсы руководятся по большей части чисто практическими соображеніями. Однимъ

хочется изучить какой-нибудь иностранный языкъ, такъ какъ они собираются эмигрировать, или отправиться усовершенствоваться въ своемъ ремеслѣ за границу; другимъ, какъ, напр., портнихамъ и модисткамъ—чужой языкъ нуженъ для того, чтобы слѣдить за модой по заграничнымъ журналамъ; третьимъ—гаванскимъ рабочимъ, чтобы объясняться съ командой иностранныхъ судовъ, и т. д. Многіе родители записываются на курсы нѣкоторыхъ предметовъ, чтобы получить возможность помогать своимъ дѣтямъ-школьникамъ при приготовленіи уроковъ; мелкіе хозяева-ремесленники часто записываются на курсы бухгалтеріи, ариѳметики и чистописанія, чтобы имѣть возможность раціональнѣе вести свое дѣло; рабочіе учатся ариѳметикѣ, чтобы обезпечить себѣ правильный разсчетъ со стороны хозяевъ, и т. п. Какъ на единичный примѣръ, можно указать на старуху 69 лѣтъ, которая училась чистописанію, чтобы переписываться со своими дѣтьми и служить чтицею писемъ для своихъ старыхъ сотоварокъ по богадельнѣ.

Изъ этого видно, что опредѣленной программы для вечернихъ классовъ нельзя установить. Распорядители ведутъ дѣло, примѣняясь къ текущимъ потребностямъ учащихся, и сами составляютъ и издаютъ нужные для преподаванія учебники, пріобрѣтаемые учащимися на льготныхъ условіяхъ.

Во главѣ вечернихъ классовъ стоитъ комитетъ изъ пяти членовъ; кромѣ того, выбираются инспектора, по одному для каждаго участка, на которые раздѣленъ городъ, для общаго удобства учащихъ и учащихся.

Срокъ занятій вообще и продолжительность каждаго отдѣльнаго курса—полугодовой: съ 1-го октября по 1-е апрѣля, но работа комитета начинается уже съ начала сентября. Послѣ предварительныхъ совѣщаній, разсылаются въ газеты, на фабрики, заводы, въ мастерскія и развѣшиваются въ кіоскахъ оповѣщенія съ приглашеніемъ желающихъ записываться въ указанныхъ мѣстахъ на тотъ или другой курсъ. Когда списки съ именами участниковъ готовы, послѣднихъ распредѣляютъ на группы—въ каждой не болѣе 20 лицъ—и назначаютъ имъ аудиторіи, причемъ принимается въ разсчетъ мѣсто жительства участвующихъ, чтобы имъ не пришлось тратить лишняго времени на ходьбу. Затѣмъ составляется преподавательскій персоналъ, аудиторіи снабжаются необходимыми учебными пособіями, и участниковъ извѣщаютъ открытыми письмами о началѣ занятій.

Новые участники допускаются только съ новаго года и то лишь на такіе предметы, какъ чистописаніе, ариѳметика и т. п.,

въ которыхъ вновь поступающіе могутъ принять участіе не въ ущербъ занимающимся съ самаго начала курса. Лица моложе 16-ти лѣтъ въ вечерніе классы не принимаются. Самое обученіе ведется, какъ уже было упомянуто, съ обоими полами отдѣльно. Женщинъ обучаютъ учительницы, мужчинъ—учителя.

Наплывъ участниковъ держится изъ года въ годъ почти на одномъ уровнѣ. Наибольшимъ же оживленіемъ отличалось 1895—96 учебное полугодіе, когда участники были подраздѣлены на 97 группъ, по 20 чел. каждая; изъ нихъ 29 группъ были женскія. По предметамъ эти группы распредѣлялись слѣдующимъ образомъ: чистописаніе—16 группъ, орѳографія—12 группъ, ариѳметика—12, родной датскій языкъ—12, бухгалтерія—7, нѣмецкій языкъ—22, англійскій—19, французскій—1, математика—2, физика (лекціи съ опытами въ помѣщеніи политехникума)—1, химія (тамъ же)—1, и гимнастика—4 группы.

Преподавательскій персоналъ составляется преимущественно изъ студентовъ и студентокъ, но бывали случаи спроса на предметы, не входящіе въ курсъ университета и политехникума, и тогда комитету приходилось прибѣгать къ услугамъ обладавшихъ нужными познаніями посторонникъ лицъ, что, впрочемъ, тоже не представляло для комитета особыхъ трудностей, такъ какъ, въ большинствѣ случаевъ, всѣ, къ кому только обращался комитетъ, обнаруживали полную готовность по мѣрѣ силъ содѣйствовать организованному „Союзомъ“ прекрасному дѣлу. Нерѣдки также случаи, что преподаватели являются изъ среды самихъ рабочихъ, прошедшихъ предварительно тотъ или иной курсъ въ „вечернихъ классахъ“, и отъ души готовыхъ подѣлиться пріобрѣтенными познаніями съ собратьями, еще нуждающимися въ нихъ.

Всѣ преподаватели, какъ сказано, несутъ свой трудъ безвозмездно, и за самое обученіе съ посѣтителей вечернихъ классовъ поэтому ничего не взимается, но для покрытія разныхъ другихъ, связанныхъ съ организаціей классовъ, расходовъ, съ каждаго участника берется по 50 эре [1]) за каждый полугодовой курсъ, на который онъ записался. Учебники и учебныя пособія предоставляется участникамъ пріобрѣтать въ аудиторіяхъ по пониженнымъ цѣнамъ, такъ что, въ общемъ, всѣмъ желающимъ учиться доставляется возможность осуществить свое желаніе на самыхъ льготныхъ условіяхъ. Къ этому надо еще прибавить, что и въ отношеніи самаго времени посѣщенія классовъ участникамъ предоставлена довольно широкая свобода.

[1]) Около 25 коп. на наши деньги.

Можно записываться и на болѣе ранніе часы вечера, и на болѣе поздніе, глядя, какъ кому удобнѣе. Булочникамъ, напр., удобнѣе посѣщать классы въ болѣе раннее время, а прислугѣ—попозже. И даже, если желанія участниковъ относительно времени занятій нарушаютъ общій установленный порядокъ, всегда удается найти преподавателей, которые готовы жертвовать своимъ трудомъ въ неурочное время.

Результаты, достигаемые курсами, трудно опредѣлить, такъ какъ результаты эти могутъ обнаружиться лишь въ примѣненіи на практикѣ, въ самой жизни, гдѣ участники вечернихъ классовъ по большей части недоступны наблюденію руководителей классовъ. Но лучше всего свидѣтельствуетъ о пользѣ вечернихъ классовъ ихъ популярность въ средѣ рабочаго люда и постоянный наплывъ желающихъ посѣщать ихъ. Въ упоминавшемся уже учебномъ полугодіи (1895—96 г.) число участниковъ достигло, напримѣръ, почти 2.000. Кромѣ того, указываетъ на успѣшность занятій и то обстоятельство, что изъ прошедшихъ курсы вечернихъ классовъ выработываются хорошіе преподаватели тѣхъ же предметовъ, о чемъ уже говорилось выше. Затѣмъ, нерѣдко комитетъ получаетъ изъ-за границы отъ бывшихъ учениковъ вечернихъ классовъ составленныя на какомъ-нибудь иностранномъ языкѣ письма, въ которыхъ эти люди съ благодарностью сообщаютъ о своихъ успѣхахъ на чужбинѣ, обусловленныхъ пріобрѣтенными на курсахъ познаніями. Вообще, какъ комитетъ, такъ и преподаватели и преподавательницы вечернихъ классовъ нерѣдко имѣютъ удовольствіе получать отъ бывшихъ и настоящихъ учениковъ и устныя, и письменныя выраженія самой горячей искренней признательности.

Въ общемъ „вечерніе классы“ и могутъ уже считаться вполнѣ окрѣпшимъ, солиднымъ и въ высшей степени полезнымъ учрежденіемъ „Союза студентовъ“.

II.

Весной 1884 г., изъ членовъ „Союза“ составился еще комитетъ для руководства новымъ предпріятіемъ, имѣвшимъ цѣлью распространеніе въ народѣ путемъ печати разныхъ полезныхъ свѣдѣній. Самое распространеніе это предполагалось вести двумя путями: изданіемъ отдѣльныхъ брошюръ и помѣщеніемъ научно-популярныхъ статей въ различныхъ провинціальныхъ органахъ печати. Отдѣльныя брошюры комитетъ началъ выпускать уже съ

начала 1885 г., и по 1895 г. ихъ вышло 140, цѣною по 10 эре [1]); нѣкоторыя брошюры представляли цѣльныя статьи; другія же, болѣе обширныя статьи распредѣлялись на 2—3 и болѣе брошюръ.

Каждая статья представлялась авторомъ на разсмотрѣніе комитета, отъ усмотрѣнія котораго уже и зависѣло изданіе ея. Самыя статьи трактовали разные имѣющіе серьезное значеніе въ практической жизни вопросы, какъ-то: питаніе грудныхъ дѣтей, уходъ за ними, оздоровленіе жилищъ, значеніе воздуха и т. п.; затѣмъ былъ выпущенъ рядъ статей, дававшихъ основныя понятія по физикѣ, и серія статей по родной исторіи, какъ-то: о происхожденіи страны, о каменномъ и бронзовомъ вѣкѣ, о царствованіи королевы Маргариты, объ освобожденіи крестьянъ и проч.

Успѣхъ новаго дѣла въ первыя пять лѣтъ былъ громадный, далеко превосходившій всѣ ожиданія комитета. Многія брошюры выдержали нѣсколько изданій, по 6.000 экз. каждое. Примѣръ „Союза“ вызвалъ множество подражаній со стороны частныхъ издателей, и мало-по-малу спросъ на изданія комитета ослабѣлъ, такъ что въ 1892 г. комитетъ рѣшилъ временно прекратить издательство.

Черезъ два года дѣло было возобновлено, но въ нѣсколько мѣньшихъ размѣрахъ.

Зато съ весны 1895 при комитетѣ образовалось особое бюро, завязавшее сношенія съ редакціями провинціальныхъ газетъ, для которыхъ члены „Союза“ взялись составлять статьи приблизительно того же характера, какъ и издававшіяся отдѣльными брошюрами для народа. Организуя это новое дѣло, „Союзъ“ руководился тою же цѣлью содѣйствія просвѣщенію народа,— въ данномъ случаѣ путемъ улучшенія содержанія дешевыхъ провинціальныхъ газетъ. Средства послѣднихъ обыкновенно невелики, и это существенно отзывается на матеріалѣ, составляющемъ ихъ содержаніе; немудрено, поэтому, что на предложеніе бюро доставлять, за очень скромную плату, добросовѣстно составленныя знающими людьми, интересныя и полезныя статьи охотно отозвались 24 провинціальныя редакціи.

Статьи для этихъ газетъ пишутся членами „Союза“, какъ студентами, такъ и профессорами, просматриваются членами бюро и затѣмъ уже отсылаются редакціямъ. Въ лѣтнее полугодіе (апрѣль—сентябрь) статьи доставляются послѣднимъ—разъ, а въ зимнее—два раза въ недѣлю.

---

[1]) 1 эре—$^1/_2$ копѣйки.

Объемъ статей—около 200 строкъ, или 7.000 буквъ. Содержаніе—самое разнообразное. Въ теченіе перваго года составлено, напр., научно-популярныхъ статей: по исторіи—15, по естествовѣдѣнію—13, по медицинѣ—13, по географіи—7, по юриспруденціи — 5, по политической экономіи — 5, по археологіи — 2, по педагогикѣ—3. Вообще же, при составленіи статей, авторы имѣютъ въ виду прежде всего удовлетворять запросамъ самой жизни, почему большинство статей и трактуютъ разные насущные житейскіе вопросы, какъ-то: вступленіе въ бракъ, отношенія между хозяевами и рабочими, составленіе завѣщаній, предупредительныя мѣры противъ заболѣваній, противъ чахотки, пользу холодныхъ морскихъ купаній, сохраненіе въ свѣжемъ видѣ съѣстныхъ припасовъ, страхованіе на случай смерти и увѣчья, и пр., и пр. Кромѣ того, затрогивались въ статьяхъ и нѣкоторые общественные вопросы, могущіе заинтересовать народъ, напр. ученіе Монрое, значеніе вольныхъ гаваней и т. п.

Получаемый авторами гонораръ, въ сущности, далеко не можетъ считаться достаточнымъ вознагражденіемъ за прилагаемый къ дѣлу серьезный трудъ, такъ что и это предпріятіе, какъ и всѣ предпріятія „Союза", вполнѣ сохраняетъ свой филантропическій характеръ.

Откликнувшіяся на предложеніе бюро 24 редакціи разбросаны по всей странѣ и представляютъ органы печати самаго различнаго направленія. Точныхъ свѣдѣній о степени распространенности ихъ не имѣется, но если даже ограничиться цифрою постоянныхъ подписчиковъ данныхъ газетъ—отъ 3 до 7 тысячъ,—то и тогда можно считать, что статьи находятъ себѣ достаточное число читателей, и что членамъ „Союза" есть для кого трудиться.

III.

Открывая въ 1885 г. „Отдѣлъ юридической помощи неимущихъ", „Союзъ студентовъ" имѣлъ цѣлью посильное содѣйствіе уравненію правъ всѣхъ согражданъ передъ закономъ. Въ самомъ дѣлѣ, хотя de jure всѣ граждане и равноправны по отношенію къ закону, de facto оно далеко не такъ: значительная часть населенія остается въ родѣ какъ бы безправною, такъ какъ возможность для народной массы отстаивать свои права передъ закономъ сильно съужена, во-первыхъ, незнакомствомъ народа даже со своими гражданскими, личными и имущественными правами, не говоря уже о судебныхъ порядкахъ и законахъ, а

во-вторыхъ, бѣдностью, не позволяющею ему пользоваться совѣтами и помощью людей свѣдущихъ.

Правда, датскимъ законодательствомъ въ послѣднюю четверть вѣка сдѣлано многое для облегченія необразованнымъ и неимущимъ классамъ возможности добиться справедливости путемъ суда, но въ отношеніи тѣхъ житейскихъ случаевъ, гдѣ бываютъ нужны юридическія познанія, классы эти оставались безпомощными до организаціи „Союзомъ“, въ декабрѣ 1885 г., „Отдѣла юридической помощи неимущимъ“.

Новое дѣло сразу нашло живой откликъ какъ среди той части населенія, для которой было организовано, такъ и среди юристовъ всѣхъ лагерей и направленій, которые и вступили въ „Отдѣлъ“ въ качествѣ сотрудниковъ. Съ 1893 г., „Отдѣлъ юридической помощи неимущимъ“ получилъ окончательную, твердую организацію. Во главѣ „Отдѣла“ стало правленіе, половина членовъ котораго избирается „Союзомъ“ изъ числа сотрудниковъ-юристовъ, а половина—самими сотрудниками. Главный контингентъ послѣднихъ—присяжные повѣренные и кандидаты правъ, числомъ 60; затѣмъ въ качествѣ помощниковъ ихъ выступаютъ и студенты-юристы обоего пола (22 студента и 6 студентокъ). Дѣятельность студентовъ и студентокъ ограничивается перепиской документовъ, составленіемъ простыхъ, несложныхъ прошеній и т. п.

Если дѣятельность студентовъ носитъ такимъ образомъ второстепенный характеръ, самое участіе студентовъ въ дѣлѣ и то обстоятельство, что оно ведется подъ флагомъ студенческаго „Союза“, играли первостепенную роль въ смыслѣ упроченія дѣла. Главной цѣлью вновь организованнаго „Отдѣла“ была подача совѣтовъ и всякаго рода разъясненій юридически-несвѣдущимъ людямъ, и первымъ условіемъ успѣшной его дѣятельности было безусловное довѣріе этихъ людей къ „Отдѣлу“. Организуй подобную юридическую помощь правительство или городской магистратъ, или даже само сословіе присяжныхъ повѣренныхъ, дѣло, конечно, также могло бы снискать общее довѣріе, но на это потребовалось бы, пожалуй, много времени и трудовъ. „Союзъ“ же, за свое семилѣтнее существованіе, уже успѣлъ настолько заручиться общественными симпатіями и довѣріемъ всего населенія, что и къ новому организованному имъ предпріятію всѣ сразу отнеслись съ полнымъ довѣріемъ, благодаря чему оно быстро и стало на ноги.

По мѣрѣ расширенія дѣятельности „Отдѣла юридической помощи неимущимъ“, „Отдѣлъ“ сталъ пользоваться субсидіями по

600 кронъ въ годъ, отъ правительства и отъ городского общественнаго управленія, нисколько, впрочемъ, не теряя черезъ это независимости своей дѣятельности. Расходы же „Отдѣла“ равняются въ годъ 4—5 тысячамъ кронъ; главный расходъ—на наемъ помѣщенія и жалованье завѣдующему „Отдѣломъ“ адвокату и его помощнику, которые обязаны присутствовать въ помѣщеніи; покрываются всѣ расходы упомянутыми субсидіями, пожертвованіями и добровольными взносами кліентовъ. Самому „Союзу“ не приходилось пока тратиться на „Отдѣлъ“ матеріально; его вкладъ въ дѣло—безвозмездный трудъ его членовъ.

Дѣятельность „Отдѣла“ проявляется прежде всего въ разъясненіи кліентамъ разныхъ юридическихъ вопросовъ и положеній, въ составленіи прошеній въ различныя административныя инстанціи, въ выправленіи документовъ, составленіи актовъ, взысканіи небольшихъ суммъ и, наконецъ, въ веденіи дѣлъ на судѣ.

Разумѣется, „Отдѣлъ юридической помощи“ соблюдаетъ въ отношеніи тяжебныхъ дѣлъ величайшую осмотрительность и беретъ на себя веденіе ихъ, лишь убѣдившись въ невозможности покончить дѣло мирнымъ путемъ и удостовѣрясь въ правотѣ истца. Веденіе самыхъ процессовъ возлагается на завѣдующаго „Отдѣломъ“.

Кромѣ случаевъ чисто-юридическихъ, „Отдѣлъ“ приходитъ на помощь несвѣдущему и неимущему люду и во многихъ другихъ; съ годами, сотрудники „Отдѣла“ стали, если можно такъ выразиться, какъ бы свѣтскими духовниками этого люда, къ которымъ онъ идетъ за совѣтомъ и указаніемъ во всѣхъ затруднительныхъ случаяхъ жизни. Одному нужно составить и написать прошеніе о мѣстѣ, другому—о пенсіи или о стипендіи для дѣтей, третьему—получить какія-нибудь свѣдѣнія изъ иностраннаго консульства; четвертому нужны указанія относительно составленія духовнаго завѣщанія; этотъ проситъ совѣта относительно заключенія такого-то контракта съ хозяиномъ, тѣ собираются хлопотать о разводѣ и не знаютъ, куда обратиться, и пр., и пр. И никто не уходитъ изъ „Отдѣла“ безъ совѣта, указанія и т. п. Лишь просьбы о составленіи на имя частныхъ лицъ прошеній о пособіи безусловно отклоняются „Отдѣломъ“.

Порядокъ занятій въ „Отдѣлѣ“ таковъ. Ежедневно, по будн ямъ, въ помѣщеніи „Отдѣла“ дежурятъ, кромѣ завѣдующаго съ помощникомъ, шесть очередныхъ сотрудниковъ—присяжныхъ повѣренныхъ или кандидатовъ правъ съ помощниками-студентами. Каждый занимаетъ отдѣльный кабинетъ, гдѣ принимаетъ кліентовъ и заноситъ въ особый журналъ каждое дѣло, которое тре-

буетъ составленія бумагъ или даетъ поводъ къ неоднократнымъ обращеніямъ кліента въ „Отдѣлъ“. Всѣ составленные бумаги и акты просматриваются затѣмъ завѣдующимъ, который, въ случаѣ надобности, дѣлаетъ свои замѣчанія или указанія, съ цѣлью сохраненія необходимаго единства въ дѣлопроизводствѣ.

Число дѣлъ за годъ достигаетъ обыкновенно 6.000, изъ которыхъ наибольшая часть, 33%, приходится на семейно-правовыя отношенія (заключеніе или расторженіе брака, обезпеченіе оставленныхъ женъ или дѣтей, или дѣтей, рожденныхъ внѣ брака, и т. п.); 12% составляютъ дѣла, связанныя съ хлопотами о государственной пенсіи, выдаваемой престарѣлымъ гражданамъ по закону 9-го апрѣля 1891 г.; 11% — дѣла, связанныя съ отношеніями между хозяевами и рабочими; 8%—съ долговыми обязательствами; 4%—съ хлопотами о подданствѣ; 3%—дѣла о наслѣдствахъ. Немало также бываетъ случаевъ, когда „Отдѣлу“ приходится разрѣшать недоразумѣнія между домовладѣльцами и жильцами, но обыкновенно такія дѣла улаживаются сразу.

Число дѣлъ, которыя приходится „Отдѣлу“ вести судебнымъ порядкомъ, достигаетъ въ послѣдніе годы 80 въ годъ.

Самое названіе „Отдѣлъ юридической помощи для неимущихъ“ указываетъ на то, что помощь эта безвозмездная, но расходы по дѣлу, какъ-то на марки и проч., несетъ самъ кліентъ. Самымъ бѣднымъ, впрочемъ, и тутъ оказывается „Отдѣломъ“ посильная помощь. Въ случаѣ, если кліенту, при содѣйствіи „Отдѣла“, удается получить значительную сумму денегъ, „Отдѣлъ“ предлагаетъ ему сдѣлать нѣкоторое пожертвованіе въ пользу „Отдѣла“. Но, конечно, такіе случаи не часты.

„Отдѣлъ“, вообще, зорко слѣдитъ за тѣмъ, чтобы юридическая помощь оказывалась лишь дѣйствительно неимущимъ, т.-е. людямъ, которымъ совершенно не подъ силу или слишкомъ обременительно пользоваться помощью оплачиваемой. Слѣдить же за этимъ не особенно трудно, такъ какъ матеріальное положеніе кліента обыкновенно выясняется уже при изложеніи имъ своего дѣла. Ошибки возможны, но рѣдки и поправимы, такъ какъ съ лицъ, обманувшихъ „Отдѣлъ“ относительно своего экономическаго положенія и оказавшихся состоятельными, „Отдѣлъ“ взыскиваетъ плату за веденіе дѣла формальнымъ порядкомъ. Зато нерѣдки такіе случаи, когда кліенты сразу объявляютъ себя въ состояніи и готовыми заплатить за оказываемое содѣйствіе; такимъ кліентамъ „Отдѣлъ“ отказываетъ, направляя ихъ искать платной помощи у адвокатовъ или нотаріусовъ.

Главный контингентъ лицъ, прибѣгающихъ къ помощи „Отдѣла“,—чернорабочіе, прислуга, мелкіе ремесленники, мастеровые и торговцы, словомъ, тотъ людъ, который, за невозможностью пользоваться услугами настоящихъ адвокатовъ, принужденъ прибѣгать къ спившимся или невѣжественнымъ лицамъ, которые, однако, также берутъ за свою помощь, принимая во вниманіе ея качество, очень недешево.

Въ первые годы къ помощи „Отдѣла“ обращалось, среднимъ числомъ, до 12 тысячъ человѣкъ въ годъ, а въ послѣдніе—до 30 тысячъ, что достаточно говоритъ за смыслъ существованія „Отдѣла“ и за довѣріе къ нему населенія.

IV.

Въ 1891 г., „Союзъ“, руководствуясь примѣромъ Парижа, рѣшилъ основать „Кружокъ свободнаго театра“, цѣлью котораго была бы постановка, время отъ времени, пьесъ, не принятыхъ почему-либо ни казеннымъ, ни частными театрами, но обладающихъ такими достоинствами, что являлось желательнымъ ознакомить съ ними публику. Число членовъ „Кружка“ первоначально равнялось 128, а со временемъ разрослось до 1.200. До 1896 г., было поставлено всего 9 оригинальныхъ и 3 переводныхъ пьесы, и затѣмъ, при посѣщеніи Копенгагена труппой французскаго „Théâtre de l'œuvre“,—еще двѣ французскія пьесы на французскомъ языкѣ. Изъ числа поставленныхъ пьесъ назовемъ лишь извѣстныя русской публикѣ: „Тереза Ракэнъ“, Э. Зола; „Вороны“ А. Бека, и „Непрошенная гостья“ М. Метерлинка. При постановкѣ пьесъ „Кружку“ оказывали содѣйствіе лучшія артистическія силы частныхъ сценъ Копенгагена.

Всѣмъ извѣстно, какое благотворное вліяніе на общее развитіе, на расширеніе умственнаго кругозора человѣка, можетъ оказать посѣщеніе музеевъ, при условіи надлежащаго, толковаго ознакомленія съ собранными въ нихъ художественными или научными коллекціями. Но такое именно ознакомленіе часто и составляетъ камень преткновенія для людей не только мало образованныхъ, но даже и образованныхъ, да некомпетентныхъ въ данной области. Правда, при музеяхъ состоятъ служащіе, которые охотно даютъ посѣтителямъ краткія указанія и объясненія, но всякій, конечно, пойметъ, что этого крайне недостаточно. Устроивъ вечерніе классы для простого народа, „Союзъ студентовъ“ вошелъ въ тѣсное общеніе съ народомъ, причемъ и не

замедлила обнаружиться желательность имѣть на-готовѣ толковыхъ руководителей, которые могли бы сопровождать учащихся въ классахъ, при обозрѣніи ими музеевъ и другихъ достопримѣчательностей столицы. Отсюда же былъ лишь одинъ шагъ и до образованія при „Союзѣ" особаго комитета, поставившаго себѣ цѣлью содѣйствіе наиболѣе полезному посѣщенію музеевъ.

Послѣ многихъ попытокъ, удалось, наконецъ, придать дѣлу правильную организацію, обезпечившую ему успѣхъ. Самый комитетъ составился изъ членовъ „Союза" и лицъ, завѣдующихъ музеями, содѣйствіе которыхъ устранило многія помѣхи и неудобства, встрѣчавшіяся вначалѣ при выполненіи программы комитета.

Убѣдившись на опытѣ, что командировка руководителей въ музеи въ обычные часы влечетъ за собой чрезмѣрное скопленіе посѣтителей, комитетъ выхлопоталъ для посѣтителей, желающихъ осматривать музеи подъ руководствомъ его сотрудниковъ, особые часы, принявъ на себя связанные съ этимъ дополнительные расходы по каждому музею.

Желающіе воспользоваться объясненіями руководителей запасаются особыми билетами, выдающимися въ самыхъ музеяхъ, въ помѣщеніи „Союза студентовъ" и въ конторахъ нѣкоторыхъ другихъ учрежденій. Каждой группѣ посѣтителей изъ 12 человѣкъ дается особый руководитель. Самый осмотръ продолжается два часа; осмотръ особенно богатыхъ музеевъ или коллекцій можетъ производиться и въ нѣсколько пріемовъ; въ такихъ случаяхъ, по окончаніи перваго двухчасового осмотра руководитель объявляетъ группѣ о днѣ и часѣ слѣдующаго. При самомъ осмотрѣ руководители не ограничиваются стереотипными указаніями и разъясненіями, но стараются вызывать вопросы со стороны посѣтителей, чтобы такимъ путемъ расширить ихъ интересъ къ предмету.

Руководители набираются, главнымъ образомъ, изъ студентовъ и студентокъ, изъявившихъ на то желаніе. Обыкновенно профессора университета, послѣ лекціи, выясняютъ слушателямъ цѣль предпріятія и приглашаютъ желающихъ записаться въ число руководителей. Записавшіеся проходятъ затѣмъ, подъ руководствомъ завѣдующихъ музеями, настоящій курсъ, обстоятельно знакомящій ихъ самихъ со всѣми достопримѣчательностями музеевъ, и, по окончаніи этого курса, поочередно назначаются сопровождать въ музей группы посѣтителей. Для каждаго музея выбирается изъ числа руководителей такъ называемый

старшина, который и руководитъ распредѣленіемъ очередей и принимаетъ участіе въ совѣщаніяхъ комитета.

Польза, приносимая народу организаціей этого предпріятія „Союза", понятна сама собою, но не меньшую пользу приноситъ это дѣло и самой учащейся молодежи, участвующей въ немъ. Всестороннее ознакомленіе съ музеями и другими достопримѣчательностями столицы не мало пополняетъ ихъ собственное образованіе, а самое руководительство группами посѣтителей развиваетъ въ будущихъ учителяхъ, общественныхъ и научныхъ дѣятеляхъ, навыкъ къ популярно-научнымъ бесѣдамъ съ учениками и пріучаетъ къ ясному и толковому изложенію предмета. Кромѣ того, многимъ изъ учащейся молодежи предстоитъ въ будущемъ трудиться въ провинціи, гдѣ еще ощущается такой недостатокъ въ научныхъ и художественныхъ коллекціяхъ; вотъ тутъ-то студенты, прошедшіе курсъ подъ руководствомъ завѣдующихъ столичными музеями, и могутъ принести существенную пользу, способствуя составленію коллекцій и организаціи мѣстныхъ музеевъ.

Организовавъ личное руководство обозрѣніемъ музеевъ, комитетъ озаботился еще изданіемъ цѣлаго ряда общедоступныхъ пояснительныхъ каталоговъ музеевъ, затѣмъ организовалъ посѣщенія школьными учителями столичныхъ фабрикъ, заводовъ и разныхъ выдающихся казенныхъ и частныхъ промышленныхъ и техническихъ учрежденій, въ родѣ монетнаго двора и пр., съ цѣлью пополнить имѣющійся въ распоряженіи учителей матеріалъ для общеобразовательныхъ бесѣдъ съ дѣтьми.

Поставивъ это новое дѣло на твердую почву, комитетъ передалъ его въ вѣдѣніе одного изъ учительскихъ кружковъ, и возьметъ его на себя вновь лишь въ томъ случаѣ, если оно окажется не подъ силу кружку. Общеніе студентовъ съ учителями городскихъ школъ повело къ тому, что и учителя стали пользоваться руководствомъ студентовъ при посѣщеніи музеевъ, а затѣмъ, въ свою очередь, становились руководителями при посѣщеніи музеевъ учениками городскихъ школъ.

Статистическія данныя имѣются лишь за первые три года дѣятельности комитета. Изъ нихъ видно, что услугами комитета воспользовались 4.608 лицъ, раздѣленныхъ на 304 группы, и 32 учебныя заведенія и союза. Руководителями же служили 97 чел. студентовъ и студентокъ, прошедшихъ упоминавшійся подготовительный курсъ.

Польза описанной нами разнообразной общественной дѣятельности „Союза датскихъ студентовъ“ настолько очевидна, что нѣтъ надобности въ особыхъ комментаріяхъ, и остается только высказать пожеланіе, чтобы дѣятельность эта, продолжаясь съ тою же энергіей впредь и развиваясь дальше въ самой Даніи, послужила добрымъ примѣромъ для студентовъ другихъ странъ.

П. Ганзенъ.

ТАЙНА СМЕРТИ

Ночь—темный, тусклый взоръ на землю опустила,
И дремлетъ, и молчитъ, крыломъ не шевеля...
Въ туманѣ, какъ въ дыму, погасли звѣздъ кадила,
И паутиной сновъ окутана земля.

Жизнь умерла кругомъ, но тайны воскресаютъ;
Неуловимыя, какъ легкій вздохъ ночной,
Онѣ встаютъ, плывутъ, трепещутъ, исчезаютъ,
И лишь одна изъ нихъ всегда во мнѣ, со мной.

То—смерти вѣчная, властительная тайна;
Я чувствую ее на днѣ глубокихъ сновъ,
И въ предразсвѣтный часъ, когда проснусь случайно,
Мнѣ слышится напѣвъ ея немолчныхъ словъ:

—„Я здѣсь, какъ сердца стукъ и какъ полетъ мгновеній,
„Я—страхъ предъ вѣчностью; но этотъ страхъ пройдетъ,
„И ледяной огонь моихъ прикосновеній
„Лишь ложныя черты и выжжетъ, и сотретъ“...

И ясно вижу я въ тѣ вѣщія мгновенья,
Что жизнь отвѣта ждетъ—и близится отвѣтъ,
Что есть—проклятье, боль, унынie, забвенье,
Разлука страшная,—но смерти нѣтъ...

Поликсена Соловьева.

РАБЫНЯ

РОМАНЪ.

The slave. By Robert Hichens. London, 1900.

I.

Въ одно майское утро въ Лондонѣ два человѣка прохаживались, наслаждаясь первымъ весеннимъ солнцемъ, по улицѣ Пикадилли. Старшій изъ нихъ былъ брюнетъ, съ кожей, походившей на пергаментъ, съ острыми проницательными глазами, съ фигурой, которая всегда была мала, а теперь еще начала ссыхаться, и съ бородой и волосами, тронутыми сѣдиной. Другой былъ высокій, стройный юноша лѣтъ двадцати-трехъ, съ красивыми чертами лица, большими голубыми глазами и очень густыми гладкими волосами темно-каштановаго цвѣта надъ низкимъ лбомъ. Юноша былъ очень хорошо одѣтъ по послѣдней модѣ и видимо поддѣлывался подъ общепринятый типъ настоящаго дэнди.

Въ наружности старшаго, напротивъ, было что-то мѣшковатое. Платье его было отъ хорошаго портного, но оно съ перваго же раза приняло отпечатокъ фигуры своего обладателя и какъ-то уныло висѣло на немъ, отдаваясь вліянію то вѣтра, то пыли и пріобрѣтая, благодаря этому, очень неопрятный видъ. Невозможно было найти во всемъ Лондонѣ двухъ другихъ людей, которые бы менѣе подходили другъ къ другу по внѣшнему виду. Ихъ несходство, выразившееся такъ ярко даже въ костюмѣ, отражалось еще сильнѣе въ различномъ выраженіи глазъ, въ походкѣ, до странности непохожей одна на другую, въ рукахъ и въ манерѣ держать палку. Старшій держалъ ее крѣпко худыми, крюч-

коватыми пальцами и звонко постукивалъ ею по мостовой. А молодой человѣкъ держалъ трость легко, почти небрежно, какъ держали ее сотни другихъ молодыхъ людей, проходившихъ мимо нихъ въ какой-нибудь клубъ или паркъ. Многіе изъ нихъ весело кивали ему головой. Нѣкоторые взглядывали на его товарища, но, казалось, никто не зналъ его.

— Теперь только я вижу, до чего долго я здѣсь не былъ,— сказалъ старшій, сэръ Рёбенъ Аллабрутъ. — Пикадилли полно чужихъ для меня людей. Даже ты, ты, Обрэ,—онъ видимо колебался, прежде чѣмъ произнести послѣднее слово,—чужой. Ты былъ школьникомъ, когда я пустился въ мои странствія. Теперь ты—то, что̀ дѣвушки называютъ красивымъ мальчикомъ—настоящій дэнди съ прямымъ носомъ. Твоя мать гордится тобою больше, чѣмъ когда ты былъ въ Итонѣ; но я...

Онъ замолчалъ и вздохнулъ, и въ этомъ вздохѣ было что-то непріятное.

— Школьникомъ я вамъ больше нравился?—спросилъ молодой человѣкъ дѣланнымъ голосомъ.

Сэръ Рёбенъ покосился на него.

— Я тогда лучше тебя зналъ, — отвѣтилъ онъ. — Я слишкомъ долго былъ въ отсутствіи. Даже мои немногіе настоящіе друзья кажутся мнѣ чужими.

— Кромѣ моей матери, конечно? — сказалъ молодой человѣкъ.

— Да! Но твоя мать исключеніе, Обрэ,—отвѣчалъ сэръ Рёбенъ съ мгновенною вспышкою чувства, въ которомъ былъ едва замѣтный намекъ на что-то комичное.

— Ну, конечно, я знаю,—сказалъ Обрэ съ легкимъ нетерпѣніемъ человѣка, принужденнаго выслушивать общеизвѣстныя истины, и, снявъ шляпу, онъ поклонился вдовѣ, которая нарушала красоту этого пріятнаго утра и своимъ ярко-красимъ платьемъ, и свѣтло-желтыми колесами своего экипажа. Она улыбнулась ему съ слонообразной граціей и снисходительностью дородной женщины къ тонкому, нѣжному юношѣ.

— Это кто же?.. это вѣдь лэди Эленъ Маргмонтъ?—сказалъ сэръ Рёбенъ, смотря ей вслѣдъ.

— Да; вы ее, кажется, знали?

— Она часто бывала у меня въ домѣ на обѣдахъ. Но это было восемь лѣтъ тому назадъ. Она меня не узнала. Я думаю, я измѣнился больше, чѣмъ она.

— Да, знаете ли, вы очень посѣдѣли съ тѣхъ поръ,—ска-

залъ Обрэ съ холодностью и равнодушіемъ, съ какимъ обыкновенно молодежь говоритъ о такихъ предметахъ.

— Конечно. Ну, а другихъ перемѣнъ нѣтъ?

— У васъ немного болѣе утомленный видъ,—отвѣтилъ молодой человѣкъ откровенно: — я думаю, это вліяніе жаркаго климата.

Сэръ Рёбенъ посмотрѣлъ на него проницательно, какъ будто съ цѣлью уловить насмѣшку, но не уловилъ ея, и вспомнивъ, какъ много было дѣтскаго въ натурѣ его собесѣдника, подивился своей подозрительности и той забывчивости, которая ее вызвала.

— Жаркаго климата!—проговорилъ онъ.—Да, я тоже думаю. Но твоя мать, кажется, не нашла большой перемѣны въ моей наружности.

— О, мама вѣдь никогда не замѣчаетъ ничего подобнаго,— сказалъ Обрэ. И опять сэръ Рёбенъ былъ озадаченъ его словами, благодаря недостатку памяти.

— Ахъ, нѣтъ! Я помню,—отвѣчалъ онъ.—Но еслибы я не измѣнился, то она бы это замѣтила.

— Да... А солнце какъ припекаетъ!

— Мнѣ вовсе не жарко,—возразилъ сэръ Рёбенъ.

Повидимому, имъ больше нечего было сказать другъ другу; но легко было подмѣтить, что они находились или прежде были въ очень близкихъ отношеніяхъ. Юноша чувствовалъ себя совершенно свободно. Только въ настроеніи сэра Рёбена замѣтно было вначалѣ какое-то безпокойство и неровность, какъ будто онъ хотѣлъ въ чемъ-то оправдаться. Но, по мѣрѣ того, какъ они шли, къ нему видимо съ каждымъ шагомъ все болѣе возвращалось свойственное ему душевное спокойствіе.

Лондонъ похожъ на странную и трудную игру для человѣка, который много лѣтъ не игралъ въ нее. Но если онъ когда-нибудь игралъ въ нее хорошо, то онъ скоро припоминаетъ свое прежнее искусство и смѣло становится лицомъ ко всѣмъ сложностямъ игры, преодолѣвая ихъ съ увѣренною быстротой. Къ тому времени, когда гуляющіе подошли къ Бондъ-Стриту, сэръ Рёбенъ чувствовалъ себя уже гораздо лучше. Онъ раскланялся съ двумя знакомыми, которые тотчасъ же узнали его. Это ли обстоятельство, или старая привычка, но только было что-то, что вдохнуло въ него чувство увѣренности и свободы. Онъ повеселѣлъ, поднялъ голову и зашагалъ быстро и легко.

— Я скоро почувствую себя какъ дома,—проговорилъ онъ.

— Ну, конечно, вѣдь вы лондонецъ!

— Но, все таки,—сказалъ сэръ Рёбенъ,—менѣе тебя; такимъ,

какъ ты, я никогда не буду.—Онъ окинулъ своего собесѣдника острымъ взглядомъ.—Лондонъ тебѣ подходитъ, какъ перчатка къ рукѣ, какъ перчатка отъ Веннингса.

Обрэ улыбнулся.

— Ужъ теперь перчатки покупаютъ не у Веннингса,—проговорилъ онъ.

— Нѣтъ?

— Теперь его мѣсто заняли Ричардсъ и Клейфильдъ.

— Я пойду туда и куплю перчатки. Гдѣ это?

— Бондъ-Стритъ, направо, если вы пойдете къ Оксфордъ-Стриту.

— Благодарю! Да, Обрэ, ты теперь освоился съ Лондономъ, какъ съ Итономъ, когда я уѣзжалъ.

Юноша насмѣшливо улыбнулся.

— Вы такъ думаете?

— Всѣмъ нужно, конечно, сообразоваться съ „антуражемъ", —въ Лондонѣ это необходимо. Глупо этого не дѣлать.

Они повернули въ Бондъ-Стритъ.

— Ты съумѣлъ бы освоиться со всякой обстановкой?—спросилъ сэръ Рёбенъ.

— Во всякомъ случаѣ, я постарался бы производить такое впечатлѣніе,—отвѣчалъ Обрэ.

Голосъ у него былъ совершенно такой же, какъ у тысячи превосходно воспитанныхъ молодыхъ людей. Интонаціи этого голоса составляютъ общее достояніе людей извѣстнаго круга. Сэръ Рёбенъ провелъ въ Лондонѣ больше лѣтъ, чѣмъ Обрэ Геррикъ прожилъ на свѣтѣ, и, однако, не уловилъ ни одной изъ этихъ интонацій. Правда, что онъ и не хотѣлъ ихъ улавливать и теперь слышалъ ихъ въ голосѣ шедшаго съ нимъ рядомъ юноши съ чувствомъ разочарованія.

Неужели же нужно, чтобы и *ея* сынъ былъ какъ всѣ? Вѣдь это все куклы вмѣсто женщинъ, статуэтки вмѣсто мужчинъ, — онъ видѣлъ ихъ повсюду вокругъ себя. Онъ ожидалъ, что увидитъ ихъ, зналъ, что долженъ увидѣть. И все-таки въ немъ поднималось чувство презрѣнія человѣка иной расы, когда онъ наблюдалъ ихъ шутовской видъ и слушалъ ихъ голоса, похожіе на голоса полишинелей, хотя, конечно, болѣе гармоничные.

Мимо проѣхалъ принцъ въ двухмѣстной каретѣ. Онъ увидалъ Обрэ и кивнулъ ему головой. „Интересно было бы знать, будетъ ли онъ опять со мной обѣдать",—подумалъ сэръ Рёбенъ.

На Бондъ-Стритѣ было множество женщинъ, направлявшихся къ своимъ портнихамъ. Многія изъ нихъ шли пѣшкомъ,

съ мѣшечками въ рукахъ. Онѣ имѣли сосредоточенный видъ и двигались медленно съ лицами, обращенными къ окнамъ магазиновъ. По большей части онѣ молчали; тѣ же, которыя болтали между собою, говорили о шляпкахъ и наколкахъ, о вечернихъ накидкахъ, о модномъ цвѣтѣ, о томъ, который царилъ въ ту минуту надъ всѣми другими,—о самой подходящей краскѣ для волосъ, о вновь изобрѣтенной пудрѣ, о новыхъ духахъ, о самыхъ красивыхъ цвѣтахъ для украшенія столовъ, о томъ, какой вышины должны быть брилліантовыя гребенки. Говорили о прелести или, напротивъ, о безобразіи чьей-то шеи, замѣченной въ прошлый вечеръ благодаря надѣтому на ней узкому жемчужному колье; о томъ, какъ хорошо серьги освѣщаютъ слишкомъ смуглыя лица, и о глупости модистки, которая допустила, чтобъ ея самая старая кліентка казалась старой. Ихъ платья пріятно шуршали во время ходьбы и почтительно замолкали передъ зеркальными окнами магазиновъ. Одна уронила свой мѣшечекъ. Сэръ Рёбенъ поднялъ его и отдалъ по принадлежности. Дама поблагодарила его, сдѣлавъ изумленные глаза, повернулась къ своей пріятельницѣ и заговорила съ слабымъ оживленіемъ о боа изъ перьевъ и о накидкѣ, которую она видѣла и которая была сдѣлана изъ грудныхъ перышекъ морскихъ птицъ. Двѣ женщины проѣхали въ викторіи. Обѣ онѣ были знаменитости, обѣ были очень тонки, съ бѣлыми лицами, крашеными волосами и лунообразной улыбкой. Ихъ длинныя руки лежали на колѣняхъ и онѣ говорили нѣжными дѣтскими голосами, разбирая и осуждая новую театральную пьесу. Увидавъ Обрэ, онѣ обратили на него свою искусственную улыбку, и коляска проѣхала мимо, увлекаемая горячащимися лошадьми.

— Жажда власти дѣлаетъ ихъ такими худыми, — сказалъ Обрэ сэру Рёбену.

— Онѣ имѣютъ видъ умирающихъ съ голоду, — возразилъ тотъ.

— О, нѣтъ; онѣ и не думаютъ морить себя голодомъ. Да и кому это придетъ въ голову въ Лондонѣ?

Онъ говорилъ съ такой спокойной простотой, что у сэра Рёбена все время мелькала мысль, не смѣется ли онъ.

Они уже прошли медленными шагами часть Бондъ-Стрита. Вокругъ нихъ сновали женщины, не отрывая глазъ отъ магазинныхъ оконъ. На встрѣчу имъ развѣвались кружева. Блестящій шолкъ окружалъ ихъ со всѣхъ сторонъ, какъ древесные листья окружаютъ человѣка, проходящаго лѣсомъ. Воздухъ былъ наполненъ нѣжнымъ журчаньемъ женскихъ голосовъ и музыкаль-

нымъ звукомъ легкихъ шаговъ. Сэръ Рёбенъ мало-по-малу сталъ поддаваться странному чувству возбужденія. Болѣе семи лѣтъ не слыхалъ онъ этого шелеста лондонской толпы нарядныхъ женщинъ, и забылъ ихъ тонкое очарованіе. Его большіе темные глаза начали блестѣть, улыбка стала появляться на подвижныхъ губахъ. Онъ сильнѣе сжалъ свою трость и чувствовалъ себя почти какъ мальчикъ на ярмаркѣ. Онъ посмотрѣлъ на Обрэ и встрѣтилъ спокойный и сдержанный взглядъ его неизмѣняющихся голубыхъ глазъ. Онъ чувствовалъ себя такъ, какъ будто все это его не касалось, и сэръ Рёбенъ покраснѣлъ отъ внутренняго сознанія своего собственнаго мальчишескаго возбужденія. „Въ наше время только старики умѣютъ чувствовать“,—подумалъ онъ, и все-таки ему хотѣлось бы быть молодымъ. Потомъ, отвѣчая на спокойный взглядъ Обрэ, онъ сказалъ:

— Мнѣ очень странно видѣть опять такое количество англійскихъ женщинъ, послѣ этихъ вѣчныхъ восточныхъ покрывалъ, и онѣ все такія же, какъ восемь лѣтъ тому назадъ.

— Все смотрятъ въ окна магазиновъ?

— Именно! Онѣ будутъ смотрѣть въ окна магазиновъ утромъ въ день Страшнаго Суда. Какъ легко провидѣть жизнь и предсказать будущее многихъ женщинъ!

— Вы такъ думаете?

— А ты—развѣ нѣтъ? Вотъ, напримѣръ...—онъ остановился и посмотрѣлъ кругомъ. Потомъ тронулъ своего собесѣдника за руку и прошепталъ:—Посмотри-ка!

Они подошли теперь къ извѣстному ювелирному магазину. Толпа здѣсь немного порѣдѣла, и они могли видѣть на нѣкоторое разстояніе передъ собою.

Обрэ посмотрѣлъ по направленію взгляда сэра Рёбена. Этотъ взглядъ былъ устремленъ на дѣвушку, неподвижно стоявшую передъ ювелирнымъ магазиномъ. Она была просто одѣта въ черное съ сѣрымъ, и ея маленькая шляпа не закрывала лица и волосъ. Она была высока и тонка, какъ тысячи англійскихъ дѣвушекъ, но, вглядѣвшись ближе, можно было замѣтить, что она не была на нихъ похожа. Лицо ея, несмотря на блѣдность, имѣло тотъ горячій оттѣнокъ, который встрѣчается въ Италіи, но тамъ онъ обыкновенно бываетъ въ соединеніи съ темными волосами. У нея же волосы были свѣтлые и блестящіе, какъ будто покрытые легкимъ налетомъ золотой пудры. Черты лица были маленькія и аристократическія, глаза—очень длинные, сѣрые, полные блеска и огня. Голова — маленькая и прекрасно посажена; ротъ въ одно и то же время имѣлъ выраженіе хо-

лодное и страстное. Это была красавица—и красавица не обыкновеннаго типа: свѣжая, но не розовая, спокойная, но не мрачная и не печальная. Несмотря на это, скорѣе ея поза, чѣмъ ея наружность, привлекла взглядъ сэра Рёбена. Въ Бондъ-Стритѣ эта поза особенно поражала. Казалось, что дѣвушка совсѣмъ забыла, гдѣ она. Во всей ея фигурѣ выражалось сильнѣйшее духовное напряженіе. И въ уединеніи такое выраженіе поразительно, а тѣмъ болѣе среди толпы. Очевидно, дѣвушка въ эту минуту была одна, одна въ своемъ сознаніи. Она не обращала вниманія ни на что, кромѣ магазиннаго окна, передъ которымъ стояла. На ея блѣдномъ лицѣ длинные сѣрые глаза смотрѣли пристально, какъ въ трансѣ. Рядомъ съ нею, не обращая на себя вниманія и видимо скучая, стояла, вся въ черномъ, маленькая женщина. Въ ея покорномъ видѣ было что-то почти трогательное; судя по чистенькому скромному платью, это была горничная. Молодая дѣвушка смотрѣла на драгоцѣнныя вещи. За зеркальнымъ окномъ магазина былъ сдѣланъ откосъ изъ блѣдно-янтарнаго бархата, на который множество скрытыхъ маленькихъ электрическихъ лампочекъ бросало сильный лучистый свѣтъ. По этому бархатному откосу были разложены бриллианты: цѣпочка, серьги, браслеты, часы, подвѣски, узенькая корона. Все это искрилось и сверкало, и въ этомъ блескѣ было что-то злое. Янтарный бархатъ скромно оттѣнялъ всѣ эти драгоцѣнности. А онѣ сіяли на показъ всей улицѣ, какъ живыя презрительныя существа, равнодушныя въ своемъ торжествѣ, какъ женщина, которая попираетъ ногами весь свѣтъ. Глубина ихъ серебристаго огня казалась безграничной. И въ эту глубину поглощенная созерцаніемъ молодая дѣвушка погружалась съ серьезной страстностью, въ которой было что-то похожее на чувственность. Ея губы раскрылись, глаза начали блестѣть, маленькія ноздри расширились. А потомъ вдругъ въ ея лицѣ появилось выраженіе чего-то туманнаго, какъ сказка, сказка этихъ драгоцѣнныхъ камней, въ которыхъ живетъ свѣтъ и измѣнчивое сіяніе. До сихъ поръ она только смотрѣла съ напряженіемъ—теперь въ ней проснулось воображеніе. До сихъ поръ она только наблюдала и все ея существо сосредоточивалось въ глазахъ—теперь она думала и все ея существо сосредоточилось въ сердцѣ.

Когда сэръ Рёбенъ тронулъ за руку Обрэ, то спокойствіе послѣдняго было нарушено. Увидавъ дѣвушку передъ окномъ, онъ слегка вздрогнулъ и покраснѣлъ, какъ мальчикъ. Но черезъ минуту онъ овладѣлъ собой, и сэръ Рёбенъ не замѣтилъ его

мимолетнаго волненія. Снова тронувъ его за руку, сэръ Рёбенъ прошепталъ ему на ухо:

— Вотъ, напримѣръ, будущее этой дѣвушки,—развѣ ты не можешь отгадать его?

— Нѣтъ,—проговорилъ Обрэ холодно и отрывисто.

— У нея—это будущность драгоцѣнностей, брилліантовая будущность.

— Я не согласенъ съ вами,—отвѣтилъ Обрэ быстро, съ вспышкой гнѣва, которая смутила его собесѣдника.—Вы совершенно неправы—вы ошибаетесь.—Проговоривъ это, онъ двинулся впередъ и остановился рядомъ съ дѣвушкой передъ брилліантами. Онъ приподнялъ шляпу и что-то сказалъ ей. Она медленно обернулась, отведя глаза отъ драгоцѣнностей, какъ будто это движеніе было жертвой и причинило ей физическую боль. Она въ самомъ дѣлѣ имѣла видъ человѣка, который съ трудомъ возвращается къ дѣйствительности изъ области сновидѣній. Но когда она увидала Обрэ, то углы ея губъ приподнялись въ улыбку, и она протянула ему руку.

— Не правда ли, эти брилліанты прелестны?—проговорила она весело.

— Великолѣпны! Вамъ хотѣлось бы ихъ имѣть?—Это было сказано для сэра Рёбена.

— Мнѣ кажется, всѣ женщины иногда желаютъ имѣть красивыя вещи, хоть на минуту; и мужчины также. — Въ ея глазахъ промелькнуло кокетливое выраженіе.

— Мужчины иногда желаютъ имѣть красивыя вещи на болѣе долгій срокъ,—сказалъ Обрэ, понижая голосъ.

— Въ самомъ дѣлѣ? — возразила она. — А я думаю, что мужчинамъ скорѣе надоѣдаютъ вещи, чѣмъ женщинамъ. Моя мать всегда это говоритъ. Можетъ быть она не права? Не отвѣчайте. Вы не можете сказать. Однако, я должна идти. Бѣдная Марія только и мечтаетъ о томъ, чтобы сѣсть.

Это было всегдашнее настроеніе ея горничной,—она любила покой. Но теперь, на ломанномъ англійскомъ языкѣ, она сочла нужнымъ скромно заявить, что предпочитаетъ усиленное движеніе.

Ея молодая госпожа снисходительно улыбнулась въ отвѣтъ на ея краснорѣчіе, слегка пожала руку Обрэ и направилась дальше. Повидимому, она не замѣтила сэра Рёбена, который ожидалъ въ нѣсколькихъ шагахъ, опершись на палку. Ея стройная, очаровательная фигура, сопровождаемая торопящейся фигурой горничной, быстро скрылась въ толпѣ.

— Такъ ты знакомъ съ этой дѣвицей, читающей по брилліантамъ, какъ по звѣздамъ?—сказалъ сэръ Рёбенъ, когда Обрэ вернулся къ нему.

— Всякій знаетъ лэди Кэриль Ноксъ,—оборвалъ его Обрэ.

— Кто она такая?

— Дочь лорда Сэнтъ-Орминъ!

— Дочь Сэнтъ-Орминъ! Отъ него-то ужъ навѣрное она не получитъ никакихъ драгоцѣнностей.

Они зашли въ клубъ, членомъ котораго состоялъ Обрэ. Длинная курительная комната въ нижнемъ этажѣ была почти пуста въ этотъ ранній часъ. Они усѣлись, и сэръ Рёбенъ закурилъ сигару. Онъ теперь совсѣмъ освоился съ Лондономъ и пріобрѣлъ свое обычное самообладаніе, въ которомъ было что-то непріятное.

— Она училась во Франціи, когда я уѣзжалъ, — продолжалъ онъ.—Говорили, что Сэнтъ-Орминъ готовилъ ее въ гувернантки, потому что самъ былъ въ стѣсненныхъ обстоятельствахъ.

Обрэ ничего не сказалъ. Повидимому, разговоръ ему не нравился. Онъ задумчиво смотрѣлъ на свои лакированныя ботинки.

— Что Сэнтъ-Орминъ — все такъ же бѣденъ? — спросилъ сэръ Рёбенъ.

— Еще бѣднѣе.

— Я думалъ, что это невозможно. Но лэди Кэриль не будетъ гувернанткой.

— Почему?

Сэръ Рёбенъ посмотрѣлъ на своего юнаго собесѣдника.

— Нѣтъ. Она навѣрное устроитъ жизнь по-своему.

— Вы думаете! — сказалъ Обрэ, медленно зажигая папиросу.

— Да, и это очень умно. Чтобы имѣть успѣхъ, надо быть спеціалистомъ, надо рѣшить съ юныхъ лѣтъ, къ чему имѣешь склонность, чѣмъ будешь въ жизни. Въ наши дни нельзя браться сразу за нѣсколько вещей. Если вы дѣлаете хорошо два дѣла, то на васъ уже смотрятъ, какъ на дилетанта, а если три — такъ прямо какъ на полнѣйшее ничтожество. Но если вы дѣлаете только что-нибудь одно хорошо, то успѣхъ за вами. Представьте себѣ доктора, который былъ бы извѣстенъ какъ первоклассный докторъ и какъ первоклассный художникъ. Кто далъ бы ему пощупать пульсъ? Кто сталъ бы покупать его картины? Медицина бросала бы тѣнь на его искусство, — искусство пор-

тило бы его научную карьеру. Всѣ люди, имѣющіе успѣхъ, односторонни. Лэди Кэриль односторонняя; она ясно видитъ вдали свою будущность.

— Вы такъ думаете?—сказалъ Обрэ, закинувъ ногу на ногу и произнося слова медленно и слегка презрительно.

— Я въ этомъ увѣренъ.

— Въ такомъ случаѣ, что̀ же такое она видитъ?

— Брилліанты.

Обрэ слегка покачалъ головой, но ничего не сказалъ. Сэръ Рёбенъ продолжалъ:

— Такіе брилліанты, какіе, быть можетъ, видѣлъ Аладинъ, когда спустился въ заколдованное подземелье. У англичанокъ рѣдко бываетъ воображеніе, но у лэди Кэриль оно есть. Глядя на эти брилліанты, она видѣла весь блескъ своей будущности, видѣла то, чего жаждетъ и что̀ получитъ. Она видѣла свои грядущіе дни въ блескѣ брилліантовъ, кровавыхъ рубиновъ, сапфировъ, похожихъ на ночное небо, въ сверканьѣ изумрудовъ, добытыхъ изъ минъ Музо или горъ Сахары, въ ярко-желтыхъ или ярко-красныхъ восточныхъ камняхъ и въ персидской бирюзѣ.

По тому, какъ онъ все это говорилъ, было ясно, что въ его жилахъ текла не англійская кровь. Его темные глаза сверкали; онъ былъ въ волшебномъ подземельѣ вмѣстѣ съ Аладиномъ, для него каждая драгоцѣнность оживала и благоухала ароматами тѣхъ странъ, изъ которыхъ была взята. Онъ, казалось, вдыхалъ бальзамическій запахъ пряныхъ кореньевъ Цейлона, сапфиры приносили ему благовонія Индіи; въ живомъ блескѣ сѣро-зеленыхъ варіолитовъ чудились ароматы альпійскихъ цвѣтовъ, а надъ холодною бирюзой дышалъ горячій воздухъ Персіи, отягченный запахомъ умирающихъ розъ. Въ эту минуту онъ былъ вполнѣ человѣкомъ Востока. Но тутъ онъ вдругъ остановился, вспомнивъ, что находится въ Лондонѣ и въ обществѣ молодого англичанина.

— Ты наблюдалъ за лицомъ лэди Кэриль, когда она смотрѣла на брилліанты?—спросилъ онъ.

— Да,—сказалъ Обрэ.

— Не думаешь ли ты, что ей очень нравятся эти драгоцѣнности?

— Настолько же, насколько ей нравится все прекрасное.

— Нѣтъ, Обрэ; можетъ быть этотъ огонь, эти краски и погрузили ее въ пріятный сонъ, но въ то же время она думала о своей будущности. Она—какъ юноша, выбирающій профессію.

И что въ этомъ дурного? Она сама похожа на брилліантъ, у нея такое живое свѣтлое лицо, блестящіе волосы и сверкающіе сѣрые глаза.

— Вы видѣли ее только одинъ разъ и совершенно не понимаете ея,—сказалъ Обрэ. Онъ говорилъ спокойно, но его губы какъ-то сжались, и онъ опустилъ глаза, чтобы сэръ Рёбенъ не могъ видѣть ихъ выраженія.

— Ее я видѣлъ одинъ разъ, но я видѣлъ много женщинъ,— возразилъ сэръ Рёбенъ.

На этотъ разъ Обрэ выказалъ уже настоящее нетерпѣніе.

— Я терпѣть не могу, когда судятъ такъ о людяхъ вообще,— сказалъ онъ.—Въ толпѣ, состоящей изъ ста женщинъ, заключается сто индивидуальностей.

— И нѣчто общее,—вѣчно женственное—въ сердцѣ каждой изъ нихъ. Можешь ли ты сказать, что у лэди Кэриль этого нѣтъ?..

— Я говорю, что лэди Кэриль не похожа на обыкновенныхъ дѣвушекъ.

— Я согласенъ съ тобой. Я это увидалъ, когда смотрѣлъ на нее въ Бондъ-Стритѣ. У нея характеръ болѣе странный и рѣшительный, чѣмъ у большинства дѣвушекъ.

— Странный,—да, это вѣрно.

— Странный, какъ брилліантъ. И, въ самомъ дѣлѣ, что можетъ быть страннѣе брилліанта? Въ дѣйствительности это пустякъ, а кажется, что въ немъ бездонная глубина; онъ сверкаетъ какъ ничто живое не можетъ сверкать,—а въ немъ нѣтъ жизни; это разноцвѣтный факелъ, но котораго никто не зажигалъ. Да, лэди Кэриль похожа на брилліантъ, а вѣдь я, Обрэ, знаю толкъ въ брилліантахъ.

Сэръ Рёбенъ былъ когда-то ювелиромъ. Онъ смотрѣлъ на своего собесѣдника съ живымъ интересомъ. Въ обращеніи сэра Рёбена съ людьми всегда было что-то грубоватое, странное, какъ будто даже комичное, хотя очевидно онъ и привыкъ къ хорошему обществу, и былъ человѣкомъ образованнымъ. Казалось, что онъ всегда чего-то доискивается. Онъ, очевидно, и теперь вглядывался въ своего юнаго собесѣдника, но тотъ совершенно не желалъ идти ему на встрѣчу, хотя невольно и выдавалъ себя съ наивностью молодости, воображающей себя необычайно тонкой и загадочной.

— Она выѣзжаетъ первый годъ?—спросилъ сэръ Рёбенъ.

— Да.

— И очень веселится?

— Кажется. Она не похожа на другихъ дѣвушекъ. Ей все равно, что она бѣдна. Со временемъ она, можетъ быть, будетъ богата. Ея двоюродный дѣдъ, лордъ Веррендеръ, оставилъ ей свое состояніе, но онъ можетъ прожить еще лѣтъ двадцать или тридцать. Лэри Кэриль не думаетъ о деньгахъ.

— А Сэнтъ-Орминъ, въ свое время, порядочно думалъ о нихъ.

— Онъ думаетъ и теперь. Онъ устроиваетъ разныя акціонерныя общества, но, кажется, большинство изъ нихъ лопнуло. Онъ все ходитъ по судамъ, давая свидѣтельскія показанія противъ тѣхъ, которые разорились.

— Ну, а лэди Сэнтъ-Орминъ?

— О! Она чувствуетъ себя прекрасно. Не особенно любитъ вывозить свою дочь, но, вѣроятно, скоро привыкнетъ къ этому.

— Она все еще ходитъ въ розовомъ?

— О, да!

— Она всегда была вѣрна себѣ во всемъ, исключая развѣ религіозныхъ вопросовъ, и я боюсь, что она позавидуетъ бриліантамъ.

— Какимъ брилліантамъ?—спросилъ Обрэ.

— Брилліантамъ своей дочери.

— Вы говорите такъ, точно они уже у нея есть.

— Я только предвижу ея блестящую будущность.

— Въ данномъ случаѣ вы можете оказаться плохимъ угадчикомъ, сэръ Рёбенъ.

Тотъ ничего не возразилъ.

— Хотите, я вамъ это докажу?—сказалъ Обрэ.

— Какимъ образомъ?

— Представлю васъ лэди Кэриль. Когда вы ее узнаете, то...

— Узнаю, что ошибся?

Обрэ кивнулъ утвердительно головой.

— Въ такомъ случаѣ я признаю свою ошибку.

— Отлично! Приходите въ паркъ послѣ двѣнадцати часовъ, такъ—между четырьмя и пятью. Она и ея мать навѣрное тамъ будутъ.

— Сначала позавтракаемъ въ Паркъ-Лэнѣ.

Обрэ колебался.

— Мнѣ очень жаль,—сказалъ онъ,—но я не могу. Мнѣ нужно заглянуть къ портному и еще въ два мѣста. Кромѣ того, я сегодня очень поздно пилъ чай.

— Такъ заходи за мною.

— Хорошо, около четырехъ.

II.

Обрэ не пошелъ къ своему портному и не сталъ завтракать. Разставшись съ сэромъ Рёбеномъ, онъ сдѣлалъ крюкъ по дорогѣ къ Ганноверскому скверу и вернулся на свою квартиру въ Жермайнъ-Стритѣ. Тамъ онъ бросился въ кресло и сталъ курить съ нѣкоторымъ неистовствомъ, вплоть до того времени, когда надо было отправляться въ Паркъ-Лэнъ. Онъ думалъ о брилліантахъ.

Обрэ былъ третьимъ сыномъ лорда Рангклифа, человѣка бѣднаго, какъ церковная мышь, хотя онъ никогда не бывалъ въ церкви. Онъ и Сэнтъ-Орминъ были оба очень хорошо извѣстны въ Лондонѣ своею бѣдностью, но каждый изъ нихъ былъ бѣденъ по-своему. Лордъ Рангклифъ былъ высокаго роста, тяжелъ въ разговорѣ, имѣлъ искусственныя манеры и очень нерѣшительный характеръ. Онъ не прочь былъ отъ богатства, но онъ не хотѣлъ быть богатымъ. Хотѣть чего-нибудь было для него слишкомъ утомительно. Онъ даже никогда не хотѣлъ быть хорошимъ мужемъ. Но, однако, очень строго соблюдалъ благопристойность, и про него говорили, что многое въ его жизни покрыто мракомъ неизвѣстности. Онъ очень мало заботился о своихъ четырехъ сыновьяхъ,—дочерей у него не было. Онъ былъ не мало удивленъ, сознавъ себя отцомъ семейства, но оставилъ это удивленіе при себѣ. Потомъ онъ сталъ давать своимъ сыновьямъ маленькое опредѣленное жалованье и совѣтовалъ имъ „чѣмъ-нибудь заняться“. Преслѣдуя этотъ идеалъ своего отца, Джонъ, старшій, пошелъ въ лейбъ-гвардію, а Вэнъ, второй, отправился на Цейлонъ съ туманными проектами чайныхъ плантацій. Что касается Обрэ, то считалось, что онъ собирается заняться чѣмъ-нибудь. Самый младшій сынъ, Гербертъ, былъ въ Итонѣ и отличался въ разныхъ играхъ и шалостяхъ.

Лорду Сэнтъ-Ормину нравилось изображать человѣка, бодро преодолѣвающаго превратности судьбы. Роста онъ былъ ровно пяти футовъ и двухъ дюймовъ, имѣлъ очень свѣжее лицо и бѣлокурую бороду, тронутую сѣдиной. Его плутоватые каріе глаза весело блестѣли, а живой мозгъ неустанно работалъ, придумывая новые способы разоренія себя и другихъ. Его страсть къ обществу себѣ подобныхъ мѣшала ему, какъ онъ выражался, „прогорѣть“ въ одиночествѣ. Всегда находились разные единомышленники, которые просаживали свои деньги вмѣстѣ съ нимъ: старые сельскіе священники съ малыми доходами, но съ широкими замыслами; старыя

дѣвы, желавшія получать пятнадцать процентовъ на свой капиталъ; юные шалопаи изъ аристократическихъ семей; вдовы изъ окрестностей Лондона; американцы, вновь пріѣхавшіе въ Англію. Вся эта разнородная толпа людей сходилась въ одномъ—въ общей любви къ Сэнтъ-Орминy. Лэди Сэнтъ-Орминъ, только-что начавшая вывозить свою дочь, имѣла свой собственный капиталъ, который и удержала благоразумно за собою, убѣдившись на своемъ мужѣ, что не слѣдуетъ довѣрять людямъ, объявляющимъ съ улыбкой, что они злодѣи, но ничего не могутъ съ собою подѣлать. Она была страстная музыкантша, но вела себя въ высшей степени немузыкально. Говорили, будто бы какой-то шутникъ сравнилъ ее съ полькой, сыгранной на духовыхъ инструментахъ. Сравненіе было изъ удачныхъ. Очень высокая, съ бѣлыми какъ лунь волосами и живыми глазами, она обыкновенно одѣвалась въ самые яркіе цвѣта, ужасно любила marrons glacés и розовыя шляпы. Она никогда не бывала одна: или у нея кто-нибудь завтракалъ, или она отправлялась къ кому-нибудь изъ знакомыхъ, и такъ каждый день, когда она бывала въ Лондонѣ. По воскресеньямъ она обыкновенно приглашала цѣлую компанію знакомыхъ къ себѣ на дачу, недалеко отъ Лондона. Въ этихъ случаяхъ занимались музыкой до обѣда, а послѣ обѣда устроивались различныя игры на лугу. Звуки „Страстной Пятницы“ изъ „Парсифаля“ служили великолѣпной увертюрой для разныхъ игръ и гонокъ на велосипедахъ, въ которыхъ съ удовольствіемъ принимали участіе самые знаменитые оперные артисты. Воскресенья лэди Сэнтъ-Орминъ славились такъ же, какъ банкротства лорда Сэнтъ-Ормина. Лэди Сэнтъ-Орминъ ѣздила въ оперу каждый разъ, какъ давали Вагнера. Она пять разъ путешествовала въ Байрейтъ, и говорила о Вотанѣ такимъ фамиліарнымъ тономъ, что многіе непросвѣщенные люди думали, что онъ ея дѣдушка или дядя, отъ котораго она ждетъ наслѣдства. Она любила какого-нибудь тенора болѣе, чѣмъ большинство женщинъ любитъ военныхъ, и однажды устроила обѣдъ, на которомъ присутствовало пять знаменитыхъ баритоновъ. Лэди Кэриль была ея единственнымъ ребенкомъ.

Въ половинѣ четвертаго, Обрэ надѣлъ шляпу и перчатки и отправился къ сэру Рёбену, который жилъ въ Паркъ-Лэнѣ. День былъ жаркій, и всѣ высыпали на воздухъ, наслаждаясь солнцемъ. На Пикадилли было тѣсно отъ той особенной разнородной толпы, которая проводитъ время на его узкихъ троттуарахъ въ теченіе двухъ съ половиной самыхъ модныхъ мѣсяцевъ въ году. Но Обрэ не обращалъ вниманія на сновавшихъ вокругъ него людей. Онъ

былъ занятъ совсѣмъ другимъ,—онъ думалъ объ утреннемъ разговорѣ. У сэра Рёбена, хотя онъ былъ уже немолодъ, очень простъ, даже грубоватъ, была особенная способность производить впечатлѣніе на людей, съ которыми онъ вступалъ въ сношеніе. Эта способность не мало содѣйствовала его успѣху въ жизни. Злые языки говорили, что онъ при одномъ случаѣ воспользовался этой способностью, чтобы втереться въ довѣріе одного иностраннаго правительства, и стянулъ съ него плутовскимъ образомъ пятьсотъ тысячъ фунтовъ стерлинговъ на какихъ-то желѣзныхъ дорогахъ. Была ли это правда, или нѣтъ, только сэра Рёбена считали несомнѣнно очень богатымъ, и онъ несомнѣнно пользовался одно время большимъ вліяніемъ въ Лондонѣ. Онъ былъ родомъ съ Востока; отецъ его былъ египетскій паша, а мать—французская танцовщица. Родился онъ въ Каирѣ, воспитывался на континентѣ и жизнь началъ продавцомъ драгоцѣнныхъ камней. Сначала онъ продавалъ ихъ въ Египтѣ, потомъ въ Лондонѣ, гдѣ и получилъ титулъ, потому что, благодаря своему богатству, былъ крайне полезенъ нѣкоторымъ людямъ, желавшимъ скрыть свое имя. Онъ женился на хорошенькой креолкѣ, умершей восемь лѣтъ тому назадъ. Послѣ ея смерти, онъ жилъ за границей, проводя долгіе годы на Востокѣ, въ Индіи, Персіи, Египтѣ и Марокко, гдѣ его удерживало то, что туманно называютъ „дѣлами“. Теперь онъ вернулся въ Лондонъ, сильно состарившись. Обрэ Геррикъ былъ его крестникъ. Это случилось вслѣдствіе большой дружбы между матерью Обрэ, лэди Рангклифъ, и сэромъ Рёбеномъ.

Лэди Рангклифъ была удивительно добрая и самоотверженная женщина. Сначала она всячески старалась жить для своего мужа. А когда онъ безмолвно, но ясно не разрѣшилъ такой свободы обращенія, то она отъ него перешла къ своимъ сыновьямъ, по мѣрѣ того, какъ они рождались, и баловала ихъ сверхъ мѣры. Она обладала художественнымъ чутьемъ и воображеніемъ и вообще была похожа на арфу, струны которой дрожатъ отъ слишкомъ сильныхъ порывовъ вѣтра. И она иногда неожиданно вдавалась въ откровенность съ сравнительно чужими людьми. Изъ этой черты ея характера и возникла ея дружба съ сэромъ Рёбеномъ. Ея единственный братъ, лордъ Гэнри Граль, попалъ въ затруднительное денежное положеніе. Онъ былъ гораздо моложе ея, почти мальчикъ, и пріѣхалъ къ ней за помощью, которую она была совершенно не въ состояніи ему оказать. Вечеромъ въ день его пріѣзда она обѣдала въ гостяхъ и была въ очень тяжеломъ настроеніи. Ей случилось сидѣть за обѣдомъ рядомъ съ

сэромъ Рёбеномъ. Она не очень хорошо его знала, но ей было все равно. Послѣ третьяго блюда, она уже пустилась въ откровенности. Симпатія, которую она ко всѣмъ чувствовала, всегда склоняла ее къ неожиданнымъ и чувствительнымъ изліяніямъ. Сэръ Рёбенъ отнесся къ ней съ вѣжливымъ сочувствіемъ. Тогда лэди Рангклифъ дала полную волю своей откровенности. Еще обѣдъ не кончился, какъ уже сэръ Рёбенъ обѣщалъ пустить въ ходъ всю свою финансовую опытность, чтобы помочь лорду Генри. Онъ такъ хорошо сдержалъ свое слово, что очень скоро молодой человѣкъ былъ снова поставленъ на ноги. Благодарность лэди Рангклифъ не знала границъ. Еслибы сэръ Рёбенъ спасъ ея собственную голову отъ плахи, то она не могла бы испытывать большей благодарности. Ей хотѣлось какимъ-нибудь внѣшнимъ образомъ выразить всю глубину своего чувства. Обрэ далъ ей случай сдѣлать это. Онъ родился какъ разъ вскорѣ послѣ того, и его надо было крестить. Лэди Рангклифъ пригласила сэра Рёбена быть однимъ изъ крестныхъ отцовъ. Такимъ образомъ она сдѣлала египтянина членомъ своей семьи, что доставило ему громадное удовольствіе. Онъ сталъ обожать лэди Рангклифъ. Теперь, вернувшись послѣ долгаго отсутствія въ Англію, онъ, конечно, прежде всего отправился къ своему крестнику и его матери.

Ее онъ нашелъ неизмѣнившеюся. Но крестникъ изъ милаго мальчика превратился въ молодого человѣка съ наружностью дэнди, съ дѣланными манерами и сдержанной рѣчью. Сэръ Рёбенъ почувствовалъ разочарованіе при видѣ этой перемѣны, но сказалъ себѣ, что этого надо было ожидать. Лондонъ имѣетъ необыкновенную способность превращать милыхъ мальчиковъ въ непріятныхъ молодыхъ людей. Обрэ не былъ непріятенъ, но сэру Рёбену онъ казался лишеннымъ всякаго живого человѣческаго чувства до этого утра на Бондъ-Стритѣ. Все случившееся на улицѣ и въ клубѣ проливало нѣкоторый свѣтъ на его поведеніе, на извѣстную юношескую жесткость и натянутость его манеръ. Сидя въ курительной комнатѣ своего большого дома въ Паркъ-Лэнѣ, сэръ Рёбенъ перебиралъ въ умѣ все случившееся утромъ съ смѣшаннымъ чувствомъ удовольствія и неудовольствія. И Обрэ думалъ о томъ же, идя по улицѣ и по площади Гамильтона. Онъ помнилъ каждое слово, сказанное сэромъ Рёбеномъ, взвѣшивалъ каждое изъ нихъ и подошелъ къ дому въ Паркъ-Лэнѣ, совершенно поглощенный своими мыслями. Его прямо провели въ курительную комнату, убранную въ восточномъ вкусѣ. Сэръ Рёбенъ сидѣлъ на диванѣ и имѣлъ видъ старый и совершенно не-

похожій на европейца. Такія фигуры встрѣчаются иногда на базарахъ въ Каирѣ и Константинополѣ. Въ убранствѣ его огромнаго дома сказывались его восточные вкусы. Преобладали яркіе цвѣта—сверкающій красный и голубой и желтый такого тона, который часто встрѣчается на стѣнахъ мавританскихъ cafés. Воздухъ въ комнатѣ, гдѣ онъ сидѣлъ, былъ наполненъ легкимъ запахомъ куреній и померанцевыхъ цвѣтовъ. На низенькомъ лакированномъ столѣ стояла на серебряной подставкѣ фарфоровая чашка съ остатками турецкаго кофе. Сэръ Рёбенъ предложилъ кофе Обрэ, но тотъ отказался.

— Намъ пора отправляться,—сказалъ онъ.—Лэди Орминъ никогда не остается въ паркѣ послѣ пяти. Она всегда уѣзжаетъ въ гости.

— Хорошо,—сказалъ сэръ Рёбенъ и позвонилъ, чтобъ ему подали шляпу и перчатки. Ихъ принесъ ему слуга-арабъ, находившійся у него въ услуженіи много лѣтъ. Сэръ Рёбенъ жилъ противъ воротъ Гайдъ-Парка, такъ что имъ нужно было только пересѣчь улицу, чтобы присоединиться къ веселой толпѣ, прогуливавшейся подъ деревьями и удобно расположившейся на маленькихъ зеленыхъ креслахъ, чтобы поболтать и посплетничать.

Сэръ Рёбенъ надѣлъ модныя, раздушенныя перчатки, плотно обтягивавшія ему руки. Сюртукъ его былъ застегнутъ, а бѣлый атласный галстухъ продѣтъ въ широкое золотое кольцо, въ которое былъ вставленъ гигантскій рубинъ. Онъ шелъ немного усталой походкой, въ своихъ ботинкахъ изъ патентованной кожи, разглядывая толпу и поводя то въ ту, то въ другую сторону огромными черными глазами. Многіе шумно привѣтствовали его, выражая радость по случаю его возвращенія.

Обрэ внимательно осматривалъ толпу. Казалось, тамъ были рѣшительно всѣ, кромѣ лэди Орминъ и ея дочери. Тамъ былъ старый шотландецъ, очень пустой человѣкъ, разъѣзжавшій съ одной великосвѣтской свадьбы на другую, катавшійся на велосипедѣ, игравшій въ „гольфъ“ и дѣлавшій все самое для себя ненавистное, если это только могло повести къ какому-нибудь великосвѣтскому знакомству.

Тамъ были австралійцы, купившіе самую рѣдкую коллекцію въ городѣ за очень круглую сумму. Тамъ былъ ростовщикъ, закадычный другъ многихъ высокопоставленныхъ особъ, и хорошенькая молодая дѣвушка, носившая платья отъ самаго извѣстнаго портного. Тамъ была почтенная м-ссъ Грэнвичъ, съ карандашомъ и записной книжкой, зарабатывавшая свое скудное содержаніе заготовленіемъ еженедѣльныхъ статей о высшемъ свѣтѣ

для самой свѣтской газеты „Нарядная Женщина“. Тамъ была вновь объявившаяся красавица, восемнадцатилѣтняя дѣвушка, шесть недѣль тому назадъ бывшая самымъ очаровательнымъ и простымъ созданіемъ, и теперь превратившаяся въ воплощеніе аффектаціи, въ фальшивую эгоистку, у которой всѣ мысли были сосредоточены на ней самой. Тамъ была дама, вся прелесть которой совершенно исчезла съ тѣхъ поръ, какъ ея портретъ, написанный великимъ портретистомъ, Рэддингомъ, былъ „гвоздемъ“ выставки въ Королевской Академіи. Словомъ, тамъ былъ весь свѣтъ,—но гдѣ же были лэди Сэнтъ-Орминъ и лэди Кэриль?

— Онѣ, можетъ быть, въ какомъ-нибудь концертѣ,—сказалъ Обрэ.—Сегодня этихъ концертовъ наберется до двадцати-пяти, а лэди Орминъ ужасно любитъ концерты.

— Я читалъ сегодня въ „Times“, что Баррэ даетъ сегодня концертъ изъ собственныхъ произведеній въ Сэнтъ-Джемсъ-Голлѣ.

— А! въ такомъ случаѣ она тамъ. Она обожаетъ Баррэ—по крайней мѣрѣ его музыку. Это человѣкъ, ненавидящій Брамса и любящій обѣдать въ гостяхъ. Онъ съумѣетъ втереться въ общество. Мнѣ онъ кажется страшно скучнымъ, но... А! вотъ и онѣ! Это ихъ экипажъ только-что остановился.

Его спокойный молодой голосъ едва замѣтно дрогнулъ отъ волненія. Сэръ Рёбенъ это замѣтилъ. У него былъ очень тонкій слухъ. Къ рѣшеткѣ парка подъѣхала запряженная вороными лошадьми викторія, съ большими красными колесами и лакеями въ черныхъ съ краснымъ ливреяхъ. Въ ней сидѣла лэди Кэриль рядомъ съ женщиной съ сѣдыми волосами и блестящими глазами. На ней было зеленое платье съ розовымъ и розовая шляпа, украшенная розами. Передъ ними, на крошечной скамеечкѣ, помѣщался маленькій господинъ съ острою черной бородкой, очень щегольски одѣтый и съ розой въ петлицѣ.

— Онѣ привезли съ собою Бредэлли,—сказалъ Обрэ,—какая скука!

— Онъ поетъ еще до сихъ поръ?—спросилъ сэръ Рёбенъ.

— Да, въ видѣ большой милости. Онъ удивительно богатъ романсами. Сочиняетъ ихъ по четыре въ годъ, по одному на каждое время года. Онъ женился на женщинѣ, у которой куча денегъ. Вотъ они выходятъ изъ экипажа. Подойдемъ къ нимъ?

— Если ты хочешь.—Они пошли къ пріѣхавшимъ прямо по травѣ, но, прежде чѣмъ они дошли до лэди Сэнтъ-Орминъ, къ ней приблизился необыкновенно тучный пожилой господинъ съ длинной взъерошенной бородой, имѣвшій всегда такой видъ, точно онъ сейчасъ расплачется. Это былъ м-ръ Жерри Фэнъ, другъ

королей, самый скучный человѣкъ въ Лондонѣ, но съ которымъ наиболѣе искали знакомства. Увидя, что онъ приближается, Обрэ нахмурился.

— Ну, теперь еще и старый Фэнъ съ ними,—сказалъ онъ.

— И ужъ готовъ заплакать,—прибавилъ сэръ Рёбенъ.—Въ концѣ концовъ мало перемѣнъ за восемь лѣтъ.

— Дураки не мѣняются,—сказалъ Обрэ почти сердито.

Въ эту минуту лэди Сэнтъ-Орминъ замѣтила его и кивнула ему. Она и ея компанія направились къ стульямъ подъ деревья. Она оживленно говорила съ Бределли, а лэди Кэриль слѣдовала безмолвно, въ сопровожденіи м-ра Фэна, который рѣдко находилъ нужнымъ утруждать себя разговоромъ.

— Эта пѣсня о монахинѣ, лиліи и Пьерро въ высокой шапкѣ была восхитительна, — говорила лэди Сэнтъ-Орминъ. — Только французъ способенъ... А! м-ръ Геррикъ,—почему вы не были на концертѣ Баррэ? Мы просидѣли полчаса и въ восторгѣ. Это вашъ другъ? Ну, конечно, сэръ Рёбенъ Аллабрутъ! Мы, кажется, прежде довольно часто встрѣчались, и вы знаете моего мужа въ Сити, не правда ли?

— Да, лэди Сэнтъ-Орминъ.

— Но вы жили въ Рамсгэтѣ, или еще гдѣ-то, для вашего здоровья, въ послѣднее время?

— Нѣтъ, не въ Рамсгэтѣ. Въ Персіи.

— Ахъ, въ Персіи? Ну, конечно! Я надѣюсь, что тамошній воздухъ вамъ помогъ. Баррэ написалъ очаровательную пѣсню о персидскихъ цвѣтахъ. Въ Персіи есть цвѣты? Ну, это все равно. Пѣсня великолѣпная. Цвѣты есть! Я скажу это Баррэ. Онъ будетъ доволенъ. Онъ любитъ быть точнымъ. Вы знакомы съ моей дочерью, сэръ Рёбенъ? Позвольте,—сэръ Рёбенъ Аллабрутъ—лэди Кэриль Ноксъ.

Знакомство состоялось помимо Обрэ. Впослѣдствіи сэръ Рёбенъ былъ радъ, что это случилось именно такъ. Лэди Сэнтъ-Орминъ усѣлась подъ деревьями. Лицо ея раскраснѣлось подъ вліяніемъ музыки, и она продолжала быстро разговаривать, обращаясь къ сэру Рёбену, м-ру Фэну и Бределли, въ то время какъ лэди Кэриль и Обрэ заняли два стула позади нихъ.

— Баррэ въ этомъ сезонѣ полюбилъ Вагнера,—говорила лэди Сэнтъ-Орминъ Бределли. — Это меня радуетъ, потому что вѣдь это былъ его единственный недостатокъ,—эта ненависть къ Вотану, вы знаете. Право, въ ней было что-то личное. А вы любите музыку, сэръ Рёбенъ?

— Это одно изъ величайшихъ удовольствій для меня...

— Отлично; значитъ, вы изъ нашихъ. Вы не заняты въ будущее воскресенье?

— Нѣтъ.

— Въ такомъ случаѣ пріѣзжайте ко мнѣ на денекъ въ Ипсомъ. У меня тамъ дача. Баррэ пріѣдетъ, нѣсколько человѣкъ изъ оперы и еще трое. Я позову м-ра Геррика. И все время у насъ будетъ музыка, или почти все время. Вы только-что вернулись изъ Персіи, сэръ Рёбенъ?

— Да, я только пятый день въ Англіи.

— Въ такомъ случаѣ вы, вѣроятно, еще не читали „Le sentier défendu". Романъ этотъ вышелъ три дня тому назадъ. Я его прочла на другой же день. Вамъ надо его достать. Авторъ книги— мой большой другъ, одинъ молодой французъ. Онъ тоже будетъ въ Ипсомѣ въ воскресенье, хотя и ненавидитъ музыку. Онъ еще совсѣмъ мальчикъ, и въ его книгахъ одна психологія. Я это больше люблю. Приключенія я ненавижу, а вы? То, что мы дѣлаемъ—совсѣмъ не важно, но то, что мы чувствуемъ и думаемъ...

Между тѣмъ лэди Кэриль и Обрэ тихо разговаривали между собою. Хотя лэди Кэриль и была вмѣстѣ съ своею матерью въ концертѣ Баррэ, но не была разгорячена музыкой. Въ своемъ бѣломъ платьѣ и черной шляпѣ она производила свѣжее, чистое и сверкающее впечатлѣніе морознаго утра. Она отличалась тѣмъ, что у нея никогда не было разгоряченнаго вида въ бальномъ залѣ, среди толпы народа, и эту особенность многіе мужчины находили замѣчательно привлекательной. Вѣроятно, Обрэ былъ изъ ихъ числа. По крайней мѣрѣ, онъ имѣлъ такой видъ, глядя теперь на нее.

— Вы знаете, кто это? — спросилъ онъ, указывая на сэра Рёбена, который, опираясь на палку обѣими руками и подавшись впередъ всѣмъ тѣломъ, слушалъ безконечную житейскую философію лэди Сэнтъ-Орминъ.—Это—мой крестный отецъ.

— Сэръ Рёбенъ вашъ крестный отецъ! — проговорила лэди Кэриль, тихонько закрывая свой бѣлый зонтикъ.

— Почему это васъ удивляетъ?

— Конечно, въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго. Я не о немъ думала. Я только старалась ясно представить себѣ, что вы—чей-нибудь крестникъ.

— А это трудно?

— Да,—сказала она, твердо смотря на него своими длинными сѣрыми глазами.—Мнѣ кажется, очень трудно.

— Но почему же?—спросилъ онъ, улыбаясь ей, какъ улы-

баются дѣтямъ люди, склонные къ нѣжнымъ родительскимъ чувствамъ.

— „Крестникъ“ звучитъ какъ что-то невинное, простое, не отъ міра сего. Это слово вызываетъ представленіе о монастырѣ, жизни, посвященной высшей цѣли.

— Теперь я вижу, что для меня просто дико быть крестникомъ.

— Вы вѣдь совсѣмъ не простой, не правда ли, м-ръ Геррикъ?

— Должно быть, нѣтъ.

— А вы хотѣли бы, честно говоря, быть простымъ?

— Мнѣ трудно себѣ представить, какъ бы это было,—сказалъ онъ серьезно и вполнѣ искренно. Онъ самъ много думалъ объ этомъ съ тѣхъ поръ, какъ кончилъ школу въ Итонѣ, готовился поступить въ министерство иностранныхъ дѣлъ и—бросилъ все это для обыкновенной свѣтской жизни. Конечно, онъ не былъ очень простымъ, и зналъ это. Но бывали минуты, когда ему казалось, что очень красиво—быть простымъ въ характерѣ, въ желаніяхъ, въ цѣляхъ и въ жизненныхъ привычкахъ.

— А вы можете себѣ это представить, лэди Кэриль?—проговорилъ онъ послѣ минутнаго молчанія.

— Не знаю. Да, мнѣ кажется, что могу. Мнѣ кажется, что, въ сущности, я сама довольно простая,—прибавила она.

У нея былъ очень спокойный, безстрастный голосъ, который могъ становиться оживленнымъ, если она этого хотѣла, но въ немъ рѣдко или даже никогда не звучало глубокое чувство, хотя Обрэ иногда и обманывался на этотъ счетъ.

— Вы... вы говорите, что вы просты?—сказалъ онъ.

Онъ смотрѣлъ на нее и думалъ о замѣчаніи сэра Рёбена, что лэди Кэриль была увѣрена въ своемъ жизненномъ успѣхѣ, потому что была односторонняя. Быть сложной—значило быть многосторонней. Не подтверждала ли она теперь безсознательно сказанное о ней сэромъ Рёбеномъ?

— Скажите мнѣ,—проговорилъ Обрэ,—испытывали ли вы когда-нибудь сильное желаніе?

— Вы очень любопытны.

— Правда? Можетъ быть, относительно васъ. Мнѣ хотѣлось бы васъ понять, лэди Кэриль. Вы мнѣ это позволите?

— Развѣ это въ моей власти? Развѣ во власти какой-нибудь женщины дать мужчинѣ вполнѣ понять себя?

— Навѣрное, если она этого хочетъ.

Лэди Кэриль отвѣтила не сразу. Сидя безмолвно на малень-

комъ зеленомъ стулѣ и отвернувшись отъ своего собесѣдника, она улыбалась. Казалось, она задумалась и забыла, что должна отвѣчать. Обрэ наблюдалъ за нею съ жаднымъ, почти мальчишескимъ любопытствомъ. И сэръ Рёбенъ, хотя, повидимому, внимательно слушавшій вѣчно возбужденныя рѣчи лэди Сэнтъ-Орминъ, также наблюдалъ за нею.

— Вы не отвѣчаете? — спросилъ Обрэ послѣ долгаго молчанія.

Улыбка сошла съ лица лэди Кэриль, и оно приняло прежній холодный и равнодушный видъ.

— Я не знаю, съумѣю ли я,—сказала она.—Можетъ быть, я еще сама не знаю, что̀ для меня всего нужнѣе, чего мнѣ хочется больше всего.

— Развѣ не того же самаго, чего хотятъ другія женщины?— сказалъ онъ очень тихо.

— Вы думаете, что я до такой степени обыкновенна, что я должна быть такой же, какъ вся эта толпа,—всѣ эти женщины?

Она презрительно оглянулась вокругъ себя.

Со всѣхъ сторонъ ихъ окружали женщины: женщины молодыя и старыя, и неопредѣленнаго возраста; женщины съ сѣрыми лицами и морщинами вокругъ глазъ, съ подкрашенными щеками или мертвенно-блѣдныя. Здѣсь были рыжія женщины, напудренныя, бѣлокурыя и черноволосыя; женщины въ чудовищныхъ шляпахъ и яркихъ туалетахъ; женщины улыбающіяся, болтающія, сердитыя, веселыя, усталыя, злыя, больныя и чувственныя; женщины сосредоточенныя, равнодушныя, нервно возбужденныя, а другія, напротивъ, спокойныя,—очевидно, привыкшія и притерпѣвшіяся къ этой шумной, захватывающей лондонской жизни.

Обрэ вспыхнулъ до корней волосъ.

— Не толкуйте ложно моихъ словъ! — проговорилъ онъ быстро.—Я не хотѣлъ сказать, что вы похожи на другихъ женщинъ.

— Такъ что̀ же вы хотѣли сказать?

— Я хотѣлъ сказать, что всѣ женщины сходятся въ одномъ желаніи.

— Въ какомъ желаніи?

— Въ желаніи, чтобы ихъ любили.

— А, теперь понимаю.

При этихъ словахъ, ея голосъ прозвучалъ какъ-то особенно молодо,—ни тѣни дрожи не было въ немъ, и Обрэ подумалъ: „Какъ она невинна! Она не поняла моего намека“.

Неизвѣстно, поняла его или нѣтъ лэди Кэриль, но только она не дала ему возможности объясниться. Она посмотрѣла на группу, собравшуюся вокругъ ея возбужденной и раскраснѣвшейся матери, и спросила:

— Вашъ крестный отецъ очень старъ?

— Ему, я думаю, за шестьдесятъ, — отвѣтилъ Обрэ, такъ неожиданно отвлеченный отъ интересовавшаго его разговора.

— О, какой старый!

— Для насъ—да.

— Онъ догадался, что мы говоримъ о немъ. Онъ мнѣ кажется очень умнымъ.

Сэръ Рёбенъ, въ самомъ дѣлѣ, внимательно смотрѣлъ на нихъ, и теперь онъ улыбнулся лэди Кэриль и даже пересталъ слѣдить за разсказомъ лэди Сэнтъ-Орминъ о какихъ-то баритонахъ и французскихъ поэтахъ.

— Да, онъ уменъ, — повторила лэди Кэриль. — Но у него улыбка ростовщика. Я думаю, въ немъ даже есть что-то дикое, когда онъ бываетъ одинъ.

Прежде чѣмъ Обрэ успѣлъ ей что-нибудь отвѣтить, сэръ Рёбенъ подошелъ къ нимъ.

— Лэди Сэнтъ-Орминъ собирается уѣзжать, лэди Кэриль, — сказалъ онъ.

— Я такъ и знала. Мы съ мамой въ одинъ день совершаемъ больше выходовъ, чѣмъ какая-нибудь актриса въ цѣлый мѣсяцъ.

— И васъ забавляетъ эта комедія?

— Иногда. Но я не увѣрена, что это долго продолжится. Вы любите баритоновъ, сэръ Рёбенъ?

Онъ улыбнулся, Обрэ—тоже.

— Я давно ихъ не видалъ, — сказалъ сэръ Рёбенъ, — но ваша матушка была такъ любезна, что пригласила меня на воскресенье.

— Я надѣюсь, вы любите музыку?

— Это—одно изъ моихъ главныхъ удовольствій.

— Подъ деревьями?

— Гдѣ бы то ни было.

— Я не знаю, удастся ли это въ воскресенье, но только музыка будетъ на открытомъ воздухѣ. Это—новѣйшая выдумка моей матери и monsieur Баррэ. Они придумали спрятать музыкантовъ въ зелени. Вы также пріѣдете въ Ипсомъ, м-ръ Геррикъ?

— Если получу приглашеніе.

— Я приглашаю васъ.

— Въ такомъ случаѣ, я пріѣду,—сказалъ онъ, стараясь, и довольно успѣшно, не выказать слишкомъ большой радости.

Въ сосѣдней группѣ произошло волненіе. Лэди Сэнтъ-Орминъ направилась къ выходу, по дорогѣ задѣвая и опрокидывая шлейфомъ стулья.

— Кэриль!—закричала она.—Мы должны теперь ѣхать къ лэди Герріэтъ.

— Хорошо, мама.

Онѣ стали садиться въ экипажъ.

— Не забудьте же, сэръ Рёбенъ: въ воскресенье, въ четыре часа. И вы должны остаться обѣдать, и вы также, м-ръ Геррикъ. Будутъ исполнять послѣдній квартетъ Баррэ среди зелени.

Сэръ Рёбенъ взглянулъ на лэди Кэриль со своей улыбкой стараго ростовщика.

— Мы это придумали для м-ра Кранца. Онъ такъ безобразенъ, что лучше его не видѣть, но онъ играетъ на віолончели... Послѣ обѣда, сэръ Рёбенъ, будетъ состязаніе на велосипедахъ при факелахъ, французскія пѣсни Араки,—вы знаете, этотъ сріецъ съ рыжими волосами? и т. п. Въ городъ мы вернемся въ дилижансѣ. Au revoir! Au revoir!.. Мы еще должны сегодня быть въ оперѣ... Ну, Кэриль, что ты думаешь о сэрѣ Рёбенѣ?

— У него чудесный рубинъ на галстухѣ. Ты замѣтила?

III.

Простившись со всѣми, сэръ Рёбенъ отправился къ матери Обрэ. Рангклифы жили въ Итонъ-Сквэрѣ, въ большомъ, но небогато обставленномъ домѣ. У нихъ было три лакея и очень потертые ковры. Лэди Рангклифъ была дома. Его провели на верхъ, въ ея будуаръ. Она сидѣла въ черномъ платьѣ среди множества рисунковъ, съ бутылочкой гумми-арабика въ одной рукѣ и съ иллюстрированнымъ журналомъ въ другой.

— Пожалуйста, подайте чай, Чарльзъ,—сказала она лакею, отворившему дверь. — Это я дѣлаю ширмы, сэръ Рёбенъ, для моихъ старушекъ въ Уайтчапель. Имъ нравятся эти картинки,—объяснила она сэру Рёбену. — Онѣ ихъ находятъ очень изящными, бѣдняжки.

Лэди Рангклифъ была высокая, худая женщина пятидесятиодного года, съ широкими плечами, длинными руками и черными,

какъ смоль, волосами. У нея были почти грубыя черты лица, вздернутый носъ, большіе темные, близорукіе глаза и добродушный ротъ. Еще дѣвушкой она отличалась замѣчательной силой, и до сихъ поръ великолѣпно ѣздила верхомъ и правила лошадьми. Кромѣ своей близорукости, она страдала еще нѣкоторой глухотой, и отчасти вслѣдствіе этихъ недостатковъ любила сидѣть близко къ людямъ, съ которыми разговаривала, и при этомъ пристально смотрѣла на собесѣдника.

Теперь, подойдя очень близко къ сэру Рёбену, она сѣла такъ, что касалась его платья, и сказала:

— Ну, видѣли вы Обрэ?

— Мы съ нимъ только-что разстались.

— Не правда ли, какой онъ сталъ красивый? Онъ красивѣе Вэнъ; но вѣдь Вэнъ на меня похожъ, бѣднята.

Это было сказано убѣжденнымъ тономъ и съ искреннимъ сожалѣніемъ.

— Обрэ съ вами много говорилъ?—прибавила она быстро.

— Не особенно много.

— Онъ ужасно скрытенъ.

Въ это время принесли чай. Лэди Рангклифъ передала сэру Рёбену молоко, сахаръ и чашку, и продолжала:

— Ужасно скрытенъ, особенно со мной. Это ужъ судьба всѣхъ матерей—страдать отъ скрытности сыновей, которые ихъ любятъ и которыхъ онѣ любятъ.

Она быстро налила себѣ чаю и продолжала:

— Я говорю это вамъ потому, что вы—его крестный отецъ, сэръ Рёбенъ, и, кромѣ того, вы знаете свѣтъ. Чѣмъ менѣе Обрэ говоритъ мнѣ объ этомъ, тѣмъ болѣе я убѣждаюсь, что онъ влюбленъ. Все-таки, у матерей есть то преимущество, что онѣ прекрасно догадываются о томъ, чего сыновья имъ не говорятъ. Конечно, я ни за что на свѣтѣ не подамъ и виду Обрэ, что все знаю, а онъ самъ никогда не догадается. Мальчики всегда считаютъ себя такими умными. Я ихъ люблю за это. Дѣвочки считаютъ себя хитрыми, а мальчики—умными. Но лэди Кэриль—совершеннѣйшее дитя!—воскликнула она внезапно.—И при этомъ она умная, въ этомъ все дѣло. Обрэ, конечно, тоже уменъ, но дѣвушка въ этомъ отношеніи всегда возьметъ верхъ.

— Лэди Кэриль Ноксъ?—перебилъ ее сэръ Рёбенъ.

— Да, именно.

— Вы думаете, что онъ любитъ лэди Кэриль, а вамъ она не нравится?

Лэди Рангклифъ ужаснулась.

— О, я не могу этого сказать. Во многихъ отношеніяхъ она мнѣ очень нравится. Она красива, прекрасно воспитана, но она не сдѣлаетъ Обрэ счастливымъ. Онъ гораздо сердечнѣе ея. Она въ этомъ не виновата, ужъ здѣсь она ничего не можетъ подѣлать, а Обрэ нуждается въ любви, какъ женщина. Мало того, что нуждается,—она ему необходима. Не всѣ мужчины таковы.

Въ эту минуту она подумала о своемъ мужѣ.

— Я еще не знаю новаго, выросшаго Обрэ,—проговорилъ медленно сэръ Рёбенъ.—Я его совершенно не знаю.

— Мнѣ кажется, что онъ скоро сдѣлаетъ предложеніе лэди Кэриль. Вотъ что̀ меня такъ волнуетъ.

Послѣднія слова лэди Рангклифъ произнесла съ безпокойнымъ видомъ доброй собаки, не получившей отвѣта на свою ласку.

— Меня это нисколько не удивитъ,—сказалъ сэръ Рёбенъ.

— Въ самомъ дѣлѣ! Но почему же?—воскликнула она съ крайней непослѣдовательностью.

— Я ихъ видѣлъ вмѣстѣ сегодня.

— Въ самомъ дѣлѣ? Гдѣ?

— На Бондъ-Стритѣ—утромъ и въ Гайдъ-Паркѣ—днемъ.

— Ну, и что̀ же вы о ней думаете?

— Я думаю, что она и красива, и интересна.

— Красива! Да, не правда ли? А, я вспоминаю теперь, вы вѣдь обожаете красоту. И до сихъ поръ? Вы и теперь еще любите хорошенькія лица?

Она смотрѣла на него такъ пристально, что его большіе глаза заморгали, какъ отъ слишкомъ яркаго солнечнаго свѣта.

— Отчего бы и нѣтъ?—проговорилъ онъ съ чувствомъ внезапной неловкости.

— Какъ будто это такъ важно? — сказала лэди Рангклифъ съ сомнѣніемъ.

— Это очень важно,—отвѣчалъ сэръ Рёбенъ, и въ его глазахъ появилось страстное выраженіе, преобразившее все его лицо.—Добрыя качества не продаются, но красота продается здѣсь, въ Лондонѣ, такъ же успѣшно, какъ и въ Занзибарѣ. И ее сто̀итъ покупать, очень сто̀итъ, хотя цѣна и бываетъ часто весьма высокая.

Говоря эти слова, онъ сталъ ужасно безобразенъ, но лэди Рангклифъ была такъ близорука, что рѣдко замѣчала безобразіе.

— Я такъ довольна, что у Обрэ нѣтъ денегъ,—замѣтила она:—онъ никогда не будетъ въ состояніи покупать такую красоту.

— Ахъ, вы такъ не похожи на всѣхъ насъ!—воскликнулъ сэръ Рёбенъ въ порывѣ благоговѣнія передъ этой пожилой, некрасивой женщиной.—Я бы хотѣлъ, чтобы Обрэ былъ похожъ на васъ.

— Итакъ, вы видѣли лэди Кэриль и Обрэ вмѣстѣ. Вы думаете, что онъ готовится сдѣлать ей предложеніе?

— А вы увѣрены, что она его приметъ?—проговорилъ сэръ Рёбенъ спокойно.

— Я никогда не увѣрена въ женщинахъ, — отвѣчала лэди Рангклифъ. — Обрэ очень привлекателенъ, — прибавила она съ нервнымъ подергиваніемъ головы.—И на что они будуть жить? Вы могли бы внушить... не прямо сказать, а только внушить Обрэ, что лэди Кэриль будетъ несчастна, выйдя замужъ за бѣдняка.

— А... вы-таки немного поняли лэди Кэриль!

— О, женщины всегда немного понимаютъ другъ друга. Лэди Кэриль очень красива, но въ ней мало... я говорю это вамъ только потому, что вы—крестный отецъ Обрэ, и должны знать — мало сердечности. Она—милая дѣвушка, я въ этомъ увѣрена, и это не ея вина, но Обрэ рано или поздно узнаетъ ее, и будетъ несчастливъ. Обрэ очень впечатлителенъ, и на него можно повліять.

— А вы думаете, что на лэди Кэриль нельзя повліять?— проговорилъ сэръ Рёбенъ.

Онъ проговорилъ это очень спокойно, но въ его глазахъ загорѣлся злобный огонекъ.

— Кто же повліяетъ на нее? Ужъ только не я! — сказала лэди Рангклифъ съ полнымъ убѣжденіемъ.

— Нѣтъ; но я?

Лэди Рангклифъ посмотрѣла ему совсѣмъ близко въ лицо. Было очевидно, что она рѣшала, насколько онъ привлекателенъ физически.

— Нѣтъ!—проговорила она наконецъ, покачавъ головой:— и вы не сможете.

— Я ее увижу опять въ воскресенье вмѣстѣ съ Обрэ.

— Ну, и что же, что вы думаете?

Сэръ Рёбенъ всталъ, чтобы уходить.

— Что я думаю,—проговорилъ онъ, уже взявшись за ручку двери:—я думаю, что если Обрэ сдѣлаетъ предложеніе, то лэди Кэриль ему откажетъ.

IV.

Въ субботу, наканунѣ собранія у лэди Орминъ въ Ипсомѣ, была большая распродажа въ ювелирномъ магазинѣ Мёрфи, на Кингъ-Стритѣ. Сэръ Рёбенъ отправился туда. Между дорогими камнями, выставленными для осмотра публики, находился огромный изумрудъ, принадлежавшій когда-то Екатеринѣ Великой. На немъ были вырѣзаны три фигуры, представлявшія душу, увлекаемую наслажденіями. Главными покупателями этого камня были сэръ Рёбенъ и два очень извѣстныхъ купца. Они набивали цѣну, пока, наконецъ, изумрудъ не остался за сэромъ Рёбеномъ, заплатившимъ за него баснословныя деньги. Присутствовавшіе на аукціонѣ затаили дыханіе, а нѣкоторыя женщины посмотрѣли на него съ выраженіемъ безмолвной зависти: это былъ одинъ изъ прекраснѣйшихъ изумрудовъ на свѣтѣ.

— Кто та женщина, для которой онъ предназначается?— прошепталъ одинъ молодой человѣкъ другому.

— Не имѣю понятія, но не завидую ей, — отвѣчалъ тотъ, взглянувъ на темное, некрасивое лицо сэра Рёбена и его нескладную пожилую фигуру. Маклеръ поздравилъ его съ успѣхомъ и не удержался, чтобы не спросить:

— Я и не подозрѣвалъ, что вы собираете драгоцѣнные камни, Аллабрутъ.

— Меня больше забавляетъ борьба, посмотрѣть, чья возьметъ,—проговорилъ небрежно сэръ Рёбенъ, и пошелъ садиться въ свой экипажъ. Когда онъ уѣхалъ, то къ маклеру подошелъ пріятель.

— Что, сказалъ тебѣ Аллабрутъ, для кого этотъ камень?— спросилъ онъ.

— Нѣтъ, а кто-нибудь догадывается?

— Ни единая душа. Онъ только-что возвратился съ Востока. Можетъ быть, привезъ съ собой гаремъ. Странно, что послѣ смерти лэди Аллабрутъ онъ распродалъ всѣ свои драгоцѣнности, а теперь опять начинаетъ собирать ихъ на старости лѣтъ.

Сэръ Рёбенъ отлично замѣтилъ произведенное имъ волненіе, но остался къ нему совершенно равнодушенъ. И однакоже, проѣзжая по многолюднымъ улицамъ въ своей каретѣ съ зелеными подушками, онъ чувствовалъ трепетъ въ сердцѣ отъ какого-то предчувствія и отъ сознанія, что въ немъ еще есть молодость и даже способность ликовать. Его темные глаза сверкали, когда онъ откинулся въ глубину кареты и сталъ наблю-

дать мелькавшія мимо уличныя сцены. Онъ не видалъ ихъ многіе годы, но такъ хорошо зналъ ихъ прежде, что и теперь онѣ казались ему такими привычными. Даже моторы, и тѣ онъ засталъ еще въ Парижѣ, такъ что для него не было ничего вполнѣ новаго. А еслибы и было что-нибудь новое на этихъ улицахъ, переполненныхъ народомъ, то онъ, все равно, ничего бы не замѣтилъ, потому что передъ его глазами сіялъ зеленый свѣтъ огромнаго изумруда и три тонкія вырѣзанныя фигуры, изображавшія душу, увлекаемую наслажденіями. Онѣ лишали драгоцѣнный камень его первобытной красоты. Вырѣзывать что-нибудь на дорогомъ камнѣ—значитъ наносить ему несказанное и неизгладимое оскорбленіе. Это декадентскій поступокъ,—все равно, что пожелать написать слова на поверхности моря или сонетъ на серебрѣ мѣсяца. Но сэру Рёбену нравился этотъ вырѣзанный рисунокъ не по своей рѣдкости, а по своему содержанію. Его сильное и грубое воображеніе было очаровано утонченной чувственностью этихъ легкихъ фигуръ, всплывавшихъ на блестящемъ камнѣ, какъ на неподвижной водной поверхности. Ему казалось, что онъ видитъ давно умершаго рѣзчика за его искусной работой, какъ часто онъ видалъ угрюмыхъ людей, работавшихъ на сумрачныхъ базарахъ Каира, Багдада и Индіи. Въ своихъ тонкихъ темныхъ пальцахъ, выражавшихъ всю чувственность его расы, этотъ давно умершій мастеръ держалъ драгоцѣнный камень, и взглядъ его длинныхъ, блестящихъ глазъ утопалъ въ зеленомъ свѣтѣ, который такъ любилъ Плиній и который былъ описанъ Теофрастомъ. Въ немъ рождалось желаніе, свойственное людямъ,—одухотворить совершенное, но мертвое произведеніе природы и заставить говорить это безмолвное чудо красоты. И потомъ, навѣрное, онъ улыбался недоброй, загадочной улыбкой, улыбкой народовъ Востока, и думалъ: „Я заставлю тебя выдать твою тайну людямъ. Ты долженъ будешь открыть женщинамъ, что ты такое: опасная приманка, зеленый свѣтъ, манящій въ темноту, искра, сверкающая на краю бездны“...

Карета сэра Рёбена остановилась передъ его домомъ въ Паркъ-Лэнѣ. Онъ медленно вышелъ изъ экипажа и вошелъ въ домъ. Этотъ домъ производилъ на него странное впечатлѣніе въ это лѣто не потому, что онъ находился въ отсутствіи восемь лѣтъ,—восемь лѣтъ для старика не слишкомъ большой срокъ,—но потому, что въ немъ не было больше его жены, хорошенькой креолки. Благодаря ея отсутствію, домъ казался необычайно большимъ, и сэръ Рёбенъ невольно вздрогнулъ отъ жуткаго чувства, несмотря на тепло въ комнатахъ, на яркую окраску, кар-

тины, плотные ковры и расписные потолки. Въ этомъ домѣ было что-то слегка таинственное. Въ немъ легко могъ находиться скрытый и охраняемый гаремъ, какъ въ восточныхъ дворцахъ. Казалось, этотъ огромный домъ наполненъ живыми существами. Но если въ немъ и была какая-нибудь гурія, то она не подавала признаковъ жизни: она вздыхала, улыбалась, плакала, любила, спала и играла на своей маленькой лютнѣ въ какой-нибудь комнатѣ, совершенно скрытой отъ слуха и взоровъ людей.

Уютная тишина этого дома нравилась въ былые годы сэру Рёбену. Послѣ дѣловой сутолоки въ Сити онъ любилъ внезапно возвращаться въ свой тихій домъ, проводить цѣлые часы въ бездѣйствіи и грёзахъ, не нарушаемыхъ рѣзкимъ звономъ денегъ. Но тогда лэди Аллабрутъ была жива. Она была не особенно умна, но сэръ Рёбенъ и не требовалъ ума отъ красивыхъ женщинъ. Она любила бывать въ обществѣ, и часто, когда ея мужъ возвращался изъ Сити, ея не было дома, и онъ сидѣлъ одинъ. Но одиночество не тяготило его; онъ чувствовалъ присутствіе лэди Аллабрутъ, когда ея и не было. Теперь у него остались одни только воспоминанія, но вѣроятно въ нихъ было нѣчто ужасное, потому что онъ старался не вызывать ихъ.

V.

Въ воскресенье сэръ Рёбенъ поѣхалъ съ Обрэ въ Ипсомъ. Былъ ясный жаркій день. Дача лэди Сэнтъ-Орминъ стояла посреди обширной лужайки. Въ ней былъ концертный залъ съ паркетнымъ поломъ, столовая, билліардная, три или четыре уборныхъ, кухня и людскія. За дачей находились конюшни. На лужайкѣ была разбита палатка, увѣшанная вышивками въ египетскомъ стилѣ и декорированная пальмами и тепличными растеніями. Вокругъ всего сада былъ устроенъ велосипедный трэкъ. Садъ былъ обнесенъ стѣной, и въ него въѣзжали черезъ очень высокія чугунныя ворота на кирпичномъ фундаментѣ, густо заросшемъ плющомъ. Нѣсколько крестьянъ, всѣ въ пыли отъ проѣзжавшихъ экипажей, глазѣли изъ-за рѣшотки воротъ на гостей лэди Сэнтъ-Орминъ. Они вытаращили глаза на пѣгихъ лошадей сэра Рёбена и одинъ изъ нихъ замѣтилъ довольно громко: „Ну ужъ это не музыканты и не пѣвцы, а прямо изъ цирка“.

— Вѣроятно у лэди Сэнтъ-Орминъ бываетъ очень смѣшанное общество?—спросилъ сэръ Рёбенъ.

— Да, очень смѣшанное,—сказалъ Обрэ натянуто.

Было уже четыре часа, когда они подъѣхали къ крыльцу дачи подъ соломеннымъ навѣсомъ и до ихъ слуха долетѣли голоса многочисленнаго общества, собравшагося на лужайкѣ. Въ жаркомъ лѣтнемъ воздухѣ стоялъ смѣшанный гулъ голосовъ. Раздавались англійскія, французскія, нѣмецкія и итальянскія фразы, и два лакея выносили изъ дома большіе пюпитры и папки съ нотами. Лэди Сэнтъ-Орминъ, въ розовомъ шолковомъ платьѣ и въ розовой шляпѣ съ большими полями, стояла на балконѣ концертнаго зала и необыкновенно оживленно бесѣдовала съ тремя мужчинами. Лицо ея было подкрашено, сѣдые волосы напудрены; она играла огромнымъ вѣеромъ изъ розовыхъ перьевъ и быстро и громко говорила по-французски. Одинъ изъ мужчинъ, очень высокій и широкоплечій, съ крашеной бородой и горящими глазами, былъ знаменитый оперный басъ. Другой, маленькій и сѣдоватый, державшій въ рукахъ пару ярко-красныхъ перчатокъ, былъ модный композиторъ Баррэ. Третій—еще довольно молодой, меланхоличный человѣкъ, похожій на птицу, съ черными волосами и некрасивой улыбкой, былъ извѣстенъ своей любовью къ музыкѣ, мистицизмомъ, легкими нравами, образованностью и вѣчными страданіями желудка. Араки, пѣвецъ изъ Сиріи, закуривалъ въ углу папиросу и украдкой разсматривалъ свое лицо въ висѣвшемъ на стѣнѣ зеркалѣ.

— Вы какъ разъ во-время, сэръ Рёбенъ... Нѣтъ, нѣтъ, Баррэ, ту, въ которой говорится объ обезьянѣ и соловьѣ, я ее люблю! Вы какъ разъ во время. Только-что начали усаживать Herr Kranz'a среди рододендроновъ. М-ръ Геррикъ, вы должны... Получше спрячьте въ кусты пюпитръ Herr Kranz'a, Джемсъ!— прибавила она, обращаясь къ лакею.

— Сэръ Рёбенъ, вы знакомы съ monsieur Анно? Это—лучшій Мефистофель, послѣ Фора.

Господинъ съ крашеной бородой и горящими глазами поклонился очень величественно.

— Да, Баррэ, послѣ квартета. И потомъ—нѣтъ, только не „Пѣсню рыданій", Араки, ее надо послѣ обѣда. Она гораздо лучше выходитъ въ темнотѣ, гораздо лучше. Гдѣ же Сэнтъ-Орминъ? Нужно, чтобы онъ смирно сидѣлъ во время музыки. Я не могу допустить, чтобы онъ бродилъ здѣсь среди кустовъ, устроивая акціонерныя компаніи въ то время, какъ будетъ исполняться очаровательный... Гдѣ же онъ? Сэнтъ-Орминъ! Сэнтъ-Орминъ!

Человѣкъ очень маленькаго роста и съ бородой, пробиравшійся украдкой черезъ веранду, вдругъ остановился.

— Что тебѣ, Фифи?

— Куда это ты идешь? Не къ музыкантамъ ли?

— Ну да, но вѣдь квартетъ...

— Глупости, Сэнтъ-Орминъ, ты ничего въ этомъ не понимаешь. Ты только будешь кричать о деньгахъ и мѣшать... Сэръ Генри, не хотите ли вы сыграть партію на билліардѣ? Да! Я такъ и думала. Сэнтъ-Ормину очень хочется... Ну, теперь сэръ Рёбенъ, пойдемте, теперь я спокойна на его счетъ. Гдѣ Кэриль? Ахъ, вотъ она съ м-ромъ Фэномъ.

Глаза Обрэ блеснули, когда онъ увидалъ Кэриль, стоявшую, всю въ бѣломъ, на лужайкѣ съ м-ромъ Фэномъ. Она поздоровалась съ Обрэ и сэромъ Рёбеномъ. Послѣдній обратилъ вниманіе на то, что ея рука была очень холодна. Обрэ принесъ ей стулъ, но она отказалась сѣсть.

— Стоя, я могу видѣть Herr Kranz'a,—сказала она.—Какъ разъ мнѣ видно его голову, окруженную листьями. Нужно же мнѣ смотрѣть на что-нибудь интересное, пока они будутъ играть.

— Такъ, значитъ, вы не любите музыки?—спросилъ сэръ Рёбенъ.

— Нѣтъ, отчего же? Но я уже столько разъ слышала музыку monsieur Баррэ!

— Вы, какъ и лэди Сентъ-Орминъ, обожаете Вагнера?

— О, лэди Кэриль ужасно любитъ итальянскую музыку,— проговорилъ молодой итальянскій композиторъ, стоявшій у ближайшаго розового куста.

— Да, можетъ быть. Но какъ вы это угадали, синьоръ Рудини?

— Я слышалъ, какъ вы сказали, что предпочитали бы имѣть ложу на „Травіату“ съ madame Вива, чѣмъ на „Мейстерзингеровъ“.

— Говорятъ, что въ первомъ актѣ на ней будетъ бриллiантовъ на восемьдесятъ тысячъ фунтовъ,—прошептала м-ссъ Паркинсонъ, дама съ темно-желтымъ цвѣтомъ лица, играя краснымъ зонтикомъ, украшеннымъ маками.

Сэръ Рёбенъ взглянулъ на Обрэ, но юноша смотрѣлъ на лэди Кэриль, и въ эту минуту глаза его загорѣлись страстью.

— Я люблю мотивы изъ „Травіаты“,—проговорила молодая дѣвушка своимъ спокойнымъ голосомъ.

— „Травіата“ такъ пріѣлась. Меня она просто оскорбляетъ. Тише, они начинаютъ,—проговорила лэди Сэнтъ-Орминъ.

— М-ръ Гэррисъ,—прибавила она громкимъ шопотомъ, обращаясь къ молодому человѣку, собравшемуся уходить.—Идите

сюда и сядьте возлѣ меня. Мнѣ хочется, чтобы вы написали объ этомъ квартетѣ въ вашей газетѣ. Онъ вамъ понравится.

Смуглый молодой человѣкъ покорно сѣлъ въ то время, какъ віолончель Herr Kranz'a зазвучала изъ кустовъ. Лэди Сэнтъ-Орминъ слушала съ какой-то страстностью. По ея словамъ, музыка была ея религіей, и, подобно многимъ, она любила наслаждаться религіей съ полнымъ комфортомъ, у себя дома, среди собственныхъ рододендроновъ, и чтобы жрецами были разныя музыкальныя знаменитости, преимущественно мужескаго пола. Ея душа вполнѣ зависѣла отъ нервной системы, и на нее дѣйствовала музыка извѣстнаго сорта композиторовъ, во главѣ которыхъ стоялъ Вагнеръ. Моцартъ ей былъ скученъ, какъ скучно многимъ людямъ протяжное церковное пѣніе. Шумная музыка возбуждала ея нервы.

Медленно замирающія ноты возвѣстили объ окончаніи квартета.

— Баррэ, вамъ надо чего-нибудь выпить,—рѣшительно проговорила лэди Сэнтъ-Орминъ.

Композиторъ улыбнулся просительно и жадно.

— Пойдемте со мною въ палатку. Кэриль, пригласи сэра Рёбена. А потомъ monsieur Анно споетъ „Le Bon Dieu et les oiseaux", послѣднюю пѣснь Баррэ. Monsieur Анно, вы вѣдь не забыли!

Знаменитый басъ, съ необычайно порочнымъ выраженіемъ лица, поклонился, любезно улыбаясь.

— Можно мнѣ тоже пойти съ вами, лэди Кэриль?—сказалъ онъ хорошимъ англійскимъ языкомъ.

— Пожалуйста,—отвѣтила она.—И вы также, сэръ Рёбенъ!

Она пошла по лужайкѣ въ сопровожденіи обоихъ мужчинъ. Обрэ послѣдовалъ за м-ссъ Паркинсонъ.

— Я люблю пѣть о маленькихъ птичкахъ, — сказалъ monsieur Анно.—Онѣ такъ невинны и потому такъ очаровательно поютъ!

Произнося эти слова, онъ придалъ намѣренную нѣжность своему великолѣпному голосу.

— Не потому ли и вы поете такъ очаровательно, monsieur Анно?—спросила молодая дѣвушка.

Онъ многозначительно улыбнулся.

— Вы должны были задать мнѣ этотъ вопросъ до моего пріѣзда въ Лондонъ,—отвѣчалъ онъ.

— Маленькія птички способны на сарказмъ,—проговорила она, улыбаясь.

— Можетъ быть, именно моя утраченная невинность и заставляетъ меня пѣть съ такою страстью,—прошепталъ онъ.—Не можетъ быть артистомъ тотъ, кому не о чемъ жалѣть.

— Въ такомъ случаѣ, вамъ нечего жалѣть вашу утраченную невинность.

— Вы обладаете настоящимъ разговорнымъ талантомъ, а я все время дѣлаю промахи. Я силенъ только когда пою.

Онъ устремилъ на нее свои горящіе глаза съ тѣмъ выраженіемъ, которымъ онъ вскружилъ голову всей Америкѣ и совершенно плѣнилъ русскую публику. Она весело разсмѣялась на его слова и взглянула на сэра Рёбена.

— Музыка—вещь опасная. Не правда ли, сэръ Рёбенъ?—сказала она, и они вошли въ палатку.—Можетъ быть, мнѣ лучше и не слушать послѣднюю пѣсню monsieur Баррэ?

— Мнѣ кажется, вамъ нечего бояться,—сказалъ онъ значительно.

Она быстро обернулась и посмотрѣла на него въ первый разъ съ настоящимъ любопытствомъ.

— Вы думаете, что это произведетъ на меня меньше впечатлѣнія, чѣмъ на весь Лондонъ?—спросила она.

— Да и нѣтъ,—отвѣчалъ онъ.

— А, вы прикрываетесь загадками... Какая толпа!

Палатка, несмотря на свою величину и благовоспитанность гостей, представляла собою поле сраженія. Въ ней столпилось множество народа; каждый старался достать что-нибудь выпить. Жаркій воздухъ, пропитанный запахомъ цвѣтовъ, становился нестерпимымъ. Недалеко отъ входа, знаменитая примадонна, въ садовой шляпѣ и въ бѣломъ кисейномъ платьѣ, усѣянномъ лиловыми орхидеями, ѣла ананасъ и разговаривала по-французски съ сильнымъ иностраннымъ акцентомъ.

Ея собесѣдникъ былъ толстый юноша, ненавидѣвшій музыку. Она любила толстыхъ юношей и также ненавидѣла музыку, хотя умѣла пѣть въ совершенствѣ, когда хотѣла. Они разговаривали о Grand Prix.

— Я скорѣе думаю, что „Ласточка“ графа де Граммона,—говорила она толстому юношѣ.

— Никакого вѣроятія. Ставьте на Суризетть, — отвѣчалъ толстый юноша.—Хотите еще ананаса?

— Не могу больше изъ-за голоса. Это такое мученіе—имѣть голосъ!

— Да, вамъ тяжело приходится.

— Еще бы! Но ничего не подѣлаешь. А чьего завода Суризеттъ?...

Баррэ пилъ шампанское и выслушивалъ льстивыя похвалы двухъ пожилыхъ аристократокъ. Онѣ были сестры и красили свои сѣдые волосы въ одинъ и тотъ же каштановый цвѣтъ, чтобы лучше обмануть общество, и всѣ вѣчно смѣялись надъ ихъ невинными усиліями.

Лэди Сэнтъ-Орминъ стояла въ кружкѣ людей, причастныхъ къ оперѣ. Нахальнаго вида господинъ, съ вздернутымъ носомъ и закрученными усами, разговаривалъ авторитетнымъ тономъ съ нею и съ окружавшими ее. Онъ былъ дѣлецъ и человѣкъ совершенно немузыкальный; но такъ какъ онъ былъ участникомъ разныхъ оперныхъ предпріятій, то считалъ себя въ правѣ обучать искусству настоящихъ артистовъ.

— Я слышалъ ее два раза въ Буда-Пештѣ,—говорилъ онъ медленнымъ, лѣнивымъ голосомъ. — Превосходное сопрано, нисколько не испорченное Вагнеровскими партіями.

Очень дородная молодая женщина, въ платьѣ цвѣта горчицы, украшенномъ большой розой и въ желтыхъ нитяныхъ перчаткахъ, вдругъ вся вспыхнула. Она наканунѣ вечеромъ исполняла партію „Венеры".

— Неужели, мистеръ Вильсонъ?—воскликнула она.

— Неиспорченное! Я повторяю, — продолжалъ онъ спокойно.—Я привезу ее на слѣдующій сезонъ, и тогда вы увидите.

— Но что же она будетъ пѣть,—сказала лэди Сэнтъ-Орминъ, —если кому нужно что-нибудь кромѣ Вагнера? Мнѣ, конечно, ничего больше не нужно.

— О, это Вагнеровское сумасшествіе пройдетъ... оно пройдетъ, — сказалъ м-ръ Вильсонъ. — Пока оно дѣлаетъ сборъ— отлично, но вѣдь это не можетъ такъ продолжаться. Я знаю вкусы публики. Это не можетъ продолжаться вѣчно.

— Вы совершенно правы, м-ръ Вильсонъ, — проговорило лирическое сопрано въ зеленомъ платьѣ, у котораго были только высокія ноты, пассажи и трели. — Тяжелая музыка не можетъ быть вѣчно въ модѣ. Я всегда это говорила. Должна наступить реакція.

— Да, но, конечно, мы не возвратимся къ „Севильскому Цирюльнику", синьорина, — отвѣчалъ м-ръ Вильсонъ съ тихой улыбкой.

Дама въ зеленомъ платьѣ поспѣшила заняться земляничнымъ мороженымъ.

— Мнѣ кажется, мы должны ждать спасенія отъ молодой

французской школы,—сказала одна изъ обожавшихъ Баррэ аристократокъ съ выкрашенными въ каштановый цвѣтъ волосами.

Баррэ, которому только-что минуло шестьдесятъ-четыре года, принялъ скромный видъ.

— Мнѣ кажется, что „Парсиваль“ — начало новой музыкальной эры,—сказалъ м-ръ Фразеръ, господинъ, похожій на птицу, сочинявшій гимны и устроивавшій у себя многолюдные завтраки.—У насъ должны быть религіозныя музыкальныя драмы, полныя страсти, любви и желанія, но парящія въ асмосферѣ мистицизма. Человѣкъ долженъ во что-нибудь вѣрить. Онъ долженъ стремиться ввысь, хотя тѣло и притягиваетъ его къ землѣ.

Если вѣрить тому, что о немъ говорили, то м-ръ Фразеръ былъ именно изъ тѣхъ людей, которыхъ тѣло притягиваетъ къ землѣ.

— Я бы хотѣлъ играть св. Стефана, еслибы была написана опера на этотъ сюжетъ,—сказалъ monsieur Анно.—Подумайте только о послѣдней сценѣ,—какъ бы она была выгодна для пѣвца!

— О, мнѣ кажется, вамъ больше бы подходилъ Иродъ или еще какой-нибудь сильный характеръ въ этомъ родѣ!—воскликнула лэди Сэнтъ-Орминъ.—Но не кажется ли вамъ, monsieur Анно, что намъ пора прослушать „Le Bon Dieu“? Конечно,—въ концертномъ залѣ; я знаю, вы не любите пѣть на воздухѣ.

— Съ восторгомъ,—отвѣчалъ monsieur Анно, походя болѣе чѣмъ когда-либо на Ирода.

Онъ повернулся къ лэди Кэриль, которая стояла тутъ же съ сэромъ Рёбеномъ, м-ссъ Паркинсонъ и Обрэ Герриком.

— Вы придете меня послушать?—спросилъ онъ ее.—Если нѣтъ, то я подумаю...

— Что вы подумаете?—спросила молодая дѣвушка, спокойно глядя въ его наглые глаза.

— Что вы боитесь моей власти.

— Я приду,—отвѣчала она.—Но я ничего не боюсь.

— Ни даже самаго опаснаго изъ всѣхъ искусствъ?

— Ни даже того. Вы пойдете, сэръ Рёбенъ? Я хочу оправдать вашу вѣру въ меня.

Когда сэръ Рёбенъ вышелъ вмѣстѣ съ нею изъ палатки, то онъ увидалъ, что Обрэ слѣдитъ глазами за monsieur Анно. На мгновеніе лицо юноши преобразилось. Оно все дышало гнѣвомъ и отвращеніемъ. Но тотчасъ же это выраженіе сгладилось—его смѣнило прежнее, спокойное и дѣланное.

— Вы хотите послушать „Le Bon Dieu“?—спросилъ онъ у м-ссъ Паркинсонъ.

— О, да! Это навѣрное будетъ великолѣпно! Никто какъ Баррэ не умѣетъ писать музыку на такіе сюжеты, и никто не можетъ исполнять ее такъ, какъ милый monsieur Анно.

— Въ такомъ случаѣ, пойдемте. Я съ вами согласенъ. Monsieur Анно—самый подходящій человѣкъ, чтобы дѣлать Бога популярнымъ среди свѣтскаго общества.

VI.

Баррэ сѣлъ за фортепіано, провелъ полной рукой по сѣдымъ волосамъ и заигралъ интродукцію на верхнихъ тонахъ. А monsieur Анно, облокотившись на крышку фортепіано и устремивъ глаза на лэди Кэриль, началъ пѣть, или, скорѣе, декламировать на одной нотѣ своимъ прекраснымъ, глубокимъ голосомъ поэму объ умершихъ въ снѣгу цвѣтахъ, умирающихъ отъ голода птицахъ и о бѣломъ призракѣ перваго мороза. Большинство пѣсенъ Баррэ было написано на одной или, самое большее, на двухъ нотахъ, и только подъ конецъ появлялась маленькая томная мелодія, поражавшая слушателя въ то время, когда онъ уже терялъ всякую надежду что-нибудь услышать. Пѣвцы, исполнявшіе эти образцовыя произведенія, говорили речитативомъ до появленія мелодіи, а тогда начинали пѣть со всей силой, чтобы доказать, что у нихъ есть настоящій голосъ. И такъ какъ Баррэ всегда старался подбирать красивыя слова, то каждый разъ всѣ приходили въ восторгъ и говорили, что человѣкъ, умѣющій такъ заинтересовать мелодіей на одной нотѣ, долженъ быть геніальнымъ. На этотъ разъ мертвые цвѣты, умирающія птицы и морозъ были изображены речитативомъ, а маленькая мелодія приберегалась для появленія „Господа Бога“, съ дождемъ для цвѣтовъ и крошками, очевидно неземного происхожденія, для ослабѣвшихъ воробьевъ и краснощекъ.

Лэди Кэриль стояла въ толпѣ и не опускала своихъ спокойныхъ блестящихъ сѣрыхъ глазъ подъ пристальнымъ взглядомъ пѣвца. Сэръ Рёбенъ и Обрэ наблюдали за нею одинаково внимательно, но съ различными чувствами. Подъ конецъ пѣсни великолѣпный голосъ monsieur Анно наполнилъ комнату, и всѣ присутствовавшія женщины затрепетали отъ чувственнаго волненія, м-ссъ Паркинсонъ заплакала, а накрашенныя щеки лэди Сэнтъ-Орминъ заблестѣли въ пылу восторга. Одна лэди Кэриль,

для которой собственно и предназначалась пѣсня, оставалась вполнѣ равнодушной.

Когда замерла послѣдняя нота, она сказала сэру Рёбену:

— Я думаю, мама была права. Изъ monsieur Анно вышелъ бы удивительный Иродъ. Роль Господа Бога ему не особенно подходитъ.

— У васъ есть нервы?—проговорилъ онъ съ неподдѣльнымъ изумленіемъ.

— Какой странный вопросъ! Я думаю, что есть. Почему вы меня спрашиваете?

— Взгляните кругомъ, посмотрите на всѣхъ этихъ женщинъ.

Она оглянулась вокругъ себя.

Всѣ лица застыли послѣ заключительныхъ аккордовъ Баррэ и все еще сохраняли возбужденное выраженіе, обнажающее глубоко скрытые инстинкты дикаря въ цивилизованномъ человѣкѣ. На многихъ лицахъ скулы какъ-то неестественно выдались, а губы раскрылись отъ учащеннаго дыханія. По виду этихъ женщинъ легко было судить объ успѣхѣ monsieur Анно.

Медленно оглядѣвъ присутствовавшихъ, лэди Кэриль сказала сэру Рёбену:

— Ну и что же?

— А теперь посмотрите на себя въ зеркало.

Зеркало, въ которомъ разсматривалъ себя Араки, находилось какъ разъ возлѣ нея. Она повернулась къ нему и увидала свое бѣлое лицо.

— Вы хотите сказать, что у меня не такой видъ, какъ у нихъ, но вѣдь мнѣ никогда не бываетъ жарко, — проговорила она совершенно спокойно.

— Вамъ никогда не бываетъ жарко, да никогда и не будетъ. Никакіе тропики не въ состояніи на васъ повліять.

— Сэръ Рёбенъ, вы говорите обо мнѣ съ такою увѣренностью, какъ будто давно и хорошо меня знаете.

— А вы знаете, — возразилъ онъ, — съ чего началась моя карьера?

— Нѣтъ.

— Я былъ продавцомъ брилліантовъ.

Молодая дѣвушка вдругъ пристально, съ живымъ интересомъ посмотрѣла на его истощенное и морщинистое лицо. Ея нѣжныя, тонкія губы полураскрылись, и она собиралась что-то сказать.

— Почувствовали вы мою силу, лэди Кэриль?—раздался голосъ monsieur Анно.

Онъ пробрался къ ней отъ рояля, несмотря на шумныя

мольбы лэди Сэнтъ-Орминъ и другихъ дамъ, просившихъ его спѣть еще пѣсню о монахинѣ, нарушившей свои обѣты съ хорошенькимъ Пьеррò.

Все оживленіе мгновенно исчезло съ лица молодой дѣвушки.

— У васъ прекрасный голосъ,—проговорила она.

— Голосъ? Не въ этомъ дѣло. Вы чувствовали, когда я пѣлъ, мою душу, мою волю, меня самого?

— Какимъ образомъ? Сердцемъ, какъ ребенокъ, или нервами, какъ вся эта толпа?

Онъ наклонился къ ней своимъ любимымъ движеніемъ, похожимъ на страстное объятіе, сдерживаемое только глупыми свѣтскими приличіями.

— И тѣмъ, и другимъ,—проговорилъ онъ.

— Я не думаю, чтобы у меня были нервы, — сказала она холодно и взглянула на сэра Рёбена.

— А сказать вамъ по правдѣ, что я думала все время, пока вы пѣли, monsieur Анно?—проговорила она съ лукавой улыбкой.

— Пожалуйста скажите! — сказалъ онъ, скрестивъ свои огромныя руки и пристально глядя ей въ глаза.

— Я думала, что вы имѣете весьма смутное понятіе о Господѣ Богѣ, а голосъ вашъ—одинъ изъ лучшихъ въ Европѣ.

Въ эту минуту къ нимъ подошла м-ссъ Паркинсонъ и стала осыпать пѣвца восторженными похвалами. Онъ моментально перевелъ на нее свои страстные взоры,—она была чрезвычайно богата и устроивала фэшенебельные музыкальные вечера, на которыхъ присутствовали члены королевской фамиліи. Лэди Кэриль осталась съ сэромъ Рёбеномъ и къ нимъ вскорѣ подошелъ Обрэ.

— Не пойдете ли вы теперь со мною?—сказалъ онъ ей тихо. —Пойдемте выпить чашку чая въ чайный домикъ.

— Хорошо,—отвѣтила она.—Сэръ Рёбенъ, я сама вамъ хочу показать нашъ чайный домикъ. Вы должны мнѣ сказать, такъ ли у насъ красиво, какъ въ чайныхъ домикахъ въ Японіи.

Лицо Обрэ точно окаменѣло, но она, казалось, не замѣчала этого. Она была возбуждена болѣе обыкновеннаго.

Когда они пересѣкли лужайку, то она сказала:

— Я чувствую себя по семейному между крестникомъ и крестнымъ отцомъ. Подарили вы м-ру Геррику серебряную ложечку, сэръ Рёбенъ?

— Нѣтъ еще.

— Ну, такъ собираетесь подарить?

— Можетъ быть, если подъ серебряной ложечкой вы разумѣете дружескую услугу, — сказалъ онъ, какъ бы намекая на

что-то; но Обрэ не замѣтилъ этого; онъ весь былъ поглощенъ своимъ чувствомъ. Они прошли мимо кустовъ и находившагося за ними пруда. Красноватыя золотыя рыбки безпрерывно плавали тамъ кругомъ, открывая и закрывая мягкіе рты и глядя передъ собой выпуклыми безсмысленными глазами. Обрэ посмотрѣлъ на нихъ. Ихъ яркія тѣла сверкали какъ огонь, но, несмотря на это, какія онѣ были холодныя! Эта мысль ярко вспыхнула въ его головѣ, онъ самъ не зналъ—почему.

— Эти рыбы похожи на движущіеся драгоцѣнные камни. У нихъ такой же живой огненный цвѣтъ, — сказалъ сэръ Рёбенъ.

— Да,—отвѣчала лэди Кэриль.—Мнѣ всегда кажется, что онѣ теплыя, если ихъ тронуть.

— А онѣ все-таки холодныя,—проговорилъ онъ, вспоминая то ощущеніе, которое онъ испыталъ, пожимая въ первый разъ ея руку.

Чайный домъ, маленькое и низкое деревянное строеніе съ остроконечной соломенной крышей, раздѣлялся на четыре комнаты, въ каждой изъ которыхъ были разставлены столики. Когда они подошли къ домику, то онъ казался совершенно пустымъ, и Обрэ почувствовалъ на мгновеніе холодную злобу къ своему крестному отцу. Но, войдя, они убѣдились, что ошиблись. Въ первой комнатѣ, за чашкою чая, извѣстный теноръ разыгрывалъ Фауста, выбравъ Маргаритой хорошенькую русскую княгиню, мужъ которой только и дѣлалъ всю жизнь, что бралъ ванны отъ какихъ-то сложныхъ болѣзней. Въ слѣдующей комнатѣ маленькій пасторъ разсказывалъ смѣшную исторію опереточной пѣвицѣ. Въ третьей—пожилой судья, ненавидѣвшій Вагнера, давалъ совѣты и объяснялъ законы красавицѣ, собиравшейся развестись съ мужемъ. Наконецъ, въ четвертой комнатѣ еврейка въ розовомъ платьѣ лорнировала молодого художника, сидѣвшаго возлѣ нея. Онъ тихо говорилъ ей, что ея портретъ могъ бы составить его карьеру.

— Какъ всѣ любятъ чай!—сказала лэди Кэриль, въ четвертый разъ граціозно отступая отъ двери.—Пожалуй намъ придется его пить на воздухѣ.

Но въ эту самую минуту маленькій пасторъ и пѣвица порывисто выскочили изъ своей комнаты и исчезли съ звонкимъ взрывомъ смѣха.

— Какъ это мило со стороны м-ра Себастіана! — сказала лэди Кэриль, входя въ оставленную комнату.—Онъ долженъ вернуться въ городъ къ восьмичасовой службѣ. Миссъ Дэзи Геріотъ поетъ у него сегодня вечеромъ: „Блаженны чистые сердцемъ".

Она сѣла за круглый столъ у окна, и имъ подали чай. Чашка слабо звякнула, когда лакей ставилъ серебряный подносъ на столъ. Вокругъ все стало тихо.

— Любите ли вы тишину? — спросилъ сэръ Рёбенъ у лэди Кэриль.

Она подала ему чашку.

— Не особенно,—отвѣчала она.—А вы, м-ръ Геррикъ?

— Я люблю,—готовъ былъ отвѣтить Обрэ, но удержался и сказалъ:

— Тишина—такая рѣдкость для меня, что я, въ сущности, не имѣю о ней понятія.

— А я годами жилъ въ тишинѣ, — проговорилъ сэръ Рёбенъ:—на морѣ, въ моей яхтѣ, странствуя съ караванами, въ моемъ мавританскомъ саду въ Танжерѣ.

— Почему вы такъ долго не возвращались въ Англію? — спросила нѣсколько безцеремонно молодая дѣвушка. — Что̀ сталось за это время съ вашими брилліантами?

Обрэ сдѣлалъ невольное движеніе.

— Я распродалъ мои брилліанты много лѣтъ назадъ,—отвѣчалъ сэръ Рёбенъ.—А на Востокѣ я былъ у себя на родинѣ,—продолжалъ онъ. — Вы вѣдь знаете, что я не англичанинъ. Въ моихъ жилахъ течетъ восточная кровь, и я чувствую себя дома въ такихъ мѣстахъ и съ такими людьми, которые бы васъ испугали.

— О, нѣтъ!—Лэди Кэриль слегка мѣшала ложечкой чай.

— Во всякомъ случаѣ, привычки и образъ жизни этихъ людей возбудили бы въ васъ отвращеніе.

— Вы думаете, что это могло бы случиться, послѣ всѣхъ привычекъ и обычаевъ цивилизованнаго общества?...

— Вы забываете, что у меня есть мужъ, Гиксонъ!—раздался голосъ еврейки въ розовомъ платьѣ, проходившей вмѣстѣ съ художникомъ въ садъ.

— Не можете ли и вы это забыть?—возразилъ тотъ.—Подумайте только, что̀ значилъ бы для меня такой успѣхъ! Почему же...—Ихъ голоса замерли.

— Вы очень саркастичны, лэди Кэриль,—сказалъ сэръ Рёбенъ.

— Я—саркастична?—она проговорила это съ спокойнымъ удивленіемъ. И Обрэ страстно захотѣлось сказать сэру Рёбену, что лэди Кэриль говорила въ простотѣ и безъ всякаго сарказма, точно такъ же, какъ не поняла его намека на любовь въ Гайдъ-Паркѣ.

„Какъ онъ можетъ, глядя ей въ лицо,—думалъ юноша,—

предполагать, что она понимаетъ истинное значеніе всего того, что происходитъ вокругъ нея! Она—бѣлый цвѣтокъ, и всѣ лепестки этого цвѣтка сложены и покоятся въ чистомъ снѣ".

— Слушайте! — проговорила лэди Кэриль и подняла свою маленькую бѣлую руку. Въ нѣкоторомъ разстояніи отъ нихъ раздался глубокій голосъ monsieur Анно. Онъ пѣлъ „Crépuscule", послѣднюю изъ двухъ пѣсенъ Баррэ. Вечеръ тихо спускался. Они сидѣли молча.

— Выйдемъ теперь, пойдемте на воздухъ,—предложила лэди Кэриль, когда первый куплетъ замолкъ.

Теперь голосъ пѣвца звучалъ ближе къ нимъ и казался еще прекраснѣе. У ихъ ногъ разстилалась вода, въ которой безмолвно плавали сверкающія рыбы, и Обрэ наблюдалъ, какъ ихъ блестящія тѣла тускнѣли, уходя въ густую тѣнь. Пѣсня кончилась. Раздался рѣзкій звукъ гонга.

— Это звонятъ къ обѣду!—сказала лэди Кэриль.—Пока мы будемъ обѣдать, освѣтятъ садъ.

Гости лэди Сэнтъ-Орминъ, дождавшіеся обѣда, усѣлись за небольшіе столы, по восьми человѣкъ за каждый столъ. Обрэ пригласилъ американскую поэтессу и сѣлъ противъ лэди Кэриль, возлѣ которой помѣстился monsieur Анно. Сэръ Рёбенъ обѣдалъ за столомъ лэди Сэнтъ-Орминъ. Американская поэтесса была премилое существо, съ мягкими, бѣлыми какъ снѣгъ волосами и блестящими наблюдательными карими глазами. Она много путешествовала, много страдала и, подобно всѣмъ милымъ женщинамъ съ нѣжной душою и много страдавшимъ, она любила молодежь. Она старалась угадать будущность каждаго молодого существа, надѣялась и боялась за него, и страстно желала охранить его чистоту и тотъ свѣтъ, подобный утренней зарѣ, который свѣтится въ глазахъ и сердцахъ молодежи. Она раньше никогда не встрѣчалась съ Обрэ и съ нимъ вообще было трудно разговаривать. Во многихъ отношеніяхъ онъ походилъ на своего отца, британскаго аристократа, до мозга костей. М-ссъ Рекиттъ,—Адель Рекиттъ, какъ ее всегда называла читающая публика,—пробовала съ нимъ разговаривать о разныхъ вещахъ, но онъ отвѣчалъ мрачно и разсѣянно. И все-таки онъ ей нравился. Ей нравилась особенная, окружавшая его, атмосфера. Она быстро угадывала характеры и еще быстрѣе ихъ чувствовала. И очень скоро, стараясь отыскать причину страннаго настроенія Обрэ, она поняла, что причиной этого былъ monsieur Анно.

Monsieur Анно былъ одинъ изъ многихъ мужчинъ, думающихъ дурно о всѣхъ женщинахъ. Тѣхъ, которые старались по-

колебать его мнѣніе, онъ называлъ притворщиками, и считалъ себя лучше ихъ, потому что былъ правдивѣе. Необыкновенно одаренный отъ природы, онъ обладалъ благороднымъ голосомъ и наружностью, которую тоже можно было бы назвать благородной, еслибы въ ней не было чего-то порочнаго. Музыкальность соединялась въ немъ съ живымъ темпераментомъ. Когда онъ пѣлъ, то умѣлъ чувствовать и чувствовалъ, что̀ пѣлъ, хотя не всегда такъ, какъ это было нужно. Но и въ пѣніи его сказывалась чувственная натура. Когда онъ пѣлъ о Господѣ Богѣ, онъ думалъ о женщинѣ или вообще о комъ-нибудь, кого хотѣлъ очаровать, и онъ сдѣлалъ больше зла своимъ пѣніемъ, чѣмъ всѣ дьявольскія ухищренія, изобрѣтенныя цивилизаціей. Его постояннымъ желаніемъ было проявлять надъ кѣмъ-нибудь свою власть. Днемъ и ночью его преслѣдовала или какая-нибудь мысль, связанная съ этимъ желаніемъ, или какая-нибудь возникавшая изъ него надежда. Въ этотъ вечеръ онъ испытывалъ такое желаніе относительно лэди Кэриль, Обрэ зналъ это, а черезъ него и м-ссъ Рекиттъ. Хотя ея собесѣдникъ и казался спокойнымъ, вполнѣ владѣющимъ собою и даже холоднымъ, но она чувствовала, что онъ все время на сторожѣ и что онъ внутренно весь дрожитъ отъ остраго чувства гнѣва. М-ссъ Рекиттъ перенеслась мыслями за много лѣтъ назадъ, вспомнила человѣка, который все это переиспыталъ изъ-за нея, и Обрэ, не сознавая этого, сдѣлался ей близкимъ и понятнымъ.

— Слышали вы, какъ я вызывалъ сумерки?—тихо спросилъ monsieur Анно у лэди Кэриль.

— Да, даже природа покоряется вамъ. Васъ какъ зовутъ?

— Юлій.

— А не Орфей?

— Вы жестоки! Но мнѣ нѣтъ дѣла до сумерекъ, это—дѣло природы. Мнѣ важно только имѣть власть надъ людьми.

— Надъ оперной музыкой! Вотъ старая лэди Грумъ не пропускаетъ ни одного вечера, когда вы поете.

— Но вы многіе пропускаете.

— Въ Ковентъ-Гарденѣ бываетъ такъ жарко.

— А вы любите ночную прохладу и открытыя мѣста. Такъ пойдемте со мною послѣ обѣда. Мнѣ нужно...

М-ссъ Рекиттъ почувствовала, что ея сосѣдъ вздрогнулъ. Онъ поднесъ стаканъ къ губамъ, и она увидѣла, что его рука слегка дрожала. За столомъ лэди Орминъ раздался почти дикій взрывъ хохота. Кто-то возлѣ Обрэ сказалъ:

— Эти собранія у лэди Орминъ бываютъ всегда восхитительно веселыя.

И Обрэ почувствовалъ, какъ всѣ нервы въ немъ задрожали. Онъ старался не смотрѣть на monsieur Анно, но лихорадочное оживленіе, отражавшееся на необыкновенно выразительномъ лицѣ пѣвца, невольно привлекало его вниманіе. Это лицо было для него крайне ненавистно, но онъ сознавалъ его власть, его магнетическое вліяніе. И ему казалось, что такіе глаза должны взволновать сердце молодой дѣвушки самымъ сильнымъ чувствомъ, хотя бы чувствомъ отвращенія. Ему вспомнилась слышанная когда-то пѣсня: „Если ты спишь, дѣвушка, проснись! Встань и отвори твою дверь!“ Что, если monsieur Анно удастся разбудить эту милую спящую дѣвушку? Душевная боль Обрэ переходила въ физическое страданіе. Ему казалось, что обѣдъ тянется безъ конца, потому что онъ тоже рѣшилъ, что станетъ дѣлать по окончаніи его.

— Ночью должно быть очень хорошо въ этомъ саду,—раздался пріятный голосъ м-ссъ Рекиттъ, обращенный къ нему. Онъ машинально обернулся къ ней.

— Да, и сегодня будетъ луна.

— Вы любите деревню?

— Не знаю. Иногда. Я очень люблю стрѣльбу и охоту.— Потомъ онъ прибавилъ небрежно:—А вы?

— Я люблю покой, люблю животныхъ и люблю думать,— слѣдовательно, люблю и деревню. Трудно думать въ толпѣ.

— Вы это находите?—спросилъ Обрэ съ внезапнымъ оживленіемъ, которое выдало его собственныя мысли.

— Т.-е., я хочу сказать, правильно думать,—отвѣтила она.— Конечно, часто умъ очень быстро работаетъ среди шума и многолюдства, но намъ нужна тишина, чтобы отыскать ошибки нашего мышленія, равно какъ мы нуждаемся въ страданіяхъ, чтобы отыскать ошибки въ нашемъ поведеніи.

Обрэ въ первый разъ посмотрѣлъ ей въ лицо съ внимательнымъ любопытствомъ. Легкія кольца пара поднимались надъ маленькими столами,—всѣ пили кофе.

Послѣдовало общее движеніе. Мужчины начали закуривать сигары. Всѣ дамы обѣдали въ шляпахъ. Теперь нѣкоторыя изъ нихъ надѣли на плечи свѣтлыя накидки. Примадонна, съ помощью толстаго юноши, завязала кружево вокругъ горла, служившаго ей источникомъ доходовъ, и отправилась смотрѣть, какъ зажигаютъ факелы для велосипедной гонки.

Лордъ Сэнтъ-Орминъ похлопывалъ по спинѣ сэра Рёбена,

въ чаяніи разговора объ одномъ дѣлѣ въ Сити, обѣщавшемъ большія выгоды. Араки украдкою устроивалъ свою прическу передъ зеркаломъ и пробовалъ новую улыбку для пѣсни, которую онъ долженъ былъ исполнить для лэди Сэнтъ-Орминъ. Улыбка не вышла. Онъ попробовалъ другую, болѣе злую, и пристально разсматривалъ ее съ безпокойнымъ и испытующимъ выраженіемъ въ глазахъ. Monsieur Анно наклонился къ лэди Кэриль:

— Какъ теперь очаровательно въ саду!

— Да, онъ похожъ на садъ Маргариты, и вамъ слѣдовало бы быть въ красномъ.

М-ссъ Рекиттъ всячески старалась дать возможность Обрэ уйти, не сдѣлавъ невѣжливости. Monsieur Анно и лэди Кэриль направились къ верандѣ и исчезли. На мгновеніе ихъ фигуры бросили темную тѣнь на лиловатые брызги фонтана и скрыли ихъ, но тотчасъ Обрэ увидѣлъ опять блестящую, переплетенную какъ кружево, водяную сѣть.

— Не хотите ли вы пойти въ садъ? — сказалъ онъ м-ссъ Рекиттъ спокойнымъ, но принужденнымъ голосомъ.—Всѣ идутъ...

— Хорошо, пойдемте,—отвѣчала она.— А потомъ мнѣ нужно найти лорда Сэнтъ-Орминъ. Я должна поговорить съ нимъ объ одномъ маленькомъ дѣлѣ.

Обрэ мысленно поблагодарилъ свою милую собесѣдницу, и они отправились.

Садъ былъ въ самомъ дѣлѣ поэтиченъ, и въ тихомъ ночномъ воздухѣ было что-то нѣжное и сказочное. Серебряная луна сіяла сухимъ блескомъ, поднимаясь надъ темной зеленью каштановъ. Легкіе порывы слабаго вѣтерка приносили медленно умиравшіе запахи цвѣтовъ. И съ этими запахами сливались воздушные и волнующіе своей таинственностью и страстностью ароматы всей природы, усиливающіеся въ ночные часы. Когда Обрэ и м-ссъ Рекиттъ вошли въ садъ, толстый юноша, никого не предупредивъ, пустилъ ракету, и всѣ женщины взвизгнули. Ракета взвилась надъ деревьями и разсыпалась прямо въ лицо луны. Потокъ золотыхъ искръ пролился внизъ дождемъ на черную зелень деревьевъ. Оглянувшись, Обрэ замѣтилъ, что онъ одинъ—и свободенъ. Его милая собесѣдница скрылась, воспользовавшись взрывомъ ракеты.

П. С.

ПРОМЫШЛЕННЫЕ УСПѢХИ ГЕРМАНІИ

I.

Какъ извѣстно, въ теченіе первыхъ десяти лѣтъ послѣ франко-нѣмецкой войны, счастливая побѣдительница Франціи, получившая пятимилліардную контрибуцію, обнаружила послѣ непродолжительнаго оживленія, всѣ признаки промышленнаго упадка, тогда какъ ея побѣжденная соперница выходила изъ пережитаго бѣдствія какъ бы возрожденной для новой борьбы уже на мирномъ полѣ культуры. „На почвѣ промышленности мы потерпѣли пораженіе, равное двумъ Седанамъ,—съ горечью замѣчалъ проф. Reulleaux, представитель Германіи въ жюри филадельфійской всемірной выставки 1876 г. Раньше думали, что объединенная и возрожденная Германія должна занять первое мѣсто на почвѣ промышленности и превзойдетъ прочія страны... Случилось же какъ разъ обратное: нѣмецкая индустрія производитъ предметы лишь плохого качества и малоцѣнные и нисколько не прогрессировала ни въ отношеніи вкуса, ни въ области изобрѣтеній“ [1]). Но прошло еще 10—15 лѣтъ, и объединенная Германія обратила своими успѣхами общее на себя вниманіе; а теперь въ отношеніи быстроты развитія промышленности съ нею могутъ соперничать только Соединенные Сѣверо-Американскіе Штаты.

Въ литературѣ еще, къ сожалѣнію, не имѣется сколько-нибудь обстоятельной исторіи этихъ успѣховъ. А между тѣмъ такая

[1]) Жоржъ Блондель. „Промышленный подъемъ Германіи“, стр. 193.

исторія представляла бы большой интересъ и въ смыслѣ уясненія нѣкоторыхъ положеній теоретической экономіи, и въ виду той аналогіи, какую можно было бы провести между Германіей и Россіей,—какъ извѣстно, тоже выражающей претензію считаться быстро прогрессирующей (въ промышленномъ, конечно, отношеніи) страной. Отсутствіе полныхъ систематизированныхъ и разработанныхъ данныхъ не мѣшаетъ, однако, писателямъ останавливаться на вопросѣ о причинахъ быстрыхъ промышленныхъ успѣховъ Германіи и намѣчать кое-какія черты этого интереснаго процесса. Однимъ изъ интереснѣйшихъ предметовъ является вопросъ о томъ, куда помѣщаетъ Германія—въ нашъ вѣкъ общаго, казалось бы, перепроизводства товаровъ—всю ту массу продуктовъ, какая является результатомъ быстро развивающейся промышленности страны, имѣющей 50 милліоновъ населенія. На этомъ вопросѣ мы и хотимъ остановить нѣсколько вниманіе читателя.

Французскіе авторы, пишущіе о Германіи,—какъ на одну изъ причинъ ея большихъ промышленныхъ успѣховъ сравнительно съ Франціей—указываютъ на быстрый ростъ ея населенія. Хотя въ этомъ обстоятельствѣ нельзя не видѣть отраженія особыхъ условій, въ какихъ, въ указанномъ отношеніи, находится сама Франція, тѣмъ не менѣе нужно согласиться съ тѣмъ, что увеличеніе населенія вообще есть факторъ, благопріятствующій экономическому прогрессу, особенно если, по условіямъ даннаго момента, это увеличеніе ведетъ къ перетасовкѣ населенія и къ измѣненію установившагося отношенія между различными промышленными отраслями. А это именно и имѣло мѣсто въ послѣднее время въ Германіи, о чемъ можно судить даже простымъ сравненіемъ данныхъ двухъ послѣднихъ переписей населенія.

Съ 1882 по 1895 г. населеніе Германіи возросло съ 45.221 до 51.770 тыс. душъ, т.-е. на 6.549 тыс. человѣкъ, или на 14%, и не только все это приращеніе населенія пошло на усиленіе промышленныхъ классовъ, но послѣдніе оттянули къ себѣ и 724 тыс. земледѣльческаго населенія. Такимъ образомъ, число лицъ сельско-хозяйственныхъ профессій, за разсматриваемыя 13 лѣтъ, уменьшилось съ 19.225 тыс. до 18.501 тыс.; число же лицъ промышленныхъ классовъ возросло съ 26 милл. до 33 милл. 270 тыс., т.-е. на 7 милл., 270 тыс. чел., или на 28%. Изъ этого видно, что промышленный классъ умножался вдвое быстрѣе, нежели все населеніе страны; а такъ какъ промыслы сосредоточиваются, главнымъ образомъ, въ крупныхъ поселеніяхъ, то въ томъ же, приблизительно, отношеніи (т.-е. на 2% въ годъ) росли

за разсматриваемое время и города. И дѣйствительно, изъ 28 городовъ Германіи съ населеніемъ выше 100 тыс. душъ, въ теченіе пятилѣтія 1885—90 гг. 22 города увеличивались даже значительно быстрѣе, нежели на 2% въ годъ, а въ теченіе слѣдующихъ пяти лѣтъ такимъ темпомъ возростало населеніе 18-ти городовъ; въ общемъ же, для всѣхъ этихъ городовъ населеніе увеличивалось въ это пятилѣтіе, въ среднемъ, на 2% въ годъ. Въ предшествующее пятилѣтіе это возростаніе (относительное) было значительно быстрѣе. Равнымъ образомъ и въ пятилѣтіе 1895—1900 гг.,—какъ показала перепись, произведенная въ концѣ прошлаго года,—населеніе 28-ми крупнѣйшихъ городовъ возростало значительно быстрѣе, нежели въ 1890—95 гг., а именно на 3 1/2% въ годъ. Въ этотъ же промежутокъ времени къ 28-ми городамъ, имѣющимъ болѣе 100 тыс. жителей, прибавилось таковыхъ еще пять [1]).

„Нигдѣ въ Европѣ мы не найдемъ примѣра столь быстраго роста городовъ,—говоритъ по этому поводу Жоржъ Блондель;—аналогичное явленіе представляютъ только Соединенные-Штаты, съ ихъ чудовищнымъ ростомъ такихъ городовъ, какъ Чикаго, и внезапнымъ появленіемъ новыхъ съ 150 тыс. жителей. На берегахъ Атлантическаго океана и въ долинѣ нижняго теченія Миссисипи города прогрессируютъ съ такой же быстротой, какъ и въ Германіи". Берлинъ, напр., за послѣднія 20 лѣтъ выросъ болѣе, чѣмъ Нью-Іоркъ: второй увеличился на 76%, а первый на 90% [2]). Столь быстрое увеличеніе городского населенія требовало, конечно, соотвѣтствующаго роста жилыхъ помѣщеній, вслѣдствіе чего послѣднее пятнадцатилѣтіе должно было отличаться широкимъ развитіемъ строительной дѣятельности въ городахъ, а слѣдовательно и особеннымъ развитіемъ тѣхъ отраслей производства, которыя приготовляютъ строительные матеріалы и принадлежности. Объ этомъ усиленіи строительной дѣятельности можно судить потому, что тогда какъ все населеніе Германіи возросло за разсматриваемое тринадцатилѣтіе, какъ мы видѣли выше, на 14%, а численность лицъ промышленнаго класса — на 28%, число лицъ, занятыхъ въ строительной промышленности, увеличилось съ 533 тыс. до 1.045 тыс., т.-е. на 512 тыс. или на 96%. Не все это возростаніе строительной промышленности, конечно, вызвано увеличеніемъ городского населенія; какъ увидимъ ниже—было много другихъ обстоятельствъ, способствовавшихъ

[1]) „Изъ экономической жизни западной Европы", стр. 21—23. „Вѣстн. Финансовъ, Пром. и Торговли". 1900, № 52.

[2]) „Торгово-промышленный подъемъ Германіи", стр. 16.

развитію этой промышленности. Тѣмъ не менѣе, на основаніи всѣхъ вышеприведенныхъ данныхъ, мы имѣемъ право заключить, что однимъ изъ источниковъ быстраго возростанія въ послѣднее время внутренняго спроса Германіи на продукты ея промышленной дѣятельности было усиленіе строительства, вызванное переселеніемъ ея жителей изъ деревень въ города.

Еще въ большей, вѣроятно, степени содѣйствовало возростанію этого спроса преобразованіе промышленности Германіи въ крупную форму. О быстротѣ этого преобразованія можно судить потому, что всѣ 2 милл. 60 тыс. человѣкъ, усилившихъ въ теченіе разсматриваемаго періода категорію лицъ, занятыхъ въ обработывающей промышленности вмѣстѣ съ горнозаводской и строительнымъ дѣломъ, падаютъ на среднія (занимающія 6—50 рабочихъ) и крупныя (занимающія болѣе 50 рабочихъ) предпріятія. При этомъ замѣчается, что чѣмъ крупнѣе предпріятія, тѣмъ быстрѣе они выросли; въ общемъ же личный составъ среднихъ предпріятій увеличился на 76%, а крупныхъ—на 87%. Мелкія же предпріятія потеряли 2,5% занятыхъ въ нихъ лицъ. Исключая строительное дѣло и ограничиваясь отраслями собственно производства товаровъ, мы увидимъ, что въ главнѣйшихъ изъ этихъ отраслей (обнимающихъ 75—80% числа занятыхъ производствомъ товаровъ лицъ) личный персоналъ участниковъ въ мелкихъ предпріятіяхъ сократился на 1—40%, въ среднихъ увеличился на 14—119%, и въ крупныхъ—на 29—162% [1]).

Итакъ, въ экономической исторіи Германіи послѣднихъ 15—20 лѣтъ наблюдается быстрое преобразованіе мелкаго производства въ крупное. Но что̀ значитъ преобразованіе формы производства?

Характерной его чертой въ новѣйшее время является даже не столько увеличеніе личнаго состава участвующихъ въ предпріятіяхъ лицъ, сколько замѣна ручныхъ орудій машинами и личной двигательной силы—механической. Такъ, въ теченіе періода времени, который мы нынѣ разсматриваемъ, число механическихъ лошадиныхъ силъ въ германской промышленности возросло съ 1 до 3, 4 милліоновъ, т.-е. почти въ $3^1/_2$ раза. Внѣшній строй крупной фабрично-заводской промышленности отличается поэтому отъ строя мелкаго производства тѣмъ, что въ первомъ относительно гораздо бо̀льшая часть капитала затрачена на оборудованіе предпріятій, т.-е. на зданія, машины, паровые и другіе двигатели и т. п. А если такъ, то преобразованіе мелкой про-

[1]) Ж. Блондель, ibid., стр. 280—282.

мышленности въ крупную само должно возбуждать производительную дѣятельность, приготовляющую строительные матеріалы и предметы оборудованія фабрикъ, и пока совершается это преобразованіе, масса производительныхъ силъ страны обращается на тѣ отрасли промышленности, результатомъ которыхъ будутъ не продукты непосредственнаго потребленія населенія, а предметы, которые пойдутъ еще на новое производство въ качествѣ строительныхъ матеріаловъ, матеріаловъ для приготовленія машинъ, рельсовъ, паровыхъ котловъ и т. п. Пока совершается этотъ процессъ сооруженія новыхъ техническихъ, болѣе совершенныхъ промышленныхъ и транспортныхъ предпріятій—страна можетъ проявлять признаки значительнаго оживленія промышленности. Но когда оборудованіе новыхъ предпріятій настолько подвинется впередъ, что на первый планъ должно выступить производство предметовъ непосредственнаго потребленія,—продолженіе описаннаго оживленія промышленности или даже средній темпъ производства возможенъ будетъ лишь въ томъ случаѣ, если внутренній спросъ на эти продукты окажется возросшимъ соотвѣтственно увеличенію производительности самыхъ предпріятій, или если страна будетъ имѣть обезпеченный сбытъ своимъ товарамъ на внѣшніе, иноземные рынки. Въ Германіи, какъ мы увидимъ ниже, имѣло мѣсто, главнымъ образомъ, это послѣднее явленіе, и самое преобразованіе ея промышленности въ значительной степени обусловливалось развитіемъ внѣшней торговли по сбыту предметовъ непосредственнаго потребленія и матеріаловъ для построекъ и оборудованія промышленныхъ предпріятій. Безъ этого обстоятельства промышленное оживленіе Германіи было бы гораздо скромнѣе и сопровождалось бы, вѣроятно, довольно крупными бѣдствіями для мелкихъ производителей, которые только частью привлекались бы къ работѣ на новыхъ крупныхъ предпріятіяхъ, частью же не находили бы сколько-нибудь обезпечивающаго ихъ заработка. Это мы заключаемъ изъ того, что, несмотря даже на успѣхи вывоза изъ Германіи продуктовъ ея промышленности, назначенныхъ для непосредственнаго потребленія (и на увеличеніе заработковъ рабочихъ, вслѣдствіе быстраго развитія промышленности вообще), число лицъ, занятыхъ въ этихъ отрасляхъ (въ томъ числѣ писчебумажное производство, кожевенное, приготовленіе пищевыхъ продуктовъ, освѣтительныхъ матеріаловъ и т. д.), не увеличилось и на 20%, а въ главнѣйшихъ изъ этихъ отраслей промышленности—текстильной и приготовленія одежды (занимающихъ въ совокупности 2.383 тыс. человѣкъ)—число рабочихъ не увеличилось, за разсматриваемое время, даже въ размѣрахъ

роста всего населенія страны: послѣднее обнаруживаетъ, какъ мы видѣли, приращеніе въ 14%, а первые—менѣе, нежели въ 10%.

Въ противоположность тому, что наблюдается въ области производства предметовъ непосредственнаго потребленія—промышленныя отрасли, готовящія, главнымъ образомъ, матеріалы и принадлежности строительнаго дѣла и оборудованія фабрикъ, заводовъ, желѣзныхъ дорогъ и т. п., обнаруживаютъ очень быстрое развитіе. Такъ, число рабочихъ въ горномъ дѣлѣ увеличилось на 106 тыс. или на 24%, занятыхъ обработкой дерева—на 30%, металловъ—на 180 тыс. или на 40%; въ керамическихъ производствахъ—на 209 тыс. или на 60%; въ производствѣ машинъ и инструментовъ—на 226 тыс. или на 64%. Во всѣхъ пяти названныхъ крупныхъ отдѣлахъ промышленности число занятыхъ лицъ возросло, за 13 лѣтъ, съ 2.065 тыс. до 2.914 тыс., т.-е. на 850 тыс. или на 41%. Это возростаніе слишкомъ въ два раза превосходитъ приростъ личнаго персонала въ промышленныхъ отрасляхъ, приготовляющихъ продукты общаго потребленія.

Итакъ, въ теченіе послѣднихъ 15—20 лѣтъ въ Германіи быстро идетъ впередъ процессъ техническаго оборудованія страны соотвѣтственно новѣйшимъ условіямъ производства. Этотъ процессъ требуетъ большихъ массъ строительныхъ матеріаловъ и принадлежностей, на производство которыхъ и направляется, главнымъ образомъ, какъ естественный приростъ населенія, такъ и рабочіе мелкихъ заведеній, вытѣсненныхъ фабрикой. Благодаря такому усиленному требованію предметовъ для техническаго оборудованія, промышленность Германіи въ этотъ переходный моментъ освободилась отъ зависимости отъ спроса на предметы непосредственнаго потребленія и могла бы проявлять признаки нѣкотораго процвѣтанія даже при неподвижности такого спроса. Но въ дѣйствительности подъемъ заработной платы оживилъ требованія рынка и на продукты массоваго потребленія, и этимъ оживленіемъ спроса поддерживались тѣ крупныя фабрики, готовящія соотвѣтствующіе продукты, сооруженіе которыхъ взамѣнъ мелкихъ предпріятій, между прочимъ, и породило наблюдаемый нами процессъ промышленныхъ успѣховъ Германіи. Но что внутренняго спроса на эти предметы недостаточно для поддержанія ихъ производства въ размѣрахъ, соотвѣтствующихъ росту фабрикъ и заводовъ, видно изъ того, что именно въ этихъ отрасляхъ промышленности (напр. текстильной) и раздаются уже жалобы на перепроизводство товаровъ. А что внутренняго рынка вообще становится менѣе и менѣе достаточно для потребленія

всего, производимаго Германіей (несмотря на то, что ея производство направлено, главнымъ образомъ, на ея же собственное оборудованіе, результаты котораго въ смыслѣ массы продуктовъ, ищущихъ потребителя, въ полной мѣрѣ проявятся только впослѣдствіи)—видно изъ тѣхъ усилій, какія она дѣлаетъ для пріобрѣтенія внѣшнихъ рынковъ, и изъ успѣховъ, достигнутыхъ ею на этомъ пути. Къ этому вопросу мы теперь и переходимъ.

II.

По развитію внѣшней торговли, Германія до послѣднихъ лѣтъ занимала второе мѣсто среди цивилизованныхъ націй: выше ея стояла только Великобританія; остальныя же торгово-морскія державы — Голландія, Франція и Сѣверо-Американскіе Соединенные Штаты — слѣдовали уже за Германіей. Впереди другихъ націй Германія находится и въ отношеніи быстроты развитія внѣшней торговли. За десятилѣтіе 1886—1896 гг. общій оборотъ ея спеціальной (т.-е. по вывозу продуктовъ мѣстнаго производства и по ввозу предметовъ, назначенныхъ для внутренняго потребленія, а не для вывоза въ другія страны) торговли увеличился съ 5.873 милл. марокъ до 7.833 милл., т.-е. поднялся на 1.960 милл. марокъ, или на 33%. Торговля трехъ другихъ величайшихъ торговыхъ державъ измѣнилась въ это время слѣдующимъ образомъ: въ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ она увеличилась на 26%, въ Великобританіи—на 19%, а во Франціи нѣсколько сократилась. Только торговля Голландіи поднялась въ это время на 45%.

Но чтобы правильнѣе оцѣнить успѣхи Германіи, нужно сравнить ее съ другими промышленными націями въ тотъ періодъ времени, когда борьба за рынки сдѣлалась особенно острой. Въ теченіе восьмидесятыхъ годовъ вывозъ всѣхъ главнѣйшихъ государствъ увеличивался, а съ 1891 г. начался упадокъ вывоза, смѣнившійся затѣмъ новымъ ея ростомъ. Окончательнымъ же итогомъ этихъ колебаній было то, что съ 1890 по 1896 гг. Австріи удалось только сохранить свой экспортъ, Франція и Англія потеряли 9% его, Германія же и Голландія пріобрѣли: 6% (первая) и 23% (вторая); вывозъ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ увеличился всего на 2%. Наибольшіе успѣхи, однако, сдѣланы Германіей въ три слѣдующіе года: въ 1898 г. вывозъ нѣмецкихъ товаровъ увеличился сравнительно съ 1896 г. на 240 милл. мар., тогда какъ англійскій экспортъ

сократился. Въ 1899 г. экспортъ германскій увеличился еще на 234 милліона марокъ; въ это время и Англія показала приращеніе вывоза на 20 милл. фунт. стерлинговъ. За періодъ же времени 1890—1899 гг., экспортъ нѣмецкихъ товаровъ поднялся на 663 милл. марокъ или на 20%; ввозъ чужихъ товаровъ въ Германію увеличился на 1.035 милл. марокъ; общій же оборотъ внѣшней торговли этой страны возросъ на 1.698 милл. марокъ. Ввозъ товаровъ въ Англію (по общей торговлѣ) увеличился, въ теченіе того же десятилѣтія, на 65 милл. фунт. стерл. или на 1.300 милл. марокъ; но такъ какъ вывозъ ея продуктовъ сократился на 200 милл. марокъ, то общій оборотъ внѣшней торговли этой величайшей торговой страны поднялся лишь на 1.100 милл. марокъ, что составляетъ $^2/_3$ подъема внѣшней торговли Германіи. Вывозъ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ ростетъ, за послѣдніе годы, быстрѣе германскаго, но такъ какъ ввозъ въ нее чужихъ продуктовъ остается, приблизительно, неизмѣннымъ, то по общему обороту ея внѣшняя торговля остается все-таки позади нѣмецкой [1]).

Внѣшняя торговля Франціи развивается еще медленнѣе англійской. Такъ, общій годовой оборотъ этой торговли (спеціальной) съ 1887—1891 по 1895—1899 гг. сократился съ 7.834 до 7.700 милл. фр.; а если исключить торговлю Франціи съ ея колоніями, то окажется, что ввозъ чужихъ товаровъ во Францію уменьшился за разсматриваемое время на 338 милл. франковъ, а вывозъ—на 51 милл. фр. Германія въ это время расширяла свою торговлю, и результатомъ этихъ двухъ противоположныхъ движеній было то, что разница между общимъ торговымъ оборотомъ Франціи и Германіи, составлявшая въ 1891 г. 820 милліоновъ въ пользу Германіи достигла въ послѣднее время 3 милліардовъ франковъ [2]).

Вышеприведенныя цифры даютъ намъ, поэтому, право заключить, что рѣшительное преобладаніе на внѣшнихъ рынкахъ получаютъ въ послѣдніе годы Германія и Сѣверо-Американскіе Соединенные Штаты, оттѣсняя болѣе и болѣе на задній планъ другія великія промышленныя державы европейскаго континента. Такимъ образомъ, въ отношеніи развитія внѣшней торговли, какъ и въ отношеніи роста городского населенія, Германія сближается съ молодымъ заатлантическимъ государствомъ.

Послѣ этихъ замѣчаній относительно общихъ итоговъ внѣш-

[1]) „Sixth annual abstract of labour statistics of the United Kingdom". „Вѣстникъ Финансовъ, Промышленности и Торговли". 1900 г., № 7.

[2]) „Вѣстникъ Финансовъ, Промышленности и Торговли", 1900 г., № 48.

ней торговли Германіи, перейдемъ къ разсмотрѣнію нѣкоторыхъ ея деталей.

Распредѣляя ввозимые въ Германію и вывозимые изъ нея товары на главнѣйшіе отдѣлы (приблизительно), мы увидимъ, что за время съ 1886 по 1896 г. ввозъ въ Германію питательныхъ (хлѣбъ, яйца, кофе) и другихъ продуктовъ сельскаго хозяйства (животныя, сѣмена клевера, табакъ, отруби) увеличился на 540 милл. марокъ (съ 624 милл. мар. до 1.164 милл. марокъ), ввозъ сырыхъ матеріаловъ поднялся на 702 милл. марокъ (съ 1.161 до 1.863 милл. марокъ), а ввозъ фабрикатовъ—лишь на 150 милл. марокъ (съ 1.000 до 1.150 милл. марокъ). Это значитъ, что Германія въ сильной степени развиваетъ у себя потребленіе чужеземныхъ продуктовъ сельскаго хозяйства и сырыхъ матеріаловъ и очень мало—готовыхъ продуктовъ чужихъ фабрикъ и заводовъ. Въ вывозѣ товаровъ наблюдаются иныя отношенія: наибольшіе успѣхи замѣчаются въ вывозѣ фабрикатовъ, увеличившемся на 436 милліоновъ марокъ; за ними слѣдуютъ сырые матеріалы, экспортъ которыхъ поднялся на 220 милл. марокъ; что же касается продуктовъ сельскаго хозяйства—вывозъ ихъ не только не увеличился, но даже сократился на 122 милл. марокъ.

Сказанное не лишне дополнить указаніемъ на тотъ фактъ, что изъ сырыхъ матеріаловъ Германія получаетъ изъ чужихъ странъ преимущественно продукты сельскаго хозяйства и лѣсоводства (которымъ принадлежитъ 60% стоимости ввозимыхъ сырыхъ матеріаловъ), и что 30% цѣнности вывозимаго ею сырья падаетъ на долю каменнаго угля и желѣза.

Изъ приведенныхъ свѣдѣній относительно внѣшней торговли Германіи мы имѣемъ право сдѣлать заключеніе, что на международномъ рынкѣ эта страна болѣе и болѣе выдѣляется своимъ промышленнымъ характеромъ: она предоставляетъ другимъ контрагентамъ производить для нея предметы сельскаго хозяйства, а на себя беретъ обработку матеріаловъ, доставляемыхъ ими, и добываніе разныхъ ископаемыхъ.

Эта роль Германіи еще яснѣе опредѣлилась въ послѣдующіе годы. Съ 1895 по 1899 гг. вывозъ германскихъ продуктовъ поднялся съ 3.318 до 3.991 милліоновъ марокъ, т.-е. на 673 милл. марокъ или на 20%. При этомъ вывозъ главнѣйшихъ ископаемыхъ и фабрично-заводскихъ издѣлій (желѣза, мѣди и издѣлій изъ нихъ, машинъ, каменнаго угля, деревянныхъ, гончарныхъ, гуттаперчевыхъ издѣлій, москательныхъ товаровъ, платья, галантереи, книгъ и т. п.) увеличился на 40% (съ

1.423 до 1.986 милл. марокъ), и цѣнность соотвѣтствующихъ предметовъ, составляя въ 1895 г. 43% общаго вывоза, поднялась въ 1899 г. до 50% [1]).

Чтобы лучше выяснить то значеніе, какое внѣшняя торговля Германіи имѣетъ для поддержанія ея промышленности, остановимся на главнѣйшихъ изъ экспортируемыхъ ею товаровъ.

По добычѣ каменнаго угля Германія занимаетъ третье мѣсто въ мірѣ (выше ея стоятъ Сѣверо-Американскіе Соединенные Штаты и Великобританія). Она добываетъ его въ 3½ раза болѣе, нежели Австро-Венгрія, въ 4 раза болѣе Франціи, въ 5½ разъ болѣе Бельгіи и въ 10 разъ больше Россіи. Это очень просто объясняется тѣмъ, что названный предметъ имѣетъ широкое примѣненіе внутри страны для отопленія жилыхъ помѣщеній и какъ источникъ двигательной силы быстро развивающейся крупной промышленности. Несмотря, однако, на широкое потребленіе внутри страны, нѣмецкій уголь вывозится и за границу. Въ теченіе 1894—1897 гг. онъ вывозился, въ среднемъ, въ количествѣ 800 милл. пуд. въ годъ, т.-е. въ количествѣ, значительно превышавшемъ всю добычу этого продукта въ Россіи. Хотя эти 800 милл. пуд. составляютъ лишь 12% общей добычи названнаго продукта въ Германіи, но, принимая во вниманіе широкій спросъ на уголь внутри страны,—вывозъ его въ указанномъ размѣрѣ нельзя не считать значительнымъ успѣхомъ нѣмецкой промышленности [2]).

Въ гораздо большей мѣрѣ работаетъ на вывозъ другая высоко развитая въ Германіи промышленность: добыча и обработка желѣза. По количественному развитію этой, какъ и каменноугольной промышленности, Германія занимаетъ мѣсто вслѣдъ за Сѣверо-Американскими Соединенными Штатами и Великобританіею. Въ теченіе 1893—1897 гг. ею добывалось, въ среднемъ, 374 милл. пудовъ чугуна въ годъ; вывозилось же его въ чужія страны—въ видѣ чугуна, желѣза и издѣлій изъ нихъ—134 милл. пудовъ въ годъ. Это количество на ⅓ превосходитъ массу всего добываемаго чугуна въ Россіи и составляетъ 36% добываемаго и переработываемаго чугуна въ Германіи. Если даже исключить изъ экспорта чугуна тѣ 25 милл. пудовъ, которые ежегодно ввозятся въ Германію въ видѣ желѣза и издѣлій изъ

[1]) „Statistical abstract for the principal and other foreign countries from 1886 to 1896.“ „Вѣстн. Финанс., Промышл. и Торговли“, 1900 г. №№ 7 и 24.

[2]) Впрочемъ, Германія сама получаетъ иностраннаго угля, въ среднемъ, 350 милл. пудовъ въ годъ, и, за вычетомъ этого количества, чистый вывозъ угля опредѣляется въ 450 милл. пудовъ.

него, послѣ чего вывозъ этого продукта опустится до 30% внутренняго производства, то и тогда окажется, что внѣшній рынокъ даетъ Германіи возможность почти въ 1½ раза увеличить свою металлургическую промышленность. Что же касается успѣховъ вывоза этого продукта—о нихъ можно судить потому, что съ 1893 по 1899 гг. цѣнность вывозимаго изъ Германіи желѣза и издѣлій изъ него поднялась на 100% (съ 280 милл. марокъ до 560 милл.) [1].

Въ сахарной промышленности значеніе внѣшняго рынка для внутренняго производства Германіи еще больше.

По количеству производимаго сахара Германія занимаетъ первое мѣсто въ мірѣ: въ 1894—1897 гг. она производила его, въ среднемъ, 97 милл. пуд. въ годъ, въ то время, какъ три слѣдующія за нею по размѣрамъ производства страны давали этого продукта: Австро-Венгрія—53 милл. пудовъ, Франція и Россія—по 37 милл. пуд. Такимъ образомъ, производство сахара въ Германіи въ 1⅓ раза превышаетъ выработку его въ Россіи и Франціи вмѣстѣ, а если къ этимъ двумъ странамъ присоединить и Австро-Венгрію, то ихъ совокупный продуктъ всего на ⅓ превзойдетъ продуктъ германской сахарной промышленности. Германія выдается также и быстротой развитія сахарнаго производства: тогда какъ въ годъ предпослѣдней переписи (въ 1882 г.) она производила 36 милл. этого продукта, черезъ 13 лѣтъ, въ моментъ послѣдней промысловой переписи, производство ею сахара утроилось.

Это огромное (абсолютно и относительно) развитіе сахарной промышленности въ Германіи обязано, главнымъ образомъ, увеличенію вывоза этого продукта за границу. Дѣйствительно, производство сахарнаго песку возросло, за разсматриваемое время, на 60 милл. пудовъ; вывозъ же сахара за границу съ 18 милл. пудовъ поднялся до 60 милл. пуд., т.-е. на 42 милл. пуд. [2]. Въ настоящее время Германія сбываетъ за границу ⅔ производимаго ею сахара, или, иначе говоря, существованіе внѣшняго рынка дало ей возможность въ три раза увеличить свое производство этого продукта.

Мы не имѣемъ подъ руками цифровыхъ данныхъ для того, чтобы столь же точно опредѣлить значеніе внѣшняго рынка для другихъ производствъ въ Германіи. Замѣтимъ только, что, по

[1] „Вѣстникъ Финансовъ, Промышленности и Торговли“, 1898 г., № 26, и 1900 г. № 50.

[2] Радцигъ, „Сахарная промышленность всего свѣта“. „Матеріалы по разработкѣ тарифовъ желѣзныхъ дорогъ“, вып. II.

указанію Рафаэля-Жоржа Леви, сильно двинувшееся впередъ производство въ Германіи искусственныхъ красокъ на $^4/_5$ имѣетъ въ виду сбытъ за границу [1]). Что касается вывоза другихъ фабрикатовъ — наибольшій успѣхъ имѣли продукты текстильной промышленности и приготовленія одежды. Вывозъ шолковой, шерстяной и бумажной пряжи и тканей съ 1886 по 1896 гг. увеличился съ 413 милл. до 511 милл. марокъ, т.-е. на 98 милл. марокъ или на 24%, а вывозъ готоваго платья поднялся съ 96 до 121 милл. марокъ, т.-е. на 25 милл. марокъ или на 27% [2]). Наибольшее возростаніе вывоза предметовъ текстильной промышленности наблюдается, однако, въ послѣдующіе три года. Въ это время экспортъ бумажныхъ, шерстяныхъ и шолковыхъ издѣлій и матеріаловъ (послѣдніе составляютъ 10—15% общаго вывоза предметовъ этой категоріи) поднялся съ 580 до 740 милл. марокъ, что соотвѣтствуетъ ежегодному возростанію вывоза почти на 10% [3]).

Значеніе внѣшнихъ рынковъ для промышленности какой-либо страны измѣряется не однимъ только отпускомъ туда товаровъ мѣстнаго происхожденія. Значеніе это опредѣляется еще и тѣмъ участіемъ, какое принимаетъ страна въ морской международной торговлѣ въ качествѣ перевозчика товаровъ на своихъ судахъ. Чтобы согласиться съ этимъ утвержденіемъ, достаточно предположить, что данная страна не принимаетъ участія въ морской перевозкѣ, а строитъ суда для внѣшней торговли какой-либо другой страны. Въ этомъ случаѣ она сбываетъ свои товары (суда) на внѣшній рынокъ. Но то же самое имѣетъ мѣсто и тогда, когда она беретъ на себя перевозку товаровъ по внѣшнимъ морямъ. Отличіе же этого случая отъ предшествующаго заключается въ томъ, что стоимость судна, сдѣланнаго по заказу извнѣ, реализуется сразу, стоимость же собственнаго флота, участвующаго въ международной торговлѣ, погашается по частямъ фрахтами, взимаемыми за перевозку товаровъ.

Обращаясь же, послѣ этихъ замѣчаній, къ вопросу о томъ, какую роль играетъ Германія въ качествѣ торговца и перевозчика товаровъ, нужно будетъ сознаться, что въ этомъ отношеніи она также сдѣлала огромные успѣхи. „Торговля развивается въ Германіи еще съ большей быстротой, чѣмъ промышленность,— пишетъ по этому поводу Ж. Блондель.—Для развитія индустріи необходимо дать прежде всего мощный толчокъ торговлѣ и от-

[1]) „Вѣстн. Финанс., Промышл. и Торговли“, 1898 г., № 11.

[2]) „Statistical abstract“, etc.

[3]) „Journal of the Royal Statistical Society“. London 1900. 30 June, p. 339.

крыть ей новые рынки. Промышленная дѣятельность находится всегда въ связи съ размѣрами рынка, для котораго предназначаются ея продукты. Германія считаетъ, что ей недостаточно быть промышленной націей; она понимаетъ, что ей нужно самой сбывать свои продукты, что она должна быть также торговой націей". „Нѣмцы прекрасно понимаютъ, что судостроеніе не есть такое же производство, какъ другія индустріи; что торговый флотъ представляетъ могущественную силу для развитія торговли и политическаго вліянія страны. Они почувствовали, что корабль является цѣннымъ орудіемъ пропаганды продуктовъ и вліянія страны. Существуетъ своего рода родство между флагомъ даннаго корабля и товаромъ, который этотъ корабль привозитъ въ заморскія страны; въ глазахъ потребителя эти двѣ вещи сливаются; онъ запоминаетъ флагъ и смѣшиваетъ его съ товарной маркой,—приписывая такимъ образомъ товаръ странѣ, которую представляетъ флагъ корабля" [1]).

Какіе же успѣхи сдѣлала Германія въ отношеніи развитія своей внѣшней морской торговли (внѣшняя морская торговля Германіи составляетъ болѣе 70% всей ея международной торговли)? Косвеннымъ отвѣтомъ на этотъ вопросъ служатъ данныя о развитіи ея торговаго флота вообще. Въ теченіе десятилѣтія 1886—1896 гг. тоннажъ торговаго нѣмецкаго флота увеличился на 203 тыс. или на 16%. Бо̀льшее развитіе въ абсолютныхъ цифрахъ показали Англія (тоннажъ увеличился на 1.591 тыс.) и Сѣверо-Американскіе Соединенные Штаты (тоннажъ возросъ на 574 тыс.), а въ относительныхъ—Англія (увеличеніе тоннажа флота на 22%) и Данія (увеличеніе на 26%). Но чтобы правильно оцѣнить успѣхи Германіи, слѣдуетъ принять во вниманіе, что описываемое время было моментомъ борьбы морскихъ націй за перевозку товаровъ, и что эта борьба окончилась неудачно для многихъ участниковъ. Такъ, торговый флотъ Франціи сократился въ это время на 10%, Австріи—на 17%, Италіи—на 19%; Норвегія увеличила тоннажъ своего флота всего только на 3%, а Швеція не съумѣла даже удержать прежніе размѣры своего флота. Такимъ образомъ, успѣхи Германіи (какъ и прочихъ преуспѣвшихъ странъ) достигнуты на счетъ менѣе счастливыхъ соперниковъ, и успѣхи ея въ этомъ отношеніи тѣмъ замѣчательнѣе, что по своему географическому положенію она не можетъ быть названа морскою державой.

---

[1]) „Торгово-промышленный подъемъ Германіи", стр. 71, 99.

Беря болѣе длинный промежутокъ времени, а именно двадцатилѣтіе 1875—1896 гг., мы увидимъ, что тоннажъ судовъ вмѣстимостью болѣе 100 тоннъ (принимая во вниманіе бо́льшую скорость пароходовъ сравнительно съ парусными судами) увеличился въ Даніи на 240%, въ Германіи—на 185%, Великобританіи—на 102%, въ Швеціи—на 86%, Голландіи—на 47% и во Франціи—на 37%. Особенно быстрые успѣхи въ дѣлѣ развитія своего флота дѣлаетъ Германія въ самые послѣдніе годы. За четырехлѣтіе съ 1895 по 1899 гг. тоннажъ ея болѣе крупнаго торговаго флота увеличился на 207 тыс., т.-е. на столько же, какъ и въ теченіе предшествующаго цѣлаго десятилѣтія [1]).

Впрочемъ, приведенныя цифры относятся ко всему торговому флоту Германіи, назначенному и для внутренняго, и для внѣшняго плаванія. Но у насъ есть данныя, прямѣе отвѣчающія на вопросъ о томъ—какіе успѣхи сдѣлала эта страна въ качествѣ перевозчика товаровъ для внѣшняго рынка. Данныя эти касаются распредѣленія судовъ, приходящихъ въ германскіе порты по ихъ принадлежности Германіи и другимъ государствамъ. Въ 1880 г. въ порты Германіи вошли суда общей вмѣстимостью въ 6,6 милл. тоннъ, изъ коихъ 2,6 милл., или 39%, принадлежало нѣмцамъ, а 4 милл., или 61%,—иностранцамъ. Въ 1898 г. общій тоннажъ пришедшихъ въ Германію судовъ опредѣляется въ 35,5 милл., изъ коихъ иностранцамъ принадлежало всего 16,3 милл. тоннъ, или 46%, а нѣмцамъ—19,2 милл. тоннъ, или 54%. Такимъ образомъ, при возрастаніи за разсмотрѣнныя 18 лѣтъ тоннажа судовъ, занимающихся перевозкой товаровъ между Германіей и другими странами, въ 5,4 раза, участіе въ этой перевозкѣ нѣмецкихъ судовъ увеличилось слишкомъ въ 7,4 раза, а иностранныхъ—лишь въ 4,1 раза [2]).

III.

Сообщенныя выше данныя относительно успѣховъ нѣмецкой внѣшней торговли легко объясняютъ намъ тѣ опасенія, какія возникаютъ, преимущественно въ Англіи и во Франціи, за ихъ внѣшніе и даже внутренніе рынки. „Англійскій генеральный консулъ въ Петербургѣ горько жалуется на то, что нѣмцы дѣ-

[1]) „Вѣстн. Финанс., Пром. и Торговли", 1900 г., №№ 7 и 41.

[2]) „Вѣстникъ Финанс., Пром. и Торговли", 1898 г., № 18 и 1900 г., № 7.

лаютъ жестокую конкурренцію англичанамъ", благодаря чему „повсюду въ Россіи нѣмецкіе продукты вытѣсняютъ англійскіе" [1]). Въ Италіи не только англійскіе химическіе продукты, желѣзный товаръ, искусственные цвѣты и т. п. постепенно замѣщаются нѣмецкими, но „даже англійская пряжа, стоявшая до сихъ поръ внѣ конкурренціи, повидимому, также начинаетъ вытѣсняться нѣмецкой". Таково же, приблизительно, относительное положеніе англійскихъ и нѣмецкихъ товаровъ въ скандинавскихъ государствахъ и въ Италіи. Но наибольшіе успѣхи нѣмецкаго экспорта наблюдаются на рынкахъ внѣ-европейскихъ странъ.

„За время съ 1875 по 1895 г., торговля Германіи съ Сѣверной Америкой поднялась на 128%, съ южной и центральной—на 480%, съ восточной и западной Индіями на—480%, съ Австраліей—на 475% и вся эта торговля отнята у Великобританіи". Извѣстный англійскій путешественникъ Стэнли слѣдующими чертами рисуетъ положеніе дѣлъ на рынкахъ, находившихся до недавняго времени въ исключительномъ обладаніи англичанъ. „Въ Австраліи мы потеряли 20%, а нѣмцы выиграли 400%; въ Новой Зеландіи наша торговля понизилась на 25%, а нѣмецкая поднялась на 1.000%; въ Капской колоніи мы, правда, подвинулись впередъ за десять лѣтъ на 125%, но нѣмецкая торговля прогрессировала вдвое быстрѣе. Даже въ Канадѣ мы потеряли 11%, а нѣмцы выиграли 300%". Успѣхъ нѣмецкихъ товаровъ въ Азіатской Турціи образно обрисованъ англійскимъ консуломъ въ Смирнѣ въ слѣдующихъ выраженіяхъ. „Я невольно самъ становлюсь все менѣе и менѣе англичаниномъ. Я ношу французскія ботинки, нѣмецкую одежду; стулья моего кабинета—нѣмецкаго издѣлія, равно какъ перья, бумага и ковры. Пиво, которое я пью, также привезено изъ Германіи. И скоро въ моемъ домѣ не останется ничего англійскаго, кромѣ моего тѣла, моихъ костей и неизмѣнныхъ чувствъ, меня одушевляющихъ. Да, съ грустью долженъ я признать, что торговля англичанъ въ Смирнѣ падаетъ съ каждымъ днемъ". Черезчуръ впечатлительные англичане выводятъ изъ фактовъ борьбы за рынки Англіи и Германіи очень печальныя заключенія для своей страны. „Промышленное превосходство Великобританіи,—пишетъ, напр., Вильямсъ, — было до сихъ поръ ходячей аксіомой; скоро оно отойдетъ въ область миѳа". А англійскіе шовинисты спѣшатъ рекомендовать и рѣшительныя мѣры для предотвращенія такого

[1]) Нижеприводимые факты заимствованы у Жоржа Блонделя, „Торгово-промышленный подъемъ Германіи".

исхода. „Ужасная дуэль приготовляется между Англіей и Германіей,—говоритъ публицистъ „Saturday Review“,—и я былъ бы счастливъ, еслибы война вспыхнула между этими странами по возможности скорѣе, пока превосходство англійскаго флота еще позволяетъ разрушить Бременъ и Гамбургъ, Кильскій каналъ и гавани Балтійскаго моря“.

Германія начинаетъ вытѣснять англійскіе товары съ внутреннихъ рынковъ самой Англіи, и, подъ вліяніемъ крупныхъ ея успѣховъ въ этомъ отношеніи, въ классической странѣ свободной торговли возникло даже протекціонистское движеніе. Такъ, напр., лондонскій „Iron and Coal Trades Review“, органъ крупныхъ англійскихъ промышленниковъ, въ ноябрѣ мѣсяцѣ минувшаго года писалъ слѣдующее. „Англійскій промышленникъ никогда не домогался отъ государства привилегій, всегда полагался на свои собственныя силы, пока ему предстояла правильная борьба. Но теперь дѣло обстоитъ иначе, и мануфактуристъ лишенъ возможности бороться. Мы далеки отъ того, чтобы отрицать важность свободы торговли въ Великобританіи, но все-же мы, не колеблясь, утверждаемъ, что это — вопросъ, требующій тщательнаго пересмотра, потому что конкурренція становится ужасающею, и почти нѣтъ возможности противостоять иностраннымъ конкуррентамъ“ [1]).

Во Франціи Леви, Блондель, Швобъ и другіе знатоки Германіи не устаютъ предупреждать своихъ соотечественниковъ относительно опасности, угрожающей на внѣшнихъ рынкахъ французскимъ товарамъ со стороны нѣмецкихъ; и эти предупрежденія нельзя не считать совершенно своевременными.

„Германія на много обогнала насъ на русскомъ рынкѣ,—пишетъ, напр., Ж. Блондель.—Очень мало такихъ отраслей промышленности, въ которыхъ нѣмецкіе продукты не были бы впереди французскихъ; очень мало городовъ, гдѣ нѣмецкіе коммиссіонеры не опередили французскихъ и не получили бы заказовъ, благодаря ловкости, съ какой они обдѣлываютъ свои дѣла“. Вообще,—замѣчаетъ по этому поводу Блондель,—„франко-русскій союзъ не приноситъ намъ въ экономическомъ отношеніи никакой выгоды. Русскіе вытянули изъ Франціи, за послѣднія нѣсколько лѣтъ, пять или шесть милліардовъ, при помощи которыхъ они заканчиваютъ созданіе необходимыхъ имъ техническихъ сооруженій и стараются реализировать богатства, заключающіяся въ нѣдрахъ ихъ страны; но они пока не открыли у себя ни одного рынка для нашей

[1]) Цитировано по „Вѣстн. Фин., Пром. и Торг.“ 1900 г., № 50.

индустріи, они не открыли нашей торговлѣ никакого поприща для дѣятельности". Бывшій министръ, Жюль Рошъ, посѣтивъ съ научной цѣлью скандинавскія государства, по возвращеніи назадъ писалъ слѣдующее. „Франція тамъ пользуется большой симпатіей, французскіе продукты нравятся тамъ по прежнему, но, къ несчастію, несмотря на предпочтеніе, которое тамъ оказываютъ издѣліямъ нашей индустріи, наши торговыя сношенія съ этими странами падаютъ съ ужасающей быстротой". Такъ, Швеція покупаетъ у французовъ едва на 5—6 милл., а у нѣмцевъ—болѣе, чѣмъ на 120 милл.; Норвегія—у первыхъ на 3½ милл., а у вторыхъ — на 60 милл. слишкомъ. „Что касается Даніи, то наши консулы передаютъ жалобы самихъ датчанъ на то, что французы туда болѣе не заглядываютъ". Въ Испаніи, по сообщенію французскаго консула, французскій товаръ устраненъ съ тѣхъ поръ, какъ нѣмцы наводнили рынокъ собственными продуктами. „Нѣмцы — мастера по части изготовленія товаровъ, красиво отдѣланныхъ и потому ходкихъ. И къ тому еще они умѣютъ подчиняться требованіямъ покупателя; нѣмецъ фабрикуетъ и поставляетъ именно то, что̀ спрашиваетъ покупатель". Въ Италіи Германія продаетъ приблизительно на 150 милл. „Торговая палата Милана энергично возстаетъ противъ наплыва нѣмецкихъ продуктовъ, которые заняли мѣсто, принадлежавшее раньше Франціи. Такъ какъ финансовое положеніе Италіи далеко не блестяще,—легко понять, почему итальянцы, признавая вполнѣ превосходство французскихъ продуктовъ, отдаютъ, однако, предпочтеніе болѣе дешевому нѣмецкому товару". „До послѣдняго времени—по словамъ австрійскаго консула въ Салоникахъ—купцы этого города оказывали открыто предпочтеніе французскимъ товарамъ, но теперь Германія перегнала Францію и во всѣхъ подчиненныхъ туркамъ областяхъ вліяніе нѣмцевъ значительно усиливается".

Особенно интересна побѣда, одержанная нѣмцами надъ французами въ Румыніи. По словамъ французскаго консула въ Яссахъ, въ глазахъ румына все французское хорошо. „Считается шикомъ говорить и мыслить по-французски, одѣваться и причесываться по-парижски и покупать французскія издѣлія". И послѣднее относится не только къ состоятельнымъ классамъ, но и къ простому народу. „И въ большомъ магазинѣ, и въ жалкой лавчонкѣ, вамъ покажутъ отборныя вещицы, находящіяся въ особой витринѣ, и объяснятъ, что онѣ французскаго производства, т.-е. высшаго качества. Поэтому же простые люди всегда предпочитаютъ, при равной цѣнѣ, пріобрѣсти вещь, носящую кличку француз-

ской. Достаточно показать какую-нибудь вещицу крестьянину и сказать, что она французская, и соберется цѣлая толпа. Онъ съ чистой совѣстью будетъ дивиться ей и находить въ ней всякія совершенства и станетъ восторженно показывать ее сбѣжавшимся товарищамъ“ [1]). И при такомъ-то преклоненіи румынъ передъ всѣмъ французскимъ, Франція, нѣкогда ведшая значительную торговлю съ Румыніей, теперь ввозитъ туда лишь предметы роскоши, составляющіе исключительное достояніе ея промышленности, „тогда какъ Германія успѣла широко развить свою вывозную торговлю и обезпечить за собой на румынскомъ рынкѣ первенство въ коммерческомъ отношеніи“. Значительный ущербъ нанесенъ торговлѣ Франціи съ Румыніей примѣненіемъ послѣдней страной протекціоннаго тарифа. Но „невольно возникаетъ вопросъ, какъ умудряется Германія ввозить въ Румынію значительное количество товаровъ, отъ ввоза которыхъ вынуждена была совершенно отказаться Франція?“ Отвѣтъ заключается въ томъ, что нѣмцы предприняли настоящій промышленный походъ на Румынію, представляющую обширный рынокъ для ихъ товаровъ, и „расположенную у самыхъ дверей Германіи. Они основали тамъ банки, построили фабрики, положили основаніе эксплоатаціи лѣсовъ и нефтяныхъ источниковъ, и предприняли весьма значительныя общественныя работы“ [2]). По сообщенію Блонделя, нѣмцы помѣстили въ Румыніи капиталъ въ 760 милл. франковъ (французскій вице-консулъ называетъ всего 400 милл. франковъ), тогда какъ французы имѣютъ тамъ всего 220 милл., а самимъ румынамъ принадлежатъ лишь 200 милл. франковъ.

Франція имѣетъ тѣмъ болѣе основаніе жаловаться на Германію, что именно подражаніемъ французскимъ образцамъ и вкусу нѣмцы обязаны значительной долей своихъ успѣховъ. „Повсюду въ Германіи убѣждены, — говоритъ Ж. Блондель, — что наши соперники весьма часто ограничиваются однимъ подражаніемъ нашимъ издѣліямъ; вначалѣ они подражаютъ плохо, но мало-по-малу все совершеннѣе и съ бо́льшимъ пониманіемъ дѣла“. Чувствуя, напр., себя отсталыми въ художественной промышленности, нѣмцы отправляются въ Парижъ, изучаютъ тамъ послѣднія усовершенствованія и развиваютъ свой вкусъ. „Издѣлія хромолитографскихъ мастерскихъ Лейпцига считаются за границей продуктами англійской или французской индустріи въ виду ихъ изящества“. Въ Берлинѣ, Франкфуртѣ-на-Майнѣ, Бреславлѣ „гер-

[1]) „Вѣстн. Фин.“ 1900 г., № 44.
[2]) „Вѣстн. Фин.“, № 3.

манизируются, оригинальныя модели искусственныхъ цвѣтовъ, купленныя въ Парижѣ, и разсылаются по всему свѣту". Наконецъ, нѣмцы не брезгаютъ и прямой поддѣлкой подъ французскіе товары. Нѣмецкія фирмы въ Скандинавіи, напр., продаютъ свои товары за французскіе. „Такъ называемыя французскія вина привозятся изъ Любека; „парижскіе" товары изготовляются на нѣмецкихъ фабрикахъ; „французскіе" базары всѣхъ нидерландскихъ городовъ дѣлаютъ большинство закупокъ у нѣмцевъ". Германское вино подкрашивается въ Гамбургѣ и подъ французской этикеткой вывозится въ Бразилію, и т. д.

IV.

Мы видѣли, какихъ успѣховъ достигла Германія въ развитіи своей внѣшней торговли. Вывозъ ея увеличивается, главнымъ образомъ, на счетъ двухъ націй — Англіи и Франціи, и она успѣшно стремится къ тому, чтобы сдѣлаться фабрикой для различныхъ, преимущественно заатлантическихъ странъ. Какими же средствами достигаетъ она своихъ цѣлей и что даетъ перевѣсъ этой молодой еще въ промышленномъ отношеніи странѣ надъ такими высоко-культурными и организовавшимися капиталистическими націями, какъ Англія или Франція?

Приступая къ возможному отвѣту на этотъ вопросъ, мы хотимъ прежде всего обратить вниманіе на то обстоятельство, что именно промышленная молодость Германіи и составляетъ одно изъ главнѣйшихъ ея оружій въ борьбѣ за рынки. Всѣ, кажется, писатели, занимающіеся этимъ вопросомъ, указываютъ на то, что Германія побѣждаетъ соперниковъ дешевизною своихъ продуктовъ, вниманіемъ, съ какимъ она относится ко всѣмъ мелочамъ требованій рынковъ, и тщательнымъ изученіемъ какъ самихъ этихъ рынковъ, такъ и пріемовъ производства и торговли, практикуемыхъ ея старшими сосѣдками. Но все это особенно легко достигается ею, между прочимъ, потому, что она—еще молодая въ промышленномъ отношеніи нація, не имѣющая крѣпкихъ торговыхъ традицій, связывающихъ инициативу, и вполнѣ сознающая необходимость учиться у болѣе опытныхъ своихъ конкуррентовъ. Находясь до послѣдняго времени позади Англіи и Франціи въ промышленномъ отношеніи, она, вмѣстѣ съ тѣмъ, была равной имъ въ отношеніи умственной культуры и сдѣлала необыкновенные успѣхи въ дѣлѣ развитія гражданственности и политической свободы, которыя были крайне благопріятны для

развитія личной и общественной самодѣятельности и иниціативы (безъ которыхъ невозможны широкіе успѣхи ни на какомъ поприщѣ дѣятельности), и окрылили сознаніе нѣмцевъ, что они—великая нація, долженствующая стать во главѣ цивилизаціи, благодаря чему ихъ стремленіе къ успѣху на разныхъ поприщахъ, гдѣ имъ приходилось дѣйствовать на-ряду съ представителями другихъ государствъ—возбуждалось не только личнымъ интересомъ, но, до извѣстной степени, и мотивами патріотическаго характера. А такъ какъ промышленность и торговля образуютъ главнѣйшее поле, на которомъ развертываютъ свои силы и конкуррируютъ другъ съ другомъ современные народы, то на это же поле устремилась и приподнятая энергія нѣмцевъ. Въ этомъ дѣлѣ нѣмецкое правительство идетъ рука объ руку съ представителями нѣмецкой промышленности и торговли. Еще Бисмаркъ, беря въ свои руки министерство торговли, заявилъ, что, послѣ военныхъ побѣдъ, онъ постарается доставить своей родинѣ побѣды экономическія. Правительство Германіи неуклонно идетъ по этому же пути, и въ этомъ вопросѣ, какъ и въ политическомъ (гдѣ именно правительству принадлежитъ честь введенія во вновь возникшей имперіи всеобщей подачи голосовъ), интересы правительства, повидимому, совпадаютъ съ интересами націи. По понятнымъ всѣмъ мотивамъ, германское правительство стремится, напр., къ созданію сильнаго военнаго флота. И такой же флотъ считается важнымъ условіемъ успѣха Германіи въ борьбѣ за рынки, не только представителями нѣмецкой промышленности и торговли, но и выдающимися ея учеными. Хорошо извѣстный русской публикѣ молодой экономистъ Шульце-Геверницъ, рекомендуя нѣмецкой дипломатіи проникнуться коммерческимъ духомъ и высказывая мнѣніе, что вся нѣмецкая иностранная политика „должна была бы быть политикой коммерческой“, вслѣдъ за этимъ прибавляетъ: „Но если мы желаемъ этого—нужно доставить нашимъ посламъ оружіе, безъ котораго они будутъ только скромными попрошайками, а именно—могущественный флотъ [1]).

Какъ примѣръ того, насколько коммерческій духъ овладѣлъ нѣмцами, Жоржъ Леви указываетъ двухъ братьевъ Кунгардтъ, предпринявшихъ кругосвѣтное путешествіе по разнымъ маршрутамъ и издавшихъ затѣмъ его описаніе. Одинъ изъ братьевъ въ предисловіи къ своему труду говоритъ: „Я желалъ бы побудить тѣхъ изъ своихъ соотечественниковъ, которые колеблются это

[1]) Цитировано по „Вѣстн. Фин., Пром. и Торг.“, 1898 г., № 19.

сдѣлать, путешествовать въ молодости, осмотрѣть возможно больше странъ внѣ Европы, чтобы, вернувшись на родину, употребить пріобрѣтенный опытъ съ наибольшей пользой для отечества. Германія, германская торговля, промышленность, земледѣліе всегда будутъ имѣть нужду въ лицахъ, знающихъ остальную часть земного шара не по книжкамъ и журналамъ“ [1]).

Мы не можемъ сколько-нибудь подробно останавливаться на конкретныхъ данныхъ относительно средствъ, обезпечивающихъ быстрые успѣхи нѣмецкой промышленности. Всѣ, кто наблюдалъ этотъ предметъ, указываютъ прежде всего на хорошую школьную подготовку нѣмцевъ къ промышленной дѣятельности и на связь, существующую между фабриками и заводами съ одной стороны и университетскими и прочими лабораторіями и учеными кабинетами—съ другой. Не говоря о массѣ спеціальныхъ техническихъ высшихъ, среднихъ и низшихъ училищъ, въ каждомъ поселеніи Германіи, имѣющемъ болѣе тысячи жителей, открываются курсы для взрослыхъ, на которыхъ дается научное образованіе, сообразно профессіи учащихся, и всѣ рабочіе, не достигшіе 18-лѣтняго возраста, могутъ быть обязываемы къ посѣщенію этихъ курсовъ. Болѣе половины, напр., промышленныхъ поселеній Пруссіи сдѣлали посѣщеніе этихъ курсовъ обязательнымъ [2]). Питомцы университетовъ и техническихъ училищъ не только поступаютъ на службу на фабрики и заводы, но часто становятся во главѣ послѣднихъ, въ качествѣ ихъ владѣльцевъ, и не прерываютъ сношеній съ своей alma mater. Благодаря этому, учебныя заведенія и ихъ лабораторіи составляютъ какъ бы одно цѣлое съ фабриками и заводами. Обширныя, напр., лабораторіи по электротехникѣ, устроенныя на счетъ правительства, „одновременно являются и школами, гдѣ образуются молодые электротехники, и центрами научныхъ работъ, которыя привлекаютъ предпринимателей для осуществленія сдѣланныхъ открытій“. Извѣстно, какіе успѣхи сдѣланы въ Германіи химической промышленностью, а это достигнуто, главнымъ образомъ, благодаря тѣсному общенію науки и практики. „Нѣмцы,—говоритъ Ж. Леви,—замѣстили на своихъ фабрикахъ надсмотрщиковъ докторами естественныхъ наукъ“. „Сношенія между заводами химическихъ производствъ и университетами установлены вполнѣ правильно. Директоры фабрикъ всегда готовы предоставить въ распоряженіе ученаго необходимые аппараты и матеріалы; ученые

[1]) Ibid.

[2]) Ж. Блондель, стр. 173.

никогда не отказываютъ въ разсмотрѣніи той или другой проблемы заводчиковъ". Сами заводы открываютъ у себя настоящія научныя лабораторіи. „Лабораторіи при фабрикахъ химическихъ производствъ служатъ центромъ непрерывныхъ работъ, направленныхъ къ различнымъ цѣлямъ, часто непредвидѣннымъ, но всегда плодотворнымъ. Толпа молодыхъ химиковъ производитъ изысканія въ многочисленныхъ направленіяхъ, намѣчающихъ путь къ великимъ открытіямъ. По мѣрѣ того, какъ промышленность развивается и выдвигаетъ новые вопросы,—наука въ этихъ лабораторіяхъ рѣшаетъ новыя проблемы". На одной фабрикѣ въ Лудвигсгафенѣ, напр., занимается больше инженеровъ, чѣмъ ихъ насчитывается въ той же промышленности въ цѣлой Англіи [1]).

Учась дома, нѣмцы не менѣе того учатся и за границею. Нѣмецкая молодежь тысячами поступаетъ на службу къ торговымъ и промышленнымъ фирмамъ болѣе развитыхъ странъ, вытѣсняя туземцевъ дешевизною предлагаемаго ею труда. Здѣсь она знакомится съ пріемами торговли и промысла, часто съ секретами производства и съ требованіями рынка и, обогатясь этими познаніями, а то и заручась коммерческими связями, возвращается на родину, поступаетъ на службу на мѣстныя фабрики и конторы, и своими знаніями помогаетъ имъ побѣдить иностранныхъ конкуррентовъ. „Нѣмецкіе приказчики,—жалуется патріотическая англійская газета,—пріѣзжаютъ къ намъ служить за половинное жалованье, остаются у насъ лѣтъ пять, и потомъ возвращаются домой, чтобы примѣнить на практикѣ опытъ, пріобрѣтенный у англійскихъ патроновъ. Жадность побуждаетъ низшіе слои лондонскихъ и брэдфордскихъ купцовъ нанимать этихъ нѣмецкихъ недорослей, малотребовательныхъ и дѣятельныхъ, показавшихъ, что они — не что иное, какъ простые коммерческіе шпіоны".

Нѣмцы, однако, далеко не всѣ возвращаются послѣ науки на родину. Многіе изъ нихъ устроиваются прочно на чужбинѣ и работаютъ здѣсь на пользу нѣмецкой же промышленности. „Они проникаютъ въ администрацію разныхъ фирмъ, отелей, торговыхъ домовъ, работаютъ безъ устали и мало-по-малу подвигаются по соціальной лѣстницѣ... Едва молодой нѣмецъ успѣваетъ заработать тамъ нѣсколько грошей, онъ пишетъ родственнику, расхваливаетъ прелести новой родины, и если этотъ родственникъ рѣшается также покинуть Германію, онъ ему отыскиваетъ занятіе, одолжаетъ свою одежду, отдаетъ половину своей комнаты, пока имъ обоимъ не удастся, наконецъ, хорошо устро-

[1]) „Вѣстн. Финанс.", 1898 г. № 11, статья Леви.

иться... Такимъ образомъ, въ Лондонѣ и Нью-Іоркѣ, напр., половина крупныхъ торговыхъ домовъ находится въ рукахъ нѣмцевъ, и прославленный англо-саксонскій коммерческій геній теряетъ свое главенство и подпадаетъ подъ вліяніе тевтонской расы" [1]).

Подобныя путешествія предпринимаются не всегда на личный счетъ. Въ Штеттинѣ, напр., образовалось общество, „поставившее себѣ задачей посылать за границу молодыхъ приказчиковъ для того, чтобы они совершенствовались въ языкѣ и ознакомились съ домами чужой страны. Эти молодые люди должны воспользоваться мѣстомъ, какое имъ удалось бы получить на чужбинѣ, и посылать отправившему ихъ обществу періодическіе отчеты о положеніи торговли той страны, гдѣ они поселились. Они должны сообщать и цѣны ввозимыхъ товаровъ, и указывать, какую пользу могъ бы извлечь Штеттинъ изъ этихъ свѣдѣній". Въ Гамбургѣ почти всѣ болѣе богатыя буржуазныя семьи посылаютъ своихъ дѣтей за границу набираться знаній [2]).

Не менѣе интересны пріемы, употребляемые нѣмцами для распространенія своихъ товаровъ. Въ противоположность старымъ промышленнымъ націямъ, не заботящимся о томъ, чтобы подойти къ покупателю, а ожидающимъ, чтобы тотъ подошелъ къ нимъ,—нѣмцы не только стараются приноровиться къ требованіямъ даже ничтожныхъ рынковъ, но и предупредить спросъ на издѣлія. Для этого они установили тѣсное общеніе между производителями и потребителями разныхъ товаровъ. Такъ, напр., нѣмецкія электрическія общества имѣютъ на службѣ цѣлый батальонъ инженеровъ, а эти, „полные соревнованія, сторожатъ заказы у себя и за границей, даже не ожидая, но создавая ихъ, приглашая города къ преобразованію ихъ старыхъ системъ освѣщенія и передвиженія". „Характерной чертой промышленности цвѣтныхъ тканей является то, что она находится въ постоянныхъ сношеніяхъ съ покупателями, которые періодически посѣщаются инженерами, состоящими при фабрикахъ". Такимъ образомъ узнаются желанія покупателей и сообща вырабатываются лучшія средства ихъ удовлетворенія. „Между фабриками и ихъ покупателями установилось настоящее взаимодѣйствіе: взаимно даются совѣты, сообщаются нужды, возбуждаются общіе вопросы, и это сразу отозвалось совсѣмъ инымъ, чѣмъ прежде, развитіемъ красильной промышленности" [3]).

---

[1]) Ж. Блондель, ibid., стр. 151—2.

[2]) Ibid., стр. 162, 164.

[3]) „Вѣсти. Финанс.", 1898, № 11.

Выше было уже упомянуто о томъ интересномъ фактѣ, что, несмотря на покровительственныя таможенныя пошлины, нѣмцы расширяютъ свою торговлю съ Румыніей въ то время, когда французы теряютъ ее. Достигаютъ же они такихъ результатовъ, между прочимъ, слѣдующимъ образомъ. Германскіе промышленники два раза въ годъ, послѣ жатвы, когда населеніе располагаетъ деньгами, посылаютъ въ Румынію своихъ агентовъ, которые, съ образцами фабрикатовъ въ рукахъ, посѣщаютъ самыя маленькія мѣстечки и берутъ заказы, подкупая покупателей дешевизною издѣлій. Если ихъ вещь не подходитъ ко вкусу покупателя—они берутъ у него образчикъ, модель или даже фотографію желательнаго предмета, и на слѣдующій годъ являются уже съ товаромъ, приготовленнымъ согласно вкусу потребителя [1]). Разсказываютъ почти курьёзныя вещи о вытѣсненіи подобными пріемами однихъ товаровъ другими. Англичане, напр., посылали въ Бразилію превосходныя швейныя иголки, завертывавшіяся, по обыкновенію, въ черную бумагу. Бразильцы, однако, не любятъ чернаго цвѣта. Узнавъ объ этомъ отъ своихъ агентовъ, саксонскіе фабриканты послали туда свои иголки, завернутыя въ розовую бумажку, и вытѣснили англійскій товаръ. Англичане отправляли на островъ Св. Троицы обувь, не справившись, конечно, о томъ—подходитъ ли она къ ногѣ туземцевъ. Нѣмцы же обратили вниманіе на послѣднее обстоятельство, стали приготовлять обувь по формѣ ноги (болѣе плоской) туземцевъ и—завладѣли этимъ рынкомъ [2]). По словамъ одного консульскаго донесенія, „сербы очень привязаны къ образцамъ, завѣщаннымъ предками; они предпочитаютъ, напр., ножъ старинной формы, и это съ ихъ стороны не простой капризъ: они привыкли обращаться съ такимъ ножемъ и рѣже ранятъ имъ свои пальцы. Англійскіе фабриканты не хотѣли подчиниться ихъ желанію; но пріѣхалъ нѣмецъ и скопировалъ старинный сербскій ножъ. Его ножъ, правда, не рѣжетъ,—прибавляетъ консулъ,—тогда какъ англійскій рѣжетъ хорошо, но это не важно!.. Вопросъ о формѣ является рѣшающимъ также и для другихъ орудій“.

Большое значеніе въ дѣлѣ промышленныхъ успѣховъ Германіи Ж. Блондель придаетъ присущему нѣмцамъ, въ противоположность англичанамъ и французамъ, духу ассоціаціи. „Духъ ассоціаціи проникъ какъ въ сферы предпринимательскія, такъ и въ общественные слои вообще. Благодаря ему, нѣмецъ гораздо

[1]) „Вѣстн. Финанс.“, 1900 г. № 44.

[2]) Блондель, стр. 162 и др.

легче француза столкуется съ сосѣдомъ; не отрекаясь отъ своей личности, онъ соединяется въ кружки и мощные союзы, гдѣ каждый работаетъ на общую пользу". „Въ Германіи нѣтъ ни одного сколько-нибудь значительнаго города, гдѣ бы не было общества поощренія нѣмецкой индустріи вообще или же только мѣстной промышленности. Многія изъ этихъ обществъ заняты устройствомъ выставокъ, раздаютъ преміи, печатаютъ спеціальныя изданія". Главнѣйшія отрасли промышленности соединяются въ синдикаты, которые задаются цѣлью не только обирать потребителя, но и способствовать развитію нѣмецкой промышленности. Такъ, чтобы дать возможность желѣзной промышленности бороться съ иностранной конкурренціей, синдикатъ коксовыхъ заводчиковъ сталъ выдавать премію за вывозимую зеркальную желѣзную руду; онъ же выдалъ синдикатамъ чугуно-литейныхъ заводчиковъ субсидію въ 600 тыс. марокъ, чтобы они могли бороться съ привозомъ англійскаго чугуна. На конгрессѣ металлургическихъ заводчиковъ и судостроителей первые заявили готовность работать даже съ небольшимъ убыткомъ—лишь бы послѣдніе брали матеріалы у нихъ. Судостроители, съ своей стороны, заявили, что они готовы платить нѣмецкимъ фабрикантамъ на 3—5% дороже, чѣмъ англійскимъ. Наконецъ, представитель желѣзныхъ дорогъ изъявилъ согласіе на пониженіе провозныхъ платъ на матеріалы, перевозимые съ заводовъ на верфи. Такая политика отдѣльныхъ заводчиковъ и ихъ организацій объясняется, конечно, не патріотическими чувствами, а сознаніемъ того, что временныя потери нѣкоторыхъ, если онѣ ведутъ къ развитію національной промышленности, выгодны для предпринимателей, какъ класса,—и готовностью понести нѣкоторыя жертвы въ настоящемъ для того, чтобы пожать плоды въ будущемъ. Не вездѣ, однако, предприниматели разсуждаютъ подобнымъ же образомъ, и въ большинствѣ промышленныхъ странъ они предпочитаютъ крупный барышъ успѣхамъ національнаго производства.

Большое значеніе въ дѣлѣ завоеванія нѣмцами внѣшнихъ рынковъ имѣетъ тотъ фактъ, что они стремятся не только завязать непосредственныя сношенія съ странами, куда они отправляютъ свои товары, но и перенестись туда въ качествѣ мѣстныхъ дѣятелей. Особенно облюбовали они заатлантическія страны. Не говоря объ эмиграціи туда нѣмецкихъ рабочихъ, которые, конечно, предпочитаютъ и тамъ потреблять продукты нѣмецкаго производства,—въ чужія страны въ большихъ размѣрахъ направляются нѣмецкіе капиталы и коммерсанты. По собраннымъ недавно германскимъ правительствомъ свѣдѣніямъ, во внѣ-

европейскихъ странахъ помѣщено въ разныхъ предпріятіяхъ 8—10 милліардовъ марокъ нѣмецкихъ денегъ (кромѣ тѣхъ 10—12 милліардовъ марокъ, которыя, по устарѣлымъ даже даннымъ, помѣщены во внѣ-европейскихъ процентныхъ бумагахъ, находящихся въ Германіи), приносящихъ ежегодно около 500 милліоновъ марокъ чистаго дохода. Въ Южной Америкѣ, напр., помѣщено до 2 милліардовъ нѣмецкихъ денегъ, въ Центральной—больше милліарда, въ Сѣверной—до 5 милліардовъ, въ Трансваалѣ—около 900 милліоновъ марокъ, и т. д. [1]) Поэтому, когда Германія получаетъ изъ различныхъ заатлантическихъ странъ сырьё, которое отправляетъ обратно въ видѣ фабрикатовъ, то это въ значительной степени является обмѣномъ нѣмецкихъ продуктовъ на иностранные, добытые на нѣмецкіе же капиталы. Такимъ образомъ, Германія эксплуатируетъ внѣшніе рынки вдвойнѣ: и какъ мѣсто сбыта ея продуктовъ, и какъ поле приложенія ея капитала, а иногда—и труда.

Такія же завоеванія нѣмцы дѣлаютъ и въ Европѣ, и фабричная, напр., промышленность русской Польши по ея происхожденію принадлежитъ больше Германіи, нежели Россіи.

Описанные пріемы нѣмцевъ для завоеванія внѣшнихъ рынковъ, быть можетъ, были бы недостаточны для успѣшной борьбы съ такими сильными противниками, какъ Англія или Франція, еслибы Германія не обладала еще однимъ оружіемъ—дешевизною своихъ продуктовъ. Отчего фабричные продукты Германіи дешевле таковыхъ же Англіи или Франціи—понять нетрудно.

Франція и Англія—болѣе старыя капиталистическія страны. Ихъ промышленность сравнительно давно приняла крупную форму и не испытываетъ теперь существенныхъ преобразованій послѣдней. Введеніе техническихъ улучшеній, имѣющихъ, какъ извѣстно, окончательнымъ результатомъ удешевленіе продукта, совершается здѣсь, поэтому, съ извѣстной постепенностью, сообразуясь съ быстротой изнашиванія дѣйствующихъ на фабрикахъ машинъ и орудій. Въ Германіи мы наблюдаемъ другое явленіе. Тамъ именно теперь происходитъ въ широкихъ размѣрахъ организація крупнаго производства; теперь устроиваются заново многочисленныя фабрики и заводы, примѣняющіе, конечно, самыя послѣднія техническія новинки, въ наибольшей степени удешевляющія производство продуктовъ. Нѣмецкіе товары, поэтому, въ общемъ, должны быть дешевле англійскихъ или французскихъ, и могутъ

[1]) Сборникъ консульскихъ донесеній, 1900, в. IV.

бороться съ ними не только на внѣшнихъ рынкахъ, но и на ихъ собственныхъ, внутреннихъ рынкахъ.

Техническое совершенство нѣмецкихъ фабрикъ и заводовъ соединяется съ другимъ условіемъ, удешевляющимъ производимые ими товары, — дешевизной (по крайней мѣрѣ, сравнительно съ Англіей) труда. Правда, низкая заработная плата, сама по себѣ, скорѣе мѣшаетъ, чѣмъ способствуетъ промышленнымъ успѣхамъ; но это, главнымъ образомъ, потому, что она обыкновенно соединяется съ неразвитостью рабочаго класса. Въ Германіи же рабочій очень быстро культивируется и образуется, и если, тѣмъ не менѣе, заработная плата тамъ ниже, нежели въ Англіи, то это, главнымъ образомъ, потому, что естественные плоды этого культивированія еще не успѣли обнаружиться съ достаточной ясностью. Заработная плата нѣмецкаго рабочаго, впрочемъ, въ послѣдніе годы ростетъ довольно быстро.

Въ сходномъ положеніи относительно техническаго совершенства находятся и новые заводы въ Россіи. Извѣстно, какое участіе принимаютъ въ послѣднее время, напр., бельгійскіе капиталисты въ расширеніи нашей желѣзной промышленности. „Они создали здѣсь значительное число крупныхъ заводовъ и поставили ихъ въ техническомъ отношеніи несравненно выше подобныхъ же предпріятій въ самой Бельгіи“. И еслибы одного этого обстоятельства, въ совокупности съ дешевизной рабочихъ рукъ, было достаточно для успѣшной борьбы за рынки, русскіе заводчики не прекращали бы теперь производства, а завалили бы продуктомъ рынки Бельгіи, „такъ какъ заводы, находящіеся въ Бельгіи, конкуррировать съ заводами, построенными бельгійцами въ Россіи, положительно не въ состояніи“ [1]).

Мы задались выше вопросомъ о томъ, куда помѣщаетъ Германія продукты своей быстро развивающейся промышленности— и отвѣтили на это данными, указывающими на то, что главнѣйшими (но далеко не единственными) средствами поглощенія этихъ продуктовъ служитъ сама эта промышленность, преобразующаяся изъ мелкой формы въ крупную, и внѣшніе рынки, на которыхъ нѣмецкіе продукты понемногу вытѣсняютъ англійскіе и французскіе. Эти средства поглощенія не могутъ, однако, обезпечить непрерывнаго и неуклоннаго развитія промышленности. Успѣхи Германіи на внѣшнихъ рынкахъ даютъ ей возможность помѣ-

[1]) „Сборникъ консульскихъ донесеній“, 1900 г., вып. V, стр. 420.

щать туда только часть производимаго ею избыточнаго продукта. Что же касается новыхъ заводовъ и фабрикъ, сооруженіе коихъ оживляетъ прежде всего промышленность, приготовляющую строительные матеріалы и предметы оборудованія заводовъ, а затѣмъ и прочія отрасли труда, — такое ихъ вліяніе продолжается до тѣхъ поръ, пока они не будутъ воздвигнуты въ количествѣ, удовлетворяющемъ существующій спросъ на предметы непосредственнаго потребленія человѣка и общества, послѣ чего учредительная дѣятельность потерпитъ крупныя сокращенія, излишне построенные заводы и фабрики останутся безъ дѣла, и за періодомъ оживленнаго состоянія промышленности послѣдуетъ время ея угнетенія. Это время, повидимому, уже наступаетъ, и крахи нѣкоторыхъ кредитныхъ учрежденій, вмѣстѣ съ затрудненіями въ сбытѣ желѣза, уже вызвали статьи нѣмецкихъ экономистовъ о томъ, что ожидаетъ германскую промышленность въ ближайшемъ будущемъ.

Новѣйшая исторія германской промышленности интересна для насъ, главнымъ образомъ, потому, что Германія, какъ и Россія, есть страна въ промышленномъ отношеніи молодая, и примѣръ быстрыхъ ея успѣховъ можетъ поддержать надежду на то, что и Россія послѣдуетъ по ея пути. Данныя, приведенныя въ настоящей замѣткѣ, врядъ ли, однако, оправдываютъ такую надежду, а условія промышленнаго оживленія послѣднихъ лѣтъ въ Россіи и Германіи ясно показываютъ, сколь различны рычаги, производящіе это оживленіе. Непосредственно возбуждающаго промышленную дѣятельность правительственнаго вліянія въ Германіи мы почти не замѣчаемъ; но зато мы видимъ въ ней широкое развитіе общественной иниціативы въ области политической, образовательной и экономической. Въ Россіи такой самодѣятельности нѣтъ и—по общимъ юридическимъ условіямъ — не можетъ быть, и главнѣйшимъ факторомъ ея промышленныхъ успѣховъ служатъ правительственныя мѣропріятія. Правительство ввело почти запретительные таможенные тарифы 1891 г., чуть не силкомъ толкнуло наши желѣзнодорожныя общества на путь расширенія рельсовыхъ путей, всячески поощряло это расширеніе гарантіей затрачиваемыхъ на него средствъ и отысканіемъ нужныхъ для этого капиталовъ; давая заказы, привлекало въ Россію иностранные капиталы для сооруженія новыхъ фабрикъ и заводовъ—и плодомъ такихъ экстраординарныхъ усилій было достиженіе промышленнаго оживленія—правда, ничтожнаго по сравненію съ успѣхами нѣмецкой промышленности, но возбудившаго толки чуть не о новой эрѣ

въ исторіи нашей промышленности. О дѣйствительномъ характерѣ и средствахъ этого оживленія можно, впрочемъ, судить еще по тому, что, съ замедленіемъ желѣзнодорожнаго строительства, обнаружились всѣ признаки промышленнаго кризиса, что это оживленіе сопровождалось ростущимъ обнищаніемъ земледѣльческаго населенія, выразившимся учащеніемъ голодовокъ, подобныя которымъ можно встрѣтить лишь въ Китаѣ и Индіи, и что вывозъ изъ Россіи продуктовъ фабрично-заводской обработки не превышаетъ 100 милл. рублей, изъ коихъ бо́льшая половина принадлежитъ нефтянымъ продуктамъ и продуктамъ обработки матеріаловъ, доставляемыхъ сельскимъ хозяйствомъ.

Изъ послѣдняго обстоятельства видно, что мы почти лишены того источника помѣщенія продуктовъ индустріи, которымъ съ такимъ успѣхомъ пользуется Германія—внѣшнихъ рынковъ; а такъ какъ пріобрѣтеніе таковыхъ зависитъ, главнымъ образомъ, отъ развитія культуры и общественной самодѣятельности, то мы не имѣемъ надежды пріобрѣсти эти рынки и въ не очень отдаленномъ будущемъ. Въ своихъ промышленныхъ успѣхахъ мы поэтому особенно зависимъ отъ благосостоянія населенія,—преимущественно земледѣльческихъ классовъ, къ которымъ принадлежитъ бо́льшая часть жителей страны. Благосостояніе же это скорѣе падаетъ, нежели возвышается, и мы лишены возможности задержать это паденіе средствомъ, примѣняемымъ въ Германіи въ интересахъ земледѣльческихъ классовъ: мы вывозимъ, а не ввозимъ хлѣбъ, и не можемъ поэтому поддержать его продажную цѣну введеніемъ таможенныхъ пошлинъ.

Вообще, не къ особенно утѣшительнымъ заключеніямъ относительно нашего будущаго приводитъ даже и поверхностное знакомство съ блестящими успѣхами германской промышленности.

В. В.

ВЛЕЧЕНЬЕ КЪ ВЫСОТѢ

Въ старости глубокой дрязги и заботы
Угнетаютъ душу, какъ темница тѣсная...
Ей потребенъ выходъ изъ низинъ въ высоты;
Строй ея чаруетъ будущность безвѣстная.

Чѣмъ ко смерти ближе, тѣмъ душа невольно
Чаще изъ темницы на свободу просится,
И земная дума, прочь отъ жизни дольной,
Къ голосамъ призывнымъ далеко уносится.

Такъ, въ обширномъ храмѣ, въ часъ богослуженья,
Передъ образами съ золотыми ризами,
Въ знойномъ и струистомъ блескѣ освѣщенья,
Вьется дымъ кадильный облаками сизыми.

Онъ пойдетъ по церкви дальше, повсемѣстно;
Посѣтитъ привѣтно всю толпу народную;
Но ему, средь люда, словно станетъ тѣсно,
И полетъ онъ править въ высоту свободную.

Тихо онъ обходитъ куполъ на просторѣ;
Тамъ со стѣнъ взираютъ иноки-мыслители,
И призывъ загробный видится въ ихъ взорѣ—
Отъ земной юдоли въ горнія обители.

Алексѣй Жемчужниковъ.

Мартъ, 1901.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 апрѣля 1901.

Кончина Н. П. Боголѣпова.—Правительственныя сообщенія и распоряженія. — Московскій агрономическій съѣздъ; его отношеніе къ общественной самодѣятельности, къ административной регламентаціи и къ взаимодѣйствію губернскихъ и уѣздныхъ земскихъ учрежденій. — Московскій съѣздъ дѣятелей по народному образованію и проектъ наказа училищнымъ совѣтамъ.—Общій характеръ постановленій съѣзда и возбуждаемыя ими надежды. — Возможность введенія суда присяжныхъ въ Туркестанѣ.

2-го марта скончался Н. П. Боголѣповъ. На составленной по этому поводу меморіи Государственнаго Совѣта Его Императорскому Величеству благоугодно было собственноручно начертать: „Горячо сожалѣю о безвременной кончинѣ Николая Павловича Боголѣпова". Въ меморіи означено было слѣдующее: „Предъ закрытіемъ засѣданія предсѣдатель (департамента промышленности, наукъ и торговли) заявилъ, что имъ получено глубоко прискорбное извѣстіе о кончинѣ министра народнаго просвѣщенія т. с. Боголѣпова, послѣдовавшей отъ нанесенной ему рукою злоумышленника раны. Почившій являлся ближайшимъ сотрудникомъ департамента по многочисленнымъ и важнымъ вопросамъ, касающимся народнаго образованія. Члены департамента могли оцѣнить прямоту, твердость взгляда и убѣжденное желаніе развитія просвѣщенія русскаго народа, которыми была запечатлѣна дѣятельность Н. П. Боголѣпова. Жизнь волею Господнею пресѣклась внезапно. Вѣрный до послѣдней минуты своему долгу, онъ скончался при исполненіи своихъ многотрудныхъ обязанностей, къ которымъ былъ призванъ Высочайшею волею. Память о немъ и о его безвременной кончинѣ не изгладится въ сознаніи всѣхъ бывшихъ свидѣтелями его искренняго служенія благу народному. Выслушавъ съ сердечнымъ сочувствіемъ слова своего предсѣдателя и почтивъ, по его предложенію, память усопшаго Н. П. Боголѣпова вставаніемъ, департаментъ промышленности, наукъ и торговли положилъ записать вышеизложенное въ особый журналъ".

6-го марта обнародовано слѣдующее правительственное сообщеніе:

„Въ виду распространившихся ложныхъ слуховъ о подробностяхъ уличныхъ безпорядковъ, имѣвшихъ мѣсто за послѣднее время въ нѣкоторыхъ городахъ имперіи, министръ внутреннихъ дѣлъ считаетъ необходимымъ довести до всеобщаго свѣдѣнія нижеслѣдующія данныя, имѣющіяся у него на основаніи донесеній мѣстныхъ властей.

„19 февраля въ Петербургѣ, послѣ окончанія Божественной литургіи и общаго молебна въ Казанскомъ соборѣ, часть находившейся въ храмѣ учащейся молодежи, къ которой присоединились и лица, стоявшія на паперти собора, столпились на Казанской площади между соборомъ и скверомъ, у крыла колоннады, при чемъ нѣкоторыя лица, находившіяся въ толпѣ, пытались произносить рѣчи; на требованіе полиціи разойтись собравшіеся отвѣтили отказомъ, и въ толпѣ послышался призывъ: „Господа! всѣ плотной толпой направо, по Невскому". Слѣдуя этому призыву, толпа, съ пѣніемъ пѣсенъ, повернула на Невскій, занявъ часть улицы и весь тротуаръ. Вытребованнымъ немедленно нарядомъ полиціи толпа эта была оттѣснена во дворъ дома Петербургской городской думы, при чемъ никакихъ увѣчій никому нанесено не было; во дворѣ думы участники толпы переписаны въ числѣ 244 человѣкъ, изъ коихъ оказалось студентовъ разныхъ высшихъ учебныхъ заведеній столицы 71, слушательницъ разныхъ женскихъ курсовъ 128, другихъ женщинъ 20 и постороннихъ 25; переписанные были затѣмъ распущены по домамъ; объ участникахъ указаннаго безпорядка возбуждено дознаніе, которому данъ надлежащій ходъ.

„Того же числа въ городѣ Харьковѣ, по окончаніи богослуженія въ соборѣ и въ университетской церкви, при выходѣ изъ храма молящихся, выдѣлилось до 100 студентовъ университета и технологическаго и ветеринарнаго институтовъ и двинулись группой къ зданію университета съ пѣніемъ пѣсенъ; въ виду отказа подчиниться требованію полиціи и разойтись, лица эти были окружены вытребованной сотнею казаковъ, введены въ зданіе полицейскаго управленія и переписаны. Между тѣмъ, вокругъ зданія полицейскаго управленія, постепенно образовалось сборище изъ учащейся молодежи, требовавшее освобожденія задержанныхъ; въ виду отказа толпы (къ которой присоединились и многіе любопытные) разойтись, лица, замѣченныя въ подстрекательствѣ къ этому, были также арестованы. Вечеромъ толпа учащейся молодежи, къ которой опять присоединилось значительное число любопытныхъ, пыталась устроить демонстрацію у помѣщенія редакціи газеты „Южный Край", куда направилась съ пѣніемъ, гиканьемъ и свистомъ, но была своевременно окружена вытребованными войсками и введена въ управленіе полиціймейстера для удостовѣренія личностей; по удаленіи при этомъ послѣдней группы, къ оставшимся на улицѣ вновь примкнула толпа людей разнаго званія, которая около драматическаго театра кричала, шумѣла и пѣла пѣсни; вызванныя войска оттиснули толпу въ сосѣднія улицы и затѣмъ разсѣяли ее. Хотя губернатору и было подано восемь заявленій о полученныхъ ушибахъ и ударахъ, но, по провѣркѣ медицинскимъ освидѣтельствованіемъ, подтвердилось только одно. Объ участникахъ описанныхъ безпорядковъ также возбуждено дознаніе, при чемъ изъ числа 136 аре-

стованныхъ 24 человѣка оставлены подъ стражей, а остальные освобождены.

„22 и 23 февраля, въ Москвѣ въ 12 час. дня, у зданія стараго университета стали собираться сначала студенты университета, а потомъ и воспитанники другихъ высшихъ учебныхъ заведеній, слушательницы разныхъ женскихъ курсовъ и другія женщины. Не смотря на требованіе полиціи разойтись, толпа все возрастала и около часа дня, отодвинувъ сторожей отъ калитки, проникла въ наружный дворъ университета и затѣмъ, взломавъ двери, въ числѣ около трехсотъ человѣкъ ворвалась въ актовый залъ, гдѣ открыла сходку, приглашая на таковую своихъ товарищей, стоявшихъ на улицѣ и во дворѣ въ числѣ тоже около 300 слишкомъ человѣкъ, при чемъ собравшіеся возбуждали публику, бросая ей разныя воззванія. Какъ увѣщанія полиціи на улицѣ, такъ и инспекціи въ актовомъ залѣ не могли заставить собравшихся разойтись и прекратить безпорядки; въ виду чего сборище съ улицы и двора университета было окружено нарядомъ полиціи и препровождено въ находящійся по близости манежъ. Участники сходки, по выходѣ ихъ во дворъ университета, были тѣмъ же порядкомъ доставлены въ тотъ же манежъ; затѣмъ всѣ переписаны въ числѣ 630 человѣкъ, изъ коихъ оказалось 517 воспитанниковъ разныхъ высшихъ учебныхъ заведеній, 12 постороннихъ лицъ и 101 женщина; всѣ задержанные продолжали вести себя въ манежѣ бурно и вызывающе, не подчиняясь никакимъ требованіямъ полиціи; къ вечеру женщинамъ было предложено удалиться изъ манежа и разойтись по домамъ, чѣмъ воспользовались 93 женщины, а остальныя 8 пожелали остаться ночевать въ манежѣ вмѣстѣ съ другими задержанными. 24-го февраля 52 изъ числа задержанныхъ отправлены подъ конвоемъ въ тюрьму. Въ ночь на 25-е февраля 21 воспитанникъ межевого института были сданы учебному начальству, а прочіе 463 человѣка препровождены партіями въ пересыльную тюрьму. 24-го февраля толпы по преимуществу учащейся молодежи, доходившія по временамъ до 700 человѣкъ, пытались войти въ сношенія съ ночевавшими въ манежѣ задержанными, переговариваясь съ ними черезъ разбитыя ими стекла въ нѣкоторыхъ окнахъ этого зданія; полиція, поддержанная сотней казаковъ, неоднократно очищала мѣстность отъ толпившихся, но около 5 часовъ вечера постепенно собиравшаяся толпа приблизительно человѣкъ въ 300 направилась по Никитской и Тверскому бульвару съ пѣснями и криками, а остуда—на Тверскую улицу, гдѣ гдѣ у Брюсовскаго переулка была отодвинута нарядомъ въ боковые переулки и разсѣяна. Около часу въ ночь на 25-е февраля толпа свыше 100 человѣкъ студентовъ и женщинъ, не пропущенная на Тверскую, пошла по Петровкѣ и была оттѣснена нарядомъ у Петровскихъ воротъ. Въ воскресенье, 25-го февраля, толпа изъ разночинцевъ, руководимая воспитанниками высшихъ учебныхъ заведеній и слушательницами разныхъ женскихъ курсовъ, производила въ теченіе дня безпорядки въ центральныхъ частяхъ города, порываясь проникнуть на Тверскую улицу; эти попытки были останавливаемы нарядомъ полиціи и двумя сотнями казаковъ. Къ вечеру, когда разнузданное сборище стало разбивать стекла въ уличныхъ фонаряхъ на Большой Никитской улицѣ и Страстномъ бульварѣ, то, съ цѣлью окончательнаго

прекращенія безпорядковъ и въ виду наступающей ночи, въ помощь полиціи были вызваны два эскадрона 3-го драгунскаго Сумскаго полка и приступлено къ задержанію безчинствовавшихъ. Одна толпа, числомъ до 400 человѣкъ, была окружена и доставлена въ манежъ, а другая, безобразничавшая близъ Срѣтенскихъ воротъ, введена въ домъ Воробьева. По выясненіи задержанныхъ въ манежѣ и во дворѣ Воробьева, арестованы 16 студентовъ, два бывшихъ студента и одинъ лѣкарь, какъ руководители безпорядковъ; остальные, по перепискѣ ихъ, распущены по домамъ; всего же, включая вышепоименованныхъ въ теченіе дня за ослушаніе полиціи и руководительство безпорядками, арестовано 34 человѣка, въ томъ числѣ студентовъ университета и воспитанниковъ другихъ высшихъ учебныхъ заведеній—21, слушательницъ разныхъ женскихъ курсовъ—9 и постороннихъ—4. 26-го февраля, около 2 часовъ дня, на Охотнорядской площади образовалась толпа, приблизительно, въ 150 человѣкъ студентовъ, женщинъ и постороннихъ лицъ, которая была нарядомъ раздѣлена и часть ея оттѣснена и введена, въ числѣ 85 человѣкъ, въ манежъ, гдѣ была переписана; въ ней оказался 31 студентъ, изъ коихъ двое, какъ наиболѣе виновные, арестованы. Въ тотъ же день при полицейскихъ участкахъ задержано за попытки къ устройству уличныхъ безпорядковъ въ разныхъ частяхъ города 25 человѣкъ; въ томъ числѣ 15 студентовъ. Изъ числа задержанныхъ оставлены подъ стражей двое мужчинъ и одна женщина. Въ воскресенье, 4-го марта, въ 2 часа дня, на Тверскомъ бульварѣ демонстративно появившаяся толпа, около 70 человѣкъ, большинство которой составляли воспитанники техническаго училища, была окружена полиціей и введена во дворъ сосѣдняго дома; при задержаніи этой толпы собралась группа женщинъ, старавшихся возбудить сочувствіе любопытныхъ осужденіемъ дѣйствій полиціи; женщины эти, въ числѣ 9-ти, были также задержаны; затѣмъ, участники безпорядковъ, въ числѣ 67, переписаны, и изъ нихъ арестовано 11 воспитанниковъ техническаго училища, 1 студентъ московскаго университета и 3 женщины. За время всѣхъ происходившихъ въ Москвѣ въ указанные дни безпорядковъ не было никакихъ столкновеній и дракъ толпы съ полиціей и вызывавшимися ей въ помощь военными командами при удержаніи и арестованіи виновныхъ. Относительно всѣхъ виновныхъ производится разслѣдованіе подлежащими учебными начальствами и административными властями.

„4-го сего марта, въ С.-Петербургѣ, около 11 часовъ утра, къ Казанскому собору стали подходить группы разнаго званія лицъ, которыя расположились въ самомъ соборѣ, вокругъ него и на площади; къ 12-ти часамъ толпа значительно пополнилась студентами столичныхъ высшихъ учебныхъ заведеній и слушательницами разныхъ женскихъ курсовъ, такъ что паперть колоннады собора, скверъ и боковые проѣзды оказались сплошь занятыми толпой, числомъ около 3.000 человѣкъ. На требованія полиціи разойтись бо́льшая часть присутствовавшихъ не обращала вниманія. Въ толпѣ распространялись по рукамъ разные листки, а одинъ студентъ, около дверей собора, началъ громкимъ голосомъ читать воззваніе отъ имени петербургскихъ студентовъ, съ предъявленіемъ разныхъ требованій; послышались возгласы и поднялись шумъ и крики; вслѣдствіе сего былъ вызванъ уси-

ленный нарядъ полиціи и казаковъ, который совершенно изолировалъ скопище на площади отъ окружавшей его и расположившейся большей частью по Невскому проспекту публики. При появленіи отряда, окруженная толпа, подаваясь назадъ, къ дверямъ собора, стала бросать въ войска и полицію разными предметами; нѣсколько студентовъ пытались при этомъ развернуть имѣвшіеся при нихъ красные и бѣлые флаги съ разными надписями, которые отъ нихъ были немедленно отобраны. Съ правой стороны собора часть толпы вступила въ борьбу съ разсѣивавшимъ ее нарядомъ полиціи и казаковъ, дѣйствуя палками и взятыми съ паперти желѣзными прутьями отъ ковровъ, и бросая галошами, обледенѣлымъ снѣгомъ и каменьями; въ это время брошеннымъ изъ толпы желѣзнымъ молоткомъ безъ рукоятки былъ раненъ въ голову командиръ 2-й сотни лейбъ-гвардіи казачьяго Его Величества полка, есаулъ Исеевъ, причемъ ударъ былъ настолько силенъ, что названный офицеръ, окровавленный, выбылъ изъ строя. Увидѣвъ это, окружавшіе его казаки спѣшились и двинулись въ центръ толпившихся на паперти, гдѣ между ними и толпой завязалась драка, при чемъ часть буйствовавшихъ была оттиснута на площадь, окружена нарядомъ и отправлена подъ арестъ; часть же бросилась въ соборъ, при чемъ нѣкоторые остались въ фуражкахъ и даже курили папиросы; на замѣчаніе швейцара о прекращеніи такого безчинства въ церкви одинъ изъ студентовъ нанесъ ему ударъ по лицу; несмотря на возникшій въ церкви безпорядокъ и шумъ, богослуженіе продолжалось до конца; бо́льшая же часть молящихся поспѣшила удалиться изъ храма черезъ боковыя двери. По закрытіи царскихъ вратъ, настоятель вышелъ на амвонъ для увѣщанія безчинствовавшихъ, но безуспѣшно, а на предложеніе покинуть соборъ одинъ изъ студентовъ, стоявшій сзади настоятеля, взялъ его за рукавъ рясы, совѣтуя, во избѣжаніе непріятностей, удалиться самому; затѣмъ толпа отодвинулась къ задней стѣнѣ собора для совѣщанія о дальнѣйшемъ образѣ дѣйствій, при чемъ большинство рѣшило не выходить изъ церкви по одиночкѣ и уничтожить все, что́ при нихъ имѣлось компрометирующаго. Въ это время вошла полиція и убѣдила остававшуюся толпу, въ числѣ около 300 человѣкъ, покинуть соборъ и слѣдовать въ Казанскую часть. Площадь передъ соборомъ была очищена отъ производившихъ безпорядки къ часу дня, послѣ чего чины наряда полиціи и казаковъ вынуждены были въ теченіе нѣсколькихъ часовъ устранять скопленіе на Невскомъ собравшихся, къ сожалѣнію, въ громадномъ количествѣ между Садовой улицей и Полицейскимъ мостомъ любопытствовавшихъ, крайне стѣснявшихъ дѣйствія полиціи. Всего задержано 4-го марта 760 человѣкъ, изъ коихъ 339 студентовъ высшихъ учебныхъ заведеній столицы, 377 женщинъ, преимущественно слушательницъ разныхъ женскихъ курсовъ, и 44 постороннихъ. Во время драки съ толпой раненъ вышеназванный есаулъ Исеевъ и нанесенъ сильный ударъ приставу подполковнику Вильчевскому; получили удары и пораненія, потребовавшія оказанія медицинской помощи, но не имѣющія серьезнаго характера—20 городовыхъ и 4 казака, а изъ числа арестованныхъ—18 мужчинъ и 14 женщинъ. О виновникахъ безпорядковъ производится дознаніе".

8-го марта обнародовано обязательное постановленіе с.-петербургскаго градоначальника, изданное на основаніи ст. 15 и пп. 1 и 2 ст. 16 Положенія о мѣрахъ къ охраненію государственнаго порядка и общественнаго спокойствія (Прил. къ ст. 1 Уст. о пред. и пресѣч. пр., Св. Зак. т. XIV), слѣдующаго содержанія:

Ст. 1-я. Сходбища и собранія народа на улицахъ, площадяхъ, скверахъ и иныхъ общественныхъ мѣстахъ, для совѣщаній и дѣйствій, противныхъ общественному порядку и спокойствію, воспрещаются. Ст. 2-я. При возникновеніи уличнаго безпорядка, скопленіе сторонней публики на перечисленныхъ въ ст. 1-й и ближайшихъ къ мѣсту происшествія мѣстахъ—воспрещается. Ст. 3-я. Вышеупомянутыя сходбища и собранія (ст. 1), а равно сторонняя публика (ст. 2), обязаны, по первому требованію полиціи, разойтись. Ст. 4-я. Виновные въ нарушеніи сего постановленія подвергаются, въ административномъ порядкѣ, аресту до трехъ мѣсяцевъ или денежному штрафу до пятисотъ рублей. Ст. 5-я. Настоящее постановленіе вступаетъ въ законную силу со дня его распубликованія и распространяется на столицу и пригородныя мѣстности.

12-го марта разосланъ гг. губернаторамъ и оберъ-полиціймейстерамъ слѣдующій циркуляръ г. министра внутреннихъ дѣлъ:

„Въ концѣ минувшаго февраля и первыхъ числахъ текущаго марта общественный порядокъ и спокойствіе въ нѣкоторыхъ городахъ имперіи были нѣсколько разъ нарушены уличными безпорядками.

„Изъ представленныхъ въ министерство внутреннихъ дѣлъ свѣдѣній о ходѣ означенныхъ безпорядковъ я усмотрѣлъ, что хотя со стороны мѣстныхъ властей и были принимаемы къ ихъ устраненію признававшіяся ими соотвѣтственными мѣры, но во многихъ случаяхъ распоряженія полиціи едва ли могутъ быть признаны вполнѣ отвѣчающими требованіямъ той быстроты и рѣшительности, которыя представляются безусловно необходимыми для немедленнаго устраненія возникшаго безпорядка и возстановленія нарушенныхъ благочинія и общественнаго спокойствія. Кромѣ того, обращаетъ на себя вниманіе и то, что подлежащія полицейскія власти, повидимому, недостаточно усвоили себѣ сознаніе, что органы полиціи въ равной, если даже не въ большей степени, обязаны изыскивать мѣры не только къ пресѣченію всякаго рода нарушеній закона, но въ особенности къ предупрежденію таковыхъ. Въ примѣненіи къ случаямъ уличныхъ безпорядковъ эта предупредительная дѣятельность полицейскихъ органовъ представляется особенно необходимою, такъ какъ своевременно изысканныя и правильно примѣненныя мѣры являются желательными именно въ то время, когда толпа только еще начинаетъ собираться на мѣсто безпорядковъ, дальнѣйшему развитію коихъ можетъ быть положенъ, такимъ образомъ, предѣлъ въ самомъ ихъ началѣ.

„Къ сожалѣнію, отсутствіе въ нѣкоторыхъ случаяхъ должной распорядительности замѣчено мною, главнымъ образомъ, въ этотъ перво-

начальный, подготовительный періодъ безпорядковъ, что, конечно, влечетъ за собою необходимость прибѣгать къ серьезнымъ мѣрамъ для прекращенія безобразій со стороны толпы, самаго скопленія которой, быть можетъ, удалось бы избѣжать предупредительными распоряженіями. Равнымъ образомъ я не могу не отмѣтить и нѣкоторой медлительности властей въ соотвѣтственномъ примѣненіи имѣвшихся уже въ ихъ распоряженіи, по вызовѣ полицейскаго наряда и войскъ, достаточныхъ къ подавленію безпорядковъ средствъ. Такъ, въ одномъ случаѣ, полиціею, за нѣсколько часовъ до момента, когда подготовлявшаяся заранѣе демонстрація обратилась въ уличный безпорядокъ, было уже, повидимому, замѣчено направленіе лицъ, намѣревавшихся произвести безпорядки, къ избранному для сего мѣсту; обращало на себя вниманіе и то, что независимо лицъ, непосредственно проникнувшихъ въ заранѣе избранное мѣсто, многіе собрались довольно значительными группами въ ближайшемъ сосѣдствѣ, оставаясь въ выжидательномъ положеніи. Мѣръ къ устраненію возникавшаго скопища, однако, своевременно принято не было, и дѣятельность полицейскихъ органовъ проявилась на дѣлѣ лишь тогда, когда собравшіеся успѣли сплотиться уже въ толпу, превышавшую нѣсколько сотъ человѣкъ, и отказались исполнить предъявленное имъ требованіе разойтись. Въ другомъ случаѣ уличный безпорядокъ, начавшійся въ срединѣ дня, при участіи около полутораста человѣкъ, постепенно возрастая, принялъ къ вечеру того же дня серьезные размѣры по числу участниковъ, для разсѣянія коихъ пришлось прибѣгнуть къ вызову войскъ. Между тѣмъ немедленное воздѣйствіе на собиравшуюся толпу и устраненіе скопленія публики въ самомъ началѣ, по всей вѣроятности, было бы достаточнымъ для недопущенія образованія большого скопища. Мнѣ извѣстенъ также случай, когда чины полиціи, замѣчая постепенное скопленіе лицъ, несомнѣнно собиравшихся въ данное мѣсто для недозволенныхъ цѣлей, въ теченіе болѣе часа ограничивались, повидимому, одними лишь слабыми увѣщаніями, приступивъ къ удаленію нарушающей порядокъ толпы съ мѣста происшествія спустя довольно значительный промежутокъ времени. Отсутствіемъ своевременно принятыхъ мѣръ я объясняю себѣ и предоставленную въ одномъ случаѣ возможность толпѣ образоваться около мѣста временнаго задержанія лицъ, принимавшихъ участіе въ безпорядкахъ, и даже вступить въ переговоры съ заключенными. Наконецъ, неоднократно чины полиціи, вмѣсто того, чтобы не допускать никакихъ скопленій на улицахъ, приступали къ разсѣянію буяновъ уже послѣ соединенія ихъ въ болѣе или менѣе значительныя толпы, которыя до того безнаказанно двигались по улицамъ, съ шумомъ, криками и пѣснями, будучи притомъ сопровождаемы любопытными и другимъ праздношатающимся людомъ.

„Охраненіе общественнаго порядка и спокойствія, недопущеніе шумныхъ и безпорядочныхъ скопищъ и принятіе соотвѣтственныхъ по сему мѣръ составляютъ прямую обязанность чиновъ полиціи (ст. 113, 120 и 121 Уст. о пред. прест., п. 5 ст. 681, 688 и 726 Общ. губ. учр. т. II Св. Зак.), на отвѣтственность же губернаторовъ, градоначальниковъ и оберъ-полиціймейстеровъ законъ возлагаетъ принятіе, при возникновеніи безпорядковъ между обывателями, всѣхъ нужныхъ

дѣйствительнѣйшихъ и удобнѣйшихъ мѣръ для прекращенія сихъ безпорядковъ, вразумленія заблуждающихся и усмиренія ослушныхъ. Для сего они могутъ требовать содѣйствія войскъ и, въ случаѣ необходимости, силою и строгостью полагаютъ конецъ неустройствамъ.

„Не признавая возможнымъ давать какія-либо ближайшія указанія относительно самыхъ способовъ прекращенія безпорядковъ, такъ какъ способы эти, съ одной стороны, указаны закономъ, а съ другой, въ отношеніи выбора при ихъ примѣненіи, нерѣдко зависятъ отъ случайныхъ обстоятельствъ и условій времени и мѣста, я, тѣмъ не менѣе, въ силу возложенной на меня по закону обязанности охраненія внутренней безопасности въ имперіи, нахожу необходимымъ преподать гг. губернаторамъ, градоначальникамъ и оберъ-полиціймейстерамъ нижеслѣдующія руководящія соображенія относительно мѣръ, признаваемыхъ мною наиболѣе цѣлесообразными, въ случаяхъ возникновенія безпорядковъ.

„Соотвѣтственно тѣмъ моментамъ, на которые можетъ быть расчленяемо самое разсматриваемое событіе, мѣры, въ отношеніи его принимаемыя, должны касаться: 1) предупрежденія возникновенія безпорядка; 2) прекращенія возникшаго безпорядка, и 3) возстановленія нарушеннаго порядка.

„Обращаясь къ разсмотрѣнію мѣръ первой категоріи, я прежде всего признавалъ бы желательнымъ, чтобы мѣстныя высшія губернскія власти озаботились изысканіемъ соотвѣтственныхъ способовъ къ тому, чтобы, по возможности, быть заранѣе освѣдомленными о замышляемомъ безпорядкѣ. Въ этихъ цѣляхъ надлежитъ обратить особое вниманіе на наблюдательную дѣятельность чиновъ полиціи. Полиція, при внимательномъ наблюденіи за элементами населенія, наиболѣе по условіямъ даннаго времени или мѣста склонными къ производству безпорядковъ, должна получить заблаговременно хотя бы нѣкоторыя указанія на подготовленіе безпорядка въ той или иной формѣ. По полученіи подобныхъ указаній или же свѣдѣній о начинающемся ненормальномъ скопленіи народа въ извѣстномъ районѣ, надлежитъ безотлагательно усилить мѣстный полицейскій нарядъ, главная обязанность коего должна первоначально заключаться въ принятіи мѣръ къ недопущенію скопленія публики и недозволенію лицамъ, замышляющимъ устройство безпорядка, соединиться въ толпу болѣе или менѣе значительнаго размѣра. Для сего чины полиціи должны въ это именно время тщательно наблюдать за появленіемъ на мѣстѣ группъ изъ нѣсколькихъ лицъ, остановками на улицѣ или тротуарѣ проходящихъ, не вызываемыми какими-либо основательными причинами, и т. п. Замѣтивъ подобное явленіе, чины полиціи обязаны немедленно предъявить требованіе разойтись, не останавливаться и слѣдовать своею дорогою, не загораживая свободнаго прохода другимъ. Требованіе это должно быть предъявлено въ вѣжливой, но непремѣнно авторитетной формѣ, и притомъ ко всѣмъ лицамъ, не взирая на ихъ званіе и положеніе и памятуя, что всѣ безъ различія обязаны безпрекословно подчиняться законнымъ требованіямъ полиціи. Неповинующихся такому требованію чинъ полиціи долженъ предупредить о послѣдствіяхъ неповиновенія, а въ случаѣ упорства—задержать и препроводить въ ближайшее полицейское помѣщеніе, для составленія протокола и при-

влеченія къ законной отвѣтственности. Въ мѣстностяхъ, гдѣ дѣйствуетъ положеніе объ усиленной охранѣ, такія лица должны быть подвергаемы взысканію въ административномъ порядкѣ, для чего вездѣ должны быть своевременно изданы, на основаніи 15 и 16 ст. указаннаго положенія, соотвѣтственныя обязательныя постановленія о недопущеніи уличныхъ собраній и скопищъ.

„Если, однако, несмотря на всѣ принятыя мѣры, лица, задавшіяся цѣлью произвести безпорядокъ, приступятъ къ дѣйствіямъ, клонящимся къ нарушенію общественнаго порядка и спокойствія, т.-е. соберутся въ скопище, не желающее разойтись, начнутъ производить шумъ, крикъ, произносить рѣчи, покушаться на оказаніе сопротивленія распоряженіямъ полиціи по задержанію того или другого лица и т. п., то на обязанность административныхъ и полицейскихъ чиновъ возлагается безотлагательное примѣненіе самыхъ рѣшительныхъ мѣръ къ прекращенію безпорядка, а также къ удаленію съ мѣста послѣдняго любопытствующей публики, присутствіе которой нерѣдко въ значительной степени парализуетъ дѣятельность полицейскихъ чиновъ, отвлекая вниманіе ихъ отъ достиженія главнѣйшей цѣли и вынуждая ихъ удѣлять часть времени и средствъ второстепеннымъ задачамъ. При этомъ представляется безусловно необходимымъ придавать указаннымъ распоряженіямъ въ высшей степени энергичный характеръ, дабы быстрымъ и настойчивымъ образомъ дѣйствій заставить производящихъ безпорядокъ лицъ тотчасъ же разсѣяться и очистить мѣсто происшествія. Отсутствіе быстроты, энергіи и настойчивости со стороны чиновъ полиціи въ первый же моментъ возникновенія безпорядка несомнѣнно влечетъ за собою дальнѣйшее его развитіе и необходимость затѣмъ примѣненія крайнихъ мѣръ. Въ этотъ моментъ всѣ чины полиціи должны быть проникнуты одною лишь цѣлью: достигнуть быстраго возстановленія порядка во что бы то ни стало и принимать всѣ надлежащіе къ тому способы, не останавливаясь передъ необходимостью дѣйствовать строгостью и силою.

„Для достиженія требуемаго результата представляется безусловно необходимымъ, чтобы всѣ дѣлаемыя по сему поводу распоряженія исходили отъ одного авторитетнаго лица, находящагося притомъ непосредственно на мѣстѣ происшествія.

„Совершенно соотвѣтственнымъ являлось бы, по мнѣнію моему, чтобы въ этихъ случаяхъ непосредственное главное руководство чинами полиціи на мѣстѣ принимали на себя лично гг. губернаторы, градоначальники и оберъ-полиціймейстеры; буде же лица эти, по особо важнымъ причинамъ, не могли бы принять на себя эту обязанность, на мѣстѣ безпорядка должно, во всякомъ случаѣ, находиться уполномоченное ими на то лицо, которое и обязано единолично дѣлать надлежащія распоряженія. При возникновеніи безпорядковъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ, въ каждое изъ нихъ должно быть назначено особое лицо изъ старшихъ и наиболѣе опытныхъ полицейскихъ чиновъ, которое и принимаетъ необходимыя мѣры подъ личною своею за нихъ отвѣтственностью. Въ распоряженія полиціи отнюдь не должно быть допускаемо вмѣшательство, въ какой бы то ни было формѣ, лицъ постороннихъ, не взирая на ихъ положеніе, чинъ или званіе; появленіе подобныхъ лицъ должно немедленно повлечь за собою ихъ задер-

жаніе. Нижнихъ полицейскихъ чиновъ слѣдуетъ избѣгать ставить въ положеніе самостоятельныхъ распорядителей; имъ должно быть внушено, что личная иниціатива съ ихъ стороны въ принятіи какихъ-либо мѣръ можетъ быть допущена лишь въ исключительныхъ и отдѣльныхъ случаяхъ. По сему представляется необходимымъ имѣть въ составѣ дѣйствующаго на мѣстѣ полицейскаго наряда возможно бо̀льшее число полицейскихъ офицеровъ и чиновниковъ, на обязанность коихъ и должно быть возложено руководительство нижними чинами и строгое наблюденіе за ихъ дѣйствіями.

„При невозможности прекратить безпорядокъ наличными силами полиціи, законъ уполномочиваетъ прибѣгать для сего къ содѣйствію войскъ. Мѣра эта не должна, однако, быть употребляема безъ серьезной къ тому необходимости, такъ какъ пріучать толпу къ вызову войска, если дѣйствіе послѣдняго ограничивается пассивнымъ присутствіемъ на мѣстѣ безпорядка, совершенно нежелательно. Слѣдуетъ, напротивъ, вселить въ населеніи увѣренность, что появленіе войска указываетъ не только на возможность, но и на необходимость употребить въ дѣло оружіе. Сказанное относится, главнымъ образомъ, къ вызову пѣхотныхъ частей; что же касается кавалеріи, то своевременный вызовъ послѣдней, не исключительно въ цѣляхъ употребленія оружія, представляется иногда весьма соотвѣтственнымъ и желательнымъ.

„По прибытіи войска, по вызову гражданскаго начальства, послѣднее, въ силу закона (пп. 15 и 16 Прилож. къ ст. 316 (прим.) т. II Общ. губ. учр.), отнюдь не должно присвоивать себѣ права распоряженія нижними воинскими чинами; оно ограничивается сообщеніемъ прибывшему на мѣсто старшему начальнику военнаго отряда о положеніи дѣла, а также передаетъ ему указанія о цѣли, которой имѣется въ виду достигнуть; затѣмъ на обязанности старшаго на мѣстѣ представителя гражданской власти остается, по исчерпаніи всѣхъ зависящихъ отъ него средствъ къ усмиренію неповинующихся, опредѣленіе времени, когда войска должны прибѣгнуть къ дѣйствію оружіемъ.

„По подавленіи возникшаго безпорядка, разсѣяніи буйствующей толпы и очищеніи мѣста сборища, дѣйствія полиціи должны немедленно принять снова вполнѣ спокойный и нормальный характеръ. Чины полиціи должны постоянно помнить, что имъ по закону не предоставлено карательной власти, а насколько отъ нихъ требуется энергія и принятіе самыхъ строгихъ и иногда даже чрезвычайныхъ мѣръ при подавленіи безпорядка, настолько послѣдующая ихъ дѣятельность должна быть основана на точномъ и хладнокровномъ примѣненіи закона и направляться, главнымъ образомъ, къ облегченію возможности правильнаго разслѣдованія дѣла и привлеченія виновныхъ въ безпорядкахъ къ отвѣтственности. Поэтому старшіе чины полиціи на мѣстѣ дѣйствія должны обращать особое вниманіе на то, чтобы подчиненные имъ младшіе чины, при задержаніи замѣченныхъ въ участіи въ безпорядкѣ лицъ, препровожденіи ихъ въ мѣста заключенія, возстановленіи пріостановленнаго движенія на улицахъ и т. п., всегда соблюдали должное спокойствіе, отнюдь не дозволяя себѣ дѣйствій, не вызываемыхъ болѣе необходимостью.

„Предлагая гг. губернаторамъ, градоначальникамъ и оберъ-поли-

ціймейстерамъ изложенныя выше указанія къ обязательному руководству и точному исполненію, я твердо увѣренъ, что при внимательномъ, разумномъ и строгомъ отношеніи къ дѣлу со стороны подлежащихъ властей, уличные безпорядки имѣть мѣста *не должны*, а посему своевременное принятіе мѣръ къ ихъ предупрежденію и прекращенію я возлагаю на личную строгую отвѣтственность всѣхъ обязанныхъ къ тому по закону должностныхъ лицъ.

„Съ содержаніемъ настоящаго циркуляра предлагаю ознакомить всѣхъ высшихъ и низшихъ чиновъ полиціи, съ преподаніемъ имъ надлежащихъ по сему разъясненій и указаній".

На основаніи 2-й части статьи 42-й устава Союза взаимопомощи русскихъ писателей при Русскомъ литературномъ обществѣ, с.-петербургскимъ градоначальникомъ, 12-го марта, сдѣлано распоряженіе о закрытіи этого союза. Вторая часть ст. 42-ой устава союза была изложена такъ: независимо отъ предоставленнаго с.-петербургскому градоначальнику (ст. 321 и 863 Общ. Губ. Учр.) права закрывать общественныя собранія при обнаруженіи въ нихъ чего-либо противнаго государственному порядку и общественной безопасности и нравственности, градоначальникъ можетъ закрыть союзъ всегда, когда признаетъ это нужнымъ по дошедшимъ до него свѣдѣніямъ о безпорядкѣ или нарушеніяхъ устава.

Возвращаемся къ московскому агрономическому съѣзду, о которомъ мы упомянули, мѣсяцъ тому назадъ, по поводу постановленія его, относившагося къ мелкой земской единицѣ. Засѣданія съѣзда, продолжавшіяся десять дней, отличались рѣдкимъ оживленіемъ. Всѣ шесть секцій, на которыя онъ раздѣлялся, работали усиленно; въ общемъ собраніи происходили интересныя пренія по вопросамъ, въ высшей степени важнымъ для народной массы. Любопытны цифры, характеризующія личный составъ съѣзда: изъ 315 его членовъ представителей земствъ, губернскихъ и уѣздныхъ, было 26, земскихъ агрономовъ, инструкторовъ и статистиковъ—97, профессоровъ—18, директоровъ и преподавателей среднихъ и низшихъ сельско-хозяйственныхъ школъ—18, уполномоченныхъ министерства земледѣлія по сельско-хозяйственной части, состоящихъ въ вѣдѣніи министерства спеціалистовъ по разнымъ отраслямъ хозяйства, а также представителей опытныхъ полей и фермъ—46, представителей сельско-хозяйственной печати—5, представителей и агрономовъ обществъ сельскаго хозяйства—75, лицъ разныхъ другихъ категорій—32. Итакъ, представители земствъ (выборные и невыборные) располагали только одною,

съ небольшимъ, третью голосовъ; не изъ нихъ однихъ составлялось, слѣдовательно, то значительное большинство, которымъ разрѣшены главнѣйшіе вопросы, подлежавшіе обсужденію съѣзда. Само собою разумѣется, притомъ, что разногласіе возникало иногда и между земскими членами съѣзда.

Въ тѣсной связи съ извѣстнымъ уже нашимъ читателямъ постановленіемъ съѣзда о мелкой земской единицѣ стоятъ его взгляды на многія другія стороны народной жизни. Вниманіе съѣзда было обращено на образующіяся въ разныхъ мѣстностяхъ Россіи (напр. въ губерніяхъ самарской, вятской, курской, полтавской) сельско-хозяйственныя общества *малаго раіона*, обнимающія собою, бо́льшею частью, только одну волость и нерѣдко достигающія довольно удовлетворительныхъ результатовъ (неудачу они потерпѣли только въ костромской губерніи). Не отрицая пользы подобныхъ обществъ для повышенія какъ общей, такъ и сельско-хозяйственной культуры, съѣздъ нашелъ, что они, какъ союзы добровольные, не представляютъ собою интересы всѣхъ слоевъ сельскаго населенія и не могутъ, слѣдовательно, замѣнить мелкую земскую единицу. Особенно желательнымъ учрежденіе сельско-хозяйственныхъ обществъ вообще и обществъ „малаго раіона“ въ особенности съѣздъ призналъ въ губерніяхъ неземскихъ, не потому, конечно, чтобы они могли замѣнить собою земскія учрежденія, а потому, что они способны хоть нѣсколько удовлетворить назрѣвающія нужды населенія. По справедливому указанію съѣзда, въ неземскихъ губерніяхъ сельско-хозяйственнымъ обществамъ слѣдовало бы предоставить право облагать своихъ членовъ не одинаковымъ для всѣхъ и потому слишкомъ высокимъ для многихъ взносомъ, а по соразмѣрности съ платежной силой каждаго. Пренія о мелкомъ кредитѣ, коснувшіяся всѣхъ различныхъ его формъ (волостныхъ кассъ, сельскихъ банковъ, кредитныхъ и ссудо-сберегательныхъ товариществъ) привели съѣздъ къ убѣжденію въ наибольшей цѣлесообразности кредитныхъ товариществъ, какъ не требующихъ образованія паевъ (часто фиктивныхъ и во всякомъ случаѣ затрудняющихъ вступленіе въ товарищество) и всего легче допускающихъ контроль и участіе земства. И здѣсь съѣздъ возлагаетъ особыя надежды на мелкую земскую единицу; пока ея нѣтъ, онъ рекомендуетъ величайшую осторожность въ учрежденіи кредитныхъ товариществъ, въ виду затруднительности правильнаго контроля надъ ихъ операціями. Мелкая земская единица играла большую роль и въ преніяхъ о задачахъ мѣстныхъ агрономовъ. Указывалось на возможность и пользу прямыхъ сношеній между агрономами и отдѣльными общинами, сельскохозяйственными обществами, волостными собраніями опытныхъ хозяевъ; но съѣздъ, не отвергая ни одного изъ этихъ способовъ распространенія агрономи-

ческихъ свѣдѣній, все-таки призналъ, что живая связь агрономической организаціи съ населеніемъ можетъ осуществиться лишь тогда, когда на мѣстахъ будутъ существовать „мелкіе общественные органы, обезпечивающіе развитіе общественной самодѣятельности".

Другая основная мысль, къ которой много разъ, по различнымъ поводамъ, возвращался съѣздъ—это необходимость устраненія или уменьшенія искусственныхъ преградъ, стоящихъ на пути сельскохозяйственнаго развитія. Къ числу такихъ преградъ относятся, напримѣръ, дѣйствующія правила о допущеніи и недопущеніи сельскохозяйственныхъ изданій въ школы, библіотеки и читальни. На съѣздѣ выяснилось, что недопущенными могутъ оказаться даже такія изданія, которыя *одобрены* ученымъ комитетомъ министерства земледѣлія! Съѣздъ призналъ желательнымъ, чтобы всѣ безъ исключенія книги, касающіяся сельскаго хозяйства, были допущены къ свободному обращенію какъ въ школахъ, такъ и въ библіотекахъ и читальняхъ, и чтобы ученый комитетъ министерства земледѣлія составлялъ періодически каталоги сочиненій, имъ одобренныхъ [1]). Рѣшено также возбудить ходатайство о дозволеніи издавать, въ малороссійскихъ губерніяхъ, на малорусскомъ языкѣ, брошюры и періодическія изданія по сельскому хозяйству [2]). Находя, что однимъ изъ лучшихъ средствъ распространенія сельско-хозяйственныхъ знаній служатъ сельско-хозяйственныя чтенія и бесѣды, съѣздъ призналъ въ высокой степени важнымъ и желательнымъ, чтобы ихъ устройство было включено въ программу дѣятельности агрономовъ, какъ земскихъ, такъ и правительственныхъ, и учителей, какъ мѣстныхъ, такъ и странствующихъ, и предоставлено сельско-хозяйственнымъ обществамъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ съѣздъ пришелъ къ заключенію, что необходимо было бы облегчить открытіе бесѣдъ и чтеній, замѣнивъ нынѣ дѣйствующія правила простымъ обязательствомъ заблаговременно сообщать мѣстной полицейской власти о времени, мѣстѣ и предметѣ чтенія или бесѣды. Убѣжденіемъ съѣзда, что излишняя регламентація задерживаетъ и извращаетъ нормальный ходъ народной жизни, объясняется, далѣе, рѣзкій отпоръ, встрѣченный предложеніемъ „регулировать общинное землевладѣніе если не законодательнымъ путемъ, то по крайней мѣрѣ со стороны мѣстныхъ административныхъ и общественныхъ учрежденій—

---

[1]) Въ настоящее время ученый комитетъ министерства земледѣлія разсматриваетъ только тѣ книги, которыя представлены ему самими авторами или издателями. Во время преній на съѣздѣ было выражено вполнѣ основательное желаніе, чтобы разсмотрѣнію комитета подлежало все выходящее вновь по данной отрасли знаній.

[2]) О неудобствахъ нынѣ дѣйствующаго порядка даетъ понятіе запретъ на сельскохозяйственныя брошюры г. Чикаленка (см. Обществ. Хронику въ № 12 „Вѣстн. Европы" за 1900 г.).

земскихъ начальниковъ, уѣздныхъ съѣздовъ, земскихъ агрономовъ и сельско-хозяйственныхъ совѣтовъ". Одинъ изъ немногихъ защитниковъ предложенія пытался объяснить отрицательное отношеніе къ нему большинства словами: „земскій начальникъ", которыя, „какъ жупелъ, запугали собраніе". На это былъ данъ отвѣтъ, что земскій начальникъ страшенъ для общины не какъ жупелъ, а какъ „реальная власть, связывающая свободу общины и весьма часто налагающая свое veto на ея рѣшенія". Нерасположеніе съѣзда къ административной опекѣ выразилось и въ преніяхъ о мелкомъ кредитѣ, отмѣтившихъ нежелательность вмѣшательства земскихъ начальниковъ въ внутренніе распорядки ссудо-сберегательныхъ товариществъ. Успокоительно, въ этомъ отношеніи, подѣйствовало на съѣздъ заявленіе одного изъ его членовъ, что противъ такого вмѣшательства высказался недавно правительствующій сенатъ... Изъ того, что съѣздъ возсталъ противъ избытка регламентаціи, еще не слѣдуетъ, что ему дорога теорія безусловнаго невмѣшательства государства въ экономическую жизнь: наоборотъ, онъ стоитъ за правительственную и земскую поддержку предпріятій, полезныхъ для народной массы—всякаго рода кооперацій въ сферѣ производства, кредита, потребленія и сбыта, напр., артельныхъ и общественныхъ сыроваренъ и маслодѣленъ. Искусственное ограниченіе общиннаго землевладѣнія съѣздъ отвергаетъ потому, что считаетъ эту форму землевладѣнія вполнѣ совмѣстною съ агрикультурными улучшеніями...

Большой интересъ представляютъ пренія и постановленія съѣзда по вопросу объ отношеніи между земствами губернскимъ и уѣздными, возбуждающему столько споровъ и въ земскихъ собраніяхъ, и въ печати. Само собою разумѣется, что съѣздъ коснулся этого вопроса только въ предѣлахъ своей компетенціи, т.-е. только съ агрономической точки зрѣнія; но полезное въ одной области земскаго хозяйства не можетъ не быть полезнымъ и во всѣхъ другихъ. На обсужденіе съѣзда вопросъ былъ поставленъ въ слѣдующей формѣ: слѣдуетъ ли признать желательнымъ какое-либо взаимодѣйствіе между губернскими и уѣздными земствами въ дѣлѣ организаціи агрономической помощи, и если взаимодѣйствіе между ними въ области агрономической дѣятельности желательно, то какой именно типъ такого взаимодѣйствія представляется наиболѣе цѣлесообразнымъ. Предсѣдатель московской губ. земской управы, Д. Н. Шиповъ (предсѣдательствовавшій въ одной изъ секцій съѣзда), сообщилъ съѣзду, что въ настоящее время существуютъ три типа организаціи земской агрономической дѣятельности. Первый типъ основанъ на принципѣ централизаціи: губернское земство несетъ всѣ расходы по агрономической помощи населенію, приглашаетъ уѣздныхъ агрономовъ, которые дѣйствуютъ по его про-

граммѣ и подъ контролемъ губернской управы и губернскаго агронома; такова организація въ вятской, нижегородской, пермской (до 1900 г.) и херсонской губерніяхъ. Второй типъ основанъ на принципѣ общей работы и взаимодѣйствіи между губернскимъ и уѣздными земствами, причемъ уѣздныя земства пользуются полной самостоятельностью и автономіей въ своей агрономической дѣятельности; иниціативу въ разрѣшеніи вопросовъ принимаетъ на себя губернское земство, но она можетъ исходить и отъ уѣздовъ; объединеніе достигается путемъ съѣздовъ агрономовъ, членовъ экономическихъ совѣтовъ, предсѣдателей управъ для совмѣстнаго обсужденія и разработки вопросовъ; такова организація въ московской, курской, самарской, уфимской, ярославской и новгородской губерніяхъ. Третій типъ представляетъ разобщенность уѣздныхъ агрономическихъ организацій, которыя работаютъ обособленно и отдѣльно по разнымъ программамъ; къ этому типу принадлежатъ губерніи владимірская, воронежская, калужская, орловская, саратовская, тамбовская, черниговская, таврическая и олонецкая. Почти всѣ члены съѣзда, принимавшіе участіе въ преніяхъ, стали на сторону второго типа; за него энергично высказался и Д. Н. Шиповъ, котораго печать извѣстнаго оттѣнка такъ охотно выставляетъ врагомъ самостоятельности и самодѣятельности уѣздныхъ земствъ. По мнѣнію Д. Н. Шипова, всѣ практическія мѣропріятія должны находиться въ рукахъ уѣздовъ, но для объединенія агрономической дѣятельности необходимо содѣйствіе губернскаго земства. Иниціатива въ возбужденіи вопросовъ должна принадлежать какъ уѣзднымъ земствамъ, такъ и губернскому; земства уѣздныя и губернское „должны работать какъ два равноправныхъ члена, идти рука объ руку, при полномъ взаимномъ довѣріи“.

За второй типъ подало голосъ подавляющее большинство съѣзда. Между этимъ рѣшеніемъ и недавними постановленіями московскаго губернскаго земскаго собранія, подробно разобранными въ нашемъ январьскомъ внутреннемъ обозрѣніи, нѣтъ никакого принципіальнаго различія; и тамъ, и тутъ имѣется въ виду общее, дружное дѣйствіе губерніи и уѣздовъ. Если съѣздъ не коснулся *условій*, на которыхъ можетъ быть оказываема уѣздамъ губернская помощь — условій, указанныхъ московскимъ губернскимъ земскимъ собраніемъ,— то это объясняется разницей въ задачахъ того и другого: съѣзду достаточно было намѣтить, въ общихъ, всюду примѣнимыхъ чертахъ, наилучшій *типъ* междуземскихъ отношеній, — а московскому губернскому собранію предстояло опредѣлить, для своей губерніи, конкретную ихъ форму. Систематическихъ враговъ земства, видящихъ въ данномъ вопросѣ только удобное поле борьбы противъ земскихъ учреж-

деній, рѣшеніе съѣзда конечно, не переубѣдитъ и не успокоитъ; но есть основаніе надѣяться, что оно сгладитъ разногласія, существующія среди самихъ земцевъ, и облегчитъ соглашеніе между сторонниками уѣздной самодѣятельности и защитниками губернской инициативы.

Нельзя не привѣтствовать рѣшеніе съѣзда и потому, что оно служитъ косвеннымъ опроверженіемъ взглядовъ извѣстнаго писателя, авторитетомъ котораго такъ охотно прикрываются наши земствофобы. Продолжая осуждать образъ дѣйствій московскаго губернскаго земскаго собранія, Б. Н. Чичеринъ [1]) присоединяетъ къ своимъ прежнимъ доводамъ новые, преимущественно юридическаго свойства. „Для утвержденія самостоятельности юридической единицы на прочныхъ основахъ"—говоритъ высокоуважаемый писатель—„существуетъ только одно средство: точное опредѣленіе правъ и обязанностей. Это—азбука юриспруденціи. Всѣ сложныя юридическія тѣла, состоящія изъ болѣе или менѣе самостоятельныхъ единицъ, основаны на этихъ правилахъ. Собственный нашъ законъ требуетъ раздѣленія земскихъ дѣлъ на губернскія и уѣздныя. Постановивъ общимъ правиломъ, что мѣстныя дѣла должны быть въ вѣдѣніи уѣздовъ, а общія — въ вѣдѣніи губерніи, онъ предоставляетъ самимъ земствамъ болѣе подробное разграниченіе вѣдомствъ. Но именно этого московское земство знать не хочетъ. Оно находитъ разграниченіе вѣдомствъ совершенно излишнимъ. Одно и то же учрежденіе можетъ быть и въ вѣдѣніи губерніи, и въ вѣдѣніи уѣзда... Коренной вопросъ о различіи компетенціи, который для всякаго западнаго юриста составлялъ бы основаніе, на которомъ только и можно построить правильныя отношенія,—у насъ вовсе даже и не поднимается... Въ этомъ нельзя не видѣть печальнаго наслѣдія всего нашего прошлаго, котораго главный грѣхъ состоялъ въ чрезмѣрно слабомъ развитіи сознанія права. Вслѣдствіе этого, крѣпостное состояніе, начавшееся съ едва замѣтныхъ ограниченій, достигло, наконецъ, самыхъ широкихъ размѣровъ. И нынѣ, когда оно уничтожено, хаотическое состояніе права составляетъ главную язву нашего крестьянскаго быта. Этотъ недостатокъ отражается и на всѣхъ нашихъ общественныхъ отношеніяхъ. Конечно, гораздо проще и легче оставить все въ неопредѣленномъ состояніи и рѣшать дѣла каждый разъ, какъ Богъ внушитъ. Но именно это—признакъ варварскаго состоянія общества".

Тяжесть обвиненія, взводимаго здѣсь на московское губернское земство, — а слѣдовательно и на всѣ другія, идущія тѣмъ же путемъ, — равняется его незаслуженности. Точное разграниченіе

---

[1]) См. № 348 „С. Петербургскихъ Вѣдомостей" за 1900 г.

предметовъ вѣдомства между земствами губернскимъ и уѣздными могло бы выразиться только въ детальной, постоянно растущей регламентаціи, меньше всего благопріятной для живого развитія земскаго дѣла. Представимъ себѣ, напримѣръ, что земская агрономія была бы отдана исключительно и всецѣло въ вѣдѣніе губернскаго земства. Отдаленная отъ населенія, на которое она должна вліять, лишенная поддержки мѣстныхъ жителей, она легко могла бы пріобрѣсти именно тотъ бюрократическій характеръ, который совершенно напрасно усматривается въ образѣ дѣйствій московскаго губернскаго земства. Въ уѣздахъ чувствовался бы недостатокъ въ агрономической помощи, во всякое время близкой и готовой; она являлась бы только въ лицѣ сотрудниковъ губернскаго агронома, іерархически подчиненныхъ своему начальнику. Еслибы, наоборотъ, агрономическое дѣло было признано исключительно уѣзднымъ, представители его шли бы въ разбродъ, часто не зная, о томъ, что̀ предпринимается рядомъ съ ними, при условіяхъ аналогичныхъ или совершенно однородныхъ; средства, состоящія въ ихъ распоряженіи, были бы до крайности различны, — а въ иныхъ уѣздахъ агрономической помощи населенію не было бы вовсе.

Предупредить или устранить всѣ эти неудобства можно то̀лько „взаимодѣйствіемъ“, плодотворность котораго давно доказана на практикѣ. Опытъ многихъ губерній удостовѣряетъ, что въ положеніи вещей, пугающемъ Б. Н. Чичерина, нѣтъ рѣшительно ничего ненормальнаго; одно и то же учрежденіе можетъ находиться въ одно и то же время въ вѣдѣніи и губерніи, и уѣзда, и несмотря на это—или, лучше сказать, *благодаря* этому, — процвѣтать и развиваться. Дѣятельность губерніи не совпадаетъ, въ подобныхъ случаяхъ, съ дѣятельностью уѣзда, не врѣзывается въ нее, не повторяетъ и не переиначиваетъ ею сдѣланнаго, а служитъ для нея дополненіемъ или поддержкой. Уѣздъ ни къ чему не вынуждается: онъ принимаетъ или отклоняетъ предлагаемыя ему условія, сохраняя во всемъ остальномъ полную свободу дѣйствій. Могутъ, конечно, встрѣчаться уклоненія отъ этой нормы — но не по нимъ слѣдуетъ судить о самой системѣ. Тамъ, гдѣ она функціонируетъ правильно, она не даетъ никакого повода вызывать призракъ былыхъ временъ, говорить о безправіи, которое они намъ оставили въ наслѣдство. Мы едва ли ошибемся, если скажемъ, что изъ всѣхъ областей русской государственной и общественной жизни, меньше всего правонарушеній совершается именно въ земской сферѣ. Это, очевидно, сознавалъ и агрономическій съѣздъ, постановляя свое заключеніе по вопросу о взаимодѣйствіи губернскихъ и уѣздныхъ земскихъ учрежденій... Замѣтимъ, наконецъ, что даже съ чисто юридической точки зрѣнія уѣздныя земства вовсе не

являются безправными по отношенію къ губернскому: если, по мнѣнію уѣзднаго земства, постановленіемъ губернскаго земскаго собранія нарушены законные интересы уѣзда, постановленіе это можетъ быть обжаловано Прав. Сенату.

Общій выводъ изъ работъ агрономическаго съѣзда сдѣланъ весьма удачно въ рѣчи, произнесенной, при его закрытіи, А. М. Зиновьевымъ (херсонскимъ губернскимъ земскимъ агрономомъ). „Русская дѣйствительность"—сказалъ ораторъ — „выдвинула на съѣздѣ массу насущныхъ нуждъ сельскаго хозяйства. Большинство этихъ нуждъ связывается однимъ признакомъ — неотложностью ихъ удовлетворенія, но надъ всѣми нуждами доминируетъ *неудовлетворенность въ общественности*... Отрадно отмѣтить, что на съѣздѣ, несмотря на его разнообразный составъ, никто не усомнился въ своевременности и неотложности сельско-хозяйственныхъ улучшеній для массы населенія, при посредствѣ организованной сельско-хозяйственной помощи. Московское земство дало блестящій образецъ того, насколько плодотворна работа земскихъ агрономовъ, а первый всероссійскій съѣздъ торжественно призналъ за земскими агрономами законное право гражданства въ Россіи. Но нужно еще открыть агроному широкій доступъ къ сознанію массы еще малограмотнаго населенія, нужно развязать путы, мѣшающія широкому развитію русской общественности, нужна помощь населенію въ пріисканіи денежныхъ средствъ для правильной постановки сельскаго хозяйства. Тогда только исчезнетъ громадная пропасть, отдѣляющая нынѣ сельскохозяйственную науку и уровень спеціальныхъ знаній вообще отъ уровня развитія массы населенія. Тогда свѣтъ сельско-хозяйственныхъ знаній широкой волной прольется въ массу населенія, и изъ мертвой природы сельскіе хозяева и земледѣльцы исторгнутъ новые милліоны народнаго богатства".

Вполнѣ присоединяясь къ этимъ словамъ, мы надѣемся, что ходатайство съѣзда о періодическомъ его созывѣ не пройдетъ безслѣдно, и прекрасно начатая работа не останется безъ столь же плодотворнаго продолженія.

Не меньше агрономическаго съѣзда заслуживаетъ вниманія съѣздъ дѣятелей по народному образованію, происходившій въ Москвѣ съ 1-го по 11-ое марта. Въ составъ этого съѣзда предполагалось сначала включить только директоровъ и инспекторовъ народныхъ училищъ, директоровъ учительскихъ семинарій и предсѣдателей училищныхъ совѣтовъ (губернскихъ и уѣздныхъ) московскаго учебнаго округа; впослѣдствіи, по ходатайству московскаго губернскаго земскаго собранія, къ нимъ были присоединены предсѣдатели губернскихъ зем-

скихъ управъ и представители духовенства (также по одиннадцати губерніямъ, образующимъ московскій учебный округъ). Громадное большинство членовъ съѣзда состояло, такимъ образомъ, отчасти изъ должностныхъ лицъ учебнаго вѣдомства, отчасти изъ губернскихъ и уѣздныхъ предводителей дворянства; тѣмъ знаменательнѣе выводы, къ которымъ пришелъ съѣздъ. Съ особеннымъ интересомъ ожидалось заключеніе его по поводу проекта наказа училищнымъ совѣтамъ, встрѣтившаго столь единодушныя возраженія и въ земскихъ собраніяхъ, и въ печати [1]). Характеръ этого заключенія можно было до извѣстной степени предугадать уже по вступительной рѣчи предсѣдателя съѣзда, попечителя московскаго учебнаго округа. „Критика проекта наказа“ — сказалъ г. попечитель — „не должна поглощать слишкомъ много дорогого намъ времени, такъ какъ этотъ проектъ уже достаточно обсуждался въ училищныхъ совѣтахъ и въ дирекціяхъ, и *недостатки его достаточно выяснены*“.

Въ виду этихъ словъ представители дворянства и земства (кн. П. Н. Трубецкой и Д. Н. Шиповъ), говорившіе послѣ г. попечителя, могли ограничиться пожеланіемъ, чтобы развитіе начальной школы происходило по прежнему при взаимодѣйствіи правительства и общества. Дальнѣйшія засѣданія съѣзда не были публичны; свѣдѣнія о нихъ, проникшія въ печать, далеко не полны, но все-же даютъ довольно ясное понятіе о настроеніи и взглядахъ съѣзда. Вопросъ о томъ, нуженъ ли и желателенъ ли общій министерскій наказъ, вызвалъ горячій обмѣнъ мнѣній. Одни полагали, что общій наказъ долженъ быть составленъ, въ исполненіе Высочайше утвержденнаго 25 мая 1874 г. мнѣнія государственнаго совѣта, которымъ министру народнаго просвѣщенія предоставлено, по указанію опыта и по соглашенію съ подлежащими вѣдомствами, составить такой наказъ и внести его на разсмотрѣніе комитета министровъ. Другіе думали, что предоставленіе министру народнаго просвѣщенія составить наказъ не есть еще обязательство, какъ видно и изъ того, что онъ не издавался 26 лѣтъ. Они полагали, что изданіе наказа не вызвано никакими существенными нуждами школьнаго дѣла, такъ какъ, при существующемъ Положеніи 1874 г., школьное дѣло росло и дало благіе результаты, и что при разнообразныхъ условіяхъ не только во всей Россіи, но и въ отдѣльныхъ губерніяхъ общій наказъ былъ бы немыслимъ. Въ этомъ послѣднемъ смыслѣ и высказалось большинство съѣзда, признавъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, желательнымъ изданіе мѣстныхъ инструкцій, составляемыхъ самими училищными совѣтами.

Затѣмъ на обсужденіе съѣзда былъ поставленъ вопросъ, можно

---

[1]) См. Внутреннее Обозрѣніе въ № 2 „Вѣстн. Европы“ за 1901 г.

ли считать проектъ наказа существенно измѣняющимъ „Положеніе о начальныхъ училищахъ", Высочайше утвержденное 25 мая 1874 г. Во время преній нѣкоторыми членами высказывалось мнѣніе, что наказъ составленъ согласно основнымъ началамъ Положенія, и что вводимыя имъ измѣненія „стремятся только къ установленію порядка и однообразія въ веденіи школьнаго дѣла"; но возраженія противъ этого мнѣнія были, очевидно, весьма вѣски и сильны, такъ какъ въ концѣ-концовъ съѣздъ *единогласно* нашелъ наказъ существенно измѣняющимъ положеніе всѣхъ органовъ, завѣдующихъ, въ силу закона 1874 года, народнымъ образованіемъ. Столь же единогласно признаны были нежелательными какія бы то ни было принципіальныя измѣненія въ вышеупомянутомъ законѣ. Присоединяясь къ неоднократно повторявшимся земскимъ ходатайствамъ, съѣздъ высказался за включеніе въ составъ уѣздныхъ училищныхъ совѣтовъ, въ качествѣ третьяго члена отъ земства, предсѣдателя уѣздной земской управы. Возбужденный нѣкоторыми членами съѣзда вопросъ о включеніи въ число членовъ совѣта земскихъ начальниковъ съ правомъ голоса по дѣламъ училищъ всего уѣзда не встрѣтилъ поддержки главнымъ образомъ потому, что присутствіе въ совѣтѣ такой большой группы новыхъ членовъ нарушило бы равномѣрное соотношеніе этой группы съ другими группами членовъ совѣта. Полномочія лицъ, избираемыхъ предводителемъ для наблюденія за школами, на основаніи ст. 41-й Положенія 25 мая, съѣздъ совершенно правильно призналъ прекращающимися съ окончаніемъ срока, на который избранъ предводитель. Разсмотрѣвъ подробно вопросъ о выборѣ кандидатовъ на учительскія мѣста, съѣздъ нашелъ, что этотъ вопросъ совершенно выясненъ циркулярнымъ предложеніемъ министра народнаго просвѣщенія 3 мая 1875 г. и разъясненіемъ Правительствующаго Сената отъ 15 іюня 1883 г. Изъ этихъ разъясненій видно, что въ назначеніи учителей надо различать три момента: 1) пріисканіе или избраніе кандидата, лежащее прежде всего на обязанности учредителей или содержателей училищъ и затѣмъ уже на инспекторахъ (проектъ наказа предоставлялъ избраніе учителя инспектору, безъ всякой оговорки относительно законныхъ правъ учрежденія или лица, содержащаго школу); 2) допущеніе избранныхъ кандидатовъ къ учительскимъ обязанностямъ, что̀ принадлежитъ исключительно инспектору, и 3) утвержденіе въ учительскихъ должностяхъ, что̀ принадлежитъ исключительно училищному совѣту. Разногласіе между содержателями училищъ и инспекторомъ при выборѣ кандидатовъ должно быть разрѣшаемо училищнымъ совѣтомъ. По вопросу о перемѣщеніи и увольненіи учителей должны быть приняты въ руководство тѣ же соображенія, какъ и при назначеніи; другими словами, право перемѣщенія и увольненія принадлежитъ училищному

совѣту при согласіи содержателя училища и инспектора. Если въ одномъ и томъ же училищѣ нѣсколько учителей, завѣдываніе училищемъ въ хозяйственномъ и административномъ отношеніи должно быть возложено на одного изъ учителей, по избранію содержателя училища (проектъ наказа предоставлялъ выборъ завѣдующаго училищному совѣту); но въ учебномъ дѣлѣ никакой зависимости и подчиненія между учащими быть не должно.

Весьма важны и, бо́льшею частью, вполнѣ симпатичны и цѣлесообразны постановленія съѣзда по другимъ вопросамъ, не имѣющимъ отношенія къ проекту наказа училищнымъ совѣтамъ. Заботясь объ улучшеніи быта учащихъ въ народныхъ школахъ, съѣздъ возбудилъ ходатайства объ освобожденіи учителей изъ среды крестьянъ отъ подчиненія волостному суду и о предоставленіи всѣмъ учителямъ, прослужившимъ безупречно двадцать-пять лѣтъ, званія потомственнаго почетнаго гражданина. Никакимъ тѣлеснымъ наказаніямъ, по мнѣнію съѣзда, не должно быть мѣста въ начальныхъ школахъ; слѣдовало бы, поэтому, отмѣнить ст. 31-ую устава 1828-го года, допускающую тѣлесное наказаніе въ приходскихъ училищахъ. Совмѣщеніе въ низшихъ начальныхъ школахъ обученія общаго и профессіональнаго съѣздъ, согласно съ много разъ выраженнымъ взглядомъ наиболѣе опытныхъ педагоговъ, нашелъ безусловно нежелательнымъ; распространеніе спеціальныхъ навыковъ и знаній (какъ ремесленныхъ, такъ и сельско-хозяйственныхъ) признано дѣломъ спеціальныхъ училищъ. Обученіе въ начальныхъ школахъ рисованію, черченію и женскимъ рукодѣльямъ не должно быть обязательно; для обученія ручному труду въ школахъ съ трехгодичнымъ курсомъ слишкомъ мало времени. Трехлѣтній курсъ ученья въ начальной школѣ слѣдовало бы замѣнить четырехлѣтнимъ. Экзамены, не только выпускные, но и переходные, большинство съѣзда нашло нужнымъ сохранить.

Принятыя съѣздомъ положенія по вопросамъ внѣ-школьнаго образованія такъ интересны, что мы приводимъ ихъ почти цѣликомъ. Съѣздъ высказался: 1) за возможно широкое развитіе и самостоятельную дѣятельность обществъ, имѣющихъ цѣлью внѣшкольное народное образованіе; 2) за предоставленіе законоучителямъ и учителямъ вести въ стѣнахъ школы бесѣды и чтенія для народа, съ обязанностью лишь доводить о томъ до свѣдѣнія ближайшаго начальства, т.-е. инспектора народныхъ училищъ или училищнаго совѣта; 3) за разрѣшеніе народныхъ чтеній, въ городахъ и селеніяхъ, мѣстнымъ начальствомъ, подъ наблюденіемъ священниковъ, учителей, попечителей школъ и членовъ училищныхъ совѣтовъ; 4) за дозволеніе читать въ народныхъ аудиторіяхъ всѣ вообще книги, одобренныя министерствомъ для народныхъ библіотекъ и читаленъ; 5) за допущеніе въ народныя библіотеки

и читальни всѣхъ книгъ и періодическихъ изданій, дозволенныхъ къ обращенію въ публичныхъ библіотекахъ и общественныхъ читальняхъ; 6) за разрѣшеніе вести въ народныхъ чтеніяхъ устныя бесѣды и объясненія по содержанію картинъ, показываемыхъ при помощи волшебнаго фонаря; 7) за отмѣну ограниченій, стѣсняющихъ открытіе воскресныхъ школъ, и 8) за расширеніе программы этихъ школъ до курса двухклассныхъ министерскихъ училищъ, съ правомъ вводить въ нее и дополнительные предметы, какъ общеобразовательные, такъ и профессіональные.

Если ходатайства, возбужденныя съѣздомъ по всѣмъ этимъ предметамъ, будутъ уважены, внѣ-школьное образованіе сразу сдѣлаетъ большой шагъ впередъ, давно уже составляющій предметъ пожеланій и земства, и печати. Что такой результатъ возможенъ — это явствуетъ изъ заключительной рѣчи г. предсѣдателя съѣзда, прямо выразившаго надежду, что труды съѣзда не пройдутъ безслѣдно. „По своему составу“—читаемъ мы въ той же рѣчи, —„нашъ съѣздъ подобенъ училищному совѣту, но только въ бо̀льшихъ размѣрахъ, захватывающихъ обширный учебный округъ. Различные представители, вѣдающіе дѣло народнаго образованія, соединились на этомъ съѣздѣ и отстаивали свои точки зрѣнія. Поэтому черезъ всѣ труды нашего съѣзда, какъ и слѣдовало ожидать, проходила борьба мнѣній и взглядовъ. Но борьба эта была вообще вполнѣ здоровая и плодотворная, такъ какъ она была проникнута лучшими стремленіями и чувствомъ законности и порядка. Участники съѣзда, объединились однимъ общимъ горячимъ и искреннимъ желаніемъ—найти наилучшіе законные пути, обезпечивающіе возможно бо̀льшій успѣхъ въ развитіи правильнаго народнаго образованія. При такихъ обстоятельствахъ столкновеніе мнѣній лишь полнѣе и всестороннѣе освѣщало дѣло и помогало намъ найти примиряющіе, наиболѣе правильные выходы“. Эти слова позволяютъ думать, что опасность, угрожавшая начальной школѣ, миновала и что работать на ея пользу, по крайней мѣрѣ въ предѣлахъ, намѣченныхъ Положеніемъ 1874-го года, по прежнему будутъ имѣть возможность представители общества, на ряду съ о̀рганами правительства и духовенства.

Въ одномъ изъ нашихъ прошлогднихъ внутреннихъ обозрѣній было выражено предположеніе, что въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Сибири и Туркестана могутъ оказаться на-лицо, въ достаточномъ числѣ, элементы, необходимые для введенія суда присяжныхъ общаго и особаго состава. Въ подтвержденіе этой мысли выходящая въ Ташкентѣ газета „Русскій Туркестанъ“ привела цѣлый рядъ интересныхъ соображеній. Особенности Туркестана — говоритъ газета — „географи-

чѳскія и этнографическія. По природѣ Туркестанъ представляетъ обширную пустынную страну, испещренную оазисами, въ которыхъ возможность искусственнаго орошенія создала всѣ условія для богатѣйшей культуры и для жизни густого населенія. Оазисы эти разной величины, начиная отъ нѣсколькихъ десятинъ и до обширныхъ площадей, достаточныхъ для населенія цѣлаго маленькаго государства. Между собой оазисы эти раздѣлены болѣе или менѣе обширными пространствами, настолько скудно орошаемыми, что они самою природой предназначены для рѣдкаго кочевого населенія, и нѣтъ никакой надежды на то, чтобы эти естественныя условія подверглись сколько-нибудь значительному измѣненію... Населеніе Туркестана состоитъ изъ двухъ весьма несродныхъ элементовъ: пришлаго русскаго населенія и туземцевъ, причемъ послѣдніе имѣютъ значительное численное преобладаніе. Это количественное отношеніе между русскимъ населеніемъ и туземнымъ, хотя, можетъ быть, и измѣняется въ пользу перваго, но настолько незначительно и медленно, что опять-таки нельзя разсчитывать въ будущемъ хоть сколько-нибудь близкомъ на то, чтобы русскій элементъ сталъ въ значительно иной пропорціи къ туземному, чѣмъ теперь, такъ какъ туркестанскій край не представляетъ условій, благопріятныхъ для массоваго переселенія земледѣльческаго или фабричнаго русскаго населенія. Группированіе населенія по оазисамъ, отдѣленнымъ обширными пустынями, и численное преобладаніе некультурныхъ туземцевъ, это—два такихъ условія, для измѣненія которыхъ понадобятся чуть ли не цѣлые вѣка. Не эти ли условія повліяли отрицательно на мнѣніе коммиссіи по преобразованію судебной части при рѣшеніи ею вопроса о введеніи въ Туркестанѣ суда присяжныхъ? До сихъ поръ судъ присяжныхъ вводился въ цѣлыхъ губерніяхъ, въ цѣлыхъ областяхъ; въ туркестанскомъ же краѣ, по его географическимъ условіямъ, пришлось бы и судъ присяжныхъ вводить, такъ сказать, оазисами, и получилась бы пестрота судоустройства въ одной и той же области, что̀, конечно, имѣетъ свои неудобства. Съ другой стороны, большинство населенія края—туземцы, не подготовленные къ суду присяжныхъ и не могущіе дать для состава присяжныхъ достаточный контингентъ, по незнакомству съ государственнымъ языкомъ. Едва-ли было бы справедливо всю тяготу суда и надъ туземцами возложить на немногочисленное русское населеніе".

Выходъ изъ затруднительнаго положенія газета видитъ „въ примиреніи съ тѣмъ, чего нельзя перемѣнить". „Въ самомъ дѣлѣ"—продолжаетъ она,—„если Туркестанъ по природѣ своей и по населенію является пестрымъ, то пестрота судоустройства въ этомъ краѣ естественна и неизбѣжна; нежелательно избѣгать ея, ибо ни-

веллированіе подъ одно того, что̀ по природѣ своей различно, едва-ли можетъ быть полезно. Справедливо ли лишать благодѣяній суда присяжныхъ русское населеніе Туркестана только потому, что оно горстью заброшено среди преобладающаго численностью туземнаго населенія, еще не подготовленнаго къ этому суду? Русское населеніе Туркестана ничѣмъ не отличается отъ населенія коренныхъ русскихъ губерній; оно составилось главнымъ образомъ изъ свободныхъ выходцевъ и переселенцевъ изъ этихъ губерній и принесло оттуда совершенное знакомство съ судомъ присяжныхъ, симпатію и довѣріе къ нему; кромѣ того, эта часть населенія Туркестана не заключаетъ въ себѣ, за немногими исключеніями, никакихъ политическихъ или религіозныхъ элементовъ, которые бы могли ослабить его политическую надежность, такъ что и съ этой стороны оно не уступаетъ населенію любой центральной губерніи. Наконецъ, русское населеніе также группируется, какъ и туземное, оазисами, сосредоточиваясь главнымъ образомъ въ большихъ городахъ края и около нихъ. Поэтому и въ туркестанскомъ краѣ, вездѣ, гдѣ только изъ наличнаго русскаго населенія можетъ быть составленъ необходимый контингентъ присяжныхъ засѣдателей, слѣдовало бы ввести судъ присяжныхъ общаго состава, по крайней мѣрѣ для разбора тѣхъ уголовныхъ дѣлъ, по которымъ подсудимыми или потерпѣвшими являются русскіе и иностранцы".

Еслибы оказалось возможнымъ ввести такой судъ только въ большихъ городахъ съ ихъ уѣздами, то въ этомъ не было бы ничего ненормальнаго: въ Туркестанѣ именно въ крупныхъ центрахъ и около нихъ возникаетъ и наибольшее число дѣлъ, въ томъ числѣ и наиболѣе серьезныя. Что касается до туземнаго населенія, то газета не видитъ препятствій къ введенію для него суда съ участіемъ присяжныхъ особаго состава въ тѣхъ мѣстностяхъ, „гдѣ контингентъ такихъ присяжныхъ нашелся бы достаточный среди русскаго населенія, съ присоединеніемъ туземцевъ, имѣющихъ образовательный цензъ. Половина уголовныхъ дѣлъ въ краѣ могла бы, такимъ образомъ, рѣшаться съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей или общаго, или особаго состава". Заканчиваетъ газета указаніемъ на необходимость точныхъ предварительныхъ изслѣдованій, съ цѣлью опредѣлить, могутъ ли въ данномъ городѣ или пунктѣ быть составлены списки присяжныхъ засѣдателей общаго или особаго состава.

Соглашаясь, вообще, съ разсужденіями „Русскаго Туркестана", мы считаемъ нужнымъ сдѣлать къ нимъ только двѣ оговорки. Намъ кажется, во-первыхъ, что въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ нашлось бы достаточное число присяжныхъ общаго (или хотя бы особаго) состава, не было бы основанія ограничивать вѣдомство суда присяжныхъ дѣ-

лами, по которымъ подсудимыми или потерпѣвшими являются русскіе или иностранцы. Разъ что судъ присяжныхъ существуетъ, нѣтъ причины не подчинять ему туземцевъ, для которыхъ онъ представляетъ отнюдь не меньше гарантій чѣмъ судъ коронный, составленный исключительно изъ русскихъ. Во-вторыхъ, изъ мѣстностей, гдѣ вовсе нѣтъ или слишкомъ мало лицъ, подлежащихъ включенію въ списки присяжныхъ, важнѣйшія дѣла могли бы быть переносимы въ ближайшій по разстоянію пунктъ, гдѣ дѣйствуетъ судъ присяжныхъ. Нѣчто подобное проектъ учрежденія судебныхъ установленій вводитъ въ архангельской губерніи и въ кавказскомъ краѣ. Уголовныя дѣла, возникающія въ уѣздахъ кольскомъ и печорскомъ, предполагается разсматривать въ ближайшихъ къ нимъ городахъ другихъ уѣздовъ архангельской губерніи. На Кавказѣ и за Кавказомъ дѣла подлежащія, въ общемъ порядкѣ, производству съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей, возникшія въ такихъ уѣздахъ, отдѣлахъ и округахъ, гдѣ не оказывается достаточнаго числа присяжныхъ засѣдателей, предполагается разсматривать въ ближайшихъ къ нимъ городахъ или иныхъ поселеніяхъ. Только въ этихъ послѣднихъ городахъ и поселеніяхъ будутъ изготовляемы общіе списки присяжныхъ засѣдателей и образуемы коммиссіи для составленія очередныхъ списковъ. Ничто не мѣшало бы, кажется, примѣнить аналогичный порядокъ и къ туркестанскому краю.

ИЗЪ ПЕНЗЕНСКОЙ ГУБЕРНІИ.

Письмо въ Редакцію.

...Прямо изъ Бокка-д'Арно, съ незначительными отдыхами по пути, я попалъ на очередное мокшанское уѣздное земское собраніе. Въ Италіи мнѣ каждый день приходилось читать въ разнаго рода газетахъ изложеніе необходимости, путемъ сокращенія правительственной смѣты, облегчить народное обложеніе; наше же земство настолько увлекается иногда самообложеніемъ, что правительство вынуждено было поставить предѣлъ такому увлеченію. Подобная коренная противоположность исключаетъ возможность какого-либо сравненія. Впрочемъ, мнѣ, старому земцу, да еще землевладѣльцу, всякій проститъ, что я въ прогулкахъ по Бокка-д'Арно и въ поѣздкахъ по аллеямъ Санъ-Россоре могъ думать объ обложеніи своей и чужой земли...

Открывшееся 27 сентября 1900 года, мокшанское уѣздное земское собраніе было первое по изданіи закона 12 іюня 1900 г., гдѣ въ § 1 статьи VII сказано: „При составленіи земскихъ смѣтъ губернскихъ и уѣздныхъ, наблюдается общимъ правиломъ, что-земскіе сборы съ недвижимыхъ имуществъ не могутъ быть повышаемы, по усмотрѣнію земскихъ учрежденій, болѣе, нежели на три процента въ годъ". Врядъ-ли такое категорическое или, скорѣе, механическое ограниченіе земской дѣятельности принесетъ дѣйствительную пользу русскому землевладѣнію, бѣдственное положеніе котораго въ чисто-земледѣльческихъ губерніяхъ, очевидно, имѣлось въ виду правительствомъ. Ограничиваясь только смѣтами земскими,—облегченіе тяжести ихъ для землевладѣнія могло бы быть достигнуто полнѣе, легче и безъ нарушенія того развитія въ удовлетвореніи мѣстныхъ потребностей, которое неизбѣжно. Во всѣхъ смѣтахъ, какъ правительственныхъ, такъ и частныхъ хозяйственныхъ, каковъ бы ни былъ размѣръ этого хозяйства, строго разграничиваются расходы капитальные и текущіе. Въ земствѣ этого нѣтъ—и быть не можетъ. Любое правительство, какъ бы хорошо ни велось его хозяйство, для проведенія, напримѣръ, желѣзной дороги заключаетъ заемъ, или отдаетъ это дѣло частному предпринимателю, принимая на себя, такъ или иначе, извѣстную долю ежегоднаго погашенія затраченнаго капитала. Это вполнѣ вѣрно и справедливо, даже хозяйственно. Требуя отъ плательщика, скажемъ, 1900 года крупныхъ взносовъ для дѣла, призваннаго служить многіе

годы, можно такъ его обезсилить, что онъ утратитъ свою платежную способность. Земство не можетъ дѣлать никакого разграниченія своихъ расходовъ и, по нуждѣ, валитъ ихъ всѣ—и капитальные, и тѣкущіе—въ свои смѣты. Не ограниченіе земскихъ смѣтъ въ будущемъ, а правильность ихъ въ настоящемъ облегчитъ землевладѣніе. Еслибы существовало кредитное учрежденіе, частное или правительственное—безразлично,—которое бы выдавало ссуды земству для его капитальныхъ расходовъ на основаніяхъ близкихъ къ тѣмъ, которыя приняты земельными банками,—земскія смѣты, несомнѣнно, уменьшились бы, а полезность земскихъ расходовъ значительно бы увеличилась.

Какъ разъ въ мокшанскомъ собраніи, открывшемся 27 сентября, обсуждался вопросъ о перестройкѣ Лунинской земской больницы. Больница эта—старое зданіе, еще перенесенное изъ другого мѣста,—уже давно, чуть не ежегодно, требовала ремонта, который, въ сущности, представлялъ собою непроизводительную трату земскихъ средствъ. Одна бѣдность вынуждала такую экономію, но и ей насталъ конецъ. При смѣтѣ на 1900 г. въ 56.135 рублей 50 коп., разумѣется, хорошей больницы на двадцать-одну кровать не построить, увеличивъ обложеніе недвижимыхъ имуществъ на три процента. Долженъ сознаться, что объ этихъ трехъ процентахъ и разговору не было, а было высказано желаніе, чтобы обложеніе земли нисколько не было увеличено, что и было достигнуто разсрочкой постройки на три года и финансовымъ оборотомъ, описаніе котораго врядъ-ли интересно. Кстати, обложеніе земли въ мокшанскомъ уѣздѣ на 1900 г., оставшееся безъ измѣненія и на 1901 г., слѣдующее: съ земель 1-го класса $14^1/_3$ копѣйки; 2-го класса—$9^1/_2$ копѣекъ, и 3-го—$4^3/_4$ копѣйки. Сохраненіе такого обложенія врядъ-ли избавитъ земство отъ непроизводительныхъ затратъ при трехлѣтней постройкѣ Лунинской больницы. Что же дѣлать? Только богатые могутъ выгодно экономничать въ расходахъ; а бѣдные и при экономіи теряютъ. Разсрочка на года капитальныхъ расходовъ практикуется не въ одномъ мокшанскомъ земствѣ, и всюду только вредна для дѣла.

То же мокшанское земское собраніе было также первымъ послѣ освобожденія земства отъ прямыхъ заботъ по продовольствію мѣстнаго, сельскаго населенія. Собраніе, однако, признавъ себя обязаннымъ, на основаніи „Положенія о земскихъ учрежденіяхъ“, заботиться о мѣстныхъ пользахъ и нуждахъ, обсудило настоящее экономическое положеніе мѣстнаго населенія, и пришло къ заключенію, что это населеніе нынѣ не потребуетъ посторонней помощи для своего продовольствія и обсѣмененія своихъ полей. Врядъ-ли и въ будущемъ земство можетъ быть вполнѣ устранено отъ обсужденія продовольственныхъ нуждъ населенія, если потребуется дѣйствительное знакомство съ этими нуждами. Самый составъ уѣздныхъ земскихъ собраній обезпечиваетъ пра-

вильность и вѣрность свѣдѣній объ экономическомъ положеніи уѣзда, обсужденіе же этихъ свѣдѣній устраняетъ возможность увлеченій, какъ оптимистическихъ, такъ и пессимистическихъ. Извѣстная часть печати часто укоряла земство въ неумѣньѣ предупредить продовольственныя бѣдствія, но самая возможность таковыхъ зависитъ отъ общихъ мѣръ, на которыя земство никакого вліянія имѣть не можетъ. Его роль ограничивалась только хлопотами передъ администраціей о заполненіи продовольственныхъ запасовъ и—въ случаѣ бѣдствія—борьбой съ нимъ. Первая часть этой земской дѣятельности вполнѣ зависѣла отъ администраціи, и только во второй земство могло проявить свою активную дѣятельность. Не мѣшаетъ именно теперь вспомнить о земской дѣятельности въ тяжкую годину 1891—1892 гг.

Пензенское земство въ своей борьбѣ съ послѣдствіями неурожая 1891 года ничѣмъ особеннымъ не отличалось отъ другихъ земствъ, находившихся въ одинаковыхъ съ нимъ въ семъ дѣлѣ условіяхъ, и потому краткое изложеніе пензенской борьбы можетъ вполнѣ служить указаніемъ умѣлости или неумѣлости земской дѣятельности въ такого рода случаяхъ. Какъ въ пензенской, такъ и въ другихъ потерпѣвшихъ отъ неурожая губерніяхъ, продовольствіе народонаселенія значительно затруднилось отъ поздняго принятія дѣйствительно соразмѣрныхъ съ бѣдствіемъ мѣръ снабженія народонаселенія хлѣбомъ и неудовлетворительной провозоспособностью желѣзныхъ дорогъ, занятыхъ тогда исключительно только этимъ снабженіемъ и оказавшихся не въ состояніи справиться съ нимъ. Оба явленія нисколько не зависимы отъ земства, но имѣли на его дѣятельность по тому же снабженію крайне неблагопріятное вліяніе. Не стану напоминать о грустныхъ послѣдствіяхъ желѣзнодорожной неурядицы, при которой закупленный и заготовленный хлѣбъ лежалъ спокойно на станціяхъ отправленія, а на станціяхъ назначенія сотни выставленныхъ подводъ не получали обѣщаннаго хлѣба и бѣдствовали отъ безкормицы. Желѣзнодорожная неспособность перевозить грузъ, когда это нужно, всегда была у насъ, есть и, вѣроятно, будетъ, даже и при новомъ продовольственномъ уставѣ,—но въ приснопамятную зиму 1891—1892 гг. она значительно обострилась; впрочемъ, это всѣмъ извѣстно. Интересно, какъ земство справилось съ обострившейся обычной желѣзнодорожной непровозоспособностью и, затѣмъ, какъ оно отсчиталось въ тѣхъ громадныхъ суммахъ, которыя правительство отпустило для спасенія сельскаго населенія отъ голода. Послѣднее, само собою разумѣется, всего болѣе интересно.

Только въ октябрѣ 1891 года, бѣдствіе народонаселенія отъ неурожая было признано правительствомъ въ полномъ его объемѣ, и одновременно съ ассигнованіемъ средствъ для борьбы съ нимъ при-

шлось и начать самую борьбу, приготовиться къ которой земству уже не было времени. Съ лихорадочной поспѣшностью принялись исполнительные органы пензенскаго земства за борьбу съ голодомъ и, несмотря на всякаго рода препятствія, затрудненія и на исключительное тогда положеніе хлѣбной торговли, справились съ этой борьбой успѣшно. Общественное мнѣніе, вполнѣ естественно, отнеслось къ этому успѣху съ недовѣріемъ. Земствомъ было заготовлено всякаго рода хлѣбовъ на продовольствіе и обсѣмененіе полей *шесть милліоновъ триста-сорокъ-семь тысячъ девятьсотъ-тридцать-семь пудовъ 28 фунтовъ* (*6,347.937 п. 28 ф.*), на сумму *восемь милліоновъ сто-тридцать-восемь тысячъ восемьдесятъ-два рубля 43 копѣйки* (*8,138.082 р. 43 коп.*). Цифры значительныя, небывалыя въ рукахъ земскихъ органовъ. Помню, одно высокопоставленное въ администраціи лицо высказало мнѣ тогда, что рѣшительно невозможно повѣрить, чтобы состоялась неожиданно и быстро въ земствѣ такая громадная денежная и торговая операція безъ злоупотребленій или крупныхъ ошибокъ. Въ средѣ земства существовалъ такой же взглядъ съ дополненіемъ всякихъ слуховъ о дѣятельности того или другого представителя земства, своего и чужихъ, по закупкѣ хлѣба. Я былъ въ составѣ коммиссіи, спеціально избранной губернскимъ земскимъ собраніемъ для ревизіи отчета по хлѣбной операціи 1891—1892 гг. Между членами коммиссіи, въ предварительныхъ разговорахъ, ходячіе слухи повторялись, и высказывалось твердое намѣреніе разобрать отчетъ во всѣхъ его мельчайшихъ подробностяхъ, не стѣсняясь никакой личностью.

Въ декабрьской, 1892 г., сессіи губернскаго земскаго собранія губернская управа доложила о результатѣ въ общихъ цифрахъ закупки хлѣба и выяснила причины, по которымъ полный и документальный отчетъ операціи можетъ быть представленъ только къ концу лѣта 1893 года. Трудность составленія такого отчета зависѣла отъ того, что хлѣбъ на продовольствіе выдавался ежемѣсячно, на основаніи каждый разъ на сей предметъ представляемаго приговора даннаго сельскаго общества, въ коемъ исчислялось количество ѣдоковъ. Распредѣлялся же хлѣбъ въ дѣйствительности подъ вліяніемъ мѣстной администраціи, а также вслѣдствіе измѣненій въ составѣ общества почти всегда иначе, чѣмъ по списку требовательнаго приговора. Точный подсчетъ дѣйствительно израсходованнаго хлѣба въ каждомъ сельскомъ обществѣ потребовалъ массу времени и труда. Безъ такого же подсчета, вполнѣ вѣрнаго и вполнѣ признаннаго обществомъ, невозможно было не только вывести общій итогъ всей хлѣбной операціи, но и опредѣлить размѣръ долга каждаго сельскаго общества продовольственному капиталу.

Въ ноябрѣ 1893 года, земская ревизіонная коммиссія приступила къ своимъ занятіямъ по разсмотрѣнію отчета губернской управы за все время хлѣбной операціи 1891—1892 гг. Вначалѣ дѣятельность коммиссіи имѣла скорѣе слѣдственный, чѣмъ ревизіонный характеръ; но, по мѣрѣ все болѣе и болѣе близкаго знакомства съ отчетомъ и приложенными къ нему документами, нельзя было не убѣдиться, что все дѣло велось правильно и гораздо лучше того, что̀ можно было ожидать. Единственный недочетъ, который оказался, и о которомъ было доложено управою губернскому земскому собранію еще въ сессію 1892 г., это—недостатокъ въ 15.738 рублей по хлѣбной операціи наровчатской уѣздной земской управы. Недочетъ, который вполнѣ вѣрно охарактеризовать и до сихъ поръ нѣтъ возможности, обнаружился послѣ скоропостижной смерти предсѣдателя наровчатской управы, Н. Г. Огарева, въ саняхъ, во время возвращенія его въ г. Наровчатъ съ желѣзнодорожной станціи Воейково, гдѣ происходила пріемка хлѣба для сего уѣзда, а также и расплата за него. Государственное казначейство, однако, нисколько не потерпѣло отъ этого недочета. Наровчатское земство приняло его на себя и, кажется, уже нынѣ выплатило. Во всякомъ случаѣ, въ этомъ выказалось вполнѣ опредѣленно, что отвѣтственность земства за полученныя имъ отъ правительства средства для прокормленія мѣстнаго населенія—далеко не фикція.

Пензенское губернское земское собраніе, въ засѣданіи своемъ, 12-го декабря 1893 года, согласно докладу ревизіонной коммиссіи, единогласно утвердило отчетъ губернской управы по выполненію продовольственной операціи 1891—1892 годовъ, а также дало ей необходимыя полномочія для разсчета съ желѣзной дорогой по доставкѣ хлѣба. Управа затруднялась этимъ разсчетомъ: съ одной стороны, она осталась должна за эту доставку; съ другой же, въ числѣ принятыхъ земствомъ вагоновъ съ хлѣбомъ, въ 972-хъ оказалась недостача въ 17.811 пудовъ 25 ф. зерна. По разъясненію министерства путей сообщенія, *шесть* пудовъ на вагонъ признаются неподлежащими возврату; вслѣдствіе сего, 5.832 пуда пришлось считать безвозвратной потерей; но и затѣмъ оставалось 11.979 п. 25 ф., представляющіе собою, по стоимости заготовки, около пятнадцати тысячъ рублей, которыя слѣдовало взыскать съ желѣзныхъ дорогъ.

Утвержденіемъ отчета губернской управы дѣло еще не кончилось. Была учреждена правительственная коммиссія изъ представителей министерства финансовъ, государственнаго контроля и министерства внутреннихъ дѣлъ для провѣрки отчетности пензенскаго земства по продовольственной операціи, вызванной неурожаемъ 1891 и 1892 гг. Коммиссія долго и усидчиво занималась порученнымъ ей дѣломъ, и

въ окончательномъ, крайне подробномъ своемъ протоколѣ, отъ 29-го ноября 1895 года, высказала: „убѣдившись разсмотрѣніемъ помянутыхъ счетовъ въ правильности ихъ составленія", она пришла къ заключенію, „что въ пензенской губерніи продовольственные продукты были заготовлены вообще соразмѣрно съ потребностями, и если отъ сбыта оставшагося хлѣба и получился, затѣмъ, остатокъ, то таковой, не будучи послѣдствіемъ какихъ-либо со стороны земства упущеній, не можетъ быть отнесенъ на его отвѣтственность". Дѣйствительно, остатокъ хлѣба былъ весьма значительный. На 1-е января 1893 г. его было *сто-девять тысячъ триста-пятьдесятъ-пять пудовъ 21¾ фунтовъ (109.355 п. 21¾ ф.)*, что, по разсчету коммиссіи, на все количество заготовленнаго хлѣба составило 1,7%—*одинъ процентъ и семь десятыхъ*.

Земская ревизіонная коммиссія еще ранѣе правительственной пришла къ тому же заключенію относительно остатка хлѣба. Другого и быть не могло. Надо припомнить, что, въ виду задержки въ доставкѣ заготовленнаго хлѣба, общее стремленіе было направлено къ сокращенію количества получающихъ продовольствіе, что̀ не мало запутывало отчетность. Вмѣстѣ съ тѣмъ, именно подъ конецъ стараніе упорядочить желѣзнодорожную дѣятельность не всегда достигало своей цѣли. Часть послѣдняго хлѣба была доставлена кружнымъ путемъ черезъ Волгу, что̀ вызвало не мало недоразумѣній.

Правительственная коммиссія, одобривъ продовольственную операцію пензенскаго земства, тѣмъ самымъ одобрила и ревизію земской коммиссіи, но она коснулась такихъ сторонъ этой операціи, которыя совершенно ускользнули отъ вниманія земской коммиссіи. Она раскрыла недоборъ гербоваго сбора въ 21.316 р. 20 коп. и опредѣлила взыскать съ пензенскаго 2-й гильдіи купца Николая Тимоѳеевича Евстифѣева 847 р. 50 коп. торговыхъ сборовъ, причитающихся съ него въ казну за невыборъ торговыхъ документовъ первой гильдіи по случаю принятыхъ имъ на себя поставокъ хлѣба, по условіямъ съ земствомъ, 31-го октября 1891 года на 162.000 руб.—и 9-го января 1892 г. на 60.320 рублей. Оба взысканія, какъ гербоваго сбора, такъ и съ г. Евстифѣева, были впослѣдствіи сложены. Нельзя не замѣтить, что Н. Т. Евстифѣевъ своими двумя поставками оказалъ значительную услугу продовольствію мѣстнаго населенія, продавъ земству хлѣбъ въ то время, когда въ немъ была настоятельная нужда. Самъ же г. Евстифѣевъ потерпѣлъ крупные убытки, такъ какъ купленный имъ на югѣ хлѣбъ осенью 1891 года былъ ему доставленъ въ маѣ 1892 г., когда цѣна его упала почти на 50%. Значительные разнообразные убытки терпитъ постоянно вся страна—отъ желѣзныхъ

дорогъ, и никому, даже самимъ этимъ дорогамъ, они вѣдь не въ пользу.

Дворянство всегда было и пока еще осталось руководителемъ земской дѣятельности, и если нынѣ оно устранено отъ прямыхъ заботъ о продовольствіи мѣстнаго сельскаго населенія, то такая мѣра никоимъ образомъ не можетъ быть объяснена тѣмъ, что дворянство не оказалось на высотѣ своего призванія по строгому экзамену, произведенному его дѣятельности тяжелой годиной 1891—1892 гг. Факты удостовѣряютъ противное съ полной ясностью и убѣдительностью. Очень можетъ быть, что нынѣ дворянство вообще является ненужнымъ участникомъ въ удовлетвореніи мѣстныхъ нуждъ. Очень можетъ быть, наконецъ, что настоящій продовольственный уставъ лучше, практичнѣе, удобоисполнимѣе прежняго; но не въ одной только техникѣ обезпеченія продовольствія сельскаго населенія,—производящаго въ земледѣльческихъ губерніяхъ такой избытокъ всякаго рода питательныхъ продуктовъ, который постоянно нуждается въ экспортѣ,—заключается вполнѣ успѣшное рѣшеніе продовольственнаго вопроса. Многолѣтній опытъ показалъ, что продовольственная нужда въ крупныхъ размѣрахъ проявляется только въ этихъ земледѣльческихъ губерніяхъ. Кто бы ни занимался обезпеченіемъ продовольствія, но собственно оно заключается въ устройствѣ постоянныхъ запасовъ для предотвращенія случайнаго, временного бѣдствія. Способъ,—безспорно, освященный вѣками со временъ библейскаго Іосифа Прекраснаго, но въ настоящее время не практикующійся болѣе въ западной Европѣ, за отсутствіемъ въ немъ необходимости. Устройство постоянныхъ запасовъ связано съ немалой ежегодной тратой средствъ и силъ населенія и тратой, имѣющей часто весьма неблагопріятное вліяніе на обѣднѣвшее крестьянство. Отмѣнить же сборъ зерна съ сельскаго населенія для продовольственныхъ запасовъ нельзя именно въ виду его бѣдности; слѣдовательно, не въ общемъ нужны продовольственные запасы, а единственно вслѣдствіе бѣдности сельскаго населенія.

Существуетъ довольно распространенное мнѣніе, что русскій крестьянинъ по своему характеру и природѣ такъ непредусмотрителенъ, что самъ никогда не позаботится оберечь себя на случай неурожая, а потому необходимо вмѣшательство благодѣтельнаго начальства, которое бы занялось обезпеченіемъ этого вѣчнаго ребенка въ его продовольствіи. Для всякихъ сбереженій требуется не только желаніе и умѣнье ихъ производить, но и возможность таковыхъ. Можетъ или не можетъ русскій рядовой крестьянинъ средняго достатка дѣлать, при среднемъ также урожаѣ, сбереженія достаточныя для его прокормленія при неурожаѣ,—вопросъ крайне важный, затрогивать который вскользь, случайно, не слѣдуетъ. Постараюсь въ другой разъ

поговорить о немъ спеціально. Пока сошлюсь только на переселеніе, которое именно теперь можетъ служить убѣдительнымъ доказательствомъ необходимости серьезно и основательно подумать о русскомъ сельскомъ населеніи. Прошло время, когда крестьянство увлекалось переселеніемъ и видѣло въ мѣстахъ, куда стремилось, одну лишь вѣрную и несомнѣнную благодать. Теперь всѣмъ стало извѣстно, что переселеніе связано со многими продолжительными, иногда непосильными невзгодами,—однако, оно не прекращается, а еще ростетъ. Всюду въ западной Европѣ существуетъ переселеніе; но тамъ уходятъ бездомные пролетаріи, не имѣющіе никакой собственности; у насъ же бѣгутъ земельные собственники, продающіе за безцѣнокъ свои дома и движимость, зная впередъ все, что они должны претерпѣть, чтобы добраться до новыхъ мѣстъ и чтобы водвориться на нихъ. Хороша же должна быть жизнь, которая можетъ вынуждать такую рѣшимость.

Не одни крестьяне бросаютъ у насъ свою вѣковую осѣдлость,—бѣгутъ и дворяне. Еще недавно я узналъ, что одно крупное, хорошо устроенное и отстроенное дворянское имѣніе было продано въ нашей губерніи купцу. Имѣніе было заложено, и тутъ объясненіе такой продажи не представляетъ ни малѣйшаго затрудненія; оно давно выработано: жизнь сверхъ состоянія, неумѣлость дворянства справиться съ новыми условіями жизни, отсутствіе научной подготовки и пр., и пр. Одновременно, въ нашемъ уѣздѣ и недалеко отъ меня, вдова-дворянка продала свое небольшое, также хорошо устроенное и отстроенное, имѣніе крестьянину. Это имѣніе было незаложенное, и его пришлось заложить, для облегченія продажи. Разумѣется, такіе два примѣра ничего общаго доказать не могутъ. Дворянское землевладѣніе безусловно таетъ уже давно, и годъ тому назадъ на очередномъ дворянскомъ собраніи такое таяніе было доказано, какъ за истекшее трехлѣтіе, такъ и за предъидущія, цифровыми данными. Приведенные два примѣра, вслѣдствіе сего, пріобрѣтаютъ нѣкоторое значеніе. Очевидно, надъ всѣмъ русскимъ землевладѣніемъ существуетъ гнетъ общихъ условій, объ устраненіи которыхъ слѣдуетъ подумать. Дай Богъ, чтобы улучшеніе продовольственной техники, а также всякой другой—административной, фискальной—не заслонило бы этихъ условій, не отвлекло бы общаго вниманія отъ нихъ. Помочь сельскому населенію необходимо, но еще необходимѣе и выгоднѣе поставить это населеніе въ такое положеніе, при которомъ оно бы не нуждалось въ помощи.

Кн. Дм. Друцкой-Сокольнинскій.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 апрѣля 1901.

Пререканія по поводу Китая.—Англійскія разсужденія о казняхъ и о русскомъ коварствѣ. — Дипломатическія ошибки и ихъ послѣдствія. — Манчжурскій вопросъ.— Англо-русскій споръ въ Тянь-Цзинѣ.—Несчастный случай съ имп. Вильгельмомъ II.

Дипломаты великихъ державъ, дѣйствующихъ сообща въ Китаѣ, гораздо больше озабочены теперь взаимными счетами и пререканіями, чѣмъ успѣшнымъ ходомъ переговоровъ съ китайскимъ правительствомъ. Самый вопросъ о цѣлесообразномъ разрѣшеніи кризиса на дальнемъ Востокѣ пересталъ занимать умы; онъ считается уже какъ будто исчерпаннымъ казнями враждебныхъ мандариновъ, карательными экспедиціями графа Вальдерзе и требованіями денежныхъ вознагражденій за убытки. Пресловутое „единодушіе“ кабинетовъ смѣнилось мелочнымъ и придирчивымъ соперничествомъ, смыслъ котораго не всегда ясенъ для публики. Лондонскія газеты заговорили вызывающимъ и воинственнымъ тономъ о Россіи, обвиняя ее въ нарушеніи общаго согласія, или „концерта“, которымъ, какъ принято думать, руководитъ и должна руководить Англія.

Русскій представитель въ Пекинѣ,—какъ пишетъ оттуда корреспондентъ „Times“, — „отказался поддерживать требованіе другихъ державъ о наказаніи провинціальныхъ чиновниковъ, замѣшанныхъ въ нѣкоторыя изъ худшихъ избіеній христіанъ. Этимъ Россія сбросила съ себя маску. Вопросъ этотъ ближе затрогиваетъ интересы будущей безопасности въ Китаѣ, чѣмъ наказаніе главныхъ правительственныхъ лицъ. За исключеніемъ смерти Ю-Сіена и мандариновъ въ Бао-тин-фу, не было еще достигнуто никакого возмездія за гибель 240 беззащитныхъ мужчинъ, женщинъ и дѣтей разныхъ національностей, звѣрски умерщвленныхъ въ провинціальныхъ городахъ, большею частью въ зданіяхъ и дворахъ присутственныхъ мѣстъ. Во вниманіе къ желаніямъ Америки, Японіи и самой Россіи, составленный списокъ былъ доведенъ до самыхъ скромныхъ размѣровъ и заключаетъ въ себѣ лишь десять приговоровъ къ смертной казни и пятнадцать—къ пожизненной ссылкѣ. Россія неоднократно признавала въ принципѣ необходимость дополнительнаго списка провинціальныхъ казней, но теперь она внезапно повернула въ другую сторону и объявляетъ вопросъ о наказаніяхъ уже покоченнымъ. Доводы въ пользу снисхожденія—продолжаетъ корреспондентъ—едва ли могутъ быть серьезны со стороны

державы, которая въ теченіе прошлаго лѣта не разъ поступала съ китайцами столь же жестоко, какъ сами боксеры — съ христіанами. Нынѣшній отказъ Россіи нельзя объяснить иначе какъ только спеціальною сдѣлкою съ Ли-Хунъ-Чангомъ объ уничтоженіи „концерта“ въ обмѣнъ за особыя секретныя уступки; это подтверждается и тѣмъ, что она высказала также намѣреніе отдѣлиться отъ другихъ державъ и въ вопросѣ о вознагражденіи. Нужно надѣяться, что другія державы не станутъ приносить дальнѣйшія жертвы для обезпеченія внѣшняго единства дѣйствій, которое рано или поздно должно было оказаться неосуществимымъ со времени принятія посредничества Ли-Хунъ-Чанга... Англія уже достаточно наказана за свою рѣшимость сохранить внѣшній видъ согласія между кабинетами. Если въ отдѣльныхъ случаяхъ виновные чиновники, указанные англичанами, избѣгнутъ кары по желанію Россіи, то въ Китаѣ утвердится убѣжденіе, что Англія безсильна защищать своихъ подданныхъ противъ русскаго „быть по сему“... Весь ходъ переговоровъ подвергнется опасности, если Россіи дозволено будетъ разрушить единодушное рѣшеніе всѣхъ другихъ державъ въ противность ея собственному, данному раньше слову“...

Эти и подобныя имъ замѣчанія англійскихъ газетъ какъ нельзя лучше выясняютъ безцѣльность и вредъ той системы лавированія, которая практикуется дипломатіею ради избѣжанія даже вполнѣ невинныхъ разногласій съ чужими державами. Россія могла съ самаго начала возражать противъ кровавой расправы съ китайскими сановниками, исполнявшими лишь приказы императрицы-регентши и князя Туана; она не дѣлала этого, безъ сомнѣнія, только потому что опасалась нарушить единомысліе кабинетовъ при первыхъ же совмѣстныхъ мѣрахъ противъ Китая. Однако, вопросъ о казни людей безъ суда былъ въ сущности настолько важенъ, что оставлять его безъ всесторонняго и откровеннаго обсужденія было едва ли благоразумно; и если бы возникшія разнорѣчія помѣшали исполненію нѣмецко-британской программы возмездія, то это было бы только заслугою и вовсе не повредило бы репутаціи и вліянію Россіи. Иностранные представители въ Пекинѣ вынуждены были бы тогда придумать другой способъ наказанія Китая, безъ совершенія явныхъ несправедливостей, способныхъ внушить туземцамъ глубокую и непримиримую ненависть къ Европѣ и ея мнимо-христіанской культурѣ; согласіе державъ возстановилось бы на болѣе подходящей почвѣ, и мы избавлены были бы отъ участія въ тяжеломъ и печальномъ дѣлѣ избіенія китайскихъ мандариновъ по заранѣе составленному списку. Не было ни малѣйшихъ основаній предполагать, что это участіе вызывалось для насъ необходимостью и что мы обязаны были въ данномъ случаѣ подчи-

нить свои взгляды англійскимъ или германскимъ; напротивъ того, наши возраженія были бы по всей вѣроятности поддержаны японцами, американцами и французами, и общественное мнѣніе культурнаго міра было бы на нашей сторонѣ. Согласіе съ другими не есть само по себѣ цѣль, ради которой стоило бы жертвовать своими мнѣніями и чувствами; оно есть только средство для достиженія опредѣленнаго результата. Еслибы наша дипломатія не считала своимъ долгомъ присоединиться къ извѣстнымъ требованіямъ или, по крайней мѣрѣ, обставила свое согласіе надлежащими оговорками, то она не могла бы теперь подвергаться подозрѣніямъ и нападкамъ, въ родѣ приведенныхъ выше; но, конечно, она имѣла полное право измѣнить свое отношеніе къ частному вопросу о казняхъ и отказаться отъ повторенія ошибки, допущенной первоначально, — хотя бы это было и непріятно британскимъ патріотамъ. Существовали даже достаточно сильныя внѣшнія причины, оправдывавшія такую перемѣну во взглядахъ,—напр. фактическая невозможность захватить именно тѣхъ, которые были вдохновителями и руководителями совершившихся злодѣйствъ, и тягостное впечатлѣніе, производимое повсюду расправою надъ простыми исполнителями, къ которымъ несомнѣнно принадлежатъ провинціальные чиновники. Никто не повѣритъ, что нравственный авторитетъ Англіи или другой державы въ глазахъ Китая будетъ измѣряться количествомъ головъ, отданныхъ ей въ жертву; а еслибы такая точка зрѣнія дѣйствительно имѣла силу между китайцами, то христіанскія націи и правительства не могутъ и не должны сообразоваться съ нею въ своихъ рѣшеніяхъ,—ибо въ противномъ случаѣ не было бы разницы между европейскою культурою и азіатскою. Корреспондентъ „Times“ дѣлаетъ ядовитый намекъ на суровыя репрессаліи въ предѣлахъ Манчжуріи; но эти распоряженія, каковы бы они ни были, примѣнялись во время военныхъ дѣйствій, начатыхъ китайцами, и притомъ въ районѣ непосредственныхъ нападеній китайскихъ военныхъ силъ,—тогда какъ въ настоящее время дѣло идетъ о наказаніи отдѣльныхъ лицъ въ мирныхъ областяхъ Китая, при отсутствіи войны между китайскимъ правительствомъ и иностранными державами. На войнѣ полагается истреблять непріятеля и принимать разныя крутыя мѣры даже противъ безоружныхъ жителей, подозрѣваемыхъ въ содѣйствіи непріятельскимъ войскамъ; изъ этого, однако, не слѣдуетъ, что можно въ мирное время убивать туземныхъ чиновниковъ въ занятой странѣ, подъ предлогомъ возмездія за совершённыя ими до оккупаціи служебныя дѣйствія. Между обоими случаями нѣтъ ничего общаго, и сопоставленіе ихъ возможно лишь при отрицаніи того грубаго и безспорнаго факта, что въ Манчжуріи происходила война.

Весьма щекотливыя пререканія, возбужденныя въ послѣднее время по поводу Манчжуріи, должны быть отчасти приписаны, какъ намъ кажется, ошибочной тактикѣ нашей дипломатіи, которая сначала не признавала истиннаго характера военныхъ событій въ этой области, а потомъ давала иностраннымъ кабинетамъ ненужныя увѣренія и обѣщанія, не вызываемыя и не оправдываемыя обстоятельствами. Мѣстныя китайскія власти формально начали войну противъ Россіи, и созданное этимъ военное положеніе въ Манчжуріи ставило насъ въ особыя условія, изъ которыхъ необходимо было сдѣлать соотвѣтственные практическіе выводы. Мы были противъ воли вовлечены въ неожиданныя военныя операціи на Амурѣ, и намъ пришлось дѣйствовать тамъ совершенно самостоятельно, внѣ соглашенія съ союзными державами и безъ всякой связи съ задачами, преслѣдуемыми дипломатіею въ Тянь-Цзинѣ и Пекинѣ. Значительная часть пограничной китайской территоріи была занята нами по праву войны, и мы должны были предоставить себѣ право опредѣлить и устроить судьбу этого края въ зависимости отъ интересовъ безопасности русскихъ владѣній въ будущемъ. Вмѣсто того, чтобы стоять на этой твердой почвѣ фактовъ и дѣлать затѣмъ возможныя уступки державамъ и Китаю, мы почему-то старались увѣрить себя и другихъ, что предпринятыя противъ насъ военныя дѣйствія исходятъ не отъ китайскихъ оффиціальныхъ властей, а отъ тѣхъ же мятежныхъ „боксеровъ“, которыхъ предстояло усмирить и наказать въ Печилійской провинціи, и что, слѣдовательно, вопросъ о Манчжуріи есть только часть общаго вопроса, подлежащаго совмѣстному обсужденію кабинетовъ; въ то же время мы заранѣе приняли на себя обязательство, — котораго никто отъ насъ не требовалъ и не могъ требовать,—очистить завоеванную русскими войсками территорію и возвратить ее китайцамъ по возстановленіи въ ней спокойствія и порядка. Мы и безъ того не взяли бы Манчжуріи; но было несравненно лучше и выгоднѣе отдать ее безъ предварительнаго обѣщанія, чѣмъ дѣлать это по обязанности. Очевидно, мы этимъ сами лишили себя всѣхъ преимуществъ своего положенія въ Манчжуріи, безъ малѣйшей къ тому надобности.

Что же вышло въ результатѣ? Война, которую мы вынуждены были вести съ китайцами за Амуромъ, какъ бы вовсе не существовала, и о ней нѣтъ и рѣчи, когда говорится объ ожидаемомъ соглашеніи между Россіею и Китаемъ относительно Манчжуріи. Устроить положеніе этой страны прежде чѣмъ удалить занимающія ее русскія войска — безусловно необходимо; понятно также, что, по окончаніи войны, должны были начаться мирные переговоры между обѣими участвовавшими въ ней державами, и что предлагаемыя побѣдителями условія не могли быть вполнѣ благопріятны для побѣжденныхъ. Ки-

тайское правительство обратилось тогда за совѣтомъ и заступничествомъ къ иностраннымъ кабинетамъ; послѣдніе нашли, что отдѣльное соглашеніе Китая съ одною изъ державъ нарушало бы интересы всѣхъ остальныхъ и подрывало бы самыя основы общаго „концерта", тѣмъ болѣе когда дѣло идетъ о предоставленіи какихъ-либо спеціальныхъ выгодъ одному изъ союзниковъ въ ущербъ прочимъ.

Нашу дипломатію обвиняютъ теперь въ томъ, что она произвольно выдѣлила Манчжурію изъ круга общей компетенціи союзныхъ державъ и ведетъ о ней какіе-то секретные переговоры съ китайскими уполномоченными. Естественный и неизбѣжный результатъ войны превратился въ нѣчто предосудительное и неловкое; намъ приходится какъ бы оправдываться передъ Англіею, выслушивать рѣзкіе упреки иностранной печати и съ благодарностью принимать успокоительныя заявленія Германіи. „Россія,—говоритъ „Times" въ передовой статьѣ отъ 14 марта,—участвуетъ въ союзѣ державъ и въ этомъ качествѣ пользуется правомъ голоса въ ихъ совѣщаніяхъ и въ ихъ совмѣстной политикѣ по отношенію къ Китаю. Въ то же время она за ихъ спиною ведетъ цѣлый рядъ отдѣльныхъ переговоровъ отъ своего собственнаго имени и для своей исключительной выгоды. При такихъ обстоятельствахъ возможно ли полагаться на ея добросовѣстность? Она торжественно заявляла, что самостоятельные планы совершенно чужды ея китайской политикѣ. Между тѣмъ она преслѣдовала такіе планы, по крайней мѣрѣ съ ноября, и повидимому она приспособляетъ къ нимъ свои дѣйствія въ качествѣ члена союза. Въ концертѣ державъ она препятствуетъ ходу дѣлъ, изобрѣтаетъ поводы къ проволочкамъ и выдаетъ себя за защитницу Китая или даже покровительницу китайскихъ преступниковъ. Какъ отдѣльная держава, она стремится къ достиженію своихъ частныхъ цѣлей съ неослабною настойчивостью и твердостью. Никакія увѣренія, хотя бы самыя многословныя, не могутъ объяснить эти противорѣчія или примирить съ ними тѣхъ, которыя имѣютъ крупные интересы на дальнемъ Востокѣ и желаютъ во что бы то ни стало поддержать ихъ".

Эти обвиненія были бы справедливы, еслибы Россія просто воспользовалась событіями для секретныхъ дипломатическихъ захватовъ въ Китаѣ. Но, какъ извѣстно всѣмъ, отдѣльные переговоры о Манчжуріи вызваны были самостоятельными нападеніями китайскихъ военныхъ силъ на русскую желѣзную дорогу и на русское побережье Амура: не будь этихъ нападеній и послѣдовавшаго за ними занятія страны русскими войсками, не было бы теперь и манчжурскаго вопроса, и о немъ не велись бы особые переговоры съ Китаемъ. Двусмысленность, послужившая источникомъ нынѣшнихъ нареканій, началась лишь съ того момента, когда военныя дѣйствія въ Манчжу-

ріи были прикрыты странною и безцѣльною дипломатическою фикціею, о которой мы упоминали выше. Наша дипломатія находила, что никакой войны не было и что Китай вовсе не нападалъ на наши владѣнія; иностранные кабинеты охотно становятся на эту точку зрѣнія и соглашаются съ нами, что въ Манчжуріи ничего особеннаго не происходило, кромѣ лишь обычныхъ беззаконій боксеровъ; но въ такомъ случаѣ они безусловно правы, обращаясь къ намъ съ вопросомъ: почему Россія затѣваетъ какія-то отдѣльныя соглашенія съ Китаемъ относительно Манчжуріи, безъ вѣдома и участія другихъ державъ, съ которыми она обязалась дѣйствовать совмѣстно по китайскимъ дѣламъ? И по неволѣ мы изворачиваемся, придумывая разныя болѣе или менѣе правдоподобныя объясненія. Одна двусмысленность влечетъ за собою и другія, и такимъ образомъ создается искусственная путаница, изъ которой потомъ трудно выбраться. Дипломатамъ кажется, что они исполнили свое назначеніе, окруживъ себя сѣтью тонкихъ комбинацій, а между тѣмъ причиняется ущербъ политической репутаціи государства, подрывается довѣріе къ его заявленіямъ и дается удобное оружіе въ руки его недоброжелателей и враговъ. Многіе думаютъ до сихъ поръ, что задача дипломатіи — ловко маскировать дѣйствительность, избѣгать ясности и прямоты; этотъ устарѣлый взглядъ, краснорѣчиво и неоднократно опровергнутый Бисмаркомъ, нашелъ еще недавно любопытное выраженіе въ англо-германскомъ договорѣ, гарантирующемъ неприкосновенность территоріи Китая. Договоръ составленъ такъ, что обѣ стороны могутъ давать ему различныя и даже противоположныя толкованія, по своему усмотрѣнію. Лондонскій кабинетъ утверждаетъ, что англо-германское соглашеніе распространяется и на Манчжурію; германскій канцлеръ, графъ Бюловъ, столь же категорически свидѣтельствуетъ, что Германія не имѣла въ виду примѣнять это соглашеніе къ Манчжуріи. Самая возможность такихъ радикальныхъ противорѣчій дѣлаетъ данный дипломатическій актъ безцѣльнымъ или по крайней мѣрѣ значительно умаляетъ его практическое значеніе; дипломаты въ этомъ случаѣ какъ бы перехитрили самихъ себя. Остается только тотъ публично удостовѣренный фактъ, что Англія стоитъ за сохраненіе государственныхъ правъ Китая въ предѣлахъ Манчжуріи и приметъ свои мѣры, т.-е. потребуетъ соотвѣтственнаго вознагражденія, если неприкосновенность китайской имперіи будетъ съ этой стороны нарушена. Слухъ о томъ, что предположенная русско-китайская конвенція нарушаетъ права Китая на Манчжурію, былъ впервые пущенъ пекинскимъ корреспондентомъ „Times“, который обнародовалъ также существенное содержаніе этой конвенціи. По свѣдѣніямъ „Times“, Россія выговорила себѣ важныя преимущества и въ Монголіи, и въ китайскомъ Туркестанѣ, чѣмъ под-

вергается уже опасности „все положеніе, которое Англія старалась сдѣлать неуязвимымъ у сѣверо-западныхъ границъ Индіи". Англичане встревожились; британскій посолъ при русскомъ дворѣ оффиціально просилъ объясненій, и его успокоили указаніемъ на временный характеръ предстоящаго соглашенія. Съ своей стороны Германія дала понять, что для нея совершенно безразлично, какъ поступитъ Россія съ Манчжуріею послѣ окончательнаго возстановленія мира въ Китаѣ и послѣ уплаты китайскимъ правительствомъ денежнаго вознагражденія, причитающагося на долю Германіи. Совокупность китайскихъ владѣній должна служить обезпеченіемъ для денежныхъ требованій великихъ державъ; въ эту совокупность входитъ и Манчжурія, и потому она не можетъ быть предметомъ сепаратныхъ сдѣлокъ, пока не исполнены финансовыя обязательства Китая относительно союзниковъ. Такова точка зрѣнія почти всѣхъ заинтересованныхъ кабинетовъ по манчжурскому вопросу; только Англія и Японія идутъ значительно дальше въ своихъ заботахъ о цѣлости Китая, готовясь приступить къ захватамъ при первой попыткѣ Россіи пріобрѣсть какія-либо исключительныя права въ Манчжуріи.

Вопросъ, неправильно поставленный съ самаго начала, обострился до того, что грозитъ серьезно испортить отношенія къ намъ Англіи, которыя, впрочемъ, никогда не отличались особенною дружественностью. Насколько англичане склонны къ рѣзкимъ и воинственнымъ заявленіямъ во внѣшней политикѣ, даже по сравнительно ничтожнымъ поводамъ, — это можно было видѣть недавно, при столкновеніи между британскими и русскими военными властями въ Тянь-Цзинѣ изъ-за спорнаго участка земли. Русскіе заняли и оградили флагами извѣстное пространство земли, часть котораго, по словамъ англичанъ, принадлежала управленію пекинской желѣзной дороги; британскіе инженеры начали производить какія-то работы въ предѣлахъ этого участка, устранивъ поставленные пограничные столбы; русское начальство вмѣшалось и потребовало прекращенія работъ, ссылаясь на принадлежность этой земли русскимъ. Казалось, что подобный споръ можно бы разобрать мирно по существу, безъ угрозъ и насилій; однако, англійскій генералъ, къ которому обратился управляющій дорогою, приказалъ „продолжать работы, хотя бы при помощи вооруженной силы". Русскіе протестовали, предлагая передать дѣло на рѣшеніе дипломатіи; англичане опирались на свое численное превосходство и не обращали вниманія на доводы русскихъ офицеровъ. Съ нашей стороны пришлось потребовать подкрѣпленій, военные посты были усилены, и малѣйшая случайность могла бы привести къ кровопролитію. Напряженное военное положеніе тянулось цѣлую недѣлю; самъ фельдмаршалъ графъ Вальдерзе прибылъ въ Тянь-Цзинь 19 марта, чтобы рас-

путать этотъ узелъ, но не могъ ничего сдѣлать. Генералъ Кемпбелль заявлялъ, что онъ обязанъ сохранять занятую позицію, согласно инструкціямъ, полученнымъ имъ отъ своего правительства. Подчиниться такому грубому насилію было, конечно, немыслимо для русскаго военнаго начальства. Обращеніе къ посланникамъ въ Пекинѣ также не помогло; понадобились прямые переговоры между правительствами обѣихъ державъ, чтобы уладить инцидентъ, который не долженъ былъ вовсе возникать. Общественное мнѣніе всего міра съ тревогою слѣдило за ходомъ разгорѣвшагося спора; англійскія газеты предвѣщали войну и будили въ читателяхъ патріотическіе порывы грозными возгласами противъ Россіи. Только 21 марта британскій министръ иностранныхъ дѣлъ, маркизъ Лансдоунъ, получилъ возможность сообщить въ палатѣ лордовъ „пріятное извѣстіе“, что дѣло окончилось благополучно и что „въ сущности предметъ спора, сравнительно мелкій и имѣющій чисто мѣстное значеніе, не принадлежитъ къ числу тѣхъ, которые способны разстроить отношенія между двумя державами“. Однако прошла цѣлая недѣля тревожныхъ ожиданій прежде чѣмъ британское правительство сочло нужнымъ сдѣлать это разумное заявленіе. „Times“ находитъ еще, что англичане имѣли полное право употребить силу противъ русскихъ въ Тянь-Цзинѣ и что „начальникъ штаба мѣстныхъ британскихъ войскъ не могъ поступить иначе“. Уклониться отъ этого способа дѣйствій, — говоритъ газета, — „было бы оскорбительно для нашего достоинства, и мы возбудили бы къ себѣ презрѣніе туземцевъ въ странѣ, гдѣ престижъ составляетъ половину власти“. При этомъ предполагается одно непремѣнное условіе,—что при употребленіи вооруженной силы перевѣсъ и, слѣдовательно, „престижъ“ будетъ на сторонѣ англичанъ; но такъ какъ численность русскихъ войскъ могла быть легко увеличена по мѣрѣ надобности, то англійское достоинство и англійскій престижъ рисковали также и пострадать.

Принимать угрожающій и грубый тонъ въ международныхъ сношеніяхъ только потому, что въ данный моментъ и въ данномъ мѣстѣ противникъ кажется слабѣе,—это уже обычная черта патріотовъ всѣхъ національностей; но явная грубость софизмовъ, которыми прикрывается этотъ воинственный зудъ, особенно бросается въ глаза въ послѣднемъ англо-русскомъ конфликтѣ въ Тянь-Цзинѣ. Гордый приказъ британскаго генерала прибѣгнуть къ вооруженной силѣ противъ отряда войскъ чужой великой державы, производитъ впечатлѣніе чего-то героическаго, а между тѣмъ онъ основанъ только на мимолетномъ и много разъ испытанномъ разсчетѣ: въ подобныхъ случаяхъ противникъ, ошеломленный опасностью войны изъ-за пустяковъ, добровольно отступаетъ, и почетная побѣда достается безъ всякихъ жертвъ; или противникъ разбивается, пока у него мало силъ, а затѣмъ отечественнымъ диплома-

тамъ предоставляется объяснять случившееся прискорбнымъ недоразумѣніемъ, такъ что инцидентъ кончается безъ всякихъ серьезныхъ послѣдствій. Англичане несомнѣнно искусны въ нанесеніи такихъ внезапныхъ ударовъ, получающихъ характеръ побѣды въ глазахъ толпы; однако результатъ зависитъ и отъ степени самообладанія и выдержки противника. Припутывать авторитетъ и престижъ государства къ столкновеніямъ между нѣсколькими десятками или сотнями солдатъ—конечно, смѣшно и безцѣльно; и если отвѣтственные военные начальники соблазняются возможностью одержать верхъ надъ отрядомъ страны, съ которою ихъ отечество находится въ мирѣ, то это крайне опасный обычай, не лишенный риска для самихъ англичанъ. Спорные вопросы сами по себѣ не вызывали бы взаимнаго раздраженія; но рѣзкія выходки и угрозы оставляютъ надолго непріятное чувство, которое приноситъ свои плоды и въ политикѣ. Франція понынѣ не можетъ забыть Фашоду, — въ сущности, инцидентъ незначительный и допускавшій вполнѣ миролюбивое рѣшеніе; англичане предпочли тогда дѣйствовать въ формѣ ультиматума, пользуясь сравнительною слабостью французскаго отряда, и съ тѣхъ поръ Англія оттолкнула отъ себя французовъ вѣроятно на многіе годы. Въ погонѣ за кратковременнымъ внѣшнимъ успѣхомъ приносятся въ жертву крупные національные интересы,—и это, по меньшей мѣрѣ, неразсчетливо.

Несчастный случай, которому подвергся въ Берлинѣ 6 марта Вильгельмъ II, возбудилъ въ Германіи разные меланхолическіе толки и комментаріи, едва-ли соотвѣтствующіе фактамъ. Эпилептикъ, бросившій въ пространство кусокъ желѣза и попавшій имъ въ проѣзжавшаго императора, находился, какъ оказалось, въ состояніи невмѣняемости, и въ данномъ случаѣ нѣтъ повода говорить о сознательномъ преступномъ покушеніи. Президентъ прусской палаты депутатовъ, выражая императору чувства соболѣзнованія и преданности отъ имени сейма, счелъ нужнымъ сопоставить происшедшій теперь случай съ преступными посягательствами на жизнь Вильгельма I въ семидесятыхъ годахъ. Президентъ Крехеръ заговорилъ на эту щекотливую тему, такъ сказать, нечаянно,—наведенный мыслью о годовщинѣ смерти перваго императора въ день аудіенціи, какъ онъ самъ добродушно признался затѣмъ въ засѣданіи палаты 23 марта; а императоръ въ отвѣтъ высказалъ нѣсколько грустныхъ мыслей объ упадкѣ авторитетовъ въ народѣ со времени кончины Вильгельма I. „Я питаю полное довѣріе къ палатѣ депутатовъ и ко всѣмъ ея партіямъ,—продолжалъ императоръ,—и я желалъ бы, чтобы всѣ партіи по мѣрѣ силъ способствовали развитію необходимаго уваженія къ авторитетамъ“. Эти общіе взгляды,

вполнѣ естественные въ устахъ Вильгельма II, обрадовали старыхъ реакціонеровъ и консерваторовъ, но огорчили прогрессистовъ. Предводитель „свободомыслящихъ“ въ парламентѣ, Евгеній Рихтеръ, усмотрѣлъ даже нарушеніе конституціи въ томъ обстоятельствѣ, что извѣстныя слова монарха сообщаются во всеобщее свѣдѣніе безъ участія подлежащаго министра, который отвѣчалъ бы передъ палатою за ихъ содержаніе. Но эти слова передаютъ только настроеніе, за которое никакой министръ не отвѣтственъ передъ парламентомъ; въ нихъ нѣтъ опредѣленныхъ указаній, а есть только пожеланія, неспособныя притомъ повліять на практическую политику. Оппозиція безпокоится по старой памяти, вызывая передъ свободнымъ общественнымъ мнѣніемъ забытые призраки реакціи;—времена реакціи и консерватизма прежняго злобнаго типа давно и безвозвратно прошли въ Германіи. Подъ уваженіемъ къ авторитетамъ разумѣется теперь въ Германіи нѣчто совершенно другое, чѣмъ прежде,—не поклоненіе внѣшнимъ властямъ, а признаніе извѣстныхъ твердыхъ законовъ, подчиненіе нравственному и умственному превосходству. Императоръ Вильгельмъ II, какъ энергическая и яркая индивидуальность, выражается иногда слишкомъ образно и сильно; ему несвойственна придворная замкнутость; онъ не ограничивается оффиціальными сношеніями съ министрами и сановниками, а старается поддерживать связи съ разными классами общества, получать повсюду свѣдѣнія изъ первыхъ рукъ, давать толчокъ идеямъ „міровой политики“ и быть вообще правителемъ въ настоящемъ смыслѣ этого слова. Традиціи прошлаго въ немъ уживаются съ привычками и взглядами современнаго культурнаго дѣятеля; онъ зачисляетъ своего старшаго сына и наслѣдника въ студенты боннскаго университета, въ которомъ самъ слушалъ лекціи въ молодости; онъ знаетъ, что лучшая и передовая часть германскаго народа проходитъ черезъ университетскую школу, съ ея преходящими увлеченіями и волненіями, и что духъ университетскаго общенія оказываетъ въ высшей степени благотворное воспитательное вліяніе на умъ и характеръ юноши. Студенческія корпораціи Бонна готовятся достойнымъ образомъ встрѣтить своего новаго сочлена; городское управленіе также участвуетъ въ этихъ приготовленіяхъ, о которыхъ аккуратно сообщаютъ газеты. Вильгельмъ II уже по темпераменту своему и воспитанію не могъ бы чуждаться народа, или проникнуться къ нему недовѣріемъ; но нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что нападки печати на его личную иностранную политику и на его англофильство сдѣлали настроеніе его болѣе нервнымъ. О происшествіи въ Бременѣ онъ далъ показаніе какъ свидѣтель; для этого являлся къ нему во дворецъ судебный чиновникъ, выслушалъ его разсказъ и составилъ протоколъ, который будетъ прочитанъ въ судѣ при разбирательствѣ дѣла.

Современная Германія живетъ настолько сильною и здоровою національною жизнью, что самое понятіе реакціи къ ней непримѣнимо. Реакція, какъ попытка подавленія внутренней энергіи народа и общества, представляетъ начало мертвящее и обезличивающее; она несовмѣстима съ бодростью и предпріимчивостью, исключаетъ быстрый ростъ и процвѣтаніе страны, ставитъ внѣшнее благочиніе и однообразіе впереди благосостоянія и развитія. Германская нація хочетъ жить и процвѣтать, а не чахнуть; она неудержимо идетъ впередъ, и никому не приходитъ уже въ голову толкать ее назадъ, къ исчезнувшимъ идеаламъ пассивнаго прозябанія и безправія. За послѣднюю четверть вѣка совершились въ Германіи крупныя перемѣны въ положеніи различныхъ политическихъ партій и общественныхъ группъ. Соціаль-демократы, считавшіеся еще недавно опаснѣйшими врагами государства и служившіе любимымъ предметомъ полицейскихъ заботъ и мѣропріятій, занимаютъ видное мѣсто въ обществѣ, дѣйствуютъ открыто и свободно, и ни въ чемъ не обнаруживаютъ тѣхъ зловредныхъ вліяній и наклонностей, которыя имъ приписывались когда-то; напротивъ, изъ ихъ среды выходятъ полезные дѣятели и замѣчательные ораторы, съ которыми ищутъ сближенія правительственныя и даже высокопоставленныя лица. Въ готскомъ сеймѣ выбранъ вице-президентомъ депутатъ Бокъ, соціаль-демократъ, бывшій сапожникъ, чрезвычайно дѣльный и способный человѣкъ; въ Дармштадтѣ соціаль-демократъ Ульрихъ пользуется особымъ вниманіемъ великаго герцога и привлекается имъ къ разнымъ политическимъ бесѣдамъ,—и при этомъ не возникаетъ никакихъ опасностей ни для государства, ни для авторитета правительства. Въ Германіи нѣтъ уже почвы для произвольныхъ политическихъ опытовъ, въ родѣ стремленія повернуть ходъ исторіи въ обратную сторону, и нѣтъ основанія предполагать подобныя идеи въ имп. Вильгельмѣ II.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 апрѣля 1901.

— Путешествіе антіохійскаго патріарха Макарія въ Россію въ половинѣ XVII вѣка, описанное его сыномъ, архидіакономъ Павломъ Алеппскимъ. Переводъ съ арабскаго Г. Муркоса. (По рукописи Московскаго Главнаго Архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ). М. 1896—1900. Пять выпусковъ.

Въ прошломъ году г. Муркосъ закончилъ свое изданіе „Путешествія", представляющаго одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ памятниковъ въ ряду иностранныхъ книгъ о Россіи за XVII-й вѣкъ. „Путешествіе" давно знакомо было нашимъ историкамъ, но, какъ теперь оказывается, знакомо было далеко не сполна и не весьма точно, потому что его знали до сихъ поръ только въ старомъ неполномъ и не всегда вѣрномъ англійскомъ переводѣ (1829—36 г.). Г. Муркосъ своимъ переводомъ „Путешествія" съ арабскаго подлинника, и въ полномъ текстѣ, сдѣлалъ въ высокой степени цѣнный вкладъ въ нашу историческую литературу: именно для нея и важенъ въ особенности этотъ трудъ арабскаго христіанскаго писателя XVII-го вѣка.

Въ предисловіи, переводчикъ такъ объясняетъ значеніе этой книги архидіакона Павла Алеппскаго.

„Въ царствованіе Алексѣя Михайловича дважды пріѣзжалъ въ Россію антіохійскій патріархъ Макарій, родомъ арабъ изъ города Алеппо, въ первый разъ для сбора пожертвованій, во второй—десять лѣтъ спустя —по приглашенію царя для суда надъ патріархомъ Никономъ. Въ первый пріѣздъ съ нимъ былъ его родной сынъ, архидіаконъ Павелъ Алеппскій, который, по просьбѣ одного изъ своихъ дамасскихъ друзей, какъ онъ объясняетъ во введеніи, составилъ подробное и чрезвычайно любопытное описаніе трехлѣтняго путешествія своего отца.

„Человѣкъ весьма любознательный и начитанный, хотя лишенный правильнаго образованія, Павелъ Алеппскій въ своихъ запискахъ касается всего, что могъ видѣть и слышать во время своего продолжительнаго путешествія: описываетъ страну, нравы и обычаи жителей,

селенія и города, замѣчательныя зданія, по преимуществу церкви и монастыри, торжественныя служенія, въ коихъ участвовалъ вмѣстѣ съ отцомъ, пріемы и пиры при дворахъ, политическія событія, которыхъ былъ свидѣтелемъ или о которыхъ могъ знать по разсказамъ другихъ, и мимоходомъ даетъ яркую характеристику государей и политическихъ и церковныхъ дѣятелей, съ которыми приходилъ въ соприкосновеніе его отецъ-патріархъ. Восьмимѣсячное пребываніе ихъ въ Молдавіи совпало съ однимъ изъ интереснѣйшихъ происшествій въ исторіи этой страны: паденіе господаря Василія Лупула, сопровождавшееся междоусобной войной, въ которой погибъ зять его, Тимоѳей Хмельницкій, сынъ гетмана Богдана Хмельницкаго, нашло себѣ живого разсказчика въ лицѣ очевидца этихъ событій, Павла Алеппскаго, повѣствованіе коего, по словамъ Костомарова, представляетъ единственный источникъ для изученія тогдашнихъ отношеній Малороссіи къ Молдавіи. Въ Россію дамасскіе путники попали въ самую цвѣтущую пору царствованія Алексѣя Михайловича, когда онъ велъ счастливую войну съ Польшей и когда патріархъ Никонъ, достигнувъ высшей степени могущества, приступилъ къ устроенію церковныхъ дѣлъ, въ чемъ весьма желаннымъ являлось для него авторитетное содѣйствіе святителя древнѣйшей изъ восточныхъ патріархій.

„Самая значительная часть сочиненія Павла Алеппскаго занята описаніемъ долговременнаго пребыванія его съ отцомъ въ Россіи и разсказами о событіяхъ, происходившихъ въ ней около того времени. По полнотѣ и разнообразію содержанія, это—одинъ изъ самыхъ лучшихъ и цѣнныхъ письменныхъ памятниковъ о Россіи средины XVII вѣка и во многихъ отношеніяхъ превосходитъ записки тогдашнихъ западно-европейскихъ путешественниковъ. Послѣдніе являлись въ Россію по бо́льшей части въ качествѣ пословъ на короткое время и по необходимости ограничивали свои наблюденія одною внѣшнею стороной гражданскаго быта. Какъ иновѣрцы, они съ предубѣжденіемъ смотрѣли на богослуженіе и уставы нашей церкви, только отчасти, изрѣдка могли видѣть одни обрядовыя дѣйствія, совершенно отличныя отъ усвоенныхъ ихъ церковью и потому казавшіяся имъ странными и безсмысленными. Съ другой стороны дворъ московскій всегда очень недовѣрчиво смотрѣлъ на иноземныхъ пословъ: подъ видомъ почета къ дому посла приставлялась стража, которая получала тайный наказъ слѣдить за дѣйствіями чужеземцевъ и обо всемъ доносить; горожанамъ строго воспрещалось входить въ разговоры съ прислугой посольства. Такимъ образомъ послы почти ни съ кѣмъ не могли вступать въ непосредственныя сношенія, кромѣ сдержанныхъ и скрытныхъ бояръ и дьяковъ Посольскаго Приказа. Ко двору послы являлись но пріѣздѣ съ дарами отъ своихъ государей, и при этомъ слу-

чаѣ дворъ царскій облекался въ торжественность, чтобы не уронить себя въ глазахъ иноземца отсутствіемъ величественности. Вообще можно думать, что европейцы, во время пребыванія въ Россіи, дѣлали свои наблюденія и разспросы только украдкой, случайно, дворъ видали всегда въ праздничномъ уборѣ, но будничная, ежедневная жизнь царя и вельможъ оставалась для нихъ сокрытою.

„Не таково было положеніе Павла Алеппскаго. Патріархъ пріѣхалъ за сборомъ при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, отличавшемся необыкновенною набожностью и особымъ уваженіемъ къ духовенству. Патріархъ Никонъ, для достиженія своихъ намѣреній, имѣлъ нужду въ сомысліи восточныхъ патріарховъ, а потому заискивалъ въ нихъ и принялъ Макарія съ почтительнымъ радушіемъ. Кромѣ высокаго сана своего, какъ лицо духовное, Макарій, и какъ человѣкъ, видимо пришелся царю весьма по сердцу, и его спутникъ и родной сынъ, Павелъ Алеппскій, могъ знать не только то, что̀ самъ видѣлъ и слышалъ, но и многое изъ того, что̀ было говорено съ глазу на глазъ между царемъ, Никономъ и патріархомъ Макаріемъ. Какъ лицо духовное, Павелъ имѣлъ возможность всюду свободно ходить и ѣздить; зная греческій языкъ, могъ слышать многое отъ грековъ мірянъ и духовныхъ, постоянно или подолгу жившихъ въ Москвѣ; какъ православнаго, его живо интересуютъ наши церковные обряды и служенія, которыя онъ имѣлъ случай близко видѣть, самъ нерѣдко участвуя въ нихъ въ качествѣ архидіакона пріѣзжаго патріарха; и надо видѣть, съ какимъ умиленіемъ и даже изумленіемъ то-и-дѣло говоритъ Павелъ о глубокой набожности русскихъ, о необычайномъ терпѣніи ихъ въ отстаиваніи продолжительныхъ служеній, которыя доводили до полнаго изнуренія восточныхъ гостей, къ нимъ, очевидно, непривычныхъ и не видавшихъ ничего подобнаго у себя на родинѣ“.

Арабскій подлинникъ „Путешествія“ до сихъ поръ не изданъ. Въ первый разъ оно стало извѣстно по упомянутому англійскому переводу 1829—36 г., который сдѣланъ былъ Бельфуромъ, членомъ англійскаго Королевскаго Азіатскаго Общества. Основаніемъ перевода была рукопись, пріобрѣтенная въ началѣ XIX столѣтія въ Алеппо графомъ Гильфордомъ. (Отмѣтимъ неясность свѣдѣній объ этой рукописи: на стр. 202 пятаго выпуска говорится: „рукопись, съ которой сдѣланъ англійскій переводъ, *хранится нынѣ* въ Британскомъ Музеѣ“ и приводится описаніе рукописи по печатному каталогу Брит. Музея 1871; а вслѣдъ затѣмъ, стр. 203—204, пишется, что по сношеніямъ гр. Уваровой съ „Корол. Азіатскимъ Обществомъ“ о рукописи гр. Гильфорда оказалось, что, „за прекращеніемъ рода графовъ Гильфордъ, Обществу *неизвѣстно*, въ чьемъ владѣніи находится теперь принадлежавшая графу Фредерику Гильфорду рукопись“. Но вѣдь

только-что было сказано, что рукопись *хранится нынѣ* въ Британскомъ Музеѣ?).

На основаніи перевода Бельфура—только по первымъ его выпускамъ,—составлено было Савельевымъ изложеніе „Путешествія патріарха Макарія", въ „Библіотекѣ для Чтенія" 1836, оставшееся неоконченнымъ. Въ 1875, от. Димитрій Благово началъ-было переводъ книги Бельфура въ „Чтеніяхъ" московскаго Общества исторіи и древностей, но остановился на половинѣ перваго выпуска. Вѣроятно еще не познакомившись съ цѣлымъ сочиненіемъ, Благово писалъ въ предисловіи, будто записки архидіакона Павла могутъ быть интересны только для монашествующихъ и любителей церковнаго благолѣпія,—что, однако, несправедливо. Въ 1876, въ „Трудахъ" кіевской духовной академіи помѣщена была статья г. Аболенскаго, составленная на основаніи „Путешествія Макарія". Этимъ путешествіемъ, по книгѣ Бельфура, пользовались наши историки, какъ Соловьевъ, Костомаровъ и другіе, но не исчерпали его показаній.

Г. Муркосъ, состоявшій профессоромъ Лазаревскаго института восточныхъ языковъ въ Москвѣ, былъ самъ уроженцемъ той страны, которой принадлежали патріархъ Макарій и архидіаконъ Павелъ. Въ предисловіи къ послѣднему выпуску книги г. Муркосъ говоритъ, что на свой трудъ онъ смотритъ какъ на дань благодарности къ воспитавшей его Россіи, что этимъ памятникомъ онъ заинтересовался еще на студенческой скамьѣ, видя въ немъ выраженіе идеаловъ, вынесенныхъ имъ изъ своего дѣтства: отецъ его былъ однимъ изъ вліятельнѣйшихъ и ревностныхъ представителей арабской православной общины въ антіохійской патріархіи. Въ томъ же предисловіи г. Муркосъ отмѣчаетъ странность, что когда, по выходѣ первыхъ выпусковъ его труда, почти всѣ органы нашей свѣтской печати (и въ числѣ ихъ журналы спеціально научные), несмотря на различіе направленій, отнеслись къ труду Павла Алеппскаго серьезно и съ сочувствіемъ, журналы духовные, напротивъ, высказывали недовѣріе къ разсказу Павла: будто бы онъ, восхвалявшій, напримѣръ, благочестіе казаковъ и московитовъ, есть „свидѣтель подкупленный въ пользу русскаго народа богатой милостыней, вывезенной его отцомъ изъ нашей земли",—когда въ дѣйствительности онъ писалъ по-арабски, только для своихъ соотечественниковъ, и писалъ въ Москвѣ украдкой, чтобы москвитяне не узнали, что онъ ведетъ записки,—въ которыхъ притомъ есть немало отзывовъ, нелестныхъ для русскихъ. Наконецъ, мы узнали объ этомъ „подкупленномъ" свидѣтельствѣ только лѣтъ черезъ двѣсти слишкомъ.

Какъ бываетъ сплошь и рядомъ въ литературѣ рукописной, рукопись московскаго архива, съ которой переводилъ г. Муркосъ, пред-

ставляетъ значительные варіанты съ рукописью, съ которой переводилъ Бельфуръ; послѣдняя имѣетъ нѣсколько эпизодовъ, которыхъ недостаетъ въ московской рукописи. Нашъ переводчикъ,—не имѣвши пока этого болѣе полнаго арабскаго текста,—перевелъ эти дополнительные эпизоды съ англійскаго.

Путешествіе патріарха Макарія исполнено великаго интереса вовсе не для однихъ монашествующихъ; напротивъ, оно важно не только для политической исторіи, но и для изученія русской бытовой старины XVII-го вѣка. Павелъ Алеппскій подробно записывалъ видѣнное на пути и въ Москвѣ, и въ его замѣткахъ находится не мало любопытнѣйшихъ подробностей археологическаго и этнографическаго характера.

Въ пяти выпускахъ,—въ которыхъ г. Муркосъ размѣстилъ пятнадцать книгъ подлинника,—путешествіе Макарія изложено такъ: первый выпускъ заключаетъ путь отъ Алеппо до земли казаковъ (описаніе Константинополя, Молдавіи, Валахіи), второй—отъ Днѣстра до Москвы, третій—Москва, четвертый—Москва, Новгородъ и путь отъ Москвы до Днѣстра, пятый—обратный путь, Молдавія и Валахія, Малая Азія и Сирія. Къ книгѣ приложенъ подробный указатель собственныхъ именъ; портретъ патріарха Макарія изъ „Титулярника“ 1672 г., относящійся ко второму пріѣзду его въ Москву въ 1668; снимокъ послѣдней страницы арабской рукописи и маршрутная карта путешествія.—А. П.

— Д-ръ Іосифъ Пекарь. Чехи—апостолы варварства. Посвящается Теодору Моммзену. Перевелъ съ разрѣшенія автора Ѳ. Л. Ярешъ. Кіевъ, 1901 (24 стр.).

— Значеніе драмы „Бургграфъ“ (Burggraf) для германизаціи средней Европы. (Ѳ. В. Р.). Варшава, 1901 (16 стр.).

Первая изъ этихъ брошюръ, съ ироническимъ заглавіемъ и посвященіемъ, представляетъ обличеніе и опроверженіе знаменитаго Моммзена, который еще въ октябрѣ 1897 напечаталъ воззваніе къ австрійскимъ нѣмцамъ на борьбу съ чешскими національными требованіями: чеховъ онъ называлъ апостолами варварства, находилъ, что чешская „башка“ (Schädel) недоступна для разума и что ей понятны только тумаки. Статья была грубая, по своему тону недостойная человѣка, посвятившаго свою жизнь исторической наукѣ. По словамъ автора брошюры, доцента австрійской исторіи въ чешскомъ университетѣ, статья Моммзена произвела на чеховъ удручающее впечатлѣніе, и они не вдругъ рѣшились (?) отвѣчать; но и въ своей брошюрѣ авторъ признаетъ себя „некомпетентнымъ“ (?) дать настоящую историческую защиту чешскаго народа, хотя только-что передъ тѣмъ „не колеблется“ сказать, что „славный историкъ не имѣетъ и малѣйшаго

понятія о прошедшемъ чеховъ, о значеніи ихъ въ исторіи". Довольно странно, что при такомъ незнаніи Моммзена спеціалистъ по австрійской исторіи нашелъ себя „некомпетентнымъ": незнающему человѣку слѣдовало очевидно объяснять основные элементарные факты, которые должны быть въ распоряженіи спеціалиста. Г. Пекарь, отклонивъ цѣльный отвѣтъ Моммзену, „дышущій негодованіемъ и сокрушающій доказательствами", „позволилъ себѣ" обратить вниманіе безпристрастныхъ судей на нѣсколько особенно важныхъ моментовъ, которые могутъ быть главными пунктами спеціально чешскаго отвѣта. Эти моменты заключаются въ дѣятельности Гуса, приготовившей потомъ нѣмецкую реформацію, и въ отношеніяхъ къ Гусу Лютера, который питалъ къ нему великое почтеніе и признавалъ, что „дѣла Гуса были дѣла божіи".

Переводъ книжки д-ра Пекаря довольно жестокій.

Первыя строки: „Славнѣйшимъ событіемъ нѣмецкой исторіи считается реформація Лютера. *Его* величавость" (чья: событія или Лютера?) „не только устояла передъ критикой современной историографіи, проницательно разбирающей и уничтожающей обаяніе не одного мифа, не одного высокаго подвига,—она" (кто она?) „скорѣе въ тѣни ея" (кого?) „еще выросла".

„Для Лютера, какъ и для *всѣхъ христіанъ*, Гусъ и Чехи сначала—еретики, враги Бога", и д. Не знаемъ, такъ ли сказано въ подлинникѣ; но фраза странная,—потому что послѣдователи Гуса, какъ и самъ онъ, были христіане и не могли считать себя врагами Бога.

„Евангельская истина *болѣе какъ* сто лѣтъ сожжена на кострѣ"...

„Онъ признаетъ непокрыто", т.-е. открыто.

„Церковныя *угодія*", т.-е. имущества, и т. д.

Другая книжка посвящена изложенію и обличенію драмы Лауффа: „Бургграфъ", взятой изъ исторіи отношеній чешскаго королевства къ нѣмецкой имперіи въ XIII столѣтіи и проникнутой (какъ и статья Моммзена) непримиримой ненавистью къ чехамъ. Значеніе этой пьесы „для германизаціи средней Европы" состоитъ въ томъ, что два года тому назадъ пьеса представлена была на берлинской сценѣ въ присутствіи германскаго императора и австро-венгерскаго посла. Чешскія газеты, по словамъ Θ. В. Р., „рѣшительно протестовали противъ *личнаго участья* (?) австро-венгерскаго посла въ подобнаго рода берлинскихъ зрѣлищахъ" (но вѣдь посолъ былъ только зрителемъ, а не дѣйствующимъ лицомъ въ зрѣлищѣ); но „протестъ не достигъ своей цѣли" и затѣмъ произошло нѣчто худшее: „въ 1901 году нѣмецко-патріотическая драма найдена была достойной представленія и въ присутствіи Государя Австріи, Короля Богеміи, Апостолическаго Короля Венгріи". Если австрійскій императоръ смотрѣлъ безъ „протеста"

пьесу Лауффа,—то, кажется, нечего больше объ этомъ и говорить; но авторъ брошюры не успокоивается. „Приступая къ изложенію драмы „Бургграфъ“,—говоритъ онъ,—надѣемся во-время (?) содѣйствовать—по мѣрѣ силъ—полному уразумѣнію (кѣмъ?) названнаго сочиненія на случай новаго представленія на берлинской сценѣ“ (?).

Излагая содержаніе пьесы, г. Ѳ. В. Р. приводитъ, конечно, цитаты—на русскомъ языкѣ, и къ нимъ прибавляетъ нѣмецкій подлинникъ. При сличеніи переводъ оказывается не всегда точенъ. Напримѣръ, авторъ переводитъ:

„Давно ужъ слышенъ грозный въ Прагѣ вой,
То воетъ чеховъ князь свирѣпый—
Ужъ лапу протянулъ“—

Почему князь „воетъ“ и почему у него не рука, а „лапа“—неизвѣстно. Въ нѣмецкомъ подлинникѣ это понятно, потому что тамъ сдѣлано сравненіе чешскаго князя съ волкомъ. Далѣе, къ чему онъ протянулъ лапу? По русскому тексту: „по жезлу нѣмцевъ“ (должно бы быть: къ жезлу), но въ нѣмецкомъ подлинникѣ говорится: „nach der deutschen Krone“. Зачѣмъ корона превратилась въ жезлъ,—неизвѣстно.

Появленіе этихъ брошюръ возбуждаетъ недоумѣніе. Зачѣмъ понадобилось въ русской литературѣ обличать статью Моммзена черезъ три года послѣ ея появленія, и черезъ годъ обличать пьесу Лауффа.—притомъ то и другое въ весьма несовершенной литературной формѣ? Въ дѣйствительности, въ средѣ австрійскихъ народовъ совершается тревожное волненіе, могутъ грозить роковыя событія. Если предположить, что русскому обществу не безразличны событія въ жизни славянскихъ народовъ Австріи,—судьба которыхъ въ концѣ концовъ можетъ отразиться и на Россіи,—то надо бы ожидать, чтобы въ русской литературѣ явились, наконецъ, серьезные труды о политическомъ положеніи современнаго славянства,—а не однѣ отрывочныя газетныя статьи или брошюрки въ родѣ брошюръ д-ра Пекаря и Ѳ. В. Р.—Въ европейской литературѣ уже ставятся эти многочисленные вопросы о будущемъ западнаго славянства, а въ русской?

— Сочиненія графа П. И. Капниста. Два тома. М. 1901.

Это очень интересная, въ разныхъ отношеніяхъ, книга. Графъ Петръ Ивановичъ Капнистъ (1830—1897), внукъ знаменитаго автора „Ябеды“, на своемъ служебномъ поприщѣ игралъ въ шестидесятыхъ и семидесятыхъ годахъ довольно значительную роль въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ по цензурному вѣдомству и какъ редакторъ га-

зеты министерства, а въ своей неоффиціальной дѣятельности былъ поэтъ,—котораго мало знали, потому что онъ мало печаталъ. Теперь эти поэтическіе труды его собраны въ заботливомъ изданіи его дочери, графини Ины Капнистъ, которая присоединила къ этимъ трудамъ и обширную біографію, занимающую больше половины перваго тома.

Біографія, написанная нерѣдко съ большимъ изяществомъ, очень любопытна: здѣсь не только дано жизнеописаніе П. И. Капниста, составляющее страницу изъ недавней жизни общества и литературы, но разсказана исторія цѣлаго рода. Капнисты происходятъ изъ стараго богатаго греческаго рода на Іоническихъ островахъ (Занте); здѣсь одинъ изъ предковъ, на венеціанской службѣ, получилъ въ 1702 году графское достоинство, которое возстановлено въ Россіи для его потомковъ въ 1876. Не будемъ входить въ эту старую исторію рода (почерпнутую гр. Иной Капнистъ „изъ семейныхъ документовъ временъ венеціанской республики, изъ архива города Занте и изъ исторіи Хіотиса“, а въ дальнѣйшемъ изъ другихъ источниковъ) и замѣтимъ только, что при Петрѣ Великомъ два Капниста, отецъ и сынъ, дома воевавшіе съ турками, при несчастномъ поворотѣ событій, потерявъ состояніе, отправились въ Россію, на русскую службу: на пути, отецъ умеръ; сынъ, греческій патріотъ, записался въ запорожскіе казаки (оставивъ свой венеціанскій титулъ), отличился на русской военной службѣ, разбогатѣлъ женитьбой, сталъ малорусскимъ помѣщикомъ и родоначальникомъ русскихъ Капнистовъ. Онъ былъ отцомъ автора „Ябеды“.

Разсказывая исторію предковъ, авторъ біографіи съ печалью говоритъ о судьбѣ ихъ новой малорусской родины. Во времена императрицы Елизаветы — „для Украйны настали лучшіе дни. Еслибъ долѣе продолжалось такое благопріятное время, мы могли бы ожидать иного разцвѣта южно-русской культуры. Подъ сѣнью великой московской державы, единовѣрной и дружественной, не имѣя надобности отбиваться отъ желавшихъ поглотить ее татаръ и кочевниковъ, а съ другой стороны ляховъ, — Малороссія могла бы мирно развить даровитую и богатую природу своей почвы и своего народа и внести въ общую сокровищницу русской жизни элементъ утонченной образованности и своеобразнаго искусства. Къ несчастью, весь этотъ разцвѣтъ народной жизни былъ прижатъ, черезъ нѣсколько лѣтъ, самыми жестокими и неразумными мѣрами“ (стр. X).

Объ авторѣ „Ябеды“ авторъ біографіи разсказываетъ: „Онъ зналъ французскій ячыкъ въ совершенствѣ, и даже началъ на немъ свои первые опыты въ поэзіи. 18-ти лѣтъ сочинилъ онъ по-французски оду на Кучукъ-Кайнарджійскій миръ. Однако, вскорѣ онъ занялся роднымъ

языкомъ. Онъ болѣе всего вдохновлялся гражданскими мотивами и любовью къ свободѣ. Каждое политическое событіе находило откликъ въ его душѣ, особенно все то, что касалось народной жизни любимой имъ Малороссіи. Когда при Екатеринѣ II малороссійскій народъ былъ закрѣпощенъ, негодованіе обуяло поэта и его старшаго брата Петра. Въ нихъ обоихъ бились тѣ же сердца, что и въ предкахъ ихъ на островѣ Занте, воевавшихъ за свободу родины, что и въ отцѣ ихъ, вольномъ казакѣ, и, несмотря на придворное образованіе, народная жизнь была имъ родная. Они вовсе не принимали въ разсчетъ того, что крѣпостное состояніе подвластнаго имъ населенія приносило имъ много матеріальныхъ выгодъ. У Василья Васильевича, напримѣръ, оказалось шесть тысячъ крѣпостныхъ. Онъ видѣлъ только одинъ ужасъ въ этомъ превращеніи свободныхъ людей въ рабовъ и искренно возмущался этой несправедливостью и насиліемъ надъ дорогой ему Малороссіей. Онъ вылилъ свое негодованіе въ яркой и сильной одѣ, обращенной къ императрицѣ Екатеринѣ. Всѣми средствами онъ старался довести до нея это стихотвореніе, что вѣроятно надѣлало бы ему много непріятностей, но Дашкова помѣшала ему тогда, и не допустила смѣлаго протеста до императрицы" (стр. XVI—XVII).

Отмѣтимъ еще сравненіе Капниста съ Державинымъ, — съ которымъ онъ былъ въ дружбѣ и родствѣ. „Великій Державинъ парилъ какъ орелъ въ поднебесьяхъ; вѣчно восторженный, онъ видѣлъ въ окружающемъ мірѣ только тѣ высокія истины, которыя подымаются, какъ вершины горъ надъ облаками. Съ его высоты, подъ нимъ исчезали въ облакахъ и туманахъ недостатки и низкія стороны окружающей среды и современныхъ людей. Онъ видѣлъ отъ нихъ только прекрасное, только снѣжныя вершины, всегда освѣщенныя солнцемъ правды и добра. Такъ обыкновенно все видятъ восторженные люди, и по своему, то-есть, съ той точки, съ которой они глядятъ, они правы. Но Капнистъ не находился на такой невозмутимой высотѣ. Онъ самъ себя сравнивалъ съ мотылькомъ, порхающимъ въ долинѣ и не подымающимся высоко. И вотъ, въ этой-то долинѣ, увы, встрѣчаются не все только цвѣты. Его ясный критическій взглядъ рано открываетъ ему отрицательныя стороны общества, въ которомъ онъ жилъ, а любовь къ правдѣ и свободѣ возноситъ его до истинно лирическихъ порывовъ. Онъ былъ настоящимъ поэтомъ-гражданиномъ, еще долго до того времени, когда стали употреблять это выраженіе, и когда поэты задались этой цѣлью. Какъ только онъ касался чувствъ патріота и гражданина, его вдохновеніе становилось сильнѣе и стихи его лились въ яркихъ образахъ" (стр. XIX—XX).

Дѣтство П. И. Капниста прошло въ Малороссіи. Въ стихотвореніяхъ его дѣда остались привлекательныя картины богатой, свѣжей

природы. „Не такова Малороссія, которую видѣлъ внукъ Капнистъ. Какъ скоро она измѣнилась! Крѣпостничество наложило свое клеймо на ея жителей, и на долгія времена задушило всѣ ихъ лучшія, духовныя проявленія. Оно вселило въ народѣ глубокое равнодушіе и къ матеріальному улучшенію края. Тѣ бѣдствія, какія описываетъ дѣдъ въ своихъ одахъ на крѣпостничество, успѣли такъ омрачить Малороссію, что ея картины, въ стихахъ внука, отпечатлѣны глубокой меланхоліей. Въ немъ возмущался и поэтъ, и сельскій хозяинъ. Кто теперь узнаетъ Малороссію? Теперь лежатъ выжженныя солнцемъ пространства, рѣки высохли, разливовъ нѣтъ, рощи повырублены, благотворный снѣгъ зимой — рѣдкость, даже болота сохнутъ; и вся несчастная природа, чахлая, пыльная, изнуренная, жаждетъ влаги и, не имѣя ея, изнываетъ, палимая горячимъ вѣтромъ, а зимой схваченная рѣзкимъ морозомъ, безъ предохраняющаго землю и посѣвы снѣжнаго покрова.

„Вотъ что сдѣлано изъ плодоносной страны безпорядкомъ и халатностью, несообразными мѣрами: рубкой лѣсовъ, изсушиваніемъ болотъ у источниковъ Днѣпра, хищническимъ хозяйствомъ и нерадѣніемъ. Негодованіе беретъ, глядя на эту растрату матеріальныхъ силъ Россіи. Увы! и не однѣ матеріальныя богатства у насъ растрачиваются по пусту. Сколько нравственныхъ силъ задушено, забито общей лѣнью и равнодушіемъ“ (стр. XXIX).

Университетскую школу П. И. Капнистъ прошелъ въ Москвѣ, гдѣ его отецъ занималъ видное общественное положеніе. Изъ этого времени авторъ біографіи отмѣчаетъ вліяніе Грановскаго. Въ эти годы съ ихъ семьей былъ близокъ Гоголь, считавшійся землякомъ и своимъ человѣкомъ. Во время Крымской войны, Капнистъ, только-что кончившій курсъ въ университетѣ, назначенъ былъ на очень тяжелую службу по разслѣдованію злоупотребленій интендантскаго вѣдомства: однажды онъ рисковалъ быть отравленнымъ. Затѣмъ слѣдовала поѣздка за-границу: какъ извѣстно, въ новое царствованіе, когда сняты были прежнія затрудненія и запрещенія, русскіе люди отправлялись за-границу цѣлыми толпами. Послѣ Крымской войны, „несмотря на внѣшнія неудачи, для Россіи начинался, съ царствованіемъ Александра II, періодъ новаго и блестящаго разцвѣта ея внутренней жизни.—Все стало мало-по-малу перемѣняться. Казалось, что всѣ границы, перегородки и прежнія раздѣленія куда-то исчезаютъ. Въ высшихъ слояхъ общества позволеніе безпрепятственно ѣздить въ чужія страны произвело цѣлый переворотъ. Русскіе такъ и потянулись за-границу“ (стр. LXXIII—LXXIV).

По смерти отца, П. И. Капнистъ поселился въ Петербургѣ, гдѣ получилъ мѣсто чиновника особыхъ порученій при министрѣ народ-

наго просвѣщенія Головнинѣ. „Министръ представлялъ Государю, три раза въ недѣлю, обозрѣніе текущей литературы и высказывавшихся въ ней мнѣній о реформахъ. Онъ поручилъ Капнисту составлять эти обозрѣнія. Работа эта нравилась ему. Теплая и восторженная душа поэта“ (Капнистъ съ давнихъ поръ былъ поэтомъ; нѣсколько стихотвореній его было напечатано въ „Современникѣ“, но затѣмъ онъ рѣдко появлялся въ печати) „не могла не отозваться съ глубокимъ сочувствіемъ къ вводившимся реформамъ, не встрепенуться вѣрой въ свѣтлое будущее Россіи. Ему казалось, что каждый русскій, любившій свою родину, долженъ былъ посвятить весь умъ свой и всѣ свои силы на преданное служеніе правительству, помочь ему,—каждый въ своей сферѣ дѣйствій,—провести его великія и гуманныя идеи въ жизнь нашей страны. Всю энергію своей молодости онъ направилъ на работу, стараясь поглотить въ бодромъ и неустанномъ служеніи общему дѣлу свои личныя невзгоды“ (стр. CII—CIII).

Время, когда началась петербургская служба Капниста, было самымъ разгаромъ реформъ. Авторъ біографіи такъ опредѣляетъ отношеніе Капниста къ этому времени.

„Россія переходила тогда черезъ преобразованія и черезъ эпоху безконечныхъ *колебаній*. Великія реформы Александра II-го перемѣнили лицо русской земли. Капнистъ, еще вмѣстѣ со своимъ дядей Алексѣемъ Васильевичемъ, занимался крестьянскимъ вопросомъ, изучалъ его. Освобожденіе крѣпостныхъ было встрѣчено имъ съ восторгомъ. Въ тяжкія времена неволи, онъ стоялъ на либеральной точкѣ; его стихи, особенно поэма „Преступникъ“, были полны негодованіемъ на существовавшій тогда порядокъ и жаждой свободы. Однако, въ немъ преобладало чувство справедливости и мѣры. Послѣ необходимыхъ реформъ, онъ вскорѣ замѣтилъ, что направленіе общественной и государственной дѣятельности впадаетъ въ противоположную крайность, что нововведенія идутъ слишкомъ поспѣшно, не успѣвая создать себѣ прочной основы. Предоставленной во всемъ свободой многіе пользовались не для общаго дѣла, а для развитія своихъ идей (?), для поддержки своихъ интересовъ. Кто, подъ вліяніемъ Герцена, проповѣдывалъ взгляды западныхъ радикаловъ,—кто мечталъ о возвращеніи къ вѣчевому началу. Капнистъ былъ увѣренъ, что рѣзкія перемѣны въ общественномъ строѣ, безъ соблюденія нѣкоторой постепенности,—весьма опасны для общаго продолжительнаго благосостоянія. Будучи до глубины души гуманнымъ и свободолюбивымъ, онъ видѣлъ, что его взгляды не только не противорѣчатъ просвѣщеннымъ взглядамъ правительства,—но идутъ съ ними въ одномъ направленіи. Это побудило его примкнуть къ охранительнымъ началамъ, то-есть, но убѣ-

жденію стоять за интересы правительства,—за постепенность противъ какихъ бы то ни было крайностей" (стр. CXIII).

Такимъ образомъ онъ принадлежалъ къ числу людей, которыхъ звали тогда „постепеновцами". Авторъ біографіи понимаетъ, что выдерживать эту точку зрѣнія было нелегко, — хотя, быть можетъ, не вполнѣ по тѣмъ основаніямъ, какія онъ приводитъ. Авторъ излагаетъ положеніе вещей и положеніе людей, державшихся этого образа мыслей такимъ образомъ: „Это было не легко. Тотъ, кто не поддается тѣмъ или другимъ увлеченіямъ, а придерживается разумной умѣренности, почти всегда остается одинокимъ. Даже между государственными людьми встрѣчались лица съ противоположными направленіями, и Капнисту пришлось скоро это почувствовать. Одна изъ главныхъ непослѣдовательностей этой эпохи заключалась въ томъ, что проекты прилагались не тѣми, кто ихъ составлялъ, а тѣми, кто враждебно къ нимъ относился, и прилагались поэтому дурно, что̀ и вело къ безпорядку. Нѣкоторые отличные проекты оставались безъ примѣненія, и, такимъ образомъ, охота трудиться охлаждалась у ихъ составителей. Мало-по-малу, какъ послѣдствіе расшатанности общихъ началъ и насажденія матеріалистическихъ ученій, сталъ развиваться нигилизмъ. То благотворное теченіе, которое истекало свыше, знаменуя свой путь реформами, нигилисты старались замѣнить насильственными переворотами и возбужденіемъ темныхъ массъ и дикихъ страстей. Для положительной, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, идеальной и вѣрующей натуры, для поэтической души Капниста, начинающій проявляться во всемъ и вездѣ духъ отрицанія и мертвящей пустоты—тягостно ложился на сердце и на думы" (стр. CXIII—CXIV).

Здѣсь именно и сказалось трудное положеніе тогдашнихъ людей, мечтавшихъ о постепенномъ прогрессѣ. Если даже между государственными людьми встрѣчались люди „съ противоположными направленіями"; если бывало, что проекты составлялись одними, а исполнялись другими и потому исполнялись дурно,—это означало, что не было поставлено прочно самое существо реформъ. Капнистъ началъ свою дѣятельность при одномъ настроеніи правительства, продолжалъ и окончилъ ее при совершенно другомъ. Ему могло казаться, что онъ служитъ тому же, своему идеалу постепеннаго спокойнаго прогресса (вышеупомянутому), но въ дѣйствительности дѣло стояло уже совершенно иначе. „Постепеновцамъ" приходилось становиться не только консерваторами, но даже идти назадъ. Извѣстно, что въ шестидесятыхъ годахъ, уже вскорѣ послѣ изданія Положеній 19-го февраля, возникаетъ не безъ воздѣйствія вліятельныхъ сферъ движеніе прямо реакціонное: оно направлялось, хотя нѣсколько скрытно, противъ самаго освобожденія крестьянъ, а затѣмъ и противъ другихъ

реформъ—судебной, земской и т. д. Авторъ біографіи, въ приведенныхъ сейчасъ словахъ, вѣроятно, правильно выражаетъ взгляды самого Капниста; но въ этихъ взглядахъ была извѣстная односторонность, не позволившая ему, какъ вообще людямъ его мнѣній, увидѣть дѣло въ его настоящемъ видѣ и объемѣ. Въ самомъ дѣлѣ, что̀ значитъ „распатанность общихъ началъ“, мѣшавшая „благотворному теченію“? Дѣло въ томъ, что само теченіе измѣнилось и, быть можетъ, отсюда именно происходила въ большой мѣрѣ „распатанность“, поведшая къ пресловутому „нигилизму“. Русская жизнь имѣла свое прошедшее; въ немъ были свои накопившіяся страданія, свои стремленія къ чему-либо лучшему; въ общественной мысли была потребность простора и свободы; все это болѣе или менѣе сказалось, когда съ конца пятидесятыхъ годовъ нѣсколько расширились рамки печатнаго слова,—и когда послѣ первыхъ идеалистическихъ ожиданій въ началѣ эпохи реформъ наступило иное теченіе, несомнѣнно реакціоннаго характера, въ извѣстной долѣ общества настроеніе стало обостряться и возникалъ тотъ „духъ отрицанія“, который производилъ такое тяжелое дѣйствіе на Капниста. Людямъ его мнѣній раньше и позже казалось обыкновенно, что этотъ „духъ отрицанія“ есть что-то произвольно выдуманное, что это—простая необузданность мысли, не дисциплинированной здравыми понятіями; они никогда не хотѣли понять, что этотъ „духъ отрицанія“ (хотя бы иногда впадавшій въ преувеличенія) имѣетъ свой основной корень въ тяжелыхъ испытаніяхъ прошедшаго и въ законномъ, свойственномъ человѣческой природѣ, стремленіи къ простору мысли и къ улучшенію общественныхъ отношеній.

Разсказывая о юношескихъ годахъ Капниста, авторъ біографіи замѣчаетъ: „У него былъ слишкомъ уравновѣшенный умъ, чтобы вдаваться въ крайности. Ненавидя насиліе, онъ рано понялъ, что прогрессъ и благія идеи не могутъ вноситься насиліемъ, и что все прочное создается не смутами, а преобразованіями. Вліяніе Грановскаго не мало способствовало,—чтобы положительное начало добра, серьезный, но ясный взглядъ, взялъ бы въ немъ верхъ надъ отрицательнымъ взглядомъ, входившимъ уже тогда въ моду (?) и вскорѣ проявившимъ себя въ талантливомъ Герценѣ“ (стр. XLIX).

Нельзя сказать однако, чтобы Капнистъ воспринялъ взгляды Грановскаго. При всемъ различіи послѣдняго съ Герценомъ, онъ, безъ сомнѣнія, до конца остался бы въ общественныхъ вопросахъ тѣмъ идеалистомъ прогресса, какимъ былъ; между тѣмъ его ученикъ уже вскорѣ примыкаетъ къ консервативной точкѣ зрѣнія, при которой этотъ идеализмъ исчезалъ. Предполагаемъ, что авторъ біографіи вѣрно передаетъ взгляды П. И. Капниста, а вмѣстѣ и свои собственные. Въ этихъ взглядахъ мы уже скоро встрѣчаемъ въ этомъ смыслѣ не-

доразумѣнія—происходившія на дѣлѣ... При Головнинѣ онъ оставался недолго. Однажды, читаемъ въ біографіи, „Головнинъ, разговаривая съ Капнистомъ о новомъ направленіи русскаго просвѣщенія, далъ ему прочесть программу, которую онъ составилъ для образованія молодежи въ Россіи. Капнистъ, прочитавъ ее у себя дома, удивился крайности этой программы. Головнинъ совершенно отстранялъ въ ней классическое религіозное образованіе (!!) и проводилъ ультра-реальныя тенденціи. Когда, нѣкоторое время спустя, Головнинъ испытующе спросилъ его, какого онъ мнѣнія объ этой программѣ,—Капнистъ отвѣтилъ, что находитъ ее совсѣмъ несообразной съ монархическимъ строемъ нашего государства и христіанскимъ воспитаніемъ. Это видимо не понравилось министру“ (стр. CXIV—CXV).

Между ними началось охлажденіе и вскорѣ затѣмъ Головнинъ оставилъ министерство: „правительство не одобрило его направленіе, какъ слишкомъ крайнее, и ему пришлось выйти въ отставку“.

Не зная, о какой запискѣ Головнина идетъ рѣчь, не можемъ судить, была ли она дѣйствительно „совсѣмъ несообразна съ монархическимъ строемъ нашего государства и христіанскимъ воспитаніемъ“; но не можемъ удержаться отъ сомнѣнія, не была ли такая характеристика преувеличеннымъ личнымъ мнѣніемъ Капниста. Головнинъ, во всякомъ случаѣ, былъ человѣкъ умный и едва ли считалъ бы возможной такую программу воспитанія, или, если она была такова, зачѣмъ было нужно давать ее Капнисту? Достаточно извѣстно, что Головнинъ вовсе не былъ такимъ радикаломъ, какимъ его изображаетъ біографія Капниста. „Слишкомъ крайнимъ“ направленіе Головнина стало тогда, когда въ высшихъ сферахъ ярко обозначилось то направленіе, представителями котораго въ министерствѣ просвѣщенія сталъ гр. Д. А. Толстой, а въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ—Валуевъ, потомъ Тимашевъ, Маковъ и пр. Съ тѣхъ поръ прошло довольно времени, и должна наконецъ наступить историческая справедливость, и, напримѣръ,—какимъ глубокимъ общественнымъ зломъ была классическая система, насажденная въ тѣ годы гр. Д. А. Толстымъ, объ этомъ на дняхъ краснорѣчиво и правдиво говорилъ даже *консервативный* „Гражданинъ“.

Послѣ службы въ министерствѣ просвѣщенія, Капнистъ служилъ въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ при Валуевѣ и его преемникахъ: служба была очень успѣшна; Капнистъ опять занимался составленіемъ докладовъ о характерѣ литературы, много работалъ по вопросу цензурныхъ преобразованій и т. д., но чѣмъ была цензура при Валуевѣ и его преемникахъ—довольно извѣстно.

Служба въ цензурномъ вѣдомствѣ, разсказываетъ біобрафія, „дала Капнисту случай познакомиться со многими писателями, а съ нѣко-

торыми и сойтись. Онъ встрѣчалъ почти всѣхъ литераторовъ того времени, а ими много цѣнилось вліяніе въ цензурномъ вѣдомствѣ такого человѣка, какимъ былъ Капнистъ. Такимъ образомъ составился интересный кружокъ литературныхъ знакомыхъ. У него часто обѣдали Гончаровъ, Некрасовъ, Жандръ, Полонскій, Маркевичъ. Щербина, съ которымъ Капнистъ сошелся еще въ Москвѣ, бывалъ постоянно" (стр. CXVI—CXVII). Литературные старожилы говорятъ, что лично Капнистъ внушалъ въ литературныхъ кругахъ сочувствіе и довѣріе, какъ человѣкъ просвѣщенный и доброжелательный; его критическія замѣчанія (о которыхъ упомянемъ далѣе) бывали нерѣдко тонки и справедливы, но цѣлый взглядъ его на положеніе литературы, гдѣ сливались личныя мнѣнія и соображенія служебныя, заключалъ не мало односторонняго и ошибочнаго.

Въ декабрѣ 1864 года Валуевъ поручилъ Капнисту новую работу. „Составлялось характеристичное обозрѣніе направленія различныхъ отраслей русской словесности за десять лѣтъ. Обозрѣніе романовъ и сочиненій въ прозѣ поручили князю Вяземскому,—обозрѣніе драматическихъ произведеній Маркевичу,—а лирической поэзіи Капнисту. За эту работу Капнистъ принялся съ особеннымъ удовольствіемъ, и въ апрѣлѣ 1865 года уже окончилъ ее. Часто навѣщавшій его Щербина приходилъ въ восторгъ по мѣрѣ того, какъ слышалъ отрывки изъ сочиненія Капниста и говорилъ: „Прочитай это министръ,—онъ увидитъ въ васъ человѣка, глубоко понимающаго не только поэзію, но и политическое ея значеніе. Эта работа должна непремѣнно дойти до Государя" (стр. CXXI). Въ примѣчаніи къ этому разсказу читаемъ: „напечатанное въ министерскомъ секретномъ, весьма ограниченномъ изданіи, безъ подписи авторовъ, это обозрѣніе осталось невѣдомымъ для публики, не выходя изъ правительственныхъ сферъ. Мы представляемъ въ первый разъ читателямъ очеркъ Капниста, входившій въ составъ обозрѣнія, какъ краткую характеристику русскихъ лирическихъ поэтовъ 60-хъ годовъ. Напечатано было въ 1865 году". Далѣе говорится еще: „Князь Вяземскій не представилъ заданной ему записки о русской прозѣ. Изданіе готовилось къ 1-му сентября. Вновь обратились къ Капнисту съ просьбой, чтобы онъ написалъ также и эту часть. Времени оставалось слишкомъ мало, чтобы успѣть написать подробный критическій очеркъ. Въ краткой статьѣ онъ изложилъ направленіе русской прозы въ переходное время нашей литературы" (стр. CXXV). Этого послѣдняго очерка не находится въ настоящемъ изданіи; очеркъ русской лирики въ десятилѣтіе съ 1854 по 1864 помѣщенъ во второмъ томѣ (стр. 320—425).

Авторъ біографіи приводитъ еще слѣдующія свѣдѣнія. Очеркъ лирики чрезвычайно понравился назначенному тогда начальникомъ

Главнаго Управленія по дѣламъ печати Щербинину, а затѣмъ, „черезъ нѣсколько дней, приходитъ къ Капнисту одинъ товарищъ по службѣ и передаетъ ему, что писатель Гончаровъ его встрѣтилъ и сказалъ объ очеркѣ: „Со временъ Бѣлинскаго я не читалъ ничего подобнаго, и притомъ въ этомъ трудѣ еще больше безпристрастія, чѣмъ у Бѣлинскаго, потому что послѣдній нерѣдко увлекался!“ (стр. CXXV).

Эта любезность Гончарова была нѣсколько преувеличена. Очеркъ Капниста, кромѣ того что онъ, вѣроятно, вполнѣ удовлетворялъ оффиціальныя точки зрѣнія, не былъ лишенъ достоинствъ. Авторъ, самъ поэтъ, былъ, несомнѣнно, человѣкъ со вкусомъ; его критическія замѣчанія часто бывали мѣтки, но въ самой основѣ его критики была глубокая односторонность. Очеркъ назначался, такъ сказать, для оффиціальнаго доклада, и оффиціальный взглядъ судьи изъ цензурнаго вѣдомства нерѣдко сквозитъ не очень выгодно для судьи литературнаго. Было два главныхъ положенія, на которыхъ Капнистъ опирался въ своей критикѣ. Во-первыхъ, онъ былъ безусловный приверженецъ „чистаго искусства“; во-вторыхъ, онъ былъ врагъ „отрицанія“. Но, какъ бываетъ всего чаще, въ защитѣ чистаго искусства остается неясно, гдѣ тотъ предѣлъ, который дѣлитъ чистое искусство отъ непреодолимыхъ требованій жизни—простой реальной дѣйствительности, которая такъ же, какъ міръ фантазіи, можетъ искать поэтическаго выраженія. Съ другой стороны, еще менѣе ясна была вражда къ „отрицанію“. Въ разрядъ „отрицательныхъ“ ставились всѣ произведенія литературы, поэзія и проза, повѣсть и изслѣдованіе, гдѣ высказывалось (и по условіямъ цензурнымъ обыкновенно лишь туманно и косвенно) недовольство существующимъ складомъ жизни и понятій, и гдѣ то и другое подвергалось сомнѣнію, даже насмѣшкѣ. Для Капниста это казалось обыкновенно только легкомысліемъ и испорченностью, если не злонамѣренностью. Наша литература очень привыкла къ подобнымъ отзывамъ; ими переполнены журналы и газеты, такъ называемаго, консервативнаго направленія; но очень жаль встрѣчать ихъ отголоски у человѣка просвѣщеннаго и несомнѣнно исполненнаго благими намѣреніями. Въ самомъ дѣлѣ, заключаетъ ли въ себѣ какой-нибудь смыслъ слово „отрицаніе“ безъ объясненія того, что̀ именно отрицается, въ какихъ условіяхъ и во имя чего. Прежде чѣмъ сдѣлать изъ этого слова обвинительный приговоръ противъ писателя, непремѣнно требовалось бы правдиво разобрать эти вопросы; и еслибы это было сдѣлано,—передъ критикомъ или историкомъ явилась бы картина общественной и народной жизни, исполненная серьезнаго и тяжелаго значенія. Съ точки зрѣнія консервативнаго критика, „отрицаніе“ возникаетъ въ нашей литературѣ какъ будто случайно, по произволу отдѣльныхъ писателей; но когда оно

все больше распространялось и встрѣчало сочувствіе,—очевидно, что дѣло шло о явленіи вовсе не случайномъ; напротивъ, это явленіе было жизненное и органическое, и успѣхъ его происходилъ оттого, что оно было для общества фактомъ критическаго сознанія. Жизнь, стѣсненная прежними общественными формами, и критическая мысль, по неволѣ ограниченная скуднымъ содержаніемъ, утомлялись этимъ стѣсненіемъ и искали простора, гдѣ могли бы найти себѣ мѣсто и лучшіе общественные инстинкты, и запросы знанія, и свобода личности.

На первыхъ страницахъ своего очерка авторъ останавливается на такъ называемой „натуральной школѣ". Извѣстно, что это названіе присвоено было (притомъ не столько друзьями, сколько врагами) той группѣ писателей, которые воспитались на реализмѣ Гоголя и, взамѣнъ господствовавшаго передъ тѣмъ ходульнаго и безсодержательнаго романтизма, стремились къ изображенію прямой, неподкрашенной дѣйствительности. Капнистъ съ немалой нетерпимостью вооружается и противъ натуральной школы, и противъ новой постановки вопроса объ искусствѣ, въ которомъ хотѣли дать мѣсто требованіямъ жизни. Приводимъ образчикъ его изложенія.

„Въ сущности, — говоритъ онъ, — искусство было только предлогомъ, и полемика объ искусствѣ была принята, какъ единственное средство, дававшее возможность высказывать и популяризировать начала и понятія, не имѣвшія прямого отношенія къ истиннымъ (?) интересамъ искусства. Такимъ образомъ, критика *условилась*, помимо свѣдѣнія о томъ большинства публики и даже писателей, дать названіе „натуральной школы" собственно *протесту* и *отрицанію*".

Отмѣтимъ, во-первыхъ, подчеркнутое Капнистомъ слово: „условилась". Слово, какъ будто, указываетъ на какой-то комплотъ, котораго не было, а было то, что литература сороковыхъ годовъ была окружена такимъ суровымъ цензурнымъ надзоромъ, что могла разучиться называть вещи своими именами. Дальше авторъ крайне преувеличилъ „протестъ", заключавшійся въ натуральной школѣ. „Изученіе дѣйствительности во имя этой „натуральной школы" заключалось, съ одной стороны, въ собираніи всѣхъ возможныхъ (!) аргументовъ, способныхъ доказать полную неудовлетворительность и негодность тогдашняго государственнаго, гражданскаго и общественнаго строя нашего (!!), а съ другой стороны — въ поклоненіи матеріализму и реализму, съ цѣлью дѣйствовать разрушительно на нѣкоторыя религіозныя и нравственныя убѣжденія, имѣвшія у насъ авторитетъ въ то время. Итакъ, вотъ въ чемъ состояло направленіе, которое можно было назвать „натуральной школой". И это направленіе было тогда дѣйствительно новостью и оно было встрѣчено съ симпатіей. Бороться же противъ этого направленія открытымъ оружіемъ не было никакой

возможности, потому что оно прикрылось маской (?) литературной цѣли, интересовъ искусства, подъ именемъ „натуральной школы“. И тутъ-то искусство, а въ томъ числѣ и лирическая поэзія, было принесено въ жертву политическимъ и соціальнымъ тенденціямъ. Это было то время, когда, съ одной стороны, писаніе для *чтенія между строкъ* достигло у насъ великаго умѣнія и тонкости, а съ другой стороны, когда возникла цѣлая литература откровенная, безъ маски, но *писанная*“ (стр. 330—331).

Первыя приведенныя слова до того преувеличены, что не нуждаются въ опроверженіи. Далѣе, „чтеніе между строкъ“ было, конечно, не предосудительный порокъ, а жалкое свидѣтельство подавленнаго положенія литературы, находящееся, между прочимъ, въ явномъ противорѣчіи съ упомянутымъ выше „собираніемъ всѣхъ возможныхъ аргументовъ“.

Далѣе: „предохранить искусство, а съ нимъ и лирику нашу отъ низведенія его до значенія оружія въ рукахъ агитаціи (!) могъ только первоклассный художникъ, талантъ сильный и самобытный, а такого, съ кончины Лермонтова и Гоголя, мы еще не имѣли“.

Значеніе Гоголя, какъ начинателя реализма въ нашей литературѣ, критикъ совершенно отвергаетъ. „Творцомъ новой „натуральной школы“ провозглашенъ былъ Гоголь. Но это, въ сущности, была мистификація. Нужно было знамя (?) новому направленію. Отрицаніе и протестъ составляютъ, правда, значительный элементъ въ талантѣ Гоголя. На эту-то сторону и направляли глаза и вниманіе близорукаго большинства, оставивъ въ сторонѣ незамѣченнымъ то обстоятельство, что чрезъ всю авторскую карьеру Гоголя, рядомъ съ отрицаніемъ и протестомъ, идетъ стремленіе къ идеалу, къ идеалу не относительному, а вѣчному, что въ *Вечерахъ на хуторѣ*, въ *Миргородѣ*, въ *Повѣстяхъ* нѣтъ односторонняго изображенія дѣйствительности, что повѣсть *Портретъ* есть въ своемъ родѣ цѣлый трактатъ въ пользу независимаго искусства, что въ превосходномъ и глубокомъ этюдѣ: *Римъ*—все дышетъ вѣчнымъ идеаломъ“. Слѣдуютъ ссылки на вторую часть „Мертвыхъ душъ“, на Переписку съ друзьями: „такимъ-то образомъ, подъ видомъ „натуральной школы“, проводились въ общество тенденціи въ сущности не-литературнаго свойства, и имя Гоголя было произвольно выставлено, какъ знамя. Уровень творческой дѣятельности въ литературѣ нашей не могъ уже при этомъ не понизиться, и это по преимуществу отразилось въ лирической поэзіи нашей въ послѣднее десятилѣтіе. Окончательное же обращеніе нашей поэзіи къ постороннимъ цѣлямъ, которыя преслѣдовала эта мнимая „натуральная школа“, *произведено было нашей критикой*, которая сдѣлала

все отъ нея зависящее, чтобы популяризировать у насъ цѣлую теорію *порабощенія искусства...*“ (стр. 333).

Это указаніе на „тенденціи въ сущности не-литературнаго свойства“ и на „знамя“ опять носятъ не литературный, а административный характеръ. Странно читать о такихъ „тенденціяхъ“ потому уже, что вся литература есть дѣло общества, — внѣ общества у нея и нѣтъ интересовъ. „Литературная критика“, на которую взводится преступленіе противъ эстетики, сама не была чѣмъ-либо отдѣльнымъ отъ общества, а напротивъ, была только отраженіемъ его собственныхъ жизненныхъ стремленій... Мнимая мистификація съ именемъ Гоголя есть, скорѣе, своего рода мистификація, потому что самое могущественное впечатлѣніе, произведенное Гоголемъ, было то, которое было создано именно „Ревизоромъ“ и „Мертвыми Душами“.

Приводимъ еще общее впечатлѣніе критика отъ литературы пятидесятыхъ и шестидесятыхъ годовъ. „Если литература и получила у насъ, теперь, болѣе вліянія на жизнь общества, если она принимаетъ болѣе прежняго участіе въ вопросахъ внѣшней и внутренней политики нашей, если она стала по преимуществу, такъ сказать, газетной, то, съ другой стороны, прислуживая внѣшнимъ, практическимъ цѣлямъ, она отшатнулась отъ тѣхъ внутреннихъ началъ, на которыхъ почіютъ вѣчные законы искусства, она скудна истинно-художественными произведеніями и не проявила почти ни одного такого, которое могла бы смѣло завѣщать потомству“ (стр. 325—326). Какъ опровергла исторія эти мрачныя административныя предвѣщанія!—тѣ самые годы, которые критикъ считалъ упадкомъ нашего искусства, на дѣлѣ были разцвѣтомъ новой блестящей поры русской литературы—съ именами графа Л. Н. Толстого, Тургенева, Достоевскаго, Гончарова, не говоря объ иныхъ второстепенныхъ, но сильныхъ дарованіяхъ.

Вторая половина перваго тома и второй томъ заняты сочиненіями самого Капниста. Это, во-первыхъ, стихотворенія лирическія, баллады, басни, стихотворенія сатирическія и переводы изъ Гейне; далѣе—произведенія драматическія: трагедія „Сенъ-Марсъ“ и неконченная трагедія „Стенька Разинъ“. Поклонникъ чистаго искусства и почитатель тѣхъ русскихъ поэтовъ, которыхъ онъ считалъ его служителями, Капнистъ остается поэтомъ личнаго чувства и далекъ отъ мотивовъ общественнаго характера, какъ его образцы: Тютчевъ, Фетъ, Полонскій и др. Онъ обыкновенно хорошо владѣетъ стихомъ, въ стихотвореніяхъ есть искреннее чувство, но въ содержаніи мало оригинальнаго; въ трагедіяхъ онъ затрогиваетъ вопросы общественной борьбы, но лишь въ далекіе вѣка и въ самыхъ общихъ очертаніяхъ общественныхъ страстей, и личнаго героизма. Біографія даетъ вмѣстѣ

очеркъ его политической дѣятельности и комментаріи къ его произведеніямъ. — Т.

— Русскія народныя картинки. Собралъ и описалъ Д. Ровинскій. Посмертный трудъ печатанъ подъ наблюденіемъ Н. Собко. Спб. 1890. Два тома. Изданіе Р. Голике. 1900.

Двадцать лѣтъ тому назадъ, въ 1881, Д. А. Ровинскій издалъ свой знаменитый грандіозный трудъ: „Русскія народныя картинки", пять большихъ томовъ текста и четыре (въ другой формѣ—семь) фоліанта атласа съ воспроизведеніемъ самихъ народныхъ картинокъ, раскрашенныхъ или нераскрашенныхъ. Книга стоила Д. А. Ровинскому огромнаго труда въ теченіе нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ. Неутомимый собиратель, онъ разыскалъ все, что только было возможно въ этой области, издалъ свое собраніе картинъ съ полною точностью и прибавилъ къ собранію исторію этого народнаго искусства и объясненіе содержанія картинокъ. Какъ бываетъ всего чаще, подобное собираніе начинается тогда, когда само явленіе, это народное искусство, бываетъ близко къ уничтоженію: оно исчезаетъ или исчезло при новой печати, литографіи и хромолитографіи, какъ исчезаетъ и свободная, безконтрольная дѣятельность народной фантазіи и остроумія. Въ старыя времена, приблизительно съ XVII вѣка, сочиненіе и производство народныхъ картинокъ было совершенно свободнымъ промысломъ, чисто-простонароднымъ, даже деревенскимъ; онѣ обращались только въ народномъ кругу и со стороны властей на нихъ не обращалось вниманія, какъ вообще не обращалось вниманія на то, какъ идетъ народная жизнь. Цензура догадалась направить свой надзоръ на народныя, такъ называемыя лубочныя картинки только въ 1830-хъ годахъ; до-цензурныя картинки становились, конечно, рѣже, и въ настоящее время отыскать ихъ, вѣроятно, очень трудно. Съ ними исчезла возможность проявленія народной сатиры и шутки, которыя бывали иногда нѣсколько крутыя, но отвѣчавшія незатѣйливому и грубоватому вкусу своей публики.

Народная картинка представляла собой иллюстрацію народной литературы. Д. А. Ровинскій въ своихъ объясненіяхъ сообщаетъ, кромѣ исторіи самыхъ картинокъ, множество любопытныхъ указаній о бытѣ и нравахъ прошлаго времени, которые нашли въ картинкахъ свое отраженіе. Онъ зналъ прекрасно эту народную бытовую сторону и умѣлъ извлечь изъ нея характерныя черты.

Его атласъ народныхъ картинокъ, гдѣ, между прочимъ, переданы были нѣкоторыя старыя картины со всей ихъ прямостью, изданъ былъ въ ограниченномъ числѣ экземпляровъ, и составляетъ теперь великую

рѣдкость. Поэтому самъ Д. А. Ровинскій, въ послѣдніе годы жизни, задумалъ уменьшенное изданіе своего большого труда, которое, вмѣстѣ съ тѣмъ, было бы болѣе доступно и по цѣнѣ.

Въ послѣсловіи къ первому тому г. Собко пишетъ: „заканчивая печатаніемъ 1-й выпускъ посмертнаго труда покойнаго Д. А. Ровинскаго, переработанный (-наго?) имъ въ послѣдній годъ жизни изъ V и отчасти IV тома его перваго изданія „Русскихъ народныхъ картинокъ" въ 1881 г., считаю необходимымъ оговорить здѣсь, что, по смерти моего незабвеннаго друга, въ его письменномъ столѣ нашлась записка, уполномочивавшая меня выдать это изданіе въ свѣтъ, окончивъ въ немъ то, чего тамъ недоставало".

Въ настоящемъ изданіи картинки очень уменьшены, такъ что на одной страницѣ въ четвертку умѣщается иногда по нѣсколько рисунковъ, занимающихъ въ подлинникѣ большіе листы; рисунокъ нѣсколько утрачиваетъ свою первобытность, и подписи, и въ подлинникѣ не всегда ясныя, становятся иногда неудобочитаемы; но вообще изданіе исполнено съ великимъ стараніемъ: оно составляетъ большую заслугу г. Собко, впервые дѣлая доступнымъ трудъ Д. А. Ровинскаго для большого круга читателей.

Намъ кажется только неумѣстнымъ названіе: „посмертный трудъ" (хотя это вошло въ обычай),—трудъ не былъ и не могъ быть посмертнымъ, а могло быть таковымъ только изданіе. — А. П.

Въ теченіе марта мѣсяца, въ Редакцію поступили слѣдующія новыя книги и брошюры:

Абаза, К. К.—Отечественные героическіе разсказы. Съ рис., карт. и планами. Изд. 4-ое. Спб. 901. Ц. 1 р. 50 к.

Абрамовъ, К.—Даръ слова. Вып. 2: Искусство разговаривать и спорить. Спб. 901. Ц. 25 к.

Анненкова-Бернаръ (Н. П. Дружинина). — Разсказы и очерки. М. 901. Ц 1 р. 50 к.

Барвенковъ, Т.—Раздолье, повѣсть. „На мели" и „По способу Коха". М. 901. Ц. 80 к.

Бертенсонъ, Левъ.—Лечебныя воды, грязи и морскія купанья—въ Россіи и за границей. Классификація, химическій составъ, дѣйствіе и показаніе къ употребленію. Путеводитель по лечебнымъ мѣстностямъ. 4-е, совершенно переработанное и значительно дополненное изданіе. Спб. 901. Стр. 777.

Бокъ, К. Э., проф.—Книга о здоровомъ и больномъ человѣкѣ. Настольная книга и руководитель семьи. Съ нѣм., п. р. д-ра С. Б. Орѣчкина. Со многр. полит. и таблиц. въ краскахъ. Т. II: Половина 1 и 2. Спб. 900. Четыре полутома—4 руб.

Будищевъ, Ал. Н.—Стихотворенія. Спб. 901. Ц. 1 р.

Бухенбергеръ, А.—Основные вопросы сельско-хозяйственной экономіи и политики. Перев. съ нѣмецкаго *А. Гурьева*. Стр. 342. Спб. 901. Ц. 2 р.

Веббъ и *Вельсъ*.—Универсальныя учрежденія для рабочихъ въ Лондонѣ. Перев. П. Г. Мижуевъ. Спб. 901. Ц. 40 к.

Видеманъ, К. И.—Банковая Бухгалтерія. Вып. II. Спб. 901. Ц. 1 р.

Вятринскій, Г.—Среди латышей. Очерки. М. 901. Ц. 25 к.

Гиляровъ, А. Н.—Предсмертныя мысли XIX-го вѣка во Франціи. Очеркъ міропониманія современной Франціи по ея крупнѣйшимъ литературнымъ произведеніямъ. Кіевъ, 901. Ц. 2 р. 75 к.

Гюйо, М.—Собраніе сочиненій. Т. VI: Стихи философа. Перев. И. И. Тхоржевскаго. Спб. 901.

Гнѣдичъ, П. П.—Первый томъ комедій. Изд. 2-е. Спб. 901. Ц. 2 р. 50 к.

Головинъ, Д. Н.—Основныя начала ученія о сопротивленіи матеріаловъ, въ элементарномъ изложеніи. М. 901.

Давлетшинъ, капит.—Отчетъ по командировкѣ въ Туркестанскій край и степныя области, для ознакомленія съ дѣятельностью народныхъ судовъ. Спб. 901. Спб. 105.

Де-Рикеръ, К.—Алкоголизмъ у женщинъ. Съ франц. п. р. А. Яновскаго. Спб. 901. Ц. 1 р.

Догановичъ, Анна.—Печальникъ земли русской. Историч. пов., для школьн. и семейн. чтенія. Съ рис. М. 901. Ц. 40 к.

Жемчужниковъ, А. М.—Стихотворенія, въ двухъ томахъ. Съ портретомъ автора и автобіографическимъ очеркомъ. Изд. 3-ье. Спб. 901. Ц. 3 р.

Забрежневъ, Ив.—Теноръ ди Грація. Разсказы. Спб. 901. Ц. 1 р.

Зеленолазый, М.—Въ пути. Др. въ 4 д. М. 901.

Зомбартъ, Вернеръ, проф. Бреславскаго унив.—Организація труда и трудящихся. Перев. подъ ред. *Л. А. Кириллова*. Съ портретомъ В. Зомбарта и предисловіемъ М. Туганъ-Барановскаго. Изд. Б. Н. Звонарева. Спб. 901. Стр. 456.

Ивановъ, И. И.—М. Ю. Лермонтовъ. Избранныя произведенія. Съ критико-біографической статьей. М. 901. Ц. 65 к.

Игнатовъ, И.—Галлерея русскихъ писателей. М. 901. Стр. 589. Ц. 3 р. 50 коп.

Ишненецкій, Я. К.—„Хуторянинъ“ и его читатели. Полтава, 901.

Карѣевъ, Н.—Учебная книга древней исторіи. Съ историческими картами. Спб. 901. Ц. 1 р. 20 к.

Кашкадамовъ, В. П.—О чумѣ, согласно новѣйшимъ даннымъ. Спб. 901. Ц. 60 к.

Колышко, І.—Два преступленія и два искупленія. Критико-психич. этюдъ. Спб. 901. Ц. 30 к.

Коркуновъ, Н. М.—Русское государственное право. Т. II: Часть особенная. Вып. 1. Изд. 3-ье. Спб. 901. Ц. 3 р.

Круловъ, В. В.—Домна-Ректорша. М. 901. Ц. 50 к.

Круковскій, Адр.—Сборникъ отзывовъ о русскихъ писателяхъ. Поневѣжъ, 901. Ц. 60 к.

Кунцевичъ, Г. З.—Исторія о Казанскомъ царствѣ. Ея списки. Спб. 901.

Лависсъ и *Рамбо*.—Всеобщая исторія съ IV-го столѣтія до нашего времени. Т. VII: Восемнадцатый вѣкъ, 1715—1789 гг. Перев. М. Гершензона. М. 901. Ц. 3 р.

Ладыженскій, В. И.—О книгахъ и сочинителяхъ. Вып. II: Отъ Петра В. до нашихъ дней. Чтеніе для школъ и народа. М. 901. Ц. 50 к.

Леногорскій, д-ръ.—Стоитъ ли выходить замужъ? Экскурсія гигіениста въ область супружеской жизни. Од. 901. Ц. 25 к.

Лихтенберже, А.—Философія Ницше. Перев. п. р. М. Невѣдомскаго. Спб. 901. Ц. 1 р. 80 к.

Лори.—Дядя изъ Чикаго. Очерки школьной жизни въ Америкѣ. Съ франц. Спб. 901.

Лохтинъ, П.—Состояніе сельскаго хозяйства въ Россіи сравнительно съ другими странами. Итоги къ XX вѣку. Спб. 901. Стр. 309+45.

Мижуевъ, П. Г.—Вліяніе народнаго образованія на народныя богатства, здоровье и нравственность и другія стороны общественной жизни. Спб. 901. Ц. 80 к.

Миллъ, Дж. Ст.—О свободѣ. Съ англ. М. И. Ловцовой. Спб. 901. Ц. 75 к.

Мордвиновъ, И. П.—Какъ устраивать въ семьѣ и школѣ елки, праздники и юбилеи. Спб. 901. Ц. 1 р.

Мордовцевъ, Д. Л.—Собраніе сочиненій. Т. I—III. Спб. Изданіе Н. Ѳ. Мертца, 901. Безплатное приложеніе „Библіотека Сѣвера".

Москвичъ, Григорій.—Иллюстрированный практическій руководитель по Крыму, съ приложеніями: алфавита, русско-татар. словаря, 7 картъ Крыма, плановъ Севастополя и др. Изд. 10-ое. Од. 901. Ц. 1 р.

Мюллеръ, Максъ.—Религіи Китая. Съ англ. п. р. А. Яновскаго. Спб. 901. Ц. 50 к.

Нечаевъ, А. П.—Современная экспериментальная психологія, въ ея отношеніи къ вопросамъ школьнаго обученія. Съ 79 табл. въ текстѣ. Спб. 901. Ц. 1 р. 50 к.

О., М.—Общедоступное объясненіе Евангелія, въ порядкѣ земной жизни Христа Спасителя. Посвящается православному русскому народу. Спб. 901. Стр. 436. Ц. 90 к.

Пановъ, Александръ.—Всемірное тяготѣніе и его причины. Гипотеза. Н.-Новг. 901. Ц. 1 р.

Пахомовъ, Д.—На развалинахъ стараго царства. Путевые очерки Кавказа. Спб. 901.

Петрушевскій, Ѳ.—Краска и живопись. Изд. 2-е. Спб. 901. Ц. 2 р. 20 к.

Плоссъ, Г., д-ръ.—Женщина въ естествовѣдѣніи и народовѣдѣніи. Антропологическое изслѣдованіе. Перев. д-ра М. Бартельса, п. р. д-ра А. Г. Фейнберга. Т. II, половина 2-я (конецъ). Спб. 901. Ц. за 2 т.—10 руб.

Прессъ, Аркадій.—Писатели XIX-го вѣка. Характеристики: Г. де Мопассанъ, Альф. Додэ, Франс. Бретъ-Гартъ, Р. Киплингъ, Эдг. Алленъ По. Кн. 1-я, съ 5 портретами. Спб. 901. Ц. 1 р. 50 к.

Пролль, Луи.—Любовь и преступленіе. Общественно-психологическое изслѣдованіе. Спб. 901. Ц. 35 к.

Рабле, Франсуа.—Гаргантюа и Пантагрюэль, въ 5 книг. Съ франц. текста XVI-го вѣка, первый русскій перев. А. Н. Энгельгардтъ. Съ иллюстрац. Доре. Спб. 901. Ц. 3 р. 50 к.

Рожновскій, І. І.—Русско-французскія пословицы и поговорки. Вильно, 901. Ц. 35 к.

Рыпинъ, И. Е.—Воспоминанія, статьи и письма изъ-за границы. П. р. Н. Б. Сѣверовой. Спб. 901. Ц. 1 р.

Соловьева, Л. И.—Разсказы для дѣтей младшаго возраста, удостоенные преміи. Спб. Фребелевскаго Общества. На охотѣ Спб. 901.

Сьюэлъ, Анна.—Черный красавецъ. Исторія лошади, разсказанная ею самою. Съ англ. перев. Е. Б. Съ 25 рис. М. 901. Ц. 75 к.

Толочиновъ, К. Ф.—Учебникъ женскихъ болѣзней, 2-е исправленное и дополненное изданіе. Москва, 901. Ц. 3 р. 75 к. Стр. 488.

Толстой, Л. Л.—Въ голодные годы. Записки и статьи. Съ иллюстраціями. М. 900. Ц. 1 р.

Уитби, Б.—Въ свѣтлую пору жизни. Повѣсть для юношества. Съ англ. Спб. 901. Ц. 1 р. 25 к.

Ухтомскій, кн. Эсперъ.—Изъ китайскихъ писемъ. Спб. 901. Стр. 31.

Фальборкъ и *Чарнолусскій*.—Учительскія общества, кассы, курсы и съѣзды. Системат. сводъ законовъ, распоряж., правилъ, инструкц. и справочн. свѣдѣній. Спб. 901. Ц. 50 к.

——— Учительскія семинаріи и школы. Системат. сводъ законовъ, распоряженій и т. д. Спб. 901. Ц. 2 р.

——— Испытанія на званіе уѣздныхъ домашнихъ, городскихъ и начальныхъ учителей и на первый классный чинъ. Спб. 901. Ц. 50 к.

Фаресовъ, А. И.—Александръ Константиновичъ Шеллеръ (А. Михайловъ). Біографія и мои о немъ воспоминанія (съ двумя портретами). Спб. 901. 72 стр. Ц. одинъ рубль.

Фейгинъ, Ф., д-ръ.—Труды досуга. Спб. 901. Ц. 2 р. 50 к.

——— Руководство къ уходу за больными, ранеными, умалишенными, родильницами и новорожденными и къ поданію первой помощи, въ случаяхъ, угрожающихъ жизни. Карманная книга. Спб. 901. Ц. 1 р.

Фетъ, А. А.—Полное собраніе стихотвореній. П. р. Б. В. Никольскаго. Въ трехъ томахъ. Спб. 901. Ц. 5 р.

Фойницкій, И. Я.—Курсъ уголовнаго права. Часть особенная: Посягательства личныя и имущественныя. Изд. 4-е. Спб. 901. Ц. 3 р.

Цертелевъ, кн. Д. Н.—Фаустъ, трагедія Гёте. Ч. I. М. 901. Ц. 1 р.

Чайковскій, М.—Жизнь П. И. Чайковскаго. Т. II: 1840—1877. Вып. 4. Ц. вып. 40 к. М. 901.

Чириковъ, Евг.—Очерки и разсказы. Кн. 3. Спб. 901. Ц. 1 р.

Шапировъ, Борисъ.—Наши пограничныя окраины въ Средней Азіи. Путевые наброски. Спб. 901. Ц. 50 к.

Шершеневичъ, Г. Ф.—Курсъ гражданскаго права. Т. I: Введеніе. Вып. 1. Каз. 901. Ц. 2 р.

Щербина, Ф. А.—Крестьянскіе бюджеты. Изд. Имп. Вольн. Экономич. Общества. Воронежъ, 900. Ц. 3 р.

Barrière, Marcel.—Les Ruines de l'amour. Par. 900. Ц. 3 фр. 50 с.

——— Le Roman de l'Ambition. Par. 900. Ц. 3 ф. 50 с.

——— L'Education d'un Contemporain. Par. 900. Ц. 3 фр. 50 с.

— Восьмой санитарный съѣздъ земскихъ врачей С.-Петербургской губ. Вып. 1. Положеніе земско-медицинскаго дѣла 1895—99 гг. Спб. 901. Стр. 290.

— Геологическія изслѣдованія и развѣдочныя работы по линіи сибирской желѣзной дороги. Вып. XXI. Спб. 900.

— Календарь „Синяго Креста“ Общества попеченія о бѣдныхъ и боль-

ныхъ дѣтяхъ, состоящаго подъ Августѣйшимъ покровительствомъ Е. И. В. Великой Княгини Елисаветы Маврикіевны. Спб. 901. Ц. 1 р. 50 к.

— Краткій историческій очеркъ административныхъ учрежденій горнаго вѣдомства въ Россіи 1700—1900 гг. Спб. 900. Стр. 204.

— На славномъ посту. Литературный Сборникъ, посвященный Н. К. Михайловскому. Спб. 901. Ц. 3 р.

— Обзоръ податного состоянія Курской губерніи за 1899 годъ. Составленъ по отчетамъ податныхъ инспекторовъ. Курскъ, 900. Стр. 73+15+30 таблицъ.

— Остафьевскій Архивъ князей Вяземскихъ. II: Переписка князя П. А. Вяземскаго съ А. И. Тургеневымъ 1820—1823. Изданіе гр. С. Д. Шереметева, п. р. и съ примѣчаніями В. И. Саитова. Спб. 901. Ц. 2 р.

— Отчетъ по главному тюремному управленію за 1898 г. Изд. Главн. Тюремнаго Управленія. Спб. 900. Стр. 196.

— Портреты съ автографами и краткими біографіями министровъ учрежденныхъ въ 1802 г. министерствъ имп. Александромъ I. Изданіе И. Божерянова, выполненное художественною фототипіею А. И. Вильберга. Вып. 1, съ 9 портр. Спб. 901.

— Почтово-телеграфная статистика за 1899 года. Спб. 900. Стр. XXXI+57. Таблицъ 8.

— Пушкинскіе дни въ Одессѣ. Сборникъ Имп. Новороссійскаго Университета. 1799—1899 гг. Съ 4 фототип. снимками. Од. 901.

— Саратовская Земская Недѣля 11—32. 1900 года. Изд. Саратовскаго губернскаго земства. Саратовъ, 900.

— Статистическая коммиссія при III Отдѣленіи Императорскаго Вольно-Экономическаго О—ва. Труды Коммиссіи по вопросамъ земской статистики. Ц. 1 р. 50 к. Спб. 901. Стр. 153+53.

— Труды созваннаго по распоряженію начальника края совѣщанія врачебныхъ инспекторовъ Кіевской, Подольской и Волынской губ., состоявшагося въ г. Кіевѣ 5—12 октября 1900 г., по вопросу о лучшей постановкѣ врачебнаго санитарнаго дѣла въ Юго-Западномъ краѣ. Кіевъ, 901. Стр. 129.

— Труды Юридическаго Общества, состоящаго при Императорскомъ Казанскомъ Университетѣ за 1900 г. Казань, 901. Стр. 170+80.

НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

I.

Ad. van Bever et Paul Léautaud. Poètes d'aujourdhui, 1880—1900. Стр. 424.

Подъ названіемъ „Современные поэты“ Поль Леото и Адольфъ ванъ-Беверъ издали сборникъ, составленный изъ біографіи, краткихъ характеристикъ и образцовъ творчества новѣйшихъ французскихъ поэтовъ. Книга ихъ не содержитъ общей характеристики современной поэзіи, но въ ней есть указанія на всѣхъ—и лучшихъ, и второстепенныхъ—поэтовъ современной Франціи. Авторы достаточно безпристрастно отнеслись къ своей задачѣ, и включили въ свой сборникъ поэтовъ самыхъ различныхъ направленій, такъ что по отдѣльнымъ характеристикамъ и образцамъ можно составить себѣ ясное представленіе о всемъ, что̀ есть выдающагося въ современной французской поэзіи. Въ сборникъ вошли лишь очень немногіе умершіе поэты: Роденбахъ, Верлэнъ, Маларме, Соменъ (Saumin), Ренбо. Краткіе очерки о каждомъ поэтѣ очень цѣнны главнымъ образомъ по исчерпывающимъ библіографическимъ указаніямъ, такъ что для изученія новѣйшей литературы книга Леото и ванъ-Бевера имѣетъ несомнѣнно большую цѣнность.

Наиболѣе пространные очерки посвящены поэтамъ съ установившейся извѣстностью, каковы Поль Верлэнъ, Морисъ Меттерлинкъ. Издатели приводятъ выдержки изъ наиболѣе авторитетныхъ критическихъ отзывовъ о нихъ, называютъ писателей, впервые обратившихъ вниманіе на поэтовъ, не сразу оцѣненныхъ публикой. Оказывается, что Меттерлинка „открылъ“ Октавъ Мирбо̀, написавшій въ 1889 году въ „Figaro“ очень смѣлую статью, въ которой проводилъ параллель между бельгійскимъ драматургомъ и Шекспиромъ. Отъ него такимъ образомъ исходитъ упроченное за Меттерлинкомъ названіе „бельгійскаго Шекспира“. Такую же услугу Верлэну оказали молодые критики Шарль Морисъ и Казальсъ. Въ сборникѣ приведены также критическіе отзывы лучшихъ французскихъ критиковъ, Лемэтра, Анатоля Франса, Моклера и др. о Меттерлинкѣ и Верлэнѣ. Въ подтвержденіе этихъ авторитетныхъ сужденій приведены лучшіе образцы поэзіи обоихъ этихъ писателей, извѣстныя пѣсни Меттерлинка на мотивы изъ „Пѣсни Пѣсней“: „Et s'il revenait un jour“, „J'ai marché trente ans, mes soeurs“ и др., и отрывки изъ „Sagesse“ Верлэна.

Но, конечно, интересъ сборника—не въ повтореніи общеизвѣстныхъ характеристикъ поэтовъ съ установившейся литературной славой. Гораздо любопытнѣе свѣдѣнія и образцы творчества менѣе извѣстныхъ, въ особенности за предѣлами Франціи, болѣе молодыхъ поэтовъ разныхъ школъ и направленій. Однимъ изъ продолжателей традицій парнасской школы является Фернандъ Грегъ (Fernand Gregh), увѣнчанный академіей за сборникъ мастерскихъ по формѣ, а по тону жизнерадостныхъ и въ то же время вдумчивыхъ стиховъ, подъ заглавіемъ „Maison de l'Enfance". Поль Леото разсказываетъ о довольно любопытныхъ обстоятельствахъ, создавшихъ извѣстность Грега, который, впрочемъ, вполнѣ заслужилъ впослѣдствіи истинно художественными выдержанными и спокойными стихами свою вначалѣ случайную извѣстность. Онъ написалъ въ 1896 году въ „Revue de Paris" статью о Верлэнѣ, въ которой, между прочимъ, помѣстилъ свое собственное короткое стихотвореніе „Менуэтъ",—очень звучное и мелодичное. Черезъ нѣсколько времени, Гастонъ Дешанъ издалъ сборникъ своихъ критическихъ статей. „La vie et les livres", куда вошла и статья о Верлэнѣ. Желая обогатить ее новыми выдержками изъ Верлэна, критикъ включилъ въ статью „Менуэтъ" Грега, вычитанный имъ въ его статьѣ о Верлэнѣ и принятый, очевидно вслѣдствіе невнимательнаго чтенія статьи, за стихотвореніе самого Верлэна. Грегъ напечаталъ опроверженіе въ газетахъ, поднялъ этимъ нѣкоторый шумъ въ литературѣ—и прославился. Вскорѣ послѣ того онъ издалъ свои разбросанные по разнымъ журналамъ стихи, и такимъ образомъ составился сборникъ „Maison de l'Enfance", встрѣченный критикой очень сочувственно и увѣнчанный академіей. Это произошло въ 1897 г., а съ тѣхъ поръ молодой поэтъ очень усовершенствовался, и его новѣйшая книга, „La Beauté de vivre", стоитъ гораздо выше по искренности и теплому прочувствованному тону. Но все-таки лучшимъ образцомъ его музыкальной музы является случайно прославившій его „Менуэтъ", въ самомъ дѣлѣ нѣсколько напоминающій извѣстную осеннюю пѣсню Верлэна. Къ традиціямъ Парнасса примыкаетъ отчасти одинъ изъ наиболѣе прославленныхъ среди поэтовъ молодой школы—Анри де-Реньé. Лирикъ, драматургъ, и въ то же время авторъ короткихъ повѣстей и оригинальныхъ романовъ въ духѣ Анатоля Франса, Реньé пишетъ строго выдержаннымъ, спокойнымъ парнасскимъ стихомъ, любитъ пышные эпитеты, описываетъ торжественныя процессіи, плавныя, ритмичныя движенія, возсоздаетъ образы античной Греціи; въ стихахъ его часто говорится о золотѣ, о сверканіи металловъ. Но въ то же время въ поэзіи его много новизны, изысканныхъ настроеній, чуткаго пониманія природы. Владѣя въ совершенствѣ пластической формой стиха, Реньé въ то же время—одинъ изъ первыхъ и самыхъ талантливыхъ новато-

ровъ современной французской поэзіи, въ смыслѣ перехода отъ риѳмы къ свободному стиху. Во французской поэзіи это нововведеніе очень назрѣло. Классическій французскій стихъ слишкомъ близокъ къ прозѣ. Въ немъ отсутствуетъ внутренняя ритмичность, возмѣщаемая лишь отчасти богатствомъ и звонкостью риѳмы. Всѣ усилія новѣйшей поэзіи направлены на то, чтобы сдѣлать стихъ болѣе музыкальнымъ по существу, вдохнуть въ него внутренній ритмъ, не прибѣгая къ болѣе легкому и чисто внѣшнему пріему—къ богатству риѳмы. Начало этому положилъ Верлэнъ, и вслѣдъ за нимъ многіе изъ новѣйшихъ поэтовъ успѣшно пошли по его слѣдамъ. Реньé—одинъ изъ самыхъ даровитыхъ представителей этого новаго рода поэзіи. Онъ блестяще владѣетъ и классическимъ французскимъ языкомъ, какъ это доказываетъ, напр., рядъ стихотвореній подъ заглавіемъ: „Надписи къ тринадцати воротамъ города". Спокойныя, пластичныя и звучныя описанія воротъ, черезъ которыя входятъ въ городъ жрицы, торговцы, воины, изъ которыхъ уходятъ изгнанники и выносятъ мертвыхъ, напоминаютъ античные барельефы по выпуклости образовъ и строгой ритмичности стиха, то тяжелаго, какъ поступь вооруженной толпы воиновъ, то легкаго, какъ шаги танцовщицъ въ воздушныхъ одѣяніяхъ. Въ сборникѣ приведено нѣсколько стихотвореній Реньé, написанныхъ свободнымъ стихомъ. Такова, напр., поэма „Ваза"; въ ней не упразднена риѳма, но длинные стихи чередуются съ короткими, чѣмъ видоизмѣняется классическій французскій двѣнадцатисложный стихъ. Стихотвореніе—чисто описательное: художникъ высѣкаетъ изъ мрамора вазу, отдаваясь теченію своей фантазіи, воспроизводя видѣнія нимфъ, сатировъ и прекрасныхъ женскихъ фигуръ, которыя рисуются его воображенію. Большая любовь къ природѣ, чуткое вниманіе ко всѣмъ движеніямъ водъ, листьевъ въ лѣсу, къ запахамъ и тишинѣ равнинъ, чувствуется въ мѣняющихся картинахъ природы, возсозданныхъ поэтомъ, а ритмичный, гибкій, мѣняющійся стихъ передаетъ съ большой красотой перевоплощеніе природы въ произведеніи искусства. Поэтъ изображаетъ свои видѣнія, и очень искусно переходитъ отъ описанія возбужденной во время работы фантазіи къ болѣе спокойному настроенію, когда ваза готова: „мое опьяненіе умерло—работа завершилась, и наконецъ на подножьѣ высится предо мной вся большая ваза, отъ подставки до ручекъ". За этимъ слѣдуетъ спокойное перечисленіе высѣченныхъ изъ мрамора фигуръ—тѣхъ самыхъ, которыя жили въ разгоряченномъ воображеніи художника въ минуты работы. Все это снова живетъ уже въ прекрасномъ мраморѣ, но самъ художникъ чувствуетъ себя покинутымъ среди молчаливыхъ мраморныхъ фигуръ: „Я одинъ, одинокъ навсегда, среди темной ночи; я проклинаю зарю и плачу, тоскуя во мракѣ". Экстазъ вдохновенія и тяжесть пробужденія, сопровождающая

всякое завершенное дѣйствіе, переданы въ стихотвореніи съ большой художественной силой. Изъ этого стихотворенія, какъ и изъ другихъ приведенныхъ въ сборникѣ, видно, что Реньé—истинный поэтъ; онъ не гонится за внѣшней виртуозностью стиха, но свободно передаетъ свои настроенія, красоты античнаго міра и непосредственной дѣйствительности, разбивая, когда нужно, рамки традиціонныхъ стихотворныхъ формъ.

Другой изъ талантливыхъ новыхъ французскихъ поэтовъ, Эмиль Вергаренъ (Emile Verhaeren)—бельгіецъ по происхожденію. Лучшіе сборники его стиховъ—„Les Flamandes“, „Campagnes hallucinées“, „Villages illusoires“. Помимо своеобразности стиха, то спокойнаго и строгаго при описаніи, напр., процессіи монаховъ, торжественныхъ шествій толпы, то чрезвычайно нервнаго, мѣняющагося, ритмичнаго безъ риѳмы, въ описаніяхъ бури, вѣтра, движеній природы, внутреннее содержаніе поэзіи Вергарена интересно по своей новизнѣ. Одна изъ характерныхъ чертъ новой французской поэзіи — возродившееся чувство природы. Прежняя поэзія жила всецѣло индивидуальными настроеніями; ея обычный репертуаръ—любовь къ женщинѣ, любовныя страданія, ревность, скорбь о смерти любимаго существа, или, напротивъ того, радость счастливой любви, красота возлюбленной. Въ новой поэзіи замѣтно сильное тяготѣніе къ пантеизму. Поэты ищутъ общенія съ природой, сливаютъ свои личныя ощущенія съ общей жизнью вселенной; ихъ влекутъ къ себѣ тайны бытія, вызывающія религіозныя настроенія; не отдѣльный человѣкъ съ его личной судьбой, а жизнь въ цѣломъ массы людей, обобщенныя настроенія, въ которыхъ сказывается таинственная цѣльность бытія, занимаютъ воображеніе поэтовъ. Эта черта очень сильно развита въ современной французской поэзіи на-ряду съ другой, ей противоположной—съ жаждой тончайшихъ ощущеній, доходящихъ до извращенности. Поэзія всѣми путями ищетъ предѣловъ, стремится проникнуть за черту ограниченнаго, доступнаго познанію бытія, и потому ее одинаково влечетъ къ самому широкому обобщенію и къ самой крайней утонченности, къ широкимъ схемамъ и къ самой аристократической изысканности. Вергаренъ принадлежитъ къ тѣмъ изъ новыхъ поэтовъ, которые ищутъ обобщенности въ впечатлѣніяхъ природы, въ движеніяхъ большихъ массъ. Онъ—пѣвецъ деревни, спокойныхъ фламандскихъ селеній съ ихъ широкой, вдумчивой, чисто стихійной жизнью. Онъ любитъ и воспѣваетъ природу и въ яркомъ сіяніи лѣтняго солнца, когда усталыя жницы предаются полуденному отдыху на поляхъ; но еще болѣе сродни его душѣ осенніе пейзажи. Въ описаніяхъ осеннихъ бурь, вѣтра, завывающаго въ лѣсахъ и поляхъ въ ненастные ноябрьскіе дни, дождя, окутывающаго деревни сѣрой завѣсой, Вергаренъ

почти не имѣетъ равныхъ себѣ во французской поэзіи: „Видали ли вы вѣтеръ, на перекресткѣ ста тридцати дорогъ“—таковъ припѣвъ одного изъ его самыхъ художественныхъ стихотвореній, написанныхъ свободнымъ, не-риѳмованнымъ, но музыкальнымъ стихомъ. Или, напримѣръ, другое стихотвореніе, подъ заглавіемъ „Ноябрь“: „большія дороги уходятъ крестами въ безконечность, пересѣкая лѣса. Большій дороги уходятъ крестами въ безпредѣльную даль черезъ равнины; большія дороги выдѣляются крестами въ холодномъ мертвомъ воздухѣ, гдѣ несутся раскидистые вѣтры, несутся вдаль по равнинамъ“ и т. д. Кромѣ отдѣльныхъ описаній природы, у Вергарена есть подробныя картины сельской жизни, задуманныя чрезвычайно оригинально: онъ рисуетъ толпы людей, уходящихъ изъ деревень въ города; передавая самымъ стихомъ тяжесть и безнадежность этого движенія безъ цѣли и безъ надежды, описывая рубища и истомленность лицъ, онъ возсоздаетъ безъисходныя страданія народныхъ массъ, теряющихъ связь съ почвой. Въ отдѣльныхъ поэмахъ онъ описываетъ обитателей деревни, кузнеца, изготовляющаго безконечныя желѣзныя полосы, мельника съ „черной мельницы“, столяра, сколачивающаго гробы, и т. д., и эти фигуры олицетворяютъ собой всю человѣческую жизнь; кузнецъ является какъ бы образомъ философа, кующаго безконечныя системы, которыя, въ свою очередь, будутъ перековываться другими; и у всѣхъ другихъ людей, свершающихъ будничный деревенскій трудъ, отражены мысли и труды человѣчества, его безсознательное исполненіе внѣ его лежащихъ цѣлей. Два лучшихъ сборника Вергарена — „Villages illusoires“ и „Campagnes hallucinées“,—заключаютъ въ себѣ картины природы; но природа, описанная точно, правдиво и съ глубокимъ настроеніемъ, претворяется въ фантазіи поэта въ образы человѣческой судьбы, окруженной непроницаемыми тайнами. Вергаренъ—поэтъ мысли, ѳбобщенныхъ философскихъ настроеній, и поэмы его чаруютъ не только своеобразной свободной мелодіей стиха, но и своимъ проникновеніемъ—смысломъ жизни, мыслями о назначеніи человѣка въ бытіи, о связи всякаго движенія, всякаго чувства въ человѣкѣ съ жизнью вселенной.

Изъ другихъ новыхъ поэтовъ, отмѣченныхъ въ сборникѣ, художественный интересъ представляетъ Поль Форъ (Paul Fort), авторъ „Ballades françaises“. Онъ пишетъ на народные мотивы, пѣсни о жизни природы, и стремится создать новый стихъ — нѣчто среднее между поэзіей и прозой. Большинство его стихотвореній напечатано прозой, хотя, въ сущности, многіе изъ нихъ имѣютъ вполнѣ стихотворную форму. Пѣсни его сохраняютъ наивный народный колоритъ, полны очень тонкихъ описательныхъ подробностей и раздѣляются на „деревенскія пѣсни“, „пѣсни моря“, „пѣсни горъ“, „пѣсни водъ“

и т. д. Образцомъ того, какъ мелодичны въ своей простотѣ эти наивныя пѣсни, передающія обычныя человѣческія печали и радости, можетъ служить слѣдующее короткое стихотвореніе: „Cette fille, elle est morte, est morte dans ses amours.—Ils l'ont portée en terre, en terre au point du jour.—Ils l'ont couchée toute seule, toute seule en ses atours. — Ils l'ont couchée toute seule, toute seule en son cercueil.—Ils sont rev'nus gaîment, gaîment avec le jour.—Ils ont chanté gaîment, gaîment, chacun son tour:—„Cette fille, elle est morte, est morte dans ses amours".—Ils sont allés aux champs, aux champs comme tous les jours".

Чувствуется большая примиренность въ этой простой передачѣ смерти юнаго существа, и послѣдній стихъ, съ его призывомъ къ простой и плодотворной работѣ, производитъ бодрящее впечатлѣніе.

Есть въ сборникѣ нѣсколько очерковъ о поэтахъ, хорошо извѣстныхъ въ литературныхъ кружкахъ во Франціи, но едва ли оправдывающихъ восторженное отношеніе къ нимъ поклонниковъ. Таковъ, напр., Франсисъ Жаммъ (Francis Jammes), создавшій даже цѣлую школу „жаммистовъ". Его сборникъ „De l'Angelus de l'Aube à l'Angelus du Soir" проникнутъ религіознымъ настроеніемъ, передаетъ чувство смиренія человѣка передъ природой и наивную вѣру въ Бога. Но въ этой наивности слишкомъ много дѣланности, и самыя стихотворенія большей частью безцвѣтны и оживляются только примѣсью чисто французскаго эротизма. Жаммъ—искусный изобразитель неодушевленныхъ предметовъ—въ этомъ одно изъ несомнѣнныхъ качествъ его поэзіи. Очень красиво, напр., въ своей простотѣ стихотвореніе подъ заглавіемъ „Столовая"—описаніе старой мебели, какъ бы хранящей отзвуки жизни предковъ, нѣкогда сидѣвшихъ въ той же комнатѣ, старыхъ разбитыхъ часовъ, остановившихся навсегда, какъ замолкаетъ навѣки голосъ умершаго человѣка. Стихотвореніе заканчивается очень граціозно переходомъ къ дѣйствительности. Люди не подозрѣваютъ о томъ, что все полно жизни въ комнатѣ, обставленной старинной мебелью: „У меня бывало много людей, мужчинъ и женщинъ, которые не вѣрятъ въ души предметовъ. И я улыбаюсь, когда меня считаютъ единственно живымъ въ комнатѣ, и когда посѣтитель, входя въ комнату, обращается ко мнѣ одному со словами: „Какъ поживаете, г. Жаммъ?"

Другой изъ прославленныхъ поэтовъ молодой школы, Густавъ Канъ (Gustave Kahn), не представляетъ большого интереса. Его „Palais Nomades", съ пышными описаніями фантастическихъ обиталищъ, большею частью риторичны и внутренно несодержательны. Но онъ разработалъ съ большимъ искусствомъ вольный стихъ и содѣйствовалъ техническому совершенствованію новой французской поэзіи. Это, ко-

нечно, заслуга съ національной точки зрѣнія—но для обще-европейской литературы онъ не представляетъ самостоятельнаго интереса.

Кромѣ названныхъ нами поэтовъ, въ сборникѣ разобраны еще множество другихъ, менѣе значительныхъ, и по приведеннымъ образцамъ можно получить ясное представленіе о характерѣ новѣйшей французской поэзіи, о несомнѣнныхъ ея достоинствахъ, на которыя мы выше указали: возрожденіе чувства природы, искреннее религіозное настроеніе и обогащеніе поэзіи новыми формами свободнаго стиха. Можно также усмотрѣть въ нихъ тѣ крайности, въ которыя впадаютъ послѣдователи новой школы,—часто встрѣчающуюся манерность и внѣшнюю виртуозность въ ущербъ внутренней содержательности.

II.

Amalie Skram. Nachwuchs. Roman (aus dem Norwegischen von M. Mann). 1901. Стр. 504.

Амалія Скрамъ—одна изъ выдающихся представительницъ натуралистической школы Скандинавіи. Въ изображеніе дѣйствительности она вноситъ чрезвычайную смѣлость, доходящую иногда до цинизма. Въ настоящее время уже миновала блестящая пора натурализма въ Европѣ, и большинство лучшихъ романистовъ перестаютъ увлекаться передачей исключительно одной только фактической стороны жизни, а стремятся къ обобщеніямъ и выводамъ; поэтому манера Амаліи Скрамъ кажется нѣсколько устарѣлой. Основная нота ея произведеній—мрачный пессимизмъ, усматривающій въ явленіяхъ только ихъ печальную сторону. Жизнь представляется ей сплетеніемъ пошлости, уродства и пороковъ, а удѣломъ всѣхъ чистыхъ, тяготѣющихъ къ добру душъ она считаетъ безъисходныя страданія и гибель. Какъ большинство пессимистовъ,—за исключеніемъ, быть можетъ, только Флобера и отчасти Гонкуровъ,—она не доискивается смысла, не ищетъ примиренія съ дѣйствительностью, со всѣми ея печалями, во имя какого-нибудь высшаго начала; она только обличаетъ, рисуетъ то, что̀ есть, безъ всякихъ идеаловъ и даже безъ оттѣнка скорби, которая свойственна всѣмъ искателямъ священнаго и прекраснаго. Она не стремится къ тому, чтобы жизнь людей стала болѣе достойной назначенія человѣка; она лишь хорошо изучила дѣйствительность, не только не закрывая глазъ, а, напротивъ того, ярко подмѣчая все, что̀ усугубляетъ тяжесть и зло жизни.

Но въ предѣлахъ натуралистическаго творчества Амалія Скрамъ обнаруживаетъ несомнѣнный талантъ. Она съ большой выпуклостью

изображаетъ пошлыхъ и мелкихъ людей, черствыхъ себялюбцевъ, а въ особенности людей, обреченныхъ и быть несчастными, и творить горе вокругъ себя. Надъ героями Амаліи Скрамъ тяготѣетъ какой-то рокъ. Они терзаютъ близкихъ имъ людей, и сами становятся жертвами своей неуживчивости, неспособности къ труду и порочности. Ихъ душитъ внутренняя злоба, они сварливы и жестоки, но при этомъ они сами не только не торжествуютъ, подчиняя себѣ другихъ,—какъ это бываетъ съ сильными и увѣренными въ себѣ эгоистами,—а напротивъ того, постоянно раскаиваются, терзаются и погибаютъ. Безъисходная атмосфера страданій наполняетъ всѣ произведенія Скрамъ: и жертвы, и палачи одинаково несчастны. Романистка отрицаетъ въ человѣкѣ волю, возможность измѣняться и дѣлать жизнь болѣе свѣтлой, напрягая для этого всѣ душевныя силы. Она признаетъ только судьбу, мрачную и безпощадную владычицу надъ людьми, которая обрекаетъ на страданія и уродство чередующіяся поколѣнія, дѣтей послѣ родителей. Рисуя семейную жизнь, Амалія Скрамъ не думаетъ, чтобы урокъ, преподанный примѣромъ семейныхъ раздоровъ въ родительскомъ домѣ, послужилъ на пользу дѣтямъ. Они осуждаютъ, даже ненавидятъ родителей, но затѣмъ сами, въ силу роковыхъ обстоятельствъ, выходятъ замужъ и женятся безъ любви, съ горечью въ душѣ, создавая опять такія же семьи, какъ ихъ родительская семья; или же, и не вступая въ бракъ, они погибаютъ отъ тѣхъ же пороковъ, которые ихъ возмущали въ родителяхъ.

Большинство романовъ Амаліи Скрамъ построены на изображеніи семьи и семейныхъ раздоровъ. Названная романистка принадлежитъ къ числу тѣхъ, которыя подняли въ Скандинавіи женскій вопросъ, заговорили о ненормальномъ положеніи женщины въ семьѣ, о томъ, что на ея долю выпадаютъ наибольшія семейныя тяжести, и что легкомысліе, лѣнь и неспособность отца семейства тяжелѣе всего отзывается на женщинѣ; какъ жена и мать, она лишена возможности заработывать, и потому зависитъ отъ заработка мужа, и должна совершать чудеса, чтобы управлять домомъ и ростить дѣтей, когда мужъ не является для нея поддержкой. Въ борьбѣ съ нищетой и горемъ характеръ матери ожесточается; она перестаетъ быть любящей и заботливой матерью, а становится несчастьемъ для дѣтей и для мужа, на которомъ вымещаетъ причиненныя имъ же страданія. Получается какой-то безъисходный кругъ. Молодая дѣвушка, красивая и веселая, выходитъ замужъ, ожидая счастья и удовлетворенія въ совмѣстной жизни съ человѣкомъ, который ей нравится. Но будничныя заботы все мѣняютъ. Первоначальнымъ виновникомъ является мужчина, недостаточно заботящійся о семьѣ. Но непосредственнымъ источникомъ семейныхъ раздоровъ все-таки становится женщина, озлоб-

ленная, потерявшая чувство достоинства, терзающая мужа и дѣтей. Женщины Амаліи Скрамъ крайне непривлекательны, но вмѣстѣ съ тѣмъ и жалки. Романистка не идеализируетъ женщину, а только доказываетъ, что первоначальный виновникъ семейнаго горя—мужчина. Въ этомъ духѣ написаны всѣ произведенія Амаліи Скрамъ, ея маленькіе разсказы и большіе романы. Одна изъ самыхъ мрачныхъ ея повѣстей носитъ въ нѣмецкомъ переводѣ заглавіе: „Verrathen“ („Выдалъ себя“). Причиной семейнаго раздора, приводящаго мужа къ самоубійству, является въ этой повѣсти излишняя откровенность героя. Онъ любитъ свою молодую жену, она любитъ его, но, подъ вліяніемъ истинно губительнаго для нея самой любопытства, она выпытываетъ у него секреты его холостой жизни. Онъ чистосердечно сознается ей въ прежнихъ увлеченіяхъ и, увлекаясь, разсказываетъ ей въ подробности свои прежнія любовныя приключенія. Измученная этимъ признаніемъ, она не можетъ забыть его разсказовъ, начинаетъ ревновать его къ прошлому, и жизнь превращается въ сплошную муку. Виновата жена, неспособная ни забыть, ни простить непоправимаго прошлаго; она становится настоящимъ палачомъ въ своей жестокой мстительности, въ своихъ мелочныхъ придиркахъ, доводящихъ совмѣстную жизнь супруговъ до трагической развязки; но, конечно, она же и первая жертва своей непримиримости—такъ что, въ концѣ концовъ, страданія уравновѣшиваются съ обѣихъ сторонъ и виновницей является только судьба. Но въ повѣсти проявляется все-таки нѣкоторый феминизмъ, проводится мысль о неравноправности мужчины и женщины: дѣвушка съ чистымъ прошлымъ выходитъ замужъ за человѣка, который даже и не видитъ ничего преступнаго въ грѣхахъ своей холостой жизни. Въ маленькихъ разсказахъ Амаліи Скрамъ тоже большею частью изображены раздоры семейной жизни; первоначальнымъ виновникомъ является мужъ, а непосредственной причиной несчастія—мелочной, сварливый и озлобленный нравъ женщины.

Въ новомъ своемъ романѣ, только-что появившемся въ нѣмецкомъ переводѣ Матильды Манъ, рисуется мрачная эпопея семейной жизни въ нѣсколькихъ несчастныхъ, каждая по своему, семьяхъ. Основная тема романа—отношенія родителей, въ особенности матерей, къ дѣтямъ. Авторъ рисуетъ извращеніе материнскаго чувства подъ вліяніемъ разныхъ жизненныхъ обстоятельствъ. Интересъ романа не въ этомъ основномъ сюжетѣ, такъ какъ никакого новаго освѣщенія достаточно разработанному вопросу авторъ не даетъ. Но самое изображеніе жизни чрезвычайно сильно и ярко. Психологія дѣтей, выростающихъ въ тяжелыхъ семейныхъ условіяхъ, подъ гнетомъ нищеты и раздоровъ, среди вѣчныхъ домашнихъ дракъ, передана съ захватывающей силой. Романъ изобилуетъ характерными подробностями, воз-

создающими дѣйствительность съ полной правдоподобностью. Нѣсколько семей, обрисованныхъ въ романѣ, разбиваются отъ различныхъ причинъ—но важно, что всѣ онѣ разбиваются, и что различныя причины несчастій изображены съ одинаковой убѣдительностью для читателя. Никакого сильнаго драматическаго дѣйствія въ романѣ нѣтъ. Въ немъ изображено однообразное теченіе сѣрой будничной жизни; дѣти растутъ, ходятъ въ школу, страдаютъ отъ униженій въ средѣ товарищей, отъ колотушекъ дома, и сначала сносятъ это съ беззаботностью и забывчивостью дѣтскаго возраста, потомъ все болѣе озлобляются, ненавидятъ мать, жалѣютъ отца, хотя, въ сущности, сознаютъ, что и отецъ, и мать одинаково виновны и одинаково несчастны,—затѣмъ начинаютъ жить собственными интересами, причемъ поддаются наслѣдственнымъ порокамъ. Заглавіе романа означаетъ по-русски—„Послѣдыши“, т.-е., другими словами, „отцы и дѣти“, причемъ авторъ въ своемъ пессимизмѣ хочетъ показать безъисходность зла, тяготѣющаго надъ современной семьей; дѣти не уходятъ впередъ сравнительно съ родителями, и смѣна поколѣній не обозначаетъ поворота къ лучшему; если же среди дѣтей есть чистыя и благородныя существа, то ихъ судьба тѣмъ болѣе печальна.

Въ центрѣ романа стоитъ семья мелкаго торговца Мира, плутоватаго и лѣниваго неудачника, который затѣваетъ разныя обширныя предпріятія, разоряется на нихъ, старается выпутаться мошенническими продѣлками, и въ концѣ концовъ попадаетъ подъ судъ за подлогъ векселя, и умираетъ въ тюрьмѣ. Онъ увѣренъ, что источникъ его несчастія—жена. Онъ ее уважаетъ за энергію, за умѣнье справляться съ домомъ и потребностями многочисленныхъ дѣтей при полномъ отсутствіи средствъ, за ея расторопность и практическій умъ, но онъ не выноситъ ея тяжелаго, сварливаго нрава. Въ домѣ—постоянныя драки. Мать колотитъ дѣтей, колотитъ мужа, который большею частью покоряется своей участи, признаетъ справедливость попрековъ жены, и только въ самыхъ крайнихъ случаяхъ выходитъ изъ себя, въ свою очередь наноситъ побои женѣ, и затѣмъ надолго исчезаетъ изъ дому и запирается въ своей лавкѣ, ночуя на полу между бочками съ масломъ и селедками. Ужасъ семейной жизни переданъ чрезвычайно реально, съ изобиліемъ характерныхъ подробностей, въ родѣ того, напр., какъ, среди супружескихъ сценъ и ругани старшихъ, маленькія дѣти возятся въ своемъ углу, выдумывая разныя игры и призывая старшихъ брата и сестру для разрѣшенія спорныхъ вопросовъ игры. Старшія дѣти, Северинъ и Софія—жертвы этой обстановки; жизнь готовитъ ихъ къ тому, чтобы стать продолжателями той же злосчастной жизни, которая погубила ихъ родителей. Северинъ наслѣдовалъ отъ отца непреодолимый инстинктъ плутовства. Онъ въ школѣ учится хо-

рошо, но только потому безошибочно дѣлаетъ свои письменныя работы, что украдкой списываетъ ихъ съ забытой учителемъ книги. Его самолюбіе часто страдаетъ отъ пренебрежительнаго отношенія товарищей, и онъ потомъ съ болѣзненной нѣжностью привязывается къ одному изъ сверстниковъ, сыну богатаго консула, въ благодарность за его заступничество. Вся его молодость омрачена тяжелой домашней обстановкой, сознаніемъ, что онъ не имѣетъ права любить ту дѣвушку, которая ему нравится, потому что она—дочь богатыхъ родителей; всѣ его усилія направлены на то, чтобы отказаться отъ личныхъ радостей и только составить себѣ карьеру, удовлетворяющую его самолюбію. Онъ уже въ молодости относится къ людямъ подозрительно и презрительно, дурно обращается съ преданной ему сестрой, и уже попавъ въ университетъ, онъ гибнетъ жертвой наслѣдственныхъ пороковъ. Онъ приходитъ къ заболѣвшему другу, сыну консула, видитъ у него на столѣ денежный пакетъ, и, пользуясь сномъ больного, кладетъ деньги себѣ въ карманъ. Кража тутъ же обнаруживается, и хотя другъ Северина дѣлаетъ все возможное, чтобы заставить его забыть свой поступокъ, тотъ не можетъ пережить позора и вѣшается. Судьба Софіи тоже печальна. Хорошенькая дѣвушка еще болѣе чувствуетъ несоотвѣтствіе своей жизни съ тѣмъ, чего она считаетъ себя достойной. Дома ее преслѣдуютъ, и ея честная натура возмущается противъ окружающей грязи и пошлости. Она увлекается ухаживаніями красиваго офицера, отдается ему, нисколько не раскаиваясь въ своемъ поступкѣ, ища хотя искры счастья, такъ какъ знаетъ, что жизнь готовитъ ей только горе. Когда ея соблазнитель объявляетъ ей, что женится на богатой дочери консула, она безмолвно покоряется судьбѣ—и вскорѣ, чтобы спасти отца отъ разоренья, выходитъ замужъ за человѣка, который ей противенъ. Ея письмо къ матери, которымъ заканчивается романъ, завершаетъ повѣствованіе мрачнымъ аккордомъ, въ которомъ какъ бы предвѣщаются бѣдствія слѣдующаго поколѣнія.

Всѣ другія семьи въ романѣ столь же несчастны. Тетка Северина и Софіи, жена виноторговца Равена, губитъ свою семью грубостью своей легкомысленной, испорченной натуры. Домъ ея—притонъ темныхъ личностей; она, вмѣстѣ со своей наперсницей-служанкой, проводитъ вечера на балахъ самаго низкаго разбора, а къ мужу относится съ полнымъ презрѣніемъ. Жертва этой семьи—чахлый и порочный сынъ, выростающій въ грязи, привыкшій съ дѣтства къ разнымъ непристойнымъ зрѣлищамъ. Слабовольный Равенъ напрасно пытается сбросить тягостное иго семьи; когда онъ, наконецъ, окончательно рѣшилъ развестись съ женою, съ нимъ случается несчастіе: его переѣхала карета, и онъ умираетъ отъ сотрясенія мозга. И въ этой семьѣ всѣ—жертвы, потому что жена Равена, виновница его несчастій, вполнѣ

сознаетъ свои пороки, кается въ нихъ, но не въ силахъ бороться противъ себя. Есть въ романѣ трогательный образъ молодой женщины, жены грубаго, не понимающаго ее человѣка. Онъ самодоволенъ, любитъ жену и не подозрѣваетъ, до чего онъ ей противенъ. Она же вѣрна долгу, видитъ свое призваніе въ томъ, чтобы имѣть много дѣтей, и этимъ оправдать свое безрадостное существованіе. Она нѣжно привязана къ влюбленному въ нее молодому племяннику, и только въ разговорахъ съ нимъ изливаетъ свою душу. Но ея удѣлъ—ранняя смерть послѣ неудачныхъ родовъ, и единственное, чѣмъ ознаменовалось ея вліяніе—это навсегда загубленная жизнь ея племянника, который не въ состояніи примириться съ утратой любимой женщины. Есть въ романѣ и счастливая семья—консула Смита, который безконечно любитъ свою жену и любимъ ею. Но ихъ жизнь тоже омрачена болѣзнью, смертью любимаго ребенка и воспоминаніями о проступкахъ и мужа, и жены въ молодости. Въ общемъ получается впечатлѣніе полной безъисходности существованія, насколько оно связано съ семьей. Выводовъ Амалія Скрамъ не дѣлаетъ; она не говоритъ о томъ, какъ должны были бы жить люди, для того, чтобы жизнь стала сносной...—З. В.

ИЗЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ХРОНИКИ.

1 апрѣля 1901.

Прожектерство реакціонной печати. — Нужна ли централизація высшаго образованія?—Нужны ли мѣры противъ переполненія университетовъ и существуетъ ли такое переполненіе?—Смѣсь правды и неправды въ „Гражданинѣ“. — Еще о московскомъ съѣздѣ дѣятелей по народному образованію. — Сложеніе предостереженій.—Значеніе провинціальной печати.—Ходатайство старообрядцевъ.

Было время, когда важнѣйшіе вопросы государственной и общественной жизни оставались безусловно недоступными для періодической печати. Молчаніе было одинаково обязательно для всѣхъ ея органовъ; они всѣ могли только регистрировать факты, признанные подлежащими оглашенію. Существовало, такимъ образомъ, своего рода равенство; не было мнѣній привилегированныхъ, потому что не было вообще публичнаго выраженія мнѣній. Теперь равенство нарушается довольно часто—и нарушается при самомъ дѣятельномъ участіи тѣхъ періодическихъ изданій, которымъ, въ данную минуту и по данному предмету, принадлежитъ нѣчто въ родѣ монополіи слова. Усердіе ихъ становится тѣмъ болѣе безпредѣльнымъ, чѣмъ больше ему слѣдовало бы быть сдержаннымъ. На ихъ страницахъ пестрѣютъ, точно высыпаемыя изъ рога изобилія, съ одной стороны обвиненія, которыхъ нельзя опровергать, съ другой—проекты, которымъ ничего нельзя противопоставить. Таковы, напримѣръ, безконечныя статьи „Московскихъ Вѣдомостей“, озаглавленныя: „Университетскій вопросъ“ и „Къ университетскому вопросу“. Оставляя безъ разбора все прямо касающееся „злобы дня“, остановимся только на тѣхъ измѣненіяхъ, которыя московская газета рекомендуетъ ввести въ устройствѣ нашихъ высшихъ учебныхъ заведеній. Ихъ всего четыре: 1) подчиненіе всѣхъ высшихъ научныхъ и техническихъ школъ — кромѣ духовныхъ и военныхъ — одному общему руководству; 2) пріемъ въ университеты лишь наиболѣе способныхъ къ серьезнымъ научнымъ занятіямъ молодыхъ людей, чтобы избѣжать теперешняго переполненія университетовъ; 3) организація на всѣхъ университетскихъ факультетахъ, начиная съ перваго же курса, такихъ научныхъ занятій, которыя требовали бы отъ студентовъ постоянной, серьезной работы; 4) превращеніе университетовъ въ спеціально научныя учрежденія, выдающія своимъ питомцамъ, по окончаніи ими курса, лишь ученыя степени, а не служебные чины и преимущества.

Подробная мотивировка перваго тезиса дана въ № 65 „Москов-

скихъ Вѣдомостей". „Наши высшія учебныя заведенія"—читаемъ мы здѣсь,—„принадлежа самымъ разнообразнымъ вѣдомствамъ, по одному этому не могутъ находиться въ томъ нормальномъ положеніи, въ которомъ они находятся въ западныхъ государствахъ. Тамъ высшія учебныя заведенія—кромѣ духовныхъ и военныхъ, преслѣдующихъ не только спеціально-образовательныя, но и спеціально-воспитательныя цѣли,—сосредоточены въ рукахъ министра народнаго просвѣщенія. Лишь у насъ въ Россіи, наряду съ истинно-воспитательными вѣдомствами, оперируютъ надъ умственнымъ и нравственнымъ развитіемъ юношества еще такія спеціальныя министерства, которыя никакого отношенія къ задачамъ воспитанія не имѣютъ... Это *коренное зло нашего высшаго образованія* остается безъ измѣненія, а потому по прежнему остается и неурядица въ нашихъ высшихъ школахъ. Въ критическія времена, jalousie de métier обостряется до такой степени, что начальство однихъ заведеній не только разрѣшаетъ, но и одобряетъ то, что начальство другихъ школъ запрещаетъ—а это, конечно, волнуетъ учащихся какъ въ тѣхъ, такъ и въ другихъ заведеніяхъ, и волненіе передается затѣмъ и въ третьи, и въ четвертыя, становясь, по мѣрѣ своего роста, все серьезнѣе и тревожнѣе. Возможны случаи, что, при возникшихъ волненіяхъ въ училищахъ одного вѣдомства, другое вѣдомство обѣщаетъ своимъ учащимся всякія льготы и поблажки, лишь бы они соблюдали спокойствіе, дабы общественное и правительственное недовольство пало исключительно на сосѣднее вѣдомство—и легко понять, до какой степени подобные манёвры могутъ деморализовать учащихся молодыхъ людей. Наконецъ, когда, подъ давленіемъ тревожныхъ обстоятельствъ, различныя вѣдомства сходятся, чтобы принять, для водворенія порядка во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ, какія-либо общія мѣры, то развѣ не мыслимо, что эти мѣры могутъ примѣняться въ различныхъ вѣдомствахъ различно, вселяя въ учащихся предположеніе, будто эти вѣдомства относятся къ означеннымъ мѣрамъ не съ одинаковымъ сочувствіемъ"?... „Отсутствіе единства въ управленіи высшими учебными заведеніями" — еще разъ повторяетъ газета — *„главная причина*, парализующая всѣ усилія нашихъ министровъ народнаго просвѣщенія".

Извращеніе перспективы—вотъ первый недостатокъ этой аргументаціи. На передній планъ выдвигается обстоятельство явно и несомнѣнно маловажное. Сосредоточеніе высшихъ учебныхъ заведеній въ одномъ вѣдомствѣ или распредѣленіе ихъ между нѣсколькими—вопросъ удобства, практической цѣлесообразности, но отнюдь не принципа. Искусственно раздувать его, приписывать ему серьезный, рѣшающій характеръ—значитъ впадать въ ошибку участниковъ крыловскаго квартета. Министерства—не государства въ государствѣ, не са-

мостоятельныя единицы, выбирающія, по собственному усмотрѣнію, и задачи, и способы ихъ осуществленія; они составляютъ часть одного цѣлаго, и систематическій разладъ между ними мыслимъ лишь какъ скоропреходящая случайность. Безспорно, въ деталяхъ образъ дѣйствій различныхъ вѣдомствъ бываетъ различенъ; но видѣть въ этомъ недостатокъ, подлежащій немедленному устраненію, могутъ только приверженцы мертвящаго однообразія. Оттѣнки, особенности, неизбѣжны вездѣ, гдѣ требованія жизни не приносятся въ жертву разъ навсегда установленному шаблону. Мнимое „соревнованіе вѣдомствъ“ (jalousie de métier), если присмотрѣться къ нему поближе, сводится именно къ стремленію принимать въ разсчетъ не только форму, но и содержаніе, не только нивеллирующую букву правила, но и смыслъ безконечно разнообразной дѣйствительности. Тяжкое обвиненіе, взводимое московской газетой на „соревнующія“ министерства, падаетъ, такимъ образомъ, само собою. Въ основаніи его лежитъ злобное предположеніе, что обѣщаніе „льготъ и поблажекъ“ имѣетъ цѣлью перенести всю тяжесть неудовольствія на „сосѣднее вѣдомство“. Чтобы оправдать это предположеніе, нужно было бы доказать, во-первыхъ, наличность *поблажекъ*, т.-е. явнаго и намѣреннаго нарушенія правилъ, во-вторыхъ—наличность *умысла*, направленнаго противъ сосѣда. Ничего подобнаго московскою газетой не доказано, да и не можетъ быть доказано. Нельзя считать поблажкой образъ дѣйствій, вытекающій изъ добросовѣстнаго пониманія правилъ; нельзя усматривать непріязнь къ сосѣду въ желаніи сохранить спокойствіе у себя дома. Что волненія распространялись именно тѣмъ путемъ, какой указываетъ московская газета—этого она точно также не подтвердила даже „началомъ доказательства“ (commencement de preuve)... Несостоятельны и тѣ доводы ея, которые касаются теоретической стороны вопроса. Она впадаетъ здѣсь, прежде всего, въ противорѣчіе сама съ собою: оправдавъ обособленность военныхъ и духовныхъ школъ [1]), какъ преслѣдующихъ „не только спеціально-образовательныя, но и спеціально-воспитательныя цѣли“ — признавъ, другими словами, что остальныя высшія школы спеціально-воспитательныхъ цѣлей не преслѣдуютъ,— она возражаетъ противъ выдѣленія высшихъ техническихъ школъ изъ сферы дѣйствій министерства народнаго просвѣщенія, какъ единственнаго, вмѣстѣ съ вѣдомствами духовнымъ и военнымъ, „истинно-воспитательнаго“ вѣдомства. *Воспитаніе* не входитъ и не можетъ входить въ задачи гражданской высшей школы; по отношенію къ ней министерство народнаго просвѣщенія столь же мало можетъ быть названо

[1]) Замѣтимъ, мимоходомъ, что въ Германіи министерство народнаго просвѣщенія завѣдуетъ и высшими духовными школами — богословскими факультетами университетовъ.

воспитательнымъ или истинно-воспитательнымъ, какъ и всякое другое. Конечно, высшее образованіе воспитываетъ молодыхъ людей, но только косвенно, а не прямо; ставить ему особыя воспитательныя задачи, значитъ скорѣе мѣшать, чѣмъ способствовать достиженію его главной, основной цѣли. Поставить *образованіе* на надлежащую высоту можетъ, слѣдовательно, всякое вѣдомство, сознающее его важность и необходимость—и чѣмъ спеціальнѣе данная отрасль образованія, тѣмъ вѣроятнѣе, что ее лучше всего организуетъ и поведетъ соотвѣтствующее спеціальное вѣдомство. Трудно представить себѣ, напримѣръ, что̀ могли бы выиграть отъ перехода въ вѣдомство министерства народнаго просвѣщенія политехническіе институты, горный институтъ или институтъ путей сообщенія.

Не меньше перваго несостоятельно и второе предложеніе „Московскихъ Вѣдомостей", формулированное такъ: „пріемъ въ университеты лишь наиболѣе способныхъ къ серьезнымъ научнымъ занятіямъ молодыхъ людей". Такими молодыми людьми московская газета считаетъ лучшихъ, по старшинству балловъ на выпускныхъ экзаменахъ, учениковъ гимназій. Отъ пріема въ университетъ лишь ихъ однихъ она ожидаетъ подъема не только для университетовъ, но и для гимназій: бездарные ученики, зная заранѣе, что высшія научныя занятія для нихъ совершенно недоступны, не обременяли бы гимназіи своимъ присутствіемъ и избирали бы себѣ другія карьеры, соотвѣтствующія ихъ способностямъ. Въ основаніи этой аргументаціи лежитъ цѣлый рядъ явно фальшивыхъ предположеній. Невѣрно, во-первыхъ, что слабые успѣхи въ гимназіи—синонимъ неспособности къ высшимъ научнымъ занятіямъ: невѣрно какъ потому, что между гимназическимъ курсомъ и высшими научными занятіями слишкомъ мало общаго, такъ и потому, что считаться отличнымъ или даже просто хорошимъ ученикомъ можетъ только успѣвающій болѣе или менѣе одинаково во всѣхъ предметахъ гимназическаго курса, а для „высшихъ научныхъ занятій" достаточно призванія и любви къ *одной* отрасли знанія. Доказывать эту истину было бы излишне: что выдающіяся способности, напримѣръ, къ математикѣ могутъ идти рука объ руку съ полнѣйшимъ недостаткомъ интереса и воспріимчивости къ древнимъ языкамъ (и наоборотъ)—этого не признаютъ только тѣ, кто *не хочетъ* видѣть очевидное. Невѣрно, во-вторыхъ, что баллы, полученные на выпускныхъ экзаменахъ, служатъ вѣрнымъ выраженіемъ способности къ „высшимъ научнымъ занятіямъ" или даже степени трудолюбія; всѣмъ извѣстно, какую роль играетъ здѣсь случай, какъ много зависитъ отъ темперамента, настроенія, состоянія здоровья экзаменующихся, а иногда—и экзаменаторовъ. Невѣрно, въ-третьихъ, что принятіе системы, рекомендуемой московскою газетой,

избавило бы гимназіи отъ бездарныхъ учениковъ. Человѣку свойственно—spregare, даже contra spem: слабые успѣхи въ низшихъ и среднихъ классахъ, разъ что они не препятствуютъ переходу изъ класса въ классъ, не лишаютъ ученика—или его родителей—надежды на успѣшное окончаніе курса. И дѣйствительно, бывшіе послѣдними въ началѣ гимназическаго ученья сплошь и рядомъ становятся первыми въ концѣ; это—превращеніе столь же обыкновенное, какъ и превращеніе гимназическихъ „лѣнтяевъ“ въ трудолюбивыхъ студентовъ... Задача правильно поставленнаго общаго средняго образованія заключается именно въ томъ, чтобы сдѣлать *всѣхъ*, его окончившихъ, способными къ переходу въ высшія учебныя заведенія; только тамъ можетъ совершиться окончательная ихъ разборка, только тамъ можетъ обнаружиться, у кого изъ нихъ не хватаетъ силъ для усвоенія высшихъ научныхъ знаній. Всякая попытка перенести рѣшительный моментъ ко времени выхода изъ средней школы и поставить рѣшеніе въ зависимость отъ чисто внѣшнихъ формальныхъ признаковъ—неминуемо должна причинить невознаградимый вредъ обществу и государству, закрывъ доступъ къ высшему образованію для множества лицъ, вполнѣ способныхъ воспринять его блага... Предлагаемое московской газетой ограниченіе пріема въ университеты является, впрочемъ, не столько средствомъ поднять умственный уровень студентовъ, сколько средствомъ уменьшить ихъ число. Эта послѣдняя цѣль можетъ казаться заманчивой только тѣмъ, въ чьихъ глазахъ широкое распространеніе высшаго образованія—или безспорное зло, или благо весьма сомнительнаго свойства. Если и допустить, вопреки дѣйствительности, причинную связь между многочисленностью студентовъ и студенческими безпорядками, то логическій выводъ отсюда можетъ быть только одинъ: число университетовъ и другихъ высшихъ учебныхъ заведеній должно быть увеличено настолько, чтобы можно было избѣжать чрезмѣрнаго переполненія каждаго изъ нихъ... Кстати о переполненіи: „Русскія Вѣдомости“, возражая „Московскимъ Вѣдомостямъ“, даютъ по этому предмету весьма любопытную справку. Наиболѣе „переполненный“ изъ нашихъ университетовъ—московскій—далеко уступаетъ, по числу студентовъ, Парижу (11.100 студ.). Берлину (9.700), Вѣнѣ (7.025), Мадриду (6.200), Неаполю (5.100) и стоитъ, приблизительно, на одномъ уровнѣ съ Пештомъ (4.400). Въ мюнхенскомъ университетѣ больше студентовъ, чѣмъ въ петербургскомъ, а въ аѳинскомъ и лейпцигскомъ—почти столько же. Харьковскій университетъ занимаетъ, по числу студентовъ, 47-ое мѣсто, юрьевскій—69-ое, варшавскій—82-ое, казанскій—102-ое. Можно ли, затѣмъ, говорить о слишкомъ большомъ числѣ студентовъ въ русскихъ уни-

верситетахъ и приписывать ему прискорбныя явленія послѣдняго времени?..

Третій и четвертый пункты программы „Московскихъ Вѣдомостей“ — лучшая организація практическихъ занятій и уничтоженіе служебныхъ правъ и преимуществъ, сопряженныхъ теперь съ окончаніемъ курса въ университетѣ—не возбуждаютъ, сами по себѣ, никакихъ возраженій; не слѣдуетъ только искусственно связывать ихъ съ вопросомъ о прекращеніи студенческихъ безпорядковъ. Успѣхъ нововведенія, въ чемъ бы оно ни заключалось, всегда зависитъ отъ его исходной точки и конечной цѣли. Далеко не одно и то же—организовать практическія занятія студентовъ исключительно въ видахъ наилучшаго усвоенія ими научныхъ знаній, или въ видахъ отвлеченія ихъ отъ агитаціонныхъ стремленій. Въ первомъ случаѣ вниманіе организаторовъ можетъ быть обращено всецѣло на правильное устройство занятій, на полнѣйшее соотвѣтствіе ихъ требованіямъ науки; во второмъ случаѣ легко могутъ взять верхъ побочные разсчеты—и вмѣстѣ съ тѣмъ растетъ рискъ уклоненія отъ главной задачи, въ смыслѣ, напримѣръ, чрезмѣрнаго увеличенія и усложненія труда, возлагаемаго на студентовъ. Кто-то изъ французскихъ политическихъ дѣятелей назвалъ работу уздою (le travail est un frein); но онъ забылъ прибавить, что работа, разсматриваемая какъ узда, перестаетъ быть привлекательной—и теряетъ бо̀льшую часть своего нравственнаго значенія... Что касается до уничтоженія служебныхъ преимуществъ, связанныхъ съ окончаніемъ курса въ высшей школѣ, то и оно должно имѣть характеръ общей государственной мѣры, вызванной интересами службы и образованія, а отнюдь не охранительно-полицейскими соображеніями. Едва ли, притомъ, послѣдствіемъ отмѣны служебныхъ преимуществъ было бы уменьшеніе числа студентовъ, столь пламенно желаемое газетными реакціонерами. Признавая, что для вступленія на государственную службу необходимъ образовательный цензъ, „Московскія Вѣдомости“ полагаютъ, что онъ долженъ быть установленъ особо для каждаго вѣдомства и констатируемъ государственнымъ экзаменомъ, а способъ пріобрѣтенія требуемыхъ свѣдѣній—предоставленъ усмотрѣнію каждаго экзаменующагося: онъ можетъ пріобрѣсти ихъ „либо домашнимъ трудомъ, либо въ частныхъ высшихъ школахъ, либо, наконецъ, въ правительственныхъ высшихъ научныхъ или техническихъ учрежденіяхъ“. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что на практикѣ почти единственнымъ способомъ подготовки къ экзамену оказался бы послѣдній. Частныхъ высшихъ школъ у насъ нѣтъ, и едва ли можно ожидать ихъ появленія въ ближайшемъ будущемъ, еслибы даже оно и не встрѣтило оффиціальныхъ препятствій; домашняя подготовка къ экзамену чрезвычайно трудна и доступна лишь для немногихъ. Скажемъ болѣе:

въ интересахъ государственной службы (т.-е. тѣхъ отраслей ея, которыя требуютъ высшаго образованія) далеко не безразлично, гдѣ и какъ кандидатъ на должность подготовился къ государственному экзамену. Не даромъ же въ Германіи отъ экзаменующихся требуется извѣстное число семестровъ, проведенныхъ въ университетѣ. Свѣдѣнія, схваченныя спѣшно, полу-механически, безъ опытнаго руководства, имѣютъ гораздо низшую цѣнность, чѣмъ свѣдѣнія, пріобрѣтенныя въ хорошо организованной высшей школѣ (мы говоримъ, конечно, объ общемъ правилѣ, а не объ исключеніяхъ, всегда возможныхъ). Для того, чтобы реформа государственной службы могла привести у насъ къ желанной цѣли, необходимо сохранить за высшими учебными заведеніями значеніе ступени, черезъ которую обязательно должны пройти будущія должностныя лица. Такую же роль высшія школы должны играть и по отношенію къ профессіямъ, для которыхъ, кромѣ знаній, требуется еще умѣнье. Совершенно очевидно, что отъ медика, инженера, техника нельзя требовать *только* удовлетворительныхъ устныхъ отвѣтовъ на экзаменѣ; необходимо убѣдиться въ ихъ практической подготовкѣ къ дѣятельности—а такую подготовку, въ настоящее время, можетъ дать только высшая правительственная школа.

Черствость, односторонность, узкость взгляда — этими чертами, и только ими, характеризуется все сказанное по университетскому вопросу въ московской реакціонной газетѣ. Отъ ея безсердечныхъ и натянутыхъ разсужденій отрадно перейти даже къ безсвязнымъ изліяніямъ „Гражданина“, въ которыхъ звучитъ, по временамъ, искреннее чувство. „Графъ (Дм. А.) Толстой“—читаемъ мы въ дневникѣ кн. Мещерскаго—„создалъ искусственно и мертво классическую восьми-классную гимназію, основанную на раннемъ разобщеніи съ русскою жизнью въ ея прошедшемъ и въ ея настоящемъ, какъ фабрику, гдѣ сушеніе мозга было признано средствомъ подготовленія къ университетскому образованію, и 15 почти лѣтъ эта средняя школа готовила тупицъ и сухарей для университетскихъ аудиторій. Затѣмъ, графъ Деляновъ веселымъ добродушіемъ замѣнилъ угрюмую суровость завѣтовъ гр. Толстого, но процесса духовнаго омертвѣнія и растлѣнія учащейся молодежи не остановилъ. Бѣдный Боголѣповъ вступилъ изъ тихой пристани своего университетскаго кабинета въ бушующій и безбрежный океанъ всей гражданской школы и, изъ подначальнаго лица превратившись въ командира судна, два года бродилъ нерѣшительный и растерянный на своемъ командирскомъ помостѣ, не зная, съ чего начать: съ измѣненій въ несчастной гимназіи снизу, или съ университетскихъ безпорядковъ сверху. И вотъ, въ этомъ безъисходномъ состояніи стоитъ передъ нами наша гражданская школа“. Эта харак-

теристика не лишена ни правдивости, ни силы. За нею слѣдуютъ слова, съ которыми можно согласиться только потому, что они допускаютъ множество самыхъ различныхъ толкованій: „ее (т.-е. школу), а съ нею Россію можетъ спасти только перестройка всего зданія, начиная съ фундамента, не спѣша и постепенно". Что редакторъ „Гражданина" представляетъ себѣ перестройку школьнаго зданія въ формѣ мало симпатичной для большинства русскаго общества—въ этомъ служитъ порукой не только все прошедшее газеты, но и тотъ самый дневникъ, изъ котораго мы взяли вышеприведенныя цитаты. Стараясь доказать, что „нѣтъ той трудной задачи перерожденія въ области школы, съ которою нельзя было бы не справиться человѣку съ энергіею и съ живымъ пониманіемъ дѣла", авторъ дневника ссылается на примѣръ бывшаго военнаго министра, который, будто бы, „принялъ военную школу не менѣе гражданской въ эпоху либеральныхъ реформъ пострадавшею въ своихъ старыхъ завѣтахъ и преданіяхъ дисциплины"—и быстро „освободилъ ее отъ навѣянныхъ ей эпохою либерализма штатскихъ вольностей". Совершенно невѣрно, во-первыхъ, что въ военной школѣ временъ гр. Д. А. Милютина была поколеблена дисциплина и утрачены лучшіе военные завѣты: во время войны 1877—78 гг., молодые офицеры, прошедшіе черезъ военныя гимназіи, ни въ чемъ не оказались ниже своихъ старшихъ собратій, окончившихъ курсъ въ кадетскихъ корпусахъ. Возстановленіе кадетскихъ корпусовъ было, во-вторыхъ, простымъ возвратомъ къ прошедшему и именно потому не представляло никакихъ особенныхъ затрудненій; облегчена была задача, въ добавокъ, и тѣмъ, что ничего не понадобилось измѣнить въ устройствѣ военныхъ училищъ. Что же, затѣмъ, общаго между положеніемъ *спеціальнаго* военнаго воспитанія, какимъ засталъ его, въ 1881 г., вновь назначенный тогда военный министръ, и положеніемъ высшаго „штатскаго" образованія, какимъ застанетъ его будущій министръ народнаго просвѣщенія? О простомъ поворотѣ назадъ здѣсь нельзя и думать уже потому, что въ прошломъ нѣтъ яснаго образца, подражаніемъ которому могла бы ограничиться реформа. Слишкомъ затруднителенъ былъ бы выборъ между различными фазисами, пережитыми школой — затруднителенъ какъ потому, что ихъ много, такъ, еще болѣе, потому, что помянутъ *только* добромъ ни одинъ изъ нихъ никѣмъ быть не можетъ. Необходима, поэтому, не реставрація въ родѣ той, которая, двадцать лѣтъ тому назадъ, была совершена въ военномъ вѣдомствѣ; необходимо *творчество*, какъ въ области средняго, такъ и въ области высшаго образованія. Съ одними „преданіями" здѣсь не подѣлаешь ничего; ихъ или нѣтъ вовсе, или въ нихъ слишкомъ мало симпатичнаго. Уваровская гимназія была хороша въ свое время, но никого вполнѣ не

удовлетворила бы теперь; головнинская гимназія едва успѣла вступить въ жизнь и прошла безслѣдно; за гимназію гр. Толстого, въ ея первоначальномъ видѣ, стоитъ только небольшая группа педантовъ или изувѣровъ; гимназія гр. Делянова—нѣчто безформенное, нестройное, пестрое, ein Zwitterding, какъ говорятъ нѣмцы. Университетскій уставъ 1884-го года едва ли насчитываетъ много защитниковъ—но и при дѣйствіи устава 1863-го года университетамъ приходилось переживать тяжелыя минуты. Прибавимъ къ этому новыя задачи, выдвигаемыя потребностями техническаго образованія—и мы окончательно убѣдимся въ томъ, что для параллели, проводимой „Гражданиномъ", нѣтъ и не можетъ быть никакихъ реальныхъ основаній. Не только у насъ въ Россіи, но и вездѣ спеціальное военное образованіе сравнительно легко укладывается въ опредѣленныя, прочныя рамки, сравнительно мало поддается вліяніямъ новыхъ общественныхъ теченій, съ которыми должна считаться высшая гражданская школа. Бо̀льшей ошибки, чѣмъ примѣненіе къ послѣдней понятій и взглядовъ, выработанныхъ военной школой, нельзя, поэтому, себѣ и представить. Гораздо нормальнѣе, наоборотъ, внесеніе въ школу, военную по вѣдомству, но гражданскую по характеру и назначенію,—пріемовъ, не заключающихъ въ себѣ ничего военнаго. Что оно возможно—объ этомъ свидѣтельствуетъ примѣръ петербургской военно-медицинской академіи, подчиненной, какъ извѣстно, военному министру. По словамъ „Правительственнаго Вѣстника", „съ 1900-го года въ академіи учреждены курсовыя совѣщанія между профессорами и студентами, въ видахъ установленія тѣснѣйшей связи хода преподаванія съ нуждами обучающихся и съ цѣлью быстрой, своевременной передачи конференціи справедливыхъ желаній студентовъ, насколько эти желанія касаются учебной части. Изъ числа преподающихъ на данномъ курсѣ профессоровъ конференція назначаетъ въ эти совѣщанія по три человѣка, къ которымъ студенты этого курса выбираютъ изъ своей среды шесть уполномоченныхъ. Собранія созываются по мѣрѣ надобности какъ по желанію профессоровъ, такъ и студентовъ, и считаются состоявшимися въ присутствіи не менѣе двухъ профессоровъ и четырехъ студентовъ. Выработанныя на совѣщаніи положенія голосуются студентами, участвующими въ собраніи, причемъ публичность совѣщанія исключена. Вопросы, обсуждаемые въ совѣщаніи, и принятыя предложенія или желанія докладываются затѣмъ профессорами, участвовавшими въ совѣщаніи, конференціи. Для обсужденія вопросовъ, интересующихъ всѣ курсы, разрѣшено, въ случаѣ надобности, собирать общія совѣщанія, на которыхъ присутствуютъ профессоры и студенты-представители всѣхъ курсовыхъ совѣщаній". Эти совѣщанія составляютъ только часть системы, которой уже нѣсколько

лѣтъ сряду держится начальство военно-медицинской академіи. Способствовала ли она или противодѣйствовала безпорядкамъ среди студентовъ-медиковъ—это обнаружится тогда, когда сдѣлается возможной исторія студенческихъ волненій 1899-го и 1901-го гг.

Наше внутреннее обозрѣніе было уже сдано въ печать, когда въ газетахъ появились дополнительныя свѣдѣнія о постановленіяхъ московскаго съѣзда дѣятелей по народному образованію. Они подтверждаютъ заключеніе, выведенное нами изъ первыхъ постановленій съѣзда; съ бо́льшею еще увѣренностью мы можемъ повторить, что онъ потрудился не даромъ (если только сдѣланное имъ не будетъ оставлено безъ вниманія министерствомъ народнаго просвѣщенія). Извѣстно, сколько затрудненій испытываетъ начальная школа въ пріисканіи законоучителей, вслѣдствіе запрещенія свѣтскимъ лицамъ (за немногими исключеніями) преподавать законъ Божій; съѣздъ высказался не только за утвержденіе безприходныхъ священниковъ въ качествѣ законоучителей, но и за устройство особыхъ курсовъ закона Божія для свѣтскихъ лицъ—кандидатовъ въ преподаватели этого предмета. Большой преградой на пути развитія народнаго образованія является программа, устанавливающая крайніе предѣлы курса начальной школы; съѣздъ нашелъ, что такая программа ненужна, увеличеніе развитія и познаній учениковъ начальной школы весьма желательно и опредѣленію подлежитъ только *минимумъ* свѣдѣній, которыя должна давать начальная школа. Въ настоящее время переходъ изъ начальной школы въ другую, высшаго типа, затрудненъ несогласованностью ихъ программъ; съѣздъ подалъ голосъ за устраненіе этого неудобства. По дѣйствующимъ правиламъ объ учительскихъ съѣздахъ, программа съѣзда составляется инспекторомъ народныхъ училищъ и голосованіе вопросовъ, обсуждавшихся на съѣздѣ, не производится; московскій съѣздъ выразилъ желаніе, чтобы программа составлялась училищнымъ совѣтомъ, совмѣстно съ инспекторомъ, и чтобы пренія заканчивались голосованіемъ, такъ какъ только этимъ путемъ можно выяснить мнѣніе членовъ съѣзда, не принимавшихъ участія въ преніяхъ. Все это—нѣчто гораздо бо́льшее чѣмъ „напрасная болтовня“, которою, по мнѣнію „Недѣли“ (№ 11), только и занимался московскій съѣздъ. Если онъ не затронулъ многихъ вопросовъ, существенно важныхъ для будущности начальной школы (напр. увеличенія средствъ, которыми она располагаетъ), если онъ остался на почвѣ положенія 25-го мая 1874-го года, то это объясняется съ одной стороны его программой, съ другой—его составомъ. Нельзя, наконецъ, забывать и того, что въ моментъ созыва съѣзда дѣлу начальнаго образованія угрожалъ ходъ назадъ, при

которомъ пришлось бы пожалѣть и о положеніи 1874-го года. Нѣкоторой заслугой со стороны съѣзда была бы даже простая поддержка status quo—а мы видѣли, что онъ пошелъ дальше и намѣтилъ нѣсколько шаговъ впередъ, конечно недостаточныхъ, но все же не совсѣмъ маловажныхъ... До какой степени желательны, напримѣръ, тѣ частичныя улучшенія въ области внѣ-школьнаго образованія, за которыя высказался съѣздъ — объ этомъ можно судить по слѣдующему факту, оглашенному въ „Нижегородскомъ Листкѣ“: директоръ народныхъ училищъ нижегородской губерніи сообщилъ нижегородской уѣздной земской управѣ, что министерскими указаніями признано неудобнымъ возлагать отвѣтственное наблюденіе за народными чтеніями на лицъ женскаго пола. Вслѣдствіе этого директоръ просилъ управу въ представленіи на утвержденіе завѣдующихъ чтеніями учительницъ замѣнять учителями, законоучителями или другими лицами. Въ представленномъ губернатору уѣздной управой спискѣ завѣдующихъ народными чтеніями изъ 73 лицъ было 45 учительницъ, такъ какъ среди учительскаго персонала послѣднія вообще преобладаютъ (во всѣхъ школахъ уѣзда учительницъ 74, а учителей 52). Въ виду этого, замѣна столькихъ лицъ должна встрѣтить на практикѣ большія затрудненія, тѣмъ болѣе, что священники находятся только въ селахъ, другихъ же лицъ по учебному вѣдомству въ уѣздѣ не имѣется...

Мѣсяцъ тому назадъ, съ Высочайшаго разрѣшенія, министромъ внутреннихъ дѣлъ сложены предостереженія, данныя четыремъ газетамъ: „Гражданину“ (три, въ промежутокъ времени съ 1888 по 1896 г.), „Новому Времени“ (два, въ 1879 и 1880 гг.), „С.-Петербургскимъ Вѣдомостямъ“ (два, въ 1878 и 1890 гг.) и „Московскимъ Вѣдомостямъ“ (два, въ 1890 и 1892 гг.). Ни одной изъ этихъ газетъ, за исключеніемъ развѣ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей“, серьезною опасностью предостереженія не угрожали: еслибы надъ ними и разразилась буря, она была бы мимолетна и не имѣла бы разрушительныхъ послѣдствій. И все-таки имъ всѣмъ будетъ легче дышаться послѣ снятія предостереженій. Этого достаточно, чтобы мы раздѣлили ихъ радость. Каково бы ни было наше мнѣніе о названныхъ нами газетахъ, каковы бы ни были наши чувства по отношенію къ тремъ изъ нихъ, мы искренно желаемъ имъ возможно бо̀льшей свободы, потому что знаемъ, какъ она дорога для всякаго о̀ргана печати. Съ этой точки зрѣнія для насъ не существуетъ разницы между друзьями и врагами... Распоряженія г. министра внутреннихъ дѣлъ имѣютъ, въ нашихъ глазахъ, еще другое значеніе: они напоминаютъ, до какой степени ненормальны дѣйствующія у насъ узаконенія о печати. Въ самомъ дѣлѣ, воз-

можно ли было бы, при другомъ порядкѣ, наложеніе каръ на вполнѣ благонадежныя періодическія изданія и оставленіе ихъ въ силѣ въ продолженіе цѣлыхъ десятилѣтій? Возможно ли было бы оставлять газету подъ страхомъ пріостановки или прекращенія за то, что она, при совершенно другихъ условіяхъ, можетъ быть даже при другой редакціи (съ 1878 г. редакція „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей", напримѣръ, измѣнилась два раза), навлекла на себя, случайно, скоропреходящее неудовольствіе администраціи?.. Исторія взысканій, постигшихъ „Гражданинъ", „Новое Время", „С.-Петербургскія" и „Московскія Вѣдомости"— краснорѣчивѣйшій доводъ противъ системы предостереженій вообще и противъ непогашенія ихъ давностью въ особенности.

Другимъ, также оффиціальнымъ, напоминаніемъ о ненормальномъ положеніи нашей печати послужила, въ послѣднее время, рѣчь, произнесенная, при прощальномъ пріемѣ сослуживцевъ, бывшимъ могилевскимъ губернаторомъ (теперь директоромъ хозяйственнаго департамента министерства внутреннихъ дѣлъ) Н. А. Зиновьевымъ. „Я вижу здѣсь" — сказалъ онъ, обращаясь къ редактору „Могилевскихъ Губернскихъ Вѣдомостей",—„одного изъ сотрудниковъ моихъ, не принадлежащаго къ нашему министерству. Во всякомъ вообще дѣлѣ есть одно очень важное обстоятельство, которымъ никогда не слѣдуетъ пренебрегать. Это—гласность. Она полезна вездѣ. Возьмемъ, для примѣра, городское хозяйство: развѣ могло бы оно такъ прекрасно идти, еслибы дѣла городского управленія велись не гласно, въ кабинетѣ. Такъ точно и всякое дѣло. Вотъ почему я всегда старался дѣлать все гласно, и въ этомъ отношеніи мнѣ помогалъ голосъ „Губернскихъ Вѣдомостей". Можетъ быть, голосъ этотъ иногда ошибался, можетъ быть—заикался, но вѣдь, господа, и человѣкъ тоже не сразу начинаетъ говорить. Вообще, „Губернскія Вѣдомости" много помогали мнѣ въ моей дѣятельности, и я надѣюсь, что и въ будущемъ онѣ найдутъ себѣ поддержку и сохранятъ свое положеніе, принося такую же пользу губерніи, какъ при мнѣ". Если настолько полезенъ былъ органъ оффиціальный, зависимый, стѣсненный въ средствахъ, то легко себѣ представить, какую службу могла бы сослужить губернской администраціи—и, конечно, въ еще бо́льшей степени населенію губерніи — газета частная, самостоятельная, способная къ развитію, пользующаяся законно обезпеченной свободой. Достаточной гарантіей гласности оффиціальная газета, если въ данной мѣстности нѣтъ другого органа печати, не можетъ считаться уже потому, что существованіе ея *какъ газеты* (а не какъ сборника правительственныхъ распоряженій и справочныхъ свѣдѣній) слишкомъ непрочно, слишкомъ случайно. Еще недавно мы прочли въ „Сѣверномъ Краѣ" исторію „Вологодскихъ Губернскихъ Вѣдомостей", ожи-

вившихся благодаря усиліямъ губернатора—и моментально упавшихъ на прежній уровень, какъ только ихъ вдохновитель получилъ другое назначеніе. Для „Губернскихъ Вѣдомостей“ такая участь всегда возможна; онѣ всегда рискуютъ потерять не только „право смѣть свое сужденіе имѣть“, но даже внѣшній интересъ, обусловливаемый разнообразіемъ отдѣловъ. О гласности на мѣстахъ, значеніе которой для провинціи такъ вѣрно понялъ и такъ рѣшительно подчеркнулъ бывшій могилевскій губернаторъ, можно будетъ говорить серьезно только тогда, когда основаніе въ провинціальныхъ городахъ частныхъ органовъ печати перестанетъ встрѣчать затрудненія, сплошь и рядомъ непреодолимыя, и самое существованіе ихъ не будетъ зависѣть отъ усмотрѣнія администраціи.

Съ Поволжья сообщаютъ „Новому Времени“, что старообрядческій міръ чрезвычайно волнуетъ результатъ ходатайства, подъ которымъ подписались 49.753 старообрядца. Основная мысль ходатайства—сохраненіе за старообрядцами тѣхъ правъ, которыя имъ предоставилъ извѣстный законъ 1883 г. Законъ этотъ избавилъ старообрядцевъ отъ „преслѣдованій за мнѣніе ихъ о вѣрѣ“, разрѣшилъ „уставщикамъ, наставникамъ и другимъ лицамъ безпрепятственное исполненіе духовныхъ требъ“, въ своей средѣ дозволилъ имъ „творить общественную молитву, совершая богослуженіе какъ въ частныхъ домахъ, такъ и въ особо предназначенныхъ для сего зданіяхъ, открываемыхъ съ надлежащаго разрѣшенія“... „Упомянутымъ закономъ“—пишутъ въ своемъ ходатайствѣ старообрядцы — „намъ не предоставлено религіозныхъ правъ, какими открыто пользуются лица всѣхъ другихъ исповѣданій, а дарована лишь условная свобода, полная ограниченій, и тѣмъ не менѣе къ нему приноровлено нравственное существованіе не одного милліона русскаго старообрядческаго населенія, успѣвшаго свыкнуться и сжиться съ тѣмъ положеніемъ, какое ему отведено Высочайшей волей Царя-миротворца. Но въ дѣйствительности въ обыденной жизни мы далеко не пользуемся и этими предоставленными намъ скромными ограниченными правами. Смягченный закономъ 1883 г., предубѣжденный взглядъ на старообрядцевъ вновь и съ особенной настойчивостью сталъ проводиться въ послѣдніе годы и послужилъ причиною новыхъ стѣсненій старообрядцевъ. Молитвенныя зданія наши безъ достаточныхъ поводовъ отнимаются, запечатываются и закрываются, хотя бы зданія эти были разрѣшены министерствомъ; церковная утварь, священныя облаченія, святыя иконы, нами чтимыя, отбираются. Отъ духовныхъ нашихъ пастырей требуются подписки—отказаться отъ священнаго званія и совершенія службъ, закономъ 1883 г. дозволенныхъ.

Всякое доброе благотворительное дѣло, исходящее отъ чисто нравственныхъ побужденій, обыкновенно истолковывается превратно въ худую для насъ сторону". Трудно предположить, чтобы ходатайство, направленное *только* къ соблюденію закона, могло пройти безслѣдно... Какая участь постигала еще недавно нѣкоторыхъ отдѣльныхъ лицъ изъ среды старообрядцевъ—объ этомъ свидѣтельствуетъ корреспонденція изъ Нижняго-Новгорода, напечатанная въ № 666 „Россіи". „Въ Нижнемъ-Новгородѣ"—пишетъ корреспондентъ,—„вотъ уже три года проживаетъ бывшій священникъ церкви села Таможникова, нижегородскаго уѣзда, Петръ Золотницкій. Болѣе 30 лѣтъ тому назадъ онъ былъ отлученъ отъ церкви и сосланъ въ Суздальскій монастырь, *гдѣ пробылъ 31 годъ, живя въ одиночномъ заключеніи въ кельѣ и не выходя за ворота монастырской обители.* Тридцатилѣтнее пребываніе въ одиночномъ заключеніи (Золотницкій жилъ въ кельѣ, имѣвшей одно небольшое окно вверху, сквозь которое падалъ только слабый свѣтъ въ его убѣжище, но видѣть никого въ это окно Золотницкій не могъ) оставило глубокій слѣдъ на заключенномъ. Нервная система его потрясена, воля парализована, и онъ въ настоящее время влачитъ невеселые дни. Золотницкій окончилъ курсъ въ нижегородской духовной семинаріи. Священствовалъ онъ въ нижегородскомъ уѣздѣ болѣе 15 лѣтъ, много читалъ, писалъ сочиненія. Однажды онъ исчезъ изъ прихода. Долго его искали, но безуспѣшно, и только спустя нѣкоторое время нашли въ одномъ раскольничьемъ селѣ. Не скрываясь, онъ заявилъ, что по своимъ убѣжденіямъ вполнѣ сочувствуетъ раскольникамъ и, не желая вносить разладъ въ свою душу, рѣшилъ дѣйствовать открыто, какъ повелѣваютъ ученія св. отцовъ, и оставить священничество въ православной церкви. Надъ нимъ состоялся судъ и, какъ результатъ послѣдняго, явилось тридцатилѣтнее заключеніе въ монастырѣ". Такой кары законъ не назначаетъ даже за самыя тяжкія преступленія...

ИЗВѢЩЕНІЯ

I.—Отъ Общества попеченія о бѣдныхъ и больныхъ дѣтяхъ, состоящаго подъ Августѣйшимъ Покровительствомъ Ея Императорскаго Высочества Великой Княгини Елисаветы Маврикіевны.

Съ соизволенія Ея Императорскаго Высочества Великой Княгини Елисаветы Маврикіевны, Августѣйшей Покровительницы Общества попеченія о бѣдныхъ и больныхъ дѣтяхъ на изданіе, въ теченіе десяти лѣтъ, начиная съ 1900 года, Календаря „Синяго Креста", было приступлено къ изданію Календаря на 1901 годъ.

Доходъ съ этого изданія поступитъ, по примѣру 1900 г., въ условленной процентной долѣ, на усиленіе средствъ частію всего помянутаго Общества, а частію состоящей въ вѣдѣніи Коломенско-Адмиралтейскаго Отдѣла Дѣтской Столовой, учрежденной въ память чуднаго событія 17-го октября 1888 года, и въ семъ году (22-го апрѣля) заканчивающей первое десятилѣтіе своего существованія.

Самый Календарь „Синяго Креста" на 1901 годъ, съ картами, планами, портретами и рисунками, вышедшій въ концѣ 1900 года, является подробнымъ справочнымъ изданіемъ, необходимымъ для каждаго; цѣна 1 руб. 50 коп. за экземпляръ въ картонномъ переплетѣ (съ пересылкою по 2 р.).

Адресъ Редакціи Календаря „Синяго Креста": С.-Петербургъ, Сергіевская ул., д. № 41.

II.—О пожертвованіяхъ на памятникъ поэту И. С. Никитину.

21-го сентября 1899 года, г. Воронежъ праздновалъ 75-ти-лѣтнюю годовщину со дня рожденія воронежскаго гражданина и поэта И. С. Никитина. Между другими способами увѣковѣченія его памяти въ послѣдующихъ поколѣніяхъ, Воронежской Городской Думой было намѣчено также сооруженіе памятника поэту въ родномъ его городѣ, гдѣ онъ провелъ всю свою жизнь.

По ходатайству Воронежской Городской Думы, Государю Императору, въ 21-й день января 1900 года, было благоугодно Всемилостивѣйше разрѣшить повсемѣстный по всей Имперіи сборъ пожерт-

вованій на устройство памятника поэту И. С. Никитину въ г. Воронежѣ.

Воронежская Городская Управа, доводя объ этомъ до всеобщаго свѣдѣнія, обращается ко всѣмъ почитателямъ родной поэзіи съ просьбой препровождать свои пожертвованія для указанной цѣли въ г. Воронежъ, въ Воронежскую Городскую Управу.

ОПЕЧАТКА.

Въ мартовской книжкѣ журнала сего года, на 169 страницѣ, 26 строка снизу, вмѣсто: „необузданная"—слѣдуетъ читать: *необозримая*.

Издатель и отвѣтственный редакторъ: М. Стасюлевичъ.

СОДЕРЖАНІЕ

ВТОРОГО ТОМА

Мартъ.— Апрѣль. 1901.

Книга третья. — Мартъ.

	стр.
Два мѣсяца осады въ Пекинѣ.—Дневникъ.—Окончаніе.—П. С. ПОПОВА. . .	5
Еще о старости.—Стих. А. М. ЖЕМЧУЖНИКОВА.	38
Борьба за единство вѣры, въ IV-мъ вѣкѣ. — Церковь и государство въ борьбѣ съ ересью.—В. И. ГЕРЬЕ	39
Три дороги.—Романъ.—XXXII-XXXIX.—Н. П. ВАГНЕРА	75
Три нѣмецкія стихотворенія Прешерна.—I. Возлюбленная и я. — II. Въ обществѣ.—III. Играла ты.—Перев. Ѳ. В. КОРША	125
Поэзія Вл. С. Соловьева.—С. М. ЛУКЬЯНОВА	128
Изъ современныхъ итальянскихъ поэтовъ.—I. Джозуэ Кардуччи.—Перев. П. О. МОРОЗОВА.	162
Характеристика общественныхъ движеній въ Европѣ XIX-го вѣка.—VII-XVI.—Окончаніе.—ЕВГ. ТАРЛЕ.	167
На лазурномъ Леманѣ.—Разсказъ.—Н. СѢВЕРОВА	199
Кружокъ „Круглой Башни“. — 1877—1878 гг. — XII-XV. — Изъ воспоминаній В. Д. ХРУЩОВОЙ	249
Стихотвореніе.—По полямъ, лугамъ туманъ стелется.—В. П. МАРКОВА. . .	283
Новые срубы.—La charpente, par J. Rosny. — Романъ изъ современныхъ нравовъ.—Книга вторая: VIII-IX; книга третья: I-VI.—Окончаніе. — О. М.	285
Хроника. — Ликвидація промышленнаго оживленія. „Россія въ концѣ XIX-го вѣка“.—ВЛ. БИРЮКОВИЧА.	326
Внутреннее Обозрѣніе.—Покушеніе на жизнь министра народнаго просвѣщенія. —Правительственное сообщеніе о мѣстностяхъ, пострадавшихъ отъ неурожая.—Гласность уголовнаго процесса по проекту новаго устава уголовнаго судопроизводства. — Огражденіе общественнаго порядка и достоинства государственной власти, какъ мотивы къ закрытію дверей засѣданія.—Дискреціонная власть высшей судебной администраціи.—Оглашеніе процессовъ въ печати.—Ограниченія устности процесса.—Разныя мнѣнія о земскихъ начальникахъ.	350
По поводу государственной отчетности.—Замѣтка.—Л. БУХА	370
Иностранное Обозрѣніе.—Дипломатія и казни въ Пекинѣ. — Вопросъ объ ассоціаціяхъ во Франціи и парламентскія пренія о законопроектѣ Вальдека-Руссо.—Французскій клерикализмъ и демократія.—Смерть Милана и сербскія дѣла	378
Литературное Обозрѣніе.—Болгарія и болгары, Н. Овсянаго.—Боснія и Герцеговина, Ал. Харузина.—А. П.—Историческія монографіи, т. II, В. Бильбасова.—Т.—Сочиненія имп. Екатерины II, на основаніи подлинныхъ рукописей и съ объяснительными примѣчаніями академика А. Н. Пыпина, тт. I-IV.—Д.—Новыя книги и брошюры.	394
Новости Иностранной Литературы. — I. Le pays natal, par H. Bordeaux.— II. „Ellen von der Wieden“, v. G. Reuter.—III. La culture des idées, par R. de Gourmont.—З. В.	412
Изъ Общественной Хроники.—Сороковая годовщина освобожденія крестьянъ.— Наиболѣе яркіе признаки крестьянской обособленности.—Агрономическій съѣздъ въ Москвѣ. — „Банкротство либерализма“. — Извѣтъ въ печати на печать.—Вѣсти изъ мѣстностей, пострадавшихъ отъ неурожая. —В. А. Манассеинъ †.	430
Извѣщенія.—О пожертвованіяхъ на памятникъ поэту И. С. Никитину . . .	444
Библіографическій Листокъ.	
Объявленія.—I-IV; I-VIII стр.	

Книга четвертая. — Апрѣль.

стр.

Борьба за единство вѣры въ IV-мъ вѣкѣ.—Торжество принципа принужденія въ вѣрѣ.—В. И. ГЕРЬЕ 445
Семья Варавиныхъ.—Романъ.—I-V.—В. Я. СВѢТЛОВА 480
Дружба Жуковскаго съ Перовскимъ.—1820-1852 гг.—ИВ. ЗАХАРЬИНА. . . 524
Кружокъ „Круглой Башни". — 1877—78 гг. — Окончаніе. — Изъ воспоминаній В. Д. ХРУЩОВОЙ 553
Три дороги.—Романъ.—Часть вторая: I-XIV.—Н. П. ВАГНЕРА 603
Байронъ въ Венеціи.—1806-1819.—АЛЕКСѢЯ ВЕСЕЛОВСКАГО 645
Изъ современныхъ итальянскихъ поэтовъ. — II. Лоренцо Стеккетти.—III. Барбаро ди Санъ-Джорджіо. — IV. Марія-Алинда Боначчи-Брунамонти.—Перев. П. О. МОРОЗОВА 692
„Студенческій союзъ" въ Даніи.—П. ГАНЗЕНА. 696
Тайна смерти.—Стих. П. С. СОЛОВЬЕВОЙ 714
Рабыня.—Романъ.—The slave, by R. Hichens.—I-VI.—П. С. 715
Промышленные успѣхи Германіи.—I-IV.—В. В. 769
Влеченье къ высотѣ.—Стихотвореніе.—А. М. ЖЕМЧУЖНИКОВА. 780
Хроника.—Внутреннее Овозрѣніе.—Кончина Н. П. Боголѣпова. — Правительственныя сообщенія и распоряженія.—Московскій агрономическій съѣздъ; его отношеніе къ общественной самодѣятельности, къ административной регламентаціи и къ взаимодѣйствію губернскихъ и уѣздныхъ земскихъ учрежденій. — Московскій съѣздъ дѣятелей по народному образованію и проектъ наказа училищнымъ совѣтамъ.—Общій характеръ постановленій съѣзда и возбуждаемыя ими надежды. — Возможность введенія суда присяжныхъ въ Туркестанѣ 790
Изъ Пензенской губерніи.—Письмо въ Редакцію.—Кн. ДМ. ДРУЦКОГО-СОКОЛЬНИНСКАГО. 815
Иностранное Овозрѣніе.—Пререканія по поводу Китая.—Англійскія разсужденія о казняхъ и о русскомъ коварствѣ. — Дипломатическія ошибки и ихъ послѣдствія.—Манчжурскій вопросъ.—Англо-русскій споръ въ Тянь-Цзинѣ.—Несчастный случай съ имп. Вильгельмомъ II. 823
Литературное Овозрѣніе.—Путешествіе антіохійскаго патріарха Макарія въ Россію, въ половинѣ XVII вѣка. Перев. съ арабскаго Г. Муркоса.—А. П.—Чехи—апостолы варварства, д-ра І. Пекаря. — Значеніе драмы „Бургграфъ" для германизаціи средней Европы. — Сочиненія гр. П. И. Капниста, въ двухъ томахъ.—Т.—Русскія народныя картинки, собралъ и описалъ Д. Ровинскій.—А. П. — Новыя книги и брошюры 834
Новости Иностранной Литературы. — I. Poètes d'aujourdhui, par Ad. v. Bever et P. Léautaud.—II. Nachwuchs. Roman, v. Am. Skram.—З. В. . . . 859
Изъ Общественной Хроники.—Прожектерство реакціонной печати.—Нужна ли централизація высшаго образованія?—Нужны ли мѣры противъ переполненія университетовъ, и существуетъ ли такое переполненіе?—Смѣсь правды и неправды въ „Гражданинѣ".—Еще о московскомъ съѣздѣ дѣятелей по народному образованію.—Сложеніе предостереженій. — Значеніе провинціальной печати.—Ходатайство старообрядцевъ 871
Извѣщенія.—I. Отъ Общества попеченія о бѣдныхъ и больныхъ дѣтяхъ, состоящаго подъ Августѣйшимъ Покровительствомъ Ея Императорскаго Высочества Великой Княгини Елисаветы Маврикіевны.—II. О пожертвованіяхъ на памятникъ поэту И. С. Никитину. 885
Библіографическій Листокъ. — Левъ Бертенсонъ, Лечебныя воды, грязи и морскія купанья въ Россіи и за-границей. — Л. Е. Оболенскій, Истор[illegible] мысли.—П. Х. Шванебахъ, Денежное преобразованіе и народное хозя[illegible]ство.—Въ голодные годы, записки и статьи Л. Л. Толстого.—Стихотворенія А. М. Жемчужникова.—А. Мордтманъ, Сказочный островъ Цы пангу. Съ нѣм. Э. Гранстремъ.
Объявленія. — I-IV; I-XII стр.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ.

Бертенсонъ, Левъ.—Лечебныя воды, грязи и морскія купанья въ Россіи и за-границею. Путеводитель по лечебнымъ мѣстностямъ. Спб. 901. Стр. 777.

Настоящее изданіе, числомъ 4-е, является весьма значительно дополненнымъ: оно вдвое обширнѣе предыдущаго и включаетъ въ себѣ на 300 слишкомъ лечебныхъ мѣстъ болѣе. Главное преимущество новаго изданія составляютъ приложенныя къ нему таблицы минеральныхъ водъ, тщательно провѣренныя извѣстнымъ дрезденскимъ химикомъ Раене. Сами лечебныя воды раздѣлены на группы, а группы—на классы. Примѣненіе водъ, грязей и морскихъ купаній въ болѣзняхъ и практическія указанія для леченія водами и морскими купаньми составляютъ особую главу, а въ „Путеводителѣ по лечебнымъ мѣстностямъ", образующемъ вторую часть книги, кромѣ географическихъ и другихъ наиболѣе существенныхъ справочныхъ свѣдѣній, главное мѣсто занимаетъ климатологическія данныя, особенно важныя для врачей, которымъ эта книга послужитъ, безъ сомнѣнія, необходимою настольною книгою.

Л. К. Оболенскій. Исторія мысли. Опытъ критической исторіи философіи. Спб., 1901. Стр. IX+356 Ц. 1 р. 25 к.

Авторъ задался цѣлью изложить въ краткой и общедоступной формѣ научные результаты философской мысли отъ древности до нашихъ дней. „Исторію философіи и вообще философію—говоритъ онъ—считаютъ чѣмъ-то головоломнымъ, доступнымъ небольшой группѣ странныхъ полудудаковъ, витающихъ въ какихъ-то эмпиреяхъ"; происходитъ это оттого, что философы придумывали спеціальные термины или придавали общепринятымъ словамъ особое значеніе, понятное только для посвященныхъ. Устранить эти неудобства, по мнѣнію г. Оболенскаго, вполнѣ возможно и въ высшей степени желательно, и его книга есть опытъ такого рода популяризаціи. Нисколько не умаляя достоинствъ его труда, мы не можемъ не отмѣтить односторонности нѣкоторыхъ характеристикъ вслѣдствіе чрезмѣрной краткости изложенія; такъ, оцѣнка воззрѣній Вл. С. Соловьева дается на основаніи его диссертаціи 1880 г., причемъ упоминается объ идеалѣ „свободной теократіи", а затѣмъ говорится: „Впослѣдствіи Соловьевъ свелъ это свободное начало на конкретное явленіе папскаго католицизма, и его идеалъ, первоначально высокій и чистый, потерялъ свое этическое значеніе" (стр. 289). Полагаемъ, что это замѣчаніе несправедливо: оно опровергается многими изъ того, что писалъ Вл. Серг. „впослѣдствіи".

П. Х. Шванебахъ. Денежное преобразованіе и народное хозяйство. Спб., 1901. Стр. 286. Ц. 1 р. 50 к.

Въ обстоятельномъ и живо написанномъ изслѣдованіи г. Шванебаха проводится та справедливая мысль, что денежная реформа—задача „не столько технически-финансовая, сколько народно-хозяйственная, прочное и окончательное рѣшеніе которой тѣсно обусловлено успѣхами народнаго благосостоянія, равномѣрнымъ ростомъ общественнаго достатка". Вмѣстѣ съ крайнимъ напряженіемъ народныхъ средствъ для собранія и удержанія огромнаго золотого фонда, употреблялись искусственныя и не всегда цѣлесообразныя мѣры для возбужденія и оживленія крупной промышленности при помощи иностранныхъ капиталовъ, и въ то же время не видно было соотвѣтственныхъ заботъ о насущныхъ потребностяхъ и нуждахъ многомилліонной массы коренного русскаго крестьянскаго населенія. „Допустите только такое предположеніе, — замѣчаетъ авторъ, — что за истекшія двѣнадцать лѣтъ не совокупность, а лишь треть нашихъ бюджетныхъ переворотовъ была бы обращена на помощь русской деревнѣ, путемъ ли податныхъ сложеній, или въ видѣ расходовъ на удовлетвореніе матеріальныхъ и духовныхъ нуждъ крестьянства, — развѣ его положеніе было бы такимъ, какимъ оно оказывается нынѣ?" Между тѣмъ, „съ паденіемъ земледѣлія, крушеніе валюты неизбѣжно, — успѣхи же земледѣлія и подъемъ матеріальный и нравственный русскаго крестьянства послужатъ для валюты наиболѣе твердою опорою". Въ книгѣ собраны любопытные факты изъ новѣйшей исторіи нашей финансовой и экономической политики, особенно по отношенію къ учредительской горячкѣ бельгійскихъ или франко-бельгійскихъ капиталистовъ.

Въ голодные годы. Записки и статьи Л. Н. Толстого. Съ иллюстраціями. М. 900. Ц. 1 р.

Записки относятся, главнымъ образомъ, къ памятной эпохѣ голода 1891—92 годовъ, въ самарской губерніи, гдѣ это печальное явленіе повторялось и позже не разъ. Авторъ записокъ, очевидецъ всего происходившаго на мѣстѣ, не безъ основанія надѣется, что его записки, гдѣ излагается подробно дѣятельность частныхъ лицъ во время голода, могутъ послужить „справочною книгою" всѣмъ, кому придется и въ будущемъ посвятить свой трудъ и заботы на помощь бѣдствующему населенію; въ то же время, эти записки ставятъ внѣ всякаго сомнѣнія чрезвычайную важность въ подобномъ дѣлѣ частной дѣятельности, которая поэтому заслуживаетъ всякаго поощренія и поддержки.

Стихотворенія А. М. Жемчужникова, въ двухъ томахъ. Третье изданіе. Спб. 901. Ц. 3 р.

Новое изданіе стихотвореній ветерана нашей поэзіи продолжаетъ служить сборникомъ всего, появлявшагося въ печати, отъ начала пятидесятыхъ и до начала девятидесятыхъ годовъ только что законченнаго вѣка. Нельзя не пожелать, чтобы слѣдующее изданіе было дополнено этимъ послѣднимъ десятилѣтіемъ.

А. Мордтманъ. Сказочный островъ Цинангу. Съ нѣмецкаго Э. Грангремъ. Съ 4 раскрашенными рисунками по акварелямъ В. С. Крюкова, 9 автотипіями и 59 рисунками и виньетками Г. Брауне. Спб. 1901. Стр. 208. Ц. въ переплетѣ 2 р. 50 к.

Книга Мордтмана, изданная въ русскомъ переводѣ г. Грангремъ, представляетъ сборникъ очень занимательныхъ и поучительныхъ разсказовъ для дѣтей старшаго возраста. По изящному изложенію и по красотѣ рисунковъ, эта книга вполнѣ соотвѣтствуетъ установившейся репутаціи прежнихъ роскошныхъ изданій г. Грангрема.

ОБЪЯВЛЕНІЕ О ПОДПИСКѢ

въ 1901 г.

(Тридцать-шестой годъ)

„ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ“

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ ИСТОРІИ, ПОЛИТИКИ, ЛИТЕРАТУРЫ,

выходитъ въ первыхъ числахъ каждаго мѣсяца, 12 книгъ въ годъ, отъ 28 до 30 листовъ обыкновеннаго журнальнаго формата.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА.

	На годъ:	По полугодіямъ:		По четвертямъ года:			
		Января	Іюля	Января	Апрѣля	Іюля	Октября
Безъ доставки, въ Конторѣ журнала	15 р. 50 к.	7 р. 75 к.	7 р. 75 к.	3 р. 90 к.	3 р. 90 к.	3 р. 90 к.	3 р. 80 к.
Въ Петербургѣ, съ доставкою	16 „ — „	8 „ — „	8 „ — „	4 „ — „	4 „ — „	4 „ — „	4 „ — „
Въ Москвѣ и друг. городахъ, съ перес. .	17 „ — „	9 „ — „	8 „ — „	5 „ — „	4 „ — „	4 „ — „	4 „ — „
За границей, въ госуд. почтов. союза . . .	19 „ — „	10 „ — „	9 „ — „	5 „ — „	5 „ — „	5 „ — „	4 „ — „

Отдѣльная книга журнала, съ доставкою и пересылкою — 1 р. 50 к.

Примѣчаніе. — Вмѣсто разсрочки годовой подписки на журналъ, подписка по полугодіямъ: въ январѣ и іюлѣ, и по четвертямъ года: въ январѣ, апрѣлѣ, іюлѣ и октябрѣ, принимается — **безъ повышенія годовой цѣны подписки.**

Книжные магазины, при годовой и полугодовой подпискѣ, пользуются обычною уступкою.

ПОДПИСКА

принимается на годъ, полугодіе и четверть года:

ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ:

— въ Конторѣ журнала, В. О., 5 л., 28;
— въ отдѣленіяхъ Конторы: при книжныхъ магазинахъ К. Риккера, Невск. просп., 14; А. Ф. Цинзерлинга, Невскій пр., 20.

ВЪ МОСКВѢ:

— въ книжномъ магазинѣ Н. П. Карбасникова, на Моховой, и въ Конторѣ Н. Печковской, въ Петровскихъ линіяхъ.

ВЪ КІЕВѢ:

— въ книжн. магаз. Н. Я. Оглоблина, Крещатикъ, 33.

ВЪ ОДЕССѢ:

— въ книжн. магаз. „Образованіе“, Ришельевская, 12.

ВЪ ВАРШАВѢ:

— въ книжн. магаз. „С.-Петербургскій Книжн. Складъ“ Н. П. Карбасникова.

Примѣчаніе. — 1) *Почтовый адресъ* долженъ заключать въ себѣ имя, отчество, фамилію, съ точнымъ обозначеніемъ губерніи, уѣзда и мѣстожительства, и съ названіемъ ближайшаго къ нему почтоваго учрежденія, гдѣ (NB) *допускается* выдача журналовъ, если нѣтъ такого учрежденія въ самомъ мѣстожительствѣ подписчика. — 2) *Перемѣна адреса* должна быть сообщена Конторѣ журнала своевременно, съ указаніемъ прежняго адреса, при чемъ городскіе подписчики, переходя въ иногородные, доплачиваютъ 1 руб., а иногородніе, переходя въ городскіе — 40 коп. — 3) *Жалобы* на неисправность доставки доставляются исключительно въ Редакцію журнала, если подписка была сдѣлана въ вышеименованныхъ мѣстахъ и, согласно объявленію Почтоваго Департамента, *не позже* какъ во полученіи слѣдующей книги журнала. — 4) *Деньги* на полученіе журнала высылаются Конторою только тѣмъ изъ иногородныхъ или иностранныхъ подписчиковъ, которые приложатъ къ подписной суммѣ 14 коп. почтовыми марками.

Издатель и отвѣтственный редакторъ М. М. Стасюлевичъ.

РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ“: Спб., Галерная, 20.

ГЛАВНАЯ КОНТОРА ЖУРНАЛА: Вас. Остр., 5 л., 28.

ЭКСПЕДИЦІЯ ЖУРНАЛА:

DEC 12 '60 H

MAY 3 '61 H